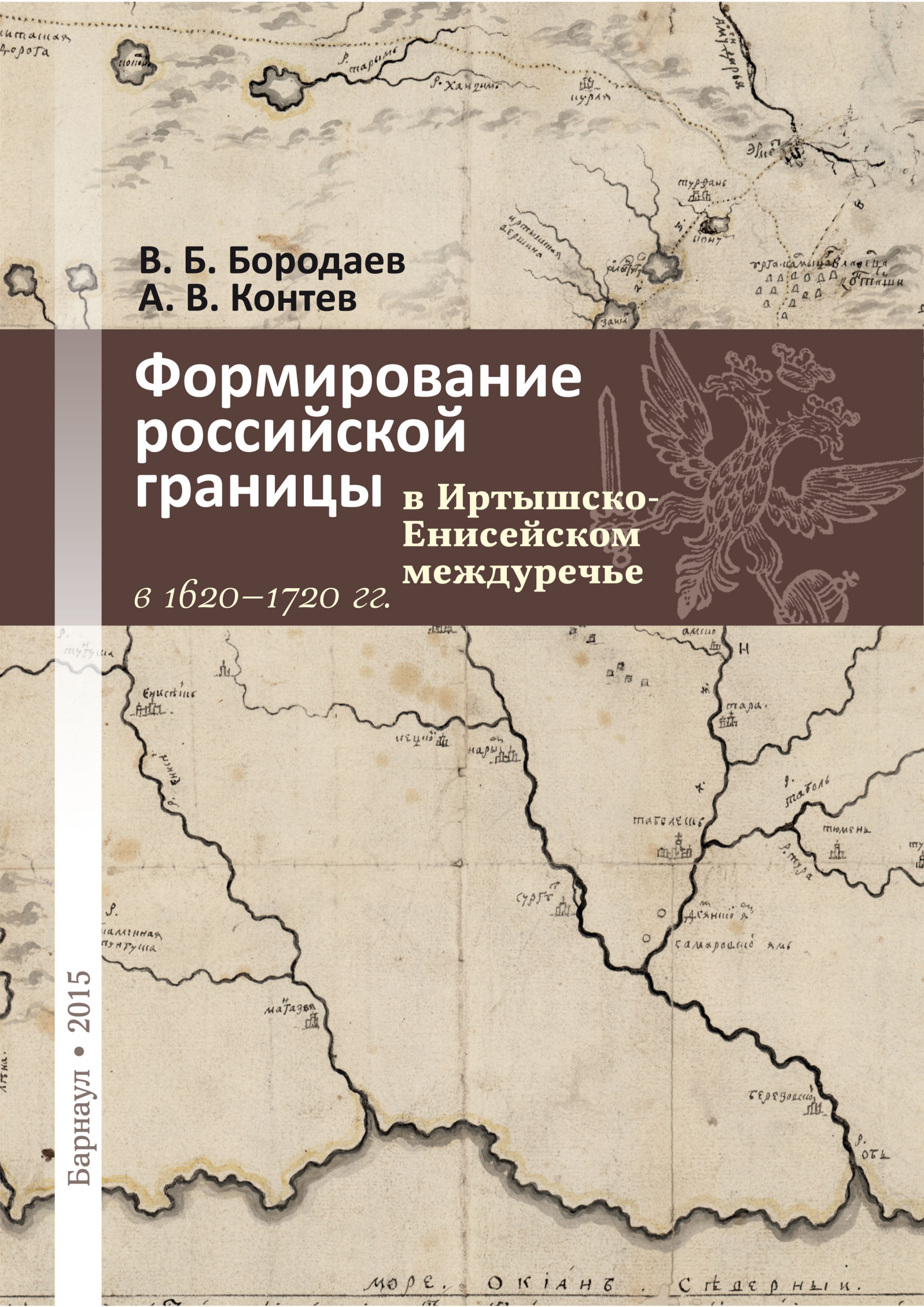


В. Б. Бородаев
А. В. Контев

Формирование российской границы

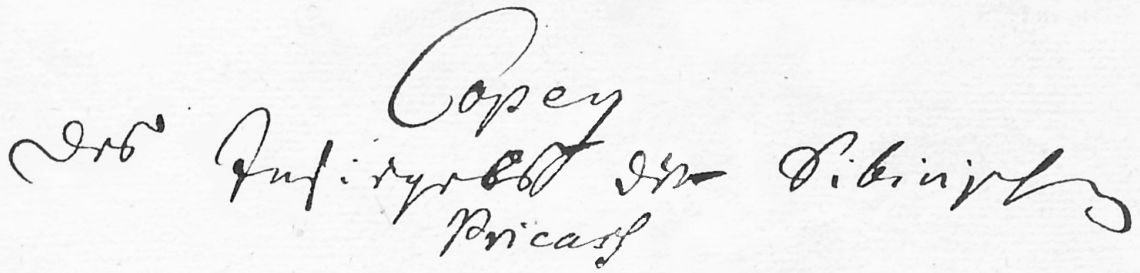
в Иртышско-Енисейском междуречье

в 1620–1720 гг.

Барнаул • 2015

Вѣдомости

ѡ военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанїа и памяти, случившихся



Разве сие кто может почитать за излишнее, что часто для таких обстоятельств, которые коротко предъявлены быть могут, целые грамоты или отписки для свидетельства внесены.

И в правду бы так было, ежели бы свидетельства, на которые я ссылаюсь, уже в других печатных книгах находились или бы списки с них у многих людей в руках были. Но я нахожусь первым, которой оные сообщает, и знающий читатель за то, что сообщаю полные, благодарить будет...

Кто к старинным архивным письмам и к штилю оных привыкнет, тот подлинно оные читать будет со удовольствием.

Герард Фридрих Миллер,
первый сибирский археограф

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal state-financed educational institution of highter education
"Altai State Pedagogical University"
Laboratory of Local History

V. B. Borodaev, A. V. Kontev

The Formation of Russian State Border in Irtysh-Yenisei Interfluve in 1620–1720

Documentary monograph

Barnaul
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
Лаборатория исторического краеведения

В. Б. Бородаев, А. В. Контев

Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.

Документальная монография

Барнаул
2015

УДК 94(470)+94(517.3)+94(574)
ББК 63.3(2)51+63.3(5Мон)4+63.3(5Каз)
Б833

Бородаев, В. Б.

Б833 Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. : документальная монография [Текст] / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. — 416 с. : ил. [16] с. цв. ил.

ISBN 978-5-88210-801-3

В книге на основе большого массива рукописных архивных источников исследуется процесс формирования государственной границы России на юге Западной Сибири, в междуречье Иртыша и Енисея. Подробно рассмотрен вопрос о географии расположения ясачных волостей и границах расселения податных народов в бассейне Среднего Иртыша и Верхней Оби. В книге представлена сложная картина разграничения сфер влияния двух соседних стран — России и Ойратского государства.

На основе новых архивных материалов в монографии детально реконструирована история иртышских походов 1714–1720 гг., которые привели к существенному изменению этнополитической ситуации на юге Западной Сибири. Издание богато иллюстрировано репродукциями карт конца XVII — первой четверти XVIII века, а также специально созданными историческими картами. В приложениях к главам приведены тексты 94 документов, большинство из которых публикуется впервые.

Borodaev, V. B.

The Formation of Russian State Border in Irtysh-Yenisei Interfluve in 1620–1720: documentary monograph [Text] / V. B. Borodaev, A. V. Kontev. — Barnaul : AltSPU, 2015. — 416 p. [16] p. col. ill.

This book is exploring on the basis of archival manuscripts the formation of Russia's state border in south-western Siberia and in Irtysh-Yenisei intrfluve. The geographic mapping of yasak townships and resettlement of tax-paying people in the middle basin of the Irtysh and Upper Ob are discussed here in detail. The book presents complicated distribution of influences between two neighboring states — Russia and Oyratia.

Large volume of new archival data is a valuable source for detailed reconstruction of Irtysh campaigns 1714–1720, which considerably changed ethno-poitical situation in south-western Siberia. This edition is richly illustrated with reproductions of maps of late XVII — the first quarter of XVIII, as well specially created historical maps. The chapters of the book are complemented by 94 rare documents, most of which are published for the first time.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-01-16070/15

This book is published with the support of the Russian Foundation of Humanities within the frames of project № 15-01-16070/15

ISBN 978-5-88210-801-3

© Бородаев В. Б., Контев А. В., 2015

Введение

Горная система Саяно-Алтая издревле являлась естественным рубежом, по которому проходило разграничение ареалов проживания различных народов, а затем формировались границы средневековых тюркских и монгольских государств. В конце XVI – начале XVII в. обширные территории Западной Сибири попали в зависимость от Русского государства. К концу второго десятилетия XVII в. российские служилые закрепились в верхнем течении реки Томь и подошли к северным отрогам Алтайских и Саянских гор. С 1620-х гг. администрация вновь созданного Кузнецкого уезда начинает активное включение в число российских подданных коренных тюркских народов, среди которых были и горцы Северного Алтая. Этим определяется нижняя хронологическая граница предлагаемого исследования.

По первоначальному замыслу территориальные рамки работы ограничивались бассейном Верхней Оби (от устья Томи до истоков Бии и Катуни) и Верхним Прииртышьем (от Ямышевского озера до истоков Иртыша). По мере накопления архивных материалов ареал исследования пришлось расширить от Среднего Прииртышья (г. Омск) до Среднего Енисея (г. Красноярск), поскольку процессы присоединения новых территорий на юго-востоке Западной Сибири были взаимосвязаны. Однако основное внимание в книге уделено событиям, происходившим в Верхнем Приобье и Прииртышье.

Изучением начального периода освоения Российским государством Алтая и сопредельных территорий авторы занимаются уже в течение двух десятилетий. В местном и центральных архивах с первой половины 1990-х гг. велись поиск и копирование документальных материалов по истории присоединения и колонизации Алтайского региона в первой половине XVIII в. Итоги проделанной работы отражены в книгах и статьях, посвящённых истории Колывани, Змеиногорска и Барнаула[1]. По этой же теме подготовлены и изданы подборки архивных материалов, историко-документальные очерки, составлена электронная база данных, характеризующая старейшую коллекцию алтайского госархива 1740-х гг.[2] С конца 1990-х гг. самостоятельным направлением исследований стала работа с картографическими материалами. В 1998 г. нами по гранту фонда института «Открытое общество» был создан сайт «Историческая картография Алтайского края» – уникальный для того времени региональный проект, получивший высокую оценку специалистов и пользователей.

В 2000-е гг. продолжался сбор материалов и оттачивалась методика работы с картографическими источниками. Наряду с изучением старинных чертежей авторы приступили к созданию собственных исторических карт, отражающих реалии прошлого на современной топографической основе. Итогом этого периода стала публикация крупных картографических исследований: «Исторического атласа Алтайского края» и исторического раздела в специальном издании «Барнаул: научно-справочный атлас»[3].

---

[1] Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков Колывани // Колывань: История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998. Барнаул, 1998. С. 5–86; Их же. Начало промышленного освоения Рудного Алтая А. Н. Демидовым в 1726 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур: Материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. Барнаул. 14 ноября 2003 г. Барнаул, 2003. С. 32–47; Их же. Возникновение российского сереброплавильного производства на Алтае и основание города Змеиногорска // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 1999. С. 73–127, 296–377, 398–400 (2-е изд. Барнаул, 2003. С. 75–130, 299–385, 407–410); Их же. Основание Змеиногорска: историко-архивное исследование // Змеиногорск в культурном пространстве Алтая: материалы краевой науч.-практ. конф. «Малые города России: история и перспективы Змеиногорска». Барнаул, 2002. С. 9–22; Их же. О присвоении Барнаулу статуса города в XVIII веке (по документам Сената 1797 года) // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. Барнаул, 1998. С. 226–253; Их же. У истоков истории Барнаула: учеб. пособие для ср. шк. Барнаул, 2000. 336 с.

[2] Архив «Комиссии А. В. Беэра» – старейшая коллекция Центра хранения архивного фонда Алтайского края [Электронный ресурс]: база данных / В. Б. Бородаев, А. В. Контев; web-программирование – А. А. Данькин. Электрон. дан. (391 запись, 18 файлов полнотекстовых документов). URL: http://www.altspu.ru/ArchiveBeyer/index.html.

[3] Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории

Начав с вопросов промышленной колонизации региона, авторы неизбежно вышли на проблемы приграничных взаимоотношений на юге Западной Сибири в XVII–XVIII вв. Специфика изучения данной темы заключается в том, что в местных архивах отсутствуют комплексы документов ранее середины 1740-х гг. Исследование, посвящённое процессам приграничного взаимодействия России с её южными соседями в Западной Сибири в XVII — первой трети XVIII в., неизбежно должно базироваться на материалах столичных архивов. Это обстоятельство, объективно затрудняющее работу региональных сибирских историков, усугубляется тем, что значительная часть основных архивных источников до сих пор остаётся неизданной. В результате сбор материалов затягивается на долгие годы, а проблема издания документов является столь же актуальной, как и проведение самих исторических исследований.

Из опубликованных в России подборок архивных документов авторы использовали следующие издания:

Законодательные акты, связанные с управлением Сибирью и организацией иртышских походов 1714–1720 гг., содержатся в «Полном собрании законов Российской империи»[4]. Подборки документов XVII в. опубликованы в изданиях Археографической комиссии и сборнике князя Григория Дмитриевича Хилкова (1838–1885)[5]. Изданные в XIX в. материалы переписки Петра I использованы для уточнения хронологии некоторых событий[6]. Отдельные документы, связанные с заявленной темой, воспроизведены в дореволюционных исторических сборниках[7] и различных тематических подборках[8].

Среди публикаций XIX столетия особую значимость имеет двухтомник «Памятники сибирской истории», подготовленный Археографической комиссией на основе собраний столичных архивов и изданный на средства А. И. Зоста[9]. Межгосударственные отношения, связанные с пограничными вопросами, затронуты в документах, собранных и обработанных Г. Н. Потаниным, Н. Н. Бантыш-Каменским, Н. И. Веселовским[10]. Некоторые уточняющие сведения были получены из региональных сибирских публикаций документов, предпринятых в XIX в.[11]

Среди изданий XX — начала XXI в. прежде всего следует назвать публикации документов, собранных в сибирских архивах Г. Ф. Миллером, а также издания его собственных полевых материалов, осуществлённые новосибирскими исследователями Н. С. Гурьяновой, А. Х. Элертом и Д. Я. Резуном в серии «История Сибири. Первоисточники»[12].

Во второй половине XX в. начали выходить в свет подготовленные советскими историками-архивистами сборники документов, освещающие международные отношения в Центральной Азии.

Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). Барнаул, 2006. 136 с. (2-е изд. Барнаул, 2007. 216 с.); Бородаев В. Б. История развития города // Барнаул: научно-справочный атлас. Новосибирск, 2006. С. 12–46. (2-е изд. Новосибирск, 2007).

[4] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1. (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 4: 1700–1712; Т. 5: 1713–1719; Т. 6: 1720–1722.

[5] Акты исторические, собранные Археографическою комиссиею. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841.; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 7. СПб., 1859; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

[6] Собрание писем императора Петра I к разным лицам и ответы на оные. Ч. 3: [Письма Петра I с 1716 г.]. СПб., 1830; Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861; Бумаги императора Петра I / сост. А. Бычков. СПб., 1873.

[7] Записки Фридриха Вебера о Петре Великом // Русский архив. М., 1872. № 6; Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1873; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 8. СПб., 1884; Сенатский архив. Т. 7. СПб., 1895.

[8] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. VI: Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. Приложения; Материалы для истории русского флота. Ч. 1 / под ред. С. И. Елагина. СПб., 1865; Свенске К. Материалы для истории составления атласа Российской империи, изданного императорскою Академиею наук в 1745 году. Собраны из архива императорской Академии наук Карлом Свенске // Записки императорской Академии наук. Т. 9, кн. 1. Прил. 2. СПб., 1866.

[9] Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882; Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885.

[10] Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. 4. Октябрь-декабрь. М., 1866; Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882; Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1887. (Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии; т. 3, вып. 2).

[11] С бытности губернаторской коменданты и Томскаго уезду в острогах и слободах приказчики кто были, и в которых годех, и по каким указам: издал И. П. Кузнецов-Красноярский. Томск, 1891; Сибирский летописец: летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденная в Тобольске / с предисл. Е. В. Кузнецова. Тобольск, 1892. (Переиздано: Кузнецов Е. В. Сибирский летописец: сб. ст. / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1999).

[12] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937 (Изд. 2-е, доп. М., 1999); Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941 (Изд. 2-е, доп. М., 2000); Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Т. 1–2. Новосибирск, 1993–1995. (История Сибири. Первоисточники, вып. 1, 5); Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подгот. и пер. с нем. А. Х. Элерта. Новосибирск, 1996. (Серия: История Сибири. Первоисточники, вып. 6)

Некоторые из них сгруппированы в серии[13], другие выпущены отдельными томами[14]. К этим академическим изданиям тематически примыкает последняя книга, подготовленная известным российским востоковедом Владимиром Анисимовичем Моисеевым (1948–2007)[15].

В постсоветское время в Республике Казахстан активно ведётся публикация документов по истории казахского народа. Материалы из некоторых таких изданий привлечены в нашем исследовании[16].

Из подборок архивных документов по региональной истории интересующего нас периода были использованы сборники, созданные омскими, алтайскими, хакасскими, иркутскими, новосибирскими и красноярскими историками[17].

В последние годы можно констатировать некоторый спад интереса специалистов к составлению сборников архивных документов и изданию неопубликованных ранее материалов по сибирской истории XVII–XVIII вв. Среди публикаций 2010-х гг. следует назвать книги, подготовленные новосибирскими, барнаульскими и павлодарскими энтузиастами[18].

Одной из научных целей предлагаемой вашему вниманию монографии является знакомство заинтересованных исследователей со значительным массивом новых, ранее не публиковавшихся архивных источников. Всего в монографии опубликовано около ста пятидесяти текстовых и графических документов, полный список которых приведён в конце книги. Именно поэтому авторы посчитали себя вправе дать книге подзаголовок «Документальная монография».

При использовании опубликованных материалов авторы стремились выявить современные архивные реквизиты каждого документа и по возможности познакомиться с рукописным текстом изданного источника, сверив его с публикацией. Такая методика работы весьма сложна для региональных исследователей, однако она позволяет строго придерживаться текста первоисточника и избегать тиражирования археографических ошибок предшественников.

Описанный алгоритм работы с ранее опубликованными документами нашёл отражение в научно-справочном аппарате монографии. Во-первых, ссылки на документы не ограничиваются сообщением о месте их публикации — в каждой ссылке на использованный источник обязательно указываются его архивные реквизиты. Если выяснялось, что в предшествующих издани-

---

[13] Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. / сост.: Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1959. (Материалы по истории русско-монгольских отношений); Русско-монгольские отношения. 1654–1685: сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук. М., 1996; Русско-монгольские отношения. 1685–1691: сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук. М., 2000; Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и док. Т. 1: 1608–1683 / сост. и обраб. текста Н. Ф. Демидовой, В. С. Мясникова. М., 1969; Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и док. Т. 1: 1700–1725 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М., 1978; Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и док. Т. 2: 1725–1727. М., 1990; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 3: 1727–1729. М., 2006.

[14] Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках: сб. док. и материалов. Алма-Ата, 1961; Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад, 1963; Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: док и материалы. Кн. 1. М., 1989.

[15] Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.): док. и извлечения / сост.: В. А Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул, 2006.

[16] Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994; История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 2: Русские летописи и официальные материалы XVI — первой трети XVIII в. о народах Казахстана / сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2005.

[17] Из истории Омска (1716–1917 гг.): очерки, документы, материалы / сост.: Е. Н. Евсеев, М. А. Плетнева, О. К. Сосненко. Омск, 1967; История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века / сост. Ю. С. Булыгин [и др.]. Барнаул, 1991; Хрестоматия по истории Алтая: с древнейших времен до 1917 года / сост. Ю. С. Булыгин [и др.]. Барнаул, 2003; Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования / сост. О. Н. Дударева [и др.]. Барнаул, 2009; Бутанаев В. Я. Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. Абакан, 1995; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. Приложения; Летопись города Иркутска XVIII–XIX вв. / сост. Н. В. Куликаускене. Иркутск, 1996; Первое столетие сибирских городов. XVII век / сост. Н. Д. Зольникова [и др.]. Новосибирск, 1996. (История Сибири. Первоисточники, вып. 7); История Красноярска: док. и материалы. XVII — первая половина XIX в. 2-е изд., доп. и перераб. / сост. Г. Ф. Быконя. Красноярск, 2000.

Интересная и полезная серия «Кузнецкие акты XVII — первой половины XVIII в.», выпускаемая кемеровским историком Виктором Николаевичем Добжанским (вып. 1–4. Кемерово, 2000–2011), нами не использовалась, поскольку все собранные в ней документы ранее публиковались в перечисленных выше изданиях.

[18] Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. / сост. В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб., 2010; История Казахстана и России в документах: Прииртышье и Приобье в XVIII — начале XX века / сост. Т. К. Щеглова [и др.]. Барнаул; Павлодар, 2013; Русско-джунгарские пограничные споры 1640–1710-х гг. / сост. Д. А. Ананьев // Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX в.: сб. док. Новосибирск, 2010. С. 12–51. Любопытно, что около половины объёма документов, изданных в двух последних сборниках, уже были опубликованы ранее. Подобная тенденция к переизданию известных источников вместо ввода в научный оборот новых, ранее не изданных материалов, становится характерной для современной сибирской исторической науки.

ях приведены неверные реквизиты, мы пытались понять причины ошибки и установить подлинный архивный шифр. В тех редких случаях, когда это не удавалось, в сноске специально оговаривается, что приведённые составителями публикаций реквизиты документов неверны.

Во-вторых, если нам удавалось познакомиться с рукописным архивным текстом, то в монографии цитаты приводятся уже не по предшествующим публикациям, а по первоисточнику. В таких случаях в ссылке вслед за архивными реквизитами документа ставилось сокращение «Опубл.:», после чего указывались сборники, в которых он был ранее опубликован. О выявлявшихся при этом незначительных текстуальных разночтениях не сообщается; оговариваются только существенные смысловые различия.

В-третьих, если мы не смогли проверить опубликованный текст, в сноске после архивных реквизитов ставилось сокращение «Цит. по:» и давалось библиографическое описание соответствующего издания.

Основу предлагаемого читателям исследования составили ранее не публиковавшиеся рукописные материалы XVII — первой трети XVIII в., хранящиеся в столичных архивах. Наибольшее количество документов, использованных в книге, выявлено в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва). Дела XVII в. в основном сосредоточены в фонде Сибирского приказа (ф. 214, оп. 1, 3, 5). Материалы, связанные с организацией военных экспедиций к верховьям Иртыша, отложились в фонде Сената (ф. 248, оп. 4, 7). Ценные сведения об этих походах рассеяны в письмах, хранящихся в фонде Кабинета Петра Великого (ф. 9, оп. 2–4). Переписка местной уездной администрации начала XVIII в., связанная с крепостным строительством в Верхнем Приобье, находится в первых делах фонда Кузнецкой комендантской канцелярии (ф. 1134). Для изучения российско-ойратских отношений важное значение имеют материалы фонда «Зюнгорские дела» (ф. 113), хотя собранные в нём документы в значительной степени являются «экстрактами», составленными в 1730-е гг. (ф. 113, оп. 1, 1595–1736 гг., д. 1). Ценная информация о приграничных взаимоотношениях и истории крепостного строительства содержится в «Портфелях Г. Ф. Миллера» (ф. 199).

Другая часть бумаг Г. Ф. Миллера хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПФ АРАН, г. Санкт-Петербург) в личном фонде учёного (ф. 21). Именно там находятся «копийные книги» с текстами документов из сибирских архивов, скопированных во время путешествия историка в 1733–1743 гг.

Отдельные сюжеты потребовали документальных уточнений, которые были получены из дел Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) и Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ, г. Санкт-Петербург), Государственного архива Тюменской области (ГАТюмО, г. Тюмень), Государственного архива Алтайского края (ГААК, г. Барнаул) и Государственного архива Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (ГАВКО, г. Усть-Каменогорск).

Заявленная тема предполагала максимальное использование картографических материалов изучаемого периода. При подготовке книги проведена специальная работа по изучению картографических фондов и поиску рукописных карт первой четверти XVIII в. В результате было выявлено несколько ранее не известных исследователям чертежей петровского времени, в том числе материалы 1719 г., связанные с началом геодезических съёмок в Западной Сибири.

Наибольшее количество графических источников удалось обнаружить в РГАДА в фондах 9 (Кабинет Петра Великого) и 192 (картографический отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел), а также в собрании карт Сената (ф. 248, оп. 160). Вторым по значимости для нашего исследования хранилищем картографических материалов стал отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (БРАН, г. Санкт-Петербург), где, как и в РГАДА, отложились подлинные рукописные карты первых западносибирских геодезистов петровского времени. Планы иртышских крепостей, приведённые в монографии, скопированы с оригиналов из СПФ АРАН (ф. 21), отдела рукописей БРАН и из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва). Наконец, следует упомянуть три уникальные карты 1717–1736 гг. с изображением государственных и уездных границ, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО, г. Екатеринбург) и ГААК. Две из них публикуются в нашей монографии.

При публикации старинных рукописных карт авторы придерживались избранного ими правила: качество изображения должно позволять прочитать любую надпись на чертеже. Такие фрагменты карт и планов воспроизведены в виде чёрно-белых иллюстраций. Для того, чтобы дать общее представление о внешнем виде карт, некоторые из них показаны на цветной вкладке целиком. Список включённых в книгу иллюстративных материалов приведён в приложениях, где для каждого архивного чертежа указано место хранения.

Отличительной особенностью предлагаемой читателям монографии является издание значительного массива архивных источников. Тексто-

вые документы сгруппированы в конце каждой главы в хронологическом порядке.

Другой характерной особенностью книги мы считаем публикацию серии исторических карт, составленных самими авторами специально для этого издания. Созданные на современной топографической основе, такие карты позволяют читателям получить пространственно-географическое представление об исторических событиях, которые описаны в книге.

При изложении событийной канвы авторы стремились строго придерживаться хронологического принципа, что нашло отражение в структуре монографии. В результате к отдельным сюжетам, длившимся значительное время, пришлось последовательно возвращаться в нескольких главах. Подобная дробность несколько осложняет восприятие материала, однако позволяет сохранить при изложении фактов прошлого исторический контекст, что, на наш взгляд, чрезвычайно важно для понимания сути событий и их подлинной мотивации.

Присоединение и российская колонизация Верхнего Приобья и Прииртышья представляли собой сложный процесс, разные грани которого ставят перед современными исследователями немало научных проблем. Одной из них является вопрос о географии расположения ясачных волостей и границах расселения податных народов в бассейне Верхней Оби. Двоеданническая специфика горцев Саяно-Алтая, проживавших на пограничных территориях, затрудняет пространственную локализацию сферы влияния сибирской администрации в этом регионе и делает невозможной реконструкцию границы в виде линии на карте. В книге сделана попытка показать более сложную картину разграничения сфер влияния двух соседних стран — России и Ойратского государства.

Государство западных монголов-ойратов в российской исторической литературе середины XVIII — начала XX в. называлось то Дзонгарским[19] или Дзюнгарским[20] (Зенгорией, Зюнгарией[21]), то на китайский манер Чжуньгарией[22] или Джунгарией[23]. Фактически все эти названия являются вариантами написания одного и того же термина, возникшего от монгольского словосочетания «зүүн-гар», что означает «левая (восточная) рука»[24].

Военный термин «зүүн-гар» стал названием части западных монголов и постепенно превратился в этноним группы ойратов во главе со знаменитым родом Чорос. По мнению известных калмыцких историков Геннадия Очировича Авляева (1938–2006) и Владимира Петровича Санчирова, «в рамках ойратской общности в XVI в. сложились окончательно 4 этнотерриториальные объединения — торгоуты во главе с тайшей Хо-Урлюком, хошоутами управлял Байбагас-нойон, зюнгарами — тайша Хара-Хула из рода «чорос», дербетами — Далай-тайша. Помимо названных объединений, в состав ойратов входило большое число средних и мелких „племен“ — хойты, мингаты, байты, захчины, олёты, батуты, находившиеся в зависимости или в подчинении крупных тайш»[25].

Как сообщал неизвестный ойратский историк второй половины XVIII столетия, этноним «зюнгары» стал общеупотребительным после битвы около озера Кукунор в 1637 г., когда союз ойратских племён смог разгромить превосходящее по численности войско противника и распространить свою власть на Тибет. Построение войск перед сражением автор описывал следующим образом: в центре находились хошуты; на левом фланге сражалось войско элётов, которое назвали «зюнгарын цэрэг», то есть войском левого крыла, на правом фланге стояли торгутские воины, а в арьергарде находились дэрбэты и хойты. С этого времени, утверждал анонимный историк, за элётами закрепилось название «зюнгар»[26].

---

[19] Миллер Г. Ф. Родословие владеющего по ту сторону Алтайских гор калмыцкого рода, джонгарским именуемаго // Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. Приложения. С. 301; Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской академии наук. VI серия. [Пг., 1921]. Т. 13, вып. 12–15 (1919). С. 1072, прим. 3 (приведён заголовок неопубликованной рукописи Миллера); Фишер И. Сибирская история. СПб., 1774. С. 434.

[20] Липовцов С. В. О возмущениях, бывших в Дзюнгарии и Малой Бухарии // Сибирский вестник. СПб., 1823. Ч. 3, кн. 18. С. 101–122.

[21] О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. Сочинение китайского князя Цишия / пер. с кит. С. В. Липовцова // Сибирский вестник. СПб., 1820. Ч. 12, кн. 10. С. 167–188; Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1887. (Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии; т. 3, вып. 2).

[22] Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 152.

[23] Потанин Г. Н. Наши сношения с Джунгарскими владельцами // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 2, вып. 1. С. 1–64.

[24] Кручкин Ю. Большой современный русско-монгольский — монгольско-русский словарь. М., 2006. С. 654, 714.

[25] Авляев Г. О., Санчиров В. П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии (к проблеме этногенеза калмыков) [Электронный ресурс] // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. URL: http://hamagmongol.narod.ru/library/avlyaev_1984_r.htm (25.08.2014).

[26] Ойрад Монголын холбогдох сурвалж бичгүүд — II. [Источники по истории ойрат-монголов. Вып. 2]. Улаанбаатар, 2001. Х. 130. Цит. по: Санчиров В. П. На пути к

Надо полагать, что здесь представлено легендарное объяснение происхождения этнонима «зюнгар», поскольку, как указывалось выше, этнополитическое объединение с таким названием существовало уже в XVI в. В китайской огласовке оно звучало как «чжунгар».

Однако следует подчеркнуть, что в русских документах XVII — первой четверти XVIII в. термин «зюнгары» не встречается. Тем более нет его в китайской огласовке «чжунгары» или «джунгары». Материалы российских архивов позволяют утверждать, что в указанный период ни в язык русских сибиряков, ни в лексику российской дипломатии такие названия ещё не проникли. Это произошло несколько позднее — о «зенгорских калмыках» в России начнут писать в 1730-х гг.[27], а китаизированные варианты станут использовать лишь в XIX столетии, спустя полвека после поглощения Ойратского государства Китаем. Именно поэтому мы в своей книге стремились не употреблять выражения «зюнгары», «Зюнгарское государство», «Джунгария», предпочитая им самоназвание западных монголов — «ойраты» и производные от него термины. Такая терминология представляется нам исторически более приемлемой, хотя при этом авторы должны отметить, что в русских письменных источниках слово «ойрат» тоже не встречается. Для обозначения западных монголов и занимаемых ими территорий в XVII — первой четверти XVIII в. использовались названия «калмыки», «чёрные калмыки», «контайшино владение», «контайшины люди» и т. п.

Почти сто лет тому назад знаменитый востоковед Владислав Людвигович Котвич (1872–1944) указывал: «Для обозначения западных монголов в русской и иностранной литературе употребляются чаще всего 3 термина: *ойраты* — из монгольских источников, *калмыки* — из мусульманских, которым следуют и старые русские источники, в том числе архивные документы, и *элюты* (ölöты, Eleuths) — из китайских». Исследователь специально пояснял, что использование для западных монголов термина «калмыки» неудобно, поскольку теперь этим именем обозначается «та группа ойратов, которая проживает по рр. Волге, Дону и Уралу и усвоила себе это наименование, забыв старое имя ойраты»[28]. Вслед за В. Л. Котвичем мы в авторском тексте в тех случаях, когда речь шла о западных монголах, предпочитали заменять документальный термин «калмыки» на «ойраты».

Государство, с которым граничила Россия на юге Западной Сибири в XVII — середине XVIII в., в советской исторической науке с 1950-х гг. стали называть «Джунгарским ханством»[29]. Такое определение государственного устройства изначально было искусственным, поскольку, за исключением Галдана Бошокту-хана (1644–1696), правители западных монголов не были ханами[30], а имели более низкий титул «хунтайджи», который в русских документах передавался словом «контайша». «Поэтому, — писала японская исследовательница Джунко Мияваки-Окада, — скорее всего, следует говорить о Джунгарском *контайшестве*, а не о Джунгарском *ханстве*»[31]. Предложенная терминология постепенно проникает в отечественную научную литературу[32].

В процессе взаимоотношений России и Ойратского государства неопределённость их совместной границы неизбежно приводила к разногласиям по вопросу о подданных и принадлежности районов их проживания. Территориальные

Волге: ойратские этнополитические объединения в 20–30-х гг. XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2008. № 1. С. 17–18.

[27] Впервые термин «зенгорские калмыки» встречается в тексте проекта И. К. Кирилова, утверждённого императрицей 1 мая 1734 г. Кирилов использовал это словосочетание для отличия ойратов, подчинённых хунтайджи, от калмыков, «кои по Эмбе и Яику рекам кочуют» (ПСЗ РИ-1. Т. 9. № 6571, с. 309–311). В 1740-е гг. термин становится общеупотребимым в русских документах. В. Н. Татищев включил этноним «зюнгор» в свой «Лексикон российский», составленный им в 1744–1746 гг. (Зюнгор // Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 3. С. 60–62). В словаре Л. М. Максимовича отражены оба варианта наименования — «зенгорские калмыки» и «зюнгорские калмыки» (Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российскаго государства, или Лексикон. Ч. 2: З–К. М., 1788. С. 54, 63).

[28] Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской академии наук. VI серия. [Пг., 1921]. Т. 13, вып. 12–15 (1919). С. 791.

[29] Карта мира на рубеже XVII и XVIII вв. / сост. Б. Г. Галкович, А. П. Левандовский // Всемирная история. В 10 т. Т. 5. М., 1958. Карта-вклейка между с. 8–9; Златкин И. Я. Введение // Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. С. 10; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.

[30] Галдан получил титул хана в 1678 г. После него следующим ойратским правителем, носившим такой титул, был калмыцкий хан Аюка (1640–1724), получивший его от тибетского далай-ламы в 1690 г. (Мияваки-Окада Дж. Джунгарское ханство, которое не было ханством // Altaica: сб. ст. и материалов. М., 1999. Вып. 3. С. 60, 70; Лыткин Ю. С. Аюки — хан калмыцкий // Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста; М., 2003. С. 446).

[31] Мияваки-Окада Дж. Джунгарское ханство, которое не было ханством... С. 59.

[32] Например, новосибирский историк Леонид Александрович Бобров использует в своих работах термин «Джунгарское хунтайджийство» (Бобров Л. А. К вопросу о российских военных поставках в Джунгарию с территории Кузнецкого уезда в первой половине XVII в. // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири: материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ проф. А. П. Уманского. Барнаул, 2013. С. 203).

споры серьёзно обострились в первой четверти XVIII в., когда сибирская администрация во главе с М. П. Гагариным начала активные действия по строительству российских крепостей на землях, которые ойраты считали своими. Следствием этого стала активизация российско-ойратских дипломатических контактов во втором десятилетии XVIII в. В книге значительное внимание уделено посольским связям двух государств в 1713–1721 гг.

Взаимоотношения России с её южным соседом в Западной Сибири рассмотрены в контексте изменений внешнеполитической обстановки в Центральной Азии. Решения, принимаемые в Урге, во многом были обусловлены состоянием ойратско-китайских отношений, событиями в Тибете и Восточном Туркестане, ходом противоборства с казахами. России тоже приходилось учитывать позиции стран, граничащих с владениями хунтайджи.

Изучение одобренного царём в начале 1716 г. геополитического плана первого сибирского губернатора М. П. Гагарина потребовало привлечения материалов о формировании государственной границы в Прибайкалье. В частности, в книге обобщены отрывочные сведения об одном из наименее изученных укреплений на этом участке границы – Косогольском остроге на озере Хубсугул.

Наиболее подробно в монографии реконструирована история иртышских походов 1714–1720 гг., которые привели к существенному изменению этнополитической ситуации на юге Западной Сибири. На основе большого массива разнообразных источников впервые показано, что походы за «песошным золотом» в разные периоды были связаны с реализацией разных стратегических планов российского государя. Направление движения И. Д. Бухолца в 1714–1716 гг., П. С. Ступина в 1717–1718 гг. и И. М. Лихарева в 1719–1720 гг. было схожим, но конечные цели их военного продвижения по Иртышу существенно различались. Изучение процессов изменения российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье позволило авторам осветить проблему соотношения декларативно заявлявшихся границ и реальных рубежей государства.

* * *

Авторы выражают искреннюю признательность за помощь в подготовке книги:

– сотрудникам Российского государственного архива древних актов – специалисту группы копирования Наталье Алексеевне Матвеевой (Гефке), руководителю группы копирования Андрею Геннадьевичу Тюльпину, начальнику отдела обеспечения сохранности документов Алле Петровне Прозоровой и специалисту отдела обеспечения сохранности документов Наталье Анатольевне Клюйковой;

– сотрудникам отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук Алексею Геннадьевичу Сергееву и Вере Григорьевне Подковыровой;

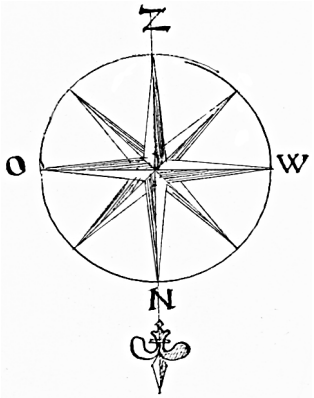
– нашим коллегам, архивистам Государственного архива Алтайского края Ольге Николаевне Дударевой, Елене Дмитриевне Егоровой, Любови Ивановне Ермаковой;

– руководству Государственного архива Свердловской области в лице директора Вячеслава Валентиновича Воронкова и заместителя директора по научно-методической работе Александра Георгиевича Сапожникова.

Также благодарим за помощь в сборе материалов научного сотрудника Института истории Сибирского отделения Российской академии наук Ивана Ростиславовича Соколовского, научного сотрудника Алтайского государственного университета Ярослава Владимировича Фролова, барнаульского краеведа Александра Сергеевича Шаля.

Некоторые иллюстрации, использованные в книге, были получены в дар от Дмитрия Яковлевича Резуна, возглавлявшего в начале нашего столетия сектор истории конца XVI – первой половины XIX в. Института истории СО РАН.

Особые слова признательности мы адресуем востоковеду Владимиру Сергеевичу Бойко за постоянную дружескую поддержку во время нашей семилетней работы над рукописью этой книги.



Глава 1

Появление русской администрации в бассейне Среднего Иртыша и Верхней Оби (конец XVI — начало XVII века)

Тюрки и монголы познакомились с верхним течением рек Иртыша и Оби значительно раньше русских. Заселение этой территории тюркскими народами относится к VI–VIII вв. н. э. — времени существования первых средневековых государств древних тюрок. В течение последующего тысячелетия отношения между обитавшими там племенами и народами регулировались правом сильного. Военное превосходство позволяло усилившимся племенам превращать соседние народы в так называемых киштымов, обязанных платить дань. По мнению Л. П. Потапова, название «киштым» происходит от слова *kis* — соболь и означает «мой собольщик», то есть человек, с которого собиралась натуральная подать соболиными шкурками[1].

В. Я. Бутанаев вслед за Л. П. Потаповым предполагает, что «имя киштым первоначально было связано с этнонимом одного из завоёванных кыргызами народов». Он связывает с киштымами упомянутый в китайских хрониках VIII в. народ кэшидянь, который, по-видимому, обитал где-то в районе Северного Алтая и ежегодно отдавал в качестве оброка шкуры соболей, выдр, белок и горностаев. Во времена Кыргызского каганата, после 840 г., сведения о киштымах (кешдем) появляются в памятниках рунической письменности Тувы и Алтая. В Кыргызском государстве народ захваченной территории становился киштымом[2].

В компилятивном географическом труде писавшего по-арабски неизвестного персидского автора «Худуд ал-Алам» («Книга о пределах мира»), созданном в 980-е гг., в числе других северных стран рассказано про область кыргызов и обитавший к западу от них народ кесим. «Кесим — название другого народа, также из хырхызов, [они] поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое»[3]. Уже В. Ф. Минорский предполагал возможное восстановление написанного по-арабски этнонима как Kishtim и считал, что этот народ позднее был покорён Чингисханом одновременно с кыргызами[4].

С XIII в., после завоевания Саяно-Алтая монголами, сами енисейские кыргызы стали подданными потомков Чингисхана. Служба своему господину обозначалась монгольским словом *алба(н)* — «повинность». Албан представлял собой комплекс натуральных налогов и обязательных служб. В более узком значении этим словом называлась подать, собираемая монголами с зависимого населения[5]. Среди тюркских народов Западной Сибири в этом же смысле постепенно стал использоваться термин *ясак*.

Джасак, *Ясак* или *Яса* (от монгол. «засаг» — власть, закон) — тюркское название монгольского обычного права, кодификация которого приписывается Чингисхану[6]. Утверждение этого кодекса законов и распоряжений Рашид-ад-Дин, автор «Сборника летописей», написанного в первом десятилетии XIV в., связывал с курултаем 1206 г. Со-

---

[1] Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. С. 16, прим. 2. (Труды института востоковедения; XV); Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952. С. 51, прим. 2.

[2] Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 169–170; Бутанаев В. Я. К истории института киштымства у енисейских кыргызов // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 21–25.

[3] Худуд ал-'Алам / пер. З. Н. Ворожейкиной // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. 1973. Вып. 1. С. 42.

[4] Hudud-al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. / Translated and explained by V. Minorsky, with the preface by V. V. Barthold (1930) translated from the russian. London, 1937. (GMS, NS, XI). P. 97 (§ 14, пункт 3), 286 (комментарий к § 14). Перевод книги Минорского на русский язык, выполненный в 2005 г. И. Стариковым, опубликован: Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Hudud/text14.htm. См. также: http://odnapl1yazyk.narod.ru/kirgiz.htm.

[5] Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 452–453.

[6] Владимирцов Б. Я. Чингис-хан // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 172–173.

гласно Засаг — монгольскому своду законов — в мирное время все подданные должны были нести различные повинности в пользу хана и местных правителей[7]. В языках тюркских народов монгольское слово «засаг» трансформировалось в «джасак» — «йасак». В своем труде Рашид-ад-Дин использовал слово *йасак* в значении «закон», «указ»[8]. Отсюда производное значение: всё, что установлено законом, в том числе обязательная дань. Со временем тюркское слово *ясак* (отсутствовавшее в лексике монголов) стало обозначать натуральную подать, которую собирали с зависимого населения подвластные монголам тюркские правители. Регулярная выплата установленной дани-ясака являлась признаком подданства.

К русским слово *ясак* пришло из тюркского мира с тем же значением «установленное законом». Поэтому наряду с данью ясаком называли условный знак, опознавательный сигнал, пароль и отзыв[9]. В текстах русских документов слово *ясак* начинает встречаться после взятия Казани (1552 г.), поскольку население Казанского ханства платило такую подать своему правителю. Русские продолжили взимать ясак с народов Поволжья, как и при казанских ханах. «А сам государь послал по всем улусом черным людем ясачным жаловалные грамоты… чтобы… ясаки платили, яко же и прежним казаньскым царем», — сообщалось в Никоновской летописи под 7061/1553 годом[10]. Точно так же и правители Сибирского ханства собирали ясак с коренного населения. При расширении своего влияния за Урал Русскому государству оставалось только продолжить эту практику. Ясак взимался преимущественно пушниной, но в виде исключения имели место случаи сбора дани железными изделиями, скотом, рыбой и т. д. В лексике русскоязычных сибиряков ясак означал государственную подать с коренных народов, удостоверяющую их подданство московскому государю. Поборы в пользу местной российской администрации ясаком не назывались[11].

Сибирские киштымы не давали клятв верности владельцам, а их владельцы не подписывали присяг своим монгольским правителям — существовавшая на юге Западной Сибири система вассалитета была традиционной и скреплялась многовековой практикой. Лишённые этого исторического преимущества, русские привнесли в Сибирь новые элементы государственной бюрократии. Одним из них было приведение туземцев к шерти, которая предполагала письменный текст присяги и подпись-тамгу («знамя») человека, давшего клятву верности. Кроме того, стали создаваться ясачные книги, куда записывался каждый плательщик государева ясака. Для понуждения аборигенов к соблюдению присяги-шерти и к регулярной уплате дани-ясака из их «лучших людей» брались заложники-аманаты.

Тамга абинского служилого татарина Ургояка Онмиякова на обороте челобитной. Пояснение к рисунку дано писцом: «Ургоячко Онмияков по своей вере приложил лук со стрелою». 1673 г.

Термины «шерть» и «аманат» были заимствованы русскими из мусульманского мира. Слово *шерть* восходит к арабскому «шарт» (соглашение, условие). В этом же значении оно использовалось тюркоязычными мусульманами применительно к письменным договорам. В русских документах слово появляется в 1474–1475 гг. в связи с получением Иваном III грамоты крымского хана Менгли-Гирея. Она содержала текст, который в русском переводе звучал так: «Яз, Менгли Гирей царь… тобе, брату своему, великому князю Ивану, молвя крепкое слово, шерть есми дал, жити нам с тобою по сему ярлыку». В ответном послании московский князь благодарил крымского хана: «Как мя еси пожаловал, на чем еси ко мне крепкое свое слово молвя, шерть дал, и на чем ярлык свой шертный дал, на том бы еси пожаловал и стоял»[12]. Приведённый отрывок показывает, что эта шертная грамота воспринималась в Москве как пожалованный ярлык (грамота от правителя), клятвенное обещание в дружбе. Русские называли подобные актовые документы «крепкими грамотами» («сю крепкую грамоту с золотою своею печатью дал есми», — писал Иван III Менгли-Гирею в 1480 г.)[13],

---

[7] Малеин А. И. Комментарии // Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. М. 1957. С. 43–44 (комментарий 64); Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер. с монгольского, коммент. А. Д. Насилова. СПб., 2002. С. 9–10.

[8] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.; Л., 1952. С. 63; Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 120.

[9] Ясак // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.

[10] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (VIII). СПб., 1904 С. 221 (Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Первая половина).

[11] Бахрушин С. В. Примечания к § 83 главы 2 // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 488–489.

[12] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р–Я. СПб., 1912. Стб. 1587–1588.

[13] Грамота в списке великого князя Иоанна III Васильевича к крымскому царю Менли Гирею о даровании ему убежища в России в случае кого-либо с ним несчастия

татары именовали их «шертными грамотами» («А в сем золотом ярлыке, кои слова есмя молвили, инако тому не бытии. Того для яз, Магмед Гирей царь… шертную грамоту дал», — говорится в документе 1518 г.)[14]. В данном случае шерть являлась клятвой о мире и взаимной дружбе.

С первой половины XVI в. во взаимоотношениях Московского государства с Казанским ханством шерть стала использоваться не в качестве взаимного обещания добрососедства, а как присяга местной знати на верность претенденту на трон, присылаемому из Москвы[15]. К концу XVI в., когда началось покорение Сибири, русские власти уже однозначно видели в шертовании московскому царю документально закреплённую клятву на верность и подданство. При этом тюркоязычные кочевники Южной Сибири понимали шерть иначе, в её первоначальном значении — как военно-политический договор о добрососедстве и взаимопомощи.

В качестве гарантий исполнения шерти русская администрация в Сибири использовала заложников, которые брались из числа местной знати. Таких заложников называли аманатами. Это слово арабского происхождения в широком смысле означает «переданное по договору», «доверенное на хранение». В значении «заложник» оно было известно туркам, крымским татарам, казахам и в этом смысле пришло в русский язык XVI в. через татарское посредство[16].

В результате монгольского завоевания степная полоса Евразии, которую арабские и персидские авторы с XI в. называли «Дешт-и-Кипчак» («Кипчакская степь»), вошла в состав улуса Джучи, старшего сына Чингисхана. Согласно Абулгази, сын Джучи Бату-хан выделил своему младшему брату Шибану летние пастбища «на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до горы Урала», а зимние — по берегам реки Сыр-Дарьи[17]. С тех пор степными пространствами на северо-западе Азии владели Шибаниды — потомки Шибана, внука Чингисхана.

Сведения о том, что где-то на окраине кипчакских земель располагается область Сибирь, поступали к мусульманским географам. Арабский учёный-энциклопедист ал-Омари (1301–1349) в историко-географическом сочинении «Пути взоров по государствам с крупными городами» писал: «Сообщил мне почтеннейший Шуджаэддин Абдеррахман Эль-Харезми, толмач, когда я спросил его о пределах царства Узбекова: край государства достигает на севере до Сибири; за нею нет обитаемого места»[18]. «Царством Узбека» арабский географ называл владения султана Узбек-хана (1313–1341), чингизида из рода Бату, который стал первым правителем Орды, принявшим ислам. При описании владений этого «государя Сарая, Харезма, Крыма и Дешт-Кипчака» ал-Омари называл «области Сибирь и Ибирь», указывая, что «границы владений Сибири и Ибири прикасаются пределов земель Хатайских». Ширина государства определялась «до земель Югорских[19]; длина его от вод Иртыша — он больше Нила Египетского, течет по большей части земель Хатайских[20] — до Стамбула»[21].

В русскоязычных текстах слово «Сибирь» появляется позднее, с начала XV в. Летописи впервые упоминают это название в связи с событиями 1406 г.: «Тое же зимы царь Женибек уби Тактамыша в Сибирскои земли близ Тюмени, а сам седе на Орде»[22]. Территория будущего Сибирского ханства в то время контролировалась Шибанидами.

Отчасти эти земли вошли в состав Тюменского ханства, возникшего в середине XV в. Столи-

// Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1894. Ч. 5. Док. 3, с. 2.

[14] Перевод шертной грамоты крымского царя Магмед Гирея к великому князю Василью Иоанновичу // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1894. Ч. 5. Док. 86, с. 81. См. также док. 101, с. 104; док. 107, с. 124.

[15] Исхаков Д. Быть верным с друзьями и притворно равнодушным с врагами (Культура государственной жизни в тюрко-татарских обществах XV–XVI вв.) [Электрон. данные] // Эхо веков. 2007 № 1. URL: http://ioann.tol.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/02/02_5.

[16] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. Т. 1: А–Д. М., 1986. С. 75.

[17] Абулгази. Родословное древо тюрков: сочинение Абуль-гази, хивинского хана / пер. Г. С. Саблукова. Казань, 1906. С. 160.

[18] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 237, прим. 2 (арабский текст: с. 216, прим. 4).

[19] Югорские земли — историческое название в XII–XVII вв. территорий на Северном Урале и побережье Северного Ледовитого океана от пролива Югорский Шар до устья реки Таз, включая Нижнее Приобье.

[20] Хатайские земли — территории, прилегающие с запада к собственно Китаю. О таком их расположении можно судить по следующему отрывку из ал-Омари: «Что касается царства Туранского, то оно делится на три части. <…> В нём (Туране) два султана мусульманских и один султан неверный. Этот (последний) самый великий из трёх; он называется „Великим Каном“ и „Обладателем престола“, владеет Сином (= Китаем) и Хатаем, наследник престола Чингизханова» (Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 238, 247–250; арабский текст: с. 217, 225–228).

[21] Там же. С. 250, 236–240 (арабский текст: с. 228, 215–219).

[22] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец), М. ; Л., 1950. С. 69–70; Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 82; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири с 1032 по 1882 г. Сургут, 1993. С. 19.

цей ханства был старинный городок, который в восточных источниках назывался Чимги-Турой, а в русских летописях — Тюменью[23]. Есиповская летопись в рассказе о сибирской истории до прихода русских сообщала, что в 1496 г. князь Мамет из местного знатного рода Тайбугидов завоевал власть в Тюменском ханстве и перенёс столицу из Тюмени на берег Иртыша, недалеко от устья реки Тобол: «…Град свой Чингиден [Чимги-Туру] разруши, и отиде оттуду внутрь Сибирския земли, и постави себе град на реке Иртише»[24]. Татары называли иртышскую столицу *Кашлык* или *Искер* (старая крепость), потому что ранее там уже существовало укреплённое поселение. Русские по названию территории — «Сибирская земля» — стали именовать её главный город Сибирью[25].

Первые контакты Искерского княжества с Московским государством относятся к середине XVI в., когда в 1552 г. под ударами русских войск пало Казанское ханство. Взятие Казани стало крупной военной победой Ивана Грозного, наглядно показавшей восточным соседям рост мощи Русского государства. Правивший в «Сибирской земле» князь Едигер, опасаясь другого претендента на престол — хана Кучума из рода Шибанидов, решил искать поддержку в Москве у победителя Казани. В начале 1555 г. его послы в Москве просили Ивана IV, чтобы он «всю землю Сибирскую взял в свое имя» и защитил их от неприятелей. За это он был согласен ежегодно платить дань соболями[26]. С этого времени Иван Грозный прибавил к своим титулам ещё один: «всеа Сибирскыя земли повелитель»[27]. Позднее, в конце 1570-х гг., на государственной печати московского царя появился изобразительный символ новых владений — «Печать Сибирская»[28].

В отличие от тюменских правителей-Шибанидов, Тайбугиды не являлись потомками Чингисхана и не могли претендовать на ханский титул. Поэтому созданное ими Искерское (Сибирское) княжество не являлось ханством и в русском титуле новое владение ещё не именовалось «Сибирским царством». Только после прихода на сибирский трон шибанида Кучума[29] княжество стало называться «царством», а сам правитель — «Сибирским салтаном»[30].

Русское подданство не помогло Едигеру в его борьбе с Кучумом. В 1563 г. шибанид захватил власть, стал ханом Сибири и отказался от уплаты дани московскому царю. Через шесть лет Иван Грозный напомнил Кучуму, что «преж сего сибирской Едигер князь на нас смотрил и з Сибирские земли, со всее, на всяк год, дань к нам присылал»[31]. В 1570 г. Кучум написал ответную грамоту. Появление посланца сибирского правителя в Москве восприняли как признание зависимости Сибири[32]. Однако в дальнейшем Кучум вновь отказался посылать меха русскому царю. Он сам стал собирать ясак с народов Урала, прежде подчинявшихся Москве.

Камские солепромышленники Яков и Григорий Строгановы обратились к царю Ивану Васильевичу с челобитной, в которой рассказывали, что «в Сибирской украине… збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью» и грабят живущих на Урале остяков, запрещая им давать дань в Москву. В ответ Иван Грозный 30 мая 1574 г. пожаловал солепромышленникам Строгановым право «на Тоболе реке крепости им поделати, и снаряд вогняной, и пушкарей, и пищальников, и сторожей от сибирских и от нагайских людей держати. И около крепостей… и у пашен по обе стороны Тоболы реки, и по рекам, и по озером, и до вершины дворы ставити». По-прежнему считая себя повелителем всей Сибирской земли, царь разрешил Строгановым строить крепости не только на реке Тобол, но и «на Иртыше и на Обе и на иных реках, где пригодитца для береженья»[33].

Борьба с Кучумом продолжалась почти четверть века. Используя данное им право, Строгановы снарядили отряд, которым командовал казачий атаман Ермак Тимофеевич. Перевалив через Уральский хребет, отряд Ермака захватил прежнюю столицу Тюменского ханства город Чимги-Туру. На следующий год казаки сплавились на судах вниз по реке Тобол, достигли Иртыша и в октя-

---

[23] Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.: науч.-метод. пособие. Казань, 2004. С. 15–19; Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства: очерки. Казань, 2006. С. 129–134.

[24] Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 47.

[25] Нестеров А. Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 18–19.

[26] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (VIII). СПб., 1904 С. 248, 276, 285 (Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Первая половина).

[27] Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. Док. № 31, с. 473, 475.

[28] Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв. М., 1981. С. 17–18, рис. 3, 4.

[29] Генеалогия Кучума приведена у Абулгази (Родословное древо тюрков… Казань, 1906. С. 156).

[30] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. Док. № 5, с. 339.

[31] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819. Док. № 45, с. 63.

[32] Там же. Ч. 2. М., 1819. Док. 42, с. 52; док. 45, с. 63–65; Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Москва и Искер в 1569–1582 гг. в контексте международной политики // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. статей. Казань, 2012. Вып. 4. С. 214.

[33] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. Док. № 5, с. 339–341; Щеглов И. В. Хронологический перечень… Сургут, 1993. С. 29–30.

бре 1582 г. с боем взяли столицу Сибирского ханства — укреплённое поселение Кашлык (Искер). Кучум, наблюдавший за сражением с горы, бежал в Ишимскую степь, бросив свою ставку на произвол судьбы. Однако до полного разгрома Кучума было ещё далеко. Вооружённые столкновения продолжались, казачий отряд нёс потери. К концу 1584 г. Кучум выиграл противоборство с Ермаком: сам атаман погиб, а остатки его войска спешно вернулись за Урал в строгановские вотчины.

Но по пути, проложенному Ермаком, уже шли новые отряды, посланные московским царём. В 1586 г. рядом с Чимги-Турой был заложен русский город Тюмень, а на следующий год недалеко от Искера основан город Тобольск, вскоре сделавшийся главным административным центром Московской Руси за Уралом.

В 1594 г. в Сибирь был послан князь Андрей Васильевич Елецкий, которому московские власти приказали «итти города ставить вверх Иртыа,

Рис. 1. Фрагмент исторической карты Сибири с изображением владений хана Кучума. Карта составлена профессором Х. А. Шлёцером. Публикация 1809 г.

Современники не оставили нам никаких описаний окраинных владений Кучума. Поэтому вопрос о территориальных пределах ханства является предметом изучения историков. Представления о границах Сибирского ханства отображены на одной из первых российских исторических карт Сибири, составленной профессором Московского университета Христианом фон Шлёцером (1774–1831)[35]. Медная доска для её печати была изготовлена гравёром Самуилом-Карлом Цеттером[36]. Подписи выполнены по-французски. Карта имеет название: «Carte historique représentant la découverte et la conquête successive d'une partie de la Sibérie par les Kozaques de 1583 à 1620» («Историческая карта, представляющая открытие и последовательное завоевание части Сибири казаками с 1583 по 1620 г.»)[37]. На этом чертеже показаны владения хана Кучума, завоёванные Ермаком («Provinces de Koutchoum khan conquises par Yermak»). На севере и востоке они ограничены рекой Обью, южный рубеж проведён в широтном направлении на уровне Ямышевского озера и верховий реки Ишима (примерно по 52°30′), западная граница примыкает к Тоболу и Иртышу (рис. 1). Любопытно, что примерно так же реконструируют южную и восточные границы ханства Кучума современные сибирские историки[38].

Иного мнения придерживался Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950). Отмечая, что границы Кучумова царства не могут быть точно установлены, он считал, что «на юге границы его владений терялись в степях Барабы», то есть на равнине между рекой Омь и озером Чаны[39].

В декабре 1594 г. в Тару были приведены пленные аялымские татары, которые сообщили: «Они на Черном острову поставили городок, и в

на Тару реку». В наказе Елецкому были сформулированы основные задачи, которые предполагалось решить благодаря возведению города на Таре: «пашню завести, и Кучюма царя истеснить, и соль устроить», а также обеспечить регулярный сбор дани с окрестных народов[34].

[34] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. Док. № 13, с. 354.

[35] Сын известного историка А. Л. Шлёцера, Христиан Август Шлёцер в 1801 г. получил место ординарного профессора в Московском университете. Карта прилагалась к его книге «Ebauche d'une histoire de la Sibérie. Avec une carte historique» (Moscou, 1809. [4], IV, 88 p.), изданной в университетской типографии.

[36] Под рамкой имеется надпись: «Dessinée par le Professeur Schlötzer et gravée à Moscou par Zetter» («Нарисована профессором Шлёцером и гравирована в Москве Цеттером»). Гравёр работал в Москве в начале XIX века (Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Стб. 729–730).

[37] Отдельно от книги оттиск карты хранится в фондах Государственного исторического музея (ГИМ. Картографический отдел. Шифр: ГО 227).

[38] Поздняков Д. В. Сибирское ханство // Сибирь: атлас Азиатской России. Новосибирск; М., 2007. С. 491.

[39] Бахрушин С. В. Примечания к § 74–76 главы 1 // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 476–477.

том городке зимуют… А ловят, приходя, на Вузюкове озере рыбу на царя и посылают к царю х Кучюму. А от царя к ним люди приезжают ежедень. А царь де Кучюм стоит вверх по Иртишу меж дву речек, одернувся телегами, за Омь рекою пешим ходом днища з два. А ходу до Кучюма царя от их городка, от Чернова острова, пешими людьми нескорым ходом днищ с пять или с шесть»[40]. Упомянутое в этом рассказе «Вузюково озеро» на картах конца XVII в. названо Изюцким и показано выше Тары на правом берегу Иртыша, немного ниже современного посёлка Такмык Омской области[41]. Пеший путь от этого озера до лагеря Кучума составлял шесть дней, а от устья Оми до того же лагеря — два дня. Следовательно, расстояния от озера до Оми и от Оми до Кучума соотносились как 2:1. Если перенести эти сведения на современную географическую карту, то лагерь Кучума локализуется в районе Ачаирской протоки Иртыша, примерно на 54° 30′ северной широты.

На наш взгляд, немногочисленные письменные источники не дают оснований отодвигать южную границу владений Кучума южнее Барабинской степи (район озера Чаны). Кулундинская степь с Ямышевским озером располагалась за пределами Сибирского ханства, и нет никаких свидетельств того, что эта территория входила во владения Кучума.

После основания Тары дальнейшее продвижение российских отрядов в Западной Сибири пошло не по степям Обь-Иртышья, к верховьям этих рек, а вдоль Средней Оби, по северным таёжным землям, где к тому времени уже был заложен Сургут. Приближение к Верхнему Приобью[42] происходило динамично: в 1596 г. сургутские казаки заложили Нарымский острог, на рубеже XVI–XVII вв. на реке Кеть был возведён Кетский острог (примерно в 250 км севернее современного г. Томска). Служившим в Кетском остроге казакам удалось распространить российское влияние ещё дальше на юг. В первые годы XVII в. они собрали ясак с части местного населения, жившего по реке Чулым, и даже с какой-то части енисейских кыргызов («киргисс»)[43].

Несколько раньше, в 1598 г., русские впервые вышли на Верхнюю Обь. Поход был связан с преследованием хана Кучума, бывшего правителя Сибирского ханства. В начале августа 1598 г. воевода города Тары Андрей Воейков получил царскую грамоту, в которой ему приказывалось «идти с Тары в поход на Кучюма-царя». Быстро собрав отряд в 400 человек, Воейков уже 4 августа выступил из Тары и утром «августа в 20 день» неожиданно напал на ставку Кучума, расположенную на левом берегу Оби, около устья реки Ирмень (недалеко от современного г. Новосибирска). Сражение продолжалось до полудня и закончилось полным разгромом отряда Кучума (док. № 1). Последний правитель Сибирского ханства, спасая свою жизнь, переплыл на лодке Обь и смог скрыться, но многие родственники хана погибли в бою или были взяты в плен. Однако долго находиться на берегу Оби Воейков не рискнул, поскольку получил сведения, что выше по реке в двух днях пути стоит пятитысячное войско «колмаков» (монголов-ойратов).

Разгром Кучума имел большой политический эффект: местные племена Западной Сибири смогли убедиться в военной силе Русского государства. К этому времени бассейн Верхней Оби был заселён различными тюркоязычными племенами, которые в той или иной степени подчинялись монгольским правителям или зависимым от них местным тюркским князькам. Начало российского освоения земель в бассейне Верхней Оби связано с основанием города Томска. В 1603 г. правитель тюркоязычных еуштинцев, живших в нижнем течении реки Томь, князёк Тоян прибыл в Москву и обратился к царю Борису Годунову с просьбой «велети бы в вотчине его в Томи поставити город».

Обстоятельства поездки еуштинского князька к русскому царю неизвестны. Можно только предполагать, что разгром Кучума в 1598 г. на берегу Оби южнее «вотчины его в Томи», строительство Кетского острога севернее по Оби и сбор ясака с кыргызов, живших восточнее, наглядно продемонстрировали Тояну военную мощь западного соседа, склонив его к мысли искать покровительство в далёкой Москве.

В столице Тоян сообщил русским первые сведения о народах, проживавших на Верхней Оби, и пытался убедить царя в том, что «как де в Томи город станет, и тех де городков кочевей и волости все буду[т] под… царьскою высокою рукою, и ясак де с них имати мочно». Судя по документам, первыми кандидатами на превращение в российских подданных были восемь волостей, расположенных «по Томской вершине». Кроме населения

---

[40] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 9 об.–10. Опубл.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. Док. № 18, с. 367.

[41] Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 94. Озеро с таким же названием Ремезов помещает и на листе 92, однако оно расположено ниже Тары по течению Иртыша и явно не соответствует описанию документа.

[42] Под Верхним Приобьем нами понимается бассейн Оби выше устья реки Томи.

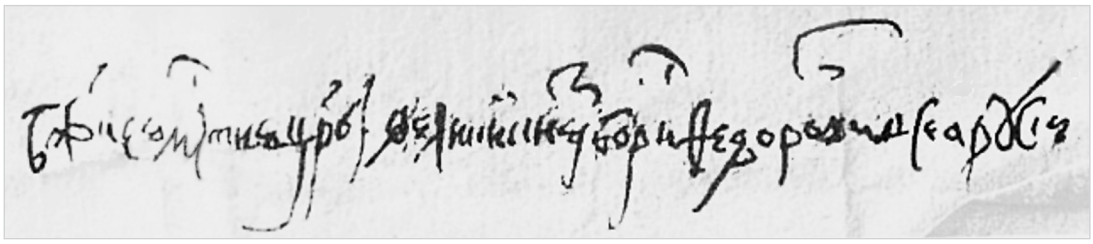
[43] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 16. Док. № 1. Л. 35–35 об. Цит. по: Отписка кетского воеводы Постника Бельского томским воеводам Гавриле Писемскому и Василию Тыркову об ясашных волостях Чулыме и Киргизах // Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1. Док. № 56, с. 403–404.

этих волостей, сообщал Тоян, «в Томской же де вершине живут двесте человек кузнецов, а делают доспехи и железца стрелные и котлы выкавывают» (док. № 2).

В январе 1604 г. в Сургут был отправлен царский указ об основании города на Томи. К концу сентября того же года новый город был построен[44]. Спустя четверть века город Томск стал равным с Тобольском административным центром Сибири — по царскому указу от 3 декабря 1629 г. Российская Сибирь была поделена на два разряда — Тобольский и Томский. Во главе каждого из них стоял «большой воевода», подчинявшийся непосредственно Москве. К Томскому разряду были причислены самые восточные на тот период остроги, расположенные в бассейнах Оби и Енисея (Сургутский, Нарымский, Кетский, Кузнецкий, Енисейский и Красноярский)[45].

[44] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 16. Док. № 2. Л. 35 об. — 37 об. Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Док. № 57, с. 404.

[45] Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири XVII века. Казань, 1892. С. 78. (Отдельный оттиск из: Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 10, вып. 6).



Автограф царя Бориса Годунова: «Божиею милостию царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии». 1602 г.

Документ № 1

***1598 г. сентября 4.* — Из отписки тарского воеводы Андрея Воейкова царю Борису Годунову о разгроме сибирского хана Кучума на берегу Оби**

Государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии холоп твой Ондрюшка Воейков челом бъет. Прошлого, государь, 106-го году августа в первый день привез к нам на Тару твою государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоту тарской атаман Елистрат Никитин. А в твоей государеве... грамоте написано: велено мне, холопу твоему, итти с Тары в поход на Кучюма царя, и волости воевать, которые тебе, государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, непослушны и ясаку на Тару не дают. И обо всех о тамошних делах к тебе, государю царю..., велено мне, холопу твоему, подлинно писать.

И по твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте я, холоп твой, пошол с Тары на Кучюма царя августа в 4 день; а со мною, холопом твоим, пошло... рати: три сына боярских, да голова татарская, да три атаманы, да четыреста без трех человек литвы, и казаков, и юртовских и волостных тотар. И августа, государь, в 10 день, посылал я, холоп твой, в посылку сына боярского Илью Беклемишева, да голову татарскую Черкаса Олександрова в волости для языков, которые волости от тебя, от государя царя..., отвел Кучюм царь в 106 году — в Турашскую и в Любарскую волость.

И августа в 10 день привели ко мне из посылки сын боярской Илья Беклемишев да голова татарская Черкас Олександров турашского лутчего человека Куздемыша Махлеева да Акбулата Чемычакова. А в роспросе мне, холопу твоему, Куздемыш да Акбулат сказали: велел де им Кучюм царь всем волостным лутчим людем курпицким, и турашским, и любарским... и чойским, и куромским жить на Уби... Кучюм царь кочюет... Чорных водах, а в собранье де с Кучюмом его людей пятьсот человек...

И я, холоп твой, по тем вестям пришол на Уб озеро августа в 15 день, и на Уби озере лутчих волостных людей поимал, которых отвел от тебя, государя царя..., Кучюм царь в прошлом в 106 году — Кирпицкие волости Чадышаю Саула, да Турашские волости Иткурюка с товарищи, и всех семи волостей лутчих людей, которых Кучюм отвел от тебя, государя царя...

И в роспросе мне, холопу твоему, лутчие люди сказали про Кучюма царя: пошол де Кучюм царь с Черных вод на Обь реку с детми и со всеми своими людьми, где у него хлеб сеен. А им

де велел жити всем на Уби озере, а ясаку де тебе, государю царю..., им давати не велел. А приказал де их беречь своей волости Барабинскому лутчему человеку Еснигилдею Турундаеву.

...А в Борабинскую, государь, волость я, холоп твой, послал сына боярского Илью Беклемишева да атамана Казарина Волнина. И августа, государь, в 16 день привели ко мне из Барабинские волости сын боярской Илья Беклемишев да атаман Казарин Волнин кучюмовых трех человек, Барсанду с товарыщи, да барабинского лутчего человека Еснигилдея Турундаева с двема сыны, да с Еснигилдеевой волости ясачных людей пятнадцать человек.

И в роспросе мне, холопу твоему, и с пытки кучюмовы люди, Барсанда с товарыщи, сказали: Кучюм де царь кочюет на Оби на реке, где у него хлеб сеен, а в собранье де с Кучюмом царем его людей пятьсот человек, а хочет де шти Кучюм под твой государев... город под Тару и на Ялынскую и на Каурдацкую волость войною вскоре. Да кучюмовых же де людей живет на Ик озере семей с тридцать, не доходя Кучюмова кочевья четыре днища...

А сам я, холоп твой, покиня кош на Ике озере, и пошол на Кучюма царя наспех, и день и ночь, и сшол Кучюма царя на Оби на реке, выше Чат три днища, на лугу на Ормени, от Калмаков в дву днищах. И пришел, государь, я холоп твой на Кучюма царя августа в 20 день, на солночном восходе, и бился с Кучюмом царем до полдень. И Божиим милосердием и твоим государевым царевым и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии счастьем Кучюма царя побил, и детей его царевичев и цариц его поимал, и брата кучюмова Илитен-царевича, да сына кучюмова Каная-царевича, да дву царевичев, Алей-царевича детей, на бою убили. Да живых взяли кучюмовых детей пять царевичев: Асманака, Шаима, Бибадша, Моллу, Кумыша, да восмь цариц кучюмовых жон, восмь царевых дочерей...

...Да со сто, государь, человек потопло на Оби на реке, как они поплыли за Обь реку, и твои государевы царевы и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии люди их побивали с берегу из пищалей и из луков; да с пятдесят, государь, человек служивых людей взяли живых, и я холоп твой велел их побить, а иных перевешать. А про Кучюма, государь, царя языки многие сказывают, что Кучюм в Оби реке утоп, а иные языки сказывают, что Кучюм в судне утек за Обь реку; и я холоп твой плавал на плотех за Обь реку, со всею твоею государевою царевою и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии ратью, и Кучюма царя за Обью рекою по лесом в крепях и по островом на Оби реке искал и нигде его не нашол.

...Стоять на кучюмове кочевье долго не смел: колмаки от кучюмова кочевья в дву днищах, а сбираетца, государь, колмаков воинских людей пять тысеч; и я холоп твой пошол на Тару с Оби реки с кучюмова кочевья августа в 27 день, и царевичев кучюмовых детей и цариц всех веду на Тару с собою, и кучюмовых лутчих людей и волостных ясачных лутчих людей веду на Тару с собою ж...

А с сею грамотою послал я, холоп твой, к тебе, ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, сына боярского Мосея Глебова да голову татарскую Черкаса Олександрова сентября в 4 день с Оми реки, не доходя до города до Тары за шесть днищ...

Отписка царю тарского воеводы Андрея Воейкова о поражении им сибирского царя Кучума на берегах Оби, о взятии в плен жен и детей его и о приведении в подданство волостных ясачных людей // Акты исторические, собранные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2: 1598–1613. Док. 1, с. 1–4.

Документ № 2

1604 г. января 20. **— Из царской грамоты сургутскому воеводе Ф. В. Головину и письменному голове Г. И. Писемскому о строительстве города Томска, с пересказом челобитной князя Тояна**

(л. 134 об.) От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь в Сургуцкой город Федору Василевичю Головину да голове Гаврилу Ивановичю Писемскому.

Бил нам челом Томские земли князек Тоян, чтоб нашему царскому величеству его, Тояна, пожаловати, (// л. 135) велети ему быти под нашею царскою восокою[46] рукою и велети бы в вотчине его в Томи поставити город. А место де в Томи угоже, и пашенных людеи устроити мочно. А ясачных де у него людей триста человек. И как де город поставят, и те его все ясачные люди придут к нашему царскому величеству, и ясак учнут платити. А которые де будут около

[46] Так в тексте.

того города наши непослушники, и он, Тоян, учнет про них сказывати и приводить их под нашу ж царску высокую руку.

А до Чат де будет от того города ходу десять ден. А до киргиского де князька до Номчи семь ден, а людей у него тысеча человек. А да арецкого де князка (// л. 135 об.) до Би[н]ея до ближнего кочевья [де]сять[47] ден, а далнее кочевье четы[ре] недели, а людей у него десять тысеч человек. А до Телег де далнее кочевье пять ден, а князек в Телегах Обак, а людей у него тысеча человек. А до уматцского де князка до Чети далнее кочевье четырнатцать ден, а людей у него триста человек. А как де в Томи город станет, и тех де городков кочевье и волости все будут под нашею царскою высокою рукою, и ясак де с них имати мочно.

А которые де люди живут по Томской вершине восмь волостей, и те де люди учнут в нашу казну давати ясак. Да в Томской же де вершине живут двесте человек (// л. 136) кузнецов, а делают доспехи и железца стрелные и котлы вакавывают[48]. А у них де два князка Базарак да Байдуга. А до мелесцов де до Изсека князка от Томи десять ден.

<...> (// л. 137 об.) Писан на Москве, лета 7112 года генваря в 20 день.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 134 об. — 136, 137 об. Беловая копия 1626 г.

Ранее опубликовано: Из истории земли Томской. 1604–1917: сб. документов и материалов. Вып. 1. Томск, 1978. Док. № 1, с. 21–22; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. Док. № 1, с. 37. (История Сибири. Первоисточники; Вып. 7).

[47] Части текста в квадратных скобках восстановлены по копии, снятой в Томске для Г. Ф. Миллера (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 19. Док. № 51, л. 87–87 об.).

[48] Так в тексте.

Глава 2

Проекты сооружения русских крепостей на устье Оми, в Барабинской степи и на Ямышевском озере (первая треть XVII века)

В начале XVII в. продвижение русских вверх по Иртышу обуславливалось потребностями в снабжении сибирского населения солью. Ещё в наказе князю Елецкому о строительстве Тары в 1594 г. предписывалось организовать плавание за ямышевской солью: «Послать из нового города татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругех, и давать в росход служивым людем»[1]. Следовательно, к этому времени в Москве уже знали о главном месте соледобычи в Прииртышье — озере Ямыш. После возведения города отличительной особенностью Тары стала её связь с ежегодными заготовками соли, которая затем раздавалась сибирским жителям в качестве государева жалованья.

Когда впервые состоялось плавание тарских служилых за солью к озеру Ямыш, точных сведений нет. В одной из сибирских летописей, созданной в начале XVIII в., такой поход упомянут под 1601–1602 гг. В ней говорится, что в это время тарский письменный голова Алексей Поленов[2] «ходил по соль к Ямышеву озеру». Предприятие закончилось неудачно: «не ведая обычаев калмыцких людей, за гордость у сибирцев не спрошался, и многих русских и татар погубил, и, соли не взяв, со стыдом возвратился»[3]. Приведённый летописный отрывок, во-первых, фиксирует кочевья ойратов («калмыков») в районе Ямышевского озера или ниже по Иртышу; во-вторых, свидетельствует о том, что на рубеже XVI–XVII вв. далёкое озеро Ямыш воспринималось русской администрацией как географический объект, расположенный за пределами подвластной территории, то есть за границей Русской Сибири. В этой связи можно отметить, что в августе 1598 г., по словам А. М. Воейкова, пятитысячное войско калмыков стояло «в дву днищах» от реки Ирмень — места разгрома Кучума (док. № 1). Вероятно, ойраты тогда кочевали в Кулундинской степи, на западной окраине которой находится Ямышевское озеро.

В дальнейшем, в течение первого десятилетия XVII в., плавания за солью к далёкому озеру завершались удачнее и стали регулярной служебной обязанностью тарских казаков. Об этом можно судить по фразе из наказа тарскому воеводе И. В. Мосальскому, которому в июне 1610 г. предписывалось «солью с Ямыша озера на жалованье служивым людем промышляти попрежнему»[4].

Проникновение русских вверх по Иртышу с неизбежностью привело к территориальным спорам о принадлежности земель, располагавшихся на далёкой периферии прежних владений сибирского хана Кучума. Барабинская степь и её население стали предметом полуторавекового спора между Ойратским и Русским государствами. Русские документы, рассказывающие о событи-

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 152, 158 об. Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. Док. № 13, с. 354, 360 (2-е изд. М., 1999. С. 347, 352).

[2] В летописи Поленов назван Алексеем Петровичем. Так же его называл К. Б. Газенвинкель, указав в примечании, что у Г. Ф. Миллера он фигурирует как Поляков (Газенвинкель К. Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века: К истории Сибири XVII в. Тобольск, 1892. С. 24). Однако это неверно: в рукописи Миллера на немецком языке фамилия написана с исправлениями, но читается как «Alexei Polenow», отчество не указано (РГАДА. Ф. 199. Портф. 505, ч. 1. Д. 3. Л. 43 об., 89 об.; сравн.: Портф. 505, ч. 1. Д. 5. Л. 22–22 об.). В документе XVII в. тарский голова Поленов назван Алексеем Фёдоровичем (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 114. Опубл.: Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. Док. № 3, с. 24).

[3] Записки, к сибирской истории служащия... // Новиков Н. Древняя российская вивлиофика. 2-е изд., исправл. Ч. 3. М. 1788. С. 117.

[4] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 134. Опубл.: Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. Док. № 10, с. 40. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

ях 1598 и 1601–1602 гг., позволяют сделать вывод, что в это время Обь-Иртышская степь южнее озера Чаны контролировалась западными монголами-ойратами.

В 1606 г. тарский воевода Сила Гагарин сообщил в Тобольск, что летом «пришли де Тарского города в государевы ясачные волости колмыцкие люди, а чает де от них войны»[5]. Зимой сибирские власти стали готовиться к военному походу против ойратов[6]. В то же время тарский воевода по собственной инициативе в конце января 1607 г. отправил к калмыкам своих посланников из числа знатных ясачных татар. Им поручалось пригласить ойратских тайшей в Тару «для шерти, и укрепленья, и для договору»[7]. Меры, принятые С. И. Гагариным, совпали с той политикой по отношению к западным монголам, которой решили придерживаться в Москве. Вместо военного противостояния предполагалось вести переговоры и мирно склонить ойратов к российскому подданству[8].

16 июня 1607 г. в Тару приехал калмыцкий тайша Кугонай Тубиев, представлявший на этих переговорах ещё 49 ойратских владетелей. Монголы просили, чтобы русские не нападали на их людей и дали им возможность кочевать «вверх по Иртишу к соленым озерам»[9]. Русские восприняли это как просьбу о подданстве. Поэтому шерть (клятву), данную Кугонаем в Таре, считали признанием складывающихся даннических отношений.

21 сентября в Тару прибыло новое ойратское посольство из четырёх человек. Они были отправлены в Москву, куда приехали в феврале 1608 г.[10] На аудиенции у царя Василия Ивановича Шуйского ойратские послы передали просьбы своих владетелей: «Велеть бы им кочевати по Иртишу реки, и нашим людем обид и насильства никакого им не чинити, а от Алтына-царя велети их оберегати, и ратных людей на него велети им давати, и город бы велети поставити на Оми реке от Тары 5 днищ, чтоб им тут кочевати было от Алтына-царя безстрашно»[11]. Было заявлено, что в случае появления войск Алтын-хана (правителя восточных монголов) ойраты готовы защищать новый город на Оми реке вместе с русскими.

По-видимому, эти просьбы обсуждались и в Таре, перед отправкой послов в Москву. 12 января 1608 г. тарский воевода сообщил в столицу, что он разрешил монголам «кочевати на нашей земле на Оми реки» и ойраты уже перекочевали на Омь. «От Тарсково города до Оми реке 4 дни, а в судех Иртишом 10 ден», — пояснял Сила Гагарин. Отписка его заканчивалась словами: «А для укрепленья колмацких людей на Оми без острожку быти нельзя»[12]. Таким образом, С. И. Гагарин, вслед за ойратскими послами, подтверждал необходимость возведения крепости на Оми.

27 февраля 1608 г. в Москве была написана грамота, адресованная новому тарскому воеводе Ивану Владимировичу Мосальскому. В ней от имени царя приказывалось привести к шерти ойратских тайшей. Очевидно, документ был отправлен в Тару с возвращавшимся монгольским посольством. Мосальскому предписывалось направить «в Колмаки» служилых людей для того, чтобы пригласить «лучших» тайшей шертовать в Тару, а «меньшим тайшам… быти к нашему жалованью и к шерти на Оми или на Комышлов реку, где похотят». Для принятия клятвы предполагалось послать к ним «с нашим жалованьем, с платьем и с сукны, голову Олексея Поленова» в сопровождении нескольких ратных людей[13].

Планировалось, что приехавшие на Омь ойраты дадут клятву на верность и службу русскому царю «во всем навеки неподвижно» и начнут давать ясак «лошадьми по их воли, сколько они дадут». За это царь готов был разрешить своим новым данникам «кочевати на нашей земли вверх по Иртишу, по Оми реки и по Камышлову, где похотят» и оберегать их от врагов[14].

В царской грамоте, как и ранее на переговорах, неоднократно упомянуты реки Омь и Ка-

---

[5] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 5. Док. № 46. Л. 59 об. Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. Док. № 56, с. 194.

[6] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 5. Док. № 47. Л. 59 об. — 60. Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. Док. № 57 с. 195. На основании этого документа Миллер писал: «Весной 1607 г. войско двинулось навстречу калмыкам и имело успех, так как калмыкам был нанесен значительный урон» (Там же, глава 6, § 70, с. 30). О разгроме Далай-тайши в 1607 г. тарскими служилыми людьми писали и советские историки (Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. С. 306, прим. 1). Однако никаких документов о состоявшемся походе и сражениях русских с ойратами мы не знаем. Наоборот, судя по приведённому ниже источнику, тарский воевода с начала 1607 г. вёл переговоры с кочевниками.

[7] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 101 об. Опубл.: Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. Док. № 2, с. 22.

[8] 30 марта 1607 г. в Тару была послана специальная грамота о направлении «в Колмаки» послов с приглашением к шерти (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 95 об. — 96 об. Опубл.: Там же. Док. № 1, с. 21).

[9] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 101 об.

[10] РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 18а–20. Цит. по: Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. Док. № 28, с. 74.

[11] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 117. Опубл.: Там же. Док. № 3, с. 25; Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: док. и материалы. Кн. 1. Док. № 1, с. 33.

[12] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 116 об. Опубл.: Русско-монгольские отношения… М., 1959. Док. № 3, с. 25.

[13] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 118. Опубл.: Там же. Док. № 3, с. 26.

[14] Там же. Л. 119 об. — 120. Опубл.: Там же. Док. № 3, с. 27.

мышлов, которые воспринимались рубежом Русской Сибири с западными монголами. С одной стороны, сами ойраты просили возвести русскую крепость на Оми реке, с другой стороны, и русские намеревались принимать шерть именно на Оми, а не выше по Иртышу.

В той же грамоте от 27 февраля 1608 г. тарскому письменному голове Алексею Поленову приказывалось «городового места досмотрити у соленого озера или на Оми реке по конец наших ясачных волостей, в котором месте пригож, чтоб было место крепко и угоже на пашню и на козьбу». По результатам осмотра полагалось составить «роспись, и городовому месту чертеж, и смету», которые предписывалось послать «к нам к Москве тотчас с нарочным гонцом»[15].

Побывавшие в Москве ойратские послы вернулись к своим тайшам лишь осенью 1608 г. Из Тары их сопровождал казак Аника Чернов с отрядом в шесть человек. Он возвратился 5 декабря и сообщил, что тайши «сами де на Тару быти не хотят» и предложили встретиться весной 1609 г., когда Алексей Поленов «приедет к соляным озерам или на Омь»[16].

Вместе с Аникой Черновым в Тару вновь прибыли калмыцкие посланцы, в числе которых был Арлай Улаков, годом раньше ездивший в Москву. Послы заявили тарскому воеводе, что «ясаку де они преж сего никому не давывали», и ясно дали понять, что никакой ежегодной дани платить русскому царю не намерены[17]. Как сообщал Аника, ойраты соглашались при будущей встрече на Оми дать «поминки против нашего жалованья». Фактически речь шла о взаимном обмене подарками, а не о выплате дани. Русские называли свои подарки «государевым жалованьем», а ответные дары — «поминками», но по сути это предполагало равноценный обмен.

Когда наступила весна, в марте 1609 г. к ойратам было отправлено новое посольство во главе с Поспелом Голубиным. В полном соответствии с царской грамотой 1607 г. ему поручалось пригласить «лучших» тайшей шертовать в Тару, а «меньших» звать «на Омь или на Камышлов», куда должен был приехать с подарками Алексей Поленов.

В Тару русское посольство вернулось 20 июля 1609 г. Поспел Голубин рассказал, что ойратские правители отказались как сами ехать в Тару, так и посылать своих людей «на Омь и на Камышлов». Причиной, по их словам, была подготовка к предстоящей войне с казахами. В связи с этим ойратские владельцы предложили тарскому воеводе самому приехать к ним с царским жалованьем «под горы на Иман камень вверх Иртиша». Там монголы обещали дать ответные подарки («поминки против нашего жалованья»).

Главные ойратские тайши ясно объяснили П. Голубину: «А послов де они своих посылали к нам бити челом, чтобы им с нашими людьми не воеватца, и торговати, и на зверовье съезжатца повольно. А о ясаке де они с послы своими к нам бити челом не приказывали, и ясаку никому не давывали, и сами з белых колмаков[18] ясак емлют, и вперед де ясаку давати никому не хотят. А люди де они кочевные, а не месные, где похотят, тут и кочуют»[19].

Этот пересказ П. Голубина чётко отражает разницу в понимании сути русско-ойратских переговоров. Державное миропонимание российской администрации не позволяло видеть в другом участнике переговоров равноправную сторону. Предложения ойратов о мирном сотрудничестве и военной взаимопомощи воспринимались исключительно как просьба о подданстве — «быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и наш ясак с себя платить по вся годы безпереводно»[20]. Кочевники ту же ситуацию оценивали совершенно иначе. По их мнению, шерть должна была скрепить договор двух равноправных сторон. Ни о каком платеже регулярной дани (ясака) не могло быть и речи, допускался только обмен подарками.

Такое же различие выявилось в вопросе о принадлежности земель Среднего Прииртышья. В Москве считали, что ойраты кочуют «ныне все вместе на нашей земли по Иртишу и по Оми и до Камышлова». Монголы же, придерживаясь миролюбивой политики по отношению России, оставляли за собой право кочевать «где похотят». Поэтому им важно было договориться с сибирскими властями о мирном сосуществовании («не воеватца, и торговати, и на зверовье съезжатца повольно»).

В разговорах П. Голубина с ойратскими владетелями был затронут вопрос о взаимоотношениях западных монголов с сибирскими татарами, жившими в Барабинской степи. В частности, вдова «лучшего» тайши Изенея, которую звали Абай, говорила Голубину: «Грубны де им тарские татаровя Барабинские и Теренинские волости», за что ойраты намерены «их воевати». К этому времени население Барабинской и Теренинской волостей уже платило ясак русскому царю и считалось частью Тарского уезда. Однако, по словам Голуби-

[15] Там же. Л. 121–121 об. Опубл.: Там же. Док. № 3, с. 28.
[16] Там же. Л. 130 об. Опубл.: Там же. Док. № 10, с. 38.
[17] Там же. Л. 130–130 об. Опубл.: Там же. Док. № 10, с. 37–38.

[18] Белые калмыки — тюркоязычные теленгеты, проживавшие в Верхнем Приобье (Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980).
[19] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 132 об. Опубл.: Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. Док. № 10, с. 39.
[20] Там же. Л. 95 об. — 96. Опубл.: Там же. Док. № 1, с. 21.

на, монголы «посылать де о управе на тех татар к воеводам на Тару не хотят, управятца и сами»[21]. По-видимому, уже в первом десятилетии XVII в. в Барабинской степи существовало двоевластие: коренное тюркоязычное население, ранее подчинявшееся Кучуму, теперь находилось в зависимости и от русских, и от ойратов.

Полученное в июле 1609 г. известие о том, что ойраты не прикочуют на Омь или Камышлов для дачи шерти, освобождало Алексея Поленова от необходимости ехать туда с царскими подарками. Однако тарский письменный голова имел ещё одно поручение из Москвы — выбрать место под новый острог на российско-ойратской границе («на Оми реке по конец наших ясачных волостей»). В нашем распоряжении не имеется никаких свидетельств о поездке Алексея Поленова вверх по Иртышу для выбора места под будущую крепость. Однако следует учитывать, что русских документов первой четверти XVII в., связанных с освоением Среднего Прииртышья, сохранилось крайне мало.

В первой четверти XVII в. русско-ойратский спор о принадлежности пограничных земель не был разрешён. Каждая из сторон оставалась на своих позициях. Из Москвы предписывали тобольским и тарским воеводам требовать от калмыков, если они будут отказываться от шерти, «чтоб они на нашей Сибирской земле по Иртишу, и по Оми, и по Камышлову, и к соляным озерам не кочевали, и рыбными и звериными ловлями не владели, и шли с нашие [Сибир]ские земли прочь»[22]. Калмыцкие владельцы в ответ на такие требования неизменно повторяли: «Мы тайши кочуем по своей земле, а не по государеве, а под государевою де рукою мы не хотим быти»[23]. При этом каждая из сторон стремилась не доводить дело до вооружённых столкновений.

К концу первой четверти XVII столетия в степях Обь-Иртышья между городами Томском и Тарой не было ни одного постоянного русского укрепления. Первый острог в Барабинской степи, действовавший круглогодично, был основан по распоряжению тобольского воеводы Юрия Яншеевича Сулешева. В его указе, полученном в Таре «во 133-м году» (сентябрь 1624 — август 1624 гг.) поручалось «в Тарском уезде… в верхней ясачной в Барабинской волости… для приходу колмацких воинских людей поставить острог» (док. № 5). Таким образом, основным назначением укрепления был контроль за пограничной территорией и защита ясачного населения.

Точное время основания Барабинского острога неизвестно. Наиболее вероятно, что это произошло в 1625 г. Гарнизон новой крепости, сменявшийся ежегодно, состоял из тарских служилых литовского списка («литвы») и конных казаков, которых посылали «по тритцати, и по сороку, и болши, смотря по вестям» (док. № 4, 5)[24].

Первое упоминание о существовании Барабинского острога относится к 5 сентября 1626 г., когда в Таре была получена отписка атамана Поспела Голубина, возглавлявшего гарнизон новой крепости. Он сообщал, что калмыки «стоят меж Омью рекою и Чаною озером в полуднище». Для уточнения этих сведений атаман послал конную разведку «под те улусы в подъезд». Заметив казаков, ойраты погнались за отрядом «и пришли за ними под Барабинской острожек и бой де у них был с колмацкими людми с утра да до вечера». Заставить калмыков отступить смогли лишь после того, как «пришли на помочь с Убы озера из летнего острожку тарские служивые люди, которые были на береженье»[25].

Судя по приведённой цитате, Барабинский острог 1626 г. находился рядом с Убинским озером. Упомянутый в документе летний острожек на берегу озера мог быть сезонным укреплением на месте долговременного рыбного промысла обитателей Барабинского острога. Подобные сезонные острожки периодически возводились служилыми людьми на берегу Иртыша «у соляного пристанища», то есть судовой пристани, где на корабли нагружалась соль, добытая на Ямышевском озере.

По описанию Юрия Крижанича, составленному в третьей четверти XVII в., «Московитяне дают заложников и, получив таковых же от калмыков, в тот же день воздвигают на берегу укрепление и ставят на нем пушки, чтобы иметь защиту в случае вероломства»[26]. Рисунок такого острога конца XVII в. помещён в «Хероградскую чертежную книгу» С. У. Ремезова (рис. 2)[27].

---

[21] Там же. Л. 132 об. — 133. Опубл.: Русско-монгольские отношения… Док. № 10, с. 39.

[22] Там же. Л. 133 об. — 134. Опубл.: Там же. Док. № 10, с. 39.

[23] Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб. 1875. Док. № 138, стб. 449; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. Док. № 201, с. 351.

[24] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 144а. Текст этой отписки повторён в царской грамоте тобольским воеводам от 6 мая 1628 г. (там же л. 141), опубликованной: Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 47, стб. 528.

[25] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 12. Опубл.: Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 15, стб. 406.

[26] Крижанич Ю. История о Сибири // Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. 2-е изд. Иркутск, 1941. Прил. 2. С. 560; 3-е изд. Новосибирск, 2006. Прил. 2. С. 457.

[27] Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 97. Этот рисунок с изображением рус-

Рис. 2. Добыча соли российским отрядом на Ямышевском озере. Рисунок С. У. Ремезова из «Хорогравской чертежной книги». Конец XVII в. Показаны: «пристань судам», острог при «соляном пристанище», копка соли на озере и перевозка её в тачках к судам, а также «острог калмацкой» на левом берегу Иртыша

С постройки временного острога с надолбами начиналась каждый год ямышевская соледобыча[28]. Наиболее ранним документальным упоминанием подобного сезонного укрепления российских соледобытчиков, плававших к Ямышевскому озеру, является рассказ атамана тюменских казаков Ивана Воинова: «Да в прошлом же, государь, во 133 году [лето 1625 г.], посылан был я, холоп твой, на твою государеву службу с тюменскими служилыми людми выше Тарского города на Ямыш озеро по соль. И как мы, холопи твои, пришли к соляному пристанищу, и у соляного, государь, озера кочуют многие колмацкие люди. И нас, холопей твоих, те колмацкие люди у соляного пристанища в острожке осадили… И после, государь, того приступали к нам, к острожку, колмацкие люди. И я, холоп твой, из острожку на вылазку с служилыми людми выходил и с колмацкими людми бились»[29].

Идея построить постоянное укрепление на Ямышевском озере, очевидно, также принадлежала тобольскому воеводе Юрию Яншеевичу Сулешеву. В 1625 г. он отправил вверх по Иртышу за солью на Ямыш озеро отряд в 600 человек во главе с сыном боярским Савой Французанином и атаманом Третьяком Юрлевым. Помимо традиционной задачи заготовки соли, руководителям отряда поручалось, «приехав к соляному к Ямышеву озеру, розъездить у озера по обе стороны и по Иртышу вверх и вниз и росмотрить, мочно ли у того озера острог поставить, и

ского лагеря соледобытчиков на устье «р. Пресная» ранее нами неверно отождествлялся с Ямышевской крепостью И. Д. Бухолца во время событий 1715 г. (Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). 2-е изд., доп. и перераб. Барнаул: Азбука, 2007. рис. на с. 65).

[28] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 10. Док. № 16. Л. 24–24 об. Опубл.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 1941. Док. № 324, с. 412.

[29] Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 43, стб. 514–515. По сведениям других участников этой экспедиции, сына боярского Савы Французанина и атамана Третьяка Юрлева, прибывший русский отряд застал на озере тайшу Каракулу «с детми, и с ыными тайши, и со многими калматцкими людми». Ни о каком нападении руководители отряда не сообщали. Напротив, ойраты согласились помочь русским: «Каракула тайша, взяв наше жалованье — сукна, людей своих по соль посылал на дватцати верблюдах одинова (один раз. — *Авт.*). А болши того возить соль не посылал, а сказал, что ему не до тово: ныне у них война меж собою с братьею учинилась» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 622–623). Возможно, нападение на русский острожек, о котором рассказывал Иван Воинов, совершили другие ойраты, пришедшие к озеру после ухода Каракулы. Ещё более вероятно, что описанный эпизод состоялся до 1625 г. Сам воевода Юрий Сулешев в качестве своей заслуги указывал, что при нём (1623–1625) на Ямышевском озере «задоров от колмацких людей к государевым людем никаких не было», тогда как ранее, «в ыном году колмацкие люди тое соли государевым служилым людем грести не давали, и были от колмацких людей… задоры и бои» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 5. Л. 186).

не будет ли от колмацких людей какие тесноты, и прибыль нам в том будет ли. А рассмотря всяких угодей, велено им написати на роспись да и чертеж начертити»[30].

После возвращения в Тобольск роспись и чертёж были посланы в Москву. Эти документы погибли вместе со всем архивом Приказа Казанского дворца во время московского пожара 1626 г. Известно, однако, что в столице заинтересовались замыслом Ю. Сулешева. 31 марта 1626 г. в Тобольске была получена царская грамота, которая предписывала собрать дополнительную информацию, «мочно ли у Ямыш озера жилой острог поставить». Для этого предполагалось допросить сибиряков, бывавших на озере, а также во время следующей экспедиции за солью ещё раз обследовать местность и составить роспись в соответствии с вопросами, сформулированными в царской грамоте.

17 мая 1626 г. из Тобольска была отправлена очередная экспедиция за ямышевской солью. Сводный отряд в 600 человек возглавляли тобольский казачий голова Гроза Иванов[31] и сын боярский Дмитрий Черкасов. Экспедиция поднималась по Иртышу на 23 судах (16 дощаниках и 7 ладьях). 31 августа служилые вернулись в Тобольск, привезя 26 468 пудов казённой соли — вдвое больше, чем в предыдущем 1625 году[32].

В соответствии с заданием из Москвы, Д. Черкасов и Г. Иванов провели обследование окрестностей Ямышевского озера и представили тобольским воеводам «соляному Ямышу озеру чертеж и роспись»[33]. Осенью материалы были отправлены в столицу и получены в Москве 5 декабря 1626 г. Благодаря тому, что это произошло уже после опустошительного пожара, подлинную роспись, подписанную Дмитрием Черкасовым, сберегли до наших дней в Российском государственном архиве древних актов (док. № 3), в отличие от чертежа, который не сохранился.

Заверенная Дмитрием Черкасовым роспись начинается фразой «Лета 7134-го году, маия в 8 день». Нет никаких сомнений, что месяц май указан ошибочно, так как известно, что только 17 мая отряд отплыл из Тобольска. Обследование окрестностей озера могло производиться не ранее начала июля. Подробно описав местность, руководители отряда сделали вывод: «И повыше соляново пристанища на Красном ярку у истока и у займища жилой острог поставити мочно. А лес на острог имати по займищам вверх и вниз по Иртышу по обе стороны». Вместе с тем Г. Иванов и Д. Черкасов сообщали, что пашни в окрестностях озера завести невозможно, поскольку «вниз по Иртышу пахотных мест черной земли до Оми реки нету».

Фактически то же самое подтвердили жители Тобольска, допрошенные воеводами летом 1626 г.: «Острог поставити у Ямыша озера мочно, потому что лес острожной по займищам… есть. А хором ставити из того лесу нельзе. И пашенные земли у острогу и по обе стороны реки Иртыша нет, пришли все пески». Опрошенные подтвердили воеводам, что «около Ямыша озера кочюют калмацкие люди многие», поэтому для охраны будущего острога, по их мнению, «людей де надобе в том остроге с вогняным оружьем с пять сот человек»[34].

В декабре 1626 г. результаты осмотра и допросов были доложены царю. Резолюция Михаила Фёдоровича записана с его слов на обороте росписи Иванова и Черкасова: «Государь… острогу жилого у соленого озера ставити не велел». Такое решение объяснялось, во-первых, отсутствием пахотных земель и проблемой обеспечения гарнизона съестными припасами, во-вторых, плохим качеством леса — из него можно было поставить острог, но его признали негодным на жилые постройки. В-третьих, российского ясачного населения в окрестностях Ямышевского озера не было, а «с калмацкими людми торгу чаять неболшого». Поэтому царь посчитал, что практической надобности в строительстве Ямышевского острога нет[35].

Единственным пограничным укреплением в Обь-Иртышской степи в то время оставался Барабинский острог, где в течение всего года находились служилые люди Тарского уезда[36]. Взаимоотношения с ойратами в эти годы складывались сложно. Выше уже рассказывалось, что летом 1626 г. на Убинском озере, недалеко от острога, тарским годовальщикам пришлось отбиваться от напавших на них кочевников. Как хозяева Барабинской степи вели себя калмыки и в следующем году. Летом 1627 г. на берегу озера Чаны одновременно появились жена ойратского Ман-

---

[30] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 624 об. Опубл.: Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Док. и материалы. Кн. 1. М., 1989. Док. № 17, с. 70.

[31] Гроза Иванов, вероятно, являлся одним из соратников Ермака (Никитин Н. Н. Соратники Ермака после «Сибирского взятья» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 54–59. URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/2762).

[32] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 5. Л. 204. Опубл.: Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 10, стб. 377; Док. № 18, стб. 419–420.

[33] Там же. Л. 228. Опубл.: Там же. Т. 8. Док. № 3–2, стб. 342.

[34] Там же. Л. 227. Опубл.: Там же. Т. 8. Док. № 3-2, стб. 342.

[35] Там же. Л. 224 об. Опубл.: Там же. Док. № 3-2, стб. 343. То же повторено в грамоте, отправленной в Тобольск 14 февраля 1627 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 5. Л. 133).

[36] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 77–80. Опубл.: Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 29, стб. 458–460.

гыта тайши с отрядом «человек з двесте и болши» и тарский сын боярский Ерофей Заболоцкий, прибывший сменить прежнего руководителя Барабинского острога. Жена Мангыта тайши пригласила Заболоцкого в свой лагерь для переговоров, которые прошли по традиционной схеме. Российский представитель потребовал, чтобы ойраты с государевой земли откочевали прочь и освободили охотничьи угодья барабинских татар — данников русского царя. В ответ мангытова жена «прочь не пошла, а сказала, што ей тут кочевать и с… государевых ясашных людей Барабинские волости ясак имать». Более того, она «велела приходить на твоих государевых людей на проходе, как они пойдут с Чаны в острог на Баклы-туру»[37]. Под тюркским именем «Баклы-тура» здесь, видимо, фигурирует местное название Барабинского острога.

В то же лето ясачные жаловались Ерофею Заболоцкому, что и другие ойратские тайши кочуют в Барабе, «хотят кочевать по Оми реке меж верхних волостей»[38]. Приезжавшие в Тару представители этих ясачных волостей неоднократно просили воевод защитить их от калмыков.

Зимой 1627/1628 гг. тарские воеводы князь Юрий Иванович Шеховской и Михаил Фёдорович Кайсаров сообщили царю о жалобах ясачных людей на притеснения со стороны ойратов и выразили мнение, что «без острожку вверх по Иртышу быти не мочно». Воеводы указывали конкретное место, где следовало бы построить крепость, — «на омском устье». От города Тары до этого места сухим путём было пять дней езды, а судовым ходом вверх по Иртышу — десять «днищ». По мнению воевод, в случае появления русской крепости на устье Оми подчинённые Таре прииртышские и барабинские ясачные волости были бы защищены. Кроме того, на омском устье имелся «через Иртиш у колматцких людей перевоз». Строительство крепости помешало бы кочевникам переправляться на правый берег Иртыша и нападать на барабинцев. Воеводы сообщали в Москву, что уже существующий Барабинский острог тарским служилым содержать сложно, поскольку водяного пути до него нет, а «запасов завести на год конми на вьюках не мочно». Расположение нового укрепления на берегу Иртыша было бы значительно удобнее. Это позволяло бы завозить провиант и необходимые припасы на речных судах во время ежегодных плаваний за солью: «А как твои государевы служивые люди пойдут на Ямаш озеро по соль, и в тот, государь, острожек запасов привезут твоим государевым служивым людем на весь год». Заканчивалась отписка тарских воевод традиционным вопросом: «И о том нам, холопем своим, как ты, государь, укажешь?»[39].

В Москве, после получения 7 апреля 1628 г. этой «отписки», допросили прибывших из Тары казаков. Они подтвердили, что «вверх по Иртишу на устье реки Оми острог поставити мочно, место хорошо и угоже, и лесу блиско много». По мнению допрошенных, гарнизон нового острога должен насчитывать «человек з 200 и болши». О существовавшем Барабинском остроге тарские казаки рассказали, что «от Омского устья до Барабинского острогу езду сухим путём 2 днища». Сменный гарнизон острога состоял всего из сорока человек «конных литвы и казаков». Вновь было подтверждено, что после появления крепости на устье Оми «Барабинской острог тогды мочно свести» (док. № 4).

31 августа 1628 г. из Москвы в Тобольск была послана царская грамота с требованием ещё раз проверить сведения о возможности возведения укрепления в устье Оми. Если тобольские воеводы убедятся в выгодности строительства, они должны были «послати того острогу ставити». После устройства крепости воеводам предписывалось «свести» Барабинский острог и начать переселение на устье Оми пашенных крестьян «из ближних городов»[40].

Продолжение этого сюжета историкам неизвестно. Крепость в устье Оми на протяжении XVII в. так и не была построена, хотя имеются сведения, что тарские промысловики, поднимаясь по Иртышу, останавливались на устье Оми для рыбной ловли[41]. О том же писал летом 1654 г. русский посол Фёдор Байков, ехавший вверх по Иртышу из Тобольска в Китай: «Живут на устье тоя реки Оми Тарского города служилые люди для рыбной ловли»[42]. Временные поселения рыбаков — вот всё, что смогли создать на устье Оми тарские служилые люди в XVII столетии.

[37] Там же. Л. 119–120. Опубл.: Русская историческая библиотека. Т. 8. Док. № 39, стб. 501–502.

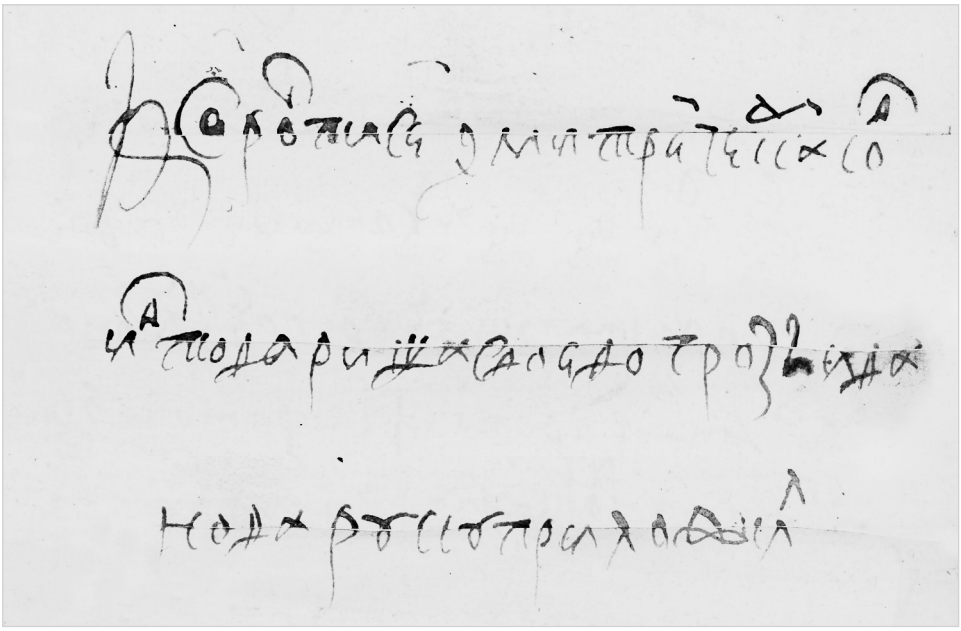
[38] Там же. Л. 121. Опубл.: Там же. Док. № 39, стб. 502–503.

[39] Там же. Л. 154–156. Опубл.: Там же. Док. № 46-1, стб. 522–524.

[40] Там же. Л. 351–352. Опубл.: Там же. Т. 8. Док. № 46-2, стб. 526–527.

[41] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 1. Опубл.: Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сб. док. М., 1974. Док. № 98, с. 322.

[42] Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и док. Т. 1: 1608–1683. М., 1969. Док. № 74, с. 171.



Автограф Дмитрия Черкасова на склейках оборотов листов доезда об осмотре Ямышевского озера (см. док. № 3): «К сей росписе Дмитрей Черкасов/ и в товарища своево Грозы Ива/нова руку приложил». 1626 г.

Документ № 3

1626 г. мая 8[43]***.*** **– Роспись тобольского казачьего головы Грозы Иванова и тобольского сына боярского Дмитрия Черкасова о результатах осмотра места для строительства острога около Ямышевского озера**

(л. 171) Лета 7134-го году, маия в 8 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказу воевод, князя Ондрея Ондреевича Хованскково да Мирона Ондреевича Вельяминова, да дьяков Ивана Федорова, да Степана Угоцкова тобольских конных казаков голова Гроза Иванов да Дмитрей Черкасов, приехав к соляному к Ямышу озеру, розъежали и росматривали у озера по обе стороны и по Иртышу вверх и вниз: мочно ли у того Ямыша озера острог поставить, что[б] был у крепостей, и чтоб было угодно, и пашни, и сенные покосы, и леса, и рыбные ловли к тому острогу были блиско, или не блиско; и о колких верстах; и мочно ли те пашни государевым людем, которые в том остроге будут, пахать и сена косить, и лес сетчи, и рыбные ловли ловить; и не будет ли от колмацких людей государевым людем какие тесноты и порухи; и с калмацкими людми мочно ли будет торговати и какие товары.

И Ямыш озеро от соляново пристанища по смете стоит в полутретье версте[44], а от бугра, что бугур стоит от озерка, по смете верста с полуверстою. А от соляново пристанища вниз до пресного озерка по смете (// л. 172) полверсты. А озерко не велико. А рыбенко в том озерке есть щука, и окунь, и линь, и плотицы.

А повыше соляново пристанища, подле степь, выпал из озерка, что озерко под бугром, исток. А исток на устье мелок, а вверх до озерка по истоку болшими и малыми судами ходити под бугор не мочно.

А займище от соляного пристанища вниз по Иртышу до Толоконных гор по смете на версту. А Толоконных гор по смете на пол версты. А от Толоконных гор вниз пошло займище.

А вверх по Иртышу от соляново пристанища, от Красново ярку, за исток займище же по смете на полторы версты.

А около озера соляново и пресново прилегла степь, чистое место, земля песок. А трава ростет на степе типец, не велика, в вершек. А противо соляново пристанища за рекою займище. А за займищем (// л. 173) протока, за протокою степь, чистое место, а земля песок, а трава

[43] Так в тексте. Явная ошибка, поскольку отряд прибыл на Ямышевское озеро не ранее июля 1626 г.
[44] В тексте описка: в полутретье рубле.

тоже типец. А займищ вверх по Иртышу лесных мест в лотке ехати два днища. А вниз по Иртышу займищ лесных мест по обе стороны много. А лес в займищах тополник, и осокорник, и ветелник, и талник, а иново никаково лесу нету.

И повыше соляново пристанища на Красном ярку у истока и у займища жилой острог поставити мочно. А лес на острог имати по займищам вверх и вниз по Иртышу по обе стороны. И от Красново ярку, где быти острогу, до бугра по смете на полверсты. А от бугра до острогу гора, а под горою исток из озерка.

А пашни пахати у соляново озера и вверх по Иртышу по обе стороны Иртыша отнюдь нелзе, и хлеб не родитца, потому что земля песок и трава не ростет. А вниз по Иртышу пахотных мест черной земли до Оми реки нету. А от Оми реки ходу до соляново пристанища болшими судами вверх по Иртышу (// л. 174) четыре недели.

А займища все у соляново озера вверх и вниз по Иртышу и островы по вся годы вода снимает. А как вода в Иртыше выпадет, и по займищам трава растет болшая. А чистых мест в займищах, где сена косити, нету: все лес в займища нанесло водою, и колотник великой. И окроме займищ луговых мест блиско нет и сена косить негде.

А рыбные ловли у соляново пристанища – река Иртыш да пресное озерко, от соляново пристанища полверсты. А по займищам озерка малые безрыбные. А иных рыбных никаких ловель, речек и озер блиско нету. И рыбные ловли от соляново пристанища удалели вниз по Иртышу.

А от колмацких людей государевым людем какая теснота и поруха будет ли или нет, тово не ведомо. И с колмацкими людми мочно ли будет торговать, и у калмацких людей какие товары будут или нет, тово не ведомо. <...>

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 5. Л. 171–174. Подлинник.

Ранее опубликовано: Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 3-1, стб. 335–338.

Документ № 4

1628 г. апрель–май[45]. – Расспросные речи тарских служилых людей в Москве о возможности строительства острога на устье реки Омь

(л. 132) А на Москве в приказе Казанского дворца тарские служилые люди роспрашиваны. И в роспросе голова конных казаков Назарей Жадовской, да конные казаки Безсонко Учюжников с товарыщи сказали, что от Тарсково города вверх по Иртишу на устье реки Оми острог поставити мочно, место хорошо и угоже, и лесу блиско много.

И толко де велит государь на омском устье острог поставити, и ис того де острогу оберегати государевы ясачные волости ясачных людей мочно. И перевоз через Иртиш на омском устье у колмацких людей отняти мочно. И ясачным людем будет береженье великое от колмацких людей. А надобет де служилых людей в тот острог человек з 200 и болши. И как колмацкие люди учнут на ясачные волости приходить войною, и по их задору толко государь повелит служилым людем, свестясь с ясачными людми, над колмацкими людми на их кочевьях и на перевозех промысл чинити, и чает де того, что вперед на государевы волости колмацкие люди войною приходити не учнут.

А от омского устья до Барабинского острогу езду сухим путём 2 днища. А служивых людей в Барабинской острог посылано было ис Тарского (// л. 133) города конных литвы и казаков по 40 человек. И как велит государь на омском устье острог поставить, и вперед де мочно в том остроге и пашню завесть. А Барабинской острог тогды мочно свести.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 132–133. Подлинник.

Те же расспросные речи включены в текст царской грамоты тобольским воеводам от 31 августа 1628 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 350–351. Ранее опубликовано: Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 46-2, стб. 525–526).

[45] Назар Жадовской прибыл в Москву 7 апреля 1628 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 154 об.).

Документ № 5

1629 г. февраля 20[46]**. – Из челобитной тарских служилых людей царю Михаилу Федоровичу с рассказом об их службах и основании Барабинского острога**

(л. 344) Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои, государевы, Сибирские украины Тарскова города головы, и дети боярские, сотники, и атаманы, и пятидесятники, литва, и конные казаки, и стрелцы, и пешие казаки, пушкари, ружники, и оброшники.

Служим мы, государь, холопи твои, тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, в Сибири в украинном городе на Таре всякие твои государевы службы зимние и летние, конную и пешую, лыжную и струговые тритцать шесть лет. И на твоих государевых непослушников, на колмацких людей, ходим, и отъежжие караулы караулим, и в проезжие станицы ездим безпрестанно. И твои государевы ясачные верхние и нижние волости от колмацких воинских людей оберегаем – стрелцы и пешие казаки человек по сороку, и по пятидесят, и болши. И по твою, государеву, соляную казну на Ямыш озеро по вся годы ходим по сту человек.

А нам, государь, холопям твоим, литве и конным казаком, твоя государева служба прибыла вновь. В прошлом, государь, во 133-м году[47] по отписке ис Тоболска твоего государева боярина и воеводы князя Юрья Яншеевича Сулешова в Тарском уезде в твоей государеве в верхней ясачной в Барабинской волости велено нам, холопам твоим, для приходу колмацких воинских людей поставить острог. И в остроге, государь, велено быти для обереганья твоих государевых ясачных людей служивым людям нам, холопям твоим, литве и конным казакам.

В Барабинской, государь, волости мы, холопи твои, острог поставили. А в остроге, государь, по переменам твою (// л. 345) государеву службу служим человек по сороку и по пятидесят, а по вестям, государь, смотря, и по штидесят во весь год безпеременно.

Да мы ж, холопи твои, ис Тарскова города до Томскова города и в Нарымской острог, и в Кетцкой, и мангазейских, и тунгуских гонцов с твоею государевою казною и со всякими твоими государевыми делами, которые мимо Тарскова города ездят человек по дватцати и по тритцати и болши, провожаем. <...>

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 344–345. Подлинник. Публикуется впервые.

[46] Датируется по сопроводительной отписке тарских воевод, к которой приложена челобитная (Там же. Л. 343).

[47] 7133 год от сотворения мира начался 1 сентября 1624 г., закончился 31 августа 1625 г.

Глава 3

Основание Кузнецкого острога и начало включения народов Алтая в состав Российского государства (1618–1690-е годы)

Начало российского освоения земель в бассейне Верхней Оби связано с основанием города Томска. Вскоре после его возведения стали предприниматься попытки сбора дани с коренного населения, жившего вверх по Томи. Сохранился документ, рассказывающий о сборе дани с «кузнецких волостей» в декабре 1608 – январе 1609 г. Томские воеводы сообщали в Москву, что лишь немногие кузнецкие люди согласились платить ясак: «Князек Базаяк со своими людми в Обинской волости… А ясаку… дали не сполна соболишек худых. <…> И прежде сево, государь, кузнецкие люди ясаку тебе, государю, платили не сполна, недособолишка худые, которые в твою государеву казну не пригодятца»[1]. Из этого следует, что впервые томские служилые люди собрали ясак с Абинской волости, расположенной в низовьях рек Кондомы и Мрассу, не позднее первой половины 1608 года.

Однако народы «кузнецких волостей» уже являлись данниками (киштымами) енисейских кыргызов, которые, в свою очередь, тогда подчинялись восточномонгольским правителям Алтын-ханам[2]. Сбор ясака для русского царя в следующие годы наталкивался на сопротивление местного населения и не давал желаемого результата. Томские власти поняли, что приведение в подданство обитателей верхней Томи, Кондомы и Мрассу возможно лишь при наличии там опорного пункта с постоянным русским гарнизоном и властью, обеспечивающей управление новой территорией[3].

В 1618 г. на Томи в земле абинцев, недалеко от устья Кондомы, был основан Кузнецкий острог, на многие десятилетия ставший самым южным российским форпостом в Западной Сибири. Первоначально гарнизон крепости состоял всего из тридцати человек[4], а территория нового Кузнецкого уезда ограничивалась землями, прилегающими к острогу.

В начале 1620-х гг. томские казаки сообщали в Москве: «кузнецких людей в Кузнецкой земле тысечи с три. И все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело. И из тех кузнецких людей дают государю ясак немногие люди, которые живут близко острожку, всего с двесте человек»[5]. По словам казаков, более отдалённые жители бассейна Томи, Кондомы и Мрассу платили дань своим прежним владельцам: «а которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми кузнецкими людми всеми владеют колмацкие люди, и ясак с них емлют соболми и железом всяким деланым»[6]. «Колмацкими людьми», владеющими всеми проживавшими в бассейне Верхней Томи «кузнецами», по-видимому, названы тюркоязычные ак-теленгеты («белые калмыки») или кыргызы. Возможно, речь шла и о самих ойратах, которых в русских документах XVII в. называли «колмаками» или «черными колмаками» (в отличие от «белых калмыков»)[7].

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. Док. № 6. Л. 9 об. – 10 об. Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Док. № 62, с. 412.

[2] РГАДА. Ф. 126. 1616 г. Д. 1. Л. 1–34, 43–46, 55–56. Цит. по: Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. М., 1959. Док. № 20–22, с. 55–66. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

[3] Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири. Омск, 2005. С. 54–58.

[4] Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. Док. № 68, с. 190.

[5] Там же. С. 191.

[6] Там же. С. 191–192.

[7] Л. П. Потапов, рассказывая об алтайском сеоке Кара-Ярык, пояснял этот этноним: «„черные“, т. е. обычные ярыки» (Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 30). Возможно, и русское название западных монголов «черные колмаки» имело значение «обычные колмаки» или «незнатные колмаки». В древнерусском языке слово «черный» употреблялось в значении «простой, незнатный» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р–Я. СПб.,

Отношения господства и подчинения являлись традиционными для этнических групп Южной Сибири. Наиболее сильными тюркскими кочевыми объединениями между Енисеем и Обью были енисейские кыргызы и белые калмыки. Киштымами кыргызов являлись обитатели таёжных долин по рекам Томь, Мрассу и Кондома (в основном шорцы), а также жители бассейнов Чулыма, Кии и Абакана[8]. Жившие в черневой тайге бассейна реки Бии северные алтайцы (челканцы, тубалары и кумандинцы), судя по российским документам середины XVII в., являлись данниками белых калмыков (док. № 9).

Ко времени проникновения русских на юг Западной Сибири у тюркоязычных обитателей этого региона уже существовал институт двоеданничества. Например, по мнению некоторых исследователей, енисейские кыргызы и их киштымы в начале XVII в. находились в даннической зависимости от восточномонгольских Алтын-ханов[9]. Сложные податные отношения аборигенов несколько позднее фиксируют и русские документы. Так, в 1644 г. сообщалось, что кесегецкие, мундуские и тутошские «захребетные люди» (представители алтайских родов мундус и тодош) раньше платили ясак «на контайшу, и на киргиз, и иные де землицы с них ясак имали ж»[10].

Появление Кузнецкого острога с гарнизоном и вооруженными сборщиками ясака ещё более усложнило административно-политическую ситуацию в регионе: с начала 1620-х гг. Русское государство начало активную борьбу за обладание данниками в Верхнем Притомье.

10 ноября 1622 г. в Тобольск был послан приказ об отправке в Кузнецк двухсот служилых людей, а через некоторое время назначенному в Кузнецк новому воеводе Евдокиму Ивановичу Баскакову поручалось «кузнецких и ясачных людей всех привесть под государеву царскую высокую руку и ясак имати на государя соболми и всякою мягкою рухледью, и шеломами, и рогатинами, и саблями, кому чем мочно ясак государю давать». Подданные енисейских кыргызов должны были стать ясачным населением Кузнецкого уезда. Баскакову предписывалось запретить им давать дань прежним владельцам. «И велети тех кузнецких людей от колмацких людей оберегати, чтоб им от колмацких людей обиды ни которые не было». Если же местные народы откажутся давать ясак государю или их прежние владельцы станут за них заступаться, то от Баскакова требовалось «велети над теми кузнецкими и над колмацкими людми промышляти, сколко милосердный бог помочи подаст»[11].

В 1624/1625 гг. кузнецкие служилые впервые были посланы «в новые околныи землицы: ...в Телескую землю и в Щелкалы... в Тирхеши и в Кумнаши». С двухсот телесов они собрали 50 шкурок соболей разного качества, с двадцати челканцев взяли 20 соболей, с сорока тиргешей — 30 «недособолей», с двадцати комнашей — 15 соболей, «и тотар к шерти привели» (док. № 6). Перечисленные народы жили в бассейне реки Бии. Тирхеши и кумнаши соответствуют тубаларским родам тиргэш и кӧмнӧш, щелкалы — современным челканцам. Современных телесов исследователи локализуют к югу от Телецкого озера, в бассейне реки Чулышман[12]. Таким образом, в 1625 г. и северные, и южные алтайцы-многоданцы стали давать натуральную подать русскому царю, начался длительный и сложный процесс включения народов Алтая в состав Российского государства.

К концу 1620-х гг. кузнецким властям удалось объясачить всё население, жившее по Кондоме и Мрассу, и собрать ясак в Азкиштымской, Тогульской, Тагапской и Керетской волостях, расположенных в бассейне реки Чумыш. Кроме того, тогда же были объясачены тубалары — жители Кузенской, Баланской и Тогуской волостей (док. № 7)[13], а также верхние кумандинцы[14].

Зимой 1644–1645 гг. кузнецкие служилые в поисках беглых ясачных кумандинцев «пришли на обские вершины, на Катун реку... за три днища

1912. Стб. 1563). Напомним в этой связи, что ойратские тайши не были чингизидами.

[8] Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952. С. 48–51; Бутанаев В. Я. История присоединения Хакасии к России // Бутанаев В. Я. Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. Абакан, 1995. С. 11–12.

[9] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 188; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 89.

[10] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 11. Док. № 69. Л. 95 об.–98 об. Цит. по: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 189. О начале сбора ясака кузнецкими служилыми с «государевых непослушников мундуских, и тотошских, и кесегецких людей» зимой 1642/1643 гг. см.: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. Док. № 254. Л. 496 об.–498 об. (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. Док. № 409, с. 488).

[11] Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. Док. № 68. С. 193.

[12] Документов XVII века о посещении русскими бассейна реки Чулышман нам не известно. В связи с этим можно предположить, что «Телеская земля», неоднократно упоминаемая в отписках кузнецких воевод, располагалась близ Телецкого озера, но севернее устья Чулышмана.

[13] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 10. Л. 8–12, 50–52; Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 57; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 105–106. Табл. 34. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 55).

[14] В ясачной книге за 1628–1629 гг. названа «волость Кумандинская», в которой имелось 12 плательщиков ясака (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 19. Л. 820 об.).

от Кумандинской волости» (док. № 8). Это одно из наиболее ранних упоминаний о проникновении русских в низовья Катуни.

Места проживания северных алтайцев — челканцев, тубаларов и кумандинцев — в ясачных документах Кузнецкого острога входили в число дальних Кондомских волостей (док. № 7)[15]. Это объясняется тем, что путь к северным алтайцам лежал по реке Кондоме, а проводниками выступали жившие там шорцы.

Летом 1649 г. воевода Кузнецкого острога Афанасий Сытин получил распоряжение из Москвы послать служилых людей на Алтын озеро для взятия аманатов. В ответном письме от 30 августа 1649 г. воевода объяснял царю, что не смог выполнить этот приказ, потому что «кондомские ясашные люди (проводники-шорцы. — *Авт.*) кузнецких служилых людей на Алтын озеро весть не смеют, боятца от телеских и от саянских людей смертного убоиства… А на Алтын, государь, озеро летней и зимней путь через твои, государь, Кондомские ясашные волости. А мимо тех Кондомских твоих государевых ясашных волостей на Алтын озеро дороги нет. А без вожей служилые люди на Алтын озеро дороги не знают» (док. № 10).

В литературе высказано мнение, что «к 30-м гг. XVII в. кузнецкой администрации и ясатчикам хорошо были известны пути, ведущие в Горный Алтай», в том числе на Алтын-озеро[16]. Приведённый выше отрывок показывает, что даже в середине XVII в. кузнецкие служилые люди без провожатых проникнуть на Телецкое озеро не могли. Гораздо лучше кузнецким казакам были известны в это время низовья Бии.

Первая попытка построить острог на слиянии Бии и Катуни была предпринята томскими воеводами ещё в 1632 г. В июле этого года из Томска на трёх речных судах-дощаниках был послан сын боярский Фёдор Пущин с отрядом в 60 человек. 3 сентября, через два дня после того, как дощаники проплыли мимо устья Чумыша, корабли были обстреляны с берега кочевниками. На последовавших за этим переговорах нападавшие на вопрос Пущина о причинах обстрела ответили на монгольском языке встречным вопросом: «Для чево де воюют наших людей телетцев и белых колмаков людей?»[17]. Опасаясь дальнейшего обострения конфликта, большинство томских служилых потребовало возвращения. Простояв двое суток примерно в районе современного Барнаула, на третий день отряд повернул вниз по Оби, так и не выполнив поставленной задачи.

В следующий раз вопрос о строительстве русского острога на слиянии Бии и Катуни возник в середине века. Сохранилась челобитная на имя царя Алексея Михайловича, написанная служилыми Кузнецкого острога, которые в 1650 г. во главе с пятидесятником конных казаков Поспелом Ивановым были посланы «в калмаки, х калмацкому княз[цу] к Мачику, приводить его, Мачика, да князца То[ргоуса] и Кошеута с товарыщи… к шерте» (док. № 11).

«И как я, холоп твой Поспелка, — писал пятидесятник, — от него, Мачика, шел назад в Кузнецкой острог, вверх по Обе реке, и присмотрил я, холоп твой, на усть Бии и Катуни реки на левой руке место — на колмацком перевозе яр верст на десять. А мочно, государь, в том месте быть твоему государеву острогу, потому что стало, государь, то места на колмацком перевозе середь земель неясашных. И только, государь, то место будет острог, и твоим государевым ясашным людем Кузнецкого уезду всем от твоих государевых изменников и непослушников, ото всех немирных орд будет оборон».

Далее в челобитной перечислялись «многие немирные орды», которые кочуют в округе. В полутора днях пути вниз по Оби кочевали сто человек из рода мундус. В одном дне пути жили верхние мундусцы «Янзукуя с товарыщи», тюрки-кочевники из рода тодош и обитавшее в бассейне Бии население Баланской волости (подразделение Палан из тубаларского рода комнош[18]). Упомянутый в документе вместе с ними «Кергенев» улус (?) предположительно мог бы отождествляться с Кергешской (Тиргешской) волостью, однако она располагалась на истоке реки Бии из Телецкого озера, откуда до устья Бии требовалось более одного дня пути. Вверх по Катуни проживало более четырёхсот мугат и саянцев, продвинувшихся на Алтай из Саянских гор, с территории современной Тувы.

Казаки убеждали царя, что как только на присмотренном ими месте появится российский острог, все перечисленные немирные земли будут платить ясак. «И в том тебе, праведному государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, будет прибыль».

---

[15] См. также: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 8. СПб., 1884. Док. 65, стб. 597.

[16] Уманский А. П. 360 лет со времени похода к Телецкому озеру отряда П. Сабанского // Страницы истории Алтая. 1993 г. Барнаул, 1992. С. 64; Уманский А. П. Первые сведения о юго-западных районах современного Алтайского края в русских документах // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2003. С. 68; Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII в.: опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири. Омск, 2005. С. 72.

[17] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. Док. № 190. Л. 376–377. Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 1941. Док. 306, с. 397. Судя по характеру вопроса, его задавали монголы-ойраты, а не теленгеты Абака.

[18] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 112.

Для возведения острога, по мнению челобитчиков, хватило бы «конных и пеших служилых людей полтораста человек». Любопытно, что кузнецкие казаки уверяли: «А острог, государь, мочно в том месте поставить окроме Томского города из Кузнецкого острогу кузнецкими служилыми людми», то есть не привлекая томичей.

В следующем 1651 году с подобным же предложением неожиданно выступил один из представителей «немирных орд». В Кузнецк прибыл «улусный мужик» тархана[19] Самаргана Ирги, жившего «вверх по Катуне реке» примерно в трёх днях пути от устья. Посланец передал русскому воеводе предложение своего владельца, чтоб московский царь «на усть Бии и Катуни реки велел острог поставить». За это Самарган Ирги обещал собирать ясак с подвластных ему племён — точей, мугатов и саянцев[20] (о которых за год до этого писали кузнецкие казаки в своей челобитной).

Из русских документов известно, что Самарган Ирги откочевал от Алтын-хана с долины Хемчика (исток Енисея) к западным монголам на Алтай, где стал тарханом ойратского тайджи[21] Чокура Убаши. К концу 1650-х гг. этот саянский князец со своими подданными вернулся от чёрных калмыков в «мугальскую землю», осенью 1659 г. он вновь кочевал на «Кемчике-реке»[22]. По мнению А. П. Уманского, предложение Самаргана Ирги о постройке русской крепости на устье Катуни было вызвано опасением мести со стороны Алтын-хана[23].

Кузнецкий воевода по правилам служебной переписки сообщил о переговорах в вышестоящую инстанцию — томскому воеводе, поскольку Кузнецк в то время входил в состав Томского разряда. Томские воеводы отправили отписку в Москву на имя царя Алексея Михайловича, прося монаршего указа[24]. Ответы на челобитную 1650 г. и на предложение Самаргана Ирги неизвестны. Но, судя по документам, кузнецкие служилые в начале 1650-х гг. всерьёз рассматривали возможность возведения нового укрепления в истоках Оби. Когда в 1653 г. в Кузнецке обострился конфликт с присланными туда представителями томской администрации, казаки пригрозили: «Кузнецкой де мы острог покинем и поставим себе острог на усть Бии и Катуни или на Алтыне озере. И там де пахоты будет много. А ис Томского де хотя пришлют и тысечю людей и больши, и мы де не дадимся»[25].

В дальнейшем, во второй половине XVII в., идея сооружения русского острога на устье Бии и Катуни обсуждалась[26], но до практических действий дело никогда не доходило.

В целом состав ясачного населения Кузнецкого острога сформировался уже к началу 1630-х гг. К концу XVII в. территория, на которой проводился сбор ясака, расширилась незначительно: в результате проникновения кузнецких служилых в нижнее течение Бии и Катуни дань русскому царю стали платить нижние кумандинцы, керсагалы и тау-телеуты.

Сведения о народах Сибири, зафиксированные в русских архивных источниках XVII — начала XVIII в., обобщил выдающийся советский этнограф Борис Осипович Долгих (1904–1971) в своей фундаментальной монографии «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» (М., 1960). Одним из результатов этого исследования стала составленная автором карта расселения коренных народов Сибири в XVII в.[27] В течение полувека эту карту используют историки и этнографы, она неоднократно переиздавалась[28].

---

[19] Тархан (персид. terkhan — свободный от налога; тюрк. tarqan — владетель) — тюркский титул, означающий принадлежность к привилегированному слою внутри господствующего класса. Тархан указом правителя (хана, тайши) освобождался за особые заслуги от податей и наделялся различными привилегиями. Абулгази указывал: «Тархан означает такого человека, с которого не берут дани» (Абулгази. Родословное древо тюрков : сочинение Абуль-гази, хивинского хана / пер. Г. С. Саблукова. Казань, 1906. С. 50).

[20] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. Док. № 269. Л. 524–525 об. Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 1941. Док. № 472, с. 534–535.

[21] Тайджи (от кит. «тай-ши» — «великий наставник»), тайша — наследственный титул феодального владельца у монгольских народов и у маньчжуров (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 432).

[22] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 614. Л. 18. Опубл.: Русско-монгольские отношения. 1654–1685: сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук. М., 1996. Док. № 22, с. 57.

[23] Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 58.

[24] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. Док. № 269. Л. 524–525 об. Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 1941. Док. № 472, с. 535.

[25] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 446. Ч. 1. Л. 224; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 86–87.

[26] Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. Док. 294, с. 414 (описание Сибири 1658 г.) и 412 (описание Сибири 1683 г.).

[27] Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. [Масштаб 1 : 12500000] // Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. Цветная карта-вклейка между с. 614–615. Первый вариант этой карты под названием «Этнические группы коренного населения Сибири в XVII веке» был опубликован в 1956 году (Народы Сибири: этнографические очерки / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956. Карта-вклейка между с. 12–13). Тюркские народы Обь-Енисейского междуречья на ней разделены лишь на три группы: «„татары“ чулымские», «„татары“ кузнецкие» и «киргизы».

[28] История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.,

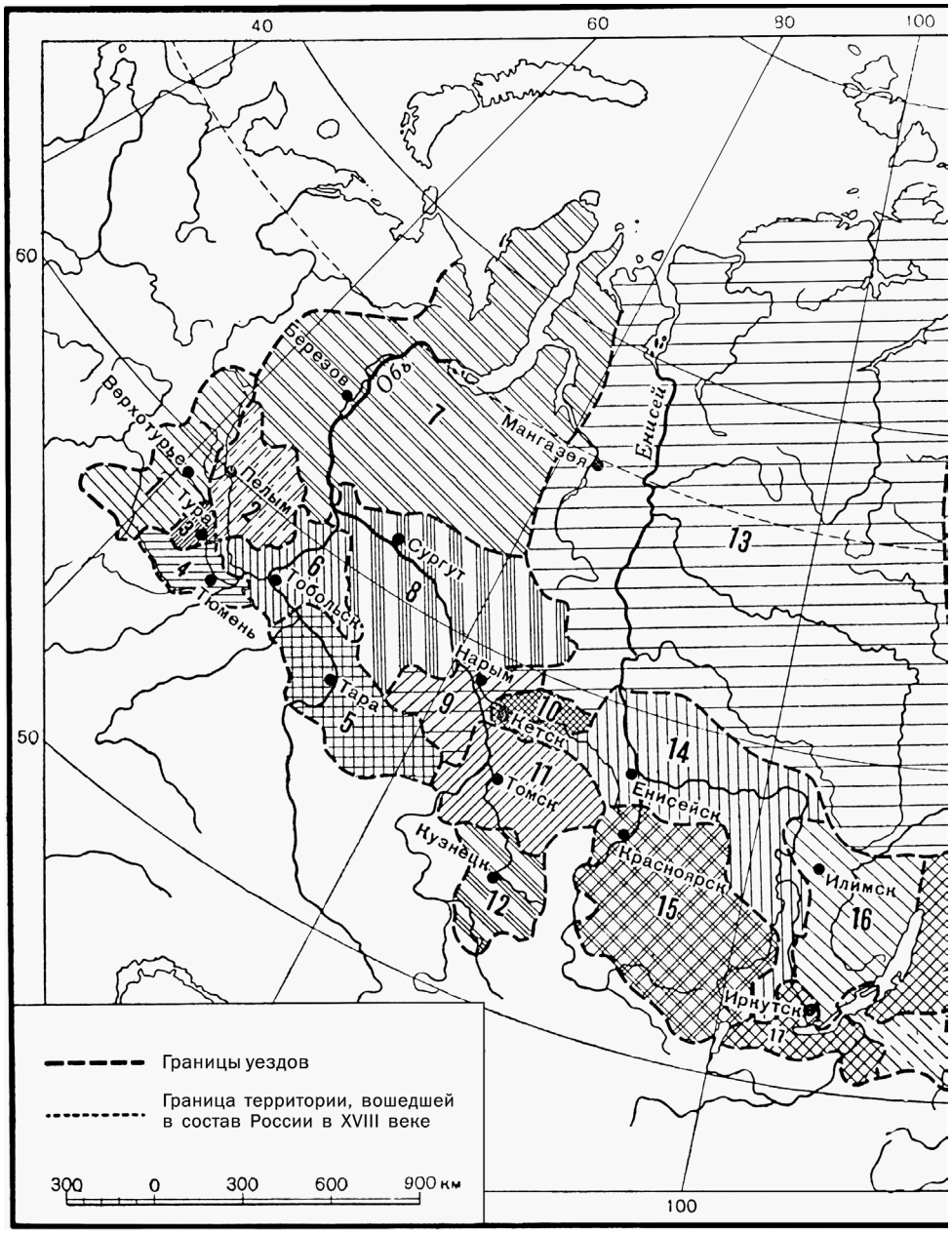


Рис. 3. Западная половина карты Б. О. Долгих «Административное деление Сибири в XVII в.»

Хотя размеры цветной карты, опубликованной в работе Б. О. Долгих, достаточно велики, территория небольшого Кузнецкого уезда со всеми его ясачными волостями занимает на ней площадь размером всего 3,5×2,0 см.

В этой же книге опубликована карта административного деления Сибири в XVII в., на которой показаны реконструированные автором границы сибирских уездов[29]. По масштабу она почти в три раза мельче этнографической. Чтобы читатель получил представление об исторических картах Б. О. Долгих, мы воспроизводим западную часть карты административного деления (рис. 3) и увеличенный фрагмент этнографической карты с совмещением на этом чертеже контуров южных сибирских уездов, реконструированных исследователем (рис. 4).

Для лучшего понимания этнополитической ситуации в бассейне Верхней Оби авторы наложили ареалы, очерченные Б. О. Долгих, на топооснову с подробной гидросетью (рис. 5). Это позволило не только нагляднее и точнее показать места проживания плательщиков ясака в Кузнецком уезде, но и понять логику исследователя при определении им географических границ того или иного ареала. Совмещение его этнографической кар-

1968. Цветная карта-вкладка; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. Цветная карта-вкладка № 3; Рычаловский Е. Е. Народы Сибири накануне присоединения к России // Сибирь: Атлас Азиатской России. Новосибирск; М., 2007. С. 498–499.

[29] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 18. Масштаб карты 1 : 33 300 000.

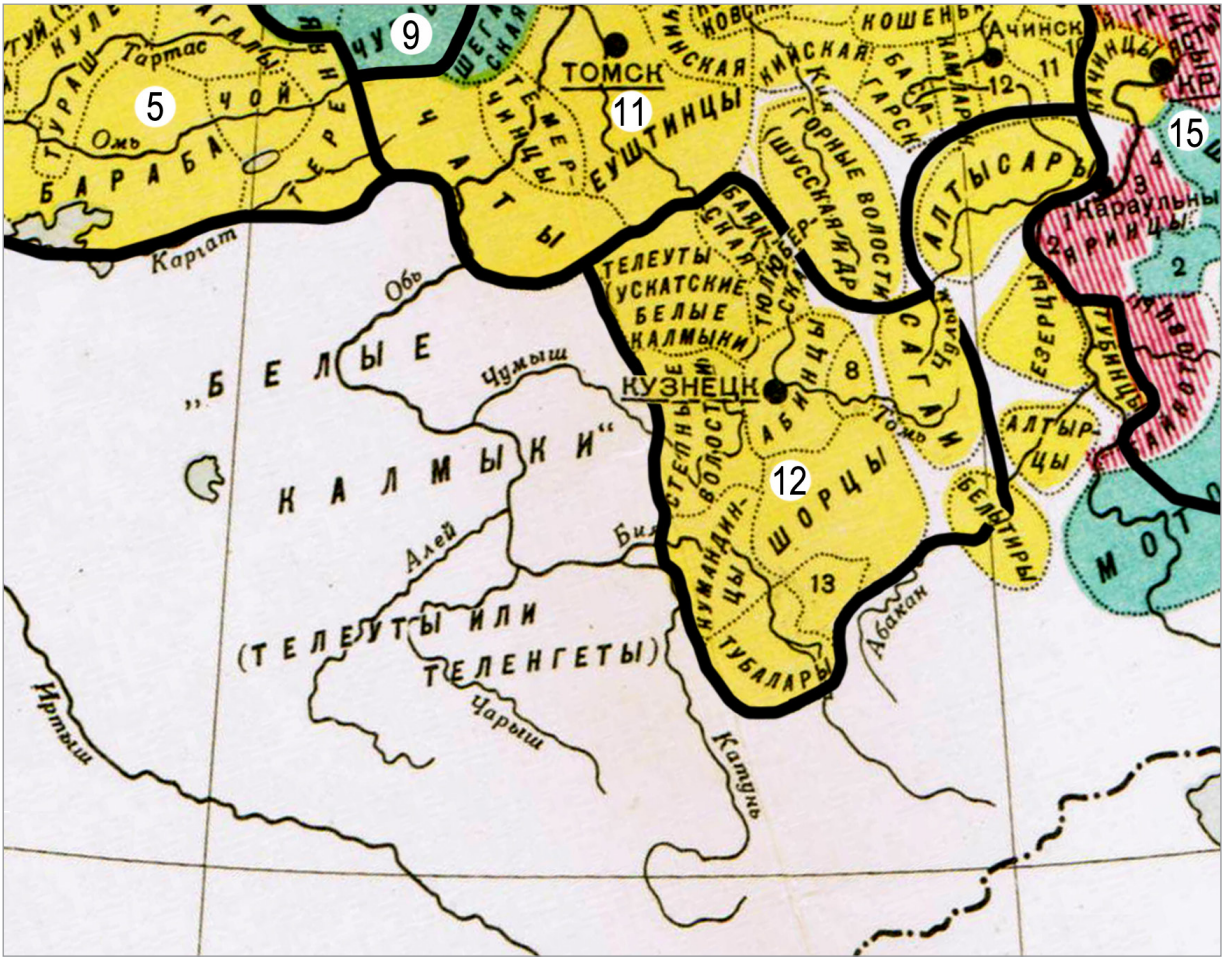


Рис. 4. Фрагмент «Карты распространения этнических групп, расселения племён и родов народов Сибири в XVII в.» с перенесёнными на неё границами уездов (совмещено авторами). Номера уездов соответствуют обозначениям на карте «Административное деление Сибири в XVII в.»

ты с крупномасштабной топоосновой показывает, что, как правило, контур этнической территории проводился по водоразделам, то есть с учётом реальной гидросети. Несомненно, что для подготовки своей исторической реконструкции Б. О. Долгих использовал крупномасштабные географические карты отдельных регионов Сибири, а помещённая в его книгу этнографическая карта представляет собой сводный чертёж со значительно облегченной гидросетью. Таким образом, предлагаемая в нашей книге реконструкция является возвращением к исходному чертежу Б. О. Долгих для рассматриваемого региона.

Карта расселения коренных народов Кузнецкого уезда была дополнена таблицей, отражающей динамику численности этих плательщиков ясака в XVII в. (табл. 1). Сопоставление таблицы и карты показывает, что подавляющее число плательщиков ясака обитало в волостях, прилегающих к Кузнецку. В основном это были кондомские и мрасские шорцы, а также северные шорцы-абинцы. Жившие на сравнительно небольшой территории, они в течение всего XVII века составляли численно преобладающую часть ясачного населения Кузнецкого уезда.

Народы, проживающие в бассейне реки Бия (челканцы, тубалары и кумандинцы), которых этнографы объединяют общим названием «северные алтайцы», суммарно насчитывали от 50 до 170 плательщиков ясака. Фигурировавшие в ясачных книгах «степные волости» располагались в бассейне Верхнего Чумыша. Несмотря на близость к Кузнецку, ясачного населения здесь было меньше, чем среди северных алтайцев, обитавших в бассейне Бии. Л. П. Потапов тогульцев и азкиштымов относил к телеутам, то есть к южным алтайцам[30].

Севернее степных волостей, в верхнем течении рек Иня и Ускат, Б. О. Долгих выделял ареал расселения ускатских телеутов — «выезжих белых калмыков». Исследователь отмечал, что на протяжении почти всего XVII века в бассейнах рек Иня и Бердь кочевали «белые калмыки»,

[30] Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 35–36, 100, 169.

Рис. 5. Границы российских уездов и районы расселения народов юга Западной Сибири в конце XVII века (по Б. О. Долгих) на топооснове с подробной гидросетью. Реконструкция авторов.

Российские уезды

Тарский уезд:
1 — Лугуй
2 — Любай
3 — Кулеба
4 — Тураш
5 — Бараба
6 — Карагалы
7 — Чой
8 — Тереня

Нарымский уезд:
9 — Чурабарская волость

Томский уезд:
10 — Шегарская волость
11 — Еуштинцы
12 — Ячинская волость
13 — Кийская волость
14 — Басагарская волость
15 — Камларская волость
16 — Ачинская волость
17 — Кизылская волость
18 — Чаты
19 — Темерчинцы
20 — Горные волости (Шусская и др.)

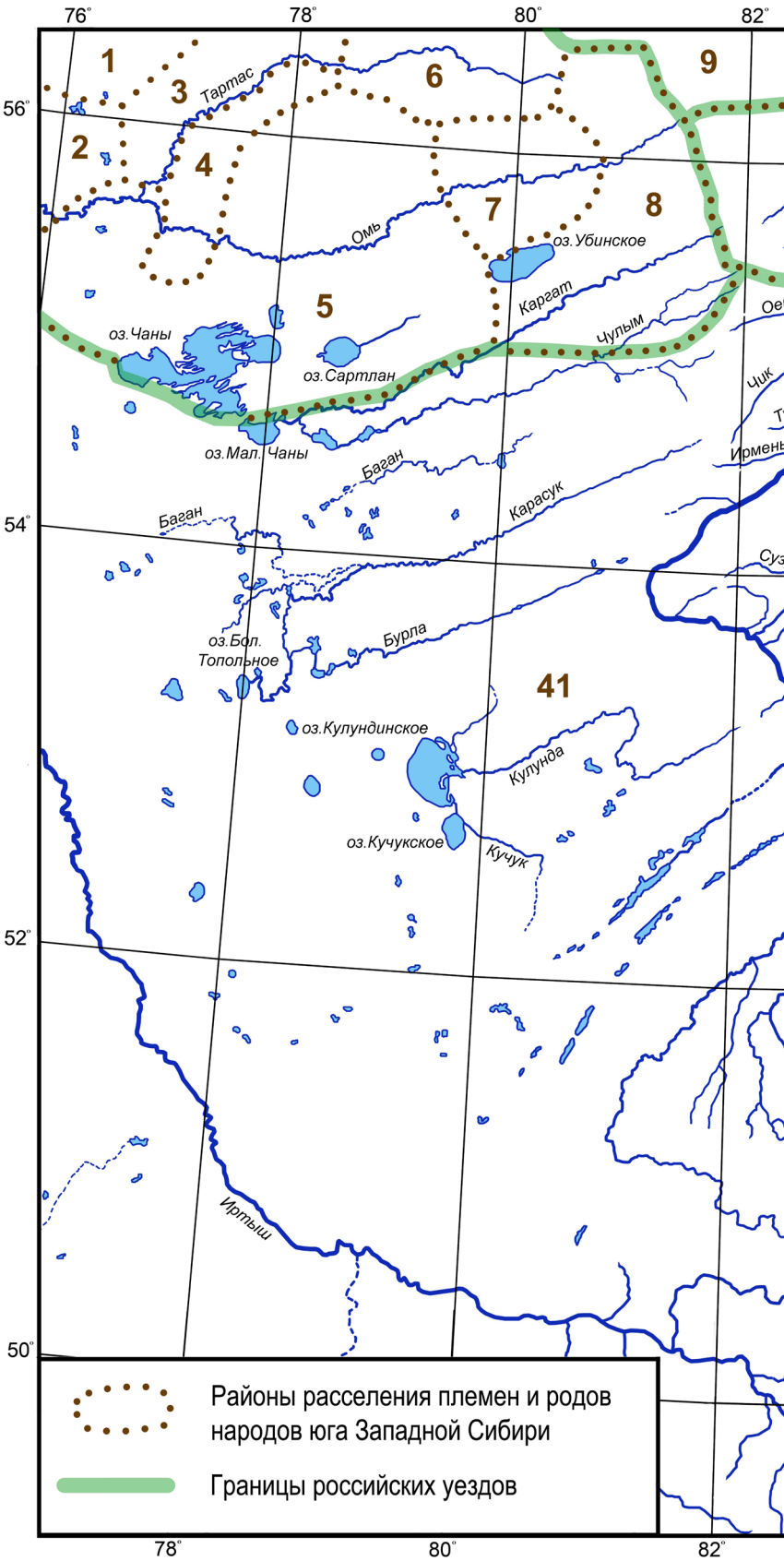
Кузнецкий уезд:
21 — Телеуты (Ускатские белые калмыки)
22 — Баянская волость
23 — Тюлюберская волость
24 — Степные волости
25 — Абинцы
26 — Верхотомцы
27 — Сагаи
28 — Шорцы
29 — Кумандинцы
30 — Челканцы
31 — Тубалары
32 — Бельтиры

Красноярский уезд:
33 — Качинцы
34 — Яринцы
35 — Байкотовцы
36 — Моторы

Соседние территории, подвластные ойратам

Енисейские кыргызы:
37 — Алтысары
38 — Езерцы
39 — Тубинцы
40 — Алтырцы

Теленгеты:
41 — «Белые калмыки» (телеуты или теленгеты)



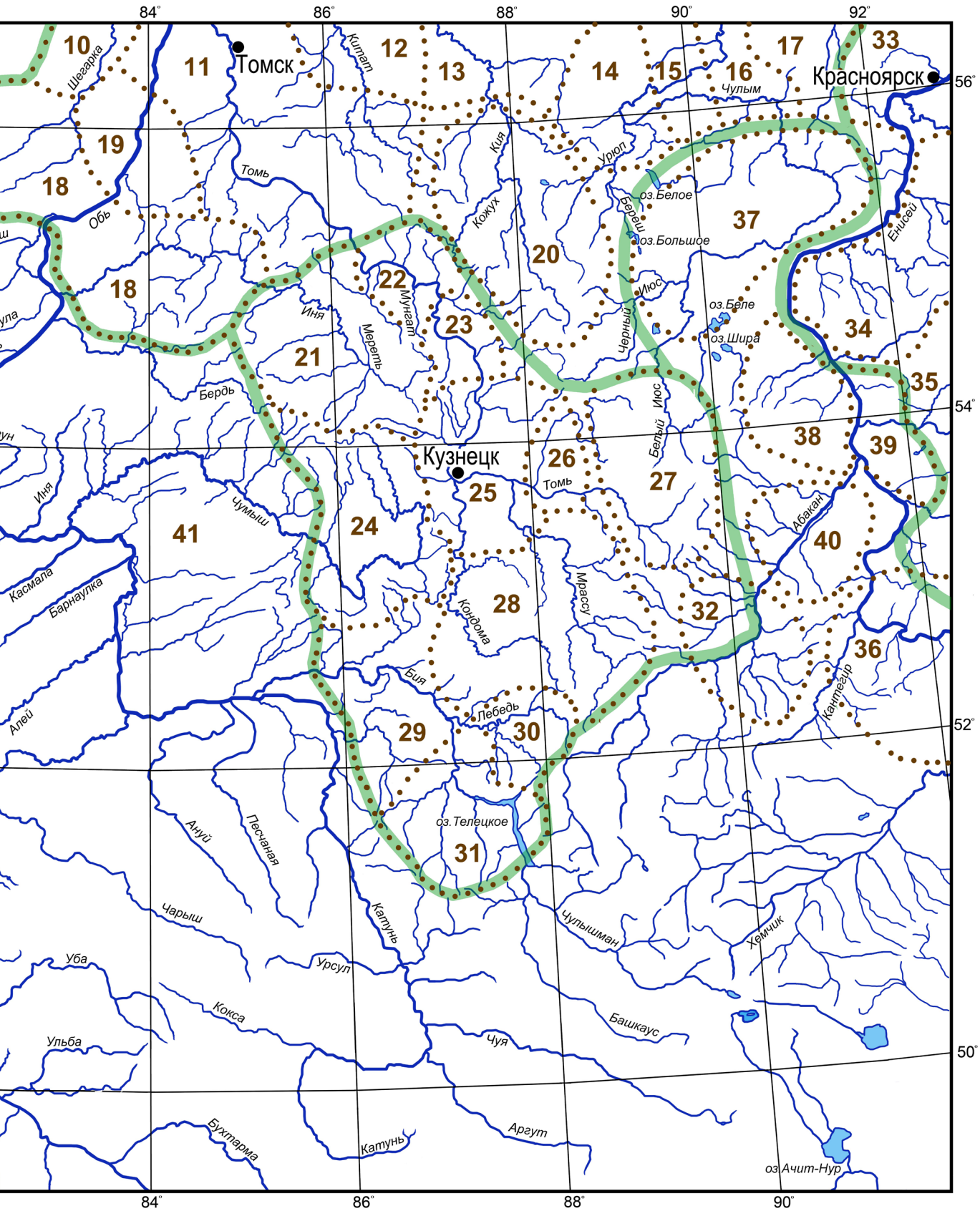

84°
86°
88°
90°
92°
56°
54°
52°
50°
Томск
Красноярск
Кузнецк
Шегарка
Китат
Чулым
Кия
Урюп
Томь
Обь
Кожух
оз.Белое
Береш
оз.Большое
Енисей
Июс
Черный
оз.Беле
оз.Шира
Иня
Мунгат
Мереть
Бердь
Белый
Абакан
Чумыш
Касмала
Барнаулка
Мрассу
Кондома
Бия
Лебедь
Кантегир
Алей
оз.Телецкое
Ануй
Песчаная
Чарыш
Катунь
Чулышман
Хемчик
Уба
Урсул
Кокса
Башкаус
Ульба
Чуя
Бухтарма
Аргут
оз.Ачит-Нур
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41

Таблица 1

Численность тюркоязычных народов бассейна Верхней Оби, плативших ясак в Кузнецкий острог в XVII в.

№ на карте (рис. 5)	Этнические группы и ясачные волости	Год уплаты ясака				
		1630	1650	1671	1692	1703
	Нижнетомские волости (всего):	33	37	51	33	24
22	Баянская	11	21	32	18	15
23	Тюлюберская	22	16	19	15	9
25, 26	**Абинцы и верхотомцы (всего):**	157	229	248	190	181
28	**Шорцы (всего):**	242	365	414	373	260
	Челканцы:					
30	Шелканская волость	8	14	27	34	35
31	**Тубалары (всего):**	28	40	70	57	68
	Кузенская волость	6	14	16	20	15
	Комляшская волость	4	10	27	28	29
	Тиргешская волость	13	15	21	–	20
	Южская волость	5	1	6	9	4
29	**Кумандинцы:**					
	Кумандинская волость	15	39	61	82	57
24	**Степные волости (всего):**	48	41	88	124	76
	Азкиштымская волость	20	–	30	49	28
	Тогулская волость	8	16	25	26	17
	Тагапская волость	6	18	23	39	21
	Керетская волость	14	7	10	10	10
21	Телеуты ускатские	–	6	94	100	63
	Тау-телеуты	–	–	–	10	+
	Телесские люди	+	+	+	–	+
	Керсагалы:					
	Керсагалская волость	–	29	29	–	–
27	**Сагайцы (всего)**:					22
	Сагайская волость	+	–	+	–	13
	Юс-сагайская волость	–	–	–	–	9
32	**Бельтиры**:					
	Бельтирская волость	–	–	+	–	35
	Всего:	531	800	1082	1003	821

Таблица составлена авторами по материалам Б. О. Долгих (1960, табл. 34 на с. 105–106). В подсчёт не включено несколько мелких родовых подразделений с минимальным числом плательщиков ясака.

независимые от кузнецкой администрации[31]. Действительно, в верховьях Ини расположена река Мереть (рис. 9), неоднократно называвшаяся в русских документах местом кочевий Абака и его сына Коки[32]. В восточной части очерченного Б. О. Долгих ареала, на реке Ускат, левом притоке Томи, поблизости от Кузнецка, проживали «белые колмаки ускатцкие», которые ясака не платили, но с середины 1630-х гг. давали в Кузнецк «поминочных пять соболей»[33]. Резкое увеличение числа ускатских ясачных «белых калмыков» с 1670-х гг. связано с выездом части телеутов «на государево имя» – их переходом в российское подданство. Таких «выезжих белых колмаков» поселяли по Ускату, а также Большому и Малому Бачатам (верховья реки Ини).

Небольшая группа тау-телеутов (горных телеутов), живших в бассейне р. Иши, правого притока Катуни, была объясачена кузнецкими властями в 1690-е гг., когда русское влияние распространилось на междуречье Бии и Катуни. Ранее, в 1650–1670-е гг., кузнецкие служилые несколько раз собирали дань с керсагалов, проживавших в нижнем течении Бии и Катуни[34]. Однако это вызывало протесты западно-монгольских правителей, которые считали керсагалов своими киштымами.

Б. О. Долгих отмечал, что «довольно регулярно ясак платили телесы, жившие к югу от Телецкого озера», но данные о числе плательщиков в русских документах отсутствуют[35]. Вероятно, поэтому на составленной им административной карте территория к югу от Телецкого озера осталась за пределами Кузнецкого ведомства. Напротив, земли кыргызских киштымов – сагайцев и бельтиров – включены в состав уезда, несмотря на то, что, по признанию самого исследователя, это население «прочно вошло в состав Кузнецкого уезда лишь после увода енисейских киргизов

[31] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 104.

[32] Л. П. Потапов и А. П. Уманский отождествляли упоминаемую в документах Мереть с «правым притоком р. Оби, ниже устья Чумыша» (Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 85; Уманский А. П. «Телеутская землица» в XVII столетии // Ученые записки / Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы. Барнаул, 1969. Вып. 8. С. 43, 47; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 146; Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 64). На наш взгляд, такое отождествление ошибочно. Кроме Мерети – правого притока Оби – существует и другая Мереть – правый приток Ини в её верховьях. Эта Мереть впадает в Иню неподалёку от устья реки Бачат, места традиционного проживания телеутов.

[33] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 71. Л. 46. А. П. Уманский считал, что ускатские белые калмыки в это время уже платили ясак и являлись «выезжими», то есть «эта группа состояла только из телеутских перебежчиков» (Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 189). Однако в документах 1630-х гг. речь идёт только о сборе «поминочных соболей» со всей группы ускатских белых калмыков.

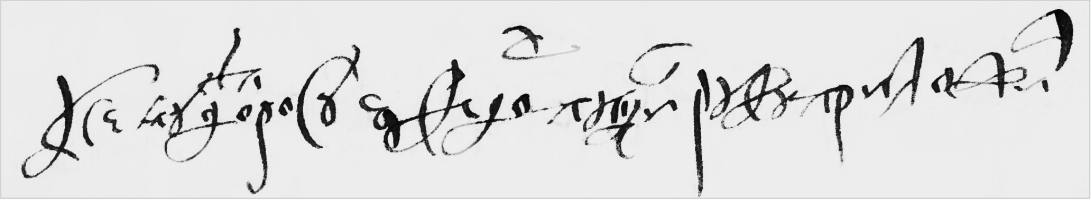
[34] Б. О. Долгих относил керсагалов к кумандинцам (1960, с. 111–112), однако Л. П. Потапов подверг его тезис аргументированной критике, доказывая, что эта этническая группа имела тувинское происхождение (Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 110–111). А. П. Уманский в своих работах также включал керзалов («керсагальцев» русских актов XVII в.) в число тувинцев («саянцев»), с которыми контактировали телеуты (Уманский А. П. Телеуты и их соседи... Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 47).

[35] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 114.

джунгарскими феодалами в 1703 г.»[36]. Следовательно, контур Кузнецкого уезда, очерченный на административной карте Б. О. Долгих, показывает территорию ведомства на начало XVIII в. и не совсем соответствует хронологическому периоду, заявленному в заголовке карты.

Как указывалось выше, включение народов Алтая в состав Российского государства началось в середине 1620-х гг. Сопоставление данных ясачных книг 1630–1692 гг. наглядно показывает, что численность алтайцев, плативших дань русскому царю (и северных — челканцев, тубаларов, кумандинцев; и южных — телеутов, телесов), постоянно увеличивалась, хотя в абсолютных цифрах число их к началу XVIII в. ещё было невелико (табл. 1). По-видимому, такое увеличение связано не столько с демографическими процессами, сколько с расширением территории сбора ясака в пределах ареалов расселения каждой этнической группы.

[36] Там же.



Автограф томского сына боярского Фёдора Пущина: «К сему допросу я Федор Пущин руку приложил». 1645 г.

Документ № 6

1625 г. после 1 сентября. **— Послужной список о сборах дани с тюркского населения Алтая и сопредельных территорий, проводившихся при кузнецком воеводе Евдокиме Баскакове в 7133–7134 гг. (сентябрь 1624 — август 1626)**

(л. 1) Послужной список.

Лета 7133-го году по твоему государеву указу посыланы из Кузнецкаг[о] острогу при воеводе Овдокиме Баскакове служивые люди в новые околныи землицы: казаки Сидорко Федоров, да Ивашко Путимец, да в толмачех Васка Кыш... [2–3 буквы не читаются] посыланы в Телескую землю и в Щелкалы. И по смете телеских людей 200 человек. А ясаку с них взяли на тобя, государя, пятдесят соболей и недособолей. А в Щелкалской волости по смете 20 человек. А ясаку с них взяли на тобя, государя, 20 соболей в... [далее оторвано]...

А в том же в 133-м году посы... [далее оторвано]... острогу казаки в... [далее оторвано]... Васелка Василев да... [далее оторвано]... енов. И в Киргизах по смете... [далее оторвано]... людей в Обраеве улусе[37] человек с... [утрачено 1–2 буквы] и болши. Ясаку с них взято на тебя, государя, на нынешней на 133-й год внов на князьке Талае, да на князьке Стабаче, да на князьке Кулуча[е] с товарищи сорок соболей.

А в Сагаиской волости по смете 30 человек. И ясаку с них взяли на тебя, государя, на нынешней на 133-й год внов 22 соболя.

А преже сего те киргизы давали ясак в Томской город, и они заворовали, ходили под Томской город воиною, и ясаку с собя давать не учали в Томской город, а дали ясак в Кузнецкой острог.

Да во 133-м году посыланы из Кузнецкаго острогу томские годовалщики Никонко Волк, да в толмачех Филка Турна в новыя землицы: в Тирхеши и в Кумнаши. В Тирхешах по смете сорок человек. А ясаку с них взяли на тобя, государя, на нынешней (// л. 2) на 133-й год внов 30 недособолей. А в Кумнашах по смете 20 человек. А ясаку с них взяли на тобя, государя, на нынешней на 133-й год внов 15 соболей. И тотар к шерти привели.

Да во 133-м году посыланы из Кузнецкого острогу казак Офонка Федоров, да в толмачех подострожной татарин Уразачко в новую землю, в Бачектаев улус. И в Бачектаеве улусе по смете 15 человек. А ясаку с них взято на тобя, государя, на 133-й год 3 сорока тритца четыре соболя, да четыре недособоля, 3 лисицы за шесть соболей. И тотар к шерти привели.

[37] По сведениям А. Абдыкалыкова, князец Абрай был правителем Алтысарского улуса енисейских киргизов (Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в. (исторический очерк). Фрунзе, 1968. С. 7).

Да во 133-м году посыланы из Кузнецскаго острогу на Мразу в ясачныя волости служивой человек Володка Оверкиев с товарищи, да в толмачех Нагайко Ондриев. И учинили тебе, государю, прибыли: прибрали при старом внов ясаку шесть сороков соболей з захребетных мужиков.

Да в нынешнем во 134-м году при воеводе Овдокиме Баскакове посыланы из Кузнецково острогу служивые люди Ивашко Ус, да Трешка Оверкиев, да в толмачех Филка Василев в ту ж Киргизкую землю. И ясаку на тобя, государя, взяли с Обраева улуса 2 сорока 3 соболя. И лутчево князька Табуна к шерти привели.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 10. Л. 1–2. Подлинник.

Ранее опубликовано: Бородаев В. Б. Документы о первых контактах Российского государства с жителями Алтайских гор // Алтай — Россия: 255 лет единства: материалы республиканской научно-исторической конференции. Горно-Алтайск, 2011. С. 36.

Документ № 7

1627 г. мая 18. **— Сообщение кузнецкого воеводы Фёдора Голенищева-Кутузова царю Михаилу Фёдоровичу о сборе дани с тюркского населения в 7135 году (с октября 1626 по май 1627 г.)**

(л. 9) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии халоп твои Фетко Голенищев Кутузов челом бьет.

В нынешнем, государь, во 135-м году актебря в 10 день посылал я, халоп твой, ис Кузнецкова острогу в новые земли — в Мутарскую землю да в Тубинскую — кузнецких служивых людей черкашенина Гришку Тузовскова да в толмачах Нагайка Ондреева приводит[ь] тех новых людей мутарцов и тубинцов по твою государеву царскую выс[о]кую руку и ясак на тобя, государя, велел с тех новых людей взять.

И те новы земли я, холоп твой, по твою государеву царскую высокую руку привел. И ясак с тубинцов и с мутарцов со княска Кояна да со княска Килину на тобя, государя, служивые люди Гришка да Нагайка взяли на нынешней на 135-й год и принесли ко мне в Кузнецкой острог. А тех, государь, новых земель людей мутарцов и тубинцов человек с четыреста.

Да в нынешнем же, государь, во 135-м году, привел я, халоп твой, по твою государеву царскую высокую руку новую Киченскую землю и ясак с тое новые земли и поминки на тобя, государя, взял.

Да я ж, халоп твой, посылал по твой, государь, ясак в Киргизы в Обраев улус кузнецких служивых людей Гришку Яковлева, в толмачех Досаика Микитина. И те служивые люди ясак на тобя, государя, с киргиз взяли на (// л. 10) нынешней на 135-й год и принесли ко мне в Кузнецкой астрог. А те, государь, новые земли Мутары, и Тубинцы, и Киченская землица на перед сего по нынешней по 135-й год тобе, государю, ясаку не давали. А киргизы Абраев улус преже сего ясаку не давали, дали вновь при мне, холопе твоем, на 134, да на 135-й год.

Да в прошлом, государь, во 133-м году при воеводе Авдокиме Баскакове твои государевы ясачные волости Аскиштимские, та Тогулские волости, да Зазыбаев улус откочевали в Белые колмаки.

В нынешнем, государь, во 135-м году посылал я, холоп твой, ис Кузнецкаво астрогу к тем аскиштимским и к тогулским ясачным людям Кузнецкаво острогу служивова человека Васку Василева, да кузнецкаво юртовского татарина ясаула Анмеячка для тово, чтобы те ясачные люди шли жить в старые свои волости и в улусы, и ясак бы тобе, государю, дали. И те аскиштимские, и тогулские, и Зазыбаев улус ясашные люди пришли с колмаков жить в старые свои волости и в улусы, и ясак тобе, государю, и поминки на нынешней на 135-й год дали и принесли ко мне, холопу твоему, в Кузнецкой острог.

Да в нынешнем же, государь, во 135-м году декабря в 21 день посылал я, холоп твой, ис Кузнецкаво острогу подячево Родку Савина на твою государеву службу по Мрасе вверх твоих государевых ясачных княсков и лутчих людей переписавати, и вновь искати захребетников.

И он, Родка (// л. 8[38]) Савин, твоих государевых ясачных людей переписал. Да ис тех же твоих государевых ясачных людей сыскал он, Родка, захребетников семнатцат человек и ясак с них на 135-й год на тобя, государя, взял. А те захребетники по нынешней по 135-й год тобя государю ясаку не давали.

[38] Листы в деле перепутаны. По старой пагинации лист 11.

Да в нынешнем же, государь, во 135-м году генваря в 11 день посылал я, холоп твой, по твой государев ясак в твои государевы ясачные волости по Кондоме реке кузнецких служилых людей Петрушку Дорофеева, да Ивашка Иванова с товарыщи. И Петрушка Дорофеев с товарыщи в твоих государевых волостях по Кондоме реке ясак собрали и перед прежным учинил в твоей государевой казне прибыль.

И пришел он, Петрушка с товарыщи, в новые землицы в Чигатцы, да в Ибери, да в Тогусы. А те новые землицы тобе, государю, ясаку не дают. И он, Петрушка, тем новым людем учал говорить, чтобы им быть по твоею государевой царскою высокою рукою и ясак бы тобе, государю, дали. И те новые землицы — чигатцы, и абери, и тогусцы — тобе, государю, ясаку не дали, и собралися, и пришли на служивых людей, и учели [с] служилыми людми битца. И божиею милостию и твоим государевым счастьем Кузнецкаво острогу служивые люди Петрушка Дорофеяв, да Ивашко Иванов с товарыщи тех не мерных землиц людей побили и языки и ясыр[ь] поимали и привели ко мне в Кузнецкой (// л. 12) острог шти человек добрых мужиков. И я, холоп твой, тех языков распрошивал. И они сказали в роспросе: ясаку де мы государю не дали и [с] служивыми людми билися для тово, что руских людей не знали. А ходу до тех непослушных землиц от Кузнецкого астрогу лыжным ходом четыре недели. И я, холоп твой, выбрав с тех мужиков трех человек лутчих людей, и велел держать в закладе в Кузнецком астроге, а трех человек велел привести к шерти, чтобы им быть по твоей государевой царскою высокою рукою и ясак тобе, государю, давать. И велел их отпустить в их землицы марта в 21 день, и велел им быти с твоим государевым ясаком в Кузнецкой астрог и по ясыр[ь] с выкупом. И те непослушные землицы Чигатци, и Абери, и Тогусы с твоим государевым ясаком и по ясыр[ь] с выкупом нынешнего 135-го году мая по 18 день в Кузнецкой острог не бывали.

Да в нынешнем жа, государь, во 135-м году генваря в 30 день посылал я, халоп твой, ис Кузнецкова острогу в новую Боланскую землицу по твой государев ясак кузнецких служивых людей черкашенина Олешку Бокая, в толмачех Филку Восилева. И те служивые люди Алешка да Филка тое новую Боланскую землицу привели по твою государеву царскую высокую руку и ясак с тое новые землици на тобя, государя, вновь взяли нынешней на 135-й год, принесли ко мне, халопу твоему, в Кузнецкой астрог.

А что, государь, взято твоево государева ясаку с новых земель и что сыскано вновь в твоих государевых ясачных волостех захребетников, и то, государь, написано в ясашных книгах збору на нынешнем 135-м году. И те ясашные книги послал я, холоп твой, к тобе, государю, к Москве с твоей государевой соболиною казною с кузнецкими служивыми людми с Ывашком Юревым с товарыщи нонешнего 135-го году мая в 18 день.

А прибыли тобе, государю, учинил я, холоп твой, перед прошлым 134-м годом в твоей государевой ясашной казне адинатцат сороков шестьнатцат соболей.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 10. Л. 8–12. Подлинник.

Ранее опубликовано: Бородаев В. Б. Документы о первых контактах Российского государства с жителями Алтайских гор // Алтай — Россия: 255 лет единства: материалы республиканской научно-исторической конференции. Горно-Алтайск, 2011. С. 36–38.

Документ № 8

1645 г. не ранее сентября 1. **— Отписка воеводы Кузнецкого острога Афанасия Сытина в Сибирский приказ на имя царя Алексея Михайловича о вооруженном столкновении на Катуни кузнецких служилых людей с «Баилярко с товарыщи», которые притесняли ясашных кумандинцев**

(л. 214) Государю царю и великому князю Алексею Михаиловичю всеа Русии холоп твой Афонка Сытин челом бьет.

В прошлом, государь, во 153-м году августа в 25 де[нь] блаженные памяти отца твоего, государева, великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за припис[ь]ю дияка Григоря Протопопова писано к прежнему воиводе к Офонасю Зубову:

В прошлом же, государь, во 153-м году ноября в 19 де[нь] писал ис Кузнецкого острогу блаженные памяти к отцу твоему, государеву, к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве прежней воивода Афонасей Зубов:

В прошлом же де во 152-м году декабря в 21 де[нь] по указу блаженные памяти отца твоего, государева, великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии посылал он, Афонасей, для ясачного збору вверх по Кондоме реке во все волости съезжей из-

бы подячего Макарка Яковлева, да с ним служилых людей пятнатцать человек. И февраля в 4 де[нь] пришли с Кондомы реки под[ь]ячей Макарко Яковлев с товарыщи, а перед ним, Офонасем, в съезжей избе сказали:

пришли де в ясачные волости в Когодеев улус, и в Елескую, и в Кумандинскую волость. И в Когодеиве улусе, и в Елеиской волости князцы и есаулы Когодеевы, двоюродной брат Кулунак з бротею, да Елеиской (// л. 215) волости князец Урушпай да лутчие улусные люди Мендукейко с товарыщи им, под[ь]ячему и служилым людем извещали на баидерских воров на Баилерка с товарыщи, что приходят де они в ясачные волости воиною и грабежем. И от того де Баилярка с товарыщи чинятца ясачным людем теснота и обида великая, что ясашных людей грабят и побивают, и жен их и детей в полон емлют, и отымают у них соболи и лисицы и всякую мяхкую рухлед и всякие товары. А живут де он, Баилярко, от Кумандинских волостей в четырех днищах. А твоего государева ясаку не плачивал. А преже де сего, в прошлых годех, двожды кузнецких служилых людей ясатчиков с воровскими с кумандинскими людми он, Баилярко, побил осм[ь] человек. И как де он, Макарко, с товарыщи ис тех волостей пришли в твою государеву ясачную в Кумандинскую волость, ис Кумандинской де волости твои государевы ясачные люди от ясачного збору убежали в черные колмаки. А иные в Нижную воровскую Куманду девять человек.

А против прошлого 151-го году довелося с них взять твоего государева ясаку болши дву сороков соболей. И он де, под[ь]ячей Макарко, ис Кумандинской волости для тех твоих государевых беглых людей девяти человек посылал пятидесятника Куземку Володимерова, которой с ним был для толмачества, да с ним служилых людей осм[ь] человек, да подгородных юртовских (// л. 216) татар и кондомских волостей лутчих людей семь человек для того, чтоб в твоем гусудареву ясачному збору порухи не было. И как де пятидесятник Куземка Володимеров с служилыми людми пришли на обские вершины, на Катун реку сыскивать тех беглых ясашных людей девять человек, и Баилярко с товарыщи на Катуне реке за три днища от Кумандинской волости с служилыми людми учинили бой. И на бою де того Баилярка, баидерского вора, убили. А товарыщев ево шти человек в языцех взяли, и тех де языков шти человек подъячей Макарко, приведчи к шерти, отпустил в свои улусы. А из них взяв одного языка баидерских воров Букулу, привел к нему Афонасю Зубову в Кузнецкой острог. И тот Букула в том винился: твоего де государева ясаку не плачивали и кузнецких служилых людей четырех человек в прошлом во 136-м году при прежнем воиводе при Саве Языкове убили и ясашных людей побивали же, грабили, и жен и детей их у ясашных людей в полон имали.

И по указу государя блаженные памяти отца твоего, государева, великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии велено того боидерского вора Боиляркова товарыща Букулу, которой взят в языцех и приведен в Кузнецкой острог, за его воровство и за измену, что он з Боилярком, (// л. 217) приходя в ясачные волости, грабили и до смерти побивали и руских людей четырех человек служилых людей до смерти убили, велено повесить, чтоб иным впред, на то смотря, так воровать было не повадно, в измену отходить и воровством руских и ясачных людей грабить и до смерти побивати.

И прежней, государь, воивода Афонасей Зубов по указу блаженные памяти отца твоего, государева, великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии того баидерского вора Баиляркова товарыща Букула не повесил. И ныне тот баидерской вор Букулу тебе, государю, изменил и от[ъ]ехал в воровскую ж волость, и твоих государевых ясачных людей Кондомской волости, собрався с ыными с такими же ворами, грабят и до смерти побивают. И о том, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, что ты, государь, укажешь.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 377. Л. 214–217. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 9

1649 г. не позднее сентября 1. **– Из отписки воеводы Кузнецкого острога Афанасия Сытина в Сибирский приказ на имя царя Алексея Михайловича об уменьшении ясачного сбора с расположенных в бассейне Бии волостей в связи с запретом Коки Абакова платить русским ясак более пяти соболей с человека**

(л. 238) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Офонка Сытин челом бьет.

В нынешнем, государь, во 157-м году посылал я, холоп твой, для твоего государева ясаку вверх по Кондоме реке кузнецких служилых людей атамана Петра Дорофеива с товары-

щи. И пришед в Кузнецкой острог сказали мне, холопу твоему, в съезжей избе атаман Петр Дорофиев с товарыщи:

Как де оне пришли в далные твои государевы ясачные волости — в Куманду, да в Кузенскую, в Щелкалскую, в Тиргешскую, в Комляшскую — и учали ясачные люди твой государев ясак платить по пяти соболей с человека. И он де, атаман Петр Дорофиев, говорил ясашным людем: для оне чево твой государев ясак стали платить по пяти соболей с человека, а в прежних годех платили твой государев ясак по десяти соболей с человека. И твои де государевы ясашные люди сказали: белых де колмаков князец Кока Абаков им, ясашным людем Кондомских — Кумандинские, Кузенские, Щелкалские, (// л. 239) Тиргешские и Комляшские — волостей, заказал твой государев ясак платить по десяти соболей с человека не велел, а велел платить твой государев ясак по пяти соболей с человека, а по пяти соболей велел Кока к себе приносить. А те твои государевы ясашные люди тех волостей ево, Кокины, кыштымы. И те, государь, твои государевы ясашные люди по ево, Кокину, заказу платили твой государев ясак на нынешней на 157-й год многие по пяти соболей с человека. И в том, государь, в его, Кокине, заказу, в твоем государеве ясаке учинился недобор болшей. Да и впредь, государь, те твои государевы ясашные люди по его, Кокину, заказу хотят твой государев ясак платить по пяти соболей с человека. А те, государь, твои государевы ясашные люди от Кузнецкого острогу удалели, в Кузнецкой острог не приходят, а живут блиско х колмацким и к саянским людем. <...>

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 377. Л. 238–239. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 10

1649 г. августа 30. **— Отписка воеводы Кузнецкого острога Афанасия Сытина в Сибирский приказ на имя царя Алексея Михайловича об отправке к князцам белых калмыков и киргизов кузнецких служилых людей для переговоров, а также о причинах, по которым к телесам на Телецкое озеро служилые люди не посланы**

(л. 276) Государю царю и великому князю Алексею Михаиловичю всеа Русии холоп твой Офонка Сытин челом бьет.

В нынешнем, государь, во 157-м году июня в 18 де[нь] в твоих государевых царевых и великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии в трех грамотах за припис[ь]ю твоего государева дияка Григорья Протопопова писано к мне, холопу твоему, в Кузнецкой острог. А по тем твоим государевым грамотам велено мне, холопу твоему, послать ис Кузнецкого острогу кузнецких служилых людей, кого пригоже, х князцу х Коке Абакову; да в Киргизы х князцом к Талаю, да к Тюлюку, и ко всем киргиским людем; да на Алтын озеро к телеским людем. А велено по твоей государеве грамоте говорить белых колмаков князцу Коке Абакову з братями его и з детми, чтоб он, Кока, з братями и з детми, по твоим государевым ясачным волостям со многими своими колмацкими людми не ездил и твоих бы государевых ясашных людей не били, и не мучили, и огнем не жгли. И за то б впред от тебя, государя, он, Кока, на себя опалы не навел.

А киргиским, государь, князцом и всем улусным людем велено по твоей государеве грамоте говорить, чтобы оне, киргиские князцы и улусные люди, твоих государевых кондомских и мраских ясашных людей отослали в Мраские и в Кондомские волости на прежние их старые кочев[ь]я, и впред бы иных твоих государевых ясашных людей в твоих государевых ясашных волостях не обидили.

А на Алтын, государь, озеро велено послат... [три буквы не читаются]... князца Аидарка, чтоб... [загнут лист, не читаются 4–6 букв: «его при»]... манит[ь] в Кузнецкой (// л. 277) острог, и взять в оманаты, да из них лутчего телеского мужика.

И я, холоп твой, по тем твоим государевым грамотам посылал в белые колмаки х князцу х Коке Абакову кузнецких служилых людей Шестачка Яковлева да Ивашка Иванова. И в нынешнем же, государь, во 157-м году июля в 6 де[нь] пришли из белых колмаков в Кузнецкой острог Шестачко Яковлев да Ивашко Иванов. А мне, холопу твоему, в съезжей избе подали белых колмаков князца Коки Абакова речи за своею рукою. И те его речи послал я, холоп твой, под сею отпискою к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве.

А х киргиским, государь, князцом и к улусным людем, к Талаю с товарыщи, послал я, холоп твой, кузнецкого служилого человека Микифорка Трифонова, да подгородного юртовского татарина Абагачка. И нанешняго, государь, 157-го году августа по 30 число тот Микифорко Трифонов ис Киргиз в Кузнецкой острог не бывал.

А на Алтын, государь, озеро не послал я, холоп твой, для того, что в нынешнем во 157-м году августа в 3 де[нь] били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, передо мною, холопом твоим, в съезжей избе твои государевы кондомские ясашные люди Казанаковы, Онбайко, да Алтын, да Алтысов сын Неголдей и во всех кондомских ясашных людей место[39], чтоб ты, государь, их, ясашных людей, пожаловал, не велел послать на Алтын озеро для твоего государева дела нынешним летним путём для того, что де в нынешнем во 157-м году зимою повоевали де киргиские люди Букоук с товарыщи, собрався с своими кыштымы, их телеских да саянских кыштымов побили (// л. 278) шанжилских людей. И оне де, кондомские ясашные люди, и кузнецких служилых людей на Алтын озеро весть не смеют, боятца от телеских и от саянских людей смертного убоиства за тот задор. И присылают де, государь, телеские и саянские люди к тем кондомским ясашным людем з болшим угрозом. И чтоб ты, государь, пожаловал, не велел на Алтын озеро посылать служилых людей до зимного пути, для того, что оне ныне летним путём на Алтын озеро весть не смеют.

И я, холоп твой, по твоей государеве грамоте на Алтын озеро для их, твоих государевых кондомских ясашных людей челобит[ь]я, служилых людей не послал до зимного пути, что их, служилых людей, на Алтын озеро весть некому. И чтоб телеские и саянские люди над твоими государевыми кондомскими ясашными людми для тех своих кыштымов, что побили киргиские люди, шанжилских людей дурна какова не учинили. А на Алтын, государь, озеро летней и зимней путь через твои, государь, Кондомские ясашные волости. А мимо тех Кондомских твоих государевых ясашных волостей на Алтын озеро дороги нет. А без вожей служилые люди на Алтын озеро дороги не знают, потому служилые люди на Алтын озеро и не посланы.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 377. Л. 276–278. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 11

***1650 г. не позднее 31 августа*[40]. – Челобитная кузнецких служилых людей на имя царя Алексея Михайловича с изложением плана строительства острога на месте слияния Бии и Катуни**

(л. 269). Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю в[сеа Русии][41] бьют челом холопи твои Кузнецкого острогу сужилые [люди] петидесятничишка конных козаков Поспелко Иванов, [каза]ки и редовые Петрушка Нарбутов, Петрушко Есмонт, А[...] Федоров, есаул Сергушка Иванов, Ульянко Косой, Гаврилка [...], Кондрашка да Фетька Бызовы, Иваш Петлин, Зенов Ка[...], Исачка Клементьев, Лев Кародонов, Ивашко Старц[ов], Богдашка Антонов, Богдашка Максимов, Андрюшка [...]мов, Митька Григарев Мороз, Андрюшка Тимофеев, [...]ко Иванов Клок. И во всех товарыщев своих места сл[ужи]лых людей пятидесят человек.

В нынешнем, государь, во Р[... году] по твоему государеву указу посылал меня, холопа твоего П[оспелку], из Кузнецкого острогу твой государев воевода Григорей Ко[нстан]тинович Засецкой[42] в калмаки, х калмацкому княз[цу] к Мачику, приводить его, Мачика, да князца То[ргоуса] и Кошеута с товарыщи под твою царьскую в[ысо]кую руку к шерте, чтоб он, Мачик, и Торгоус, и Коше[ут] были тебе, праведному государю царю и великому [князю] Алексею Михайловичю всеа Русии, покорны [во]веки со всеми своими улусными людми, и поминки и ясак с себя и с своих улусных людей тебе, праведному государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, давали по вся годы.

И как я, холоп твой Поспелка, от него, Мачика, шел назад в Кузнецкой острог, вверх по Обе реке, и присмотрил я, холоп твой, на усть Бии и Катуни реки на левой руке место – на колмацком перевозе яр верст на десять. А мочно, государь, в том месте быть твоему государеву острогу, потому что стало, государь, то места на колмацком перевозе середь земель неясашных. И тол-

[39] Так в тексте.

[40] Грамота в Кузнецк на имя воеводы Г. К. Засецкого об отправке посольства к Мачику была написана в Москве 13 ноября 7158 (1649) года (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 377. Л. 182–184). Следовательно, отправка посольства к Мачику из Кузнецка должна была состояться в первой половине 1650 г. Фраза «в нынешнем... году посылал меня» означает, что Поспел Иванов вернулся в том же 7158 году, то есть до 1 сентября 1650 г.

[41] В квадратных скобках помещён восстановленный текст утраченных фрагментов по правой кромке листа.

[42] Упомянутый в тексте Григорий Засецкий был воеводой Кузнецка в 1649–1650 гг. (Газенвинкель К. Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века: К истории Сибири XVII в. Тобольск, 1892. С. 37).

ко, государь, то место будет острог, и твоим государевым ясашным людем Кузнецкого уезду всем от твоих государевых изменников и непослушников, ото всех немирных орд будет оборон.

А качюют, государь, около того места многие немирные орды, твои государевы изменники и непослушники, неясашные люди. (// л. 270) От того места вниз по Обе реке в полутора днищех мундусцы Чечей Бедеи с товарыщи, а с ними сто человек. Да мугат и соян вверх по Котуне реке живут человек ста с четыре и болши. От того же места живут во днище Кергенев, и Тотош, и Баланец, и верхних мундусцов Янзукуя с товарыщи человек ста с полтора и болши.

И те, государь, немирные орды, твои государевы изменники и непослушники, тебе, праведному государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, поминков и ясаку не дают. А твоих государевых ясашных керсагалских людей живут под тем же местом, где быть твоему государеву острогу, будут об межу[43]. А тебе, государю, те керсагалские люди дают ясаку с себя с человека по соболю. А потому, государь, те люди с себя твоего государева ясаку мала и дают, что от Кузнецкого острогу удалели и чинитца им обида болшая от твоих государевых немирных орд, от воровских людей. А толка, государь, то места будет твой государев острог, и те твои государевы изменники и непослушники немирные земли все, кои в сей челобитной писаны, тебе, праведному государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии будут покорны, и поминки и ясак тебе, государю, с себя станут давать против твоих государевых Кузнецкого уезду ясашных людей. И в том тебе, праведному государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, будет прибыль.

А надобно, государь, то места в твоем государеве остроге конных и пеших служилых людей полтараста человек. И то, государь, места с служилыми людми будет тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, вечна и прочна, и прибыль тебе, государю, от тех земель будет. А острог, государь, мочно в том месте поставить окроме Томского города из Кузнецкого острогу кузнецкими служилыми людми, потому что ходу, государь, (// л. 271) на то место из Кузнецкого острогу через твои государевы ясашные земли, а немирные земли — твои, государевы, изменники и непослушники калмацкие люди — станут в стороне. А ис Томского, государь, ставить того места острогу не уметь, потому что проходу, государь, ис Томского города на то места нет: прилегли многие немирные земли — твои, государевы, изменники и непослушники колмацкие люди. И от Томскаго города то места, где мочно быть твоему государеву острогу, отдалела вверх по Обе реке.

Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих: вели, государь, на том месте поставить острог и прибрать х кузнецким служилым людем к пятидесят человеком, кои в сей челобитной писались, охочих людей в сибирских городех сто человек. И вели, государь, нам, холопем своим, и охочим людем выдать свое царьское жалованье денежное и хлебное впредь на два года, которые пойдут ставить на Бию и на Котуню реку твоего государева острогу. Чтоб нам, холопем твоим, была чем поднятца на твою государеву службу и устроить твой государев острог, и тех твоих государевых немирных земель изменников и непослушников, которые немирные земли в сей челобитной писаны, под твою государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии высокую руку привесть. И вели, государь, нам, холопем своим, дать для своей государевы службы зелья, и свинцу, и наряд неболшой, чтоб тот наряд было вмочь поднять на себе на нартах зимним лыжным путем. И вели, государь, нам, холопям своим, дать для своей государевы службы всякую служилую збрую — ружье и пансыри. А в сибирских, государь, городех, в Тоболском, и в Томском, и на Тюмене пансыри для твоей государевы службы даваны. А нам, холопем твоим, пансырей для твоей государевы службы не дано.

А толко, государь, на том месте будет устроен твой государев острог, и то, государь, место будет тебе, государю, вечна и прочна, и прибыль тебе, государю, будет. А из Кузнецкаго, (// л. 272) государь, острогу до того места, где быть твоему государеву острогу, ходу зимним лыжным путем мочно поспеть в семь дней.

А около, государь, того места твои государевы изменники и непослушники всех немирных земель хлеб пашут; и хлеб, государь, у них родитца против Кузнецкого острогу. И всякими, государь, угоди и рыбными ловли то место исполнено. А мы, государь, холопи твои, тебе, праведному государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, ради служить и за дом Пречистые Богородицы, и за тебя, праведнаго государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, головы свои положить.

Царь государь, смилуйся, пожалуй.

[43] Так в тексте. Вероятно, в значении «на рубеже», «рядом».

(л. 269 об.) [*На обороте столбца автографы:*]

К сей челобитной Кузнецкого острогу Преображенской поп Иван Нище[в] вместо кузнецких служилых людей конных казаков пятидесятника Поспола Иванова, детей своих духовных, и десятников, и рядовых служылых людей, кои в сей челобитной написаны, по их велен[ь]ю/

К сей челобитной Васильев руку прило[жил]

К сей челобитной Гришка Яковлев руку приложил

(// л. 270 об.) K sciy czelobitnoi Pietruszka Iesmont ruku priylo[zhil][44]

К сей челабитной Ивашко Пятлин руку прилож[ил]

К сей челобитной Афонка руку приложил

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 381. Л. 269–272. Подлинник. Публикуется впервые.

[44] Ранее упомянут в послужном списке 1643 г.: «Петрушка Естьмон, бился явственно, мужика убил» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 222).

Глава 4

Тюркское население Кузнецкого уезда на картах из атласов С. У. Ремезова (конец XVII века)

В течение XVII века в уездных городах Сибири, наряду с многочисленной делопроизводственной документацией, по заданию русской администрации создавались чертежи различных территорий. В то время в России ещё не было профессиональных картографов, поэтому чертежи XVII в. не являются в полном смысле топографическими планами или географическими картами. Для их составления не определялись координаты отдельных пунктов, у них нет градусной сетки, отсутствует фиксированный масштаб. Однако, несмотря на схематичность, такие чертежи являются для нас важными историческими источниками. Они отражают пространственно-географическое восприятие Сибири русскими и показывают многочисленные реалии, о которых говорится в архивных документах.

Российских карт Сибири первой половины XVII в. до наших дней не дошло. Наиболее ранний известный чертёж, изображавший все восточные земли Русского государства, от Волги до Тихого океана, был составлен только при царе Алексее Михайловиче. В подлинной «Росписи», прилагавшейся к этой карте, говорилось, что чертёж был составлен «за свидетельством всяких чинов людей и иноземцев тобольских и приезжих бухарцов и татар, которые в сибирских и во всех городех и острогех, хто где бывал, и городы, и остроги, и урочища, и дороги, и земли знают подлинно», то есть по различным воспоминаниям и рассказам очевидцев[1]. Позднейшая копия этого документа начиналась словами: «176 ноября в 15 день (15 ноября 1667 г. — *Авт.*)[2] по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича… збиран сей чертеж в Тоболску»[3].

Работу по изготовлению карты организовал и контролировал тобольский воевода Пётр Иванович Годунов. Поэтому наиболее ранний известный нам русский обзорный чертёж Сибирских земель и сопредельных территорий в литературе принято называть «Годуновским чертежом» или «картой Годунова». В книге голландского географа конца XVII в. Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» есть следующее упоминание об этой карте: «Покойный славный царь, блаженной памяти Алексей Михайлович, отдал в 1667 г. 15 ноября приказ воеводе Тобольска Петру Годунову и его товарищам — исследовать у калмаков, тартар, сибиряков расстояния между городами в Сибири и оттуда до Сины. Они составили карту, вырезанную из дерева (в виде гравюры на дереве. — *Авт.*) и напечатанную в Москве, с описанием расстояний между городами»[4]. Возможно, поэтому источники конца XVII в. нередко называют чертёж Годунова «печатным». Голландец считал 15 ноября 1667 г. датой составления царского указа в Москве, но в действительности в этот день чертёж был закончен («збиран») в Тобольске[5]. В столице карту и «роспись» к ней получили 3 января 1668 г.[6] Оригинал не сохранился,

---

[1] Гольденберг Л. А. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г. // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. М., 1962. Т. 42, вып. 3. С. 260.

[2] 7176 год от «сотворения мира» длился с 1 сентября 1667 по 31 августа 1668 г.

[3] Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. Док. 294, с. 414; Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича (по рукописи Румянцевского музея № 294, л. 19–24) // Титов А. Сибирь в XVII веке: сб. старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 25.

[4] Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1705. Deel 2. P. 859 (издание выставлено на сайте Библиотеки Конгресса США: http://memory.loc.gov/service/ndlpcoop/mtfxtx/txg/g340052120b); Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с голландского В. Г. Трисман. В 3 т. Т. 3. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 1087. Несколько иной перевод с той же датой ранее был опубликован в кн.: Кордт В. А. Материалы по истории русской картографии. Сер. 2. Вып. 1. Киев, 1906. С. 25, прим. 4.

[5] Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей… С. 414; Титов А. Сибирь в XVII веке… С. 25.

[6] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 867. Л. 5. Гольденберг Л. А. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г. // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. М.,

две русские копии чертежа дошли до нас только в рукописных атласах Семёна Ремезова[7].

В конце XVII в. московские власти почувствовали необходимость в создании более подробного общего чертежа Сибири. 10 января 1696 г. боярской думой было принято решение: «Велеть всем сибирским городам и с уезды, русских деревень, и волостей, и с ясачными волостями написать чертежи на холстине, и сколько верст или дней ходу город от города, также и русские деревни и волости, и ясачные волости от того города, и на каких реках те городы и уезды, и ясачные волости стоят, и то описать на чертеже именно». В свою очередь, тобольским властям предписывалось «велеть сделать доброму и искусному мастеру чертежи всей Сибири… и уезды всякому городу определить, и описать, в котором месте какие народы кочуют и живут; также с которой стороны к порубежным местам какие люди подошли»[8]. Выполнить это задание доверили опытному тобольскому чертёжнику Семёну Ульяновичу Ремезову (1642 — после 1720).

Свой первый картографический сборник С. У. Ремезов сделал в 1697–1698 гг. по имеющимся в Тобольске материалам. Рукописному атласу он дал название «Хероградская чертежная книга» (от греческого термина «хорография» — описание местности). Автор предполагал подарить своё произведение Петру I и даже написал соответствующее предисловие. Однако книга осталась незавершённой. Рукопись была забыта, её изучение началось лишь в XX в. Рукописный оригинал «Хероградской чертежной книги» Семёна Ульяновича Ремезова был вывезен из России в годы гражданской войны известным историком российской картографии Львом Семёновичем Багровым (1881–1957). В конце жизни Л. С. Багров передал сбережённый им атлас в библиотеку Гарвардского университета (США), где этот памятник и хранится[9].

Чертежи сибирских земель составитель сгруппировал в две подборки: по течению рек и по уездам. Сначала в атласе в виде отдельных пронумерованных глав показаны бассейны основных сибирских рек (главы 19–61)[10]. Поскольку градусная сетка на всех исходных чертежах отсутствовала, соединить разрозненные изображения С. У. Ремезову помогала гидросеть. Система рек и озёр являлась своеобразной «сеткой координат» на сборных чертежах того времени. Каждая глава была посвящена одной из крупных сибирских рек и состояла из нескольких листов, сопрягающихся друг с другом.

В главе 38 «Обь река с устья и до вершины со всеми урочищи и до степи» на тринадцати листах (л. 116–128) была изображена крупнейшая река Западной Сибири от Ледовитого океана до реки Бердь и расположенной южнее неё «межи с телеутами». Таким образом, «вершина Оби» в главе 38 соответствует участку реки в пределах современной Новосибирской области. Бассейн Верхней Оби, расположенный южнее русско-телеутской межи, Ремезов изобразил в отдельной главе 45 «Вершина Оби реки». Фактически эта глава, состоящая из одного листа 129, является продолжением последнего чертежа главы 38. Разделяющие их главы 39–44 изображают бассейны крупных притоков Оби в последовательности с севера на юг (реки Сосьва, Вах, Васюган, Кеть, Чулым, Томь), причём листы с главами 39–43 подклеены к чертежам соответствующих участков Оби в главе 38. Очевидно, что Бию и Катунь Ремезов рассматривал как самые южные притоки Оби. Чертёж с этими реками (гл. 45) в авторском оглавлении завершал его обскую подборку карт (с главы 46 начинался Енисей). Однако позднее Ремезов изменил свой замысел и поместил в атласе после верховий Оби (гл. 45, л. 129) два чертежа с рекой Томь (гл. 44, л. 130–131). На последнем из них показана часть территории Кузнецкого уезда.

Вторая подборка карт «Хероградской чертежной книги» в оглавлении имеет общий заголовок «Чертежи многие, описаны по грамотам великому государю со 176 году»[11]. Сюда вошли карты, составленные по указам из Москвы после 1667 (7176) года, то есть после изготовления годуновского чертежа. В этот раздел С. У. Ремезов включил копию общего чертежа Сибири, сочиненного примерно в 1684 г. «в пополнок прежному» (в дополнение к годуновской карте 1667 г.), а также «чертеж Казачьи орды», созданный самим Семёном Ульяновичем в марте 1697 г.[12] Основную

1962. Т. 42: История геолого-географических наук. Вып. 3. С. 257.

[7] Первый экземпляр — Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. В 2 т. Тобольск, 2011. Т. 1: факсимильное издание. Цветная карта-вкладка; Т. 2: Исследование. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. С. 34–35. Ранее карта публиковалась в черно-белом изображении: Багров Л. С. Картография Азиатской России // Атлас Азиатской России. СПб., 1914. С. 1; Багров Л. С. Карты Азиатской России: исторические заметки. Петроград, 1914. С. 11. Карта-вклейка. Второй экземпляр — Служебная чертежная книга: Факсимильное издание. Тобольск, 2006. Л. 31. (Сочинения С. У. Ремезова. В 4 т., т. 3).

[8] ПСЗ РИ-1. СПб., 1830. Т. 3: 1689–1699. № 1532, с. 217.

[9] Remezov, Semën Ul'ianovich, 1642-ca. 1720. Khorograficheskaya kniga [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. URL: http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155.

[10] Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск, 2011. Т. 1. Л. 11–160. Здесь и далее указываются номера листов по архивной пагинации, а не по нумерации Ремезова.

[11] Там же. Т. 1. Л. 6; Т. 2. С. 38.

[12] Там же. Т. 1. Гл. 64, 65. Л. 162 об., 163.

часть подборки составили «городовые» чертежи. Каждому уездному центру в Сибири была подчинена определённая территория, поэтому на «городовых» чертежах изображался не только сам город-крепость, но и обширные земли подведомственного ему уезда, в том числе ясачные волости.

По боярскому приговору от 10 января 1696 г. такие уездные чертежи полагалось сделать на ткани для всех сибирским городов. На картах пограничных уездов следовало показывать «порубежные места» и называть соседние народы. В отличие от общих чертежей Сибири, скопированные Ремезовым уездные карты не датированы. В атласе они имеют однотипные названия: «Чертеж грани… города с уездами». Вероятно, это те чертежи, которые были присланы в Тобольск из уездных городов по указу от 10 января 1696 г. Территория Верхнего Приобья изображена на картах Томского и Кузнецкого уездов (см. табл. 2, рис. 7, 9).

В сентябре 1697 г. из Сибирского приказа последовало распоряжение отправить С. У. Ремезова в Москву. Среди прочих поручений ему предписывалось, «на Москве бывше», нарисовать два общих чертежа Сибири на ткани — «на белой китайке, другой на лощеной бязи» размером 6×4 аршина (примерно 430×290 см)[13]. Изограф прибыл в столицу в августе 1698 г.[14] Позднее сам Семён Ульянович сообщал, что, будучи в Москве, они вместе со своим сыном Семёном сняли «преводы с парчей со всех городовых чертежей 18, привезеных к Москве», — то есть скопировали восемнадцать уездных чертежей, сделанных в сибирских городах на ткани в соответствии с январским указом 1696 г. После того, как эти изображения были уменьшены и приведены к единому масштабу («в меру убравши»), на их основе чертёжник к 18 сентября 1698 г. создал единую карту Сибири, которую 8 ноября передал в Сибирский приказ дьяку Андрею Андреевичу Виниусу[15]. Этот огромный чертёж, нарисованный на белой хлопчатобумажной ткани («китайке») размером 4×3 аршина, сохранился до наших дней. Сейчас он экспонируется в одном из залов Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге[16].

Интересно отметить, что отрезок Оби от слияния Бии и Катуни примерно до устья Томи имеет на карте особое название «Вершина Оби», только ниже города Томска появляется надпись «река Обь». Выделение Верхней Оби как самостоятельного географического района отражало исторические реалии того времени: земли в верхнем течении реки во второй половине XVII в. оставались зоной приграничных контактов российских подданных с соседними народами. В нашей книге термин «Верхняя Обь» используется применительно к тому же отрезку реки — от верхнего течения до места впадения в неё Томи.

После создания сводного чертежа Сибири Ремезов вернулся в Тобольск, где с 30 января 1699 г. приступил к созданию своего второго рукописного атласа — «Чертежной книги Сибири». Этот сборник, законченный им 1 января 1701 г., состоял из двадцати трёх карт[17]. Первый лист был посвящён городу Тобольску с пригородами. Следующие 18 изображали земли сибирских уездов. Вслед за ними Ремезов поместил составленный им по расспросным данным новый чертёж «безводной и малопроходной каменной степи» — схематичную карту обширных земель, расположенных к югу от российской Сибири. На листе 21 изограф представил уменьшенную копию карты Сибири, которая ранее, в сентябре 1698 г., была выполнена им на белой китайке в Москве. За этой картой помещён новый составленный Ремезовым чертёж земель Приуралья и Поморья. Последний, 23-й, лист «Чертежной книги Сибири» являлся копией карты, созданной в Тобольске в 1673 г., которая показывала расселение различных народов на огромной территории от Ледовитого океана до Китая, от Тихого океана до Поволжья и Каспийского моря. Это единственный тематический чертёж ремезовского атласа, фактически являющийся этнографической картой. Сам автор называл его «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири…» (рис. 6).

В Москве, куда в ноябре 1701 г. отправил свой второй рукописный атлас С. У. Ремезов, русские надписи «Чертежной книги Сибири» продублиро-

---

[13] Чертеж всех сибирских градов и земель // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. 2-е изд. М., 2007. Л. 43 (по нумерации Ремезова лист 21).

[14] Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 гг. М., 1965. С. 43–45.

[15] Чертеж всех сибирских градов и земель… Т. 1. 2-е изд. М., 2007. Л. 43. В адаптированном переводе ремезовского текста, помещённом в томе 2 этого издания, содержатся некоторые ошибки и неточности. В частности, указ об отправке С. У. Ремезова в Москву датирован 1698 годом, а создание общего чертежа в заголовке ошибочно отнесено к 17 сентября (Пояснительные тексты «Чертежной книги Сибири» // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 2: Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. М., 2007. С. 141).

[16] Карта Сибири. XVII век. Исполнена на холсте С. У. Ремезовым. Из фондов Русского географического общества. [2010]. Отпечатано в Италии: фирма «График», Верона. 1 л.: цв. 116×97 см (по рамке 110×85 см).

[17] В оглавлении книги автор перечислил 23 чертежа, которые и составили атлас. Но в предисловии («Писание до ласковаго читателя») Семен Ульянович сообщал, что он «по допросам написал внов 7 листов, да с прежних образцов городовых сибирских низовых чертежей, с привозных и снятых на Москве, 17 листов» (Т. 1. 2007. Л. 2). Вероятно, первоначально предполагалось, что «Чертежная книга» будет состоять из большего количества листов.

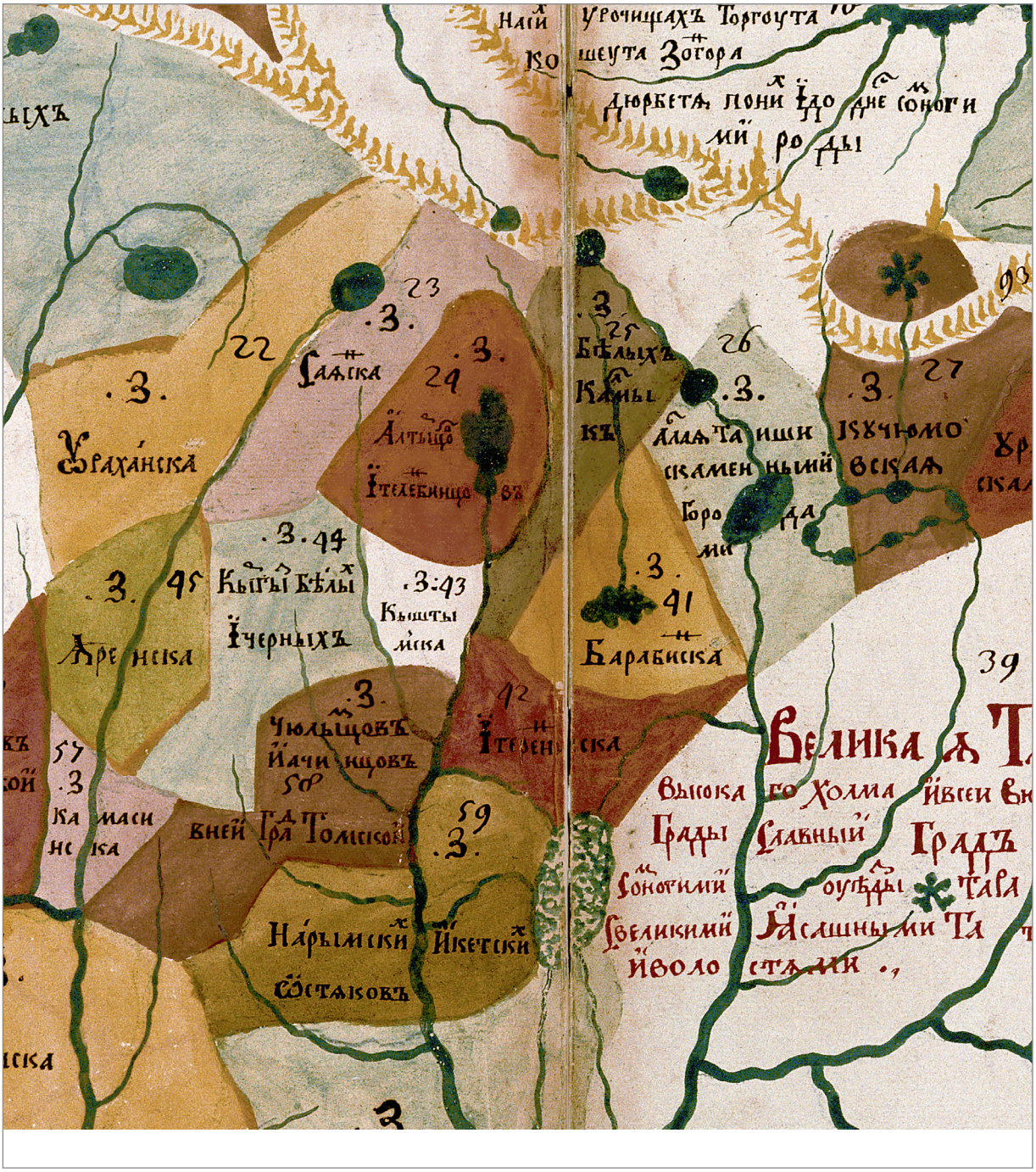


Рис. 6. «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тоболскаго города и всех розных градов, и жилищ, и степи» из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. Фрагмент с верхним течением Оби и Иртыша. Север внизу

вали по-голландски. По мнению большинства исследователей, рукописный атлас первоначально готовился для типографского издания в Голландии, но этот проект так и не был осуществлён[18]. Карты переплели в один том, который потерялся в столичных архивохранилищах и был обнаружен лишь в середине XIX в. в Румянцевском музее (сейчас атлас хранится в собрании Российской государственной библиотеки). «Чертежную книгу» С. У. Ремезова издали в России в 1882 г. к трёхсотлетнему юбилею сибирского похода Ермака[19]. Опубликованные карты атласа точно со-

[18] Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 гг. М., 1965. С. 92–94.

[19] Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году / Археографическая комиссия. СПб., 1882. 16 с.; 23 л. карт; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 кн.

Таблица 2

Томь-Иртышское междуречье на региональных чертежах из рукописных атласов Сибири С. У. Ремезова

Что изображено	Заголовок чертежа		
	Хероградская чертежная книга (1697–1698)	Чертежная книга Сибири (1699–1700)	Служебная чертежная книга (1701–1730)
Бассейн реки Обь от села Богословского и Уртамского острога до «межи с телеутами» по рекам Лаилахан и Илеус (совр. Каракан и Алеус)	Л. 128. Нет заголовка. По оглавлению: Чертеж завершает главу 38 «Обь река с устья и до вершины, со всеми урочищи до степи» (л. 119–131 по авторской пагинации). [Лист 131 по нумерации С. У. Ремезова]		
Бассейны рек Бии и Катуни до их истоков. Нижнее течение и место слияния этих рек не показаны	Л. 129. «Вершина Оби реки. Глава 45». По оглавлению: «45. Сходство рек Бии и Катуня. Оттоль пошла Обь река. Лист 132».		
Бассейн реки Томь от устья до границы с Кузнецким уездом по реке Промышленная	Л. 130. «Глава 44. Река Том с урочищи и степ с жильями язык». По оглавлению: «44. Река Том с урочищи и степ с жильями язык. Лист 133».		
Часть территории Кузнецкого уезда	Л. 131. «Река вершина Томи. Глава 44». Нет в оглавлении. [Лист 133 (второй) по нумерации С. У. Ремезова]		
Территория Томского уезда	Л. 168. «Глава 81. Чертеж грани Томскаго города с уездами». По оглавлению: «81. Чертеж грани Томскаго города с уездами. Лист 170».	Л. 23 об. – 24. Заголовок на листе 23: «Чертеж Томского города. Лист 11».	Л. 79 об. – 80. Заголовок на листе 79: «Чертеж земли Томского города. Лист 58».
Территория Кузнецкого уезда	Л. 168 об. «Глава 82. Чертеж грани Кузнецкого города с уездами». По оглавлению: «82. Чертеж грани Кузнецкаго города с уездами. Лист… [170 об.]».	Л. 25 об. – 26. Заголовок на листе 25: «Чертеж Кузнецкого города. Лист 12».	Л. 81 об. – 82. Заголовок на листе 81: «Чертеж земли Кузнецкого города. Лист 59».
Изображён «камень великий Алтай» и текущие с него реки Енисей, Бия, Катунь, Тартас, Иртыш, Кобда и др.		Л. 41 об. – 42. Заголовок на листе 41: «Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи. Лист 20».	Л. 51 об. – 52. Заголовок на листе 51: «Чертеж всех с каменей потоки рек имены наличия, снискателно бывалцы и ураженцы. Лист 40».

ответствуют рукописным оригиналам, за тем исключением, что многокрасочные чертежи Ремезова были воспроизведены в три цвета. Факсимильное переиздание этого выдающегося памятника отечественной картографии конца XVII в. было осуществлено общественным фондом «Возрождение Тобольска» благодаря стараниям его председателя Аркадия Григорьевича Елфимова[20].

Сразу же после завершения «Чертежной книги» С. У. Ремезов приступил к составлению нового рукописного атласа, названного им «Служебной чертежной книгой». Первоначальную основу этого сборника составили копии, которые Семён Ульянович снял ранее в Сибирском приказе «с привозных 23-х городовых сибирских картин, каковы привезены в 206-м и в 205-м годех (сентябрь 1696 – август 1698. – *Авт.*) к Москве в разных числех»[21]. Среди таких копий, вошедших в новый атлас, имеются «Чертеж земли Томского го-

Кн. 1: факсимильное издание 1882 г. СПб.: Альфарет, 2009. 16 с.; 23 л. карт.

[20] Первое издание осуществлено к 300-летию создания атласа (Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. Т. 1: Факсимиле рукописи из собрания Российской государственной библиотеки / Федеральная служба геодезии и картографии России; Российская государственная библиотека; При участии ОФ «Возрождение Тобольска». М.: ФГУП «ПКО» Картография, 2003. 48 л.; Т. 2: Исследование. Перевод. Комментарии. Указатели. М.: ФГУП «ПКО» Картография, 2003. 176 с.). Второе издание, полнее соответствующее оригиналу, выполнено в 2007 г. (Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. 2-е изд., исправл. Б. м., 2007. 48 л.; Т. 2: Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. 2-е изд., доп. Б. м., 2007. 208 с.).

[21] Служебная чертежная книга: факсимильное издание. Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение Тобольска», 2006. Л. 1. (Сочинения С. У. Ремезова: В 4 т.; Т. 3); Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. Текст рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Комментарии / ред. В. М. Гуминский. Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение То-

Рис. 7. «Чертеж грани Кузнецкого города с уездами» из «Хероградской чертежной книги» С. У. Ремезова. Конец XVII века

рода», «Чертеж земли Кузнецкого города» и «Чертеж всех с камней потоки рек…», аналогичные тем, которые вошли в «Чертежную книгу Сибири» (табл. 2). В дальнейшем пополнение «Служебной чертежной книги» продолжалось как самим С. У. Ремезовым, так и его сыновьями вплоть до конца 1720-х гг., однако новых карт Верхней Оби и Алтая в атласе не прибавилось. Оригинал «Служебной чертежной книги» хранится в Санкт-Петербурге в Российской национальной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этот последний атлас С. У. Ремезова был опубликован только в 2006 г. тем же фондом «Возрождение Тобольска»[22]. Спустя пять лет благодарные земляки С. У. Ремезова подготовили к печати и издали хранящийся в Гарвардском университете (г. Кембридж, США) наиболее ранний атлас тобольского изографа[23].

Таким образом, в начале XXI в. фонду «Возрождение Тобольска» удалось опубликовать всё сохранившееся картографическое наследие знаменитого сибирского чертёжника: три рукописных атласа и сводную карту Сибири на ткани. Территория Томь-Иртышского междуречья показана в атласах как на общих картах Сибири, так и на семи специальных чертежах отдельных рек, уездов и земель (табл. 2). Эти чертежи имели разных авторов и были созданы в разное время (с 1667 по 1700 г.).

Наиболее ранним картографическим документом, по которому можно получить представление о расселении народов в бассейне Верхней Оби, является этнографическая карта 1673 г. из «Чертежной книги Сибири».

В соответствии с русской картографической традицией XVII в., карта ориентирована по сторонам света, но север расположен внизу, юг («полдень») вверху. Это объяснялось тем, что основным ориентиром для составителей был не компас, а полуденное солнце в точке зенита. Алтайские и Саянские горы не подписаны, они показаны в верхней части чертежа как водораздел, с которого начинают свое течение вниз, в северный океан, реки. Хотя они не названы, крупные реки легко узнаваемы.

Оранжевым пятном выделена «24. З[емля] Алтырцов и теленбинцов», расположенная вокруг Телецкого озера, по обоим берегам Бии и по правому берегу реки Катунь, вплоть до её слияния с Бией (район современного г. Бийска). На левобережье Катуни и Оби коричневым цветом показана «25. З. Белых калмык». Западнее, в Обь-Иртышских степях, и севернее, на левом берегу Оби, к земле белых калмык примыкают жёлтый треугольник «41. З. Барабинска» и оранжевая «42. и Теренинска». В земле барабинцев нарисовано озеро Чаны, а вдоль западной кромки Теренинской земли изображён большой правый приток Иртыша — река Омь. На правом берегу Оби, вплоть до реки Томь, белым цветом показана «43. З. Кыштымска». Место впадения Томи в Обь расположено в обозначенной красным цветом «58. З. Чюлымцов и ачинцов, в ней град Томской» (рис. 6).

Судя по этой весьма схематичной карте, территория Кузнецкого уезда включала в себя земли киштымов (шорцев и других тюркоязычных народов междуречья Оби и Томи), а также северную часть земли «Алтырцов и теленбинцов» (бассейн р. Бия). Западными соседями Кузнецкого уезда показаны белые калмыки, жившие на левом берегу Оби и левобережье Катуни. На востоке уезд граничил с землёй «Кыргыз белых и черных».

Гораздо более подробно места расселения отдельных родов и племён аборигенов Верхней Оби отмечены на картах вершины Оби из «Хорографской книги» и на чертежах Кузнецкого и Томского уездов, которые имеются во всех трёх атласах С. У. Ремезова. Составители чертежей, скопированных Ремезовым, отличали народы, платившие ясак русскому царю, от тех, кто не считался подданными России. Плательщики ясака составляли волости. На карте они обозначались специальным значком (буква «В» в круге) или словом «волость». Разграничение ясачных волостей и народов, не плативших ясак, позволяет определить территорию, на которую распространялась власть администрации Кузнецкого уезда (рис. 7).

Составленный нами список тюркских народов бассейна Верхней Оби, названных на картах из атласов С. У. Ремезова (док. № 12), и выполненные на его основе исторические карты (рис. 8; цв. ил. 1) показывают, что почти всё тюркское население, обозначенное на Томи, Кондоме и Мрассу (1–25)[24], являлось данниками русского царя. Исключение составляли только жившие в истоках Томи сагайцы (4).

По правому берегу Оби, выше устья р. Уень (совр. Иня) отмечены телеуты (27, 28), а вдоль левого берега Оби от устья Чумыша до Катуни, судя по картам, проживали «белые калмыки Табуновы» (32) и «белые калмыки Шадаевы» (33), то

больска», 2006. С. 12. (Сочинения С. У. Ремезова: в 4 т.; Т. 4).

[22] Сочинения С. У. Ремезова: В 4 т. Т. 3: Служебная чертежная книга: факсимильное издание… 338 с.; Т. 4: Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. Служебная чертежная книга… Тобольск, 2006. 170 с.

[23] Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. [344] с.: карты, карта-вкладка; Т. 2: Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. 692 с.

[24] Здесь и далее в скобках даются номера, соответствующие списку (док. № 12) и номерам на исторических картах (рис. 8, цветная иллюстрация 1).

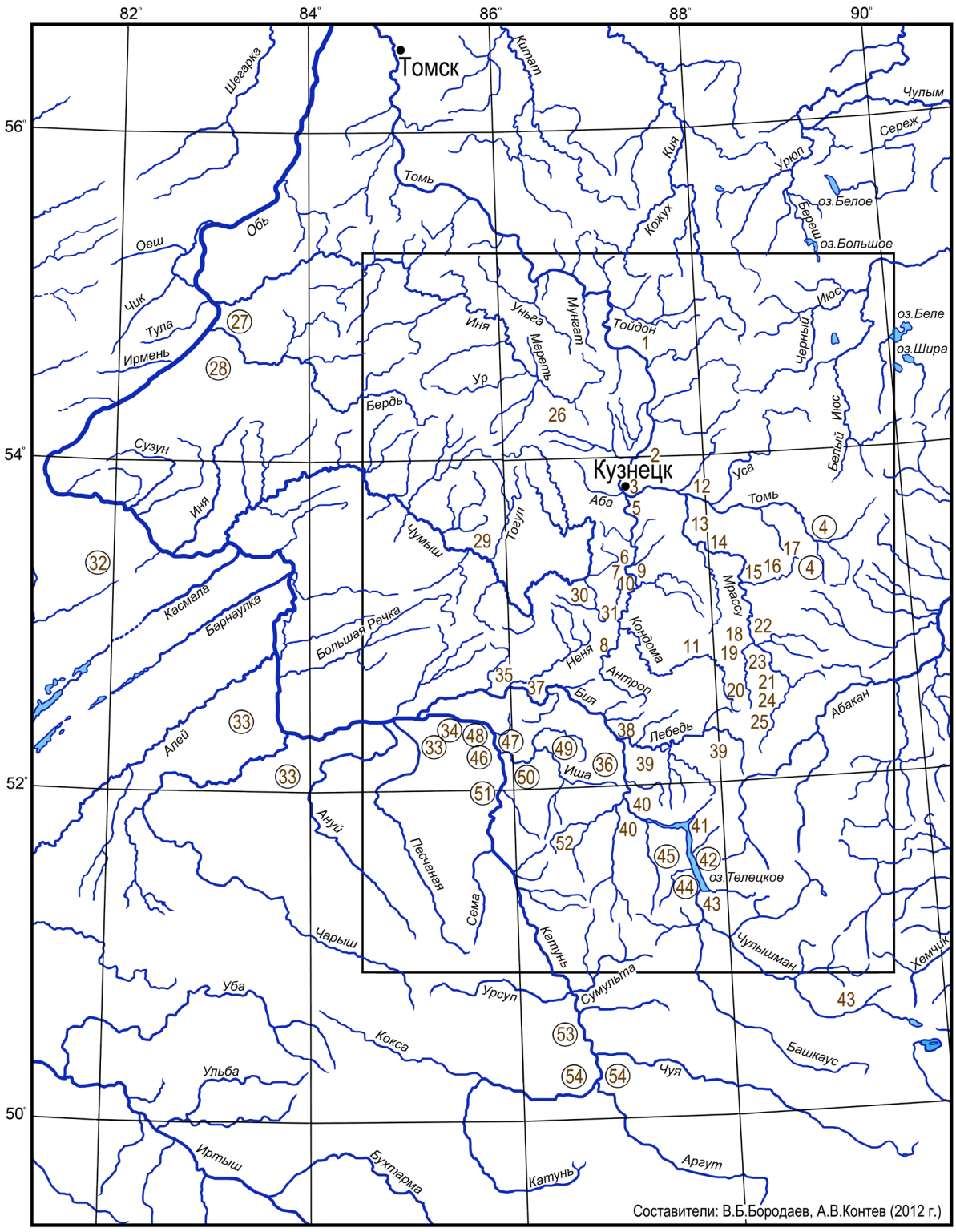


Рис. 8. Карта расположения ясачных волостей Кузнецкого уезда и необъясаченных тюркских народов на сопредельных территориях, показанных на чертежах конца XVII в. из атласов С. У. Ремезова.

Номера соответствуют списку, приведённому в док. № 12. Цифрами в кружках обозначены народы, не платившие ясак русскому царю. Ясачные волости Томского уезда располагались севернее реки Мунгат (на карте не показаны). Рамкой выделена территория, изображённая на цветной иллюстрации 1

есть теленгеты князей Табуна (правил с 1670-х гг. до 1697 г.) и его двоюродного брата Шаадая (правил с 1688 г. до середины 1690-х гг.)[25]. Кроме того, в нижнем течении Катуни показаны тау-телеуты, то есть горные телеуты (50). Примечательно, что автор чертежа в конце XVII в. различал левобережных белых калмыков и правобережных телеутов.

Из документов известно, что в 1685 г. граница («межа с телеутами») на правом берегу Оби проходила по реке Ине. Южнее, в междуречье Ини и Берди, в лесах, которые назывались «Таволган», находились охотничьи угодья «белых калмыков князца Табуна с улусными ево людьми». После того, как Табун откочевал за Обь, в эти леса стали проникать охотники из Томского и Кузнецкого уездов. В 1685 г. кузнецкий воевода Иван Конищев предложил томскому воеводе перенести «межу с телеутами» с Ини на Бердь: «…А межа, господине, положить промышленным всяких чинов людем за Таволган по Бердь реку и Чернолесье. А та межа от Кузнецкого не в дальних местах, з запасом ехать из Кузнецкого два днища»[26]. А. П. Уманский предполагал, что «по этой рекомендации в конце XVII в. межа с Телеутской землицей на русских чертежах была перенесена к югу, с Ини на Бердь, и междуречье последних включено в состав Томского уезда»[27].

Чертёж Кузнецкого уезда, включённый в атласы С. У. Ремезова, датируется временем с конца 1680-х по середину 1690-х гг., поскольку на нём названы «белые калмыки Шадаевы». Пограничной рекой на обском правобережье здесь показана река Уень (Иня), у которой изображены только левые притоки. Правобережье Ини считалось частью Томского уезда, а на левобережье (в междуречье Ини и Берди) показаны телеуты. Вероятно, составитель чертежа считал, что «межа с телеутами» всё ещё проходила по Ине.

Чертёж Томского уезда из тех же атласов тобольского картографа явно более поздний. На нём в вершине речки Коштат (совр. Коштак) имеется надпись «серебрена руда». Коштакское месторождение русские впервые обследовали в начале 1696 г. Осенью следующего года там был построен острог[28], который на чертеже Томского города ещё не отмечен. Таким образом, эта карта, по-видимому, создана в 1696–1697 гг.[29] На ней вдоль левого берега реки Бердь помещена надпись «межа с Телеуцкой з[емлёй]» (рис. 9).

Вдоль правых притоков Оби подписано: по реке Бердь «межа с Телеуцкой з[емлёй]», по реке Лаилахан «межа с телеутами». Напротив, на левом берегу Оби, выше реки Ирмень, имеется подпись: «з. Телеутска». Севернее р. Иня (на чертеже «Ния») имеется надпись: «Между рек лес словет Товолган. Х[оду] 2 д[ня] поперег. Соболей промышляют». В правом верхнем углу карты показана река Мунгат, рядом с которой подписано «Рубеж Томской [с] Кузнецким уездом».

Выше устья Берди по берегам Оби российских подданных не было. Лишь в верхнем течении рек Иня и Чумыш проживали ясачные азкиштымцы (26), тогульцы (29) и тагапцы (30, 31), места обитания которых составляли западную окраину Кузнецкого уезда (рис. 8, цв. ил. 1).

Жителями нижнего течения Бии у Ремезова названы «карсапалы» (35) и «карсагалы» (36). Это керсагалы, подданные ойратского правителя, с которых кузнецким казакам несколько раз удавалось собрать ясак во второй половине XVII в. Видимо, поэтому лишь на одной карте из «Чертежной книги Сибири» карсапалы отмечены как волость.

Северные алтайцы, обитавшие в среднем и верхнем течении Бии, — куманда (37, 38), шалкалы (39), кергеши (40) и комляши (52) — на всех чертежах Ремезова обозначены ясачными волостями. Тюркские народы, жившие вокруг Телецкого озера, за редким исключением, объясаченными не показаны (42, 44, 45). Как волости изредка подписаны только тележцы (41) и саянцы (43). Характерно, что на чертеже, составленном самим Семёном Ульяновичем по расспросным сведениям, на восточном берегу Телецкого озера нарисован знак города и подписано «Царство Алтырско». Алтырцы — одно из племён енисейских кыргызов, проживавшее в бассейне р. Абакан[30]. Судя по русским чертежам конца XVII в., эта ветвь кыргызов собирала дань с других тюркских народов в окрестностях Телецкого озера.

Обитатели Алтайских гор, населявшие бассейн Катуни и районы к югу от Телецкого озера, кузнецкой администрации не подчинялись. Эти территории к началу XVIII в. оставались за пределами досягаемости русских ясатчиков.

---

[25] Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 113, 151, 166–167.

[26] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 18. Док. № 202. Л. 371 об. Цит. по: Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 143.

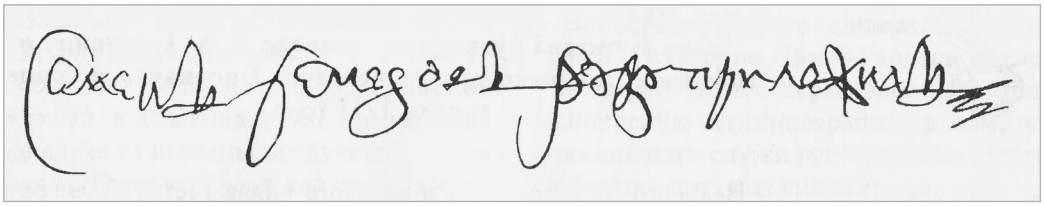
[27] Там же. С. 143–144.

[28] Бородаев В. Б., Демин М. А., Контев А. В. Рассказы по истории Алтайского края: учеб. пособие для средней школы. Ч. 1: 1672–1735 годы. Барнаул, 1997. С. 29–36.

[29] В «Хероградской книге» Коштакский острог уже показан, как на специальном чертеже, так и на листе, изображающем один из участков Оби в Томском уезде (чертёж месторождения подклеен к листу 130 — глава 44 «Река Том с урочищи и степ с жильями язык»; острог и месторождение показаны на листе 127 главы 38 «Обь»).

[30] Чертеж Красноярского города // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Л. 31 об. — 32.

Р. Иня
Р. Ния
Р. Бердь
Р. Тома
Р. Обь
Р. Чулым
Р. Каменка
Р. Чаус
Р. Чаны
Р. Чик
Р. Чумыш
Р. Ини
Р. Ини
Р. Ини



Автограф Семёна Ульяновича Ремезова: «Семен Ремезов руку приложил». 1710 г.

Документ № 12

Ясачные волости Кузнецкого уезда и необъясаченные тюркские народы сопредельных территорий на картах конца XVII века из атласов С. У. Ремезова

По Томи[31]:

1. **Тюлюберская, волость** – правый берег р. Томь, между реками Тоидан и Нижна Терсь [ХК, л. 131; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 81 об.][32].
2. **Етиберцов, юрт** – правый берег р. Томь, между реками Три Курьи и рекой Есаулка [ХК, л. 131 («Етигерцов»); ЧК, л. 25 об.–26 (но без слова «юрты»); СК, л. 81 об.].
3. **Телеуты подгородные ясашные** – правый берег р. Чеснаковка, правого притока р. Томь (рядом с Кузнецком), а также вдоль речки Черной, правого притока р. Томь [ХК, л. 131; ЧК, л. 25 об.–26 (названы «подгорными»); СК, л. 81 об.–82].
4. **Юссагаи** – в верховьях р. Томь, по обеим берегам, выше рек Казыр Тереня (правый приток р. Томь) и Балыкс (левый приток р. Томь) [ХК, л. 131 (только на левом берегу р. Томь, напротив устья р. Тересун, правого притока Томи), 168 об.; ЧК, л. 26; СК, л. 82 (в трёх местах стоят подписи «Юссагай» – по левому берегу р. Томь выше и ниже устья р. Балыкс; по правому берегу Томи, напротив устья р. Балыкс)].

По Кондоме:

5. **Абинские, юрты** – в устье на правом берегу р. Кондома [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82].
6. **Барсаяки, волость** – левый берег реки Кузедеева, левого притока р. Кондома [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82.]
7. **Кузедеева, волость** – истоки реки Кузедеева, левого притока р. Кондома [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82.]
8. **Етиберская, волость** – левый берег р. Антроп, левого притока р. Кондома [ЧК, л. 25 об.–26; ХК, л. 131,168 об.; СК, л. 82 (Елчиберская – по обоим берегам в устье реки Антроп)].
9. **Катунская, волость** – правый берег р. Кондома, между реками Тешь и Кайдамачь [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (между реками Тешь и Кайдамяч)].
10. **Елейская, волость** – левый берег р. Кондома, между устьями рек Кайдамачь и Телбес [ХК, л. 131, 168 об. (подпись «р. Телбес» поставлена в верховьях р. Какан); ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (напротив устья реки Телбес)].
11. **Шорская, волость** – в устье на левом берегу р. Телбес, правого притока в верховьях р. Кондома [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (в междуречье вершины рек Кондомы и Телбес)].

По Мрассу:

12. **Верхотомская, волость** – правый берег р. Томь, между реками Тутуяс и Уса (напротив устья Мрасы) [ХК, л. 131; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (между реками Тутуяс и Уса)].
13. **Кузнетеева, волость** – на правом берегу в устье р. Мраса [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82].
14. **Изнерчева, волость** – правый берег р. Мраса, недалеко от устья [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82].
15. **Баадаева, волость** – правый берег р. Мраса, ниже устья р. Артон [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (Балдаева – правый берег в устье р. Артон, правого притока р. Мраса)].

---

[31] Перечень волостей дан снизу вверх по течению рек.

[32] ХК – «Херограврская чертежная книга»; ЧК – «Чертежная книга Сибири»; СК – «Служебная чертежная книга».

16. **Каргинская горная, волость** – правый берег р. Артон (в среднем течении), правого притока р. Мрасу [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82].
17. **Саинская, волость** – в верховьях на правом берегу р. Артон, правого притока р. Мрасы [ХК, л. 131 (названа «Саинска»), 168 об. (названа «Салинска»); ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82].
18. **Елейская, волость** – левый берег р. Мраса ниже устья р. Бузас [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 («Елеская»)].
19. **Каргинская, волость** – левый берег р. Бузас, левого притока р. Мраса [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (около устья р. Бузас)].
20. **Тазаши, волость** – в верховьях на левом берегу р. Бузас, левого притока р. Мраса [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (на левом берегу в среднем течении р. Бузас)].
21. **Шоры, волость** – в верховьях на левом берегу р. Мраса, [ХК, л. 131, 168 об. (выше р. Кырмыр); ЧК, л. 25 об.–26 (в верховьях на правом берегу р. Бузас); СК, л. 82 (выше р. Кырмырс)].
22. **Кавинская, волость** – правый берег р. Мраса, немного выше устья р. Бузас [ХК, л. 131, 168 об. (названа «Вавинская»); ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (немного ниже устья р. Бузас)].
23. **Туранская, волость** – левый берег р. Мраса, немного выше устья р. Бузас [ХК, л. 131, 168 об. (фрагмент на карте утрачен); ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (немного выше устья р. Бузас и устья р. Кырмырс)].
24. **Кызыл Карга, волость** – в верховьях на правом и левом берегах р. Мраса, выше устья р. Кырмыс [ХК, л. 131, 168 об. (фрагмент на карте утрачен); ЧК, л. 25 об.–26 (напротив устья р. Кырмыс); СК, л. 82 (значка волости нет)].
25. **Кизинская, волость** – в истоках на левом берегу р. Мраса [ХК, л. 131, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82].

По Оби:

26. **Ашкыштымцы, волость** – левый берег в верховьях р. Уень, выше р. Бечат [ХК, л. 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 81 об. (названы во множественном числе – «волости»)].
27. **Телеуты** – правый берег р. Обь, между рек Уень и Берть [ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 81 об.]
28. **Телеуты** – правобережье Оби, вдоль левого берега р. Бердь, [ХК, л. 168 об.; ЧК, л. 25 об.; СК, л. 81 об. (между рек Берть и Сары-Чюмыш в их нижнем течении)].
29. **Тогулская, волость** – в устье на левом берегу р. Тогул, правого притока р. Сары-Чюмыш [ХК, л. 168 об.; ХК, л. 129 («Тогульская»); ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 81 об.].
30. **Нижные Таганцы, волость** – левый берег р. Сары Чюмыш, выше устья р. Кара-Чумыш [ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (Нижна Тагапцы)].
31. **Верхные Тага[н/п]цы, волость** – левый берег р. Сары-Чюмыш, выше устья р. Кузедеева [ХК, л. 168 об. («Верх Каганцы», ни река Сары-Чумыш, ни р. Кузедеева на подписаны); ЧК, л. 25 об.–26 («Верхные Тагацы»); СК, л. 82 («Верх Тагапцы»)].
32. **Белые калмыки Табуновы** – левый берег р. Обь, ниже рек Бороноур и Касмели [ХК, л. 128 (река Обь названа «р. Ирмень»); ХК, л. 168 об. (напротив устья р. Чюмыш); ЧК, л. 25 об.–26 (как в ХК, л. 168 об.); СК, л. 81 об. (как в ХК, л. 168 об.)].
33. **Белые калмыки Шадаевы** – левый берег р. Обь, между реками Алей и Чарыш [ХК, л. 128 (реки названы «Алии» и «Шараши»); ХК, л. 168 об. (в двух местах: между реками «Алис» и «Катуня»); ЧК, л. 25 об.–26 («Белыя калмаки Шадаевы» – в трёх местах от реки «Дюля» до Катуни); СК, л. 81 об. (как в ХК, л. 168 об.)].
34. **Черные калмаки** – левый берег в низовьях р. Катуня [ХК, л. 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 81 об. («черные калмыки»)].

По Бии и Телецкому озеру:

35. **Карсапалы** – правый берег р. Бия, между устьями рек Битемир и Неня [ХК, л. 129 (не обозначены как волость, река Бия названа р. Карсагалы); ХК, л. 168 об. (обозначены как волость); ЧК, л. 41 об. (не обозначены как волость, в междуречье рек Витерми и Нея, правых притоков р. Карсагалы); ЧК, л. 26 (обозначены как волость, в устье на левом берегу р. Битемир, правого притока р. Бия, которая в верховьях названа р. Клык); СК, л. 51 об. (не обозначены как волость, в междуречье безымянной реки и р. Нея, правых притоков р. Карсагалы); СК, л. 82 (не обозначены как волость, в устье на левом берегу р. Битемир, правого притока р. Бия, которая названа р. Клык)].
36. **Карсагалы** – левый берег р. Бия, недалеко от истоков р. Иша [ХК, л. 168 об. (ниже истоков р. Иша, р. Бия не подписана); ЧК, л. 26 (в истоках р. Иша, р. Бия подписана как «Обь река», вытекающая из Телецкого озера); СК, л. 82 (ниже истоков р. Иша)].

37. **Нижна Куманда, волость** — в устье на левом берегу р. Неня, правого притока р. Бия [ХК, л. 129, 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82; ЧК, л. 41 об. («Куманда», не обозначена как волость — правый берег р. Бия, подписанной как «р. Карсагалы», между реками Нея и неподписанной р. Лебедь); СК, л. 51 об. («Ниж Куманда», не обозначена как волость — знак юрт стоит вдоль левого берега р. Нея, а подпись помещена севернее, в верховьях неподписанной р. Битемир).
38. **Верхная Куманда, волость** — в устье на правом берегу р. Лебедь, правого притока р. Бия [ХК, л. 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (ниже устья р. Лебедь).
39. **Шалкалы, волость** — вдоль левого берега р. Лебедь, правого притока р. Бия [ХК, л. 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26 (от истоков до устья); СК, л. 82 («Шаркалы» — в двух местах: на левом берегу в истоках р. Лебедь и на левом берегу в устье р. Лебедь); ХК, л. 129 (на правом берегу р. Бия, подписанной как «р. Карсагалы», к северу от реки Багор и к югу от неподписанной р. Лебедь); ЧК, л. 41 об. (как в ХК, л. 129); СК, л. 51 об. (на правом берегу р. Бия, подписанной как «р. Карсагалы», к югу от реки Багор)].
40. **Кергеши, волость** — правый и левый берега р. Бия, немного ниже Тележского озера [ХК, л. 168 об.; ЧК, л. 25 об.–26 (р. Бия подписана как «Обь река»); СК, л. 82; ХК, л. 129 (правый берег р. Бия); ЧК, л. 41 об. («Кергенская» — на правом берегу безымянной реки, правого притока р. Бия); СК, л. 51 об. (как в ЧК, л. 41 об.)].
41. **Тележцы, волость** — северо-восточный берег Телецкого озера [ХК, л. 129; ЧК, л. 41 об. (не обозначены как волость); СК, л. 51 об. (не обозначены как волость)].
42. **Царство Алтырско** — восточный берег Телецкого озера, севернее от устья р. Чулушман [ЧК, л. 41 об. (имеется знак города и надпись «Алтыри»); СК, л. 51 об.].
43. **Саянцы, волость** — восточный берег Телецкого озера, северо-восточнее устья р. Чулушман, в устье р. Черная [ХК, л. 168 об. (р. Черная не подписана); ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82; ХК, л. 129 (на южном берегу озера Тележское, к западу от р. Чюлушман); ЧК, л. 41 об. (не обозначены как волость, в устье р. Чулушман, текущей с «Черного камня», такой же знак без подписи стоит в истоках Чулушмана); СК, л. 51 об. (как в ЧК, л. 41 об.)].
44. **Телень орда** — южный берег Телецкого озера [ХК, л. 129 (на правом берегу в устье р. Карташ, впадающем с юго-запада в оз. Телецкое); ЧК, л. 41 об. (южный берег озера, между реками Картан и Карараш); СК, л. 51 об. (как в ЧК, л. 41 об.)].
45. **Теленбуты** — вдоль юго-западных притоков озера Теленба [ХК, л. 129 (вдоль р. Черная); ЧК, л. 41 об. (показаны в двух местах: в верхнем и нижнем течении неподписанных юго-западных притоков озера); СК, л. 51 об. (как в ЧК, л. 41 об., надпись: «около Теленбы живут Теленбуты»)].

По Катуни:

46. **Карасакалцы** — левый берег р. Катуня, в нижнем течении [ХК, л. 129; ЧК, л. 41 об. (в одном месте указано три крупных шатра); СК, л. 51 об. (поставлено два знака юрт)].
47. **Таиша Тархан** — правый берег р. Катуня, напротив урочища Каргай [ХК, л. 129; ЧК, л. 41 об.; СК, л. 51 об.].
48. **Манжи Тархат** — в устье на правом берегу реки Таржа, левого притока р. Катуня [ХК, л. 129; ЧК, л. 41 об.; СК, л. 51 об.].
49. **Шаражматулы** — правый берег в верховьях р. Иша, правого притока р. Катуня [ХК, л. 129; ЧК, л. 41 об. («Сарамунулы» — правый берег в среднем течении р. Иша); СК, л. 51 об. («Шарамунуты» — левый берег в среднем течении р. Иша)].
50. **Тау-телеуты** — правый берег р. Катуня, около устья р. Иша [ХК, л. 129 (между реками Иша и Наима); ХК, л. 168 об. (вдоль правого берега реки Иша); ЧК, л. 25 об.–26 (ниже устья р. Иша); СК, л. 82 (в двух местах: ниже устья р. Иша и вдоль правого берега р. Иша); ЧК, л. 41 об. (между реками Иша и Наима, напротив устья р. Аир); СК, л. 51 об. (между реками Иша и Наима, напротив устья р. Чарас)].
51. **Тайша Ламаши** — левый берег реки Катуня, напротив р. Наима, между реками Аир и Чарас [ХК, л. 129; ЧК, л. 41 об.; СК, л. 51 об. (р. Наима показана южнее)].
52. **Комляши, волость** — в междуречье Бии и Катуни, выше р. Наима [ХК, л. 168 об. (в истоках реки Найма); ЧК, л. 25 об.–26; СК, л. 82 (в истоках реки Наима); ХК, л. 129 (не обозначены как волость, показаны на правом берегу около устья р. Чюи, правого притока р. Катуня); ЧК, л. 41 об. («Комняши», не обозначены как волость, правый берег р. Катуня, выше реки Наима, напротив устья реки Чарас); СК, л. 51 об. («Комаяши» — левый берег р. Найма)].

53. **Карабатцы** – левый берег р. Катуня, между реками Чарас и Бирюзяхай [ХК, л. 129 (немного выше устья р. Чюи); ЧК, л. 41 об. («Карабитцы» – напротив устья реки Чюй); СК, л. 51 об. (ниже устья реки Чюй)].
54. **Долон Катай, улус** – на обоих берегах р. Катуня, выше устья реки Чюй [ХК, л. 129. («у. Долон Калтай» – подпись помещена на левом берегу в среднем течении р. Чюи, а изображения шатров показаны на обоих берегах р. Катуня, в её верховьях); ЧК, л. 41 об. (шатры показаны на обоих берегах Катуни, а надпись только на правом); СК, л. 51 об. («уроч. Долон Катай» – знаки в двух местах в нижнем течении вдоль левого берега р. Чюй)].

Глава 5

Тюркское население Тарского уезда на картах из атласов С. У. Ремезова (конец XVII века)

В соответствии с указом от 10 января 1696 г. в сибирских городах местными чертёжниками создавались карты уездов. Формат этих «городовых чертежей» был оговорён в распоряжении боярской думы — их требовалось нарисовать на ткани размером 3 на 2 аршина. Готовые чертежи 1697–1698 гг. собирались в Тобольске, откуда отправлялись в Москву. Работая над созданием общей карты Сибири, С. У. Ремезов в Тобольске снимал уменьшенные копии с городовых чертежей в «Хероградскую книгу». Он перерисовал в свой первый атлас уездные чертежи городов Тюмени, Березова, Томска, Кузнецка и Мангазеи[1]. Ещё для четырёх городов (Пелым, Туринск, Верхотурье и Сургут) художник оставил чистые листы[2], написав только заглавие, но так и не успев их заполнить. Остальные сибирские города в «Хероградской книге» даже не упомянуты.

В первом атласе С. У. Ремезова план Тарского уезда составил отдельную 76-ю главу с названием «Чертеж грани Тарского города с уездами без степи»[3]. Позднее аналогичный городовой чертёж был помещён С. У. Ремезовым в его второй («Чертежная книга») и третий («Служебная чертежная книга») рукописные атласы под заглавием «Чертеж земли Тарского города»[4].

Скопированная С. У. Ремезовым карта Тарского уезда содержала разновременные сведения, заимствованные из более ранних чертежей. Подпись в верхнем левом углу сообщает, что «от Иртыша путь надлежит степью х калмыцкому Ердени контаише, а ходу до него летом на лошедях и на вельбудах в шесть недель и болши». Упомянутый здесь «калмыцкий Ердени контайша» — это правитель Ойратского государства Эрдени Батур-хунтайджи, умерший в 1653 г.[5]

В другой подписи на чертеже упомянут «Кокон», который вместе со своими подданными летом кочует «над рекою Карасун и на Чане озере на островах». Речь идёт о тюркском князце Коокен Матуре, кочевавшем в степях Верхнего Обь-Иртышья в 1680-е гг.[6] Таким образом, на карте зафиксирована информация, собранная в течение полувека, начиная с 1650-х гг.

Тарский уезд находился на южном рубеже русских владений в Западной Сибири. Непосредственно он примыкал лишь к Тобольскому уезду, который располагался северо-западнее, ниже по Иртышу. На городовом чертеже гранью Тарского уезда является река Ишим с её притоками (рис. 10). По левому берегу Иртыша, ниже устья Ишима, обозначен Тебендинский острог и деревня того же названия (совр. село Большая Тебендя Усть-Ишимского района Омской области). По правому берегу Иртыша последовательно, вниз по течению, изображены притоки Уй, Шиш, Туй и Бегаз. Первые три реки сохранили свои названия до наших дней; Бегаз, по-видимому, должен отождествляться с рекой Бича. Немного ниже её устья на правом берегу Иртыша показан «о[строг] Каурдацкой» — центр одноимённой ясачной волости.

---

[1] Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. В 2 т. Тобольск, 2011. Т. 1: факсимильное издание. Л. 166–167, 168–169.

[2] Там же. Л. 167 об., 167-а, 167-а об., 169.

[3] Там же. Гл. 76. Л. 166 об.

[4] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1: факсимильное издание. М., 2003. Л. 5 (по пагинации С. Ремезова лист 3); Служебная чертежная книга: факсимильное издание. Тобольск, 2006. Л. 57–58. (Сочинения С. У. Ремезова. В 4 т., т. 3).

[5] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 206. Следующий ойратский правитель, имевший титул Эрдени Зоригту хунтайджи, был Цэван-Рабдан. Это почетное звание (от монгольских эпитетов «эрдэнэ» — драгоценность, сокровище, «зоригту» — смелый, отважный) он получил от далай-ламы после смерти в 1697 г. Галдана Бошокту-хана, когда стал единоличным правителем Ойратского государства. Кажется невероятным, чтобы на изготовленном в Таре чертеже, который летом 1698 г. уже находился в Москве, шла речь о Цэван-Рабдане.

[6] Уманский А. П. Сибирские воеводы о событиях в Центральной Азии в конце XVII столетия // Востоковедные исследования на Алтае: сб. статей. Барнаул, 2003. С. 20–23.

Рис. 10. «Чертеж грани Тарского города с уездами без степи» из «Херогравской книги» С. У. Ремезова. Фрагмент с течением Иртыша от города Тары до границы с Тобольским уездом.

Цифрами обозначены: *1* — р. Ишим, *2* — р. Уй, *3* — р. Шиш, *4* — р. Туй, *5* — р. Бегаз, 6 — р. Оша, *7* — р. Аев, *8* — острог Тебендинский, *9* — острог Ишимский, *10* — острог Каурдакский, *11* — деревни Аялымские, *12* — деревни Каурдакские, *13* — волость Таваотузская, *14* — волость Тава, *15* — волость Яиртыш, *16* — юрты «ишимских татар»

Ещё в наказе князю Андрею Елецкому 1593 г. об основании города на реке Таре говорилось, что «к новому городу», т. е. в ве́дение тарского воеводы, должны перейти ранее подчинявшиеся городу Тобольску волости: Курдак (350 чел.), Соргач (80 чел.), Отуз (15 чел.), Тава (10 чел.), Урус (6 чел.), Токуз (3 чел.), Супра (число ясачных не указано), Аялы (500 чел.). В то время все жители этих волостей были двоеданцами, они платили дань и Кучуму, и русскому царю[7]. Из названных волостей по численности выделяются две — Курдак и Аялы.

Для учёта аборигенного податного населения, проживавшего в уезде, в Таре велись ясачные книги, куда по каждой волости ежегодно записывали плательщиков ясака и объём взимаемой с них подати. Местные власти разделяли волости по географическому расположению на «верхние» (вверх по Иртышу) и «нижние». Нижние волости Тарского уезда составляли Аялы, Каурдак, Тав, Яиртыш, Тав-отуз, Отуз и Саргатская. Они были включены в состав Русского государства ещё в конце XVI в. Все верхние волости находились на правобережье Иртыша южнее устья реки Тара. К ним относились Тереня, Бараба, Чой, Тураш (Кулеба), Люба и Тунус (док. № 13). Тюркское население этих волостей оседло проживало в Обь-Иртышской степи. Оно было объясачено тарскими служилыми в начале XVII в.

Согласно ясачным спискам, выверенным весной—летом 1624 г.[8] тобольским сыном боярским

[7] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Док. № 13, с. 352.

[8] В докладной выписке о сборе ясака в Тарском уезде говорится, что М. Байкашин и Г. Ерофеев провели перепись ясачных «в прошлом во 132 году ко 133 году», следовательно, ближе к концу 7132 года, т. е. весной-летом 1624 г. (Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 37, стб. 490).

Михаилом Байкашиным и подьячим Гаврилой Ерофеевым, среди верхних волостей самой крупной была Барабинская. В шести её деревнях проживало 56 плательщиков ясака. В остальных волостях было от 7 до 16 данников. На огромных просторах Барабинской степи, согласно переписи Михаила Байкашина, обитало всего 120 «ясачных людей». После возведения Барабинского острога число данников возросло вдвое[9].

Основная часть тюркского ясачного населения Тарского уезда проживала в деревнях нижних волостей. Их поселения располагались по обоим берегам Иртыша от нижнего течения реки Тара до границы с Тобольским уездом. Спустя тридцать лет после наказа князю Елецкому самыми крупными из нижних волостей по-прежнему оставались Аялы (15 деревень, 152 ясачных) и Каурдак (13 деревень, 154 плательщика ясака). В остальных пяти нижних волостях имелось девять деревень, где проживало «ясачных людей сто шесть человек» (док. № 13).

На городовом чертеже Тары, скопированном С. У. Ремезовым, «Каурдацкие деревни» обозначены по правому и левому берегам Иртыша от устья реки Шиш и далее в сторону Тобольска до края листа. «Аялынские / Аялымские деревни» занимают на чертеже правобережье Иртыша от устья реки Уй почти до Такмыкской слободы. Из других волостей, перечисленных в наказе 1593 г., спустя сто лет на карте отмечены волости «Тава» и «Таваотузская», обе на правом берегу Ишима, около его устья.

Таким образом, граничащими с Тобольским уездом на чертеже показаны волости Тебендинская и Каурдакская. Документы, собранные Г. Ф. Миллером, свидетельствуют, что в 1631 г. в Тарском уезде уже существовали Каурдакский и Ишимский «острожки»[10]. В 1654 г. русский посол в Китай Фёдор Байков, проехавший вверх по Иртышу, писал:

«А от реки Вагаю ходу 5 дней до уезда Тарскаго города до нижняго Каурдацкаго острожку… Живут в том острожке… Тарского ж города служилые люди.

А от Каурдацкого острожка вверьх по реке Иртышу ходу 2 дня до острожка Тебендинскаго… А живут в том острожке Тарского города пятидесятник да 10 человек стрельцов для обереганья от калмыков.

А от Тебендинскаго острожка вверьх по реке Иртышу до реки Ишиму ходу 2 дня. А на устье тоя реки Ишима стоит острожек… А живут в том в Ишимском острожке Тарского города государевы ясачные татаровя да Тарского города сын боярской, а с ним Тарского ж города русских служилых людей 20 человек для обереганья от калмыков»[11]. Все три упомянутых Байковым острожка показаны на городовом чертеже Тарского уезда конца XVII в.

Вверх по левому берегу Иртыша последним населённым пунктом Тарского уезда показана «Татмыцкая слобода» в устье реки Бызовки (совр. посёлок Такмык Большереченского района Омской области). На противоположном, правом, берегу Иртыша крайними обозначены деревни Аялымской волости, располагавшиеся ниже устья Бызовки, немного южнее реки Тары. Далее вверх по Иртышу никаких населённых пунктов на чертеже не отмечено, пустующие территории заняты обширными текстами, повествующими о соседних народах — ойратах и казахах, а также о практиковавшихся поездках за солью на Ямышевское озеро (само озеро нарисовано около южной кромки чертежа).

Так называемые Барабинские волости располагались на правобережье Иртыша между рекой Тарой и озером Чаны. По Таре, в нижнем её течении, на городовом чертеже из атласа Ремезова показаны «д[еревни] русских» людей и главный населённый пункт — слобода «Биргамацка» (совр. село Бергамак Муромцевского района Омской области). Выше по течению отмечены ясачные волости Тукулеская, Кулябинская и Турашская (рис. 11).

В бассейне Оми ясачное население показано в среднем и верхнем течении реки. В междуречье Оми и Тартаса находились «д[еревни] Барабинской волости»; они же отмечены южнее Оми, в районе озёр Чаны и Сартлан. Между реками Омь и Каргат, вокруг озёр Уба и Караган (совр. озёра Убинское и Карган) расположены селения Теренинской волости.

В междуречье Оми и Тары на свободном месте автор чертежа вставил пояснение: «В прошлых 204-м, 205-м годех из Казачьи орды люди приходили и воевали Тукулескую волость». Эта фраза позволяет датировать составление карты временем не ранее начала 7206 г., то есть сентября 1697 г. На Тарском городовом чертеже 1697 г. огромные пространства Барабинской степи втиснуты на небольшой участок в левом нижнем углу карты. Такая компоновка заставляла картографа изображать Барабу предельно схематично. Значительно подробнее гидросеть описанного райо-

[9] Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 22, стб. 429–432; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 50. Табл. 13. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 55).

[10] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 83 (гл. 8, § 70), док. № 291–292, с. 381–382. В этом же параграфе Миллер сообщал и о Тебендинском острожке, однако в документах 1631 г. упоминания о нём мы не находим.

[11] Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и док. Т. 1: 1608–1683. М., 1969. Док. № 74, с. 171.

Рис. 11. «Чертеж грани Тарского города с уездами без степи» из «Херогравской книги» С. У. Ремезова. Фрагмент с реками Тара, Омь и озером Чаны.

Цифпами обозначены: *1* — р. Иртыш, *2* — р. Камышлов, *3* — р. Омъ, 4 — р. Карасун, *5* — р. Баган, *6* — р. Чюлым, *7* — р. Каргат, *8* — р. Тартас, *9* — р. Тара, *10* — оз. Ямыш, *11* — оз. Чаны, *12* — оз. Сартлан, *13* — оз. Тандов, *14* — оз. Караган, *15* — оз. Уба, *16* — оз. Иккуль, *17* — оз. Кирчик, *18* — оз. Угуй, *19* — слобода Биргамацка, *20* — деревни Ялымской волости, *21* — деревни Турашской волости, *22* — деревни Кулебинской волости, *23* — деревни Турасийской и Кулебинской волостей, *24* — деревни Барабинской волости, *25* — деревни Теренинской («Терениской») волости, *26* — деревни Ичениской волости

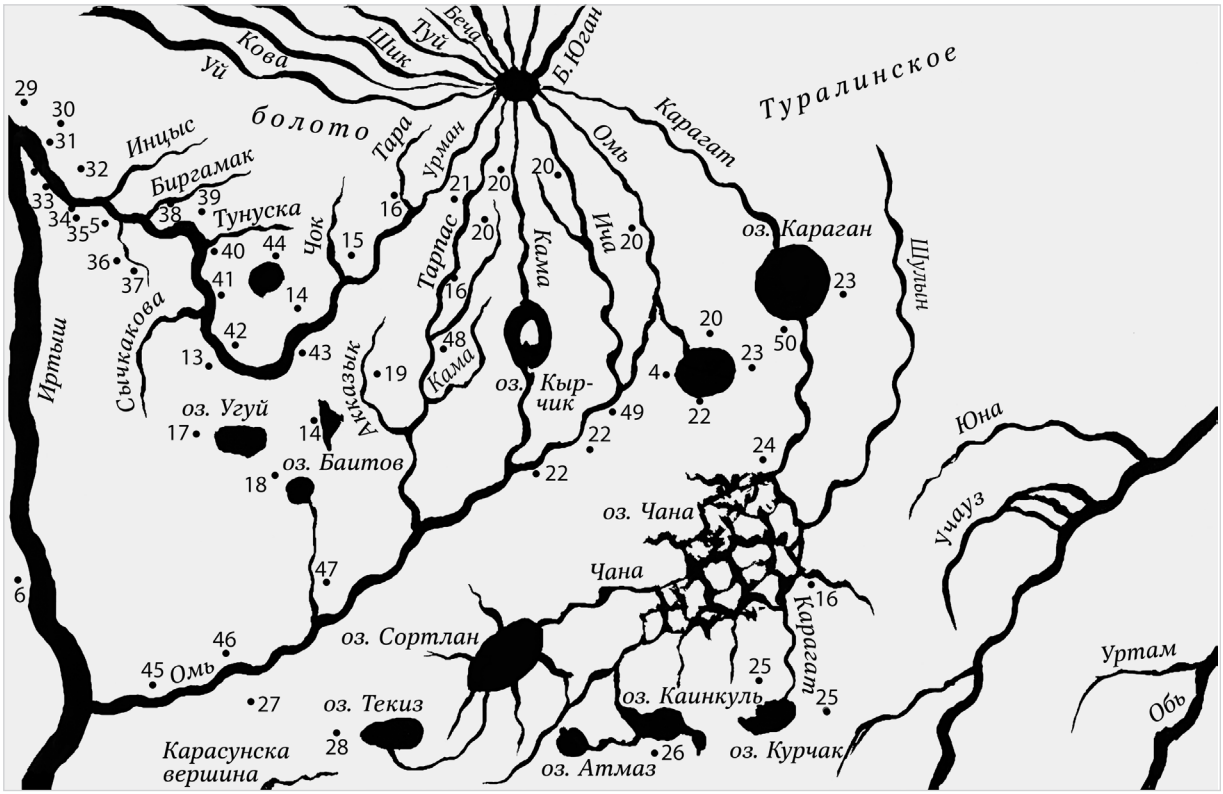


Рис. 12. «Степь Барабинская с урочищи до Оби реки» из «Хероградской книги». Прорисовка гидросети. Север вверху. Названия рек, озёр и народов соответствуют написанию на чертеже Ремезова. Номера 4–6, 13–28 соответствуют исторической карте (см. рис. 13).

Остроги: *4* — Барабинский. **Слободы**: *5* — Бергамакская; 6 — Такмыкская. **Ясачные волости:** *13* — Чертанлы; *14* — Тунус; *15* — Чой; *16* — Тураш (Куляба); *17* — Угуй; *18* — Каинлу; *19* — Люба; *20* — Ичав (чаицы); *21* — Барабинцы и Кулебинцы; *22* — Барабинцы; *23* — Тереня; *24* — Каинцы; *25* — Коурчаки; *26* — Карагалинцы. **«Калмыки»:** *27–28* — «коч[евья] Кокона». **Деревни и юрты:** 29 — У[с]ть-Тарска, *30* — Тиханова, *31* — Чепляковы, *32* — Инцыские, *33* — Бучкаковы, *34* — Резина, *35* — Еремина, *36* — Обросимова, *37* — Муромцова, 38 — Чиркасовы, *39* — Бакисяковы, *40* — Сабанчеевы, *41* — Сычкаковы, *42* — Калмаковы, *43* — Тогашевы, *44* — Алеметевы, *45* — Будари, *46* — Хождари, *47* — Чингашевы, *48* — Ташкича, 49 — Баккышины, *50* — Сингашевы

на показана на другом чертеже из «Хероградской книги» С. У. Ремезова — карте-вклейке Барабинской степи, выделенной автором в отдельную главу. «Глава 31. Степь Барабинская с урочищи до Оби реки»[12] представляет собой один чертёж, подклеенный к листу 93 «Хероградской книги» (рис. 12). Чертёж-вклейка не стыкуется со сводным чертежом течения Иртыша, составленным Ремезовым. Очевидно, это копия карты Барабинской степи неизвестного автора последней четверти XVII в. Она является самостоятельным чертежом, который С. У. Ремезов скопировал и подклеил к общей схеме Иртыша позднее, после вычерчивания всего течения реки в единой прямоугольной сетке. О времени составления оригинала можно судить по упоминаниям на карте кочевий Кокона (Коокен-Матура, Коокен-Батура), обитавшего в этом районе в 1670–1680-х гг. Скопирована и вклеена в атлас она была в 1697–1698 гг., поскольку вставленная карта значится в оглавлении в начале «Хероградской книги». Подобные вставки в «Хероградской книге» имели собственные названия и выделялись автором в отдельные главы, но в оглавлении для них указывался номер того листа, к кромке которого они были подклеены.

На вклейке показана территория от устья Тары и устья Оми на Иртыше до Уртамской слободы на Оби (рис. 12). Как и все сибирские географические карты конца XVII в., этот чертёж нарисован без масштаба и градусной сетки, ориентирован на юг; он очень схематичен, но даёт общее представление о гидросети района. Именно нарисованные изографом реки и озёра, несмотря на невероятные искажения, позволяют отождествить чертёж с местностью и попытаться определить районы обитания ясачного населения в Барабинской степи.

Гидросеть Обь-Иртышского междуречья изображена на карте необычно: почти все реки ра-

[12] Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Т. 1. Тобольск, 2011. Л. 5 об. Название дано по оглавлению. На обороте вклейки оно сокращено: «Глава 31. Степь Барабинская с урочищи» (л. 93).

диально вытекают из одного центра, подписанного «ключь», про который сказано: «Ключь среди болота, из него 11 рек, а зимою бьет сажени на 2 вверх». Так неизвестный изограф в сжатом виде показал протянувшиеся на сотни километров лесные болота Васюганья, из которых действительно берут начало десятки рек, текущих в Обь и Иртыш.

Если размеры Васюганья многократно уменьшены, то крупнейший водоём Барабы — озеро Чаны, — наоборот, показан гипертрофированно большим. Со всех сторон в него впадают реки и безымянные ручьи. Две реки находят соответствия с современными: Шулын — совр. Чулым, Карагат — совр. Каргат. Между озёрами Чаны и Сартлан показана не существующая сейчас река Чана. Напротив устья р. Карагат в озеро впадает ещё одна речка Карагат, которая вытекает из озера Курчак, расположенного недалеко от Оби. Нам представляется, что автор чертежа дважды изобразил одну и ту же реку Каргат — она действительно вытекает из болот Васюганья со стороны Оби.

Помимо гидросети, на чертеже-вклейке подробно показано размещение ясачных волостей сибирских татар, проживавших в восточной половине Тарского уезда. Часть этих же волостей изображена С. У. Ремезовым на «Чертеже земли всей… каменной степи» и «Чертеже земли Тарского города». Последняя карта, помимо Барабы, включает западную половину уезда, которая ни на каких других картах не показана. Обобщённые сведения трёх чертежей о расселении этнических групп Тарского уезда в конце XVII в. представлены на исторической карте, составленной авторами (рис. 13).

Самым северным форпостом Тарского уезда являлся Каурдакский острог (рис. 13, № 1). В путевом дневнике Ф. Байкова он назван «нижним Каурдацким острожком», видимо, потому, что находился ниже всех поселений уезда по течению Иртыша. Острог стоял на правобережной излучине Иртыша ниже реки Бича. Места обитания тюркоязычного населения волости Каурдак на картах из атласа Ремезова показаны около одноимённого острога, а также в окрестностях устья реки Шиш.

На левом берегу Иртыша, поблизости от ишимского устья, находились два русских острожка — Тебендинский (№ 2) и Ишимский (№ 3). Здесь же располагались волости Тебендя (№ 8), Тава (№ 9) и Таваотуз (№ 10) с общей численностью около 50 ясачных татар. Ещё 13–15 плательщиков ясака проживали близ устья реки Туй и составляли Яиртышскую волость (№ 11). По мнению Б. О. Долгих, это название территориальное, связанное с озером Ян-Иртыш, которое расположено в левобережной пойме Иртыша, примерно в 20 км выше устья реки Туй. Исследователь объединял волости Тебендя, Тава, Таваотуз и Яиртыш в одну группу с родственной им многолюдной волостью Саргач, располагавшейся ниже по течению от Каурдакской волости[13]. Г. Ф. Миллер также отмечал, что в городке Тебенда (по-татарски «Тювенда») «жил князец Елегай, потомок ишимского хана Саргачика»[14]. Несмотря на многолюдность волости Саргач (в ней в конце XVII в. проживало около 70 плательщиков ясака[15]), она не обозначена ни на Тарском, ни на Тобольском городовых чертежах. В атласах Ремезова волость под таким названием отмечена только в нижнем течении реки Демьянки на сводном чертеже гидросети Иртыша[16] и на «Чертеже земли Тобольского города» из «Чертежной книги»[17].

Одной из самых крупных волостей Тарского уезда была Аялымская или «Аялы» (№ 12). В ней собирали ясак со 150–200 человек. Деревни этой волости показаны вдоль правого берега Иртыша напротив города Тары — от устья реки Уй до устья реки Тара. Выше аялымцев по Иртышу в уезде плательщиков ясака не было. Крайним населённым пунктом здесь, на правобережье Иртыша, была укреплённая «Биргамацка» слобода (№ 5), располагавшая в нижнем течении реки Тары, а на левобережье — «Татмыцкая» слобода (№ 6).

Вдоль берегов реки Тары на чертежах Ремезова изображены ясачные волости Чертанлы (№ 13), Тунус (№ 14), Чой (№ 15) и Тураш (Куляба) (№ 16). Интересно, что в этом районе до сих пор существуют поселения Черталы и Куляба, а искажённое имя волости *Тунус* сохранилось в названиях рек Большой и Малой Тунгуски (с народами Восточной Сибири их связывает только созвучие). Проживавшие на реке Таре группы ясачного населения обычно относят к числу Барабинских волостей[18].

Собственно Барабинские волости располагались в бассейне реки Оми и южнее, на просторах Барабинской низменности. В междуречье Тары и Оми, около озера Угуй, жили угуйцы (№ 17). Между ними и Омью на чертеже-вклейке в атласе Ре-

---

[13] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 51, 53.

[14] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 255 (гл. 3, § 59).

[15] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 50, табл. 13.

[16] Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Т. 1. Тобольск, 2011. Л. 71.

[17] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. В 2 т. Т. 1. М., 2003. Л. 4 об. На таком же чертеже из «Служебной чертежной книги» волость Саргач не показана (Служебная чертежная книга: Факсимильное издание. Тобольск, 2006. Л. 28 об.).

[18] Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. / пер. З. Д. Титовой // Исторический архив. 2003. № 2. С. 25; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 52.

Рис. 13. Карта расселения этнических групп ясачного населения Тарского уезда в конце XVII в. (по чертежам из «Хорографской книги» С. У. Ремезова).

Остроги: *1* — Каурдакский; 2 — Тебендинский; *3* — Ишимский; *4* — Барабинский. **Слободы:** *5* — Бергамакская; *6* — Такмыкская. **Ясачные волости:** 7 — Коурдак; *8* — Тебендя; *9* — Тава; *10* — Тава-отуз; *11* — Яиртыш; *12* — Аялым; *13* — Чертанлы; *14* — Тунус; *15* — Чой; *16* — Тураш (Куляба); *17* — Угуй; *18* — Каинлу; *19* — Люба; *20* — Ичав (чаицы); *21* — Барабинцы и Кулебинцы; *22* — Барабинцы; *23* — Тереня; *24* — Каинцы; *25* — Коурчаки; *26* — Карагалинцы. **«Калмыки»:** *27–28* — «коч[евья] Кокона»

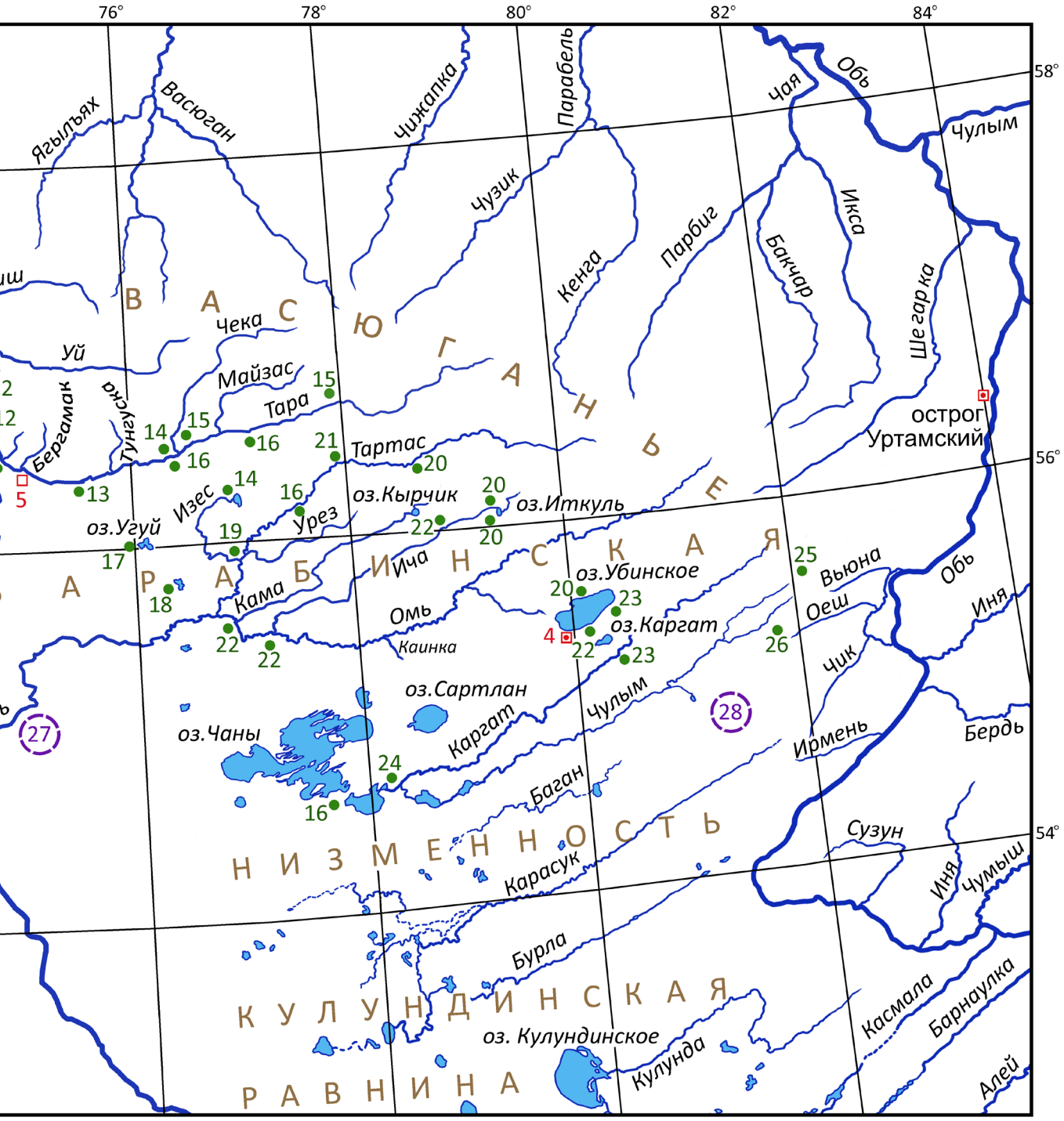
мезова обозначена волость Каинлу (№ 18)[19], которую мы условно локализуем около современного озера Тюсмень. На крупнейшем притоке Оми — реке Тартас — обозначены волости Люба (№ 19), Куляба (№ 16), а также «барабинцы и кулебинцы» (№ 21). На реке Ича жили барабинцы, а в верхнем течении показаны чайцы (волость «Ичав») (№ 20). На левобережье Оми отмечены только барабинцы (№ 22). Наибольшая плотность ясачного населения, судя по чертежу, имелась в районе Убинского озера, на берегу которого проживали чаинцы (№ 20), барабинцы (№ 22) и тереницы (№ 23). Представители малочисленной волости Тереня, помимо Убинского озера, проживали в среднем течении реки Каргат. Эти же волости «Барабинска», «Терениская», «Ичениская/Чениская» показаны в «Чертежной книге» на «Чертеже земли всей… каменной степи» вокруг крупного безымянного озера, в котором легко угадывается оз. Убинское. Здесь же, на южном берегу Убинского озера, стоял русский Барабинский острог (№ 4). Вклейка в «Хорографской книге» — единственный чертёж, по которому можно определить место расположения этого укрепления XVII в.

В нижнем течении Оми никаких ясачных волостей не было. Южнее среднего течения Оми плательщики ясака обозначены только на озере Чаны. На карте-вклейке там, в устье первой реки «Карагат» отмечены «Каинцы» (№ 24), а в устье второго «Карагата», показаны «Кулеба и Туран». На уездном чертеже имеется надпись: «На озере Чане, и на островах, и подле озера Чаны, и около озер Сартлану и Тандову деревни Барабинской и Сенской волости ясашных тотар». Вероятно, последнее название территориальное, связано с именем озера Чаны, поскольку на том же чертеже в «Служебной чертежной книге» в этом тексте названы «деревни и волости Барабинские и Чениские ясашных тотар»[20]. В отличие от перечисленных карт, на «Чертеже земли всей… каменной степи» вокруг озера Чаны С. У. Ремезов не показал ни одной ясачной волости.

Самыми отдалёнными группами ясачного населения являлись карагалинцы (№ 26) и коурчаки (№ 25), жившие на восточной окраине Тарского уезда, близ его границы с Томским. Шатры кочевых карагалинцев, названных «карагаганцами», показаны на чертеже-вклейке у верхней кром-

[19] Возможно прочтение «Каинау». При публикации текста атласа в издании «Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова» авторы прочитали этот топоним как «в. Клинау» (Т. 2: Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. Тобольск, 2011. С. 111).

[20] Служебная чертежная книга: Факсимильное издание. Тобольск, 2006. Л. 57 об. (Сочинения С. У. Ремезова: в 4 т., т. 3).



ки листа. Подпись поясняла, что эти кочевники «ясаку не платят». По документам известно, что с 1701 г. в Тарском уезде начали собирать ясак с карагалинских (карагайлинских) татар[21]. Очевидно, именно их места обитания изобразил неизвестный автор чертежа Барабинской степи, который был скопирован и вклеен С. Ремезовым в «Хеоргравскую книгу». «Калмаки каурчаки» показаны на том же чертеже, их шатры нарисованы около озера Курчак в истоках реки Каргат. По другую сторону озера около изображения таких же шатров кочевников имеются знак волости и подпись «Карчиканска». Упоминания о коурчаках, кочующих в Барабе, встречаются в русских документах уже в 1620-х гг.[22] Одновременно они фигурировали и под именем «калмыков орчаков»[23]. «Калмык-

[21] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 50, 55.

[22] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 3, 424. Опубл.: Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Док. № 15, стб. 400; Док. № 71, стб. 616.

[23] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. Док. № 213. Л. 400 об.

ская» принадлежность коурчаков (орчаков) не должна нас смущать. Исследователи единодушно относят их к тюркоязычным жителям Южной Сибири — тувинцам[24] или теленгетам[25]. По сведениям Б. О. Долгих, эти кочевники в течение почти всего XVII века не платили ясак русскому царю. Очевидно, они были подданными ойратов, отчего и назывались «калмыками». Большая группа коурчаков перешла в русское подданство в начале 1690-х гг. или несколько ранее. В 1691 г. в Тарском уезде собрали дань со 106 коурчаков. Такое же число плательщиков ясака фиксируется и в начале XVIII в.[26] В ясачных книгах этого времени встречаются записи: «В прошлых годех многих их взял к себе сильно тайша Кокон, и калмыки эти от него розбежались»[27]. Следовательно, перед принятием российского подданства коурчаки находились в ведении князца Коокен-Матура, подчинявшегося правителю Ойратского государства.

По русским документам известно, что в 1674 г. войско ойратского Учюрту-тайши «пришло в Карагай» и там разгромило Коокен-Матура и его союзников. Источник уточнял: «И стоят де Учюртины воинские люди от Карагая до урочища Карасы, а Караса де от Барабы только в трех днях»[28]. По нашему мнению, урочище «Карасы» — это район реки Карасук, а Карагаем здесь назван сосновый ленточный бор вдоль реки Бурлы. На городовом чертеже Тары показаны впадающими в озеро Чаны реки Каргат, Чулым, Баган и Карасун. Рядом помещена поясняющая подпись: «Все 4 реки пали в одно озеро Чану, а выходу из озера нет». На самом деле в Чаны впадают только Каргат и Чулым. Вторая подпись сообщала: «А на сих реках кочуют калмыки Кокон, а летом над рекою Карасун и на Чане озере на островах». Таким образом, кочевья Коокен-Матура располагались в то время в междуречье Бурлы и Каргата, на границе Кулундинской и Барабинской степей.

На чертеже Барабинской степи из «Херографской книги» отмечено два района кочевий этого местного правителя: первый в нижнем течении Оми (№ 27), второй значительно ближе к Оби, недалеко от истока реки Карасук (№ 28). Проживание Кокона в Приобье зафиксировано в сообщении кузнецкого воеводы: «И в нынешнем, государи, во 197-м [1688] году сентября в 2 день Ивашко Бедарев с товарыщи, приехав в Кузнецкой, передо мною, холопом вашим, в вестях сказали: белых де каламаков князец Табунко и Кооконко Матур кочуют возле Оби реки на заречной стороне по Шолмону речке со всеми своими улусными людми»[29]. Письменные источники подтверждают, что Коокен-Матур в 1670–1680-х гг. кочевал в Барабинской степи от низовий Оми и озера Чаны до обских притоков. Область обитания Коокен-Матура ограничивала с юга территорию Барабы, на которую распространялась власть тарского воеводы.

Границы Тарского уезда в конце XVII в. определялись как административным делением Западной Сибири, так и естественно-географическими факторами. Наиболее чётко определяется северо-западная граница Тарского уезда. На одном из листов сводного чертежа течения Иртыша чертой обозначена «межа тоболская с Тарою градом». Выше вдоль Иртыша Семён Ульянович подписал: «Долгое плесо прямое до Коурдаку вер[ст] с семь». Надпись заканчивается рядом с поселением «коурдатцев». Примерно на таком же расстоянии далее вверх по Иртышу на лесистом мысу стоит знак острога и поясняется «Каурдацской острог, 149 человек»[30]. Таким образом, граница с Тобольским уездом на Иртыше проходила в 15–20 км ниже Каурдакского острога.

На севере подвластное тарскому воеводе население проживало в бассейнах правобережных притоков Иртыша. Естественным рубежом уезда в этом районе были бескрайние болота Васюганья.

На востоке границей Барабинской степи и Томского уезда был Обь-Иртышский водораздел. На «Чертеже грани Томского города с уездами» имеется подпись «Рубеж Томскому з Барабинским уездом» и пунктирная линия, направленная по водоразделу, вдоль истоков рек Чик, Ояш и

Цит. по: Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сб. док. М., 1974. Док. № 4, с. 24.

[24] Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 111; Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 109; Вайнштейн С. И. Примечания к § 3 главы 10 // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 442–443.

[25] Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 54–55.

[26] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 50, табл. 13. А. П. Уманский указывал, что, по-видимому, после 1675 г. «часть телеутов ушла в Тарский уезд», где (вслед за кузнецкими и томскими белыми калмыками-теленгетами, принявшими русское подданство) образовала «третью кочевую колонию». По его мнению, «есть все основания именно бывших подданных Коокена считать „телеутами, называемыми орьсок“» (Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII в. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 109. Об этом же см.: Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 198–199).

[27] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 55.

[28] РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Кн. 3. Л. 206–206 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и док. Т. 1: 1608–1683. М., 1969. Док. № 185, с. 459; Русско-монгольские отношения. 1654–1685: сб. док. М., 1996. С. 488, прим. 1 к док. № 143.

[29] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1071, ч. 1. Л. 65.

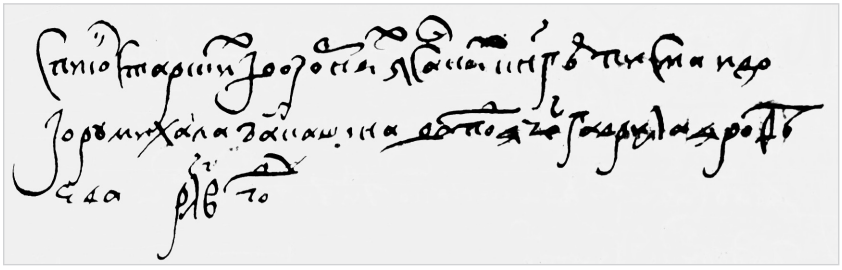
[30] Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Т. 1. Тобольск, 2011. Л. 84.

других небольших левых притоков Оби. Реки, текущие в Обь севернее Ирмени, относились к Томскому уезду.

Чёткой южной границы Тарский уезд не имел. Если верить чертежам С. У. Ремезова, самые южные поселения ясачных татар находились на озере Чаны, но на островах того же озера и в междуречье Каргата и Карасука кочевали подданные ойратского правителя. В нижнем течении Оми население, подвластное тарскому воеводе, не проживало. Ясачные барабинские волости в бассейне Оми начинались только от устья Тартаса. На Иртыше южным рубежом фактически являлась укреплённая Такмыкская слобода. Продвинуться далее вверх по Иртышу — на Камышлов и на устье Оми — русские в XVII в. так и не смогли.

В этой связи укажем, что в другом своём сочинении «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе» Семён Ульянович также обозначил северную границу расселения ойратов по реке Камышлов «и оттуду чрез реку Иртыш степью на вершины реки Сартлана в межах с барабинскими татарами»[31]. Как и в начале XVII в., линия Омь—Камышлов по-прежнему воспринималась в качестве рубежа с кочевыми калмыками-ойратами и их тюркоязычными подданными.

[31] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1542. Л. 126. Об этом см.: Гольденберг Л. А. Статья С. У. Ремезова «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII: География. Этнография. История. Памяти А. В. Королева. М., 1976. С. 228–232.



Заголовок списка ясачных Тарского уезда: «Список с Тарских дозорных ясачных книг писма и дозору Михаила Байкашина да подьячего Гаврила Ярофеева РЛВ-го [1623/1624] году»

Документ № 13

1624 г. весна—лето. **— Список ясачных волостей Тарского уезда из дозорных ясачных книг, составленных тобольским сыном боярским Михаилом Байкашиным и подьячим Гаврилой Ерофеевым**

(л. 231). Список с Тарских дозорных ясачных книг писма и дозору Михаила Байкашина да подьячего Гаврила Ярофеева 132-го году.

Книги государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии Тарсково уезду всех волостей, верхних и нижных, ясачных людей, которые государев ясак платили по нынешней 132-й год, и их детей, и брати, и племянников, и захребетников, которые жили в ызбыли, а государю ясаку с себя по нонешней же по 132 год не давывали.

И которые ясачные люди со 126 году померли, и от воинских от калмацких людей побиты, и не сысканы; и которые ясачные ж люди стары и увечны, и государева ясаку им впредь платити не в мочь.

Письма и дозору Михайла Байкашина да подьячего Гаврила Ярофеева нынешнаго 132 году.

(// л. 231 об.) **Верхние волости:**

Волость Тереня, а в ней ясачных людей по тарскому по окладному списку:

ясаул Сантагул Кушконаков, Бирбичаков он же [и ещё 11 имён][32]

И всего в Теренинской волости по дозору Михайла Байкашина да подьячего Гаврила Ярофеева ясачных людей 12 человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку (// л. 232) за 16 человек мяхкою рухлядью по сибирской цене и с воеводцкими поминки против 32 рублев, с человека против 2 рублев.

(// л. 234) **Волость Бараба**

Деревня Сары Бекбулатова

[32] При публикации для каждого населённого пункта воспроизводится имя и фамилия первого, стоящего в списке. Нередко название деревни связано с именем этого первого лица.

Байзары Кулбердыев, [и ещё 8 имён]
Деревня Бекбулатова
Арык Бекбулатов, Икамаев он же [и ещё 3 имени]
(// л. 234 об.) Деревня Мумракова
Мумрак Нитичаков, Укустин он же [и ещё 8 имён]
Деревня Кугутеева
князец Кугутей Евлучаков [и ещё 15 имён]
(// л. 235) Деревня Саргулова, Изерекова она ж
Изерек Боккисяков [и ещё 6 имён]
(// л. 235 об.) Деревня Иргеева
есаул Иргин Кирпиков [и ещё 10 имён]

И всего в Барабинской волости во шти деревнях по дозору... ясачных людей 56 человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку за 78 человек мяхкою рухлядью по сибирской цене и с воеводцкими поминки против 156 рублев, с человека против 2 рублев.

(// л. 237 об.) Да сверх окладных ясачных людей в Барабинской волости вновь сыскано 4 деревни з захребетными тотары[33]:

Деревня на Оми реке Красной яр
а в ней захребетных тотар (// л. 238) Улай Тоулбаев [и ещё 6 имён]
Деревня Саручкамова
а в ней захребетных тотар Сарчка Кормышов, Ягулда Сарчкамов
Деревня Елызакова
а в ней захребетных тотар Енаш Девлей Бакин [и ещё 2 имени]
Деревня Калтаева
а в ней захребетных тотар Семелдяк Калтаев (// л. 238 об.) [и ещё 2 имени]

(// л. 240 об.) **Волость Чой**

Деревня Сулбаева
ясаул Сеиткул Сулбаев [и ещё 6 имён]

И всего в Чойской волости в одной деревни по дозору... ясачных людей семь человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку за 14 человек мяхкою рухлядью по сибирской цене и с воеводцкими поминки против 28 рублев, с человека против 2 рублев.

(// л. 243) **Волость Тураш, Кулеба она ж**

Деревня Елбаева
Салтангул Куземышов, Байсеит Баишов, Янби Елбаев
Деревня Ачимовская
есаул Албеляк Еманчюрин [и ещё 3 имени]
Деревня Байбохтена
Иболу Кудамышов, Чилгилы Байбохтин
(// л. 243 об.) Деревня Иткурюковская
Бугата Иткурюков [и ещё 2 имени]
Деревня Толубаевская
Сеиткул Белекатимов [и ещё 2 имени]

И всего в Турашской волости в пяти деревнях по дозору... ясачных людей 15 человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку за 22 человека мяхкою рухлядью по сибирской цене и с воеводцкими поминки против 55 рублев, с человека против 2 рублев с полтиною.

(// л. 246) **Волость Люба**

Деревня Саболина
Сабула Баитомышов [и ещё 2 имени]
Деревня Ахматовская, Шоккулина она же
Шеккула Ахматов [и ещё 3 имени]
Деревня Майдарова
князец Майдар Наимбердеев [и ещё 6 имён]

---

[33] В книгах после перечня ясачных людей даются списки «вновь сысканных». Поскольку в других волостях, в отличие от Барабинской волости, все они проживали в тех же деревнях, при публикации эта часть текста опущена.

(// л. 247) И всего в Любайской волости в трех деревнях по дозору... ясачных людей 14 человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку за 16 человека мяхкою рухлядью по сибирской цене и с воеводцкими поминками против 40 рублев, с человека против 2 рублев с полтиною.

(// л. 249) **Волость Тунус**

Деревня Чок

князец Кулубаш Атаяков [и ещё 6 имён]

Деревня Буйдалина

ясаул Буйдала Тайганаев [и ещё 3 имени]

Деревня Чичакова

(// л. 249 об.) Янурас Аматов [и ещё 4 имени]

И всего в Тунуской волости в трех деревнях по дозору... ясачных людей 16 человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку за 22 человека мяхкою рухлядью по сибирской цене и с воеводцкими поминками против 55-ти рублев, с человека против 2 рублев с полтиною.

(// л. 252) **Нижные волости:**

Волость Аялы

Деревня Верхней Тунус

Тузояк Шуштемирев [и ещё 3 имени]

Деревня Кетешова

Кетеш Янкутюков [и ещё 2 имени]

Деревня Кожбахтина

Сарыбай Кожбахтыев [и ещё 12 имён]

(// л. 252 об.) Деревня Бергомак

Темиркутлу Сююндюков [и ещё 22 имени]

(// л. 253) Деревня Аба-томак

Ишмамет Кутайсалдыев [и ещё 7 имён]

(// л. 253 об.) Деревня Сеиткулова

Булаткилдей Тарабердеев [и ещё 8 имён]

(// л. 254) Деревня Чеплерева

Темирбулат Туголяков [и ещё 21 имя] (// л. 254 об.)

Деревня Тар-томак

Борзок ясаул Ахназаров [и ещё 13 имён]

(// л. 255) Деревня Рухлерь

Якшуран Сугочаков, Ебалаков он же [и ещё 7 имён]

Деревня Бошубуксунова, Темшенякова она ж

Темшеняк Чичкилдеев [и ещё 8 имён]

(// л. 255 об.) Деревня Буянова

Ахтамак Ахкиев [и ещё 7 имен, в том числе «Олексей Буянов»]

Деревня Большая

князец Илгилдей Мунгулов [и ещё 11 имён]

(// л. 256) Деревня Байгилдеева

князец Байгилдеев Бахты Гилдеев [и ещё 12 имён]

(// л. 256 об.) Деревня Уй-томак

Келтурал Изычеев, Изырчик он же [и ещё 4 имени]

Деревня Ашит[34]

Бабутай Баймаметев

И всего в Ялытской[35] волости в пятнатцати деревнях по (// л. 257) дозору... ясачных людей сто пятьдесят два человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку за 168 человек мяхкою рухлядью по сибирской цене и с воеводцкими поминками против 504 рублев, с человека против 3-х рублев.

(// л. 263) **Волость Коурдак**

Деревня Кау[36]

Урдубай Кордубаев [и ещё 4 имени]

---

[34] Л. 261 — Ашитова.

[35] Так в тексте.

[36] Л. 272 — Кауевы деревни.

Деревня Кочеук
Утарги Терегулов [и ещё 10 имён]
(// л. 263 об.) Деревня Сартаул
Таптисяк Янгуев [и ещё 8 имён]
Деревня Ошь-томак
Клылбай Сабанчеев [и ещё 8 имён]
(// л. 264) Деревня Другой Ошь-томак
князец Ензер Таболдин, Есер он же [и ещё 11 имён]
(// л. 264 об.) Деревня Первой Аю
Тегелбахты Исенбахтыев [и ещё 9 имён]
(// л. 265) Деревня Байгилдеева[37]
князец Ермамет Акшиков, Бернагулов он же [и ещё 3 имени]
Деревня Тепкешова
Кузейды Едигеров [и ещё 17 имён]
(// л. 265 об.) Деревня Другой, Нижной Аю
Белекозя Ахкулуев [и ещё 8 имён]
Деревня Ташь-еткел[38]
Тенизбай Аксеитов [и ещё 7 имён]
(// л. 266) Деревня Ик-ир
Байбахта Девлетбахтыев [и ещё 24 имени]
(// л. 266 об.) Деревня Людимак, Ахманаева она ж
Ахманай Оккулуев [и ещё 9 имён]
(// л. 267) Деревня Нижней Коурдак
князец Байгула Тарагулов [и ещё 23 имени]

И всего в Нижней Корудацкой волости в тринатцати (// л. 268) деревнях по дозору... ясачных людей 154 человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку за 179 человек мяхкою рухлядью по сибирской цене и с воеводцкими поминками против 537 рублев, с человека против 3-х рублев.

(// л. 273) **Волость Тав**
Байтугу Якшигилдеев [и ещё 5 имён]

Волость Яиртишь
Евлубай Татамешов [и ещё 3 имени]

Волость Тав-отуз
(// л. 273 об.) князец Тугагилдей Тохтамышов [и ещё 24 имени]

(// л. 274) **Волость Отуз**
Кутлубахты Кожбахтыев [и ещё 7 имён]

(л. 274 об.) **Волость Саргацкая**
Баушек Кучеев [и ещё 26 имён]
(// л. 275 об.) Деревня Тебендя
Якши Гулубулантеев [и ещё 18 имён]
(// л. 276) Деревня Аксипова
Изенмамет Саладаев [и ещё 7 имён]
Деревня Кутлубахтыева
(// л. 276 об.) Кутлубахты Суюндюков [и ещё 6 имён]
Другие Улубуреневой деревни
Бечбердей Кучюков, Айтуган Кутлубахтыев

И всего в Нижных во всех пяти волостях в девяти деревнях по дозору... ясачных людей сто шесть человек, а по тарскому по окладному списку платили они государева ясаку за сто тритцать человек мяхкою рухлядью по сибирской цене (// л. 277) и с воеводцкими поминками против 390 рублев, с человека против 3-х рублев.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 231–277 (выборочно). Копия второй половины 1620-х гг. (снята после московского пожара 1626 года). Публикуется впервые.

---

[37] Деревня с таким же названием ранее упомянута в волости Аялы. На листе 268 об. эта деревня Коурдакской волости названа «Байгина».
[38] Л. 269 об., 271 об. — деревня Ташьеткова.

Глава 6

Южные рубежи России XVII века в Иртышско-Енисейском междуречье на исторических картах XX–XXI вв.

В XVII в. между Россией и монгольскими правителями Ойратского государства и Халхи никаких официальных договорённостей о разграничении земель не существовало. И ту, и другую сторону интересовали не столько территории, сколько возможность сбора дани с податного населения. На юге Западной Сибири в то время ценность представляли не земли, а люди, способные платить дань (албан или ясак). Поэтому в документах XVII в., связанных с межгосударственными отношениями, претензии в основном касались препятствий в сборе податей.

Реконструкция государственной границы России XVII в. в Иртышско-Енисейском междуречье осложнена не только отсутствием её описания в документах, но и наличием обширных территорий, населённых двоеданцами, которые являлись подданными двух государств. Например, северные алтайцы, наряду с выплатой дани теленгетам («белым калмыкам»), были обязаны отдавать пушнину в Кузнецк для московского царя. В свою очередь, белые калмыки считались подданными западных монголов-ойратов. С шорцев, проживавших по Кондоме и Мрассу, собирали дань как енисейские кыргызы, так и кузнецкие ясатчики. Кыргызы при этом подчинялись монголам: в начале XVII в. Алтын-ханам, а к концу столетия — ойратским правителям.

Наличие в буферной полосе между Россией и владениями хунтайджи земель, населённых на рубеже XVII–XVIII вв. тюрками-двоеданцами, делает допустимым два варианта проведения российской границы на исторической карте: либо по внутреннему контуру, оставляя территории, заселённые двоеданцами, за пределами государства, либо по внешнему контуру, включая их в состав российских уездов.

При создании исторических карт Сибири в начале XX в., похоже, таких проблем не стояло. Например, Георгий Авксентьевич Лучинский, автор исторического раздела статьи «Сибирь» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, на составленной им карте Сибири показал «границы русских поселений до 1630 г.» между Иртышом и Енисеем (рис. 14)[1]. От Иртыша линия проведена по реке Омь, затем она поворачивает на юго-восток и почти по прямой, местами совпадая с руслами Чумыша и Кондомы, выходит к реке Хемчик в верховьях Енисея (рис. 17, контур 1). Реку Обь нанесённая Г. А. Лучинским линия пересекает немного выше устья р. Бердь. В результате такого разграничения в пределах России на 1630 г. показаны как территории Кондомы и Мрассу, действительно заселённые объясаченными шорцами, так и земли по левобережью Енисея, на которых кочевали кыргызы. За пределами нарисованной границы оказался весь бассейн Бии, где жили северные алтайцы. Для первой трети XVII в. это в какой-то мере оправдано, хотя сбор ясака с обитателей бассейна Бии русские начали ещё во второй половине 1620-х гг. Однако особенностью исторической карты Г. А. Лучинского было то, что, судя по экспликации, сформировавшаяся к 1630 г. линия границы между Иртышом и Енисеем в дальнейшем оставалась неизменной вплоть до 1700 г.

В известном «Атласе Азиатской России» (1914) имелась единственная историческая карта, отражавшая этапы распространения русского владычества в Сибири[2]. Её автор, профессор Санкт-Петербургского университета Сергей Михайлович Середонин (1860–1914), изобразил границу России между Обью и Енисеем к 1682 году иначе, чем Г. А. Лучинский. От верховий Оми составитель провёл линию на восток значительно севернее, не по Оми, а по Тартасу (рис. 17, кон-

[1] Лучинский Г. Историческая карта Сибири (XVI–XVII) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. 29А (58): Семь озёр—Симфония. СПб., 1900. Карта-вклейка между с. 804–805 (приложение I к историческому очерку Г. А. Лучинского в статье «Сибирь»).

[2] Середонин С. М. Карта общего распространения русского владычества в Азиатской России // Атлас Азиатской России. СПб., 1914. Карта № 5.

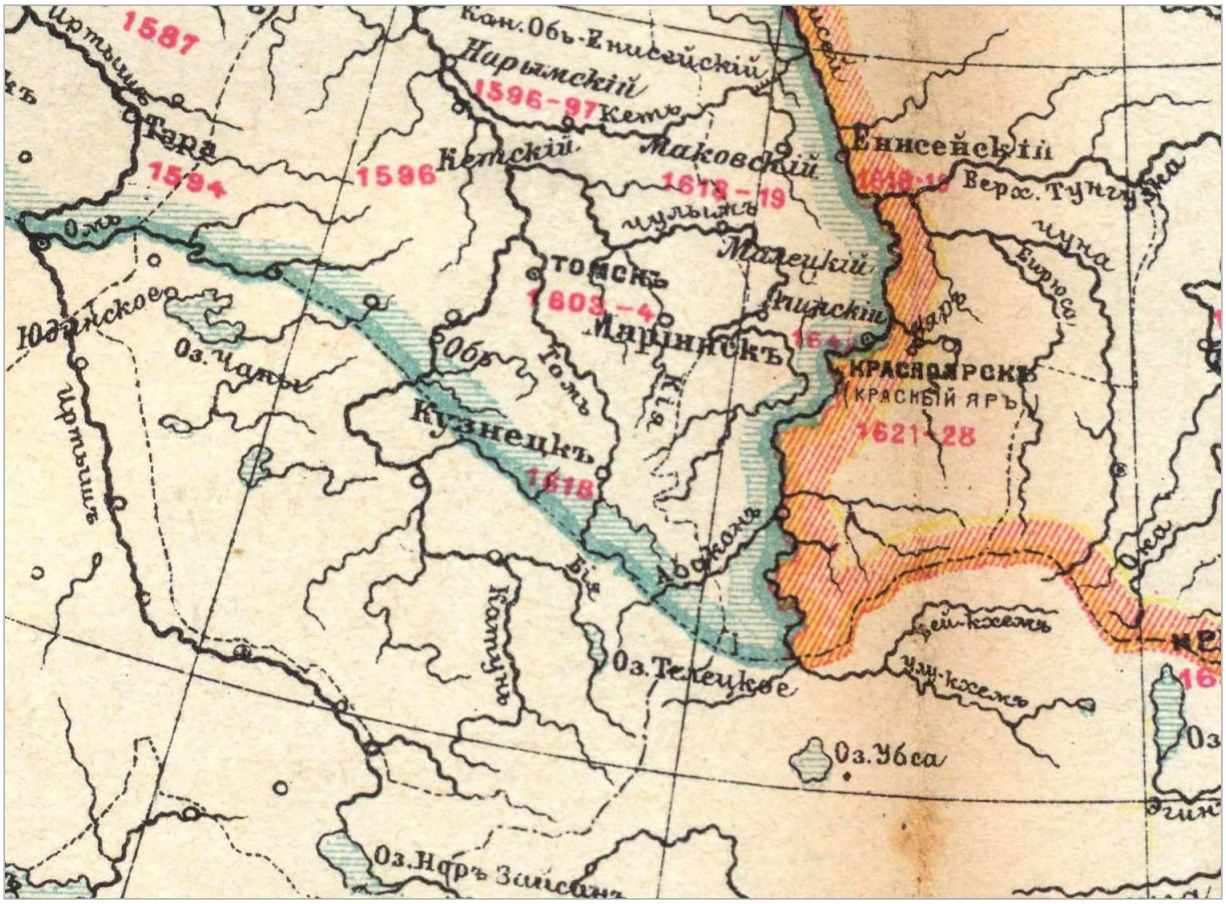


Рис. 14. Юг Западной Сибири на «Исторической карте Сибири (XVI–XVII)», составленной Г. А. Лучинским. Сплошной цветной линией показаны «границы русских поселений до 1630 г.»

тур 2). Реку Обь граница пересекала примерно на уровне Уртамского острога, затем выходила к р. Иня и от её верховий шла почти параллельно Томи на устье Кондомы, к Кузнецку. Кузнецкий острог на карте С. М. Середонина расположен прямо на линии границы, которая в этом месте поворачивает к востоку, на вершину Белого Июса, а оттуда на устье Абакана. С. М. Середонин исправил ошибку Г. А. Лучинского и не включил в состав России XVII века бассейн реки Абакан, заселённый кыргызами. Практически все двоеданнические волости на его карте остались за пределами русской Сибири XVII в.

В одном из первых исторических атласов советского времени, составленном Константином Васильевичем Кудряшовым (1885–1962)[3], опубликованы две карты, на которых показаны границы русских владений в Сибири к концу XVII в.[4] На восток от Иртыша граница проведена по реке Омь. Следующий участок (от вершины Оми до Оби и далее Кузнецка) почти повторяет контур из издания 1914 г. (рис. 17, контур 3). Однако от Кузнецка линия границы, по версии Кудряшова, продолжалась на юг, огибала бассейны Кондомы и Мрассу, истоки Томи и по водоразделу Абакана с Чулымом выходила к Енисею. В результате на этой исторической карте земли Кузнецкого уезда образовали характерный выступ, обращённый к югу[5]. В границы России конца XVII в. вошли двоеданцы бассейна Томи, а ясачные волости по Чумышу и Бии по-прежнему показаны за её пределами. Проецирование карты К. В. Кудряшова на более крупномасштабную топооснову ясно показывает, что главным ориентиром при проведе-

[3] К. В. Кудряшов преподавал историческую географию на историческом факультете Ленинградского университета, а также заведовал картографическим отделением Библиотеки Академии наук (Константин Васильевич Кудряшов (некролог) // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 217; История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. М.; Л., 1964. С. 392).

[4] Кудряшов К. В. Колонизация Сибири XVI–XIX вв. // Кудряшов К. В. Русский исторический атлас. М.; Л., 1928. Табл. IX, карта 24. Та же граница показана на облегченной топооснове карты 47 «Территориальный рост Русского государства XV–XX в. (до 1914 г.)».

[5] Такая конфигурация действительно сложилась ещё в первой четверти XVII века в результате строительства Кузнецкого острога. См.: Монголия и соседние государства в первой четверти XVII в. // Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. / сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1959. Карта-вклейка в конце книги. Составитель не указан. (Сер.: Материалы по истории русско-монгольских отношений; вып. 1).

нии линии границы были речные водоразделы, а не этнополитические реалии. Например, автор, вслед за своими предшественниками, включил в состав российской Сибири весь бассейн верховий Чулыма, где вплоть до начала XVIII в. проживали кыргызы.

До середины 1930-х гг. в СССР не имелось единого учебника по отечественной истории. В 1934 г. по решению Политбюро ВКП(б) была создана специальная комиссия под руководством А. А. Жданова. Ей поручалось в короткие сроки подготовить учебники для средней школы. Из десятков вариантов пособий по истории СССР, присланных на конкурс, правительственная комиссия выбрала учебник коллектива преподавателей Московского педагогического института под руководством профессора Андрея Васильевича Шестакова (1877–1941)[6]. Это пособие для третьего и четвёртого классов, изданное в 1937 г. невиданным тиражом в 5 миллионов экземпляров под названием «Краткий курс истории СССР», стало первым стабильным учебником по истории советского государства. В книге имелись цветные исторические карты, среди них карта-вклейка «Рост Российского государства с XVI в. по 1917 г.», на которой показана государственная граница к 1689 г.[7] Неизвестный составитель карты исправил неточность К. В. Кудряшова, который изображал все верховья Чулыма российскими. На карте из учебника под редакцией А. В. Шестакова между Бией и Енисеем появилась надпись «Хакасы», а государственная граница, огибая с юга Кузнецк, уходила на северо-восток. В такой редакции за пределами России оказались не только верховья Чулыма, но и бассейны Кондомы и Мрассу.

С 1939 г. в дополнение к учебнику стали издавать альбомы наглядных пособий по истории СССР. В выпуске, посвящённом Русскому государству XVII в., была опубликована карта завоевания Сибири, выполненная в более крупном масштабе, чем вклейка в «Кратком курсе истории СССР»[8]. На ней вместо этнонима «Хакасы» написано «Кыргызы», причём вся область их обитания показана за пределами российской Сибири. Граница Кузнецкого уезда немного сдвинута к западу от реки Томь, при этом бассейны Кондомы, Мрассу и верховья Томи по-прежнему, как и в учебнике 1937 г., оставлены за границей уезда (рис. 17, контур 4). В следующие десятилетия подобная конфигурация границ Кузнецкого уезда конца XVII в. воспроизводилась на многих учебных исторических картах[9].

Собственную попытку составления карты Западной Сибири первой половины XVII в. предприняла в 1930-е гг. Ксения Николаевна Сербина (1903–1990). К готовящемуся академическому изданию «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера эта исследовательница создала историческую карту с обозначением русских административных центров в Сибири, ясашных волостей и мест проживания коренных народов[10]. В 1959 г. в одной из своих статей К. В. Волкова подвергла критике эту реконструкцию. «К сожалению, – писала она, – её трудно признать удачной. Из 11 волостей, нанесенных на карту, не вызывает особых возражений местонахождение 3-х волостей (Кумандинской, Каргинской и Щелкальской). Большинство волостей нанесено Сербиной без учета показаний источников. <…> Значительная часть волостей Кузнецкого уезда на карте Сербиной не нанесена. Границы уезда К. Н. Сербина не пыталась выявить. Отмеченные досадные недостатки крайне снижают качество карты»[11].

Действительно, южные рубежи России на карте К. Н. Сербиной не показаны, а многие народы и волости размещены не там, где они локализуются по письменным источникам первой половины XVII в. Например, вдоль среднего течения реки Бии подписано «киргизы», между Телецким озером и рекой Катунь помещена «Итиберская вол.», «Керсагальская вол.» обозначена в верховьях реки Томь, и т. д. Перепутанными оказались не только реконструированные детали, но и географические реалии. Так, река Чумыш названа Чулымом, а Чатский городок обозначен на месте будущего Чаусского острога, возникшего в 1713 г.

Значительную работу по изучению источников XVII в., позволяющих реконструировать границу Русского государства в Обско-Томском междуречье, провела в 1950-х гг. Клара Васильевна Волкова, выпускница исторического факультета ТГУ[12], работавшая затем в Томском инже-

---

[6] Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е годы): монография. Брянск, 2005. С. 274.

[7] Рост Российского государства с XVI века по 1917 г.: карта // Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А. В. Шестакова. М., 1937. Карта-вклейка между с. 74–75.

[8] Завоевание Восточной Сибири в XVII веке // История СССР: альбом наглядных пособий. В 14 вып. Вып. 4: Русское государство в XVII веке / отв. ред. В. И. Лебедев; худож. М. Борисов. М., 1940. Л. 30.

[9] Сибирь с XVI по XVIII век: карта // История СССР: учебник для 9 кл. ср. шк. / под ред. А. М. Панкратовой. 2-е изд. М., 1941. Карта-вклейка между с. 39–40; Рост российского государства с XVI века по 1914 год: карта // Там же. Карта-вклейка между с. 247–248. Этот учебник переиздавался более 20 лет.

[10] Сербина К. Н. Карта Сибири первой половины XVII в. // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. Карта-вкладка.

[11] Волкова К. В. Установление границы русского государства в Обско-Томском районе и образование Кузнецкого уезда // Сборник научных трудов / Томский инженерно-строительный институт. Томск, 1959. Т. 6. С. 155–156.

[12] Авторы признательны томскому журналисту Викто-

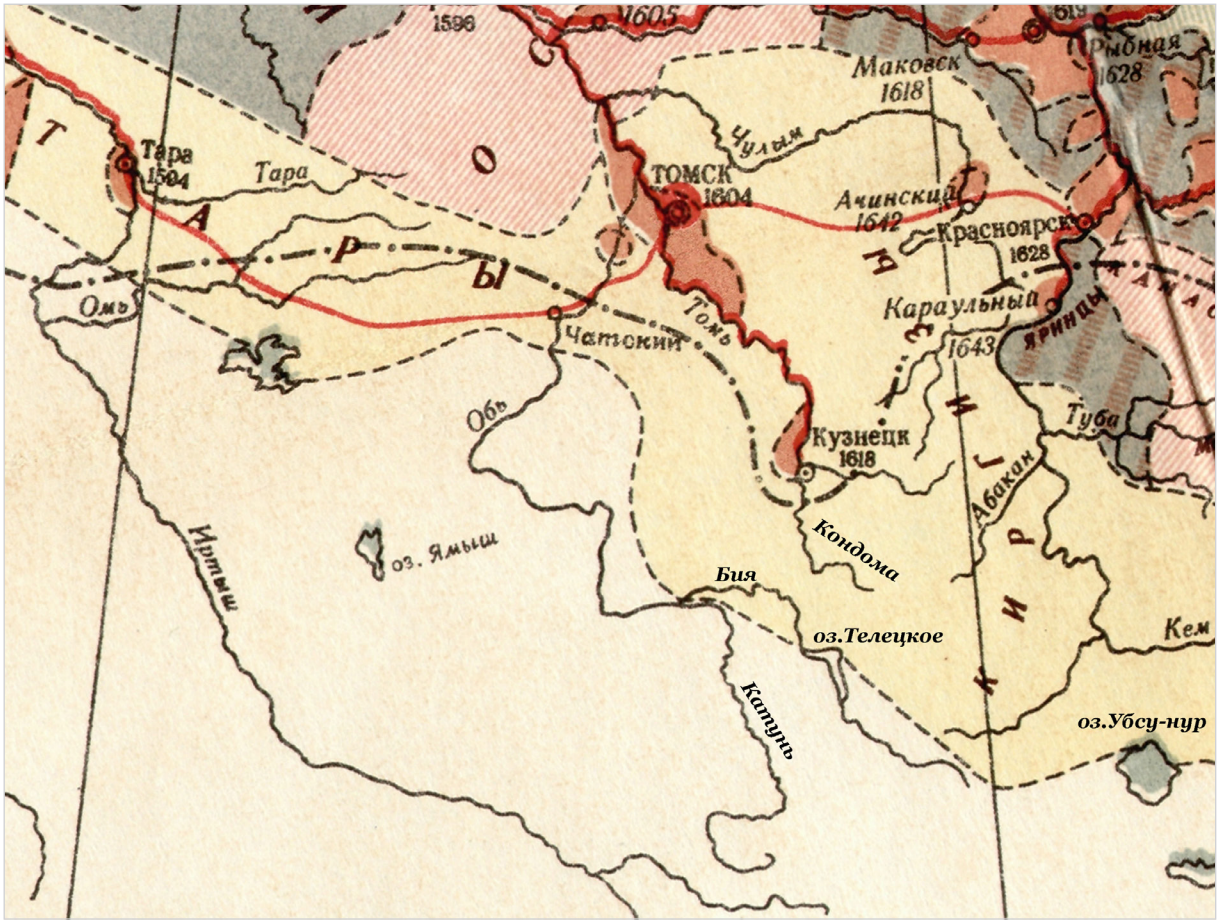


Рис. 15. Фрагмент «Карты расселения народов Сибири в конце XVII в.», составленной Б. О. Долгих. Показана граница Российского государства и ареал расселения тюркоязычных народов Сибири

нерно-строительном институте. Хотя в преамбуле итоговой статьи она констатировала, что «до настоящего времени не создано исторической карты Кузнецкого уезда», результатом её собственных исследований также не стало создание ретроспективной карты[13].

В 1955 г. в многотомном академическом издании «Очерки истории СССР» вышла в свет книга, посвящённая России XVII в. В ней имелась составленная Б. О. Долгих карта-вкладка, показывающая расселение коренных народов Сибири в конце XVII в.[14] На юге Западной Сибири автор пунктиром очертил ареал проживания тюркоязычных народов, с которыми контактировали русские (рис. 15). Внутри этого ареала исследователь показал государственную границу России на рубеже XVII–XVIII вв. в соответствии с контуром, традиционно изображавшимся в учебных пособиях, начиная с 1937 г.[15] Южный предел Кузнецкого уезда показан в нижнем течении Кондомы, всего в 35–40 км южнее Кузнецкой крепости.

Наложение линии российской границы с исторических карт 1937–1955 гг. на топооснову с детализированной гидросетью (рис. 17, контур 4), показывает, что западнее реки Кондомы граница подходила к верховьям Чумыша, откуда поворачивала на север, к верховьям Ини. Северо-западный рубеж Кузнецкого уезда, по-видимому, соотносился с правым притоком Ини — рекой Мереть, нередко упоминаемой в текстах XVII в., свя-

ру Андреевичу Лойше за сведения о К. В. Волковой.

[13] Волкова К. В. Южная граница Русского государства в Западной Сибири в начале XVII века // Сборник научных трудов / Томский инженерно-строительный институт. Т. 4. Томск, 1958; Волкова К. В. Установление границы русского государства в Обско-Томском районе... Т. 6. С. 155–170.

[14] Долгих Б. О. Карта расселения народов Сибири в конце XVII в. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. Карта-вкладка № 7. Эта же карта была воспроизведена в качестве приложения к третьему тому посмертного издания научных трудов Сергея Владимировича Бахрушина (Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 300 с. Карта вложена в клапан, прикрепленный к нахзацу).

[15] Сравн.: Завоевание Восточной Сибири в XVII веке // История СССР: альбом наглядных пособий. В 14 вып. Вып. 4: Русское государство в XVII веке / отв. ред. В. И. Лебедев; худ. М. Борисов. М., 1940. Л. 30.

Рис. 16. Фрагмент карты «Этнические группы коренного населения Сибири в XVII веке», составленной Б. О. Долгих

занных с русско-телеутскими взаимоотношениями[16]. От Мерети граница шла на запад по водоразделу Ини и Томи, далее через Обь, на вершину Оми. К востоку от Кондомы изображённая на карте граница пересекала Мрассу и Томь, затем резко уходила на северо-восток к вершине Черного Июса. Таким образом, территории обитания двоеданнического населения не включались в состав Кузнецкого уезда. Схожую картину можно наблюдать и в пределах Тарского уезда: на исторических картах 1937–1955 гг. ясачное население, проживавшее южнее Оми, показано за пределами Русского государства.

К северу и югу от российского рубежа Б. О. Долгих двумя пунктирными линиями показал ареал расселения тюркоязычных народов Сибири (рис. 15). Если на севере линия обозначала действительно этнографическую границу между тюрками и народами других языковых семей, то южная линия отражала не этнографическую, а политическую ситуацию в регионе. В Верхнем Приобье и Бие-Катунском междуречье тюрки проживали по обе стороны пунктира, проведённого Б. О. Долгих. Очерченная территория на отрезке от Оби до Телецкого озера примерно соответствовала районам сбора ясака с двоеданцев Кузнецкого уезда. Что касается пунктирной линии между Телецким озером и озером Убсу-Нур, то её проведение трудно объяснить. По-видимому, линия соответствовала представлению Долгих о южной границе расселения кыргызов. Уже в следующем году автор карты исправил эту ошибку.

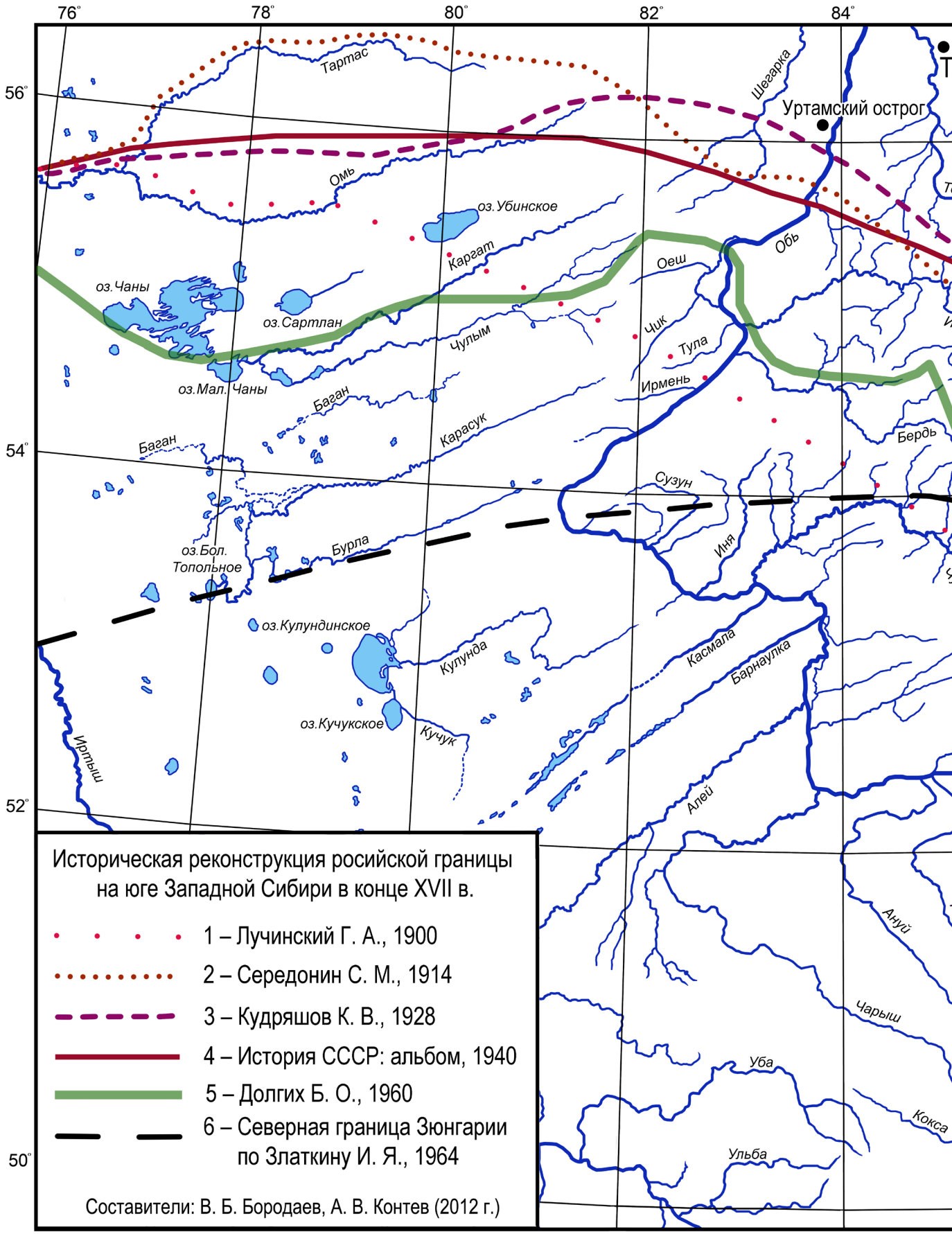
В 1956 г. в коллективной монографии «Народы Сибири» была опубликована новая карта Б. О. Долгих «Этнические группы коренного населения Сибири в XVII веке» (рис. 16)[17]. На этом чертеже не было изображено ни русских городов Сибири, ни государственных границ. Тюркские народы Иртышско-Енисейского междуречья разделены на четыре группы: «татары сибирские», «„татары“ чулымские», «„татары“ кузнецкие» и «киргизы». Коренное население юга Западной Сибири на карте показано схематично, без подразделения на родоплеменные группы. Фактически ареал расселения сибирских и кузнецких «татар», очерченный Б. О. Долгих, соответствовал территории проживания ясачного населения, подчинявшегося администрациям Тарского и Кузнецкого уездов. На отрезке от Иртыша до Телецкого озера граница этого ареала не претерпела никаких изменений по сравнению с картой 1955 г. К востоку от Телецкого озера, напротив, граница была проведена автором по-новому, примерно, вдоль 52-й параллели. Восточными соседями кузнецких татар показаны «киргизы», которые кузнецкой администрации не подчинялись.

Анализ исторических карт Сибири, созданных советскими историками в 1920–1950-х гг., показывает, что и в учебных, и в академических изданиях установилась традиция проводить в Иртышско-Енисейском междуречье государственную границу России конца XVII в. по внутреннему контуру. В середине прошлого столетия исследователи при составлении исторических карт рубежа XVII–XVIII вв. называли территории проживания двоеданцев «вассальными владениями Джунгарии»[18] или просто «территорией

[16] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 40. Л. 336; Стб. 49. Л. 182.

[17] Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956. Карта-вклейка между с. 12–13. (Сер.: Народы мира: этнографические очерки).

[18] Карта мира на рубеже XVII и XVIII вв. / сост. Б. Г. Галковичем и А. П. Левандовским // Всемирная история. В 10 т. Т. 5. М., 1958. Карта-вклейка между с. 8–9.


76°
78°
80°
82°
84°
56°
54°
52°
50°
Тартас
Шегарка
Уртамский острог
Омь
оз.Убинское
Обь
Каргат
Оеш
оз.Чаны
оз.Сартлан
Чулым
Чик
Тула
Ирмень
оз.Мал.Чаны
Баган
Карасук
Бердь
Сузун
Иня
оз.Бол.
Топольное
Бурла
оз.Кулундинское
Кулунда
Касмала
Барнаулка
оз.Кучукское
Кучук
Иртыш
Алей
Ануй
Чарыш
Уба
Кокса
Ульба
Историческая реконструкция росийской границы
на юге Западной Сибири в конце XVII в.
1 – Лучинский Г. А., 1900
2 – Середонин С. М., 1914
3 – Кудряшов К. В., 1928
4 – История СССР: альбом, 1940
5 – Долгих Б. О., 1960
6 – Северная граница Зюнгарии
по Златкину И. Я., 1964
Составители: В. Б. Бородаев, А. В. Контев (2012 г.)

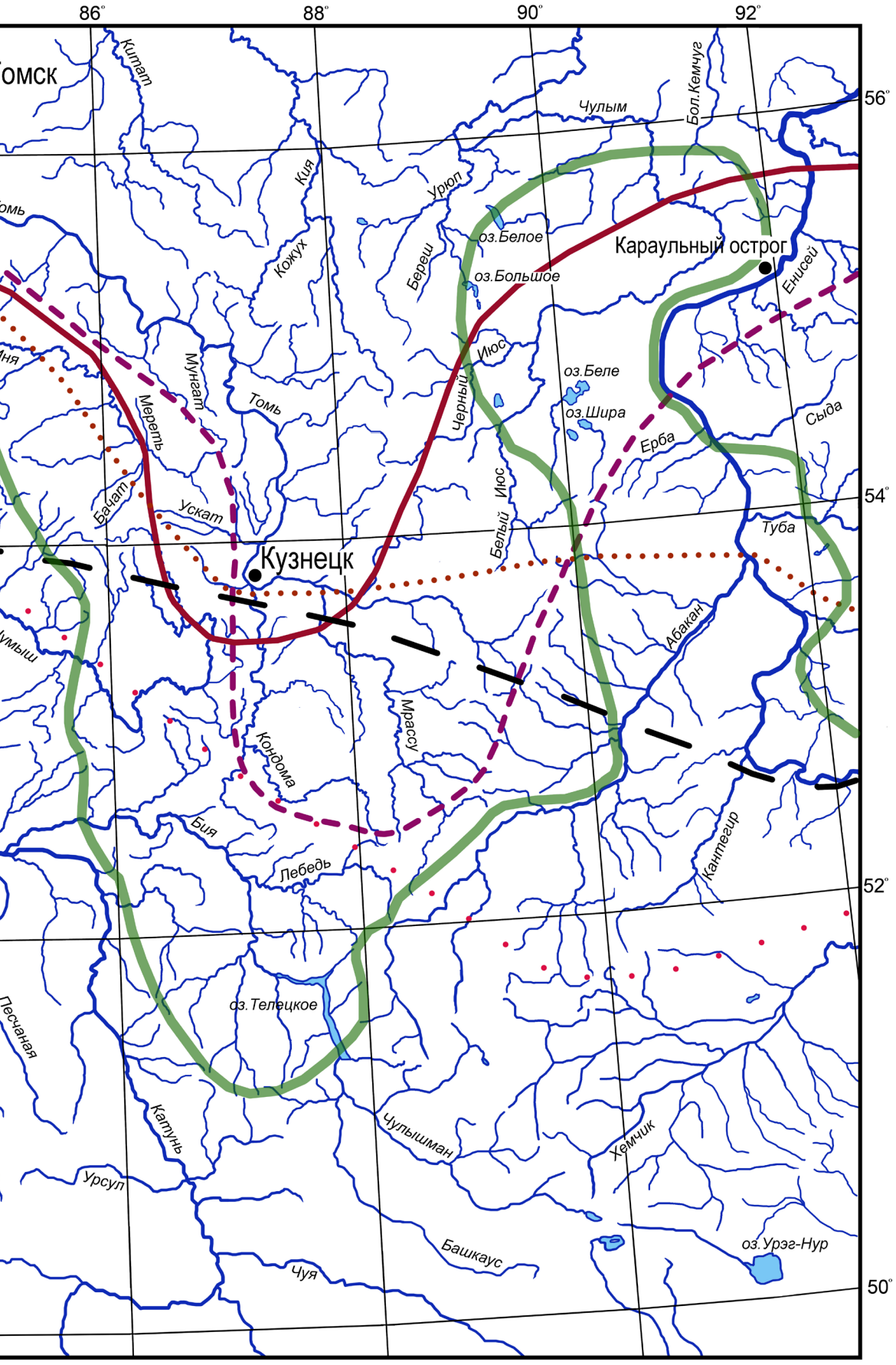


Рис. 17. Варианты реконструкции российской границы на юге Западной Сибири в конце XVII в. По историческим картам отечественных авторов XIX–XX вв.

Джунгарского ханства». Известный исследователь истории западных монголов-ойратов Илья Яковлевич Златкин (1898–1990) в первое издание своей монографии поместил «Схематическую карту ойратских феодальных владений и Джунгарского ханства в XV–XVIII вв.»[19]. На ней он обозначил территорию Ойратского государства в конце XVII в. Наложение карты И. Я. Златкина на топооснову с подробной гидросетью показывает, что, по мнению учёного, северная граница Джунгарии в то время проходила примерно по рекам Бурла, Чумыш, верхнему течению Томи и верховьям Енисея (рис. 17, контур 6). Примечательно, что линию границы в Иртышско-Енисейском междуречье И. Я. Златкин провёл значительно южнее реки Омь — он не включил в состав западномонгольского государства земли барабинцев-двоеданцев.

Пожалуй, первым исследователем, который создал историческую карту Сибири XVII в. с изображением государственной границы России по внешнему контуру, то есть с включением двоеданнических волостей, стал Борис Осипович Долгих. Занимаясь изучением родового и племенного состава народов Сибири XVII в., он должен был учесть все ясачные волости сибирских уездов. Поэтому на составленной им карте «Административное деление Сибири в XVII в.» Тарский и Кузнецкий уезды включали все территории проживания ясачного населения (рис. 3)[20]. Характерный выступ российской границы на Верхней Оби стал ещё больше, достигнув южной оконечности Телецкого озера и правобережья Нижней Катуни (рис. 17, контур 5).

Таким образом, Б. О. Долгих на своих исторических картах Сибири XVII в. реализовал оба варианта возможной реконструкции государственной границы России. В 1955 г. он провёл её по внутреннему контуру, а в 1960 г. на карте административного деления Сибири очертил по внешним рубежам. Однако в академических и учебных изданиях сохранилась традиция не включать двоеданнические территории в состав России.

Этот принцип нашёл отражение при составлении учебной исторической карты азиатской части Российской империи в «Атласе истории СССР» для средней школы, подготовленном в 1967 г. На листе атласа, где была показана территория Русского государства в 1688 г., между Иртышом и Енисеем граница проведена в полном соответствии с чертежом Б. О. Долгих в академическом издании 1955 г.[21] Позднее эта учебная карта неоднократно переиздавалась. Она дополнялась новыми подробностями, но линия государственной границы в рассматриваемом нами регионе на протяжении полувека остаётся неизменной: волости двоеданцев не включаются в территорию России XVII в.[22]

В том же «Атласе истории СССР» для средней школы с 1960-х гг. имелась специальная карта «Территориальный рост России в XVII в. Народы Сибири и Дальнего Востока»[23]. На ней цветом показаны территории, вошедшие в состав Русского государства в XVII веке. Любопытно, что здесь граница в Обь-Енисейском междуречье проведена иначе. Если от Оби до Кузнецка она повторяет внутренний контур карты Б. О. Долгих 1955 г., то на отрезке к востоку от Кузнецка линия границы уходит не на север, а на юг, в сторону озера Убсу-Нур, откуда поворачивает к востоку, включая в состав России истоки Енисея. Сопоставление с чертежом Долгих 1955 г. ясно показывает, что составители учебной карты сначала вели линию границы по внутреннему контуру, а от Кузнецка перешли на другую пунктирную линию того же чертежа, ошибочно проведённую Б. О. Долгих (от оз. Телецкого к оз. Убсу-Нур) и исправленную автором уже в 1956 г. (ср. рис. 15 и 16). Несмотря на авторскую корректировку, учебная карта из школьного атласа с ошибочным абрисом восточной границы Кузнецкого уезда в XVII в. стереотипно воспроизводится Роскартографией до настоящего времени[24].

С 1998 г. собственные атласы по истории России стал печатать издательский дом «Дрофа». На основе описанной выше учебной карты для школьников 6–7 классов была подготовлена карта «Сибирь в XVII в.»[25]. Составители атласа исправили ошибку в изображении восточной границы Кузнецкого уезда, проведя линию от Кузнецка на устье реки Абакан и далее на восток, оставив верховья Енисея за пределами России. Однако этим исправления не ограничились. В полном соответствии с чертежом 1955 г. на учебной карте появился «Чатский острог» — в действительности Чаусский, основанный в 1713 г. и показанный на

[19] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. Карта-вклейка между с. 466–467.

[20] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 18. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 55).

[21] Российская империи в XVIII в. (азиатская часть): карта // Атлас истории СССР для средней школы: учеб. пособие для учащихся 7 кл. Ч. 1. М. : Главн. управление геодезии и картографии, 1972. С. 16.

[22] Российская империя к концу XVIII века: карта // История России XVII–XVIII вв. 7 кл.: Атлас. 12-е изд., стереотип. М. : Дрофа; Изд-во ДиК, 2008. С. 30.

[23] Атлас истории СССР для средней школы: учеб. пособие для учащихся 7 кл. Ч. 1. М. : Главн. управление геодезии и картографии, 1972. С. 13.

[24] Рост территории России в XVII в. Народы Сибири и Дальнего Востока // Отечественная история с древнейших времен до конца XVIII века: атлас. М. : Роскартография, 2010. С. 14.

[25] История России с древнейших времен до конца XVII в. 6–7 кл.: атлас. М. : Дрофа; Изд-во ДиК, 1998. С. 34.

карте Долгих ошибочно. На отрезке между Кузнецком и Обью составители атласа обозначили границу линией, проведённой южнее «Чатского» острога. Она начиналась от внутреннего контура южнее Кузнецка, а на пересечении с Обью соединялась с внешним контуром двоеданнических волостей. Составители атласа явно не поняли логику реконструкции двух контуров российских рубежей в районах проживания двоеданцев.

В 2007 г. Сибирским отделением Российской академии наук был издан фундаментальный труд «Сибирь: атлас Азиатской России». В нём помещена большая подборка новых исторических карт Сибири. Интересующим нас периоду и региону посвящены карты, составленные Ю. С. Худяковым и И. Р. Соколовским. Первым выполнены две карты, посвящённые монгольским государствам, являвшимся южными соседями Сибири. На каждом чертеже проведена граница Российского государства к 1689 г. Если в бассейне Томи линии границы на этих картах схожи, то западнее и восточнее Кузнецка они не совпадают. На одной из карт линия границы пересекает Обь севернее устья р. Иня, а Енисей — в районе Красноярска[26]. На другой карте рубежи по Оби и Енисею показаны значительно южнее: на западе в междуречье Берди и Чумыша, на востоке примерно на уровне слияния Белого и Черного Июсов[27]. В целом исторические карты Юлия Сергеевича Худякова очерчивают территорию Кузнецкого уезда по внутреннему контуру, оставляя шорцев и северных алтайцев за пределами России.

Ивану Ростиславовичу Соколовскому принадлежат три исторические карты атласа с изображением российской границы на конец XVII в.[28] Каждый из этих чертежей содержит свой вариант линии границы, хотя в общих чертах ясно, что автор также провёл линию по внутреннему контуру. Представляет интерес карта раздела «Сибирский город в XVII веке», где помимо государственной границы России к 1689 г. показана внешняя граница расселения «двоеданцев России и джунгар». Такой подход нам представляется оправданным и перспективным, хотя конкретное содержание опубликованной в атласе карты не соответствует историко-этнографическим реалиям. Так, за пределами внешней границы российских двоеданцев оказались все территории обитания северных алтайцев, а по обеим берегам Енисея показаны телесы[29].

Краткий экскурс в историю графической реконструкции государственной границы на исторических картах Сибири XVII в. показывает, как в течение прошедшего столетия у разных авторов постепенно изменялись очертания российских рубежей в междуречье Иртыша и Енисея. Как правило, составители карт не считали необходимым обосновывать истинность своего варианта и объяснять логику нанесения на топооснову тех или иных контуров. Такой путь приводит к умножению новых авторских версий, не приближая нас к действительной реконструкции прошлого. На наш взгляд, методика создания ретроспективных исторических карт ставит перед авторами следующие требования:

1. Географическая точность: карта-топооснова должна иметь градусную сетку и изображение гидросети.

2. Этнографическая точность: ареалы проживания различных народов должны очерчиваться для каждого периода по совокупности исторических источников.

3. Историческая точность: изобразительные реалии должны наноситься на карту в соответствии со сведениями исторических документов изучаемого периода.

4. Наличие пояснительного текста с обоснованием тех решений, которые были сделаны составителем во время работы над чертежом, и с указанием источников, использованных при создании исторической карты.

Исходя из этих принципов, авторы предприняли собственную попытку очертить на географической карте территорию Кузнецкого уезда в последнее десятилетие XVII в. и показать районы проживания этнических групп ясачного населения (рис. 18). За основу были взяты исторические карты, опубликованные Б. О. Долгих в 1960 г. (рис. 3–5). Проведённый исследователем контур уезда, на наш взгляд, по большей части верно отражает пределы распространения власти кузнецкой администрации. Судя по чертежу Томского города из атласов С. У. Ремезова, «рубеж томской [с] Кузнецким уездом» проходил через устье реки Мунгат, левого притока Томи (см. рис. 9), то есть немного южнее, чем восстанавливается по карте Б. О. Долгих. К западу от устья Мунгата граница Томского и Кузнецкого уездов, по-видимому,

---

[26] Худяков Ю. С. Последний бросок на запад // Сибирь: атлас Азиатской России. Новосибирск; М., 2007. С. 497. Карта «Миграция ойратов на запад в XVII в. и создание Калмыцкого ханства (1654–1664 гг.)».

[27] Худяков Ю. С. Государство Алтын-ханов // Сибирь: атлас Азиатской России. Новосибирск; М., 2007. С. 493. Карта «Государство Алтын-ханов».

[28] Соколовский И. Р. Освоение Сибири. XVII век // Там же. С. 506. Карта «Походы русских землепроходцев и мореходов в XVII в.»; Его же. Южная Сибирь в XVII веке // Там же. С. 511. Карта «Русская колонизация Урала и Южной Сибири в XVII в.»; Его же. Сибирский город в XVII веке // Там же. С. 513. Карта «Сибирь в конце XVII в.».

[29] Соколовский И. Р. Сибирский город в XVII веке // Сибирь: атлас Азиатской России. Новосибирск; М., 2007. С. 513. Любопытно, что на другой карте из того же атласа телесы показаны в верховьях Катуни, на её западном берегу (Худяков Ю. С. Государство Алтын-ханов // Там же. С. 493).

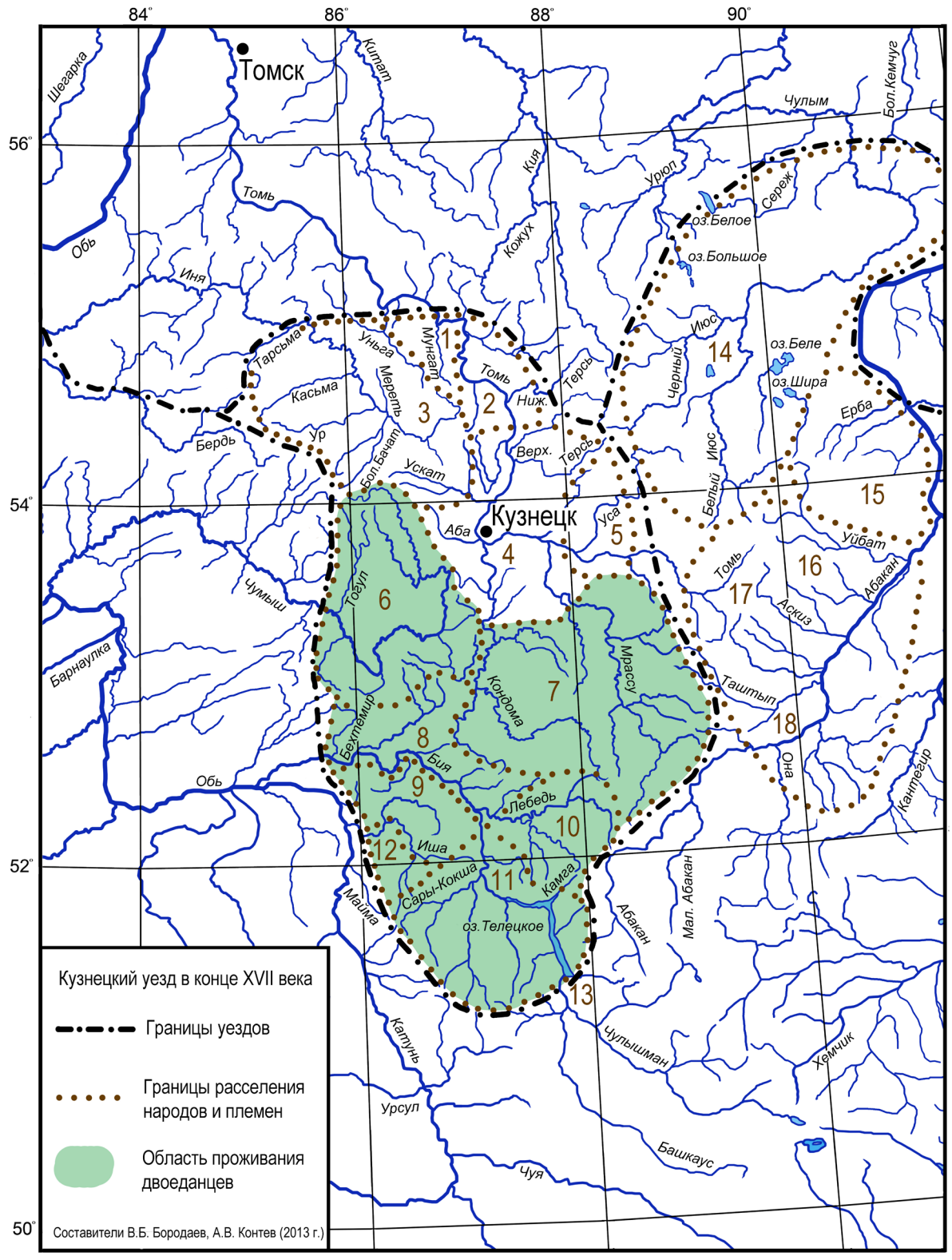


Рис. 18. Кузнецкий уезд в конце XVII в. Историческая реконструкция границ уезда и расселения этнических групп ясачного населения

Кузнецкий уезд: *1* — Баянская волость, *2* — Тюлюберская волость, *3* — Телеуты (Ускатские белые калмыки), 4 — Абинцы, *5* — Верхотомцы, *6* — Степные волости, *7* — Шорцы, *8* — Кумандинцы, *9* — Керсагалы (Забийские волости), 10 — Челканцы, *11* — Тубалары, *12* — Тау-телеуты, *13* — Телесы. **Кыргызы и их киштымы:** *14* — Алтысарцы, *15* — Езерцы, *16* — Алтырцы, *17* — Сагаи, *18* — Бельтиры

шла на устье реки Тарсьма (левого притока Ини) и вдоль неё выходила на водораздел с Бердью, к истокам этой реки.

На ремезовских чертежах Кузнецкого и Томского уездов (рис. 7, 9) вблизи устья р. Тарсьмы показана дорога «ис Томска в Кузнецкой». Причём на кузнецком чертеже ниже устья Тарсьмы («р. Тарспа») не изображено ни одного притока Ини, а на томском их более десятка. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что р. Иня ниже устья р. Тарсьмы входила в Томский уезд. По-видимому, не случайно в 1717 г. река Тарсьма официально получила статус пограничной между двумя уездами (см. об этом ниже, в главе 12).

Бассейн Берди изображён на тех же ремезовских чертежах. Сравнение карт показывает, что Бердь была плохо известна кузнецкой администрации: на уездном чертеже река нарисована схематично. Наоборот, на томском чертеже подробно показаны многочисленные притоки Берди, вплоть до её верховий. Это позволяет утверждать, что бассейн Берди в конце XVII в. не входил в территорию, подведомственную Кузнецку. Вдоль этой реки шла межа Томского уезда с телеутами (см. рис. 9).

От истоков Берди рубеж Кузнецкого уезда по водораздельным возвышенностям шёл к реке Тогул, на левобережье которой у Ремезова обозначена ясачная Тогульская волость. Примерно в устье Тогула граница пересекала Чумыш и уходила на юг, к устью реки Бехтемир («р. Битемир», правый приток Бии), где, по данным С. У. Ремезова, располагалась ясачная волость «Карсапалы».

От устья Бехтемира грань кузнецкого ведомства продолжала идти на юг, к устью реки Иша (правый приток Катуни). На ремезовских чертежах в нижнем течении Иши подписаны тау-телеуты, но нигде они не обозначены как ясачная волость. Однако, по данным Б. О. Долгих, в 1692 г. кузнецкие служилые собрали ясак с десяти тау-телеутов (см. табл. 1). На этом основании мы, вслед за Долгих, включаем бассейн Иши в пределы кузнецкого ведомства.

Южнее тау-телеутов на чертежах конца XVII в. помещена Комляшская волость. Она изображалась недалеко от истоков реки Майма («р. Найма», правый приток Катуни). Поскольку комляши входят в группу северных алтайцев-тубаларов, мы локализуем их не в верховьях Маймы, а в бассейне реки Сары-Кокша, левого притока Бии.

Следующий отрезок границы, от истоков Маймы и Сары-Кокши до Телецкого озера, реконструируется гипотетически – вслед за Б. О. Долгих мы провели линию по Бие-Катунскому водоразделу до южной оконечности озера, включив в Кузнецкий уезд весь левобережный бассейн Бии. Вместе с тем у нас нет никаких документальных оснований утверждать, что кузнецкие служилые люди к концу XVII в. уже побывали в верховьях Сары-Кокши и её крупных притоков. Более вероятным представляется то, что многие периферийные горно-таёжные районы бассейна Бии, включённые на нашей исторической карте в границы Кузнецкого уезда, к началу XVIII столетия ещё не посещались посланцами кузнецких воевод. Нарисованная на карте линия очерчивает ареалы традиционных охотничьих территорий тюркских народов Алтая, которые в XVII в. стали данниками русского царя. Таким образом, следует учитывать, что граница уезда в его южной, алтайской, части на нашей исторической карте реконструирована по максимальному внешнему контуру.

Архивные документы XVII в. также не дают надёжных оснований считать, что русские ясатчики собирали дань с населения вокруг всего Телецкого озера. Возможно, район их деятельности ограничивался северной частью озера, где на чертежах Ремезова изображены «тележцы», причём в «Хероградской книге» надпись сопровождается знаком волости. Не ясно, кого кузнецкая администрация именовала «телесскими людьми» – таёжных охотников, проживавших на берегах Алтын-озера, или скотоводов-телесов, кочевавших в бассейне Чулышмана. Нам представляется, что население бассейна Чулышмана в конце XVII в. ещё не платило ясак в Кузнецк. Даже спустя 30 лет, на карте Петра Чичагова 1729 г., специально пояснялось: «От верхня устья речки Чюлушмана вниз по озеру Телескому и по реке Бие плотят ясак в Кузнецк и контайше». Самой южной точкой сбора ясака Чичагов обозначил расположенный в устье Чулышмана «улус телеуских татар с контайшиными людьми соеты». Этих телеутских татар, по-видимому, можно отождествлять с телесами-скотоводами. Любопытно, что на той же карте на северном берегу Телецкого озера, немного западнее устья р. Камга, отмечены «Телеускии юрты»[30]. Возможно, это означает, что какая-то группа телесов проживала неподалёку от устья Камги, в районе современного поселка Яйлю. На всех копиях чертежа Кузнецкого уезда из атласов С. У. Ремезова в этом районе имеются подписи «звоз» и «курья» (рис. 7). Курьёй могли назвать только Камгинский залив. Именно по реке Камге проходила дорога с вершин Кондомы на Телецкое озеро (цв. ил. 1), что подчёркивает и надпись «звоз». Если неподалёку от устья Камги действительно проживала какая-то группа телесов, они неизбежно должны были быть объясачены.

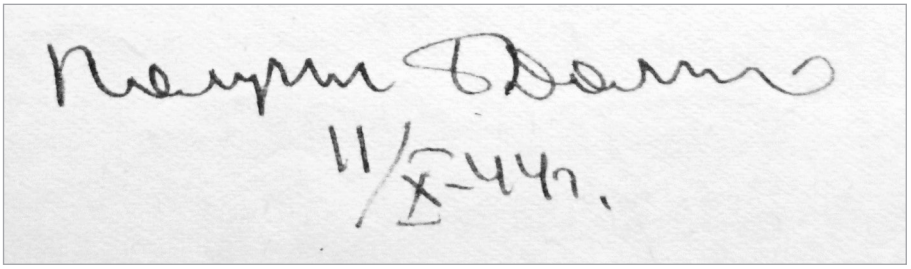
---

[30] Ландкарта Кузнецкого уезда, составленная геодезистом Петром Чичаговым [1729 г.] // БРАН. Отдел рукописей. Собрание рукописных карт. Основная опись. № 473.

К востоку от Телецкого озера за линию границы можно принять водораздельные хребты Обь-Енисейского междуречья. Б. О. Долгих включал в территорию Кузнецкого уезда районы обитания сагайцев и части бельтиров. Первые проживали в верховьях Томи и Чулыма, вторые — по обеим берегам в среднем течении Абакана. Нам представляется, что для конца XVII в. такая реконструкция неверна. Сагайцы и бельтиры являлись киштымами кыргызов и до их ухода с Енисея в 1703 г. регулярной дани русскому царю не платили. Поэтому указанные Б. О. Долгих районы расселения сагайцев и бельтиров мы оставляем за пределами Кузнецкого уезда конца XVII в. Вплоть до 1703 г. по Белому и Чёрному Июсам кочевали кыргызы.

От вершины Чёрного Июса до места впадения реки Мунгат в Томь линия уездной границы проведена по контуру расселения тюркоязычных тюлюберов в соответствии с тем ареалом, который обозначил для них Б. О. Долгих.

Территория Кузнецкого уезда, изображённая на рис. 18, очерчена по внешнему контуру, то есть включает районы проживания двоеданцев. Земли, обитатели которых в конце XVII в. платили албан правителю западных монголов, отмечены фоновой заливкой. Историческая карта показывает, что две трети территории уезда были заселены тюркоязычными народами, по-прежнему подчинявшимися ойратам. Российское государство ещё не могло воспрепятствовать южному соседу собирать регулярную дань с населения, которое в документах называлось подданными русского царя. Сравнительно надёжную защиту кузнецкий гарнизон обеспечивал только тем группам тюркского населения, которые жили поблизости от острога или севернее, на границе с Томским уездом.



Автограф Бориса Осиповича Долгих на разрешении вынести из читального зала ЦГАДА свои выписки: «Получил Б. Долгих 11/X-44 г.»

Глава 7

Начало строительства российских острогов на землях данников ойратского хунтайджи (первое десятилетие XVIII века)

На рубеже XVII–XVIII вв. российские владения в бассейне Верхней Оби входили в состав Кузнецкого и части Томского уездов. На правобережье Оби южная граница Томского ведомства с «Телеуцкой землицей» в конце XVII в. была перенесена уездным начальством с реки Ини на р. Бердь[1]. На востоке Томский уезд граничил с «Киргизской землею». К юго-востоку от верховий рек Кия и Урюп, в бассейне Чёрного и Белого Июсов, располагались кочевья алтысарцев — «нижних киргизов». Южнее, на левобережье Енисея, между реками Ерба и Абакан, находился Езерский, или Исарский, улус — «внутренние киргизы». По Абакану проживали алтырцы — «верхние киргизы», в чьи владения входили области проживания сагайцев и бельтиров[2] (рис. 18). Данниками алтырцев были также тюркские народы, проживавшие в бассейне рек Мрассу, Кондома и Бия, в том числе кумандинцы, челканцы и тубалары[3]. На чертежах С. У. Ремезова «царство Алтырско» показано на восточном берегу Телецкого озера, поблизости от устья Чулышмана[4].

Если Томский уезд лишь отчасти соприкасался с подвластными ойратам белыми калмыками и кыргызами, то положение Кузнецкого уезда, по сравнению с другими приграничными сибирскими ведомствами, было довольно необычным. В XVII в. его с трёх сторон окружали «немирные землицы», население которых традиционно платило албан ойратскому хунтайджи. Долгое время Кузнецкий уезд соединяла с остальной русской Сибирью только река Томь[5].

Наличие многочисленных двоеданнических волостей, окружавших Кузнецк со всех сторон, неизбежно приводило к противоречиям и конфликтам, связанным с пушным промыслом и сбором дани с одного и того же податного населения. Периоды относительно мирного сосуществования чередовались с временами резкого обострения отношений. Очередной пик вооружённого противоборства пришёлся на 1700 г. 11 августа 1700 г. из московского Сибирского приказа в Томск была направлена грамота с требованием организовать совместный поход служилых Томска, Кузнецка и Красноярска, чтобы «киргиз против прошлых лет смирить войною»[6]. Документ не успел дойти до адресата, когда кыргызы сами напали на Кузнецкий и Томский уезды.

18 сентября 1700 г. кыргызы Алтысарского улуса неожиданно появились в пригороде Кузнецка и «людей многих на полях побили, и в полон поимали, и деревни пожгли, и табуны конские и рогатый скот отогнали»[7]. Нападавшие сожгли Рождественский монастырь, располагавшийся недалеко от Кузнецка, разорили улусы выезжих белых калмыков, четырёх из них убили, ещё сорок семь взяли в плен. В это же время нападению кыргызов подверглись деревни Томского уезда на реке Яя (приток Чулыма)[8].

---

[1] Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 143–144.

[2] Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 32–34.

[3] Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 28.

[4] Вершина Оби реки. Глава 45 // Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. В 2 т. Тобольск, 2011. Т. 1: факсимильное издание. Л. 129; Чертеж всех с каменей потоки рек имены наличия, снискателно бывалцы и ураженцы // Служебная чертежная книга: факсимильное издание. Тобольск, 2006. Л. 51 об.; Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. 2-е изд. М., 2007. Л. 41 об.

[5] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 104. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 55).

[6] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 80. Л. 176 об. — 178 об.; Док. № 82. Л. 181–185. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 39, с. 187; Док. № 26, с. 110.

[7] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 18. Док. № 313. Л. 523–524 об. Цит. по: Памятники сибирской истории... 1882. Док. № 19, с. 90.

[8] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 13. Док. № 139. Л. 274 об.–276; Кн. 18. Док. № 313. Л. 523–524 об.; Кн. 25. Док. № 267.

В январе–феврале 1701 г. томские служилые во главе с детьми боярскими Семёном Лавровым и Алексеем Кругликовым совершили ответный поход в зимовья алтысарцев на Белое озеро[9]. Тогда же из Красноярска был послан отряд во главе с сыном боярским Кононом Самсоновым «итить... на киргиз, и тубинцов, и алтырцов, за их многое воровство и измены, и смирить их войною»[10].

Летом 1701 г. Цэван-Рабдан предпринял попытку мирного урегулирования взаимоотношений енисейских кыргызов с сибирской администрацией. К кыргызам прибыл племянник ойратского правителя зайсан Аба, который был наделён большими дипломатическими полномочиями[11]. Он официально пригласил в «Киргизскую землю» для переговоров представителей Томского, Кузнецкого и Красноярского уездов[12]. После длительных согласований такая встреча состоялась в сентябре 1701 г. «в Алтырской земле». В присутствии зайсана Абы каргызские князцы шертовали русскому царю – обещали вернуть угнанный скот и пленников, требуя того же и от русских. Обе стороны договорились «и впредь бы жить мирно»[13].

На следующий год дипломатическую миссию продолжил «ближний человек» хунтайджи Арамжаб («контайшин посланец Аранжаба»)[14]. Он прибыл в кыргызские улусы в ноябре 1702 г. и также вёл переговоры с администрацией Томска, Кузнецка и Красноярска вплоть до начала 1703 г.[15] Характерно, что в русских документах не сообщается о вооруженных столкновениях с кыргызами в 1702–1703 гг. Казалось бы, при посредничестве посланников хунтайджи удалось достичь хрупкого перемирия. Ничто не предвещало тех решительных перемен, которые произошли летом и осенью 1703 г. Правда, томские воеводы пытались в начале ноября 1703 г. послать «в Киргизскую землицу войною томских всякого чина служилых людей на лошадях, с пушки и с обозы, и со всею полною службою», но выпавший глубокий снег заставил отказаться от похода[16]. Впрочем, к тому времени «Киргизская земля» уже опустела.

10 августа 1703 г. в Кузнецк поступили первые сведения о массовом исходе населения из Кыргызской землицы. Посланный для уточнения пятидесятник Борис Анисимов по возвращении сообщал со слов кыргызского киштыма, сагайца Казарачака: «Присылал контайша от себя в Киргискую землицу к посланцу своему Аранжаме две тысячи черных калмыков. И велел де ему, Аранжаме, киргиз и киргиских киштымов всех з женами, и з детми, и со скатом собрав, привести к себе. И контайшин де посланец Аранжама с черными калмыки киргиз и киргиских киштымов всех з женами, и з детьми, и со скатом взяли х контайше; и пошли чрез реки Мрасу и Кондому. И ныне де те вышеписанные черные калмыки и киргизы стоят промеж Бие и Котуни реками. А он де, Казарачак, от черных калмыков ушел з доро-

---

Л. 411–411 об. Цит. по: Памятники сибирской истории... 1882. Док. № 23, с. 101–102; Док. № 19, с. 90; Док. № 21, с. 96.

[9] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 18. Док. № 321. Л. 535–536 об. Цит. по: Памятники сибирской истории... 1882. Док. № 25, с. 107–109.

[10] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 82. Л. 181–185. Цит. по: Памятники сибирской истории... 1882. Док. № 26, с. 110.

[11] АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731 г. Л. 36–37. Цит. по: Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.): документы и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 6, с. 18.

[12] Позднее томский сын боярский Павел Иванович Петров в своей челобитной сообщал, что именно его посылали в 1701 и 1702 гг. на переговоры. А. П. Уманский, обнаруживший отпуск-черновик с пересказом этой челобитной (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2091. Л. 4–4 об.), писал: «здесь с. б. П. И. Петров утверждает, что в 1701 и 1702 гг. вместе с зайсаном Онбо ездил в „Киргизскую землицу“ для заключения договора» (Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 196, прим. 1). Однако в тексте документа упомянут не зайсан Онбо, а зайсаны Оба и Аржама. Ошибка исследователя вызвана неправильным прочтением сложного почерка писца. Текст чернового отпуска читается следующим образом:

«Да в пршлых ж 701-м и 702-м годех по нашему великого государя указу посылан он в Киргискую ж землицу колмыцкого владелца контайши к яйзаном к Опе (Обе. – *Авт.*) да к Оржеме о всяком договоре про воровство киргиских людей, и о всякой их неправде, и о приходах с войною под Томской город и на уезды. И после того договору киргиские люди за то свое воровство и неустойку ис Киргиской землицы многие сведены в Калмыцкую землицу и остались в той землице неболшия люди. И о том договоре с ними, ейзаны, с Обою и Аржамою, статейныя списки за ево рукою посланы ис Томска к Москве в Сибирской приказ» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2091. Л. 4 об.).

[13] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 19. Док. № 106. Л. 236–245 об. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 37, с. 186.

[14] АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731 г. Л. 36–37. Цит. по: Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.): док. и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 6, с. 18. Асанбек Абдыкалыков писал, что «Аба... в 1702 г. был отозван, а на его место был послан Арамжаб с той же задачей» (Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в. (исторический очерк). Фрунзе, 1968. С. 122). Виктор Яковлевич Бутанаев, напротив, отождествляет Аба зайсана с «Аранчи Аба или Аранжама» (Бутанаев В. Я. История присоединения Хакасии к России // Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. С. 20; Его же. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 94). Однако документы, в том числе приведённое выше сообщение П. И. Петрова, определённо указывают, что речь шла о двух разных представителях хунтайджи.

[15] О. В. Боронин ошибочно относил приезд Арамжаба к концу 1701 г. (Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2004. С. 109–111).

[16] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 13. Док. № 148. Л. 292–293. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. Док. № 60, с. 237.

ги, не доезжая Бяе реки, и пошел в свою Киргискую землицу»[17].

Из самой Кыргызской землицы первые сведения об уходе населения поступили к русским только осенью. 15 октября 1703 г. от ясачного татарина служилым Караульного острога на Енисее впервые стало известно, что «приехали де 2500 калмыков в Киргизскую землицу и киргиз де к себе загнали всех, и ныне де в Киргизской землице киргиз никого нет»[18].

Спустя почти полвека вышедшая к Усть-Каменогорской крепости с территории Зюнгарии группа кыргызов сообщила пограничным начальникам: «Назад тому 40 лет контайша, отец Галдан Чирина, захватил их всего 3000 с черными зайсанами Салдыком, Зухарем, Бинбелем и сыном прежняго хана Танбы-Батыря-Датжи, Чайлыш, которые и ныне живут в Урге»[19]. Позднее, на повторном допросе, они пояснили, что раньше жили «против города Красноярска в степи на речке, называемой Белом Июсе… И тому назад лет с пятьдесят или более, а подлинно де объявить они не помнят, приходили де к ним из землицы контайши три зайсана — Духар, Сандык, Чинбиль, в три пятьсот человеках. А стояли де они особливым кочевьем, всего мужеска и женска полу тысячи с три дымов. И захватили де оные зайсаны войском своим незапно, увезли в Зенгорскую землицу сильно, токмо без бою. И жили там, в Зенгорской землице, в большой Урге, и платили де они Галдан-Чирину алман»[20]. Судя по этому рассказу, увод кыргызов с левобережья Енисея за Иртыш, ближе к Урге — ставке хунтайджи — стал неожиданным не только для русских, но и для самих кыргызов.

По мнению Ильи Яковлевича Златкина (1898–1990), увод кыргызов был вызван желанием Цэван-Рабдана «ликвидировать очаг конфликтов» на границе с Россией в Южной Сибири[21]. Несколько иначе объяснял это событие Владимир Анисимович Моисеев (1948–2007). Он считал, что Цэван-Рабдан «поспешил силой увести несколько тысяч енисейских киргизов в Джунгарию и сделал это не только из опасений испортить отношения с Русским государством, как считают некоторые советские историки, но еще и потому, что опасался их захвата Цинами»[22].

В начале XVIII в. государство ойратов граничило с двумя могущественными соседями — цинским Китаем и петровской Россией. Незадолго до описываемых событий, в 1697 г., цинские войска разгромили в Халхе остатки армии умершего Галдана Бошокту-хана. Правителем чрезвычайно ослабленного государства западных монголов стал его племянник Цэван-Рабдан[23], которому пришлось проводить осторожную внешнюю политику, особенно в отношении Китая. Цинский император Канси стремился дипломатическим путём убедить нового ойратского правителя стать подданным его империи. Летом 1702 г. китайские послы предлагали Цэван-Рабдану, «прибегнув под твердый кров его величества и оставшись в праотеческих алтайских владениях, пользоваться положенным жалованьем и особенными величайшими… милостями» правителя Цинской империи[24]. Их миссия успеха не имела. В мае 1703 г. в ставку Цэван-Рабдана прибыло новое посольство, которое должно было в более решительной форме склонить хунтайджи к подданству, «угрожая в противном случае войной». Цэван-Рабдан, заверяя послов в миролюбии, и на этот раз отклонил предложение о вступлении в китайское подданство[25]. А уже в июне—июле того же года в Кыргызскую землю был отправлен

---

[17] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 108 об. Опубл: Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII вв. Абакан, 1995. Док. № 60, с. 207–209; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. Док. № 39, с. 264–266. При публикации документа в обоих случаях указаны архивные реквизиты: РГАДА. Ф. 214. Стб. 1400. Л. 107–109 об. Однако в действительности это материалы не из описи 3 (столбцы), а из описи 1 (книги).

[18] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 87. Л. 188 об. — 189 об. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. Док. № 58, с. 232.

[19] Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. 4. Октябрь-декабрь. М., 1866. С. 127.

[20] Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири… М., 1866. С. 128.

[21] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 337.

[22] Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983. С. 34.

[23] Н. Н. Бантыш-Каменский пояснял: «По калмыцки Цеван Араптан; сим именем назывался он до вступления во владение Зенгорцев; потом принял он титул Ердени Журукту Контайша (Контайша на калмыцком языке значит великаго князя…)» (Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Сост. по док., хранящимся в моск. арх. Гос. коллегии иностр. дел, в 1792–1803 г. Казань, 1882. С. 75). По-монгольски титул произносится: Эрдени Зоригту-хунтайджи.

[24] АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 39. Л. 72 об. Цит. по: Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 79. По сведениям В. А. Моисеева, эту фразу цинский посол Бао-Чжу произнёс в 1703 году (Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: очерк внешнеполитических отношений. Барнаул, 1998. С. 10). Подробнее см.: Моисеев В. А. Дневник Бао-Чжу об истории джунгаро-цинских отношений в конце XVII — начале XVIII вв. // XX научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы докладов. М., 1989. Ч. 2. С. 164–168.

[25] АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 39. Л. 102–106. Цит. по: Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии… М., 1983. С. 79.

крупный ойратский отряд для насильственного переселения кыргызов. Руководил переселением «контайшин посланец Аранжама» [26].

По сведениям русских разведчиков, в середине августа чёрные калмыки и кыргызы «переплавились реки Бию и Катуню». Месяц спустя очевидец этих событий керсагальский князец Баяндары Урусов рассказывал в Кузнецке в приказной избе: «Поступают де на контайшу войною з дву сторон Араптан с черными калмыки да Тонжилай с мунгалы. И контайша де, убояся их, Араптана да Тонжилая, для того, государь, и киргиз к себе велел взять, чтоб киргизы от него, контайши, не отложились к Ораптану или к Танжилаю. А сам де контайша ныне живет за рекою Иртышем на Кыите реке»[27]. Как объясняют современные хакасские исследователи, упомянутые в этом документе «Араптан с черными калмыки да Тонжилай с мугалы» — это Данжин Раптан, брат хунтайджи («контайши») Цэван-Рабдана, ойратского правителя в 1697–1727 гг., и Данзила, двоюродный брат предшествующего правителя Галдана Бошоктухана[28]. К 1703 г. указанные монгольские князцы уже приняли китайское подданство и нападали на людей Цэван-Рабдана в качестве цинских военачальников.

На наш взгляд, именно осложнение ойрато-китайских отношений весной–летом 1703 г. стало причиной того, что хунтайджи принял решение увести кыргызов с левобережья Енисея ближе к своей ставке. Во-первых, этим снималась угроза взятия енисейских крыгызов в цинское подданство. Во-вторых, усиливалась группировка, охранявшая кочевую столицу. Видимо, первоначально предполагалось, что уведённые кыргызы со временем вернутся на Енисей и в верховья Чулыма. Красноярские воеводы сообщали, что получили калмыцкое письмо, в котором, в частности, говорилось: «Мы де кыргыских киштымов в калмыки взяли для того, что де они нужны, и по то де время, покамест они справятца. И они де на свои старые урочища отпустят»[29]. Здесь «кыргыскими киштымами», очевидно, названы сами енисейские кыргызы — подданные хунтайджи.

Посланные в январе 1704 г. из Красноярска ясатчики, вернувшись, сообщали воеводам, что они «в Киргискую землю ездили и киргиских князцов никого не изъехали». Служилые побывали у кыргызских киштымов, которые не были уведены вместе с прежними хозяевами, и собрали с них почти 350 соболиных шкур. По словам русских ясатчиков, оставшиеся без защиты киштымы, «били челом великому государю, чтоб указал великий государь в Киргизской земле построить острог для обережи от ыных землиц»[30]. Ни в 1704 г., ни в следующие два года к постройке острога красноярцам приступить не удалось. С декабря 1703 г. возобновились карательные экспедиции в Кыргызскую землицу, организованные томскими воеводами. Русские ратники находили те группы кочевников, которые смогли избежать увода под конвоем ойратов, разоряли их жилища, убивали мужчин и захватывали десятки пленных. Так продолжалось до 1706 г. включительно[31].

По мнению Олега Валерьевича Боронина, в 1706 г. состоялось ещё одно крупное переселение енисейских кыргызов во внутренние районы государства западных монголов[32]. Действительно, в выписке Сибирской губернской канцелярии, составленной для Коллегии иностранных дел в сентябре 1733 г., говорилось: «В прошлых годех на сей стороне Саянского камени на Абакане реке жили киргизы контайшина владения, которые в 1706-м году оттуды сведены х контайше. А на той земле ныне живут бывшие с ними в смежности российские подданные ясачные люди кузнецкого ведомства Белтирской и Сагайской волостей, которые и при бытности киргизов промыслы имели в Саянском камени с киргизы вопче»[33]. Обращает на себя внимание, что в этом документе ничего не сообщается об откочёвке 1703 г. Не исключено, что названный здесь 1706 год — простая ошибка тобольского переписчика. Однако в любом случае 1706 г. стал последним годом сохранения относительно стабильной российско-ойратской границы в Обь-Енисейском междуречье.

---

[26] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 108 об. Опубл: Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII вв. Абакан, 1995. Док. № 60, с. 207–209.

[27] Там же. Л. 109 об.

[28] Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 102; Чертыков М. А. Этнополитическая ситуация на территории Хонгорая в XVII — начале XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 125.

[29] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Л. 187. Цит. по: Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII вв. Абакан, 1995. Док. № 59, с. 206. При публикации в архивных реквизитах ошибочно указан лист 184 (уточнено по: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Т. 2. Новосибирск, 1995. С. 59, док. № 84).

[30] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 536 об., 538. Копия документа имеется в списках Г. Ф. Миллера: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 19. Док. № 70. Л. 163–164. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 59, с. 234–236 (Смотри также док. № 63, с. 245).

[31] Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2004. С. 112–114.

[32] Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири... С. 113. Автор ссылается на: АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 49.

[33] РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 10.

Ужесточение политики России в отношении южного соседа проявлялось не только в карательных походах в опустевшую Киргизскую землицу. В 1707 г. в Кузнецке был убит посол хунтайджи — небывалый случай в истории русско-ойратских отношений[34]. Любое посягательство на посла воспринималось как преступление против государства. Когда в 1646 г. в Таре казак Василий Фирсов «контайшиных послов бил по щекам и с топором на них метался, и хотел убить до смерти», тобольские власти быстро распорядились «учинить наказанье: бить кнутом на козле нещадно и посадить в тюрьму до твоего государева указу, чтоб на то смотря не повадно было… иным людем колмацких послов побивать». Мало того, затем из Москвы последовал приказ держать виновника в тюрьме до тех пор, пока через Тару вновь не поедут послы хунтайджи. «И при тех ево, контайшиных, послех ему, Васке, наказанье будет же»[35]. Реакция российских властей на убийство ойратского посла в Кузнецке была иной. Лишь в июне 1709 г. М. П. Гагарин приказал направить Тимофея Панова «в Сибирь, в Кузнецкой» для проведения расследования по жалобе ойратской стороны. Итоги этого расследования неизвестны, виновных власти так и не выявили, хотя вопрос о гибели послов хунтайджи поднимал на переговорах вплоть до 1721 г.[36]

В том же 1707 году, воспользовавшись ослаблением позиции ойратов на землях кыргызов, сибирские власти смогли распространить своё влияние вверх по Енисею. В августе русские служилые поставили Абаканский острог — но не на Абакане и даже не на левобережье Енисея, а на его восточном, правом берегу, в устье реки Сыда, примерно в 60 км ниже впадения реки Абакан[37].

Первые попытки поставить острог ближе к устью Абакана, в глубине Кыргызской землицы, русские предприняли ещё в 1674–1675 гг. Вот как рассказывается об этом в одном из документов начала XVIII в.: «В 7183 году по грамоте из Сибирского приказу построен в Красноярском ведомстве вверх по Енисею реке по край Киргиской землицы Караулной острожек на киргиском пути, которым киргизы, будучи в измене, ходили под Красноярск войною. И в тех годех киргизы кочевали около того острога по Июсу реке, а Июс от того острога склонен к Томску конною ездою с пол днища. А протчия киргизы кочевали против того острогу за рекою Енисеею (так в тексте. — *Авт.*) и по оной реке выше того острогу. А ис тех киргиз многие к измене не приставали и ясак в Красноярск платили»[38]. Следует учитывать, что Июсом в то время называлось верхнее течение Чулыма от слияния Белого и Чёрного Июсов до устья реки Урюп[39].

Караульный острог располагался на полпути между устьем Абакана и Красноярском, на левом берегу Енисея, немного выше устья современной реки Огур. Несмотря на нападения кыргызов, это русское укрепление уцелело, на картах С. У. Ремезова оно называется «Верхной Караулной острог», а в XVIII в. иногда именовалось Бельским Караульным острогом[40].

Немного позднее, в сентябре 1675 г., на острове Карагас (Сосновый) «среди Енисея реки» несколько ниже устья Абакана красноярские служилые люди «острог поставили и крепость учинили». В ту же осень укрепление подверглось нападениям кыргызов-алтысарцев, которые сначала удавалось успешно отражать[41]. Однако очень скоро упоминание острога близ устья Абакана исчезло из русских документов. К 1680 г. этого форпоста уже не было[42]. Поскольку сибирская администрация никогда не обвиняла кыргызов в его уничтожении, можно предположить, что крепость покинули сами русские. Возможно, это было связано с договоренностями 1680 г. между кыргызами и администрацией Томского уезда, когда границей российских владений была признана река «Июс» (верховья Чулыма): «А руским де было людем в их землю за Июс войною не ходить. А им де под государевы городы и остроги также за Июс

---

[34] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1661. Л. 1–2 об. Частично опубл.: Русско-джунгарские пограничные споры 1640–1710-х гг. / сост. Д. А. Ананьев // Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сб. док. Новосибирск, 2010. Док. № 11, с. 39–40.

[35] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 189–191.

[36] 4 января 1721 г. на переговорах с И. Д. Чередовым хунтайджи заявил: «И я посылал под Кузнецкой своих людей для переговору, Боидона да Манхана. И они де не послушались, их убили» (док. № 86, статья 31). Очевидно, речь шла именно об убийстве 1707 г.

[37] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 99. Л. 209–210; Кн. 26. Док. № 66. Л. 145 об. — 147. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 78, с. 313; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1059. Л. 4–5, 17–18; Д. 1008. Л. 18–18 об. Опубл.: Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии… Док. № 63–64, с. 212–215. При публикации документа № 64 дело 1008 ошибочно названо столбцом.

[38] РГАДА. Ф. 113. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 5 об.

[39] Добжанский В. Н. Гидронимы «Июс» и «Белый Июс» в русских документах XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 2: Четвертые чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. С. 1–7.

[40] Чертеж земли Красноярскаго города // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. 2-е изд. М., 2007. Л. 31 (по нумерации Ремезова лист 15); ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1766; Pallas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. Dritter Theil: Bom Jahr 1772 und 1773. St.-Petersburg, 1776. S. 412.

[41] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 18. Док. № 118. Л. 197–201. Цит. по: Дополнения к актам историческим. Т. 7. СПб., 1859. Док. № 72, с. 337–338.

[42] Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 40.

не ходить»[43]. Однако мысль о сооружении укрепления в глубине Кыргызской земли не оставляла красноярских воевод. В дошедшей до нас копии сообщения из Караульного острога говорилось: «В 7196-м [1687/1688] году контайшу или Бушту-Ату-хана Казачья орда с ево земли [сбили[44]] и киргиских князцов многих побили. И велено было в то время ис Красноярска на Киргиской земле, или на Абакане реке, поставить острог»[45]. Выполнить этот приказ в XVII в. служилым так и не удалось.

Решительный шаг в передвижении российской границы вверх по Енисею к Саянским горам был сделан лишь после событий 1703–1706 гг., связанных с уводом кыргызов во внутренние районы Ойратского государства. Как рассказано выше, в 1707 г. был заложен Абаканский острог, позволивший русским контролировать нижнее течение реки Абакан[46]. Вскоре верховья Абакана вошли в состав Кузнецкого уезда, а остальные земли кыргызов были включены в Красноярский и Томский уезды. Граница между этими уездами проходила по реке Чулым, причём Чёрный Июс оставался в ведении томской администрации, а Белый Июс в ведении Красноярска[47].

Успешная реализация давнего плана закрепления близ устья реки Абакан, вероятно, способствовала тому, что столичные власти вернулись к старому замыслу создания российской крепости у начала Оби, на слиянии рек Бии и Катуни.

После неудачи организованной томскими воеводами в 1632 г. военной экспедиции Фёдора Пущина новых попыток закрепиться у вершины Оби с помощью военной силы сибирская администрация уже не предпринимала. Возведение крепости на устье Бии могло привести к вооруженному конфликту с ойратами и теленгетами. Вплоть до начала XVIII в. недостаточная военная мощь России на юге Сибири заставляла власти отдавать предпочтение дипломатическим методам во взаимоотношениях с южными соседями.

В середине первого десятилетия XVIII в. ставка вновь была сделана на военную силу. Увод кыргызов, очевидно, был воспринят сибирской администрацией как слабость Ойратского государства, после чего начинается активное строительство русских крепостей на юге Западной Сибири. В 1707 г. был основательно обновлён Кузнецкий острог и воздвигнут Абаканский острог на Енисее. Сведения об этом к концу 1707 г. должны были поступить в Сибирский приказ. Следующим шагом в продвижении на юг стало решение о сооружении крепости на слиянии Бии и Катуни. Это событие связано с именем кузнецкого воеводы Михаила Алексеевича Овцына.

Стольник М. А. Овцын первоначально, в январе 1708 г., был направлен в Красноярский уезд. Ему поручалось обследование новопостроенного Абаканского острога, составление его чертежа и подробного описания. Однако спустя месяц задачи, поставленные перед М. А. Овцыным, изменились. 20 февраля из Сибирского приказа вслед за стольником был отправлен монарший указ: «в Красноярской ездить тебе не велено, а велено ехать в Кузнецкой» (док. № 14).

М. А. Овцын посылался в Кузнецк в качестве нового воеводы, он должен был сменить на этом посту Осипа Родионовича Качанова[48]. Последний происходил из Томска, был назначен кузнецким воеводой в 1706 г., именно при нём кузнецкие служилые участвовали в сооружении Абаканского острога. Его взаимоотношения с вышестоящим томским воеводой Г. М. Петрово-Соловово не сложились. Результатом этого конфликта стало обвинение О. Р. Качанова в незаконном винокурении и других прегрешениях, что привело к снятию его с должности в 1708 г.[49] После передачи дел О. Качанова предписывалось «отпустить в Томской по-прежнему».

Не прошло и десяти дней после назначения Михаила Овцына воеводой, как 29 февраля 1708 г.

---

[43] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 715–716. Л. 130. Этот документ цитировал С. В. Бахрушин (Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 219, прим. 1, 6). В его посмертной публикации указаны неверные реквизиты документа: РГАДА. Ф. 214. Стб. 292. Л. 127, 130.

[44] В копии это слово пропущено. Восстановлено по отписке красноярского воеводы И. В. Башковского (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 25. Док. № 71. Л. 147 об. Опубл.: Русско-монгольские отношения. 1686–1691: сб. док. М., 2000. Док. № 59, с. 184).

[45] РГАДА. Ф. 113. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 7 об.

[46] В 1708 г. китайские власти потребовали от руководителя Сибирского приказа Ф. Ю. Ромодановского «тот новопостроенный город разорить», мотивируя это тем, что новый российский острог построен «на нашей земле, на урочищах Хонгорая», ранее подвластных Алтын-ханам (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 15. Док. № 16. Л. 39 об.–40. Цит. по: Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... Док. № 65, с. 216).

[47] ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1766 – «Ландкарта Томского и Красноярского уездов и в них рекам и рудным и удобным к строению заводов местам...» В. М. Шишкова. 1735 г.

[48] По сведениям А. Т. Шашкова, «старший сын новгородского помещика Родиона Дмитриевича Качалова, сосланного в 1646 г. в Сибирь, Иван Качалов, «служа по Томску, стал писатца Качанов»; вслед за ним точно так же изменили свои фамилии и его младшие братья Осип и Федор. Причина этого заключалась в том, что у их современников данная фамилия вызывала негативные ассоциации с Никитой Качаловым, являвшимся по официальной версии одним из убийц царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г.» (Шашков А. Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 324, прим. 15).

[49] Шашков А. Т. Дело 1705 г. ... С. 302.

«московский камендант и сибирских правинцей судия князь Матвей Петрович Гагарин с таварыщи» поручили дьякам Сибирского приказа «в Сибирь в Кузнецкой к стольнику к Михаилу Овцыну послать великого государя грамоту». В ней должно было содержаться повеление «Кузнецкого уезду на реках Бии и Катуни в пристойном месте для збору ясашной казны и к селению пашенных крестьян построить острог со всякими крепостми». Распоряжение Гагарина заканчивалось припиской: «А Осипа Качанова, счетчи, прислать к Москве. А что начтено на нем будет, то взять в казну великого государя. А всякие дела делать тебе по наказам, каковы даны прежним воеводам»[50]. Из этого следует, что Михаил Овцын ещё только вступал в права воеводы, причём традиционной в таких случаях письменной инструкции («наказной памяти») ему, вероятно, не давалось. Последняя фраза документа поясняла Овцыну, как действовать в этой ситуации.

Помимо приказа о строительстве острога, в распоряжении Гагарина говорилось о серьёзном изменении статуса кузнецкого воеводы. Окончательно упразднялась прежняя система подчинения Кузнецка томскому начальству: «А томским воеводам ево, Михаила, ведать ни в чем не велеть. И о том в Томской к воеводам послать великого государя грамоту»[51]. В отличие от его предшественника Осипа Качанова, Михаилу Овцыну поручалось по возникающим проблемам писать сразу «к Москве в Сибирской приказ» (док. № 15).

На основании распоряжения М. П. Гагарина в Сибирском приказе была подготовлена «государева грамота» — указ, написанный от имени монарха и адресованный воеводе. Черновой отпуск этой грамоты датирован 5 марта 1708 г. (док. № 15)[52]. Осенью 1709 г. М. А. Овцын сообщал в Москву, что получил эту грамоту лишь 30 сентября 1708 г.[53] Причина такой задержки непонятна. Возможно, царский указ о новом назначении Овцына был вручён адресату уже в Красноярском уезде, а ключи от Кузнецкого острога стольник принял от Осипа Качанова лишь в сентябре 1708 г. В результате строительство новой крепости в 1708 г. стало невозможным «за дальним ростоянием и за зимним путём и за опасением воинских воровских людей» (док. № 16).

К реализации царского указа служилые приступили летом 1709 г. В начале июня отряд под командованием головы конных казаков Якова Максюкова выступил из Кузнецка[54]. 10 июля они вернулись и сообщили воеводе, что «по вышеписанному великого государя указу мы, всяких чинов люди, на реке Бии и Катуни острог построили со всякими крепостми и з жилыми избами»[55]. Как позднее писал М. Овцын в Москву, это произошло 18 июня (док. № 16). Быстрые сроки возведения крепости позволяют предполагать, что отряд Якова Максюкова был достаточно большим и насчитывал не менее 300 человек[56]. В новой крепости остался гарнизон в 100 человек под началом «кузнецкого сына боярского» и две пушки, остальные строители возвратились назад.

Спустя полтора месяца, 21 августа 1709 г., окрестности Кузнецка подверглись нападению находившихся в ойратском подданстве тюркских князьков, которые осадили подгородное село Ильинское, разорили и сожгли несколько близлежащих деревень. М. А. Овцын мобилизовал городских жителей для отпора врагу. 23 августа в трёх верстах от Кузнецка произошёл бой, в котором с русской стороны приняло участие, по-видимому, около шестисот человек. Отряду во гла-

---

[50] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1265. Л. 8. Опубл.: Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. Док. № 1, с. 26–27.

[51] Там же.

[52] В документе 1710 г. эта грамота датирована 15 марта — вероятно, по ошибке (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1962. Л. 4. Опубл.: История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. Барнаул, 1991. Док. № 5, с. 14). По утверждению А. П. Уманского, «о том, что чистовой вариант указной грамоты был датирован не 5, а 15 марта 1708 г., свидетельствует ряд документов». Однако сам исследователь привёл в подтверждение своих слов лишь один источник — то же дело 1962, л. 5–5 об. (Уманский А. П. Указная грамота Петра Великого о сооружении Бикатунского острога // Алтайский сборник. Вып. 16. Барнаул, 1995. С. 188, прим. 1).

[53] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1506. Л. 1. Опубл.: Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. Док. № 4, с. 32. При публикации текста ошибочно вместо сентября указан месяц январь: «в прошлом де 708-м году января в 30-й день». С. Ю. Исупов сообщает о царском указе от 15 июля 1708 г. и возникшей осенью 1708 г. переписке М. А. Овцына с князем Гагариным (Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… Барнаул, 2009. С. 32–33; Исупов С. Ю. Страницы летописи города Бийска // Бийский вестник. 2009. № 1–2. С. 17). Таких документов нам неизвестно, автор также архивных реквизитов этих источников нигде не называет.

[54] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1660. Л. 1. Опубл.: Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. Док. № 3, с. 30–32 (в архивных реквизитах ошибочно указана опись 1). Ранее, при публикации этого документа в сборниках «История Алтая в документах и материалах» (1991) и «Хрестоматия по истории Алтая» (2003), Ю. С. Булыгин дал текст в следующей редакции: «Лета от рождения Христова 1709 года июня во 2 день» (Барнаул, 1991. Док. № 7, с. 16; Барнаул, 2003. Док. № 17, с. 77). Однако в документе дата не проставлена. Исследователь принял за букву «в», означавшую бы под титлом цифру 2, твердый знак в предлоге: «въ __ день». В дальнейшем эта ошибка стала повторяться в краеведческой литературе (Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… С. 33).

[55] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1660. Л. 1.

[56] Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма): межвуз. сб. научн. ст. Барнаул, 1986. С. 15.

ве с Яковом Максюковым удалось разгромить противника. Казаки преследовали неприятеля «в степь по калмыцкой дороге дватцеть верст до реки Чюмышу и до черни»[57].

В том же 1709 г., осенью или зимой, в Москву из Кузнецка были посланы сотник Кондратей Паренов и толмач Иван Максюков «с вестовыми отписки, и с послужным списком, и с чертежем о строении острога на реках Бии и Катуни»[58]. Отписки о текущих вестях, послужной список и единственный известный по документам чертёж Бикатунского острога они передали в Сибирский приказ.

К сожалению, чертежа первой русской крепости на Бии никто из исследователей в столичных архивах пока не нашёл[59]. Зато в московском архиве сохранился послужной список 1709 г. с именами и фамилиями тех, кто участвовал в строительстве Бикатунского острога в июне–июле, и тех, кто оборонял Кузнецк в августе. В нём перечислено более шестисот человек[60]. Однако в тексте документа эти «службы» не разделены, только для Якова Максюкова написано, что он «был на обоих службах начальным»[61]. Вместе с тем несомненно, что далеко не все защитники Кузнецка участвовали в походе на Бию, а гарнизон «новопостроенного острога» точно не участвовал в августовском бою. Поэтому численность строителей первой Бийской крепости и их имена нам точно не известны[62].

Исследователи единодушно считают, что казачья сотня, оставшаяся в крепости на Бии, попала в этот список в числе других строителей острога[63]. Хотя прямых указаний на это в документе нет, такая точка зрения кажется нам верной.

Ещё до нападения на Кузнецк М. А. Овцын просил царского указа «о присылке из ыных городов всяких чинов людей, и о пушках, и о всяком ружье, и о пороху, и о свинце» (док. № 16). Люди и оружие нужны были «для обережения Кузнецкого города и новопостроенного Бии и Катунского острога от приходу воинских людей». Такой указ был дан 8 ноября 1709 г. в Москве. Предполагалось, что пять пушек и артиллерийские припасы к ним заберут в Тобольске кузнецкие казаки, которые привезут в 1710 г. ясак в столицу Сибири.

Неизвестно, когда доставили дополнительную артиллерию в Кузнецк, но в Бикатунский острог, очевидно, она уже не попала[64]. В августе 1710 г. ойраты совершили новый подход на Кузнецкий уезд. На этот раз во главе войска стоял зайсан Духар, ранее участвовавший в уводе кыргызов. В справке Кузнецкой воеводской канцелярии 1730-х гг. численность отряда Духар-зайсана оценивалась в четыре тысячи человек. Сообщалось, что чёрные и белые калмыки разгромили восемь подгородных деревень, пожгли хлеба, угнали много скота. «Да они ж, калмыки, Духар с товарыщи, того ж время, отбывши ис под Кузнецка, напали на прежде построенную Бика-

---

[57] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1660. Л. 1 об.

[58] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1961. Л. 29.

[59] Бийскому историку С. Ю. Исупову удалось установить, что к 1732 г. «чертеж Бие-Катунского острога с экспликацией показания местности 1709 году» был передан из Сибирского приказа в Военную коллегию (Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… С. 42–43. Автор ссылается на: РГВИА. Ф. 20. Оп. 47. Д. 81. Л. 15).

[60] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1660. Л. 2–9. Ю. С. Булыгин, работавший с документом в РГАДА, относил составление этого списка к 1710 г. (Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости… С. 15; История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. Барнаул, 1991. Док. № 7, с. 16–17). Однако в самом документе неоднократно упомянут «нынешней 709 год». Полностью послужной список впервые опубликован на сайте «Первый век освоения Россией Алтайского региона в публикациях и рукописях XVIII–XIX веков» / рук. проекта А. В. Контев. URL: http://library.unialtai.ru/althistory/documents (01.08.2015).

[61] В документах Кузнецкого острога, выявленных Юлией Борисовной Кауфман, упоминается то «толмач Яков Савинов», то «татарский голова и толмач Яков Максюков». Предположительно речь идёт об одном и том же человеке — Якове Савиновиче Максюкове, которого исследовательница считает «сыном первого кузнецкого татарского головы и толмача Савинки Микитина» (Кауфман Ю. Б. Служилая династия Максюковых в Кузнецке в I четверти XVIII в. // Диалог культур и цивилизаций: материалы X Всерос. научной конф. молодых историков. Тобольск, 2009. С. 76–77).

Об этом толмаче, ещё не носившем фамилии Максюков, см.: Кауфман А. О. Группа служилых татар в составе кузнецкого гарнизона (вторая половина XVII — первая четверть XVIII в.) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2008. Вып. 10. С. 53–60; Кауфман А. О. Первый служилый татарин кузнецкого гарнизона — Савинко (Дасайка) Микитин // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово, 2010. Вып. 8. С. 141–145. «Тотарин Дасайка Микитин» упомянут в окладной книге Кузнецка за 7135 г. (1626/1627 г.) среди «конных присылных черкас» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 155). Благодарим Андрея Оттовича Кауфмана за указанные сведения. См. также док. № 7.

[62] Мнение о том, что все перечисленные в послужном списке 1709 г. являлись строителями Бикатунского острога (Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 6–7), нам представляется ошибочным.

[63] Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости… С. 17; Уманский А. П. 285 лет Бикатунской крепости // Страницы истории Алтая. 1994 г.: библиографический указатель. Барнаул, 1993. С. 71, прим. 19; Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… С. 34–35.

[64] С. Ю. Исупов в своей последней книге без каких-либо ссылок на источники сообщает, что зимой 1709 г. в Бикатунский острог «прибыл небольшой отряд томских и кузнецких казаков… Артиллерия острога, увеличенная присланными из Тобольска пушками, состояла из семи орудий малого калибра» (Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… С. 42). Между тем, сами защитники острога рассказывали, что в августе 1710 г. у них было всего две пушки. Об этом см. ниже.

тунскую крепость и сожгли. И в то время взяли они, калмыки, у служилых людей всякого шкарбу по цене на семдесят на пять рублев на восемдесят копеек»[65]. В конце 1714 г. кузнецкий комендант полковник Борис Акимович Синявин рапортовал в Тобольск о пленении князца белых калмыков Чапа («Чжап Шалов сын») и сообщал, «что отец его приходил под острог царского величества, что на Бие Катуне, и тот де острог разорил отец его»[66]. Из этого следует, что во время нападения Духар-зайсана на русскую крепость белых калмыков возглавлял Шал Табунов, правнук теленгетского князя Абака.

Некоторые подробности гибели Бикатунского острога имеются в показаниях казаков — участников боя, записанных в Кузнецкой воеводской канцелярии: «Пришед де ис под Кузнецка под новопостроенную Бийкатунскую крепость, и вышепомянутой князец Духар с калмыки острог осадили. И служивые люди, которые были в той Бийкатунской крепости на обереговой службе, с ними, калмыки, бились трои сутки днем и ночью. И оные калмыки, подшед под острог, башни и острог зажгли. И они де, служивые люди, из острогу чрез протоку убежали в остров и одну пушку железную, затинную, да бочку с порохом унесли с собою. А другую де пушку, медную, ис того острогу взять не успели, за разорением оных калмыков...»[67]. Эти свидетельства ценны для нас тем, что они записаны со слов участников события. Именно из них мы узнаём, что тобольские пушки так и не привезли в Бикатунский острог, а сама крепость стояла на берегу протоки, напротив какого-то острова, где и пытались укрыться казаки.

А вот как рассказывали об этих же событиях сами ойратские зайсаны русскому посланнику Ивану Дмитриевичу Чередову в ставке хунтайджи 24 февраля 1714 г.: «Ваши де в прошлых годех Томской, Красноярской, Кузнецкой, нашим людем обиды много чинили. И после де того от нас под те городы посылан был Духа[р] зайсан для розыску правды и вины. И он де розыскать не мог, и воевал — поставленной острожек на своей земле сбил. А началного человека Андрея во штидесят человеках взял и отпустил в свои городы. А из Кузнецкова в полон взял Якова головы сына вначале не с болшими людми, и тех отпустил в Кузнецкой. А что де на Бии и на Катуне в стрелке построен был острожек, и та де земля наша»[68].

Из этого документа выясняется, что ещё под Кузнецком ойраты захватили в плен сына Якова Максюкова с небольшим отрядом, а при взятии Бикатунской крепости они пленили шестьдесят её защитников, в том числе командира Андрея. На переговорах зайсаны указывали, что своих пленников Духар в знак примирения отпустил в Кузнецк. В то же время они предупреждали: «Та де земля наша, прежней поставленной острожек, [который] был, мы разорили, и ныне вновь строить не дадим»[69].

Фамилию командира, который руководил обороной Бикатунской крепости, первым назвал Юрий Сергеевич Булыгин в обширной статье, посвящённой выходу русских на реку Бию: «В 1710 г. приказчиком Бикатунского острога был Муратов, которого не было в составе строителей острога в 1709 г.»[70]. Позднее историк опубликовал и сам документ. В наказе приказчику Бикатунской крепости 1720 г. имелась фраза: «И от приходу воинских людей калмыков жить с великим опасением, не так, как прежде прикащик дворянин Муратов Бикатунскую крепость отдал калмыкам»[71]. Поскольку фамилия Муратова отсутствовала в послужном списке 1709 г., Булыгин предположил, что «в момент нападения Духара в Бикатунском остроге находились служилые люди не первого состава, а пришедшие им на смену»[72].

Попытку определить первого приказчика Бикатунского острога предпринял в 1993 г. А. П. Уманский (1923–2005). Сопоставив сведения, полученные И. Д. Чередовым в ставке хунтайджи в 1714 г., с послужным списком кузнецких служивых людей 1709 г., он высказал предположение, что «начальный человек Андрей», командовавший защитниками Бикатунского острога, «судя по всему, — дворянин (или сын боярский) Андрей Попов, названный первым в списке отличив-

---

[65] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481, ч. 4. Л. 158–158 об.

[66] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 26. Док. № 126. Л. 224 об.–264. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 77, с. 311.

[67] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 19. Док. № 31. Л. 48–53. Описание гибели Бикатунской крепости в 1710 г. (л. 51) опубл.: Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII в.: опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири. Омск, 2005. С. 105–106. Тот же текст имеется в копии 1731 г. в Архиве внешней политики Российской империи: АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731 г. Д. 2. Л. 66–66 об. Опубл.: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 8, с. 20.

[68] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 86. Л. 195–203. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 122, с. 522; РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 14.

[69] Там же.

[70] Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости... С. 17.

[71] РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 15. Цит. по: История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. Барнаул, 1991. Док. № 19, с. 29 (документ приведен по выпискам Ю. С. Булыгина). Более полный текст этого наказа опубликован в кн.: Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. Док. № 8, с. 39–41.

[72] Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости... С. 17.

шихся при сооружении Бикатунского острога и отражении врагов в 1709 г.»[73].

Спустя некоторое время исследователь познакомился с наказом приказчику Бикатунской крепости 1720 г., опубликованным Ю. С. Булыгиным, где прямо говорилось, что Бикатунская крепость отдана «калмыкам» дворянином Муратовым. На основании этого в своей новой статье Алексей Павлович изменил прежнюю точку зрения и писал, что первым приказчиком Бикатунского острога в 1709 г. был Муратов. «В этом документе, — писал А. П. Уманский, — Андрей Муратов (как и, впрочем, в переписи 1719 г.) значится кузнецким дворянином»[74]. Таким образом, найдя документальное подтверждение того, что Муратова звали Андреем, историк на этом основании соединил ойратские сведения о «начальном человеке Андрее» с упоминанием о дворянине Муратове как приказчике, сдавшем крепость. Такое отождествление вполне обосновано, если вести речь о событиях августа 1710 г. Однако А. П. Уманский перенёс этот вывод и на события 1709 г.: в Андрее Муратове он видел первого приказчика. Исследователь не обратил внимания ни на послужной список 1709 г., ни на аргументы Ю. С. Булыгина в пользу того, что Муратов был прислан в острог позднее, с пересменой.

Это противоречие попытался разрешить бийский историк и краевед Сергей Юрьевич Исупов. В его работах сообщается, что первым приказчиком Бикатунского острога летом 1709 г. был назначен кузнецкий сын боярский Андрей Попов. Затем «в мае 1710 г. гарнизонная казачья сотня была сменена аналогичным по численности отрядом во главе с сыном дворянским Андреем Муратовым»[75].

К сожалению, утверждение бийского исследователя о смене гарнизона крепости в мае 1710 г. не подкреплено никакими архивными источниками. С. Ю. Исупов приводит цитату из документа, которая, казалось бы, снимает все вопросы: «Нынешнего 1709 году июня в 18 день по указу Великого Государя Божию милостию и нашим счастием кузнецкими всяких чинов служилыми людьми Бикатунской острог со всякими крепостьми и жилыми избами построен, а в оном новопостроенном остроге оставлен кузнецкий сын боярский Андрей Попов, а с ним служилых людей сто человек, да две пушки»[76]. Однако приведённая «цитата» в самом документе звучит иначе: «И в нынешнем 709-м году июня в 18-й день по вышеписанному нашему великого государя указу и по грамоте Божию милостию, а нашим великого государя счастием, кузнецкими всякого чина людьми на реках Бии и Катуни острог со всяки[ми] крепостми и з башнями и з жилыми избами ты построил и в нем оставил кузнецкого сына боярского да с ним служилых людей сто человек, да две пушки» (док. № 16). Как видим, ни о каком Андрее Попове в источнике не говорится.

В послужном списке кузнецких казаков 1709 г. записан «дворянин Андрей Попов», но не назван Андрей Муратов[77]. Архивные документы сообщают нам некоторые биографические сведения о каждом из упомянутых кузнецких дворян.

Сам Андрей Попов в июне 1671 г. рассказывал о себе, что первоначально он находился «в Кузнецком в коной службе в иноземском выбылом месте десят лет», пока в 7185 году (1676/1677 гг.) не был «верстан в атаманы к пешим казакам». Однако вскоре, примерно в 1678 г., «по указу великого государя и по грамоте ис Сибирского приказу приверстан в Кузнецком в коную службу в десятники вместо брата моего родного Михайла Попова»[78]. В мае 1688 г. Андрей Попов упомянут как десятник конных казаков[79]. На русско-киргизские переговоры в 1702–1703 гг. из Кузнецка посылался «пеших казаков атаман Андрей Попов»[80]. Послужной список 1709 г. — наиболее поздний известный нам документ об Андрее Попове, здесь он впервые назван дворянином. К тому времени срок его службы перевалил за сорок лет. В переписи 1719 г. по городу Кузнецку он уже не значился. Необходимо отметить, что сыном боярским Андрей Попов ни в одном архивном источнике не назван. Это обстоятельство не позволяет согласиться с популярной сейчас версией о том, что первым приказчиком Бикатунского острога был дворянин Андрей Попов.

---

[73] Уманский А. П. 285 лет Бикатунской крепости… Барнаул, 1993. С. 71, прим. 19.

[74] Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… Новокузнецк, 1999. С. 7.

[75] Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… Барнаул, 2009. С. 34, 36; Исупов С. Ю. Страницы летописи города Бийска // Бийский вестник. 2009. № 1–2. С. 17.

[76] Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… С. 35. Автор ссылается на: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1665. Л. 1. Однако пересказывается другой документ из того же фонда: Оп. 5. Д. 1506. Л. 1 об.–2.

[77] А. П. Уманский считал, что в послужном списке 1709 г. перечислены «все участники сооружения Бикатунской крепости», но сам себе противоречил, называя первым приказчиком Андрея Муратова, которого нет в списке (Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 7).

[78] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 716. Л. 1071–1071 об. Цит. по: Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII в.: опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири. Омск, 2005. С. 313–314.

[79] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1071, ч. 1. Л. 69; Уманский А. П. Сибирские воеводы о событиях в Центральной Азии в конце XVII столетия // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2003. Вып. 3. С. 23.

[80] АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731 г. Л. 36–37. Цит. по: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.): документы и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 6, с. 18–19.

Хотя в отписке М. А. Овцына фамилия первого приказчика Бикатунского острога не написана, там ясно указывалось, что воевода «в нем оставил кузнецкого сына боярского». В списке 1709 г. даны отдельно дворянин Андрей Попов и кузнецкие дети боярские — 24 человека, из которых трое последних погибли в бою. По нашему мнению, первый приказчик Бикатунского острога перечислен здесь среди выживших. Фамилии их даны в списке не по алфавиту. В этой связи отметим, что первым в перечне детей боярских назван Степан Грошевской[81].

О кузнецком дворянине Андрее Муратове известно меньше, чем об Андрее Попове. Сведения о нём в документах конца XVII — первого десятилетия XVIII в. нам найти не удалось. Однако в следственном деле о пленении в 1714 г. теленгетского князя Байгорока Табунова и его побеге из Кузнецка в сентябре 1716 г. имеются упоминания о дворянине Андрее Муратове. На допросах, проводившихся в 1722 г., кузнецкие дети боярские и служилые люди сообщали, что «оного Байгорока с калмыки он, Синявин (кузнецкий воевода. — *Авт.*), приказал взять и везть в Кузнецк дворянину Алексею Муратову с служилыми людми, которой в прошлом 714 году умре»[82]. В двух других показаниях свидетелей Муратов назван Андреем, что позволяет в имени «Алексей» видеть обычную описку. Также явной ошибкой является дата его смерти — 1714 г., так как события, о которых идёт речь, происходили в сентябре 1716 г.[83] Однако из приведённого текста ясно, что к 1722 г. нашего героя уже не было в живых.

А. П. Уманский указывал, что Андрей Муратов значился кузнецким дворянином в переписи 1719 г.[84] Действительно, в переписной книге по городу Кузнецку за 1719 г. под номером 9 имеется запись: «Во дворе сын боярской Андрей Муратов сказал от рождения себе дватцети четырех лет. Дети у него: Иван полтора году. Братья у него: Андрей дватцети лет, в конной службе, Иван адиннатцети лет, Дмитрей семи лет»[85]. Возраст перечисленных братьев не позволяет ни одного из них рассматривать как приказчика первой Бикатунской крепости. Очевидно, все они — дети уже умершего дворянина Андрея Муратова, того самого, кто руководил обороной Бикатунского острога в августе 1710 г., был пленён и затем освобождён ойратами.

До сих пор не ясно, при каком воеводе произошла гибель нового форпоста. В 1710 г. Михаила Овцына в Кузнецке сменил Дмитрий Зубов. В ответе на запрос профессора Герарда Фридриха Миллера, составленном в Кузнецкой воеводской канцелярии в сентябре 1734 г., сообщалось: «Бикатунская крепость была построена в прошлом 709 году по указу блаженныя и вечно достойныя памяти его императорского величества при бытности в Кузнецку воеводы Матвея Борисова сына Зубова»[86]. На самом деле Зубова звали Дмитрием Борисовичем, среди кузнецких документов сохранились его автографы «Стольник Дмитрей Зубов»[87]. В составленном в 1711 г. в Москве перечне воевод «томского стола» имеется запись: «В Кузнецку столник Дмитрей Борисов сын Зубов. Отпущен в прошлом 710-м году февраля 24-го числа»[88]. Уже в марте 1710 г. грамоты Сибирского приказа были адресованы «в Сибирь, в Кузнецкой, столнику Дмитрею Борисовичю Зубову»[89]. Однако в то время новый воевода ещё не прибыл в Кузнецк.

Официально Зубов сменил Овцына лишь 4 сентября 1710 г. Об этом он сам писал в Москву: «В нынешнем, государь, 710-м году сентября в 4 де[нь], по твоему великаго государя указу и по грамоте из Сибирскаго приказу за приписью дьяка Ивана Чепелева, принял я, холоп твой, в Кузнетцком у прежняго воеводы у Михайла Овцына в приказной избе твою великаго государя печать, и Кузнетцкой острог, и острожныя ключи, и всякую твою, великого государя, казну, и твоих, великаго государя, грамот и всяких дел»[90].

О месте сооружения первой русской крепости на слиянии Бии и Катуни историки и краеведы высказывали различные предположения[91]. Нам известно всего четыре документа первой половины XVIII в., в которых сообщаются сведения о месте расположения острога.

Во-первых, в приведённом выше рассказе самих казаков, защищавших крепость в августе

---

[81] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1660. Л. 2. Опубл.: Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. Док. № 3, с. 31.

[82] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 26. Док. № 126. Л. 224 об.–264. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 77, с. 335. Андрей Муратов упомянут в том же документе ещё дважды (с. 336, 346).

[83] Там же. С. 349.

[84] Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 7.

[85] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 4.

[86] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481, ч. 4. Л. 155 об. И. П. Каменецкий называет Зубова Михаилом (Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII в. Омск, 2005. С. 338).

[87] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1844. Л. 8 об. и след.

[88] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2692. Л. 28.

[89] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1956. Л. 3; Д. 1961. Л. 32.

[90] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1844. Л. 8 об.

[91] Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости… С. 15; Булыгин Ю. С. 280 лет со времени основания города Бийска // Страницы истории Алтая. 1998 г.: календарь памятных дат. Барнаул, 1997. С. 56; Исупов С. Ю. К вопросу о месте сооружения Бикатунского острога 1709 года // Бийские градоначальники: исторические очерки. Бийск, 2002. С. 105–107; Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… Барнаул, 2009. С. 37–38.

1710 г., говорилось о том, что острог стоял на берегу протоки, отделявшей его от острова.

Во-вторых, в статейном списке (отчёте) русского посланника Ивана Чередова, составленном в 1714 г., упоминается, что «на Бии и на Катуне на стрелке построен был острожек». На основании этой фразы Ю. С. Булыгин определял место положения острога «между устьями Бии и Катуни на стрелке»[92]. На единственной известной нам карте, где был изображён Бикатунский острог 1709 г., знак укрепления с подписью «ostrog Katoun» также поставлен на мысу при слиянии Бии и Катуни (см. рис. 26 в главе 10). Однако нам представляется, что выражение Чередова — «на стрелке» — могло применяться в широком значении «на слиянии двух рек», а не буквально указывать на мыс, где соединяются воды Бии и Катуни. То, что острог стоял на правом берегу Бии, косвенно подтверждается сообщением кумандинцев, которые в мае 1715 г. предупреждали кузнецких служилых о концентрации ойратских войск в низовьях Бии. В документе рассказывается, что «подсмотрели де они тайно многие полатки поставлены на усть Бии и Катуни, на месте, где был преж сего поставлен по указу царского величества острог. И при тех полатках людей многое ж число, и другие к ним чрез Бию переправливаютца. А какие люди, того они не знают, а по признаку оные де люди воинские»[93]. Из контекста документа ясно, что войска переправлялись в сторону Кузнецка, то есть с левого берега Бии на её правый берег.

Третий документ — это справка Кузнецкой воеводской канцелярии 1734 г., составленная для Г. Ф. Миллера, о которой шла речь выше. В ней говорилось, что Бикатунская крепость «поставлена была на усть Бии и Катуни рек кузнецкими служилыми людми. А в 710 году приходили под Кузнецк калмыцкия люди войною и оную крепость сожгли. И вновь на том месте острог не построен. А построена выше того места в прошлом 718 году»[94].

Наконец, в описании самого Г. Ф. Миллера эти же сведения дополнены существенными топографическими подробностями: «Бикатунская крепость была основана в 1709 г. по царскому указу из Сибирской губернской канцелярии как форпост Кузнецкого уезда против калмыков и кыргызов и для большей защиты ясака с живущих в отдалении татарских народов. Она, однако, сразу же на следующий год имела несчастье быть сожженной дотла враждебными силами калмыков под предводительством калмыцкого зайсана по имени Духар после того, как она была оставлена гарнизоном из 100 казаков.

Впоследствии она была вновь построена в 1718 г. и с тех пор не подвергалась никаким вражеским нападениям. Она расположена на северо-восточном берегу реки Бии, в 6 верстах выше того места, где в нее впадает Катунь. А старые развалины первой крепости еще сегодня видны в 1 версте ниже нынешней. Таким образом, это неверно, когда из названия делают вывод о том, что крепость заложена прямо на месте слияния обеих рек. И поэтому простым людям она известна большей частью под именем Бийск или Бийская крепость»[95].

Сам Г. Ф. Миллер Бикатунскую крепость не посещал. Приведённые сведения, вероятно, были сообщены ему кем-то из местных жителей-очевидцев. Если верить этим информаторам, Бикатунский острог в 1709 г. стоял примерно в одной версте вниз по Бии от места Бийской крепости, возведённой в 1718 г. Поскольку её расположение в районе современного сквера им. Фомченко не вызывает споров у исследователей[96], Бикатунский острог 1709–1710 гг., по нашему мнению, может локализоваться примерно там, где сейчас к Бии выходит переулок Урицкого. Позднее, в 1768 г., на этом месте была возведена новая Бийская крепость, память о которой сохранилась в названии современной улицы Крепостной. В таком случае «убежавшие в остров» из горящего острога казаки в августе 1710 г., вероятно, переправились на современный остров Пекарский.

В любом случае, чтобы переплыть с берега Бии на остров, да ещё при этом спасти железную затинную пушку[97] и бочку с порохом, были необходимы лодки. Наличие их в остроге вполне вероятно, ведь укрепление стояло на берегу реки. По мнению А. П. Уманского, форпост располагал-

[92] Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской… Барнаул, 1986. С. 15.

[93] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 46; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 180–181.

[94] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481, ч. 4. Л. 155 об.

[95] РГАДА. Ф. 199. Портф. 526, ч. 2. Д. 1. Л. 14 об.–15 (рукопись на немецком яз.). Русский перевод цит. по: Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири… в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подгот. и пер. с нем. А. Х. Элерта. Новосибирск, 1996. С. 24. (Серия: История Сибири. Первоисточники, вып. 6).

[96] Сергеев А. Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975. С. 20; Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… С. 32–33; Ситникова А. От крепости — к торговой столице Алтая // Алтайский благодатный край. М., 2007. С. 200, 207.

[97] Затин — место, скрытое за оградой, внутри крепости (Затин // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка). Затинная пушка — сравнительно лёгкое орудие, устанавливающееся на стене крепости. В описи артиллерии Кузнецка за 1702 г. значатся: «пищаль затинная железная весом 2 пуда, ядро 10 золотников», «пищаль затинная медная весом пуд, ядро 10 золотников», «пищаль медная затинная весом пуд, ядро 7 золотников», «пищаль затинная железная весом 21 фунт с четвертью, ядро 7 золотников» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 611. Л. 30).

ся очень близко к воде, куда были обращены одни из ворот[98].

Документально известно, что ойраты в 1710 г. смогли взять в плен шестьдесят защитников острога. А. П. Уманский, соединив эти сведения с рассказом о бегстве на остров, писал: «В остроге в это время находилось 60 человек, остальные были «в рассылках» — собирали ясак, уехали в Кузнецк за годовым жалованьем… Здесь, на острове, все 60 русских воинов вместе с начальником А. Муратовым были пленены»[99].

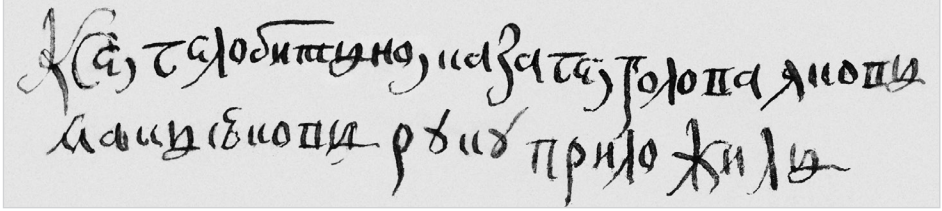
Нам представляется более вероятным, что в плен попала та часть гарнизона, которая не смогла переправиться через бийскую протоку. Казаки, переплывшие на остров с пушкой и порохом, вряд ли попали в плен. Во-первых, для нападавших важны были не пленники (которых Духар-зайсан всё равно отпустил), а уничтожение русского острожка. Во-вторых, лодки позволяли сплавиться вниз по реке и уйти от преследователей. Наконец, из показаний казаков складывается впечатление, что одну пушку (медную) они вынуждены были оставить неприятелю, а вторую (железную) всё-таки спасли. Если предложенная нами реконструкция событий верна, то к шестидесяти пленным защитникам сожжённого острога следует прибавить какое-то число «убежавших в остров», что суммарно и может составить сотню бикатунского гарнизона.

О погибших защитниках Бикатунского острога в российских документах не сообщается. Убитые в военных столкновениях, как правило, перечислялись — либо поимённо (в послужных списках), либо суммарно (в перечнях претензий к соседнему государству). Уничтожение российской крепости на устье Бии в 1710 г. неоднократно фигурировало в числе претензий к южному соседу, однако всегда речь шла только о сожжении острога, а не о гибели людей. Это позволяет предположить, что рассказ казаков об ожесточённом трёхсуточном сражении мало соответствует действительности. Возможно, безвозвратных людских потерь удалось избежать благодаря переговорам, которые привели к сдаче крепости и пленению большей части гарнизона. Косвенно в пользу предположения о ведении в 1710 г. каких-то переговоров с противником свидетельствует один из пунктов наказа, данного кузнецким комендантом Борисом Синявиным приказчику новопостроенной Белоярской крепости в 1717 г: «Будет ты своею оплошкою и нерадением оной город неприятелю, хотя с принуждением, отдашь или за какими мирными договорами без указу великого государя уступишь так, как и прежде отдан острог контайшиным калмыком на усть Бии и Катуне, и за то ты и оставшие служилые люди, которые с тобою, все казнены будут смертию в Кузнецку, не описываяся в Тоболеск» (док. № 53).

Итак, к концу первого десятилетия XVIII века в Верхнем Приобье формально сохранялась та государственная граница, которая сложилась на рубеже столетий. В отличие от кыргызских владений на Среднем Енисее, в «Телеутской землице» к концу 1710 г. не существовало русских крепостей или деревень, граница по-прежнему проходила по Берди. Попытка закрепиться на устье Бии закончилась военным поражением. Если степи Хакасии после 1703 г. опустели, то на правобережье Оби население оставалось на своих прежних кочевьях. Однако официальные русско-теленгетские контакты в это время постепенно прекращаются. Последнее известное по документам русское посольство к теленгетам состоялось в 1705 г.[100] После этого сибирские власти уже не рассматривали теленгетскихих князей как самостоятельных правителей, все вопросы приграничных взаимоотношений решались на переговорах с представителями ойратского хунтайджи.

Итогом истекшего десятилетия стали не территориальные приращения России в верховьях Оби, а ужесточение государственной политики в регионе. Во взаимоотношениях с южными соседями приоритет стал отдаваться силовым методам в ущерб дипломатическим; началась реализация планов по продвижению к истокам великих сибирских рек Оби и Енисея.

[98] Уманский А. П. 285 лет Бикатунской крепости… С. 69.
[99] Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 9.
[100] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1961. Л. 25 об.; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 171–172.



Автограф Якова Максюкова: «К сей челобитной казачей голова Яков Максюков руку приложил». 1704 г.

Документ № 14

1708 г. февраля 20. **– Указ из Сибирского приказа стольнику М. А. Овцыну, ранее направленному в Абаканский острог, с предписанием ехать в Кузнецк и принять дела у прежнего воеводы Осипа Качанова**[101]

(л. 6) От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в Сибирь, стольнику нашему Михайлу Алексеевичю Овцыну.

В нынешнем 708-м году генваря в 23 де[нь] по нашему великого государя указу велено тебе ехать в Красноярской. А приехав, новопостроеной Абаканской острог осмотреть, и описать, и учинить чертеж, на которой реке и при каких угодьях он поставлен; и что в нем служилых людей, и какова строения, и воинских всяких, и хлебных припасов; и сколько мочно пашенных крестьян населить. И что ясачных людей по имяном, и с них по чему ясаку на год збираетца, и у того збору хто имяны служилые люди. И тех иноземцов допросить: от тех посылщиков не было ль какова им разорения и воинских каких воро[в]ских приходов. И учиня статейной список, прислать к Москве.

И февраля в ___ де[нь] по нашему ж великого государя указу /в Красноярской ездить тебе не велено/, а велено {тебе} ехать в Кузнецкой. А приехав, у прежняго воиводы у московского дворянина у Осипа Качанова принять город, и городовые и острожные ключи, и всякую нашу, великого государя, казну. И во всем иво, Осипа, счесть. А что начтено будет, доправить, и во всем с ним росписатца. И ево, Осипа, отпустить в Томской по-прежнему.

А город Кузнецкой и служилых и всяких чинов людей судом и росправою {тебе} (// л. 6 об.) ведать до нашего, великого государя, указу. И о всем чинить по наказным статьям, каковы даны прежним /кузнецким/ воеводам из Сибирского приказу за дьячьею приписью. И о том к нему, Осипу, наш, великого государя, указ послан. {И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б чинил по выше писанному нашему великого}. Велено ему {Осипу} отдать тебе в Кузнецку в приказной избе нашу, великого государя, печать {Кузнецкого острогу} и острог, и острожные ключи, и на остроге наряд, и в нашей, великого государя, казне денги, и зелье, и свинец, и пушечные, и хлебные запасы, и мяхкую всякую рухлядь, и приходные и росходные книги {деньгам и хлебу, и мяхкой рухляди, и всяким запасом}, и наши, великого государя, грамоты, и всякие дела, и воевоцкие наказы. И что какой нашей, великого государя, казны на него взочтено будет {и то все велено ему отдать} сполна.

А отдав нашу, великого государя, денежную и соболиную казну, и хлебные, и пушечные всякие запасы, и наши, великого государя, дела, и что на нем {взочтено} /по счету взято/ будет, и с тобою во всем росписався, ехать ему ис Кузнецка в Томской по прежнему. А наших, великого государя, грамот и никаких дел, и наказу, каков ему, /Осипу/, дан из Сибирского приказу за дьячьею приписью, ис Кузнецкого ис приказные избы имать ему с собою увозить (// л. 7) не велено, чтоб в том нашим, великого государя, делам впредь порухи не было.

И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б о всем чинил по вышеписанному нашему, великого государя, указу. А что учинено будет, о том к нам, великому государю, писать. А отписку велеть подать в Сибирском приказе генеральному /нашему/ президенту и московскому каменданту, и сибирских правинцей судие князю Матвею Петровичю Гагарину с товарыщи.

[*Другим почерком*:] Писан на Москве лета 1708-го февраля в 20 де[нь]

[*Другим почерком*:] Припись дьяка Ивана Чепелева.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1265. Л. 6–7. Черновой отпуск. Публикуется впервые.

Документ № 15

1708 г. марта 5. **– Государева грамота из Сибирского приказа кузнецкому воеводе М. Овцыну о строительстве острога на Бии и Катуни**

(л. 10) От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в Сибирь, в Кузнецкой, стольнику нашему и воеводе Михаилу Алексеевичю Овцыну.

В нынешнем 1708 году, февраля в 29 день указали мы, великий государь, Кузнецкого уезду на реках Бии и Катуни в пристойном месте для збору нашей великого госуда-

[101] В фигурных скобках при публикации даются слова и фразы, зачёркнутые в документе. В косых скобках помещены авторские вставки при редактировании документа. В квадратных скобках заключены пояснения составителей.

ря ясашной казны и к селению пашенных крестьян построить острог со всякими крепостьми. А хлебные запасы припасть для той посылки, и впредь по вся году на дачю в том остроге служилым всяких чинов людем на окладные и на неокладные росходы посылать ис Кузнецка сколько какова хлеба в год доведетца с кузнецкими ж посылщики, чтоб без присылки хлебных припасов тому строению остоновки и впредь в нем живущим людем в даче в оклады и на неокладные росходы оскудения отнюдь не было.

А для того острожного строения и надсмотру над служилыми людьми и над пашенными крестьяны послать ис Кузнецка сына боярского, да с ним служилых людей. И впредь в том остроге для збору нашей великого государя ясашной казны начальным человеком, и на житье служилых людей оставить сколько человек пристойно по твоему разсмотрению. И в том острожном строении показать им службу свою и прилежное радение, чтоб со всякими крепостьми тот острог для збору нашей великого государя ясашной казны и от приходу воровских калмыцких и киргизских воинских людей построить в неомедленном времяни. И, построя тот острог, ведать в Кузнецку тебе, Михаилу.

А для строения того острогу дать /тем служилым людем/ нашего великого государя жалования на год – денежные, и хлебные, и соляные их (// л. 10 об.) полные оклады из московской присылки и ис кузнецких доходов. А как острог построен будет, и за то строение пожалован ты будешь нашим великого государя жалованьем. А которые служилые люди в том остроге на житье оставлены будут, чтоб они к городовому делу были заобычны и со всякими воинскими припасы и с хлебными запасы.

Да в Кузнецку ж наш великого государя указ сказать – буде казачьи дети, и братья, и племянники, и иные свойственники похатят на ту службу итить, или в том новопостроеном остроге жить охотою, и они б шли и служили, и в том остроге домами своими селились, а нашего великого государя жалованье дано им будет против иных городов служилых людей.

А буде в Кузнецку за малолюдством служилых людей вышеписанного острогу построить будет немочно, и о прибавке для строения ратных людей писать к нам, великому государю, к Москве в Сибирской приказ. А томским воеводам тебя, Михаила, ведать ни в чем не велено.

А Осипа Качанова, счетчи, прислать к нам, великому государю, к Москве.

И о том в Томской к стольником и воеводам к Григорью Петрову Солового с товарыщи, {что тебя, Михаила, ведать ни в чем не велено} наша великого государя грамота послана.

И как к тебе ся наша великого государя грамота придет и ты б о строении вышеписанного острогу и о всем (// л. 11) чинил по вышеписанному нашему, великого государя, указу непременно. А что учинено будет, о том к нам, великому государю, писал, а отписку велел подать в Сибирском приказе генеральному нашему президенту и московскому каменданту и сибирских провинцей судие, князю Матвею Петровичю Гагарину с товарыщи.

Писан на Москве, лета 1708-го, марта в 5 день.

Припись дьяка Ивана Чепелева.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1265. Л. 10–11. Черновой отпуск.

Ранее опубликовано: Бийская крепость – город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. Док. № 1, с. 26–27.

Документ № 16

1709 г. ноября 8. **– Государева грамота из Сибирского приказа кузнецкому воеводе М. Овцыну о подготовке чертежа Бикатунской крепости, посылке пушек и с одобрением строительства острога**

(л. 1) От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в Сибирь, в Кузнецкой, стольнику нашему и воеводе Михаилу Алексеевичю Овцыну.

В нынешнем 709-м году ноября в __ день писал ты к нам, великому государю, а в отписке твоей написано:

В прошлом де 708-м году сентября[102] в 30-й день по нашему, великому государя, указу и по грамоте из Сибирского приказу велено тебе Кузнецкого уезду на реках Бии и Катуни в пристойном месте для збору нашей великого государя ясашной казны и к селению пашенных крестьян построить острог со всякими крепостьми. А хлебные припасы для той посылки и впредь по вся годы на дачю в том остроге служилым всяких чинов людем на окладные и на неоклад-

[102] В издании 2009 г. ошибочно: января.

ные росходы посылать ис Кузнецка сколько какова хлеба в год доветца {кузнецкими ж посыльщики}, чтоб без присылки хлебных припасов тому строению остоновки и впредь в нем живущим людем в дачю в оклады и на неокладные росходы оскудения не было.

И для того острожного строения и надсмотру над служилыми людьми и над пашенными крестьяны послать ис Кузнецка сына боярского да с ним служилых людей. И впредь в том остроге ж для збору (// л. 1 об.) {нашей великого государя} ясашной казны начальным человеком и на житье служилых людей оставить сколько человек пристойно. А чтоб тот острог со всякими крепостьми {для збору нашей великого государя ясашныя казны} от приходу воровских воинских людей построить в неомедленном времени.

А, построя {тот острог}, ведать тебе.

А которые служилые люди в том остроге на житие оставлены будут, чтоб они к городовому делу были заобычны и со всякими воинскими припасы и хлебными запасы.

{Да в прошлом ж де 708-м году ис Кузнецка на реки Бии и Катуни для остроения острога кузнецкие служилые люди за дальним ростоянием и за зимним путём и за опасением воинских воровских людей по вестям не посланы}.

И в нынешнем 709-м году июня в 18-й день по вышеписанному нашему, великого государя, указу и по грамоте Божию милостию, а нашим, великого государя, счастием кузнецкими всякого чина людьми на реках Бии и Катуни острог со всяки[ми] крепостьми и з башнями и з жилыми избами ты построил и в нем оставил кузнецкого сына боярского (// л. 2) да с ним служилых людей сто человек, да две пушки и порох, и ядра, и свинец. А достальные служилые люди, которые посыланы были {на нашу великого государя службу} для того строения, в Кузнецкой пришли в сохранении. А /ныне в Кузнецку и в новопостроенном остроге/ за малолюдством всяких чинов людей от приходу воинских воровских людей {в Кузнецку и в новопостроенном остроге} быть опасно.

А вышеписанному острожному строению чертеж и пашенной земле, и сенным покосом, и рыбным ловлям, и всяким зверовым угодьям описные книги и, памятной список зделав, {пришлешь копию} к нам, великому государю, к Москве /пришлешь впредь/ с нарочным посыльщиком.

И для обережения Кузнецкого города и новопостроенного Бии и Катунского острога от приходу воинских людей и о селении в том новопостроенном остроге всяких чинов людем сверх кузнецких жителей, о присылке из ыных городов всяких чинов людей и о пушках, и о всяком ружье, и о пороху, и о свинце, чтоб наш, великого государя, указ чинить (// л. 2 об.) {и мы, великий государь, указали за строение новопостроенного Бии и Катуни острога тебя милостива похваляем жалуем}.

И ноября в __ день по нашему, великого государя, указу послан в Тоболеск к ближним нашим боярину и воиводам, ко князю Михаилу Яковлевичю да к стольнику ко князю Алексею Михаиловичю Черкаским, и к дьяку наша, великого государя, грамота. Велено для опасения воинских воровских людей послать ис Тобольска в Кузнецкой и в новопостроеной вышеписанной острог пять пушек чюгунных и к ним ядер и пороху, и свинцу по их, ближних боярина и воевод, разсмотрению с кузнецкими служилыми людьми, которые присланы будут впредь 710-м году за ясачною казною.

И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, а ис Тобольска в Кузнецкой пушки и ядра, и порох, и свинец присланы будут, и ты б велел принять и в приход записать имянно. И от приходу воровских воинских людей в Кузнецку и в вышеписанном построенном остроге жить, и всяких чинов служилым людем и грацким жителем жить велеть с великим опосением.

А что ты к нам, великому государю, (// л. 3) Михаило, в вышеписанной своей отписке писал, что по нашему, великого государя, указу и по грамоте на устье Бии и Катуни для збору нашей великого государя ясачной казны и от приходу воровских воинских людей построил острог в неомедленном времени со всякими крепостьми, и то учинил ты добро.

Писан на Москве лета 1709 года, ноября в 8-й день.

Припись дьяка Ивана Чепелева

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1506. Л. 1–3. Черновой отпуск.

Ранее опубликовано: Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. Док. № 4, с. 32–33.

Глава 8

Первый сибирский губернатор и изменение политики России на южных рубежах Западной Сибири (1711 — весна 1714 года)

Решительное продвижение России к истокам Оби и Иртыша связано с именем первого сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина (1658–1721). В январе 1706 г. он, будучи московским комендантом, одновременно был назначен руководителем Сибирского приказа, располагавшегося в Москве[1]. О намерении разделить страну на губернии Пётр I объявил указом в 1708 г.[2] Тогда же столичный Сибирский приказ был преобразован в Московскую канцелярию Сибирской губернии. Именным указом от 6 марта 1711 г. руководителя этого ведомства князя М. П. Гагарина велено было «писать» сибирским губернатором[3]. В годы своего правления (1711–1718) он находился в разъездах между Сибирью, Москвой и Санкт-Петербургом. В Тобольске Гагарин бывал, по-видимому, трижды: с 8 октября 1712[4] по конец декабря 1713[5], с 29 декабря 1714[6] по 14 января 1715[7] и с 2 мая 1716[8] до 11 января 1718 г.[9] Все три раза М. П. Гагарин уезжал из Тобольска в столицу в конце декабря — начале января, что можно объяснить складывавшейся практикой Петра I «собирать на святках губернаторские съезды, занимавшиеся наиболее важными, так сказать, учредительными вопросами губернского хозяйства»[10].

---

[1] Акишин М. О. Гагарин Матвей Петрович, князь (1658–1721) // Власть в Сибири. XVI — начала XX века. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2005. С. 511–512.

[2] ПСЗ РИ-1. СПб., 1830. Т. 4: 1700–1712. № 2218, с. 436–438.

[3] Акишин М. О. Гагарин Матвей Петрович, князь (1658–1721)... С. 513 (автор ссылается на: РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Кн. 2. Л. 55, 456). В том же деле (на листе 9) хранится указ Петра I о назначении смоленским губернатором П. С. Салтыкова, киевским — Д. М. Голицына, сибирским — М. П. Гагарина, казанским — П. М. Апраксина; архангелогородским вице-губернатором — А. А. Курбатова. По сведениям составителей выставки «Губернии в России при Петре Великом (300-летие первой губернской реформы в России)» этот указ датирован 6 марта 1710 г. (http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/gubernii300-kat.shtml).

[4] Сибирский летописец: летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденная в Тобольске / с предисл. Е. В. Кузнецова. Тобольск, 1892. С. 43; Кузнецов Е. В. Сибирский летописец: сб. ст. / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1999. С. 106–107.

[5] Сибирский летописец... С. 43–44. Своим письмом от 8 ноября 1713 г. Пётр I вызвал Гагарина в столицу «к половине генваря или к первым числам февраля» 1714 года (Бумаги императора Петра I / сост. А. Бычков. СПб., 1873. Док. № 53, с. 154).

[6] Сибирский летописец... Тобольск, 1892. С. 44; Кузнецов Е. В. Сибирский летописец... Тюмень, 1999. С. 107. В письме от 30 октября 1717 г. М. П. Гагарин вспоминал, что «в 714-м году в декабре месяце прислан великого государя именной указ... чтоб мне ехать к Москве», а Сибирской губернией временно ведать Ивану Бибикову. «И в 716-м году генваря 2 дня послан имянной его величества указ к Ивану Бибикову, что в Сибири по прежнему велено быть губернатором мне, князю Матвею» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 145 об.). Указ Петра I от 7 декабря 1714 г. о немедленном приезде Гагарина в Петербург с ведомостями о состоянии губернии опубл.: Бумаги императора Петра I... Док. № 54, с. 154. Очевидно, указ был прислан в Тобольск не в декабре, как вспоминал Гагарин, а в январе, незадолго перед отъездом губернатора.

[7] Сибирский летописец... Тобольск, 1892. С. 44; Кузнецов Е. В. Сибирский летописец... Тюмень, 1999. С. 107; Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей Земли российским оружием; при том же и записка о находившихся в Тобольске губернаторах до прибытии господина генерала майора Киндерманна. Писана в Тобольске 1745 году. С. 129. Опубл.: American memory [Электронный ресурс] / The Library of Congress. URL: http://memory.loc.gov/service/ndlpcoop/mtfxtx/txg/g349606048/0135.jpg (01.08.2015).

[8] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 26. Л. 461 об. (см. док. № 31). Предшествующее письмо от 21 марта 1716 г. было написано Гагариным ещё в Москве (там же, л. 459 об.). В рукописной «Сибирской истории с самого открытия Сибири...» (с. 129) приезд губернатора в Тобольск датирован 21 мая 1716 г., что явно ошибочно.

[9] «Сибирская история с самого открытия Сибири...» сообщает: «В 718 году по указу, паки взят в Санкт-Питербурх к следствию, в Тоболску оставил по себе того ж году генваря 8 дня того ж обер-каменданта Семена Карпова» (с. 129). Но в копии указа красноярскому коменданту Зубову, сохранившейся в бумагах Г. Ф. Миллера, написано: «сего 1718 году генваря 11 дня приказал по отъезде своем губернатор Сибири князь Матвей Петрович обор коменданту Семену Прокопьевичю Карпову быть в Тобольске и управлять во всей губернии всякие государевы дела» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 114. Л. 230).

[10] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Вели-

Ганноверский резидент при русском дворе Фридрих Христиан Вебер, проживавший в Санкт-Петербурге с 1714 по 1719 год и лично знакомый с Гагариным, в своих записках сообщал, что сибирского губернатора трижды «в 1715, 16 и 17 годах вызывали в Петербург»[11]. В других известных нам источниках об отъезде Гагарина из Тобольска в 1716 г. не упоминается.

Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении русским документам, в течение почти трёх лет после сожжения Духар-зайсаном Бикатунского острога сибирские власти не выражали никаких протестов ойратскому правителю. Как ни странно, потеря крепости на Бии не привела к резкому ухудшению русско-ойратских отношений. Показательно, как сам М. П. Гагарин в письме канцлеру Г. И. Головкину от 30 августа 1712 г. характеризовал Цэван-Рабдана: «У него ссора с китайским (императором. — *Авт.)*, а с нами в миру он. Бывают и у нас ссоры с порубежными ево людьми, но надобно нам, государь, зело того беречь, чтоб не был тот калмыцкой владелец контайша разорен от китайского и согнан с тех мест». Ознакомившись с мнением М. П. Гагарина, Сенат 26 ноября также констатировал: «Он, контайша, царскому величеству примирителен»[12].

До приезда М. П. Гагарина в Тобольск осенью 1712 г. посольские отношения между столицей Сибири и Ургой — кочевой ставкой хунтайджи — на длительное время были приостановлены. В десятилетнем интервале с 1703 по 1713 г. историки не сообщают ни об одном обмене послами[13]. Ойратские послы появляются в Тобольске в первой половине 1713 г. Не исключено, что их отправка была связана с поступлением в Ургу сведений о первом прибытии в Сибирь губернатора Гагарина. Известны имена посланцев хунтайджи: Лоузан и Деркем, однако в архивной справке первой половины XVIII в. отмечалось: «Зачем и куда приезжали, и с чем отпущены, не изъяснено, и в ведомостях сибирских ничего не написано»[14].

В июне 1713 г. вместе с возвращавшимися к Цэван-Рабдану послами М. П. Гагарин отправил в Ургу тарского казачьего голову Ивана Дмитриевича Чередова. Он должен был передать ойратскому правителю письмо от сибирского губернатора и провести переговоры по спорным вопросам приграничных взаимоотношений. В «листе», который вёз И. Д. Чередов, затрагивалось несколько вопросов, относящихся к различным межгосударственным проблемам (док. № 17).

В первую очередь речь шла о сборе албана с населения Барабинских волостей, о которых писалось, что они «платят искони ясак его царскому величеству». Губернатор требовал, чтобы Цэван-Рабдан прекратил сбор дани с барабинцев.

Другие претензии касались нападений «контайшиных людей» на Кузнецкий уезд. В связи с этим, возможно впервые, в российско-ойратской переписке был поднят вопрос об уничтожении в 1710 г. Бикатунского острога: «Також город его царского величества Бий-Катун, которые на реках Бий и Катуне простроен, и тот город калмыцкие люди разорили. Чтоб Эрдени Жюрыхты контайша велел про то бы розискать и винным бы велел учинить указ и оборонь тем, которыя то учинили».

В специальной инструкции («наказе») Чередову разъяснялось: «А ежели контайша будет говорить о барабинцах или о иных иноземцах, також и о остроге, которой на Бии и Катуне, которой люди его разорили, что они на их землях, и ему, Ивану, ответ чинить: Барабинцы живут на земли его царского величества; також и город тот построен на земли ж царского величества, потому что те земли на сибирских реках его царского величества»[15].

В этом документе, предназначенном для посланника, Матвей Петрович Гагарин, по-видимому, впервые, сформулировал тезис, который вскоре был положен в основу всех территориальных притязаний России на юге Сибири. Большинство крупных рек этого региона берут начало в южных горах и текут на север. Нижнее течение Иртыша, а также нижнее и среднее течение Оби и Енисея были присоединены к Русскому государству в XVII в. Верхние бассейны этих рек к началу второго десятилетия XVIII в. находились за пределами российских владений. Теперь же, по инструкции Гагарина, посол должен был заявить, что реки — сибирские, то есть от устья до истоков принадлежат России; следовательно, и зем-

кого. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 381–382. Ещё в 1710 г. Пётр I писал Гагарину: «Будучи на Москве, объявлено вам, дабы по исправлении дел в губерниях съезжатца вам паки всем в одно место. И ныне положили мы, что съезду быть в Санкт-Питербурхе. Того для надобно вам приезжать сюда к празднику Рождества Христова, со всякими ведомостьми своей губернии» (Бумаги императора Петра I … Док. № 30, с. 137; док. № 37, с. 142).

[11] Записки Фридриха Вебера о Петре Великом // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1144. Опубл.: http://adjudant.ru/lib/rus_archive_1872-06.htm (01.08.2015).

[12] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1729 г. Д. 8. Л. 57–57 об. Цит. по: Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. Док. № 83, с. 230–231.

[13] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 336–341; Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: очерк внешнеполитических отношений. Барнаул, 1998. С. 14–17; Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.). Барнаул, 2008. С. 73–77.

[14] РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 13.

[15] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 86. Л. 195–203. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 122, с. 517.

ли, прилегающие к верховьям сибирских рек, тоже принадлежат России.

«А ежели он станет говорить, что он, контайша, кочует на тех землях, и ему отповедь чинить на то слово: многие иноземцы кочуют и не подданные на землях царского величества под городами Астраханью, и Самарою, и Царицыным, и под иными многими городами его царского величества, а своею землею николи не называют и ссоры с людми царского величества те иноземцы никогда не чинят»[16].

Таким образом, Чередов должен был объявить хунтайджи, что земли Верхнего Обь-Иртышья, на которых западные монголы и их подданные кочевали уже не одно столетие, принадлежат русскому царю, поскольку находятся в верховьях сибирских рек.

27 октября 1713 г. посол прибыл в Ургу, а 21 ноября он был принят Цэван-Рабданом. Тогда всё ограничилось дипломатическим церемониалом, лист Гагарина был передан монгольской стороне. Переговоры начались лишь в конце февраля 1714 г.[17], причём в них участвовал не сам правитель, а его приближённые.

По поводу сбора дани с Барабинских волостей зайсаны ответили Чередову: «Барабинцы де, сказали, из-за лами его, контайшины, ясашные люди подлинные издавна», а русские после основания города Тары с них ясак «стали брать насилно»[18].

Об уничтожении Бикатунского острога русскому послу заявили, что зайсан Духар «поставленной острожек на своей земле сбил. <…> И та де земля наша». Судя по статейному списку (отчёту о поездке) Ивана Дмитриевича Чередова, тезис о принадлежности России сибирских рек на всём их протяжении посол так и не озвучил[19]. Он ограничился общим утверждением, что ойраты, как и жители Поволжья, кочуют «на землях царского величества». На это зайсаны отвечали просто и ясно: «Которые иноземцы кочуют между городами царского величества, и они де как хотят. А мы де кочуем на своей земле, и та де земля наша из давных лет»[20].

21 марта 1714 г. И. Д. Чередов отправился в обратный путь. Вместе с ним ехали ойратские послы «Эрке Тасурхай, Гендун, Деркем»[21]. В середине октября Чередов прибыл в Тобольск. К тому времени в столице Сибири губернатора М. П. Гагарина уже не было. Как свидетельствует тобольский летописец, «во 1714 году генваря в 1 день оной губернатор по указу поехал ис Тоболска в Санкт Питербурх»[22].

Во время своего первого пребывания в Тобольске в качестве сибирского губернатора (октябрь 1712 — декабрь 1713) М. П. Гагарин проя-

---

[16] Там же. С. 517–518.

[17] В опубликованном тексте копии (там же, с. 522) названо 29 февраля, однако 1714 г. не был високосным.

[18] Там же. С. 522. В грамоте М. П. Гагарина Цэван-Рабдану от 27 февраля 1715 г. приведена цитата, которая, возможно, ближе к первоначальному тексту ойратского ответа: «Барабинцы де шапки носят с залами, искони вечно люди его» (док. № 22). В других копиях и выписках 1730-х гг. эта же фраза написана иначе: «Барабинцы с касами и з залами контайшины ясашные люди издавна» (РГАДА. Ф. 113. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 13 об.); «Барабинцы шапки с солами носят и косы» (АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 97–100. Цит. по: Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2004. С. 145. Фразу «шапки с солами» Олег Валерьевич Боронин пояснял: «т. е. с опушкой»). Два позднейших варианта, где рассказывается о косах, позволили Римме Арнольдовне Кушнерик сделать вывод, что ойратские зайсаны апеллировали к этнографии: «Барабинцы, как и ойраты-кочевники, носили косы и такие же примерно головные уборы» (Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения… С. 78).

[19] В архивной справке «О первой посылке Чередова х контайше от Гагарина», выполненной в Коллегии иностранных дел в 1730-х гг., где дан пересказ статейного списка И. Д. Чередова, имеется фраза: «Тот Чередов по наказу в бытность у него (контайши. — *Авт.)* предлагал: … 3. Чтоб калмык, которые российской город, бывшей меж Бии и Катуни рек разорили, дать оборон. А тот город был построен на земли российской, потому что та земля лежит на сибирских реках» (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 13–13 об.). Однако в тексте самого статейного списка, скопированного в Тобольске для Г. Ф. Миллера, посол о таких своих речах не писал (Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 122, с. 520–527).

[20] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 86. Л. 195–203. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века… СПб., 1882. Док. № 122, с. 523.

[21] Там же. С. 523. В той же копии Г. Ф. Миллера послы названы: «Эрке Тасурхай да Денгуй».

На допросе, проведённом в Тобольске 30 октября 1714 г., один из посланцев сказал: «Породою де он бухаретин, а зовут де ево Деркень Мегреев. Послан де он… с прежде приежжими посланцы Эрке Терсохое да Гендул Дундуковов в товарищах» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 68. Л. 174).

М. П. Гагарин называл их «посланники зайсан Ерке Тарсахой, Гендул Дундуков», о Деркеме он не упоминал (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 56. Л. 154–157. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 47, с. 173).

В архивной выписке 1730-х гг., составленной на основании статейного списка И. Д. Чередова, сообщается: «И для старых дел посланы в Тоболск Эрке Тасурхай, Гендун, Деркем, которые с ним, Чередовым, были и присланы в 1714-м году» (РГАДА. Ф. 113. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 14).

В. А. Моисеев трактовал имена послов иначе: «Эрке-Тосум-хан и Гендун-Дондук» (Моисеев В. А. Джунгарское ханство в XVIII веке: очерк внешнеполитических отношений. Барнаул, 1998. С. 18).

Р. А. Кушнерик указывает, не называя источника, что с Чередовым «в Тобольск прибыли ойратские послы Эрке-Томсохай, Гендун-Дондуков и Гендун-Еркем» (Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения… С. 78).

[22] Сибирская история с самого открытия Сибири… [Тобольск,1745]. С. 128.

вил интерес к азиатскому золоту, которое изредка привозили в столицу Сибири из соседних стран. Уже в 1712 г. тобольские жители Степан Третьяков и его тесть Игнатей Заровнятной «отнесли губернатору князю Гагарину в презент» отлитые из золота «личину звериную» и человеческую фигурку «с крыльем». Общий вес драгоценного металла в добровольном подношении вновь прибывшему губернатору составлял около 244 золотников, то есть немного более килограмма.

Оба изделия были выполнены тобольским сыном боярским Григорием Сыромятниковым из «песошного золота», но для изготовления «человеческой персоны» мастеру передали «в прибавку китайского золота целую коробку»[23]. «Коробчатое» китайское золото было известно в России в начале XVIII в.[24] Так называли добываемый в Китае золотой песок, который там упаковывали в небольшие коробочки. Каждая из них содержала около 72 золотников (примерно 307 граммов) драгоценного песка[25]. Тобольские ювелиры начала XVIII в. отличали «китайское коробошное золото» от «песошного золота», добываемого в Бухарии. Третьяков про оба вида золотого песка, переданного Сыромятникову, сообщал: «А то золото купил в том же 712-м году у бухаретина. А которой Бухарии и как ему имя, того он сказать не знает, потому что не спрашивал. А дал за выше помянутое золото денег 300 рублев. А оной бухаретин ему, Степану, сказывал, что де то золото песошное китайского владенья города Селима»[26]. Большой и Малой Бухариями в то время в России именовали Западный и Восточный Туркестан[27]. Селимом российские купцы, по-видимому, называли пограничный китайский город Сучжоу (совр. Цзюцюань)[28].

Первые сведения о золотом песке, который иногда привозили бухарские купцы, вероятно, сообщил губернатору обер-комендант Тобольска Семен Прокофьевич Карпов. Позднее он вспоминал: «Губернатор де князь Гагарин в бытность свою в Тоболске про песошное эркецкое золото, где ево промышляют, у него спрашивал. И он ему сказал: „Как де были контайшины посланцы в Тоболску, и те посланцы сказывали ему, что такое золото есть, и промышляют за Эркетем“»[29]. По-видимому, именно после этого разговора продававшийся в Тобольске золотой песок стал ассоциироваться у Гагарина с дотоле неведомым городом Эркетем — современным Яркендом (Шачэ) на северо-западе Китая.

«Как приехол я в Тоболеск, увидел в продаже песошное золото, — рассказывал Гагарин в Сенате в 1719 году. — И зоветца оное эркецкое. И сказали мне о нем, что то самородное золото, и промышляют его под Эркетем...» (док. № 68).

Губернатор попытался точнее узнать о происхождении золотого песка. Он приказал тобольскому татарскому голове Сабанаку Азбакееву «сыскивать, кто знает о песошном золоте». «И по тому ево приказу, — рассказывал позднее С. Азбакеев, — спрашивал он у татар, которые живут близ Тоболска. И сыскал эркецкого жителя, которой прежде был у бухарского хана боярином, Алим-бека. И губернатор ево о песошном золоте, где ево промышляют, спрашивал. И боярин ему сказывал, что такое золото есть под Эркетем в реке»[30]. Так Матвей Петрович Гагарин узнал, что в Малой Бухарии действительно ведётся добыча драгоценного металла.

Восточный Туркестан, или, как его называли в России в XVIII в., Малая Бухария — историко-географическая область Центральной Азии, расположенная в современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. Область географически обособлена от соседних регионов Центральной Азии горными хребтами: на севере Восточным Тянь-Шанем, на юге Западным Кунь-Лунем и другими хребтами Гималайских гор. В центре образовавшейся котловины лежит пустыня Такла-Макан. Это бассейн внутреннего стока. Бегущие с гор потоки частью теряются на равнине в песках, частью впадают в реку Тарим, которая несёт свои воды в солёное озеро Лобнор. Наиболее удобны для проживания места близ рек у подножия гор. В таких оазисах издавна существовали города: к северу и востоку от песков Такла-Макан — Аксу, Куча, Карашар (Чалыш), Турфан, Хами (Комул); вдоль западной и южной кромки пустыни — Кашгар, Яркенд, Хотан, Керия (рис. 19).

С древнейших времён через эти города пролегали торговые маршруты азиатских купцов. Дороги через Комул, Турфан, Яркенд и Кашгар являлись частью Великого шёлкового пути. Ко времени монгольских завоеваний население Восточного Туркестана в основном состояло из тюркоязычных уйгуров. В религиозном отношении,

[23] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 502–502 об.

[24] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 840. Л. 1. Цит. по: Болотина Н. Ю. «Еду я для торговаго своего промыслу». Китайские товары в России XVIII в. // Исторический архив. 2006. № 4. Док. № 2, с. 180.

[25] Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 25.

[26] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 502.

[27] Кадырбаев А. Ш. Эволюция историко-географических и этнических названий Центральной Азии в российско-советской, западной, китайской и иранской историографии [Электронный ресурс] // Иран-намэ. Алматы, 2008. № 2 (6). С. 237. URL: http://www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%202008%20(2).pdf (01.08.2015).

[28] Подробнее об этом см. в главе 10.

[29] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 471 об.

[30] Там же. Л. 472.

Рис. 19. Древние города Восточного Туркестана XVII в.

наряду с манихейством, здесь были представлены шаманизм, буддизм, ислам и христианство несторианского толка.

С начала XVI в. происходила активная исламизация этого региона, связанная с политическими изменениями — возникновением в Восточном Туркестане Могольского государства во главе с ханами из рода чагатаидов-туглуктимуридов, считавшегося одной из ветвей потомков Чингисхана. Основателем новой династии могольских правителей Восточного Туркестана был Султан-Саид-хан[31]. В уйгурских источниках XVII в. государство называется «Мамлакат-и Могулийе» (дословно «Страна Могулия»), в исторической литературе XX в. — «Могулия», «Саидия», «Кашгария», «Яркендское ханство»[32].

Потомки Саид-хана правили в городах Восточного Туркестана, воевали друг с другом, в периоды усиления своей власти подчиняли непокорных родственников и становились ханами всего государства. На фоне внутренних междоусобиц и внешних вторжений политическая ситуация в XVI–XVII вв. менялась с калейдоскопической быстротой. Общей тенденцией в это время стало усиление роли мусульманских ходжей (духовных лидеров). Процесс исламизации населения также сопровождался расколом и противоборством двух разновидностей суфизма — «актаглик» (белогорцы) и «каратаглик» (черногорцы). Центром первого религиозного течения стал Кашгар, второго — Яркенд.

В начале 1670-х гг. правитель Яркендского ханства Исмаил-хан, опасаясь усиления политического влияния жившего в Кашгаре ходжи Апака, заставил его покинуть Восточный Туркестан[33]. После вынужденных странствий беглец попал в Тибет, где мусульманский вероучитель смог заручиться поддержкой далай-ламы.

[31] Покровская Л. А. Тарих-и Кашгар // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. 1973. С. 218.

[32] Акимушкин О. Ф. Шах Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника. М., 1976. С. 13, прим. 1; Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994. С. 239, прим. 17.

[33] Нарынбаев А. И. Реакционная роль суфизма в Восточном Туркестане [Электронный ресурс] // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы = Manas Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2003. № 7. С. 204–208. URL: http://yordam.manas.kg/ekitap/pdf/Manasdergi/sbd/sbd7/sbd-7-17.pdf (20.03.2014). По сведениям автора, Исмаил-хан изгнал Апака «в начале апреля 1670 г.».

Буддийский первосвященник отправил его к правителю ойратов с письмом, в котором содержалась просьба утвердить Апака в Кашгаре и Яркенде. Галдан, пользуясь этим случаем, в конце 1670-х гг. покорил Малую Бухарию, пленил Исмаил-хана и сделал Апака своим наместником, посадив его в столичном Яркенде[34]. Далай-лама за выполнение своей просьбы дал Галдану титул Бошокту (благословенного) хана[35]. С этого времени страна находилась под протекторатом хунтайджи, который не вмешивался во внутреннее устройство, ограничиваясь получением регулярной дани[36].

В эти же годы, по мере усиления Галдана, произошёл его разрыв с племянником Цэван-Рабданом, сыном убитого правителя Ойратского государства Сенге, который по династическому закону должен был унаследовать власть в стране. В 1678 г. Цэван-Рабдан откочевал от Галдана и со временем обосновался в Турфане[37]. После того как в 1687–1688 гг. Галдан начал борьбу за Халху (земли севернее пустыни Гоби) и перенёс резиденцию с Или на реку Кобдо[38], Цэван-Рабдан в 1690 г. вернулся из Восточного Туркестана на старые кочевья Галдана и «всех его жен и детей со всеми домашними служителями» забрал к себе[39]. С этого времени Цэван-Радбан стал кочевать по реке Боротал и в верховьях Иртыша, преградив Галдану пути возвращения из Халхи к прежним кочевьям на реке Или[40]. Формально ещё не являясь правителем ойратов, Цэван-Рабдан с начала 1690-х годов фактически уже господствовал в государстве западных монголов и оказывал значительное влияние на события, происходившие в Восточном Туркестане.

Эти бурные события определили судьбу «эркецкаго боярина» Алим-бека, из разговора с которым сибирский губернатор Матвей Петрович Гагарин узнал о добыче «песошного золота» в далёком Яркендском ханстве. По словам Гагарина, знатный житель Эркети «во взятье того города у бухар от калмык от убивства ушел в Тоболеск» (док. № 68).

Сам Алим-бек на допросе в 1719 г. рассказывал о себе, что родился в городе Комуле (Хами) на востоке Малой Бухарии (док. № 19). Позднее он семь лет прожил в Яркенде при дворе хана Мухаммад-Мумина, известного как Акбаш-хан (правил в 1682–1696 гг.)[41]. Мирное течение жизни закончилось в конце 1693 или первой половине 1694 г. («тому ныне 26-й год»), когда Яркенд был захвачен тяньшанскими киргизами. «И как учинилась у Ахбаша хана война с киргизы, и оные киргизы город Эркень с вышеозначенными городами завладели тому ныне 26-й год. И владели 3 месяца. А по трех месяцех под Эркень пришли контайшины войска, и оные киргизцы те городы оставили, и с того времяни владеет контайша».

События, о которых вспоминал Алим-бек, были связаны с борьбой между Кашгаром и Яркендом. Кашгарцы-белогорцы призвали в союзники тяньшанских киргизов. Сообща они смогли раз-

---

[34] Чимитдоржиев Ш. Б. Подчинение Восточного Туркестана Джунгарии // Исследования по истории и филологии Монголии. Улан-Удэ, 1977. С. 22. (Труды Бурятского института общественных наук, вып. 28). Ссылаясь на «Биографию Зая-Пандиты», автор датировал поход Галдана на Яркенд 1679–1680 гг.

Чокан Валиханов относил это событие к 1678 г. (Валиханов Ч. О состоянии Алтышара или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // Избранные произведения. М., 1986. С. 138).

М. Курант указывал, что покорение Галданом Малой Бухарии может относится либо к 1678, либо к 1680 году: Courant M. L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siecles. Empire kalmouk ou Empire mantchou? Lyon; Paris, 1912. P. 50–51. (Annales de l'Universite de Lyon, nouvelle serie, II Droit, Lettres. Fascicule 26).

В. В. Бартольд, ссылаясь на сведения кашгарского историка конца XVII в. Мухаммед-Садика, указывал, что нашествие «Галдана-Бошокту на Кашгарию… совершилось около 1682 г.» (Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан [1902 г.] // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 186).

[35] Бичурин, знакомый с китайскими источниками, писал, что в 1679 г. Галдан известил китайский двор о получении им от далай-ламы титула Бошокту (благословенный) в связи с захватом Восточного Туркестана (Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 67).

[36] Первая дань, добровольно доставленная Галдану при ходже Апаке и затем обращённая в постоянную подать, была уплачена не деньгами, а кусками материи (Бартольд В. В. Рецензия на книгу: Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии (1905) // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 216).

[37] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 300; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 52.

[38] Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883. С. 188; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 280.

[39] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 300. О том, что Цэван-Рабдан объявил себя главой ойратов, русские узнали от его посла, который прибыл в Томск в апреле 1691 г. ([Слесарчук Г. И.] Введение // Русско-монгольские отношения. 1685–1691: сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук. М., 2000. С. 16. Автор ссылается на: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1038. Л. 234–237, 343).

[40] Позднеев А. М. Монгольская летопись… СПб., 1883. С. 225; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства… М., 1964. С. 298–299; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии… М., 1983. С. 52, прим. 32.

[41] Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан [1902 г.] // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 189, 191; Акимушкин О. Ф. Шах Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника. М., 1976. С. 49; Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв.: межгосударственные отношения. М., 1991. С. 150.

громить Акбаш-хана и захватить столицу. Яркендские беки тайно отправили гонца с письмом о помощи к ойратскому хунтайджи[42]. Когда через три месяца ойратское войско вместе с отрядами из Аксу и Кучи подошло к Яркенду, киргизы покинули город[43]. Власть в Яркенде перешла в руки черногорского ходжи Данияла[44], а информатор Гагарина с тех пор «жил у контайши в Урге». Кочевая ставка Цэван-Рабдана в это время располагалась на реках Боротал и Эмиль. После гибели Галдана Бошокту-хана в 1697 г. Урга была перенесена на юго-запад, в места старых ойратских кочевий по реке Или[45]. Восточный Туркестан уже не имел своих ханов и являлся частью владений Цэван-Рабдана[46]. По словам яркендского бека, позднее «контайша, послал ево в сылку в теленгуты. А ис теленгут он ушел тому ныне 15 лет. И пришол в Тоболеск» (док. № 19).

Таким образом, сведения Алим-бека об «эркецком золоте», которые он сообщил Гагарину в Тобольске в конце 1712 или в 1713 г., относились к началу 1690-х гг., когда ещё существовало самостоятельное Яркендское ханство. Увезённый из Яркенда в Ургу, а позднее сосланный «в теленгуты» и бежавший оттуда в Тобольск, Алим-бек не знал, что при хунтайджи яркендские промыслы пришли в упадок.

Будучи в Тобольске, Гагарин начал скупать поступающий туда золотой песок, по-видимому, не слишком различая, бухарский он или китайский. В 1713 г. князь приобрёл «с четверть пуда» (около 10 фунтов) драгоценного металла, примерно половина которого была куплена у жителей города. Ещё 4,5 фунта «песошного золота» за 751 рубль тобольский житель Иван Туренин «по приказу губернаторскому у контайшиных посланцов купил… и отдал ему, губернатору»[47].

В том же 1713 году «для проведыванья о промыслу в Калмыках золота» был отправлен в ставку хунтайджи под видом купца тобольский сын боярский Фёдор Трушников. Результаты этой поездки стали известны сибирскому губернатору только через два года[48].

Первого января 1714 г. Гагарин выехал из Тобольска в столицу. Купленный золотой песок он решил лично представить царю и рассказать про «городок калмыцкой Эркеть, под которым на реке Дарье промышляют песошное золото» (док. № 18).

Как ни удивительно, Гагарин был не первым российским чиновником, который захотел сообщить монарху о далёком азиатском городе Яркенде. Летом 1713 г., когда сибирский губернатор ещё собирал сведения о золоте в Тобольске, из Лондона к князю А. Д. Меншикову поступила пространная записка от российского торгового агента в Англии Фёдора Степановича Салтыкова (?–1715). Он принадлежал к старинному боярскому роду. Вместе со своим отцом, боярином Степаном Ивановичем Салтыковым, стольник Фёдор Салтыков с 1690 по 1692 г. служил сибирским воеводой в Тобольске[49]. В 1693 г. он вернулся в Москву, в январе 1697 г. молодой боярин был отправлен за границу, в Голландию и Англию, для обучения мореходству и судостроению. По возвращении на родину Фёдор Степанович в числе гвардейцев принимал участие в битве под Нарвой (1700 г.), выполнял дипломатические поручения, а с 1703 г. был определён Петром I на должность корабельного мастера и занимался постройкой судов[50]. В июне 1711 г. царь отправил Фёдора Салтыкова в секретную заграничную командировку для покупки нескольких военных кораблей. В инструкции, данной ему Меншиковым, предписывалось: «Вести себя везде инкогнито за дворянина российскаго, в корреспонденции иметь надлежащую осторожность, обо всём писать цифирью»[51]. Салтыков выехал в Копенгаген, оттуда в Амстердам, а в марте 1712 г. прибыл в Англию, где оставался до своей смерти в августе 1715 г.

Будучи за границей, Фёдор Степанович находился в постоянной деловой переписке с Петром I. В декабре 1712 г. он сообщил царю, что в

---

[42] Судя по воспоминаниям Алим-бека, Яркенд освобождали войска Цэван-Рабдана — того «контайши», который позднее послал его в ссылку к теленгетам (док. № 19).

[43] Валиханов Ч. О состоянии Алтышара… М., 1986. С. 138–139; Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан [1902 г.]… М., 1973. Т. 8. С. 190; Тарих-и Кашгар / пер. с уйгурского Л. А. Покровской // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. 1973. С. 223.

[44] Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан… Т. 8. С. 189; Нарынбаев А. И. Реакционная роль суфизма в Восточном Туркестане … URL: http://yordam.manas.kg/ekitap/pdf/Manasdergi/sbd/sbd7/sbd-7-17.pdf.

[45] Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Алматы, 2005. С. 296. (История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.; т. 2).

[46] Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 58–59; Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990. С. 50–52.

[47] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 458 об.

[48] Подробнее об этом в главе 10.

[49] Газенвинкель К. Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века: К истории Сибири XVII в. Тобольск, 1892. С. 13–14.

[50] Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 11–12.

[51] Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого… С. 13. Одно из зашифрованных писем Ф. С. Салтыкова, хранящееся в РГАДА, опубликовано: Салтыков Федор Степанович (письмо) [Электронный ресурс] // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: http://megabook.ru/article/Салтыков%20Федор%20Степанович (01.08.2015).

свободное время прилежно изучал порядки и правила, существующие в Англии и других европейских странах. Среди этих «правления уставов», по мнению Салтыкова, было немало полезного для Российского государства. Перенесение некоторых европейских порядков, «которое приличествует токмо самодержавствию, а не так, как республикам или парламенту», должно было дать России «вновь доходы великие, которые еще у нас неведомы»[52].

Пётр I выразил желание ознакомиться с материалами, собранными секретным посланником. В ответном письме 12 января 1713 г. царь распорядился «Что вы выбрали из уставов аглинских и прочих европских, которыя надлежит, кроме республик, пришлите к нам». К концу апреля 1713 г. Салтыков закончил составление предназначенной для Петра I записки, названной им доношением «О некоторых состоятелных, которыя прилежно выбраны ис правления уставов разных, как англинских, француских, германских, такожде и прочих европских присудствуемых приличеству самодержавия»[53]. Записка состояла из пятнадцати глав. Фактически это был проект преобразований, касающихся внутренней и внешней политики России. 24 апреля рукопись была послана из Лондона с курьером к князю Меншикову «для лучшаго отправления до царского величества, чтобы дошли в целости»[54].

Летом или осенью 1713 г. монарх должен был ознакомиться с предложениями Фёдора Салтыкова. Подлинник этого документа сохранился в фонде «Кабинет Петра Великого» в Российском государственном архиве древних актов в Москве[55]. В конце XIX в. с ним работал известный российский историк Павел Николаевич Милюков (1859–1943)[56]. Несколько ранее текст проекта под названием «Пропозиции Федора Салтыкова» был издан в 1891 г. П. Н. Тихановым по рукописной копии из собственного собрания[57]. С тех пор в исторической литературе документ фигурирует под таким названием.

Сибирский период жизни Фёдора Салтыкова отразился в составленной им записке, в ней Сибири посвящён отдельный раздел. Для расширения российских владений на востоке Салтыков советовал организовать морские и сухопутные экспедиции. Он предлагал построить корабли в устье Енисея. «И теми кораблями, где возможно, кругом сибирскаго берега велеть проведать, не возможно ли найтить каких островов, которые б мочно овладеть… А ежели таких островов и не сыщется, мочно на таких кораблях там купечествовать в Китаи и в другия островы» (док. № 20).

Другой совет Салтыкова касался военного захвата земель, «в которых кочюют, преходя, колмыки и мунгалы». Речь шла о территории Центральной Азии между Китаем, Индией и Западным Туркестаном. Лондонский агент, пожалуй, первым предложил Петру I такой способ закрепления на новых территориях, как создание системы малых крепостей. «И в тех степях велеть построить при удобных местах малыя фортификацыи, — писал Салтыков. — И потому исподоволь теми крепостьми подавался к тем соседственным государствам». По его мнению, для успешной реализации этого плана хватило бы «пятнатцать или 20 000 правильнаго войска».

Салтыков считал, что, если царь примет решение подчинить калмыков и мунгалов, то следует «их воевать тогда начать от Ерькентии, от Тарафаны, от Казачьи орды и от Кара-калпаков». Очевидно, «Ерькентией» и «Тарафаной» здесь названа Малая Бухария, завоевание которой, по мнению Салтыкова, сулило «разпространение и великие прибыли нашему государству». Аргументируя этот тезис, автор «Пропозиций» писал из Англии: «В тех государствах свойство: медь, железа, пряные зелия некоторыя, виноград, лимоны, аплицын, шолк, бумага хлопчатая, китайки, пестреди». Как видим, золото здесь не названо, но идея военного захвата Яркенда уже предложена царю. Пётр внимательно изучил доношение. На полях записки Салтыкова имеются карандашные пометки в виде крестиков и крестиков в кружке. По свидетельству П. Н. Милюкова, такие значки Пётр I обычно ставил против мест, особенно его заинтересовавших[58].

Сообщение приехавшего из Тобольска Матвея Гагарина попало в начале 1714 г. на благодатную почву. Первым делом проверили привезённый золотой песок. Плавильный мастер Иоганн Блюэр в присутствии самого царя опробовал

---

[52] Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого… С. 18. Письмо Салтыкова опубликовано: Материалы для истории русского флота. Ч. 1. СПб., 1865. Док. № 501, с. 335–336.

[53] Пропозиции Федора Салтыкова // Пропозиции Федора Салтыкова: рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб., 1891. С. 1. Отд. оттиск из: Отчеты о заседании Общества [любителей древней письменности] в 1889–1891. СПб., 1891. Приложение V. С. I–XXVII + 1–36. (Памятники любителей древней письменности. Т. LXXXIII).

[54] Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках… С. 19.

[55] РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 4. Кн. 88. Л. 61–88 об.

[56] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 398–404.

[57] Тиханов П. Н. Пропозиции Федора Салтыкова // Отчеты о заседании Общества [любителей древней письменности] в 1889–1891. СПб., 1891. (Памятники любителей древней письменности. Т. LXXXIII). Приложение V. Тогда же работа была издана отдельным оттиском.

[58] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России… СПб., 1905. С. 399.

образец, доставленный из Тобольска, и подтвердил, что песок почти целиком состоит из чистого золота[59]. По сведениям Г. Ф. Миллера, часть этого золотого песка была передана на хранение в старейший российский музей — Кунсткамеру[60].

Как вспоминал в 1719 г. сам М. П. Гагарин, он «того золота купил немалое число, и привез к его царскому величеству, и изволил то золото свидетельствовать хивинским посланцом. И посланник оной доносил его величеству, что и ниже Эркетя в той реке Амун Дарье золото промышляют» (док. № 68). Трудно сказать, почему в памяти Гагарина золотоносная река около города Эркети стала ассоциироваться с рекой «Амун-Дарьей». Возможно, он впервые услышал это название от хивинского посла, которому Аму-Дарья была хорошо знакома. Судя по цитированному отрывку, Гагарин воспринял слова хивинского посла как подтверждение того, что город Эркет расположен в верховьях «Амун-Дарьи».

В действительности город Яркенд располагался на одноименной реке Яркенд-Дарье, которая протекала в огромной межгорной котловине к югу от хребтов Тянь-Шаня, а начиналась на восточных склонах Памира. Истоки Аму-Дарьи расположены по другую сторону Памира. Эти географические особенности, благодаря торговым связям, русские знали уже в конце XVII в. На «Чертеже Казачьи орды», законченном С. У. Ремезовым в марте 1697 г., показаны обе реки: «р. Еркет», на которой расположен одноименный город, и «р. Амундарья», текущая с другой стороны горного хребта в противоположную сторону[61]. Созданный тобольским изографом чертёж поступил в Сибирский приказ в Москве, но отмеченые детали, видимо, не были известны М. П. Гагарину.

Упомянутого сибирским губернатором посла звали Ашур-бек. Сведения о его пребывании в Петербурге сохранились в записках брауншвейгского резидента Фридриха Вебера, где «Ачерби» (Atscherbi) назван то «послом узбекского хана», то даже «бухарским послом»[62]. Однако сам Вебер указывал, что повелителя посла звали «Гаджи Магомет-Багадир-хан», то есть речь шла о Хаджи-Мухаммед-Бегадур-хане из династии Шейбанидов — правителе Хивы, а не Бухары[63]. По сведениям Вебера, посол прибыл в Петербург 17 мая 1714 г. и уже на следующий день был принят царём, а 20 мая по приглашению Петра I хивинский посланник отплыл вместе с сенаторами на морском судне («шняве») в Кронштадт[64]. Надо полагать, что привезённое Гагариным золото Ашур-бек «свидетельствовал» 18–19 мая.

Уже 20 мая Пётр I собственноручно написал короткий указ: «Послать в Хиву с поздравлением на ханство. А оттоль ехать в Бухары к хану, сыскав какое дело торговое. А дело настоящее, чтоб проведать про город Иркеть, сколько далеко оной от Каспийского моря, и нет ли каких рек оттоль... в Каспийское море»[65]. Руководителю будущего ответного посольства к хивинскому хану царь поручал под предлогом торговли съездить в соседнее Бухарское ханство, чтобы уточнить там место расположения города Яркенда и возможность достижения его водным путём со стороны Каспия. По-видимому, после разговора с хивинским послом Пётр I, так же как и Гагарин, считал, что «город Иркеть» находится где-то в верховьях Аму-Дарьи.

Разведку пути в Яркенд со стороны Хивы и Бухары в 1714–1715 гг. осуществить так и не удалось[66]. Очевидно, российский посланник должен был ехать вместе с возвращающимся Ашур-беком,

---

[59] Записки Фридриха Вебера о Петре Великом // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1069–1070. Опубл.: http://adjudant.ru/lib/rus_archive_1872-06.htm (01.08.2015).

[60] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте ... М., 2005. Т. 3. С. 474. Переписка о передаче в Кунсткамеру золотого песка хранится в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, в фонде 104 (Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958. С. 347).

[61] Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: Факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 163.

[62] Записки Фридриха Вебера о Петре Великом // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1079; № 7–8. Стб. 1429. Цит. по: Вебер Ф. Х. Преображенная Россия [Электронный ресурс] // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Veber_II/text1.phtml, http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Veber_II/text4.phtml (01.08.2015).

[63] Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 161–162.

[64] Записки Фридриха Вебера о Петре Великом // Русский архив. 1872. № 7–8. Стб. 1079–1081.

[65] ПСЗ РИ–1. Т. 5: 1713–1719 гг. № 2809, с. 105. В первой публикации этого указа он был датирован 29 мая: «Подлинный писан собственною его царскаго величества рукою маия 29 дня 1714 года» (Журнал или Поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира: Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою его императорскаго величества. Ч. 2, отд. 1. СПб., 1772. Приложение IX. С. 341).

[66] В исторической литературе, начиная с XIX в., бытует мнение, что послом к хивинскому хану в мае 1714 г. был назначен князь А. Б. Черкасский (Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 168; Бенешевич В. Черкасский, князь Алексндр Бекович // Русский биографический словарь. Т.: Чаадаев–Швитков. СПб., 1905. С. 179; Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 48). Однако нет никаких документов, свидетельствующих об этом. Судя по тексту именного указа, данного Сенату в мае 1714 г., Пётр I не посылал князя Черкасского ни в Хиву, ни тем более в Бухару.

однако в 1714–1715 гг. в Хиве сменилось четыре хана, в связи с чем Ашур-бек не спешил на родину и задержался в Астрахани до начала 1716 г.[67]

Сведения хивинского посла о золотоносности Аму-Дарьи, которые он сообщил в российской столице в мае 1714 г., тогда же были неожиданно подтверждены ещё одним свидетелем — знатным туркменом ходжой Нефесом. Прибыв в 1713 г. в Астрахань, он сообщил местным властям, что туркмены хотели бы, чтобы российский царь «взял под свое владение страну при реке Аму-Дарье, где находится песошное золото»[68]. Ходжу Нефеса отправили в Петербург, куда он приехал примерно в то же время, что и сибирский губернатор М. П. Гагарин. В столице Нефес рассказал не только о золотоносности Аму-Дарьи, но и о том, что прежде река впадала в Каспийское море и якобы лишь не так давно была отведена в Аральское море хивинцами, которые для этого построили специальную плотину. При таких условиях представлялось вполне возможным, путём разрушения плотины и возвращения Аму-Дарьи в её прежнее русло, восстановить водный путь из Каспийского моря в Хиву и далее в Индию.

«Таким образом, — писал академик В. В. Бартольд о решениях Петра I, принятых в мае 1714 года, — план мирного завоевания Средней Азии был связан с надеждой восстановить водный путь в Индию и приобрести золотые россыпи»[69].

Для реализации первой задачи царь отправил на Каспийское море гвардейца князя Александра Бековича Черкасского и дал именной указ Сенату: «Господа Сенат! О котором деле говорено с вами, будучи у Кроншлота на шняве, а именно, о посылке для прииску устья Дарьи реки и для того ныне посылаем туда Преображенского полка капитана-поручика господина князя Черкасского. И что ему чинить, о том даны от нас пункты»[70].

Упомянутые пункты историкам пока не известны[71]. О том, какой именной указ получил князь А. Б. Черкасский в мае 1714 г., можно судить по его донесению адмиралу Ф. М. Апраксину, написанному 1 сентября 1714 г. из Астрахани:

«В приезд свой в Астрахань осведомился чрез жителей астраханских о реке Дарья, откуды течет, где падает устьем. Сыскал таких людей, которые знают оную реку, называют Аму-Дарья, сказывают, что не малая река, берется вершиною от Индеи, течет бухарскою землею и хивинскою, падает в озеро, названием Аралское море, которое имеет расстояния от Каспийского моря 14 дней ходу. Иные сказывают, будто малый проток есть из озера в море Каспийское, только такого человека нет, который видел; сказывают, что слышали. Для лутчаго уверения поеду сам и буду свидетельствовать морем»[72].

Судя по всему, Черкасский должен был проверить возможность водного пути из Каспийского моря в Индию. Выхода к местам добычи азиатского золота от него не требовалось. Не без влияния М. П. Гагарина у Петра I в мае 1714 г. сформировалось мнение, что до золотых россыпей Центральной Азии легче дойти, организовав военный поход из Сибири.

Представив монарху золотой песок, Гагарин письменно сообщил царю, что путь к драгоценной россыпи «лежит от Тоболского до половины рекою Иртышем, которая река под Тоболским. И от той реки на калмыцкое кочевье, где ныне кочует контайша». По словам купцов, дорога до Эркети обычно занимала чуть более двух с половиной месяцев «нескорою ездою» (док. № 18)[73].

Представление сибирского губернатора о расположении города Эркети отражает карта,

---

[67] Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений... С. 163.

[68] Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763. С. 5–6. О том же: Могутов В. И. Редкое и достопамятное известие, о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции, под именем Посольства. Принадлежащее к пользе, в службе находящимся и в коммерции упражняющимся, всеавгустейшей монархине посвященное. СПб., 1777. С. 9–10.

[69] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1977. Т. 9. С. 393.

[70] ПСЗ РИ–1. Т. 5: 1713–1719 гг. № 2815, с. 108. Число в дате указа не проставлено, однако известно, что посещение царём шнявы (морского судна, наподобие шхуны) с сенаторами на рейде у Кронштадта состоялось 24 мая (Записки Фридриха Вебера о Петре Великом // Русский архив. 1872. № 7–8. Стб. 1081–1083. Цит. по: Вебер Ф. Х. Преображенная Россия... URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Veber_II/text1.phtml). Хранившаяся в архиве Генерального штаба копия этого майского указа имела помету: «Получено июня 2-го дня 1714-го году» (Дело, 1714–1718 годов, об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Бековича Черкасского на Каспийское море и в Хиву // Материалы Военно-ученаго архива главного штаба / под ред. А. Ф. Бычкова. Т. 1. СПб., 1871. Док. № 1, стб. 197).

[71] Николай Иванович Веселовский (1848–1918) в своей книге «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего» (СПб., 1877. С. 168, прим. 3) указывал, что в пунктах Черкасскому «поручалось, между прочим, склонять хивинского хана к подданству России». Однако никакой ссылки на источник этих сведений известный историк не дал. Между тем, цитируемый текст принадлежит другому именному указу — от 14 февраля 1716 г., по которому князь Черкасский действительно отправлялся послом в Хиву (ПСЗ РИ–1. Т. 5. № 2993, с. 197).

[72] РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 77. Л. 80. Цит. по: Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад, 1963. Док. № 1, с. 25.

[73] В русском переводе статьи Миллера цитата из этого документа имеет иной смысл: «Путь к тому месту лежит от Тобольска до половины реки Иртыша» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте... // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 473).

Рис. 20. Западная половина российской карты Сибири, составленной в январе 1716 г. на более ранней топооснове. Копия из коллекции Ж.-Н. Делиля с подписями на французском языке. Показано течение реки Иртыша и город Яркенд («Erket») на реке «Амун-Дарья» («Amoun-Daria R.»)

сохранившаяся в коллекции французского астронома Жозефа-Николя Делиля (1688–1768). Она является копией русской рукописной карты, созданной в 1716 году. На ней схематично изображена Сибирь от Уральских гор до Байкала и от Ледовитаго океана до Каспийского моря (рис. 20). В южной части карты показаны владения хунтайджи («demeure du Kontaich») и города Восточного Туркестана — Турфан («Tourfan»), Яркенд («Erket») и др. При этом город Эркет ошибочно помещён в истоках реки Аму-Дарьи («Amoun-Daria R.»), текущей на юго-запад, в сторону Каспийского моря. Хранящаяся в Париже карта наглядно показывает кратчайший путь в Яркенд, о котором писал Гагарин царю: от Тобольска вверх по Иртышу до Ямышевского озера («L. Yamychevo»), оттуда через земли хунтайджи на юг, к истокам Аму-Дарьи.

Сибирский губернатор предложил на усмотрение государя план возможного военного похода для завоевания эркетских золотых промыслов. По его мнению, для того, чтобы продвигаться вглубь владений хунтайджи, необходимо одну за другой строить русские крепости по направлению к «городку Эркеть». Первое такое укрепление следовало возвести на берегу реки Иртыша около Ямышевского озера. Далее дорога к «песошному золоту», по сведениям Гагарина, поворачивала от реки и шла степью. Следующие русские «города» он советовал построить вдоль этого пути.

Сравнение текста «Пропозиций» и предложений Гагарина убеждает в том, что царь ознакомил сибирского губернатора с той частью проекта Фёдора Салтыкова, которая касалась завоевания «Еркентии». Понимание этого обстоятельства заставляет отказаться от тезиса, что идея военного захвата Яркенда принадлежала сибирскому губернатору. С планом продвижения в «Еркентию» посредством строительства цепочки крепостей Петра I познакомил в 1713 г. Фёдор Салтыков. Однако совет автора «Пропозиций» об организации трудного похода в Малую Бухарию оставался без последствий до тех пор, пока царь не узнал о «песошном золоте». Именно привезённое Гагариным золото стало решающим фактором в принятии Петром решения о проведении специальной военной операции в центре Азии. С другой стороны, сам сибирский губернатор, по-видимому, стал заложником идей, высказанных Ф. С. Салтыковым. Фактически Гагарину весной 1714 г. пришлось принять план, изложенный в «Пропозициях». Роль губернатора свелась к детализации той стратегии исключительно вооруженного противостояния, о которой писал из Лондона российский резидент.

Изложенный Гагариным план (док. № 18), конечно, был совершенно авантюрен. Хотя расстояние в два-три месяца конной езды по сибирским меркам не казалось слишком большим, но его нужно было пройти по чужой территории. Гагарин явно недооценивал мощь соседнего государства, которое русскому отряду предстояло пересечь от северной границы до южной. Сибирского губернатора не смущало даже то, что «в тех местех кочюет калмыков с контайшею тритцать тысяч человек», то есть на предполагаемом пути находились кочевья самого верховного правителя государства западных монголов. По мнению Гагарина, для успеха военной экспедиции было бы достаточно двух-трёх полков регулярных войск, которые он предлагал набрать в Сибири.

Итогом первых трёх лет деятельности М. П. Гагарина в должности сибирского губернатора стало изменение политики России по отношению к южному соседу. Губернатор прагматично считал, что государство ойратов геополитически выгодно России как буфер между Западной Сибирью и Китаем. Вместе с этим он сформулировал тезис, позволявший России заявить о своих правах на значительную часть северных владений хунтайджи, на которые сибирские власти в XVII в. не претендовали. Новая дипломатия была направлена на изменение status quo, сложившегося на юге Западной Сибири в предыдущем столетии. Реализация такой политики предполагала активное использование военной силы для расширения границ государства. Нацеленность губернатора на присоединение к Сибири части территорий южного соседа делало неизбежным будущее военное столкновение России с государством ойратов.

Автограф Матвея Гагарина на указе Сибирского приказа 1716 г.

Документ № 17

1713 г. июня 17. **— Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина к ойратскому правителю Эрдени Зоригту-хунтайджи[74] (Цэван-Рабдану), посланное с тарским казачьим головой Иваном Дмитриевичем Чередовым**

(л. 205 об.) Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Пётр Алексеевич Всея Великия, и Малыя, и Белыя Россий самодержец, московский, киевский, владимерский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятский, болгарски и иных, государь и великий князь Новаграда низовские земли, черниговский, рязанский, ростовский, ярославский, белоезерский, удорский, обдорский, кандинский и всея северныя страны повелитель и государь Иверские земли, карталинских и грузинских царей и кабардинские земли, черкаских и горских князей, и иных многих великих государств и земель восточных, и западных, и северных отчичь и дедичь, и наследник, и обладатель.

Его царского пресветлого величества тоболской и всея Сибири губернатор князь Матвей Петровичь Гагарин калмыцкому Эрдени Жюрыхту контайше.

Иноземцы ясашные вечные царского величества Барабинских волостей и платят искони ясак его царскому величеству. И к тем иноземцом приезжают твои калмыки (// л. 206) и чинят великую обиду, и берут ясак с них его Эрдений Журухты контайши именем. Чего с ясашных людей его царского величества отнюдь никому того чинить не надлежит. В том есть немалая обида в стороне его царского величества, чтоб он, контайша, с тех иноземцов ясашных людей его царского величества ясаку давать и обиды им никакие чинить не велел.

В прошлом 1710-м году приходили твои контайшины люди под город Кузнецкой и учинили русским людем многое разорение, и многих людей в полон побрали, и несколко скота отогнали. Чтоб тех полонных людей, сыскав, всех отдать в сторону его царского величества и со взятыми их пожитки.

Також город его царского величества Бий-Катун, которые на реках Бий и Катуне простроен, и тот город калмыцкие люди разорили. Чтоб Эрдени Жюрыхты контайша велел про то бы розискать и винным бы велел учинить указ и оборонь тем, которыя то учинили.

Купецкова человека Матвея Поппы был в Урге и в караване китайском при зайсане прикащик Тимофей Гакбарк, а с ними были многие ево, Попповы, товары. И тот прикащик убит в кошу зайсанове. А те все ево товары взял он, зайсан, для хранения к себе, которые и доныне у него все. Чтоб Эрдени Жюрыхты контайша те товары, что их взял он, зайсан, велел зайсану отдать посланному от нас тарскому голове Ивану Чередову.

[*Канцелярская помета:*] Таков лист отдан тарскому казачью голове Ивану Чередову июня в 17 день 713 году за пометою дьяка Максима Романова в пакете за государевою печатью Сибирской губернии. На пакете подписано: сей лист подать в Урге калмыцкому Ердени Жюрыхте контайше. В приеме того листа росписка под наказом[75].

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 89. Л. 205 об. — 206. Копия, снятая для Г. Ф. Миллера в Тобольске, во время экспедиции 1734–1743 гг. Публикуется впервые.

Документ № 18

1714 г. май **— Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I о ранее предъявленном царю песошном золоте и предложение организовать военный поход вглубь Ойратского государства. С резолюцией царя от 22 мая 1714 г. об организации похода вверх по Иртышу для захвата города Эркети (Яркенда)**

(л. 221) Копии

Доношение о золоте, объявленном вашему величеству, которое называют песошным.

Городок калмыцкой Эркеть, под которым на реке Дарье промышляют песошное золото, в разстоянии от Тоболска, по скаске эркецких жителей, что доходят из Ыркети до Тары в полтретья месяца нескорою ездою; а от Тары до Тоболска в пять дней.

---

[74] Эрдэни Зоригту-хунтайджи (от монгольских эпитетов «эрдэнэ» — драгоценность, сокровище, «зоригту» — смелый, отважный) — титул, принятый Цэван-Рабданом, когда он после смерти Галдана в 1697 г. стал единоличным правителем Ойратского государства.

[75] Наказ послу И. Д. Чередову опубликован: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 122, с. 515–520.

И естли соизволит ваше величество промысел чинить к тому месту ис Тоболского, то кроме того не можно, что подселитца городами к тому месту. Того ради, что от Ямышева озера и до Эркети кочуют калмыки и будут противитца, как им возможно, чтоб не допустить в тех местех строить городов, дабы оного им промыслу не потерять. А по ведомости в тех местех кочует калмыков с контайшею тритцать тысяч человек.

А путь к тому месту лежит от Тоболского до половины рекою Иртышем, которая река под Тоболским. И от той реки[76] на калмыцкое кочевье, где ныне кочует контайша.

И первой город надлежит делать на упомянутой реке Иртыше у Ямышева озера. И оттоле, усмотря где надлежит, делать и иные городы.

А на строение оных крепостей, також и на содержание их, кроме афицеров и инженера управлятца можно из Сибирской губернии. (// л. 221 об.)

А для той калмыцкой противности надлежит регулярным дву или трем полкам, а те полки набрать в Сибири.

А к тем полкам несколко афицеров. Да к тому ж уфинские башкирцы потребны для того, что от Тоболского живут в близости, и людство их немалое, и люди конные.

О промысле того места.

О деле городов.

О уфинских башкирцах

Что ваше величество повелит.

На подлинном доношении подписание собственною его царского величества рукою:

Построить город у Ямыш озера, а буде мочно и выше. А построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лотки пройти могут. И от того итти далее до города Эркети, и оным искать оного дела[77]. Для сего определить две тысячи или по нужде полторы. Также сыскать из шведов несколко человек, хотя года на три, которые умеют инженерства артилерии; (// л. 222) также кои, хотя мало, умеют около манералов; также и афицеров несколко, однако ж, чтоб их было не более трети.

Маия в 22 де[нь] 1714

На Котлином острову.

[*Автограф (заверительная подпись)*:] К сим копиям Матвей Гагарин руку приложил[78].

[***Разбивка на абзацы сделана при копировании документа в Сенате и, очевидно, повторяет структуру подлинника***]

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 221–222. Сенатская копия, заверенная М. П. Гагариным.

Ранее частично опубликовано: Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб.: При императорской Академии наук, 1760. Январь. С. 7–8; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 473–474.

Копия доношения М. П. Гагарина была сделана для Г. Ф. Миллера в Тобольске (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 123. Л. 248–248 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-3, с. 134–136).

В нашей книге текст впервые публикуется по первичной копии, выполненной с оригинала и заверенной самим М. П. Гагариным.

---

[76] В копии Г. Ф. Миллера: «и от того» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 123. Л. 248–248 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-III, с. 135).

[77] В русскоязычной публикации статьи Г. Ф. Миллера: «оным искать овладеть» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 30; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 480).

[78] В копии Г. Ф. Миллера: «Подлинные пункты и доношение, за рукою господина князя Гагарина, поданы в Сенат генваря 29 дня 1719 году». В действительности, копия доношения заверена Гагариным, но не датирована, а «пункты» ответов на запрос Сената заверены им и датированы «1719 генваря 28 дня» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 220).

Документ № 19

1719 г. апрель–сентябрь[79]. **– Жизнеописание бека Алима и его свидетельские показания на допросе в Тобольске о золотом промысле в Яркенде в конце XVII века**

(л. 473) Бухарской боярин Алим бек сказал:

Родился он в городе Камыле. А тот город был во владенье з другими городами Ахбаша хана Малой Бухарии, а имянно городы: Эркень, Кашкар, Аксут, Кучам, Хотон, Турфан с пригороды и с юрты. А оной Ахбаш хан владелец был собою. А в подданстве у болших бухар и у контайши и ни у кого не бывал. И жил он, Ахбаша хан, в городе Эркене.

А он, Алим, в том городе жил при нем, хане, 7 лет. И как учинилась у Ахбаша хана война с киргизы, и оные киргизы город Эркень с вышеозначенными городами завладели тому ныне 26-й год[80]. И владели 3 месяца. А по трех месяцех под Эркень пришли контайшины войска, и оные киргизцы те городы оставили, и с того времяни владеет контайша.

А он жил у контайши в Урге. И он, контайша, послал ево в сылку в теленгуты. А ис теленгут он ушел тому ныне 15 лет. И пришол в Тоболеск.

А как он жил в Эркене, и под Эркенем песошное золото как промышляют видел. (// л. 473 об.) А имянно:

Берут песок из Еркеня реки и кладут на блюдо, и перемывают водою. А как розделяют с песком, того он не усмотрил. И на сколких верстах промышляют, того он не ведает. А слышал он от тамошних жителей, что промышляют в той реке на 2 первозах. А что меж теми перевозам растояние, того не знает.

Да у эркецких же жителей слышал, что де из реки Эркеня берут песок и кладут на ковры и на сукна. А с ковров и з сукон как песок з золотом розделяют, того он ни от кого не слыхал.

А та де Эркень река растоянием от города Эркеня в 10 верстах. А промышляют то золото по збытии болшой воды, в год однажды, в ыюне да в ыюле месяцех, и то малое число. А всего в бытность ево, Алим бекову, Ахбаше хану збиралось в казну того золота по 60 золотников. А сверх того платежа те промышленики что песошного золота себе получают ли, про то он не ведает.

А Эркень река из их владенья течет к востоку, х китайскому владенью. А Омон реки он не знает, толко слышал, что Амон река во владенье Болшой Бухарии. (// л. 474)

Да в бытность же ево в Эркени от тамошних жителей слышал он, Алим, что владенья того ж Ахбаш хана выше Эркеня растояние 10 дней в Карье промышляют такое ж песошное золото, а хану збиралось в год по 400 золотников. А как промышляют, того он ни от кого не слыхал.

А прежде сего тому ныне 6-й год губернатор о промысле эркецкого песошного золота в Тоболску ево спрашивал дважды. И он, Алим, ему, губернатору, сказывал те ж речи, что и в сем допросе.

А что де губернатор в допросе своем сказал, что бутто как бывает в той реке муть з дождей, и в то де время тою рекою несет такое золото, и в воду кладут сукна и попоны в тое муть, и теми попонами и суклами бутто золото перенимают, так же как минуетца муть и река убудет, бутто из берегу берут землю и вымывают то золото, того он ему, губернатору, не сказывал.

А при тех ево Алим бековых допросех были: при первом татарской голова Сабанак Азбакеев и переводил он. (// л. 474 об.) А при другом был и переводил Сабанаков сын Маметула. А обор-камендант Карпов при тех ево словах был ли или нет, также как путь от Таболска до Ямышева, и от Ямышева до Нор-Зайсана озера, того он не знает, потому что он в тех местах не бывал.

А контайша с войским зимою кочюет на реке Иле. А та река Иля течет х Казачей орде. А летом кочюет на Текис реке. А Текис река впала в вышеписанную реку Илю. А ростояние к Эрькеню от Или реки до летняго кочевья каменем и лесом скорою верховою ездою 4 дни. А от Текис реки до ледяных гор сутки. А ледяными горами в летнее время с великою нуждою 5 дней. А от ледяных гор до Аксута города 10 дней. А от Аксута подле Эрькени реки вверх, в которой промышляют песошное золото, до Эрькеня города 15 дней. А меж Аксутом и Эрькенем сеют хлеб, пшеницу, просо, ячмень и то малое число.

---

[79] Лихарев прибыл в Тобольск 7 апреля 1719 г., а 17 сентября отправил выписки из допросов в Санкт-Петербург (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Кн. 41. Л. 336, 358).

[80] Считая от 1719 года, т. е. 1693 – начало 1694 г.

А коликое число у контайши збираетца войска, про то де он подлинно сказать не знает. (// л. 475)

А слышал он от контайшиных подданных, что ево, контайшина, владенья збираетца войска по 80 000, да бухарцов из Эркени с пригороды в ево, Алимову, бытность збиралось по 120000. А ныне у него, контайши, в Эркени с пригороды и в ево кочевье что збираетца, не ведает.

А Болшая Бухария — владение особое. И между Малой и Болшой Бухарии розошло владенье киргизских жителей, которые имеют собою владение. А ростояние от Малой Бухарии до Болшей через киргиское владенье скорою ездою верхами 20 дней.

А о промысле того ж песошного золота ведают эркецкие жители, которые ныне в Тоболску: мулла Халпет и брат ево мулла Косыров.

А моря Аралского он, Алим, не знает.

И в Тоболску в продаже песошное золото у кого было ль, того он не ведает.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 473–475. Копия 1719 года. Публикуется впервые.

Документ № 20

1713 г. апрель. **— Глава X «О Сибире» из доношения, составленного торговым агентом в Англии Фёдором Салтыковым для Петра I, с изложением проекта постепенного завоевания земель соседних государств Центральной Азии**

(л. 80) Глава X-я

О Сибире

Предложение 1-е

Велеть построить корабли на Генисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устие позади Ледоватого моря, и в Сибири от Генисейскаго устия до Китаи все надлежит вашему владению оной морской берег.

Предложение 2-е

И теми кораблями, где возможно, кругом сибирскаго берега велеть проведать, не возможно ли найтить каких островов, которые б мочно овладеть под ваше владение.

Предложение 3-е

А ежели таких островов и не сыщется, мочно на таких кораблях там купечествовать в Китаи и в другия островы, також де и в Европу мочно отпускать оттуды леса, машты и доски, смолу и тор. Понеже там изобилство великое лесов, а здесь, в Европе, зело в том великая нужда и дороговизна. И в том будет в государстве прибыль великая. А лесов там, в Сибири, великое множество. (// л. 80 об.)

Предложение 4-е

Во всей же Сибири велеть изискивать прилежно всяких минералов и красок, и всяких аптекарских спецыалов. Понеже такое великое положение земли и различество климат немалая.

Предложение 5-е

Послать нарочно несколко человек, и велеть им осматрить как она состоится в зборе ясаков, в продаже вина и пива на кабаках, в зборе пошлин в таможнях. Для того, как я был в Тоболске с отцом своим, и в то время я видел толко в одном том городе, что тамошние дворяня давали от зборов ясачных, чтоб их отпускать для зборов в кабацкие головы и чтоб их зделать кабацкими головами, таможенные — чтоб их зделать таможенными головами. И в том воеводы от выше писаннаго богатились. И от оных зборов в чем в ваших зборах терялось много, а собственно в зборах таможенных, чрез оное поползновение и взятки воеводцкие. (// л. 81)

Предложение 6-е.

Велеть в Сибире учинить пятнатцать или 20000 правильнаго войска и послать к ним искусных генералов и офицеров. И чтоб такое войско всегда было готово, ныне или по окончении войны, как ваше царское величество поволит.

Предложение 7-е

Ваши все земли в Сибири, лежащия к морю и от моря в гору тысячи с полторы верст. А в степи, которая между Индиею и между Тангутами, и Китаями, и Бухариею с надлежащими землями, в которых кочуют, преходя, колмыки и мунгалы, и в тех степях велеть построить при удобных местах малыя фортификацыи. И потому исподоволь теми крепостьми подаватся к тем соседственным государствам. И, учиня те крепости, мочно некоторыми завоевать се-

бе теми выше помянутыми правильными войски. А в тех государствах никакого воинского обучения, також и огненнаго ружья мало, и то мелкое, а пушек нигде нет. И им вспомогать некоторой государь не может, ни оне ж подлежат салтану турецкому.

А в тех государствах свойство: медь (// л. 81 об.), железа, пряные зелия некоторыя, виноград, лимоны, аплицын, шолк, бумага хлопчатая, китайки, пестреди.

А ежели начинать их воевать, тогда начать от Ерькентии, от Тарафаны, от Казачьи орды и от Кара-калпаков. А те государства подлежат в Великой Бухарии, и оне ведомы в Тоболске, в Томске и на Таре, в которых места оне лежат. И естли будет в том деле воинское прилежание всегдашнее, мочно обовладеть чють не всею Малою Азиею, в чем будет разпространение и великие прибыли нашему государству.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 4. Кн. 88. Л. 80–81 об. Подлинник с пометками Петра I: на поле напротив предложений 1, 4, 5, 7 стоят карандашные пометки в виде креста.

Ранее опубликовано по копийному списку: Пропозиции Федора Салыткова // Пропозиции Федора Салыткова: рукопись из собрания П. Н. Тиханова. [Отд. оттиск]. СПб., 1891. С. 28–30.

Отдельный оттиск публикации: Пропозиции Федора Салыткова: рукопись из собрания П. Н. Тиханова // Отчеты о заседании Общества [любителей древней письменности] в 1889–1891. СПб., 1891. Приложение V. С. I–XXVII + 1–36. (Памятники любителей древней письменности. Т. LXXXIII).

Глава 9

Военный поход на Ямышевское озеро (май 1714 — февраль 1716 года)

Золото с далёкой бухарской реки заинтересовало Петра I. На доношении сибирского губернатора 22 мая 1714 г. царь собственноручно написал резолюцию: «Построить город у Ямыш озера, а буде мочно и выше. А построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лотки пройти могут. И от того итти далее до города Эркети, и оным искать оного дела. Для сего определить две тысячи [солдат] или по нужде полторы. Также сыскать из шведов (плененных во время Северной войны. — *Авт.*) несколко человек хотя года на три, которые умеют инженерства артилерии; также кои, хотя мало, умеют около манералов; также и афицеров несколко, однако ж, чтоб их было не более трети» (док. № 18).

В тот же день Пётр сам подобрал руководителя будущей военной экспедиции — капитана лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Дмитриевича Бухолца (1672–1741)[1]. Царь перевёл гвардейца в армейские подполковники и на галере «Святые Наталии» продиктовал текст предназначенной для него подробной инструкции. Бухолцу приказывалось построить крепость около Ямышевского озера, зазимовать там, а весной 1715 г. «иттить далее к помянутому городку Еркету» и «трудитца тот городок достать». В отличие от своей резолюции на доношении М. П. Гагарина, где царь приказывал подниматься на лодках как можно выше по Иртышу, в указе, данном И. Д. Бухолцу, Пётр I оставил право выбора маршрута руководителю военной экспедиции: «И как на будущую весну собравшись, с теми людми пойдете от Ямыша к Иркетю, то накрепко смотрите того, чтоб дорогою итить такою, где б была для людей выгода» (док. № 21). Во время продвижения по территории Ойратского государства приказывалось в удобных местах строить редуты «для складки провианту и для камуникации» на расстоянии шести-семи дней пути друг от друга, оставляя в них небольшие гарнизоны. Последние два пункта указа Пётр I написал собственной рукой (рис. 21).

Гагарин не сразу узнал об этом указе царя. Поскольку резолюцию монарха на своём доношении сибирский губернатор считал руководством к действию, он отправил в Тобольск распоряжение послать вверх по Иртышу к Ямышевскому озеру казаков с заданием «построить земляной город, в котором бы можно быть двум стам человек». Отряд строителей новой крепости должен был состоять из пятисот тобольских казаков во главе с тобольским дворянином Стефаном Фефиловым. «И как сие отправление изготовляли, — рассказывается в Черепановской летописи, — то получил губернатор точное известие, что от государя отправлен в ту експедицию подполковник Бухолц, и ему дана полная инструкция, и подполковник из Москвы уже отправился. Того ради, во ожидании его, свое отправление губернатор остановил» (док. № 25).

Иван Бухолц с небольшой командой выехал из Москвы в конце лета. В Тобольск он прибыл лишь 13 ноября (док. № 23)[2]. Сибирские реки к то-

---

[1] Год рождения определяется записью в послужном списке: «1722 г. января 15. Иван Дмитриев сын Бухалцов, 49 лет» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 8338. Л. 62. Цит. по: Сенатский архив. Т. 7. СПб., 1895. С. 680; Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 2: 1725–1727. М., 1990. Док. № 4, прим. 7. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1720-1740/Russ_kit_otn_18_v_II/1-20/4.htm). По сведениям Е. Н. Евсеева, «Иван Дмитриевич Бухолц родился в 1672 г. Семнадцатилетним юношей в 1689 г. поступает на военную службу» (Евсеев Е. Н. Основание Омской крепости отрядом И. Д. Бухолца (гл. I, раздел 2) // Очерки истории города Омска. Т. 1: Дореволюционный Омск. Омск, 1997. С. 32). Фразу из документа о смерти Бухолца в 1741 г. приводит омский краевед Дмитрий Николаевич Фиалков (1909–1995), к сожалению, не указывая источника цитируемых сведений (Фиалков Д. Н. Большая жизнь Ивана Бухольца // Судьбы, связанные с Омском. Омск, 1976. С. 29). В РГАДА хранится «1742 г. Дело о вступлении бригадира Якобина в должность коменданта Селенгинской крепости взамен умершего коменданта Бухольца» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 418, д. № 31, 1742 г. Л. 358–360. См.: Сенат и его учреждения (Объединенный фонд). Опись 7 // РГАДА. Аннотированный реестр описей. URL: http://rgada.info/opisi/248-opis_7/0263.jpg (10.10.2015).

[2] Сам И. Бухолц вспоминал, что «в Тобольск приехал он… ноября 13 числа» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373.

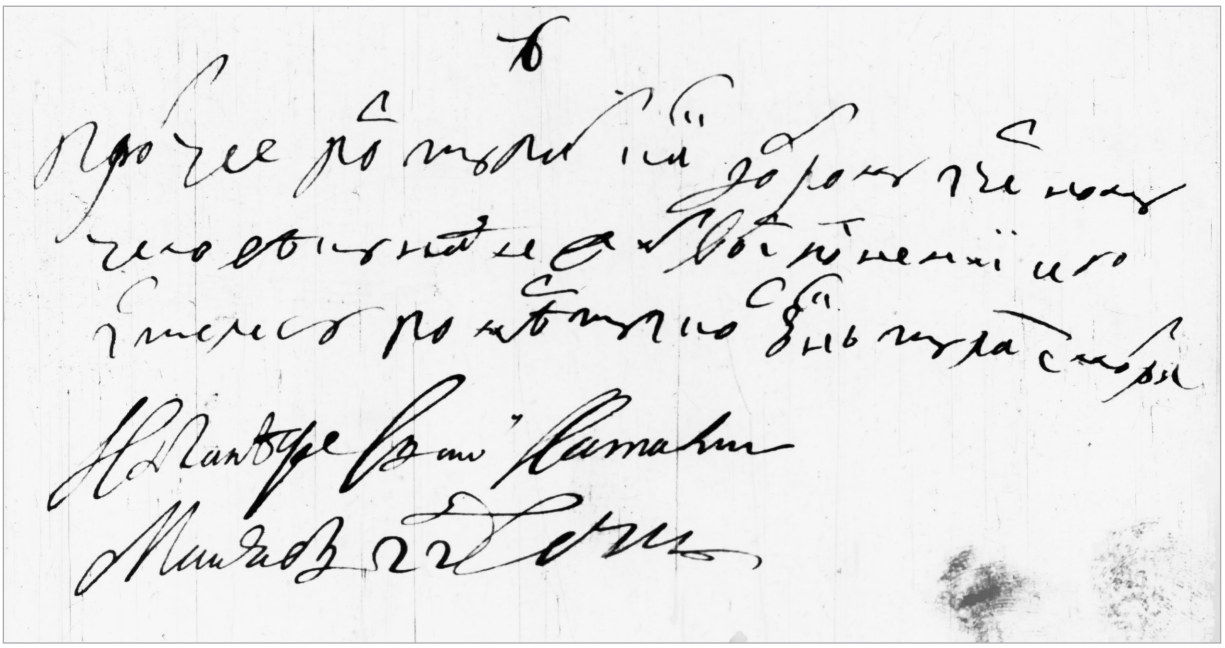


Рис. 21. Последний пункт указа Петра I подполковнику И. Д. Бухолцу, написанный собственноручно царём 22 мая 1714 г.: «Протчее поступать как доброму и чесному / человеку надлежит во исполнении сего / интересу, по месту и конюнктурам смотря». Две последние строки приписаны секретарём Кабинета

му времени сковал лёд, о походе на Ямышевское озеро в 1714 г. уже не могло быть и речи.

Незадолго до приезда Бухолца, в октябре 1714 г. в Тобольск прибыли ойратские послы, отправленные западно-монгольским правителем с Иваном Дмитриевичем Чередовым[3]. Зайсан Эрке Тасурхай и Гендул Дундуков 23 октября 1714 г. подали в Тобольске два «листа» от хунтайджи[4]. В первом из них содержались ответы на письмо Гагарина, привезённое в Ургу Чередовым, во втором имелся перечень «обид», причинённых русскими властями подданным хунтайджи в Сибири. Третье послание, в котором речь шла о развитии купечества, привёз 2 ноября отставший у Ямышева посол Деркень Мегреев, бухарский купец[5]. Прибывшие намеревались ехать к российскому царю, однако их требования о пропуске в столицу были сибирскими властями отклонены[6].

В Тобольске ойратские послы стали свидетелями широкой подготовки военной экспедиции Бухолца. Чтобы рассеять их подозрения, М. П. Гагарин, вернувшийся в Тобольск 29 декабря 1714 г.[7], заверял Эрке Тасурхая: «Посылаю людей царского величества строить городы для прииску руд, потому что земли те до вершины Иртышной и вся та река царского величества. А контайшу, ни людей его, воевать не будем. И кочевал бы он, контайша, на тех местах по-прежнему, как и Аюка под городами царского величества кочует»[8]. Гу-

Л. 197 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 145; Из истории Омска (1716–1917 гг.): очерки, документы, материалы / ред. Е. Н. Евсеев. Омск, 1967. Док. № 8, с. 52). В статье Г. Ф. Миллера дата приведена с опечаткой: «als den 31. November» — «ноября 31 дня» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg: bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760. S. 213). В русском переводе той же статьи очевидную опечатку — 31 ноября (в ноябре нет 31 числа) — ошибочно исправили на 30 ноября (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб., 1760. Январь. С. 33; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 481).

[3] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 87. Л. 203 об. — 204 об. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 22, с. 67.

[4] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 69–70. Л. 175–177. В справке Коллегии иностранных дел, составленной в 1730-е гг., написано, что послы подали «листы» в Тобольске 25 октября 1714 г. (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 15–15 об.).

[5] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 71. Л. 177 об. — 178.

[6] РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 19 об. Опубл.: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 12, с. 24.

[7] Сибирский летописец: летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденная в Тобольске / с предисл. Е. В. Кузнецова. Тобольск, 1892. С. 44; Кузнецов Е. В. Сибирский летописец: сб. статей / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1999. С. 107.

[8] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 218 об. Имеется в виду хан волжских калмыков Аюка (1642–1724), тесно сотруд-

бернатор дипломатично скрыл от ойратов истинную цель предстоящего военного похода.

Приезд Матвея Петровича в Тобольск был связан с подготовкой военной экспедиции И. Д. Бухолца. Однако эти планы были перечёркнуты именным указом Петра I от 7 декабря 1714 г., в котором царь потребовал немедленного возвращения губернатора в Санкт-Петербург «со всякими ведомостми о состоянии губернии своей»[9]. Это заставило Гагарина уже 14 января покинуть Тобольск и ехать в столицу[10]. Сибирской губернией с января 1715 г. по начало 1716 г. ведал тобольский обер-комендант Иван Фомич Бибиков[11].

В посланиях Цэван-Рабдана, помимо прежних разногласий о подданстве барабинцев и принадлежности земель на слиянии Бии и Катуни, ойратским правителем были выдвинуты более широкие территориальные претензии к России: «Городы Томск, Красноярск, Кузнецкой на их землях построены. Долой буде снесены не будут, то их, яко на своей земле, пошлет взять»[12].

Ответную грамоту Гагарин составил в феврале 1715 г., уже будучи в Москве (док. № 22). В этом письме он не стал отвечать на реестр обид, но развернуто изложил позицию сибирской администрации о принадлежности России всего течения сибирских рек «от устья, где впали в Северное море, и до гор, из которых те реки потекли». Из этого следовало, что и все земли в бассейне сибирских рек — тоже «земля царского величества». На ультимативное требование Цэван-Рабдана М. П. Гагарин ответил твердо, однако без явных угроз. Он заверял хунтайджи в миролюбии и подписался: «Вашему превосходительству всякаго добра желатель». В территориальных спорах с ойратами сибирский губернатор явно отдавал предпочтение дипломатическим методам, а не военным, усиливающим конфронтацию и ведущим к боевым столкновениям.

Тем временем в Тобольске с ноября 1714 г. начались приготовления к иртышскому походу за «песошным» золотом. Первые два месяца оказались малопродуктивными. 13 января 1715 г. Бухолц писал царю: «Пушек в Таболску годных к походу, кроме двух, нет, и то без станков. А ружье, с которым я принял людей в Тоболску у господина губернатора, все негодно и без штыков. И полашей у тех людей и в казне нет»[13].

При отъезде из Тобольска в январе 1715 г. М. П. Гагарин вручил И. Д. Бухолцу указ («пункты»), в котором подполковнику предписывалось с отрядом в 2000 пехоты, 500 драгун и 500 казаков весной отплыть на судах вверх по Иртышу и заложить крепость у Ямышевского озера. Казаки назывались «гарнизонными» и предназначались для оставления в новопостроенных крепостях.

Имея у себя собственноручную резолюцию Петра I от 22 мая 1714 г. (док. № 18), М. П. Гагарин рассматривал её как именной указ монарха. Поэтому в своей инструкции Бухолцу губернатор приказывал от построенной Ямышевской крепости «итти вверх по Иртышу реке, и делать городки по Иртышу вверх до того места, откуда можно итти ко Иркети городу»[14].

Первоначально предложенный Гагариным маршрут похода на «городок Эркет» пролегал вдали от Алтайских гор: в мае 1714 г. сибирский губернатор предлагал царю идти от Ямышевского озера не вдоль Иртыша, а двигаться на юг, напрямую через степь и «калмыцкое кочевье». Однако по решению Петра I маршрут военного отряда должен был пролегать вдоль реки, к её верховьям. Такой путь неизбежно приводил русских в горы Алтая.

Отправиться в плавание весной, сразу после вскрытия Иртыша, Бухолцу не удалось. Нехватка людей, оружия и судов заставили подполковника задержаться в Тобольске до конца июня. К этому времени были сформированы два пехотных полка, которые получили названия Петербургского и Московского[15]. Первым командовал сам под-

---

ничавший с Россией. Одна из его дочерей была женой Цэван-Рабдана (Извлечения из «Дай цин шэнцзу жэньхуанди шилу» / пер. К. Ш. Хафизовой // Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994. Док. № 4, с. 60).

[9] Бумаги императора Петра I / сост. А. Бычков. СПб., 1873. Док. № 54, с. 154.

[10] Сибирский летописец… Тобольск, 1892. С. 44; Кузнецов Е. В. Сибирский летописец… Тюмень, 1999. С. 107; Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей… Писана в Тобольске 1745 году. С. 129. Опубл.: American memory [Электронный ресурс] / The Library of Congress. URL: http://memory.loc.gov/service/ndlpcoop/mtfxtx/txg/g349606048/0135.jpg (01.08.2015).

[11] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 145 об.

[12] РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 15 об.

[13] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 59. Опубл.: Бумаги Петра I / сост. А. Бычков. СПб., 1873. Док. № 133, с. 290–292; Из истории Омска (1716–1917 гг.): очерки, документы, материалы. Омск, 1967. Док. № 6, с. 48.

[14] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 206–208 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-4, с. 136–138. «Пунктами» это распоряжение Гагарина называет сам Бухолц в донесении Петру I (Из истории Омска… Док. № 7, с. 51).

Названия полков приводятся в документах: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 30 (август 1715 г.); Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 75 (1716 г.), 453 об. — 454 (1720 г.), см. также док. № 83 в этой книге. На карте Ямышевской крепости, которая по изображенным реалиям датируется 1715 годом, казармы обозначены литерами «П» и «М» (цв. ил. 2 и рис. 22).

[15] В ноябре 1727 г. гарнизонные полки были переименованы. При этом сформированные в 1715 г. для экспедиции Бухолца пехотный Санкт-Петербургский полк стал называться Тобольским (полк, называвшийся до этого Тобольским, стал именоваться Якутским), пехотный

полковник, вторым — армейский майор из его команды (табл. 3). Единственным майором, прибывшим с Бухолцем, был Иван Вельяминов-Зернов, ранее служивший в Киевском пехотном полку[16]. К команде Бухолца он присоединился в Москве летом 1714 г.[17]

30 июня 1715 года полки погрузились на суда и отправились в плавание вверх по Иртышу (док. № 23, 35). Флотилия Бухолца состояла из 33 крупных речных судов-дощаников и 27 больших лодок[18].

24 июля отряд прибыл в Тару, где, по словам Бухолца, он «дождался таких же новых драгун неученых, которые в слободах набраны» (док. № 23). При отправлении из Тары, 8 августа 1715 г., была составлена общая ведомость («табель») о численности людей и вооружения. К тому времени в Санкт-Петербургском полку имелось 840 солдат, а вместе с командирами и обслуживающим персоналом 1056 человек; в Московском полку значилось, соответственно, 856 солдат и всего 1067 человек; драгун — 540 рядовых, всего 604; артиллеристов — 46 и всего 70 (табл. 3, данные в скобках). Общая численность войск, отправившихся из Тары, по табели составляла 2797 человек[19]. При этом в сопроводительном письме Бухолц указывал: «А всего со мною войска всякаго чина людей две тысячи семьсот девяносто пять человек» (док. № 23)[20].

Сибирский губернатор М. П. Гагарин в письме от 26 июля 1716 г. писал: «Отпущено было от Ивана Бибикова из Тоболского всякого чина две тысячи девятьсот сорок один человек» (док. № 25). В составленном в 1716 г. «Ведении» об отправке экспедиции Бухолца из Тобольска говорится: «драгун и салдат 2862 человека, мастеровых людей 70 человек», то есть суммарно 2932 человека[21]. В августовской табели Бухолца солдат и драгун указано суммарно 2282 человека (табл. 3). В ведении значится на 580 человек больше. Возможно, здесь было учтено подкрепление, отправленное к Ямышевской крепости зимой, в начале 1716 г.

В письме к князю Меншикову от 11 февраля 1717 г. сам Бухолц писал, что в его войске к моменту отправки насчитывалось 2450 человек (док. № 35). Это число явно ошибочно. В литературе XIX в. встречаются и другие цифры численности отряда Бухолца, не подтверждённые документально[22].

В Таре, последней русской крепости на пути к ойратам, Бухолц получил полторы тысячи лоша-

---

Московский — Енисейским, а Новоучреждённый драгунский — Сибирским (РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Л. 91; Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб., 1899. С. 89).

[16] Зезюлинский Н. К родословию 34-х пехотных полков Петра I [Электронный ресурс]. Пг., 1915. С. 11. http://adjudant.ru/petr/zezulinsky04-02.htm (23.02.2014). Г. Ф. Быконя ошибочно отождествил участника экспедиции Бухолца майора Ивана Вельяминова-Зернова с дворянином Ржевского уезда Яковом Львовичем Вельяминовым-Зерновым, сведения о котором опубликованы в «Сенатском архиве» (Т. 7. СПб., 1895. С. 722–723). В результате в биографической справке переплелись судьбы двух однофамильцев (Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в.: формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 75).

[17] Евсеев Е. Н. Экспедиция И. Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 47–59. Цит. по: Мосты жизни нашей… Евгений Евсеев: исследования, публикации [Электронный ресурс]. URL: http://lib.omsk.ru/ip/evseev/node/175 (23.02.2015). Е. Н. Евсеев указывал инициалы майора: И. Л. Вельяминов-Зернов.

[18] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 95–95 об. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39, с. 130. Миллер писал о 32 дощаниках и 27 лодках (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande… St.-Petersburg, 1760. S. 214). В русском издании 1760 г. количество лодок не указано (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 34).

[19] В январе 1719 г., на следствии в Сенате, Бухолц называл то же число: «А в отправлении было с ним … две тысячи семсот девяносто семь человек» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 198. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 145; Из истории Омска… Док. № 8, с. 52).

[20] Такую же цифру приводил В. А. Моисеев: 2795 чел. (Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство… Барнаул, 1998. С. 25).

[21] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 107. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-3, с. 130 (Публикация по копии из фонда Миллера в СПФ АРАН). Именно такую цифру называл в своей статье Г. Ф. Миллер: «числом было всех 2932 человека» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande… St.-Petersburg, 1760. S. 213; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 34). При переиздании русского текста в 2005 году допущена ошибка — «две тысячи девять сот два человека» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 482). Причина этой ошибки в том, что в третьем томе «Истории Сибири» воспроизвели не перевод из «Ежемесячных сочинений» (1760), а текст, переизданный в 1785 г. М. Д. Чулковым с многочисленными мелкими погрешностями (Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. Т. 3. Кн. 1. М., 1785. С. 410–478).

[22] С. И. Гуляев называл 3892 чел. (Гуляев С. И. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых // Вестник имп. Русского географического общества на 1851 год. СПб., 1851. Ч. 3. Кн. 6. Отд. IV. С. 49). В. К. Андриевич указывал «2717 человек драгун и солдат и 70 мастеровых» (Андриевич В. К. История Сибири. Ч. 2: Период с 1660 года до воцарения императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1889. С. 298). Однако в последнем случае все сведения о походе Бухолца автором заимствованы из документов, опубликованных во второй книге «Памятники сибирской истории XVIII века» (СПб., 1885, Док. № 11, 28, 39), а там указана иная численность отряда.

дей, на которые пересадил драгун[23]. С этого времени отряд двигался и по воде, и по суше.

10 августа Бухолц достиг Такмыкской («Татмышской») слободы[24] — последнего административного центра Тарского уезда на Иртыше. Оттуда он послал в царский Кабинет письмо, в котором сообщал о начале похода и намерении «прибыв… к Ямышеву и зделав крепость, как возможно, нынешнею осенью пойду далее против указу, хотя и поздо» (док. № 23).

Перспективы похода Бухолц оценивал весьма негативно: «Надеяние мое на бога, а от неприятеля спастись не знаю как, понеже малолюден», — писал он кабинет-секретарю А. В. Макарову (док. № 23). По собранным в Тобольске сведениям, путь от Ямышева озера до Яркенда должен был длиться более 12 недель, причём идти предстояло сначала пустыми степями, потом «чрез жилище контайши», у которого имелось войска «тысяч с шездесят и болши». В связи с этим Бухолц просил кабинет-секретаря похлопотать за него перед царём, чтобы Пётр I либо освободил его от невыполнимого поручения, либо «указал войск прибавить».

Тяжело гружённые суда плыли вверх по течению медленно. Конечную цель первого этапа экспедиции — Ямышевское озеро — удалось достичь только 1 октября. Очевидно, к этому времени Бухолц уже принял решение остановиться на Ямышевском озере до весны. По его собственным словам, к строительству земляной крепости отряд приступил лишь через четыре недели, 29 октября (док. № 24). Видимо, почти весь октябрь солдаты и драгуны занимались устройством зимнего лагеря. Прежде чем начать возводить крепость, были построены жилые избушки-казармы, а также деревянный острожек для размещения артиллерии. На постройку земляной крепости ушло две недели: к 10 ноября укрепление, обнесённое рвом и валом, было готово[25].

В ноябре 1715 г.[26] на Ямышевском озере остановилось возвращавшееся из Тобольска ойратское посольство, которое везло своему правителю «лист», присланный из Москвы Гагариным (док. № 22)[27]. Ойраты подчёркивали, что новая русская крепость возводится на их земле, и потребовали подтверждения мирных намерений Бухолца.

В 1719 г. на допросе в Сенате Бухолц сообщал: «А во время де строения той крепости были от них, посланцов, розговоры, что та крепость на их земле строитца по какому указу. И приходили они, посланцы, к нему и говорили, чтоб он от себя послал с ними посланного х контайше со известием, что он с ним войны иметь не будет, также бы и он, контайша, с людми царского величества войны иметь не будет.

И для того он, Бухалц, послал с ними порутчика, и о том с ним писал, и по тому письму никакой отповеди не получил для того, что ево, порутчика, у тех посланцов на пути отбили Казачьи орды люди и взяли в полон и писма отобрали»[28].

Согласившись на предложения ойратских послов, Бухолц отправил вместе с ними в Ургу поручика Маркела Трубникова, которому дал своё письмо к хунтайджи[29]. О судьбе поручика стало известно в сентябре 1716 г., когда в Тобольск прибыли казахские послы. В качестве жеста доброй воли они привезли и передали сибирским властям поручика Маркела Трубникова и его писаря[30].

---

[23] Г. Ф. Миллер писал о 700 драгунах (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 34), но по документам их было менее 600 человек, включая командиров.

[24] Такмыкская слобода — современный пос. Такмык, располагается примерно в 70 км вверх по Иртышу от г. Тары.

[25] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 198 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 146; Из истории Омска…. Док. № 8, с. 53.

[26] Дата прибытия послов нигде не названа. Однако Бухолц упоминал, что это произошло во время строительства крепости, а к 29 декабря послы уже уехали (док. № 24).

[27] Уже в 1730-х гг. в Коллегии иностранных дел отмечали, что им неизвестно о русском посольстве, которое доставило этот документ в Ургу (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 16). Такого посольства действительно не было. В отпуске письма ясно сказано: «Таков лист отдан на посолстве в Болшой канцелярии контайшиным калмыком июля 7 дня 715 года». Большая канцелярия располагалась в Тобольске (Редин Д. А. Государственное управление на Урале в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.): автореф. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 27; см. также док. № 42 в главе 13 — начало статейного списка Григория Вильянова).

[28] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 199–199 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 146–147; Из истории Омска… Док. № 8, с. 53.

[29] Г. Ф. Миллер указывал, что для охраны М. Трубникова Бухолц выделил конвой в 50 драгун (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande… St.-Petersburg, 1760. S. 220; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 40; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 483–484). Однако в документах таких сведений нет. Сообщается лишь о том, что «порутчика с пятьюдесят человек драгун» Бухолц посылал с целью осмотра транспорта, присланного ойратским послам из соседних улусов для продолжения путешествия в Ургу (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 199).

[30] В письме Гагарина от 12 сентября 1716 г., в котором губернатор рассказывал Петру I о приезде казахских послов, Трубников назван Меркулом (РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1. Опубл.: Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках: сб. док. и материалов. Алма-Ата, 1961. Док. № 14, с. 16; Дипломатические документы первой трети XVIII века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 2: Русские летописи и официаль-

В Тобольске Трубников рассказал, что вскоре после выезда из Ямышевской крепости[31] ойраты взяли посланцев Бухолца под караул. «И держали ево в телеутах за караулом недели с три, и послали его х контайше за караулом же. И как де проехали на реку Илю, и в том урочище напали на них Казачья орда и ево, поручика, и при нем драгун трех человек ранили и одного татарина убили. И взяли их и калмыков в полон в Казачью орду»[32]. Письмо Бухолца так и не попало к Цэван-Рабдану.

Это письмо и инструкция, которую получил Трубников, не сохранились ни в подлиннике, ни в копиях. Об их содержании мы можем судить только по упоминаниям самого Бухолца и по комментариям, содержащимся в письмах сибирского губернатора 1716 г., а также в материалах его допроса в январе 1719 г.

Анализируя причины неудачи военной экспедиции 1715–1716 гг., губернатор Гагарин 12 сентября 1716 г. писал Петру I, что он скрывал от монголов конечную цель похода (захват города Эркети) и заверял ойратских послов, будто бы войска отправлены для поиска руд. По мнению Гагарина, такой дипломатический манёвр мог обеспечить мирное продвижение российского отряда вглубь «калмыцких владений». Губернатор заверил послов, что имеет об этом царский указ, предписывающий во время похода «их бы не сбивать с тех мест и не воевать». «Да опорочил, государь, те мои им слова Иван Бухолц, — объяснял царю Гагарин, — сказал тем посланцам, что от вашего величества послан он в Еркеть, и указ де дан мне (Бухолцу. — *Авт.*) за печатью, а велено де мне роспечатать в Еркети, и чинить де буду по тому указу. <…> И офицер Трубников, которого у калмык отбила Казачья орда, был послан с тем словом, и в письме с ним написано было о том же». В результате, сообщал губернатор, ойратские послы «моим словам и письму моему не поверили»[33]. О том, что «дурачеством своим Бухолц приказал им жестоко, что он идет в Еркеть» Гагарин жаловался и кабинет-секретарю А. В. Макарову (док. № 33). Позднее, на допросе в Сенате, губернатор также утверждал, что к военному конфликту привела откровенность Бухолца, который «написал х контайше, також и в наказе Трубникову, и словами сказать велел, что указ великого государя он имеет особливой и идет в Ыркеть» (док. № 68).

Возможно, Гагарин был прав, когда обвинял Бухолца в разглашении истинных целей похода. В письме от 29 декабря 1715 г. подполковник и сам сообщал, что он «х контайше послал с ызвестием, что при Ямышеве город зделан, и писал к нему, дабы он с войски царского величества был мирен и до указного места идтить мне не претил» (док. № 24). Следовательно, Бухолц действительно что-то сообщал ойратам о конечной цели военной экспедиции.

В конце декабря Бухолц писал в столицу о новопостроенной Ямышевской крепости: «Немного оная не отделана, обаче (однако. — *Авт.*) в приход неприятелской с помощию божиею возможно оборону иметь безпечную» (док. № 24). Теперь предстояло ждать весны, чтобы, следуя царскому указу, идти дальше «на городок Эркет».

Каким маршрутом собирался двигаться Бухолц от Ямышевской крепости к городу Яркенду: сразу на юг, через степи, или вдоль Иртыша, намереваясь повернуть к «контайшину кочевью» от Алтайских гор? В письмах подполковника августа–декабря 1715 г. нет прямого ответа на этот вопрос. Однако в декабрьском послании он упомянул, что без подкрепления «не мыслить мне от Ямышева далее Камня идтить» (док. № 24). Следовательно, после зимовки Бухолц планировал продолжить плавание вверх по Иртышу, о чём он писал и в августе — «пойду далее против указу» (док. № 23), то есть как предписывал ему майский указ Петра I.

О постройке Ямышевской крепости Бухолц информировал царя и сибирского губернатора. В письме к царю от 29 декабря 1715 г. подполковник рапортовал, что крепость построена, но к Эркети идти за малолюдством небезопасно, и что солдаты от него разбегаются, ибо в сибирских городах всяких гулящих людей принимают[34].

ные материалы XVI — первой трети XVIII в. о народах Казахстана. Алматы, 2005. Док. № 4, с. 271).

[31] По сведениям В. А. Моисеева, Трубников был отправлен в ставку хунтайджи 1 января 1716 г. (Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство … Барнаул, 1998. С. 27). Однако о том, что «с оными послами отправил он от себя порутчика», Бухолц сообщал уже 29 декабря 1715 г. в письмах царю (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 36 об.) и Макарову (док. № 24).

[32] АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731 г. Д. 2. Л. 41 об. Цит. по: Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке… Барнаул, 1998. С. 27.

[33] РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 2. Опубл.: Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сб. док. и материалов. Алма-Ата, 1961. Док. № 14, с. 17; Дипломатические документы первой трети XVIII века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 2: Русские летописи и официальные материалы XVI — первой трети XVIII в. о народах Казахстана. Алматы, 2005. Док. № 4, с. 273.

[34] Послание достигло адресата лишь в августе 1716 г., когда царь находился в Дании. В Кабинете был оставлен пересказ письма Бухолца царю с пометой: «От Ямышева декабря от 29-го дня 1715» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 36). 7 августа Пётр I написал ответные письма Бухолцу (сохранилась копия: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 209) и Гагарину (Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1873. Док. № 55, с. 155). Сенатская копия ответа начиналась словами: «Господин подполковник, писмо ваше декабря от 27-го дня до нас дошло». Очевидно, дата указана ошибочно.

Таблица 3

«Табель
в коликом числе новые сибирские полки людей состоят при Ямышеве у подполковника Бухолца штап, и обор, и ундер афицеров, капралов, и алтилерных служителей, драгун и салдат, и других чинов, и гварнизонных казаков, толмачей, татар и всяких чинов мастеровых людей. И что при оных полках алтилерии, и ружья, мундиру и амуницый декабря по 29 число 1715 году»

	Регименты	Санкт Питербурхского	Московского	Драгуны	Алтилерные служители	Итого
Полковаго штапу налицо	Подполковник	1				1
	Маэор		1			1
	Капитан за маэора	1				1
	При алтилерии порутчик				1	1
	Квартермистр	1				1
	Отъютанты	1	1			2
	Писарь полковой	1				1
Обор афицеров налицо	Капитаны	2	5			7
	Порутчики	6	7	2	0	15
	Прапорщики	5	3	2		10
Ундер афицеров на лицо	Вахмистры и сержанты	10	10	6	2	28
	Каптенармусы	9	9	4		22
	Подпрапорщики	8	8	4		20
Служащих налицо	Фуръеры	9	9	4		22
	Капралы	35	36	24	2	97
	Алтилерные служители, драгуны и салдаты	774 (840)	770 (856)	478 (540)	46 (46)	2068 (2282)
Не служащия налицо	Писари ротные	9	10			19
	Барабанщики	19	20	7	2	48
	Гобоисты	6				6
	Флейщики		7			7
	Ротные обозные	9	8	1		18
	Фельшары	10	9			19
	Армейских афицеров денщики	11	9	1		21
	Извощики	42	43			85
	Профосы	8	8			16
	Итого:	977	973	533	53	2536
Да сверх выше писанного при полках всяких чинов людей	Гварнизонных казаков	38				38
	Толмач			1		1
	Служилые татара			27		27
	Слесари	4	3		2	9
	Кузнецы				16	16
	Паялщик				1	1
	Станошники				2	2
	Токари				1	1
	Колесники				4	4
	Плотники	4			15	19
	Коновалы			2		2
	Итого:	46	3	30	41	120
	Всего при полках:	1023 (1056)	976 (1067)	563 (604)	94 (70)	2656 (2797)
Артилерии налицо	Мартир пудовой				1	1
	Мартир шти фунтовых				14	14

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 23. Л. 34. Подлинник, подписанный Бухолцем. «Табель» была послана в Кабинет вместе с письмом Петру I (док. № 24). В таблице приведена первая часть документа (сведения о ружьях, мундирах, амуниции и припасах, содержащиеся на листе 35, опущены).

В круглых скобках даны итоговые цифры из аналогичной табели от 8 августа 1715 г., составленной после отплытия отряда из Тары (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 30).

	Регименты	Санкт Питербурхского	Московского	Драгуны	Алтилерные служители	Итого
	Пушек семи фунтовых				2	2
	Пушек шти фунтовых				2	2
	Пушек трех фунтовых				6	6
	Пушек двух фунтовых				3	3
	Гранат чиненых шти фунтовых				670	670
	Гранат чиненых трех фунтовых				1280	1280
	Бомб не чиненых				852	852
	Гранат не чиненых шти фунтовых				3657	3657
	Пяти фунтовых				260	260
	Трех фунтовых				270	270
	Картеч чиненых шти фунтовых				220	220
	Трех фунтовых				300	300
	Двух фунтовых				60	60
	Картеч не чиненых шти фунтовых				65	65
	Трех фунтовых				28	28
	Двух фунтовых				140	140
	Ядер шти фунтовых				6560	6560
	Трех фунтовых				5217	5217
	Двух фунтовых				480	480
	Фитилю пудов				12	12

Если сравнить табели о составе отряда Бухолца за 8 августа и за 29 декабря 1715 г. (табл. 3), то видно, что число драгун и солдат сократилось на 214 человек (с 2282 до 2068). Позднее М. П. Гагарин, ссылаясь на письмо Бухолца, сообщал в Кабинет, что у подполковника «с 400 человек померло и розбежалось» (док. № 31).

В декабрьской табели подробно перечислено вооружение, в том числе и артиллерия. В распоряжении 46 артиллеристов Бухолца находилось 15 мортир и 13 пушек, к которым имелось почти 7 тысяч разрывных снарядов (гранат и бомб[35] для пудовой мортиры), а также более 12 тысяч ядер и более 800 картечных снарядов. Бухолц вёз с собой почти 20 тысяч артиллерийских боеприпасов!

Между тем в новопостроенной крепости не было установлено ни одного орудия. Все они размещались в отдельно стоявшем «артилерном острожке».

В Санкт-Петербурге, в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук сохранился недатированный чертёж (цв. ил. 2), на обороте которого имеется надпись по-французски: «Fort d'Jamychevo etc. sur la rivière d'Irtisch» («Ямышевская крепость и проч. на реке Иртыш»)[36]. Рукописный план вклеен в один из альбомов чертежей из собрания Петра I. После смерти императора карты поступили в Санкт-Петербургскую академию наук, где в 1728 г. была составлена их опись. В этом реестре, в разделе «Рукописные карты», под номером 33 записано: «Белые воды Ямышевой, соленое озеро, озеро Пресное»[37]. Такое название полностью соответствует указанной выше карте. Ещё в 1961 г. она была описана в обзоре фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Составители совершенно верно отмечали, что «данная карта связана с экспедицией И. Д. Бухгольца 1714–1716 гг.»[38]. Несмотря на то, что карта была правильно атрибутирована и подробные сведения о ней опубликованы, в течение более полувека никто из исследователей не обращался к этому уникальному источнику — единственному чертежу, сохранившемуся от экспедиции Бухолца. Вероятнее всего, подполковник отправил карту Петру I вместе с письмом в конце 1715 г.

---

[35] Граната — чугунный шар весом менее пуда, имеющий внутри пустоту, в которую насыпан порох (разрывной заряд). Подобный снаряд, но весом в пуд и более, назывался бомбой (Берназ А. Боеприпасы [Электронный ресурс] // Берназ А. Техническое оснащение русской артиллерии начала XIX в. Б. м., 2000. (Интернет-проект «1812 год»). URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Army/RussArtillery/part5.html).

[36] БРАН. Отдел рукописей. Собрание иностранных рукописей. F°266. Т. 3. Л. 43 (чертеж № 169). Облегченная прорисовка с этого чертежа имеется в картографической коллекции Ж.-Н. Делиля, хранящейся сейчас в Национальной библиотеке Франции (Fort d'Yamychevo, etc., sur la riv. Irtich // Департамент карт и планов. Шифр: GE BB-124 (157RES). Опубликовано: Gallica: Bibliothèque numérique. [Электронный ресурс] URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003023w.r).

[37] СПФ АРАН. Ф. 3. Д. 2330. Л. 134–138. Цит. по: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.; Л., 1961. С. 26.

[38] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук... С. 66, 227.

Рис. 22. Фрагмент карты части Иртыша и окрестностей Ямышевского озера с обозначением новопостроенной крепости и полевого лагеря войск И. Д. Бухолца. Ноябрь 1715 — январь 1716 г. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 2

На раскрашенном чертеже размером 37,5×54,5 см показано «Ямышево солёное озеро» и расположенный напротив него участок Иртыша с протокой Белые воды. План ориентирован верхом на северо-восток (стрелка N–S помещена внутри крепости). Г. Ф. Миллер, посетивший Ямышевскую крепость летом 1734 г., впоследствии так описывал изображённую на чертеже местность: «Сие озеро… отстоит от реки Иртыша на 6 верст с половиною. <…> На полтретьи версты ближе к реке Иртыше находится малое озеро, которое для пресной своей воды Пресным называется. Из онаго течет в реку Иртыш малой ручей, Преснуха, которой по обоим берегам имеет ниские луга, где трава ростет и небольшей лес, чего в толь сухой степи мало сыщется. Недалеко от устья Преснухи на вышине северовосточнаго берега при Иртыше выбрал подполковник Бухольц место под крепость»[39].

По словам Миллера, земляной вал укрепления имел вид «на подобие половиннаго шестиугольника»[40]. Именно такое оборонительное сооружение мы видим на чертеже (рис. 22). Сопоставление других деталей описания и плана позволяет уверенно датировать изображение периодом между окончанием постройки крепости и нападением на неё ойратов, то есть ноябрём 1715 — январём 1716 г., вероятнее — концом 1715 г.

Судя по чертежу и описанию, бревенчатых стен крепость не имела. Её вал и ров по внешнему контуру были окружены деревянными рогатками. Внутри укрепления никаких построек вплоть до февраля 1716 г. не существовало, «в ней находилась одна только большая палатка, в которой отправлялась божия служба»[41]. Построив в конце осени укрепление на высоком иртышском берегу, войска Бухолца предпочли зимовать во временном полевом лагере «на лугу при устье речки Преснухи», где ещё с XVII в. традиционно размещался укреплённый лагерь русских соледобытчиков[42]. Возведенные здесь казармы и дома для офицеров были окружены палисадом и рогатками. Ближе к высокому берегу, на левой стороне Преснухи, на чертеже изображены четыре солдатские казармы и перед ними ряд из 14 домов. Подпись «полки М. П.» поясняла, что здесь стояли Московский и Петербургский пехотные пол-

[39] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб., 1760. Январь. С. 35–37.

[40] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Январь. С. 38.

[41] Там же. С. 43.

[42] Вершина Иртыша реки. Глава 24 // Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. В 2 т. Тобольск, 2011. Т. 1: факсимильное издание. Л. 97. Атлас опубликован в Интернете: Remezov, Semën Ul'ianovich, 1642-ca. 1720. Khorograficheskaya kniga [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. URL: http:// pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155

ки. К югу от них, между Преснухой и старицей Иртыша, находились казармы и семь домов кавалерийского Драгунского полка. Все зимние квартиры располагались вдоль дороги, ведущей от Ямышева озера к Иртышу, – на устье ручья Преснухи, куда обычно приставали суда, посланные за солью.

На чертеже видно, что поставленная Бухолцем крепость перекрывала дорогу-взвоз от пристани на высокий берег Иртыша. Помимо земляного укрепления, по словам Бухолца, он «при той же крепости построил острожек артилерной»[43]. Г. Ф. Миллер пояснял: «Для артиллерии построен близ крепости малой деревянной острог». На карте он подписан как «дом артилерии». «Подле онаго, – продолжал Г. Ф. Миллер, – для покла-

[43] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 198 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 146; Из истории Омска... Док. № 8, с. 53.

жи военных и съестных припасов два большие амбара»[44]. Карта позволяет уточнить эти сведения: два провиантских амбара нарисованы с другой стороны крепости, а не рядом с артиллерийским острогом. Кроме лагеря российской военной экспедиции и возведённых Бухолцем укреплений, на чертёж попали «бухарские юрты», располагавшиеся на острове за протокой «Старый Иртыш». Об этом лагере торговцев будет сказано ниже.

Лист с чертежом 1715 г. сохранился не полностью: у него неровно обрезана кромка и отсутствует южный угол, где могли быть пояснительная надпись, масштаб и указание авторства.

Автор карты неизвестен. Однако видно, что чертёж выполнен профессионалом. Об этом свидетельствуют: детальная прорисовка плана крепости и военного лагеря, стремление к точной передаче гидросети и рельефа, показ стрелками направления течения реки, мастерская работа с тушью и приёмы акварельной отмывки, наличие стрелки N–S. Хотя автор был современником С. У. Ремезова, его манера передачи деталей местности уже отличалась от стиля тобольского изографа и приближалась к точной технической графике (сравн. рис. 7 с цв. ил. 2). Кто же в составе экспедиции Бухолца мог быть таким профессионалом?

Известный специалист по российской картографии XVIII в. Сергей Ефимович Фель (1885–1967) считал, что в 1715 г. экспедицию Бухолца по Иртышу сопровождал геодезист Фёдор Молчанов[45]. Действительно, выпускник Московской математико-навигацкой школы Ф. А. Молчанов[46] был одним из первых профессиональных русских геодезистов новой петровской школы и, пожалуй, первым из них, кто начал работать в Сибири.

Историк отечественного межевания Пётр Иванович Иванов (1791–1864), изучавший в середине XIX в. документы сенатского архива, поставил Фёдора Молчанова первым в списке геодезистов, посланных в Сибирь, однако временем его отправки указывал 1717 год[47], что подтверждается показаниями самого Молчанова (см. рис. 49 в главе 19).

На наш взгляд, высока вероятность того, что рассматриваемый чертёж мог быть выполнен поручиком артиллерии Иваном Каландером, который, по словам Г. Ф. Миллера, «отправлял при том должность инженера», руководившего возведением Ямышевской крепости[48].

О человеке, спроектировавшем и построившем этот российский форпост на Иртыше, известно немного. Шведский штык-юнкер (сержант) «Яган Каландр»[49] во время Северной войны служил в артиллерии и попал в русский плен при разгроме армии Карла XII под Полтавой в июне 1709 г.[50]

Очевидно, в шведской армии Каландер служил вместе с другим известным в Сибири артиллеристом Иоганом Густавом Ренатом. В списках пленённых под Полтавой их фамилии стоят по соседству[51]. В бумагах Леонтия Дмитриевича Угримова (1700–1750), русского посланника к ойратскому правителю в 1731–1733 гг., сообщается, что попавший в 1716 г. в ойратский плен шведский артиллерист Ренат «поехал в Ямышеф капитана Каландера посетить»[52].

Документов, рассказывающих о судьбе пленного артиллериста в 1709–1714 гг., нам выявить не удалось. Достоверно известно только то, что к лету 1714 г. Каландер в чине поручика артиллерии уже состоял на службе в российской армии.

---

[44] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Январь. С. 38.

[45] Фель С. Е. Государственная съемка России 1715–1744 годов // Сборник науч.-тех. и произв. статей по геодезии, картографии, топографии, аэрофотосъемке и гравиметрии. М., 1949. Вып. 25. С. 26; Фель С. Е. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века // Вопросы географии. Сб. 17: История географических знаний. М., 1950. С. 7.

[46] В работе Гольденберга Л. А. и Постникова А. В. даны инициалы геодезиста: Ф. А. Молчанов (Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М., 1990. С. 31).

[47] Иванов П. И. Обозрение геодезических работ в России со времени Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 г. // Записки императорского Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 9. С. 426.

[48] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Январь. С. 37–38. В авторском тексте, написанном по-немецки, Миллера называет его «Calander» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… St.-Petersburg, 1760. S. 217).

[49] Позднее в русских документах фамилия писалась «Каландер», иногда «Каландар», «Каландыр» (РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Л 93). Возможно, последней гласной в фамилии не было, и верным следует считать запись 1709 года.

[50] РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 952. Л. 22 об. Опубл.: Полтавская битва 27 июня 1709 года: документы и материалы. М., 2011. Док. № 340, с. 478, 641; Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИМиВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 123. Опубл.: Ефимов С. В. Шведские артиллеристы в русском плену (1709–1721) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой междунар. науч.-практ. конф. 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. II. С. 167.

[51] РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 952. Л. 22 об. Опубл.: Полтавская битва 27 июня 1709 года:.. Док. № 340, с. 478, 641 (Ренат назван «Ренгарт»); Архив ВИМАИМиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 123. Опубл.: Ефимов С. В. Шведские артиллеристы в русском плену (1709–1721)… СПб., 2013. Ч. II. С. 167 (Ренат назван «Кенат»).

[52] АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1733–1734 гг. Д. 1. Л. 259. Цит. по: Моисеев В. А. Новые материалы о Ренате // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): материалы 2 регион. конф. 22 окт. 1999 г. Барнаул, 1999. Прил. 2, с. 26.

Как вспоминал подполковник И. Д. Бухолц, когда в августе 1714 г. он поехал в Сибирь, с ним «з бомбардирами и с кинонерами отправлен был из Москвы артилерии порутчик Каландер»[53].

В ноябре «порутчик иноземец Иван Коендер»[54] прибыл в Тобольск вместе с Иваном Бухолцем[55]. В других документах того времени он именовался «артилерийским порутчиком Иваном Каландером»[56], Гагарин в своих воспоминаниях называл его «капитан порутчик Каландар»[57]. Здесь нет противоречия, поскольку ранг поручика артиллерии тогда приравнивался к рангу армейского капитана-поручика. В иртышском походе артиллерист Каландер выполнял обязанности инженера: под его руководством были построены Ямышевская крепость в 1715 г. и Омская в 1716 г., а затем и новая Ямышевская в 1717 г.[58] В отряде Бухолца это был наиболее грамотный специалист, способный выполнить технический чертёж.

Пока российские полки зимовали на берегу Иртыша около Ямышевской крепости, находящийся в Москве М. П. Гагарин продолжал свои усилия по налаживанию мирного диалога с правителем западных монголов. По-прежнему считая территории вдоль сибирских рек землями России, он пытался убедить Цэван-Рабдана в том, что начатое строительство крепостей по Иртышу не является угрозой для хунтайджи, а, наоборот, может быть выгодно ойратам. Эту мысль сибирский губернатор высказал в письме «к калмыцкому владелцу Эрдени Журухте контайше[59]» (Цэван-Рабдану), отправленном из Москвы в конце 1715 или начале 1716 г. Текст губернаторского послания нам неизвестен, но его основные тезисы были повторены в наказе тарскому сотнику Василию Борисовичу Чередову, который в феврале 1716 г. вместе с тобольским сыном боярским Тимофеем Ивановичем Этигером повёз письмо Гагарина из Тобольска в Ургу. Кроме передачи «листа» посланнику поручалось объяснить хунтайджи, что многотысячный военный отряд послан «из Тоболска по Иртышу с подполковником Буколцом, для проведыванья серебряных и золотых, медных и иных руд, и для строения городов. И чтоб он, контайша, от тех посланных людей царского величества никакого опасения себе не имел».

Более того, Гагарин предлагал Цэван-Рабдану военную помощь, если хунтайджи письменно попросит о ней сибирского губернатора и согласиться на условия, что «он бы, контайша, ему, царскому величеству, и с людми своими в послушании был, как и Аюка хан калмыцкой… И естли пожелает так быть под именем царского величества, как и Аюка хан, то б писал. То по тому его писму для охранения его войски присланы будут к нему в скорости. Також и из тех людей, которые ныне для городоваго дела посланы на Иртыш и на Зайсан озеро, которые могут к нему притить в скорости для охранения его»[60]. Насколько можно судить по известным нам источникам, в этом документе, составленном в Москве в конце 1715 г., впервые заявлено о намерении русских дойти до Зайсана.

Поскольку территории вдоль Иртыша стали в дипломатической переписке провозглашаться российскими, предполагаемое движение русских вверх по Иртышу и строительство крепостей вплоть до озера Зайсан, по мнению Гагарина, формально не должно было рассматриваться как захват чужих земель. О городе Эркеть в письме сибирского губернатора к хунтайджи и в наказе послу Василию Чередову не было сказано ни слова. Обосновать свои претензии на город, находящийся в Восточном Туркестане, российские власти не могли. Планировавшийся захват Эркети должен был стать явной агрессией по отношению к соседнему государству. Поэтому о продвижении вверх по Иртышу вплоть до Зайсана говорилось открыто, а предполагаемый захват золотых россыпей на Эркен-Дарье держался в секрете. Судя по наказу В. Б. Чередову, Гагарин надеялся решить вопрос дипломатическим путём, заключив соглашение с Цэван-Рабданом на тех же условиях, как и с ханом волжских калмыков Аюкой (1646–1724), который получил военную поддержку от России в обмен на некоторую зависимость от русского царя.

К концу зимы 1715/1716 гг., когда тарский сотник Василий Чередов и тобольский сын боярский Тимофей Этигер отправились с посольством в Ургу, ситуация близ Ямышевского озе-

---

[53] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 201 об.

[54] ГАТюмО. Ф. И47. Оп. 1. Д. 3165. Л. 89. А также л. 87, 88. Опубл.: Ефремов В. Материалы для истории оружейного производства в Тобольской губернии XVIII столетия // Лукич. Тюмень, 2000. № 2 (12). Ч. 2. С. 90.

[55] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 201 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 148; Из истории Омска… Док. № 8, с. 54.

[56] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 110.

[57] Там же. Л. 217 об.

[58] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 112; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 491.

[59] Эрдэни Зоригту-хунтайджи (от монгольских эпитетов «эрдэнэ» — драгоценность, сокровище, «зоригту» — смелый, отважный) — титул, принятый Цэван Рабданом, когда он после смерти Галдана в 1697 г. стал единоличным правителем Ойратского государства. Тронное имя «Эрдени хунтайджи» ранее носили некоторые Алтын-ханы (Русско-монгольские отношения. 1685–1691: сб. док. М., 2000. Док. № 81, с. 232, 431).

[60] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 66. Л. 171 об. – 173. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 28, с. 85–87. Документ также опубликован: Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: док. и материалы. Кн. 1. М., 1989. Док. № 86, с. 234–235.

ра резко изменилась. В феврале 1716 г. русский отряд, ожидавший весну рядом с новой крепостью, подвергся нападению многочисленного ойратского войска. Командовал этим отрядом двоюродный брат хунтайджи Цэрэн-Дондоб-старший (в русских источниках Черен-Дондук)[61]. Отец Цэрэн-Дондоба-старшего, Бума, был седьмым сыном Батура-хунтайджи и родным братом западномонгольских правителей Сенге и Галдана[62]. Придя к власти, Цэван-Рабдан сделал своего двоюродного брата наместником в северо-восточных землях ойратов и передал ему старую ставку на реке Эмиль (совр. Эмель)[63]. С этого времени во владения Цэрэн-Дондоба входили озеро Зайсан и верховья Иртыша[64]. К 1715 г. Цэрэн-Дондоб-старший уже был известным ойратским полководцем. Ранее он успешно воевал в Восточном Туркестане, а позднее и в Тибете[65]. Появление под Ямышевской крепостью военачальника такого уровня свидетельствовало о серьёзности ойратских намерений.

В письме Меншикову в 1716 г. и на допросе в Сенате в 1719 г. И. Д. Бухолц утверждал, что нападавших было «тысяч десять и больши» (док. № 35)[66]. Проверить эти сведения по другим источникам оказалось невозможно. Ещё в декабре 1715 г. Бухолц писал о «калмаках теленгутах», «которых десет тысеч кочуют недалеко от Ямышева» (док. № 24). Тогда эта приблизительная оценка касалась теленгетов — подданных ойратского правителя, кочевавших в Кулундинской степи. Теперь речь шла о числе нападавших.

О нападении ойратов на российские войска, зимовавшие во владениях хунтайджи, подробно рассказал Г. Ф. Миллер в статье, опубликованной в Санкт-Петербурге в начале 1760 г.[67] Источниками сведений академика были как архивные документы, так и рассказы очевидцев, с которыми он беседовал в 1734 г. во время своего путешествия по Иртышу. В том же году, когда в столице была издана статья Миллера, в Тобольске ямщик Иван Леонтьевич Черепанов закончил свою рукописную историю под названием «Летопись сибирская», в которой около десятка листов было посвящено иртышскому походу Бухолца 1714–1716 гг. (док. № 25).

Сопоставление текстов двух названных авторов показывает, что значительную часть летописного рассказа Черепанова составляют почти дословные заимствования из публикации Г. Ф. Миллера[68]. Текст статьи Миллера с 1760-х гг. копировался в рукописных документах. Помимо Черепановской летописи примером такого заимствования могут служить обширные фрагменты текстов в «Экстрактах» об Иртышских крепостях,

---

[61] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 484. В. А. Моисеев в рассказе об осаде Ямышевской крепости ошибочно называет полководца Цэрэн-Дондобом Младшим (Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство… Барнаул, 1998. С. 30). Ойратский полководец Цэрэн-Дондоб-младший принимал участие в боевых действиях в 1730-х годах. Он был представителем следующего поколения рода Чорос и являлся правнуком Батура-хунтайджи (Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 98; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 370–371; Извлечения из «Дай цин шэнцзу жэньхуанди шилу» / пер. К. Ш. Хафизовой // Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994. Док. № 5, с. 62).

[62] Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков… СПб., 1834. С. 93; Моисеев В. А. Материалы к родословной джунгарских ханов (Из показаний в России нойона Норбо-Данжина) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири: сб. ст. к 75-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. А. П. Уманского. Барнаул, 1999. С. 198.

[63] Черненко В., Арынгазин Р. Имена в истории Казахстана: правители Джунгарского ханства в 17–18 веках [Электронный ресурс] // Центральноазиатский исторический сервер. URL: http:// www.kyrgyz.ru/?page=317 (05.07.2011).

[64] Courant M. L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles: Empire kalmouk ou Empire mantchou? Lyon; Paris, 1912. P. 67. (Annales de l'Université de Lyon, nouvelle série, II. Droit, Lettres; Fasc. 26); Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Алматы, 2005. С. 296–297. (История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.; т. 2).

[65] В 1713 г. Цэрэн-Дондоб-старший захватил и разграбил Хами (Baddeley John F. Russia, Mongolia, China being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. Vol. 1. London, 1919. P. CLXXV, прим. 1). В конце 1717 г. войска под его командованием взяли Лхасу, главный город Тибета (Дугаров Р. Н. «Дэбтэр-чжамцо» — источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск, 1983. С. 45; Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005. С. 139).

[66] Материалы допроса см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 200. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 144–149; Из истории Омска… Док. № 8, с. 51–55.

[67] Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg: bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760. S. 183–274. Одновременно был издан перевод на русском языке: Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб., 1760. Январь. С. 3–55; Февраль. С. 103–142.

[68] Историю изучения этого рукописного памятника подробном изложил А. И. Андреев в статье «Черепановская летопись». Он отмечал «близкое сходство (иногда буквальное)» сообщения летописи о Бухолце, Лихареве и других с текстом изданного в 1760 г. труда Миллера (Исторические записки / Институт истории АН СССР. М., 1942. Вып. 13. С. 319).

хранящихся в РГВИА[69]. Со временем авторство Г. Ф. Миллера было забыто и эти архивные документы стали восприниматься как самостоятельные рукописные источники[70].

Вместе с тем выясняется, что сообщение тобольского ямщика значительно полнее повествования Миллера в той части, где говорится именно о вооруженном столкновении, произошедшем в феврале 1716 г. Бой описан в таких деталях, которые мог рассказать в Тобольске только участник сражения. Эти сведения, переданные Иваном Черепановым вперемежку с выписками из статьи Г. Ф. Миллера, имеют самостоятельную ценность уникального устного исторического источника. Сохранившаяся в Санкт-Петербурге рукописная карта 1715 г. (цв. ил. 2) позволяет зримо представить ход сражения, описанного Миллером и Черепановым.

Включённый в Черепановскую летопись рассказ участника ямышевской осады начинается с сообщения о том, что Цэрэн-Дондоб, готовясь к нападению, послал в лагерь Бухолца «под видом дружества посолство, чтоб договаривался о некоторых до купечества принадлежащих пунктах. И притом привезенной ими товар меняли они с россиянами весма со сходною выторшкою, а подполковнику поднесли по своему обыкновению немалые подарки» (док. № 25). Любопытно, что на карте 1715 г. рядом с русским военным лагерем показаны «бухарские юрты». По-видимому, это было традиционное место расположения торговцев-бухарцев. По словам очевидца, Бухолц по неосторожности «показал им все крепостное строение и свое войско».

Впрочем, ход последующих военных действий не даёт основания считать, что ойратский полководец использовал какие-то сведения, полученные в результате планомерной разведки. Развитие событий при внезапном нападении на русский лагерь скорее свидетельствует о том, что Цэрэн-Дондоб не имел ясного представления о расположении российских войск. Подозрение бухарских купцов в шпионаже, безусловно, возникло после монгольского нападения, когда два события стали восприниматься как взаимосвязанные. Однако следует помнить, что район соледобычи на Ямыш-озере был традиционным местом меновой торговли, куда ежегодно приезжали бухарские купцы.

По сведениям Г. Ф. Миллера, нападение десятитысячного ойратского войска на лагерь Бухолца состоялось «в ночи с четвертка на пятницу сырныя недели»[71]. Черепанов дополняет эту фразу указанием точной даты: «Что было в 9 число февраля» (док. № 25). Однако сам Бухолц писал: «И февраля в 11 того ж 716 году пришли внезапу в ночи от вышепомянутого владетеля контайши войска» (док. № 35).

В 1716 г. православная Пасха праздновалась 1 апреля по юлианскому календарю[72]. Прощённое воскресенье отмечается за 50 дней до Пасхи (7 недель + само воскресенье). В этом високосном году оно приходилось на 12 февраля. Следовательно, ночь «с четвертка на пятницу сырныя недели» была ночью с 9 на 10 февраля 1716 г.[73] Рассмотренный пример показывает степень достоверности собственных сведений Ивана Черепанова, который, по-видимому, пользовался какими-то не дошедшими до нас рукописными источниками первой половины XVIII в.

В ночи ойраты напали на караульных, стерегущих коней драгунского полка, и захватили табун. Тем временем основные силы по льду переехали Иртыш. «Оне к крепосте тихо подъезжали под таким видом, как лошадей гоняют. Они прямо ехали, где обвахта находилась, и думали, что салдаты еще о их намерении не знают. <…> Тогда еще Бухолц не чаял, что то неприятель, но думал, что гонят драгунских коней».

По словам участника событий, на правом берегу Иртыша нападавшие разделились: одни из них подъехали к крепости и гауптвахте («обвахте»), а другие направились к казармам, окружённым надолбами. Когда на троекратный оклик караульных гауптвахты ответа не последовало, Бухолц «приказал выпалить из несколки фузей под верх, дабы кого от своих не повредить». Услышав выстрелы, ойраты «со скоростию поскакали на конях к гобвахте».

Гауптвахтой (от нем. «главный караул») военные XVIII в. называли «караульный дом» — помещение, где размещался личный состав караула. Где же располагалась гауптвахта, в которой ночью находился подполковник Бухолц? На чертеже 1715 г. она не отмечена. Не упоминает её в своём рассказе и Г. Ф. Миллер. По сведениям Черепановской летописи ясно, что гауптвахта находилась около крепости, то есть на высоком берегу Иртыша, а не на лугу, где стояли казармы. Если обратиться к чертежу, то видно, что караульным помещением рядом с крепостью мог быть только «дом артилерии», который в статье Миллера назван артиллерийским двором. Показательно, что в лексике неизвестного информатора ямщика Черепанова нет выражений «дом артиллерии»

---

[69] РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 83. Л. 115–162 об.

[70] Черных С. Е. Посланцы Петра Великого // Прииртышье мое. Омск, 1988. С. 140, 143–144, 158.

[71] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Январь. С. 42.

[72] Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология: уч. пособ. для вузов. М., 1981. Приложение 3, с. 169; приложение 3а, с. 174.

[73] Буткевич А. В, Зеликсон М. С. Вечные календари. 2-е изд,, перераб. и доп. М., 1984. С. 122–123.

или «артиллерийский двор», а Миллер, наоборот, нигде не упоминает гауптвахту.

Основная часть ойратского войска пошла на штурм пустующей крепости. «И оне за темнотою ж тут бывших рогаток не разсмотрели, как сами себя, так и коней своих на тех рогатках многие накололи». Похоже, что внутри крепости защитников не было, «только старались с артилерискаго двора пушечною стрелбою отбить от крепости, но в том не имели желаемаго успеха». Пока российские полки по тревоге строились на лугу, ойраты захватили Ямышевскую крепость. Однако вскоре они поняли, что результат штурма невелик — внутри укрепления находилась только походная церковь! Тем временем подступившие пехотинцы «сих незваных гостей опять из крепости выгнали».

Такой поворот событий заставил монгольского главнокомандующего обратить силы на поиск и захват боеприпасов войск Бухолца. Теперь ойратов интересовал российский порох. Но найти его оказалось непросто, и не только из-за ночной темноты. Дело в том, что пороховой погреб так и не был сооружён. «За недостатком лесу или за нерадением командующих» Бухолц оставил запас пороха в том же судне-дощанике, в котором «пороховую казну» привезли из Тобольска. С наступлением холодов дощаник вмёрз в лёд. Для его охраны выделялся один часовой.

Когда многотысячное ойратское войско переправлялось через Иртыш, монголы не смогли догадаться, что все российские боеприпасы лежали на корабле посреди замёрзшей реки. Часовой, конечно, заметил неприятеля и «отважился было по них палить». Однако, несмотря на троекратную попытку выстрелить, «ружье выпалу не дало». Вражеская конница прошла мимо, неисправность оружия спасла российские полки от потери порохового запаса.

На рассвете, когда ойраты отступили от крепости, Цэрэн-Дондоб начал допрашивать взятых в плен российских солдат о том, где лежит порох. Солдат Тобольского полка Пётр Михайлович Першин даже под пытками не выдал врагам этого секрета. Погибая, он смог обмануть ойратов, сказав им, «что лежит порох в тех новопостроенных анбарах подле крепости». Поверив Першину, Цэрэн-Дондоб приказал войскам атаковать продовольственные амбары, стоящие рядом с укреплением. Штурм был успешным, но боеприпасов среди мешков с мукой опять не оказалось.

Тем временем Бухолцу удалось организовать перенос порохового запаса с дощаника в освобождённую крепость. Ситуация постепенно стабилизировалась. Ойраты не смогли реализовать первоначальное преимущество, которое они имели из-за внезапности нападения. Порохом «черные калмыки» так и не завладели. Благодаря халатности командиров, неисправности оружия и героизму солдат, российские войска избежали решающих потерь в первые часы сражения.

Днём 10 февраля основная борьба велась за два продовольственных амбара, в которых засели ойраты. Почти до вечера солдатам Бухолца не удавалось выбить оттуда неприятеля. Кочевники прорубили в деревянных стенах дыры, «ис которых стреляли как по артилерискому двору, так и по крепосте». Другие части монгольского войска «с поля обступили вокруг всю крепость» и пытались взять её штурмом, используя лук и стрелы. Осаждённые отстреливались из ружей и пушек. Последние заряжались не только ядрами, но и пустотелыми артиллерийскими снарядами (гранатами и бомбами), начинёнными порохом, которые взрывались на поле боя. Разница в вооружении оказалась решающей: до этого ойраты с разрывными снарядами ещё не встречались. По словам Г. Ф. Миллера, после удачной бомбардировки амбаров монголы были вынуждены отступить.

На следующий день «всё российское войско, соединясь в крепости и близ оной, сделали себе домы и казармы». С этого времени началась осада, длившаяся одиннадцать недель. Окружённые российские полки «не могли ни вспоможения получить, ниже о своем состоянии подать в другия места известие»[74]. Ойраты, приступив к осаде Ямышевской крепости и угрожая взять её измором, потребовали от Бухолца вернуться на российские земли[75].

«Чирин Дондук господину полковнику послал писмо, — писал подполковнику монгольский военачальник 21 февраля. — Наперед сего контайша с великим государем жили в совете, и торговали, и пословались. И преж сего руские люди езживали, а города не страивали. Война де стала, [потому] что указу государева о строении города нету, и город де построен ложными словами». Таким образом, вооружённый конфликт никак не связывался с намерением Бухолца идти до Яркенда. Главной причиной нападения объявлялось не столько возведение самой крепости на ойратских землях, сколько отсутствие царской грамоты к хунтайджи с объяснением действий русских войск.

«И буде де война будет, — предупреждал Цэрэн-Дондоб, — и я де буду жить кругом города, и людей твоих никуды не пущу, и из города никово не выпущу. Зиму зимовать и лето с весны и до осени со всем житьем буду жить здесь и воевотца. И запасы твои все издержатца, и будете голодны, и город де возму. И будет де ты не будешь

---

[74] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... СПб., 1760. Январь. С. 44–45.

[75] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 200–200 об. Опубл.: Из истории Омска... Док. № 8, с. 53–54; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 159–163. Опубл.: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. Приложение 2, с. 273–277.

с войною, и ты де съезжай с места. И как преж сего жили, так будем и ныне жить и торговатца, и станем жить в совете и в любви, ежели с места съедешь»[76].

По сведениям Г. Ф. Миллера, в ответном письме Бухолц сообщил: «Он всеконечно по указу его императорскаго величества прислан, дабы не только сию, но еще другия построить крепости по реке Иртышу, яко в такой стране, которая всегда Российскому государству была подвластна. А чрез то он не намерен нарушить мир с контайшею, но только искать рудокопных мест»[77]. Подполковник продолжал придерживаться официальной версии, разработанной для прикрытия экспедиции М. П. Гагариным. Между тем ни одного предписанного царём специалиста, «которые в минералах разумеют», в отряде не было. Ещё из Тобольска Бухолц сообщал в Сенат: «Инженеров и минералев с ним нет для того, что за малой трактамент (жалованье. — *Авт.*) никто не йдет, а губернатор велел только по 80 ру. на год давать»[78].

Бухолц не мог предъявить ойратам грамоту государя, поскольку имевшийся у него указ был адресован самому подполковнику, а не хунтайджи. В начале XVIII в. дипломатическая переписка с правителем Ойратского государства велась руководителями сибирской администрации. За первое двадцатилетие правления Петра I правителю ойратов не было отправлено ни одной царской грамоты. «Уничтожая (недооценивая. — *Авт.*) народ калмыцкой» (док. № 35), Пётр I первоначально не посчитал нужным обеспечить дипломатическое прикрытие планируемой военной операции.

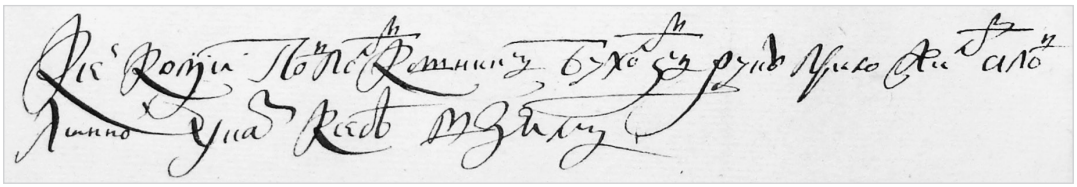
Отправка Василия Чередова с очередным письмом М. П. Гагарина опоздала: посланцы губернатора проехали мимо уже осаждённой ойратами Ямышевской крепости. По словам Г. Ф. Миллера, Цэрэн-Дондоб не только не препятствовал им, но и снабдил их «надежным конвоем до контайшиных жилищ». Однако, продолжал историк, Цэван-Рабдан был настолько возмущён действиями российской администрации, что задержал Василия Чередова и его спутников на долгих пять лет, вплоть до конца иртышских походов[79]. В архивных материалах Миллера документальных подтверждений этих сведений пока не обнаружено. О возвращении В. Б. Чередова нам ничего не известно.

[76] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 210–210 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 40, с. 150–151.

[77] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 46; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 485. Архивных источников об ответном письме Бухолца нам неизвестно.

[78] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 114–114 об.

[79] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 53; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 487. При публикации наказа В. Б. Чередову в сборнике «Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы» (Кн. 1. М., 1989. Док. № 86, с. 234–235) составители в комментарии также указывали, что «джунгарские правители продержали у себя русских посланцев несколько лет» (с. 349).



Автограф Ивана Бухолца на сенатской копии указа Петра I о направлении его в Сибирь: «К сей копии подполковник Бухолц руку приложил, а подлинной указ к себе взял». 1719 г.

Документ № 21

1714 г. мая 22. **— Указ Петра I подполковнику Ивану Дмитриевичу Бухолцу об организации похода вверх по Иртышу и далее для захвата города Эркети (Яркенда)**

(л. 8) Указ подполковнику Бухолцу 1714-го

/[*Вставка на поле:*] Понеже доносил нам сибирской губернатор г[осподин] князь М. Г[агарин], что в Сибири близ калмыцкого городка Еркета на реке Дарье промышляют песочное золото, {и для того}[80]/.

1. И для того ехать {ему} /тебе/ в Тоболск и взять там у /помянутого г[осподина]/ губернатора князя Гагарина 1500 человек воинских людей, {также и протчее, что к тому /к городовой ра-

[80] В фигурных скобках шрифтом меньшего кегля при публикации даются слова и фразы, зачёркнутые в документе. В косых скобках помещены авторские вставки при редактировании документа, в квадратных скобках — пояснения составителей.

боте/ принадлежит и} /[*Вставка на л. 9 об.:*[81]] афицера 1-го, ундер-афицера и 12-ть ч. пушкарей/. /И с ними/ иттить {с теми людми} на Ямыш озеро, где велено делать город. {И там, /в той новопостроенной/} /И пришед х тому месту/, помянутых людей {состороя то, зимовать} в той новопостроенной крепости и около ее, {в ближних местах} /где возможно/, росставить на зимовье, для того, {когда} чтоб на будущую весну, паки возможно было скоряя, с теми людми, собравшись, иттить далее к помянуто{й}/му/ {Дарье реке, до коих мест случай допустит} /городку Еркету/.

2. И как на будущую весну, /собравшись/, с теми людми пойдете от Ямышева к Иркетю, то накрепко смотреть того, чтоб дорогою иттить такою, где б была для людей выгода. Также {делать} в некоторых {днях/днищах/} удобных местах, а именно при реках и при лесах, /делать/ редуты {где б} для складки правианту и для камуникации {редут}. И чтоб редут от редута растаянием был не болше, как дней по 6 или по неделе /времени/ от одного к другому ходу было на проход. (// л. 8 об.) И в тех редутах оставливать по несколку человек людей по своему рассмотрению. {и усмотривая по случаю места}.

3. А когда бог поможет до Еркета {притти} доттить, тогда {проведать подлинно о тех местах, где еркетцы промышляют золото и... буде близ того} /[*вставка на поле:*] трудитца {дабы} тое {крепость} городок достать. И как оным с поможию б[ожиею] овладеете, {то ево} то оной укрепите и {бут... между тем ж проведывайте}/ проведайте подлинно каким образом /и в которых местах по Дарье реке тамошние жители золото/ промышляли {еркецкие жители, также и протчие по Дарье реке золото}.

4. Потом також стараца проведать {о помянутой Дарье реке} о устье помянутой Дарьи реки, куды оная {впала} устьем своим {впала} вышла.

5.[82] {Будучи в Тобол} Сыскать несколко человек из шведов, которыя искусны инженерству, алтиллерии, и которыя в минералах разумеют, которых с воли губернаторской взять. Також и в протчем во всем делать с воли и совету губернаторского. (// л. 9)

6. Протчее поступать как доброму и чесному человеку надлежит во исполнении сего интересу, по месту и конюньктурам смотря.

[*Другим почерком:*] На галере Святой Наталии.

Маия в 22 де[нь] 1714.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 1 — исходящие документы. Оп. 2. Кн. 56. Л. 8–9 об.. Черновой отпуск с рукописной правкой Петра I. Публикуется впервые.

Подлинник указа хранился у И. Д. Бухолца. В 1719 г. в Сенате с него была снята копия, заверенная И. Д. Бухолцем, которая сохранилась: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 204–205.

Другие публикации указа: ПСЗ РИ–1. Т. 5. № 2811, с. 105–106. Текст совпадает с сенатской копией указа, хранящейся в РГАДА; Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 11, с. 36. По копии из СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 117. Л. 242–242 об.; Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. Док. № 84, с. 231–232. По той же копии.

Документ № 22

1715 г. февраля 27. — Грамота сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина, посланная к ойратскому правителю Эрдени Зоригту-хунтайджи (Цэван-Рабдану) с обоснованием территориальных претензий России на верховья сибирских рек

Список с листа, каков послан к контайше Эрденю Журыхте.

Божиею милостию, великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец <полный титул>, его царского пресветлого величества тоболской и всеа Сибири губернатор князь Матвей Петровичm Гагарин, калмыцкому Ерденю Журыхте контайше.

В минувшем 1714, октября в ___ день, посланныи к тебе в Ургу царского величества люди, Иван Чередов, возвратился и привез посланный с ним от вас лист таков. И посланные от тебя[83], Журыхту контайши, два листа. А в них писано:

«Барабинцы де шапки носят с залами, искони вечно люди его и улусы удалели. И для того Тарской город в близости, и ссоры чинят тарския [люди], ясак берут[84].

---

[81] Эта вставка в итоговый указ не попала (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 204–205).

[82] Пункты 5 и 6 написаны Петром I.

[83] Ойратские послы, отправленные вместе с И. Д. Чередовым из Урги в Тобольск в 1714 г.

[84] Губернатор цитировал текст из листа, привезённого И. Д. Чередовым. В статейном списке самого Чередова фраза о барабинцах звучит иначе (подробнее об этом см. в главе 8, прим. 19).

А которой город на реке Катуне был построен, и та де земля его».

И о том бы контайша велел осведомитца, что та земля на Бии и Катуне, где был построен город, его царского величества. И те земли сибирские, а не твои контайшины, потому что сибирские реки, Обь, и Енисей, и Лена, искони сибирские, и от устья, где впали в Северное море, и до гор, из которых те реки потекли. Також которые реки впали в них, то те земли, откуда потекли те реки, земля царского величества. О том и самому Эрдени Журыкту контайше ведомо. Кочюют на тех землях и посторонние люди, но обиды его царское величество таким чинить не велит, для того, что в тех местех пустота и поселения не было.

А искони сибирские земли граничат от устья тех рек, где впали в море, и до вершин, откуду из которых гор потекли; також и в те реки, которые впали реки, також до вершин их — сибирская земля.

И Барабинцы, и Курсаки всякие люди его царского величества.

И о том требуем самые правды, о чем контайша сам сведом.

В третьем поданном листу[85] о договоре торгу. И пошлины брать, как водитца в сибирских городех. Торговых бухарцов пускать без задержки, и которые руские похотят для торгу. И с товарищами Федор Трушников до Силима без задержки будет отпущен[86]. Также и торговые люди, кто куды похотят и с какими людми.

И о том в Тарской, в Кузнецкой, в Красноярской и во все городы указы посланы, дабы бухарцов, калмык везде с торгами пропускали, и купить, что похотят, кроме однех соболей да лисиц черных, возбранения бы не чинили.

И ссор со стороны его царского величества, великого нашего государя, отнюдь никому чинить не велено и чинить не будут. Ссоры и обиды никто бухарцом и камлыкам чинить не будет. А чтобы из стороны калмыцкого Эрдэни Журыхту контайши також никаких ссор не чинили же. А естли от каких воровских людей произойдет и ссора какая, то о том бы писали в тое сторону, откуду произойдет ссора, и того ради чинить пересылки.

Из Москвы, 1715, февраля 27 дня.

Се писал вашему превосходительству всякого добра желатель, губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин.

Таков лист отдан на посолстве в Болшой канцелярии контайшиным калмыком июля 7 дня 715 года.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 87. Л. 203 об. — 204 об. Копия, снятая для Г. Ф. Миллера в Тобольске, во время экспедиции 1734–1743 гг.

Текст приводится по публикации: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 22. С. 66–68.

Другие публикации документа: Международные отношения в Центральной Азии. Кн. 1. М., 1989. Док. № 85. С. 232–233. По этой же копии.

Документ № 23

1715 г. августа 10[87]***.*** **— Письмо подполковника И. Д. Бухолца из Такмыкской слободы кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о начале похода вверх по Иртышу**

(л. 32) Государь мой, по многу ко мне милостивой, Алексей Васильевич.
Всяких благ вам, моему государю, всечасный желатель

Доношу вам, моему государю, о себе и о моих несносных делах. Понеже его царское величество, мой всемилостивейший государь, указал мне прошлого году, прибыв в Тоболск и взяв у господина губернатора войско, иттить до Ямышева и зимовать в но[во]построенной крепости, которой и ныне нет.

И как я прибыл в Тоболск ноября 13 дня, то первое что я жил без команды два месяца. А потом принел драгун и салдат таких, которые ничего акзерциции не знали и не стреливали, и с негодным ружьем. У них же ни палашей, ни лядунок, ни партупеев, ни перевезей и ничего воинского не было — ни пушек, годных в поход, ни станков, ни к ним ядр, ни другой амунции

[85] Второй лист Цэван-Рабдана содержал перечень «обид» на недружественные действия российской стороны и требования снести города Томск, Кузнецк и Красноярск. На это послание в своем письме М. П. Гагарин отвечать не стал (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 15 об. — 16).

[86] О поездке Фёдора Трушникова см. главу 10.

[87] Дата и место в документе не указаны. Восстанавливаются по письму Бухолца от 29 декабря 1715 г. (док. № 24).

опрошной[88]. А всево принял четыреста девяносто пять человек. А в дополнку приказал господин губернатор набрать из рекрут з городов и из слобод, которых я зимою и весною нынешною принимал из концелярии, и мунштровал, и всякую амуницу делал, и пушки лил вновь.

И из Тоболска отправился к Ямышеву июня 30 дня, а к Таре прибыл я июля 24 дня. И у Тары дождался таких же новых драгун неученых, которые в слободах набраны. И от Тары, государь, отправился. А всего со мною войска всякаго чина людей две тысячи семьсот девяносто пять человек.

А прибыв, государь, к Ямышеву и зделав крепость, как возможно, нынешнею осенью пойду далее против указу, хотя и поздо. (// л. 32 об.)

Дай боже, чтоб по воле царского величества мое дело зделалось, чего я охотно желаю. А чрез вожей, которые были в Еркете, сказывают, что от Ямышева ходу недель з двенатцеть и болши, и болшая половина иттить постотою, а иттить чрез жилище контайши. А войска, государь, у него тысяч с шездесят и болши. И блиско ж моево пути и Казачья орда, которая по вся годы к слободам Тоболским бывает и берут людей.

Толко, государь, надеяние мое на бога, а от неприятеля спастись не знаю как, понеже малолюден. Обаче ж за сим медлить не буду, пойду покамест будет возможно.

Покорнейше прошу вашу, моего государя, ко мне снизходителную милость, дабы я не оставлен был в твоей многой милости, за что не могу вам, моему государю, отслужить, но толко покорнейше должен имя ваше прославить. А как, государь, отправлен я в Сибирь, от того часа истинно не имею себе свободного часа, и всегда в нес[нос]ной своей суете. И ежели то вам, моему батьку, возможно, чтоб я мог чрез ваше милостивое предста[ви]телство какую себе свободу получить, то должен до веку моево бога молить о вашем здравии. А ежели того невозможно, то хотя б царское величество указал войск прибавить. А ежели малолюдством мне в такую далность иттить, то опасен, чтоб безславия его величеству не учинить. Понеже, государь, все у меня люди новые и афицеров самое малое число. И о всем, государь, что есть ныне со мною в походе до царского величества послал табель[89].

И преж, государь, сего до царского величества о задержании моем в Тоболску писал не одинова (// л. 33) и послал нарочного прапорщика Микулина. И никакова себе указу по се число не получил. И не по малу опасен его величества гневу. А до его величества писать я принужден чрез дупликат моево премилостиваго и высокосиятельного господина князя Василья Володимеровича Долгорукова. Понеже его высокосиятельство писал, что царское величество требует от меня о поведении моем ведать. Пожалуй, мой государь, ежели возможно, чтоб оного прапорщика, не задержав, ко мне отправить.

А нынешния письма до царского величества послал я господина губернатора Сибирии шквандрона ево с каптенармусом с Андреем Анцыным.

[*Автограф:*] При сем застаю, ваш, моево государя, покорный слуга Иван Бухолц.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 23. Л. 32–33. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 24

1715 г. декабря 29. **— Письмо подполковника И. Д. Бухолца из Ямышевской крепости кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о возведении крепости и просьбой о содействии в увеличении численности войск для похода**

(л. 38) Премилосердный мой государь Алексей Васильевич

По много благодарствую за вашу, моего государя, многопоказанную заочную ко мне милость и писание ваше чрез прапорщика Микулина, в котором изволил меня известить, что писма мои к царскому величеству донесены. И копии с указов его величества к Правителствующему сенату и к обор каменданту получил. За что вам, моему государю, покорнейше мельтупликуя[90] благодарствую.

С оным же, государь, с прапорщиком прислан ко мне указ от царского величества, которой отдан ему в Тоболску. А отправлено из царствующего Санктпитербурха апреля от шестаго числа. И дошел ко мне в пол девята месяца. А мошно б и скорее. Да и то знаю, где задер-

[88] Так в тексте.

[89] Документ сохранился: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 30. Итоговые цифры приведены в этой главе (таблица 3, в скобках).

[90] Так в тексте.

жан был и для чево. По сему всегда могу я быть в гневе его величества. Преж сего, государь, августа от десятого числа от Татмышской слободы отправил я с писмами до царского величества губернаторского шквандрона каптенармуса Андрея Анцына. И на оные писма указу себе не получил. (// л. 38 об.)

С войским, государь, прибыл я к Ямышеву октября первого дня. А крепость заложил октября двадесет девятого дня, и немного оная не отделана, обаче[91] в приход неприятелской с помощию божиею возможно оборону иметь безпечную.

С калмаки теленгуты, которых десет тысеч кочуют недалеко от Ямышева, утвердился писмами, чтоб им с людми царского величества ссор не иметь. А для лутчей верности взял у них аманатов добрых. А х контайше послал с ызвестием, что при Ямышеве город зделан, и писал к нему, дабы он с войски царского величества был мирен и до указного места идтить мне не претил. А отповедь получа, писать до вас, моего государя, не умедлю.

Опасен не по малу я, ежели покажет противность контайша, то невозможно мне малолюдством дойтить до Еркеня, понеже имеет войска у себя контайша шездесят тысеч, а со мною войска две тысечи пятьсот тритцать шесть[92] человек, и то все новые (// л. 39) люди. Преж сего, государь, в Сибири посылки были: с полномочным послом Федором Алексеевичем Головиным в Дауры, а войска с ним было три тысечи; а после с сибирским полковником с Леонтьем Парфентьевым на башкир войска было семь тысеч. И ежели не прибавлено будет мне войска, то не мыслить мне от Ямышева далее Камня идтить. И до оного места ходу месяц.

С сими, государь, писмами послал оного ж прапорщика Микулина. Прошу, мой премилостивый государь, милости о предстателстве, дабы ево величество указал мне прибавить войск. И оной прапорщик по снисходителной вашей ко мне милости отправлен был с указом царского величества, за что я всечастно имени вашему, моево государя, должен хвалу отдать.

Истинно, государь, усердно желаю по указу его величества до назначенного места идтить, толко невозможно с малолюдством, (// л. 39 об.) понеже от Ямышева до Еркеня ходу двенатцеть недель, а на половине пути кочует контайша. А хотя я с малым войском и пойду, толко дойти невозможно. А что, государь, со мною ныне людей и всякой амуницы, тому послал до царского величества табель[93]. А в писме его величеству о табели не упомянуто. Несносную, государь, нужду я имею в обар и ундер афицерах, понеже со мною малое число армейских афицеров. а сержантов и капралов ни единова армейскова нет, все люди новые и у дел нигде не бывали. И преж сего царскому величеству о сем доносил, а указу не получил.

В протчем застаю

[*Автограф:*] Ваш, моего государя, покорный слуга Иван Бухолц.

Ямышев. 29 декабря 1715 году.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 23. Л. 38–39 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 25

***1760 г.* — Отрывок из «Летописи сибирской» Ивана Леонтьевича Черепанова с рассказом об отправлении экспедиции Бухолца из Тобольска и нападении ойратов на Ямышевскую крепость**

(л. 144) Лета от рождества Христова 1714.

1. <…>

(л. 146 об.) Еще подполковник Бухолц из Москвы не отправился, как губернатор князь Гагарин получил на свое доношение от государя определение, чтоб у Ямышева строить город и искать проходу до города Еркети. И по оному стараясь, он приказал послать вверх по реке Иртышу к Ямышевской пристане и там в удобном и крепком месте (// л. 147) построить земляной город, в котором бы можно быть двум стам человек. К тому отряду определил командиром тоболскаго дворянина Стефана Фефилова, а в каманде ево велено быть тоболских казаков пять сот человек, как хлебные припасы и жалованье, так пушки, ружье и пороху по расмотрению, сколко требуется ему принять и итти нынешняго лета без всякаго отлагателства. И как сие отправление изготовляли, то получил губернатор точное известие, что от государя отправлен в

---

[91] Обаче — однако, впрочем.

[92] Слова «пятьсот тритцать шесть» вписаны по ранее соскобленному тексту.

[93] Документ сохранился: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 34—35. Первая половина его приведена в этой главе (таблица 3).

ту експедицию подполковник Бухолц, и ему дана полная инструкция, и подполковник из Москвы уже отправился. Того ради, во ожидании его, свое отправление губернатор остановил.

{Как подполковник Бухолц от Военной коллегии принял себе в помошники вышепомянутых афицеров, с которыми отправился он в августе месеце, но тем, что он ехал водою по рекам Москве, Оке, Волге и Каме до устья Чюсовой в пути так замедлил, что не прежде как ноября 3 дня[94] в Тоболск приехал.

В то время были в Тоболску от контайши два посланца сайсан Ерке Тарзакой и Гендул Дундуков. Губернатор оным объявил, что подполковник Бухолц с некоторым (// л. 147 об.) числом войска не для войны, но толко для строения некоторых крепостей по Иртышу пойдет. На что они ответствовали: ежели с российской стороны никаких неприятелских намерений не имеется, то контайша оное допустить может. И, таким образом, казалось, что сие дело весма изрядно расположено, а какой оное в протчем иметь будет конец, того надлежало ожидать от счастия.}[95]

[*Запись под текстом с условным знаком:*] Ниже приполнить здесь.

[*Вставка на листе 150 об. под тем же условным знаком:*]

Хотя виделось как изрядно расположено, однако ж все было не основателно, ибо Сир есть река, россианами называется Дарья. Об ней много говорено было сего времени по поводу золотого песку, коему и опыт был подан от князя Гагарина государю Петру Великому. Но в сушестве нашлось: не в сей реке доставали оное, но в других реках. А особливо добывают ево бухарцы в горах к стороне Индии, и привозили в Сибирь менять на товар.

(// л. 151) Лета от рождества Христова 1715 <...>

(л. 152 об.) 3. <...>

{(л. 153) Октября 1 числа[96] прибыл господин Бухолц с войском к озеру Ямышу, где первую крепость заложить велено было.

Сие место еще и прежде того доволно известно было, откуду обыкновенно соль доставали и розвозили по западным в Сибире местам. Тоболские (// л. 153 об.) татара и томские обыватели ходили туда ежегодно, бутто на ярманку, и там с калмыками и бухарцами, которые для сего же намерения туда приезжали, отправляли купечество.

От пристани или от реки Иртыша на шесть верст с половиною к востоку находится оное соляное озеро, Ямыш называемое. На полтретьи версты ближе к реке Иртышу находится малое озеро, которое для пресной своей воды Пресным называется. Из оного течет в реку Иртыш малой ручей, Преснухой называемой, которой по обеим берегам имеет ниские луга, где трава ростет и неболшой лес, чего в толь сухой степи мало сыщется.

Недалеко от устья Преснухи на вышине северовосточнаго берега при Иртыше выбрал подполковник Бухолц место под крепость, строение без отпущения времени началось. Порутчик артилерии Каландер отправлял при том (// л. 154) должность инженера. Зделан был земляной вал, наподобие половиннаго шестиуголника, котораго три болверка, в степь простирающияся флангами, к Иртышу сомкнулись. В круг обведен был ров, около которого поставлены были рагатки. Для артиллерии построен близ крепости малой деревянной острох и подле онаго для поклажи военных и съесных припасов два болшия анбара. Для афицеров и салдат построены домы и казармы на лугу при устье речки Преснухи и окружены полисадом, лошадей пущали там на корм. За неимением доволнаго лесу на строение употреблено было несколко дощеников. Земляной вал зделан не болшее как в 13 дней,

---

[94] В статье Г. Ф. Миллера, которую пересказывает И. Черепанов, указано, что Бухолц приехал в Тобольск 30 ноября. В авторском тексте на немецком языке названа дата 31 ноября (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg: bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760. S. 213). Сам Бухолц, как указывалось выше, сообщал, что прибыл в Тобольск 13 ноября 1714 г.

[95] В фигурных скобках заключён текст или близкий к тексту пересказ опубликованной в 1760 году статьи: Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб., 1760. Январь. С. 33–34.

[96] При публикации текста в сборнике «Русско-джунгарские отношения» (Барнаул, 2006, с. 269) ошибочно напечатано: «октября 30 числа».

а имянно от 29 октября до 10 ноября, что по неболшой окружности той крепости и по доволному числу работных людей вероятно.}[97]

За наступившими скоро зимнею стужею для поклажи пороху погреба выкопать не успели или по другим каковым причинам: за недостатком лесу или за нерадением командующих то не учинено, или еще за способность почтено оставить порох на замерзлой реке льдом[98] в том дощанике, в котором был везен, якобы в безопасном месте от жилых домов и случающагося (// л. 154 об.) внезапнаго огня, тут оставлен под прикрытием некотораго караула. <...>

(л. 157) Лета от рождества Христова 1716

1. <...>

{В новопостроенной Ямышевской крепосте при реке Иртыше господин подполковник Бухолц со всею своею командою препроводил всю зиму в безопасном покое. <...>

(л. 157 об.) 2.

Ердени-Шурукту контайша, которой перед тем Цаган-Араптан назывался и в 1697 году принял правление, последуя правилам дяди своего Бушухту-хана, покорением разсеянных по разным местам калмытских улусов под свою власть так усилился, что он не толко начатую Бушухту-ханом против мунгал и китайцов войну мог продолжать, но и тибецкой и тангутской земле побеждением тамошняго (// л. 158) хана и прогнанием далай ламы зделался страшным. Некоторые ис калмытских тайшей ему покорились и жили, прежде сего, в степи между реками Обью и Иртышем. По сей причине приписал контайша себе право владения тех мест, не разсуждая, что те же самые тайши издревле были российские подданные, которых несправедливо он себе покорил; да что и собственные его предки, не дошед еще до такой силы, до которой Сенга тайша, Ердени-Шурукты отец, и Бушукту-хан, Сенгин брат, достигли, Российскому государству чинили присягу в верности.

Ердени-Шурукту имел между подданными своими, смотря на военное искуство тамошних народов, великаго воина именем Черень-Дондука, которой особливо в тангутской войне прославился. Черень-Дондук был контайше двоюродной брат. Он сам имел немалое число подданных, живущих по реке Имиле и по озеру Нор-Саисану, которые первое нападение от россиан имели бы выдержать, ежели бы сии, как калмыки того опасались, в таком намерении туда пришли, чтоб овладеть всею тамошнею землею. Того ради контайша и Черень-Дондук за благо разсудили не допущать россиан ближе. Они всех своих военных людей собрали, без которых (// л. 158 об.) толко можно было обойтися в войне против китайцов, с коими тогда еще воина продолжалась. И, невзирая на зимное время, отправили их в поход. Столь у них был велик страх и поспешение, чтоб предупредить нападение, котораго они опасались.}[99]

Черень-Дондук, укрывая свой поход от российских войск, дабы нечаянно напасть на неосторожных перед Сырною неделею, как то было в феврале месеце, послал под видом дружества посолство, чтоб договариватся о некоторых до купечества принадлежащих пунктах. И притом привезенной ими товар меняли они с россиянами весма со сходною выторшкою, а подполковнику поднесли по своему обыкновению немалые подарки. Бухолц принял тех послов с ласковою учтивостию, напротиво и их дарил богато. Послы просили подполковника для отправления купечества, чтоб был им свободной въезд в крепость. Бухолц, тому так был рад, во всей их прозбе обнадежил и никакой не возъимел от них предосторожности, показал им все крепостное строение и свое войско с таким удоволствием своего соседняго дружества и усердия, которым чая впредь какую-либо ползу получить, и с приятным почтением их ис крепости отпустил. (// л. 159) И ту свою ошибку вскоре потом Бухолц увидеть мог с немалым своим раскаянием.

3.

{В ночи с четвертка на пятницу сырныя недели, что было в 9 число февраля, на которое тогда случилось такая прежестокая стужа, какая в тамошней стране и в такое время года весма редко бывает.}[100]

Калмыки действително подступили под крепость. Они хотели салдат в крепосте всех прибить палками, которые у многих калмык припасены были, такие деревянные палки, а длиною аршина в полтора. И так они поехали в самую ночь.

---

[97] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... СПб., 1760. Январь. С. 35–38.
[98] В рукописи: лдиом.
[99] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... СПб., 1760. Январь. С. 39–42.
[100] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... СПб., 1760. Январь. С. 42.

Первое счастие то получили себе калмыки, что оне могли отъезжие караулы скрасть. Притом отогнали и табун драгунских лошадей, а караулных всех, которые хотели противится, тех прибили, а иных живых в полон брали. Один салдат, которой при конском табуне в карауле был, видя такое неприятельское и нечаянное нападение, искал способу о спасении живота своего, а притом желал подать ведомость в крепость. Он побежал в конской табун и промеж лошадей (// л. 159 об.) поимался за их гривы; и так, державшись, которых коней неприятель гнал по случаю чрез займище, или где лесом, или талником оброслое место находится, в котором займище, салдат от коней отпустился и пал на землю. И таким способом по прогнании лошадей остался и, видя себя уже в безопасности, встал и бежал как можно скоряя в крепость.

{Тем временем в собрании было калмыков десеть тысеч человек, все конных, коими командовал Черень-Дондук сам. Степь по обеим сторонам реки Иртыша осыпана была тем неприятелским войском. Сообщение между оными облегчала река, тогда еще лдом покрытая.}[101]

Как еще калмыки переезжали реку Иртыш по лду и мимо того дощеника ехали, в котором пороховая казна находилась, в нем был толко один часовой, которой, видя мимо нечаяной проезд, учинил троекратной оклик, котораго неприятель, может быть, не слыхал. Часовой отважился было по них палить, но ружье ево либо было неисправно, или божия десница их для спасения прикрыла, что трижды (// л. 160) курок спущал, а ружье выпалу не дало. И тем осадные счастием впредь ползовались.

По счастию оной караулной салдат ис табуна в крепость и прямо к обвахте прибежал. Он нашел караулных в неосторожности и почти всех спящих, сказал им произшедшее неприятелское действие, которые тот же час подполковнику репортовали. А он того от калмык не надеелся, и в том случае усумнился, и салдату прибегшему вдруг поверить не хотел. Он велел ево содержать под караулом, а для предосторожности велел ударить тревогу.

Калмыки надеялись напасть на россиан сонных, и все то происходило одной ночи. Оне к крепосте тихо подъезжали под таким видом, как лошадей гоняют. Они прямо ехали, где обвахта находилась, и думали, что салдаты еще о их намерении не знают. А иные партии подъехали к самым надолбам тем, которые около казарм обнесены были. Смелые из тех, перелезши (// л. 160 об.) в то время надолбы, стучались у избушек, будили салдат, которы уже в збор все вышли. И говорили калмыки с насмешкою по-руски: «Ставай, русак, пора пива пить». А как наезжающему неприятелю от гобвахты учинен троекратной оклик, и на то ответу не получено. Тогда еще Бухолц не чаял, что то неприятель, но думал, что гонят драгунских коней; и того точно за ношною темнотою расмотреть было невозможно; приказал выпалить из несколки фузей под верх, дабы кого от своих не повредить. А неприятель, видя то, со скоростию поскакали на конях к гобвахте. И оне за темнотою ж тут бывших рогаток не разсмотрели, как сами себя, так и коней своих на тех рогатках многие накололи. И так неприятель не получил своего желания, тщился о том, чтоб рогатки разорвать и ворватся в крепость, того ради учинил жесто[ки]й приступ. И первое их нападение весма было жестокое, инные стреляли из винтовок, другие пущали из луков стрелы.

{Как зделалась в крепосте вдруг тревога, то сначала построились российская пехота в нисках местах у реки Преснухи перед своими казармами, драгуны (// л. 161) стояли от оной на несколко сот сажен, а артилерия имела место свое на артилериском дворе близ крепости.

Неприятели тотчас узнали, что с крепости сопротивления им будет менше других мест, того ради усугубили они свое на оную нападение. Она не совсем еще была достроена, и в ней находилась одна толко болшая полатка, в которой отправлялась божия служба. Следовательно, калмыкам, бросившимся в оную в великом числе, никто не мог противится, хотя старались с артилерискаго двора пушечною стрелбою отбить от крепости, но в том не имели желаемаго успеха. Калмыки, завладев крепостью, уже лстили себя совершенною победою, но подступившая заблаговременно команда пехоты сих незваных гостей опять из крепости выгнали.}[102]

И так во всю ночь происходил безперерывной бой. Увидел уже подполковник, в какую опасность приведен от неприятеля, учинил в тот час распределение и откамандировал, где им первая и болшая нужда была к тому дощенику, которой стоял во лду, и в нем пороховая казна

[101] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... СПб., 1760. Январь. С. 43.
[102] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... СПб., 1760. Январь. С. 43–44.

находилась. Он послал туда целую роту салдат, чтоб ево, как возможно, от неприятеля защищать и притом всею возможностию оного пороху в крепость переносить приказал.

(// л. 161 об.) Как день расветывать начал, тогда неприятель несколко от крепости отступил, притом главнокомандующей у калмык в плен взятых салдат роспрашивать начал, но всяк от них незнанием отговаривался. Тогда они одного салдата Тоболскаго полку первой роты Петр Михайлов сын Першин, взят ими при табуне рогатаго скота, он им старшее протчих оказался, со истязанием ево роспрашивали, а более доведывались, где лежит порох. Хотя тому салдату мука была и несносная — после сечения плетей повешен на дереве и огнем зжен, в которой муке и умер, — однако ж всей правды о порохе им не объявил, толко им то, что лежит порох в тех новопостроенных анбарах подле крепости. И по тем вестям неприятель того ж дня учинил опять жестокой приступ на крепость. И оные анбары, в которых хлебные припасы лежали, а не порох, по немалом защищении их взял, которых уже подполковник защитить более не мог.

Неприятель весь хлеб, которой был в кулях, из анбаров выбросал вон для того, чтоб сыскать порох. Хотя его и не нашли, а из анбаров не вышли, но засели в них и высекли в стенах дыры, ис которых стреляли как по артилерискому двору, так и по крепосте. Они также перед анбаром из мешков, мукою наполненных, и из других (// л. 162) вещей, там найденных, зделали себе ограду, из которой непрестанно стреляли в идущее против их российское войско. И почти до самаго вечера не можно было их выбить из сего выгоднаго для их места.

Осадным в крепосте чинили калмыки немалые пакости, также и с поля обступили вокруг всю крепость, непрестанно приступали и обыкновенным своим боем из луков стрел множество метали. А осадные принуждены были себя от такой калмыцкой армии защищать, палили непрестанно из ружья и пушек, так же из крепости метали и бомбы, которое калмыкам было нечто новое. Они сперва как увидят ее, падшую на землю, и когда она еще вертится, тогда калмыки тыкали ее копьями. Но как увидели, что как ее разорвет, и тем их убивает, то оне вздумали ее затушать таким способом: возмут войлоков, сколко где прилучится, и как оная бомба где падет к ним на землю, тогда они войлоками на нее намечют и нападут наверх человек десять или дватцать, и так ее задавить тщались, и таковым способом побито было немало. Тогда они расмотрели свою в погибели ошибку, то после, как уже увидят бомбу, еще когда к ним (// л. 162 об.) брошеная летит, то уже, как возможно, со скоростию отбегают далее, где спасти живот свой могут.

Заседшие в анбары калмыки вред чинили в крепосте россианам, а из артилерискова двора угодить бомбою во оные анбары не могут для того, что бомбандиры инженерству были неискусны, более бомбы метали на удачю, нежели как надобно.

{Но как под вечер уже по счастию две брошеные бомбы в те анбары и перед оные пали и принудили, наконец, калмыков к отступлению, кои с того времени доволствовались тем, чтоб окружить россиян со всех сторон, дабы они не могли ни вспоможения получить, ниже о своем состоянии подать в другие места известие.

На другой день российское войско, все соединясь в крепосте, близ оной зделали себе домы и казармы, в чем утомленные от храбраго сопротивления калмыки никакого им препятствия не чинили. Когда ж временем приближались неприятелские партии к крепосте, то стреляли по них из пушек, и тот же час они назат отступали; один толко пушечной гром, котораго калмыки до того еще не слыхали, был им страшен.}[103]

РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 146 об. — 162 об.

Ранее опубликовано: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII вв.): документы и извлечения. Барнаул, 2006. Приложение 2, с. 266–277.

[103] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... СПб., 1760. Январь. С. 44–45.

Глава 10

Под видом «купчины»: поездка Фёдора Трушникова за восточным золотом (1713 — начало 1716 года)

Как рассказывалось выше, в 1713 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин, заинтересовавшийся азиатским «песошным золотом», решил отправить к ойратам под видом купца тобольского сына боярского Фёдора Трушникова. Вместе с ним были посланы ещё четыре сына боярских: Пётр Доголон, Прокофий Посников, Иван Берескин и Григорий Яицкий. Им поручалось проверить сведения о бухарском золоте и купить на пробу драгоценного песка. «А на покупку того золота и на проезд с ним послана была мяхкая рухледь: соболи, белки, горнастаи, корсаки, лисицы, яловошные кожи, всего по цене на 1000 рублев» (док. № 28). Кроме того, ещё на 1200 рублей Трушников взял мехов белок, лисиц-корсаков и горностаев «у тобольских жителей»[1].

Сохранилось три записи с рассказом Фёдора Трушникова об этой поездке. Первый был записан в 1716 г. после его возвращения в Санкт-Петербург (док. № 27); второй в Тобольске, вероятно, осенью 1719 г. на допросе в канцелярии гвардии майора И. М. Лихарева (док. № 28); третий, со сведениями о пути в Китай, содержится в итоговом отчёте И. М. Лихарева, поданном в Сенат (док. № 29).

В 1716 г. Трушников сообщил: «Ис Табольска де ехал он до Ямышева озера с верблюдами степью три недели, а от Ямышева х контайше до Урги степью ж четыре недели» (док. № 27). Через три с половиной года, в сентябре 1719 г., на следствии он уточнил, что «от Тоболска ехали они степью до Тары 8 дней, а от Тары степью ж до Ямышева 3 недели» (док. № 28).

Как видим, путь Трушникова и его товарищей повторял тот же маршрут, который М. П. Гагарин в мае 1714 г. предлагал Петру I для военной экспедиции в Яркенд: вдоль Иртыша до Ямышева озера, затем в степь, «на калмыцкое кочевье, где ныне кочюет контайша» (док. № 18).

Трасса маршрута, проложенного через ставку хунтайджи, определённо свидетельствовала, что это была поездка за бухарским золотом. Для того чтобы попасть в Китай, не надо было ехать в Ургу. Ещё в 1712 г. в Сенате по поручению Петра I рассматривался вопрос о дорогах до Китайского государства. В ходе разбирательства был составлен схематичный чертёж (рис. 23), на обороте которого помещён пояснительный текст. В нём перечислены семь дорог, ведущих «из сибирских городов в Китайское государство». Из них пять названы заповедными, то есть запрещёнными, поскольку «никому ими ходить не велено». По словам автора документа: «Того мыслить нельзя, потому что через степь будет итить недель десять до китайскаго рубежа, а в тех степях кочюют многие иноземцы калмыки, каракалпаки, черные татары, киргизы, мунгалы, башкирцы. А умиритца со всеми иноземцы не мочно. Того ради и не посылаютца теми дарогами» (док. № 26). Двумя путями, которые в то время были разрешены для караванной торговли с Китаем, была старая дорога через Нерчинск[2] и новая через Селенгинск, по которой с 1704 г. «чрез подданных китайских мунгал» ходили караваны российских купцов[3].

Отправка Трушникова в Ургу показывает, что его задачей, несомненно, был сбор сведений о золоте Восточного Туркестана. Это подтверждается и лаконичной фразой в начале ведомости 1716 г.: «посылан… для проведыванья о промыслу

---

[1] Перечень взятых для обмена мехов Трушников кончал фразой: «да у тарского жителя Ивана Чередова на 300 рублев» (док. № 27). Речь идёт об Иване Дмитриевиче Чередове, который в июне 1713 г. сам был отправлен в Ургу с посланием М. П. Гагарина, а в марте 1714 г. выехал оттуда в обратный путь. Вероятно, товары от Чередова Трушников получил уже в Урге в начале 1714 года.

[2] Описание пути торгового каравана из Москвы в Китай через Нерчинск и обратно в 1702–1704 гг. см.: РГАДА. Ф. 9. Отделение 1 — исходящие письма. Оп. 2. Кн. 56. Л. 35–38 об.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 32 об.; Курц Б. Г. Государственная монополия России с Китаем в первой половине XVIII ст. [Электронный ресурс]. Киев, 1929. С. 74–75. URl: www.sinologist.com.ua/ukr/Kurtz/Государственная_монополия.pdf (30.01.2015).

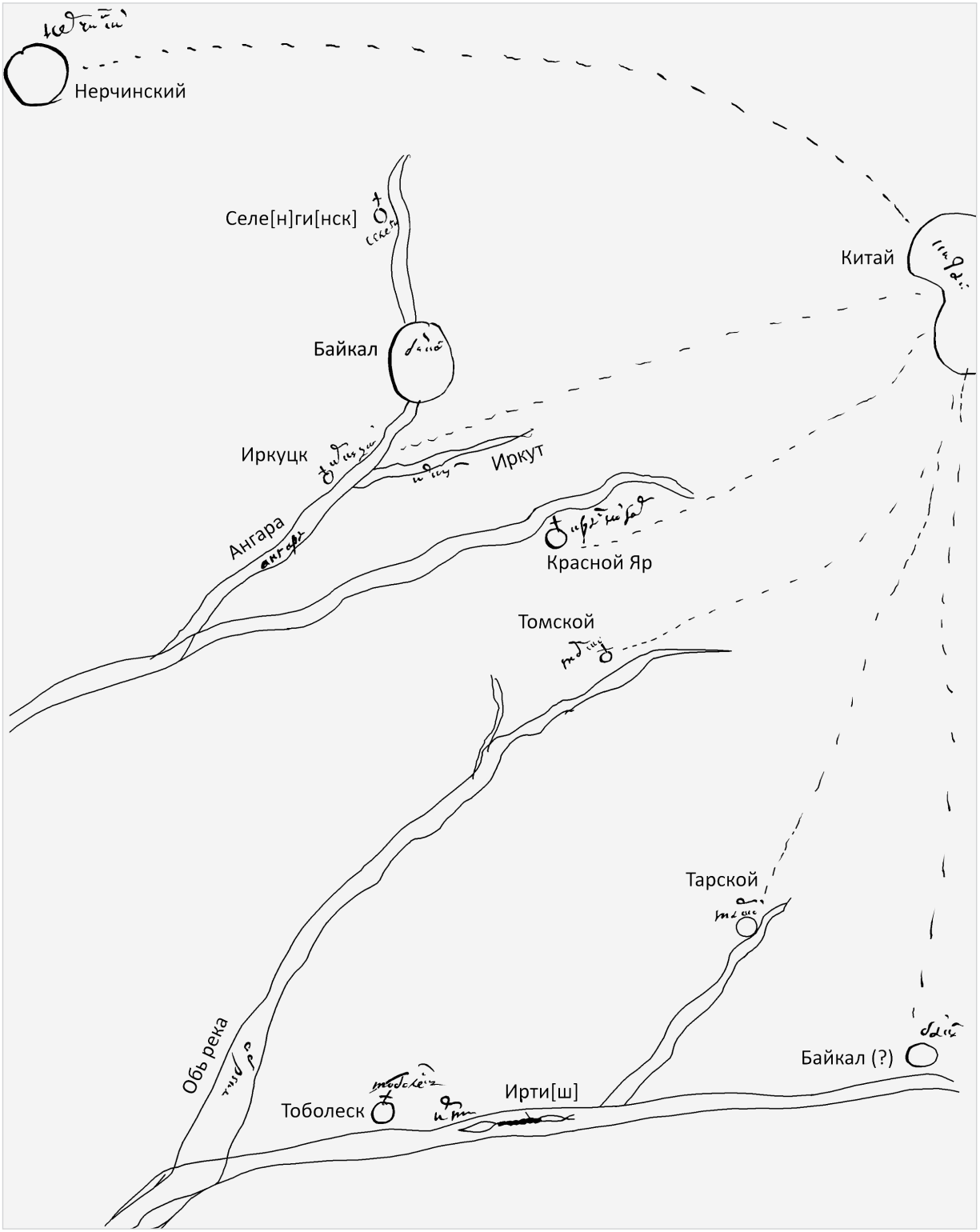


Рис. 23. Схематичный чертёж с обозначением путей из сибирских городов в Китай. Весна 1712 г. Прорисовка по архивному подлиннику. Надписи продублированы. Рядом с обозначением Ямышевского озера по ошибке вторично подписано «Байкал»

в Калмыках золота» (док. № 27). Под калмыцким здесь явно подразумевалось золото хунтайджи.

О пребывании отряда Трушникова в Урге, которая располагалась в бассейне реки Или, сведения очень скупы. Из его позднейшего рассказа известно, что никакого бухарского золота во владениях хунтайджи он в продаже не встретил: «А едучи в Урге и в других улусах контайшина владенья у калмык про песошное золото купить спрашивал, и контайшины калмыки сказы-

вали, что у контайши во всем владенье песошного золота нет» (док. № 28).

Итак, после неудачных поисков продажного золота в Урге Трушников и его спутники по каким-то причинам в Яркенд не поехали, но и от обмена привезённых мехов на другие ойратские товары воздержались. Не найдя драгоценного песка в государстве западных монголов, они решили ехать за ним в Китай. Возможно, к такому решению их склонили рассказы местных купцов, которые знали о китайском золоте и местах его продаж.

В письме Цэван-Рабдана, посланном в марте 1714 г. М. П. Гагарину, там, где речь шла о развитии торговых связей, есть строчка, посвящённая тобольскому сыну боярскому: «И с товарищами Федор Трушников до Силима без задержки будет отпущен» (док. № 22). Это означает, что к весне 1714 г. Трушников уже декларировал своей целью поездку в китайский город Селим, а не в Яркенд.

В 1716 г. в Санкт-Петербурге губернаторский разведчик рассказывал: «А из Урги пронимался степью ж до Селима 12 недель. И не доезжая Селима за две недели, наехал озеро Коконур, у которого кочуют калмыки, называют их кошеуты. А в тех калмыках наехал он тайшей четырех человек, и из них одному имя Солон» (док. № 27).

Три с половиной года спустя, на допросе в Тобольске, путь из Урги в Китай Трушников описал более подробно: «А от контайшина кочевья от Урги ево ж контайшиным владеньем, не занимая Турфана города и Зайсана озера, степью ж и каменистыми местами ехали до границы китайского владенья 7 недель. А в том пути никаких людей не видали. А от той границы китайским владеньем степью ж и лесами до китайского города Добы ехали 5 недель. И не доехав того города Добы за 2 недели, наехали они на улус китайского владенья, а тем улусом камандует китайской тайша Солон» (док. № 28).

Описывая свой путь в Китай, путешественник уточнял: «А ехал он от контаиши в Китаи не заимывая города Турфана и Заисана озера. И реки Иртыша не переезжал, потому что река Иртыш и Заисан озеро и город Турфан были в левой стороне, а город Эркень остался в правой стороне» (док. № 29). Указание на то, что Турфан остался у него «в левой стороне» позволяет считать, что Трушников двигался в Китай не по северной трассе Великого шёлкового пути (Аксу—Карашар—Турфан—Хами), а из Урги поехал вдоль реки Хайдык-Гол, затем через город Карла («Курля») на реку Тарим (цв. ил. 10).

В подтверждение верности такой реконструкции пути не через Турфан, а по Тариму можно привести известный маршрут российского купца устюжанина Егора Битюкова и его торгового агента Фёдора Самарца, с которыми встретился Трушников в Селиме. Их путь «от Урги, от Или реки» описан тобольским сыном боярским Фёдором Самарцем: «От Урги контайшиным владеньем до китайского владенья, до реки Тарым, каменем и песками, и великими горами шли 40 дней. И переехав Тарым реку китайским владеньем до Селима города 2 месяца. И в то время в Селиме городе был тобольской житель Федор Трушников, которой послан купчиною. И он, Трушников, у тамошних жителей песошное золото покупал» (док. № 30).

Путь из Урги через пустыню, «до границы китайского владенья», у Трушникова занял семь недель. Ещё через три недели он доехал до озера Кукунор, рядом с которым кочевали «калмыки китайского владенья» (монголы-хошеуты). Там он по поручению Гагарина собирал сведения о добыче драгоценных металлов. В этих местах хошеуты добывали россыпное золото «у речек и возле ключей, которые текут з гор» (док. № 28).

Здесь гагаринским посланцам впервые удалось купить золотой песок. В 1716 г. Трушников сообщал, что цена его была «по 7 рублев лану, а руского весу в лане будет 9 золотников» (док. № 27). В 1719 г. тобольский дворянин уточнил показания, сказав, что «в тех улусах у копалщиков он купил золота 7 чинов, а руского весу чин — один залотник. А давал за золотник товарами, исчисляя денгами, по семи гривен» (док. № 28), то есть по 70 копеек за золотник. Объём покупки был ничтожно мал, не более 30 граммов[4].

Местные калмыки-«копалщики» через переводчика Петра Доголона рассказали Трушникову, что за лето одному человеку удаётся добыть 20–30 лан золотого песка, что составляло от 750 г до килограмма и более.

Кроме того, золотоискатели сообщили российским разведчикам, что от озера Кукунор «в правой стороне» (т. е. к югу) «особые иноземцы, называемыя тунгуты, копают золото по реке Алта Голме и по малым речкам многолюдно». Другим информатором о той же золотоносной реке в землях тибетцев-тангутов стал для Трушникова «руской полоненик, которого он привез с собою» (док. № 27). Очевидно, этим освобождённым пленником являлся тобольский сын боярский Фёдор Самарец.

В 1690-х гг. Фёдор Самарец был взят в плен казахами. В Казачьей орде он провёл десять лет. В 1706 или 1707 г., во время ойрато-казахских войн, его вторично взяли в плен ойраты. С тех пор «контайши в Урге был он в полону 7 лет»[5], пока его не выкупил устюжский купец Егор Битю-

[4] 1 золотник равен 4,266 грамма, 96 золотников составляли 1 российский фунт.

[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 459.

ков, который вёл торговлю с Ургой, Восточным Туркестаном и Китаем.

Вместе с Битюковым Фёдор Самарец в 1714 г. побывал в китайских городах Селим и Даба, откуда ему удалось проникнуть в Тибет. Об этом путешествии сам Самарец в 1719 г. вспоминал: «А ис Селима он, Самарцов, с товарыщи пошли во владенье Дала и Ламы до реки Морин. А шли на лошедях и на верблюдах скорою ездою 20 дней. А от реки Морин до реки Алтан Гол, а по рускому званию — Золотая. На которой промышляют песошное золото Дала и Ламы оброчные тангуты. А слышал он от тамошних жителей, что то золото промышляют летним временем: капают из берегов. А у того промыслу работных людей бывает по 3000 человек. А оброку платят с человека по золотнику на год» (док. № 30). Сходство деталей приведённого рассказа с отчётом Трушникова 1716 г. укрепляет уверенность в том, что упомянутый в отчёте «руской полоненик» — это Фёдор Самарец.

Сведения о тангутском золоте поступали в Москву уже в середине XVII в. Так, в описании Сибири и Китая, составленном в 1658 г., говорилось: «А за Китайскем царством есть Тангутцкая земля, и в той Тангутцкой земли родитца золото»[6]. Благодаря Трушникову и Самарцу сибирский губернатор узнал новые подробности о тангутских золотых промыслах на реке Алтан-Гол. В китайских источниках XVIII в. под таким именем называлось верхнее течение реки Хуанхэ на отрезке от истоков до современных озёр Джарин-Нур и Орин-Нур.

Известный исследователь Цинской империи Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853) так описывал истоки Хуанхэ: «Алтан-гол выходит из восточной подошвы Баин-хара-олы (совр. хребет Баян-Хара-Ула. — *Авт.*) двумя истоками; протекая на северо-восток около 300 ли, принимает в себя несколько горных ключей и приходит в Одонь-талу. <…> Еще протекши около 100 ли, входит в озеро Цзярын-нор (совр. озеро Джарин-Нур. — *Авт.*). По выходе из сего озера через 30 ли изливается в озеро Нгорын-нор (совр. озеро Орин-Нур (Нгоринг-Ца). — *Авт.*), а по выходе из последнего принимает монгольское название Хатунь-гол, что значит: Царица-река. <…> Хатунь-гол далее на восток идёт… до китайской границы в Си-нин-фу (совр. город Синин. — *Авт.*), где по вступлении в пределы Китая принимает название Хуанхэ, что значит: Желтая река»[7].

Сам Трушников и его тобольские спутники в Тибет не ездили. От кочевий хошеутского тайши Солона близ озера Кукунор они отправились в китайские города Даба и Селим. «А от того улуса до Добы города ехали 2 недели, — вспоминал Трушников в 1719 г. — А приехав в Добу, переезжая из Добы в Селим, в тех городех жили 2 или 3 месяца, а подлинно сказать не упомнит. А Селим от Добы города растоянием в 20 верстах» (док. № 28). Для нас важно, что здесь путешественник сообщил о расстоянии между городами Даба и Селим, и пояснил, что сначала он приехал «в Добу», лишь затем в Селим. Там он выменивал драгоценный песок на привезённые из Сибири меха белки, горностаев и корсаков.

Китайский приграничный город Селим, в котором побывал Фёдор Трушников, европейские картографы отождествляли с городом Синин, расположенным около озера Кукунор. На «Карте Тартарии» французского географа Гийома Делиля (1675–1726), изданной в 1706 г.[8], к востоку от озера «Coknor» показан город «Sinin ou Silin» («Синин или Силин»), к которому подходит ответвление Великой китайской стены (рис. 24). Город Синин действительно расположен к востоку от озера Кукунор (совр. провинция Цинхай КНР), но туда не доходит стена. Вероятно, несуществующее ответвление автор карты нарисовал потому, что знал о расположении Селима у конца стены. Отождествление его с Сининым заставило нарисовать ответвление стены вдоль реки Хуанхэ почти до озера Кукунор.

В 1730 г. в Стокгольме шведский офицер Филипп Иоганн Страленберг издал собственную карту и пояснение к ней в виде книги под названием «Северная и Восточная часть Европы и Азии». В 1710-е гг. пленный швед жил в Тобольске. Он знал о торговле сибиряков с Китаем и, очевидно, что-то слышал о городах Даба и Селим. Рассказывая о походе Бухолца за бухарским золотом, Страленберг упомянул и китайские месторождения драгоценного металла: «Von diesem Kaptzack-Daria aber weiter in Süd-Ost, bey der Stadt Dobba-Selin, oder Senin, an dem Ende des Crocei-Flusses, und der Chinesischen Waur, da sind die rechten Gold-Sand-Gebürge, vide meine Charte» («От сей же Капчак-Дарьи далее на полуденно-восточную сторону около города, имянуемого Добба Селин или Сенин, на устье реки Кроцеи и при конце китайской стены горы прямого золота

---

[6] Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. Док. 294, с. 415; Гольденберг Л. А. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г. // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. М., 1962. Т. 42, вып. 3. С. 270 (статья 22).

[7] Бичурин Н. Я. (Иакинф) Статистическое описание Китайской империи. В 2 ч. Ч. 1: Статистическое описание Китайского государства. СПб., 1842. С. 9.

[8] L'Isle, Guillaume de. Carte de Tartarie. [S. l.], 1706. 49×64 cm. // Library of Congress Geography and Map Division Washington, D. C. 20540-4650. URL: http://www.loc.gov/resource/g7270.mf000003 (14.08.2014).

Рис. 24. Фрагмент «Карты Тартарии» Гийома Делиля 1706 г. с западным участком Великой Китайской стены. Показаны озеро Кукунор («Coknor»), и город Синин или Силин («Sinin ou Silin»)

песчаного находятся подлинно, о чем явствует в сочиненной от меня карте»)[9].

На самой карте почти вся топография этого участка заимствована с описанной выше карты Тартарии Гийома Делиля. Однако Страленберг видоизменил подпись. В соответствии со своим описанием он ошибочно назвал: «Dobba Selin alias Sinin» («Добба Селин или Синин»).

Следующую попытку отождествить упомянутые Фёдором Трушниковым китайские города предпринял в начале XX в. омский историк Георгий Ефремович Катанаев (1848–1921). В рукописи своей незавершенной книги, посвящённой князю М. П. Гагарину, он писал: «По показанию Трушникова, данному им самому губернатору, первое место среди осмотренных им золотых промыслов занимают окрестности городов Селим (Синин) и Даба (Да-тун) с большим Синим озером (Куху-нор), где обитают калмыки-хошоуты»[10]. Как видим, Г. Е. Катнаев, так же как и европейские учёные XVIII в., связывал Селим с китайским городом Синин, расположенным примерно в 100 км к востоку от солёного озера Кукунор. Город Даба историк отождествлял с небольшим китайским городом Датун, находящимся немного севернее Синина, тоже недалеко от Кукунора. Составители сборника «Международные отношения в Центральной Азии» также предполагали, что при упоминании Селима «речь, вероятно, идет о городе Синине»[11].

С такими предположениями не согласуются детали рассказа самого Трушникова. Во-первых, он сообщал, что озеро Кукунор находится на значительно большем удалении от городов Даба и Селим. В известных нам копиях показаний тобольского разведчика, записанных в 1716 и 1719 годах, расстояние от Кукунора до Дабы и Селима указано в две недели пути (док. № 27, 28). Г. Ф. Миллер, возможно, знакомый с какой-то другой копией отчёта Трушникова, писал почти о трёхнедельном путешествии: «От озера Коконора в 20 дней разстояния, проехав Китайскую

[9] Strahlenberg P. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. in Verlegung des Autoris. Stockholm, 1730. S. 255, примечание i (в подстрочнике). Русский перевод XVIII в. цитируется по кн.: Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: северная и восточная часть Европы и Азии. [Ч. 1]. М.; Л., 1985. С. 163.

[10] Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист): Сибирь эпохи Петра Великого / сост. Л. И. Огородникова Тюмень, 2005. С. 100–101. При издании рукописи Г. Е. Катанаева составители примечаний также определяли Селим (Силим) как современный Синин (Там же. С. 160, прим. 39).

[11] Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: док. и материалы. Кн. 1. М., 1989. С. 348, прим. 4.

стену, мунгальцами Калган называемую, видел он при китайских городах Дабе и Селиме… что китайцы в двух местах песошное золото в реках собирают»[12]. В любом случае протяжённость пути от Кукунора до Дабы и Селима существенно превышала расстояние от озера до современного города Синина.

[12] Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg, 1760. S. 234; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Январь. С. 54.

Во-вторых, Трушников специально пояснял, что Селим и Даба расположены около Великой китайской стены, которую на монгольский манер называл «Калган»: «А китайские де город Селим построен за стеною, которую зовут Калганом, к царству Китайскому от стены в 20 верстах. А другой город Даба в 3 верстах от стены к царству ж» (док. № 27). Как видим, расстояние от Селима до стены Трушников указывал уже не в днях пути, а в вёрстах, настолько оно невелико. Это обстоятельство позволяет уверенно утверждать, что отождествление Селима с Синином ошибочно, поскольку город Синин удалён от стены почти на 200 км. Тем более неверна попытка Г. Е. Катанаева соотнести современный Датун с городом Даба, который располагался буквально у стены.

В 1720 г. геодезистом Петром Чичаговым была вычерчена карта южной части Западной Сибири и прилегающих районов Центральной Азии. В подписи автор пояснял, что «сия хартина делана по скаскам розных чинов людей: таболского жителя дворянина Федора Трушникова…»[13]. На этом чертеже нет города Селим, зато первым на пути из «контайшина владенья» в Китай изображён «китайского владения город Даба» (цв. ил. 9, в верхнем левом углу). Карта ясно показывает — Даба был первым укреплённым китайским поселением, к которому приводил древний торговый путь из Турфана.

В целом сведения Трушникова дают нам надёжные основания считать, что город Даба являлся первой заставой в том месте, где торговый путь из Турфана достигал Великой китайской стены. Такой древний населённый пункт хорошо известен — это застава Цзяюй на Великом шёлковом пути (Цзяюйгуань, где «гуань» означает «застава»), начальная точка Великой китайской стены на западе со времён династии Мин[14].

Если сопоставление Дабы с китайским городом Цзяюйгуань верно, то располагавшийся поблизости Селим следует отождествлять с городом Сучжоу (совр. Цзюцюань, провинция Ганьсу КНР) — одним из центров приграничной торговли на Великом шёлковом пути[15]. По свидетельству академика Василия Владимировича Бартольда (1869–1930), «еще во второй половине XVII в. сибирские купцы принимали участие в караванной торговле с Китаем через Среднюю Азию и пограничный китайский город Сучжоу»[16].

В Дабе и Селиме Трушникову удалось поменять сибирские меха на самородное золото: «на товары выменил он лан со 100 или болши, а подлинно сказать не упомнит; а руского весу в лане будет 9 золотников, а за лану давал по 7 и по 8 рублев» (док. № 28). Из Селима Трушников и его спутники «до города Ленжи малыми китайскими городами ехали дней со 11 или з двенатцать». По пути они смогли осмотреть 2–3 места, где китайцы добывали золотой песок. Такого самородного золота в Ленжи было закуплено «лан со 100» по 8 рублей.

Китайская мера веса лан делилась на десять долей, которые назывались чин. В XIX веке 1 лан равнялся $8\,^{72}/_{96}$ золотника; один чин, соответственно, был равен 0,875 золотника[17]. Если учесть, что российский золотник весил 4,266 г, вес одного лана составлял примерно 37,3 грамма. Понятно, что при торговых операциях купцам приходилось округлять соотношение весовых единиц двух государств. Ещё в середине XVII в. тобольский воевода Пётр Годунов писал: «А московским весом в лане 9 золотников», при этом «в фунте по 11 лан»[18].

Любопытно, что, рассказывая о своих приобретениях золота на озере Кукунор, в Дабе, Селиме и в городе Ленжи, Фёдор Трушников везде приводил разные весовые соотношения российского золотника и китайского лана: на Кукуноре «чин — один золотник», то есть один лан равен 10 золотникам; в городе Ленжи «руского весу в лане по 9 золотников с пол золотником», а в городах Даба и Селим «руского весу в лане будет 9 золотников». Чем вызваны такие различия — не ясно.

Всего Трушников выменял в Китае около 200 лан золотого песка, причём в пересчёте на русский вес он указывал «с местами» (брутто) то 22, то 25 фунтов (док. № 27).

Возвращался в Сибирь Трушников через Халху: «А из Лянжи шел он через Мунгальскую землю три недели, а из Мунгальской земли х кутухте[19] десять дней, а от кутухты до Селенгинска восемь дней» (док. № 27).

---

[13] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 34.

[14] Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи. В 2 ч. Ч. 2: Статистическое описание Маньчжуриии, Монголии, Восточного Тюркистана и Тибета. СПб., 1842. С. 169.

[15] Этимология топонимов «Даба» и «Селим» остаётся не выясненной. Возможно, название Даба восходит к монгольскому «даваа», которое обозначает не только горный перевал, но также имеет более широкое значение — «препятствие» (Кручкин Ю. Большой современный русско-монгольский — монгольско-русский словарь. М., 2006. С. 669).

[16] Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 186.

[17] Бичурин Н. Я. (Иакинф) Китай в гражданском и нравственном состоянии. Ч. 1. СПб., 1848. С. 19.

[18] Скачков П. Е. Ведомость о китайской земле // Страны и народы Востока. Вып. 2: География, этнография, история. Памяти Ю. Н. Рериха. М., 1961. С. 214.

[19] Кочевая ставка высшего духовного лица Монголии располагалась в бассейне реки Орхон. См.: A Map of Western Tartary Drawn from the Survey of the Jesuits and Mr. Kyrillow's Map of the Russian Empire // A New General Collections of Voyages and Travels. Vol. 4: Description of China, of Korea, eastern Tartary and Tibet. Travels through

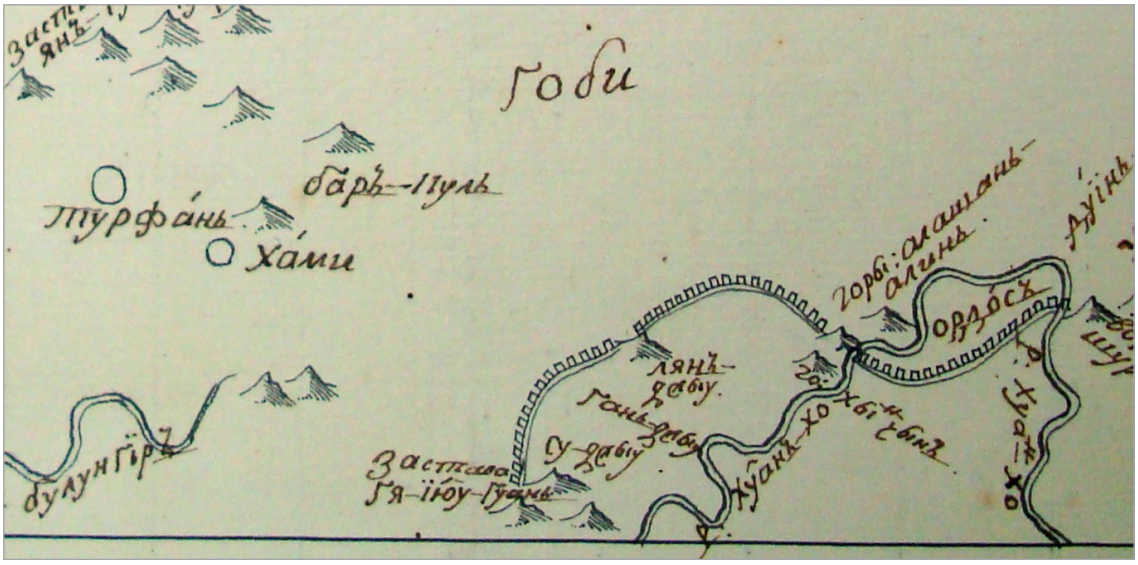


Рис. 25. Фрагмент русского чертежа XVIII в., скопированного с китайской карты, где надписи были сделаны на маньчжурском языке. Показаны лежащие на Великом шёлковом пути города Турфан, Хами, застава Цзяюйгуань, округа Сучжоу, Ганьчжоу, Лянчжоу

Реконструировать маршрут Фёдора Трушникова в пределах китайской провинции Ганьсу помогает рукописная карта XVIII в., хранящаяся в РГАДА[20]. В реестре карт, подготовленном в архиве в XIX веке, чертёж описан следующим образом: «32. Карта, изображающая Российскую империю и часть Средней Азии, согласно с понятиями китайцев; — составлена по карте, сочиненной на китайском языке. На русском языке. Рукоп. 2 экземпляра»[21]. На первом варианте копии имеется заголовок: «Подписана с карты, на маньджурском языке сочиненной», на втором: «Подписана с карты, на китайском языке сочиненной». В нашей книге публикуется вариант карты с переведёнными надписями «на маньджурском языке»[22].

У южной кромки карты показаны Великая китайская стена (от заставы «Шанахай» на востоке до заставы «Гя-йюу-Гуань» на западе), а также излучина реки «Хуан-хо», выходящая севернее стены (рис. 25). К западу от Хуанхэ, внутри Великой китайской стены, на территории современной провинции Ганьсу КНР, на карте имеются три подписи: «Лян-джыу», «Гань-джыу», «Су-джыу». Так обозначены крайние северо-западные округа Китайского государства (от «чжеу» — округ)[23].

В древности к западу от Хуанхэ кочевали ираноязычные юечжи. Затем они были вытеснены сюнну. Ханьский император У-ди (141–87 гг. до н. э.) захватил этот район и создал здесь округ Цзюцюань. Вскоре в связи с необходимостью укрепления господства над недавно захваченными сюннускими землями на территории округа Цзюцюань было создано ещё три самостоятельных округа: Увэй, Чжанъе и Дуньхуан (каждый из них делился на уезды). Позднее, в первом тысячелетии новой эры, округ Чжанъе был переименован в Ганьчжоу, уезд Цзюцюань вошёл в округ Сучжоу, а уездный город Увэй стал называться Лянчжоу[24]. В результате неоднократных последующих переименований у городских центров этих округов сложились устойчивые пары названий: Сучжоу — Цзюцюань, Ганьчжоу — Чжанъе, Лянчжоу — Увэй.

К западу от Хуанхэ в Великой китайской стене на карте показаны два прохода: у конца укрепления при «заставе Гя-йюу-Гуань» (совр. Цзяюйгуань), и севернее, в округе Лянчжоу. Действительно, в районе современного города Увэй, который в начале XVIII в. назывался Лянчжоу, в Великой китайской стене имеется северный проход, выводящий во Внутреннюю Монголию. Если сопоставить рассказ Фёдора Трушникова, китайскую карту

Tartary, Tibet, and Bukhâria, to and from China, 1246–1698. London, 1747. P. 367.

[20] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Генеральные карты. Д. 32. Ч. 1–2.

[21] Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел реэстр географическим атласам, картам, планам и феатрам войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году и дополненный по 1877 год // Известия императорского Русского географического общества. 1877. СПб., 1878. Т. 13. Приложение. С. 13.

[22] Копия карты, имевшей подписи на китайском языке, опубликована: Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. № 11 (ноябрь). С. 440.

[23] Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1842. С. XX.

[24] Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и истолкования. Новосибирск, 1989. С. 205–206 (прим. 367–368), 225 (прим. 446), 233 (прим. 473), 302 (прим. 844).

Рис. 26. Фрагмент карты Сибири, составленной в январе 1716 г. Копия из коллекции Ж.-Н. Делиля с подписями на французском языке.

Пунктирной линией показан путь Фёдора Трушникова от Ямышевского озера на Иртыше через ойратскую Ургу и китайский город Селим до российского города Селенгинска

XVIII в. и современные реалии, то фразы «из Селима… шел до большого города Ленжи… А из Лянжи шел он через Мунгальскую землю», по нашему мнению, означают: из города Сучжоу (совр. Цзюцюань) путь лежал в город Лянчжоу (совр. Увэй), а оттуда на север, в Монголию — и далее до пограничного города Селенгинска (цв. ил. 10).

Этот маршрут вплоть до российской границы шёл по территории Китая и обеспечивал сравнительную безопасность. С 1704 г. через Селенгинск и «чрез подданных китайских мунгал» ходили торговые караваны в Китай[25]. Характерно, что и упомянутый выше Фёдор Самарец, который встретил Трушникова в Селиме, выходил в Россию тоже через Селенгинск (док. № 30).

В 1715 г. и Трушников, и Самарец вернулись в Тобольск, но сибирского губернатора там не застали. По документам известно, что оба они в следующем 1716 году были представлены М. П. Гагариным в столице лично Петру I[26]. Произойти этом могло только в январе, поскольку 27 января[27] Пётр I покинул Петербург и отправился через Нарву в Ригу, откуда в феврале прибыл в Данциг по пути в Амстердам[28]. В начале 1719 г. на допросе в Сенате Матвей Петрович рассказывал: «А в 716-м году к его царскому величеству ево, Самарцова, он приводил. И царское величество оного Самарцова изволил спрашивать изустно, что от Зайсан озера до Турфана и до Эркетя сухова пути. О чем явно в поданном царскому величеству ведении. Также и чертеж по ведению ево, Самарца»[29].

Сенаторы запросили у сибирской администрации сведения об упомянутом Гагариным чертеже и получили ответ: «По справке ис тобол-

[25] Курц Б. Г. Государственная монополия России с Китаем в первой половине XVIII ст. [Электронный ресурс]. Киев, 1929. С. 74–75. URl: www.sinologist.com.ua/ukr/Kurtz/Государственная_монополия.pdf (30.01.2015); РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 33–33 об. (см. док. № 26).

[26] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 47. Л. 38 об. — 39, 44 об. (см. док. № 28); РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 459, 468 об.

[27] Журнал или Поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира: Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою его императорскаго величества. Ч. 2, отд. 1. СПб., 1772. С. 14.

[28] Собрание писем императора Петра I к разным лицам и ответы на оные. Ч. 3: [Письма Петра I с 1716 г.]. СПб., 1830. С. 1–4; Письма русских государей и других особ царск ого семейства. М., 1861. Док. № 62–63, с. 42–43. В последнем издании письмо Петра I к Екатерине от 11 января из Амстердама датировано 1716 годом (№ 61, с. 61). Это явная ошибка, поскольку царь в Амстердаме был в январе 1717 г. (Собрание писем императора Петра I… Ч. 3. СПб., 1830. С. 88–89).

[29] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 469.

ской канцелярии Федора Самарца о пути ведения и чертежа в тоболской канцелярии нет»[30]. Этой карты и не должно было быть в Тобольске, поскольку встреча Петра I с путешественниками состоялась в Санкт-Петербурге. При работе над книгой мы неожиданно обнаружили копию карты 1716 г. в Париже, среди материалов картографической коллекции Ж.-Н. Делиля, хранящихся в Национальной библиотеке Франции. В каталоге этот рукописный чертёж с подписями на французском языке предположительно датирован 1722 годом. У нас есть весомые основания отнести появление оригинала указанной карты к январю 1716 г.

[30] Там же. Помета на поле листа 469.

Скопированная для Делиля карта охватывала значительную часть Северной и Центральной Азии от Ледовитого океана до Великой китайской стены и от Каспийского моря до Байкала (западная половина карты опубликована в этой книге на рис. 20). Особенностью чертежа является то, что на нём линией из точек показан путь от Ямышевского озера к «контайше», затем в китайский город Селим и далее до Селенгинска — то есть маршрут, полностью повторяющий описание пути Фёдора Трушникова (рис. 26). Уверенность в том, что на оригинале карты был нанесён маршрут поездки именно Трушникова, придают важные детали.

При движении из Урги в Китай город Турфан и озеро Зайсан оказались слева от путешественника, как это видно на карте. На чертеже подписана река Тарим, не встречающаяся на более ранних картах (озеро Лобнор также названо «L. Tarym»). Ещё примечательнее, что у Тарима нарисован левый приток с названием Хайду («Chaidou R.»), который отождествляется с современной рекой Хайдык-Гол (цв. ил. 10). Это подтверждает предложенную выше реконструкцию не описанного Трушниковым участка его пути из Урги на Тарим. Характерно, что на карте обозначен и город Курля («Kourlia»), упомянутый в рассказе Трушникова. Правда, помещён он не в устье реки Хайду, а в её истоках, что не соответствовало действительности.

Поблизости от озера Кукунор («L. Kokonour») на карте квадратиками отмечены «золотые рудники» («Mines d'or») — места золотодобычи, мимо которых проехал разведчик Гагарина. Показательно, что кроме рудников, лежащих рядом с маршрутом, показаны и золотые копи в горах на юге, «в правой стороне» от проезжавшего там Трушникова. Туда, «во владенье Дала и Ламы» позднее ездил Фёдор Самарец. От озера Кукунор проложенный по карте маршрут ведёт к Великой стене в город Селим, затем в городе Ленжа («Lenja») он выходит на север, за пределы стены, и через ставку кутухты приводит в Селенгинск.

Перечисленные детали не оставляют никаких сомнений в том, что на карту был нанесён именно маршрут разведывательной поездки Фёдора Трушникова 1713–1715 гг. Более того, географические реалии в юго-восточной части карты, очевидно, рисовались со слов Трушникова. Иначе не объяснить появление в Восточном Туркестане реки с русским названием Сухая («Soukhai R.») и русского звучания в обозначении китайского города Лянчжоу как «Ленжа» — в описании Трушникова он тоже назван «Ленжа» (док. № 27, 28).

Вместе с тем на чертеже западная часть Великой китайской стены заканчивается поблизости от озера Кукунор, а крайний на линии стены город Селим находится юго-восточнее озера. Такое взаиморасположение ранее уже встречалось на карте Гийома Делиля 1706 г. (рис. 24). Как указывалось выше, это не соответствует действительности: Великая китайская стена не подходила к озеру Кукунор и городу Синин, она расположена гораздо севернее и отделена от озера хребтом Наньшань (рис. 33). Именно там, к северу от Кукунора, находились города Даба и Селим, где Фёдор Трушников покупал китайское золото.

В 1719 г. российский разведчик вспоминал: «А ис Тоболска оное все золото в 715-м году свез в Санкт Питербурх и объявил губернатору князю Гагарину. А губернатор объявил ево и золото царскому величеству. И царское величество изволил ево о том золоте спрашивать изустно, где он взял и каким случаем» (док. № 28). В сентябре 1725 г. кабинет-секретарь А. В. Макаров пояснял: «В прошлом 1716 г. его императорскому величеству, блаженной и вечно достойной памяти, бывший тогдашний сибирский губернатор князь Матвей Гагарин объявил самороднаго песочнаго золота в десяти местах в кожах завязано 200 лан, а русскаго веса в лане 9 золотников; и доносил, что то золото берется в Китайском государстве, для чего он посылал в 1713 г. тобольскаго жителя Федора Трушникова, который, по приезде оттуда, объявил, что то золото покупал он у китайцев и у калмык в тех местах, где промышляют». Золото Трушникова хранилось в Кабинете Петра I вплоть до смерти императора. Макаров писал, что «помянутое золото слито и употреблено в дело» 5 февраля 1725 г. по распоряжению Екатерины I. Оставшиеся «на память» 2 фунта 25 золотников привезённого из Китая драгоценного металла были переданы в Кунст-камеру[31].

Важно отметить, что Трушников в разговоре с царём подчёркивал: «В бытность у контайши в Урге и во всем ево контайшина владенье, как ехал в Селим, песошного и никакого золота не покупывал». Петру I было чётко сказано, что «у контайши во всем владенье песошного золота нет» (док. № 28). М. П. Гагарин объявляя привезённое Трушниковым золото, также в своём доношении объяснял царю: «То де золото он, Трушников, купил не в той стороне и не в тех местех» (док. № 27)[32].

---

[31] Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 56–57.

[32] К сожалению, в историографии бытует точка зрения о том, что Трушников подтвердил наличие золота в Восточном Туркестане, и именно это якобы стало причиной организации военной экспедиции И. Бухолца: «Получив сведения от Ф. Трушникова, побывавшего в 1713 г. в Восточном Туркестане, о имеющихся там богатых запасах золота и других цветных металлов, русские власти отправили в 1715 г. в Восточный Туркестан экспедицию во главе с подполковником Иваном Дмитриевичем Бухгольцем» (Международные отношения в Централь-

Таким образом, в январе 1716 г. и Гагарину и Петру стало ясно, что слух о богатстве яркендских золотых промыслов может быть очень сильно преувеличен. Весь золотой песок Трушников привёз из Китая, причём не расфасованным в традиционные коробочки, а россыпью «в кожах». Это наводило на мысль, что и то «песошное золото», которое доставляли в Тобольск бухарские купцы, тоже могло происходить из Китая, а не из владений хунтайджи в «Малой Бухарии». Пётр I и сибирский губернатор ещё не знали, что отряд Бухолца осаждён в Ямышевской крепости, но уже были информированы о том, что золота у ойратского хунтайджи нет. Хотя захватывать Эркеть, в сущности, становилось незачем, поход Бухолца на Эркен-Дарью никто не отменял. Маршрут этого похода теперь лежал через озеро Зайсан и верховья Иртыша..

Вместе с тем привезённые Трушниковым сведения и золотой песок подводили к необходимости одновременно с продвижением к «Малой Бухарии» начать проникновение к другим месторождениям восточного золота, расположенным в землях кукунорских калмыков-хошеутов. В своём рассказе о китайских золотых промыслах на реках, «которые текут з гор», Трушников пояснял: «А те де горы пошли от сибирских городов, от Иртыша и от Томска, и от Иркуцка» (док. № 27). Следовательно, попасть к этим промыслам можно было как с верховий Иртыша, так и с верховий других сибирских рек, пройдя на юг через горы.

Продвижение к золотоносному району, о котором сообщал Трушников, требовало выхода на вершины Иртыша, Оби, Енисея и даже Селенги. Это вполне укладывалось в сформулированную М. П. Гагариным концепцию принадлежности России всего течения сибирских рек, вплоть до их истоков. Такая позиция подталкивала сибирскую администрацию к возведению крепостей в горах, в верховьях великих рек. Поэтому при встрече с Петром I в начале 1716 г. Гагарин говорил уже не об Эркети, а «доносил его величеству в Питербурхе, что на Енисейских вершинах конечно надобно строить городы; которые вершины подошли в близости к тем местам, где Трушников у калмыков купил золото в тех местах, где копали те калмыки»[33]. Итак, Гагарин предложил постепенно продвигаться в новом направлении, к другим золотым промыслам, на сей раз в районе озера Кукунор в Цинском Китае.

Одновременно с этим сохранял актуальность царский приказ Бухолцу плыть вверх по Иртышу «пока лотки пройти могут», достичь озера Зайсан и построить там российскую крепость. Проникновение на Зайсан и военное присутствие в истоках Иртыша Пётр I и Гагарин по-прежнему рассматривали как очередную задачу военной экспедиции Бухолца.

Яркендское золото продолжало интересовать российского монарха. Это нашло отражение в тексте указа, собственноручно написанного царём 14 февраля 1716 г. в Либаве (совр. город Лиепая в Латвийской Республике), где ему рапортовал о выполненном поручении «лейбгвардии капитан господин князь Александр Беков сын Черкаский»[34]. Ранее, в мае 1714 г., князь был отправлен царём для обследования восточного побережья Каспийского моря, составления карты и сбора сведений о старом и новом руслах реки Аму-Дарьи[35]. В конце 1715 г. князь, завершив изыскания, поехал в обратный путь для личной встречи с Петром и догнал покинувшего столицу монарха уже в Либаве.

После беседы с вернувшимся гвардейцем царь 14 февраля 1716 г. сам написал десять пунктов нового указа, предназначенного «капитану от гвардии князю Черкаскому». Теперь Александру Бековичу поручалось «ехать к хану хивинскому послом» и его «склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному»[36].

Отдельный пункт указа был посвящён разведыванию пути из Хивы до яркендских золотых промыслов: «6. Ежели сим [или иным][37] образом склонитца хивинской хан, то просить ево, дабы послал своих людей (при которых и наших два б [человека] было) водою по Сырдарье реке вверх до Иркети городка для осмотрения золота»[38].

Любопытно, что, в отличие от Гагарина, Пётр I локализовал неведомый «городок Иркеть» на реке Сыр-Дарье, а не на Аму-Дарье. Ни в одном из других архивных документов того времени мы такого варианта не встречаем. Реку Аму-Дарью Пётр I рассматривал как возможный путь проникновения в Индию. В седьмом пункте своего указа он предписывал Черкасскому отправить офицера «под образом купчины» в плавание «вверх по Амударье реке в Ындею, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут иттить, и оттоль бы ехал в Ындею, примечая реки и озера, и описывая водяной и сухой путь»[39].

ной Азии. XVII–XVIII вв.: док. и материалы. М., 1989. Кн. 1. С. 348, прим. 1 к док. № 84).

[33] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 139.

[34] Журнал или Поденная записка... Ч. 2, отд. 1. СПб., 1772. С. 341.

[35] ПСЗ РИ-1. СПб., 1830. Т. 5: 1713–1719. № 2815, с. 108.

[36] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 56. Л. 21; ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 2993, с. 197.

[37] В квадратных скобках даны вставки, отсутствующие в автографе Петра I, но имеющиеся в тексте указа, опубликованного в Полном собрании законов Российской империи.

[38] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 56. Л. 22; ПСЗ РИ–1. Т. 5. № 2993, с. 197–198.

[39] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 56. Л. 22.

Именной указ об отправке А. Б. Черкасского в Хиву подтверждает мнение академика В. В. Бартольда, который связывал «план мирного завоевания Средней Азии» Петра Великого с надеждами российского монарха найти водный путь в Индию и приобрести золотые россыпи[40] . Достижение этих целей у Петра I, по-видимому, ассоциировалось с разными реками. Путь в Индию царь надеялся найти, проникнув в верховья Аму-Дарьи, тогда как поиск пути к Яркенду Пётр I в начале 1716 г. планировал вести с двух сторон: из Большой Бухарии[41], продвигаясь вверх по Сыр-Дарье, и из Сибири, продвигаясь вверх по Иртышу.

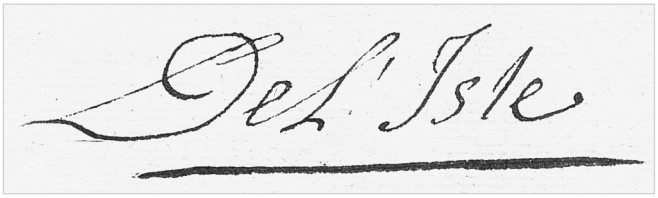
Познакомившись с пунктами царского указа, князь Черкасский подал встречные предложения, связанные с выполнением возложенных на него поручений. Он считал, что удобнее идти в Хиву не с восточного побережья Каспийского моря, а сухим путём, с устья Яика (совр. река Урал). В конце своей записки князь упомянул о предстоящей встрече с полками Бухолца: «И как я чаю, что конечно ходу нам менше будет перед тем, как с сибирской стороны Бухалту»[42].

Когда Александр Бекович Черкасский писал эти строки, никто в России ещё не знал, что ушедший вверх по Иртышу отряд Бухолца уже атакован и осаждён в недостроенной Ямышевской крепости.

[40] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1977. Т. 9. С. 393.

[41] В дальнейшем сбор достоверных сведений о добыче золота южными соседями рассматривался как важная государственная задача. В инструкции российскому посланнику Флорио Беневени, направлявшемуся летом 1718 г. к бухарскому хану, говорилось: «Ему же, посланнику, от бухарцов и хивинцов, которые живут в Бухарах, стараться подлинно уведать во владении хивинском, в реках Дарье или иной какой (для чего был князь Александр Бекович Черкаский послан), золото… И ежели б там иметь крепость и людей, возможно ль получить много того золота» (Сборник князя Хилкова. Спб., 1879. С. 555–556; Воловников В. Г. Посланник Петра I на Востоке. М., 1986. С. 137).

[42] Там же. Л. 20 об.



Автограф Жозефа-Николя Делиля на письме из Парижа в Санкт-Петербург. 7 сентября 1743 г.

Документ № 26

1712 г. марта 16 – мая 8. **– Указ Петра I Сенату об уточнении сведений о путях в Китай и справка о семи дорогах, ведущих из Сибири в Китайское государство, с приложением чертежа**

(л. 29) [*Канцелярская помета:*] О пути до Китайского государства

Копии

В письме царского величества за приписанием его величества собственные руки к правительствующему Сенату из Санкт-Питербурха от 16-го марта, а на Москве получено 1-го дня апреля нынешняго 1712-го году написано:

Доносил его царскому величеству в Санкт-Питербурхе устюжанин Никита Панкратьев, что он до Китайскаго государства знает другой путь, которой гораздо способнее и ближе того, которым ныне ездят, о чем он подлине сам Правительствующему сенату объявит.

Того для велеть освидетельствовать и ежели будет ис того нашим людем польза, то надобно снестись о том с китайским ханом, чтоб позволили тем путём ездить.

(// л. 29 об.) И апреля в 7 день нынешняго 712-го году по указу великого государя Правительствующий сенат приговорили: устюженина Никиту Панкратьева для освидетелствования того способного пути отослать Сибирской губернии к губернатору князю Матвею Перовичю Гагарину с указом. А что по свидетелствованию ево явитца, о том ему, губернатору, в канцелярию Правительствующаго сената прислать ведение за своею рукою.

Таков подлинной указ за закрепою обор секретаря Анисима Яковлевича Щукина.

<…>[43]

[43] На листе 30–30 об. находится черновой отпуск сенатского указа М. П. Гагарину с пересказом того же текста.

(л. 31) Сказал устюженин, что знает в Китай ближню[ю] дорогу, и сказал о ней, что через Томской.

И о той дороге давно есть ведомость, но с казною великого государя тою дорогою ходить невозможно. И та дорога, також как иные, кроме той, четыре заповеданы, и никому ими ходить не велено, а для чего, то явлено ниже:

Из сибирских городов в Китайское государство 7 дорог:

Из Тоболскаго через Ямышево озеро.

Из Тарскаго города.

Из Томска, о которой сказывает.

С Краснаго яру.

Из Иркутцкаго через Култуцкой.

Из Селенгин, которою ныне караваны ходят.

Из Нерчинскаго, которою прежде ходили караваны.

И 7 дорога всех даля, аднакож без всякаго страха, потому что ис Сибирскаго уезду и в Китайской уезд иных никаких землиц не подошло близко.

6-я дорога, которою ныне ходят, тому ближе. А протчих гораздо дале, но и тут не без страха, что через степь ходят, и подошли немирные иноземцы мунгалы. Однакож не без страху та [дорога][44].

[*на л. 31 об.–32 карта в разворот (см. рис. 23)*]

(// л. 32 об.) Но только и надежды, что чрез подданных китайских мунгал ходят караваны, но всегда...[45] страх в 200 человеках, а идут через степь, где великое лютство всяких иноземцов кочюет.

А чтобы 1-ю иль 2, или 3, или 4-ю, или 5-ю ходить караванам в Китай, того мыслить нельзя, потому что через степь будет итить недель десять до каитайскаго рубежа, а в тех степях кочюют многие иноземцы калмыки, каракалпаки, черные татары, киргизы, мунгалы, башкирцы. А умиритца со всеми иноземцы не мочно. Того ради и не посылаютца теми дарогами.

А хотя бы и взялся кто провести и охранить, но за страхом невозможно, потому всегда промеж себя воюютца.

Тем дорогам назади чертеж.

[*Канцелярская приписка на обороте карты:*] Сей лист отдал тайной советник и генерал-пленипотенцыар крис-камисар князь Яков Федорович Долгорукой маия в 8 день 1712 года.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 373. Л. 29–29 об., 31–32 об. Указ от 16 марта 1712 г. — копия; ведение о дорогах — подлинник. Публикуются впервые.

Документ № 27

1719 г. после сентября 3. **— Выписки, посланные И. Лихаревым из Тобольска в Кабинет, с пересказом материалов допроса М. П. Гагарина в Сенате об эркецком золоте и сопроводительного письма из канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова об отправке Фёдора Трушникова в Тобольск, с приложением копии ведомости 1716 г. о поездке Трушникова во владения хунтайджи и в Китай для сбора сведений о золотых промыслах**

(л. 38) В канцелярии ведомства лейб гвардии господина маэора Ивана Михайловича Лихарева выписано.

По имянному царскому[46] величества указу велено ему, господину маэору, в Сибири освидетелствовать по скаскам губернатора князя Гагарина и подполковника Бухолца о золоте эркецком, подлинно ль есть, и от кого он, губернатор, сведал; также проведывать о пути, сколь далеко, и возможно ль дойтить до Эркетя, и нет ли вершин каких рек, которые подались к Заисану, а впали в Дарью реку или в Аралское море.

Губернатор князь Гагарин в допросе сказал и в Сенате в доношении объявил:

Как де приехал он в Тоболеск, увидел в продаже песошного золота немалое число, а зоветца эркецкое. И о том он спрашивал тоболских жителей многих. И сказали ему, что то золото промышляют под Эркенем в реке Амон Дарье. То для свидетелства призывал он эркецкого боярина (// л. 38 об.), которой из Эркеня от калмык от убивства в бунт ушол в Тоболеск.

---

[44] Восстановлено по копии на листе 33 об.

[45] Не читается слово в четыре буквы. В копии того же времени это слово опущено (л. 33 об.).

[46] Так в тексте.

И тот боярин ему сказывал о промысле того золота: Как де бывает в той реке муть з дождей и прибыль воде, и в то время тою рекою несет такое золото. И в воду кладут сукна, и попоны, и ковры и перенимают ими. А как збудет прибылная вода, то берут из берегов землю и вымывают золото ис песку. И про такой промысел и он ведает.

И по тому известию он, князь Гагарин, о том золоте царскому величеству и доносил. И такого де золота он, Гагарин, в Тоболску купил немалое число и привез к царскому величеству. А имянно де песошное золото купил он в 713-м или в 714-м году с четверть пуда у тоболских жителей у новокрещеного иноземца Ивана Батогина — фунта з два, у детей боярских у Мирона Новоселова — фунта 3 или 4, у Ивана Туренина, у Федора Евсевьева — а по сколку, того не упомнит.

Да у тоболского сына боярского Федора Трушникова вывозу песошного золота, которые он, губернатор, (// л. 39) в прошлом 716-м году объявил царскому величеству. А то де золото он, Трушников, купил не в той стороне и не в тех местех, о чем он, губернатор, подал царскому величеству и доношение. И тем де местам свидетелствует то доношение.

А сего де сентября 3-го дня 719-го году в присланном (в Тобольск. — *Авт.*) писме из Санкт Питербурха ис канцелярии ведомства лейб гвардии маэора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова за рукою капитана лейтенанта господина Бахметева написано:

Марта де 5-го дня сего ж 719-го году в Канцелярии де их ведомства оной Трушников не держался, а держался в канцелярии ведомства генерала и лейб гвардии маэора господина Матюшкина. И по посланному писму оной Трушников в канцелярию их ведомства прислан для посылки в Тоболеск. А в писме из оной канцелярии, каково прислано за рукою ундер лейтенанта господина Языкова, писано, что оной Трушников по корованному делу (// л. 39 об.) в разных речах во ухоронке от князя Долгорукова писем с лантратом Ракитиным и с вахмистром Лебедевым надлежит розыску. А как он, Трушников, от дел будет свободен, чтоб его, Трушникова, прислать в Санкт Питербурх по прежнему.

А оной де Трушников и с ведомостми, которая прислана от кабинет-секретаря господина Макарова о песошном золоте, которая подана от князя Гагарина, также и с ево, Трушникова, скаски о том же золоте, которая у него взята в канцелярии лейб гвардии маэора Ивана Ильича Дмитреева-Мамонова, ныне посылаетца при писме копия.

А в копии написано:

В прошлом 1713-м году ис Таболска посылан двоярнин Федор Трушников до китайского города Селима для проведыванья о промыслу в Калмыках золота.

И тот Трушников ныне ис той посылки приехал, а сказал:

(// л. 40) Ис Таболска де ехал он до Ямышева озера с верблюдами степью 3 недели, а от Ямышева до контайши до Урги степью ж 4 недели, а из Урги пронимался степью до Селима 12 недель. И не доезжая Селима за 2 недели наехал озеро Коконур, у которого кочуют калмыки, называют их кошеуты. А в тех Калмыках наехал он тайшей 4-х человек, и из них одному имя Солон. От которых промышляют золото калмыки у речек и возле ключей, которые текут з гор. И у них купил того золота по 7 рублев лану, а руского весу в лане будет 9 золотников. А видел он на промыслу людей, которые близ дороги, 150 человек. А сказывали де ему тех промыслов копалщики, что один человек в лето найдет такого золота лан 20 и 30, а иные де и по 100 лан добывают (// л. 40 об.), а иной де человек и одной ланы во все лето не может набрать.

Да они ж де ему, Федору, сказывали, что есть в тех горах серебреной руды множество и выходит серебра в полы против руды. Но того серебра они не промышляют под смертною заповедью от тайшей. И для того около тех гор, где серебреная руда, поставлены караулы крепкие, чтоб нихто той руды не брал. Но украткою де емлют по неболшому числу и плавят тайным обычаем.

Да в тех же горах есть и свинец самородной, таков же как и немецкой свинец. А те де горы пошли от сибирских городов, от Иртыша, и от Томска, и от Иркуцка.

Да те же де люди и руской полоненик, которого он привез с собою[47], ему сказывали, что около того озера таких тайшей калмыцких живет много, и от озера в правой стороне те тайши, также и особые иноземцы, называемые тунгуты, копают золото по реке Алтан Голме и по малым речкам многолюдно, (// л. 41) а имянно де в одном месте с 3000 человек. А тунгуты де люди самые плохие, и ружья, опричь луков, никакого не имеют.

А китайские де город Селим построен за стеною, которую зовут Калганом, к царству Китайскому, от стены в 20 верстах. А другой город Доба в 3-х верстах от стены к царству ж. И при

[47] Вероятно, речь идёт о привезённом вместе с Трушниковым в Санкт-Петербург Фёдоре Самарце.

тех городах на реках золото самородное копают же. И видел он такие промыслы в 2-х местех, на реках ищут китайцы. И купил у них того золота по неболшому числу по 7 рублев лану. А те де промышленики дают в ханскую казну по золотнику золота с человека на лето.

А из Селима де пронимался он к сибирским городам и шел до болшого города Ленжи 11 дней. И в Ленже купил золота по 8 рублев лану, для того что де то золото лутче.

А из Лянжи шел он через Мунгалскую землю 3 недели. А из Мунгалской земли х кутухте 10 дней. (// л. 41 об.) А от кутухты[48] до Селенгинска 8 дней.

А в Селенгинск пришол февраля в 27 де[нь] 1715 году.

А того самородного золота привес 200 лан, которого по рускому весу и с местами 22 фунта.

А оную ведомость писал Денис Протопопов будучи в Санкт Питербурхе, а в котором году не упомнит. А допрашивал ево, Трушникова, дьяк Семен Киреев. А сия ведомость писана с ево, Семеновой, руки[49].

[*Приписка к копии ведомости 1716 г., сделанная во время допроса Трушникова в канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова в Санкт-Петербурге весной 1719 г.*:]

Под тою ж ведомостью в скаске Федора Трушникова написано:

Вышеписанные де речи бывшему губернатору князю Гагарину сказывал в Санкт Питербурхе в 716-м году[50]. И написана та ведомость против ево скаски. А вышеписанного золота привез он 200 лан, которого по рускому весу и с местами было 25 фунтов, ценою 100 лан по 7 рублев, да 100 ж лан по 8 рублев. (// л. 42) Итого на 1500 рублев. А брал он, Трушников, вышеписанное золото в мену на товары: на белку, на корсаки, на горностаи, которые он брал у тоболских жителей на 1200 рублев. Да у тарского жителя Ивана Чередова на 300 рублев.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 47. Л. 38—42. Копия 1720 г. Публикуется впервые.

Ранее ведомость о поездке Ф. Трушникова 1713–1715 гг. опубликована по другой копии: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. Док. № 116, с. 162–163. (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 147–148. Копия от 16 мая 1719 г.)[51].

Документ № 28

Между 1719 г. сентября 3 и 1720 г. мая 8[52]***.*** **— Рассказ тобольского дворянина Фёдора Трушникова на допросе в канцелярии И. М. Лихарева в Тобольске о поездке в Ойратское государство и в Китай в 1713–1715 гг.**[53]

(л. 42) Сентября 3-го дня сего 719-го году по помете на присланном писме[54] лейб гвардии господина маэора Ивана Михайловича Лихарева оного Трушникова велено допросить.

И по вышепомянутой помете оной Трушников допрашиван, а в допросе сказал:

В Эркене де городе он никогда не бывал и под Эркенем городом Амон река есть ли или нет, и песошное золото в той реке промышляют или не промышляют, того он не знает, и ни от кого не слыхал. И бывшему губернатору князю Гагарину эркецкого песошного золота и никакова не продавывал. И от Тоболска к Эркеню городу и к Зайсану озеру как путь надлежит не знает. И Аралское мору, и Эркен река, и речка Чикма где и в чъем владенье, (// л. 42 об.) и в тех реках песошное золото промышляют ли или не промышляют, того он не знает и ни от кого не слыхал.

А в прошлом 713-м году по указу великого государя и по приказу бывшаго губернатора князя Гагарина посылан он с тоболскими жителми з детми боярскими с Петром Доголоном, с Прокофьем Посниковым, с Ываном Берескиным, з Григорьем Яицким, всего 5 человек, китайского владенья в Селим и в Добу городы для покупки золота на государя. А на покупку того

---

[48] В тексте ошибочно: а от теленгут. Исправлено по копии: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 147–148.

[49] В копии из книги 23 под текстом отметка о посылке: Такова ведомость подлинная отослана при письме от секретаря к маеору от гвардии Дмитрееву Мам[он]ову майя в 16 день 1719-го. (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 148).

[50] Ведомость составлена в Санкт-Петербурге не позднее 21 марта 1716 г., поскольку в это время Гагарин уже находился в Москве, откуда уехал в Тобольск (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 26. Л. 459 об., 461 об.).

[51] В заголовке составители ошибочно указали, что сказка Трушникова составлена «в Селенгинской комендантской канцелярии». Публикуемая копия позволяет уточнить место и время создания документа.

[52] Трушников прибыл в Тобольск 3 сентября, а 8 мая 1720 г. Лихарев отправился в плавание на озеро Зайсан.

[53] Продолжение выписок, посланных И. Лихаревым из Тобольска в Кабинет (начало в документе № 27).

[54] Текст письма из канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова приведён в док. № 27.

золота и на проезд с ним послана была мяхкая рухледь: соболи, белки, горнастаи, корсаки, лисицы, яловошные кожи, всего по цене на 1000 рублев.

А от Тоболска ехали они степью до Тары 8 дней, а от Тары степью ж до Ямышева 3 недели, а от Ямышева до контайшина кочевья до Урги на верблюдах и на лошедях степью ж и каменистыми местами скорою ездою ехали 4 недели. А в том пути воды и травы было с великою нуждою. А санми и телегами в том пути ехать невозможно, потому что великие горы и каменья.

А от контайшина кочевья от Урги ево ж контайшиным владеньем, не занимая Турфана города (// л. 43) и Зайсана озера, степью ж и каменистыми местами ехали до границы китайского владенья 7 недель. А в том пути никаких людей не видали. А от той границы китайским владеньем степью ж и лесами до китайского города Добы ехали 5 недель. И не доехав того города Добы за 2 недели, наехали они на улус китайского владенья, а тем улусом камандует китайской тайша Солон. И в тех улусах слышал он от тамошних жителей, что того ж китайского владенья от тех улусов езды день или полтора дни промышляют де самородное золото. А как то золото промышляют он сам не видал, а слышал от тамошних жителей копалщиков, что копают подле речек и подле ключей из гор. А как то золото з землею розделяют он не слыхал. Да те ж копалщики сказывали, что того золота сыщет один человек лан 20 и 30, и по 50, и болши; а иной де сыщет и 100 лан, а иной де человек и одной ланы во все лето не может набрать.

Да те ж копалщики ему сказывали (//л. 43 об.) что близ тех гор, в которых промышляют самородное золото, есть другие горы. И в тех де горах серебреные руды множество, и выходит серебра в полы против руды. Но того де серебра не промышляют под смертною заповедью от китайского хана. И для того около тех гор, где серебряная руда, китайского хана поставлены караулы крепкие, чтоб нихто той руды не брал. Но украткою де емлют по неболшому числу и плавят тайным обычаем.

Да в тех же де горах есть свинец самородной, такой же, что и немецкой свинец. И в тех улусах у копалщиков он купил золота 7 чинов, а руского весу чин — один залотник. А давал за золотник товарами, исчисляя денгами, по семи гривен.

А от того улуса до Добы города ехали 2 недели. А приехав в Добу, переезжая из Добы в Селим, в тех городех жили 2 или 3 месяца, а подлинно сказать не упомнит.

А Селим от Добы города растоянием в 20 верстах. И в ту свою бытность в вышеписанных городех, в Селиме и в Добе, самородного золота (// л. 44) на товары выменил он лан со 100 или болши, а подлинно сказать не упомнит. А руского весу в лане будет 9 золотников, а за лану давал по 7 и по 8 рублев.

А от вышеписанных городов, от Добы и от Селима, до китайского владенья до города Ленжи малыми китайскими городами ехали дней со 11 или з двенатцать. И в том пути в китайском же владенье, не дошед Ленжи города дни за 2, видел он сам в 2 или в 3-х местах близ рек китайцы копают из гор самородное золото. А сказывали те копалщики, что де то золото промышляют в летнее и в зимнее время. А дают де хану того золота в ханскую казну в год по золотнику с человека. А сверх того золота себе получают ли или не получают, о том он их не спрашивал.

И в Ленже городе такого самородного золота купил он лан со 100, а давал товарами за лану, исчисляя денгами, по 8 рублев, а русского весу в лане по 9 золотников с пол золотником. А всего того золота куплено 25 фунтов. (// л. 44 об.)

А от Ленжи города через Мунгалскую землю ехали степью до тайши китайского ж владенья 3 недели. А от того тайши китайского ж владенья до кутухты ехали степью дней з 10, а подлинно сказать не упомнит. А от кутухты до сибирского города Селенги ехали 9 дней, а от Селенги приехали в Тоболеск.

А ис Тоболска оное все золото в 715-м году свез в Санкт Питербурх и объявил губернатору князю Гагарину. А губернатор объявил ево и золото царскому величеству. И царское величество изволил ево о том золоте спрашивать изустно, где он взял и каким случаем. И он де, Трушников, его царскому величеству доносил то ж, что сказал в сем допросе выше сего.

Также и про эркецкое песошное золото владенья контайшина царское величество изволил ево спрашивать. И он его царскому величеству доносил, что Эркеня города и о пути к Эркеню, и Амон реки, и речки Чикмы, и о промысле под Эркенем городом (// л. 45) песошного золота не знает, и ни от кого не слыхал. И в бытность у контайши в Урге и во всем ево контайшина владенье, как ехал в Селим, песошного и никакого золота не покупывал. А едучи в Урге и в других улусах контайшина владенья у калмык про песошное золото купить спрашивал, и контайшины калмыки сказывали, что у контайши во всем владенье песошного золота нет.

А вышеозначенное де все золото он купил в китайском владенье, и прибыв в Санкт Питербурх губернатору князю Гагарину сказывал словесно, что то золото он купил в китайском владенье, а в контайшине владенье никакого золота купить не сыскал. А что де он в Санкт Питербурхе в допросе сказал, что не доехав города Добы за 2 недели наехал озеро Кокунор, у которого кочюют калмыки, а называют их кошеуты, а которого владенья те калмыки, о том в прежнем допросе подлинно не сказал, и то в том допросе сказал он недознанием. А те калмыки китайского владенья, а не особыя владелцы. Да в том же допросе в Питербурхе сказал, (// л. 45 об.) что подле того Коконур озера в улусах, где кочюет тайша Солон з другими тайшами, от которых промышляют золото калмыки у речек и возле ключей, которые текут з гор, что у того промыслу золота видел он работных людей 108 человек, а он где промышляют золото и у промысла того золота работных людей 108 человек не видал, а сказал о том в прежнем допросе беспамятно. А в тех улусах, где кочюют китайской тайша Солон с товарыщи, тамошние жители калмыки, которые промышляют золото через Петра Доголона ему сказывали, что близ тех улусов промышляют самородное золото.

А в каком от того улуса растоянии то место, где промышляют золото, и каким промыслом то золото промышляют, о том в вышеписанном допросе ево в канцелярии лейб гвардии маэора Ивана Михайловича Лихарева сказано имянно.

[*Выписка на л. 38–45 имеет заверительные подписи-скрепы:*]

[*По середине листов:*] Ди/ак/ Ни/ки/то/ Не/ча/ев

[*По низу листов:*] Смотрил/ Петр/ Баска/ков

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 47. Л. 42–45 об. Выписка, составленная для Кабинета Петра I в 1719 г. Публикуется впервые.

Документ № 29

1721 г. не позднее января 19. — Рассказ тобольского сына боярского Фёдора Трушникова о его пути во владения хунтайджи и в Китай

(л. 459 об.) Тоболской сын боярской Федор Трушников о пути ж сказал:

В 713 году посылан он от князя Гагарина ис Тоболска в китайское владение, в Селим и в Дабу городы, для покупки золота на великого государя. А ис Тоболска ехал он сухим путём верховою ездою до Ямышева 3 недели, а от Ямышева до контаишина кочевья 4 недели. А в том пути воды и травы было с великою нуждою. А санми и телегами ехать было невозможно, потому что великие горы и камень. А от контаишина кочевья поехал он до китайского владенья и в бытность свою там купил самородного золота лан з 200 и болши. А ехал он от контаиши в Китаи не заимывая города Турфана и Заисана озера. И реки Иртыша не переезжал, потому что река Иртыш и Заисан озеро и город Турфан были в левой стороне, а город Эркень остался в правой стороне. А в Эркене городе он не бывал и песошного золота не покупывал. А Амон река (// л. 460) и Аралское море ест ли, и золото промышляют ли, того он не знает.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 459 об. — 460. Копия, включенная в отчет И. М. Лихарева в январе 1721 г. Публикуется впервые.

Документ № 30

1719 г.[55] — Рассказ тобольского сына боярского Фёдора Самарца о его поездках по торговым делам к ойратам, в Китай и Тибет, записанный на допросе в Тобольске

(л. 492) Тобольской сын боярской Федор Самарец сказал:

Тому ныне лет з 20 взят он в полон в Казачью орду и был у них 10 лет. А ис Казачей орды взят в полон же (// л. 492 об.) х контайше в Ургу. И жил 7 лет. А из Урги выкупил ево устюженин Егор Битюков.

И оной Битюков посылал ево для торгового промыслу в ево ж, контайшино, владенье в Кан Карагай. И в Кан Карагае искупя товары, кнему, Битюкову, возвратился зимним путём. И шел от Кан Карагай до Заисан озера степью 2 дни. Да через Зайсан озеро шли на лошедях и на

[55] Рассказ Ф. Самарца фигурирует в материалах допросов, которые были посланы И. Лихаревым в столицу осенью 1719 года (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 466–503 об.).

верблюдах 3 дни. А от Заисан озера до кочевья контайшина, до Или реки, степью и каменем 20 дней. А обозом зимою и летом итить невозможно, потому что великие горы и камень.

А из Урги пошли в китайские городы. И з дороги оной Битюков послал ево, Самарцова, в котайшино владенье в город Турфан для покупки ж. И искупя покупку, ис Турфана возвратился за ним, Битюковым, и догнал он тот кораван недоходя китайских городов. А от Урги, от Или реки, до Турфана города ехал скорою ездою верхами 26 дней. А х китайскому владенью (// л. 493) от Урги контайшиным владеньем до китайского владенья, до реки Тарым, каменем и песками, и великими горами шли 40 дней.

И переехав Тарым реку китайским владеньем до Селима города 2 месяца. И в то время в Селиме городе был тобольской житель Федор Трушников, которой послан купчиною. И он, Трушников, у тамошних жителей песошное золото покупал. А сколко весом и на сколко ценою купил, того он сказать не знает. А то золото промышляют во владенье китайского хана.

А ис Селима он, Самарцов, с товарыщи пошли во владенье Дала и Ламы до реки Морин. А шли на лошедях и на верблюдах скорою ездою 20 дней. А от реки Морин до реки Алтан Гол[56], а по рускому званию — Золотая. На которой промышляют песошное золото Дала и Ламы[57] оброчные тангуты. А слышал он от тамошних жителей, что то золото промышляют летним временем: капают из берегов. (// л. 493 об.) А у того промыслу работных людей бывает по 3000 человек. А оброку платят с человека по золотнику на год.

А от той Золотой реки пошли в китайское владенье в кочевье Батуртажи тем же путём. А от Батур тажи поехали во владенье контайши в Ургу.

А из Урги до Селенги шли степью и каменистыми местами и песками 2 месяцов и 15 дей. А от Селенги пришли в Тоболеск.

А как путь надлежит от Ямышева до Нор-Зайсана озера и от Нор-Зайсана до Турфана, и до Эркеня, и какие в том пути урочища, и между ими что растояние, о том он не знает и ни от кого не слыхал. И под Эркенем городом в Эркень реке как золото промышляют, также Амон река и речка Чикма, и море Аралское есть ли, и в чьем владенье, и в тех реках золото промышляют ли, он не ведает.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 492–493 об. Копия, включенная в отчет И. М. Лихарева в январе 1721 г. Публикуется впервые.

[56] В тексте ошибочно: Алтан Гор.
[57] Так в тексте.

Глава 11

Бухолц и сибиряки: сдача и восстановление Ямышевской крепости (февраль 1716 — март 1717 года)

Осада ойратами Ямышевской крепости длилась два с половиной месяца, с 11 февраля по 28 апреля 1716 г. Хотя боевые действия не велись и продовольствия было достаточно, запертые в крепости войска испытывали лишения, поскольку в лагере начались цинга и эпидемия сибирской язвы. От болезней ежедневно «человек по дватцети и болши помирали» (док. № 35). Миллер указывал, что этот «неприятель» «гораздо был опаснее, нежели осада»[1].

Единственным требованием ойратов, осадивших Ямышевскую крепость, был уход российских войск с их территории. «И станем жить в совете и в любви, ежели с места съедешь», — писал Цэрэн-Дондоб-старший Бухолцу 21 февраля 1716 г., через десять дней после начала осады. Однако у российской военной экспедиции никакой альтернативы зимованию в крепости не было. Победить численно превосходящего противника в открытой степи даже не пытались. После пленения ойратами на Коряковом яру (не доходя 52 версты до Ямышева озера)[2] подкрепления, посланного из Тары и Томска, надеяться на прибытие нового отряда раньше лета не приходилось. Отступить вниз по Иртышу в Тарский уезд Бухолц тоже не мог: почти всех лошадей отогнали ойраты во время нападения, пешим строем уйти по заснеженной степи было невозможно, а корабли стояли вмёрзшими в лёд. Осаждённым ничего не оставалось делать, как сидеть в крепости и ждать весны.

В этих условиях ойраты действовали последовательно. Они не вели активных действий и не штурмовали крепость. О возврате отогнанного табуна драгунских коней Бухолцу не могло быть и речи, поскольку в условиях конфронтации конь являлся наступательной боевой единицей. Вместе с тем, показательно, что Цэрэн-Дондоб сохранил в целости флотилию Бухолца. Зимой, в условиях нехватки топлива, беззащитные корабли не были сожжены. Очевидно, ойраты понимали, что оставить крепость и отступить российские войска смогут только водным путём по Иртышу после его вскрытия. Осаждавшим оставалось беречь чужие корабли и ожидать весны.

Вскрытие Иртыша в районе Ямышевского озера обычно происходит в первой половине апреля (по юлианскому календарю). Как сообщал Г. Ф. Миллер, дождавшись ледохода, осаждённые смогли отправить двух человек в Тобольск с письмом Бухолца. «Посадили вестников ночным временем в лодке на большую льдину и оклали льдом вокруг так высоко, что из оного ни лодки, ни людей видеть не можно было. Таким образом вестники между неприятелями прошли благополучно. Потом они, видя себя в безопасности, спустили лодку на воду, сели в нее и привезли губернатору в Тобольск известие»[3].

2 мая 1716 г. сибирский губернатор сообщил в Кабинет Петра, что получил письмо Бухолца, датированное 12-м апреля. Из него М. П. Гагарин впервые узнал о том, что произошло с российским экспедиционным отрядом в феврале—апреле 1716 г. Известие о нападении ойратов на крепость не удивило и не испугало губернатора, поскольку он считал, что «в том опасения бы иметь не для чего: калмыки николи крепостей у нас и малых не берут ни при малых людех». Более всего Матвея Петровича возмутило решение подполковника отступить, разрушив крепость. «Пишет в том писме, что первое число сего маия хочет разорить крепость Ямышевскую и плыть с войским назад в Тарской уезд к реке Оми или в Татмыцкую слободу, которая от Тары в двух днях», — со-

[1] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб., 1760. Январь. С. 49; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 486.

[2] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 48.

[3] Там же. С. 49.

общал Гагарин кабинет-секретарю Петра I в своём письме от 2 мая (док. № 31).

Познакомившись с посланием Бухолца, губернатор в тот же день отправил к нему курьера с требованием, «чтоб он отнюдь не уступал от крепости той». При этом Гагарин понимал, что время потеряно, и Ямышевская крепость, возможно, уже сдана.

Так и случилось. Бухолц начал эвакуацию 28 апреля, немного раньше запланированного срока (док. № 35). По словам Г. Ф. Миллера, который беседовал в 1734 г. с участниками тех событий, оставление крепости произошло «без всякого сопротивления от калмыков». Войска погрузились на восемнадцать сохранившихся дощаников и отплыли вниз по Иртышу[4]. Деревянные постройки были разломаны и испорчены, земляная крепость частично взорвана[5]. Как писал сам Бухолц, «с ним вышло тысеча шестьсот человек, в том числе больные и раненые» (док. № 32)[6].

В конце декабря 1715 г. в Ямышевской крепости у Бухолца было 2656 человек (см. главу 6, табл. 3). Следовательно, за январь—апрель 1716 г. численность отряда сократилась более чем на тысячу человек. Из этой тысячи 281 человек погиб в боях или попал в плен (док. № 32), остальные умерли в осаждённой крепости. Таких потерь русские войска в Западной Сибири ранее никогда не несли[7].

Сибирский губернатор понимал, что курьер с его приказом, запрещающим сдавать крепость, не успеет. Однако Гагарин спокойно оценивал ситуацию и не воспринимал возвращение Бухолца как завершение военного похода на Зайсан. «Хотя он и отступит и разорит тое крепость, — писал губернатор 2 мая 1716 г. А. В. Макарову, — но измешки (помехи. — *Авт.*) великой в том деле нам не будет». Он решил остановить отступающий отряд на устье реки Омь, чтобы «на Оми реке зделать крепость для положения правианту и всяких припасов». Отсюда, по замыслу Гагарина, войско во главе с Бухолцем, получив подкрепление в тысячу человек, должно было вновь отправиться вверх по Иртышу: «И велю делать ему против государева указу город на Зайсане озере» (док. № 31).

По Ямышевской крепости губернатор уже 2 мая принял принципиальное решение: восстановить её немедленно и оставить там российский гарнизон на зиму 1716/1717 годов. Для этих целей Гагарин решил Бухолца уже не привлекать. «А к Ямышевской крепости посылаю, мой государь, ныне сибиряков, хотя он и отступит от нее. А им велю, починя оную, и сидеть в ней, прося помощи от бога, двумстам человеком» (док. № 31). Такой фразой Матвей Петрович ясно подчёркивал, что в Сибири при осаде решающим является не многочисленность обороняющихся, а их умелые действия. По этому критерию губернатор гораздо выше, чем гвардейца Бухолца, оценивал сибирских офицеров, привыкших воевать не числом, а умением. Дальнейшие события показали его правоту.

Плавание вниз по Иртышу от Ямышевской крепости до устья реки Оми занимало около семи дней: экспедиция капитана Урезова в 1719 г. проплыла это расстояние с 24 сентября по 1 октября (док. № 65, л. 625–625 об.). Бухолц начал отступление 28 апреля, следовательно, устья Оми он мог достичь примерно 5 мая. К такому же выводу пришёл известный исследователь истории Омской крепости Евгений Николаевич Евсеев (1927–2013). По его подсчётам, возвращавшаяся флотилия должна была прибыть к устью Оми «примерно 4–5 мая по старому стилю (15–16 мая) 1716 г.»[8]. Если такая реконструкция событий верна, то Бухолц остановился на Оми ещё до полу-

---

[4] Там же. С. 51.

[5] О подрыве крепости известно из писем М. П. Гагарина от 17 сентября 1716 г. (док. № 33) и от 15 мая 1717 г. (док. № 44).

[6] Г. Ф. Миллер писал, что при эвакуации из Ямышева «офицеров и рядовых считалось не больше семи сот человек» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 51). Нам неизвестно, на основании каких материалов Миллер указал такое число уцелевших. С тех пор эта ошибочная цифра неоднократно повторялась разными авторами.

[7] В советской исторической литературе сюжет о зимней осаде и сдаче Ямышеской крепости весной 1716 г. нередко излишне героизировался. Например, в совместном издании Институтов востоковедения Академии наук СССР и Академии наук МНР рассказывалось: «В октябре 1715 г. отряд И. Д. Бухгольца достиг оз. Ямышева и начал строительство крепости, названной Ямышевской. Здесь в феврале 1716 г. экспедиция подверглась нападению и длительной осаде джунгарских войск. Русские продержались в крепости больше года. Лишь в апреле 1717 г. болезни и голод, унесшие более половины участников экспедиции, заставили И. Д. Бухгольца заключить мир с ойратами, срыть крепость и отступить к устью р. Оми» (Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: док. и материалы. М., 1989. Кн. 1. С. 348, прим. 1 к док. № 84). Как видим, авторы комментария удлинили срок бесславного сидения в цитадели на целый год. При этом об успешной обороне Ямышевской крепости в октябре 1716 — феврале 1717 гг., которую осуществил небольшой отряд под командованием сибирского полковника Федота Алексеевича Матигорова (см. главу 13, док. № 44), в примечании не сказано ни слова.

[8] Евсеев Е. Н. Экспедиция И. Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 47–59. Цит. по: Мосты жизни нашей… Евгений Евсеев: исследования, публикации [Электронный ресурс]. URL: http://lib.omsk.ru/ip/evseev/node/175?page=2 (23.02.2014); Евсеев Е. Н. Основание Омской крепости отрядом И. Д. Бухолца (гл. I, раздел 2) // Очерки истории города Омска. Т. 1: дореволюционный Омск. Омск, 1997. С. 34. Эту же дату повторяют и другие исследователи, см. например: Миненко Н. А., Федоров С. В. Омск в панораме веков. Омск, 1999. С. 50.

чения распоряжения Гагарина строить здесь крепость. Однако архивных источников, подтверждающих эту версию, до сих пор не найдено.

Единственным документом, в котором указан точный день прибытия дощаников Бухолца на устье Оми, является письмо М. П. Гагарина от 26 июля 1716 г., адресованное А. В. Макарову. В нём сибирский губернатор просил кабинет-секретаря: «Изволь, мой государь, донести его царскому величеству, что подполковник господин Бухалц от Ямышевской крепости приплыл назад в Тарской уезд сего 1716 году июня в 10 де[нь]» (док. № 32). Поскольку дальше омского устья отряд Бухолца не плыл, можно уверенно считать, что речь в письме Гагарина шла о прибытии и остановке на устье реки Омь.

Непонятно, что стало причиной такой большой задержки, но у нас нет оснований не верить сообщению М. П. Гагарина, который писал эти строки всего через полтора месяца после событий. Если Бухолц вернулся в пределы Тарского уезда только 10 июня, то к этому времени посланный Гагариным в начале мая курьер уже должен был доставить подполковнику приказ губернатора строить крепость на Оми. В таком случае Бухолц являлся исполнителем распоряжения Матвея Петровича Гагарина, который ещё 2 мая 1716 г. принял решение о возведении крепости на Оми «для положения правианту и всяких припасов» и о немедленном восстановлении Ямышевской крепости (док. № 31). Публикуемое письмо М. П. Гагарина от 26 июля 1716 г. (док. № 32) позволяет скорректировать устоявшуюся версию о возведении Омской крепости: строительство началось не весной, а в начале лета; инициатором закладки крепости был не Бухолц, а сибирский губернатор М. П. Гагарин[9].

Выбор места для новой крепости был неслучайным. С XVII в. именно здесь, по рекам Камышлов и Омь (левому и правому притокам Иртыша), проходило русско-ойратское разграничение. Это нашло отражение на сибирских картах конца XVII в., которые использовал С. У. Ремезов при составлении сводного «Чертежа всех сибирских градов и земель», помещённого в его «Чертежной книге»[10]. Там, на левой стороне Иртыша, вдоль северного берега реки Камышлов под номером 20 помещена надпись: «Пристоит внов[ь] быт[и] городу. Край самой степи ка[л]мыцкая».

Текст «Чертежной книги» пояснял, что этот чертёж С. У. Ремезова является уменьшенной копией большой карты Сибири, которую тобольский изограф нарисовал в Москве «по белой китайке» в сентябре 1698 г.[11] На первоначальном чертеже на ткани, созданном Ремезовым годом раньше в Тобольске, река Камышлов также впадает в Иртыш выше устья реки Омь, но подпись звучит иначе: «Пристоит вновь быти городу Камышловскому» (рис. 27). Тут же, на северном берегу р. Камышлов в месте её впадения в Иртыш, нарисован знак города. На обоих вариантах этого чертежа Камышлов впадает в Иртыш выше устья Оми. В действительности современная река Камышловка течёт с запада на восток и впадает в Иртыш всего в 16 км ниже устья Оми, прорезающей Обь-Иртышское междуречье с востока на запад. Эти два иртышских притока, протекающие в широтном направлении, образуют естественный географический рубеж, который в XVII в. и русскими и ойратами воспринимался как пограничный. Показательно, что место для предполагаемого города Камышлов у Ремезова обозначено на северном (российском) берегу пограничной реки, протекавшей по самому краю калмыцкой степи.

Ойратские правители также считали Омь пограничной рекой. Цэван Рабдан осенью 1720 г. на переговорах с Иваном Чередовым заявлял: «В прежних де годех, тому годов сто назад будет, были послы и розмежевали землю, и грани поставили по Ом реку, а по Обе реке по Черному мысу» (док. № 86, п. 22). О былом разграничении по Оми позднее говорил и следующий правитель Ойратского государства, хунтайджи Галдан Цэрэн: «Напред сего вверх по Иртышу на Омъ реке учинена была за границу засека, и люди его на тех землях жили». На тех же переговорах с Леонтием Угримовым (1732 г.) зайсан Батур уточнял, приводя интересные подробности: «По ту сторону реки Оми вырезан был на дереве военной человек на коне при всей военной аммуниции и положено было, чтоб далее оного знаку российским и их людем не переходить. А что земли по сю сторону Оми реки вверх по Иртышу их, то мочно и без писменного свидетелства признать, о чем де и у Ямышева полковнику Бухолцу было от них говорено»[12].

---

[9] О том, что Бухолц начал строительство Омской крепости, получив приказ Гагарина, уже писал известный советский историк архитектуры В. И. Кочедамов (Омск: как рос и строился город. Омск, 1960. С. 4). Однако в литературе со времён Г. Ф. Миллера преобладает версия, что инициатором строительства выступил Бухолц, который «губернатора известил и представлял, не удобно ли будет на сем месте заложить крепость» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 103; Колесников А. Д. Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Известия Омского отдела Географического общества СССР. 1965. Вып. 7 (14). С. 133–134; Евсеев Е. Н. Основание Омской крепости отрядом И. Д. Бухолца (гл. I, раздел 2) // Очерки истории города Омска. Т. 1. Омск, 1997. С. 34).

[10] Чертеж всех сибирских градов и земель // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. 2-е изд. М., 2007. Л. 43 об.–44 (по нумерации Ремезова лист 21).

[11] Там же. Л. 43.

[12] РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 32–33.

Рис. 27. Фрагмент чертежа С. У. Ремезова, выполненного в 1697 г. на ткани, с изображением рек Омь и Камышлов. В устье р. Камышлов помещена надпись: «Пристоит вновь быти городу Камышловскому». Красной краской подписаны: 1) «Озеро соляное Ямышево», 2) «Река Иртыш», 3) «Град Тара»

Следовательно, Бухолц знал, что земли к югу от Оми ойраты считали своими. Несмотря на это, демонстрируя российские претензии на территорию, по которой ему пришлось отступать, подполковник заложил новую крепость на южном («калмыцком») берегу реки Оми, хотя он был ниже и в военном отношении менее удобен.

Ещё до начала осады Ямышевской крепости, в декабре 1715 г., Бухолц писал Гагарину о том, что у него в отряде «с 400 человек померло и розбежалось». Поэтому в мае 1716 г., получив сведения об осаде и планирующемся отступлении, сибирский губернатор, одновременно со своим приказом строить крепость на Оми, навстречу Бухолцу «вместо тех беглых и умерших послал в указное число с 400 человек» (док. № 31). Позднее, на допросе в Сенате подполковник рассказывал: «И на устье реки Оми, ниже Ямышева по Иртише реке, по мнению ево, во штистах верстах или болши, построил он другую крепость теми ж драгуны и салдаты, которые при нем были, и с присланными ис Таболска и ис Тары в дополнение в компле[к]т»[13]. Инженерное руководство строительством укреплений осуществлял поручик артиллерии Каландер.

Наиболее ранний план Омской крепости, известный историкам, был датирован 1717-м или даже 1716-м годом. О его существовании свидетельствует опись документов Тарской уездной канцелярии, скопированная для Г. Ф. Миллера. В ней упоминается чертёж «О строении Омской крепости за Омью рекою острогу и дворов в линию»[14]. Этот план не сохранился.

Самым ранним из имеющихся в распоряжении историков чертежей Омской крепости является «Новый проект: как должен быть по-новому укреплён город на Оми» (рис. 28). Автор и дата создания чертежа указаны в подписи на французском языке под масштабной линейкой: «Capitaine Ingenieur Des Granges: fecit 1722» (капитан-инженер де Гранж: сделал в 1722).

В устье Оми, на самой стрелке, под буквой «Н» изображён небольшой редут треугольной формы с длиной стороны около 20 сажен (35–40 м). Все три угла имели бастионные выступы. Второе укрепление, отмеченное буквой «Н», располагалось в 350 метрах от Иртыша, в пойме Оми, рядом со склоном высокого коренного берега. Этот более крупный квадратный в плане редут с длиной стороны около 25 сажен (50 м) также имел бастионные выступы по углам. В экспликации пояснялось, что буквой «Н» обозначены «старые небольшие укрепления из простых палисадов».

Третья, самая большая крепость на левом берегу Оми, показана на высокой надпойменной террасе. В плане она имела форму правильного пятиугольника с бастионными выступами по углам, расстояние между которыми составляло 100 саженей (немногим более 200 м). На плане эта пятиугольная крепость обозначена первой, под буквой «А». В экспликации пояснялось: «Старый город на Оми, укреплённый только простым палисадом и окружённый очень маленьким рвом, и ныне разрушающийся, который должен быть снесён и построен в другом месте». Эта надпись определённо подтверждает, что ко времени составления плана пятиугольная крепость на левом берегу Оми существовала уже не первый год.

Итак, на чертеже 1722 г. показаны три укрепления, возведённые на южном берегу Оми (рис. 29): треугольный редут на мысу, квадратный палисадный форпост под коренным берегом и пятиугольная крепость на возвышающейся террасе. Ясно, что эти защитные сооружения возникли не одновременно.

Последовательность возведения укреплений на левом берегу Оми, на наш взгляд, достаточно очевидна. Ещё Виктор Ильич Кочедамов (1912–1971), анализируя план де Гранжа 1722 г., указывал: «Весной 1716 года в устье Оми, на ее левом берегу, построено было два небольших редута: треугольный на стрелке и четырехугольный там, где теперь въезд на железный мост». Начало сооружения пятиугольной крепости исследователь относил к 1717 г., поскольку им было найдено документальное подтверждение проведения работ по строительству Омской крепости под руководством майора Аксакова в 1717 г.[15]

Выводы В. И. Кочедамова представляются убедительными. Во-первых, после строительства большой пятиугольной крепости возведение малых палисадных укреплений не имело смысла. Во-вторых, сам Аксаков осенью 1717 г. просил разрешения «о сломании построенной на усть Оми реки малой крепости и о небытии на том месте в зимнее время караулу»[16]. Вероятно, малой крепостью на устье Оми майор называл треугольный редут на самом конце мыса[17].

---

[13] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 201. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 147; Из истории Омска (1716–1917 гг.): очерки, документы, материалы / ред. Е. Н. Евсеев. Омск, 1967. Док. № 8, с. 54.

[14] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 15. Док. № 65. Л. 143–144. Цит. по: Кочедамов В. И. Омск: как рос и строился город. Омск, 1960. С. 4.

[15] Кочедамов В. И. Омск: как рос и строился город. Омск, 1960. С. 4–5.

[16] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 15. Док. № 65. Л. 145 (в описи документ № 208). Ранее этот текст цитировал А. Д. Колесников, но в его статье номер листа (л. 151) приведён по упразднённой пагинации (Колесников А. Д. Основание Омской крепости… 1965. Вып. 7 (14). С. 158, прим. 9).

[17] Колесников А. Д. Основание Омской крепости… С. 134–135.

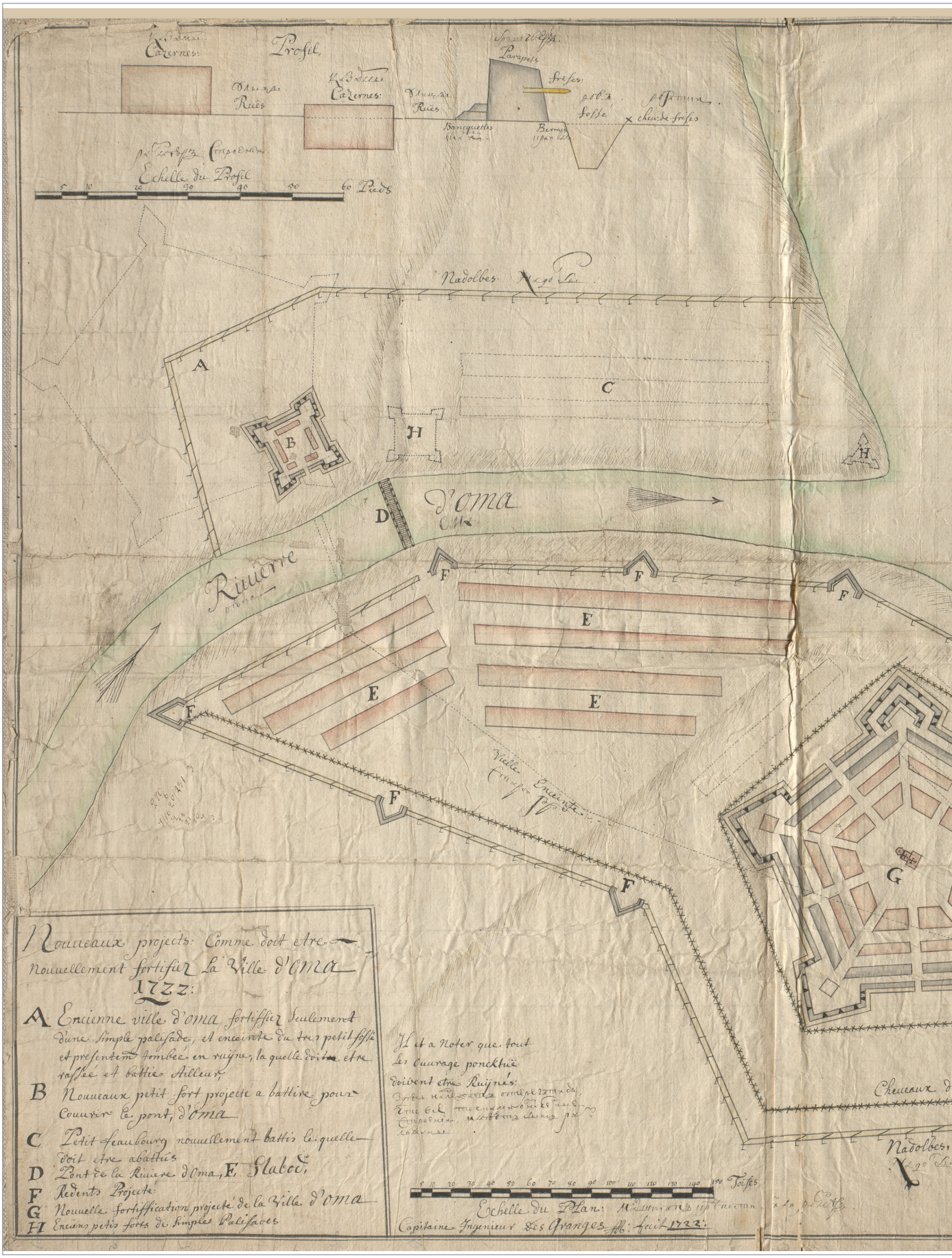

Profil
Cazernes
Ruës
Parapets
Banquettes
Bermes
fosse
cheu de frises
Echelle du Profil
5 10 20 30 40 50 60 Pieds
Nadolbes
A
B
C
D
E
F
G
H
d'oma
Riuierre
Vielle Enceinte
Nouueaux projects: Comme doit etre nouuellement fortifiez La Ville d'oma 1722:
A Encienne ville d'oma, fortiffiez seulement d'une simple palisade, et enceinte du tres petit fossé et presentem tombée en ruijne, la quelle doit etre rassée et battie Ailleur,
B Nouueaux petit fort projecte a battire pour Couurir le pont, d'oma
C Petit feaubourg nouuellement battis le quelle doit etre abattus
D Pont de la Riuiere d'oma, E Slabod,
F Redents Projecte
G Nouuelle fortiffication projecte de la Ville d'oma
H Enciens petis forts de simples Palisades
Il et a Noter que tout les Ouurage poncktuë doiuent etre Ruijnés:
Cheueaux d
Nadolbes
5 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 110 120 130 140 150 Toises
Echelle du Plan:
Capitaine Ingenieur des Granges fecit 1722:

Рис. 28. План Омской крепости 1722 г., составленный капитаном-инженером Полем де Гранжем, с подписями на французском языке. Подлинник.

Экспликация чертежа 1722 года

Nouveaux projects: Comme doit etre nouvellement fortifier la Ville d'Oma / *Новый проект: Как должен быть по-новому укреплён город на Оми*[*]

1722:

A Encienne ville d'Oma fortifier seulement d'une simple palisade, et enceinte du tres petit fosse et presentem tombeé en ruÿne la quelle doit etre rasseé et battie ailleur[s] / *Старый город на Оми, укреплённый только простым палисадом и окружённый очень маленьким рвом, и ныне разрушающийся, который должен быть снесён и построен в другом месте*

B Nouveaux petit fort projecté a battire pour couvrir le pont d'Oma / *Новый малый форт, проектируемый к постройке для прикрытия моста через Омь*

C Petit feaubourg nouvellement battir le quelle doit etre abattus / *Малая слобода, недавно построенная, которая должна быть снесена*

D Pont de la riviere d'Oma / *Мост через реку Омь*

E Slabod / *Слобода*

F Redents projecté / *Проектируемые выступы [реданы]*

G Nouvelle fortiffication projecté de la ville d'Oma / *Новая проектируемая крепость города на Оми*

H Enciens petis forts de simples palisades / *Старые небольшие укрепления из простых палисадов*

[*Надписи справа от рамки:*]

Il e[s]t a noter que tout les ouvrage poncktue doivent etre ruÿnés / *Следует отметить, что все постройки, обозначенные пунктиром, должны быть разрушены*

Здесь надлежит остерегатися, что все точками означенные строения имеют быть разломаны

[*Надпись под масштабной линейкой:*]

Echelle du plan ____ Toises: / *Масштаб плана ____ туазов*[**]

Масштап крепости или размер

[*Подпись тем же почерком:*]

Capitaine Ingenieur Des Granges: fecit 1722 / *Капитан-инженер де Гранж сделал в 1722*

---

[*] Перевод с французского, выполненный авторами, дан курсивом.

[**] Туаза — старинная французская мера длины (шесть футов, около двух метров).

Наконец, о времени сооружения четырёхугольного форпоста сообщается в справке Тарской канцелярии, составлено в 1734 г. по запросу историка Г. Ф. Миллера: «Омская крепость построена в 716-м году четыреугольная подполковником господином Бухалцом, которой ныне бригадиром. А чертеж той крепости выдавал артилерии капитан Каландыр. А вкруг ея поставлен полисад и выведены по углам бастионы. И на тех бастионах прорублены бойницы и поставлены пушки. И за полисадом выкопан ров, а за рвом поставлены рогатки и надолбы»[18]. Это описание не противоречит чертежу де Гранжа, где единственный существовавший к тому времени четырёхугольный форпост действительно имел палисадные стены и бастионные выступы по углам. Ров, рогатки и надолбы не показаны де Гранжем у всех существовавших укреплений, поскольку они отмечены на его плане только контурами.

В цитированной выше справке Тарской уездной канцелярии автором проекта палисадной крепости 1716 г. назван «артилерии капитан Каландыр». Пленный шведский штык-юнкер стал первым в Сибири военным инженером, возводившим крепости на европейский манер — с бастионными выступами. До Каландера такого в Сибири не практиковалось. Осенью 1715 г. шведский артиллерист построил Ямышевскую крепость «наподобие половинного шестиугольника, которого три болверка (бастиона. — *Авт.*), в степь простирающиеся, флангами к Иртышу сомкнулись»[19].

На следующий год на устье Оми под руководством того же инженера возвели треугольный и четырёхугольный форты, оба с бастионными выступами. Об авторе проекта крепости, которую строили на Оми в 1717 г. под руководством майора Аксакова, прямых сведений нет.

Пятиугольная Омская крепость представляла собой простейшую копию классического образца западноевропейской фортификации по системе знаменитого французского военного инженера Себастьена Вобана (1633–1707). Книга об укреплении городов по системе Вобана, написанная в конце XVII в. аббатом дю Фэ и шевалье де Камбре, была издана на русском языке в 1724 г.[20] До появления этого перевода и до приезда в Сибирь в 1719 г. де Гранжа привнести идеи французского маршала на берега Иртыша могли только пленные шведы. Бухолц в 1715 г. писал из Тобольска: «Старые и добрые швецкие афицеры в службу не йдут за малым трактаментом (жалованьем. — Авт.); инженеров и минералев с ним нет для того, что за малой трактамент никто не йдет, а губернатор велел только по 80 ру. на год давать»[21]. Следовательно, помимо прибывшего с Бухолцем Каландера, в Тобольске жили и другие шведские офицеры, знакомые с военно-инженерным искусством. Однако надо учитывать слова губернатора М. П. Гагарина, который после гибели Каландера сообщал Сенату в 1719 г.: «в таких людях есть скудость»[22]. Нам представляется наиболее вероятным, что к 1717 г. проект большой пятиугольной крепости на Оми мог создать именно Иоган Каландер. В то же время нельзя полностью исключать, что проект 1717 г. был выполнен кем-то из пленных шведских офицеров, живших в Тобольске и ранее профессионально знакомых с основами фортификации.

К сожалению, сведения о строительстве Омской крепости в 1717 г. сохранились только в описи дел Тарской канцелярии, скопированной по просьбе профессора Г. Ф. Миллера. Там говорится:

«717 год. № 208. Отписка из Омской крепости за рукою маэора Аксакова о требовании указу о сломании построенной на усть Оми реки малой крепости и о небытии на том месте в зимне[е] время караулу.

717 год. № 218. Отписка черная с Тары в Омскую крепость о строении города той крепости гварнизонным казаком на государевых лошедях, и о строении оным семейщикам своих дворов.

717 год. № 220. Отписка из Омской крепости за рукою оного ж Оксакова о строении в Омской крепости города по чертежю, какими людми, семейщики ль или гварнизонными казаками.

717 год. № 247. О строении Омской крепости города, и сколко того города места где строить и строитца семейщикам надолобы[23], для того что о том в Омской крепости не ведома»[24].

Документы, упомянутые в описи, до наших дней не дошли, поэтому подробности строительства 1717 г. остаются неизвестными. В приведённом тексте нет указаний на форму строящегося «города». Поскольку в справке Тарской канцелярии определённо говорится, что четырёхугольная крепость построена в 1716 г., мы, вслед за В. И. Кочедамовым, считаем, что Аксаков в 1717 г. строил пятиугольное укрепление.

---

[18] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Л 93. Этот же текст с некоторыми неточностями ранее опубликовал А. Д. Колесников (Основание Омской крепости… Омск, 1965. Вып. 7 (14). С. 135).

[19] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Январь. С. 38; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 483.

[20] Камбре де. Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана, на французском языке. Ныне же преложен с французскаго на российский язык. Напечатася повелением его величества Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго / пер. с франц. В. И. Суворова. СПб., 1724. [2], 4, 214, 35, 48, 9 с., 25 л. черт.

[21] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 23. Л. 37–37 об.; Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 114 об.

[22] Кочедамов В. И. Омск: как рос и строился город. Омск, 1960. С. 4, прим.

[23] Так в тексте. Вероятно, следует читать «надобно».

[24] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 15. Док. № 65. Л. 145.

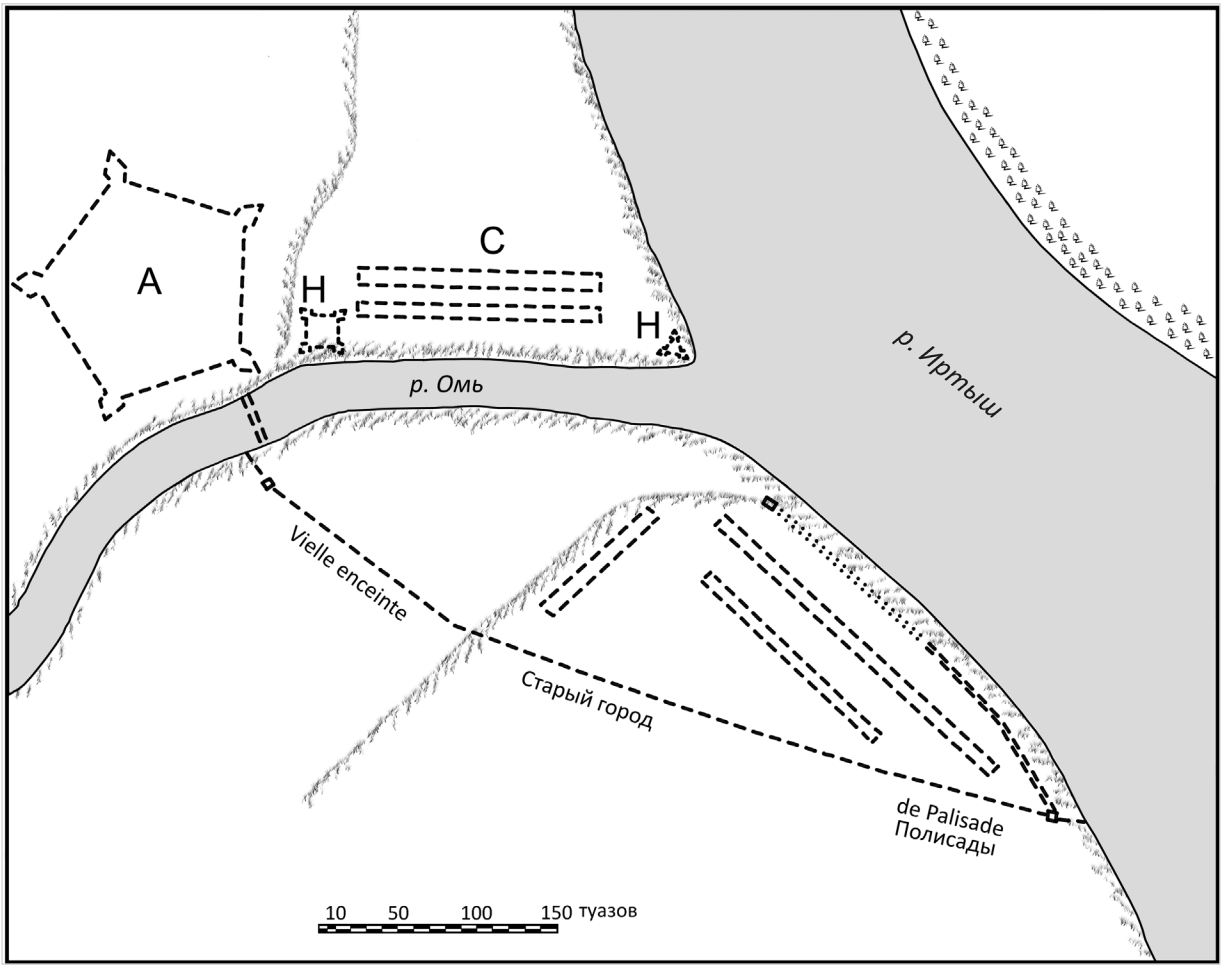


Рис. 29. План-схема укреплений Омской крепости, возведённых в 1716–1721 гг. Прорисовка по плану 1722 г.

В 1721 г. в связи с приказом о реконструкции Омской крепости, её комендант майор И. Вельяминов-Зернов писал: «Омская крепость поставлена от воды далече, и не может та крепость к Иртышу реке обороны иметь, а на другое место переносить не можно для того, что те места низкие и неудобные»[25]. Речь шла о пятиугольной крепости, которая отстояла от Иртыша на полкилометра. На плане де Гранжа ясно видно, что между существующим фортом и рекой лежит широкая иртышская пойма (рис. 28, 29). Топографические условия не позволяли на левобережье Оми поставить крепость близ Иртыша. Де Гранж учёл характер местности и в своём проекте 1722 г. предложил перенести ту же самую пятистороннюю крепость на правый берег Оми. В таком случае цитадель могла располагаться всего в 30–40 метрах от Иртыша и обеспечивать контроль над рекой.

Таким образом, наличие документов о крепостном строительстве 1717 г. позволяет предполагать, что в 1716 г. Бухолцем были возведены только два палисадных укрепления в пойме Оми. Создание этих регулярных редутов на левом берегу Оми положило начало современному городу Омску.

Омская крепость стала отправной точкой нового продвижения российских войск вверх по Иртышу. Летом 1716 г. в Сибири было два человека, имевших личное поручение царя построить город у Ямышевского озера. Бухолц после катастрофы зимы 1715/1716 гг. не проявлял инициативы и вплоть до конца года оставался в Омской крепости. Напротив, Гагарин, отсутствовавший в Сибири во время неудачного похода, после приезда в Тобольск взял на себя руководство дальнейшими действиями, как дипломатическими, так и военными.

Летом губернатор послал к хунтайджи сына боярского Алексея Маремьянинова[26] с жалобой на Цэрэн-Дондоба и требованием вернуть плен-

[25] Кочедамов В. И. Омск: как рос и строился город. Омск, 1960. С. 5.

[26] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 489. В справке, составленной в Коллегии иностранных дел в начале 1730-х гг., посол назван Алексеем Мартемьяновым (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 16 об.). В копии, снятой для Г. Ф. Миллера, написана фамилия Маремьянинов (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 56. Л. 154–157. Цит. по: Памятники си-

ных и казну, которую ойраты захватили у Коряковского яра при нападении на обоз, отправленный к Бухолцу из Тобольска в начале 1716 г. (док. № 72, л. 632 об.).

Наряду с попыткой продолжить дипломатический диалог с правителем западных монголов, Гагарин 10 июля отправил небольшой военный отряд на Ямышевское озеро для восстановления разрушенного в апреле российского укрепления. Руководителем нового похода был назначен не Иван Бухолц, которого губернатор считал повинным в неудаче под Ямышевым, а «полковник слобоцких драгун Федот[27] Матигоров» (док. № 37). Федот Матигоров служил сотником беломестных казаков с конца 1680-х гг. Именно ему было поручено весной 1697 г. отвезти в Москву чертёж Казачьей орды, составленный С. У. Ремезовым в Тобольске[28]. По указу Петра I от 22 декабря 1697 г. предписывалось «из беломесных казаков в драгунскую службу… прибрать полное число 1000 человек». Так, в 1698 г. был создан Тобольский драгунский полк, в котором капитаном Ялуторовской роты с того же года стал служить Федот Матигоров, происходивший из «сибирских детей боярских»[29]. В 1702 г. по приказу главы Сибирского приказа Андрея Виниуса капитан Федот Матигоров раскопал древний курган недалеко от устья реки Исеть[30]. В ноябре 1705 г., находясь в Санкт-Петербурге, он подал челобитную на имя государя, с перечислением всех своих боевых заслуг и просьбой произвести его в подполковники. Решение по этой просьбе в Сибирском приказе князь Ф. Ю. Ромодановский принял 13 декабря: «велеть тоболскому драгунскому капитану Федоту Матигорову за ево многие службы быть Тоболского уезду у драгун полуполковником»[31]. В 1710 г. «полуполковник Федот Алексеев сын Матигоров сказал себе от роду сорока лет з годом»[32]. Когда Матигорова произвели в полковники, нам неизвестно.

Г. Ф. Миллер в своей статье называл Матигорова подполковником. Очевидно, это ошибка сибирского историка, поскольку в письмах Гагарина 1717 г. он упоминается как полковник (док. № 44, 45). Для Сибири того времени это был очень высокий воинский чин, сопоставимый с рангом руководителя уезда. Достаточно сказать, что за всю историю иртышских походов 1715–1720 гг. в них участвовало всего два офицера в ранге полковника: Федот Алексеевич Матигоров и Иван Михайлович Лихарев (имевший чин гвардии майора). Очевидно, М. П. Гагарин тщательно подошёл к отбору командира «из сибирских афицеров», которому поручил выполнить то, что не удалось гвардейцу Бухолцу, — перезимовать в российской крепости на Ямышевском озере, выдержать вероятную осаду и дождаться прибытия подкрепления летом следующего 1717 года.

В письме А. В. Макарову от 2 мая 1716 г. Гагарин полагал, что с такой задачей сможет справиться отряд сибиряков из двухсот человек (док. № 31). Однако в июле с Матигоровым он отправил триста человек военных. «Також для починки крепости послал с ним, собрав з городов, тысячю человек, которых велел отпустить назад в Тоболеск» (док. № 32). Таким образом, первоначально отряд Матигорова суммарно насчитывал 1300 человек.

Эту же цифру повторял и Г. Ф. Миллер, но в другом контексте. Он писал, что летом 1716 г. Гагарин послал Бухолцу на устье Оми «для дополнения полков 1300 рекрут в трех партиях; и так немедленно крепость при реке Оми строить начали»[33]. Как видим, по мнению Миллера, отправленные Гагариным 1300 человек участвовали в возведении Омской крепости. В действительности тысяча строителей должны были восстановить Ямышевскую крепость и успеть до ледостава вернуться в Тобольск. Зимовать в новом укреплении предстояло отряду из трехсот сибиряков.

бирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 47, с. 173).

[27] Г. Ф. Миллер правильно называл Матигорова Федотом (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg: bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760. S. 239). В русском переводе этой статьи, изданной в том же 1760 г., Матигоров ошибочно назван Фёдором (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб., 1760. Февраль. С. 106). Эта же ошибка воспроизведена при переиздании статьи (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 489) и во множестве публикаций по истории Иртышских крепостей.

[28] Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 гг. М., 1965. С. 39, 209, прим. 42.

[29] Сенатский архив. Т. 7. СПб., 1895. С. 662.

[30] Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 2. СПб., 1891. Приложение VI, с. 22–23. (Материалы по археологии России, № 5).

[31] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 853. Л. 1–7 об. См. также: Акишин М. О. Армия, общество, колонизация (Тобольский драгунский полк на Урале в первой половине XVIII в.) // Уральский исторический вестник. № 10–11: Власть и общество в российской провинции. Екатеринбург, 2005. С. 25–27; СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 15. Док. № 15. Л. 17–39; Док. № 33. Л. 63 об.–64 об. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 35, 77, с. 145, 158, 311–312.

[32] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1525. Л. 12. Опубл.: Переписная книга Тобольского уезда Сибирской губернии 1710 г. [Электрон. данные] / Ю. В. Коновалов, В. Г. Волков, В. А. Могильников. URL: http://census1710.narod.ru/perepis/214_1_1525.htm (29.06.2011).

[33] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 105.

Под командованием Федота Матигорова губернатор оставил в десять раз меньше людей, чем имелось у Бухолца. Гагарин подчёркивал, что снаряжение экспедиции Бухолца обошлось казне «с лишком во сто тысяч»[34], тогда как отправка отряда Матигорова «нам ни в тысячю рублев не стала» (док. № 32). Позже, в апреле 1718 г., губернатор уточнял, что «на отпуск подполковника Бухолца» потрачено 120 тысяч рублей[35].

Создание российского укрепления на Ямышевском озере Гагарин считал обязательным условием успешного похода на Зайсан. «Не зделав крепость у Ямышева и не оставя в ней людей, вдаль послать, мой государь, не можно, — писал он А. В. Макарову. — Того ради и послал ныне в тое крепость людей и правиянту к предбудущему лету. А калмыки водяным путём удержать не могут». Уменьшив военный отряд в десять раз и сократив расходы в сто раз сибирский губернатор поставил перед полковником Матигоровым ту же задачу: «Велел ему, прося помощи от бога, тое крепость добыть и починить, и быть в ней с теми людми в той крепости» (док. № 32).

Следует учитывать, что к июлю 1716 г. в Тобольске ещё не было никакой информации о ситуации на Ямышевском озере. Выражение «тое крепость добыть» предполагало вероятность столкновений с ойратами ещё до сооружения нового укрепления. Вместе с Матигоровым было послано «правианту к предбудущему году на все полки», то есть и для омских, и для ямышевских строителей. Исходя из этого, мы считаем, что отряд Матигорова из Тобольска отправился на судах-дощаниках. К Ямышевскому озеру они должны были приплыть в сентябре.

К тому времени Гагарин уже получил от очевидцев сведения о состоянии оставленной Бухолцем крепости. Они рассказали губернатору, что «шли чрез Ямышевскую крепость, и видели, что оне (ойраты. — *Авт.*) не разорили ее, ни строения в ней не разорили же де. Что наши могли испортить и подорвать, то де и изпорчено. А калмыки де ничего не разоряли и никого де калмык при той крепости нет» (док. № 33). Добившись ухода российских войск, ойраты также ушли, не уничтожив остатки укреплений.

Тем не менее Матигоров предпочёл не чинить полуразрушенную крепость и возвёл новую «в близости той подорваной крепости» (док. № 44). По сведениям Г. Ф. Миллера, осенью Матигоров «построил малый острог… четвероугольный и палисадом обнесенный», употребив на это оставшийся «лес от прежних домов, казарм и амбаров»[36]. Омский историк А. Д. Колесников после знакомства с неизданной рукописью Г. Ф. Миллера «История и описание крепостей (Омской, Железенской, Ямышевской, Семипалатной и Усть-Каменогорской) по реке Иртышу» уточнял, что небольшое укрепление, построенное Матигоровым, располагалось «там, где стояли амбары у Бухольца»[37], а не на месте разрушенной крепости 1715 г. Это замечание хорошо согласуется со сведениями 1721 г. о том, «что старой де город, строение полковника Федота Матигорова, земля под гору обвалилась в Ыртыш реку»[38]. Судя по плану 1715 г. (рис. 22), амбары Бухолца действительно стояли недалеко от края обрывистого берега Иртыша.

Пока военные укрепляли новый российский форпост на Ямышевском озере, в Тобольск в сентябре 1716 г. прибыли послы казахского хана Каипа. Они привезли и передали сибирским властям поручика Маркела Трубникова, посланного Бухолцем из Ямышевской крепости зимой 1715/1716 гг. с письмом к хунтайджи[39], но захваченного в плен казахами[40]. О судьбе других российских посланцев, отправленных к правителю западных монголов в 1716 г. (В. Б. Чередова с Т. И. Этигером и А. Маремьянинова), к осени этого года никаких известий в Тобольске не было.

Казахские послы предложили Гагарину жить в мире и сообща бороться с ойратами. Казалось бы, в сложившейся ситуации такой военный союз был выгоден российской стороне. Однако сибирский губернатор оценивал перспективы взаимоотношений с соседними государствами не как военный, а как дипломат и дальновидный политик. Матвей Петрович считал, что России надо «не воинским поведением домогатца тех мест, но иными способами».

«А военным поведением то без превеликих убытков и без великих трудностей и опасностей не может исполнитца. Что и явно по отпуску под-

---

[34] В письме А. В. Макарову от 30 октября 1717 г. Гагарин сообщал, что Иван Бибиков в 1715 г. издержал на отправку Бухолца около 115 тысяч рублей (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 146).

[35] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 39. Л. 196.

[36] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте … Т. 3. М., 2005. С. 489–491.

[37] Колесников А. Д. Основание Омской крепости… С. 135–136. Автор ссылается на: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Кн. 7. Л. 20–37.

[38] РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 83. Л. 116–116 об. Фотокопия этого документа хранится: ГАВКО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 458. Л. 4–5.

[39] РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1–2 об. Опубл.: Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках : сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. Док. № 14, с. 16–18; Дипломатические документы первой трети XVIII века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 2: Русские летописи и официальные материалы XVI — первой трети XVIII в. о народах Казахстана. Алтамы, 2005. Док. № 4, с. 271–273.

[40] АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731 г. Д. 2. Л. 41 об. Цит. по: Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: очерк внешнеполитических отношений. Барнаул, 1998. С. 27.

полковника Бухолца… А хотел я того дела домогатца чрез договор с контойшею, чему и состоятца бы мошно, потому что с Казачьею ордою, которых народ великой и сильной калмыкам, я уже мир и сыскал с ними, которой и доныне не нарушен», — пояснял М. П. Гагарин в январе 1719 г. (док. № 68). Поэтому губернатор, поддерживая добрососедство с казахами, в то же время уклонялся от совместных военных действий против хунтайджи, предпочитая подталкивать к нападению на ойратов самих казахов: «А я… сказал им, что из губернии Сибирской войны на Казачью орду посылать не буду, и людям Сибирской губернии велю с ними жить в миру, а калмыцкого владельца воевать им велел», — писал Матвей Петрович царю 12 сентября 1716 г.[41]

Гагарин настойчиво пытался восстановить дипломатический диалог с ойратским правителем, прерванный во время вооруженного конфликта на Ямышевском озере. В этой связи, сообщая Петру I о поражении отряда Бухолца и сдаче Ямышевской крепости, губернатор в том же письме обратился к монарху с просьбой послать царскую грамоту к хунтайджи Цэван-Рабдану. Он объяснял, что Цэван-Рабдан считает, будто отправка военной экспедиции для строительства «городов» произведена Гагариным без указа Петра, «а царское де величество того не ведает». Поэтому губернатор просил монарха: «В той вашего величества грамоте явить ему, что есть мне вашего величества повеление для прииску серебреные, и медные, и золотые руд строить городы по Иртышу, и на Зайсане озере, и в вершинах Иртышских. И явить ему, что ваше величество мне не указал чинить ему, владельцу, и людям его никакой обиды и ни рассорением, також ни с мест тех, где ныне кочуют, не указал мне ссылать их, хотя и сибирские земли»[42]. Не разглашая истинные причины и цели похода, царь должен был заверить Цэван-Рабдана в якобы рудоискательском характере экспедиции, и, по выражению Г. Ф. Миллера, обнадёжить «о мирных поступках российского войска»[43]. С просьбой о содействии в получении подобной грамоты Гагарин обратился также к кабинет-секретарю А. В. Макарову (док. № 33).

Письмо сибирского губернатора Пётр I получил за границей, по пути в Голландию. Царская грамота к хунтайджи была написана в Амстердаме 18 декабря 1716 г.: «Повелели мы… князю Матвею Петровичу Гагарину в краях Сибирских по Иртышу и Зайсан озеру, и в вершинах Иртышских сыскивать серебряные, и медные, и золотые руды, и для того в тех местах, где потребно будет, построить города». Формулировка о поиске в верховьях Иртыша серебряных, медных и золотых руд, родившись под пером Гагарина, слово в слово повторена в царском послании к хунтайджи.

Пётр I подчёркивал, что земли по Иртышу вплоть до его истоков «к Сибирскому нашему царству принадлежат». Такая дипломатическая формулировка позволяла претендовать на горы и земли, в которых русские люди никогда не бывали. При этом царь «всемилостивейше» разрешал ойратскому правителю и его подданным «на тех землях жилища свои иметь свободно» (док. № 34).

Пока письмо Гагарина везли к монарху в Голландию, в конце 1716 г, в Тобольск пришёл другой царский указ с предписанием продолжить военную экспедицию вверх по Иртышу. Губернатор известил об этом И. Д. Бухолца и вызвал его из Омской крепости в Тобольск.

«А в прошлом же 716-м году декабря в 16 де[нь] прислан ко мне указ великого государя от господина ж губернатора за ево рукою, в котором писано: по имянному ево, великого государя, указу велено мне иттить до Зайсан-Нор озера, чрез которое прошла река Иртыш, и на оном озере построить город немалой», — вспоминал Бухолц в феврале 1717 г. (док. № 35). 22 декабря Бухолц передал командование Омской крепостью майору своего отряда Ивану Вельяминову-Зернову и выехал в столицу Сибири, куда прибыл 31 декабря 1716 г.[44]

В Тобольске Иван Дмитриевич подал Гагарину «доношение, что оное озеро во владении контайши выше Ямышева вверх по Иртышу в далном разстоянии, и проход судовой и сухопутной велми трудной, и дойтить малыми войски и новыми людьми невозможно». После сдачи Ямышевской крепости Бухолц очень скептически оценивал перспективы предстоящего похода вверх по Иртышу. Дело усугублялось ещё и тем, что, по словам Гагарина, «государь… указал малолюдством до того места итти». Отчаявшийся Бу-

[41] РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3. 1716 г. Л. 2. Цит. по: Дипломатические документы первой трети XVIII века… Алтамы, 2005. Док. № 4, с. 272.

[42] РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3. 1716 г. Л. 2. Цит. по: Дипломатические документы первой трети XVIII века… Док. № 4, с. 273.

[43] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 489.

[44] Сам подполковник объяснял в Сенате в январе 1719 г.: «Построя ту крепость, по присланному к нему от губернатора указу оставил он под командою маеора Вельяминова-Зернова декабря 22-го числа 716-го году, а в Таболск прибыл того ж декабря 31-го числа» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 201. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 147; Из истории Омска… Док. № 8, с. 54). Г. Ф. Миллер также указывал, что Бухолц покинул Омскую крепость 22 декабря (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande… St.-Petersburg, 1760. S. 239). В русском переводе статьи вместо декабря ошибочно указан сентябрь (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 107; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 489).

холц понимал, что отменить царский указ о походе на озеро Зайсан может только сам Пётр I. Поэтому подполковник 11 февраля 1717 г. обратился с письмом к князю А. Д. Меншикову «о милосердном заступлении» и организации встречи с царём, «дабы я, не отправляясь в такую дальность, мог прежде видеть его царское величество». «И ежели, государь, ныне отправлюсь я до оных мест, — писал Бухолц, — ясно вашей высокой светлости доношу, что многой интерес его величества утратитца, и могу я в калмыцкие руки впасть и с войски безвестно» (док. № 35).

Пока Иван Бухолц из Тобольска убеждал А. Д. Меншикова о крайней опасности зимовки на Ямышеве и продвижения на Зайсан, полковник Федот Матигоров с тремя сотнями сибиряков благополучно выдержал осаду в новой Ямышевской крепости.

Миллер нигде не рассказал о судьбе отряда Матигорова, рискнувшего вновь возвести военное укрепление в месте, где полгода назад погибло более тысячи российских солдат. Историк не привёл никаких сведений ни о зимовке отряда, ни о его возвращении в Тобольск. Между тем в копийных книгах Г. Ф. Миллера имеется несколько документов, свидетельствующих о том, что в конце апреля — начале мая 1717 г. во вновь отстроенной Ямышевской крепости находился российский гарнизон под командованием полковника Федота Матигорова[45], который, возведя осенью 1716 г. крепость, остался в ней зимовать.

Уникальное известие об этой зимовке трёхсот смельчаков содержится в письмах М. П. Гагарина, адресованных Петру I и кабинет-секретарю А. В. Макарову. Как выясняется, «1716 году октября 12 дня под тое крепость явилось у них калмыков многое число и непрестанно де под крепость подъезжали. И были де у крепости октября со 12 числа 1716 году и февраля по 1-е сего 1717 году» (док. № 44). В письме царю губернатор уточнял, что нападавших было 7500 человек. Осада длилась более трёх с половиной месяцев, то есть дольше, чем у Бухолца. Тем не менее, «ничего те калмыки им в той крепости не учинили». Явно противопоставляя деятельность отряда Матигорова результатам зимовки Бухолца, Гагарин рассказывал царю: «И от приходу де их, великий государь, никакие тесноты им не было, и не потратили у него ни одного человека, и приступать к той крепости не смели» (док. № 56)[46].

В Тобольске вплоть до вскрытия Иртыша не получали никаких вестей об итогах зимовки на Ямышевском озере. Впрочем, Гагарин не сомневался в успехе. Ещё в октябре 1716 г. он писал А. В. Макарову: «А естьли Бухолцу не соизволит его царское величество быть у строения города на Зайсане озере, то можно из сибирских афицеров послать. Что я, мой государь, по милости божии, надеюся зделать сибиряками скоряя город, нежели Бухолцом»[47]. Это письмо в Кабинет Петра I поступило 1 февраля 1717 г.

Стремление сибирского губернатора избавиться от испуганного столкновением с ойратами Бухолца реализовалось раньше, чем хлопоты самого подполковника. Просьба к Меншикову ещё не достигла столицы, когда к середине марта в Тобольске был получен царский указ «подполковника Ивана Бухолца отпустить»[48]. Уже 16 марта Гагарин сообщил Петру I и его кабинет-секретарю о том, что он «по тому повелению его царского величества его, Ивана Бухолца, отпустил» (док. № 43). В столицу удачливый руководитель неудачного похода за эркетским золотом вернулся только 2 сентября 1717 г.[49]

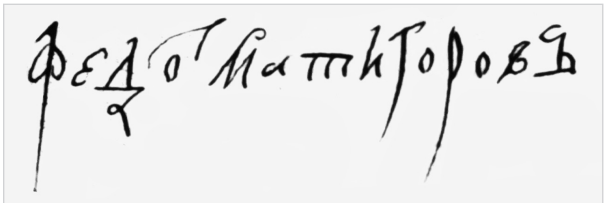
[45] «Сказки» русских солдат, вышедших к Ямышевской крепости из ойратского плена в апреле-мае 1717 года (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Л. 180–181), а также статейный список Григория Вильянова (док. № 42) и протокол его допроса в Тобольске в 1719 году (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 496 об.). В одном из этих документов командир назван «полковником Федотом Алексеевым сыном Матигоровым» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 74. Л. 180 об.).

[46] Беспоместный полковник Федот Алексеевич Матигоров вышел в отставку в возрасте 67 лет в мае 1735 г. (Сенатский архив. Т. 7. СПб., 1895. С. 662).

[47] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 139.

[48] Своё письмо к М. П. Гагарину от 18 апреля 1718 г. Пётр I закончил припиской: «PS. По желанию вашему грамота от нас к контайше послана. Также и к губернатору казанскому о приеме казацких посланцов, також и о сношении с вами писано. Також и к подполковнику Бухолту об отдаче войск в вашу команду указ послан» (Бумаги императора Петра I / сост. А. Бычков. СПб., 1873. Док. № 56, с. 155–156). Это даёт основание полагать, что указ Бухолцу был послан в декабре 1716 г. одновременно с грамотой к хунтайджи.

[49] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 201. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 147; Из истории Омска… Док. № 8, с. 54.



Автограф полковника Федота Матигорова на отписке 1716 г.

Документ № 31

1716 г. мая 2. **— Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о результатах и перспективах военного похода вверх по Иртышу**

(л. 460) Государь мой Алексей Васильевич,

дай боже тебе, моему государю, здравствовать множество лет

Сего, мой государь, маия 2 дня получил я писмо от подполковника господина Бухолца от Ямышевской крепости, посланное апреля 12 дня. В котором пишет ко мне, что лошадей у него калмыки отогнали мало не всех, також и драгун побрали в полон, и подошли де калмыки многолюдством, и стоят в близости от крепости.

А была мне, мой государь, ведомость, что он же велел зимою ехать к себе с Тары и ис Томска, и поехали человек с четыреста. Но ведаю, мой государь, что сухим путём никому николи проехать не можно. Чаю, что и те побиты ж или побраны.

Ваша милость, изволишь напаметовать мое слово, что я то зело возбранял, что конным людем при нем быть не надобно, от калмыков упастися на сухом пути не можно, то ныне и явилось.

И что, мой государь, подошли оне блиско, и в том опасения бы иметь не для чего: калмыки николи крепостей у нас и малых не берут ни при малых людех, и опасения иметь от них нечего, что подошли к ним. Мой государь, он послан, то где ни есть, а видеть бы было ему их[50].

Но великое, мой государь, навел он мне мнение тем своим писмом. Пишет в том писме, что первое число сего маия хочет разорить крепость Ямышевскую и плыть с войским назад в Тарской уезд к реке Оми или в Татмыцкую слободу[51], которая от Тары в двух днях. Что изволишь выразуметь из его ко мне писма приложенной при сем с того копие[52].

Он же пишет, что два писма послал: одно в феврале, (// л. 461) другое в марте, которые писма, також и денежную казну, которую он велел Бибикову послать к себе немалое число зимою, и тое де переняли калмыки. Но и тому, мой государь, зело дивно, для чего он зимним путём посылал писма, також и казну велел вести к себе. Никоторым образом никому сухим путём проехать не можно от калмыков кроме водяного пути. И сикурсу ему бы ожидать до водяного пути неоткуду, и посылать бы не для чего, [потому] что был при крепости и с немалым числом людей.

А прежде сего писал он ко мне о той крепости, что зделана земляная какая надлежит, и делана немалыми людми. А о людех ныне не пишет ничего. Прежде, мой государь, писал, что с 400 человек померло и розбежалось.

А присланной от него в допросе сказал, что з 200 человек из войска его взяли и побили калмыки: у лошадей, и в розсылке, и на караулах, и при казенных анбарех побито.

А припасов всяких и правианту у них доволно, и в прибавок еще ныне отпустил и еще отпускаю двоегодные запасы. Також и салдат против писма его вместо тех беглых и умерших послал в указное число с 400 человек. Великаго, мой государь, числа людей содержать нам здесь не можно, за правиантом и за денгами. Отпуск его, Бухолца, трем тысечам человеком по его запросам нам стал, мой государь, во многия денги.

И сего, мой государь, маия 2 дни послал я к нему наскоро, чтоб он отнюдь не уступал от крепости той. Но по писму его не чаю застать его в той крепости тому куриеру.

Изволь, мой государь, донести его царскому величеству, что хотя по воли божии учинилась трата людем, в сей притчине, тако хотя он и отступит и разорит тое крепость, но измешки великой в том деле нам не будет. Но точию одно есть поношение, но и в том владычество воли божии.

Ныне же в скорости посылаю в прибавку к нему людей тысячю человек и велю делать ему против государева указу город на Зайсане озере. Також надобно, мой государь, (// л. 461 об.) и на Оми реке зделать крепость для положения правианту и всяких припасов.

Но и сам я видетца с ним буду.

Велика, мой государь, мне есть нужда между Краснова Яру и Кузнецкого зделать три городка к тем местам, что доносил я его царскому величеству, где Трушников купил у промышлеников золото на завод, которое привез к царскому величеству. Зело вели[ка] мне в том есть

---

[50] Так в тексте.

[51] Такмыкская слобода — совр. пос. Такмык, располагается примерно в 70 км вверх по Иртышу от г. Тары.

[52] Копия письма И. Д. Бухолца в деле отстуствует.

нужда, дабы зделать их, и указ о том послан, и сам о том буду старатца, как возможно, прося помощи от бога.

А к Ямышевской крепости посылаю, мой государь, ныне сибиряков, хотя он и отступит от нее. А им велю, починя оную, и сидеть в ней, прося помощи от бога, двумстам человеком. Крепостей, мой государь, калмыки брать у нас по милости божии не могут николи ни при малых людех.

Что, мой государь, подновитца впредь, о том писать буду.

[*Автограф:*] О сем раб твой, государя моего, Матвей Гагарин

Из Тоболскаго 1716 маия 2 дня.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 26. Л.460–461 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 32

1716 г. июля 26. **— Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о прибытии Бухолца на устье Оми и отправке нового отряда для восстановления Ямышевской крепости**

(л. 462) Государь мой Алексей Васильевич,
здравие ваше дабы умножил всевышний

Изволь, мой государь, донести его царскому величеству, что подполковник господин Бухалц от Ямышевской крепости приплыл назад в Тарской уезд сего 1716 году июня в 10 де[нь]. А крепость Ямышевскую, разоря, оставил. А людей, государь, с ним по справке отпущено было от Ивана Бибикова из Тоболского всякого чина две тысячи девятьсот сорок один человек. А по ведению от него, что декабря по 29 число 1715 году налицо при Ямышевской крепости у него всякого чина людей две тысячи шестьсот пятдесят шесть человек. Да бежало де и померло двести дватцать пять человек.

Ныне пишет, что с ним вышло тысеча шестьсот человек, в том числе больные и раненые. И раненых и больных прислал в Тоболеск шездесят человек. А побиты де и в полон взято двести восемдесят один человек. А о досталных людех ведения нет мне.

И я в нынешнем лете велел ему делать крепости на реке Оме, дабы нынешнее лето не стоять им даром, для того что людей у него с новоприсланными салдаты немалое число. (// л. 463)

А к Ямышевской крепости послал из сибирских афицеров и с ним триста человек. Велел ему, прося помощи от бога, тое крепость добыть и починить, и быть в ней с теми людми в той крепости. И правианту к предбудущему году на все полки послано с ним и немалое число излишнева. Також для починки крепости послал с ним, собрав з городов, тысячю человек, которых велел отпустить назад в Тоболеск. Которая посылка нам ни в тысячю рублев не стала.

И мне, мой государь, учинил он, Бухолц, противность. И тою своею противностию в деле государеве учинил великое медление и убытки многия. А в чем какая его явилась противность, тому ведение послал к вашей милости июня 20 дня сего 1716 году, изволишь из того выразуметь, в котором писал я пространно. Опасен я, мой государь, дабы тем он не навел на меня гнева от его царского величества.

И ныне пишет ко мне, что, разоря крепость, отступил за недостатком вещей, а каких, того и ныне не ведаю, не писал ко мне о том. И естьли он будет причитать, что от нашего неизправления то учинил, и о том доношу вашей милости, (// л. 463 об.) что нашего неизправления никакова в том нет. Отпущен он от нас хотя и не в бытность мою от Ивана Бибикова, но отпуск его был во всякой доволности и стал нам во многия денги по запросам его. И в той Ямышевской крепости, на что есть свидетельство, что ни в правианте и ни в каких припасех нужды у них не было. И всего было со многим остатком: всякого правианту, и запасов, и военных припасов.

Подъем, мой государь, его нам по запросам его стал по се число с лишком во сто тысяч. О том, мой государь, еще и с начала доносил я его царского величеству, и ныне показало самое дело.

Воистинно, мой государь, спешу тем делом, как возможно, но не зделав крепость у Ямышева и не оставя в ней людей, вдаль послать, мой государь, не можно. Того ради и послал ныне в тое крепость людей и правиянту к предбудущему лету. А калмыки водяным путём удержать не могут.

Его царское величество таким непотребным писмом утруждать не смею. Пожалуй, мой государь, ты изволь донести о том о всем его царскому величеству.

[*Автограф:*] О сем раб твой, государя моего, Матвей Гагарин

Из Тоболскаго 1716 июлия 26 дня.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 26. Л. 462–463 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 33

1716 г. сентября 17. **— Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о переговорах с казахскими послами и просьбой к царю написать грамоту хунтайджи с объяснением причин строительства крепостей по Иртышу**

(л. 470) Государь мой Алексей Васильевич

Писал я до его царского величества, что Казачья орда прислали ко мне дву человек посланцов, чтоб просить его царского величества, дабы повелел с ними учинить вечной мир. Також хотят по повелению его царского величества воевать калмыцкого владельца контайшу, котораго город Еркеть. И прислали по той причине к нам, что отбили оне у калмык нашего афицера. И сказал им, что контайша противитца его царскому величеству, то того афицера прислали, и с ним прислали для того два человека просить мира и воевать калмыков вместе с ними.

И как бы, мой государь, ето мошно дорогом купить, дабы оне были на него войною с нашей стороны, за что я велико приношу благодарение богу.

Что народ великой обещают с ними или и одни воевать калмыков, в чем нам убытку ни малого не будет. И как сведает тот калмыцкой владелец о этом их с нами согласию, то конечно не надеюся с нами ему держать войну или противность в строении городов.

Для того, мой государь, что, первое, от наших людей не неимеет[53] опасение, також и от Аюки он зело ж опасен, что аюкиных людей у него много и опасаетца от них, и бегут от него всегда чрез Сибирь. И ведает, что оне жить у него не хотят, и от Аюки он войны на себя ожидает всегда. И с посланцы аюкиными я о том говорил, и сказывали мне, что Аюка хочет воеватца с тем владелцом, да не дойдет де случай. А естьли де царское величество изволит, то де многих людей пошлет Аюка. И я велел им говорить самому Аюке о том и прислать к себе ведомость. Но еще, государь, не получил от него о том ведомости.

А ныне, мой государь, услышит, что Казачья орда будет в повелении его царского величества и в войне на него с нашей стороны, то по милости божии всеконечно не надеюся (// л. 470 об.) от него быть противности в городовом деле. И ныне, мой государь, дурачеством своим Бухолц приказал им жестоко, что он идет в Еркеть по указу великого государя, и дан де за печатью указ, а роспечатать де велено в Еркети, и поступать по тому буду. То им противно стало. А моему ответу те посланцы зело были рады, как я им сказал, что воевать калмыков государевы люди не будут и с прежних мест ссылать я их не велю, хотя де те земли его царского величества сибирские. Но также бы кочевали, как и Аюка хан кочюет под городами царского величества. Чему, мой государь, те посланцы зело рады были.

Изволь, мой государь, донести его величеству, дабы изволил приказать написать к нему, калмыцкому владелцу х контайше, грамоту, что есть мне повеление его царского величества, дабы из Тоболского делать городы по Иртышу у Ямышева и на Зайсане озере, и Иртышских вершинах для прииску руд серебряных, и медных, и золотых. Також, мой государь, чтоб в той грамоте и то явить им, что людей его мне царское величество обидить не велел, и з земель своих сибирских, где оне кочюют, ныне ссылать мне не велел же. А велел де им кочевать также между городов своих, как и Аюка хан калмыцкой кочюет между городов его царского величества, от чего нашим людем, також и калмыкам, есть от торгов немалая прибыток. А ныне де ваши калмыки потратили и в полон взяли несколько людей наших, чтоб тех людей отпустил всех в скорости.

Естьли, мой государь, изволит его величество послать такую ко мне грамоту, то надеюся на милосердие божие, что и тот калмыцкой владелец будет искать миру.

Нагласили посланцам его неприятели мои, не хотя туда иттить, что бутто я, избывая гнева от его царского величества, и хочю быть здесь многое время. И того бутто ради зачал ето де-

[53] Так в тексте.

ло без повеления (//л. 471) его царского величества[54]. И у них эте слова и доныне. И естьли на прежние мои к ним слова да будет такая грамата, то будут верить по той грамоте ему. И по сему, мой государь, случаю я чаю, что и калмыки будут искать миру с нами.

И ныне, мой государь, выхотцы наши в допросе мне сказали, что оне шли чрез Ямышевскую крепость, и видели, что оне не разорили ее, ни строения в ней не разорили же де. Что наши могли испортить и подорвать, то де и изпорчено. А калмыки де ничего не разоряли и никого де калмык при той крепости нет.

А чтоб для себя оне оставили тое крепость, проча себе, и того, мой государь, и мыслить не можно, чтоб им держать крепость. И ожидаю ныне о том ведомости от тех людей, которых послал я в тое крепость сидеть, також и с правиантом.

И что подновитца, то буду писать в скорости.

Пожалуй, милостивой мой государь, донеси его величеству, чтоб казанскому губернатору не указал отказывать в миру Казачьей орде, естьли и у него о том просить будут. А мне те посланцы сказывали, что для миру послали же де человека в Казань.

[*Автограф:*] Вашей милости, милостивого государя,
всегдашний слуга Матвей Гагарин
Из Тоболскаго 1716 сентября дня 17.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 26. Л. 470–471. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 34

1716 г. декабря 18. **— Грамота Петра I ойратскому правителю Цэван-Рабдану с обоснованием территориальных претензий России на верховья сибирских рек**

Божиею милостию, от пресветлейшаго и державнейшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца, и многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчича и дедича, и наследника, и государя, и обладателя нашего царского величества, калмыцкому владелцу контайше со всеми улусными людми милостивое слово:

В прошлом 1715 году повелели мы, великий государь, наше царское величество по имянному указу ближнему боярину и Сибирскаго царства губернатору, князю Матвею Петровичю Гагарину в краях сибирских по Иртышу и на Зайсан озере, и в вершинах иртышских сыскивать серебреные, и медные, и золотые руды. И для того в тех местах, где потребно будет построить городы.

И понеже мы, великий государь, наше царское величество, уведомились, что вы, контайша, с улусными своими людми близь тех помянутых мест жилища свои имеете, того ради всемилостивейше от вас желаем, дабы вы в строении тех городов, которые по нашему соизволению означенный наш ближней боярин и сибирской губернатор для прииску разных руд имеет строить, никакой помешки не чинили, и с посланными от него, боярина и губернатора нашего, людми никаких ссор своим людем иметь не велеть, но наипаче по желанию, по писмам того нашего боярина и губернатора, посланным от него потребное вспоможение чинили. И чего он требовать от вас будет, то исполняли, потому что он от нас о всем полной указ имеет.

А мы, великий государь, наше царское величество, милосердуя о вас, желая, чтоб вы також, как и хан Аюка и протчие калмыцкие владелцы, у нас в милости пребывали, позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь свободно, хотя оные и к Сибирскому нашему царству принадлежат.

И послан наш указ к помянутому нашему боярину и губернатору, что ежели вы будете пребывать смирно и никакова препятствия в строении городов и приискании руд в протчем чинить не будете, то б отнюдь с тех земель [вас] не высылал. И как вам, контайше, також и всем улусным людем никакого разорения и обид от подданных наших отнюдь не было б, но наипаче б вас и от посторонних неприятелей велел оборонять и охранять.

Писан в нашем царского величества походе, в Амстердаме, декабря в 18 день 1716 году.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 88. Л. 204 об. — 205 об. Копия, снятая для Г. Ф. Миллера в Тобольске, во время экспедиции 1734–1743 гг.

---

[54] Гагарин имеет в виду переговоры посланцев хунтайджи, возвращавшихся из Тобольска в Ургу в конце 1715 г., с Бухолцем, которые велись в новопостроенной Ямышевской крепости. «Неприятелем моим» губернатор назвал Бухолца, не захотевшего продолжить поход в Яркенд.

Текст приводится по публикации: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 40-2, с. 151–152.

Другие публикации документа: Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб.: При императорской Академии наук, 1760. Февраль. С. 108–110; Международные отношения в Центральной Азии. Кн. 1. М., 1989. Док. № 90. С. 239–240. (По копии из АВПРИ. Ф. 113. Оп 1. 1731 г. Д. 2. Л. 117–118); Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте... // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 489–490.

Документ № 35

1717 г. февраля 11. **– Письмо подполковника Ивана Бухолца из Тобольска князю Меншикову о невозможности выполнить указ Петра I о продвижении в верховья Иртыша**

(л. 1) Светлейший княже, а мой премилосердный государь, князь Александр Данилович, доношу вашей высокой светлости

В прошлом 714-м году, против доношения господина губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина его царскому величеству, отправлен я по имянному его величества указу в Сибирь. А велено в Тобольску у господина губернатора Сибири взять войска тысячу пятьсот человек, и со оным войском иттить в новопостроенную крепость Ямышеву, и, перезимовав, итить к калмыцкому городку Еркетю, и оной городок достать, и укрепить; и проведать на Дарье-реке, как калмыки промышляют песошное золото.

И по вышепомянутому ево, великого государя, имянному указу и по предложению господина губернатора Сибири в 716-м году[55], июня в 30 де[нь], взяв я войска две тысячи четыреста пятьдесят человек и пришед, у Ямышева озера в октябре месяце построил город. А преж того писал я до его величества, что контайша, колмыцкой владетель, имеет у себя многие войска, и того для мне до назначенных мест иттить не безпечно. На что я себе никакова указу не получил.

И февраля в 11 де[нь] того ж 716-го году пришли внезапу в ночи от вышепомянутого владетеля контайши войска, тысяч десять и болши, и прежде розъезды и караулы скрали, и лошадей государевых и афицерских мало не всех отогнали. И приступили х крепости и к квартире, и приступали часов з двенатцеть; обаче с помощию божиею оных от крепости и от других мест отбили. И, отступя, оные калмыки недалече остановились и отаковали крепость и другие места караулами так крепко: четырех, государь, человек послал я в розные числа в Тоболск со известием, и оные все впали в руки неприятелю.

И волею божиею пришла в войске у нас на людей (// л. 1 об.) болезнь, от которой в сутки человек по дватцети и болши помирали. А болезнь в людех непрестанно умножалась. И, опасаяся, государь, чтоб артилерию и многая амуницыя не досталась в руки неприятелю, и не надеясь к себе ниоткуду сикурсу[56], апреля в 28 де[нь], раззоря оную крепость, с малыми здоровыми людьми уступил на судах вниз по Иртышу до усть реки Оми, где ныне я построил город.

А в прошлом же 716-м году декабря в 16 де[нь] прислан ко мне указ великого государя от господина ж губернатора за ево рукою, в котором писано: по имянному ево, великого государя, указу велено мне иттить до Зайсан-Нор озера, чрез которое прошла река Иртыш, и на оном озере построить город немалой.

И против оного указу подал я господину губернатору доношение, что оное озеро во владении контайши выше Ямышева вверх по Иртышу в далном разстоянии, и проход судовой и сухопутной велми трудной, и дойтить малыми войски и новыми людьми невозможно.

И на оное доношение ево сиятельство изволил мне сказать на словах, что великий государь, уничтоживая[57] народ калмыцкой, не указал великих войск посылать, а, конечно, указал малолюдством до оного места итти.

И о сем вашей высокой светлости доношу: понеже до оного озера, за многими войски калмыцкого владетеля контайши, которой имеет у себя войск великое число оружейных и к войне обычайных, и, ежели покажет противность, дойтить невозможно. И не токмо оне могут за оное озеро (// л. 2) войну иметь, но и за Ямышево с великими войски контайша брата своего прислал с войною. И ежели, государь, ныне отправлюсь я до оных мест, ясно вашей высокой

---

[55] Так в тексте, правильно: в 715 году.

[56] Сикурс — военное подкрепление.

[57] Уничтожать — презирать, недооценивать значимость.

светлости доношу, что многой интерес его величества утратитца и могу я в калмыцкие руки впасть и с войски безвестно. А поиску нам над ними учинить малолюдством и с новыми людьми невозможно.

И о всем моем поведении прошлого 716-го году до его величества послал я доношение мое октября в ___ де[нь] из новопостроенной крепости Усть-Омской с ведением моего отправления из Тобольска против доношения господина губернатора в Правительствующий сенат в одном ящике. А из Тобольска оные письма господин губернатор поволил отправить того ж октября в 30 де[нь].

Всепокорнейше, государь, прошу о предстательстве, ежели его величеству удобно до назначенных мест с войски мне доступать, дабы оная война малолюдством не была отправлена. А ежели б мог я видеть пресветлое лице его величества и вашей высокой светлости очи, могу о владетеле калмыцком, и о ево людстве, и о положении мест, и о городах его владения ясно доносить его величеству и вашей высокой светлости.

А истинно, государь, оной народ напрасно уничтожен.

Всепокорне и нижайше вашей высокой светлости рабски прошу о милосердном заступлении, дабы я, не отправляясь в такую дальность, мог прежде видеть его царское величество.

[*Автограф:*] Вашей высокой светлости всепокорный раб Иван Бухольц.

В Тобольску февраля 11-го дня 1717-го году.

(// л. 2 об.) [*Канцелярская помета:*] Получено в 13 де[нь] апреля 1717 году.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 431. Л. 1–2 об. Подлинник.
Ранее опубликовано с купюрами: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4, т. XVI–XX. Изд. 2-е. СПб., [1896]. Стб. 931–934. Приложение 1 к тому 18.

Глава 12

Размежевание приобских земель Томского и Кузнецкого уездов (1711 — апрель 1717 года)

К началу второго десятилетия XVIII века в Верхнем Приобье сохранялась та российско-ойратская граница, которая сложилась ещё в XVII столетии — река Обь оставалась за пределами Кузнецкого уезда. В дипломатических переговорах ойраты подчёркивали: «Что де на Бии и на Катуне в стрелке построен был острожек, и та де земля наша. Прежней поставленной острожек был, мы разорили, и ныне вновь строить не дадим»[1].

Потеря Бикатунского острога в 1710 г. затормозила продвижение русских на юг, к истокам Оби, но не остановила этот процесс. Поскольку приобские земли в то время не входили в состав Кузнецкого уезда, народная колонизация кузнецких крестьян распространялась на среднее течение Чумыша, верховья рек Ини и Берди. Продвижение вверх по Оби происходило благодаря самовольному переселению жителей Томского уезда, которые постепенно заселяли приграничные территории по берегам великой реки. Поэтому следующая русская крепость в Верхнем Приобье была построена летом 1713 г. по распоряжению томского начальства.

В июне томский комендант Роман Траханиотов[2] направил дворянина Дмитрия Лаврентьева на южную границу уезда с заданием «вверх по Обе реке на усть реки Чауса, осмотря удобных мест, где б прилично от приходу неприятельских воинских людей, построить вновь острог» (док. № 37). Река Чаус впадает в Обь слева, севернее современного Новосибирска. На чертежах С. У. Ремезова конца XVII в. в устье Чауса обозначены только чатские юрты, все русские деревни тогда располагались ниже по Оби, в районе Уртамского острога. Вдоль левого берега р. Чаус у Ремезова показана «дорога ис Томска чрез Барабу на Тару»[3]. Отмеченная дорога была прообразом барабинской части будущего Московско-Сибирского тракта, сложившегося на этом отрезке в середине XVIII в.[4]

К 1713 г. устье Чауса уже было обжито русскими крестьянами. Незадолго до этого выходцы из Ишимского уезда основали здесь деревню Анисимову, которая стала самым южным населённым пунктом Томского уезда. Вслед за народной колонизацией эти места привлекли внимание и томской администрации, которая решила на устье реки Чаус построить российский форпост.

В январе 1714 г. в своей челобитной Дмитрий Лаврентьев сообщал, что для новой крепости он выбрал «удобное место на усть вышеписанной реки Чауса в новой поселенной Анисимовой деревне, которая стоит под волоком Барабинския степи». Словом «волок» автор челобитной здесь, вероятно, называл участок сухопутной дороги между двумя судоходными реками — Иртышом в Тарском уезде и Обью в Томском уезде[5]. К сентябрю 1713 г. Чаусский острог был построен «пришлыми людми ишимцы», то есть самими

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 86. Л. 195–203. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 122, с. 522. Другая выписка из того же статейного списка И. Чередова: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 13 об. Опубл.: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.): документы и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 9, с. 21.

[2] Роман Александрович Траханиотов был комендантом Томска с 5 февраля 1713 г. по 20 февраля 1715 г. (С бытности губернаторской коменданты и Томскаго уезду в острогах и слободах приказчики кто были, и в которых годех, и по каким указам: издал И. П. Кузнецов-Красноярский. Томск, 1891. С. 2, 12–13).

[3] Чертеж земли Томскаго города // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: Факсимильное издание. 2-е изд. М., 2007. Л. 24 (по нумерации Ремезова лист 11).

[4] Катионов О. Н. Московско-сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2008. С. 46–48.

[5] На рукописном чертеже Азии, составленном по материалам посольства Н. Спафария в Китай (1675–1678 гг.), между Обью и озером Барабинским показан знак города и помещена надпись «волок Барабинской» (БРАН. Картографический отдел. Шифр Vp К/2225).

жителями деревни Анисимовой. Первым приказчиком здесь в 1713–1714 гг. был тот же Дмитрий Лаврентьев[6]. Острог стал самым южным форпостом Томского уезда, однако он выполнял пограничные функции недолго, фактически только во втором десятилетии XVIII в.

Сдача и сожжение Бикатунского острога в 1710 г. не изменили планов сибирской администрации закрепиться на слиянии Бии и Катуни. В наказе послу Ивану Чередову, отправленному к ойратскому хунтайджи («контайше»), сибирский губернатор Матвей Петрович Гагарин в июне 1713 г. утверждал, что «тот город был построен на земли российской, потому что та земля лежит на сибирских реках»[7]. Монголы согласиться с этим никак не могли.

После событий 1709–1710 гг. резко обострился вопрос о сборе дани с двоеданцев Кузнецкого уезда. В 1715 г. кузнецкий комендант Борис Акимович Синявин сообщал в Тобольск: «И после оных приходов под Кузнецкой они ж, черные и белые калмыки, по вся годы приходят непрестанно Кузнецкого уезду в есачные в[еликого] г[осударя] волости, и есачных иноземцов бьют и мучат на смерть, и берут с них на контайшу прежде царскаго величества алман, и на себя грабежем всякой зверь, и зипуны, котлы, таганы, и кричное железа, и лошедей»[8]. Помимо того, что посланцы хунтайджи собирали албан с двоеданцев первыми, до прихода русских ясатчиков, они запрещали податному населению давать дань русскому царю: «А таутелеутам и другым землицам, которые з давных лет по вся годы платили в[еликому] г[осударю] неокладной есак, и тем иноземцам они, калмыки, есаку в в[еликому] г[осударю] давать не велели»[9].

В свою очередь администрация Кузнецкого уезда в пограничных землях тоже стала действовать жёстко. В 1714 г. в «кыштымских волостях» (на правом берегу Оби, между реками Иня, Бердь и Чумыш), где проживали двоеданцы, был пленён теленгетский князь Байгорок Табунов, внук Коки Абакова[10]. Это вызвало сильное раздражение ойратов и теленгетов, вплоть до угроз «воевать» Кузнецк.

В апреле 1715 г. вернувшиеся из Забийских волостей ясатчики сообщили кузнецкому коменданту о том, что «в минувшем де 714-м году в зимнее время прислан от контайши в Тялевуцкую землицу черных калмыков князец Черен-Дондук (Цэрэн-Дондоб старший. – *Авт.*) с черными калмыки в пяти тысячах человеках. И велено ему собрать всех белых калмыков, идти войною под Кузнецкой весною сего 715-го году». В начале мая от «ясачных татар» в Кузнецке стало известно, «что калмыцкие войска с Черен-Дондуком с своих мест поднялися и приближились к границам, к реке Оби»[11].

25 мая кумандинцы, побывавшие на промысле в низовьях Бии, сообщили кузнецкому ясатчику Ивану Максюкову: «Подсмотрели де они тайно – многие полатки поставлены на усть Бии и Катуни, на месте, где был преж сего поставлен по указу царского величества острог. И при тех полатках людей многое ж число, и другие к ним через Бию переправлива[ю]тца. А какие люди, того они не знают. А по признаку оные де люди воинские»[12].

Однако нападение ойратов на Кузнецк в 1715 г. так и не состоялось. Переждав лето, полковник Б. А. Синявин сам стал просить разрешения организовать из Кузнецка военный поход, чтобы «смирить войною» теленгетов. По его данным, «белыя калмыки кочуют от Оби реки в трех днищах в урочищах по Алию и по Черашу рекам»[13]. Несмотря на кажущуюся близость кочевий противника, реализация предложения Синявина требовала переправы войск на левый берег Оби, куда кузнецкие отряды ранее никогда не ходили. Судя по всему, сибирский губернатор не поддержал этот план: в Тобольске готовились к походу И. Д. Бухолца.

Пока в столице Сибири снаряжали полки для похода по Иртышу за эркетским золотом, в Кузнецком уезде по инициативе полковника Бориса Синявина с 1715 г. началось строительство острогов в приграничных землях. Как ни странно, первая такая крепость была возведена не на южных подступах к Кузнецку, откуда приходили ойрат-

---

[6] С бытности губернаторской коменданты… Томск, 1891. С. 12–13.

[7] РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 13 об. Опубл.: Русско-джунгарские отношения…, 2006. Док. № 9, с. 21. Другая копия наказа («памяти») И. Чередову: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 86. Л. 195–203. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 122, с. 517.

[8] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 55.

[9] Там же. Л. 55 об. – 56.

[10] Там же. Л. 31–31 об. Опубл: История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991. Док. № 8, с. 18 (по выпискам Ю. С. Булыгина). Байгорок оставался в плену в Кузнецке восемь лет (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 26. Док. № 124–126. Л. 219–264. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 77, с. 295–350). Он был отпущен в 1722 г. в период временного улучшения отношений России с Ойратским государством (Приложение II: Грамота (в копии) князя Черкасского к Цэван Рабтану // Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1887. С. 216).

[11] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–8 об.

[12] Там же. Л. 46; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 180–181.

[13] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 33 об. См. также: Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 191, прим. 4.

ские войска, а на севере, где на Томи, в районе речки Мунгат, проходила граница с Томским уездом (рис. 32).

Ещё в 1701 г. кузнецкие дети боярские Степан Валишевский и Василий Вязигин сообщали в Сибирском приказе в Москве: «В Кузнецком уезде на речке Мунгате, идучи от Кузнецка к Томскому на половине дороги, к поселению и к пашне земли добрые и угодные есть, и сенных покосов и рыбных ловель, и иных угодий доволно на многие версты. И [о]строги и деревни, и за[и]мки селить возможно». Вместе с тем они констатировали, что «в том де далном месте наездом ис Кузнецка пахать земли и строить острога и деревень от малолюдства им, кузнецким жителем, невозможно. И землю пахать за далностью опасно от приходу воинских людей» (док. № 36). «Воинскими людьми» здесь названы енисейские кыргызы, которые до 1703 г. представляли реальную угрозу для жителей Притомья. Однако после увода кыргызов на юг, ближе к ставке хунтайджи, ситуация изменилась: левый берег Томи около реки Мунгат стал заселяться русскими крестьянами. Первоначально здесь, в двух верстах ниже устья Мунгата, образовалась деревня; к концу 1714 г. она уже являлась административным центром Кузнецкого уезда — Мунгатским станом[14]. В январе 1715 г. «Мунгацким присудом» руководил приказчик Василий Соколов[15].

Следующему приказчику, уже известному нам Андрею Муратову, сменившему в том же году В. Соколова, Синявин поручил «на Мунгате ставить острог в одной Мунгацкой деревне и около всего посаду в той Мунгацкой деревне мерою четыреста десять сажен»[16]. Позднее, в справке Кузнецкой канцелярии, подготовленной в 1734 г. для Г. Ф. Миллера, указывалось: «Мунгацкой станец построен в 715 году при бытности в Кузнецку бывшего воеводы Бориса Синявина по прошению о поселении пришлых гулящих людей кузнецкими служилыми людми подле реки Томи, и около всего посада четыреста десеть сажен»[17].

На основании собранных сведений Г. Ф. Миллер в своём «Описании Кузнецкого уезда», составленном в 1734 г. на немецком языке, сообщал: «Мунгатский острог, или станец (далее зачеркнуто: где живет чиновник этого дистрикта. — *прим. А. Х. Элерта*) был построен в 1715 г. присланными кузнецкими казаками как главный пункт дистрикта по просьбам многочисленных поселенцев, которые хотели поселиться в этой местности. Он расположен на западном берегу Томи, в 135 верстах от Кузнецка по прямой дороге. Состоит из обводной стены, сооруженной из бревен и кольев в виде полукруга со стороны, противоположной берегу. Внутри нее находятся, помимо дома приказчика, судной избы, магазинов и амбаров, несколько частных домов. А остальные жилые дома вместе с часовней находятся вне острога. Со стороны реки никаких укреплений нет. Вся окружность при измерении была определена в 410 саженей»[18].

Укрепление на берегу Томи, на полпути между Томском и Кузнецком, ко времени постройки уже не имело никакого внешнеполитического значения. Острог поставили на границе двух российских уездов.

Если кузнецко-томское размежевание на Томи не вызывало административных споров, то расположенный западнее район между Томью и Обью стал предметом специального разбирательства. Спор между Томском и Кузнецком возник из-за земель в бассейне реки Бердь.

На чертежах Томского уезда конца XVII в. из атласов С. У. Ремезова вдоль этой реки помещена надпись «р. Бердь межа с Телеуцкой землею»[19] (рис. 9). На том же чертеже грань с Кузнецким уездом показана по реке Мунгат. Вероятно, от истоков Берди граница с кузнецким ведомством шла по водоразделу к истокам Мунгата.

Во втором десятилетии XVIII в., после сооружения Чаусского острога, южные районы Томского уезда на левобережье Оби стали подведомственными чаусскому приказчику. Примерно в то же время, когда ишимцы заселяли левый берег Оби, на обском правобережье самовольные русские переселенцы (в том числе те же ишимцы) начали обживать долину реки Бердь. Ближайшим представителем сибирской администрации для «пришлых и гулящих людей», селившихся по Берди, также стал приказчик Чаусского острога. Документы свидетельствуют, что «с тех крестьян, которые по Берде, оброк брали в Томском в 713 и 714»[20]. Вероятно, взаимоотношения первопоселенцев с чаусским приказчиком складывались не бесконфликтно. Как рассказывали позднее в Кузнецке бердские жители, в 1715 г. томские дети боярские Фёдор и Дмитрий Лаврентьевы вместе

---

[14] Стан (станец) — военное поселение, располагавшееся на пути между крепостями (Словарь географических терминов Западной Сибири / сост. М. Ф. Розен. Л., 1970. С. 64).

[15] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 67 об.

[16] Там же. Л. 89.

[17] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Л. 156.

[18] РГАДА. Ф. 199. Портф. 526, ч. 2. Д. 1. Л. 14 об. (рукопись на немецком яз.). Русский перевод цит. по: Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подгот. и пер. с нем. А. Х. Элерта. Новосибирск, 1996. С. 24. (Серия: История Сибири. Первоисточники, вып. 6).

[19] Чертеж земли Томскаго города // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: Факсимильное издание. 2-е изд. М., 2007. Л. 23 об. — 24.

[20] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

Иваном Цыцуриным[21] и отрядом служилых людей «прибежали из Томска в бердевские деревни для разорения… и при том разорении оные дети боряские побрали у них, бердевских жителей, огненного ружья 23 винтовки и привезли в Томск»[22].

По-видимому, подобные действия томичей подтолкнули часть бердских обитателей обратиться к кузнецкому коменданту Борису Синявину с челобитной, в которой они сообщали: «Пришли они в нынешнем 715-м году из разных городов пришецким образом и обыскали в Кузнецком уезде по рекам Берде и Чумышу пригодные места. И чтоб им на оных реках поселитца деревнями и быть под Кузнецком присудом и всякие подати платить в Кузнецкой»[23].

К тому времени на Берди не было ни одного русского поселения, подчинённого кузнецкой администрации. Комендант Б. А. Синявин писал, что, по утверждению жителей «кузнецких ашкыштымских волостей» и выезжих белых калмыков, «по Берде и по Чумышу рекам всякими угодьями з давных лет владеют они, ясачныя великого государя иноземцы, и промышляют по оным рекам в казну великого государя лисицы, бобры и выдры». Сложилась неоднозначная ситуация: долина Берди с XVII в. была традиционным местом охоты подчинённых Кузнецку азкиштымцев, а с появившихся там русских первопоселенцев подати начала собирать с 1713 г. томская администрация. Для уточнения сведений кузнецкий комендант отправил на Бердь и Чумыш служилого человека Василия Жукова. Однако после прибытия на место он в ноябре 1715 г. был схвачен людьми чаусского приказчика Ивана Цыцурина и препровождён в Чаусский острог, где приказчик «держал ево многое время в колоде», а затем отправил в Томск[24]. Таким образом, столкновение интересов томской и кузнецкой администраций в спорном районе переросло в открытый конфликт.

Несмотря на противоборство томичей, Синявин признал бердских челобитчиков жителями Кузнецкого уезда и в следующем 1716 г. просил томского коменданта вернуть конфискованное оружие бердским жителям, «чтоб за умалением ружья колмыки разорения им не учинили»[25]. С этого же времени в документах Кузнецкой комендантской канцелярии фигурирует ведомство Бердского острога и его первый приказчик Иван Буткеев[26].

Позднее, в 1734 г., в ответ на запрос академика Г. Ф. Миллера, Кузнецкая канцелярия сообщала: «Берской острог построен в 717 году по прошению в прошлом 715 году в бытность в Кузнецку полковника и воеводы Бориса Синявина по поданной челобитной пришлых разных городов людей для поселения житьем»[27]. Хотя в справке уездной канцелярии годом строительства назван 1717, выявленный Ю. С. Булыгиным документ[28] позволил исправить эту ошибку и датировать основание Бердска временем не позднее июля 1716 г.[29] (док. № 38).

Известный сибирский историк Нина Адамовна Миненко в одной из своих работ высказала предположение: «Видимо, можно утверждать, что закладка острога на Берди состоялась в первое десятилетие XVIII века»[30]. В качестве аргументов ею приводились воспоминания бердских крестьян 1718–1720 гг., сохранившиеся среди документов Кузнецкой канцелярии. По мнению Н. А. Миненко, «до 1717 года Бердский острог находился под началом томских воевод»[31]. Такое предположение нам представляется совершенно невероятным. Во-первых, не известно никаких документов, подтверждающих принадлежность Бердского острога к Томскому уезду. Во-вторых, переподчинение острога из томского ведомства в кузнецкое неизбежно нашло бы отражение в источниках того времени, однако таких свидетельств не имеется. Как показано выше, подати бердские первопоселенцы в 1713–1714 гг. действительно платили в Томск, но именно потому, что в Томском уезде с 1713 г. возникло ведомство Чаусского острога. Отправка кузнецким комендан-

---

[21] Иван Цыцурин в 1715 г. стал приказчиком Чаусского острога, сменив Дмитрия Лаврентьева. В 1716 г. он сдал полномочия дворянину Андрею Степнову (С бытности губернаторской комендантыТомск, 1891. С. 8, 13–14).

[22] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 4. Л. 114 об. Цит. по архивной выписке Ю. С. Булыгина (ГААК. Ф. Р–1765. Оп. 1. Д. 72. Л. 35). В конспекте Ю. С. Булыгина фамилия приказчика ошибочно записана как «Цыдурин».

[23] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 54.

[24] Там же.

[25] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 4. Л. 114 об. — 115.

[26] В справке Кузнецкой канцелярии 1722 г. говорилось: «В Берском остроге в 1716 году кузнецкой дворянин Иван Буткеев приказщиком был» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 26. Док. № 124–126. Л. 219–264. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 77, с. 325). Ранее, в 1713 г., неграмотный сын боярский Иван Буткеев исполнял обязанности выборного таможенного головы (Кауфман Ю. Б. Отчётная документация кузнецкого таможенного головы Ивана Буткеева за 1713 г. // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2013. Вып. 4. С. 116, 119, 143).

[27] РГАДА. Ф. 199. Портфель 481. Ч. 4. Л. 156.

[28] Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 14, прим. 1.

[29] Булыгин Ю. С. К истории возникновения городов Новосибирской области Бердска и Тогучина // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 317.

[30] Миненко Н. А. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г.: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск. 1984. С. 11; Её же. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1986. С. 29.

[31] Миненко Н. А. По старому Московскому тракту… С. 31.

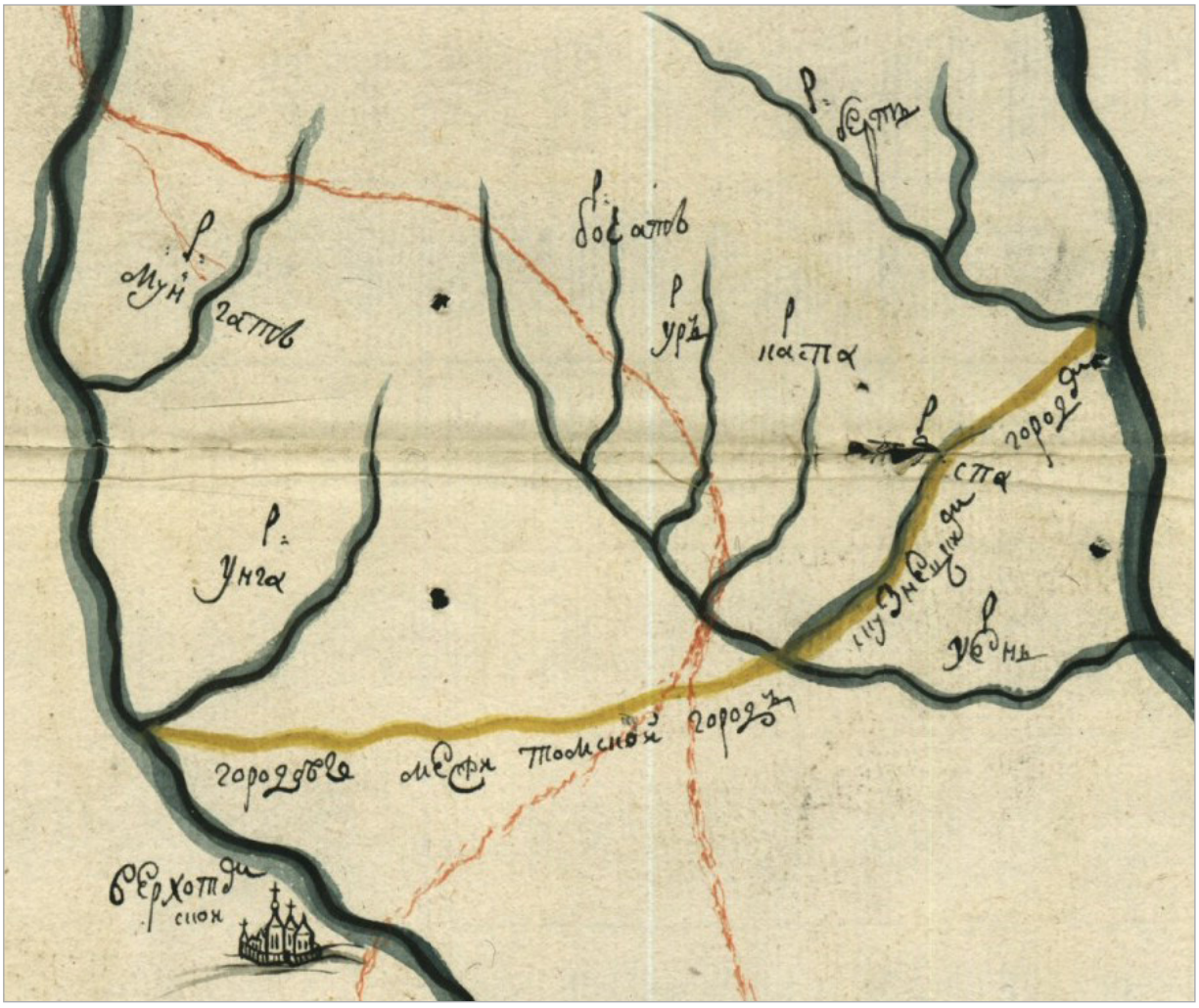


Рис. 30. Фрагмент чертежа с изображением линии границы между Томский и Кузнецким уездами, утверждённой сибирским губернатором М. П. Гагариным в марте 1717 года. Копия 1757 г., выполненная с оригинала в Кузнецкой воеводской канцелярии. Полностью чертёж воспроизведён на цветной иллюстрации 3

том на Бердь осенью 1715 г. Василия Жукова «для осмотру урочищ» и его пленение чаусским приказчиком ясно свидетельствуют о том, что никаких представителей кузнецкой администрации на Берди в то время не было. Поэтому мы считаем, что Бердский острог возник не ранее января, вероятнее — в апреле—июне 1716 г.[32]

Укрепление было возведено на южном берегу Берди, в месте её впадения в Обь[33]. Приказчик Бердского острога Иван Буткеев был прислан из Кузнецка и подчинялся кузнецкому коменданту. К ведомству новой крепости относились русские деревни по реке Бердь, новые деревни на правобережье Оби выше устья Берди, а также «чумышские деревни» — первые русские селения в нижнем течении Чумыша. Народная колонизация вывела русских крестьян по правобережью Оби значительно южнее нового острога. Деревни Ельцовская, Мильтюшская, Гуселетова, Тулинская, Бороздина, Атаманова, Караканская и Каменская возникли на берегу Оби до весны 1717 г.[34] Наиболее удалённая из них, деревня Каменская, располагалась примерно в ста километрах выше по реке от устья Берди. Появление Бердского острога и включение в его ведение этих населённых пунктов привело в 1716 г. к расширению территории Кузнецкого уезда до Оби.

По своему назначению построенный в 1716 г. Бердский острог был схож с возведённым за год

[32] В качестве одного из основных аргументов Нина Адамовна Миненко приводила челобитную крестьян Фоминских, которые, якобы, заявляли, что пришли в Бердский острог «в прошлом де 1710 году». Однако это ошибка прочтения даты в документе (см. публикацию того же источника в нашей книге — глава 16, док. № 63).

[33] Наиболее ранняя известная нам карта с изображением Бердского острога датируется 1729 годом (Ландкарта Кузнецкого уезда, составленная геодезистом Петром Чичаговым [1729 г.] // БРАН. Отдел рукописей. Собрание рукописных карт. Основная опись. № 473).

[34] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. 1717 год. Л. 34, 38. Выборка перечисленных в документе деревень произведена с учётом данных карты П. Чичагова 1729 г.

до этого Мунгатским острогом в Кузнецком уезде и возникшим в 1713 г. Чаусским острогом в Томском уезде. Все они создавались без специального указа из центра, по решению уездных властей, прежде всего для контроля за русским податным населением. Остроги ставились в тех районах, где уже шла стихийная крестьянская колонизация. Появление там постоянных представителей уездной администрации призвано было упорядочить процесс заселения новых земель. Сбор ясака и приведение в российское подданство новых групп сибирских аборигенов в задачи приказчиков этих острогов не входили.

Строительство в 1713–1716 гг. Чаусского, Мунгатского и Бердского острогов в Верхнем Приобье не было прямо связано с захватом земель Ойратского государства. Эти крепости в основном разграничивали территории Томского и Кузнецкого уездов, тогда как на переднем крае российско-ойратского размежевания в Верхнем Приобье в это время оказались крестьянские деревни по правобережью Оби, вплоть до нижнего течения Чумыша.

Русское крестьянство осваивало правобережье Оби быстрее, чем сибирская администрация. Вверх по Оби переселялись жители Томского уезда, в основном из ведомства Чаусского острога. В середине марта 1717 г. бердский приказчик сообщал в Кузнецк: «Едут вверх по Обе реке мимо Бердевскаго острога многие люди з женами и з детьми. И в Бердевском остроге мне не явятца, какия люди и куды едут, и про то мне не ведомо». По этой причине И. Буткеев «заказал всех деревень жителям, чтоб томскаго присуду Чаускаго острога людей отнюдь на подворья к себе не пущали»[35]. Томские переселенцы не подчинялись ни бердскому приказчику, ни кузнецкому коменданту, что ещё более осложняло административный спор о границе соседних уездов.

Полковник Синявин получил сообщение Буткеева 26 марта и в тот же день послал в ответ распоряжение: «И тебе б тех людей велеть имать и допрашивать их: откуды они, томского ли присуду или иных городов, и куды едут, и от какого разорения. И те скаски за их руками прислать немедленно в Кузнецкой с нарочными посылщики. А их держать в Чеуском остроге за караулом или за поруками до указа»[36]. Фактически это означало высылку всех пришлых назад в Томский уезд. Правобережье Оби к югу от Бердского острога Синявин считал частью Кузнецкого уезда.

Точку в споре о размежевании приграничных земель поставил губернатор М. П. Гагарин. 3 апреля в Кузнецке получили указ за его подписью: «Велено по старым сибирским чертежам той реке Берде быть в Кузнецком уезде, потому что в чертежах старых река Бердь написана в Кузнецком уезде. И межа положена против старых же чертежей города Томского с Кузнецким городом от Оби реки, от устья реки Берди, да на вершину реки Тарспы, и тою рекою Тарспою вниз до реки Уеня, и чрез реку Уень на реку Томь на устье реки Унги. Чему и чертежи присланы равные в Томской и Кузнецкой за подписанием губернатор Сибири князя Матвея Петровича Гагарина» (док. № 39)[37].

Подлинники одинаковых чертежей, посланных в Томск и Кузнецк, не сохранились. В 1757 г. по запросу Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Кузнецкой воеводской канцелярии была изготовлена точная копия имевшейся там карты сорокалетней давности[38]. Помимо изображения, с прежнего чертежа был перенесён текст: «1717-го марта в 5 де[нь]. К сему чертежу для верности приписал губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин своею рукою тако: Матвей Гагарин» (цв. ил. 3).

Казачий капрал Андрей Бызов перерисовал подлинник со всеми характерными деталями. Города и остроги показаны не условными знаками, а в виде не похожих друг на друга картинок крепостей. Реки изображены волнистыми линиями, изгибы которых не передают реальных очертаний речных русел. Чертёж был традиционно ориентирован верхом на юг, слева красивой вязью выведено слово «Восток». Как видим, действительно «межа положена против старых же чертежей». За основу явно была взята карта, выполненная в стилистике XVII в. Помимо городов Томска и Кузнецка на чертеже показаны два острога — Верхотомский, основанный в 1670 г.[39],

[35] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

[36] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 6–6 об.

[37] В публикуемом документе получение указа датировано 1 апреля. Мы считаем это ошибкой, поскольку в других источниках сообщается, что указ получен 3 апреля. Так, спустя сорок лет, в 1757 г., в переписке Кузнецкой воеводской канцелярии с Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства о времени поступления в Кузнецк указа из Тобольска сообщалось: «В присланном блаженныя и вечно высокой славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго ис Таболска марта, а которого числа не показано, в Кузнецке полученного апреля 3 1717 года указу…» (ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 91–91 об.).

[38] ГААК. Ф. 1. Оп.1. Д. 213. Л. 91–94. Благодарим Любовь Ивановну Ермакову, сообщившую нам о наличии этого документа в фонде Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, а также директора Государственного архива Алтайского края Галину Дмитриевну Жданову и заместителя директора по вопросам обеспечения сохранности документов Елену Дмитриевну Егорову за предоставление качественной копии чертежа.

[39] Об основании острога в 1665 г. см.: Усков И. Ю. О времени поставления Верхотомского острога // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века: сб. материалов региональной науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 227–231. URL: http://history.nsc.ru/kapital/project/conf2007/26.html. Однако документы сообщают о строительстве в 1670 г.

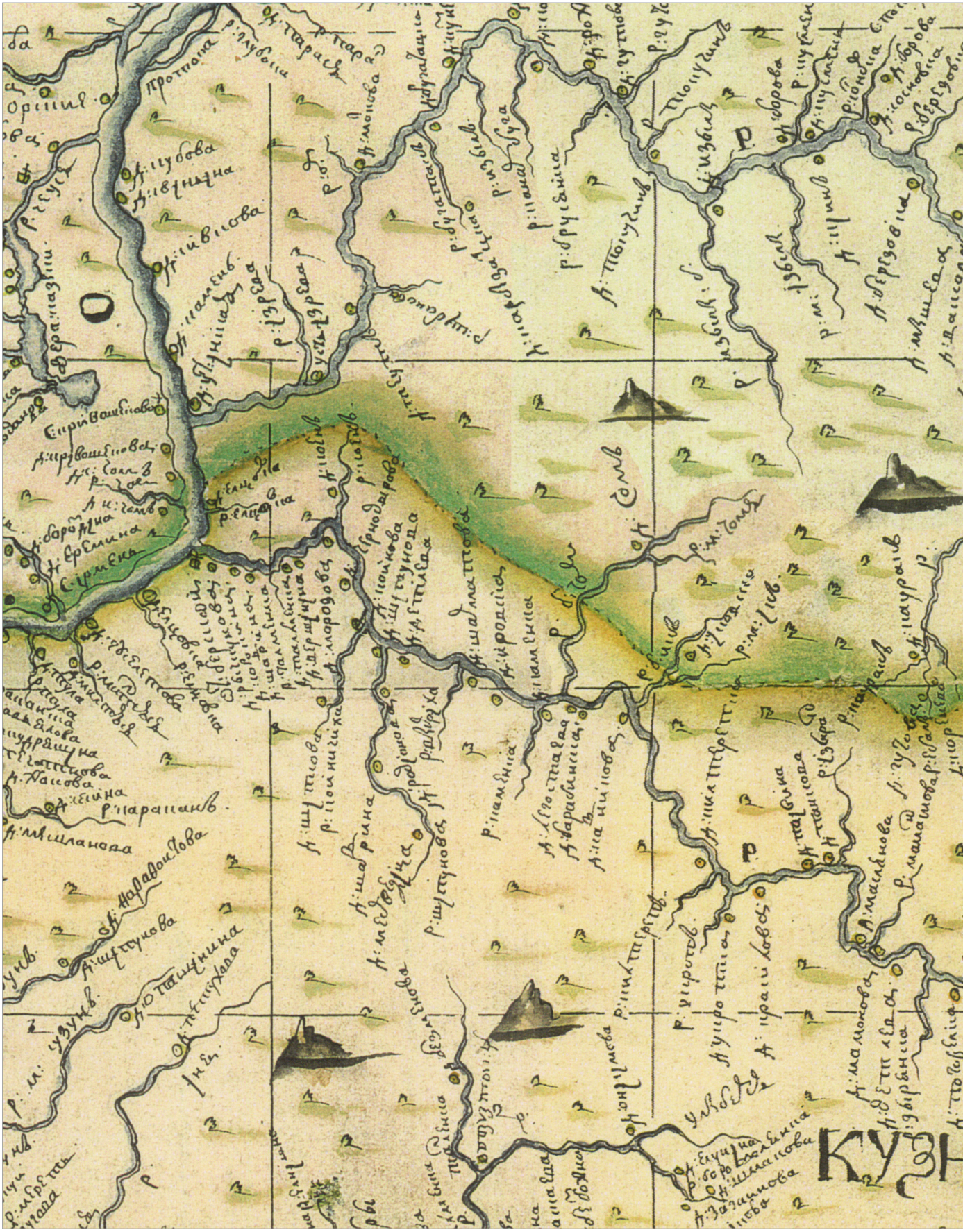
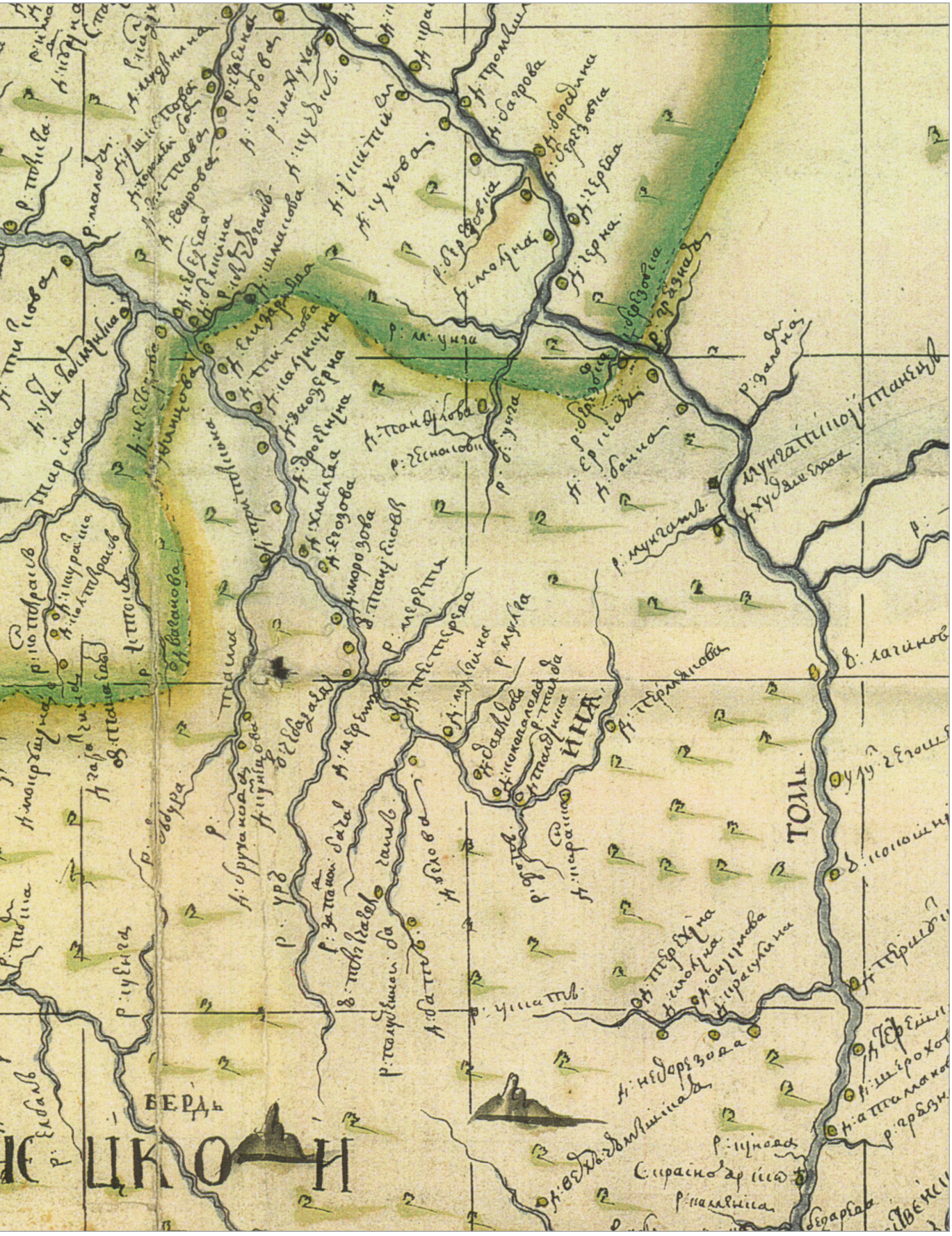


Рис. 31. Фрагмент «Ландкарты Томского и Кузнецкого уездов», вычерченной в апреле 1736 г. геодезистом Василием Шишковым и учеником Парфеном Сомовым. Показана граница Томского и Кузнецкого уездов в междуречье Оби и Томи


БЕРДЬ
ЦКОЙ
ТОЛЬ
ИНЯ

и Уртамский, построенный в 1684 г.[40] Отсутствие Умревинского острога, возведённого в 1703–1706 гг.[41], позволяет датировать топооснову («старый чертеж») в пределах 1685–1705 гг.

Красными прерывистыми линиями на копии чертежа показаны основные дороги, соединявшие Томск и Кузнецк. Жёлтой полосой обозначена утверждённая сибирским губернатором граница между уездами, вдоль которой помещена надпись: «Городовые межи Томской город с Кузнецким городом» (рис. 30). На схематичном чертеже граница начиналась от левого берега Томи в устье р. Унги, шла почти по прямой до устья р. Тарспы, впадающей слева в Уень, как тогда называлась современная река Иня. Далее межа продолжалась по реке Тарспе до её истоков, откуда выходила на устье Берди.

Чтобы предотвратить дальнейшие споры, губернатор приказал: «Томским ни за каким промыслом на кузнецкую сторону отнють ходить не велено, також и кузнецким на томскую. А которые поселились по реке Берде по обе стороны, тем быть в ведении под Кузнецким» (док. № 39). В результате весь бассейн Берди и верхнее течение Ини официально отошли к Кузнецкому уезду.

Наряду с указом о разграничении томских и кузнецких земель, 3 апреля 1717 г. в Кузнецк пришёл ещё один указ сибирского губернатора. Кузнецкому коменданту полковнику Б. А. Синявину предписывалось: «Вскорости на Бие и на Катуне сделать город в крепком месте или где пристойнее будет, и посадить служилых людей и начального доброго. Також сделать острог на Алтыне озере (Телецком озере. — *Авт.*), из которого течет Бия река, и в ыных местех: на Чумыше и в ясачных волостях остроги строить же» (док. № 39)[42]. Здесь впервые прозвучало намерение сибирских властей построить крепость на Чумыше.

6 апреля Борис Синявин отправил бердскому приказчику наказную память с изложением указов М. П. Гагарина, а 11 апреля к Бердскому острогу по берегу Оби подошёл отряд томских служилых людей «человек с семьдесят с ружьем, с луки и с пищали, со знаме[не]м» (док. № 40). Командовал служилыми дворянин Фёдор Родионович Качанов[43], родной брат Ивана и Осипа Качановых, которые в начале XVIII в. в разные годы были воеводами в Томске и Кузнецке[44].

Фёдор Качанов родился в Сибири в 1648 г., начинал службу «в тобольских слободах писцом». В 1689 г. он был пожалован в дворяне, на следующий год вызван в Москву и отправлен в Якутск для розыску по ясачным делам. С тех пор биография Фёдора Родионовича оказалась связана с Восточной Сибирью: в 1698 г. он был назначен комендантом в Илимск, в 1709 г. — воеводой в Нерчинск, неоднократно ему поручались различные «розыски» в разных городах от Енисея до Забайкалья. В Сибирском приказе Фёдор Качанов был на хорошем счету, его ценили как одного из

---

[40] В справке, предоставленной Томской воеводской канцелярией Г. Ф. Миллеру в 1734 г., указывалось: «Уртамской острог о дву башнях огорожен стоячим тыном, а поставлен в 193-м году [сентябрь 1684 — август 1685] столником и воеводою князем Юрьем Колцовым-Мосалским по грамоте из Сибирского приказу» (РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Л. 96 об. — 97). Позднее основатель Уртамского острога томский сын боярский Юрий Соболевский сообщал, что приказ о строительстве состоялся в 7191-м году (1683 г.), летом 7192-го года был приготовлен лес для острога, а следующей весной (1685 г.) казаки «пришед на Уртам, острог поставили двемя башнями» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 750. Л. 127–128. Опубл.: Из истории земли томской: сб. док. и материалов. Вып. 1. Томск, 1978. Док. № 28, с. 60). «Книга мытная Томского города» за 7195 г. (1687 г.) уже содержит перечень пашенных крестьян Уртамского острога (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 868. Л. 886–886 об. Опубл.: http://forum.vgd.ru/602/35294/0.htm?a=stdforum_view&o). Авторы «Летописи сибирских городов» ошибочно указывали, что острог «поставлен в июне 1684 г. казачьим отрядом томского сына боярского Ю. Соболевского», но при этом не дали ссылок на источник этих сведений (Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 278). Г. Ф. Миллер также ошибался, когда писал, что Уртамский острог был «построен в 1692 г. по указу Сибирского приказа из Москвы» (Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. Наука. 1988. С. 76).

[41] В справке из Томской воеводской канцелярии, представленной Г. Ф. Миллеру в 1741 г., сообщалось: «Умревинской острог заведен в 709 годе» (РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Л. 152). Сам Миллер, неизвестно по каким источникам, писал, что острог «построен в 1706 г., однако его заселение начато лишь в 1708 г.» (Историко-географическое описание Томского уезда… С. 76). Авторы «Летописи сибирских городов», без указания ссылок, писали, что острог поставлен в 1703 г. на р. Умрева, а заселение местности крестьянами началось с 1706 г. (Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 277). Действительно, в «Книге пришлым людям в Томск» имеется запись: «707 года августа 20 — Павел Васильев сын Другов, явился в Умревинской слободе, родом устюженин Кычинской слободы житель» (РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1452. Л. 411 об. Цит. по: Генеалогический форум ВГД (Всероссийское генеалогическое древо). URL: http://forum.vgd.ru/post/602/35294/p924607.htm).

[42] О том же указе см.: РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 12 об. В этом документе временем получения указа называлось 3 апреля.

[43] Впервые цитируемый документ изучил и использовал Ю. С. Булыгин, который прочитал фамилию Качанова как «Кичиков» (ГААК. Ф. Р–1765. Оп. 1. Д. 72. Л. 37 об. — 38). По этой причине в его статье об основании Бердского острога руководитель томского отряда ошибочно назван Федором Кичиковым (Булыгин Ю. С. К истории возникновения городов Новосибирской области… С. 317–318).

[44] Шашков А. Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 303–305, 324 (прим. 15, 20).

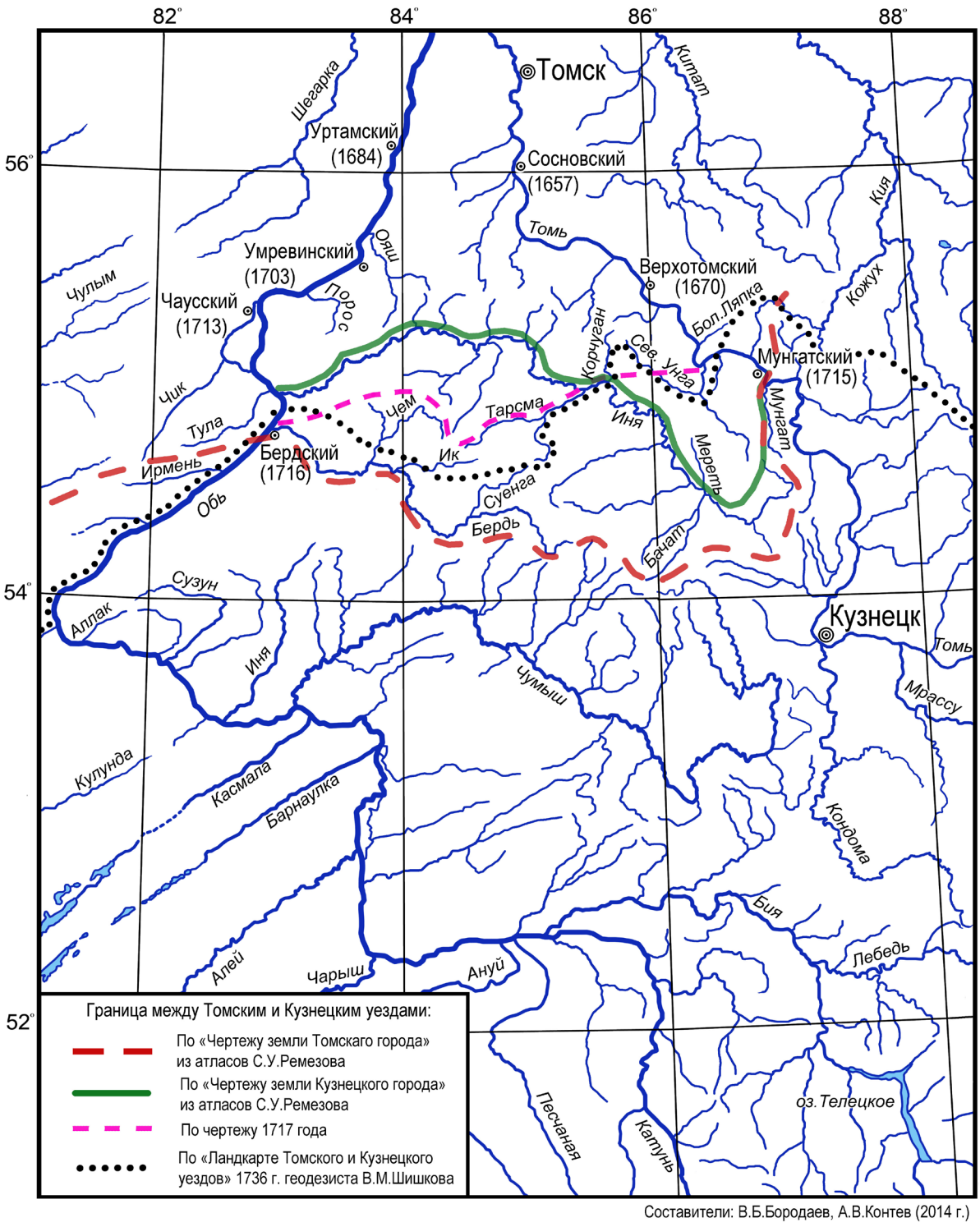


Рис. 32. Реконструкция линии границы между Томским и Кузнецким уездами по чертежам 1700–1736 гг.

наиболее инициативных управляющих Восточной Сибири в петровское время. В январе 1724 г. Ф. Р. Качанов вспоминал: «В 1716 году определен я в Томск комендантом для сбору ратных людей, и выслал оных 1200 человек в Тобольск. В 1717 году, по указу бывшаго губернатора князя Гагарина, переменен я из стольников и послан в Тобольск, где по болезни моей уволен», после чего он постригся в монахи[45]. По сведениям документа, со-

[45] Ответ Ф. Р. Качанова, который с 1710 по 1715 год начальствовал над Нерчинскими заводами / сообщено В. Н. Берхом // Московский телеграф. 1826. Ч. 9, № 12. С. 251–259; Пензин Э. Л., Шашков А. Т. «Дело монаха Феодосия» (материалы к биографии сибирского администра-

зданного в 1719–1720 гг., Фёдор Качанов исполнял должность томского коменданта с 30 июня по 15 августа 1717 г.[46]

По словам приказчика Ивана Буткеева, руководитель отряда Фёдор Качанов заявил ему: «Приехал де я ныне на Бердь по указу великого государя для того, [что] не поверил губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин томскому каменданту князю Щербатову, ни Борису Синявину. А ныне де они под моей командою. И бутто велено ему розыскать про Бердь, и розмежевать землю, и по розыску казнить и вешать» (док. № 40). От бердского приказчика Качанов потребовал провожатого до Кузнецка «для посылки своего служиваго человека и до Чюмышу, где велено город строить». Однако Буткеев, сославшись на отсутствие распоряжений своего кузнецкого начальства, подвод томскому отряду не дал и «в Бердевском остроге розыскивать… ему не велел».

Ю. С. Булыгин выражение «до Чумышу, где велено город строить» считал фразой самого Качанова, который «требовал проводника и подвод до р. Чумыш, где ему будто бы было велено строить город»[47]. Однако эта фраза могла быть лишь пояснением И. Буткеева, который, вероятно, уже получил наказную память от 6 апреля и знал о планах Синявина строить новый острог на Чумыше. Поведение бердского приказчика, фактически отказавшегося исполнять приказы томского коменданта, свидетельствует в пользу того, что он уже знал о недавних распоряжениях М. П. Гагарина.

Описанный конфликт стал последним на границе двух соседних уездов. Указ сибирского губернатора возымел действие. Спустя четверть века в описании Томского уезда, составленном в 1739–1741 гг. геодезистом Иваном Ивановичем Шишковым, граница с Кузнецким уездом была обозначена следующим образом: «От вершины реки Черного Июса на вершины Кии и по впадающим в нея речкам великими каменными горами. На вершинах Черного Июса и Кии снеговые горы. Оными горами на вершину речки Болшой Ляпки, а с вершины к реке Томе на камень Урлоковской, и чрез реку Томь на вершину речки Северной Унги, на усть речки Карчуган, впадающих в реку Иню вниз с правой стороны. Оттуды на устье речки Тарсмы, по оной до озера Танаева и на вершину речки Суенги, впадающую в реку Бердь вниз с правой стороны. И вниз по правой стороне реки Берди до устья оной реки, впадает в реку Обь вниз с правой стороны»[48].

Приведённое выше описание Ивана Шишкова дополняется картой Кузнецкого уезда, составленной весной 1736 г. геодезистом Василием Михайловичем Шишковым (рис. 31). Этот чертёж позволил уточнить линию уездного размежевания и нанести её на современную топооснову (рис. 32). Все русские деревни по берегам Берди на карте 1736 г. показаны в Кузнецком ведомстве. К Кузнецкому же уезду отошло по распоряжению М. П. Гагарина и верхнее течение Ини (выше устья рек Тарсьма и Корчуган). Традиционная граница конца XVII в. по реке Мунгат была перенесена вниз по Томи, ближе к устью р. Унги. На карте В. М. Шишкова эта граница показана вдоль реки Березовки (левый приток Томи), около устья которой она пересекала Томь и выходила на «камень Урлоковской». Сейчас в Кемеровской области в этом месте на правом берегу Томи расположено село Камешек. Далее уездная граница шла к верховьям речки Большая Ляпка, а оттуда по водораздельным хребтам уходила к истокам Кии и Чёрного Июса.

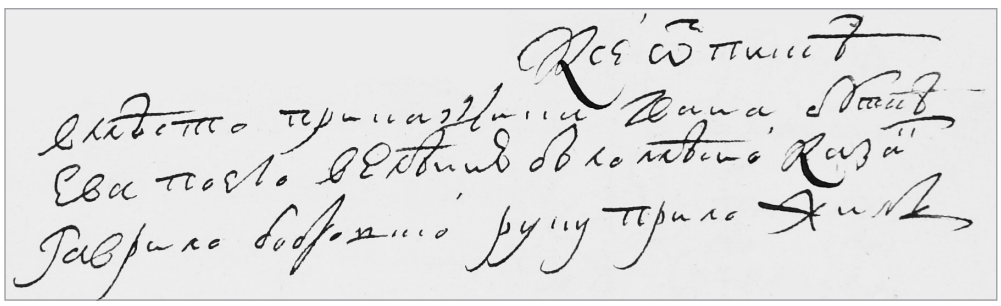
В целом к середине XVIII столетия на обском правобережье сохранялась та же граница между Томским и Кузнецким уездами, которая была установлена М. П. Гагариным в марте 1717 г.

тора Ф. Р. Качанова) // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 113–118.

[46] С бытности губернаторской коменданты… Томск, 1891. С. 2, 13.

[47] Булыгин Ю. С. К истории возникновения городов Новосибирской области… С. 318.

[48] Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. / сост. В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб., 2010. С. 64–65.



Подпись за первого приказчика Бердского острога неграмотного Ивана Буткеева: «К сей отписке вместо прикащика Ивана Буткеева по его велению беломесной казак Гаврило Бобровской руку приложил». 1717 г.

Документ № 36

1710 г. февраль. **— Из составленной в Сибирском приказе справки о снабжении хлебом кузнецких служилых людей. Приведены сведения о пашенных землях по речке Мунгат, записанные в 1701 г. по рассказам кузнецких служилых**

(л. 3 об.) <…> Да в Сибирском приказе кузнецкие дети боярские Степан Валищевский, Василей Вязигин с товарыщи сказали:

В Кузнецком уезде на речке Мунгате, идучи от Кузнецка к Томскому на половине дороги, к поселению[49] и к пашне земли добрые и угодные есть, и сенных покосов и рыбных ловель, и иных угодий доволно (// л. 4) на многие версты. И [о]строги и деревни, и за[и]мки селить возможно. А от Кузнецка де ходу до усть той реки в судах вниз рекою Томью три дни. А от Мунгата де до Кузнецка вверх по Тому ходу в судах же вешнею болшою водою две недели с лишком. А зимней де конской дороги до той реки не бывает, потому что де места пустые.

И в том де далном месте наездом ис Кузнецка пахать земли и строить острога и деревень от малолюдства им, кузнецким жителем, невозможно. И землю пахать за далностью опасно от приходу воинских людей. А в ыных де местех около Кузнецкого пахатных угожих земель и к селитбе пристойных в близости нет.

И чтоб великий государь пожаловал их, кузнецких всяких чинов жителей, велел свое великого государя хлебное жалованье посылать ис Тобольска по-прежнему, потому что де кузнецких пашенных крестьян из их пахаты выделеного хлеба никогда не выделяют, для того что де во время приходу воинских людей на пашнях хлеб стоячей и пожатой травят и вытаптывают, и пожигают. А служилым людям за хлебные оклады под пашни земель никаких не дано для того, что когда бывают под Кузнецкой город и подъезд воинские люди, и они де в то время против воинских людей выходят, и на вылосках бьютца не щадя голов своих, и ездят в погони, и всегда бывают в отъезжих станцах и на караулех. И за тем де им, служилым людем, (// л. 4 об.) пашни пахать и хлеб снимать никоими делы невозможно.

И в 701-м году послана его, великого государя грамота в Тоболеск: велено хлебные запасы на окладные росходы впредь посылать ис Тоболска в Кузнецкой по вся годы. <…>

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1962. Л. 3 об. — 4 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 37

1714 г. января 11. **— Челобитная томского дворянина Дмитрия Лаврентева о прибавлении жалования, с рассказом о постройке им Чаусского острога**

(л. 153) Державнейший царь, государь милостивейший

В прошлом 1713 году июня в ___ де[нь] по указу вашего величества и по наряду ис Томска столника и каменданта Романа Александровича Траханиотова велено мне, рабу вашему, вверх по Обе реке на усть реки Чауса, осмотря удобных мест, где б прилично от приходу неприятелских воинских людей, построить вновь острог. А около того острога велено выкопать глубокия рвы, и устроить рогатки, и поставить надолбы.

И по тому вашего величества указу я, раб ваш, осмотрил удобное место на усть вышеписанной реки Чауса в новой поселенной Анисимовой деревне, которая стоит под волоком Барабинския степи. И в той, государь, деревне острог я построил пришлыми людми ишимцы вышеписанного ж 713 году июня з 29 числа да сентября по 4-е число. Весь рубленой в две стены с преградами и покрыт весь тесом. А по углом, государь, того острога построены четыре башни, да в стенах две башни с проезжими ворота и з запускными решетки. И покрыл те все башни в две тесницы[50]. А мерою, государь, тот острог: длина пятдесят сажен, поперег тритцет сажен (// 153 об.) печатных.

А около того острога с трех — с полуденную, и з западную, с северную — стран выкопан глубокий ров, а от восточныя страны вышепомянутая река Чаус, которая течет с южная страны под север. А подле рва устроены рогатки. А от Чауса реки с южной страны к западу поставлены надолбы до болшаго озера, которое обошло с южные страны к северу.

И о том острожном строении, и в каких крепостях он построен, послал я, раб ваш, в Томск, в приказную полату под отпискою чертеж.

---

[49] В тексте: к повелению.

[50] Теснина, тесница — доска; встарь не пилили досок, а кололи бревно пополам, и вытесывали из половинника по доске (Тесать // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка).

Да я ж, раб ваш, по указу вашего величества отправил посланную вашего величества казну с енисейским дворянином Федором Истопниковым, которая остановилась за поздым вешним путем в Барабинской степе в прошлом же 713 году подле озера Убы. И под тое, государь, казну собрав я, раб ваш, сто дватцет подвод с них же, пришлых ишимцов, да тритцет человек беломесных казаков, и ездил с ними в помянутую Барабинскую степь. И тое вашего величества казну, приняв на подводы, и довез во всяком охранении до вышепомянутой Онисимовой деревни. А в Онисимовой деревне, управя суды, отпустил тое вышеписанную вашего величества казну с провожатыми вниз по Обе реке.

И о том отправлении писал я, раб ваш, в отписке своей в Томск в приказную полату.

А ныне я, раб ваш, окладом при своей брате зело умален: (// л. 154) девять рублев, хлеба девять юфтей, соли два пуда.

Всемилостивейший государь, прошу вашего величества да повелит державство ваше за мою, раба вашего, работишку и за вышеписанное острожное строение прибавить к прежнему моему окладу вновь денежного, и хлебного, и соляного жалования, что поволит державство ваше.

Вашего величества нижайший раб томской дворянин Дмитрей Лаврентев. 1714 году генваря 11 дня.

На подлинной черной челобитне подписано тако: К сему прошению Дмитрей Лаврентев руку приложил.

РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Док. № 39. Л. 153–154. Копия 1741 года. Публикуется впервые.

Документ № 38

1716 г. августа 7. **— Донесение коменданта Бердского острога Ивана Буткеева кузнецкому воеводе Б. А. Синявину о военной разведке в Причумышье и стычке с подданными ойратского правителя**

(л. 116 об.) Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца полковнику Борису Акимовичю Иван Буткеев челом бьет.

Нынешнего 716 [1716 года] июля 20-го дня, по ведомости пойманнаго полонянина калмыка, которой послан в Кузнецк, и от воинскаго случия, в вышепомянутое число посылал из Бердевскаго острога по всем бердевским и чюмышским деревням жителям. И по тем ведомостям всех деревень жители от воинскаго случия в острог съехались.

И того ж июля 25-го дня чюмышские жители: беломесной казак Гаврила Кароль бил челом великому государю, а мне в судной избе словесно говорил, чтоб великий государь пожаловал, велел ево, Гаврила, с родичи ево отпустить дом свой досмотреть.

Того ж июля в вышеписанное число ево, Гаврила, отпустил, да с ним, Гаврилом, послал беломесных казаков Степана Алькова во шти человек для проведования от воинскаго случия и подъездов, и велел им ехать за Чюмыш-реку и проведать в верстах в десяти и в полуторе.

И будучи он, Степан, с товарищи в тех урочищах в степи, (// л. 117) наехали встречю на воров на шесть человек калмыков. И те калмыки напуск на Степана с товарыщи дали и стрелять из луков по них учели. И Степан с товарыщи из огненнаго ружья бой с ними дали, оных обронели. И они, калмыки, от них побежали. И тех калмыков до стану их догнали и тут их, калмыков, и двух баб с ними побили. И на том бою дву робят в полон взяли и привезли в Бердевской острог.

И сего августа 7-го дня послал я из Бердевскаго острога вышепомянутаго казака Степана Алькова с товарыщем, да с ним двух полонных калмыцких робят и велел им полонных ребят явить и отписку подать в Кузнецку в приказной избе полковнику Борису Акимовичю.

[*Канцелярская помета:*] Таковую отписку подал берской беломесной Степан Алков августа в 12 день.

(л. 117 об.) [*Канцелярская помета:*] Отписку взять в столп. Приводнаго колмыка роспросить, в которых урочащах контойшиные белые колмыки кочюют и под Кузнецкой войною у них намерения ес[ть] ли, и что у них прибылых людей.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 4. Л. 116 об. — 117 об. Подлинник.

Ранее опубликовано: Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула: учеб. пособие. Барнаул, 2000. Док. № 4, с. 46–47.

Документ № 39

1717 г. апреля 6. **— Память кузнецкого коменданта Б. А. Синявина приказчику Бердского острога Ивану Буткееву с изложением указов сибирского губернатора М. П. Гагарина о размежевании Томского и Кузнецкого уездов и о необходимости строительства города на Бие и Катуни, а также острогов в Приобье**[51]

(л. 8) 1717-го апреля в 6[52] де[нь]. По указу в[еликого] г[осударя]. Память берскому прикащику Ивану Буткееву:

Сего апреля 1-го дня[53] в указе в[еликого] г[осударя] за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина в Кузнецк к полковнику Борису Акимовичю Синявину написано:

Писал де ис Томска обор камендант князь Иван Щербатой:

По указу де в[еликого] г[осударя] велено ему, обор каменданту, розыскать о реке Берде: в Томском та река уезде или в Кузнецком. И по тому ево розыску о той реке Берде, в Томской канцелярии не сыскано, что та река Томского ль уезду или Кузнецкого, ведения де никакого нет. Кроме что с тех крестьян, которые по Берде, оброк брали в Томском в 713-м и 714-м годех.

И по розсмотрению губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено по старым сибирским чертежам той реке Берде быть в Кузнецком уезде, потому что в чертежах старых река Бердь (// л. 8 об.) написана в Кузнецком уезде. И межа положена против старых же чертежей города Томского с Кузнецким городом: от Оби реки, от устья реки Берди, да на вершину реки Тарспы, и тою рекою Тарспою вниз до реки Уеня, и чрез реку Уень на реку Томь, на усть реки Унги. Чему и чертежи присланы равные в Томской и в Кузнецкой за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина.

И градская межа томская с кузнецким означена именно то, [что] по тому чертежу и владеть велено. А томским ни за каким промыслом на кузнецкую сторону отнють ходить не велено, також и кузнецким {не велено} на томскую. А которые поселились по реке Берде по обе стороны, тем быть в ведении под Кузнецким, и никуда с тех мест на иные места (// л. 9) в Томской уезд переселиватца отнюдь не велеть. Також и ис Томского уезда отнюдь ни единого человека перепущать не велено. /А будет, которой прикащик перепустит кого в Кузнецкой уезд крестьян или гулящих, и за то учинена ему будет смертная казнь/.

Да сего ж апреля 1-го дня[54] в письме губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина к полковнику Борису Акимовичю Синявину писано:

Велено вскорости на Бие и на Катуне зделать город в крепком месте или где пристойнее будет, и посадить служивых людей и начального ч[еловека] доброго. Також зделать острог на Алтыне озере, ис которого течет Бия река, и в ыных местех: на Чумыше и в ясачных волостях остроги строить же.

И о том /строении/ в Кузнецку указ в[еликого] г[осударя] служивым и всякого чину людем объявлен, дабы к походу для строения города и острогов в половине месяца майя были все в готовности. (// л. 9 об.)

И тебе б чинить по вышеозначенному в[еликого] г[осударя] указу: отнюдь томских крестьян и Томского уезду гулящих оброчных людей в Кузнецкой уезд ни единого ч[еловека] не пущать. /И ежели кого ты пропустишь {...?} к себе примешь, то против указу в[еликого] г[осударя] учинено тебе будет бес пощады/.

А берским и чумышским всем жителем велеть, кончая, готовым быть с ружьем и з запасы к строению новаго города и острогов. И сколько в готовности будет, пересмотря, переписать. И та имянная роспись прислать немедленно в Кузнецкой майя в первых числех.

{А ежели ты для каких своих бездельных корыстей кого томских крестьян и гулящих оброчных людей в Кузнецкой пропустишь, то по указу в[еликого] г[осударя] за противность учинена будет тебе казнь смертная}.

---

[51] В фигурных скобках при публикации даются слова и фразы, зачёркнутые в документе. В косых скобках помещены авторские вставки при редактировании документа. В квадратных скобках заключены пояснения составителей.

[52] Первоначально было написано под титлом «А» (число 1), затем исправлено на «S» (число 6).

[53] Число обозначено буквой «А» под титлом. Однако в 1757 г. при пересказе этого указа в Кузнецкой воеводской канцелярии писали, что документ получен в Кузнецке «апреля 3 1717 года» (ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 91 об.).

[54] Число обозначено буквой «А» под титлом. Однако в письме кузнецкого коменданта Бориса Синявина в Томск, написанном в том же апреле 1717 г., дата получения указа обозначена буквой «Г» под титлом, то есть 3 апреля.

А которые до сего в[еликого] г[осударя] указу пришли в Кузнецкой уезд пришлыя люди, и тем велеть всем к городовому строению быть в готовности. А с сего указу томских крестьян и гулящих отнють не пущать, за что будешь казнен смертию.

Такова послана и на Мунгат.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–9 об. Черновой отпуск. Публикуется впервые.

Документ № 40

1717 г. апреля 12. **— Отписка приказчика Бердского острога Ивана Буткеева кузнецкому коменданту Б. А. Синявину с рассказом о приезде в острог отряда томских служилых людей под командованием Фёдора Качанова**

(л. 17) Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца его царскаго пресветлаго величества полковнику Борису Акимовичю Синявину Иван Буткеев челом бьет.

Сего 717-го году апреля в 11 де[нь] усмотрели мы из Бердевскаго острога по Обе реке человек с семьдесят с ружьем, с луки и с пищали, со знаме[не]м. И обрався того острога жителей, и вышел на берег, чаем, что воинские воровские люди. И увидя в близости томских служилых людей, едут с Федором Качановым в острог. И я их пустил и дал фатеру[55].

И на фатере Федор Качанов словами всяко меня угрожал, бутто я велел бердевским беломесным казакам и оброчным людем у пищалей зводить курки. И говорил он, Федор, мне: приехал де я ныне на Бердь по указу великого государя для того, [что] не поверил губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин (// л. 17 об.) томскому каменданту князю Щербатову, ни Борису Синявину. А ныне де они под моей командою. И бутто велено ему розыскать про Бердь, и розмежевать землю, и по розыску казнить и вешать.

И просил он, Федор Качанов, у меня до Кузнецка вожа для посылки своего служиваго человека и до Чюмышу, где велено город строить. И в том ему я отказал, и подвод не дал. И он, Федор Качанов, велел бердевскаго острога беломеснаго казака Ивана Архипова поймать, и допрашивал, и угрожал ему, и пытать хотел, чтоб он сказал на меня, бутто я велел бердевским беломесным казакам и оброчным людем у пищалей курки зводить и по нем, Федоре, стрелять.

И о вышепомянутом розыске бес послушного ис Кузнецка указу в Бердевском остроге розыскивать я ему не велел. И при поезде из Бердевскаго острога он, Федор, (// л. 18) звал меня к себе, и хотел поймать и увесть в Томской. И от тех ево, федоровых, угроз, бояся ево, многие Бердевскаго острога и оброчные люди разбежались.

И сего ж апреля 12-го дня по указу великого государя сию отписку послал я из Бердевского острога с кузнецким конным казаком Дмитреем Улемжею и велел ему явить и отписку подать в Кузнецку в приказной избе полковнику Борису Акимовичю Синявину.

[*Подпись:*] К сей отписке вместо прикащика Ивана Буткеева по его велению беломесной казак Гаврило Бобровской руку приложил.

(л. 18 об.) [*Помета в Кузнецкой канцелярии:*] Отписку взять к отписком. И о приезде на Берть Федора Кочанова в Тоболской губернатору князю Матвею Петровичю писать.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 17–18 об. Подлинник. Публикуется впервые.

[55] Фате́ра — искаженное: квартира, помещение, жильё (Фатера // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка).

Глава 13

К южным горам, где золото копают (январь 1716 — июнь 1717)

В январе 1716 г. при встрече с вернувшимися из Китая Фёдором Трушниковым и Фёдором Самарцем Пётр I узнал о месторождениях золота на северо-западной окраине Цинской империи, недалеко от озера Кукунор. Как пояснял Трушников, «те де горы пошли от сибирских городов, от Иртыша, и от Томска, и от Иркуцка» (док. № 27).

О горах, которые протянулись от верховий сибирских рек до Великой китайской стены, россияне тогда знали весьма смутно. По географическим представлениям того времени, всю Северную Евразию пересекали «Хребтовые горы», каменный пояс которых на западе, начинаясь на Урале, первоначально тянулся с севера на юг до земель калмыков. Как писал датский купец Избрант Идес, ездивший в 1692–1695 гг. в Китай во главе русского посольства, «далее горы идут на восток, вдоль калмыцкой степи и границ Сибири, мимо двух озер». Идес пояснял, что из этих озёр берут своё начало реки Иртыш и Обь[1], причём от истоков Иртыша «упомянутые Хребтовые горы вновь поворачивают на юг, и здесь берет свое начало Енисей». Фактически речь шла об Алтайских горах и Западном Саяне, хотя такие географические названия Идес не использовал. «Еще южнее, — продолжал автор описания Хребтовых гор, — Пояс изгибается… на юг, мимо озера Косогол, из которого берет свое начало река Селенга, впадающая в Байкальское озеро. Отсюда Пояс идет еще далее, до песчаной пустыни, в монгольскую землю, и после нескольких дней пути по этой пустыне покидает ее и опять продолжает свой путь на юг, вплоть до Великой китайской стены, и далее на восток, до Корейского моря»[2].

Судя по приведённому отрывку, ближе всего к тем местам, где добывали золотой песок калмыки «китайского владенья», располагались вершины рек Селенги и Енисея. Очевидно, поэтому Гагарин в январе 1716 г. предложил царю новый план военного проникновения к золотоносным районам южного соседа России. Вместо движения вглубь Ойратского государства, где, по сведениям Трушникова, «у контайши во всем владенье песошного золота нет» (док. № 28), губернатор предложил строить российские крепости в верхнем течении крупнейших сибирских рек, продвигаясь к их истокам, всё дальше и дальше в горы.

По собранным нами отрывочным документальным свидетельствам можно определённо говорить о возникновении такого плана в начале 1716 г. и одобрении его царём. Однако детали нового замысла Матвея Петровича Гагарина до конца не ясны. Как должны были развиваться события после закрепления российских войск в истоках великих сибирских рек? В переписке 1716 г. ответ на этот вопрос мы не находим. В марте 1717 г., сообщая в Санкт-Петербург о своих дальнейших планах, сибирский губернатор писал: «По Енисею реке вверх до Саянского камени и за Саянским каменем велел ныне же делать крепости» (док. № 43). Следовательно, по замыслу Гагарина, очередные российские укрепления должны были быть построены у южных склонов Саянских гор. Губернатор считал, «что оттоль многим способнее» двигаться к золотоносным месторождениям, где побывал Фёдор Трушников (рис. 33).

План Гагарина, предложенный царю в мае 1714 г., имел конечной целью захват золотых промыслов около города Яркенда. Это было одобрено монархом и озвучено в его именных указах. Что являлось конечной целью нового замысла М. П. Гагарина, о котором он доносил Петру I в январе 1716 года? В известных нам документах про планируемый захват золотоносных приисков на землях китайских подданных ничего не говорится. Однако для предположений о том, что после выхода к Кукунору российские отряды намеревались начать поиски собственных месторождений драгоценных металлов, тоже нет никаких оснований. Вместе с тем, не вызывает сомнений, что грандиозный план военного продвижения через Алтайские и Саянские горы на юг,

[1] В описании Идеса ошибочно указано, что Обь берёт начало из озера Зайсан, а Иртыш из озера Калькулан (Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о посольстве в Китай / пер. М. И. Казанина. М., 1967. С. 274).

[2] Там же. С. 274.

72°
78°
84°
90°
96°
52°
48°
44°
40°
36°
Омь
Томск
Красноярск
Кан
Омская крепость
оз. Чаны
Чаусский острог
Томь
Енисей
Бердский острог
Обь
Железинская крепость
Абаканский острог
Кузнецк
Белоярская крепость
Туба
Иртыш
оз. Кулунда
Абакан
Саянский острог
Бикатунская крепость
Ямышевская крепость
Бия
1
2
Долонская крепость
Семипалатная крепость
Катунь
оз. Телецкое
3
Хемчик
оз. Убсу-Нур
А Л Т А Й
Кобдо
4
Аягуз
оз. Балхаш
оз. Зайсан
Чёрный
Иртыш
Эмель
Лепсы
оз. Алаколь
горный проход Джунгарские Ворота
Урунгу
Или
5
Боро-Тала
оз. Эби-Нур
Кульджа
Каш
Манас
Урумчи
Баркуль
6
оз. Иссык-Куль
Кюнес
Текес
Турфан
Хами (Комул)
Юлдуз
Т Я Н Ь Ш А Н Ь
Хайдык-Гол
Карашар (Чалуш)
Куча
Аксу
Аксу
Карла (Курля)
п у с т
Тарим
Конче
Кашгар
оз. Лобнор
Кашгар
п у с т ы н я
Т а к л а - М а к а н
Яркенд
Яркенд
Черчен
Хотан
Керия
Хотан
Керия
Ния
в п а д и
Ц а й д

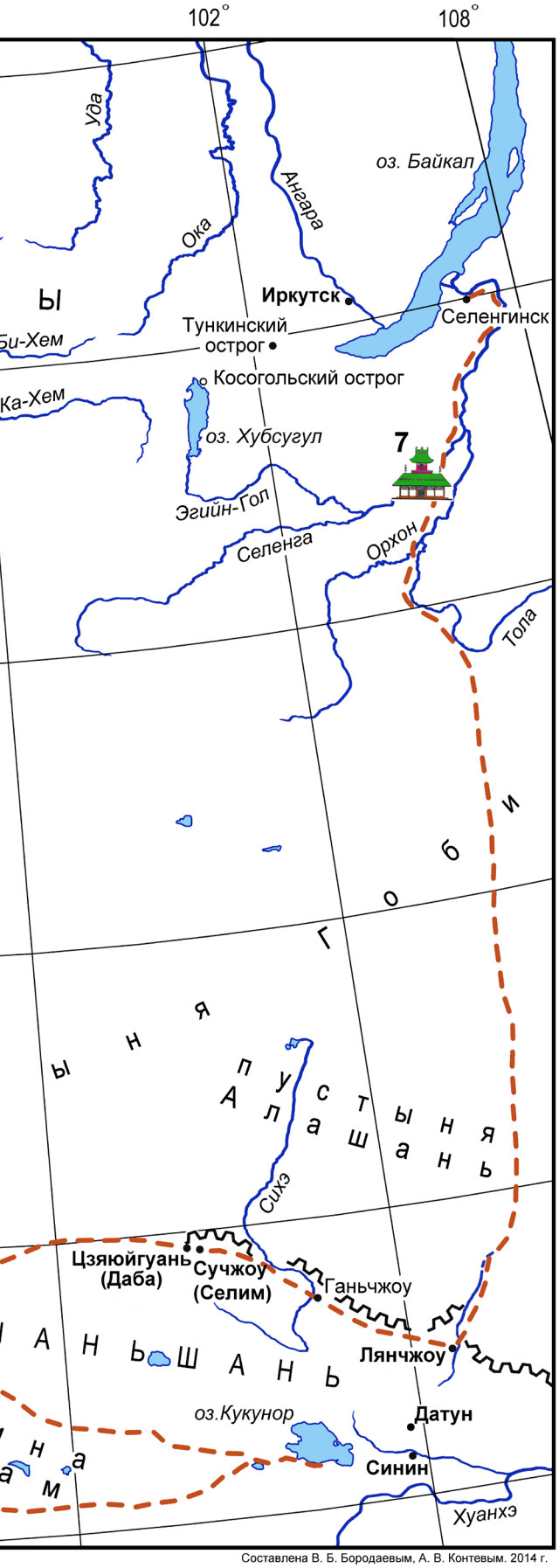


Рис. 33. План сибирского губернатора М. П. Гагарина по военному продвижению к местам золотодобычи в Центральной Азии.

Кружками обозначены места, намеченные для возведения российских крепостей, в том числе построенных к 1718 г. Косогольского и Саянского острогов, Бикатунской и Семипалатной крепостей, а также не построенных: *1* — на Большом пороге Енисея; *2* — на Енисее в устье реки Хемчик; *3* — на Телецком озере, *4* — на озере Зайсан. Указаны места зимнего (*5*) и летнего (*6*) кочевий хунтайджи (Урга). На реке Орхон обозначена резиденция кутухты — ламаистского первосвященника в Монголии (*7*). Пунктиром показан реконструируемый авторами маршрут Фёдора Трушникова в 1713–1715 гг.

к озеру Кукунор и истокам Хуанхэ, был порождён сведениями Ф. Трушникова и Ф. Самарца о китайском золоте.

Пётр I одобрил новый замысел сибирского губернатора, о чём свидетельствует именной указ царя, который упомянут в распоряжении М. П. Гагарина иркутскому коменданту Ермолаю Прокопьевичу Любавскому, датированном январём 1716 г. На основании этого указа губернатор послал в Иркутск предписание «зделать город и умножить людьми на озере Косогол, из которого выпала река Селенга»[3]. Сейчас это озеро расположено на территории Монголии и называется Хубсугул. В действительности из него вытекает не Селенга, а её левый приток — река Эгийн-гол, которая на русских картах XVIII в. именовалась «Ига». Верховья Селенги находятся южнее. Однако Гагарин, вслед за Идесом, ошибочно представлял, что из озера Хубсугул вытекает Селенга.

Жившие около озера Косогол тюркоязычные племена сойотов в XVII в. были данниками восточномонгольских правителей. После строительства на реке Иркут Иркутского (1661 г.), а затем Тункинского (1676 г.) острогов обитатели верхнего течения реки Иркут и окрестностей озера Косогол стали платить ясак русскому царю[4]. К началу XVIII века кочевавшие там сойоты относились к ведомству Тункинского острога. Предписанное Петром I строительство города на озере Косогол не было вызвано административной необходимостью и находит объяснение только в контексте нового плана М. П. Гагарина, который обсуждался с царём в январе 1716 г.

---

[3] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 28. Док. № 10. Л. 46. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. Док. № 123, с. 169. Впервые опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 27, с. 84–85.

[4] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 295–298. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 55).

Ермолай Любавский, стольник и илимский комендант в 1714–1716 гг., на которого М. П. Гагарин в январе 1716 г. возложил исполнение царского указа о строительстве города на озере Косогол, приехал из Илимска в Иркутск 30 августа 1716 г. Там он сменил бывшего иркутского коменданта Лаврентия Ракитина[5]. Сведениями о деятельности Любавского по исполнению именного указа мы не располагаем[6]. Ясно только, что ситуация, сложившаяся к началу 1717 г., Гагарина совершенно не удовлетворяла. 14 января 1717 г. находившийся в Тобольске сибирский губернатор отдал повторный приказ о постройке города на Косоголе-озере Лаврентию Родионовичу Ракитину, которого вновь называл стольником и комендантом Иркутска.

Текст указа был выдержан в жёстких тонах: «И как ты сей указ получишь, и тебе б для осмотрения места крепкого и для строения того города ехать тебе из Ыркуцка самому без всякого отлогательства. <…> И всеконечно город на Косоголе… зделать, прося помощи от бога (или острог хотя наперво небольшой). И людей послать нарочных, и сказать им при той посылке их, что естли мунгалы будут збивать их с того места, то бы сидели в осаде, а отнюдь бы той крепости не отдавали. А естли здадут, то будут казнены смертию». Суровость этой формулировки, очевидно, отражала реакцию М. П. Гагарина на сдачу Ямышевской крепости И. Д. Бухолцем. Губернатор требовал от Л. Р. Ракитина безусловного выполнения приказа, чтобы в 1717 г. «построить вскорости хотя малую крепость», поскольку «зело дело то надобно его царскому величеству»[7].

В марте 1717 г. в очередном доношении Петру I сибирский губернатор писал: «Також, великий государь, и на Касоголе озере крепость делать из Иркуцкого велел»[8]. Лаврентий Ракитин прибыл в Иркутск в апреле 1717 г.[9] Летом ему предстояло построить российский «город на Косоголе».

Вторым направлением военного проникновения в сторону Кукунора стало движение к истокам Енисея. Документально известно, что, выполняя именной указ Петра I, сибирский губернатор направлял распоряжения о строительстве новых крепостей не только иркутскому коменданту, но и коменданту Красноярска Василию Елизарьевичу Козлову. В копиях сохранился единственный указ М. П. Гагарина от 1 апреля 1716 г., адресованный В. Е. Козлову, однако из его текста становится ясно, что это уже третье губернаторское распоряжение, перед которым были «посланы к тебе два указа против имянного указу его царского величества» (док. № 41).

Именной указ царя, на который ссылался М. П. Гагарин в своих предписаниях иркутскому и красноярскому комендантам, состоялся в январе 1716 г. после встречи с Фёдором Трушниковым. Мы не знаем, оформлялся ли такой указ письменно, или это было устное распоряжение монарха лично Гагарину, но в январе губернатор уже приступил к его исполнению, о чём свидетельствует требование построить город на озере Косогол.

Скорее всего, тогда же, в январе 1716 г., был послан и первый указ в Красноярск. Его содержание восстанавливается благодаря тому, что в дошедшем до нас третьем распоряжении Гагарина от 1 апреля пересказаны и два предыдущих, отправленных Василию Козлову в январе–марте. Первый указ губернатора предписывал коменданту «ехать в скорости» в Абаканский острог, а оттуда подняться вверх по Енисею до выхода реки из Саянских гор. Там, у северных отрогов «Саянского камня», Козлов должен был выбрать место, где удобно «зделать острог, или рубленую, или земленую крепость». Если же красноярский комендант по каким-то причинам не сможет сам «вблизости Саянского камени осмотрить место, где делать город против имянного великого государя указу», ему разрешалось послать вместо себя «умного человека, кому бы мочно в том верить».

Второй приказ Гагарина касался организации обследования судоходности Енисея в Саянах и выбора места под вторую российскую крепость — у Большого енисейского порога. Из Абаканского острога «в самых лехких судах» полагалось послать отряд из тридцати казаков, во главе которых следовало поставить «дву человек нарочитых людей, умных и заобычайных». Они должны были проплыть вверх по Енисею «от Абаканского (острога. — *Авт.*) до Саянского камени, где быть крепости», запланированной в первом указе. Далее отряду полагалось подняться до Большого порога и осмотреть «у того порогу место, где б над тем Первым Болшим порогом зделать город или острог». По всему пути специально посланные с казаками подьячие должны были записывать сведения о судоходности реки: шири-

---

[5] Летопись города Иркутска XVIII–XIX вв. / сост. Н. В. Куликаускене. Иркутск, 1996. С. 23, 58, 270 (прим. 30).

[6] В «Истории Тувы» без ссылок на источники указано, что острог был построен в 1716 г. (Потапов Л. П. Глава 7. Тува в составе монгольских государств Алтын-ханов и Джунгарии (XVII — первая половина XVIII вв.) // История Тувы. Т. 1. М., 1964. С. 212; История Тувы. 2-е изд., исправл. и доп. Новосибирск, 2001. С. 187). Нам представляется, что это явная ошибка.

[7] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 28. Док. № 9. Л. 45–45 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М., 1978. Док. № 129, с. 173.

[8] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 118. Опубл.: Русско-китайские отношения в XVIII веке… Док. № 138, с. 181. О том же Гагарин сообщил в письме кабинет-секретарю А. В. Макарову (см. ниже док. № 43).

[9] Летопись города Иркутска XVIII–XIX вв. / сост. Н. В. Куликаускене. Иркутск, 1996. С. 23, 58, 171, 291 (прим. 81).

не русла, порогах и основных притоках. Конечной точкой предписанного во втором указе маршрута было устье «реки Кеми, которая впала в реку Енисей выше Саянского камени» (док. № 41).

Речь шла о современной реке Хемчик, левом притоке Верхнего Енисея. По представлениям Гагарина, эта река впадала в Енисей южнее Саянских гор. Таким образом, по замыслу губернатора красноярским разведчикам поручалось, двигаясь вдоль Енисея, пересечь Саянские горы и выйти к их южным отрогам, откуда степью было уже не так далеко до китайских золотых россыпей. Надо ли объяснять, насколько обманчивы и неверны были такие географические представления Гагарина о Енисее и Саянах!

Мысль о «реке Кеми», впадающей в Енисей за Саянскими горами, не оставляла сибирского губернатора, и 1 апреля 1716 г., в дополнение к двум уже посланным приказам, он отправил в Красноярск свой третий указ, где опять говорилось о строительстве нового российского форпоста на Верхнем Енисее. Если в первом указе губернатора речь шла о возведении крепости у северных отрогов Саян, во втором — о выборе места для крепости внутри Саянских гор, на самом сложном пороге Енисея, то в третьем указе предписывалось, «дабы те люди осмотрели место на той реке удобное к городовому строению» в устье Хемчика. После выбора места под крепость, «описав и зделав чертеж», казаки могли возвращаться в Абаканский острог.

Попутно им поручалось «осведомитца о реке Кандаре», о которой было известно, что она впадает в Енисей где-то выше Хемчика. Вероятно, речь шла о современной реке Кандыр-Ос в бассейне Большого Енисея[10].

О деятельности Василия Козлова по выполнению губернаторского наказа имеются отрывочные и не совсем ясные документальные свидетельства. Крупнейший современный исследователь истории Красноярского края в XVIII в. Геннадий Фёдорович Быконя в своей монографии «Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.» писал о поисках мест под два острога: «В апреле—августе 1716 г. это обследование провел отряд в 30 чел. во главе с красноярскими детьми боярскими Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым. В своем „доезде“ они дали первое подробное географическое описание Енисея в Саянских горах»[11]. Позднее, в комментариях к сборнику документов, красноярский историк пояснял, что рекогносцировку и описание мест под остроги Андрей Еремеев и Иван Нашивошников провели «в 1716–1717 годах»[12]. Между тем, во-первых, сохранившийся доезд рассказывает об одной поездке, которая явно не могла длиться два года; во-вторых, документ датирован июнем 1717 года. По нашему мнению, эта дата верна. Обследование Еремеева и Нашивошникова не могло произойти в 1716 г., поскольку в тексте их доезда началом плавания вверх по Енисею «от устья Саянского камени» названо 24 апреля (док. № 46), тогда как губернаторское предписание организовать эту экспедицию датировано 1 апреля 1716 г. (док. № 41). Невозможно представить, чтобы за три недели это распоряжение привезли из Тобольска в Красноярск, а там организовали экспедицию и на судах казаки успели подняться по Енисею до Саянских гор[13].

В своём первом письме из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову сибирский губернатор 2 мая 1716 г. писал: «Велика, мой государь, мне есть нужда между Краснова Яру и Кузнецкого зделать три городка к тем местам, что доносил я его царскому величеству, где Трушников купил у промышлеников золото… Зело вели[ка] мне в том есть нужда, дабы зделать их, и указ о том послан, и сам о том буду старатца, как возможно, прося помощи от бога» (док. № 31).

О каких трёх новых крепостях между Красноярском и Кузнецком упоминал М. П. Гагарин в этом письме? Судя по фразе «указ о том послан», речь могла идти о трёх крепостях на Верхнем Енисее, строительство которых было поручено В. Е. Козлову в январе—апреле 1716 г. Однако, так же как и на Селенге, на Енисее никакой новой крепости в 1716 г. не появилось.

---

[10] На картах 1728 и 1737 гг. река называлась «Канцара» (ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1776, 1766).

[11] Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 55; Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография [Электронный ресурс]. 2-е изд., доп., осуществленное по первой авт. редакции. Красноярск, 2013. С. 67.

[12] Быконя Г. Ф. Комментарий к № 33–40 // История Красноярска: документы и материалы XVII — первая половина XIX вв. 2-е изд., доп. и перераб. Красноярск, 2000. С. 163.

[13] Примечательно, что в своём хронологическом указателе скопированных в Сибири документов упомянутый «Доезд детей боярских Андрея Еремеева да Ивана Нашивошникова о досмотре мест около Саянскаго камени и у Большаго порогу сколь широка Енисей река, так же у Кеми реки. Nom. 101, p. 208» Г. Ф. Миллер поместил сначала под 1716 годом, а затем, зачеркнув запись, перенёс её в перечень документов 1717 г. (РГАДА. Ф. 199. Портф. 505, ч. 3. Л. 353 об., 357 об.). В своих рукописных исторических записках («Observationes historicae») Миллер указывал, что Еремеев и Нашивошников были отправлены вверх по Енисею «летом 1717 года», несмотря на то, что в воспоминанях участников этой экспедиции, записанных в 1726 г., ошибочно говорилось об их отправке «в прошлом де 1716 году». (Из «Исторических замечаний» Миллера (рукопись Архива Конференции импер. академии наук, № 73) с извлечениями и рисунками из его исследования «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis» // Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 3. СПб., 1894. Приложение XV-а, с. 75–76 (Материалы по археологии России, № 15).

Единственным районом, где в 1716 г. велось крепостное строительство, связанное с российским военным продвижением в Центральную Азию, оставался Иртыш. Как рассказано выше, там была построена Омская крепость и восстановлена Ямышевская, где остался зимовать отряд Федота Матигорова. Из того, что было намечено М. П. Гагариным в 1716 г., к весне следующего года почти ничего ещё не было выполнено. Однако сибирский губернатор был полон решимости осуществить свой план и выйти на истоки Селенги, Енисея, Оби, Иртыша.

К началу весны в Тобольске получили грамоту Петра I, составленную в Голландии по просьбе М. П. Гагарина и адресованную ойратскому правителю Цэван-Рабдану. Уже 7 марта 1717 г. губернатор дал наказ тобольскому дворянину Григорию Вильянову[14] об отправлении его с царской грамотой в Ургу[15]. Путь специального посланника губернатора лежал через Барабинскую степь «до Ямышева города» — построенного Ф. Матигоровым в 1716 г. «малого острога» на Ямышевском озере, — а от него ещё восемь дней вверх по правому берегу Иртыша. Здесь у «камени Борон-Норгун» отряд простоял десять дней: посланник отправил своих людей для поиска теленгетов, которые бы его проводили до хунтайджи (док. № 42)[16].

Понадобилось ещё четыре дня, чтобы с берегов Иртыша русское посольство приехало «в теленгуты» к тайшам Манзую[17] и Бокою, которые в это время кочевали в Обь-Иртышском междуречье «под каменем Алтаем». Узнав, что тобольский дворянин везёт царскую грамоту для ойратского правителя, тайша Манзуй дал ему «провожатых трех братей своих родных Камчюна с товарищи 26 человек» и отправил русское посольство в ставку хунтайджи (Ургу), до которой пришлось ехать ещё почти месяц: сначала через Алтайские горы, а после переправы через Иртыш степью.

27 июня русский посланник встретился с Цэван-Рабданом. Хунтайджи принял грамоту Петра I, а письмо от сибирского губернатора приказал взять одному из своих людей. Вильянов отказался отдавать «лист» М. П. Гагарина кому-либо, кроме хунтайджи, после чего к посольству приставили «крепкой караул», и Вильянов был вынужден до весны следующего года кочевать вместе с ойратским правителем (док. № 42).

После отправки посланника в Ургу сибирский губернатор продолжил разработку своего плана продвижения к южным горам. 16 марта 1717 г. он написал Петру I и Алексею Макарову письма схожего содержания, в которых сформулировал задачи на текущий год (док. № 43)[18]. Гагарин сообщал, что на озере Косогол иркутские власти должны построить крепость. Для сооружения крепостей «по Енисею реке вверх до Саянского камени и за Саянским каменем» губернатор послал в Красноярск стольника Дмитрия Борисовича Зубова, который летом 1717 г. сменил коменданта Василия Елизарьевича Козлова (последний вскоре стал комендантом Томска). В мае планировалась большая отправка войск вверх по Иртышу — «часа не промедля, как пройдет лед с реки». Гагарин намеревался построить большую крепость на Ямышевском озере и двигаться дальше, вплоть до озера Зайсан. О планах крепостного строительства в Кузнецком уезде в этих письмах ничего не говорилось.

Судя по письмам, в марте 1717 г. основными направлениями движения были верховья Иртыша и Енисея. Первая цель — плыть вверх по Иртыш-

---

14 В статье Миллера послании назван «Grogorei Wiljanow» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… 1760. S. 242). В русском переводе его фамилия написана через «е»: Велианов (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 110). В копии его статейного списка — Вилянов (док. № 42). Однако в протоколе допроса, проведённого в Тобольске в 1719 г., он записан как «тобольской дворенин Григорей Вильянов» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 496).

15 Наказ Григорию Вильянову опубликован по копии Миллера, хранящейся в СПФ АРАН (Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 56. Л. 154–157): Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 47, с. 171–174. Та же дата отправки названа в док. № 42 в конце этой главы.

16 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 107–110, 117; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 492.

17 Г. Ф. Миллер в начале рассказа о поездке Григория Вильянова называет двух князей: «Mansui und Bokoi waren die bornehmsten unter den Telengutischen Fürsten» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… 1760. S. 251); «Манзуй и Бокой были знатнейшие теленгутские князья» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 118; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 493). Далее в рассказе фигурирует только Манзуй. В архивных источниках теленгетский князь Бокой не встречается, зато во втором десятилетии XVIII века известны князья Манзу (Манзур) Бойдоев и Бейкон Мачиков (РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 4. Л. 118; Д. 7. Л. 42 об.; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 290–291). В этой связи весьма вероятно, что Бокой — это Бейкон Мачиков, либо в источнике, которым пользовался Г. Ф. Миллер, речь шла об одном князе — Манзу Бойдоеве. Его отец Бойдой (Бойдон) Сакылов, дед Сакыл Кулин и прадед Кула-тайша являлись «малыми калмыцкими князьями» (Миллер Г. Ф. Глава 10. Калмыцкие великие князья джунгарского поколения. Кучумовы царевичи и малые калмыцкие князья // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 8, 10). В начале XVIII века князю Манзу кроме чёрных калмыков (ойратов) подчинялась часть теленгетских родов.

18 Письмо Петру I от 16 марта 1717 г. (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 32. Л. 118–119) опубликовано: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. Док. № 138, с. 180–181; История Красноярска: документы и материалы XVII — первая половина XIX вв. 2-е изд., доп. и перераб. Красноярск, 2000. Док. № 33, с. 146–147.

шу «пока лотки пройти могут» — была сформулирована Петром I ещё в мае 1714 г. (док. № 18). Вторая цель — достичь истоков Енисея и выйти за Саянский камень — возникла в связи с теми сведениями, которые привёз Фёдор Трушников.

Показательно, что ещё в октябре 1716 г. Гагарин писал в Санкт-Петербург: «А сам я... поеду, естьли изволит бог, в Красноярской город да в Кузнецкой для того, что доносил и его величеству в Питербурхе, что на енисейских вершинах конечно надобно строить городы, которые вершины подошли в близости к тем местам, где Трушников у калмыков купил золото в тех местах, где копали те калмыки. Чтоб, мой государь, нарочитыми людми осмотреть те места»[19]. Об этой же предстоящей поездке сибирский губернатор сообщал и в мартовском письме 1717 г.: «На енисейские вершины сам я поеду, потому что я к царскому величеству доносил, что оттоль многим способнее» (док. № 43). По мнению Гагарина, именно с верховий Енисея ближе всего был бы путь к озеру Кукунор. Желание губернатора самому съездить «на енисейские вершины» свидетельствует о серьёзности его намерений военного продвижения в сторону китайского золота.

Подготовка к новому крепостному строительству на Енисее началась с приходом весны. В апреле 1717 г. красноярский комендант Василий Козлов отправил вверх по Енисею отряд в тридцать человек во главе с красноярскими детьми боярскими Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым. Им поручалось идти на лодках «от устья Саянского камени вверх по Енисею реке в Саянской камень до Болшаго Саянского порогу, и за порог до реки Кеми, для проведывания порогов и переборов, и для осмотру удобных мест у Болшаго Саянского порогу и на устье реки Кеми на Енисее, где б быть острогам или иным крепостям» (док. № 46).

Как сообщали позднее в своём доезде Еремеев и Нашивошников, 24 апреля они поплыли на лёгких лодках вверх по Енисею «от устья Саянского камени», то есть оттуда, где река выходит из Саянских гор. Эта экспедиция была связана с выполнением указа губернатора, данного Козлову 1 апреля 1716 г. — поисками мест для двух крепостей на Верхнем Енисее (на Большом пороге и на устье реки Хемчик).

Плавание Еремеева и Нашивошникова было недолгим. За семь дней им удалось достичь Большого Саянского порога, преодолев 21 порог и 10 переборов. «К городовому строению у того порогу место каменное, — писали они в своём доезде, — и меж каменей разселины шириною по сажене, и по две, и болше. А лесу на строение довольно. А стоячего острогу ставить нелзя для того, что место каменное» (док. № 46). Исходя из этого описания можно полагать, что место у Большого Саянского порога было признано хотя и не удобным, но приемлемым для возведения укрепления. Отметив непроходимость Большого порога для всех типов судов, казаки перетащили лодки «через гору» по волоку длинной 145 сажен и продолжили плавание.

Через пять дней они поднялись до устья реки Кемь (совр. р. Хемчик) — конечной цели своего путешествия. Именно здесь апрельским наказом 1716 г. Козлову предписывалось основать новый российский город. После осмотра устья Хемчика Еремеев и Нашивошников пришли к заключению, что из-за отсутствия леса строить здесь крепость нецелесообразно. В целом результаты их экспедиции оказались отрицательными: единственным местом, намеченным для новой крепости, стал каменистый берег Енисея около непроходимого Большого порога. Между тем в Красноярск уже ехал Дмитрий Зубов, которому Гагарин, как ранее и Василию Козлову, поручил возвести крепости по обеим сторонам Саянских гор — «до Саянского камени и за Саянским каменем».

В тех же письмах от 16 марта 1717 г. М. П. Гагарин извещал царя и А. В. Макарова, что отпустил из Тобольска в столицу подполковника И. Д. Бухолца. «А к Ямышеву для строения немалой крепости отправляю в скорости» (док. № 43). Руководителем отряда строителей большой Ямышевской крепости губернатор назначил подполковника Прокофия Степановича Ступина[20].

Отправка Ступина состоялась в середине мая. В письме от 15 мая 1717 г. Гагарин сообщал государю: «С салдацкими полками послал к Ямышеву подполковника Прокофья Ступина в дву тысечах человеках, да сибиряков тысячю человек послал для строения города немалова у Ямышева» (док. № 44). Артиллерию и амуницию Ступину полагалось взять в Омской крепости, которая оставалась главным форпостом военной экспедиции. Вместе с отрядом П. С. Ступина в Омскую кре-

[19] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 139.

[20] Омский историк Александр Дмитриевич Колесников в одной из своих статей называет инициалы Ступина — П. С. (Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Известия Омского отд. Геогр. об-ва Союза ССР. Омск, 1965. Вып. 7(14). С. 136). В известных нам русских документах отчество Прокофия Ступина не упомянуто. В записках китайского посла Тулишэня, которого от Иркутска сопровождал подполковник П. Ступин, имеется запись: «...Прибыл в Иркутск отправленной для приему нас от тобольскаго начальника Гагарина их начальной человек полкони Цебинович» (Записки Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М., 1978. Приложение I, с. 448). В примечаниях составителей поясняется, что это искажённое отчество подполковника Прокофия Степановича Ступина (Там же. С. 633, прим. 75, с. 669).

пость был послан тобольский обер-комендант Семён Карпов[21]. Он должен был контролировать действия властей Тарского уезда по строительству и заселению крепостей на отрезке от Омска до Ямышева.

В задачу Ступина входило строительство большой крепости на берегу Иртыша около Ямышевского озера. Затем он должен был идти «с теми полками на Зайсан озеро для строения немалой крепости» (док. № 45).

По свидетельству Г. Ф. Миллера, от военных строго требовалось, «чтоб калмыкам, где бы ни было, ни малейшие обиды не чинить». В случае нападения ойратов Ступину предписывалось «токмо обороняться и учтивым образом им говорить, что не для того пришли, чтоб с калмыками воевать, но токмо что на способных местах построить крепости, дабы в оных от нападения киргиз-кайсаков быть безопасным»[22].

Русские форпосты вдоль правого берега Иртыша планировалось построить для военного контроля над водной дорогой из Тобольска до эркетских и кукунорских золотых промыслов. М. П. Гагарин считал, что целью экспедиции является строительство крепостей для продвижения в верховья Иртыша, а не война с ойратами. Поэтому наряду с военными приготовлениями сибирский губернатор большое внимание уделял дипломатическим методам поддержки своего плана.

Помимо России, соседями Ойратского государства в это время были Цинский Китай на востоке и «Казачья Орда» на западе. Когда осенью 1716 г. в Тобольск прибыли послы казахского хана Каипа с предложением совместно выступить против западных монголов, Гагарин уклонился от такого военного союза, надеясь мирным путём добиться согласия хунтайджи на возведение русских крепостей[23]. Взаимоотношения ойратов с казахами, которых русские называли «киргиз-кайсаками», нередко перерастали в военные конфликты, чем и решил воспользоваться Гагарин. Для России были выгодны казахские набеги, ослаблявшие Ойратское государство. Поэтому Матвей Петрович ответил казахским послам: «Из губернии Сибирской войны на Казачью Орду посылать не буду… а калмыцкого владельца воевать им велел»[24]. В то же время губернатор умело использовал внешнеполитическую ситуацию, придумав новое дипломатическое прикрытие строительства русских крепостей по Иртышу: Прокофию Ступину полагалось объяснять ойратам, что укрепления возводятся для защиты от нападения казахов.

Обстоятельства складывались таким образом, что и Россия, и соседнее монгольское государство не были заинтересованы в открытом военном конфликте. Хунтайджи, хотя и был раздражён строительством русских крепостей на своей территории, не желал войны с Россией и с весны 1717 г. воздерживался от нападений на продвигавшиеся по Иртышу отряды.

В марте 1717 г., уведомляя монарха о планах военного продвижения к верховьям сибирских рек Иртыша, Енисея и Селенги, Гагарин почему-то ни словом не обмолвился о своих распоряжениях, посланных в Кузнецкий уезд (док. № 43). Однако из других документов известно, что, планируя проникновение к истокам Иртыша и Енисея, не забывал сибирский губернатор о верховьях Оби. В частности, на чертеже размежевания земель Томского и Кузнецкого уездов, подписанном М. П. Гагариным 5 марта 1717 г., обозначена будущая крепость на берегу Телецкого озера (цв. ил. 3), которую поручалось построить кузнецкому коменданту Борису Акимовичу Синявину.

---

[21] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 111; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 490.

[22] Там же.

[23] Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: очерк внешнеполитических отношений. Барнаул, 1998. С. 27–28.

[24] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 345. Автор ссылается на Архив внешней политики России (АВПРИ. Ф. 122. 1716. Д. 3. Л. 1–2 об.). Однако документ с указанными реквизитами хранится в РГАДА и опубликован: Дипломатические документы первой трети XVIII века // История Казахстана в русских источиках XVI–XX веков. Т. 2. Алматы, 2005. Док. № 4, с. 271–274.

Автограф коменданта Красноярска Василия Козлова. 1716 г.

Документ № 41

1716 г. апреля 1[25]***.*** **– Указ сибирского губернатора М. П. Гагарина красноярскому коменданту В. Е. Козлову об отправке отряда для поиска мест под городовое строение на Верхнем Енисее: у Саянского камня, на Большом пороге и в устье реки Кемь**

(л. 228) 1716-го году апреля в 1 день.

По указу великого государя и по приказу губернатора Сибирии князя Матвея Петровича Гагарина в Красноярск каменданту господину Козлову[26].

Посланы к тебе два указа против имянного указу его царского величества, дабы тебе ехать в скорости ис Красноярского в Абаканской город, и из Абаканского, буде можно, ехать тебе и осмотреть место у Саянского камени, чтоб в близости того камени на реке Енисее зделать острог, или рубленую, или земленую крепость. И велеть счислить, что от Абаканского до того места, где быть крепости, во сколко дней болшими, також и малыми лехкими судами, будет ходу. А естли от Абаканского Саянской камень не в близости или за какими делами тебе ехать будет из Абаканского тебе самому не можно, то послать для того осмотру места, выбрав умного человека, кому бы мочно в том верить. И велеть осмотреть ему, чтоб вблизости Саянского камени осмотрить место, где делать город против имянного великого государя указу.

Да ему ж, каменданту (// л. 228 об.) господину Козлову, послать в самых лехких судах из Абаканского, выбрав дву человек нарочитых людей, умных и заобычайных, и при них тритцать человек или сколко можно по своему разсмотрению, в том числе дву человек подьячих добрых, и послать их вверх по Енисею до реки Кеми, которая впала в реку Енисей выше Саянского камени. И велеть тем людем записывать имянно во сколко дней дойдут от Абаканского до Саянского камени, где быть крепости; и что дней Саянским каменем пойдут рекою Енисеем, сколко дней до первого порогу. Також велеть описать имянно велик ли Первой порог, и мошно ль подыматца великими судами. И осмотрить им велеть у того порогу место, где б над тем Первым Болшим порогом зделать город или острог. И коликое широта реке Енисею, где назначено будет место быть крепости у Саянского камени, також и где порог, також и других порогов нет ли выше того порогу. Тако ж и прошед рекою Енисеем Саянской камень, коликая широта реки Енисею по выходе Саянского камени, и какия реки в реку (// л. 229) в Енисей впали, и где какия реки впали, и что разстояния река от реки, все велеть тем людем описывать имянно до реки Кеми. Також велеть записывать имянно сколко порогов, також и иных переборов по Енисею реке, идучи вверх до реки Кеми.

И на той реке явить тем посланным, что имянной указ великого государя велено на усть[е] той реки Кеми в удобном месте на Енисее зделать город, и чтоб к ним ходить рекою Енисеем судами, дабы те люди осмотрели место на той реке удобное к городовому строению. И осмотря место, и описав, и зделав чертеж ехали бы в Обаканской.

Да им же велеть осведомитца о реке Кандаре, что разстояния будет от устья реки Кеми до устья реки Кандары, из которой стороны те реки впали в Енисей реку, тому зделать велеть чертеж.

И как ты сей указ получишь, то против прежних посланных указов и по сему указу чинил без умедления с превеликим радением. И что против тех и сего указу учинено будет, о том писать к губернатору князю Матвею Петровичю Гагарину в скорости.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 111. Л. 228–229. Копия, составленная для Г. Ф. Миллера в Красноярске во время экспедиции 1734–1743 гг. Публикуется впервые.

---

[25] В заголовке этого документа, опубликованном в списке копийных материалов Г. Ф. Миллера, указ датирован 10 апреля (Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера… Т. 2. Новосибирск, 1995. С. 60, № 111). Эта ошибка, по-видимому, вызвана тем, что составители арабскую цифру 1 приняли за букву «I» старой кириллической азбуки и прочитали её как цифру 10. Однако, во-первых, над этим знаком в документе нет титла, во-вторых, в фонде Миллера сохранилась ещё одна копия того же указа, где число передано славянской буквой «а» под титлом (док. № 100 в книге 19).

[26] Копия с этого указа, сделанная для сменившего Козлова коменданта Д. Зубова, также была скопирована Г. Ф. Миллером в Красноярском архиве (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 19. Док. № 100. Л. 207–207 об.).

Документ № 42

1717 г. апреля 5 – 1718 мая 5. **– Статейный список тобольского дворянина Григория Вильянова о поездке к ойратскому хунтайджи Цэван-Рабдану с грамотами Петра I и М. П. Гагарина**

(л. 158 об.) Лета 1717 марта в 7 день по указу великого государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белыя Россий самодержца, и по приказу ближнего боярина и Сибирскаго царства губернатора князя Матвея Петровича Гагарина тоболскому дворянину Григорью Вилянову:

Ехати ему из Тоболска в калмыцкие улусы х контайше. И котораго числа он, Григорей, от контайши отпущен будет, и то все ему, Григорью, с того времени, как поедет с Тары, також как приедет до Тарского города, все велеть ему писать в статейной список о поезде своем и о всяких случаех, какие будут в пути. Тако же и в Урге и какие слова будут слышать от контайши и от калмык, писать о всем подлинно порознь и по статьям. И тот статейной свой список за своею рукою, приехав в Тоболеск, подать в Болшей канцелярии его царского пресветлаго величества губернатору Сибири князю Матвею Петровичю Гагарину.

И по вышеписанному великаго государя указу тоболской дворянин Григорей Вилянов ис Тоболска в калмыцкие улусы к контайше в Ургу ездил. А в котором числе на Тару приехал и с Тары (// л. 159) чрез которые места и урочища ехал, и что по наказу учинили дорогою, и у него, контайши, в улусех каких вестей явилося, и то писано в сем статейном списке порознь ниже сего.

1717 апреля в 5 де[нь] из Тарского города поехал.

А в Барабу приехал апреля в 17 де[нь]. И взял с собою ис тое Барабинские волости лутчих людей княжцов в провожатые, имены Трош да Бакши с товарищи 26 человек.

Апреля 25 дня из Барабы поехал степью до Ямышева города.

Маия в 1 день приехал к Ямышеву городу.

От Ямышева поехал маия в 3 день, и ехал возле Иртыша реки 8 дней до камени Борон Норгун[27].

И с того места отпустил служиваго человека Ивана Каргина з барабинцами тремя человеки Худени Останкин, Кулчан Ухтеевым, Беклика Акканаковым искать теленгут.

Маия 11 дня и стояли у камени Борон Норгун 10 дней.

И тот вышепомянутой служивой человек Иван Каргин их, теленгутов, нашел. (// л. 159 об.) И по ведомости его Майсуй[28] и Бокой тайши прислали дву началных человек Ахшибая и Тогуса с товарищи 20 человек.

Маия в 25 день приехал в теленгуты[29]. А живут оне, тайши Манзуй и Бокой, под каменем Алтаем, между реками Ануем и Чарасом[30]. И того же числа явился у Манзуя.

И промеж собою в разговоре спрашивал у меня: С каковым делом едешь?

Ответствовал ему: Еду я с листом от царскаго пресветлого величества.

Он же послушно отвечал: Ежели ты едешь от царскаго величества, велю тебя проводити до контайши.

Маия в 30 день поехал из теленгут, и дал мне провожатых трех братей своих родных Камчюна с товарищи 26 человек.

И в том числе в провожатых явилося у них два человека руских и восемь человек татар кузнецких государевых ясашных людей. И те люди взяты на промыслу, и везли их до Иртыша реки в смыках. А переправязя за Иртыш, везли их до контайши свободно. А по скаске их, что еще двух человек на том промыслу убили. И о тех всех людех нам никакой ведомости не явили.

---

[27] На допросе в Тобольске в 1719 г. Вильянов сообщал: «А от Ямышева вверх Иртышем рекою левою стороною до камня Бурун Нургун степью 8 дней» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 496 об.).

[28] Первоначально написано: Майзуй, затем исправлено.

[29] На допросе в Тобольске в 1719 г.: «А от того камня до теленгут степью ж и безводными местами 5 дней» (Там же, л. 496 об.).

[30] На допросе в Тобольске в 1719 г.: «А от теленгут до камени Алтай степью ж 3 дня» (Там же).

И от того улуса, ехавши каменем, переправилися две реки Албу[31] и Кенгир (// л. 160) до Иртыша реки[32]. И, переправясь Иртыш, ехали степью до крайнаго улуса до Араптана контайшина[33]. И в том улусе дали мне подводы, корм и провожатых. И ехали до контайши 10 дней[34].

Июня 24 дня стретил меня по приказу контайшину ево ургинской человек именем Билюк с товарыщи пятнатцать человек. И говорил мне: С каковым делом едешь?

И я ему ответствовал: Еду я от царского величества с листом.

И для чего де московскаго посла нет?

Против того сказал ему: От царскаго величества с листом два драгуна.

Июня в 25 де[нь] приехал до контайшина улусу. Стречи иной никакой нам не было, и наших никого не допустили, и остановили за две версты до Урги, и до указу держали два дни. А контайша сам стоял под каменем Мусартом над рекою Харкирою.

Июня в 27 день взял перед себя лист принять и исправити посолство, и спросил: Что в листу написано — с миром или нет?

И я ему ответствовал, что не знаю, [что] в нем писано и той лист за печатью.

Принявши один лист, сняв шапку, привзнявшися с места, и приказал читать наказ мой подьячему моему. (// л. 160 об.) Прослушавший статьи с три, и велел перестать читать. А про царское пресветлое величество здравие, ни про губернаторскую светлость, он, контайша, не спрашивал, и о себе ничего не говорил, ниже о иных каких делех. И почести никакой не было, и отпустил. В то же время другой лист он, контайша, не принял, и велел принять иному. И окроме ево, контайши, того листа я не отдал.

Бывши у него, приказал нам дать избу и приставил нам крепкой караул одинатцать человек и началника над ними ближняго своего жилца, даруку именем Намышку[35].

Декабря в 6 день приставленныя к нам караулщики говорили, двое человек, Уленши да Обыша, один говорил толмачю, другой служилым людем татарам Маметю и Обраиму[36]: Доколе вы листа князя губернатора не отдадите, до толе вас не отпустят.

Декабря в 8 день по приказу контайши приставлен ургинской человек, жилец ево, именем Батырь. Приезжав по многия времена говорил мне: Зачем князя губернатора лист не отдаю.

Я ему ответствовал: С приезду я ему не подал, а ныне подать не смею, иногда контайша спросит.

Дарука же говорил: Я, надеючись, приму.

И отдал ему. (// л. 161)

Февраля 29[37] дня на отпуске он, контайша, брал он перед себе по два дни и говорил: В крайных де городех в Томску, Кузнецку и Красноярску воеводы делают неудобно, моих ясашных людей побили. А с других ясак берут и ссору делают между мною и государем. Государь про тое не ведает. А ныне де на моей земле городы построили. Ведает ли государь про то или нет? О том я де государю писал. И не хотел бы де отпустить подполковника Ивана Буколцова. Для того де отпустил, что он хотел донести государю о строении городов на моей земле. И думаю де я про тое разумом своим, что государь про оные городы не знает. И ежели государь про тое знает, и не сведет, то многим людем угомонства не будет.

А корму нам давал малое число — на дватцать дней человеку один козел, и хлебной корм покупали на свои денги, и мясного также не давали. И жили мы у него в Урге девять месяцов. И от того жития мы оскудали, потому что корму малое дело было, и докупали на свои денги.

И как назадь поехали, и он в тое время стоял и зимовал под Талкинским каменем над рекою Коргосом. Оттоле нас отпустил. (// л. 161 об.)

---

[31] По мнению Миллера, так названа река Ульба (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте... М., 2005. Т. 3. С. 493).

[32] На допросе в Тобольске в 1719 г.: «Да Алтаем камнем до Иртыша реки 7 дней» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 496 об).

[33] На допросе в Тобольске в 1719 г.: «И переправясь через Иртыш реку на правую сторону, владения контайшина до Хомордовану камени степью и каменем 5 дней. А от того камени х крайним улусом контайшиным степью и каменем 5 же дней» (Там же).

[34] На допросе в Тобольске в 1719 г.: «А теми улусоми до Или реки степью ж и каменем 7 дней. И переправясь через Илю реку в правую сторону до камня Мусарту 3 дни, где кочюет контайша» (Там же).

[35] Первоначально было написано: Намыцку.

[36] В составе посольства Г. Вильянова находились «сын боярской Андрей Измайлов, да толмачь Петр Григорьев, да татары Мамет Алышаев да Ибраим Элметев, да драгуны Максим Бровкин, Иван Гусев, да тарской житель Иван Каргин» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 496–496 об.).

[37] Так в тексте копии, выполненной для Г. Ф. Миллера. Это явная ошибка, поскольку 1718 год не был високосным.

И нынешняго 718 году марта в 2 де[нь] послал в провожатые со мною теленгуцкова тайши Манзуева сына Щахама 10 человек до их теленгуцкова улусу[38].

Марта 27 числа[39] приехал в теленгуты к Манзую и говорил с ним. И про те городы, которые ныне построены, про то де государь не знает, толко чинит де ссору меж конташею и государем боярин ваш князь Матфей Петровичь. И поносил всякими словами губернаторскую светлость. А стоит той Манзуй над рекою Абингон-гол.

Марта 29 числа поехал ис теленгут. И дал Манзуй провожатых своего улуснова человека именем Едека с товарищи тритцатью человеки. И проводили до Иртыша реки.

Марта 31 дня приехали до камени Такитологой[40]. И на Иртыше реке и им, Едеку с товарищи, отдали девять верблюдов да дватцать пять лошадей за семь ботов.

Апреля в 3 де[нь] вниз реки Иртыша оттоле поплыли лотками.

Апреля в 9 де[нь] приплыли в Калбасунское зимовье[41].

Апреля в 10 де[нь] приплыли к Ямышеву[42].

От Ямышева поплыли апреля 16 дня.

Апреля в 22 де[нь] приплыли в Железенскую крепость.

Апреля 26 дня прибыли в гарнизонскую[43] крепость.

Апреля 29 дня прибыли в Чернолуцкую слободу.

Маия в 2 день приплыли в Шипицыну слободу.

Маия в 3 день на Тару прибыли и поплыли в 5 день.

[*Заверительная запись:*] По ево веленью драгун Максим Бровкин руку приложил.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 59. Л. 158 об. — 161 об. Копия, составленная для Г. Ф. Миллера во время экспедиции 1734–1743 гг. Публикуется впервые.

Документ № 43

1717 г. марта 16. — Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением об отъезде И. Д. Бухолца и планах строительства крепостей в верховьях рек Иртыша, Енисея, Селенги

(л. 120 об.) Милостивой мой государь Алексей Васильевич

Повеление мне от его царского величества о подполковнике Иване Бухолце, чтоб его отпустить. И по тому повелению его царского величества его, Ивана Бухолца, отпустил.

А к Ямышеву для строения немалой крепости отправляю в скорости. Також, мой государь, и от Ямышева по Иртышу и на Зайсан озеро, и в другие места для строения крепостей пошлю, часа не промедля, как пройдет лед с реки Иртыша.

Еще доношу вам, моему государю, по Енисею реке вверх до Саянского камени и за Саянским каменем велел ныне же делать крепости (// л. 121) ис Красноярского города. И населивать велел из разных городов. И для того строения послал из царедворцов Дмитрея Зубова.

Також, государь, и на Касоголе озере крепость делать из Ыркуцкого велел же. И о том, о вышеписанном, писал я и до его царского величества.

[*Приписка рукой Гагарина:*] И впредь что, мой государь, у нас делатца будет, о том писать буду.

Естли что не зайдет, мой государь, мне что от бога, то на енисейские вершины сам я поеду, потому что я к царскому величеству доносил, что оттоль многим способнее. А по Иртышу реке вверх везде, естли что не зайдет от бога, построим крепости. Для того посылаю Семена Карпова.

---

[38] На допросе в Тобольске в 1719 г.: «И ехали они от контайши до Боротолского камени степью и каменем 7 дней. А от того камени до Имил реки 7 же дней. А от той реки до Хомордовану камени, до теленгут, 5 дней» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 496 об. — 497).

[39] Первоначально было написано: дня.

[40] На допросе в Тобольске в 1719 г.: «А от теленгут до реки Иртыша и до камня Токи Толагая 3 дня» (Там же, л. 497).

[41] На допросе в Тобольске в 1719 г. Григорий Вильянов ошибочно отождествил Калбасунское зимовье с построенной в 1718 г. выше по Иртышу Семипалатной крепостью: «А от того камени вниз Иртышем рекою плыли на лотках к Семиполатной крепости 7 дней» (Там же).

[42] На допросе в Тобольске в 1719 г.: «А от Семиполатной тою ж рекою до Ямышевой крепости 1 день» (Там же, л. 497). О прибытии Вильянова 11 апреля в Ямышевскую крепость, «а с ним государевых людей одиннатцать человек» сообщал в Тобольск Прокофий Ступин (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 57. Л. 157 об.).

[43] Очевидно, речь идёт об Омской крепости.

Пожалуй, государь мой, не оставь меня, раба твоего, писанием своим. О сем слуга ваш, государя моего, Матвей Гагарин.

1717 марта 16 дня.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 32. Л. 120 об. — 121. Подлинник. Публикуется впервые.

Письмо подобного содержания на имя Петра I от 16 марта 1717 г. хранится в том же деле (л. 118–119). Ранее опубликовано: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. Док. № 138, с. 181–182.

Документ № 44

1717 г. мая 15. **— Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I с сообщением о мерах, принятых для российского военного продвижения вверх по Иртышу**

(л. 124 об.) Всемилостивейший государь

По повелению величества вашего, для строения городов до Ямышевской крепости, и от Ямышева вверх по Иртыше реке, и на Зайсан озеро послал с салдацкими, великий государь, полками з двумя тысечи человеки подполковника Ступина. С ним же, великий государь, до Ямышева послал тысечю человек сибиряков для городового дела. А велел ему, прося помощи от бога, у Ямышева зделать большую крепость, где быть немалому поселению из разных городов. И зделав, и укрепя, и пойдет с теми салдацкими полками на Зайсан озеро для городового строения.

А от Ямышева, великий государь, по Иртышу реке вверх для строения малых крепостей послал с сибирскими казаками татарского голову Бориса Чередова.

А на Зайсан, великий государь, озеро послал во сте человеках тоболского дворянина Ивана Калмыкова с охочими рускими людми. Потому, великий государь, не в великом людстве ныне того Калмыкова послал, (// л. 125) что прежде тоболские татара бывали для рыбнаго промыслу на том озере не в болших людях, которые и ныне с ним поехали ж. Против твоего, великого государя, указу, велел ему осмотреть место крепкое, где зделать на том озере крепость. И велел ему совокупитца с подполковником Ступиным.

Доношу, государь, величеству вашему:

В прошлом 1716-м году июля 10 дня, которой полковник слобоцких драгун Федот Матигоров послан был ис Тоболска с тремя стами человеки в Ямышевскую крепость, по отъезде из той крепости подполковника Бухолца, и зделал он у Ямышева, в близости той подорваной крепости после Бухолцова отъезду, крепость, в которой и доныне он со служилыми людми по милости божии в целости.

И сего, великий государь, 1717 году апреля 29 дня писал он (// л. 125 об.) ис той Ямышевской крепости, что минувшаго де 1716 году октября 12 дня под тое крепость явилось у них калмыков многое число и непрестанно де под крепость подъезжали. И были де у крепости октября со 12 числа 1716 году и февраля по 1-е сего 1717 году. И по милости божии ничего те калмыки им в той крепости не учинили, и приступать де, великий государь, х крепости калмыки не смели.

А посланцов, мой государь, которых послал з грамотою великого государя к тому калмыцкому владелцу, еще отповеди нет. А о выхотцов есть ведомость, что носитца де ведомость в калмыках, что посланники ис Тоболского идут и бутто тому калмыки зело рады, для того, опасалися де зело войны немалой от царского величества на себя. И своих де посланцов хотят калмыки послать в Тоболеск. И во всю де свою калмыки тое бытность ни одного от них человека не потратили, ни в полон не взяли. И тесноты де, великий государь, от отаки их никакие оне в той Ямышевской крепости от них не имели.

И которые де промышленые люди в тритцати и в дватцати человеках для рыбнаго промыслу многократно выходили с ружьем на реку, и на тех де людей никогда во всю свою тое бытность те калмыки, по милости божии, ни великим де людством напустить на тех промышленников не смели ж.

А что будет, великий государь, явитца впредь, о том доносить величеству вашему буду.

[*Автограф:*] Величества вашего последний раб Матвей Гагарин.

1717 маия дня 15 из Тоболского.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 32. Л. 124 об. — 125 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 45

1717 г. мая 15. **— Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о мерах, принятых для российского военного продвижения вверх по Иртышу**

(л. 122 об.) Милостивой мой государь Алексей Васильевич,
доношу тебе, моему государю

Получил я ведение от посланного своего полковника Матигорова, которой сидел в Ямышевской крепости с тремя стами человеки, что калмыков приходило под тое крепость не малое людство и ничего им зделать не могли.

Також и рыбнаго промыслу по реке и на озере, которое озеро в близости, промышлеником возбранить не могли. По милости де божии, ни на дватцать человек, которые пойдут для промыслу рыбного с ружьем, напустить де не смели во всю свою бытность октября от 12 числа февраля по 1 число. За что, мой государь, велико приношу благодарение богу, что оне имеют страх.

С салдацкими полками послал к Ямышеву подполковника Прокофья Ступина в дву тысечах человеках, да сибиряков тысячю человек послал для строения города немалова у Ямышева. И зделав крепость у Ямышева, пойдет с теми полками на Зайсан озеро для строения немалой крепости.

А вверх по Иртышу от Ямышевской крепости для строения малых крепостей послал тарского татарского голову Бориса Чередова в трех стах человеках. Велел ему делать малые крепости в удобных местех по Иртышу. (// л. 123) А на Зайсан озеро послал тоболскаго дворянина Ивана Калмыкова во сте человеках. Велел ему усмотреть крепкое место на острову или где приищет на том озере. И велел ему соединитца с подполковником Ступиным.

А посланцов, мой государь, которых послал з грамотою великого государя к тому калмыцкому владелцу, еще отповеди нет. А от выхотцов есть ведомость, что носитца де ведомость в калмыках, что посланники ис Тоболского идут и бутто тому калмыки зело рады, для того, опасалися де зело войны немалой от царского величества на себя. И своих де посланцов хотят калмыки послать в Тоболеск.

И из Казачьи орды от посланных, мой государь, ведомости нет же, а ожидаем в скорости.

Зело, мой государь, нам не способно, что в Тоболску поздо бывает весна, всегда в апреле и до половины маия никаким путем ехать никуда не можно никому за безпутицею.

Слышу, мой государь, я, что в пути своем злословит меня Иван Бухолц. Но во истинно напрасно, от своих слов осудитца сам, а не оправдитца.

А нам он великое навел сомнение, что для (// л. 123 об.) безделицы и для торгов распустил афицеров, а их калмыки побрали. А в тех два человека шведов. Зело зело[44] боюся, чтоб не пошли в службу х контайше и не научили б как приступать х крепостям. Но имею, мой государь, надеяние на бога, он не оставит меня, грешника.

[*Автограф Гагарина:*] Пожалуй, милостивый мой государь, не оставь меня писанием своим.

О сем раб твой, государя моего, Матвей Гагарин.

Из Тоболскаго 1717 маия дня 15.

PS. И от Тарского уезду от новопостроенной крепости, что на реке Оме в Тарском уезде зделал Буколц, о[т] той крепости к Ямышеву велел делать крепости. И населить велел из б[л]изних острогов. Для того от меня послан Семен Карпов. А велел ему те крепости, мой государь, делать тарскими жители.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 32. Л. 122 об. — 123 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 46

1717 г. июнь. **— Доезд красноярских детей боярских Андрея Еремеева и Ивана Нашивошникова о результатах плавания по Верхнему Енисею от Саянского камня до устья реки Кемь для выбора мест под городовое строение**

(л. 208) Копия з доезду

1717-го году июня в ___ де[нь].

По указом великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца, каковы присланы за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина в Красноярск х каменданту Василю Елизарьевичю Козлову.

[44] Так в тексте.

Велено нам, красноярским детям боярским Андрею Еремееву, Ивану Нашивошникову, да толмачю и вожу конного полку казаку Дмитрею Шарову с товарыщи служилыми людми итить в лехких лотках от устья Саянского камени вверх по Енисею реке в Саянской камень до Болшаго Саянского порогу, и за порог до реки Кеми, для проведывания порогов и переборов, и для осмотру удобных мест у Болшаго Саянского порогу и на устье реки Кеми на Енисее, где б быть острогам или иным крепостям.

И велено нам счислить, что от устья Саянского камени будет ходу болшими судами и лехкими лотками вверх по Енисею реке до Болшаго Саянского порогу, и велик ли Большей Саянской порог, и что ходу от Болшаго порогу до реки Кеми, и что растоянием река от реки, и которая река впала в реку Енисей, и с которую сторону, и коликая широта реке Енисею у Болшаго порогу и у реки Кеми, где назначены будут остроги или крепости.

И велено нам явить, что имянной указ великого государя велено на устье той реки Кеми в удобном месте на Енисее зделать город, и чтоб к ним ходить рекою Енисеем судами, дабы мы то все вышеписанное осмотрели и описали. И тому всему велено нам зделать чертеж и ехать в Красноярск.

И по вышеписанным великого государя указом мы, Андрей Еремеев с товарыщи, апреля з 24-во дня от устья Саянского камени вверх по Енисею реке в Саянской камень для проведывания порогов и переборов лехкими лотками до Болшаго Саянскаго порогу среднею водою шли семь дней. И в том ходу, в семи днях, явилось дватцать один порог да десять переборов. А от Болшаго Саянского (// л. 208 об.) порогу до реки Кеми шли пять дней. И в том ходу, в пяти днях, явилось тринатцать порогов да три перебора. А что ростояния река от реки, и то писано в чертеже. А ширина реке Енисею у Болшаго Саянского порогу дватцать пять сажен. А на устье реки Кеми ширина реке Енисею сто дватцать сажен. А устье реки Кеми не на выходе Саянского камени, от устья реки Кеми до выходу камени ходу половина дня. А по выходе Саянского камени широта реке Енисею сто тритцать сажен. А Болшей Саянской порог болшими судами и лехкими лотками, вверх идучи, подыматца и вниз плыть ни которыми мерами невозможно.

А к городовому строению у того порогу место каменное, и меж каменей разселины шириною по сажене, и по две, и болше. А лесу на строение доволно. А стоячего острогу ставить нелзя для того, что место каменное. А ис под порогу за порог волоку чрез гору того каменю мерою сто сорок пять сажен. А идучи вверх и пловучи на низ, порог лотки чрез волок обтаскивали.

А на устье реки Кеми к городовому строению место по левую сторону реки Кеми – степь вверх по реке Кеме в длину на версту, а поперег на триста сажен. А за тою степью горы каменныя, а лесу на них нет. А по другую сторону над рекою Кемью горы каменныя ж, а лесу на них нет же. А к городовому строению боров сосновых и лисвяных во близосте нет, кроме тополнику по берегам и по островам.

А про реку Кандару осведомитца было некем для того, что по выходе Саянского камени людей никаких не видали.

А среднею водою вверх по Енисею реке с устья камени до Болшаго Саянского порогу лехкими лотками и дощениками малыми ходить мочно. И от Болшаго (// л. 209) Саянского порогу до реки Кеми лехкими ж лотками и дощениками ж ходить мочно ж, и пороги и переборы ниже и выше Саянского порогу подыматца мочно ж, кроме Болшаго Саянского порогу.

В том мы, Андрей Еремеев с товарыщи, в Красноярску в приказной избе каменданту Василю Елизаревичю Козлову и доезд подали за своими руками.

[*Заверительная запись на копировавшейся копии:*] К сей копии сын боярской Иван Нашивошников руку приложил.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 19. Док. № 101. Л. 208–209. Копия с «копии з доезду», составленная для Г. Ф. Миллера в Красноярске во время экспедиции 1734–1743 гг. Публикуется впервые.

Глава 14

Возведение Белоярской крепости (март — июль 1717 года)

Реализацию плана продвижения вверх по Оби, вплоть до истока Бии, М. П. Гагарин возложил на коменданта Кузнецкого уезда Бориса Акимовича Синявина. Ещё в мае 1716 г. сибирский губернатор сообщал в столицу о своих планах «между Краснова Яру и Кузнецкого зделать три городка», чтобы продвинуться в сторону китайских золотых промыслов (док. № 31). Распоряжения Гагарина, отправленные кузнецкому коменданту с мая 1716 по март 1717 г., нам пока не известны.

Судя по имеющимся документам, к весне 1717 г. Б. А. Синявин уже знал о планах строительства крепостей на берегах Оби и Бии. Так, 20 марта 1717 г. он предписал приказчику Мунгатского острога никого из мунгатцев никуда не отпускать, «чтоб они, оброчные люди з беломестными казаки, у которых лошади и ружье, были готовы з запасами к походу к строению новой крепости на Обь… А у которых лошади есть, а ружья не будет, и тем також сказать, чтоб и они к походу были готовы. А ружье и порох дано им будет в Кузнецку»[1].

26 марта, за несколько дней до получения указа о возведении на Бии и на Катуни города, кузнецкий комендант в наказной памяти Ивану Буткееву детализировал свой план: «Надлежит построить новую крепость для обережи Кузнецкому от приходу воинских людей контайшиных калмыков на Обе реке выше чумышского устья, где поселился Кривощок» (док. № 47). Чтобы организовать поход, необходимо было наметить дорогу из Кузнецка к месту будущего строительства. Для этого бердский приказчик должен был послать служилого человека с провожатыми из ведомства Чаусского острога «до Кривощеку».

Населённый пункт, упомянутый 26 марта в распоряжении Б. А. Синявина под названием «Кривощекова деревня», встречается только в документах 1717 г. К тому времени в Томском уезде уже существовали по соседству деревни Большая и Малая Кривощёковы. Они располагались на левом берегу Оби напротив устья реки Иня[2]. Большую Кривощёкову можно считать первым русским поселением на территории современного города Новосибирска. Её возникновение исследователи относят к началу 1700-х гг., а название связывают с именем основателя — служилого человека Фёдора Криницына по прозвищу «Кривощек»[3].

Наиболее ранний известный нам документ, в котором говорится об этом поселении, относится к августу 1708 г. В отписке томских воевод речь идёт о «новопоселенной», «новоселебной» Кривощёковой деревне, в которой велась незаконная приграничная торговля томичей с чёрными калмыками и теленгетами[4]. В другом документе того же времени уточняется расположение «новопостроенной» Кривощёковой деревни, «которая построена на Иркином плавежу против Ини на заречной стороне Оби реки в разстоянии от городу (Томска. — *Авт.*) верстах в полтораста и больши»[5]. Приведённая цитата определённо указывает, что Кривощёкова деревня располагалась не на правом, а на левом берегу Оби, напротив устья Ини.

В следственном деле об этом «заповедном торге»[6] имеются показания томского жителя Ивана Андреевича Степнова о том, что зимой

---

[1] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–5 об.; Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 12.

[2] Ландкарта Кузнецкого уезда, составленная геодезистом Петром Чичаговым [1729 г.] // БРАН. Отдел рукописей. Собрание рукописных карт. Основная опись. № 473.

[3] Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1986. С. 23. Автор указывала, что подлинная фамилия Ф. Кривощека — «Криницин» — упомянута в отписке И. Буткеева кузнецкому коменданту Б. Синявину. При этом архивные реквизиты документа не названы. Нам он не известен. А. П. Уманский также Фёдора Кривощека называл Ф. Криницыным, однако в том документе, который он при этом цитировал (док. № 49 в нашей книге) фамилия Криницин не употребляется (Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 184, прим. 60; Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 191, прим. 5).

[4] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1307. Л. 23 об.

[5] Там же. Л. 25.

[6] Уманский А. П. Дело о «заповедном торге» томских служилых людей на телеутской меже в начале XVIII ве-

1707/1708 гг. он отвёз в деревню Кривощёкову ткани, кожи и меха «для продажи и мены с черными калмыки и с телеуты». Поскольку «в то зимнее время ис Телеут иноземцы в тое деревню не приехали», товары «отдали на збережение Василью Ильину, он ж и Кривощокой»[7]. Это единственный известный нам документ, где человек по прозвищу «Кривощокой» назван по имени и отчеству — Василий Ильин сын (Ильич).

Сразу же за «сказкой» Ивана Степнова в деле помещён допрос жителя деревни Кривощёковой Фёдора Ильина, который признался: «В 708-м году приехали из Томска санми в их деревню Кривощокову Иван Степной, Василей Анчош и привезли с собою руских товаров юфти кож красных в тюках и склали у него в дому. А сколко, не ведает, для того что те их тюки за их узлом и печатью». Надо полагать, что Фёдор Ильин, которому отдал на хранение товары Иван Степнов, и «Василий Ильин, он ж и Кривощокой» — это один и тот же человек. По-видимому, Иван Степнов в своём рассказе перепутал имя Кривощёка.

Из «допросных речей» Фёдора Ильина можно узнать некоторые сведения о его появлении в Верхнем Приобье: «Родом он устьянец[8]. В Сибирь пришел в Тоболеск тому лет с 13 и болши. А жил на Ишиме реке в Коркиной слободе в драгунах. А ис Коркиной пришел в Томской уезд в 707-м году. А с ним пришли розных тоболских слобод семей з 20 и болши. И поселились вверх Оби реки на границе телеуцкой дворами своими человек з 10. А иные де поселились подле Оби ж реки версты по 3 и по 5, и болши»[9]. Итак, из рассказа Фёдора Кривощёка мы узнаём точную дату основания его деревни — 1707 г. Характерно, что томский воевода во время розыска писал: «Та деревня на Обе реке стоит рядом Томского уезду с острогами, и з деревнями, и с томскими иноземческими юртами»[10]. Такое обособление Кривощёковой деревни от Томского уезда объяснялось необычным расположением поселения за Обью, «на заречной стороне», на краю Телеутской землицы. Как указывала Н. А. Миненко, «сам Ф. Кривощек не задержался здесь: в 1716 году он уже жил в новой Кривощековской деревне — выше по Оби, близ современного Барнаула»[11]. Эту новозаведённую деревню в документах иногда называли «Кривощекиным заводом» (док. № 49).

Расположенная далеко вверх по Оби заимка, заведённая Фёдором Кривощёком, в то время стала для российских сибиряков географическим ориентиром. Например, в донесении И. Буткеева от 6 мая 1717 г. Борису Синявину приводился рассказ чатского татарина: «Сего де 717-го году в Великий пост ходил де он в Теляуцкую землицу повыше Кривощекина заводу, за Обь реку на речку Боранаул, с товарыщи в девять человеках для промыслу»[12]. Документ позволяет локализовать Кривощёкин завод поблизости от устья реки Барнаул, немного ниже по течению Оби, то есть примерно на уровне будущей Белоярской крепости.

По замыслу Б. А. Сиянвина, прибывший из Бердского острога «до Кривощеку» казак должен был взять трёх местных жителей, которым поручалось «проложить прямую новую дорогу чрез степь до черни на Бийскую дорогу». Закончить работу и прибыть в Кузнецк им предписывалось не позднее 9 мая (док. № 47).

Итак, в конце марта 1717 г. полковник Борис Синявин уже разработал и начал осуществлять свой собственный план возведения новой крепости на берегу Оби. Местом её строительства была выбрана новозаведённая чаусскими жителями деревня Кривощёкова — крайний пункт крестьянской колонизации Верхнего Приобья. Именно туда Синявин предполагал послать полк из Кузнецка, а также отряды из Бердского и Мунгатского острогов. Поход к месту строительства должен был начаться в середине мая.

Получив 3 апреля в Кузнецке указ сибирского губернатора «вскорости на Бие и на Катуне зделать город в крепком месте или где пристойнее будет», кузнецкий комендант не стал менять свой план, тем более что указ М. П. Гагарина допускал самостоятельный выбор места, «где пристойнее будет». Уже к 6 апреля в Кузнецке был объявлен указ «дабы к походу для строения города и острогов в половине месяца майя были все в готовности»[13]. Приказчикам Бердского и Мунгатского острогов Синявин 6 апреля дал задание составить именные списки тех, кто готов «быть с ружьем и з запасы к строению новаго города и острогов». Эти списки он требовал прислать в Кузнецк в первых числах мая. Спустя месяц, 11 мая, Синявин дополнил свой приказ распоряжением сыну боярскому Ивану Гвинтовкину: «Переписать бы тебе в Кузнецку и в Кузнецком уезде во всех деревнях и на Мерети для нового городового строения пришлых гулящих людей всех без утайки, и у кого есть какого ружья, пищалей и луков, также и лошадей. И сколько бу-

---

ка // Вопросы истории и историографии Алтая и Сибири. Барнаул, 1994. С. 5–33.

[7] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2691. Л. 13 об.

[8] Устьянские волости находились в бассейне реки Сухоны на территории современной Архангельской области.

[9] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2691. Л. 15–15 об.

[10] Там же. Л. 6 об.

[11] Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1986. С. 23.

[12] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 42 об. Опубл.: Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. Док. № 6, с. 51.

[13] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

дет по переписке их с ружьем и лошадьми, и что без ружья и безконных, расписать порознь»[14].

В первой половине мая приказчики сообщили с мест о готовности людей[15]. Когда в Кузнецк уже были доставлены списки участников готовящегося похода, 16 мая из Бердского острога пришло тревожное известие. Бежавший из калмыцкого плена «томскаго присуда… татарин Мишка Бекенев» сообщил бердскому приказчику, что по рассказам плениших его «черных калмыков» (ойратов), на реке Алей стоит войско в две тысячи человек. «А с Алею де хотели послать в Кузнецкой послов с выгаваром о Богораке[16]: ежели Багарака ис Кузнецка отдадут, войны на Кузнецк не будет, а не отдадут, то де войною по времени на Кузнецк пойдем»[17]. Узнав об этом, Б. А. Синявин 17 мая приказал Ивану Буткееву «не медля ни малого времени, послать на Кривощеков завод берских беломесных казаков и велеть проведать подлинно о калмыках: где они ныне кочуют»[18].

Отдав распоряжение об организации разведки в калмыцкой степи по Алею, Синявин продолжил подготовку к походу на Обь. 26 мая он послал мунгатскому и бердскому приказчикам «наказные памяти», где детально прописывались их действия при отправке отрядов строителей.

Руководителю ведомства Мунгатского острога Василию Соколову приказывалось собрать по именной росписи 104 человека «с ружьем и з запасы», и «ехать с ними на дальной Бачат к черни июня с 1-го числа неотложно в намеренной путь на Обь для городового новаго строения». «А полк ис Кузнецка, — добавлял Б. А. Синявин, — отправитца с того ж июня с 1-го числа выше означенною дорогою чрез Бачаты»[19].

Бердский приказчик Иван Буткеев должен был собрать самый крупный отряд строителей — 261 человек. Из них небольшую часть крестьян кузнецкий комендант приказал «послать з запасы на Кривощоков завод, где городу быть». Самому Буткееву во главе основного отряда предписывалось «ехать… налегке… чрез степь вверх по Чумышу до жилищ ясачного татарина Чабаша июня с 1-го числа неотложно». «А полк ис Кузнецка, — добавлял Б. А. Синявин, — отправитца с того ж июня 1-го числа выше означенною дорогою чрез Чебашевы жилища». Специально оговаривалось, что если бердский отряд прибудет на Чумыш раньше кузнецкого полка, то Буткееву следовало «делать для переправы плоты или боты» (док. № 48).

Маршрут, намеченный для кузнецкого полка Б. А. Синявиным, ясно показывает, что изначально никакого строительства на устье Бии и Катуни не предполагалось. Вместо того, чтобы идти на юго-запад по Бийской дороге[20], полк направлялся на северо-запад «на дальной Бачат, к черни», то есть на вершину одного из Бачатов, в тайгу. Оттуда, соединившись с отрядом из Мунгатского острога, войска должны были идти на Чумыш до «Чебашевых жилищ» и после переправы через реку продолжить путь до Кривощёковой деревни на Оби, которая располагалась где-то неподалёку от современного Белоярска (сейчас район города Новоалтайска).

Знакомство с современной географической картой позволяет понять этот на первый взгляд странный маршрут (рис. 34). Именно от верховий реки Бачат можно через небольшой водораздел выйти на истоки реки Аламбай, которая прямой дорогой приводит на Чумыш. Оттуда, переправившись на левый берег Чумыша в районе современного города Заринска, легко попасть на истоки рек Черемшанки или Чесноковки, впадающих в Обь вблизи того места, где летом 1717 г была построена Белоярская крепость.

Тем временем в Бердский острог поступили сведения о результатах разведки в верховьях Оби. 28 мая Иван Буткеев написал кузнецкому коменданту: «Сего 717-го году майя 28 дня писал ко мне з заводу в Бердевской острог Федор Кривощек. Ездели де они, Федор, вверх по Обе реке горою и водою, и никаких они воровских людей калмыков не видали». Выражение «по Обе реке горою» определённо свидетельствует о том, что разведчики двигались по высокому левому берегу Оби, где «калмыцкая степь» подходила к реке. Хотя сам Фёдор кочевников не встретил, он сообщал Буткееву, что «промышленники», которые побывали на левобережье ранее и рискнули уйти от Оби вверх по реке Алею на расстояние «три днища», имели столкновение с подданными хунтайджи. По словам Кривощёка, промысловики были «розбиты» и, спасаясь от погони, «ушли за Обь на свою сторо-

[14] Там же. Л. 10; Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 12.

[15] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 31–35 об., 38–39 об. Первый документ частично опубликован: Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. Док. № 7, с. 38–39.

[16] Речь идет о Байгороке — пленённом теленгетском князе, который с 1714 г. содержался в Кузнецке (см.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 77).

[17] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 42 об. Опубл.: Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. Док. № 6, с. 51.

[18] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–11 об.

[19] Там же. Л. 13. В статье А. П. Уманского со ссылкой на этот же документ датой сбора отрядов на р. Бачат ошибочно названо 14 июня (Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 13). Возможно, это следствие опечатки.

[20] «Дорога от устья Бии и Катуни до Кузнецкаго [города]» показана на карте Кузнецкого уезда в «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова, она проходила восточнее вершин Чумыша (Чертеж земли Кузнецкаго города // Сочинения С. У. Ремезова: В 4 т. Т. 3. Служебная чертежная книга: Факсимильное издание. Тобольск, 2006. Л. 82).

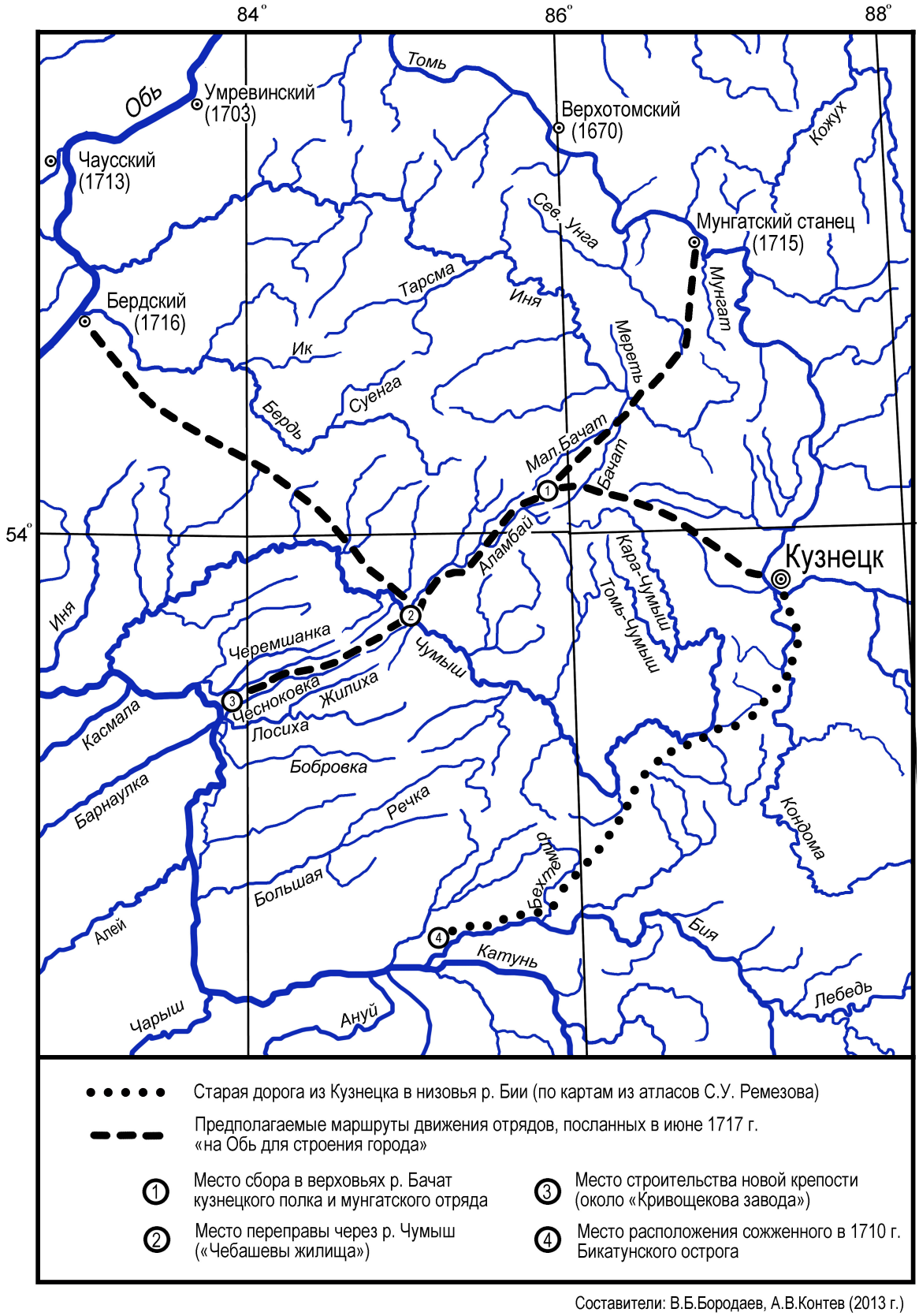


Рис. 34. Реконструкция маршрутов движения отрядов строителей Белоярской крепости из Бердского острога, Мунгатского станца и Кузнецкой крепости. Июнь 1717 г.

ну». В заключение основатель Кривощёковой деревни убеждал бердского приказчика, что Буткеев может жить без опасения (док. № 49).

Сообщение об итогах разведки стало последним донесением Ивана Буткеева в Кузнецк. В разгар подготовки к намеченному на 1 июня выступлению в поход, «717-го году майя в 31 день прикащик Иван Буткеев убил себя ис пистолета до смерти»[21]. Обстоятельства гибели бердского приказчика неизвестны. Возможно, выстрел произошёл при проверке оружия перед походом.

Намеченный на 1 июня выход полка из Кузнецка не состоялся. Причины этого не ясны. Вряд ли отмена выступления в уже намеченный срок прямо связана с гибелью бердского приказчика, поскольку известие о его смерти в Кузнецке получили лишь 7 июня.

Трагическое происшествие заставило Синявина внести коррективы в план предстоящего похода. В Бердский острог кузнецкий комендант 9 июня отправил сына боярского Тимофея Безсонова. Ему было приказано: «Взять беломесных и оброчных и пришлых гулящих людей по переписки бывшего прикащика Ивана Буткеева, и итти с ними для строения новой крепости на Кривощекин завод. А пришед, делать вопче с кузнецкими служилыми городовое строение вскорости» (док. № 50).

Все распоряжения кузнецкого коменданта о подготовке к походу начинаются фразой, так или иначе повторяющей указ из Тобольска: «Велено на усть Бии и Катуне зделать город в крепком месте». Между тем анализ этих распоряжений приводит к неожиданному заключению: полковник Борис Акимович Синявин на устье Бии и Катуни людей не посылал, его план весной 1717 года изначально был другим — местом для новой крепости он выбрал район Кривощёкина завода. Об этом прямо говорится в наказе Тимофею Безсонову, который должен был привести бердских людей на Кривощёкин завод и там «делать вопче с кузнецкими служилыми городовое строение вскорости». Отсюда следует, что конечной точкой маршрута кузнецкого отряда по-прежнему оставалось заселье Фёдора Кривощёка, расположенное на правом берегу Оби неподалеку от устья реки Барнаул.

В этой связи представляет интерес текст донесения руководителя кузнецкого отряда дворянина Ивана Максюкова о завершении строительства крепости. Сначала он по правилам делопроизводства пересказывает суть наказа Б. А. Синявина («ехать ис Кузнецка на усть Бии и Катуни и зделать город в крепком месте»), после чего пишет: «А по досмотру на усть Бии и Катуне удобных мест, крепких к городовому строению, нет… А осмотрел я с служивыми людьми угодное место к городовому строению над рекою Обью, ниже катунского устья верст шездесят, белой яр высокой» (док. № 55). Итак, выбор места на Белом Яру, по словам И. Максюкова, делал он сам, тогда как про устье Бии и Катуни говорится как об уже известном районе. Максюков нигде не упоминал о походе его отряда на устье Бии!

Ещё в 1975 г. Алексей Дмитриевич Сергеев (1930–2002) писал: «В 1717 году кузнецкому дворянину Ивану Максюкову было приказано вновь построить Бикатунскую крепость. Иван Максюков с большим отрядом строителей и казаков направился через более или менее заселенные русскими места по реке Чумышу и на берегу Оби, у белого яра, поставил Белоярскую крепость». По мнению автора, Максюков сразу повёл отряд на Чумыш и Обь, а не на устье Бии и Катуни, в нарушение приказа Синявина, что якобы вызвало гнев кузнецкого коменданта[22].

Юрий Сергеевич Булыгин (1931–2000), справедливо назвав рассказ о гневе Синявина художественным вымыслом, с маршрутом отряда в изложении А. Д. Сергеева фактически согласился. «Скорее всего, — предполагал он, — место строительства первой крепости было оговорено вскоре после 15 июня 1717 г., и, возможно, И. Максюков, хорошо зная месторасположение старого острога, сожжённого кочевниками, даже и не водил всего отряда на то место, ограничившись разведкой. <…> И. Максюков, возможно, сразу двинулся к Оби не на юго-запад, а на запад, ближе к устью Чумыша»[23].

Позднее А. П. Уманский реконструировал совершенно другой маршрут отряда: «Через чернь и отроги Салаира он вышел на Калмыцкую дорогу — на правый берег р. Бехтемир (правый приток Бии) и по нему до Бии»[24]. Как мы пытались показать выше, документы марта—июля 1717 г. позволяют утверждать, что кузнецкий полк во главе с Иваном Максюковым на Бию не ходил. Причём маршрут на Чумыш и Обь был разработан заранее, задолго до выхода из Кузнецка. Вся ответственность за такой план изначально лежала на полковнике Борисе Акимовиче Синявине.

На наш взгляд, права Нина Адамовна Миненко, первой сформулировавшая тезис: «В 1717 году по распоряжению кузнецких властей на месте второй Кривощековской деревни (Кривощекина завода. — *Авт.*) соорудили крепость, получившую

[21] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.

[22] Сергеев А. Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975. С. 20.

[23] Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма): межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1986. С. 21.

[24] Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 14.

название Белоярская»[25]. С таким выводом позднее согласился Ю. С. Булыгин, который писал о наличии где-то близ строящейся Белоярской крепости «заселья, заведенного служилым человеком Федором Криницыным-Кривощеком»[26].

Новая дата выхода в поход для строительства города на Оби появляется в приказе Синявина от 11 июня. В наказной памяти мунгатскому приказчику Василию Соколову он требовал мунгатский отряд «выслать с ружьем и з запасы сего июня с 16-го числа неотложно. И велеть ехать на дальной Бачат, к черни, чтоб им съехатца на оном урочище с кузнецкими служивыми людми, и итти на Обь для строения города». Таким образом, маршрут движения оставался прежним, изменилась только дата: кузнецкий полк отправлялся на Обь через дальний Бачат, где 16 июня с ним должен был соединиться отряд из Мунгатского острога под руководством пятидесятника Терентия Устюжанина (док. № 51).

15 июня кузнецкий дворянин Иван Максюков получил от полковника Бориса Синявина наказную память (инструкцию). Ему предписывалось принять «по наряду» (составленным в Кузнецке именным спискам) отряд, состоящий из 150 служилых людей «ис Кузнецка», 10 абинских служилых татар (шорцев), 20 подгородных выезжих белых калмыков (телеутов). Кроме 180 человек, отправлявшихся из Кузнецка, под командование Максюкова поступали отряд в 104 человека из Мунгатского острога и собранные И. Гвинтовкиным «мерецких деревень жители», число которых не указывалось (док. № 52).

Отдельным пунктом оговаривалось: «К тому городовому строению вспоможении велено к тебе быть немедленно из Берского острога кузнецкому сыну боярскому Тимофею Бессонову и с ним по наряду берских беломесных, и оброчных, и гулящих людей двести шесдесят человек». Как мы уже знаем, встречаться кузнецкому и бердскому отрядам полагалось на Оби вблизи Кривощёкина завода, а не на устье Бии. После объединения отряд строителей должен был насчитывать около шестисот человек[27].

Ещё 26 мая 1717 г. Б. А. Синявин писал томскому обер-коменданту князю Ивану Ивановичу Щербатому и просил военной помощи, мотивируя это тем, что будто бы уже «посланы из Кузнецка для строения новой крепости на устьи Бии и Катуни по наряду всякого чина служивых людей и детей их 750 человек, мунгацких беломесных и оброчных 150 человек, жалованных татар и выезжих белых калмыков 150 человек»[28]. В действительности отряд вышел из Кузнецка только через три недели, и численность его была почти вдвое меньше. Следует согласиться с А. П. Уманским, который предполагал, что глава Кузнецкого уезда сознательно завысил численность отряда якобы ушедших строителей, чтобы преувеличить опасность и принудить Щербатова поскорее прислать помощь[29].

Помимо людей Ивану Максюкову в Кузнецке передавались пять полковых знамён. Одно из них полагалось передать приказчику новопостроенного города. Четыре других флага, по-видимому, предназначались для четырёх отрядов, переданных под командование Максюкова.

Из артиллерии кузнецкий полк получил четыре большие и шесть малых пушек, ядра к ним, порох и свинец. Сведения о личном вооружении сохранились только для мунгатского отряда. Данные именного списка, составленного в начале мая Василием Соколовым, отражены в табл. 4.

Таблица 4

Вооружение отряда строителей из Мунгатского острога (май 1717 г.)

Вооружение	Беломестные казаки	Казачьи дети	Оброчные люди	Тюлюберские татары
С ружьями	19	3	4	?
С луками («с сайдаки»)	6	4	8	?
Безоружные	—	10	37	?
Итого	25	17	49	13

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 32–33 об. Последнего листа списка в деле нет. Но общее число оброчных безоружных (37 человек) указано в памяти мунгатскому приказчику В. Соколову от 26 мая (РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 13). Благодаря этому удаётся определить численность тюлюберских татар.

Из 104 человек не более тридцати обладали ружьями, почти столько же имели только луки со стрелами, примерно половина отряда была лишена всякого оружия. Учитывая это, Синявин отправил лодкой вниз по Томи в Мунгатский острог двадцать пищалей и самопалов «старого передела», двадцать пять копий, двадцать три пики «без древок». Порох и свинец для мунгатцев посылался с полком Максюкова (док. № 51).

Выбор удобного места для будущей крепости возлагался на самого Максюкова. Там он должен был построить «деревянную рубленную крепость

[25] Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1986. С. 23.

[26] Булыгин Ю. С. 280 лет со времени сооружения Белоярской крепости // Страницы истории Алтая. 1997 г.: календарь памятных дат. Барнаул, 1996. С. 43.

[27] Из Кузнецка с Максюковым отправлено 180 человек, из Мунгатского острога 104 человека, из Бердского 260 человек, что в сумме составляет 544 человека. «Мерецких жителей» вряд ли было более пятидесяти человек. А. П. Уманский, приводя по тому же документу те же цифры, почему-то писал, что «в отряде насчитывалось всего около 750 человек» (Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 13).

[28] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.

[29] Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 13.

Рис. 35. Фрагмент современной топографической карты с изображением Велижановского Елбана.

1 — протока Старая Обь; *2* — протока Балдин; *3* — Велижановский Елбан; *4* —залив-курья; *5* — заболоченная пойма; 6 — ручей-исток, текущий из болота в Старую Обь; *7* — место слияния рек Большая и Малая Черемшанка

четвероугольную, з башни с пошпешением и зделать городовому строению чертеж подлинной» (док. № 52).

Синявин допускал, что намерение русских построить новую крепость на берегу Оби может вызвать протест со стороны ойратов. В этом случае инструкция предписывала Максюкову говорить калмыкам: «Та земля нашего великого государя… Понеже та земля вверх по Обе реке по левую сторону и до Алтына озера царского величества». Выражение «вверх по Обе реке по левую сторону» означало обское правобережье, территории от Томи до Оби. Для кузнецкого коменданта граница собственного уезда летом 1717 г. виделась по правым берегам Оби и Бии, до Телецкого озера. Это вполне соответствовало указу сибирского губернатора М. П. Гагарина, полученному 3 апреля, который требовал построить крепости на Чумыше, устье Бии и на Алтын озере.

Помня о военных поражениях 1710 г. на Бии и 1716 г. у Ямышевского озера, полковник Синявин отдельным пунктом предписал Максюкову уклоняться от сражения, если он встретит на правобережье сильного противника. В таком случае надо было «стоять, ополчася, в крепком месте» и срочно сообщить об этом в Кузнецк. Наоборот, если «по сей стороны Оби» (со стороны Кузнецка) встретятся не военные отряды ойратов, а юрты кочевников, то Синявин требовал «на тех калмыков итти войною».

Первым приказчиком будущего города Синявин решил назначить кузнецкого дворянина Степана Серебреникова. Передав ему построенную крепость, Иван Максюков должен был оставить в качестве гарнизона 25 казаков из Кузнецка и 5 абинских татар, 10 казаков из Мунгатского острога и 50 человек из Бердского (30 казаков и 20 крестьян), всего 90 человек. Для защиты крепости следовало передать Серебреникову половину артиллерии (две большие и три малые пушки), свыше трёхсот ядер, порох и свинец.

Поскольку сразу предполагалось строить крепость не на Бии, а в районе современного города Новоалтайска, основу гарнизона будущего города на Оби должны были составить жители ведомства Бердского острога (док. № 54). Их следовало менять ежемесячно. Кузнецким и мунгатским казакам предписывалось оставаться на новом месте службы до специального указа.

Ровно через месяц, 15 июля 1717 г., вернувшийся в Кузнецк Иван Максюков доложил полковнику Б. А. Синявину, что «по досмотру на усть Бии и Катуне удобных мест, крепких к городовому строению, нет», а выбрал он высокий белый яр,

Рис. 36. Велижановский Елбан на снимке из космоса.

Цифровые обозначения соответствуют обозначениям на рис. 35. ✕ — наиболее вероятное, по мнению авторов, место расположения Белоярской крепости; ◘ — предположительное место расположения Белоярской крепости по итогам исследований Я. В. Фролова (2009, с. 51)

расположенный примерно в шестидесяти верстах ниже по Оби от устья Катуни. В действительности от Белоярской крепости до катунского устья по прямой дороге около 150 км, вдоль Оби — примерно 200 км. Российская путевая верста в 500 сажен равнялась 1066,8 метрам, то есть была близка современному километру. Ю. С. Булыгин предполагал, что Максюков оперировал так называемыми «двойными верстами», длина которых равнялась 1000 сажен[30]. Однако и в этом случае расстояние, указанное в доезде Ивана Максюкова, оказывается меньше реального. Впрочем, в 1734 г. Г. Ф. Миллер писал, что «Белоярская крепость… расположена примерно в 120 верстах ниже Бикатунской крепости по прямой дороге на северо-восточном берегу Оби»[31], то есть в шестидесяти двойных верстах. Примечательно, что в Сибирском приказе Белоярская крепость ещё долго ассоциировалась с рекой Бией. Например, в ведомости о сибирских крепостях, составленной в мае 1744 г. для Сената, сообщалось: «Белоярская [крепость] — на низ реки Бие, на устье реки Черноновки, которая впала в вышеозначенную реку Бие»[32].

Весьма приблизительно оценив удалённость новой крепости от устья Бии и Катуни, Максюков

[30] В России вплоть до второй половины XVIII в. наряду с «путевой» верстой, равной 500 саженям, употреблялась «межевая» верста длинной 1000 саженей (ПСЗ РИ-1. Т. 17: 1765–1766. № 16569, с. 736, 743). В Сибири XVII–XVIII вв. межевая или «двойная» верста использовалась не только для размежевания, но и для измерения расстояний между населёнными пунктами (Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 194, примечание).

[31] Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подгот. и пер. с нем. А. Х. Элерта. Новосибирск, 1996. С. 24. (Серия: История Сибири. Первоисточники, вып. 6).

[32] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1584. Л. 91. Поместив Белоярскую крепость на устье Бии, составители описания про Бийскую крепость сообщили: «Бикитанская, а по ланкарте Бикатунская, на реке Бие с верховья той реки» (там же).

в своём донесении сообщил важные топографические ориентиры выбранного им места: «Белой *яр* высокой, длиною девятьсот сажен, поперег сто десять сажен. И от того яру с верхную сторону Усмар курья, и от вершины курьи болота, и из того болота источина до нижнего конца яру течет в Обь» (док. № 55).

Заимствованным из тюркских языков словом *яр* в Западной Сибири назывался крутой обрывистый берег реки[33]. Курьёй на севере Европейской России называли речной залив — глухой рукав реки, теряющийся в болотах. В Сибири этим же словом обозначали рукав реки, закрытый с одной стороны мелью, а также пойменные озёра, соединённые с рекой протокой. От старицы курью отличало то, что она имела течение[34]. Выражение «Усмар курья», использованное Максюковым, означает «обская курья», поскольку местные тюркские народы реку, которая русским была известна как Обь, называли Умар. Этот топоним (в форме Йамар) фиксируется в центральноазиатских письменных источниках с XI в.[35] В течение многих столетий тюрки именовали великую сибирскую реку Умар. Так продолжалось и в XVIII в., когда русские уже принесли в Южную Сибирь название «Обь»[36].

Судя по описанию Максюкова, обской залив ограничивал Белый Яр «с верхную сторону», то есть выше по течению Оби. Глухой конец залива («вершина курьи») заканчивался в болотах. Из того же болота далее вытекал ручей («источина»), который впадал в Обь у «нижнего конца яру», то есть ниже по течению. Попробуем обобщить эти данные, учитывая, что Обь преимущественно течёт с юга на север. Итак, по словам Ивана Максюкова, он построил крепость на правом берегу «над рекою Обью». Со стороны Оби (с запада) площадка обрывалась в сторону реки высоким песчаным яром «белого» цвета. Выше по течению Оби (с юга) Белый Яр ограничивала «Усмар курья». С третьей (восточной) стороны располагались болота. С четвёртой (северной) стороны, у нижнего конца обрыва в Обь впадал вытекающий из болота ручей. Фактически выбранное для строительства крепости место являлось островом-останцом в пойме Оби. При весеннем разливе реки его со всех сторон должна была окружать вода.

Описание 1717 г. хорошо ложится на современную географическую карту (рис. 35). Сейчас это место называется «урочище Велижановский Елбан»[37]. Поросший соснами останец возвышается над Обью на 30 метров. Во время разлива он превращается в остров. Когда вода спадает, четко видны, и залив-курья, и обширная заболоченная пойма, и ручей-исток, над которым сейчас проходит автомобильная дорога (рис. 36).

На картах 1750-х гг. Белоярская крепость, в которой находилась Петропавловская церковь[38], располагалась на правом берегу Оби между реками Чесноковкой и Черемшанкой. На картах 1752 и 1757 гг. это место нарисовано как обрывистый мыс[39]. На тех же чертежах севернее крепости, при слиянии рек Большой и Малой Черемшанок, обозначена деревня Юдина. В 1760-е гг. эту деревню стали называть Белоярской слободой, поскольку здесь был возведён храм, сменивший обветшавшую церковь Белоярской крепости.

У историков-краеведов давно не вызывает сомнений локализация Белоярской крепости, построенной в 1717 г., на современном Велижановском Елбане. Однако точное место, где стояла обнесённая рвом деревянная крепость, до сих пор археологами не выявлено. Сообщения об обнаружении этого места изредка появляются в печати[40], но все они пока не подкреплены убедительными археологическими находками[41].

---

[33] Словарь географических терминов Западной Сибири / сост. М. Ф. Розен. Л., 1970. С. 83.

[34] Там же. С. 35.

[35] Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк [Словарь тюркских наречий] / перевод, предисловие и комментарии З.-А. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 112, 487, 761, карта-вклейка 1; Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 85 (прим. 73), 207, 586.

[36] Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. СПб., 2010. С. 192, пункт 111.

[37] Фролов Я. В. К вопросу о месте расположения Белоярской крепости // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. 17. С. 51. Елбаном называется отдельная протяжённая возвышенность. Велижановка — ближайший населённый пункт (в пригороде Новоалтайска).

[38] ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 25–26.

[39] ГААК. Ф. 50. Оп. 12. Д. 231-а (1750 г.); РГИА. Ф 485. Оп. 5. Д. 511. Л. 6 (1752 г.); ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 1 (1757 г.).

[40] Где крепость зарыта? [Электронный ресурс] // Маркер-Экспресс. 2006, 8 авг. URL: http://altapress.ru/story/10682; Раскопки // Наш Новоалтайск. 2006, 9 сент.; На месте Белоярской крепости в Новоалтайске планируют построить круглогодичную базу отдыха [Электронный ресурс] // Алтапресс.ру. 2006. 15 сент. URL: http://altapress.ru/story/26104; Гречухин В. Крепость в Белоярске была! // Два слова. 2007. 12 сент.; Шамшин А. Б. История Белоярской крепости и ее значение для присоединения и хозяйственного освоения юга Верхнего Приобья русскими // Сохранение и и зучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. 17. С. 55–64; Полянин В. Сенсация ради сенсации? [Электронный ресурс] // Алтайская правда. 2013. 25 окт. URL: http://ap22.ru/paper/paper_10916.html; Тишкин А. А. Белоярская крепость: новые результаты поиска // Алтай в истории российской государственности: материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 2012. С. 25–28.

[41] Графические материалы, связанные с раскопками, ко времени завершения работы над этой книгой остаются неизданными. Они были представлены Алексеем Алексеевичем Тишкиным в качестве иллюстраций к его

Рис. 37. Фрагмент карты 1775 г. с обозначением старого и нового места расположения Белоярской слободы.

1 — «река Обь»; *2* — протока «Балдин»; *3* — «стара слобода Белоярска»; *4* — «перевоз чрез реку Обь»; *5* — «сло[бода] Белоярска» на месте слияния рек Большая и Малая Черемшанка

Барнаульский историк Ярослав Владимирович Фролов, сопоставив картографические материалы XVIII–XX вв., пришёл к выводу, что «Белоярская крепость располагалась в месте, носящем современное название урочище „Велижановский мыс“ и размещалась в юго-западной его части»[42]. Действительно, на карте 1775 г. «старая слобода Белоярска» отмечена на юго-западном конце возвышенности[43]. Причём точка поставлена не на обрывистом обском берегу, а со стороны курьи (рис. 37). Исходя из этого, Я. В. Фролов предположительно локализовал Белоярскую крепость не на западной, наиболее высокой оконечности мыса, а в южной стороне елбана, на пологой возвышенности со стороны курьи[44].

Это предположение вызывает некоторые сомнения. Во-первых, указанный участок расположен не на Белом Яру. Во-вторых, это не самое

докладу «Белоярская крепость — проблемы изучения и использования памятника в туристической деятельности», который был сделан в Барнауле 17 апреля 2014 г. на круглом столе «Использование памятников начала XVIII века на территории Алтая в музейной и туристической деятельности». Судя по демонстрировавшимся чертежам и фотоматериалам, предполагается, что остатки крепости прослежены археологами АлтГУ на высшей точке Велижановского елбана. Эти сведения вполне согласуются с нашими выводами, сделанными на основании анализа документов и карт (см. рис. 36).

[42] Фролов Я. В. К вопросу о месте расположения Белоярской крепости… Барнаул, 2009. Вып. 17. С. 54.

[43] ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 447.

[44] Фролов Я. В. К вопросу о месте расположения Белоярской крепости… С. 52, рис. 3. Схема не совсем согласуется с авторским выводом, поскольку стрелкой отмечено место на южной кромке Велижановского Елбана, а не в юго-западной его части.

Рис. 38. Фрагмент карты 1846 г. с обозначением фарватера реки Оби и «места бывшей деревни Белоярской» около горы Силичева – высшей точки Велижановского Елбана

высокое место Велижановского Елбана. В-третьих, из построенной здесь крепости нельзя было контролировать русло Оби и речную пойму. Наконец, в этой части елбан значительно шире, чем указано в документе 1717 г.

Вместе с тем в своих исследованиях Я. В. Фролов упоминает и другое вероятное место расположения Белоярской крепости – ровную высокую площадку на западной оконечности мыса, неподалёку от яра[45]. Именно здесь ширина Велижановского мыса соответствует описанию Ивана Максюкова (110 саженей[46]), что, на наш взгляд, является важным аргументом в локализации исчезнувшего «города».

На карте 1846 г., изображающей обской фарватер от Барнаула до устья Чумыша, специально обозначено «место бывшей деревни Белоярской» на «горе Силичева»[47], как тогда называли наивысший участок Велижановского мыса (рис. 38). Юго-западный склон песчаной горы обрывается яром в сторону «р. Мочиха» – той самой Усмаркурьи, о которой сообщал Иван Максюков. Примечательно, что у местных жителей до сих пор устье курьи зовётся «Мочихой».

Споров историков и краеведов могло бы быть гораздо меньше, если бы в архивах удалось найти

[45] Фролов Я. В. К вопросу о месте расположения Белоярской крепости... С. 51; Фролов Я. В. Местоположение Белоярской крепости // «Белоярская крепость» – российский форпост на Алтае [Электрон. ресурс] / Я. В. Фролов, Д. С. Калашников, А. А. Ситникова; НПЦ «Наследие». Барнаул, 2008. CD-диск.

[46] Сажень равнялась 2,16 м.

[47] ГААК. Ф. 50. Оп. 10. Д. 281. Л. 3.

чертёж, который вместе с текстом своего донесения передал Б. А. Синявину в Кузнецке Иван Максюков. К сожалению, шансы обнаружить этот документ крайне малы: кузнецкие чертежи второго десятилетия XVIII в. историкам пока не известны.

Несмотря на отсутствие чертежа, некоторое представление о новой крепости можно получить из описания, оставленного Максюковым: «Построил я рубленную деревяную крепость мерою длиннику и поперек дватцать сажен, по углам четыре башни, и под башнями жилых четыре избы. А посреди крепости казенной анбар, где держат пороховая и всякая казна» (док. № 55). Названные размеры укрепления (20×20 саженей) и планировка были стандартными для того времени. В каждом углу квадратного в плане укрепления стены примыкали к бревенчатым избам, над которыми возвышались башни. Указание Максюкова на то, что он построил «рубленную деревяную крепость», по-видимому, означало, что был возведён не острог с частоколом из вертикальных заострённых брёвен, а крепость со стенами из горизонтальных брёвен, связанных в сруб.

Такому предположению противоречит описание Г. Ф. Миллера, который, характеризуя в 1734 г. Белоярскую крепость, сообщал: «Сооружение состоит из четырехугольного палисада, каждая сторона которого в 20 саженей, с боевыми башнями по углам и еще с башней над воротами крепости со стороны, где к ней есть подход. Эти башни имеют артиллерию из 2 трехфунтовых и 3 маленьких железных пушек, калибр которых не указан»[48]. Палисад, в отличие от заплота, всегда представлял собой ограждение из вертикально стоящих брёвен или жердей. Сплошной палисад с заострёнными сверху концами брёвен назывался частоколом и был характерен для острогов. Впрочем, сам путешественник крепость не посещал, в основу его описания, по-видимому, положена справка, составленная в Кузнецкой воеводской канцелярии[49].

Строительство на Белом Яру длилось менее месяца. К середине июля Иван Максюков передал управление гарнизоном кузнецкому дворянину Степану Серебреникову, который ещё до начала похода был назначен Синявиным первым приказчиком будущей крепости.

Таким образом, возведение новых российских укреплений в Верхнем Приобье — Чаусского (1713), Мунгатского (1715), Бердского (1716) острогов и Белоярской крепости (1717) велось по одному и тому же принципу: каждое новое укрепление закладывалось на месте, которое уже было обжито российскими крестьянами-первопроходцами. Вплоть до 1718 г. военное строительство в этом регионе шло вслед за народной колонизацией.

В наказной памяти, данной первому приказчику при отправлении его из Кузнецка, полковник Б. А. Синявин требовал от Серебреникова не терять бдительности, охранять укрепление днём и ночью, а в заключение грозно предупреждал, что, если «ты своею оплошкою и нерадением оной город неприятелю, хотя с принуждением, отдашь или за какими мирными договорами без указу великого государя уступишь так, как и прежде отдан острог контайшиным калмыком на усть Бии и Катуне», то и сам приказчик, и оставшийся гарнизон «все казнены будут смертию в Кузнецку, не описываяся в Тоболеск» (док. № 53).

Инструкция требовала от С. Серебреникова вести наблюдение («подсмотр») за подданными хунтайджи «на сей стороне Оби», то есть на правобережье. При обнаружении небольших групп калмыков следовало «послать на них служилых людей войною». Если те же калмыки согласились бы вступить в российское подданство («быть за государем»), то им разрешалось жить на правобережье Оби, на землях нового ведомства. Однако сначала предписывалось взять в крепость из их числа «человека по два» в заложники (аманаты). Поскольку любой приход кочевников воспринимался как потенциальная опасность, Синявин запретил позволять им селиться ближе чем в десяти верстах от «новопостроенного города» и требовал бдительности, «чтоб обманом оне над вами какова вымысла не зделали так, как у Ямыша озера».

Из российских подданных приказчику Серебреникову разрешалось селить в своём ведомстве всех пришедших «гулящих разных городов людей», то есть тех, кто по собственной воле покинул место своего прежнего проживания. Исключение делалось только для выходцев из соседнего Томского уезда, селить которых на территории Кузнецкого уезда Синявин запретил (док. № 53), поскольку ещё в апреле 1717 г. он получил предписание губернатора «томским ни за каким промыслом на кузнецкую сторону отнють ходить не велено» (док. № 39).

В тексте наказа будущую крепость на Оби кузнецкий комендант везде называл «городом». Напомним, что М. П. Гагарин своим указом предписывал построить один город и несколько новых острогов вплоть до Алтын озера. Очевидно, именно такой город (главную крепость и административный центр) Синявин планировал создать

---

[48] Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири… С. 25.

[49] Обстоятельства основания Белоярской крепости кратко изложены в справке Кузнецкой воеводской канцелярии, составленной по запросу Г. Ф. Миллера в сентябре 1734 г. Однако там нет описания самой крепости (РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Л. 156). Из какого источника путешественник взял описание крепости, нам неизвестно.

на Оби неподалёку от Кривощёковой деревни. Опираясь на тексты документов 1717 г., Ю. С. Булыгин отмечал, что Белоярскую крепость «первоначально предполагали по мере заселения превратить в город, подобный Кузнецку»[50].

В пользу такого утверждения говорит другая специальная инструкция Б. А. Синявина, написанная для Серебреникова в июне 1717 г. В ней кузнецкий комендант требовал: «Гулящим людем, до указу селитца деревнями не велеть, а строились б дворами около крепости, в близосте, улицами. И чтоб улицы были прямы. И те дворовые места отводить им всем равные. А будет которыя поселились от города заимками в дальности, и тех велеть всех свесть, и велеть селитца при городе слобадами, дабы умножить селения при той крепости»[51]. Здесь прямо говорится о формировании и правильной уличной застройке городской слободы.

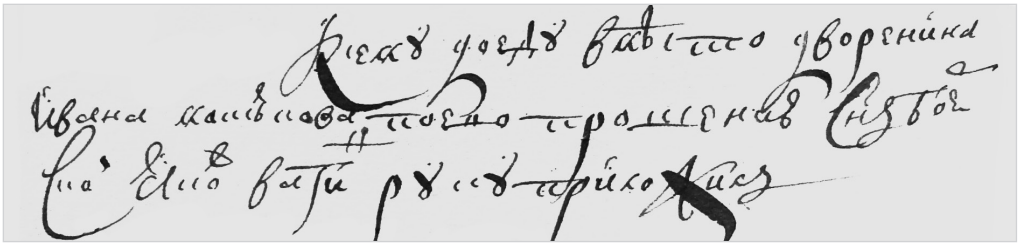
Впрочем, географические особенности места, выбранного Иваном Максюковым, оставляли новой крепости слишком мало шансов для превращения в город. Возвышенность, весной окружённая со всех сторон водой, имела размеры примерно 2,0×0,2 км — слишком малую для поселения крестьян. Ещё одним отрицательным фактором была отдалённость от традиционных дорог и торговых путей, а также неудобства при переправе через Обь (в районе Белоярской крепости ширина труднопроходимой обской поймы составляет несколько километров). С другой стороны, широкая пойма и окружающие болота служили дополнительной защитой от внезапного нападения. «Положение крепости очень благоприятное, — писал Г. Ф. Миллер. — С двух сторон она окружена Обью, которая здесь делает поворот, а с третьей — болотами, маленькими озерами и разливами Оби в этой низменной местности»[52]. Выбор Максюкова был удачен с военно-фортификационной точки зрения, но малоперспективен для будущего градостроительства. Уже в 1734 г. весь остров был окружён обводной бревенчатой стеной-заплотом, внутри которой было «построено много частных домов вместе с церковью, посвященной святым апостолам Петру и Павлу»[53]. Дальнейший рост слободы стал возможен только вдалеке от крепости, на коренном берегу Оби.

[50] Булыгин Ю. С. 280 лет со времени сооружения Белоярской крепости… С. 43–44.

[51] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 33.

[52] Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири… С. 24–25. Оригинал на немецком языке: РГАДА. Ф. 199. Портф. 526. Ч. 2. Д. 1. Л. 16.

[53] Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири… С. 25.



Подпись за неграмотного Ивана Максюкова на его отчёте об основании Белоярской крепости: «К сему доезду вместо дворенина Ивана Максюкова по ево прошению с[ы]н боярской Яков Вагин руку приложил». 1717 г.

Документ № 47

1717 г. марта 26. **— Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Бердского острога Ивану Буткееву с приказом отправить служилого человека в Кривощёкову деревню для определения новой дороги от этой деревни до Кузнецка**

(л. 7) 1717-го марта в 26 де[нь]. По указу в[еликого] г[осударя][54].

Память берскому прикащику Ивану Буткееву

Сего 717-го году по указу великого государя надлежит построить новую крепость для обережи Кузнецкому от приходу воинских людей контайшиных калмыков на Обе реке выше чумышского устья, где поселился Кривощок.

[54] В квадратных скобках заключены пояснения составителей. В фигурных скобках при публикации даются слова и фразы, зачёркнутые в документе. В косых скобках помещены авторские вставки при редактировании документа.

И тебе б из Берского острога послать кузнецк{их}/ого/ служив{ых}/ого/ {людей}/человека/ Степана {Шадрина} /Шабалина/ {Семена Тузикова}, и дать {им} /ему/ вожей ис Чеуского острога до Кривощеку. {А у Кривощока} И велеть взять в Кривощоковой деревне тутошних жителей трех человек, которые б знали проложить прямую новую дорогу чрез степь до черни на Бийскую дорогу {и были б они, служивые люди} /велеть им и вожам быть/ в Кузнецк {и с теми и с вожами} кончая майя к 9-му числу. А полк отправлен будет /ис Кузнецка/ для строения оной крепости в том же маие месяце.

И к тому ж строению берским (// л. 7 об.) беломесным казакам и оброчным людем всем велеть быть с ружьем и запасы в готовности.

[*Расписка в получении:*] Токову паметь беломесной казак Ефим Прокофьев принел. По ево прошению городовой толмач Петр Максюков росписался.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–7 об. Черновой отпуск. Публикуется впервые.

Документ № 48

1717 г. мая 26. – Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Бердского острога Ивану Буткееву с инструкцией об отправке отрядов строителей новой крепости на Оби

(л. 13 об.) 1717-го майя в 26 де[нь]. По указу в[еликого] г[осударя].

Память берскому прикащику Ивану Буткееву

Собрать б тебе берских деревень беломесных казаков и оброчных людей против имянной росписи 261 ч[еловек] с ружьем и з запасы, которые наряжены ехать для строения новой крепости на Обь.

А собрав, послать з запасы на Кривощоков завод, где городу быть, из оброчных людей небольшее число. А самому тебе ехать /на встречю/ из Берского острога на легке з беломесными казаками и с оброчными людми чрез степь вверх по Чумышу до жилищ ясачного татарина Чабаша июня с 1-го числа неотложно.

А полк ис Кузнецка отправитца с того ж июня 1-го числа выше означенною дорогою чрез Чебашевы жилища.

А Берской острог приказать ведать и всех жителей подьячему Ивану Соцкому. А осталым берским {жителем} /часто/ и присудствующих деревень всем велеть быть в остроге при карауле.

И ежели прибудете прежде полку на Чумыш, то велеть делать для переправы плоты или боты.

[*Внизу листа подписано:*] Послана с Улемжею.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 13 об. Черновой отпуск. Публикуется впервые.

Документ № 49

1717 г. мая 28. – Отписка приказчика Бердского острога Ивана Буткеева кузнецкому коменданту Борису Синявину с сообщением о разведке по Оби, проведённой Фёдором Кривощёком

(л. 47) Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца, его царскаго пресветлаго величества полковнику Борису Акимовичю Синявину Иван Буткеев челом бьет.

Сего 717-го году майя 28 дня писал ко мне з заводу в Бердевской острог Федор Кривощек. Ездели де они, Федор, вверх по Обе реке горою и водою, и никаких они воровских людей калмыков не видали. А промышленики, которые были прежде сего в калмыцкой степи, розбиты. И они ходили три днища вверх по Олию реке. И подошли де они под улусы калмыцкие. И калмыки де их подсмотрели, и гонились за ними до усть Алию человек с пятьдесят. И они от них, калмыков, промышленики ушли за Обь на свою сторону. И те де погоншики калмыки назад пошли вверх по Олию ж той же сакмою.

И чтоб жить мне без опасение.

И сего вышепомянутого числа по указу великого государя сю отписку послал я из Бердевскаго с кузнецким сыном боярским Яковом Вагиным и велел ему явить и отписку в Кузнецку в приказной избе подать полковнику Борису Акимовичю Синявину.

(// л. 47 об.) [*Адресат:*] Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца, его царскаго пресветлаго величества полковнику Борису Акимовичю Синявину

[*Канцелярская помета:*] 717-го июня в 6 де[нь] подал отписку сын боярской Яков Вагин.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 47–47 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 50

1717 г. июня 9. **– Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина кузнецкому сыну боярскому Тимофею Безсонову, посланному в Бердский острог, чтобы привести бердских жителей «для строения новой крепости на Кривощекин завод»**

(л. 32) 1717-го году июня в 9 де[нь].

{По указу великого государя} Память кузнецкому сыну боярскому Тимофею Безсонову {Сего 717-го по указу великого государя} Велено на усть Бии и Катуне зделоть город в крепком месте и посадить служилых сколко достоит. И тебе ехать на Бердь и взять беломесных, и оброчных, и пришлых гулящих людей по переписки бывшего прикащика Ивана Буткеева. Итти с ними для строения новой крепости на Кривощекин завод. А пришед, делать вопче с кузнецкими служилыми городовое строение вскорости. А как милостивый бог совершит строения, оставить в той крепости беломесных казаков тритцать человек, оброчных и гулящих дватцать человек с ружьем кузнецкому дворенину, кому в той крепости будет приказано (// л. 32 об.) остатца. А других отпустить по дамам своим в Берской острог, а самому ехать в Кузнецкой с кузнецкими служилыми людьми.

А в походе смотреть того накрепко от неприятеля, дабы какова над вами шкоты не учинили, итти со опасением.

[*Приписано другим почерком:*] Да сего ж 717-го году велено прежнему прикащику Ивану Буткееву выслать з Берди в Кузнецкой Ивана Запруду. И сего июня по 9-е число он, Запруда, не прислан. И тебе б ево, /Ивана/ Запруду, в берских деревнях сыскать. А сыскав, привесть с союс[55] за караулом в Кузнецкой.

[*Расписка в получении:*] Такову память и имянную роспись берским жителем сын боярской Тимофей Безсонов принял. По его прошению площадной подьячей Степан Прибылков росписался.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 32–32 об. Черновой отпуск. Публикуется впервые.

Документ № 51

1717 г. июня 11. **– Из памяти кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Мунгатского острога Василию Соколову. Инструкция об отправке отряда строителей новой крепости на Оби**

(л. 35) <...> Да тебе ж мунгацких беломесных казаков, и казачьих детей, и оброчных людей, и тюлюберских ясачных татар против имянной росписи 104 ч[еловека] выслать с ружьем и з запасы {при себе} сего июня с 16-го числа неотложно. (// л. 35 об.) И велеть ехать на дальной Бачат, к черни, чтоб им съехатца на оном урочище с кузнецкими служивыми людми, и итти на Обь для строения города.

А приказать мунгацких, которые высланы будут, мунгацкому пятидесятнику Терентью Устюжанину, и дать ему имянную роспись. {А самому тебе ехать немедленно в Кузнецкой.} А для оного походу, которые на Мунгате оброчные люди написаны без ружья, и тем оброчным послано /к тебе/ воденым путем в лотке пищалей и самапалов дватцать старого передела; да пригодных к ним патронных сум с порохом и с пули {две} /три/ сумы, {дватцать пять копей} / да в тех сумах/ нет шести патронов; 25 копей, да 23 пики без древок с кузнецким конным казаком з десятником с Прокопьем Тихановым.

И тебе б у него ружье принять и роздать вышепомянутым безоружным оброчным с роспискою. А порох и свинец пошлетца {доволно} в поход, кому полк прикажут.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 35–35 об. Черновой отпуск. Публикуется впервые.

---

[55] Так в тексте. Возможно, по смыслу должно быть: с собою.

Документ № 52

1717 г. июня 15. **— Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина кузнецкому дворянину Ивану Максюкову о строительстве новой крепости на устье Бии и Катуни**

(л. 38) 1717 года июня в 15 день.

Память кузнецкому дворянину Ивану Максюкову

Сего 717 году по указу Великого Государя за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено на усть Бии и Катуне зделать город в крепком месте и посадить кузнецких служилых людей и начального человека доброго.

И тебе б по наряду взять ис Кузнецка служилых людей сто пятьдесят человек, обинских служилых татар десять человек, подгородных выезжих белых калмыков дватцать человек, мунгацких беломесных казаков и казачьих детей, и оброчных людей, и тюлюберских татар сто четыре человека. Мерецких деревень жителей, сколько будет, принять у сына боярского Ивана Гвинтовкина. Да в Кузнецку ж взять пять знамен полковых, две пушки медных, две пушки больших железных, к ним сто шездесят ядер, дроби железной два пуда; шесть пушек малых железных же, к ним триста дватцать ядер; пороху пушечного адиннадцать пуд дватцать фунтов, ручного — шеснатцать пуд тринатцать фунтов; свинцу пять пуд, /кремней/.

И ехать тебе с выше помянутыми всяких чинов со служилыми людьми для строения города на вышепомянутое (// л. 38 об.) урочище и осмотреть удобных мест, где быть городовому строению, дабы были б места хлебопахотные и всякими угодьи превольны. И ежели где такое угодное место сыщетца, строить новую деревянную рубленную крепость четвероугольную, з башни, с пошпешением. И зделать городовому строению чертеж подлинной.

1.

Будет к вам присланы будут от калмыков посланцы о выговоре того строения, и тебе говорить с ними, что та земля нашего великого государя. И выговоря с ними против его, с чем он будет послан, держать их за кароулом. А одного от них калмыка отпустить, и сказать ему, дабы он сказал, от ково был прислан, чтоб они в строение городов царского величества людем помешательства никакова ни чинили. Понеже та земля вверх по Обе реке по левую сторону и до Алтына озера царского величества. А других держать за кароулом вместо аманатов. И как милостию божию строение совершитца, и тех калмыков оставить в крепости вместо оманатов и держать за крепким (// л. 39) караулом до указа, а корм давать им довольной.

2.

Будет оное место прежде вашего приезду неприятель заступит, и будет силен, и, осмотря подъездами неприятеля, что есть его силы, о том писать в Кузнецкой наскора. А сомаму тебе стоять ополчася в крепком месте.

3.

Дорогою и у строения города выше помянутых всяких чинов людей ведать тебе судом и росправою, и чинить между ими суд в правду. Всякого неиспровления за ними смотреть, чтоб отнюдь никакова бесчинства и непослушания не было. А которые в каких нибуть в бесчинствах и в непослушании явятца, и по розыску таким чинить наказание: бить подогами и плетьми, смотря по винам, нещадно.

4.

Военной снаряд, знамена, пушки, порох, ядра, свинец и протчия припасы блюсти опасно, чтоб против неприятеля быть в готовности, (// л. 39 об.) и у служилых людей по вся дни порох, пули в потронных сумах отсматривать, чтоб ружье было чисто, кремни остры, и напрасно б не стреляли, и от неприятеля имели великое опосение. И были б в походе при обозе днем и ночью, и за обозом отъезжие караулы непрестанно. И у строения города також поставить кароул. И в проезжие станицы для подсмотру неприятеля посылать тебе служилых людей по очереди, по скольку человек надлежит. И ежели подсмотрят неприятельской приход к вам или под Кузнецкой, о том, проведав подлинно, что неприятель в собрании и хочет итти под город, и о том тебе писать в Кузнецкой наскоро. И для той скорой посылки велеть быть всегда на добрых лошадях з заводными трем человеком служилым в готовности.

5.

К тому городовому строению вспоможении велено к тебе быть немедленно из Берского острога кузнецкому сыну боярскому Тимофею Бессонову и с ним по наряду берских беломесных, и оброчных, и гулящих людей двести шесдесят человек.

(// л. 40) 6.

Будет есть в близости по сей стороны Оби калмыки стоят юртами, и тебе б по указу великого государя, прося у вышнего милости, на тех калмыков итти войною, как милостивый бог восхощет, так над ними и воинской промысл чинить. А паче домогатца чрез нашего милостивого Вседержателя и его Святые Богоматери языков, и чрез тех языков доведыватца о калмыках: в которых они урочищах кочуют и что в собрании, и нет ли под государевы городы от них воинского приходу.

7.

Как совершитца строение города, велено в том городе быть по указу великого государя кузнецкому дворянину Степану Серебреникову. И тебе б ему, Степану, в городе оставить кузнецких служилых людей дватцать пять человек, мунгацких беломесных казаков десять человек, обинских служилых татар пять человек, берских (// л. 40 об.) беломесных казаков тритцать человек, оброчных и гулящих дватцать человек, всего девяносто человек, знамя, две пушки больших железных, ядер к ним восемдесят, три пушки малых железных же, к ним ядер двести тритцать, да дроби железной полтора пуда, пороху пушечного пять пуд, ручного семь пуд пятнатцать фунтов з деревом, свинцу два пуда. И в оддаче людей с ним, Степаном, расписатца.

А за оставкою, что будет бердских беломестных казаков, и оброчных, и гулящих людей отпустить всех в Берской острог по домам и велеть итти до острогу со опасением. А с кузнецкими всяких чинов служилыми людьми и с мунгацкими жители, с татары и с калмыки итти немедленно в Кузнецкой, також иметь опасение против выше помянутого.

И приехав в Кузнецкой, оной (// л. 41) новой крепости чертеж под доездом подать полковнику Борису Акимовичю Синявину.

А берским беломесным, и оброчным, и гулящим людем велено быть помесечно в новопостроеном городе по пятидесят человек, переменяяся по очереди. А кузнецким служилым людем, и мунгацким беломесным, и обинским татаром, которые оставлены будут в городе, велеть быть им до указу великого государя.

[*Расписка в получении:*] Такову [у]казную паметь и по сей памяти служилых людей, знамена и пушки, ядро, дропь, порох, свинец, кремьни дворенин Иван Максюков принел. По ево проше[нию] тотарской голова Петр Максюков росписался.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 38–41. Черновой отпуск.

Ранее опубликовано частично: История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. Барнаул, 1991. Док. № 12, с. 20–22; Хрестоматия по истории Алтая: с древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 2003. Док. № 19, с. 79–80 (при публикациях текст несколько адаптирован).

Документ № 53

1717 г. июня 15. — **Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина кузнецкому дворянину Степану Серебреникову о принятии новой крепости от Ивана Максюкова**

(л. 43) 1717 года июня в 15 день.

Память кузнецкому дворянину Степану Серебреникову

Сего 717-го году по указу великого государя за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено на усть Бии и Катуне зделать город в крепком месте и посадить кузнецких служилых людей и начального человека доброго.

И по оному великого государя указу сего июня 16-го дня[56] послан ис Кузнецку для строения города на выше помянутое урочище кузнецкой дворянин Иван Максюков с служилыми людьми. И велено ему, осмотря удобных мест, где быть городовому строению, и дабы были б места хлебопахотные и всякими угодьи привольны, и построить город в скорости. И как милостивый Бог совершит строение города, велено ему, Ивану, отдать тебе в той крепости кузнецких служилых людей дватцать пять человек, мунгацких беломесных казаков десять человек, обинских служилых татар пять человек, берских беломесных казаков тритцать человек, оброчных и гулящих дватцать человек с ружьем, всего (// л. 43 об.) девяносто человек. При них знамя, две пушки больших железных, ядер к ним восемьдесят, дроби железной полтора пуда, три пушки малых железных же, /к ним ядер 230/, пороху пушечного пять пуд, ручного семь пуд пятнатцать фунтов з деревом.

[56] Так в тексте.

И тебе б вышепомянутых кузнецких служилых людей и беломесных казаков, и гулящих людей, и татар, знамя, пушки, ядра, порох, и свинец, и железную дробь у него, Ивана Максюкова, принять и взять служилых людей именной кликовой список. И в том с ним, Иваном, росписатца.

И ведать тебе вышепомянутых всяких чинов людей в новопостроенном городе судом и росправою, и чинить между ими суд в долгу и в обидах вправду. И от побегу их хранить. И ежели служилые люди по челобитью, которые в малых делах, в бране и в драках явятца по свидетельству виноваты, и таким чинить наказания: бить батогами нещадно, дабы между ими никакова бесчинства не было. А в государевых делах и в смертных убийствах, которые воры надлежат розыску, и таких воров присылать (// л. 44) в Кузнецкой за крепким караулом.

А военной снаряд, пушки, порох и свинец блюсти опасно, чтоб против неприятеля быть в готовности, таки же и у служилых людей по вся дни ружье, порох и пули в патронных сумах осматривать, чтоб ружье было чисто, кремни остры. И напрасно б не стреляли, и от неприятеля имели великое опосение. И были б при карауле по городу днем и ночью непрестанно. И в проезжия станицы для подсмотру неприятеля посылать тебе служилых людей по очереди, по скольку человек надлежит. И ежели подсмотрят неприятельской приход к вам или под Кузнецкой, о том, проведав подлинно, что неприятель в собрании и хочет итти под город, и о том тебе писать в Кузнецкой наскоро. И для той скорой посылки велеть быть всегда на добрых лошадях з заводными трем человеком служилым в готовности.

И чинить тебе по сему наказу и о калмыках по статьям:

1.

Будет в проезжих станицах подсмотрят на сей стороне Оби калмыков кочуют (//л. 44 об.) юртами в близосте, и тебе б велеть осмотреть подлинно сколько их, калмыков, есть. И будет их малолюдство, {по указу великого государя} прося у вышнего милости, послать на них служилых людей войною, как милостивый Бог восхощет, так над ними и воинской промысл чинить. А паче домогатца чрез нашего милостиваго Бога и его Святыя Богоматери в подъезде языков. И чрез тех языков доведыватца о калмыках, в которых они урочищах кочуют, и что в собрании, и нет ли под государев город от них воинского приходу.

А самому тебе отнюдь ис крепости не выезжать, а чинить по вышепомянутому великого государя указу и посылать служилых людей на колмыков.

2.

Будет станут приходить в новопостроенной город калмыки, или прикочуют юртами своими в близость, и станут просить, дабы им быть за государем и жить на сей стороне Оби, и тебе б таких принимать в крепость человека по два, и держать их в оманатах за крепким караулом. И о том (// л. 45) в Кузнецкой к полковнику Борису Акимовичю Синявину писать наскоро. А служилым людем тогда велеть быть в великой осторожности, всегда б караулы были крепкия, чтоб обманом оне над вами какова вымысла не зделали так, как у Ямыша озера. И близ города им быть не велеть, велеть жить до указу верстах в десяти и больши.

3.

Служилых людей на промыслы в сетпь ни для каких прибытков отнюдь тебе ис крепости не отпущать и никаких с них скупов в том не брать, и напрасно им нападок не чинить под потерянием своего живота, чтоб оную крепость напрасно не отдать и себя не потерять.

4.

Пришлых, гулящих разных городов людей за скудостью в крепость тебе принимать, кроме томских пашенных крестьян, и посадских, и оброчных, и гулящих людей, чтоб томских в городе отнюдь никого не было.

(// л. 45 об.) 5.

Будет ты своею оплошкою и нерадением оной город неприятелю, хотя с принуждением, отдашь или за какими мирными договорами без указу великого государя уступишь так, как и прежде отдан острог контайшиным калмыком на усть Бии и Катуне, и за то ты и оставшие служилые люди, которые с тобою, все казнены будут смертию в Кузнецку, не описываяся в Тоболеск.

К сему для верности приписал полковник Борис Акимович Синявин.

[*Расписка в получении:*] Такову наказную память дворенин Степан Серебреников принел. По его прошению конной казак Афонасей Иванов сын Хмылев руку приложил.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 43–45 об. Черновой отпуск.

Ранее опубликовано частично: История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. Барнаул, 1991. Док. № 14, с. 23–24 (при публикации текст несколько адаптирован).

Документ № 54

1717 г. июня 16. **– Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина кузнецкому сыну боярскому Тимофею Безсонову об оставлении в новопостроенном городе пятидесяти человек из отряда бердских строителей**

(л. 37 об.) 1717-го июня в 16 де[нь].

Память кузнецкому сыну боярскому Тимофею Безсонову

Сего июня вышеписанного числа по указу великого государя послан ис Кузнецка на Обь для строения города кузнецкой дворянин Иван Максюков с служилыми людьми. И к тому городовому строению з берскими беломесными казаками и оброчными и гулящими людьми быть тебе велено немедленно. А у того городового строения вышепомянутых берских беломесных, оброчных и гулящих людей, которыя будут с тобою, ведать Ивану Максюкову.

И как построен будет город, велено ему, Ивану, оставить в городе берских беломесных тритцать, оброчных и гулящих дватцать человек. А других отпустить в Берской острог.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 37 об. Беловой отпуск. Публикуется впервые.

Документ № 55

1717 г. июля 15. **– Доезд кузнецкого дворянина Ивана Максюкова о строительстве новой крепости на Оби, на Белом Яру**

(л. 42) 1717-го июля в 15 де[нь].

По указу великого государя за подписанием руки полковника Бориса Акимовича Синявина велено мне с кузнецкими служилыми людьми и с казачьими детьми, и з берскими и с мунгацкими жители ехать ис Кузнецка на усть Бии и Катуни и зделать город в крепком месте. И в вышепомянутом урочище осмотреть удобных мест, где быть городовому строению, дабы были б места хлебопахотные и с всякими угодьи превольны. И ежели где такое угодное место сыщетца, строить дрявяную рубленую крепость четвероуголную, з башни.

А по досмотру на усть Бии и Катуне удобных мест, крепких к городовому строению, нет, и хлебопахотных земель, и сенных покосов в близости малое число.

А осмотрел я с служивыми людьми угодное место к городовому строению над рекою Обью, ниже катунского устья верст шездесят, белой яр высокой, длиною девятьсот сажен, поперег сто десять сажен. И от того яру с верхную сторону Усмар курья, и от вершины курьи болота, и из того (// л. 42 об.) болота источина до нижнего конца яру течет в Обь.

И на том месте построил я рубленную деревяную крепость мерою длиннику и поперек дватцать сажен, по углам четыре башни, и под башнями жилых четыре избы. А посреди крепости казенной анбар, где держат пороховая /и всякая/ казна. А в близости того города хлебопахотных мест, и сенных покосов, и лесу угодного, и рыбных ловель, и всяких угодей превольно.

И оному месту и городовому строению под сим доездом чертеж.

[*Другим почерком:*] К сему доезду вместо дворенина Ивана Максюкова по ево прошению сын боярской Яков Вагин руку приложил.

[*Канцелярская помета:*] Взять в книгу и о строении города в Тоболской губернатору ко князю Матвею Петровичю писать.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 42–42 об. Подлинник.

Ранее опубликовано: История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. Барнаул, 1991. Док. № 13, с. 22–23; Хрестоматия по истории Алтая: с древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 2003. Док. № 20, с. 81 (при публикациях текст документа несколько адаптирован).

Глава 15

Вверх по Селенге, Енисею, Иртышу (июнь — декабрь 1717 года)

Намеченный ещё в январе 1716 г. план военного продвижения к истокам великих сибирских рек, от Прибайкалья до Алтая, начал реализовываться лишь с лета 1717 г. Первыми были построены Белоярская крепость на реке Оби и Косогольский острог в истоках реки Селенги.

Организация строительства крепости в районе озера Косогол связана с возвращением в Иркутск коменданта Лаврентия Ракитина. Сообщения о возведении этого укрепления в известных нам русских архивных документах крайне лаконичны. В иркутских летописях, составленных в XVIII в., повторяется одна и та же фраза: «По указу бывшаго губернатора князя Гагарина в июне месяце отправлены из Ыркутска на Косогол иркутские дети боярские Никита Богданов, Федор Кочетов со служилыми для строения острога»[1].

В летописи, созданной в 1812 г. иркутским губернским землемером Антоном Лосевым, содержатся некоторые новые известия об этом событии: «По указу от бывшего губернатора князя Гагарина отправлены были из Иркутска дети боярские: Богданов, Кочетов со служивыми для постройки на Косоголе (Тунке) крепости, от коей за 25 верст находятся разрушившиеся строения неизвестного города, который братские называют Монгол-шибет, то есть крепость Монгольская»[2]. Впрочем, отсутствие имён у сынов боярских и отождествление Косогола с Тункой заставляет усомниться в точности приводимых Лосевым сведений.

Сам Гагарин в конце октября 1717 г. сообщал в Кабинет: «Писал ко мне из Ыркуцкого комендант, что на Косоголе озере, из которого течет река Селенга[3], на том озере против указу великого государя город зделан. И ныне в том городе сто человек казаков оставлено, правиантом удоволены и по милости божии от такова неприятеля сидеть могут» (док. № 59). Таким образом, Косогольский острог был построен летом или в начале осени 1717 г. Гарнизон новой крепости насчитывал 100 человек.

Та же численность отряда упомянута в письме из Китайского трибунала иностранных дел, поданном 11 февраля 1721 г. российскому посланнику Льву Васильевичу Измайлову. В восьмом пункте этого послания в числе прочего говорилось: «Около Тохмесны у реки Ума, где их кочуют урянха, со 100 человек сибиряков построили было острог, о чем писано к сибирскому губернатору, что такого строения прежде не бывало. И для того острог разорен, и люди выведены»[4]. Нет никаких сомнений, что в этом документе речь шла о Косогольском остроге, поскольку сам Измайлов, пересказывая претензии цинских министров, пояснял: «У реки Ума, где кочует подданный китайцам мунгальский урянха, пришед сибиряков человек со ста, построили было острог, который назван был Косогол»[5]. Скорее всего, упомянутая сотня сибиряков составляла гарнизон крепости, а возводил её отряд большей численности.

Точное место расположения Косогольского острога историками не установлено. В научной литературе на этот счёт нет даже предположений. Наиболее ранняя известная нам топографическая карта с изображением озера Косогол была составлена российскими геодезистами Дмит-

---

[1] Летопись города Иркутска XVIII–XIX вв. / сост. Н. В. Куликаускене. Иркутск, 1996. С. 23, 58–59, 91.

[2] Там же. С. 171.

[3] Действительными истоками Селенги являются реки Идэр и Дэлгэр-Мурен, расположенные юго-западнее озера Хубсугул. В петровское время истоки Селенги россияне связывали с озером Косогол, из которого вытекает река Эгийн-гол, впадающая в Селенгу: «А Селенга вышла от западной стороны из озера Косогола», — сообщал Лоренц Ланг в Коллегию иностранных дел в 1726 г. (АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1726 г. Д. 3. Л. 6 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 2: 1725–1727. М., 1990. Док. № 110, с. 255).

[4] РГАДА. Ф. 62. 1719 г. Д. 2. Л. 163 об. — 164. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1... Док. № 151, с. 264.

[5] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1722–1724 гг. Д. 4. Л. 14–14 об. Цит. по: Мясников В. С. Дипломатические отношения России с Цинской империей в первой четверти XVIII в. // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1... С. 20.

рием Баскаковым и Василием Шетиловым во второй половине 1720-х гг.[6]

Создание этого чертежа имеет длительную историю. Ещё в феврале 1724 г. в распоряжение Сената были направлены выпускники Морской академии: геодезист Пётр Скобельцын и три геодезии ученика — Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков и Василий Шетилов. Всем им предстояла поездка в Сибирскую губернию для составления ландкарт[7]. В октябре Скобельцын «с двумя учениками», получив инструкцию сибирского губернатора М. В. Долгорукова, выехал из Тобольска в Иркутскую провинцию «для учинения описания и ландкарты границам»[8]. В апреле 1726 г. в Иркутск прибыло направлявшееся в Китай российское посольство во главе с графом Саввой Лукичём Владиславичем-Рагузинским. Посол привлёк геодезистов к составлению необходимых ему карт приграничных районов. 30 апреля он разделил картографов на две пары и, снабдив инструкциями, отправил Свистунова и Шетилова на восток, в Нерчинск, а Скобельцына и Баскакова на запад, на озеро Косогол[9].

В начале мая 1726 г. глава российского посольства в Китай С. Л. Владиславич-Рагузинский сообщал из Иркутска в Коллегию иностранных дел: «Двух геодезистов Петра Скобельцына, Дмитрея Баскакова послал вверх по Иркуту-реке, которая из степей мунгальских под сей город течет, до озера близ оной реки, где был поставлен острог, называемый на Косоголе (которые земли китайцы своими почитают)»[10]. В инструкции, данной геодезистам, им поручалось обследовать «озеро, над которым построен был на Косоголе острог». Далее они должны были «от Косогола ехать по самой границе… к реке Енисею до Саянского камене», а затем до реки Абакан[11]. Однако уже 6 июня Скобельцын и Баскаков вернулись в Иркутск, сообщив, что не смогли проехать от Косогола к Енисею «понеже оныя хрепты непроходимыя и дороги нет»[12]. В тот же день, 6 июня 1726 г., их отправили через Канский острог на реку Абакан для описания верхнего течения Енисея. В октябре 1726 г. Пётр Скобельцын и Дмитрий Баскаков вновь были в Иркутске, где получили задание «сочинять вновь ланткарту всем между Российского и Китайского империев и мунгальского владения земель пограничным местам» на основании имеющихся у них собственных описаний, а также старых чертежей, печатных карт и сказок «знающих людей»[13]. К апрелю 1727 г. сводная карта была готова, однако она не удовлетворила С. Владиславича-Рагузинского.

В конце мая 1727 г. из Селенгинска оба геодезиста вновь были отправлены на те участки, которые вызывали наибольшие споры у договаривающихся сторон. Петра Скобельцына послали на восток, до реки Амура, а Дмитрий Баскаков поехал описывать земли «от устья реки Дзыды до Косогола-озера»[14]. Если первый раз, в 1726 г., Баскаков направлялся к Косоголу по реке Иркут и выходил на северный берег озера, то во время второй поездки его путь к озеру шёл вверх по рекам Селенге и Джиде, откуда он мог попасть на южный берег озера.

В ноябре 1727 г. Скобельцын и Свистунов были посланы из Селенгинского уезда в Иркутск, чтобы «сочинить ландкарту» Иркутской провинции[15]. Поэтому составлять общую карту пограничных с Китаем мест пришлось Дмитрию Баскакову и вернувшемуся из Якутска Василию Шетилову. В 1728 г. их сборная карта была готова. Известно, что в марте 1729 г. вернувшийся в Санкт-Петербург С. Владиславич сдал один из экземпляров этой карты в Коллегию иностранных дел. Полное название итогового чертежа: «Пограничная ландкарта, с изъяснением, где ныне с китайцы граница сочинена и поставлены знаки и учреждены пограничные караулы и где назначены быть торговые слободы»[16].

По-видимому, именно эта карта хранилась в картографическом отделе библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, чьи материалы сейчас включены в фонды Российского государственного архива древних актов (ф. 192). В «Реэстре географическим атласам, картам, планам и феатрам войны» среди «карт пограничных или смежных с Российским государством земель» значится пограничная карта России с Китаем, составленная Баскаковым и Шатиловым в 1728 г.[17] Часть карт этого собрания,

---

[6] ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1776.

[7] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1201. Л. 124–124 об. Василий Шетилов в разных документах писался то «Шетилов», то «Шатилов» (там же, л. 176).

[8] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 7. 1725 г. Д. 12. Л. 287 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 2: 1725–1727. М., 1990. Док. № 144, прим. 1.

[9] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1726 г. Д. 4. Л. 14–18. Цит. по: Там же. Док. № 144, 145, с. 306–312.

[10] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1726 г. Д. 4. Л. 10. Цит. по: Там же. Док. № 146, с. 314.

[11] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1726 г. Д. 4. Л. 16 об. Цит. по: Там же. Док. № 145, с. 309.

[12] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1726 г. Д. 11. Л. 8. Цит. по: Там же. Док. № 158, с. 331.

[13] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1726 г. Д. 19. Л. 26–26 об. Цит. по: Там же. Док. № 205, с. 483–484.

[14] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1725–1729 гг. Д. 11. Л. 580–584. Цит. по: Там же. Док. № 145, прим. 5.

[15] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1727 г. Д. 11. Л. 194 об. — 195. Цит. по: Там же. Док. № 144, прим. 2.

[16] АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1729 гг. Д. 4. Л. 7 об. — 8. Цит. по: Там же. Док. № 145, прим. 5.

[17] Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел реэстр географическим атласам, картам, планам и феатрам войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году и дополненный по

в том числе и рассматриваемый чертёж, «были переданы в МИД СССР в 1946 г.»[18]. Сейчас он должен храниться в Архиве внешней политики Российской империи. Эта карта до сих пор не изучена историками.

Известный исследователь географии Сибири Сергей Николаевич Лаптев (1887–1993) писал, что ему известна в копии «Карта пограничной Российской империи, сочиненная в 1728 г. геодезистами Дмитрием Баскаковым и Василием Шетиловым от бывшего на реке Амуре российского Албазинского отрога до контайшинского владения, каковая разменена при Трактате с Китайским владением, данная при инструкции от посла графа Саввы Владиславовича полковнику Бухальцеву»[19]. Эта копия, судя по надписи на её обратной стороне, принадлежала генерал-губернатору Восточной Сибири Д. Г. Онучину и была скопирована в 1850-х гг. для графа Н. П. Игнатьева, заключившего в 1860 г. пограничный договор с Китаем[20]. В отличие от использованного нами экземпляра, описанная С. М. Лаптевым копия не имела градусной сетки и масштаба. К сожалению, исследователь не указал место хранения известного ему экземпляра[21].

По оригиналу карты 1728 г. в 1730 г. Алексеем Зубовым была выгравирована «Новая и достоверная лант карта всей границе между Российскою империею и Китайским владением…». Позднее оттиски этой карты на двух листах были включены в первый «Атлас Всероссийской империи», напечатанный на средства обер-секретаря Сената Ивана Кирилова[22].

В нашей книге публикуется фрагмент с копии карты Баскакова и Шетилова, выполненной в 1738 г. в Екатеринбурге маркшейдерским учеником Иваном Бортниковым (рис. 39). На карте Баскакова и Шетилова возникший в 1717 г. Косогольский острог не показан – к тому времени он уже был разрушен. Однако карта подробно отражает гидросеть и топонимику окрестностей озера.

В цитированном выше письме Китайского трибунала иностранных дел новое российское укрепление локализовалось «Около Тохмесны у реки Ума». Топоним «Тохмесна» остаётся непонятным, а реку Ума, по-видимому, следует отождествлять с рекой Ура на карте Д. Баскакова (совр. река Ур-Гол, левый приток р. Эгийн-Гол). С конца XVII в. существовала конная дорога, которая вела из Тункинского острога на юго-восток, в Халху, к реке Тола. Близ озера Косогол эта дорога шла вдоль нижнего течения реки Ур, вплоть до её устья[23]. Если бы строители в 1717 г. двигались по этой дороге, они могли бы поставить острог в нижнем течении реки Ур, а не на озере.

Однако имеется свидетельство, что острог был поставлен на берегу пресноводного Косогола. Посетивший озеро осенью 1727 г. пограничный комиссар Степан Андреевич Колычев так описывал увиденное им бывшее российское укрепление: «А в разоренном остроге строения было только 5 изб, понеже оных печины и доднесь знатны; да круг был поставлен тын, подобие тюрьме, и кругом обрублен надолбы. Положением место бездельное, не оборонное. И поставлен был над самым озером»[24]. Фраза «над самым озером» не оставляет сомнений, что крепость стояла на берегу. Есть основания считать, что строители продвигались к озеру вверх по реке Иркуту. Истоки Иркута отделены от озера невысоким хребтом, через который имеется круглогодичный проход. Преодолев этот перевал, дорога выходила к северному берегу Косогола близ устья реки Ханга (совр. Ханх-Гол), подписанной на карте Д. Баскакова. В таком случае острог могли возвести на северном конце озера.

Подтверждением этого вывода являются Генеральные карты Российской империи 1776 и

1877 год // Известия императорского Русского географического общества. 1877. СПб., 1878. Т. 13. Приложение. С. 56, № 3.

18 РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Л. 88 об. Возможно, при передаче картографических материалов подлинники в РГАДА были заменены фотокопиями. О находке в архиве древних актов фотокопии карты Петра Скобельцына и Василия Шетилова недавно сообщил Алексей Владимирович Постников (Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2014. С. 93).

19 Лаптев С. Н. О некоторых петровских геодезистах-топографах, участниках Второй камчатской экспедиции // Материалы по географическим исследованиям на Западном Урале, севере и востоке Азии. Пермь, 1967. С. 89.

20 Лаптев С. Н. О некоторых петровских геодезистах-топографах… С. 133, прим. 17.

21 Составной частью общей карты 1728 г. мог быть чертёж Селенгинского, Илимского и Иркутского уездов Иркутской провинции и части Красноярского уезда, составленный в то же время Петром Скобельцыным, Иваном Свистуновым, Дмитрием Баскаковым, Василием Шетиловым. Он сохранился в нескольких копиях в собрании рукописных карт Библиотеки Академии наук: Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. Приложение 2. С. 304, № 169–171. (Труды Архива Академии наук СССР, вып. 6).

22 Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958. С. 48. На копии И. Кирилова имена геодезистов не названы.

23 Чертеж земли Иркутского города // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. 2-е изд. М., 2007. Л. 37–38 (по нумерации Ремезова лист 18).

24 АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. 1725–1729 гг. Д. 11. Л. 721. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 2: 1725–1727. М., 1990. С. 575, прим. 7 к док. № 110.

река
ОЗЕРО
КОСОГОЛЪ
РЕКА
14
15

Рис. 39. Фрагмент карты прилегающих к российско-китайской границе земель, вычерченной Дмитрием Баскаковым и Василием Шетиловым в 1728 г. Показаны окрестности озера Косогол и реки Иркут, Джида, Ура, Ига

1786 гг., на которых изображён Косогольский острог, прекративший существование более полувека тому назад (рис. 40). На гравюре 1786 г. знак укрепления с подписью «Бывшей Косогольской острог» помещён на северо-западной оконечности озера. На карте 1776 г. острог не назван бывшим, зато рядом с ним нарисована река Ханга (в латиноязычном варианте гравюры «Changa Fl.»). В действительности там, где показана река Ханга, в озеро впадает река Их-Хоро-Гол, а устье современной реки Ханх-Гол находится на северо-восточном берегу Хубсугула. На карте 1776 г. укрепление показано на правом берегу реки, недалеко от её устья. Проецируя эти данные на реку Ханх-Гол, место расположения острога можно локализовать в районе современного порта Ханх на берегу озера.

Сибирский губернатор не скрывал своей радости в связи с получением известия о возведении крепости на приграничном озере. В октябрьском письме А. В. Макарову он собственной рукой сделал приписку: «Зело, мой государь, я рад, что в Ыркуцком зделали крепость на Касаголе озере». Гагарин ясно понимал, что основание новой российской крепости на землях, которые контролировали подвластные Китаю монголы, может вызвать недовольство и протесты соседей. «Не чаел без спору великаго дать делать тое крепость, — писал он в столицу, — но нихто о том еще и по сей отпуск не говорил и не присылал» (док. № 59).

В том же письме от 28 октября 1717 г. Гагарин извещал кабинет-секретаря о российском продвижении вверх по Енисею: «Також, мой государь, и из Красноярска близ Болшаго Камени зделали». Здесь сибирский губернатор говорил об основании Саянского острога. Возведение этого укрепления связано с деятельностью нового красноярского коменданта Дмитрия Борисовича Зубова, который в конце весны или начале лета 1717 г. сменил Василия Козлова[25].

Осенью 1717 г. из Красноярска вверх по Енисею был послан отряд из 300 конных и пеших казаков под командованием дворянина Ильи Нашивошникова[26]. Им поручалось построить новый острог у подножия Саянских гор. Красноярский историк Геннадий Фёдорович Быконя приводит точную дату отправки отряда Ильи Нашивошникова — 7 октября 1717 г. Однако это утверждение исследователь не подкрепил никакими ссылками на документы[27].

Доезд Ильи Нашивошникова историкам не известен. Рассказ первостроителя сохранился только в допросных речах, записанных в июне 1718 г. Как сообщал на допросе Илья, при отправлении ему было обозначено два места, предварительно намеченных для строительства крепости. Оба они располагались на правом берегу Енисея близ Саянских гор. Первое было отмечено на чертеже, выданном Нашивошникову перед походом. Кроме того, он должен был съездить «на иное означенное место для осмотру, которое место назначил комендант Василий Козлов»[28].

Место, обозначенное на чертеже, казаки после осмотра забраковали. По их мнению, «на назначенном месте по чертежу строить не удобно». В результате, по словам командира отряда, «выше означенного места в двух верстах построил он, Илья, крепость… потому что то место от неприятельских людей удобно»[29]. Какое из двух осмотренных мест названо здесь «означенным»?

В русской топонимике Верхнего Енисея сохранились следы событий 1716–1717 гг., связанных с возведением Саянского острога. По свидетельству Г. Ф. Миллера, посетившего верховья Енисея в 1739 г., место, которое вначале было определено для строительства острога, находилось на восточном (правом) берегу Енисея, напротив речного порога, прозванного из-за этого Означенным. Позднее поблизости, но на левом, западном берегу реки, возникла деревня Означенная, с 1975 г. — город Саяногорск. Рассказывая о своей поездке вдоль Енисея, Миллер писал, что от Означенного порога путешественники «проехали 8 верст вниз вдоль западного берега Енисея до места напротив Саянского острога»[30]. Действительно, примерно в восьми километрах ниже Означенного порога на правом берегу Енисея расположен посёлок Саянск — бывший Саянский острог.

Фраза Нашивошникова «выше означенного места в двух верстах построил он, Илья, крепость» не позволяет соотносить «означенное ме-

---

[25] Указ М. П. Гагарина, написанный в июне 1717 г., уже был адресован «в Красноярск каменданту господину Зубову» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 112. Л. 229 об.).

[26] РГАДА. Ф. 199. Портф. 526. Ч. 2. Д. 9. Л. 19–19 об. Русский перевод цит. по: Миллер Г. Ф. Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в феврале 1735 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подгот. и перевод А. Х. Элерта. Новосибирск, 1996. С. 62. (История Сибири. Первоисточники, вып. 6).

[27] Быконя Г. Ф. Комментарий к №№ 33–40 // История Красноярска: документы и материалы. XVII — первая половина XIX в. 2-е изд., доп. и перераб. Красноярск, 2000. С. 163.

[28] История Красноярска: документы и материалы. XVII — первая половина XIX в. 2-е изд., доп. и перераб. Красноярск, 2000. Док. № 35, с. 151.

[29] Там же. С. 151–152.

[30] РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 2. Д. 3. Л. 22 об. Русский перевод цит. по: Миллер Г. Ф. Путешествие от Красноярска через степи реки Июс до реки Абакана и Саянского острога… 1739 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подгот. и перевод А. Х. Элерта. Новосибирск, 1996. С. 156.

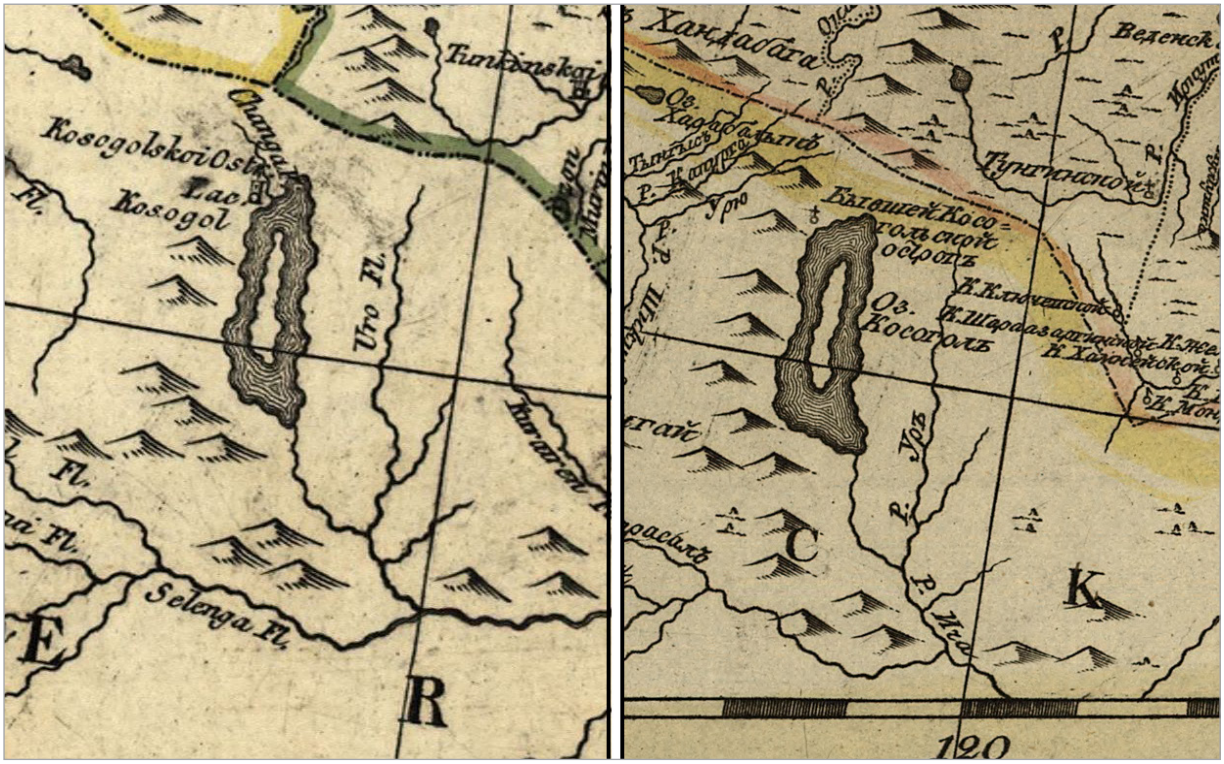


Рис. 40. Изображение Косогольского острога на генеральных картах Российской империи 1776 и 1786 гг.

сто» с отмеченной на чертеже точкой около енисейского порога. Во-первых, новопостроенный острог располагался ниже Означенного порога, а не выше. Во-вторых, расстояние от крепости до порога составляло восемь вёрст, а не две. По-видимому, Илья Нашивошников имел в виду «иное означенное место… которое место назначил комендант Василий Козлов», и которое Илья обследовал лично в процессе выбора площадки для будущей крепости. Если такая реконструкция верна, красноярские первостроители забраковали оба «означенных» места и основали Саянский острог в двух верстах выше участка, выбранного Василием Козловым.

Описание новой крепости, данное Ильёй Нашивошниковым на допросе в 1718 г., весьма лаконично: «А построенная крепость мерою в ней, кроме башен, двадцать четыре сажени, а позади крепости двадцать семь сажен. А около той крепости рва и надолб не было сделано за позднеосенним временем»[31]. Очевидно, строительство закончилось в конце октября – начале ноября (по юлианскому календарю), когда из-за низких температур земля промёрзла.

В этой связи любопытно, что Гагарин сообщил из Тобольска в столицу о завершении строительства нового острога на Енисее уже 28 октября 1717 г. (док. № 59). Не приходится сомневаться, что к этому времени острог ещё строился. Похоже, что красноярский комендант Д. Б. Зубов поспешил отчитаться о выполнении возложенного на него поручения сразу после отправки отряда Ильи Нашивошникова вверх по Енисею. Склонность Зубова к припискам в отчётах подтверждается признанием Нашивошникова, который на допросе сообщил: «А в доезде он написал, будто ров и надолбы зделаны, по повелению коменданта Дмитрия Зубова»[32]. К концу 1717 г. Саянский острог имел ров и надолбы только на бумаге.

В качестве гарнизона, как и на Косоголе, предполагалось оставлять в новой крепости по сто человек попеременно. В действительности гарнизон был ещё меньше. По свидетельству Г. Ф. Миллера, к концу 1730-х гг. ни в остроге, ни рядом с ним не имелось постоянных жителей, а численность сменного гарнизона редко достигала сорока человек[33]. Саянский острог никогда не видел под своими стенами неприятеля и, в сущности, являлся лишним в системе российских укреплений на юге Сибири.

Основные усилия по возведению новых крепостей сибирская администрация предпринимала на Иртыше. Количество привлечённых для этого людей и средств на порядок превышало за-

[31] История Красноярска… Красноярск, 2000. Док. № 35, с. 152.

[32] Там же.

[33] РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 2. Д. 3. Л. 22 об. – 23. Русский перевод цит. по: Миллер Г. Ф. Путешествие от Красноярска через степи реки Июс до реки Абакана и Саянского острога… 1739 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подгот. и перевод А. Х. Элерта. Новосибирск, 1996. С. 156.

траты по сооружению Косогольского и Саянского острогов. Достаточно напомнить, что с Прокофием Ступиным для усиления Ямышевской крепости в мае 1717 г. было отправлено три тысячи человек. Кроме того, из Тобольска и Тары вверх по Иртышу посылались другие отряды. Так, вместе со Ступиным был послан до Омской крепости бывший тарский воевода Семён Прокопьевич Карпов[34]. М. П. Гагарин в связи с этим писал в мае 1717 г.: «И от Тарского уезду от новопостроенной крепости, что на реке Оме в Тарском уезде зделал Буколц, от той крепости к Ямышеву велел делать крепости. И населить велел из близних острогов. Для того от меня послан Семен Карпов. А велел ему те крепости, мой государь, делать тарскими жители» (док. № 45).

Результатом деятельности тарских служилых стало возведение летом или в начале осени 1717 г. Железенской крепости[35] на полпути между Ямышевским озером и Омской крепостью. 28 октября Гагарин доносил царю: «И выше той крепости по Иртышу на половине от той крепости к Ямышеву, на урочище Железенском яру зделана ж крепость» (док. № 58). Г. Ф. Миллер объяснял, что она названа по имени левого притока Иртыша, небольшой речки, «которая от руских караванов издревле, неведомо по какой причине, именована Железенкою». При этом историк уточнял, что сама речка Железенка «на тритцать верст отстоит от крепости»[36]. В ведомости о сибирских крепостях, составленной в Сибирском приказе для Сената в мае 1744 г., сообщалось: «Железенская [крепость] ниже устьев рек Шагай Бутаюлы и Железенки»[37].

О строительстве Железенской крепости никаких архивных документов нам неизвестно. Краткие сведения об этом событии сообщил только Г. Ф. Миллер. По его данным, тарский воевода летом 1717 г. послал вверх по Иртышу «сына боярскаго Павла Свиерскаго с командою козаков»[38]. Весьма вероятно, что этот сюжет был зафиксирован Г. Ф. Миллером по устным рассказам участников событий. В пользу такого предположения может указывать и небольшое искажение фамилии командира тарских казаков (Свиерский вместо правильного Свидерский), которое вполне объяснимо, если запись велась с чьих-то слов.

По документам известно, что в Тарском уезде с XVII в. проживали служилые люди Свидерские, а под городом находилась деревня Свидерская[39]. При расследовании в 1731 г. злоупотреблений воеводы Тары был допрошен и тарский дворянин Павел Свидерский[40], очевидно, тот самый, о котором писал Миллер. Историк указывал, что построенная на правом берегу Иртыша деревянная Железенская крепость имела в плане вид четырехугольника площадью не более 15 квадратных сажен[41].

Среди бумаг Миллера, хранящихся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, единственное известное нам упоминание о Железенской крепости в документе 1717 г. имеется в описи дел Тарской канцелярии, которая была скопирована для учёного. В ней под № 248 значится «Отписка из Железенской крепости от сына боярского Павла Свидерского о воинских вестях…», датированная 1717 годом[42].

Небольшое укрепление, заложенное Свидерским, было необходимо как промежуточный пункт на полпути от Омской до Ямышевской крепости, которую тем же летом заново построили под руководством подполковника Прокофия Ступ-

---

[34] С. П. Карпов был воеводой в Таре с 1707 по 1711 и в 1714 г. (Акишин М. О. Карпов Семен Прокопьевич // Власть в Сибири. XVI — начало XX в. Новосибирск, 2005. С. 518). Об отправке его в Омскую крепость сообщал Г. Ф. Миллер (Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 111; Известие о песошном золоте… // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 490).

[35] Современный посёлок Железинка Павлодарской области Республики Казахстан.

[36] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 115–116. Действительно, на «Карте реки Иртыша от Омской до Усть-Каменогорской крепости» 1745 года показана речка «Железенка» (протока Иртыша), устье которой расположено примерно в 30 верстах выше по течению от Железенской крепости (РГВИА. Ф. 420. Оп. 1. Д. 4).

[37] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1584. Л. 91.

[38] Там же. С. 115. В авторском немецком тексте фамилия написана так же: «Swijerskoi» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Iamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg: bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760. S. 247).

[39] Колесников А. Д. Омская пашня: заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI — начале XX веков. Омск, 1999. С. 25–26.

[40] РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 163. Л. 62 об. — 63; Оп. 5. Кн. 236. Л. 57. Цит. по: Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 63–64. В архивных реквизитах дела 236 в этой книге ошибочно указана опись 6 (с. 167, прим. 288, 292, 302).

[41] В авторском тексте Миллера: «Indem aber diese damahls erbauete Festung nicht über 12 bis 15 Faden ins gevierte betragen, und nachmahls bau fällig geworden, so hat man in den Jahren 1733 und 34 eine neue… daselbst angeleget» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… 1760. S. 248). В русском переводе 1760 г.: «Как сия тогда заложенная крепость не занимала больше мест, как около 15 сажен квадратных, и она наконец стала ветха, то в 1733 и 1734 годах построили там новую… с большею окружностию» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 116; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 492).

[42] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 15. Док. № 65. Л. 145.

пина. Возведением новой большой крепости руководил тот же поручик Каландер, который построил здесь первое земляное укрепление осенью 1715 г. Из показаний Бухолца известно, что после его отъезда из Омской крепости в декабре 1716 г. «артилерной порутчик оставлен… в вышепомянутой крепости при маеоре Вельяминове-Зернове»[43]. По-видимому, Каландер присоединился к отряду Ступина на устье Оми.

Когда трёхтысячный отряд Ступина прибыл летом 1717 г. к Ямышевскому озеру, там имелись остатки полуразрушенного земляного укрепления И. Д. Бухолца и стоящий рядом палисадный острог, возведённый казаками Федота Матигорова. Поскольку Ступин получил от Гагарина приказ «у Ямышева зделать большую крепость» (док. № 44), ему надлежало заложить новую, третью крепость. «Сие еще тем же летом под смотрением артилерийскаго порутчика Каландера учинено, — писал Г. Ф. Миллер. — Вместо малого острога построена регулярная крепость полушестиугольником, с двумя к степи сделанными болверками и двумя половинами, к Иртышу приведенными. За благо разсуждено крепость делать не земляным валом, но деревянным строением»[44].

План Ямышевской крепости, которую застал Миллер в 1734 г., сохранился в двух копиях в фонде учёного[45]. На этом чертеже действительно изображено укрепление в форме полушестиугольника с двумя бастионами, обращёнными в сторону степи, и двумя полубастионами на берегу Иртыша (рис. 41).

Восточный полубастион располагался над устьем реки Преснухи, правого притока Иртыша. Сопоставление плана 1734 г. с чертежом 1715 г. (рис. 22) не оставляет сомнений в том, что третью Ямышевскую крепость поручик Каландер возвёл на месте своей же первой земляной крепости, ров и вал которой были сооружены ещё при Бухолце. В 1717 г. ограничились деревянным строением и не делали земляной вал, потому что он уже имелся. Вот почему, несмотря на верное замечание Миллера «за благо разсуждено крепость делать не земляным валом», на плане 1734 г. показан ров по внешнему контуру крепости.

В «Экстракте о Ямышевской крепости» 1770-х гг. построенное Ступиным укрепление описано следующим образом: «А 1717 года по повелению князя Гагарина паки оная крепость Ямышевская построена в фигуре полу шести угольника при высоком береге реки Иртыша. И уже зделали деревянным строением: в углы рублеными и высокими стенами, а от реки полисадом. Которая с самого своего построения нарочито знатным жилым местом учинилась»[46]. Из этого отрывка мы узнаём, что высокие бревенчатые стены были рублены «в угол», а вдоль реки стоял палисад из вертикально врытых брёвен. На чертеже 1734 г. вместо этого палисада уже показана такая же бревенчатая стена, как и на других сторонах укрепления. Внутри, вплотную к крепостным стенам, протянулись примыкавшие друг к другу жилые постройки — «салдатские казармы». Не было их только вдоль берега Иртыша.

Одновременно с отправкой трёхтысячного отряда П. С. Ступина к Ямышевской крепости Матвей Гагарин направил вверх по Иртышу сто всадников во главе с тобольским дворянином Иваном Калмыковым. Конники посылались вдоль берега Иртыша до озера Зайсан для разведки. Калмыков получил приказ «усмотреть крепкое место на острову или где приищет на том озере» (док. № 45). В письме царю губернатор сообщал, что отправил дворянина «с охочими рускими людми» (док. № 44). По сведениям Миллера, добровольцев набрали в Тобольске из каторжан-колодников. Заключённым объявили: «Кто из них охоту имеет туда ехать, тот будет во всем прощен и сверх того еще получит награждение»[47].

До этого никто из русских на озере не был. Бухолц рассказывал в Сенате в январе 1719 г., что «от Ямышева до Зайсан озера водяной путь трудной для того, что оное озеро близ самых вершин Иртыша реки… А от Камня к Зайсану озеру вверх рекою Иртышем тюменские жители хаживали лотками шесть дней, а до Зайсана не доходили за неделю»[48]. Камнем здесь названы Алтайские горы, до которых доплывали по Иртышу жители Тюмени в предшествующие годы. Известны имена этих смельчаков — Иван Уваров и Григорий Трунов[49]. Судя по всему, они были первыми русскими промысловиками, достигшими Рудного Алтая. От начала горных отрогов тюменцы поднимались вверх по течению ещё шесть дней, откуда, по их мнению, до Зайсана оставалась неделя плавания.

И всё же Гагарину удалось найти в сибирской столице проводников из числа тобольских татар, которые прежде «бывали для рыбнаго промыслу на том озере не в болших людях». Эти уже посещавшие озеро Зайсан татары также были включены в отряд Калмыкова (док. № 44).

---

[43] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 201 об..

[44] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии СПб., 1760. Февраль. С. 112; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 491 (В издании 2005 г. вместо «к степи» ошибочно написано «к стене»).

[45] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/1, 39/2.

[46] РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 83. Л. 116. Фотокопия этого документа хранится: ГАВКО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 458. Л. 4.

[47] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 491.

[48] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 203. Опубл.: Из истории Омска (1716–1917 гг.): очерки, документы, материалы / ред. Е. Н. Евсеев. Омск, 1967. Док. № 8, с. 55.

[49] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 470.

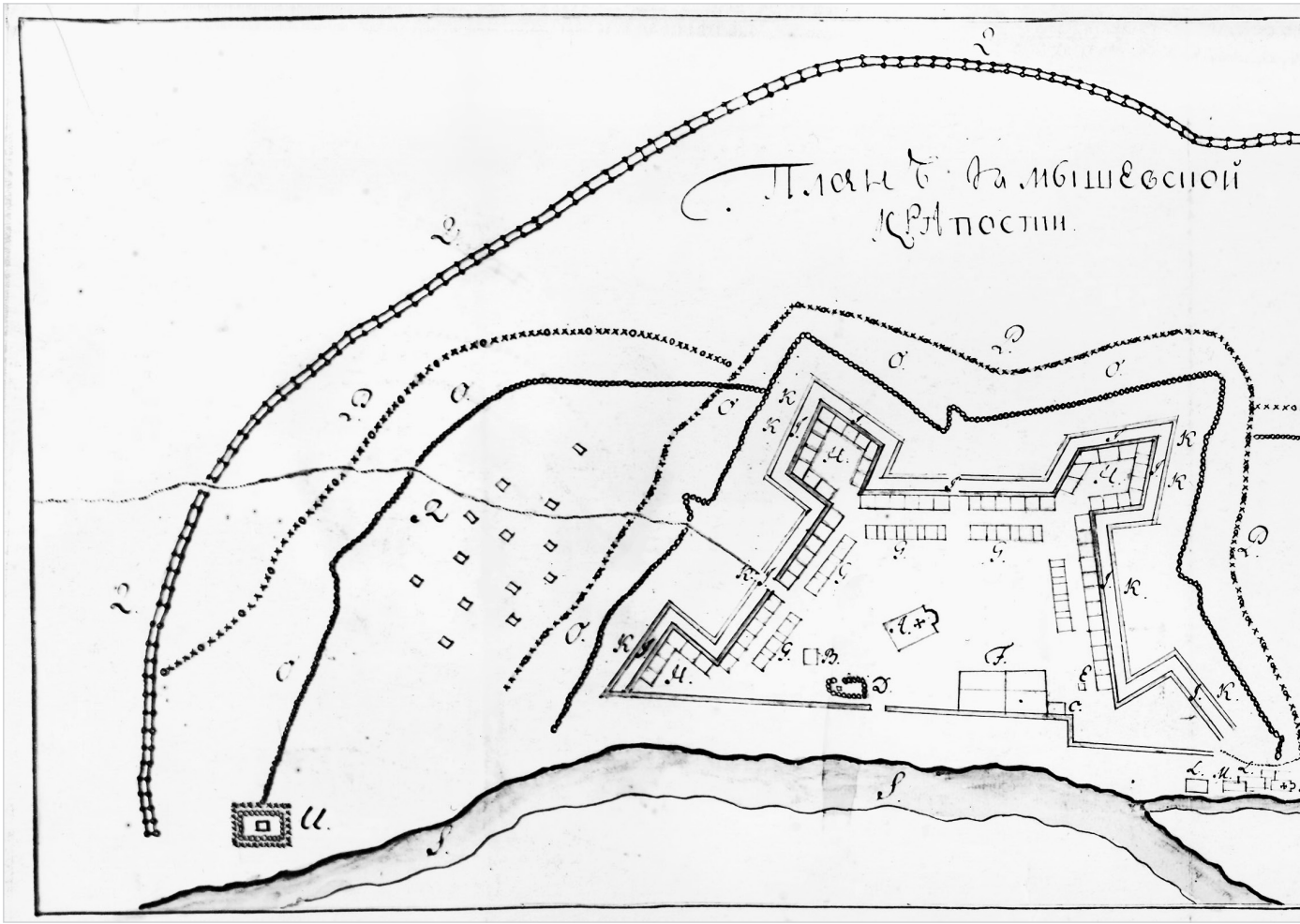


Рис. 41. План Ямышевской крепости. Чертёж 1734 г.

A — церковь Иоанна Богослова; *B* — канцелярия; *C* — цейггауз; *D* — пороховая казна; *E* — винной подвал; *F* — маэорской двор; *G* — офицерские дворы; H — салдатские казармы; *I* — крепость; *K* — ров; L — хлебные анбары; *M* — соляной анбар; *N* — церковь Николая Чюдотворца; *O* — палисады; *P* — рогатки; *Q* — надолбы; *R* — слободы; *S* — река Иртыш; *T* — речка Пряснуха; *U* — за городом башни; *V* — дорога к соляному озеру

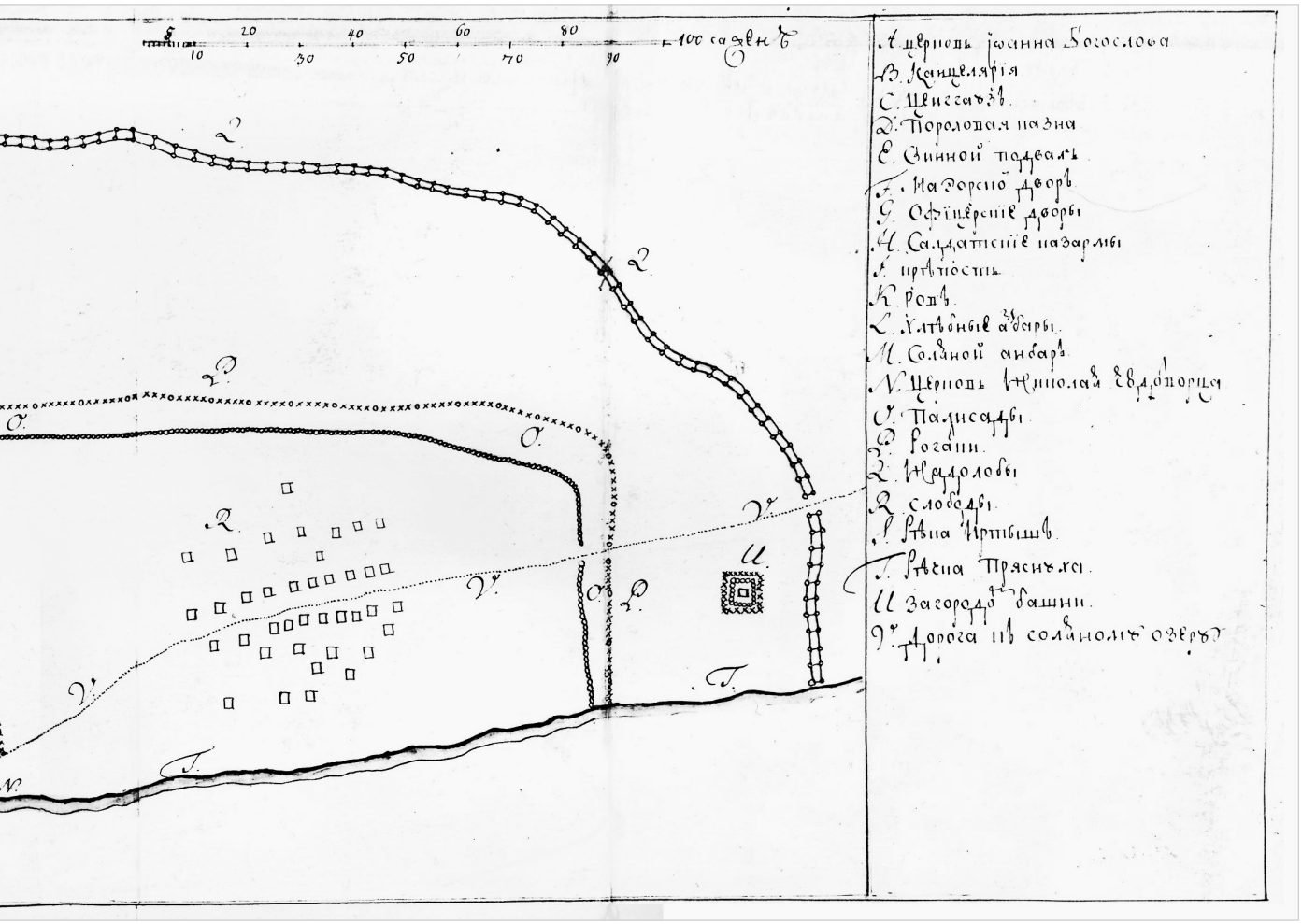
Конный отряд Ивана Калмыкова численностью 103 человека, с четырьмя небольшими медными пушками, «которые вёс на вьюках» (док. № 68), выступил из Тобольска в мае 1717 г Ямышевской крепости они достигли через три недели. Более месяца отряд пробыл в районе Ямышева, а 21 июля (док. № 56), оставив двадцать человек «за болезньми», всадники переправились на левый берег Иртыша и отправились в путь. За двадцать дней поднялись до устья реки Курчум и «против той реки Курчюм» вновь переправились через Иртыш на его правый берег. На устье Курчума из росших там деревьев были изготовлены две небольшие лодки, которые далее «везли с собою на лошедях» (док. № 60). По-видимому, это были лодки-долблёнки.

Спустя два дня отряд вышел к озеру Нор-Зайсан. В течение недели осматривали побережье озера, постепенно продвигаясь к тому месту, где из него вытекает Иртыш. Результаты обследования оказались неутешительными. Как позднее рассказывал Калмыков, «удобных мест к строению крепостей нигде не нашли, потому что камень и пески, а лесов нет» (док. № 60).

На обратном пути возле устья Курчума отряд разделился: часть разведчиков решено было отправить вниз по Иртышу водою. Для этого «в прибавку к прежним лоткам, зделал 4 лотки». На шести судах вниз по реке «малою водою в августе месяце» поплыли 21 человек. Остальные возвращались верхом на лошадях.

Обратный путь от устья Курчума до Ямышевской крепости для конников Ивана Калмыкова занял 14 дней. Им повезло: за полтора месяца похода они ни разу не встретились с подданными хунтайджи. Напротив, плывшим на лодках около устья реки Нарыни (совр. Нарым) встретились «теленгуты контайшина владенья многое число, и мимо того их кочевья проехали они ночью»[50]. Дальнейшее плавание прошло без происшествий,

[50] Там же. Л. 507 об.



в Ямышевскую крепость участники отряда прибыли лишь на несколько дней позднее конников. В ходе плавания разведчики осматривали берега Иртыша с целью выбора удобных мест для будущих крепостей. Однако в итоге они сообщили: «И плывучи, на Иртыше реке по обеим сторонам до речки Бухтармы никаких пригодных мест к строению крепостей не видали» (док. № 60).

Сибирский губернатор придавал большое значение первому в российской истории конному походу на Зайсан. Предприятие это, безусловно, казалось ему чрезвычайно рискованным. Напомним, что Гагарин считал плавание по Иртышу сравнительно безопасным, а «сухим путем никому николи проехать не можно», поскольку, как писал сам Матвей Петрович, «от калмыков упастися на сухом пути не можно» (док. № 31). Вот почему в отряд Калмыкова набирали самых отчаянных — добровольцев из сибирских каторжан. Наградой за поход для участников экспедиции стала свобода, однако их обязали поселиться в Ямышевской крепости.

Конный поход из Ямышевской крепости на Зайсан и обратно продолжался с 21 июля по начало сентября. 25 сентября 1717 г. губернатор получил наконец доношение от вернувшегося к Ямышеву Ивана Калмыкова. В своём письме сын боярский сообщил Гагарину, что на Зайсане за восемь дней не удалось найти «места, где город делать», так как окрестности озера безлесные и песчаные. Единственным местом, пригодны для возведения новой крепости, Калмыков посчитал устье реки Курчум, где «зело приволно всем, лесами и землями пашенными; и значит, что поселение в том месте немалое было: напусканы де были воды из тоя реки на пашенные места» (док. № 57).

Главным результатом плавания вниз по Иртышу для губернатора стал вывод о том, что «судами, в каких ходят из Тоболскаго к Ямышеву по соль, от Ямышева к Зайсан озеру пройтить не можно». Практика показала, что стандартные дощаники не годятся для плавания по мелководному Верхнему Иртышу. Вместо таких «великих судов» нужны были специальные лодки — «нарошные суды», как именовал их Гагарин в письме Петру I (док. № 57). В то время своего специального названия эти большие лодки ещё не имели.

Помимо отряда Калмыкова, отправленного на Зайсан, сибирский губернатор в мае 1717 года «вверх по Иртышу от Ямышевской крепости для строения малых крепостей послал тарского татарского голову Бориса Чередова в трех стах

человеках» (док. № 45). Отряд должен был подниматься по реке на «больших судах»[51] — дощаниках или коломенках.

Г. Ф. Миллер сообщал, что летом 1717 г. «по приказу губернаторскому послан из Тары дворянин Василий Чередов с казаками, чтоб от Ямышева по реке Иртыше вверх сыскать еще мест к крепостному строению способных». По каким-то причинам плавание Чередова вверх от Ямышевской крепости летом 1717 г. не состоялось. Только осенью его отряд отправился вверх по Иртышу. До заморозков дощаники успели дойти лишь «до верхняго устья протоки реки Иртыша, Калбасунская Заостровка называемой, откуда по прямой дороге до Ямышевской крепости считается 90 верст». Там, неподалёку от развалин Калбасунской мечети[52], казаки вынуждены были встать на зимовку, для чего пришлось построить небольшое палисадное укрепление. Это укрепление стали именовать Чередовым или Калбасунским зимовьём (по названию располагавшейся рядом иртышской протоки)[53].

Очевидно, Г. Ф. Миллер ошибся, называя Чередова Василием. В 1722 г. русский посол к хунтайджи Иван Унковский записал в своём путевом дневнике: «Прошли верхнее устье Калбасунское. Отсель вода быстряй течет. Тут был построен острожек, в котором зимовал Борис Чередов с тремя стами служилыми людьми»[54]. Примечательно, что Унковский в 1722 г. руководителем отряда в триста казаков назвал не Василия, а Бориса Чередова.

Письма сибирского губернатора в столицу, сохранившиеся в фонде Кабинета Петра I и неизвестные Миллеру, позволяют окончательно убедиться в ошибке «отца сибирской истории». Как процитировано выше, старшим над тремя сотнями сибирских казаков Гагарин называл тарского татарского голову Бориса Чередова. В недавно изданном генеалогическом исследовании Анны Алексеевны Крих указывается, что среди многочисленных представителей фамильного клана Чередовых, служивших в Таре в первой четверти XVIII в., единственным Борисом был ротмистр Борис Александрович Чередов (1654–?)[55].

В своём доношении царю от 28 октября 1717 г. Гагарин сообщал, что получил письмо от подполковника Ступина из Ямышевской крепости. На основании присланных сведений губернатор докладывал: «И от Ямышева по Иртышу вверх посланы служилые люди з головою татарским Иваном Чередовым для дела крепости на урочище у болших полат. Но еще ведения, великий государь, от него, Ивана, по се число не было, а ожидаем в скорости» (док. № 58). Здесь татарский голова Чередов назван Иваном. Мы склонны объяснять такую перемену имени опиской Ступина или ошибкой самого сибирского губернатора. В этом контексте весьма показательно, что спустя полтора года, на допросе в Сенате 26 января 1719 г., Матвей Петрович Гагарин вновь подтвердил: «А от Ямышева же до Калбазинской крепости, и от Калбазинской до Семиполатной Борис Чередов шол в 200-х человеках великими судами»[56]. Из рассказа Гагарина становится ясно, что отряд Бориса Чередова был не конным, а двигался вверх по Иртышу на больших речных судах. Поэтому, когда река замёрзла, казакам пришлось встать на зимовку.

В октябрьском доношении М. П. Гагарин писал царю об отправке отряда Чередова от Ямышева вверх по Иртышу «для дела крепости на урочище у болших полат» (док. № 58). Это косвенно подтверждает сообщение Г. Ф. Миллера о предварительной посылке Ступиным небольшой разведывательной экспедиции, члены которой первыми проплыли до развалин ламаистского монастыря, позднее известного у русских под названием Семи Палат. Миллер указывал, что такой отряд был отправлен из Ямышевской крепости осенью 1717 г. по воде («im Herbste des 1717… zu Wasser»)[57]. Команда состояла из капрала, 14 солдат и писаря.

Известие о «полатах», стоящих в степи на правом берегу Иртыша, к подполковнику Ступину, вероятно, привезли участники экспедиции на Зайсан, которые вернулись в Ямышевскую крепость в первых числах сентября 1717 г. После

---

[51] Там же. Л. 217 об., 458 об., 468 об.

[52] Подробнее об этом памятнике см.: Смагулов Т. Н. Калбасунская башня. Алматы, 2012. 160 с.

[53] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 492. В статье на немецком языке расстояние между Ямышевской и Калбасунской крепостями определено в «80 или 90 верст» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… 1760. S. 249).

[54] Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журанл его за 1722–1724 годы. СПб., 1887. С. 17. (Зап. Русского Географического общества, по отд. этнографии, т. X, вып. 2).

[55] Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск, 2012. С. 57–59; прил. 3, схема 2. Автор основывается на записи в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г.: «Сын боярский Борис Александров сын Чередов сказал: у него дети — Василий двадцати пяти лет, Василий же девятнадцати лет, Семен двенадцати лет, Иван семи лет» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 295). Благодарим Анну Алексеевну Крих за любезно предоставленные сведения.

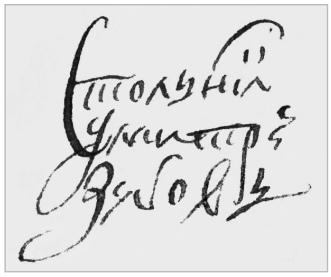
[56] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 458 об., 468 об. См. также док № 68.

[57] Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… 1760. S. 256. В русских изданиях почему-то немецкое слово «Herbste» переведено как «весна» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 123; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 494).

этого Ступин отправил своих разведчиков с заданием осмотреть заброшенный монастырь и обследовать его окрестности. Интерес подполковника был понятен — раз ранее там имелось поселение, место должно было быть удобным для проживания.

Надо полагать, что Ступин не отправлял Чередова с его казаками вплоть до возвращения своих посланцев, которое произошло вряд ли ранее октября. Доставленные сведения позволили подполковнику осенью, при отправке трёхсот казаков во главе с Чередовым, поставить перед руководителем отряда конкретную задачу: дойти до урочища около монастырских развалин и там построить передовой российский форпост на Иртыше.

Реализовать этот план удалось лишь весной 1718 г.



Автограф будущего красноярского коменданта Дмитрия Зубова: «Стольник Дмитрей Зубов». 1710 г.

Документ № 56

1717 г. августа 27. **— Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I с сообщением о принятых мерах для российского военного продвижения вверх по Иртышу**

(л. 128 об.) Всемилостивейший государь,
доношу величеству вашему

Сего августа 24 дня 1717 году писал ко мне подполковник Ступин, что с полками до Ямышевской крепости дошел без всякого удержания. И город для немалого поселения делать начал. И полковник Матигоров с казаками, которые с ним были в Ямышевской крепости 300 человек, в Тоболеск прибыли.

А по скаске, великий государь, ево, по ведомости от выхотцов, приходили в бытность его в Ямышевской крепости калмыков 7500 человек к той Ямышевской крепости и были у той крепости октября от 12 числа 1716 году и февраля по 1 число 1717. И от приходу де их, (// л. 129) великий государь, никакие тесноты им не было, и не потратили у него ни одного человека, и приступать к той крепости не смели. И хаживали де из крепости по 30 и по 20 человек с ружьем для рыбнаго промыслу. И на тех напустить никогда не смели, о чем к величеству вашему писал о том прежде, что от отаки их ни малого утеснения им не было.

А которые, великий государь, люди посланы с сыном боярским тоболским Иваном Калмаковым на Зайсан озеро, також, великий государь, и о посланных, которые посланы с вашею, великого государя, грамотою к тому калмыцкому владелцу контайше, еще ведения от них от обоих нет. (// л. 129 об.) Но точию, великий государь, Иван Калмыков Ямышевскую крепость прошел к Зайсану озеру сего 1717 году июля 21 дня.

А про посланных, великий государь, х контайше, ведения от выхотцов, что тот владелец калмыцкой контайша имеет де великое опасение от войск величества вашего. Того ради откочевал х крепким местам вдаль. А тех де посланных наших повезли к нему с великою честию и з довольством корму во много перед прежними нашими посланными к нему.

А от посланных, великий государь, в Казачью орду из Тоболска ведомости по отпуск сего письма нет же. А есть ведение, что башкирцы Казанского присуду отогнали лошадей у Казачьи орды немалое число. И того де ради удержали посланных ис Тоболского.

И что, великий государь, подновитца, о том к величеству вашему писать буду.

[*Автограф:*] Величества вашего последний раб Матвей Гагарин.

Из Тоболскаго 1717 августа дня 27.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 32. Л. 128 об. — 129 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 57

1717 г. сентября 27. **— Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I с сообщением о результатах экспедиции сына боярского Ивана Калмыкова на озеро Зайсан**

(л. 132 об.) Всемилостивейший государь,
доношу величеству вашему

Посланной, великий государь, ис Тоболского на Зайсан озеро сын боярской Иван Калмыков писал ко мне сего сентября 25 дня, что по указу он, Иван, со стом человеки казаков на Зайсане озере был и жил на том озере для всякого проведания и присмотру места, где город делать, восемь дней. И на озере де, великий государь, с нашей стороны, с приезду от Ямышева, где потекла из того озера река Иртыш, удобных мест нет, потому де, великий государь, что места де безлесные и пещаные. И осмотрел де он в близости от того озера на Иртыше в десяти или в пятнатцати верстах от того озера реку Курчум, впала в Иртыш. И в том де (// л. 133) месте зело приволно всем, лесами и землями пашенными. И значит, что поселение в том месте немалое было: напусканы де были воды из тоя реки на пашенные места.

И естьли, великий государь, что не зайдет от бога, то будем из Ямышевской крепости промышлять, чтоб на той реке в близости озера зделать великую крепость и умножить людми. А он, Иван, ныне в Ямышевской крепости.

А которые, великий государь, были от него, Ивана, отпущены з Зайсана озера водяным путем в Ямышевскую крепость, и те люди видели на Ямышевской стороне, выше Ямышева, (// л. 133 об.) калмыков стоит многое число, а для каковая намерения стоят, того, великий государь, не ведаем. И в Ямышевской крепости ведения о них до их прибытия не было еще. Но с каким намерением пришли, о том уведав, к вашему величеству писать буду.

А плыли те люди в малых судах з Зайсана озера до Ямышевской крепости осмнатцать дней. А великими де, великий государь, судами, в каких ходят из Тоболскаго к Ямышеву по соль, от Ямышева к Зайсан озеру пройтить не можно. Но делаем, великий государь, для той посылки нарошные суды.

А о посланных, великий государь, ис Тоболского с вашею, великого государя, грамотою к тому калмыцкому владелцу ведомости еще нет, окроме того, что о приеме их с честию, и что корм им дан во много перед прежними, посланными ис Тоболского, о чем величеству вашему писал на прежней почте.

[*Автограф:*] О сем величества вашего последний раб Матвей Гагарин.

Из Тоболскаго 1717 сентября 27.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 32. Л. 132 об. — 133 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 58

1717 г. октября 28. **— Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I с отчётом о военно-крепостном строительстве на Иртыше**

(л. 140 об.) Всемилостивейший государь,
доношу величеству вашему

Писал ко мне из Ямышевской крепости подполковник Ступин, который ныне с полками у Ямышевской крепости. Сентября де 20 дня явились у Ямышевской крепости калмыков многое число и стояли один день, а в ночи и пошли к своим жилищам. А которые, великий государь, служилые люди сибирских городов в то время шли судами по соль к Ямышеву озеру, и тем ни малого удержания те калмыки не чинили и не подъезжали к ним. Також, великий государь, как и соль брали возбранения никакова не было ж.

А в разговорех де, великий государь, говорили, что будут посланные от них, калмыков, (// л. 141) в нынешней зиме, и посланные де ис Тоболскаго отпущены будут с ними же.

А о отступке, великий государь, их от Ямышевской крепости в скором времени признаваемся, что для войны Казачьей орды, что великим людством ходили Казачья орда на калмык. И хан Казачьи орды был в той войне, о чем я и прежде до величества вашего писал. А что, великий государь, в той у них войне учинилось, еще ведения не получили.

И ныне, великий государь, посылаю ис Тоболского (// л. 141 об.) к хану Казачьей орды, чтоб також пошел и еще на калмык войною.

Крепость великую у Ямышева, великий государь, зделали, и селить буду ныне из многих городов. Також в Омской крепости, которая делана в 716-м году выше Тары, и та, великий го-

сударь, крепость ныне населена немалым людством. И выше той крепости по Иртышу на половине от той крепости к Ямышеву, на урочище Железенском яру зделана ж крепость. И от Ямышева по Иртышу вверх посланы служилые люди з головою татарским Иваном Чередовым[58] для дела крепости на урочище у болших полат. Но еще ведения, великий государь, от него, Ивана, по се число не было, а ожидаем в скорости. И как получим ведение, о том к величеству вашему писать буду.

При сем послал до величества вашего золотых вещей и серебряных, сысканы в земле древних поклаж. А какие, великий государь, вещи и какая какова весу, тому ведение величеству вашему послал при сем писме.

[*Автограф:*] Величества вашего последний раб Матвей Гагарин.

Из Тоболского 1717 октября дня 28.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 32. Л. 140 об. — 141 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 59

1717 г. октября 28. **— Из письма сибирского губернатора М. П. Гагарина кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о возведении новых крепостей на Селенге, Енисее и Верхней Оби**

(л. 137 об.) Государь мой Алексей Васильевич,

дай боже тебе, моему государю, здравствовать множество лет

<...>

(// л. 138) Писал ко мне из Ыркуцкого камендант, что на Косоголе озере, из которого течет река Селенга, на том озере против указу великого государя город зделан. И ныне в том городе сто человек казаков оставлено, правиантом удоволены и по милости божии от такова неприятеля сидеть могут.

Також, мой государь, и из Красноярска близ болшаго камени зделали, а из того весною, естли изволит бог, будут делать крепость за каменем тем болшим, за которым кочюют калмыки не контайшины, но у которых купил Трушников золото.

Из Кузнецкого, мой государь: на вершинах Оби реки город зделан ж в близости к тому болшому камени, за которым кочюют калмыки те ж. (// л. 138 об.) А будут промышлять, чтоб среди того камени над озером зделать крепость, для того, мой государь, что против Кузнецкого тот большой камень шире других мест до степей.

Зело бы, мой государь, надобно, чтоб и самому мне быть и видеть те крепости, но велику имею здесь опасность от калмыков, что в здешнем краю калмыков люднее.

[*Почерком Гагарина:*] Зело, мой государь, я рад, что в Ыркуцком зделали крепость на Касаголе озере, из которого река Селенга течет. Я не чаел без спору великаго дать делать тое крепость, но нихто о том еще и по сей отпуск не говорил и не присылал. И велел тое крепость умножить людми. И торгам немалым с мунгалы чаю быть в той крепости.

[В] прошлом, мой государь, году послал я много старых вещей, но ответствования мне никакова не было. Пожалуй, отпиши о том писме ко мне милостиво. И ныне послал что мог. А с тем изволь, мой государь, донести его величеству о пис[ме].

О сем слуга твой, государя моего, Матвей Гагарин.

Из Тоболска 1717 октября 28 дня.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 32. Л. 137 об. — 138 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 60

1719 г. май–июнь[59]**. — Рассказы тобольского сына боярского Ивана Калмыкова и участников его отряда о походе в 1717 г. на Зайсан, записанные на допросах в Тобольске**

(л. 486 об.) Тоболской сын боярской Иван Калмыков сказал:

В 717-м году посылан он ис Таболска от губернатора, а с ним 103 человека, да 4 пушки малых до Нор Зайсана озера для проведыванья пути и угодных мест, где мочно построить крепо-

---

[58] Так в тексте, правильно: Борисом Чередовым.

[59] После допросов Калмыкова и его спутников в экстракте следует допрос тарского казачьего головы Ивана Чередова, который 28 июня 1719 г. был отправлен из Тобольска в Ургу с посланием к хунтайджи.

сти, также где есть лес и пахотные места. И от Тоболска шли до Ямышевой крепости 21 день. А в Ямышеве ис посланных оставили за болезньми 20 человек.

А от Ямышева пошли правою стороною подле Иртыша реки вверх (// л. 487) до Буран Нургун каменя пол 6 дни. А тем каменем до речки Гурбанчара 4 дни. А в том месте воды и травы нет. А от той речки до песщаной горы шли пол 8 дни. А в тех местех у речки Беки стоит полатка глиненая ветхая и пашенной земли малое число. А какие люди жили, того он не знает. А через пещаную гору великими песками, в котором песку лошеди шли по колени. А теми песками до устья Курчюм реки 1 день.

И против той реки Курчюм переправились за Иртышь на левую сторону, где Ямышевская крепость. И от усть Курчюм реки тою рекою ехали до островов лесных день. А лес тополник да ветелник и березник. Ис которого лесу можно делать малые лотки. И ис того лесу зделали 2 лотки, и везли с собою на лошедях. А от тех лесов ехали степью, безводными местами до Нор Зайсана озера 2 дни. И подле того озера шли на полуденную сторону х контайшину кочевью степью и мелкими каменьями до верховья Иртыша реки, где вышла (// л. 487 об.) из Зайсан озера, 7 дней.

И у того устья, через Иртышь реку переправясь, подле Зайсан озера ездили 10 верст, и удобных мест к строению крепостей нигде не нашли, потому что камень и пески, а лесов нет. А Зайсан озеро великое, и с берегу на берег видить не мочно; а толко по закате сонца значит, что на другой стороне тово озера камень. А сколко того озера длиною, того он не ведает и ни от кого не слыхал, и вкруг того озера не ездили.

И от Зайсан озера от устья Иртыш реки ехали верхами вниз подле той же Иртыша реки до вышеозначенного устья Курчюм реки 2 дни. И у той реки в лесах, в прибавку к прежним лоткам, зделал 4 лотки. И в тех лотках отправил водою к Ямышеву 21 человек.

А он, от Курчюм реки на левую сторону переправясь через Иртышь реку, и вниз подле реки Иртыша степью прежним путем пришли к Ямышеву в 14 дней.

А посланные рекою в 15 дней[60]. А от Ямышевой крепости он, Калмыков, (// л. 488) приехал в Тоболеск, а достолные все и поныне у Ямышевой крепости. А как они были в вышеписанном пути, калмыков и казачей орды людей навстречю в степи и нигде не видали.

А от Нор Зайсана озера до Турфана города и до кочевья контайшина, и от контайши до Эркеня какия урочищи и между ими что растояния, также Амон река и речка Чикма в котором владении, и в тех реках песошное золото есть ли, того он не знает и ни от кого не слыхал. И ни у кого песошного золота не покупывал. И ведомцов о промысле эркецкого золота, как и где промышляют, тоболских и других городов жителей никого не знает.

Тоболские жители, которые посыланы с Иваном Колмыковым — сын боярской Федор Чернцов, конные казаки Федор Едомин, Павел Шулжевской, Тимофей Кангулов, Федор Корнилов сказали тож, что Иван Калмыков. А из них Федор Корнилов и Тимофей Кангулов (// л. 488 об.) пополнили, что посланы с ними было 4 пушки неболшие медные на станках.

Из них ж тоболские жители гранодер Афонасей Скипин, конной казак Кузма Насекин, татарин Сара Иванов о пути до Зайсан озера сказали те ж речи, что и Калмыков с товарыщи сказал. Да они ж пополнили:

От Зайсан озера отправил их оной Калмыков 4-х человек на лотках вниз Иртышем рекою до устья Курчюма реки, где делали лотки. И плыли 2 дни. И на устье Курчюм реки к тем прежним лоткам в прибавку зделали 4 лотки. И зделав лотки, оной Калмыков послал их водою с товарыщи 21 человек.

А от Курчюма реки плыли вниз Иртыша реки до речки Нарыни 2 дни. А по обе стороны Иртыша реки от Зайсан озера до речки Нарыни и на речке Нарыни лесу никакова нет. И по той речке в то время стояли теленгуцкие калмыки контайшина владенья многое число, а сколко имянно сказать не знает. (// л. 489) И против их улусов стояли они в камышу день, и дождались ночи. И в вечеру ис камыша с камени смотрели на их кочевье и видели огни раскладены во многих местех. А иные огни от улусов вниз по правую сторону Иртыша реки дву отъезжих караулов верстах в 5 и в 10. А третей караул внис Иртыша ж реки на левой стороне от улусов верстах в 20.

И от той речки Нарыни Иртышем рекою мимо их улусов и караулов плыли ночью. И они, услыша на тех караулех, их окликали. А они, не отдав им голосу, те караулы проплыли. А от того последняго караулу плыли меж высокими каменными горами, которые горы по обе сто-

[60] Судя по рассказу самих сплавлявшихся, плавание от устья Курчума до Ямышевской крепости заняло 17 дней (см. ниже в этом же документе).

роны Иртышь реки камень утес по самую воду. А бечевою меж теми каменными горами мелкою водою подле камени пешим итти возможно. А меж тех высоких утесных каменных гор вода зело мелка и быстра, и каменья в реке многое число. А плыли вниз меж теми горами мелкою водою 1 день.

И от тех каменных гор и от мели до речки Бухтармы плыли 2 дни. (// л. 489 об.) И плывучи на Иртыше реке по обеим сторонам до речки Бухтармы никаких пригодных мест к строению крепостей не видали. А леса есть тополник, ветелник и черемошник. А вверх речки Бухтармы лесов и пахотных земель никаких нет. А та речка впала в Ыртышь реку, как едешь вниз, с правой стороны. А от той речки до Семи полат 6 дней. А пристойных же мест по обеим сторонам и пахотных земель нет, толко промеж речки Бухтармы и Семи полат с левую сторону вниз Иртыша реки впали 2 речки малые Гурбанчар да Кунгуль, а что между ими растоянием, того сказать не упомнит. А лесов, и пригодных мест, и пахотных земель нет.

Да третья речка Шилба с правую сторону вниз Иртыша реки, не доплыв до Семи полат. А по той речки лес есть сосновой. А от Семи полат плыли вниз Иртыша реки до Ямышевской крепости 6 дней. А о проходе дощеников вверх Иртышом рекою от Ямышевской крепости к Зайсан озеру можно ль пройтить или невозможно, (// л. 490) сказать не знают для того, что плыли малою водою в августе месяце. А воды, плывучи, нигде не меряли.

А что от Нор Зайсана и до Турфана города, и до кочевья контайшина, и от контайши до Эркеня какия урочища и между ими которое растояние, также Амон река и речка Чикма в котором владении, и в тех Амон и Чикме реках песошное золото есть ли или нет, также Аралское море где и в чьем владении, того подлинно не знают и ни от кого не слыхали. И ведомцов, как промышляют в тех реках песошное золото, тоболских и других городов жителей не знают же. И ни у кого такого песошнова золота не покупывали.

И на той Иртышь реке порогов, опричь вышеозначенных мелей, что меж высоких каменных гор, от Ямышева до Нор Зайсан озера нигде нет.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 486 об. — 490. Копия 1719 года. Публикуется впервые.

Глава 16

Формирование российской границы по Верхней Оби (июль 1717 — лето 1718 года)

Доезд Ивана Максюкова о постройке новой крепости на Белом Яру был подан в Кузнецкую канцелярию 15 июля 1717 г. Этим же днём датируются три первых «памяти», посланные белоярскому приказчику Степану Серебреникову. Распоряжения полковника Бориса Синявина касались судеб людей, оказавшихся в подчинении Серебреникова, и организации разведки на степном левобережье Оби, в «Калмыцкой землице».

Если ранее, в июне 1717 г., кузнецкий комендант сам предписывал Серебреникову «пришлых, гулящих разных городов людей за скудостью в крепость тебе принимать» (док. № 53), то спустя месяц он вынужден был отменить это распоряжение. Дело в том, что 11 июля 1717 г. в Кузнецке получили указ, подписанный М. П. Гагариным: «Ведомо де ему, князю Матвею Петровичю, что селятца в Кузнецком уезде многие пришлые крестьяне и иных чинов люди. И чтоб тех пришлых людей, которые пришли в Кузнецкой уезд и живут дворами или на подворьях, то тех всех с 716-го году декабря с 30-го числа велено выслать в Тоболеск з женами и з детьми. И впредь кто явятца, таких велено ловить и отсылать в Тоболеск же, а в ыные места отнють не пропущать. И поставить крепкие заставы, и прикащиком написать под смертною казнию. А ежели прикащики и старосты, и выборные пришлых людей станут для поселения принимать, також и ловить не будут, и за то будут казнены смертию безо всякого милосердия»[1].

На этом основании Синявин приказал первых белоярских пришлых поселенцев — крестьян, пришедших туда в июле — арестовать и вместе с жёнами и детьми «прислать в Кузнецкой за караулом». Отныне Серебреников должен был «впредь, ежели явятца такие пришлые разных городов люди, також, не описываясь, присылать их в Кузнецкой»[2].

По-видимому, из числа пришлых единственным исключением стал «белоярской житель Андрей Федоров сын Некрасов», которого, по его просьбе, Синявин согласился оставить «в Белоярском в пушкарях и от податей свободить»[3].

Теперь поселиться в ведомстве Белоярской крепости могли только жители Кузнецкого уезда. Первыми такими посельщиками, вероятно, стали обитатели «Кривощекова завода», семьи которых оставались в ведомстве Бердского острога. В августе 1717 г. Синявин, по просьбе Серебреникова, приказал бердскому приказчику: «Которые были Берского острога жители, а ныне похотели жить в Белоярском остроге, Федор Кривощек с таварыщи, а жены де их и дети из Берского острога к ним не отпущены. И тебе б Федора Кривощока и других, которые ныне поселились в Белоярском, жен и детей их отпустить без держания»[4].

Ещё во время строительства Серебреников посылал «вверх по Обе реке служилых людей восемь человек в лотках для проведыванья калмыков». Он сообщил в Кузнецк, что разведчики «против де Алийскова устья на плавеже наехали калмыков двух человек и взяли де у них двух лошадей, а они, калмыки, де ушли в остров»[5]. Синявин одобрил действия приказчика и отдельным своим распоряжением от 15 июля приказал Серебреникову: «Послать б тебе из Белоярского за реку Обь в Калмыцкую землицу для проведыванья калмыков служивых или из беломесных казаков людей добрых и знающих двух или трех человек. И велеть проведать тайным подъездом, где они, калмыки, ныне кочуют, на которых урочищах. И как оные посылщики ис степи возвратятца, и что об них, калмыках, скажут, о том немедленно в Кузнецкой к полковнику Борису Акимовичю Синявину писать»[6].

---

[1] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.
[2] Там же. Л. 25.
[3] Там же. Л. 26.
[4] Там же. Л. 60 об.
[5] Там же. Л. 25.
[6] Там же. Л. 26 об.

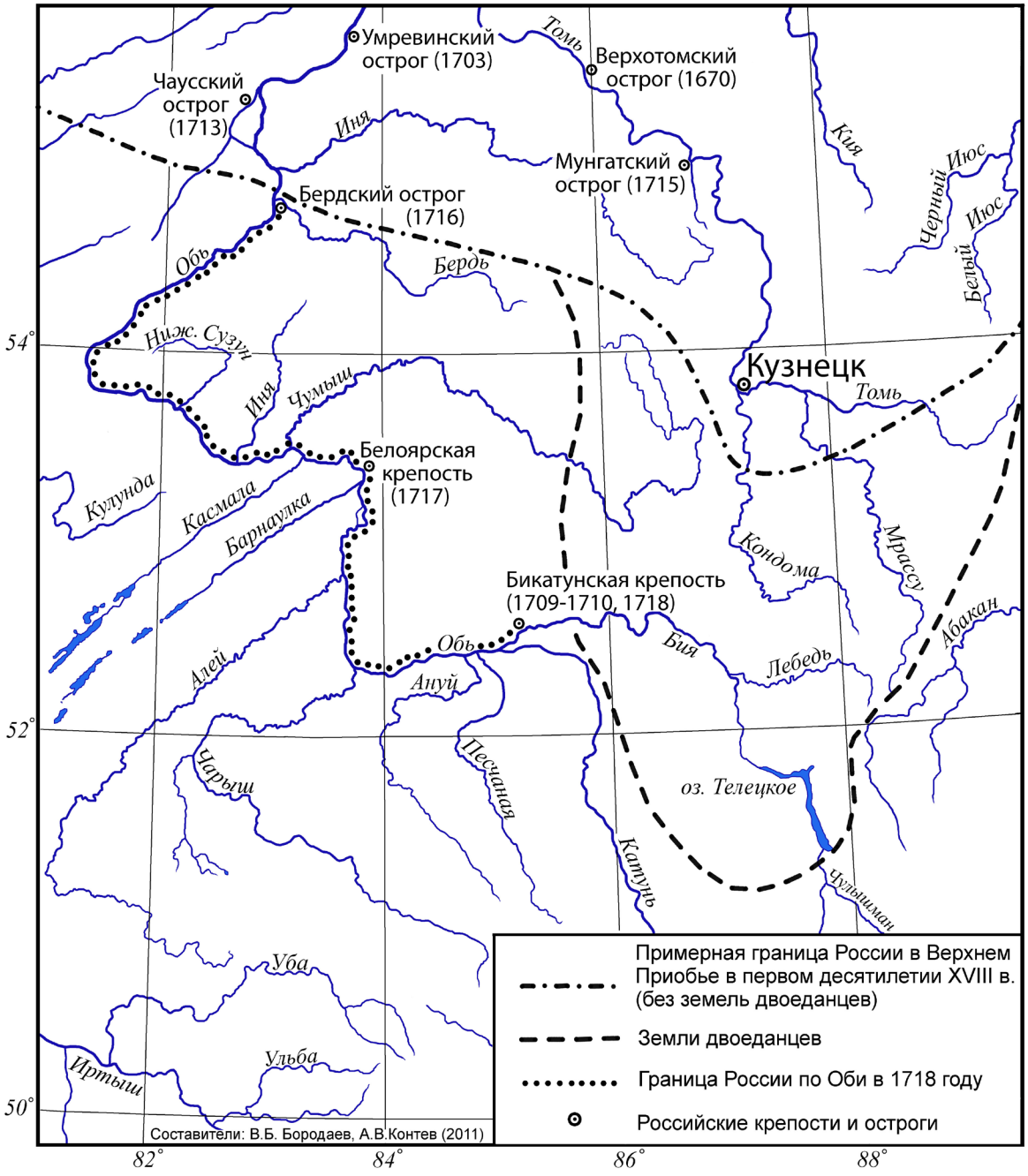


Рис. 42. Изменение границы России в Верхнем Приобье в 1700–1718 гг.

Судя по тексту июньского наказа Б. А. Синявина (док. № 53) и его первых июльских распоряжений С. Серебреникову, государственной границей России на западе Кузнецкого уезда признавалась река Обь. В ведение приказчика «новопостроенного города» отдавались земли «по сей стороне Оби», а противоположный левый берег считался «Калмыцкой землицей» (рис. 42).

Синявин требовал организовать разведку на левобережье, но вести её тайно, как и положено в приграничной полосе. Однако сразу же после строительства Белоярского острога и вступления Степана Серебреникова в должность приказчик по собственной инициативе начал активные действия на левобережье. Он отправил за Обь «для проведыванья калмыков» вооружённый отряд из пятидесяти человек, что составляло более половины гарнизона. Обнаружив на левом берегу «сакму» — след, оставленный кочевниками и их стадами, — разведчики бросились в погоню и внезапно напали на жителей степей. В завязавшемся бою было убито пятнадцать «калмыков», многие ранены. Потери белоярских служилых составили четыре человека убитыми и столько же ранеными. Не приходится сомневаться, что отправка военного отряда на левобережье состоялась до то-

го, как в Белоярской крепости получили приказ Синявина о разведках «тайным подъездом».

Известие о сражении кузнецких людей с ойратами вызвало гнев коменданта Кузнецка Бориса Синявина. В тот же день, как он получил донесение из Белоярска (20 июля 1717 г.), полковник отправил приказчику строгий наказ: «И тебе б впредь за реку Обь отнють служивых людей многолюдством не посылать, а посылать для подсмотру в лотках служивых людей по малому числу. А будет ты впредь станешь посылать служивых многолюдством, и будет людем трата, и за то ты казнен будешь смертию». Синявин опасался, что излишнее обострение отношений с кочевниками может привести к потере крепости, как это случилось в 1710 г. с Бикатунским острогом. В конце документа глава Кузнецкого уезда приписал собственноручно: «А что ты посылал служивых людей, и за то тебе учинено будет жестокое наказание безо всякого милосердия» (док. № 61).

В дальнейшем подобных набегов белоярские служилые не совершали. Июльское сражение стало последним открытым вооруженным столкновением на российско-ойратской границе по Оби.

13 августа 1717 г., менее чем через месяц после возвращения Ивана Максюкова в Кузнецк, полковник Борис Синявин направил приказчику Бердского острога Василию Соколову распоряжение: «Переписать б тебе в Берском остроге и в присудствующих во всех деревнях жителей и гулящих всякого чину людей без утайки имянно, и велеть всем готовым быть к походу с ружьем и з запасы… А с которого числа поход будет, о том впредь к тебе прислан будет указ»[7].

На следующий день, 14 августа, кузнецкий комендант приказал «заставщику» (надзирателю заставы) села Ильинского Григорию Старченкову смотреть, чтоб «в Ыльинском селе и во всех нижних деревнях всякого чину служивым людем и казачьим детем сказать указ великого государя, чтоб по пашням своим работали не леностно, и лошадей берегли и кормили довольно, и были б в Кузнецкой з ружьем и з запасы сего августа к 25-му числу неотложно для к походу на Алтын озеро и на Бию и Катуню для строения острогов». В заключение Старченкова предупреждали: «А ежели которые служилые люди и казачьи дети на вышепомянутое срочное число в Кузнецку на смотре пред полковником Борисом Акимовичем не явятца, и те жестоко наказаны будут безо всякого милосердия»[8]. Таким образом, смотр войск перед новым походом для строительства острогов в бассейне Бии намечалось провести в Кузнецке 25 августа 1717 г.

Распоряжение Синявина в Бердском остроге получили 20 августа. Через день приказчик Василий Соколов отправил в Кузнецк ответ, в котором сообщал, что у него «в съезжей избе государевой простый пищей бумаги нет и на стороне купить стало не где». Соколов писал о своей готовности составить перечень жителей «как бумага будет». Такой ответ получил Синявин 27 августа 1717 г., через два дня после срока намеченного смотра войск[9].

По-видимому, поход на Бию для строительства новой крепости намечался кузнецким комендантом на сентябрь—октябрь. Смог ли Борис Акимович Синявин осуществить свой план?

Увы, здесь на самом интересном месте известные нам документы обрываются и образуется лакуна — ситуация обычная при документальных исследований и хорошо знакомая каждому историку-архивисту. Кто-то в таких случаях пытается реконструировать вероятный ход событий с помощью более или менее правдоподобных версий; кто-то пытается сформулировать вопросы, на которые необходимо искать ответ в будущем. В рассказе о возведении новой крепости на Бии нам кажется более предпочтительным второй путь. Попробуем разобраться, что уже документально известно о строительстве Бийской крепости и чего мы пока не знаем.

Самым ранним известным нам документальным свидетельством с указанием года строительства второй Бикатунской крепости является справка Кузнецкой воеводской канцелярии, составленная для профессора Г. Ф. Миллера в сентябре 1734 г. В ней сообщалось, что крепость «построена… в прошлом 718 году по указу блаженныя и вечно достойныя памяти его императорского величества ис Тоболска от бывшего губернатора князя Гагарина деревянная длиною дватцать четыре сажени, поперег дватцать сажен, по углам четыре башни, под ними четыре казармы, в стенах двои проезжия вороты»[10].

Цитируемый документ составлен в Кузнецке спустя 16 лет после указанной в нём даты строительства крепости. Казалось бы, разрыв небольшой, и сведения из официального источника заслуживают доверия. Однако не будем забывать, что в той же справке временем основания Бердского острога назван 1717 год, хотя в 1722 г. та же Кузнецкая канцелярия сообщала, что в 1716 г. острог уже существовал (см. гл. 9).

Чтобы не зависеть от возможных ошибок канцеляристов, дату основания крепости следует искать среди документов, хронологически близ-

---

[7] Там же. Л. 60; Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 15–16.

[8] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 58 об.; Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 15.

[9] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 87–87 об.

[10] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 4. Л. 155 об.

Таблица 5

Хронология выявленных документов Кузнецкой комендантской канцелярии (июль 1717 г. – июнь 1720 г.)

Год	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1717							Б. А. С.	Б. А. С.			Д. И. В.	Д. И. В.
1718	Д. И. В.		Д. И. В.		Д. И. В.	Д. И. В.			Д. И. В.			
1719	Д. И. В.	Д. И. В.		Д. И. В.	Д. И. В.	Д. И. В.	Д. И. В.		Д. И. В.			
1720					**Б. А. С.**	**Б. А. С.**						

Составлено по: РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7, 8, 9 (июль 1717 – сентябрь 1719); Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1 (май–июнь 1720). Инициалами отмечено, к правлению какого кузнецкого коменданта относятся выявленные документы: Д. И. В. – Данила Иванович Востинский, Б. А. С. – Борис Акимович Синявин; жирный шрифт соответствует месяцам, когда в документах начинают встречаться упоминания о Бийкатунской крепости

ких к предполагаемому времени строительства. В нашем случае это сентябрь 1717 – конец 1718 г.

Если всё произошло по плану, намеченному в августе, то уже к концу сентября на берегу Бии мог возникнуть российский форпост, который в переписке начала 1720-х гг. назывался Бийкатунской крепостью. К сожалению, никаких документов о деятельности Б. А. Синявина и походе кузнецких жителей осенью 1717 г. на Бию нам не известно. Делопроизводственной переписки 1718–1719 гг. с упоминанием этого укрепления мы также не знаем. По сведениям Ю. С. Булыгина, А. П. Уманского, И. П. Каменецкого и А. Ю. Огурцова, организация похода и ход строительства этой крепости не нашли отражения в известных им источниках[11]. Алексей Павлович Уманский предполагал, что «в 1717 г. походы на Бию и Алтын-озеро не состоялись». По его мнению, строительство, готовившееся полковником Б. А. Синявиным, осуществилось в 1718 г. при следующем кузнецком коменданте Д. И. Востинском, назначенном на эту должность в ноябре 1717 г.[12]

Ю. С. Булыгин и И. П. Каменецкий ошибочно считали, что Борис Синявин бессменно возглавлял Кузнецкий уезд вплоть до 1721–1722 гг.[13] Однако в РГАДА сохранилось отдельное архивное дело, в котором собрана переписка кузнецкого коменданта Данилы Ивановича Востинского, в том числе с приказчиками подведомственных острогов. Документы охватывают период с 10 ноября 1717 г. по сентябрь 1719 г.[14] На этом основании А. П. Уманский считал, что Востинский был комендантом с ноября 1717 г. Между тем из документа, на который ссылался историк, понятно, что переписка Тобольской канцелярии с новым кузнецким комендантом началась раньше, поскольку 10 ноября Востинский уже пересказывает указ на своё имя, доставленный из Тобольска[15]. По-видимому, смена коменданта в Кузнецке произошла в сентябре или октябре 1717 г. В таком случае у Синявина имелся лишь один осенний месяц для реализации своего плана отправки строителей на берег Бии. Но отсутствие архивных источников позволяет с равной вероятностью предполагать, что готовящийся поход в 1717 г. не состоялся.

Проверить правильность таких реконструкций можно только с помощью документов конца 1717–1719 г. В течение этого периода сведения о новопостроенной крепости и возникшем ведомстве во главе с особым приказчиком должны были отразиться в делопроизводственной документации Кузнецкой комендантской канцелярии. Информация о наличии известных авторам архивных материалов июля 1717 г. – июня 1720 г., относящихся к Кузнецкой канцелярии, отражена в таблице 5. По ней видно, что наиболее поздний документ, в котором Д. И. Востинский фигурирует как кузнецкий комендант, относится к сентябрю 1719 г. Примечательно, что ни в одном известном нам архивном источнике времён Востинского Бикатунская крепость не упомянута.

В 1719 г. в Кузнецком уезде проводилась первая перепись населения. Учитывали всех жителей мужского пола, от дворян до крестьян. Перепись велась «в Кузнецком уезде в Берском остроге, и в Белоярской крепости, и в Мунгацком станце»[16],

---

[11] Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 117; Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма): межвуз. сб. научн. ст. Барнаул, 1986. С. 21; Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 16; Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири. Омск, 2005. С. 112; Огурцов А. Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9. С. 43.

[12] Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги… С. 9, 16.

[13] Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бие… С. 21; Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда… Табл. № 22, с. 338.

[14] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 9. Название дела на обложке: «Памяти сибирского генерал-губернатора Гагарина кузнецкому коменданту Д. И. Востинскому и Востинского приказчикам острогов: о запрещении принимать пришлых, беглых солдат, драгун, матросов, крестьян; о сборе пошлинных соболей и мягкой рухляди; и по др. вопросам. 10 ноября 1717 г. – январь 1719 г.». Однако в деле имеются документы вплоть до сентября 1719 г.

[15] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

[16] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 294 об.

то есть в ведомствах Кузнецка и трёх подчинённых ему острогов. Жители Бикатунской крепости и её ведомства в переписи 1719 г. не фигурируют. Тем не менее к этому времени крепость уже стояла. Такой вывод основан на материалах дополнительной переписи 1721 г., в которой имеется четыре записи с упоминанием Бикатунской крепости.

Кузнецкий пеший казак Игнатий Бутин рассказал переписчикам, что его пасынок Афанасий оказался пропущенным в переписи 1719 г. «для того, что де во время переписи был он, Афонасей, в Бикатунской крепости на годовой службе». Брат пешего казака Ивана Черкасова, семнадцатилетний Герасим, был «не написан для того, что во время переписи оной брат ево был на обереговой службе в Бийкатунской крепости». По такой же причине не попали в перепись 1719 г. братья Дмитрий и Степан Водолеевы. Гулящий человек Степан Куликов объяснял просто: «Во время де переписи 719 году в переписные книги не написан для того, что в то время был в отлучение в Биекатунской крепости. А сказать де переписщиком про него было некому»[17]. Про остальных годовальщиков новопостроенной Бикатунской крепости, очевидно, сообщили их родственники в 1719 г. Все они записывались в первую перепись заочно по месту постоянного проживания.

Итак, материалы дополнительной переписи 1721 г. позволяют нам утверждать, что в 1719 г. Бикатунская крепость уже стояла, но ни постоянных жителей, ни подведомственных деревень у неё ещё не имелось.

Наиболее ранним документальным упоминанием об этом укреплении сейчас является распоряжение кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Бикатунской крепости Фёдору Сорокину, датированное маем 1720 г. В нём комендант разрешил «жить в той Бийкатунской крепости двором своим» переселенцам из Бердского острога Тимофею Фоминских с братом Григорием, «для умножения людей, понеже оной острог поставлен в Калмыцкой землице» (док. № 63). Переселение из Бердского острога в Бийскую крепость происходило в пределах одного уезда, поэтому губернаторских запретов Синявин не нарушил; к тому же братья Фоминские не попали в перепись 1719 г., что облегчало их запись в подушный оклад на новом месте.

По-видимому, в 1721 г. ситуация мало изменилась по сравнению с 1719 г.: вокруг крепости по-прежнему не было ни одного крестьянского поселения, гулящих предпочитали селить в самом остроге. Лишь к 1724 г. относится достоверное известие о существовании деревни Фоминской поблизости от Бийской крепости — первой деревни нового ведомства Кузнецкого уезда[18].

Поскольку в 1719 г. ведомство Бийской крепости ещё не сформировалось, а гарнизон являлся сменным, существование укрепления должно было отразиться в сравнительно небольшом количестве документов, которые в архивах могли не сохраниться. Поэтому точное время и обстоятельства возникновения второй Бийской крепости остаются неизвестными. Пока нельзя полностью исключать, что Синявину удалось осуществить запланированный на осень 1717 г. поход на Бию и к ноябрю крепость уже стояла на берегу реки. Если Борис Синявин не успел реализовать свой план, то возникновение Бийской крепости связано с деятельностью следующего кузнецкого коменданта Данилы Востинского.

О первых полутора-двух годах существования крепости также почти ничего не известно. Не ясно, когда Б. А. Синявин сменил Д. И. Востинского и вновь стал руководителем Кузнецкого уезда — за период с октября 1719 по апрель 1720 г. не выявлено ни одного документа Кузнецкой канцелярии (табл. 5). Мы до сих пор не знаем имён первых приказчиков Бикатунской крепости, руководивших новым ведомством до весны 1720 г.

Все описанные выше обстоятельства сильно затрудняют объективную проверку сведений о возведении Бикатунской крепости в 1718 г., представленных Г. Ф. Миллеру во время его путешествия по Сибири.

Бийский историк Сергей Юрьевич Исупов сообщает в своей книге: «Из архивных документов явствует, что после тщательного осмотра местности в районе сожженного острога 1709 года» появилось решение «сооружать новый форпост в 14 км выше по течению Бии, на её правом берегу. Строительство нового опорного пункта было завершено в начале июля 1718 года»[19]. По сведениям С. Ю. Исупова, работами руководил «начальник строительства казачий голова Иван Максюков». Историк даже приводит цитату из доношения И. Максюкова в Кузнецк о том, что место, которое он выбрал для крепости, «ровное с малым черемховым и таловым кустьём, по сему к острожному строительству годное»[20]. К сожалению, под указанными автором архивными реквизи-

[17] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1626. Л. 312–312 об., 320, 323 об.

[18] ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 360; Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 129.

[19] Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… Барнаул, 2009. С. 49. Ниже, на странице 52, дата указана несколько иначе: «Крепость 1718 года, построенная в течение июня–августа 1718 года, располагалась на первой надпойменной террасе Бии».

[20] Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… С. 52. Автор ссылается на документ: РГАДА. Ф. 1420. Бийская крепость. Оп. 1. Д. 7. Л. 27. Однако фонд под названием «Бийская крепость» в архиве древних актов имеет номер 1402 (другое название «Бийская судная (земская) изба»).

зитами процитированного источника хранится документ, не имеющий отношения к строительству крепости. Фонд Бийской судной (земской) избы, на который ссылается С. Ю. Исупов, имеет хронологические рамки 1720–1798 гг.[21] В первом деле этого фонда действительно есть материалы, связанные с ранней историей Бийской крепости, однако они относятся к 1720 г. В связи с этим приходится предполагать, что цитированный историком документ, если он существует, был написан не в 1718 г., а позднее — в 1720-е гг. Оценить, насколько надёжен этот источник, можно будет лишь после его обнаружения и публикации.

Единственным документом, определённо доказывающим существование Бикатунской крепости уже в 1718 г., является рукописная карта неизвестного автора, которая имелась у сибирского губернатора Матвея Гагарина (рис. 46). В январе 1719 г. на слушаниях в Сенате он представил столичным властям чертёж части Сибири с бассейнами рек Иртыша, Оби и Енисея. На нём в верховьях Оби, на мысу при слиянии Бии и Катуни, схематично показана крепость «Катун», то есть Бикатунская. Рядом помещена буква «Н», что означало «новопостроенная»[22]. Обозначенные вдоль Иртыша буквами «Н» новопостроенные русские крепости позволяют датировать гагаринский чертёж весной–летом 1718 г.[23] Следовательно, можно утверждать, что летом 1718 г. Бикатунская крепость уже существовала. Это не противоречит высказанному ранее предположению, что форпост на Бии могли построить уже осенью 1717 г.

Спустя шестнадцать лет, в 1734 г., Г. Ф. Миллер на основании собранных во время путешествия по Кузнецкому уезду материалов составил собственное описание уезда, где рассказывалось и о крепости на Бии: «Бикатунская крепость… была вновь построена в 1718 г. и с тех пор не подвергалась никаким вражеским нападениям. Она расположена на северо-восточном берегу реки Бии, в 6 верстах выше того места, где в нее впадает Катунь. А старые развалины первой крепости ещё сегодня видны в 1 версте ниже нынешней. Таким образом, это неверно, когда из названия делают вывод о том, что крепость заложена прямо на месте слияния обеих рек. И поэтому простым людям она известна большей частью под именем Бийск или Бийская крепость»[24]. Сам Г. Ф. Миллер Бикатунскую крепость не посещал, приведённые сведения были ему сообщены. Стилистика описания и его детализация не похожи на ответы Кузнецкой канцелярии, сохранившиеся в бумагах путешественника. Очевидно, информация об укреплении на Бии поступила к нему из какого-то иного источника.

Внешний вид Бикатунской крепости на 1734 г. описан в сочинении Миллера весьма подробно: «Строение крепости состоит из положенных друг на друга бревен и вбитых между ними кольев, и оно основано в виде продолговатого четырехугольника. Его длина вдоль реки составляет 24 сажени, а ширина 20 саженей. На 4 углах построены боевые башни. И еще одна башня находится над воротами, которые ведут в крепость со стороны, противоположной реке. Каждая из этих башен имеет для защиты железную пушку; из них 3 трехфунтовые, а калибр остальных 2 не указан. Вокруг крепости ещё протянут ров с поставленными вокруг рогатками и надолбами»[25].

С. Ю. Исупов считает, что первоначально оборонительный «тын» крепости до 1739 г. представлял собой стену «из плотно подогнанных друг к другу вертикальных бревен, заостренных в верхней части и вкопанных в землю на одну треть длинны»[26]. Однако из описания Миллера следует, что тыновые стены были устроены не по острожному, из бревенчатого частокола, а в виде заплота из горизонтально положенных брёвен. Возможно, поэтому второе российское укрепление на Бии в документах того времени преимущественно называли не острогом, а крепостью.

С появлением Бикатунской крепости всё правобережье Оби стало контролироваться сибирской администрацией. Летом 1718 г. на непродолжительный период река Обь стала естественной границей Кузнецкого уезда, а Белоярская и Бикатунская крепости — пограничными укреплениями России на юге Западной Сибири. С этого времени все земли обского правобережья считались российской территорией.

Ситуация на левобережье в конце 1717 — начале 1718 г. также претерпела резкие изменения. В то время как российские военные активно продвигались к верховьям Иртыша и Оби, теленгеты по приказу Цэван-Рабдана были вынуждены покинуть степи Обь-Иртышского междуречья.

---

[21] Описи фондов размещены на официальном сайте РГАДА: http://rgada.info/index.php (раздел «Описи»).

[22] РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 16-а.

[23] Бородаев В. Б. Российские военные экспедиции к истокам Иртыша в 1715–1720 гг. и создание карты Верхнего Прииртышья // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI веках: национально-государственное, этнокультурное и экологическое взаимодействие: материалы междунар. научно-практич. конф. Новосибирск, 2010. С. 12–13. На чертеже вдоль Иртыша указаны «Амской», «Железенской», «Ямышевской» и «Калбасунский» остроги, но ещё не подписана Семипалатная крепость, заложенная летом 1718 г. (на её месте лишь поставлен кружок).

[24] Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подгот. и пер. с нем. А. Х. Элерта. Новосибирск, 1996. С. 24. (Серия: История Сибири. Первоисточники, вып. 6).

[25] Там же.

[26] Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… С. 50.

Русскому посланнику Ивану Чередову на переговорах в Урге 4 января 1721 г. сам хунтайджи говорил: «Киргизом стало жить невозможно, и я взял к себе, а ту землю оставили пусту. <…> И теленгутам чинили многия обиды. И я посылал под Кузнецкой своих людей для переговору Бойдона да Манхана. И они де не послушались, их убили. Для того ж де ездил Духар заисан, и оне де ево не послушались же, бой поставили. И теленгутом стало жить невозможно, и я, не хотя ссоры, оных теленгутов взял к себе ж»[27].

События, перечисленные Цэван-Рабданом, происходили в разное время: увод енисейских кыргызов относится к 1703 г.; убийство в Кузнецке ойратских послов произошло в 1707 г.[28]; бой кузнецких служилых с отрядом зайсана Духара состоялся летом 1710 г. Когда же Цэван-Рабдан «теленгутов взял к себе»?

Как рассказывалось выше (глава 12), в ноябре 1715 г. теленгеты («белые калмыки») кочевали «от Оби реки в трех днищах в урочищах по Алию и Черышу рекам»[29]. Летом 1716 г. казаки Бердского острога, отправленные вверх по Оби «за Чюмыш реку», встретили там «в степи» группу кочевников-теленгетов. «И тех калмыков до стану их догнали и тут их калмыков и двух баб с ними побили. И на том бою дву робят в полон взяли и привезли в Бердевской острог». Пленников направили в Кузнецк, где один из них, Алмачи Сайтаев, был «роспрашиван в застенке». Он «с пытки» сообщил, что его погибший отец Сайтай являлся подданным ойратского правителя, их семья кочевала на левом берегу Оби поблизости от устья реки Борноул (совр. р. Барнаулка). «И сего 716-го году с того выше помянутого урочища отец ево з братьями ево и з матерью, и с ним, Алмачею, перекочевал по сю сторону Оби реки и кочевали по Буиму реке»[30].

От Алмачи Сайтаева кузнецким властям удалось узнать, что «контайшина ж владения белыя калмыки кочуют за Обью рекою верст з двацать от Оби реки, промеж Кылмалом и Борноулом реками. А от контайши из Урги прислано к ним, белым калмыком, князец Карасай Тайнорко, а с ним черных калмыков пять сот человек. Да с ними ж в собрании соединясь белых калмыков князцы Шал, да Беоконев сын, да Манзу Бойдоев з белыми калмыки готовятца под Кузнетцк итить войною в скорости»[31].

Перечисленные Сайтаем «белых калмыков князцы» известны и по другим документам этого времени. Шал был сыном Табуна и внуком Коки Абакова, он возглавлял теленгетский улус Абаковичей с 1697 г. «Беоконев сын» — сын Бейкона и внук Мачика. Бейкон возглавлял теленгетский улус Мачиковичей с 1696 г., после смерти своего старшего брата Шадая[32]. Манзу Байдоев являлся сыном Бойдоя (Бойдона) Сакылова и внуком Сакыла Кулина. По сведениям А. П. Уманского, Манзу принадлежал к «князькам ойрато-орчакских улусов из потомков тайши Кулы»[33]. По словам Миллера, прадед Манзу — Кула-тайша — был наместником ойратского правителя в степи между Обью и Иртышем ещё в первой половине XVII в.[34]

Семья Сайтая, разгромленная летом 1716 г., стала последней группой теленгетов «контайшина владения», встреченной русскими на правобережье Оби выше Чумыша. В дошедших до нас документах 1717–1718 гг. уже не зафиксировано проживание «калмыков» на правобережье Оби в пределах Кузнецкого уезда.

С 1717 г. Обь становится естественным рубежом, отделявшим российские владения от кочевий подданных хунтайджи. По сведениям бежавшего из калмыцкого плена чатского татарина Михаила Бекенева, в конце апреля 1717 г. двухтысячный отряд «черных калмыков» под командованием Манзу Бойдоева стоял на реке Боранаул, ещё столько же монгольских воинов находилось на реке Алее[35]. К концу мая кузнецкие власти выяснили, что весной российские промысловики, поднимавшиеся вверх по Алею, встретили «улусы калмыцкие» в трёх днях пути от Оби (док. № 49). Наконец, тобольский дворянин Григорий Вильянов в своём статейном списке сообщал, что 25 мая 1717 г. его посольство приехало к теленгетам, которых возглавляли тайши Манзуй и Бокой, то есть Манзу Бойдоев и, вероятно, Бейкон Мачиков. «А живут оне, тайши Манзуй и Бокой, под каменем Алтаем, между реками Ануем и Чарасом», — писал Г. Вильянов (док. № 42). Для понимания этой фразы необходимо учитывать, что калмыки Ануем называли реку Алей. Это зафиксировано Г. Ф. Миллером в его путевых материалах, собранных летом и осенью 1734 г. во время путешествия по Обь-Иртышскому междуречью. Для каждой реки профессор стремился указать

[27] РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 612 об. Копия с этого документа хранится в том же архиве (Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 16–16 об.).

[28] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1661. Опубл.: Русско-джунгарские пограничные споры 1640–1710-х гг. / сост. Д. А. Ананьев // Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сб. док. Новосибирск, 2010. Док. № 11, с. 39–40.

[29] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 33 об.

[30] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.

[31] Там же. Л. 118.

[32] Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 290–291.

[33] Уманский А. П. Телеуты и русские… С. 185–186; Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 57, прим. 2; Ч. 2. С. 198.

[34] Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 10.

[35] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 42 об.

не только её русское, но и предшествующее «калмыцкое» название. Он отметил: «Река Ануй, покалмыцки Jelanga; далее Чарыш; за ней Алей, покалмыцки Anui»[36]. На карте Г. Ф. Миллера 1734 г. повторены в латинице такие же «калмыцкие» названия рек Ануй, Чарыш и Алей[37].

Таким образом, сведения Григория Вильянова полностью совпадают с данными предшествующих документов: он застал теленгетов в междуречье Алея и Чарыша. В 1719 г., давая более подробное описание своего пути к Цэван-Рабдану, Вильянов уточнил: «А от теленгут до камени Алтай степью ж 3 дня»[38]. Это позволяет локализовать место встречи с Манзу в степях, примерно в среднем течении Алея, достаточно далеко от Алтайских гор.

В июле 1717 г. казаки Белоярской крепости нашли след от перекочёвки («калмыцкую сакму») на противоположном берегу Оби (док. № 61), почти там же, где теленгеты кочевали и в 1716 году. Ещё одним свидетельством обитания подданных хунтайджи на берегах Оби стала встреча русскими разведчиками в первой половине июля 1717 г. двух калмыков на обской переправе ниже устья Алея[39].

Насколько можно судить по известным нам архивным источникам, эта встреча стала последним документированным фактом обитания «калмыков» на левом берегу Оби. Поиск ответа на вопрос о времени откочёвки теленгетов из степей Обь-Иртышья барнаульские историки вели с конца 1960-х гг. Юрий Сергеевич Булыгин в своей первой монографии сформулировал тезис: «По приказу джунгарского контайши телеуты откочевали на юг. Произошло это примерно в конце 1717 — начале 1718 года»[40]. Несколько позднее схожее мнение высказал и А. П. Уманский: «В 1717–1718 гг. телеуты отошли или, точнее говоря, были насильно уведены Цэван-Рабданом в горы Алтая»[41].

За последние тридцать лет в архивах не выявлено ни одно документа, опровергающего эту хронологию. Новые материалы о событиях 1717–1720 гг. вполне укладываются в схему, предложенную Ю. С. Булыгиным и А. П. Уманским[42]. В частности, ими не были использованы статейный список Григория Вильянова и протокол его допроса в Тобольске в 1719 г. Сведения, сообщённые тобольским дворянином, чрезвычайно интересны, так как он на обратном пути из Урги вторично посетил Манзу Бойдоева в марте 1718 года. Если весной 1717 г. тайша Манзу кочевал в степях между Алеем и Чарышом, то весной следующего года Вильянов застал его на левобережье Иртыша (док. № 62).

Судя по рассказам Г. Вильянова, весной 1718 г. он из Урги, расположенной на правом берегу Или «под Талкинским каменем над рекою Коргосом» (современная река Хоргос на границе Китая и Казахстана), проехал через Джунгарские Ворота к реке Эмель («Имил»), «а от той реки до Хомордовану камени, до теленгут» (док. № 42, 62; рис. 33, 48). По-монгольски горный перевал — «даваа», «хамар» — возвышение[43]. Хамар-даваа — высокий горный перевал на хребте Тарбагатай, протянувшемся в широтном направлении южнее озера Зайсан. Современное название этого перевала — Хабар-Асу[44], его высота превышает 2200 м. Вильянов застал теленгетов сразу за перевалом, к северу от хребта Тарбагатай, «над рекою Абигон-гол». Река не сохранила своё название, точно отождествить её с современной гидросетью пока не удаётся. Однако в общих чертах ясно, что теленгеты тайши Манзу весной 1718 г. кочевали между озером Зайсан и хребтом Тарбагатай[45].

---

[36] Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда… Новосибирск, 1996. С. 19.

[37] Карта имеет заголовок: «Maxime australis Siberiæ regio quæ Obium et Irtin fluvios interjacet occasione Itineris Kamtschatkiensis uno conspectu exhibita a Gerardo Friderico Müllero» («Самая южная область Сибири, лежащая между реками Обью и Иртышом, представленная по случаю Камчатского путешествия одним обзором Герардом Фридрихом Мюллером»). Оригинал хранится в фонде Миллера в СПФ АРАН (ф. 21, оп. 5, д. 39/65); копия имеется в отделе рукописей БРАН (Основное собрание рукописных карт, № 336).

[38] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 496 об.

[39] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 23 об.–25; Уманский А. П. Телеуты и русские… С. 184–185; Уманский А. П. Телеуты и их соседи… Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 191.

[40] Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 15.

[41] Уманский А. П. Телеуты и русские… С. 185.

[42] Г. П. Самаев, в целом соглашаясь с А. П. Уманским, всё же считал, что «переселение основной массы теленгитов состоялось ранее 1717–1718 гг… Наиболее достоверной датой переселения основной массы населения Телеутской землицы в Джунгарию нужно считать 1713 год» (Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 89). В качестве основного доказательства этого тезиса он приводил уже цитировавшиеся нами слова Цэван-Рабдана на переговорах с Иваном Чередовым: «теленгитам стало жить невозможно, и он нехотя ссоры и теленгутов взял к себе», датируя этот разговор летом 1713 г. Совершенно ясно, что исследователь перепутал материалы двух посольств Ивана Чередова, который ездил в Ургу в 1713–1714 и в 1719–1721 гг.

[43] Кручкин Ю. Большой современный русско-монгольский — монгольско-русский словарь. М., 2006. С. 669, 845.

[44] В середине XIX века Г. Н. Потанин отмечал, что горный проход Хамар-Табан в хребте Тарбагатай «киргизы (казахи. — *Авт.*) теперь называют Хабар-Асу» (Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 2: Апрель–июнь. Раздел 5: Смесь. С. 40).

[45] Вильянов указывал, что «от теленгут до реки Иртыша и до камня Токи Толагая 3 дня» (док. № 62). В ста-

Примерно в этом же месте, вдоль южного берега озера Зайсан, на карте Петра Чичагова, составленной в 1720 г., помещёна надпись: «Теленгуты. Кочевье колматцкое» (рис. 64).

Таким образом, статейный список и протокол допроса Г. Вильянова определённо свидетельствуют, что кочевавший в Алейской степи тайша Манзу Бойдоев с подчинёнными ему теленгетами оставил обжитые места и ушёл на юг, за Иртыш, ближе к Урге правителя Ойратского государства. Уход теленгетов Манзу из обь-иртышских степей произошёл между июнем 1717 и мартом 1718 года, вероятнее — осенью 1717 г., во время сезонной перекочёвки. Как видим, вновь выявленные архивные источники подтверждают вывод Ю. С. Булыгина, опубликованный им сорок лет назад.

Характерно, что не известно ни одного документа о встрече россиян с теленгетами (белыми калмыками) в Обь-Иртышском междуречье в 1718 г. Череда стычек и военных столкновений, отразившаяся в источниках 1717 г., закончилась. Цель, которую ставил Цэван-Рабдан, — избежать ссор с Россией — была достигнута. Об организованном и принудительном характере перекочёвки теленгетов на юг свидетельствует то, что обитатели приобских степей уже не вернулись на прежние места. В сентябре 1718 г. белоярский приказчик Степан Серебреников посылал двух человек «вверх по Обе реке до Чарышу реки ради проведывания проходов и подъездов неприятельских воинских людей». Разведчики ходили восемь дней и «никаких воинских людей, и приходов, и подъездов не видали»[46].

Спустя год, в августе 1719 г., российский посланник Иван Дмитриевич Чередов, направляясь к хунтайджи, проехал по Кулундинской степи, не встретив там прежних обитателей. В окрестностях реки Кулунды Чередов лишь повстречал «старые теленгуцкие жилища» (док. № 75).

Документы показывают, что степные районы Обь-Иртышского междуречья к весне 1718 г. опустели: подданные хунтайджи отсюда ушли, а новое население ещё не появилось. Российско-ойратская граница в этом районе по-прежнему проходила по Оби. Бийская крепость являлась южным российским форпостом у кромки Алтайских гор.

тейном списке также упоминается «камень Такитологой» (док. № 42). На левобережье в верховьях Иртыша известно две горы с названием «Тологой» (от монг. толгой — голова). Первая расположена на южном берегу озера Зайсан, вторая немного южнее истоков реки Чар, левого притока Иртыша. По нашему мнению, маршрут Вильянова шёл на север от хребта Тарбагатай, в сторону истоков реки Чар, а оттуда к Иртышу.

[46] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 10. Л. 107. Цит. по архивным выпискам Ю. С. Булыгина (ГААК. Ф. Р–1765. Оп. 1. Д. 72. Л. 49). А. П. Уманский, цитируя этот же документ, ссылается на лист 107 из дела 9 (Уманский А. П. Телеуты и русские… С. 185, прим. 63), однако это явная опечатка, поскольку в деле 9 всего 46 листов.

Автограф кузнецкого коменданта Бориса Синявина на документе 1721 г.

Документ № 61

1717 г. июля 20. **— Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Белоярской крепости Степану Серебреникову с запретом посылать вооружённые отряды на обское левобережье**

(л. 28) 1717 года июля в 20 день.

По указу великого государя память белоярскому прикащику Степану Серебреникову

Сего июля вышеписаннаго 20-го дня писал ты в Кузнецк к полковнику Борису Акимовичу Синявину:

Посылал де ты из Белоярского за реку Обь служивых людей пятьдесят человек для проведыванья калмыков. И наехали де они, служилые, калмыцкую сакму[47], и тою сакмою съехались они с калмыками, и билися с ними из ружья, и на том де бою трех человек берских жителей, да мунгатцкого одного человека, они, калмыки, убили, четырех человек служивых людей ранили. А их де, калмыков, они, служилые люди, убили пятнатцать человек и многих ранили, да девять лошадей убили ж.

[47] Сакма — след в виде свежей тропы, оставленной кочевниками и их стадами.

И тебе б впредь за реку Обь отнють служивых людей многолюдством не посылать, а посылать для подсмотру в лотках служивых людей по малому числу. А будет ты впредь станешь посылать (// л. 28 об.) служивых многолюдством, и будет людем трата, и за то ты казнен будешь смертию, чтоб такими посылками не потерять города, так же, как и Бийской острог отдан напрасно калмыком.

И смотреть тебе за служивыми людьми, чтоб в Бе[ло]ярском караулы б были крепкие днем и ночью непрестанно. А мелкого ружья прислано к тебе будет с нарочными посылщики служивыми людьми вскоросте.

[*Канцелярская помета другим почерком:*] На подлинной памяти приписано рукою полковника Бориса Акимовича Синявина:

Того, отнюдь, тебе не делать, что посылать впредь за Обь многолюдством, кроме лодок по малому числу людей. А что ты посылал служивых людей, и за то тебе учинено будет жестокое наказание безо всякого милосердия.

А с сею памятью посланы служивые люди {Максим} /Борис/ Понамарев, Иван Усов, Степан Ефремов. И оным служивым людем велено быть в Белоярском остроге вместо служивых людей Ивана Куртукова с таварыщи, которые присланы в Кузнецкой с отпиской. И /ежели/ будут про калмыков какие ведомости {ис с теми ведомостми} /и их,/ Бориса Понамарева, выслать в Кузнецкой.

[*Расписка в получении:*] Такову память Борис Понамарев принел. По ево прошению сын боярской Яков Вагин росписался.

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 28–28 об. Черновой отпуск.

Ранее опубликовано частично: Хрестоматия по истории Алтая: с древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 2003. Док. № 21, с. 81–82 (при публикации текст несколько адаптирован).

Документ № 62

1719 г. не ранее марта – 1720 не позднее мая[48]**. – Сообщение тобольского дворянина Григория Вильянова на допросе в Тобольске о пути следования во время его поездки в Ургу в 1717–1718 гг.**

(л. 496) Тобольской дворенин Григорей Вильянов сказал:

В 717-м году посылан он ис Табольска от губернатора х контайше в улус ево, в Ургу, з грамотою, которая прислана была от царского величества из Санкт-Питербурха. Да губернатор от себя послал писмо. А с ним посыланы были сын боярской Андрей Измайлов, да толмачь Петр Григорьев, да татары Мамет Алышаев, (//л. 496 об.) да Ибраим Элметев, да драгуны Максим Бровкин, Иван Гусев, да тарской житель Иван Каргин.

А ис Тобольска ехали на Тару, а с Тары на Барабу, а з Барабы до Ямышевой крепости. А от Ямышева вверх Иртышем рекою левою стороною до камня Бурун Нургун степью 8 дней.

А от того камня до теленгут степью ж и безводными местами 5 дней. А от теленгут до камени Алтай степью ж 3 дня, да Алтаем камнем до Иртыша реки 7 дней.

И переправясь через Иртыш реку на правую сторону, владения контайшина до Хомордовану камени степью и каменем 5 дней. А от того камени х крайним улусом контайшиным степью и каменем 5 же дней.

А теми улусоми до Или реки степью ж и каменем 7 дней. И переправясь через Илю реку в правую сторону до камня Мусарту 3 дни, где кочюет контайша. И прибыли к нему, контайше.

И по прибытии великого государя грамоту и письмо от губернатора подали. А по принятии оной грамоты и письма, отпустил их контайша в Тоболеск.

И ехали они от контайши до Боротолского камени (//л. 497) степью и каменем 7 дней. А от того камени до Имил реки 7 же дней. А от той реки до Хомордовану камени, до теленгут, 5 дней. А от теленгут до реки Иртыша и до камня Токи Толагая 3 дня.

А от того камени вниз Иртышем рекою плыли на лотках к Семиполатной крепости 7 дней[49]. А от Семиполатной тою ж рекою до Ямышевой крепости 1 день. А порогов в той реке в 8 дней не видали, для того что плыли вешнею большою водою.

---

[48] Допрос проводился в Тобольске во время пребывания там И. Лихарева (с марта 1719 до начала мая 1720 г.).

[49] В статейном списке Вильянова (гл. 13, док. № 42) говорится, что они «прибыли в Калбасунское зимовье», а оттуда через день «приплыли к Ямышеву». На допросе в 1719 году Вильянов ошибочно отождествил Калбасунское зимовье с построенной в 1718 г. выше по Иртышу Семипалатной крепостью.

А есть ли пороги по Иртышу реке выше тех урочищ, откуда они ехали, или нет, про то он не ведает. А что растояние от Ямышева до Зайсан озера, и от Зайсан озера до Эркеня города и до Турфана, и от кочевья контайшина до Эркеня города, и где Эркень и Амон реки и речка Чикма и Аральское море, и песошное золото в вышеписанных реках промышляют ли, и в Тобольску кто песошное золото губернатору и кому другим продавали ль, тог он не знает.

[*На поле подписано:*] Драгуны Максим Бровкин, Иван Гусев не допрашиваны, а они в Москве.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 496–497. Копия 1719–1720 гг. Публикуется впервые.

Документ № 63

***1720 г. май.* — Указ кузнецкого коменданта Б. А. Синявина приказчику Бикатунской крепости Фёдору Сорокину о поселении в крепости крестьян Тимофея и Григория Фоминских, ранее живших в ведомстве Бердского острога**

(л. 9) 1720-го году маия в ___ де[нь].

По указу великого государя в Бийкатунскую крепость прикащику Федору Сорокину

В нынешнем 720-м году маия в ___ де[нь] били че[ло]м великому государю, а в Кузнецку в канцелярии каменданту Борису Акимовичю Синявину подали челобитную берские жители Тимофей Фоминских з братом Григорьем:

В прошлом де 716-м[50] году пришли они из руских поморских городов Кузнецкого ведомства в Берской острог и жили в том остроге по вышеозначенной 720-й год майя по 1-е число. А в 719-м году в переписных книгах в Берском остроге никаким чином не написаны для того де, что в то время, при переписи, жили гулящим бытом и были во отлучности на горном промыслу. И ныне де они в Берску никаким чином не определены и желают быть в Биикатунской крепости на вечное житье. И чтоб великий государь пожаловал их из Берского острога в Биикатунскую крепость, на вечное житье отпустил.

А по справке в Кузнецку в канцелярии с переписными книгами 719-го году оные просители, Тимофей Фоминских з братом Григорьем, не написаны. А платили они рублевые гулящие оброки. И по указу великого государя, а по помете на челобитной и на выписке (// л. 9 об.) коменданта Бориса Акимовича Синявина велено им, Тимофею з братом Григорьем, быть в Бийкатунской крепости на житье для умножения людей, понеже оной острог поставлен в Калмыцкой землице. И велено им платить в Бийском остроге рублевые гулящие оброки по вся годы по прежнему.

И как ты сей великого государя указ получишь, и тебе б их, Тимофея и Григорья Фоминских, в Биикатунскую крепость принять и записать в книгу, и велеть жить в той Бийкатунской крепости двором своим и брать с них в казну великого государя годовые рублевые оброки по вся годы до указу великого государя.

А которого числа сей указ получишь и что по нему чинено будет, и о том в Кузнецк каменданту Борису Акимовичю Синявину писать.

[*Автограф:*] Борис Синявин.

[*Помета:*] Смотрил Кондратий Шангин.

РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–9 об. (дело начинается с листа 9 — по старой пагинации л. 1) Подлинник. Публикуется впервые.

---

[50] Н. А. Миненко начало публикуемого нами документа цитировала следующим образом: «В прошлом де 1710-м году (выделено мною. — *Н. М.*), — заявили Фоминские, — пришли они из руских поморских городов...» (Миненко Н. А. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г.: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск. 1984. С. 11). Однако в документе под титлом написано число ΨSI, то есть 716 год.

Глава 17

Южные горы и царский гнев: крушение плана Матвея Гагарина (1718 — январь 1719 года)

Одобренный царём в январе 1716 г. план Матвея Гагарина подняться по сибирским рекам и перевалить через южные горы, отделявшие Сибирскую губернию от китайских владений, в течение 1716–1717 гг. начал реализовываться. В Иркутском уезде удалось построить крепость на высокогорном озере Хубсугул; в Красноярском уезде на Енисее был основан острог у подножия Саянских гор; в Кузнецком уезде в 1717 г. возвели Белоярскую крепость на Оби, а к осени 1718 г. и Бикатунскую крепость в устье Бии, поблизости от Алтайских гор.

Общее управление и контроль за продвижением сибирских войск на юг осуществлял сам губернатор, который с весны 1716 г. находился в Тобольске. При этом в указах, отправлявшихся Гагариным уездным комендантам, речь шла о выполнении конкретных задач без объяснения конечной цели проникновения в горы. Пожалуй, Матвей Петрович был в Сибири единственным человеком, который видел далёкую перспективу активизировавшегося в разных уездах крепостного строительства и знал, для чего всё это делается. Во всяком случае, руководители уездов вряд ли связывали основание новых крепостей с неведомым озером Кукунор и китайскими золотыми промыслами. Они лишь выполняли приказы губернатора, который ограничивался объяснением, что «зело дело то надобно его царскому величеству»[1].

Задача постройки двух острогов «по Енисею реке вверх до Саянского камени и за Саянским каменем» была поставлена М. П. Гагариным перед красноярским комендантом Д. Б. Зубовым ещё весной 1717 г. (док. № 43). Осенью удалось выполнить первую часть этого плана — возвести Саянский острог. Зимой Зубов послал за Саянский камень сына боярского Ивана Злобина, который побывал у «мунгальского владельца Гунбека» и в феврале 1718 г. вернулся в Красноярск[2]. В тот же месяц комендант Зубов отправил новых посланцев во главе с сотником Фёдором Кольцовым, «чтоб ехать им за Саянской камень к мунгальскому владельцу Гунбе для объявления ему, чтоб он, Гунбек, с царскаго величества подданными жил в миру и в совете»[3].

Из доезда Фёдора Кольцова, написанного в июне 1718 г., становится ясно, что помимо договорённостей о мирном решении вопросов, связанных со сбором ясака, красноярский сотник имел приказ «проведать про озера Косогол и Коконер — в далном ли разстоянии те озера от Саянского камени, и что растояния меж ими, озерами». После вовзращения Кольцов сообщал, что он про те озёра проведывал и узнал: «Те озера от Саянского камени в долном разстоянии. А Коконер в калмыцкой земле» (док. № 66).

Надо полагать, что такие расспросы велись по заданию сибирского губернатора, который искренне считал, что от верховий Енисея удобнее всего перевалить через Саяны и достичь озера Кукунор. Однако географические реалии оказались слишком сложным препятствием для реализации плана М. П. Гагарина.

В начале марта в Красноярск поступил указ «о строении в Красноярском уезде, вверх реки Енисея, в Саянском камене, над Большим порогом крепости, у которой быть велено дворяни-

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 28. Док. № 9. Л. 45–45 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. Док. № 129, с. 173.

[2] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 125. Л. 243–244 об. Заголовок документа опубликован: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Т. 2. Новосибирск, 1995. С. 61, док. № 125. (История Сибири. Первоисточники, вып. 5). Тот же документ имеется в другой копии Миллера: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 19. Док. № 73. Л. 167–167 об.

[3] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 123. Л. 239–241 об. Заголовок документа опубликован: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков... Т. 2. С. 61, док. № 123. Тот же документ имеется в другой копии Миллера: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 19. Док. № 72. Л. 165 об. — 166 об.

ну Андрею Еремееву»[4]. Получение указа совпало по времени с обострением конфликта красноярских служилых людей с комендантом Дмитрием Зубовым. Казачью оппозицию возглавлял дворянин Илья Нашивошников, основатель Саянского острога. 3 марта 1718 г. служилые люди объявили Зубову, чтобы ему их «судом и расправою не ведать»[5]. Через пять дней после отказа воеводе Еремеев привёз указ о строительстве нового острога в Саянах у Большого порога[6]. Когда комендант Зубов, призвав «всех грацких служивых людей к приказной палате», зачитал указ, казаки выразили недовольство. Выборные семь человек заявили, что строительство этого острога разорит их и потребовали, «чтоб он приказал собрать с уездов служивых людей и приказал бы их нарядить с ними же вместе»[7].

В дальнейшем неповиновение красноярских служилых разбиралось специальной следственной комиссией. Судя по имеющимся в распоряжении историков источникам, в 1718 г. никаких практических действий по сооружению острога на Большом пороге Енисея так и не последовало. Красноярские казаки крайне не хотели нести службу в горах, где невозможно было заниматься привычным хозяйством, а доставка продовольствия и припасов представляла большую проблему.

Наряду с продвижением на юг через Саяны, М. П. Гагарин планировал подняться к истокам реки Бии, чтобы затем перевалить через Алтайские горы. Ещё в марте 1717 г. сибирский губернатор послал в Кузнецк коменданту Борису Синявину указ, требовавший: «Вскорости на Бие и на Катуне зделать город в крепком месте или где пристойнее будет, и посадить служивых людей и начального человека доброго. Також зделать острог на Алтыне озере, ис которого течет Бия река, и в ыных местех: на Чумыше и в ясачных волостях остроги строить же» (док. № 39).

На чертеже с обозначением утверждённой границы Томского и Кузнецкого уездов, заверенном М. П. Гагариным 5 марта 1717 г., около южного края карты изображено «озеро Алтын Телеское». На южной оконечности Телецкого озера двумя линиями показано устье реки Чулышман, восточнее которого помещена надпись: «Зделать острог» (рис. 43).

Русский острожек уже однажды строился на берегу озера в XVII в. Его соорудили кузнецкие казаки зимой 1642/1643 гг. под руководством томского сына боярского Петра Сабанского. Пришедшие на лыжах «в половине зимы» казаки застали Алтын-озеро без льда, не замёрзшим. На спешно построенных лодках отряд Сабанского переплыл «на другую сторону озера, где жили телесы». Вероятно, здесь речь идёт об устье Чулышмана, хотя возможны и другие варианты. Одержав победу над телесским князцом Мандраком и захватив его в плен, Сабанский остался на Телецком озере до весны. При этом он «с остальными своими людьми пошел на другой берег озера, и там для безопасности своей построил небольшой острог». Фразу «пошел на другой берег озера» можно трактовать либо как возвращение к месту строительства лодок — предположительно, Камгинскому заливу на северо-востоке водоёма, — либо как плавание через озеро к истоку Бии, по которой «Сабанскому велено было изведать ход»[8].

По сведениям И. Э. Фишера, Сабанскому «велено было заложить у сего озера настоящий острог для учреждения там постояннаго жилища российскому гарнизону, но для сего намерения не нашел он удобнаго места»[9]. Поэтому, вернувшись в Кузнецк, Сабанский предложил построить острог не на озере, а на устье реки Лебедь, правого притока Бии. В дальнейшем сибирские власти более интересовало место слияния Бии и Катуни (начало Оби), нежели исток Бии. Решение построить острог на берегу Телецкого озера вновь появилось спустя три четверти века, причём совершенно в другом контексте. Если в 1642 г. с возведением новой крепости связывались надежды на постоянный сбор ясака с неплательщиков-телесов, то в 1717 г. требование Гагарина «зделать острог на Алтын озере» определялось желанием пересечь Алтайские горы и выйти к их южной кромке. Осенью 1717 г. губернатор получил сообщение из Кузецка: «На вершинах Оби реки город зделан ж в близости к тому болшому камени (Алтайским горам. — *Авт.*), за которым кочюют калмыки. А будут промышлять, чтоб среди того камени над озером зделать крепость, для того… что против Кузнецкого тот большой камень шире других мест до степей» (док. № 59).

Но так же как и в Саянах, заложить новую крепость в Алтайских горах ни в 1717-м, ни в

---

[4] РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 50–51. Цит. по: История Красноярска: документы и материалы. XVII — первая половина XIX в. 2-е изд., доп. и перераб. Красноярск, 2000. Док. № 37, с. 155. Указанные составителями архивные реквизиты, очевидно, неверны. В описи фонда 371 под этим номером значится «Дело… о изветчике Афанасье Герасимове…», начатое в октябре 1722 г.

[5] РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 24–24 об. Цит. по: История Красноярска: документы и материалы… Док. № 34, с. 148.

[6] Быконя Г. Ф. Комментарий к №№ 33–40 // История Красноярска… Красноярск, 2000. С. 165.

[7] История Красноярска: документы и материалы… Док. № 37, с. 155; Быконя Г. Ф. Комментарий к №№ 33–40 // История Красноярска: документы и материалы… Красноярск, 2000. С. 165.

[8] Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 457–459.

[9] Там же. С. 459.

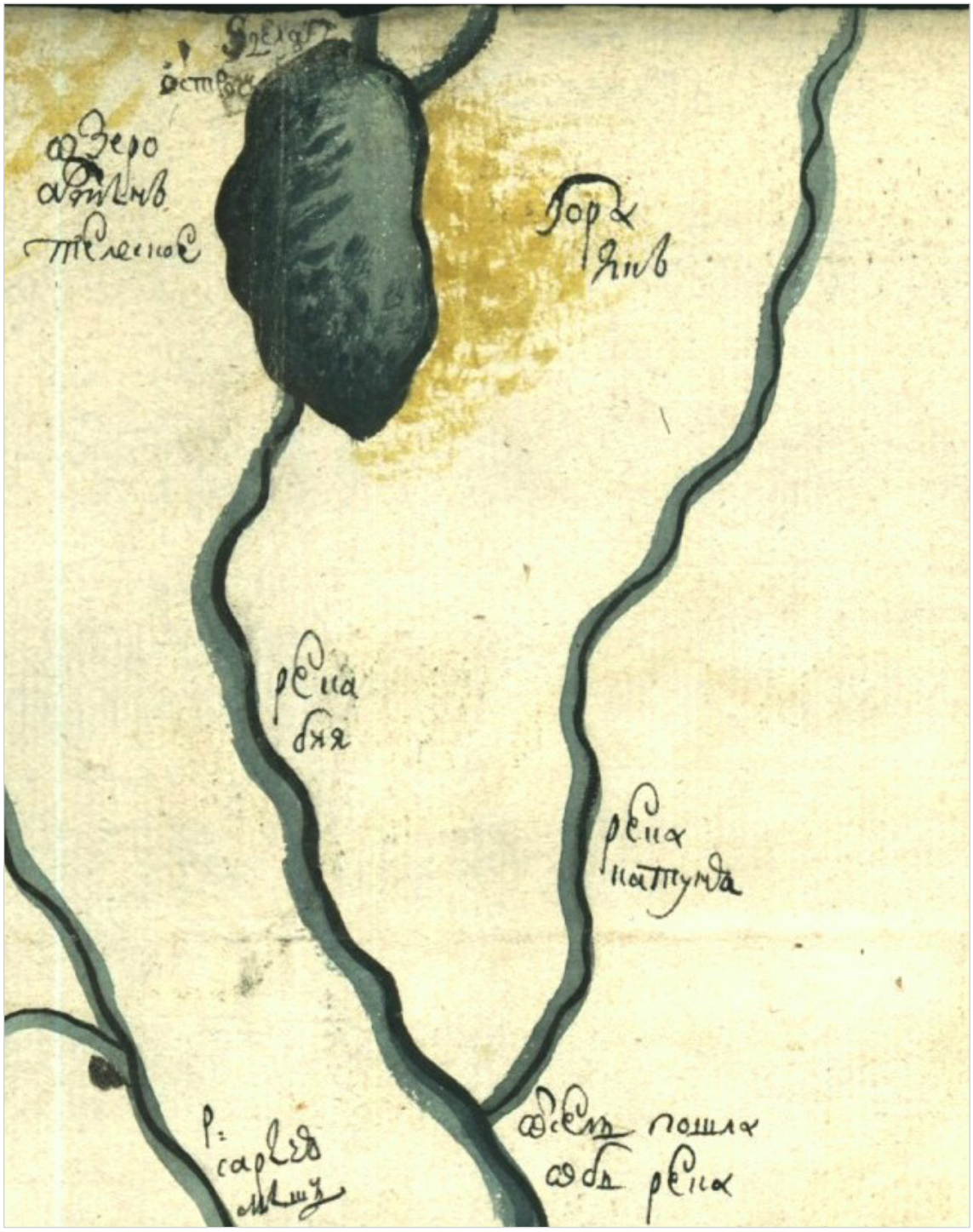


Рис. 43. Фрагмент чертежа размежевания Томского и Кузнецкого уездов, утверждённого М. П. Гагариным 5 марта 1717 г. Копия 1757 г. У юго-восточного берега Телецкого озера имеется надпись «Зделать острог». Весь чертёж см. на цветной иллюстрации 3

1718-м годах не удалось. Горы Саяно-Алтая стали непреодолимой естественной преградой на пути реализации авантюрного плана Матвея Гагарина. Преодоление южных гор оказалось совсем не такой простой задачей, как представлялось сибирскому губернатору в начале 1716 г.

Невозможность прохода через горы делала уже построенные в рамках общего плана форпосты в сущности не нужными. Ёмкая характеристика С. А. Колычева, данная Косогольскому острогу — «положение места бездельное» — в полной мере подходит к Саянскому острогу и Белоярской крепости. Оба эти укрепления никогда не имели под своими стенами неприятеля.

В XX в. сибирские историки, пытаясь объяснить причины строительства названных выше

укреплений, обычно связывали их появление со сбором ясака или с защитой ясачного населения. Так, Евгений Михайлович Залкинд (1912–1980) писал: «В 1717 году для прекращения набегов на Тунку и охраны перешедших в русское подданство сойотов была построена русская „крепостца“ на Косоголе»[10]. Леонид Павлович Потапов (1905–2000) считал, что Косогольский острог был поставлен «для защиты подданных тувинцев»[11]. По мнению Г. Ф. Быкони, Косогольский и Саянские остроги возводились «для пресечения ухода ясачных за Саяны и территориальных притязаний маньчжурских и джунгарских феодалов»[12].

Заслуживает внимания попытка красноярского историка Геннадия Фёдоровича Быкони выяснить истинные причины настойчивых требований сибирского губернатора возвести крепости в глубине Саянских гор. Вместо стандартных объяснений исследователь поставил вопрос: «Почему правительство намеревалось в устье Хемчика „делать город“?» Он справедливо отмечал, что для контроля прохода через Саяны по Енисею достаточно было одного Саянского острога или «форпоста у Большого порога». «Вероятно, замысел не ограничивался созданием острога для дальнейшего продвижения за Саяны, — писал Г. Ф. Быконя. — Есть основания предполагать, что оно (правительство. — *Авт.*) рассчитывало через Енисей завязать прочные торговые связи с Монголией и Китаем»[13]. По мнению исследователя, российскому городу в устье Хемчика отводили роль центра пограничной торговли наподобие Кяхтинского форпоста.

Как мы пытались документально показать в предыдущих главах, стремление построить крепости в верховьях сибирских рек, в Саяно-Алтайских горах, и «за Камнем» было связано с реализацией плана М. П. Гагарина по приближению к золотоносным месторождениям на северо-востоке Китая. Понять события, происходившие на юге Сибири в 1716–1718 гг., можно только в контексте общего замысла сибирского губернатора.

Если на Енисее и Оби непреодолимым препятствием для сибирских казаков стали горы, то по Иртышу, где до Алтайских гор было ещё далеко, движение российских отрядов продолжалось.

К весне 1718 г. передовым форпостом на Иртыше являлось Калбасунское зимовьё — временное убежище, построенное казаками Бориса Чередова. 9 апреля 1718 г. мимо этого укрепления проплыл возвращавшийся из Урги губернаторский посланник Григорий Вильянов (док. № 42)[14]. Он оказался единственным, кто оставил свидетельство о посещении действующего зимовья. Вскоре отряд Бориса Чередова оставил зимнее убежище и продолжил плавание вверх по Иртышу.

Надо полагать, что в конце апреля или в начале мая дощаники Чередова достигли района, намеченного для возведения очередной крепости ещё осенью 1717 г. Точное место будущего строительства должны были выбрать сами казаки. Окончательное решение, очевидно, принимал руководитель отряда Борис Александрович Чередов.

Неизвестно, по каким причинам, но тарский татарский голова избрал место для крепости не «на урочище больших палат», как предписывал подполковник П. С. Ступин, а ниже по течению (рис. 44), не доезжая заброшенного ламаистского монастыря[15]. Намеченная площадка располагалась на пологом берегу Иртыша и с трёх сторон имела естественные рубежи: на севере заболоченный залив, на востоке вытекающую из болота речку, на юге иртышскую протоку. Это делало выбранное место сравнительно безопасным.

---

10 Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 111–112.

11 Потапов Л. П. Глава 7. Тува в составе монгольских государств Алтын-ханов и Джунгарии (XVII — первая половина XVIII вв.) // История Тувы. Т. 1. М., 1964. С. 212; История Тувы. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2001. С. 187.

12 Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 54; Он же. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография [Электронный ресурс]. 2-е изд., доп., осуществленное по первой авт. редакции. Красноярск, 2013. С. 66.

13 Быконя Г. Ф. Заселение русскими… С. 59; Он же. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. [Электронный ресурс]… Красноярск, 2013. С. 69.

14 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 493.

15 Геодезист В. М. Шишков, посетивший Семь Палат в 1737 г., указывал, что развалины расположены «от Семи Полатной крепости 10 верст» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149. Л. 406 об. Опубл.: Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. / авт. вступ. ст. и археограф. справки В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб., 2010. С. 52). На его карте расстояние ещё меньше — 7–8 верст (ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1774-б). В статье Г. Ф. Миллера расстояние между заложенной Чередовым крепостью и Семью Палатами обозначено как «die 13 Werste» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… 1760. S. 255). В русском переводе число 13 почему-то было заменено на 17; в таком искажённом виде расстояние приводится в различных позднейших текстах (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 122; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 494). Иван Григорьевич Андреев, служивший в Семипалатной крепости в 1770-е гг., писал, что новая Семипалатная крепость «заложена 1776 г. мая 18-го вверх по Иртышу в 16 верстах на месте, где находились семь чудских полат» (Андреев И. Г. Письмо одного гражданина к верному своему другу // Андреев И. Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 162).

Летом того же года полковник Федот Матигоров вернулся из Тобольска в Ямышевскую крепость, а Прокофий Ступин отправился руководить возведением Семипалатной крепости. Отличие Семипалатной крепости от Ямышевской состояло в том, что она строилась в форме квадрата с четырьмя бастионами по углам. Как и Ямышевская, она имела бревенчатые стены, вдоль которых внутри располагались солдатские казармы. Осенью новый форпост был закончен, командование военной экспедиции теперь размещалось в нём.

Г. Ф. Миллер, посетивший Семипалатную крепость в 1734 г., писал, что Иртыш уже трижды размывал берег «и того ради принуждены были как крепостное строение, так некоторые при реке лежащие домы сломать и подалее от реки снова построить»[16]. На плане, снятом для Миллера в 1734 г., крепость не имеет вид квадрата (рис. 45). Очевидно, это связано с тем, что обращённую к реке южную стену приходилось отодвигать от осыпающегося берега.

Впоследствии (в 1776 г.) низкое положение выбранного Чередовым участка и размывание берега заставило перенести укрепление вверх по течению реки, как раз туда, где располагались Семь Палат. Сейчас на месте первой Семипалатной крепости находится посёлок Старая Крепость — пригород современного города Семей Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Ещё до отъезда из Ямышевской крепости Ступин весной 1718 г. направил к озеру Зайсан отряд в количестве 200 человек под командованием «капитана иноземца Ивана Инея… для проведыванья пути водою вверх Иртыша реки и для осмотру лесов и пристойных мест, где б мочно построить по Иртышу реке крепости» (док. № 69). Специально для этой экспедиции в Ямышевской крепости были сделаны «малые лотки», которые позднее стали называть «зайсанками»[17]. Малыми они были относительно речных судов-дощаников, на которых плавали от Тобольска до Ямышева. Грузоподъёмность такой лодки составляла примерно 1,3 тонны, в неё входило 10–15 человек[18]. На этих судах отряд «болшою вешнею водою» проделал путь по Иртышу до Алтайских гор, «да чрез Камень 6 дней, а от Камня до Зайсан озера 3 недели». Экспедиция обследовала берега озера и не нашла мест, пригодных для строения крепости, «потому что камень и песок, а лесов нет»[19].

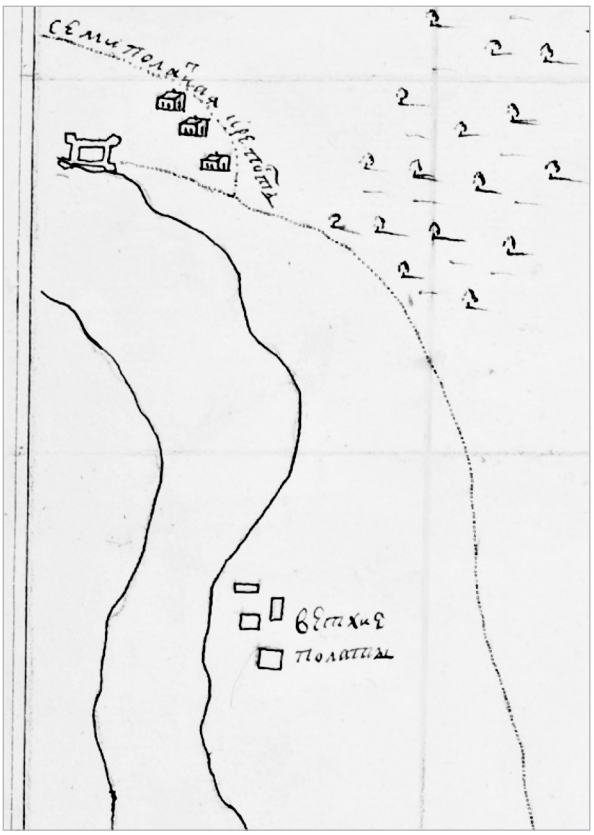


Рис. 44. Семипалатная крепость и остатки буддийского монастыря («ветхие полаты») на карте Верхнего Иртыша, составленной в 1734 г. во время путешествия по Сибири Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина

Таким образом, был подтверждён вывод, сделанный Иваном Калмыковым годом ранее.

Осенью 1718 г. из Ямышевской крепости в Семипалатную на дощаниках с капитаном Иваном Алексеевым были посланы продукты для гарнизона. Караван судов так и не достиг цели. Ранние холода сковали реку льдом. Обстоятельства заставили конвой зимовать на пустынном правом берегу Иртыша в 40 верстах от Семипалатной крепости. Отряду пришлось построить небольшую «крепосцу», которую по протекающей поблизости речке (протоке) Долонке назвали Долонской. У кочевников эта местность называлась «Долон-Карагай», что дословно означает «семь сосен»[20]. Здесь на берегу Иртыша действительно стояли сосны, ведь именно сюда выходил ленточный бор, который в Приобье называют Барнаульским.

Российские отряды продвигались всё дальше вглубь владений хунтайджи, но никакого вооружённого противодействия в 1717–1718 гг. они не встречали. Положение Ойратского государства в

[16] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 123; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 494.

[17] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 495–496.

[18] В XIX в. грузоподъемность лодки-зайсанки определялась в 80 пудов (Зайсанг // Даль. В. Толковый словарь).

[19] Г. Ф. Миллер ничего не сообщал об экспедиции капитана Инея на озеро Зайсан. По его мнению, первыми на лодке по озеру проплыли члены отряда Ивана Калмыкова (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 491).

[20] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 124.

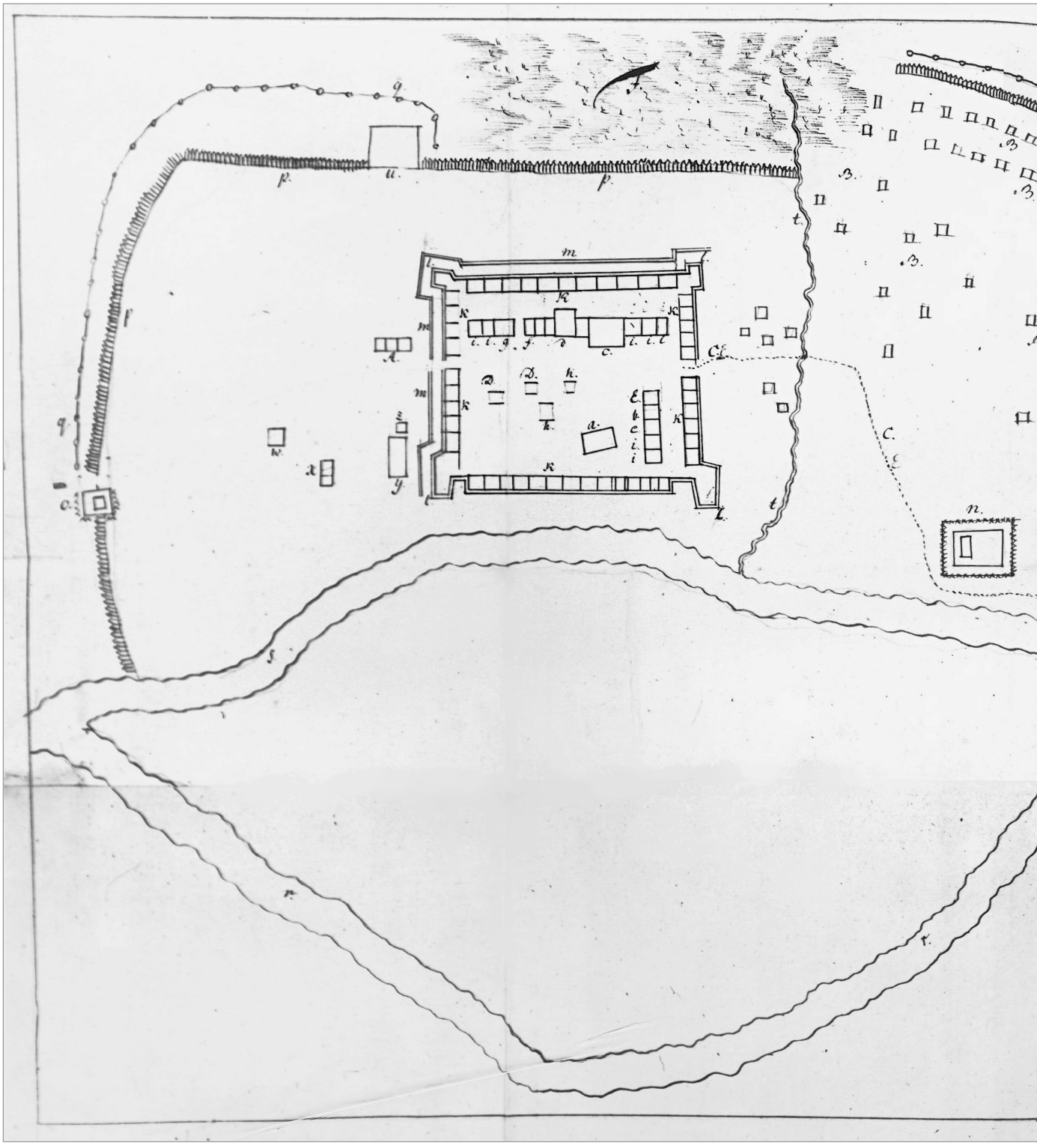
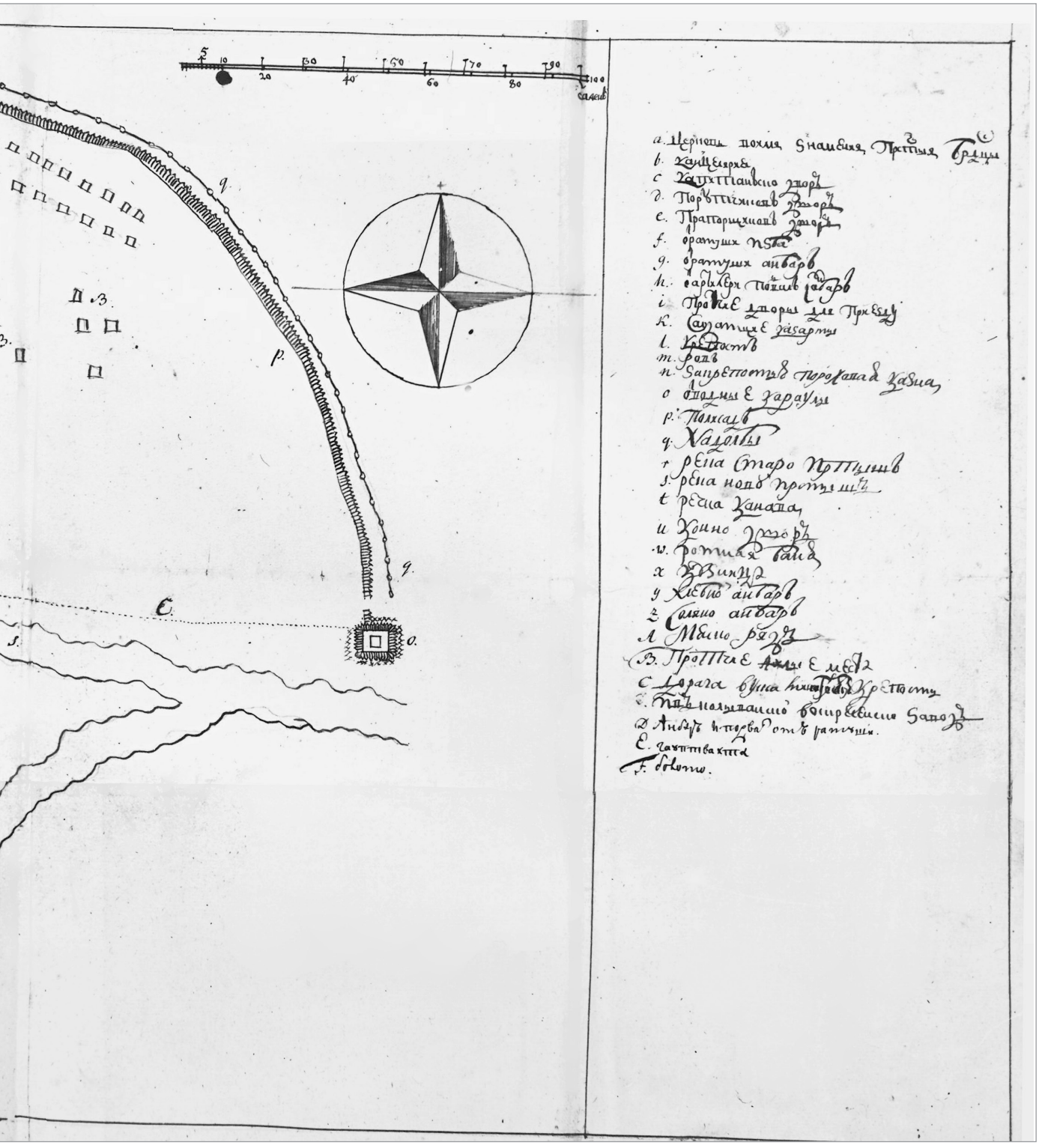


Рис. 45. План Семипалатной крепости. Чертёж 1734 г.

«*a* — церковь во имя Знамения Пресвятыя Богородицы; *b* — канцелярия; *c* — капитанской двор; *d* — порутчиков двор; *e* — прапорщиков двор; f — от ратуши изба; *g* — от ратуши анбар; *h* — с артилери[ей] подвал и анбар; *i* — протчие дворы для приезду; *k* — салдатцкие казармы; *l* — крепость; *m* — ров; *n* — за крепостью пороховая казна; o — отводные караулы; *p* — полисад; *q* — надолбы; *r* — река Старой Иртыш; *s* — река Нову Иртыш; *t* — речка Канава; *u* — конной двор; *w* — ротная баня; *x* — кузница; *y* — хлебной анбар; *z* — соляной анбар; *A* — мясной ряд; *B* — протчие жилые места; *C* — дорога в Ус[ть]каминогорскую крепость и в Колыванской Воскресенской завод; *D* — анбар и подвал от ратуши; *E* — гаупт-вахта; *F* — болото»



это время было довольно сложным. На северо-западных рубежах шла многолетняя война с казахскими ханами, которые не оставляли попыток вернуть кочевья, ранее захваченные у них ойратами. На юго-востоке ойраты в это время вели боевые действия в Тибете[21].

Ещё в 1713 г. Цэрэн-Дондоб-старший захватил и разрушил город Хами (Комул), расположенный в Восточном Туркестане[22]. Через год после

[21] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства… М., 1964. С. 340; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 59.

[22] Baddeley John F. Russia, Mongolia, China being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei

победы у Ямышевского озера он был послан во главе шеститысячного отряда в Тибет, где в конце 1717 г. в результате успешного сражения занял главный город Лхасу[23]. Захват богатых оазисов Восточного Туркестана и успешная война в Тибете усиливали напряжённость в отношениях Цэван-Рабдана с Цинским Китаем. В 1714 г., после взятия Хами, китайский император Канси предупреждал Цэван-Рабдана: «Войска мои за нападение, произведённое тобою на хамийцев, скорым шагом спешат уже по четырём дорогам к границам твоих владений, и остановить их теперь нет уже возможности»[24]. Хотя тогда война не началась, отношения с Китаем в 1715–1717 гг. находились на грани вооружённого конфликта.

Готовясь к войне с Цэван-Рабданом, китайские власти в 1715 г. обращались к Гагарину с предложением «приказать своим людем ево воевать». Губернатор «отказал, потому что де тот калмыцкой владелец кочует на сибирских землях его царского величества… и воевать его нам не для чего». Объясняя свою позицию кабинет-секретарю Алексею Васильевичу Макарову, Гагарин писал: «А чтоб, мой государь, китайцом требовать его мест и земель и нынешнею войною захватить от него что, и того, государь, и мнить не можно. Потому что залегли великие степи безводные, и никаким образом одержать китайцам не можно тех мест, которых мы требуем»[25].

В сложившейся ситуации правитель ойратов не хотел рисковать мирными отношениями с Россией, поскольку он был не в состоянии вести войну одновременно с несколькими противниками. Боевые действия против посланных Гагариным отрядов стали нежелательными, к тому же русские постоянно подчёркивали своё миролюбие.

Во взаимоотношениях с Россией Цэван-Рабдан всё большее значение придавал борьбе дипломатической, а не военной. 1 марта 1718 г. российский посланник Григорий Вильянов был отпущен в Тобольск. Он вёз личное послание ойратского владыки, адресованное Матвею Гагарину[26]. Так и не поверив, что новые русские крепости построены по царскому приказу, хунтайджи выразил протест на действия сибирских властей. «А ныне де на моей земле городы построили. Ведает ли государь про то или нет? <…> И ежели государь про тое знает, и не сведет, то многим людем угомонства не будет», — говорил Цэван-Рабдан, отпуская Григория Вильянова (док. № 42).

Вильянов вернулся в Тобольск в мае 1718 г. Губернатора в городе к этому времени уже не было. 11 января Матвей Гагарин отбыл в столицу, ещё не подозревая о том, что в Санкт-Петербурге с новой силой возобновилось расследование его злоупотреблений в Сибири.

Следствие над первым сибирским губернатором инициировал обер-фискал Алексей Яковлевич Нестеров (1651–1724). Ещё в 1714 г. он сообщил Петру I о злоупотреблениях М. П. Гагарина и его «приятелей» при отправке торговых караванов в Китай, отчего они получают «превеликое богатство», а государству приходится терпеть убытки[27]. 7 декабря 1714 г. царь отправил письмо Гагарину с требованием: «По получении сего указу поезжайте сюда немедленно, с сим нашим посланным, как наискоряя, со всякими ведомостми о состоянии губернии своей»[28]. Тогда же тобольскому обер-коменданту Ивану Бибикову царь повелел «ведать Сибирскую губернию»[29]. Следствие велось в «розыскной канцелярии» во главе с гвардии подполковником князем Василием Владимировичем Долгоруким (1667–1746). Для проверки сведений в Сибирь был послан гвардейский капитан Александр Лукич Долгорукий. Весной 1715 г. он встретил на границе возвращающийся из Китая караван и описал привезённые товары[30]. Однако документацию каравана Долгорукий не освидетельствовал, что в дальнейшем завело следствие в тупик. В результате Гагарин был полностью оправдан и 2 января 1716 г. восстановлен Петром I в должности[31].

Mikhailovich, A. D. 1602–1676. Vol. 1. London, 1919. P. clxxv, прим. 1. Бичурин нападение ойратов на Хами относил к 1715 г. (Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 90).

[23] Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов… СПб., 1834. С. 93; Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005. С. 139. Б. П. Гуревич датирует начало похода ойратов в Тибет 1716 годом (Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии… М., 1983. С. 59).

[24] Позднеев А. М. К истории зюнгарских калмыков // Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб., 1887. С. 260. (Зап. Русского Географического общества, по отд. этнографии, т. X, вып. 2).

[25] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 26. Л. 457–458 об. Опубл.: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. Док № 124, с. 169–170; Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. Док. № 87, с. 235–236.

[26] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 58. Л. 157 об. — 158.

[27] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 143.

[28] Бумаги императора Петра I / сост. А. Бычков. СПб., 1873. Док. № 54, с. 154.

[29] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 145 об.

[30] Курц Б. Г. Государственная монополия России с Китаем в первой половине XVIII ст. [Электронный ресурс]. Киев, 1929. С. 91. URl: www.sinologist.com.ua/ukr/Kurtz/Государственная_монополия.pdf (20.09.2015).

[31] Дату указа о восстановлении в должности называл

Однако обер-фискал Нестеров, недовольный таким исходом дела, продолжал собирать материалы об экономических преступлениях Гагарина. В конце 1717 г. он донёс Петру I, что следствие о злоупотреблениях в китайском караване проведено В. В. Долгоруким в 1715 г. не бескорыстно. Вывод о невиновности М. П. Гагарина был сделан Долгоруким на основе допроса караванных купцов Евреиновых «как ему, Гагарину, в том надобно»[32].

9 декабря 1717 г. Пётр I создал «розыскную комиссию» под руководством лейб-гвардии майора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова (1680–1730). Кроме него в комиссию входили асессоры: гвардии майор И. М. Лихарев, гвардии капитан Е. И. Пашков и гвардии поручик И. И. Бахметев[33]. Дмитриеву-Мамонову «с протчими офицеры» поручалось расследовать дела по данному царём реестру, где среди прочего фигурировало и дело «по фискальскому доношению» на Матвея Гагарина[34].

Вновь созданная следственная канцелярия подчинялась не Сенату, а лично монарху. По сложившейся традиции розыск по делам государственной важности вёлся в России особыми учреждениями, отчитывающимися непосредственно перед царём. Первоначально к таким преступлениям относили действия, которые касались здоровья и чести государя, а также попытки измены и бунта[35]. Затем Пётр расширил перечень «государственных» преступлений, дополнив два политических пункта — об «умысле» против государя, «измене и бунте» — третьим, который касался экономических правонарушений. В именном указе от 25 января 1715 г. царь объявил:

«Кто истинный христианин и верный слуга своему государю и отечеству, тот без всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому государю. Или, пришед к дворцу его царского величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а имянно о следующих: 1. О каком злом умысле против персоны его величества или измены; 2. О возмущении или бунте; 3. О похищении казны. А о прочих делах доносить кому те дела вручены»[36].

С этого времени дела о расхищении государственной казны стали называть «делами по третьему пункту». Именно по такому обвинению М. П. Гагарина началось следствие в «розыскной комиссии» гвардии майора Ивана Дмитриева-Мамонова. Находившийся в Тобольске Матвей Петрович Гагарин ещё не знал о возобновлении следствия, когда 23 декабря 1717 г. офицеры новоучреждённой майорской канцелярии обратились в Сенат с просьбой дать им «послушной указ» для вызова губернатора. Спустя четыре дня, 27 декабря, в Сенате был подписан указ, по которому Гагарину полагалось «быть в Санкт-Петербург без мотчания» и явиться в канцелярию И. И. Дмитриева-Мамонова[37].

Однако сенатский указ опоздал. Ещё до получения его в Тобольске Гагарин выехал в столицу. Дело в том, что 25 августа 1717 г. Пётр I распорядился, чтобы губернаторы «всех лантратов по первому зимнему пути выслали в Питербурх с переписными книгами… а потому чтоб и сами губернаторы приезжали в Питербурх»[38]. Как обычно, царь собирал губернаторов на рождественские праздники. Поэтому 11 января 1718 г. Матвей Петрович покинул Тобольск, ещё ничего не зная о переменах в столице и в собственной судьбе[39].

Пока князь ехал в санях по заснеженной Сибири, обер-фискал Алексей Нестеров смог убедить купца Алексея Евреинова явиться в комиссию И. И. Дмитриева-Мамонова и дать признательные показания по делу Гагарина. В своей обширной повинной, состоящей из 102 пунктов, Евреинов, в частности, писал, что в 1715 г., когда их отправили «в распрос» к князю В. В. Долгорукому, Гагарин запретил им «истины сказывать», а следователю дал взятку и добился для них «льготы»[40].

в своём письме сам М. П. Гагарин (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 32. Л. 145 об.) М. О. Акишин, ссылаясь на материалы Сената, указывает, что назначение произошло 4 января 1716 г. (Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество… С. 145–146). Ту же дату приводит М. В. Бабич (Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени: науч. изд. М., 2003. С. 217).

[32] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество… С. 145.

[33] Одновременно были созданы следственные комиссии под руководством гвардейцев М. Я. Волкова, П. М. Голицына, И. И. Дмитриева-Мамонова, С. А. Салтыкова и Г. Д. Юсупова, которые у историков получили название «майорских канцелярий» («И по делам всем, что есть, следовать». Документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / сост. Д. О. Серов // Исторический архив. 2006. № 2. С. 204, прим. 11, 14).

[34] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество… С. 148.

[35] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 5: 1713–1719. № 2756, с. 76.

[36] ПСЗ РИ-1. Т. 5: 1713–1719. № 2877, с. 138.

[37] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 51. Л. 69–70. Цит. по: Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество… С. 159.

[38] Указ был получен в Сенате 25 сентября 1717 г. (Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1873. Док. № 201, с. 354).

[39] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 114. Л. 230.

[40] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Кн. 95. Л. 722–723. Цит. по: Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество… С. 145.

14 января 1718 г. на допросе Алексей Евреинов сообщил о злоупотреблениях губернатора Гагарина при отправке торговых караванов в Китай. По его словам, князь «купчин избирает по своему нраву, которые к тому делу доступают великими дачами и во всем с ним, губернатором, общее согласие имеют, и болше угождают ему, нежели усердствуют о пополнении казны и государственной ползы». 18 января офицеры комиссии сообщили об этих признаниях Петру I (док. № 64).

Среди других дел, порученных царём комиссии Дмитриева-Мамонова, следует назвать розыск «о бытности в Сибири господина подполковника Бухалта». Он был связан с неудачным походом за яркендским золотом, организованным по инициативе М. П. Гагарина. Однако вину за военное поражение возлагали только на И. Д. Бухолца. Сбор материалов по этому делу вёлся с апреля 1718 г. (док. № 65). Одновременно с этим начались допросы сибирского губернатора. В письме царю от 20 апреля 1718 г. Гагарин сообщал: «А ныне по доношениям допрашивают меня во многих делах и требуют у меня ответствия, против указу вашего величества, на словах»[41].

В течение 1718 г. Матвей Петрович Гагарин оставался в Санкт-Петербурге и по-прежнему исполнял должность сибирского губернатора. Он даже был в числе тех, кто 24 июня 1718 г. поставил свои подписи под смертным приговором царевичу Алексею Петровичу, обвинённому Петром I в государственной измене[42]. В связи с делом царевича оказался в застенке и Василий Владимирович Долгорукий, который в 1714–1715 гг. вёл первое следствие о сибирских злоупотреблениях Гагарина. 5 июля 1718 г. Пётр I приказал сослать попавшего в опалу В. В. Долгорукова в Соли-Камскую провинцию Сибирской губернии. «И жить ему тамо как и прочие ссыльные, — распорядился царь. — О приеме его писать губернатору Матвею Гагарину»[43].

Почти в то же время, 3 июля 1718 г., по устному приказу Петра I в Сибирь был послан лейб-гвардии поручик Аврам Григорьевич Шамордин, член «розыскной комиссии» И. И. Дмитриева-Мамонова[44]. Со второй половины 1718 г. следствие стало вестись и в столице, и в Сибири. О результатах своих розысков Шамордин писал как руководителю комиссии, так и непосредственно царю. Помимо злоупотреблений в торговле с Китаем Гагарина обвиняли в недоборе налогов, которые должны были поступать в государственный бюджет из его губернии, и в «утайке сибирских разных зборов»[45].

В Сибирь Матвей Петрович Гагарин уже не вернулся. По результатам деятельности следователей-гвардейцев 11 января 1719 года он был официально отстранён от должности и взят под стражу[46]. В середине января 1719 г., вскоре после ареста М. П. Гагарина, Пётр I распорядился об отправке в Сибирь ещё одного представителя комиссии Дмитриева-Мамонова — гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева[47]. В результате оформился тобольский филиал «розыскной комиссии», которая в дальнейшем в документах называлась «Канцелярия лейб-гвардии майоров Дмитриева-Мамонова и Лихарева с прочими офицеры»[48].

Январь 1719 г. стал переломным в судьбе Гагарина: к нему резко изменилось отношение монарха. Отправляя Лихарева в Сибирь, царь потребовал объявить по сибирским городам, «что он, Гагарин, плут и недоброй человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть, а будет прислан на ево место иной»[49]. Уже 25 января по именному указу Петра новым губернатором Сибири был назначен князь Алексей Михайлович Черкасский (1684–1742)[50].

Арест М. П. Гагарина перечеркнул возможность реализации намеченного в январе 1716 г. плана российского продвижения к золотым про-

---

41 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 39. Л. 196 об.

42 Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. VI: Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. Приложения. Док. № 184, с. 533; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVI–XX. 2-е изд. СПб., [1896]. Стб. 489–490 (Т. XVII, глава 2).

43 Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого... СПб., 1859. С. 200–201.

44 Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество... С. 150; Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века... М., 2003. С. 463.

45 Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество... С. 146.

46 Акишин М. О. Гагарин Матвей Петрович, князь (1658–1721) // Власть в Сибири. XVI — начала XX века. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2005. С. 515–516.

47 Г. Ф. Миллер ошибочно считал, что гвардии майор И. М. Лихарев был послан в Сибирь в 1719 г. «в ранге генерала-майора» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте... СПб., 1760. Февраль. С. 127; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте... М., 2005. Т. 3. С. 495). В действительности И. М. Лихарев был произведён в гвардии майоры лишь в 1718 г., генерал-майором он стал уже после смерти Петра I, в 1725 г. (Черных С. Е. С берегов Иртыша. Алма-Ата, 1981. С. 22–24). Следует учитывать, что ранг майора гвардии в то время соответствовал бригадиру сухопутных войск и был выше ранга армейского полковника (Сборник Русского исторического общества. Т. 11. Док. № 361, с. 474; РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 336 об.).

48 Бабич М. В. К истории государственных учреждений XVIII в.: «майорские канцелярии» // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 21–31; Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века... М., 2003. С. 237.

49 РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 190. Опубл.: ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 3284, с. 617.

50 Акишин М. О. Черкасский Алексей Михайлович, князь (1684–1742) // Власть в Сибири. XVI — начала XX века. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2005. С. 519–520. Этот именной указ был объявлен из Сената 29 мая 1719 года (ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 3378, с. 700).

мыслам в районе озера Кукунор. Первый сибирский губернатор был единственным координатором этого грандиозного и весьма авантюрного проекта. Нет никаких свидетельств, что сменивший его А. М. Черкасский понимал, для чего построены Косогольский и Саянский остроги и почему Гагарин так настойчиво требовал возводить новые крепости в Саяно-Алтайских горах — в верховьях Енисея и на Телецком озере.

Своеобразным историческим памятником того времени, отражающим итоги предпринятой по инициативе Матвея Гагарина российской экспансии в Центральную Азию в 1716–1718 гг., стала рукописная карта, сохранившаяся в Российском государственном архиве древних актов. На её обороте имеется подпись: «Таков чертеж подал князь М. П. Гагарин 1719-го февраля в 1 день»[51].

Очевидно, передача чертежа в Сенат произошла во время сбора сведений о неудавшейся экспедиции И. Д. Бухолца. Дело в том, что поездка в Сибирь гвардии майора Ивана Лихарева потребовалась Петру I не только для завершения следствия о финансовых злоупотреблениях Гагарина. Судя по первоначальному тексту указа об отправке гвардии майора в Сибирь, царю важнее было собрать дополнительные сведения о «золоте эркецком» и «дойтить до Зайсана озера», где предполагалось построить крепость (док. № 67).

В связи с таким заданием И. М. Лихарев 17 января подал монарху доношение со своими вопросами, связанными с предстоящей поездкой. Пётр I переадресовал запрос в Сенат, а там распорядились «взять ведение у господина Гагарина и у Бухолца»[52]. В результате 26 января находящемуся под арестом Гагарину были доставлены письменные вопросы («пункты»), на которые он через два дня представил «на вышеписанные 11 пунктов ведение». В своих ответах бывший губернатор подробно рассказал об организации военного продвижения вверх по Иртышу (док. № 68). Спустя ещё три дня в Сенат поступила карта Гагарина, поясняющая его рассказ.

Карта выполнена в стилистике сибирских чертежей конца XVII — начала XVIII в.: это ориентированная верхом на юг схема гидросети, нарисованная без градусной сетки и без масштаба; расстояния показаны числом дней пути. Авторство карты не установлено. Чертёж охватывал огромную территорию от побережья Северного Ледовитого океана («море окиан Северный») до Каспийского моря и озера Кукунор на юге; от Уральских гор на западе до реки Лены на востоке (цв. ил. 4). Сравнение с чертежом 1716 г. (рис. 20, 26) показывает, что именно он стал основой при создании карты, переданной бывшим сибирским губернатором в Сенат.

Карта Гагарина отразила ситуацию, сложившуюся в Верхнем Обь-Иртышье летом 1718 г. (рис. 46). По правому берегу Иртыша выше города Тары показаны остроги: «Амской» (Омский), «Железенск», «Ямышевской» и «Калбасунский», отмеченные буквой «Н» (то есть «новопостроенные»). Выше Калбасунской крепости кружком обозначено место, где осенью 1718 г. подполковник Ступин построил Семипалатную крепость. От этой точки до озера Зайсан изображён только один крупный приток Иртыша, который, вероятно, можно отождествить с рекой Убой. Немного ниже устья этой реки на правом берегу Иртыша поставлен ещё один кружок — очевидно, там, где летом 1719 г. по приказу Прокофия Ступина будет построена Убинская крепость. Надо полагать, что место под это укрепление нашли уже в 1718 г. в ходе экспедиции к озеру Зайсан.

На карте обозначены пути, ведущие из Сибири к златообильному городу Эркету (рис. 46). Первая дорога соответствует маршруту, намеченному М. П. Гагариным в начале 1714 г.: от Ямышевского озера через степь, где находилась «Урга калмыц[к]аго владелца контайши». Вторая дорога показана от озера Зайсан на город «Турфань» и далее в «Эркет». Фактически это тот маршрут, который с 1716 г., когда стало ясно, что степной путь через кочевья хунтайджи бесперспективен, рассматривался как основной. Карта Гагарина наглядно убеждала, что путь к городу Эркету лежит на юго-запад, в сторону от Иртыша, и требует ухода от реки, поворота вглубь Ойратского государства, если не от Ямышевского озера, то хотя бы от Зайсана.

22 января 1719 г. Иван Дмитриевич Бухолц подробно рассказал сенаторам о причинах неудачи его экспедиции. В заключение подполковник заявил: «От оного Зайсана озера к Иркетю водяного пути нет. А о сухом пути от Зайсана ведомца [сведущего человека] не нашел»[53]. Карта Гагари-

---

[51] РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 16-а. В описи 160 указано, что ранее карта размещалась в книге 373 (Ф. 248. Оп. 7) на листах 247–247 об., то есть первоначально чертёж был приобщён к делу «О расследовании майором Лихаревым злоупотреблений сибирского губернатора князя М. П. Гагарина и И. Д. Бухгольца. 1719–1720 годы». Карта впервые опубликована: Княжецкая Е. А. История одной географической ошибки петровского времени // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. Л., 1965. Рис. 1 на вклейке между с. 60–61. Автор сообщала, что карта размещалась на листах 246–247. Цветное изображение карты опубликовано: Омское Прииртышье на картах и чертежах XVI — начала XIX века: [календарь на 2016–2017 гг.]. Тобольск, 2015. Л. 8 (июль 2016).

[52] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 188 об.

[53] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 203. Опубл.: Из истории Омска. Омск, 1967. Док. № 8, с. 55; СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 116. Л. 239 об.–242. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-6, с. 149.

Рис. 46. Юго-восточная часть карты 1718 года, поданной М. П. Гагариным в Сенат 1 февраля 1719 г. Показано верхнее течение рек Енисея, Оби, Иртыша и часть Центральной Азии от озера Кукунор и верховий Хуанхэ («р. Алтан») до реки «Амун-Дарья» с городом «Эркет». Буквой «Н» отмечены «новопостроенные крепости»: на Енисее — «Подкаменной» (Саянский) острог; на Оби — безымянная крепость на левом берегу (Белоярская) и крепость «Катун» на слиянии Бии и Катуни; на Иртыше — «Амской» (Омская крепость), «Железенск[ой]», «Ямышевской», «Калбасунской». Весь чертёж изображён на цветной иллюстрации 4

на подтверждала показания И. Д. Бухолца об отсутствии водного сообщения между озером Зайсан и рекой, на берегу которой стоит город Эркет.

О предпочтительности пути через Зайсан свидетельствует то, что именно вдоль этой дороги проставлены цифры, обозначавшие «число дней скорою ездою, от которого места и до которого сколько дней». Судя по этим цифрам, суммарное расстояние от Тобольска до Ямышевской крепости составляло 15 дней конной езды. Напомним, что отряд Ивана Калмыкова проделал этот путь за 21 лень. Также три недели заняла дорога от Тобольска до Ямышева у торгового каравана, с которым в 1713 году ехал в Ургу тобольский сын боярский Фёдор Трушников (док. № 28). Следовательно, проставленные на карте цифры указывали несколько меньшее расстояние, чем было на самом деле.

По мере удаления от Калбасунского острожка проставленные цифры — 7 дней до оз. Зайсан, затем 2 дня до оз. «Алак Тугун» и ещё 3 дня до озера «Конур», рядом с которым на карте расположен город «Турфань» — всё менее и менее реальны. Возможно, это следствие какой-то ошибки составителя карты. Один из информаторов Гагарина, уроженец Яркенда мулла Халпет, в 1719 г. на допросе в Тобольске пояснял: «А от Нор-Заисана, как едешь х контайше, вправо, х Казачье орде, озера Алак Тугун, а ростоянием от Заисана до Алака озера скорою ездою 20 дней»[54]. На карте Гагарина между Зайсаном и Турфаном также нарисованы два озера, причём ближнее к Зайсану подписано «Алак-Тугун». В отличие от действительного расстояния в двадцать дней на карте ошибочно указано два дня пути «скорою ездою».

Если попытаться проследить на современной карте этот маршрут (цв. ил. 10), то путь от озера Зайсан должен был проходить на юг к озеру Алаколь, затем через горный проход Джунгарские Ворота к озеру Эби-Нур (на карте «Конур»). Город Турфан, показанный вблизи озера, в действительности находится почти в 500 км к юго-востоку. Чтобы попасть от озера Эби-нур в Яркенд, надо было двигаться в другом направлении, на юго-запад мимо Урги, располагавшейся на реке Или (эта река вовсе не нарисована). Обозначение на карте Гагарина города Турфана на одной линии от озера Зайсана до Эркета говорит о крайне скудных знаниях сибирской администрации об этом районе Центральной Азии.

Неверно показан на чертеже не только Турфан, но и конечная цель военной экспедиции — город Эркет. Он помещён в верхнем течении реки «Амун-Дарья». Истоки этой ошибки восходят к 1714 году, когда в российской столице хивин-

[54] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 477.

ский посол рассказывал царю и Гагарину о золотом песке, который добывали на реке Амун-Дарье. После этого сибирский губернатор ошибочно считал, что золотые промыслы Эркети расположены на реке Аму-Дарье. Это нашло отражение ещё на карте 1716 г., где был показан маршрут Ф. Трушникова (рис. 26).

Если сравнить карту 1716 г. и чертёж, переданный Гагариным в Сенат, то становится ясно, что топоосновой для гагаринского чертежа стала карта, иллюстрирующая путешествие Ф. Трушникова. Сходство особенно заметно в изображении южных областей, которые посетил под видом «купчины» российский разведчик. На обеих картах показаны река Тарим с левым притоком Хайдык-Гол («Хайду» 1716 г., «Хайдым» 1718 г.) и река Сухая. Отмеченная дорога от Урги до китайских золотых копей проходит мимо города Курля, далее вдоль Тарима к озеру «Коконор», повторяя маршрут Трушникова.

Река Амун-Дарья на чертеже Гагарина первоначально была нарисована в соответствии с картой 1716 г. — текущей из гор на юго-юго-запад. Интересно, что в этом месте на чертеже видны

Рис. 47. Фрагмент карты 1718 г., поданной М. П. Гагариным в Сенат 1 февраля 1719 г. Видны следы исправления русла реки Амун-Дарья и расположения города Эркет

следы правки (рис. 47). Позднее линия реки, знак города и подписи были стёрты и нанесены иначе: чертёжник изобразил её течение в юго-юго-восточном направлении. И в том, и в другом случае на левом берегу реки стоит знак города «Эркет», что совершенно ошибочно. В действительности город Яркенд расположен на левом берегу реки Яркенд-Дарьи, текущей на северо-восток и никак не связанной с бассейном Аму-Дарьи (рис. 19, цв. ил. 10).

В первом варианте знак города стоял западнее, к нему вело две дороги: от Турфана и из Урги. Под знаком плохо просматривается стёртая надпись «[копают?]… золото». После того как изменили течение Амун-Дарьи и перенесли место города Эркет, дорога из Урги стала обрываться у истоков реки, а упоминание о золоте исчезло.

Единственная надпись о местах добычи драгоценного металла («золото копают») на карте 1718 г. имеется в верхнем левом углу чертежа, около истоков реки Алтан, к югу от озера Коконор (рис. 46). Источником сведений об этих месторождениях стали рассказы очевидцев — тобольских детей боярских Фёдора Трушникова и Фёдора Самарца, которые наблюдали добычу золота подвластными Китаю хошоутами около озера Кукунор и слышали рассказы о таком же промысле тангутов в верховьях Хуанхэ (на реке Алтан-гол).

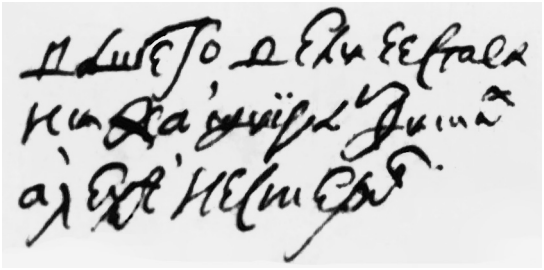
На карте отражены успехи стратегии, которой придерживался сибирский губернатор Матвей Петрович Гагарин летом 1716 — осенью 1718 г. (после поражения Бухолца). Сибирским военным за неполные три года постепенно удалось продвинуться на сотни вёрст вверх по Иртышу. В январе 1719 г. Гагарин писал в Сенат (док. № 68), что выше Тары русские крепости построены «в 5-ти местах», подразумевая Омскую, Железенскую, Ямышевскую, Калбасунскую и уже обозначенную, но ещё не подписанную на карте Семипалатную крепости.

На Оби знаком «Н» отмечены неподписанная Белоярская крепость и помещённая в междуречье Бии и Катуни крепость «Катун», то есть Бийкатунская. При этом Телецкое озеро («Алтан») ошибочно, как и на карте 1716 г., изображено в истоке Катуни, а не Бии. В верховьях обеих рек показано по одному зимовью, причём обозначенное на северном берегу Телецкого озера названо «Алтанское зимовье» (рис. 46). Как видим, требование Гагарина о строительстве крепости на берегу Телецкого озера так и осталось невыполненным.

На Енисее единственным новопостроенным острогом показан «Подкаменной» (Саянский острог) на правом берегу вытекающей из гор реки (рис. 46). Выше, в Саянских горах, к концу 1718 г. имелось какое-то «зимовье». Ни река Селенга, ни озеро Хубсугул с Косогольским острогом на чертёж не попали.

В целом карта Гагарина отражает географические представления первого сибирского губернатора и помогает понять его план проникновения в Центральную Азию. Судя по этому чертежу, ближе всего к озеру Кукунор находились истоки Енисея. Полоса южных гор, отделяющих Сибирь от Центральной Азии, показана очень схематично. Территория между северной кромкой Саяно-Алтая и озером Кукунор почти лишена географических реалий, что соответствовало уровню знаний сибирской администрации об этом регионе.

С 1716 по 1718 год, благодаря целенаправленным усилиям губернатора, на юге Сибири было построено около десятка новых укреплений, позволивших продвинуться к кромке южных гор. Дальнейшее проникновение «за Камень» не удалось из-за сложности коммуникаций и объективной неспособности войск к несению службы в горах. Даже если бы Гагарин остался на посту губернатора Сибири, его план продвижения к озеру Кукунор, по нашему мнению, не смог бы осуществиться. Арест и отстранение от должности поставили точку в реализации этого масштабного геополитического проекта.



Автограф обер-фискала Алексея Яковлевича Нестерова: «Вашего величества нижайший раб фискал Алексей Нестеров». 1716 г.

Документ № 64

1718 г. января 18. **— Доношение членов розыскной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова царю с сообщением о повинной купцов Евреиновых и приложением сведений о злоупотреблениях князя Гагарина при отправке караванов в Китай**

(л. 56) Всемилостивейший царь, государь

По данному от вашего величества указу повелено нам исследовать по фискалскому доношению о Евреиновых, которые по розыску нашему в некоторых худых своих (// л. 56 об.) делах и повинную принесли. При том Алексей Евреинов просил нас, чтоб к вашему величеству писать: которой караван ныне идет ис Китай с купчиною Гусятниковым, дабы ваше величество указал оной караван, не допуская в сибирские городы, остоновя, осмотрить. Понеже во оном много было провезено не явленных товаров. А сколко и чьи, к тому при сем писме посылаем до вашего величества с их доношения копию.

Вашего величества всенижайшии раби:

[*Автографы:*] Иван Дмитреев-Мамонов[55]
Иван Лихарев
Егорей Пашков
Иван Бахметев
Генваря 18 дня 1718

(л. 57) Копия

Да сего генваря в 14 де[нь] в доношении Алексей Евреинов написал и в допросе сказал:

Сибирской де губернатор князь Гагарин в Китайское государство купчин избирает по своему нраву, которые к тому делу доступают великими дачами и во всем с ним, губернатором, общее согласие имеют, и болше угождают ему, нежели усердствуют о пополнении казны и государственной ползы.

Которого де карована ныне ждут ис Китай, и в том кароване послан купчина Михайло Гусятников, с которым пошло в Китай ево собственных и посторонних товаров, а имянно:

Ево, Гусятникова на сорок тысяч рублев, о чем он слышал от цаловалников, тех, которые при том. Да сверх помянутых купчинных у целовалников пошло товаров тысяч на сорок ж, про которые сведом он, потому что в каждом кароване у целовалников на толикое число товаров бывает. Понеже и сам он, Алексей, в Китай в целовалниках ходил, и про ту обыкность и порядки знает. А те товары с Москвы возят на подводах вашего царского величества. А по китайскому обхождению кто что у кого купит или выменит, и то, как китайцы, так и руские, записывают в книги, и те книги вывозят с собою. А емлют за всякой товар золотом, и банберекы, и камками, и китайками[56] по третям. И по тем книгам, что у кого в Китаях каких товаров было, познать можно.

Дабы того ради послать туды наскоро нарочного.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 36. Л. 56–56 об. Подлинник; Л. 57. Копия. Публикуется впервые.

Документ № 65

1718 г. апреля 22. **— Письмо руководителя розыскной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова кабинет-секретарю А. В. Макарову с просьбой прислать копию поданного царю в 1714 г. доношения сибирского губернатора М. П. Гагарина «о песошном золоте»**

(л. 58) Государь мой Алексей Васильевич

Имянным царского величества указом повелено нам, от гвардии афицером, исследовать о бытности в Сибири господина подполковника Бухалта. И для подлинного исследования к тому делу надлежит нам с доношения сибирского губернатора господина Гагарина, каково он доношение подал царскому величеству о песошном золоте, копия.

Того ради покорно прошу приказать со оного доношения к нам прислать копию.

[*Автограф:*] Всегда покорный ваш слуга Иван Дмитреев Мамонов.

Апреля 22 дня 1718

[*Канцелярская помета:*] Против сего писма копия с помянутой ведомости послана в 30 де[нь] апреля с Екимом.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2. Оп. 3. Кн. 36. Л. 58. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 66

1718 г. июнь. **— Доезд сотника красноярского пешего полка Фёдора Кольцова с товарищами о поездке за Саянский камень к монгольскому владельцу Гунбеку и о проведывании расстояния до озёр Косогол и Коконер**

(л. 235) 1718-го году июня в ___ день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца за подписанием руки каменданта Дмитрея Борисовича Зубова красноярские пешего полку сотник Федор Кольцов, пятидесятник Илья Бугаев, конной казак Алексей Артемьевых:

---

[55] В автографах свою фамилию Иван Ильич писал через два «е» — Дмитреев-Мамонов. Однако сейчас дворянский род Дмитриевых-Мамоновых принято писать через «и».

[56] Бамберек — восточная шёлковая ткань с вытканными на ней узелками, бугорками; камка — цветная шёлковая ткань восточного происхождения с узорами и разводами; китайка — вид импортируемых из Китая недорогих хлопчатобумажных тканей.

В нынешнем 718-м году посыланы мы ис Красноярска за Саянской камень к мунгалскому владелцу Гунбеку и к улусным ево людем с листом. Велено нам говорить ему, Гунбеку, и улусным ево людям, что от него, Гунбека, присланы были в Абаканской острог мунгалетин Санжил с товарыщы с пятью человеки с листом, чтоб с кабалских ясачных людей с Келбы, Бышкака, и с Аргамака, и с улусных их людей с тритцети юрт взять с них ясак.

И по тому вышеписанному великого государя указу я, Федор, с товарищы за Саянской камень к мунгалскому владелцу Гунбеку и к улусным ево людям приехали и лист ему, Гунбеку, подали. И ему, Гунбеку, о том вышеписанном о Келбе, о Бышкаке и Аргамаке о тритцати юртах говорили.

И он, Гунбек, нам говорил: Прежде де сего с великим государем и с его государевыми людми никакие у нас споны не бывало, и впредь де не будет. (// л. 235 об.) Да он же, Гунбек, говорил нам, чтоб нам сказать в Красноярску каменданту Дмитрею Борисовичю Зубову, чтоб камендант писал к великому государю про калмыцкого владелца контайшу, где он стоит. А у него де, Гунбека, с ним, контайшею, спона великая.

Да мне ж, Федору, с товарыщы велено проведать про озера Косогол и Коконер — в далном ли разстоянии те озера от Саянского камени, и что растояния меж ими, озерами.

И я про те озера проведывал. И те озера от Саянского камени в долном разстоянии. А Коконер в калмыцкой земле.

В том и доезд подали за своими руками.

Доезд писал красноярских крепосных дел подьячей Иван Заборовской.

У подлинного доезду позади написано: К сему доезду Федор Кольцов руку приложил.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 20. Док. № 120. Л. 235–235 об. Копия, составленная для Г. Ф. Миллера в Красноярске во время экспедиции 1734–1743 гг. Публикуется впервые.

Документ № 67

1719 г. не позднее января 18[57]***.*** **— Черновик указа Петра I гвардии майору И. М. Лихареву о направлении его в Сибирь**

(л. 41) [*Канцелярская помета внизу листа*:] 1719-го году генваря месяца. В книгу не записано.

Указ маеору от гвардии господину Лихареву[58]

{Ехать тебе в Сибирь и там}[59] /Между тем же трудитца всеми мерами/ освидетельствовать по скаскам {бывшаго губернатора} /помянутого/ Гагарина и подполковника Бухолца о золоте эркецком, подлинно ль оное есть[60]. И от кого он, Гагарин, сведал, тех людей сыскать, также и других ведомцов (ежели сыщутца). И ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди, и там розведав, старатца сколко возможно, дабы дойтить до Зайсана озера. И ежели {не будет какой от тамошних народов противности} /туды дойтить возможно и там берега таки, что есть леса и протчия потребности для жилья, то {построить там крепость}/ то построить у Зайсана крепость и посадить людей.

{А ежели, паче чаяния, усмотришь в том какую невозможность, что не будет ис того никакова плода, кроме убытку, то салдат, которыя там в гварнизонах посажены, вывесть назад}.

(// л. 42) [*Дополнено рукой Петра I:*] /А как туды едучи, так и построя крепость, проведывать о пути от Зайсана озера к Иркети, сколь далеко и возможно ль дойтить. Также нет ли вершин каких рек, которыя подались к Зайсану, а впали в Дарью реку или в Аралское море.

Сие все чинить сколко возможно, а в газард не входить, чтоб даром людей не потерять и убытку не учинить/.

---

[57] На черновике указа дата не проставлена. Окончательный вариант указа датирован 18 января. Он включает вопросные «пункты» из доношения И. Лихарева, написанного 17 января.

[58] Первоначальный текст указа на одном листе написан почерком канцеляриста. Редактирование начального текста и дополнение на втором листе сделаны рукой Петра I.

[59] В фигурных скобках шрифтом меньшего кегля при публикации даются слова и фразы, зачёркнутые в документе. В косых скобках помещены авторские вставки при редактировании документа, в квадратных скобках заключены пояснения составителей.

[60] Указ, данный И. М. Лихареву 18 января 1719 г., начинался с фразы: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшаго губернатора Гагарина о всем против данного тебе реэстру подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но как доброму и честному афицеру надлежит» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 186. Опубл.: ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 3284, с. 616).

/[61]Также розыскать о подполковнике Бухолце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, также и о протчих ево худых поступках освидетелствовать. И о том о всем, что тебе к тем делам будет потребно Сибирской губернии к лантратом и протчим управителем послушной указ послан/.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 1 — исходящие письма. Оп. 2. Кн. 56. Л. 41–42. Подлинник. Публикуется впервые.

Итоговый вариант этого указа, датированный 18 января 1719 г., см. док. № 71.

Документ № 68

1719 г. января 26–29. — Вопросы Сената к сибирскому губернатору о ходе военной экспедиции вверх по Иртышу и ответы М. П. Гагарина (извлечения)

(л. 214) 1719-го генваря в 26 де[нь] по приказу Правителствующаго сената велено взять ведомость у господина князя Гагарина. <...>[62]

(// л. 215) 8.

От Ямышева до Зайсана озера сквозь камень какое разстояние? И того камню поперег например верстами много ль будет? И в тех местах по Иртышу вверх какими судами ходят?

9.

О том краю, что до Иркету, какое он ведение имеет и каким образом о сыску золота производить хотел?

<...>

(// л. 215 об.) 11.

Х контайше он, господин князь Гагарин, каким образом писма писал?

[*Автограф Гагарина:*] На выше писанные 11 пунктов ведение при сем предложил.

[*Внизу канцелярская помета:*] Посланы з дневалным подьячим генваря 26-го числа.

(л. 216) [Ответы М. П. Гагарина] <...>[63]

(// л. 217 об.) На 8-й

От Ямышева каменные горы на степи есть и по обе стороны Иртыша. Но подлиннаго известия при мне в Тоболеск не было, в сколько дней можно большими судами, також и малыми, доитить от Ямышева до Зайсана. А ход судам до Зайсана есть Иртышем. А до Семи Полатной крепости от Ямышева шел Борис Чередов болшими судами, которая крепость сухим путем от Ямышева к Зайсану болши половины. А сухим путем посылан был от меня Иван Калмыков во 100 человеках. Были с ними и пушки малыя, которые вес на вьюках. И от Ямышева до Зайсана переехал в четырнатцатой день[64] и назад поспел в те же дни. А да котораго места болшими судами могут итить по Иртышу к Зайсану, того ведения еще ко мне не было. А мелкими судами ход есть по Иртышу до Зайсана.

(// л. 218) На 9-й

Как приехол я в Тоболеск, увидел в продаже песошное золото. И зоветца оное эркецкое. И сказали мне о нем, что то самородное золото, и промышляют его под Эркетем в реке Амун Дарье. То для сведетельства о том призвал я эркецкаго боярина, которой во взятье того города у бухар от калмык от убивства ушел в Тоболеск. И тот боярин мне сказывал, что то золото перенимают в реке под Эркетем попонами, и коврами, и сукнами. А несет де такое золото тою рекою: как бывает в реке той муть и прибыль воде, то в то время и перенимают. А как де збудет та прибылая вода, то де берут з берегов и вымывают ис песку то золото. А переводил мне те его речи лутчей таболской татарской мурза Сабанак Азбакеев. При том был обор-комендант Семен Карпов. И тот иноземец по отъезде мои ис Тоболска был жив, и татарин Сабанак, и Семен Карпов жив же.

И я того золота купил не малое[65] число, и привез к его царскому величеству, и изволил то золото свидетельствовать хивинским посланцом. И посланник оной доносил его величеству, что и ниже Эркетя в той реке Амун Дарье золото промышляют. И о пути к тому месту от Иртыша подано в то же время от меня его царского величеству доношение, на котором подпи-

---

[61] Окончание указа написано другим почерком.

[62] Далее следуют 11 пунктов с вопросами. Первые семь вопросов при публикации пропущены.

[63] При публикации ответы на первые семь вопросов пропущены.

[64] По словам самого Ивана Калмыкова, путь от Ямышева до Зайсана занял у него 23 дня, а обратный путь 16 дней (см. док. № 52).

[65] В тексте было написано «не малое», затем исправлено: «на малое».

сан указ рукою его царского величества. Которой я подал в концелярию Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова.

И в том моем доношении явлено, что не воинским поведением домогатца тех мест, но иными способами, что явно по тому доношению моему. А военным поведением то без превеликих убытков и без великих трудностей и опасностей не может исполнитца. Что и явно по отпуску подполковника Бухолца и по возвращению его, також как моим невоенным (// л. 218 об.) промыслом и малыми убытки и небольшими людми, а построены крепости везде, где было надобно, кроме Зайсана, до котораго за краткостию времени и за моим отлучением доитить еще не могли.

А хотел я того дела домогатца чрез договор с контойшею, чему и состоятца бы мошно, потому что с Казачьею ордою, которых народ великой и сильной калмыком, я уже мир и сыскал с ними, которой и доныне не нарушен. И с их сторону нарушену николи быть тому я не чаю, что есть им интерес немалой от того. А естли бы не было мне помешки, то бы и с калмыками контайшиными мир сыскан был вскоре. А знак к тому миру и с калмыками был, потому что в бытность мою в Тоболску как я сказал посланцу калмыцкому, от контайши ко мне присланному, что посылаю людей царского величества строить городы для прииску руд, потому что земли те до вершины Иртышной и вся та река царского величества. А контайшу, ни людей его, воевать не будем и кочевал бы он, контайша, на тех местах по-прежнему, как и Аюка под городами царского величества кочюет. И тому тот посланец калмыцкой был рад, и говорил мне в разговорах, что контайше не противно то будет, что городы будут делать люди государевы, но точию бы де не воевали контайшу и людей ево. И я тому посланцу подтвержал всячески и х контайше о том писал. И на те посланцов слова и совершенной знак был, что после того, спустя многое время, как Бухолц зачал город у Ямышева делать, те посланцы, собрав с ясашных людей контайшиных 50 быков, да 100 баранов, и отдали на салдат ему, господину Бухолцу, толко ж просили его, чтоб им позволил и продавать государевым людем скот и лошадей.

Но как учинили с нашей стороны у калмыков убивство, и оборони не дали, и пустили голос, что идут воевать контайшиных людей, також послал (// л. 219) господин Бухолц х контайше афицера Трубникова со известием. И написал х контайше, також и в наказе Трубникову, и словами сказать велел, что указ великого государя он имеет особливой и идет в Ыркеть по его государеву имянному указу, которой ему дан за печатью его царского величества. И велено де роспечатоть оной указ в Ыркете. И что в нем написано, того бутто он не ведает, что ему велено делать по тому указу.

И по такому разглашению мои слова калмыки, которые к миру были, с ними уничтожили, и учинилась война, и отступил он, господин Бухолц, и крепость раззорил, как о том по моим доношениям и по его отпискам известно.

А как я приехал в 716-м году и послал малых людей строить те крепости вновь, и в наказех написал именно тем посланным под смертию, чтоб отнюдь не ссорились с калмыками. А если от калмык кто прислан будет к ним или хотя и войною придут, то говорить велел им, что де мы присланы строить городы по указу царского величества, а воевать их, калмыков, и ссоры с ними им чинить отнюдь не велено, и не будем. И то явно, что в такой дальности и малыми людми и невеликим убытком после отступки Ивана Бухолца построено многия крепости по Иртышу уже в близости к Зайсану. И на Зайсане были посланные от меня дважды: в одно время 100 человек, в другое 200 человек[66], и никакой от калмык не видали себе противности, которой и до отбытия моего из Сибири не было. И грамоту великого государя о том же послал, что по его царского величества указу велено мне строить те крепости и по тому измешки никакой от них в строении городов не было в мое ведение.

А намерен я был промышлять до того места, где золоту быть сказавали, таким образом, что подселитца городами (// л. 219 об.) до вершин Иртыша реки. О чем явно и в прежде доношении моем к его царскому величеству. И намерен был для того у Ямышевской крепости зделать великое поселение и великим людством населить. Как уже и ныне немалое число людей поселено по отъезд мой в 717-м году с ___[?][67] человек было в той крепости, чтоб оттуда удобнее в дальные места для строения крепостей к промыслу посылать.

Також хотел на Зайсане или в близости от того озера в удобном месте зделать великой же город и населить великим людством. Також и промеж тех поселить малыя крепости для про-

---

[66] Имеется ввиду поход Ивана Калмыкова в 1717 г. и плавание капитана Инея в 1718 г.

[67] В тексте написана под титлом буква Г (3), но это явная ошибка. Возможно, под титлом: Р (100) или Т (300).

езду и караулу, как уже и поселено от Тары в 5-ти местах, не доходя Зайсана. И так бы, чаел, кончая не можно контайше и самому не искать миру или подданства у его царского величества, потому что в тех городех умножено бы было людей, провианту и амуниции и протчего. А воденого ходу калмыки перенять не могут, також и городов брать не могли ж, и имели бы от тех городов великую опасность, потому что с одну сторону по Иртышу городы государевы, а по другую от них сторону Казачья орда, с которами у них вечная ссора. А ведают, что у них (казахов. — *Авт.*) с нами в миру, и воевать их Казачья орда по указу великого государя всегда готовы. То как бы можно ему в тех местах стоять, но или бы в послушании, или в подданстве был, или откочевать бы в дальность за камень принужден таким образом. И стоять ему в близости городов, не в миру будучи, невозможно, потому что они, калмыки, крепостей никаких не имеют, кроме своих на степи юрт. (// л. 220)

А военным поведением итить к тому месту, не учиня того, не можно, потому что великие станут убытки и великия трудности от дальности и пустоты. Что явно потому, что Бухолцов поход во что стал, а ничего тем великим убытком не учинил. А после его невеликими убытками таким образом зделаны при мне выше помянутые, и люди в тех крепостях жили без всякой опасности от калмык. И на Зайсане озере посланные были дважды и возбранения им от калмык никакова не было.

<...>

На 11-й

Х контайше писывано по прежним обыкностям, и о том ведомо в Тоболской концелярии отпуски. Також и против посланной великого государя грамоты не разнился со оною. Також и в наказех посланным писали против посланной к нему грамоты.

[*Автограф Гагарина — скрепа по листам:*] Се ведение на 11 пунктах подал Матвей / Га/га/ри/н 1719 генваря 28 дня.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 214–220. Подлинник. Публикуется впервые.
Другие публикации документа: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39-5. С. 138–144. По копии из СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 122. Л. 244 об. — 248.

Документ № 69

***Между 1719 г. апрель — 1720 г. май.* — Рассказ капрала Московского полка Василия Бебякина на допросе в канцелярии И. М. Лихарева в Тобольске о плавании на озеро Зайсан в 1718 г.**

(л. 491 об.) Московского полку капрал Василей Бебякин сказал:

В 718-м году подполковник Ступин от Ямышевой крепости до Нор Зайсана озера посылал капитана иноземца Ивана Инея и салдат 200 человек, в том числе и он, Василей, для проведыванья пути водою вверх Иртыша реки и для осмотру лесов и пристойных мест, где б мочно построить по Иртышу реке крепости. И от Ямышева шли они вверх Иртыша реки до Зайсан озера на малых лотках. И по Иртышу реке леса есть по обе стороны берегов местами. А лес тополник, ветелник, ис которова лесу можно делать лотки малые. А шли до каменя утесу болшою вешнею водою 6 недель. Да через камень 6 дней. А от камня до Зайсан озера 3 недели.

(// л. 492) И прибыв к Зайсан озеру от усть Иртыша реки ездили в Зайсане озере близ берегов озера по обе стороны усть Иртышь реки верст по 30. И удобных мест к строению крепостей не нашли, потому что камень и песок, а лесов нет.

А Зайсан озеро великое, и з берегу на берег видить не можно, толко значит по другую сторону камень. А от Зайсан озера возвратились и плыли вниз до Ямышева тем же путем 2 недели. А бечевою меж теми каменными горами итить невозможно для того, что береги высоки, и в тех местах река глубока. А порогов он не видал, потому что шли болшою вешнею водою. А по збытии болшой воды по той реке пороги есть ли или нет, того не знает.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 491 об. — 492. Копия, включенная в отчёт И. М. Лихарева в январе 1721 г. Публикуется впервые.

Глава 18

Экспедиция на Чёрный Иртыш (январь – ноябрь 1719 года)

В январе 1719 г. началась новая глава сибирской истории: всесильный губернатор князь Матвей Петрович Гагарин был арестован в Санкт-Петербурге и официально отстранён от должности.

Почти сразу после ареста Гагарина Пётр I распорядился об отправке в Сибирь гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева. Офицер начал службу в лейб-гвардии Семёновском полку с 1700 г., участвовал во всех основных сражениях Северной войны, в 1707 г. Пётр I пожаловал его в капитаны, а в 1718 г. – в майоры[1]. Ещё в чине капитана Иван Михайлович в декабре 1717 г. вошёл в состав «розыскной комиссии» И. И. Дмитриева-Мамонова.

В фонде Кабинета Петра I сохранился черновик именного указа об отправке Лихарева в Сибирь с правками, сделанными самим монархом. Основой документа стал беловой текст, написанный канцеляристом на одной странице, очевидно, со слов царя:

«Указ маеору от гвардии господину Лихареву. Ехать тебе в Сибирь и там освидетельствовать по скаскам бывшаго губернатора Гагарина и подполковника Бухолца о золоте эркецком, подлинно ль оное есть. И от кого он, Гагарин, сведал, тех людей сыскать, также и других ведомцов (ежели сыщутца). И ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди, и там розведав, старатца сколко возможно, дабы дойтить до Зайсана озера. И ежели не будет какой от тамошних народов противности, то построить у Зайсана крепость и посадить людей.

А ежели, паче чаяния, усмотришь в том какую невозможность, что не будет ис того никакова плода кроме убытку, то салдат, которыя там в гварнизонах посажены, вывесть назад» (док. № 67).

Как видим, короткий указ касался исключительно сбора сведений об яркендском золоте («подлинно ль оное есть»?) и организации военного похода на озеро Зайсан, куда не смог дойти Бухолц. Достигнув Зайсана, Лихарев должен был попытаться построить там крепость. Вместе с тем в проекте указа содержалась оговорка, что посланец Петра сам вправе решать, будет ли государственная выгода от такого строительства. Если «не будет ис того никакова плода», то указ предписывал вывести войска из новых иртышских крепостей, фактически ликвидируя их.

В этот написанный набело начальный текст Пётр I своей рукой внёс исправления и дополнения (док. № 67). Во-первых, он изменил причины, по которым Лихарев имел право отказаться от строительства крепости на Зайсане. Теперь решение должно было зависеть не от сопротивления «тамошних народов», а от географических условий – характера берегов, наличия леса и т. п. Во-вторых, была вычеркнута фраза о возможности вывода гарнизонов из иртышских крепостей. Этот пункт царь заменил требованием «в газард не входить, чтоб даром людей не потерять и убытку не учинить». В-третьих, Пётр дополнил свой указ заданиями «проведывать о пути от Зайсана озера к Иркети» и выяснить возможность плавания от Зайсана до Аральского моря. В конце черновика указа уже другим почерком добавлен ещё один абзац с требованием попутно провести расследование о сдаче И. Д. Бухолцем Ямышевской крепости «и о протчих ево худых поступках».

Изучение рабочего варианта указа показывает, что он был написан Петром I не в связи с делом Бухолца и даже не в связи со злоупотреблениями Гагарина, расследованием которых уже более года занимался Лихарев. Об этом же говорит и довольно странная правка царём начала указа. Вместо фразы «Ехать тебе в Сибирь и там освидетельствовать по скаскам бывшаго губернатора Гагарина» Пётр написал: «Между тем же трудитца всеми мерами освидетельствовать

---

[1] И. М. Лихарев родился 8 февраля 1676 г., умер 20 декабря 1728 г. в Архангельске. См.: Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/72446/Лихарев (01.08.2015). Служебная биография И. М. Лихарева восстановлена С. Е. Черных в очерке «Посланец Петра Великого» (Черных С. Е. С берегов Иртыша. Алма-Ата, 1981. С. 20–24, 267).

по скаскам помянутого Гагарина» (док. № 67). Такая редакция определённо свидетельствует, что этот указ являлся дополнением к какому-то более раннему распоряжению царя, непосредственно касавшемуся именно «помянутого Гагарина».

Узнав о новом назначении, гвардии майор 17 января 1719 г. подал царю доношение с девятью вопросами и просьбами («пунктами»), связанными с предстоящей поездкой в Сибирь (док. № 70). Первые пять пунктов касались подготовки «для походу» вверх по Иртышу до озера Зайсан. В следующих двух пунктах Лихарев уточнял некоторые детали предстоящего ему следствия по делу опального губернатора М. П. Гагарина. Последние два вопроса были связаны с проездом в Сибирь и отчетностью о результатах деятельности в Тобольске.

Судя по этим вопросам, Лихарев к 17 января уже знал, что ему поручено совершить плавание вверх по Иртышу до озера Зайсан, возводя по пути российские крепости. Учитывая опыт Бухолца, майор сразу просил у царя разрешения «нынешней год пробыть в Тоболску, чтоб на будущей год ранее можно было, собрався, идти по указу». Следовательно, какой-то указ или устное распоряжение царя Лихарев уже имел.

Представляет интерес шестой пункт доношения: «Его царское величество изволил приказать о нем, Гагарине, сказывать в городех Сибирской губернии, что он, Гагарин, плут и недоброй человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть» (док. № 70). В рабочем варианте указа, сохранившемся в фонде Кабинета Петра I, о таком задании не говорится (док. № 67). На наш взгляд, это доказывает, что до подписания царём официального именного указа от 18 января 1719 г., Лихарев уже получил от монарха какие-то инструкции в связи с его командировкой в Сибирь.

18 января Пётр I подписал указ об отправке И. М. Лихарева. От выправленного царём черновика окончательный текст отличается лишь первой фразой: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшаго губернатора Гагарина о всем против данного тебе реэстру подлинно… как доброму и честному афицеру надлежит» (док. № 71). То есть к основной задаче — сбору сведений об яркендском золоте и походе на Зайсан — прибавилось проведение розыска о бывшем сибирском губернаторе. Под упомянутым в указе «реэстром», вероятно, надо понимать «реэстр», данный Петром I комиссии И. И. Дмитриева-Мамонова в декабре 1717 г., где обвинения против князя М. П. Гагарина были выделены в отдельный раздел[2]. Розыск об яркендском золоте не входил в задачу И. И. Дмитриева-Мамонова, сбор этих сведений поручался Лихареву[3].

На девять ранее поданных вопросов Лихарева Пётр I ответил только по первому пункту, собственноручно написав слово «Дать» напротив просьбы о включении в состав команды двух офицеров и двух сержантов из Семёновского и Преображенского полков, а также двенадцати солдат гвардейцев «для случающихся нужных посылок»[4]. Все остальные «пункты» кабинет-секретарь Макаров в тот же день, 18 января, передал в Сенат, предъявив вместе с ними именной указ царя и сообщив, что «царское величество указал по вышеписанному наказу и пунктам оного маеора отправить в Сибирь Правительствующему сенату»[5].

31 января 1719 г. последовал сенатский указ, в котором содержались распоряжения по всем вопросам, заданным гвардии майором царю[6]. На его просьбу «послать со мною одного капитана-инженера и при нем из Академии одного или двух учеников с инструменты, для подлиннаго описания тамошних мест, також и одного бомбардира» Сенат решил: «Капитана-инженера и учеников географических с инструменты из Академии двух, да двух бомбардиров дать, откуда надлежит»[7]. Так в команде Лихарева наряду с артиллеристами оказались два геодезиста, выбранные из учеников Морской академии — Иван Захаров и Пётр Чичагов[8].

---

[2] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 148.

[3] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 46. Л. 111.

[4] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 188. Опубликовано: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 5: 1713–1719. № 3284, с. 616.

[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 185. В оригинальной статье Г. Ф. Миллера на немецком языке передача указа Петра I в Сенат датирована 18 января (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg, 1760. S. 260). В русском переводе XVIII в. ошибочно указано 28 января (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Февраль. С. 127), та же неточность повторена в современном академическом переиздании (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 495).

[6] К девяти пунктам, поданным царю, Лихарев 26 января 1719 г. предъявил в Сенат дополнительный перечень из двенадцати пунктов (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 212–213 об.). В указе от 31 января речь идёт о вопросах, поданных 17 января и о первых десяти дополнительных вопросах, поскольку последние два пункта касались гвардейских офицеров. Подлинник сенатского решения: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 248–250 об. Опубл.: ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 3292, с. 622–623. Копия указа: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 127. Л. 253–254 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. СПб., 1885. Док. № 53-2, с. 185–188.

[7] ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 3284, с. 617; № 3292, с. 622.

[8] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 285–286; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 496. В кни-

В начале февраля решение Сената об отправке Лихарева было послано новому губернатору Сибири князю Алексею Михайловичу Черкасскому[9]. 9 февраля гвардии майор сам обратился к находившемуся в столице князю Черкасскому с просьбой выдать «от Сибирской губернии для онаго походу годоваго жалованья и на подъем», а также прогонные деньги на 109 подвод от Москвы до Сибири. К письму был приложен «реэстр» с перечислением всех участников лихаревского отряда[10]. Вскоре Иван Лихарев и с ним около пятидесяти человек офицеров, солдат, геодезистов, лекарей и канцеляристов-подьячих отправились в Тобольск[11].

7 апреля 1719 г. Иван Лихарев со своей командой прибыл в Тобольск[12]. Ещё в столице, понимая сложность подготовки к далёкому плаванию, гвардии майор предполагал, что «невозможно будет сим летом управитца судам и правиантом, и протчим приготовлением», и просил царя разрешить ему отложить военную экспедицию на Зайсан до весны 1720 г. (док. № 70). Он подчёркивал, что для плавания до озера Зайсан обычные речные суда, имеющиеся в Тобольске, «за мелкою водою не годятца», а постройка новых требует времени. Сенатский указ от 31 января давал гвардии майору право самому решить, какие суда надо построить в Тобольске. На просьбу о переносе сроков похода чёткого ответа Лихарев так и не получил. Сенаторы потребовали выполнения царского указа «со всяким поспешением, как возможно»[13].

В Тобольске, занятый следственными делами и организацией военного похода, Лихарев решил сначала отправить вверх по Иртышу небольшой отряд для знакомства с условиями плавания, обследования местности вокруг озера Зайсан и военно-топографического изучения доселе почти неизвестной территории.

Экспедицию на озеро Зайсан в 1719 г. Лихарев рассматривал как часть подготовки своего военного похода в верховья Иртыша, намеченного на весну следующего года. Чтобы предстоящее длительное плавание было успешным, нужна была гидрологическая информация о водном пути: ширина и глубина реки, скорость течения, характер берегов, возможность идти бечевою, наличие порогов и других опасных мест.

Весной 1719 г. неразрешимым оставался вопрос: на каких судах можно подняться до Зайсана? В 1717–1718 гг. смельчаки из отряда Ивана Калмыкова и посланцы Прокофия Ступина проплывали по Иртышу от Зайсана до Ямышевской крепости «на малых лотках»[14]. Лихарев справедливо предполагал, что, если построить в Тобольске дощаники, то выше Семипалатной крепости они могут стать бесполезны. «Такие суды к тому походу строить опасно, чтоб вашего величества казне напрасной траты не учинить», — писал он Петру I в сентябре 1719 г.[15] Требовались какие-то иные «лехкие суда», приспособленные для плавания в верхнем течении Иртыша и, вероятно, уже опробованные капитаном Инеем в 1718 г.

Вторым важным вопросом, ответ на который должна была дать организованная Лихаревым экспедиция, был выбор мест для строительства будущих крепостей в верховьях Иртыша. Все очевидцы, поднимавшиеся до Зайсана в 1717–1718 гг., сообщали, что «удобных мест к строению крепостей нигде не нашли, потому что камень и пески, а лесов нет» (док. № 60, 69). Для возведения защитных укреплений и жилых построек необходим лес. Одной из задач плавания 1719 г. стало описание и оценка лесных ресурсов в прибрежной полосе. С учётом этого требовалось определить места, удобные для фортификации.

Помимо записей о гидрологическом режиме Иртыша и о характере лесов по берегам, инструкция Лихарева предписывала начальнику экспедиции: «И тому капитану от Семиполатной крепости до Зайсана озера осмотреть и описать по реке Иртышу: какие берега и где камень или пески или леса; и какие удобные места к строению городов; <…> и какие реки в Ыртышь реку пришли, и с которой стороны, и сколь велики и глубоки. Также и Заисан озеро: сколь велико, и не впали ль в то озеро какие реки, и из него не выш-

---

ге Л. А. Гольденберга и А. В. Постникова «Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы» фамилия Чичагова написана с инициалами: П. И. Чичагов (М., 1990. С. 30), однако авторы не дали ссылки на источник сведений об отчестве геодезиста.

[9] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 127. Л. 253–254. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-3, с. 189–191.

[10] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 128–129. Л. 255–257. Цит. по.: Там же. Док. № 53-4, с. 191–193.

[11] С. Е. Черных, ссылаясь на материалы РГАДА (ф. 248, оп. 7, кн. 373, л. 432–449 и др.) перечислял 51 человека, которые были отправлены вместе с Лихаревым (Черных С. Е. Посланец Петра Великого // Черных С. Е. С берегов Иртыша. Алма-Ата, 1981. С. 13; Черных С. Е. Посланцы Петра Великого // Прииртышье моё. Омск, 1988. С. 146).

[12] РГАДА Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 41. Л. 358.

[13] ПСЗ РИ-1. Т. 5: 1713–1719. № 3292, с. 622.

[14] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 488–492. Об этом кратко и не совсем верно: Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 113–115; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. С. 491; Черных С. Е. С берегов Иртыша. Алма-Ата, 1981. С. 15.

[15] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 337 об. Вопрос о типе речных судов, которые предстояло построить для похода, Лихарев задавал царю ещё в январе, сразу же после получения указа об отправке в Сибирь (ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 3284, с. 617, пункт 4).

ли ль; и кругом того озера какие берега: лес или камень или пески; и куда оное озеро подалось; и есть ли удобные места, где построить крепости; и от того озера леса сколь далеко, и много ли того лесу; и нет ли около того озера контайшиных подданных какого жилья»[16].

Как видим, перед участниками плавания ставилась задача подробного географического описания ещё не изученного района Алтая. Одновременно предполагалось составление карты, что позволяет характеризовать экспедицию как военно-топографическую.

«Маия 9-го дня, как лёд вскрылся»[17], из Тобольска в Семипалатную крепость выехали по заданию Лихарева «порутчик Сомов, да от гвардии сержант, 2 человека салдат, пушкарей 3 человека, да навигатор» — один из двух прибывших в команде гвардии майора геодезистов, фамилия которого в документах не названа. «А из Семиполатной крепости подполковнику Ступину велено отправить к Зайсану озеру водою на лехких судах капитана и помянутого порутчика с посланными, дав им салдат от 100 и до 200 человек, и от алтилерии для охранения малых пушек по разсмотрению»[18].

Пока небольшой отряд под командой поручика Степана Сомова[19] плыл вверх по Иртышу к Семипалатной крепости, оставшийся в Тобольске Лихарев решил отправить к хунтайджи посланника с письмом, в котором он объяснял ойратскому правителю цели будущего плавания. «А ныне по имянному его царского пресветлого величества указу для прииску серебреных, и медных, и золотых руд и для умножения с вами торгов велено мне зделать по реке Иртышу городы, а ваши улусы воевать не велено» (док. № 72).

Уже зная содержание «листа» Цэван-Рабдана, привезенного в 1718 г. Григорием Вильяновым, Лихарев не соглашался с утверждением, «бутто полковник Иван Бухолц город построил в вашей землице», и требованием хунтайджи снести Ямышевскую крепость. «И то вы пишите напрасно, — отвечал гвардии майор. — Полковник Бухолц в вашей землице города не страивал, а построил город близ Ямышева озера подле Иртыша реки на государевой земле. А государева земля и до вершин Иртышских».

Настаивая на российской принадлежности земель Верхнего Прииртышья, Лихарев сообщал, что царь разрешил подданным хунтайджи пользоваться этими землями и «нам ссылать не указал, а велено с твоими подданными жить в любви и в союзстве, и меж себя торги иметь».

В конце послания И. М. Лихарев пытался убедить Цэван-Рабдана, что за лояльное отношение к строительству российских городов по Иртышу и «потребное вспоможение» царь сможет защитить хунтайджи от внешних врагов.

Посланником в Ургу был назначен тарский дворянин, казачий голова Иван Дмитриевич Чередов, который уже ездил к Цэван-Рабдану в 1713 г. 28 июня Чередов получил наказ[20] и письмо Лихарева. В тот же день он и его спутники отплыли в Тару[21]. Оттуда на лошадях отправились через Барабинскую и Кулундинскую степи к верховьям Иртыша. 4 сентября отряд «прибыл на Иртыш реку, на теленгуцкой плавеш, в новопостроенную в Убинскую крепость». После переправы на левый берег Иртыша путь отряда лежал на юг, к перевалу Хамар-Дабану («Камар Табану»), где 23 сентября их встретил «контайшин караул» (рис. 48). В Ургу И. Д. Чередов прибыл «за крепким караулом» 11 октября 1719 г. Там ему пришлось более месяца ожидать аудиенции «на чистой степе на безводном и на бездровном месте» (док. № 75).

К тому времени закончилась разведывательная экспедиция на озеро Зайсан, длившаяся более двух месяцев. Сохранились две копии путевого журнала этого плавания, посланные осенью 1719 г. царю и в Сенат (док. № 73). Благодаря им становятся известными подробности первого проникновения русских на Чёрный Иртыш.

По распоряжению И. М. Лихарева подполковник Ступин должен был назначить руководителем плавания капитана из Семипалатной крепости. Возможно, это определялось тем, что «в 718-м году подполковник Ступин от Ямышевой

---

16 РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 508 об.

17 РГАДА Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 359.

18 РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 508 об. В составленной в Тобольске ведомости указано: «Послано в Семиполатную крепость с порутчиком Сомовым три пушки чюгунные малинкие на станках и на колесах, с шухлы. По калиберу ядро по четьверте фунта» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 394 об.). Шухлы (точнее, шуфлы) — медные совки для заряжания пушек (Тучков С. А. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в российском сухопутном войске употребляемые. М., 2008. С. 387).

19 Имя поручика Сомова указано в списке отправленных с Лихаревым из Санкт-Петербурга (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 129. Л. 255 об.–257. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-4, с. 193).

20 Копия с оригинала, сделанная в Тобольске, хранится в РГАДА (ф. 248, оп. 4, кн. 156, л. 603–606). Вероятно, с тобольской копии в столице была выполнена ещё одна копия, сохранившаяся в РГАДА в фонде «Зюнгорские дела» (ф. 113, оп. 1, 1719 г., д. 1, л. 2–8 об.). По этому документу наказ был опубликован в сборнике: Международные отношения в Центральной Азии: документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. Док. № 95, с. 246–250.

21 Оригинал списка того, что дано «Ивану Чередову на росходы», и перечень его спутников, назначенных в Тобольске, хранится: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 393–393 об. Копия имеется в выписке Канцелярии Сибирской губернии «по делу лейб-гвардии майора Лихарева» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 142. Л. 269 об.–285. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-6, с. 196).

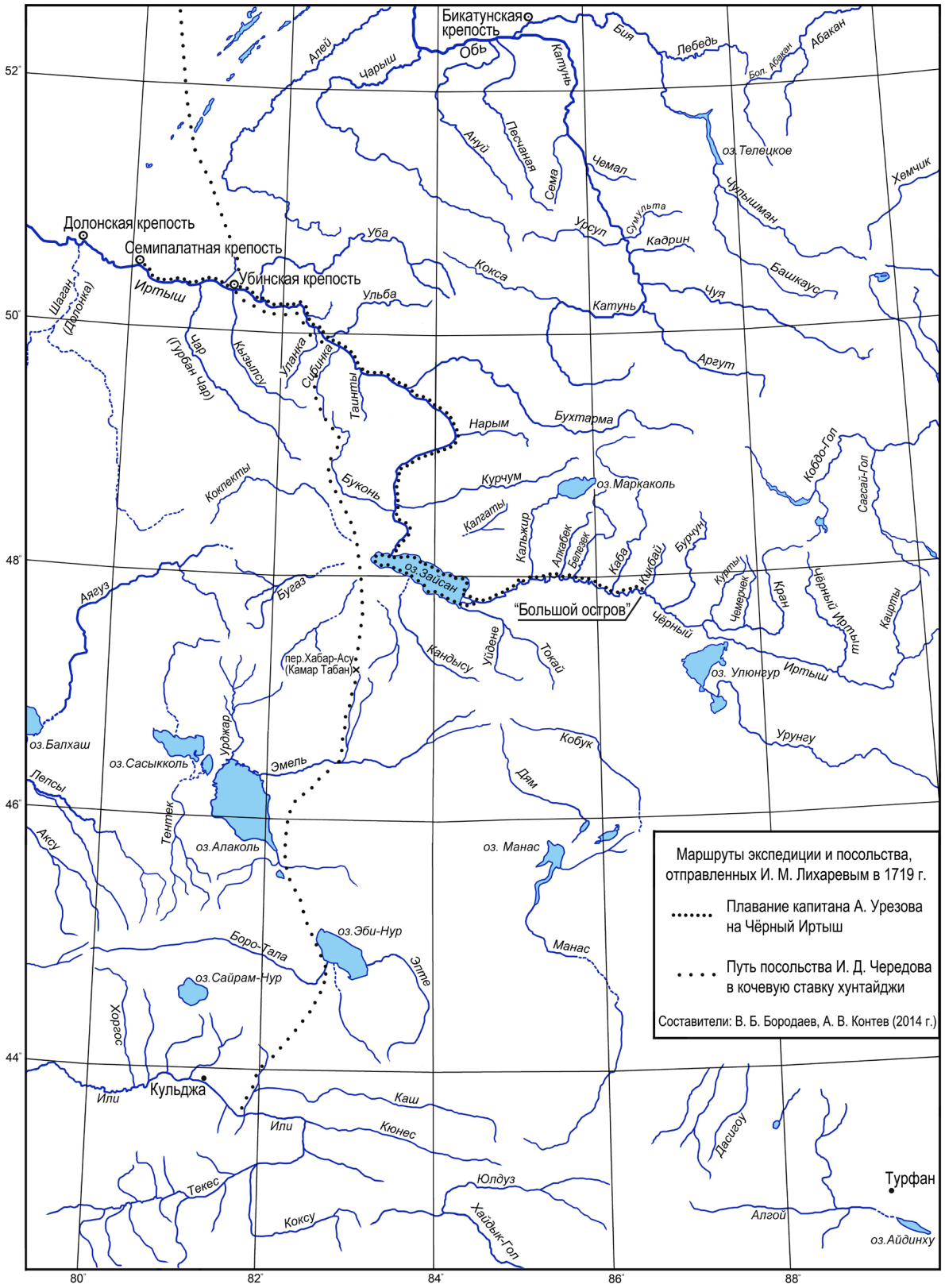


Рис. 48. Маршруты плавания на Чёрный Иртыш капитана Урезова и поездки в Ургу И. Д. Чередова в 1719 г. В скобках указаны некоторые названия по документам первой половины XVIII в.

крепости до Нор Зайсана озера посылал капитана иноземца Ивана Инея и салдат 200 человек» (док. № 69). К маю 1719 г. иноземец капитан Иней был единственным российским штаб-офицером, который во главе военного отряда уже поднимался на лодках до озера Зайсан. Однако в новое плавание Ступин по каким-то причинам отправил не его, а другого офицера, который в статье Г. Ф. Миллера назван «Hauptmann Andrei Urassow», далее эта фамилия упомянута в статье ещё трижды[22]. По-русски она могла звучать как Урасов или Юрасов. Варианта Urussow в немецком оригинале нет. В русскоязычной статье 1760 г. «капитан Андрей Урасов» дважды назван Урусовым[23]. При академическом переиздании работы Г. Ф. Миллера в 2005 г., по словам составителей, «в её тексте устранены лишь опечатки и неточности на основании сверки с текстом этой статьи, опубликованной Миллером»[24]. К сожалению, издатели воспроизвели не перевод Миллера, напечатанный автором в «Ежемесячных сочинениях» в 1760 г., а текст, переизданный в 1785 г. Михаилом Дмитриевичем Чулковым (1743–1792) с многочисленными мелкими погрешностями[25]. В частности, «капитан Андрей Урасов» назван в перепечатке во всех случаях «Урусовым»[26], что явно противоречило авторской версии[27]. Возможно, такое искажение появилось по ассоциации с поручиком князем Урусовым, отправленным в марте 1718 г. для осмотра старого русла реки Аму-Дарья[28]. Между тем в двух сохранившихся копиях путевого журнала, выполненных в 1719 г. для царя и Сената, назван «господин капитан Урезов»[29].

24 июля экспедиционный отряд под командованием капитана Андрея Урезова отправился из Семипалатной крепости в плавание вверх по Иртышу. Документальных сведений о числе лодок и количестве людей нам не известно. Г. Ф. Миллер указывал, что в отряде Урезова было 200 человек солдат («200 Mann Soldaten»), для которых «построено при Ямышеве 20 больших плоскодонных лодок, дабы по мелким местам Иртыша было итти без препятствия»[30]. В русских изданиях 1760 и 2005 гг. в результате опечатки число солдат уменьшено в десять раз[31]. Однако в путевом журнале Урезова отправной точкой плавания названа Семиполатная крепость (док. № 73). Лодки для экспедиции 1719 г., судя по всему, также строились не в Ямышевской, а в Семипалатной крепости. При этом в статье Г. Ф. Миллера ничего не сообщается об экспедиции 1718 г., организованной Прокофием Ступиным, когда именно из Ямышевской крепости были отправлены на лодках до озера Зайсан 200 человек под командованием «капитана иноземца Ивана Инея». Для такой команды как раз и нужно было построить двадцать лодок. Не объединил ли Г. Ф. Миллер сведения об экспедициях 1718 и 1719 гг.?

Вверх по течению плыли на вёслах либо шли «бечевою», то есть тянули лодки на веревках. 28 июля отряд поднялся по Иртышу до участка, «в котором месте построена Убинская крепость» (рис. 48). 4 августа достигли Алтайских гор — лодки «в камень вошли». Через пять дней отряд вышел к устью Бухтармы, где «стояли на острову 2 сутки для печения хлебов». 12 августа плавание было продолжено «на гребях и бечевою», а при возможности и под парусом. «И пришли к Нор Зайсану озеру августа 21 числа». С 21 августа по 5 сентября они обследовали озеро и нижнее течение впадающей в Зайсан реки Чёрный Иртыш. Если на берегах Зайсана россияне к тому времени уже бывали, то с Чёрным Иртышом российские военные знакомились впервые. От озера флотилия Урезова девять суток поднималась вверх по ещё не известной реке. По пути, на южном берегу Чёрного Иртыша им встретились кочевавшие там «контайшины люди, и розговор с ними имели». От местных жителей удалось узнать название одного из встреченных ими притоков Чёрного Иртыша: «Сказали контайшины кочевныя калмыки: звание той речке Кабан». От устья этого притока отряд Урезова поднялся «до болшаго острова», который стал крайней точкой долгого путешествия.

«Речка Кабан», отмеченная Урезовым, — это, несомненно, река Каба, впадающая в Чёрный Иртыш в 130 км от озера Зайсан. Устье следующего крупного притока Чёрного Иртыша — реки Бурчун — расположено примерно в 60 км от реки Каба. Поскольку эту реку Урезов не упоминает, «большой остров» находился где-то между Кабой и Бурчуном. «А признаваем, от Нор Заисана до болшаго острова шли верст з 200», — писал А. Урезов. С учётом извилистости русла путь по

---

22 Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… St.-Petersburg, 1760. S. 258, 259, 263, 264.

23 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 126, 130.

24 Батьянова Е. П., Вайнштейн С. И. От издателей // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 6.

25 Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. Т. 3. Кн. 1. М., 1785. С. 410–478.

26 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 125; Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции Т. 3. Кн. 1. М., 1785. С. 466.

27 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. С. 495–496.

28 ПСЗ РИ-1. Т. 5: 1713–1719. № 3177, с. 549–550.

29 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 348; Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 621.

30 Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… St.-Petersburg, 1760. S. 258.

31 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 125; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 495.

Чёрному Иртышу до р. Каба мог составлять около 160 км. Следовательно, большой остров, вероятно, располагался примерно на полпути между устьями рек Каба и Бурчун.

Оттуда 1 сентября началось плавание вниз по Иртышу. На обратном пути лодки прошли вдоль южной стороны озера Зайсан для обследования его берегов и выбора места, пригодного для строительства крепости. На южном берегу было замечено «кочевье контаишиных людей», однако для крепостного строительства места оказались неудобными. 5 сентября лодки Урезова из озера «вышли в устье нижнего Иртыша» и, минуя Убинскую крепость, «сентября 20 числа поутру рано пришли в Семиполатную крепость». В Тобольск посланцы Лихарева вместе с капитаном Урезовым возвратились 15 октября (док. № 73).

Экспедиция 1719 г. на озеро Зайсан полностью выполнила поставленные перед ней задачи. Она имела не только военно-практическое, но и научное значение. По ходу движения велось описание реки Иртыш, ее берегов, островов, глубины и скорости течения воды; были проведены систематические гидрологические замеры и фактически составлена первая лоция Верхнего Иртыша.

В походе прошёл проверку новый тип речных судов — больших гребных лодок с парусом, вмещавших более десятка человек. Именно на таких лодках повёл свой отряд от Семипалатной крепости на Зайсан сам гвардии майор Лихарев в 1720 г. «Сии лодки с того времени между верхними крепостями по реке Иртыше завсегда в употреблении остались, и в память отправленных путешествий по озеру Сайзану сайзанками названы», — специально отмечал Г. Ф. Миллер[32]. Слово «зайсанка» бытовало на юге Западной Сибири и в XIX в., оно зафиксировано в словаре В. В. Даля[33].

Изучив местность по берегам Иртыша выше реки Убы, экспедиция 1719 г. наметила места для возведения будущих российских крепостей. В путевом журнале капитана Урезова удобными для крепостного строительства названы:

Во-первых, место на устье реки Ульбы (названия которой русские тогда ещё не знали): «Меж речкою Убою и Камнем, вверх идучи, на левой стороне места хорошие к строению крепости. И близ того места луга, и вышла из степи малая речка, а как зовут, того нихто не знает. А прошедши то место вверх ходу до вышеозначенных частых островов, на правой стороне також де места хорошие и равные и есть луга. А оное место удобное к строению крепости».

Во-вторых, место около устья реки Бухтармы: «Речка Бухтурма вышла с левой стороны у самого Камени… Лес по ней тополник и осокорник и ветелник толстой и средней, от берега шириною сажен на 100 и на полверсты, и к строению тот лес годен у той речки по берегам и по займищам. Против устья оной речки, на правой стороне Иртыша реки, луга. К строению крепости место удобное».

В-третьих, место на большом острове реки Чёрный Иртыш, примерно в 200 верстах выше озера Зайсан: «А выше того острова на левой стороне есть лес тополник изретка, и из оного лесу можно с нуждою набрать к строению малую крепость. А на оном острову к построению крепости место удобное. А шириною и длиною по версте. И на том острову лес неболшей реткой. А лугов и пашен нет»[34].

В первом из выбранных мест, у начала отрогов Алтая, уже осенью следующего 1720 г. возникла Усть-Каменогорская крепость[35]. В конце XVIII в. была возведена и Бухтарминская крепость[36] — примерно там, где рекомендовал в своём путевом журнале капитан Урезов. Проект крепостного строительства на Чёрном Иртыше остался на бумаге. Хотя и декларировалось, что

---

[32] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 130. «Сайзанки» — неверный перевод слова «Saisanki» из немецкого текста (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… St.-Petersburg, 1760. S. 263). Правильно — зайсанки.

[33] Зайсанг // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В. И. Даль указывал, что грузоподъёмность лодки-зайсанки определялась в 80 пудов (примерно 1300 кг).

[34] РГАДА Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 622, 622 об., 624 об.

[35] Там же. Л. 461 об.

[36] На карте, отражающей ситуацию лета 1792 г., на правом берегу Бухтармы, выше устья речки Селезневской поставлен знак крепости и помещён комментарий: «При сем месте назначен редут Усть-Бухтарминской», а в экспликации пояснено, что Бухтарминский редут «при устье реки Бухтармы, которой и строится». Однако на той же карте ниже устья реки Селезневской, ближе к Иртышу, поставлен ещё один знак крепости и подписано: «Бывшая кре. Бухтарминская» (РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 479. Опубл.: Контев А. В. Освоение Российским государством приграничных районов Алтая и Верхнего Прииртышья в XVIII веке // История Казахстана и России в документах: Прииртышье и Приобье в XVIII — начале XX в. Барнаул; Павлодар, 2013. Док. 96, с. 241). О времени возведения этой «бывшей крепости» у нас сведений нет. А. Ю. Огурцов писал, что в 1785 г., в соответствии с указом Екатерины II, «сибирские власти решили возобновить временную защиту в устье Бухтармы, „не делая никаких поправок“, чтобы не провоцировать китайцев, а также восстановить редут на переправе через Иртыш в четырех верстах южнее» (Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в.: дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1990. С. 155. Автор ссылается на: ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 255. Л. 26, 32–32 об.). В 1792 г. решение о строительстве Усть-Бухтарминского редута принималось самой императрицей Екатериной II. Указанная выше карта была приложена к протоколу Государственного совета от 18 октября 1792 года (Архив Государственого совета. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1796 гг.). Ч. 2: Отделение юридическое. СПб., 1869. Стб. 128, 131–132).

всё течение реки принадлежит Сибирскому царству и расположено «на государевой земле» (док. № 72), российскими верховья Иртыша так и не стали.

Впервые в истории Западной Сибири военную рекогносцировочную экспедицию сопровождал «навигатор», то есть профессиональный геодезист-топограф, обученный в Морской академии в Петербурге и снабжённый инструментами, которые позволяли производить астрономические наблюдения, определять географическую широту места. Геодезист, плававший с Урезовым, составил достоверную карту течения Иртыша выше Ямышевского озера и нанёс на неё построенные русские крепости. Впервые озеро Зайсан было зафиксировано на российском чертеже по результатам натурных наблюдений.

В письме Петру I от 16 ноября 1719 г. Лихарев сообщал царю: «И оные посланные от Зайсана в Тоболеск прибыли октября 15-го числа. А что оные посланные учинили, о том до вашего величества послал я подлинное ведение и карту… лейб гвардии с капитаном порутчиком князем Шаховским. Да ис посланных, которые посланы были от меня к Зайсан озеру, от гвардии сержанта да новигатора» (док. № 74).

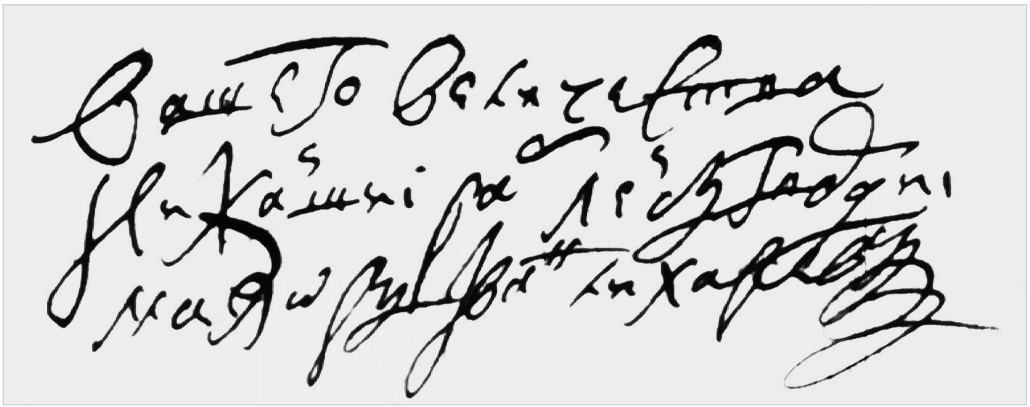
В том же доношении Лихарев писал, что ещё весной 1719 г. он отправил приказ подполковнику Ступину, находившемуся в иртышских крепостях, с требованием «итти ему из Семиполатной крепости вверх Иртыша реки и по усмотрению ево, где надлежит, построить вновь крепость». В октябре вернувшаяся с верховий Иртыша экспедиция привезла Лихареву уведомление от Ступина, что такая крепость построена «по реке Иртышу у речки Убы, не дошед камени и быстрых вод за полсема дни» (док. № 74)[37]. Последней фразой Ступин пояснял, что новая Убинская крепость отстоит от «камени и быстрых вод», т. е. от Алтайских гор, в шести с половиной днях пути.

По сведениям Г. Ф. Миллера, который в 1734 г. побывал в тех местах на берегах Иртыша, Убинская крепость располагалась в 90 верстах от Семипалатной и 20 верстах ниже устья реки Убы[38]. Однако, судя по записям капитана Урезова, новое укрепление находилось на более значительном расстоянии от устья Убы, ближе к реке Шульбе (рис. 48). При этом длительность пути по Иртышу от Убинской крепости до гор полностью соответствует тому, что указывал Ступин (плыли «пол 7 дни бечевою» с 29 июля по 4 августа — см. док. № 73).

Таким образом, через четыре года после начала военного продвижения вверх по Иртышу огромные степные пространства были почти пройдены, до Алтайских гор оставалось менее одной недели плавания.

[37] Письма аналогичного содержания И. М. Лихарев отправил в тот же день в Сенат, секретарю Кабинета Петра I Алексею Макарову (ГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 462–463; Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 364–365), а также адмиралу Ф. М. Апраксину (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 184. Л. 49–49 об.).

[38] Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… St.-Petersburg, 1760. S. 259–260; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 126. В перепечатке М. Д. Чулкова и академическом переиздании 2005 г. в тексте Миллера цифры заменены числительными и ошибочно указано расстояние: «в девяти верстах от Семипалатной» (Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. Т. 3. Кн. 1. М., 1785. С. 467; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 495).



Автограф Ивана Лихарева на письме Петру I из Тобольска: «Вашего величества нижайший раб лейб гвардии маэор Иван Лихарев». 1719 г.

Документ № 70

1719 г. января 17. **– Доношение гвардии майора И. М. Лихарева Петру I, содержащее вопросы о его будущей поездке в Сибирь, с последующими резолюциями царя и Сената**

(л. 188) Копия

Его царскому величеству доношение

1. Чтоб для посылки в Сибирь со мною указано было мне дать Семеновского полку капитана порутчика Шаховского, да ис Преображенского полку одного обор афицера да двух ундер афицеров и двенатцать человек салдат для случающихся нужных посылок.	[*В копии написано другим почерком:*] Против сего пункта приписано царского величества собственною рукою: Дать.
2. Ежели будет нужда в салдатех (// л. 188 об.) драгунах, лошадях для походу, и для дела крепостей, и оставливания во оных, также в воинских припасах, в правианте, в мундире, в оптеке и лекарях, оной откуды его царское величество укажет требовать. А в Сибири ни аптеки, ни лекарей нет.	[*Резолюция, написанная другим почерком, бегло*:] Справитца о бухолцове наряде и отправлении, и выписать ис поданных об ево в Сибири бытности из губернии Сибирской доношеней и изо всех о том деле ведомостей, какие в Сенате есть. А чего об оном нет, о том взять ведение у господина Гагарина /и у Бухолца/. А имянно: какими людми он делал крепости и какое ему в Сибирской губернии отправление было, и как отправлялось при нем, Бухолце, и после ево, и как ныне намерение об оном у князя Гагарина было положено.
3. Подполковника Бухалца изволит ли его величество взять мне с собою в Сибирь. И ежели бог поможет мне до Зайсана озера доитить, и там (// л. 189) построю крепость, то во оной, також и в протчих крепостях, и над войском кому приказать команду, понеже мне велено оттоль возвратитца.	
4. Понеже сказывают, что от Семи Полатной крепости до Зайсана озера те суды (которые ис Тоболска до той крепости ходят) за мелкою водою не годятца, и для того чтоб царское величество указал делать потребныя для того пути суды в Тоболску. И буде (// л. 189 об.) невозможно будет сим летом управитьца судам, и правиантом, и протчим приготовлением, то изволит ли его царское величество нынешней год пробыть в Тоболску, чтоб на будущей год ранее можно было, собрався, итти по указу.	
5. Понеже там в войске инженера никакова нет, також и бомбардир, которой там был, сказывают, что умер, того для прошу, чтоб царское (// л. 190) величество указал послать со мною одного капитана инженера и при нем из академии одного или двух учеников с ынструменты для подлинного описания тамошних мест, також и одного бомбардира.	
6. Его царское величество изволил приказать о нем, Гагарине, сказывать в городех Сибирской губернии, что он, Гагарин, плут и недоброй человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть, а будет прислан на ево место иной. И сие об нем, Гагарине, (// л. 190 об.) писменно или словесно объявить.	
7. Ежели на него, Гагарина, в городех Сибирской губернии будут подавать челобитныя и доношении, то прошу, чтоб его царское величество такие дела изволил приказать иному. Також дабы и из Сената ни о каких делах (кроме положенных на мне) указов не присылали, дабы я от того не имел препятия в положенных (// л. 191) на мне его величества нужнейших делех.	

8. За подводы мне под себя и под них прогоны, также и на пропитание мне и им, откуды повелено будет брать.	[*Тем же почерком, что и резолюция к пункту 2:*] Спросить Бухолца, что ему для посылки ево дано жалованья и чем он тамо содержан.
9. О всех делах, которыя (// л. 191 об.) будут происходить, куды мне его царское величество укажет писать, и откуль указов требовать.	

Подлинное доношение за рукою маеора Лихарева.

Генваря в 17 де[нь] 719-го году.

[*Подпись:*] Правил Петр Елесов.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 188–191 об. Копия, снятая с оригинала в Сенате в январе 1719 г. Резолюции на пункты 2 и 8 подлинные.

Ранее опубликовано: ПСЗ РИ-1. Т. 5: 1713–1719. № 3284, с. 616–617 (отсутствуют резолюции Сената на пункты 2 и 8).

Документ № 71

1719 г. января 18. — Именной указ Петра I гвардии майору И. М. Лихареву об отправке его в Сибирь

(л. 186) Копия.

Указ маеору от гвардии господину Лихареву

Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшаго губернатора Гагарина о всем против данного тебе реэстру подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но как доброму и честному афицеру надлежит.

Между тем же трудитца всеми мерами освидетелствовать по скаскам помянутого Гагарина и подполковника Бухолца о золоте эркецком, подлинно ль оное есть. И от кого он, Гагарин, сведал, тех людей сыскать, также и других (// л. 186 об.) ведомцов (ежели сыщутца). И ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди, и там, розведав, старатца сколько возможно, дабы дойтить до Зайсана озера. И ежели туды дойтить возможно и там берега такие, что есть леса и протчие потребности для жилья, то построить у Зайсана крепость и посадить людей.

А как туды едучи, так и построя крепость, проведывать о пути от Зайсана озера к Иркети, сколко далеко и возможно ль дойтить. Также нет ли вершин каких рек, которые подались (// л. 187) к Зайсану, а впали в Дарью реку или в Аралское море[39].

Сие все чинить сколко возможно, а в газард не входить, чтоб даром людей не потерять и убытку не учинить.

Также розыскать о подполковнике Бухалте, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, также и о протчих ево худых поступках освидетелствовать. И о том о всем, что тебе к тем делам будет потребно, Сибирской губернии к лантратом и протчим управителем послушной указ послан.

У подлинного указу приписано царского величества собственною рукою тако: Петр.

В Санкт-Питербурхе

Генваря в 18 де[нь] 719 году.

[*Канцелярская помета:*] Подлинной указ отдан ему, Лихареву, по-прежнему.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 186–187. Копия, снятая с оригинала в Сенате.

Ранее опубликовано: ПСЗ РИ-1. Т. 5: 1713–1719. № 3284, с. 616–617; Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-1, с. 182–183 (по копии Г. Ф. Миллера из СПФ АРАН); Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. Док. № 94, с. 245–246 (по ПСЗ РИ-1).

[39] В копии Г. Ф. Миллера фраза заканчивается иначе: «а впали в Дарью реку или в Аралское Варяжское море» (Памятники Сибирской истории. Кн. 2. СПб., 1885. С. 183).

Документ № 72

1719 г. июня 28. **— Грамота гвардии майора И. М. Лихарева, посланная к ойратскому правителю Эрдени Зоригту-хунтайджи (Цэван-Рабдану) с обоснованием территориальных претензий России на верхнее течение Иртыша и обещанием покровительства от неприятелей, если он не будет мешать строить города**

(л. 630) Копия с листа.

Божиею милостию великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержец, Московский, Киевский, Владимерский, Новгороцкий, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вяцкий, Болгорский и иных государь, и великий князь Нова Города низовские земли, Черниговский, Резанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кандинский и всеа северныя страны повелитель, и государь Иверские земли, карталинских и грузинских царей и Кабардинские земли, черкаских и горских князей, и иных многих великих государств, и земель восточных, и заподных, и северных отчич, и дедич, и наследник, и обладатель.

Его царского пресветлого величества лейб гвардии маэор Иван Михайлович Лихарев

Калмыцкому Эрдени Жюрыхту контайше.

В минувшем 714-м году указал его царское величество по имянному своему государеву указу (// л. 630 об.) для прииску всяких рудознатных мест, где искать серебреные и медные и золотые руды, зделать по реке Иртышу городы.

А понеже великий наш государь, его царское величество, уведомился, что вы, контайша, с улусными своими людми близ тех помянутых мест жилища свои имеете, того ради его царское величество всемилостивейше о вас желал, дабы вы в строении тех городов, которые по его царского величества изволению ближней боярин и сибирской губернатор князь Матвей Петрович Гагарин для прииску разных руд имеет строить, никакой помешки не чинили, и с посланными от него, боярина, его царского величества людми никаких ссор своим людем иметь не велел[и].

Но наипаче б по желанию по писмам того губернатора, посланным от него, потребное вспоможение чинили. И чего он требовать от вас будет, то исполняли, потому что он от его царского величества о всем полной указ имеет.

(// л. 631) Того ради великий государь наш, его царское величество, милосердуя о вас, желая, чтоб вы також, как и хан Аюка и протчие калмыцкие владелцы, у его пресветлого царского величества в милости прибывали, позволил вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь свободно, хотя оные и к Сибирскому его царского величества царству принадлежат.

И в прошлом 715-м году ис походу из Вамстердама от его царского величества к помянутому боярину и губернатору прислана[40] великого государя грамота. Которую грамоту получа, он, губернатор, в прошлом 717-м году послал к тебе, контайше, з драгуном Максимом Бровкиным. Что ежели вы будете пребывать смирно и никакова препятия в строении городов, и приискании руд, и в протчем чинить не будите, то б отнюдь с тех земель не высылали. И как вам, контайше, також и всем улусным людем никакого разорения и обид от подданных его царского величества людей отнюдь не было б, но наипаче б вас и от посторонних ваших неприятелей велеть оборонять и охранять. О том о всем ноимилостивое[41] слово его царского пресветлого величества вам, контайше, и всем улусным вашим объявлено.

(// л. 631 об.) Также в прошлых 716-м и 717-м годех его царского пресветлого величества ближней боярин и сибирской губернатор князь Матвей Петрович Гагарин вам, контайше, писал же, что его царское величество, великий наш государь, посланным своим людем, которые для гордового строения и для прииску всяких руд посланы были, приказал он им, чтоб с людми твоими ссор отнюдь не чинили, и жили б во всяком миру, и торги б промеж себя имели. И естли от кого людей царского величества какая произойдет ссора за что с людми твоими, чтоб про то розыскивали пересылками. А чтоб ссоры отнюдь ни за что не чинить. И о том им от него, губернатора, заказано было накрепко.

---

[40] Так в тексте. Правильно: «послана». См. Наказ Григорию Вильянову 1717 года, в котором говорилось: «Ныне получил он… Гагарин… к тебе, контайше, грамоту, которая послана к тебе из его государева походу в прошлом 715 году»: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 56. Л. 154–157. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 47, с. 174.

[41] Очевидно, следует читать: «наимилостивое».

И по вышеозначенному его царского пресветлого величества имянному указу в прошлом 715-м году послан был для строения городов по реке Иртышу подполковник Иван Бухолц. А как ему против указу великого государя наряжена та посылка, и от тебя, контайши, были присланы в Тоболеск посланники заисан Эрке Тарсахой, Гендул Дундуков. (// л. 632) И о той посылке тем посланником сказывали, что те люди, подполковник Бухолц, посылаетца со служилыми людми не для военного дела, но точию для дела городов против указу великого государя.

И в том же 715-м году по указу великого государя тот подполковник Бухолц зделал город близ Ямышева озера над рекою Иртышем. И был он со служилыми людми в том Ямышевском городе, и из ближних городов, с Тары и ис Томска, ехали в тот город з запасы тем служивым людем, которые в том Ямышевском городе содержались. И в то время ис твоего владеня калмыцкой зайсан Чирин Дундук, собравшися со многими людми, учинил царского величества людем многое убивство, и многих людей в полон побрал, також и казну великого государя, которая везена для торгу и для дачи служилым людем, тое всю взял, и от Ямышевского города лошадей всех отогнал. О чем против указу великого государя, не хотя великой ссоры, ближней боярин и сибирской губернатор (// л. 632 об.) посылал к тебе сына боярского Алексея Маремьянинова с таковым писмом, чтоб вы того зайсана велели смирить и дать на него управу, а людей его царского величества, которых он на дороге побрал, також и казну его, великого государя, которую взяли, отдать. И тот сын боярской з двумя человеки татары в Тоболеск по се число не бывал, и никакие об нем от вас отповеди нет.

А в прошлом 718-м году майя в 16 день тоболской дворянин Григорей Вильянов подал губернатору князю Гагарину от тебя, контайши, лист, в котором написано, что бутто полковник Иван Бухолц город построил в вашей землице, и чтоб тот город снесть. А ежели города не соймут[42], украенные городы многие беды примут.

И то вы пишите напрасно. Полковник Бухолц в вашей землице города не страивал, а построил город близ Ямышева озера подле Иртыша реки на государевой земле. А государева земля и до вершин Иртышских. А обиды твоим подданным, не токмо которые кочюют (// л. 633) в твоих улусах, но которые твои ж подданные многие живут на государевой земле, и тем твоми подданным обид и налог никаких он, Бухолц, и нихто государевы люди не чинивали.

Да в прошлом 716-м году приезжали из-за Оби реки ваши калмыки в Кузнецкой уезд на Чюмлеш[43] и многие деревни пожгли, а в Шташтымских[44] государевых ясашных волостях в юртах пожитки все побрали, да пятьдесят три лошади отогнали, да ясашнова татарина Кебогиша Албычекова улус княжец Копча Бадоев с калмыки шесть юрт разорили. А их, ясашных иноземцов, з женами и з детми и со всяким скотом взяли, и везли их от юртов полднища, и, не доехав Чюмыша реки, тех взятых ясашных людей отпустили, а скота и пожитков их им не отдали.

Да того ж году вышеозначенной же волости [у] татарина Анышая Елзбалышева подданные ж ваши калмыки взяли семь лошадей и многие пожитки пограбили. (// л. 633 об.)

Да в нынешнем 719-м году близ Семиполатной крепости его царского пресветлого величества служилых людей салдат ваши калмыки взяли в полон восмь человек, при том взятье убит от ваших калмыков салдат один человек.

А ныне по имянному его царского пресветлого величества указу для прииску серебреных, и медных, и золотых руд и для умножения с вами торгов велено мне зделать по реке Иртышу городы, а ваши улусы воевать не велено. И которые твое подданные живут на государевых землях его царского величества, нам ссылать не указал. А велено с твоими подданными жить в любви и в союзстве, и меж себя торги иметь, как и преж сего бывали, но наипаче умножить.

А естльли от кого людей царского величества какая произойдет ссора за что с людми твоими, чтоб про то розыскивать нам пересылками. А чтоб ссоры отнюдь ни за что не чинить. И о том от нас заказано ныне накрепко. (// л. 634) Також дабы и от вас был людем своим заказ, чтоб царского величества с посланными людми не ссорились.

А что в прошлом 715-м году ис твоего владенья калмыцкой зайсан Чирин Дундук, собравшися со многими людми, учинил его царского величества людем многое убивство, и многих

---

[42] Соймать — одна из форм глагола «снимать». В данном случае, слово употреблено в значении «уберут».

[43] Так в тексте, следует читать: «Чюмыш».

[44] Так в тексте. Искаженное при копировании название Азкиштымских волостей, расположенных в верховьях Чумыша.

людей в полон побрал, також и казну великого государя, которая везена для торгу и для дачи служивым людем в Ямышевской город, которую всю взял, и от Ямышевского города лошадей всех отогнал;

И что в прошлом 716-м году в Кузнецком уезде в волостях и в ясашных юртах, и в нынешнем 719-м году при Семи Полатной крепости ваши подданные калмыки его царского пресветлого величества людем многие обиды и смертные убивства учинили, и многих людей в полон побрали, и я против указу его царского прсветлого величества, всемилостивейшего нашего государя, не хотя с вами великой ссоры, сего 719-го году июня в 28 день послал к тебе, контайше, казачьева голову (// л. 634 об.) Ивана Чередова, да от армии его царского пресветлого величества сержанта Петра Поспелова, да драгуна Василья Еремеева, да писаря и служилых казаков, и татар, и кошеваров одиннатцать человек с сим листом.

Чтоб за вышеозначенную обиду того зайсана вы велели смирить и дать на него управу, и людей его царского величества, которых он под Ямышевым и на дороге побрал, также и казну его великого государя, которую взяли, и лошадей велите отдать.

Также что в прошлом 716-м году в Кузнецком уезде в волостях и в вышеозначенных ясашных юртах, и в нынешнем 1719-м году при Семи Полатной крепости ваши подданные калмыки его царского персветлого величества людем учинили многие обиды и разорение, и многих людей в полон побрали, чтоб за вышеозначенные обиды вы, контайша, своих калмыков велели смирить и дать на них управу, и людей его царского величества, которых ваши калмыки взяли в полон, и всякой скот, и пожитки потому ж велите отдать, чтоб в том в сору не вступать.

(// л. 635) Но наипаче желаем от вас в строении тех городов потребного вспоможения, за чтоб вы, також как и хан Аюка и протчие калмыцкие владелцы, у его пресветлого царского величества в милости и от посторонних неприятелей во всяком охранении пребывали. И чтоб впердь умножить меж себя торги и жить в любви и в союстве.

Желаем же, чтоб посланные наши с ведением от вас немедленно отпущены были.

Подлинной лист закрепил лейб гвардии господин маэор Иван Михайлович Лихарев.

[*Другими чернилами и почерком*:] С подлинным листом чол Петр Баскаков.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 630–635. Копия, снятая с оригинала в Тобольске и переданная в Сенат. Публикуется впервые.

Сокращённый пересказ содержания грамоты повторён в наказной памяти И. Д. Чередову, посланному Лихаревым к хунтайджи Цэван-Рабдану с этим письмом: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 4–7. Опубл.: Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. Док. № 95, с. 247–249.

Документ № 73

1719 г. июля 24 – октября 15. – Путевой журнал российской экспедиции на озеро Зайсан и Чёрный Иртыш

(л. 348) Копия с ведения, каково подал господин капитан Урезов.

Из Семиполатной крепости пошли в партию июля 24 числа. А шли бечевою и на гребях. А та Семиполатная крепость на левой стороне. А против ея на тоя же стороне гора песчаная, до Семи Полат версты за 2, а по той горе бор. А против той крепости на правой стороне за Иртышем острова великие. И на тех островах лес тополник и осокорник, и луга, а берега ниские. А к Семи Полатам пришли того ж числа ввечеру. А Семь Полат стоят на той же левой стороне, на горе подле берега. И от тех Семи Полат степь пещаная, а поодаль, верстах во 6, бор.

От Семи Полат до речки Гунбанчара шли 3 дни на гребях и бечевою, а пришли июля 27 числа. А в устье тоя речки ширина сажен на 15, а глубиною фута на 3, и во всю тое речку трава порасла. А дале на полверсты глубиною на фут и менше[45]. А лес по ней мелкой талник.

(// л. 348 об.) А меж Семи Полатами и речкою Гонбанчаром[46] река Иртыш во 6 розсыпях, быстрые места. А в тех розсыпях мелкой камень. А глубиною на 4 и на 5 футов. А лес по Иртышу по берегам займищами тополник и ветелник, толстой и средней.

---

[45] Русский фут равнялся 0,30480 м. Семь футов составляли сажень, равную 2,1336 м. В это время употреблялась верста в 500 сажен, равная 3500 футам или 1066,8 м.

[46] В копии из фонда Сената река названа Гунбанчар (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 621).

До речки Шилбы шли 1 сутки на гребях и бечевою. А оная речка вышла с левой стороны, уска и мелка. А лес по ней тополник и талник мелкой. И не доходя оной речки на той же стороне гора пещаная, и на той горе бор сосновой.

Меж речками Гонбанчаром и Шилбою вода быстрая в 3-х местах, а глубиною фута на 4 и на 5, а шириною в ыных местах сажен на 35 и на 40. А лес по берегу реки Иртыша по обе стороны талник и тополник. А берега ниские и высокие, и прилегли блиско степи.

А в котором месте построена Убинская крепость, пришли июля 28[47] числа. А от Убинской крепости шли до речки Убы 2 сутки, а пришли июля ж 30 числа, шли бечевой. А в устье шириною (// л. 349) на 50 сажен, глубиною на 12 футов. А выше версты на 2 глубина на фут, и на 4, и на 5. А по оной реке лес талник и тополник, толстой и средней. Вода быстрая, камень мелкой. А вышла оная речка в Ыртыш двемя устьями.

Меж речками Убою и Шилбою в реке Иртыше вода быстрая в трех местах, глубиною во оных местах на 4 и на 5 футов. А в реке камень мелкой розсыпми, шириною в розсыпях сажен на 45 и на 50. А по реке Иртышу по обе стороны лес талник и тополник, и острова, и на тех островах також лес.

От речки Убы шли до камня[48] пол 7 дни[49] бечевою, а пришли августа 4 числа. А от речки Убы до камня частыя острова. И на оных островах и по реке Иртышу лес займищами тополник и ветелник, толстой и средней, к строению крепости годен. И между вышеозначенными островами розсыпи великие и мелкой камень. А во оных розсыпях вода быстрая. А шириною в тех розсыпях (// л. 349 об.) в Ыртыше реке на 40 и на 50 сажен, а глубиною на 4 и на 5 футов. А между теми островами и розсыпями шли лотками с трудностию. А меж речкою Убою и каменем, вверх идучи, на левой стороне места хорошие к строению крепости. И близ того места луга, и вышла из степи малая речка, а как зовут, того нихто не знает. А прошедши то место вверх ходу до вышеозначенных частых островов, на правой стороне також де места хорошие и равные и есть луга. А оное место удобное к строению крепости.

В камень вышли августа 4 числа. В том месте ширина Иртышу на 80 сажен, глубиною на 7 футов. Камнем шли пол 6 дни. А в том камении вода быстрая в 12 местах, а в тех местах камень утес, а те места сажен на 20 и на 15. И чрез оные места бечевою и на гребях итти невозможно, для того что камень высок и утес, и вода быстрая. А перебирались чрез оные места лотками с нуждой, (// л. 350) хватались руками и баграми, и шли завозом[50], привязывались за камень и за дерева. А в тех местах ширина Иртыша реки сажен на 80 и на 60, глубина на 5 и на 4 фута. А в том камении островов 36. И на оных островах лес тополник и ветелник, и того лесу малое число. И меж теми островами розсыпи и мелкой камень, а в розсыпях вода быстрая, а в других плесах есть и тихая вода. А порогов никаких нет. А к построению крепости в камне удобных мест нет. А на выходе камня ширина Иртышу на 90 сажен, глубина на 7 и на 6 футов. И вышли ис камня 9 числа, и пришли к речке Бухтурме. А речка Бухтурма вышла близ камня. И стояли на острову 2 сутки для печенья хлебов.

Речка Бухтурма вышла с левой стороны у самого камении, шириною на устье на 56 сажен, а глубиною 12 футов. А выше версты з 2 глубиною на 8, и на 3, и на 1 фут. А по речке розсыпи, камень мелкой, (// л. 350 об.) вода быстрая. Лес по ней тополник, и осокорник, и ветелник, толстой и средней, от берега шириною сажен на 100 и на полверсты. И к строению тот лес годен у той речки по берегам и по займищам. Против устья оной речки, на правой стороне Иртыша реки, луга. К строению крепости место удобное. А против оного места, на левой стороне, камень высокой. А на том камении лес сосновой ниской и реткой.

От речки Бухтурмы пошли августа 12 числа. И шли до речки Нарыму 3 сутки бечевою и на гребях, а парусом 12 часов. А пришли до речки Нарыму августа 4 числа[51]. И до речки Нарыму близ Иртыша лесу от речки Бахтормы никакова нет. А по берегам камыш, и вода тихая, и ход свободной. А глубина воды на 7 футов, менше нет, а шириною 120 сажен, а в других ме-

---

[47] Цифра восемь более похожа на «6», но далее бесспорно написано «2» и «30».

[48] Камень — географический термин XVII–XVIII вв., подобный терминам *степь, гора, река, озеро, пески*. Камнем называли места, где на поверхность выходят каменистые горные отроги (даже небольшой высоты), тогда как гора могла быть и песчаной.

[49] Такое количество дней указано в обеих копиях. Вероятно, описка в оригинале: шесть с половиной дней длился путь «до камня» не «от реки Убы», а от Убинской крепости (с 29 июля до полудня 4 августа).

[50] Завозом называли малый ходовой якорь (в отличие от большого станового). Его завозили на шлюпке или забрасывали впереди, после чего команда приближала судно к этому месту «тянучи завоз». Отсюда выражения «тащить судно завозом», «идти завозом», зафиксированные в толковом словаре В. И. Даля.

[51] Так в тексте. Явная описка, правильно: 14 числа.

стах и на 80 сажен. А по обе стороны камень, близ и вдоль, и луга хорошие. А речка Нарым вышла с левой стороны ис камени, шириною в устье на 20 сажен, глубиною на 5 футов. А выше (// л. 351) версты 3 шириною та речка 10 сажен, глубиною на 1 фут. А лес по оной речке по берегам березник толстой и средней, шириною от берегу на 50 и на 80 сажен.

От речки Нарыму [пошли] августа 14 числа. И пришли к речке Курчюму августа 18-го числа. Шли бечевою, а болше на гребях, а парусом шли 12 часов, итого 4 сутки. А от речки Нарыму до речки Курчюму по Иртышу лесу нет. Вода тихая, глубина 7 футов, а шириною на 120 и на 80 сажен. И камень також по левую сторону, а по правую сторону близь и одаль горы песощные. А подале, за теми горами песошными, видно камень. А оная речка вышла с левую сторону ис камении, шириною в устье сажен на 45, глубиною 7 футов. А выше версты с 3 шириною сажен на 16, глубиною на 2 и на 1 фут. Вода во оной речке быстра, камень в ней мелкой и розсыпь. Лес по оной речке тополник, и ветелник, и осокорник, толстой и средней, к строению годен; по обе стороны от речки по берегу шириною сажен на 100, а в других местах на 150 сажен.

(// л. 351 об.) Пошли от речки Курчюма 18 числа. Пришли к речке Бекау августа 19 числа. А шли на гребях а[52] бечевою 1 сутки, в том числе парусом шли 1 час. А от речки Курчюма до речки Бекау по Иртышу лесу нет. И вода тихая, глубина на 7 футов, ширина на 160 сажен, а в других местах на 130 сажен. А камень також по левую сторону близь и одаль видно. А вышла оная речка с правой стороны, шириною в устье на 50 сажен, глубиною на 6 футов. А выше версты с 3 шириною сажен на 7, глубиною на фут. Лес по оной речке толстой тополник и осокорник и мелкой талник кривлеватой. И оной лес к строению негоден.

Пошли от речки Бекау августа 19 числа. И пришли к Нор Заисану озеру августа 21 числа. А шли на гребях а бечевою 3 сутки[53], в том числе парусом полтора часа[54]. От речки Бекау до Нор Заисана лесу нет. И вода тихая, а бечевнику немного и по берегам камыш. А берега местами высоки, а в других местах низменных болота. Ширина Иртыша от Бекау речки (// л. 352) сажен на 150 и на 170. А в устье Иртыша на 260 сажен, а глубиною на 18 футов.

Августа 21 числа с половина дни пошли по Нор Заисану озеру подле левой стороны. Шли день и ночь на гребях. Августа ж 22 числа шли до половина дни на гребях, парусом великою погодою 4 часа, и шли на гребях до вечера 2 часа. И того ж числа во 2-м часу ночи нашли на калмыцкия улусы. Кочуют близь озера. И от тех улусов шли 2 часа. Пришли к устью к малому верхняго Иртыша. И оным Иртышем шли до болшаго верхняго Иртыша полтора дни и две ночи на гребях. А по оному Иртышу по берегу по обеим сторонам лес тополник, и осокорник, и ветелник, местами реткой и ниской, и оного лесу немного. От Нор Заисан озера ширина в малом Иртыше 75 сажен, берега ниские и по обе стороны луга, а в устье глубина 9 футов. А выше по оному Иртышу ширина 30 сажен, (// л. 352 об.) глубина на 2 и на пол 2 фута. А в озеро, опричь Иртыша, реки не впали в нево и не вышли.

Августа 24 числа вышли в верхней болшей Иртыш в половина дни. И пошли вверх по оному Иртышу. И видели на правой стороне, на берегу, кочуют контойшины люди; и разговор с ними имели. И по оному Иртышу шли на гребях и бечевою пол 4 сутки, а на парусах 3 сутки. Пришли к болшему острову. Всего было ходу от Нор Заисана озера до болшаго острова 9 сутки. А от Нор Заисан озера по обе стороны реки Иртыша с устья камыш, и по левую сторону близь и одаль камень. И вода в том устье тихая. А шириною Иртыш на 140 сажен, глубиною на 15 футов. А выше в том Иртыше шириною на 120 сажен, глубиною на 8 и на 6 футов. А по левую и по правую сторону луга (// л. 353) и ниские места. А по берегу местами лес тополник и талник ниской кривоватой, и того лесу немного, к строению негоден. До того места, где пошел Иртыш в Нор Зайсан двемя устьями, и от того места, река шириною сажен на 150, а в других местах на 120 и на 100 сажен, а глубиною на 5 и на 4 и на 3 фута, и вода быстрая. А по обе стороны реки Иртыша лес тополник и ветелник, реткой кривоватой, местами от реки сажен на 30 и на 20. По обе стороны реки Иртыша близ и одаль камень черной. И вышла речка с левой стороны. А про ту речку через перевотчика Ивана Терехова сказали контойшины кочевные калмыки: звание той речке Кабан. А та речка в устье шириною на 38 сажен, а глубина футов на 11. Лес по ней тополник и ветловник, реткой кривоватой.

(// л. 353 об.) От речки Кабана до болшаго острову берега пещаные и холмовые. Лес по тем берегам и по островам тополник и ветловой, изретка близ берега. А вода быстрая и розсыпи

---

[52] Так в тексте обеих копий. По смыслу — «и».

[53] Так в тексте обеих копий.

[54] Подобная точность, возможно, указывает на то, что в отряде имелся хронометр (у «навигатора»?).

шириною во оных местах на 100 и на 90 и на 80 сажен, глубина на 5 и на 4 и на 3 фута. А по обе стороны реки Иртыша близ и одаль камень. А за ним камень белой высокой. Лугов и угодных мест нет, места все пещаные. А признаваем, от Нор Заисана до болшова острова шли верст з 200. А от острова назад возвратились сентября 1 числа за тем, что у салдат правианту было малое число и время пришло позное осеннее. А выше того острова на левой стороне есть лес тополник изретка, и из оного лесу можно с нуждою набрать к строению малую крепость. А на оном острову к построению (// л. 354) крепости место удобное. А шириною и длиною по версте. И на том острову лес неболшей реткой. А лугов и пашен нет.

Сентября 3 числа вышли на Нор Заисан озеро в 3-м часу дни. Шли подле левой стороны на гребях. И того ж числа в половины дня пришли ко острову. И оной остров невелик, длина и ширина сажен на 100. Лес по нем талник и тополник реткой, малое число. И шли по Нор Заисану озеру подле левую сторону 3 сутки. И видели на оной стороне кочевье контойшиных людей. И сентября 5-го числа вышли в устье нижняго Иртыша. Всего около Нор Заисана ходу было на гребях 5 сутки, в том числе парусом 4 часа. А глубина во оном озере в самой средине 22 фута, а от берегу верст с 5 (// л. 354 об.) глубина футов на 15, а на версту и на полверсты футов на 7 и на 6. А как пойдешь снизу на Нор Заисан озеро, на правой стороне берега ниские и прилегли степи. А на оной степи луга и по всему берегу камыш, до самого верхняго иртышного устья. А лесу никакова нет. А камень по обе стороны озера верст за 15 и менше. А до камня степь. А по левую сторону озера берега ниские и местами высокие. А лесу никакова от нижняго устья иртышняго и до верхняго кругом озера нет. Все места песчаные. А оное озеро подалось к востоку.

Сентября 5 числа от озера поплыли вниз по Иртышу и прошли речку Бекау 6 числа. А к речке Курчуму пришли того ж числа.

(// л. 355) От речки Курчюма пошли того ж числа.

Сентября 9 числа пришли к Нарыму речке. И пошли того ж числа.

Сентября 10 числа пришли к речке Бухтурме. И стояли на той речки для печения хлебов 2 сутки.

Сентября 12 числа от речки Бухтурмы пошли в полдни и плыли камнем.

Того ж числа вышли ис камня по полуночи в 10-м часу и начевали на острову.

Сентября 13 числа пришли к малой (// л. 355 об.) речке. Того ж числа и пошли от речки. И пришли к речке Убе сентября 15 числа по полуночи в 11-м часу.

Сентября 16 числа пришли в Убинскую крепость по полуночи в 10-м часу и стояли в крепости пол 3 сутки.

Из Убинской крепости пошли сентября 18 числа по полудни в 4 часу. Того ж числа пришли к речке Шилбе и начевали.

Сентября 19 числа пришли к речке Ганбанчару в половина дни. Того ж числа и пошли.

Сентября 20 числа поутру рано пришли в Семиполатную крепость. (// л. 356) И в Семиполатной крепости стояли 2 сутки.

Из Семиполатной крепости пошли сентября 22 числа по полуночи в 10-м часу в Долонкарагаискую крепость. Пришли того ж числа ввечеру.

Из Долонкарагайской крепости пошли в ночи того ж числа.

В Ямышевскую крепость пришли сентября 24 числа по полуночи в 10-м часу.

Из Ямышевской крепости пошли того ж числа ввечеру.

До Железенской крепости (// л. 356 об.) пришли сентября 27 числа. И пошли того ж числа в ночи.

В Омскую крепость пришли октября 1 числа поутру рано. И пошли из Омской крепости того ж числа по полудни во 2 часу.

На Тару пришли октября 4 числа. А пришли поутру рано. И стояли 3 сутки.

С Тары пошли октября 7 числа. А пришли в Ишимской острог октября 10 числа. А из Ышимского острогу на подводах в Тоболск прибыли октября 15 числа.

Подлинное ведение за рукою капитана Урезова.

[*Скрепа по середине листов:*] Ди/ак/ Ни/ки/то/ Не/ча/ев

[*Скрепа по низу листов:*] С подлинным/ ве/дением/ чол/ Петр/ Баска/ков

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 41. Л. 348–356 об. Копия 1719 года. Текст сверен с копией того же времени[55] *из фонда Сената (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 621–626).*

[55] Копии, переданные в Кабинет Петра I и в Сенат, были выполнены в Тобольске разными писцами, но обе заверены Петром Баскаковым и дьяком Никитой Нечаевым.

Ранее опубликовано по сенатской копии: Бородаев В. Б. Военно-топографическое изучение озера Зайсан и Чёрного Иртыша в 1719 году как этап реализации плана Петра I по проникновению в Центральную Азию // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы междунар. научно-практич. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 20–24.

Документ № 74

1719 г. ноября 16. **– Письмо гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева к Петру I с сообщением о возвращении экспедиции, отправленной в мае на озеро Зайсан**

(л. 346) Всемилостивейший царь государь

Указом вашего царского величества повелено мне в Сибири розыскать о худых поступках бывшаго губернатора князя Гагарина против данного мне реэстру. А между тем освидетельствовать по скаскам помянутого бывшаго губернатора и подполковника Бухолца о золоте эркецком, подлинно ль оное есть. И от кого он сведал, тех людей сыскать, также и других ведомцов, ежели сыщутца. Ехать с ними до крепости, где посажены вашего величества люди, и там, розведав, как возможно, дабы доитить до Заисана озера.

И по тому вашего царского величества имянному указу о вышеписанных делах в Тоболску я следую. (// л. 346 об.) А по следованию моему о худых губернаторских поступках, и о эркецком золоте что явилось, и зачем я ис Тоболска к Заисан озеру не пошел, о том до вашего величества я писал и выписки в канцелярию брегадира и леиб гвардии маэора господина Дмитреева Мамонова о всем послал сентября в 17-м числе лейб гвардии с салдатом Сонцовым.

А для подлинного изследования послал я ис Тоболска маия 9-го дня нынешняго 719-го году в Семиполатную крепость порутчика Сомова, да от гвардии сержанта, дву человек салдат, да новигатора. А из Семи Полатной крепости подполковнику Ступину велел отправить к Заисан озеру водою на лехких судах капитана и помянутого порутчика Сомова с посланными, дав им несколко салдат.

И велено им от Семиполатной крепости вверх рекою Иртышем до Заисана озера осмотреть и описать по реке Иртышу и около Заисана озера: какие берега и какие удобные места к строению городов, и какими судами можно итти, (// л. 347) и куды оное озеро подалось, и о протчем, что к тому следует.

И оные посланные от Заисана в Тоболеск прибыли октября 15-го числа. А что оные посланные учинили, о том до вашего величества послал я подлинное ведение, и карту, и реэстр делам, которые по следованию моему явились о худых поступках бывшаго губернатора и других Сибирской губернии правителей, леиб гвардии с капитаном порутчиком князем Шаховским. Да ис посланных, которые посланы были от меня к Заисан озеру, от гвардии сержанта[56] да новигатора.

Да с ним же, капитаном порутчиком, против вышепомянутого реэстра для учинения указу подлинные выписки послал я в канцелярию ведомства брегадира и от гвардии маэора господина Дмитреева Мамонова. И по тем выпискам, чтоб он доложил вашему царскому величеству, я к нему писал.

Да по писму моему подполковнику Ступину велено по отправлении помянутых от меня посланных к Заисан озеру (// л. 347 об.) итти ему из Семиполатной крепости вверх Иртыша реки и по усмотрению ево, где надлежит, построить вновь крепость. А по ведомости ко мне от оного Ступина, что он, отошед от Семиполатной крепости девять дней, построил вновь крепость по реке Иртышу у речки Убы, не дошед камени и быстрых вод за полсема дни.

Да сего ноября 10 дня прислан ко мне из Сената ваш, великого государя, указ: велено капитану порутчику Шамордину, которой по вашему царского величества имянному указу определен быть со мною у дел, о которых велено мне следовать, набрать в сибирских городех в рекруты четыре тысячи человек. А в то число ему, Шамордину, велено взять у меня рекрут моево набору, которых надлежит мне набрать к заисанскому походу в комплет девять сот шестьдесят три человека. И в то число набрано оных рекрут толко четыреста шестьдесят два человека. А, набирая рекрут, ему, Шамордину, велено присылать от пяти сот до тысячи с по-

---

[56] Речь идёт о гвардии сержанте Иване Фролове (см. док. № 80; СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 128–129. Л. 256–257. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-4, с. 193).

сланными от него, а з досталными в Санктпетербурх быть самому в Военную калегию. И оных рекрут своего набору без указу вашего царского величества я отдать не смею.

И о том ваше царское величество что укажешь.

Тоболеск

ноября 16-го дня 1719-го году.

[*Автограф:*] Вашего величества нижайший раб гвардии маэор Иван Лихарев.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 41. Л. 346–347 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 75

1721 г. мая 4. **— Из доезда (статейного списка) тарского казачьего головы Ивана Дмитриевича Чередова, посланного в 1719 году с грамотой гвардии майора И. М. Лихарева к Цэван-Рабдану: описание пути от Тобольска до Урги (июнь—октябрь 1719)**

<...> (л. 606 об.) 1

И по вышеозначенному великого государя указу и по предложенным пунктам отправился ис Тоболска в путь свой помянутого ж 719-го году июня 28 дня.

2

На Тару прибыл июля 15 дня.

3

А с Тары отправился августа 1 дня.

4

Х Барабинскому князьцу прибыл августа 11 дня

5

В пути с Тары до князьца Барабинскими волостми простою было десять дней для того, что збирали провожатых и подводы, которые повелены взять по указу тритцать человек провожатых, да десять подвод с телегами до крайных контайшиных улусов.

6

От барабинского князьца отправился августа 18 дня (// л. 607)

7

А на старые теленгуцкие жилища на урочища Кулунлы реку прибыл августа 27 дня.

8

А на пути были реки названием: Карагат, Чюлым, Баган, Карасук, Бурлы, Канчи, меж ими езду было по дню и по полудню.

9

А с Кулынлов[57] реки прибыл на Иртыш реку, на теленгуцкой плавеш в новопостроенную в Убинскую крепость сентября 4 числа. И с той Убинской крепости барабинских подвотчиков пять человек и с ними в провожатых четыре человека отпустил назад в Барабу, и с подводы, сентября 7 дня.

10

И того ж 7 дня из Убинской крепости пошел вверх реки Иртыша. И шел два дни. И дошли до каменю.

11

А черес камень шел пять дней всякими нужными местами, и вышли на чистую степь. И той степью шли шесть дней, и дошли до другова каменю, и шли три дни. И в том каменю съехали контайшин караул на урочищие на Красном каменю близ Камар Табану[58] сентября 23 числа.

12

А на карауле нас караулщики удержали и послали в красные люди (// л. 607 об.) мынгаты, к малому тайше Намышке и к сыну ево Сонжуру. И Сонжур выслал к нам племянника своего и велел стретить нас с честию. И стретив, племянник ево привел к нему, Сонжуру, в улус. И Сонжур держал в своем улусе два дни. А вышепомянутых барабинцов, которые взяты были в провожатых, от Сунжура из улусу в Барабу отпустил. И с ними послал писмы лейб-гвардии

[57] Так в тексте. В позднейшей копии — «с Пулынлов» (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 9 об.).

[58] Так в тексте. В позднейшей копии — «близ Камар Табуну» (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 10).

господину маэору Ивану Михайловичю Лихареву[59]. Да с помянутых провожатых поехали охотою своею со мною до контайши четыре человека.

13

А из ево улусу пошли в Ургу х контайше с ево провожатыми. А на Имил реку пришли сентября 27 числа.

14

А от контайши из Урги стретил нас ближней ево человек котечи[60] Жинба в пяти человеках октября 1 числа. И вел нас за крепким караулом: к нам людей и нас к людем не припускали. И прибыли мы на Боротал реку октября 7 числа. И тут к нему, Жинбе, прибыло людей контайшиных дватцать пять человек для караулу. (// л. 608)

15

А х контайшину Урге привели нас октября 11 числа. И не довели до Урги версты з две. И поставили нас на чистой степе на безводном и на бездровном месте. И приставили к нам караулу пятьдесят человек. И велено быть оному караулу днем дватцать человек, а ночью тритцать человек. А толмача с ведомостью в Ургу х контайше не пустили[61]. <...>

РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 606 об. — 608. Копия, снятая с оригинала в Тобольске 4 июня 1721 г. и отправленная в Сенат. Публикуется впервые.

Вторая, позднейшая, копия, сделанная с этого документа, хранится: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 8 об. — 10 об. Ранее она опубликована: Русско-джунгарские пограничные споры 1640–1710-х гг. / сост. Д. А. Ананьев // Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сб. док. Новосибирск, 2010. Док. № 13, с. 41–43.

Краткое изложение статейного списка И. Д. Чередова дано в «Выписке из ведомостей сибирских», сделанной в Коллегии иностранных дел во второй половине 1730-х гг., хранится: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 19–24. Частично опубликовано: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 12, с. 23–24.

---

59 Отпущенные Чередовым барабинцы приехали в Тобольск лишь осенью 1720 г. Они рассказали, что были «удержаны в контайшиных улусах у заисана; и удержаны з год; и от него из улуса выбежали в новопостроенную Убинскую крепость» (РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 18).

60 Вероятно, словом «котечи» И. Чередов передавал монгольский титул «хошучи» (от монг. хошуу — уезд), как именовались в конце XVII — первой половине XVIII века правители отоков-хошунов (улусов). Об этом титуле см.: Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 433. Устюгов Н. В., Кичиков М. Л., Беликов Т. И. Калмыкия во второй половине XVII — начале XVIII в. // Очерки истории Калмыцкой АССР : дооктябрьский период. М., 1967. С. 132.

61 В позднейшей копии — «не отпустили» (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 10 об.).

Глава 19

Начало российских геодезических съёмок в Западной Сибири (февраль 1719 — февраль 1720 года)

Карта Иртыша, составленная во время экспедиции капитана Урезова и посланная Лихаревым в Санкт-Петербург в ноябре 1719 г., стала первой географической картой, созданной российскими геодезистами в Западной Сибири.

В середине прошлого столетия авторитетный специалист по российской картографии XVIII века Сергей Ефимович Фель (1885–1967) высказал мнение, что «пионером, открывшим начало сухопутной инструментальной съёмке России» был геодезист Фёдор Молчанов[1]. С. Е. Фель считал, что уже в 1715 г. «Фёдор Молчанов сопровождал экспедицию майора Бухгольца по Иртышу»[2]. При этом исследователь не привёл никаких документальных подтверждений участия Молчанова в экспедиции Бухолца.

С тезисом С. Е. Феля решительно не согласилась Екатерина Андреевна Княжецкая (1900–1986)[3]. Ссылаясь на воспоминания самого Ф. Молчанова о службе, она доказала, что в экспедиции И. Д. Бухолца геодезист не участвовал, и в Сибирь он поехал не в 1715 г., а двумя годами позднее[4]. Как писал сам Молчанов в 1731 г. в своём послужном списке, он «в 717 году послан был для описания в Сибирскую губернию низовым городам Якутцка, Нерчинска, Тоболска планов» (рис. 49)[5]. Об участии в экспедиции Бухолца геодезист в этом документе не сообщал, что дало основание Е. А. Княжецкой опровергнуть утверждение С. Е. Феля.

Никаких чертежей, составленных Фёдором Молчановым в 1715–1720 гг., исследователям не известно. Из сообщения самого картографа явствует, что он ездил в Сибирскую губернию для составления планов «низовых городов», а не для сочинения географических карт. Документы о его работе к востоку от Урала в этот период не выявлены. Следовательно, пока нет никаких оснований для того, чтобы считать Фёдора Молчанова первым российским геодезистом, приступившим к составлению инструментальной карты Сибири.

Начало геодезических съёмок в России связано с деятельностью учеников геодезического класса Морской академии. Из выпускников этого учебного заведения, созданного в 1715 г. в Санкт-Петербурге, и сформировался корпус первых российских геодезистов, которые затем приступили к многолетней работе по инструментальной съёмке территории огромного государства.

27 мая 1718 г. Пётр I повелел преподавателям Морской академии: «Для описания земель в Сибири выбрать из навигаторов, которые искусны в географии к сочинению карт»[6]. Выбор пал на Фёдора Лужина и Ивана Евреинова. Решение об их посылке состоялось уже 31 мая 1718 г.[7], но подготовка кандидатов для геодезических съёмок на

---

[1] Фель С. Е. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века // Вопросы географии. Сб. 17: История географических знаний. М., 1950. С. 7.

[2] Фель С. Е. Государственная съемка России 1715–1744 годов // Сборник науч.-техн. и произв. статей по геодезии, картографии, топографии, аэрофотосъемке и гравиметрии / Гл. упр. геодезии и картографии при СНК СССР. М., 1949. Вып. 25. С. 26; Фель С. Е. Петровские геодезисты… М., 1950. С. 7.

[3] Вахтина П. Л. Княжецкая Екатерина Андреевна [Электрон. ресурс] // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1–4. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=980; Княжецкая Екатерина Андреевна [Электрон. ресурс] // Некрополь Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. URL: http://www.lavraspb.ru/ru/nekropol/view/item/id/3051/catid/3 (20.09.2015).

[4] Княжецкая Е. А. Первые русские съемки Западной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. 1966. Т. 98. № 4. С. 334.

[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1201. Л. 684. Л. А. Гольденберг и А. В. Постников также сообщают, что «„навигатора“ Ф. А. Молчанова в 1717 г. отправили для работы в Тобольск, затем в Якутск и Нерчинск» (Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М., 1990. С. 31).

[6] Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875. С. 609. Автор даёт ссылку (прим. 1), значение которой нам непонятно: «Ковч. адмир. совета. Повеление Петра относящееся до первой Беринговой экспедиции».

[7] Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII в. (первая половина). М.; Л., 1965. С. 16,

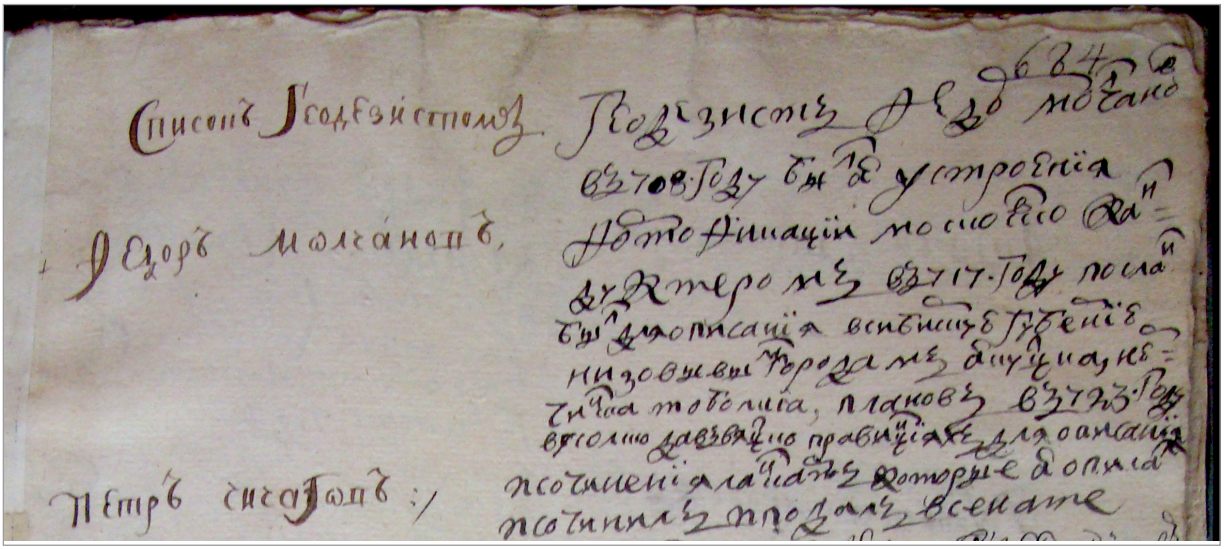


Рис. 49. Собственноручная запись геодезиста Фёдора Молчанова о своей службе, сделанная в 1731 г. в сенатском «Списке геодезистов»:
«Геодезист Федор Молчанов. В 708 году был я у строения фортофикации московско[й] кандуктером. В 717 году послан был для описания в Сибирскую губернию низовым городам Якутска, Нерчинска, Тоболска планов. В 723 году в Усолско[й] да в Вятцко[й] правинциях для описания и сочинения ланкарт, которые я описал и сочинил и подал в Сенате»

востоке России продолжалась до начала следующего года. Указ (инструкция) Петра I об отправке Лужина и Евреинова состоялся только 2 января 1719 г. Они посылались в Сибирскую губернию для составления карты Камчатки и определения «сошлася ль Америка с Азиею»[8]. Геодезисты должны были представить результаты своих работ в личную канцелярию монарха — Кабинет Петра I. В «Реестре геодезистов, которые посланы из Академии в разные губернии и провинции» временем направления Ивана Евреинова и Фёдора Лужина в Сибирь назван 1718 г.[9], однако они получили инструкцию лишь в январе 1719 г., и в столицу Сибири — Тобольск — прибыли в марте[10].

Второй парой геодезистов, направленных в Сибирь, стали Иван Захаров и Пётр Чичагов, которых в феврале 1719 г. включили в команду гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева. Вместе с ним они прибыли в Тобольск 7 апреля.

Посылка третьей пары геодезистов — Михаила Игнатьева и Фёдора Валуева — была связана с посольством в Китай лейб-гвардии капитана Льва Измайлова[11]. Вместе с Измайловым в далёкую поездку отправлялись два иностранца (секретарь посольства Лоренц Ланг и лекарь Джон Белл), оставившие записки об этом путешествии. Российская миссия выехала из Санкт-Петербурга 16 июля и прибыла в Тобольск 16 декабря 1719 г. Среди русских спутников Измайлова в его статейном списке упоминаются «два геометрика Федор Балуев, Михайло Игнатьев»[12].

Таким образом, пионерами сибирской геодезии по праву считаются выпускники Морской академии, которые в 1719 г. оказались к востоку от Урала[13]. Из них только двое — Иван Захаров

прим. 13. Автор ссылается на: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1201. Л. 185 об.

[8] Черновик указа с правкой Петра I хранится: РГАДА. Ф. 9. Отделение 1 — исходящие письма. Оп. 2. Кн. 56. Л. 40. Опубл: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 5: 1713–1719. № 3266, с. 607; Андреев А. И. Экспедиции В. Беринга // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т. 75. Вып. 2. С. 5; Он же. Гидрографические работы и исследовательские экспедиции русского флота в 1696–1725 гг. // Путешествия и географические открытия в XV–XIX веках. М.; Л., 1965. С. 40–41; Он же. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. М.; Л., 1965. С. 16, прим. 13, 14.

[9] РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 58. Цит. по: Шибанов Ф. А. Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971. С. 49.

[10] Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 338, прим. 23.

[11] Иванов П. И. Обозрение геодезических работ в России со времени Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 г. // Записки императорского Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 9. С. 427.

[12] РГАДА. Ф. 62. 1719 г. Д. 2. Л. 15 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. Док. № 151, с. 195; Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. С. 86, 88.

[13] А. Ф. Миддендорф считал, что первые определения широт в Сибири сделаны Д. Мессершмидтом (Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 1. СПб., 1860. С. 55). Однако немецкий ученый прибыл в Тобольск лишь в декабре 1719 г. (Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 338, прим. 23).

и Пётр Чичагов — занимались инструментальной съёмкой территории Западной Сибири, причём эта работа была начата тогда, когда другие геодезисты ещё ехали к месту своего назначения.

«Взяты мы, ниже именованныя рабы твои, из науки геодезии и посылаемся из Санкт-Питербурха в Сибирскую губернию для описания хартины лейб-гвардии с маэором Иваном Михаиловичем Лихаревым», — писали 5 февраля 1719 г. на имя царя И. Захаров и П. Чичагов, называвшие себя в этом документе геодезистами (док. № 76). Будущим навигаторам, которые готовились для российского флота, предстояло вместо морских походов отправиться в центр Азии, чтобы нанести на карты верховья Иртыша, горы Алтая и прилегающие южные земли вплоть до Яркенда.

Как следует из приведённой выше цитаты, посланные с Лихаревым геодезисты видели свою задачу в создании «хартины». По-видимому, этот профессиональный термин появился в лексике учеников Морской академии благодаря учебным пособиям, изданным под редакцией их преподавателя, профессора Генри Фарварсона (1675–1739). В частности, в 1715 г. при его участии были гравированы на меди и напечатаны две географические карты: «Хартина меркаторская Америки, или Индии западные против англинские хартины» и «Новая размерная хартина от канала до берега Барбарийского с островами Канарийскими и западными»[14]. Как видим, слово «хартина» использовалось в 1710-е гг. для обозначения общегеографических карт. Однако уже в 1720-е гг. этот термин исчезает из лексики петровских геодезистов, уступив место обычному для нас слову «карта».

Просьба Лихарева включить в отряд «из Академии одного или двух учеников с инструменты, для подлиннаго описания тамошних мест» явно указывает на то, что он изначально планировал проведение инструментальных геодезических съёмок по маршруту своей экспедиции на озеро Зайсан и создание на их основе географической карты. В указе Петра I ничего подобного от майора не требовалось. Инициатива проведения геодезической съёмки по маршруту похода, очевидно, принадлежала самому Лихареву, что необычно для того времени[15]. Во всяком случае, ни в команде И. Д. Бухолца, ни в отряде А. Б. Черкасского картографов не имелось.

В первой половине XVIII века сложилась практика отправки геодезистов парами. Ещё в 1715 г., во время создания Морской академии в Санкт-Петербурге, Пётр I приказал генерал-адмиралу Фёдору Матвеевичу Апраксину, в чьём ведении находилось новое учебное заведение: «Некоторое число людей выбрав, таким образом в географических действиях обучить велеть, чтоб в каждую провинцию по два человека для снимания оной отправлены быть могли, дабы из сочиненных ими партикулярных карт после сделать генеральную карту»[16]. По-видимому, работа в паре была обусловлена спецификой проведения полевых изысканий. Документы показывают, что практически все выпускники Морской академии, отправленные в 1719–1730-х гг. в различные губернии России для составления ландкарт, посылались по двое. В источниках работающие в паре геодезисты перечислялись в одной и той же определённой последовательности, не связанной с алфавитным порядком фамилий (например, Лужин и Евреинов, Захаров и Чичагов).

Во всех известных списках геодезистов, посланных в Сибирь, фамилия Захарова всегда стоит перед Чичаговым. В делопроизводстве XVIII в. подобная закономерность могла свидетельствовать о том, кто является старшим в паре. Старшинство обычно определялось возрастом, опытом работы или более ранним временем получения звания. Таким образом, на наш взгляд, в паре Захаров — Чичагов старшим был Иван Захаров. Показательно, что в документах, подписанных самими геодезистами, первым стоит его автограф (док. № 76, 77).

Ученики Морской академии последовательно изучали арифметику, геометрию и тригонометрию, навигацию, географию и геодезию. При переходе к более сложной науке повышалось и жалованье («кормовые деньги»). С 1716 г. годовое жалованье учеников составляло: «в арифметике» — 12 р., «в геометрии» — 18 р., «в навигации» — 27 р., «в геодезии» — 36 р. (то есть по три рубля в месяц)[17]. Ровно столько получали обучавшиеся в выпускном классе «геодезические ученики из географии» Иван Захаров и Пётр Чичагов[18]. После назначения в отряд Лихарева они подали в Сенат прошение о повышении их месячных окла-

---

[14] Фарварсон или Фархварсон // Энциклопедический словарь / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 35: Усинский пограничный округ — Фенол. СПб., 1902. С. 303.

[15] На эту инициативу И. М. Лихарева впервые указала Е. А. Княжецкая (Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. Вып. 26: Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история), кн. 3. М., 1989. С. 32).

[16] Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958. С. 5–6. В примечании автор ссылается на «Атлас Российской, состоящей из девятнатцати специальных карт...» (СПб., 1745, с. 2), однако история картографических работ в России описана в предварительном издании «Атласа Российского» в 1742 году (Русские географические атласы. XVIII век: свод. кат. / сост. Н. В. Лемус. Л., 1961. С. 40).

[17] РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 15 об. — 16.

[18] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 128–129. Л. 255–257. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-4, с. 192.

дов до девяти с половиной рублей, ссылаясь на недавний прецедент с отправкой в Сибирь двух других выпускников Морской академии — Ивана Евреинова и Фёдора Лужина (док. № 76, 77). Решение по этому делу нам не известно.

Приехав в апреле 1719 г. в Тобольск, Лихарев остался в столице Сибири для ведения следствия по делу М. П. Гагарина и сбора сведений о яркендском золоте. На Зайсан он послал в начале мая экспедицию, в которую был включён «навигатор». Во время плавания капитана Урезова на Чёрный Иртыш этот геодезист-«навигатор» провёл первую инструментальную съёмку течения Иртыша. Из письма Лихарева Петру I от 16 ноября 1719 года (док. № 74) следует, что автор геодезических съёмок Иртыша, которые, вероятно, стали первыми русскими инструментальными съёмками в Сибири, осенью 1719 г. был отправлен вместе с картой в столицу. Из другого письма гвардии-майора известно, что ещё один экземпляр карты был послан в канцелярию Правительствующего сената[19].

Кто же из пары Иван Захаров — Пётр Чичагов ездил в 1719 г. с капитаном Урезовым на озеро Зайсан и затем вернулся в столицу? К сожалению, во всех своих письмах И. М. Лихарев ни разу не назвал геодезистов по имени или фамилии. Ни в одном из известных нам источников о плавании 1719 г. фамилия навигатора не упоминается. Поэтому ответ на поставленный вопрос приходится искать по другим архивным данным.

Изучение документов не даёт прямых доказательств того, что в Тобольск с Лихаревым прибыло два геодезиста. В письмах самого гвардии-майора всегда фигурирует один «навигатор» — тот, который в ноябре 1719 г. уехал в столицу для отчёта. Однако в записках пленного шведского офицера Филиппа Табберта, жившего в 1719–1720 гг. в Тобольске, указывается, что в команде Лихарева «были два так называемые в России навигатора, или штурмана, которые определяли высоту полюса во всех местностях по реке Иртыш» («…welcher zwey in Russland so genannte Navigatores sonst Steuermänner bey sich hatte, welche die Höhe des Poli von allen Oertern an dem Irtisch-Strohm genommen»)[20].

В исследованиях по истории российской картографии петровского времени имя Ивана Захарова упоминается в связи с отправкой его и Петра Чичагова в Сибирь. На этом все биографические известия о Захарове заканчиваются: никто не приводит документальных сведений о судьбе геодезиста, нигде не названы составленные им карты. С 1960-х гг., благодаря публикациям Е. А. Княжецкой, утвердилось мнение, что весь известный к тому времени картографический материал экспедиции Лихарева был составлен Петром Чичаговым, именно он плавал в 1719 г. на Зайсан и затем увёз свою карту в столицу[21].

Выявленные авторами документы противоречат утверждениям Е. А. Княжецкой. В фонде Кабинета Петра I сохранилось подлинное прошение геодезиста Ивана Захарова, датированное февралём 1720 г. (док. № 78). Место составления прошения не указано, но это могли быть только Санкт-Петербург или Москва: упомянутый в тексте надворный суд в Тобольске возник лишь в конце 1720 г.[22], а должность «ратушской подьячей» в то время могла существовать только в упомянутых столичных городах. Второй выявленный в том же фонде документ сообщает о поездке навигатора Ивана Захарова из Петербурга в Москву и далее в Сибирь. Речь идёт о доношении гвардии солдата Кирила Сонцова, который в ноябре 1719 г. привёз в столицу письма И. М. Лихарева. О последующих событиях он рассказывал так: «И жил в Санкт-Петербурхе февраля по 25 число нынешнего 720 года. И в феврале послан я лейб гвардии Семеновскаго полку с капитанам лейтенантам Семенавым в Сибирь. И помянутой капитан Семенав поехал ис Петербурха на почтовых подводах, а меня оставил с навигатарам Иванам Захаровым назади, на ямских подводах. И проехав Новгород, волею божею я заскарбел марта во 2 день. А навигатар Иван Захарав поехал наперет в Москву, а мне оставил письмо своей руки для пропуску по дароге. И я со оным навигатарам

---

19 РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 184. Л. 49.

20 Strahlenberg P. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. in Verlegung des Autoris. Stockholm, 1730. S. 15–16 (примечание в подстрочной ссылке). Русский перевод XVIII в. цитируется по кн.: Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: северная и восточная часть Европы и Азии. [Ч. 2]. М.; Л., 1986. С. 324.

21 Княжецкая Е. А. История одной географической ошибки петровского времени // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. Л., 1965. С. 57–67, две карты-вклейки; Княжецкая Е. А. Первые русские съёмки Западной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1966. Т. 98, вып. 4. С. 333–340, одна карта-вклейка; Княжецкая Е. А. Когда был основан Усть-Каменогорск // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1969. Т. 101, вып. 1. С. 74–77; Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. Вып. 26: Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история), кн. 3. М., 1989. С. 10–35.

22 Бородина Е. В. Судейский корпус тобольского надворного суда в 1721–1722 гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов II региональной молодежной научной конф. Новосибирск, 2008. С. 104–105. Сборник выставлен в Интернет: http://www.history.nsc.ru/publications/books/2rmnk.htm (8.01.2014); Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 209.

послал человека своего просить о подорожнай и о прогонных деньгах х капитану, как от болезни свободюсь, чтоб мне ехать в Сибирь»[23].

Таким образом, обнаруженные нами прошение навигатора Ивана Захарова и доношение гвардейца Кирила Сонцева однозначно доказывают, что именно Захаров плавал с капитаном Урезовым на Чёрный Иртыш и затем был командирован в Санкт-Петербург. 25 февраля от отправился в обратный путь в Сибирь, 2 марта из Новгорода выехал в Москву. С этого момента мы не имеем никаких сведений о судьбе геодезиста. Однако выявленные факты позволяют утверждать: вопреки устоявшемуся в российской историографии мнению, автором первых инструментальных геодезических съёмок на территории Западной Сибири был не Пётр Чичагов, а Иван Захаров.

Отчасти ошибка Е. А. Княжецкой связана с тем, что изученная и опубликованная ею рукописная недатированная карта течения Иртыша имела подпись: «Сию карту делал геодезист Петр Чичагов и руку приложил» (цв. ил. 8). Создание указанной карты исследовательница ошибочно относила к 1719 г. На этом основании она считала карту Чичагова первым результатом полевой инструментальной съёмки российских геодезистов в Западной Сибири[24].

Между тем сопоставление полевого журнала капитана Урезова (док. № 73) с картой Чичагова, которую опубликовала в 1966 г. Е. А. Княжецкая, обнаруживает несоответствие чертежа путевым записям. Во-первых, на карте Чичагова подписана река Ульба, хотя Урезов описывал её как безымянную: «Меж речкою Убою и Камнем, вверх идучи, на левой стороне места хорошие к строению крепости. И близ того места луга, и вышла из степи малая речка, а как зовут, того нихто не знает». Во-вторых, на устье Ульбы Чичагов изобразил знак крепости и подписал «Уськаменная крепость». Урезов же лишь отмечал, что рядом с безымянной речкой «место удобное к строению крепости». Известные в настоящее время документы позволяют уверенно относить основание Усть-Каменогорской крепости к 1720 г.[25] Поэтому изданную Е. А. Княжецкой карту, безусловно, нельзя датировать 1719 годом; подробнее о ней будет рассказано в главе 21.

Итак, по прибытии в Тобольск в апреле 1719 г. Лихарев разделил геодезистов: Иван Захаров с мая по октябрь участвовал в плавании вверх по Иртышу и вёл инструментальную съёмку местности, а Пётр Чичагов оставался в команде гвардии майора в Тобольске и, по-видимому, занимался составлением «хартины» — общего чертежа части Сибири и Центральной Азии.

15 октября 1719 г. Иван Захаров вернулся в Тобольск, где на основе полевых съёмок составил карту течения Иртыша. На ней была изображена река на всём протяжении пути экспедиции, от Тобольска до острова на Чёрном Иртыше. Фактически эта карта являлась графическим приложением к путевому журналу капитана Урезова.

Затем созданная по инструментальным съёмкам карта Захарова была совмещена со схематичным чертежом ойратских земель, составленным по опросным данным в Тобольске (очевидно, Петром Чичаговым). Сводная «хартина» изображала обширную территорию от Ямышевской крепости на севере до города Яркенда и реки Аму-Дарьи на юге, от Чёрного Иртыша и китайских владений на востоке до Каспийского моря на западе. Несмотря на столь значительный территориальный охват сводного чертежа, река Иртыш на нём была показана только до Ямышевской крепости, а не до Тобольска.

К середине ноября 1719 г. оба чертежа были выполнены в Тобольске в двух экземплярах, один из которых предназначался для Петра I, а второй для Сената. Такое дублирование предусматривалось сенатским указом «Об отправлении гвардии майора Лихарева в Сибирь» от 31 января 1719 г., где имелся пункт: «О делах врученных писать ему, майору, к царскому величеству в Кабинет, также и в Сенат»[26].

Лейб-гвардии капитан-поручик Алексей Шаховской, гвардии сержант Иван Фролов и навигатор Иван Захаров отвезли письма И. М. Лихарева, копии «ведения» Урезова и четыре карты в Санкт-Петербург. В начале 1720 г. оба комплекта документов были переданы адресатам. С тех пор почти на два с половиной века чертежи 1719 г. выпали из поля зрения историков.

Картографическими работами в созданной в Санкт-Петербурге Академии наук руководил знаменитый французский астроном Жозеф-Николя Делиль (1688–1768). Он приехал в Россию в феврале 1726 г. в качестве первого астронома-академика. Сначала его задачей была постановка астрономических наблюдений в стране. Вскоре, во многом по его инициативе, Академия начала работы по созданию сводной генеральной карты

[23] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2 Оп. 3. Кн. 50. Л. 247.

[24] Княжецкая Е. А. Первые русские съемки Западной Сибири… М., 1966. Т. 98, вып. 4. С. 339.

[25] Бородаев В. Б. Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции (24-27 мая 2011 года). Горно-Алтайск, 2011. С. 25–35.

[26] ПСЗ РИ-1. Т. 5: 1713–1719. № 3292, с. 623.

Российской империи, выполненной на основе инструментальных измерений[27].

В личном архиве Делиля, который учёный при своём возвращении в 1746 г. вывез во Францию, сохранилась копия «Списка карт, присланных [в Сенат] геодезистами, пронумерованных в порядке их поступления» (на французском языке). Список начинается с карты «Partie du cours de l'Irtich, depuis sa source jusqu'au fort d'Yamichévo [Iamychevskaia] et au sud-ouest du lac Narzaisan [par Likharov, 1719]»[28] («Часть течения Иртыша от его истока до Ямышевской крепости и к юго-западу от озера Норзайсан [от Лихарева, 1719]»). Эта запись документально подтверждает, что сводная «хартина» 1719 г. поступила в Сенат.

13 марта 1732 г. Ж.-Н. Делиль представил в Сенат «Проект о географии». Указывая на невозможность продолжать работы над общей картой России без достаточных географических материалов, он просил «учредить Бюро географии» (в русском переводе — «Географическую палату»[29]) под руководством профессора Академии наук. Туда предлагалось передать все рукописные карты, которым следовало составить общий реестр[30].

Спустя три года по указу Сената от 30 июня 1735 г. часть ландкарт из сенатского собрания передали в Петербургскую академию наук для работы по составлению генеральной карты Российской империи. К указу прилагался «Реестр планам и чертежам», в котором лаконично названа карта «реке Иртыша»[31].

В августе 1736 г. Кабинет министров потребовал от Академии наук «собрать все чертежи Сибирской губернии, какия в оной имеются, и, учиня им реэстр, прислать в Кабинет, которые паки возвращены будут». В составленном по этому распоряжению «Каталоге сибирским картам» упомянута и карта «Течения реки Иртыша», имевшая академический шифр SN/26[32].

В августе 1739 г. Делиль предложил президенту Академии наук И. А. Корфу пересоставить реестр карт, собранных в Академии, положив в основу административное деление России. Эта работа была закончена уже после отъезда Делиля во Францию и привела к изданию в 1748 г. печатного каталога[33]. В нём в разделе «Обь река» названа «Карта течения реки Иртыша, прислана из Сибири лейб гвардии от господина майора Лихарева в 1719 г., на руском языке»[34].

Та же самая карта позднее упомянута в рукописном «Реэстре ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящимся при Академии наук в Географическом департаменте», составленном в 1773 г. Иваном (Джоном) Трускоттом. В разделе «Обь река» третьей названа «Карта течения реки Иртыша, прислана из Сибирии лейб гвардии от г. майора Лихарева в 1719 году, на рус. яз.»[35].

В августе 1797 г., во время правления Павла I, вместо Картографического отдела Генерального штаба был организован корпус офицеров, находившихся в распоряжении самого императора. Из этого учреждения вскоре выросло «Особое депо карт при Кабинете его величества». 9 декабря 1798 г. Павел I издал указ о цензуре карт[36], по которому требовалось «сочиняемые и печатаемые в Академии наук географические карты предварительно взносить на рассмотрение Географического при Сенате департамента; а топографические, крепостные и всякого рода с показаниями, относящимися до военных операций, в Собственное его величества депо»[37].

В октябре 1800 г. именным указом Географический департамент Сената был присоединён к Депо карт[38], после чего «Собственное его императорского величества депо карт» быстро превратилось в текущий государственный архив карт и планов. В 1812 г. оно было переименовано в «Военно-топографическое депо карт»[39]. В новой

---

27 Гнучева В. Ф. Исторический очерк деятельности Географического департамента 1726–1799 гг. // Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. С. 24. (Труды Архива Академии наук СССР, вып. 6).

28 Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale // Bulletin de la section de géographie / Comite des Travaux Historiques et Scientifiques. — Paris: Imprimerie Nationale, 1915. Vol. 30. P. 157 (в отдельном оттиске статьи — p. 128). Комментарии в квадратных скобках, вероятно, принадлежат самому Делилю.

29 Свенске К. Материалы для истории составления атласа Российской империи, изданного императорскою Академиею наук в 1745 году. Собраны из архива императорской Академии наук Карлом Свенске // Записки императорской Академии наук. Т. 9, кн. 1. Прил. 2. СПб., 1866. Док. № 43, с. 101–102.

30 Гнучева В. Ф. Исторический очерк деятельности Географического департамента… С. 30.

31 Свенске К. Материалы для истории составления атласа Российской империи… Док. № 68, с. 117–118.

32 Рукописный оригинал каталога хранится в СПФ АРАН (Ф. 3. Оп. 10. Д. 165. Л. 1–2 об.). Распоряжение Кабинета и список карт опубликованы: Свенске К. Материалы для истории составления атласа Российской империи… СПб., 1866. Док. № 93–94, с. 136–139.

33 Гнучева В. Ф. Исторический очерк деятельности Географического департамента… С. 47, 59.

34 Реэстр ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящимся в Географическом департаменте при императорской Академии наук. СПб., 1748. С. 79.

35 СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 184. Л. 72.

36 ПСЗ РИ-1. Т. 25: 1798–1799. № 18778, с. 471.

37 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 21. 1799. 7 февраля, § 34. Цит. по: Гнучева В. Ф. Исторический очерк деятельности Географического департамента… С. 93.

38 ПСЗ РИ-1. Т. 26: 1800–1801. № 19607, с. 347.

39 ПСЗ РИ-1. Т. 32: 1812–1814. № 24971, с. 37–39.

структуре государственных картографических учреждений для Географического департамента Академии наук уже не оставалось места. После введения указа о цензуре карт его деятельность стала затухать, и в 1805 г. он был окончательно упразднён[40].

О судьбе значительной части рукописных карт, собранных в Географическом департаменте Академии наук, долгое время ничего не было известно. Академик Дмитрий Матвеевич Перевощиков (1788–1880), составлявший в середине XIX в. каталог географических карт России, специально «рассмотрел все географические карты, общие и специальные, хранящиеся в Библиотеке императорской Академии Наук, и нашел, что их собрание очень бедно и бóльшая часть из них относится ко второй половине XVIII столетия». Учёный предполагал, что все материалы, собранные в Географическом департаменте Академии, после 1797 г. были переданы в Депо карт[41].

В XIX в. рукописные карты времён Ж.-Н. Делиля в России не изучались, судьба многих из них оставалась неизвестной. По воспоминаниям старейшего сотрудника Библиотеки Академии наук Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973), только «во время переезда Библиотеки Академии наук (в 1923–1924 гг.), в её старом помещении были обнаружены картографические материалы XVIII в., считавшиеся ранее утраченными… Только счастливая случайность сохранила собрание географических карт, отложившихся в результате деятельности Географического департамента XVIII в.»[42].

Найденные карты поступили в отдел рукописей библиотеки. Их систематизацией и описанием занимался заведующий отделом Борис Владимирович Александров (1882–1942)[43]. Составленный им подробный каталог был издан в 1946 г. в шестом выпуске «Трудов Архива Академии наук СССР»[44]. В сводке Б. В. Александрова под номером 765 описана карта, имевшая название на французском языке «Cours de la rivière d'Irtisch» («Течение реки Иртыша»). Составитель осторожно датировал её XVIII веком, без указания более точного периода. В современной описи собрания рукописных карт отдела рукописей БРАН эта карта имеет номер 188. В нашей книге она публикуется впервые (цв. ил. 7). На обороте чертежа действительно читается приведённая выше надпись по-французски, а в нижнем правом углу проставлен шифр SN/26. Это позволяет уверенно отождествить названный чертёж с картой «Течение реки Иртыша» в каталоге 1736 г.

В конце 1960-х гг. на той же карте была найдена ещё одна надпись. Е. А. Княжецкой «на обороте чертежа удалось расчистить заклеенную надпись: „Два чертежа, присланные из Сибири лейб гвардии от майора Лихарева в 719 году. Доношении об них словесно“»[45]. Исключительно важная находка ленинградской исследовательницы позволила не только точно продатировать карту, но и уверенно отождествить её с записями в каталогах 1748 и 1773 гг., а также с картой Лихарева 1719 г. из сенатского списка, скопированного Делилем, поскольку Иртыш на чертеже показан именно от Ямышевской крепости до острова на Чёрном Иртыше. Таким образом, нет никаких сомнений, что в Библиотеке Академии наук сохранилась «хартина» — сводная итоговая карта 1719 г.

Обнаруженная Е. А. Княжецкой канцелярская помета интересна тем, что документально подтверждает поступление в Сенат двух карт, изготовленных лихаревскими геодезистами в 1719 г. Следовательно, помимо «хартины» Иван Захаров передал в Сенат и свою инструментальную карту течения Иртыша от Тобольска до верховьев реки. Подтверждение этому мы находим в списке карт Сената, созданном в декабре 1726 г.

В конце 1726 г. императрица Екатерина I отдала распоряжение «российские карты, все что их есть, собрать и отослать» в Академию наук «для отдачи профессорам». 30 декабря в Академию поступил «Реэстр картам, препровожденным в Академию наук для составления атласа Российской империи» и сами чертежи. Документ был подписан секретарём Сената Иваном Кириловым, поскольку в то время все работающие в России геодезисты подчинялись Сенату и обязаны были сдавать туда свои чертежи. Первой в списке 1726 г. значилась ландкарта «Иртыша реки от Тобольска до Ямышевой крепости и до вершины»[46]. По нашему мнению, так была назва-

---

[40] Гнучева В. Ф. Исторический очерк деятельности Географического департамента… С. 93–94.

[41] Перевощиков Д. М. Каталог географических карт России. Вып. 1. О географических картах XVIII столетия, хранящихся в библиотеке императорской Академии наук // Вестник Императорского Русского географического общества. 1856. Ч. 16. Кн. 1. Отд. IV: Библиография. С. 1–2.

[42] Шафрановский К. И. «Реэстр ландкартам, чертежам и планам» 1748 года (К 200-летию со времени выхода в свет) // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81, вып. 3 (май—июнь). С. 322.

[43] Биографическая справка и портрет учёного опубликованы в кн.: Словарь русского языка XI–XVII вв.: справочный выпуск. М., 2004. С. 61–62.

[44] Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. Приложение 2. С. 267–412. (Труды Архива Академии наук СССР, вып. 6).

[45] Княжецкая Е. А. Когда был основан Усть-Каменогорск… М., 1969. Т. 101, вып. 1. С. 75, прим. 1.

[46] Свенске К. Материалы для истории составления атласа Российской империи… Док. № 2, с. 61.

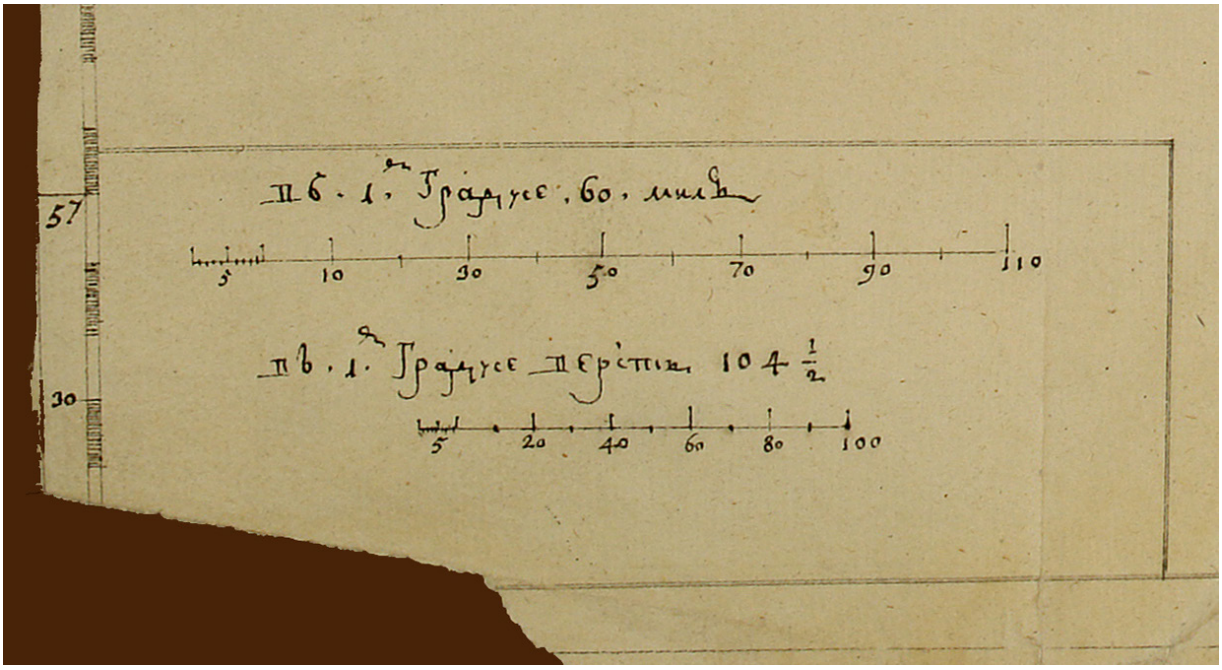


Рис. 50. Фрагмент карты течения Иртыша, вычерченной Петром Чичаговым по результатам инструментальных съёмок геодезиста Ивана Захарова, проведённых во время плавания 1719 г. Нижний левый угол чертежа с линейным масштабом. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 5

на инструментальная карта Захарова 1719 г. Вероятно, она же упомянута в печатном «Реэстре» 1748 г. и рукописном каталоге 1773 г. под названием «Ландкарта крепостям, вдоль по реке Иртыше лежащим, от Тобольска до калмыцких жилищ при озере Саиссане, на руском языке»[47].

К сожалению, в современном собрании рукописных карт Библиотеки Академии наук ни Е. А. Княжецкой, ни последующим исследователям найти этот чертёж не удалось. Весьма вероятно, что он был утрачен в XIX — начале XX в.

Такова в общих чертах история двух карт, которые гвардии майор Лихарев послал в ноябре 1719 г. в Сенат. К этому можно добавить, что копии путевого журнала плавания капитана Урезова сохранились в архивных фондах Сената и Кабинета (док. № 73).

Судьба второго комплекта тех же документов, предназначенного для царя, сложилась удачнее. Они были представлены монарху, а затем легли в архив Кабинета Петра I. Всеми забытые, эти две карты 1719 г. не попали ни в один каталог. Единственное краткое упоминание о наличии среди писем к царю картографической документации имелось в рукописной архивной описи отделения входящих писем Кабинета Петра Великого, составленной в XVIII в.: «Письма майора гвардии Ивана Лихарева из Тобольска, и розыски о золоте эркецком, и о пути к Дайсану озеру, и о протчем, с чертежем того пути. С 31-го по 55 [лист]»[48].

Екатерина Андреевна Княжецкая в своих работах использовала документы из фонда Кабинета Петра I, однако названные письма и чертежи остались ей неизвестными. Единственным исследователем советского времени, кто в своих архивных выписках зафиксировал упоминание о лихаревских чертежах в описи фонда Кабинета, был усть-каменогорский архивист Станислав Евгеньевич Черных (1934–1991), работавший в ЦГАДА в 1969–1970 гг. в связи с празднованием юбилея города[49]. При этом само дело, содержащее карты, он, по-видимому, не смотрел.

В исторической и картографической литературе о кабинетском комплекте карт 1719 г. никаких сведений нет. Воспроизведение и описание двух этих чертежей в нашей книге является первой публикацией наиболее ранних сибирских карт, выполненных петровскими геодезистами[50].

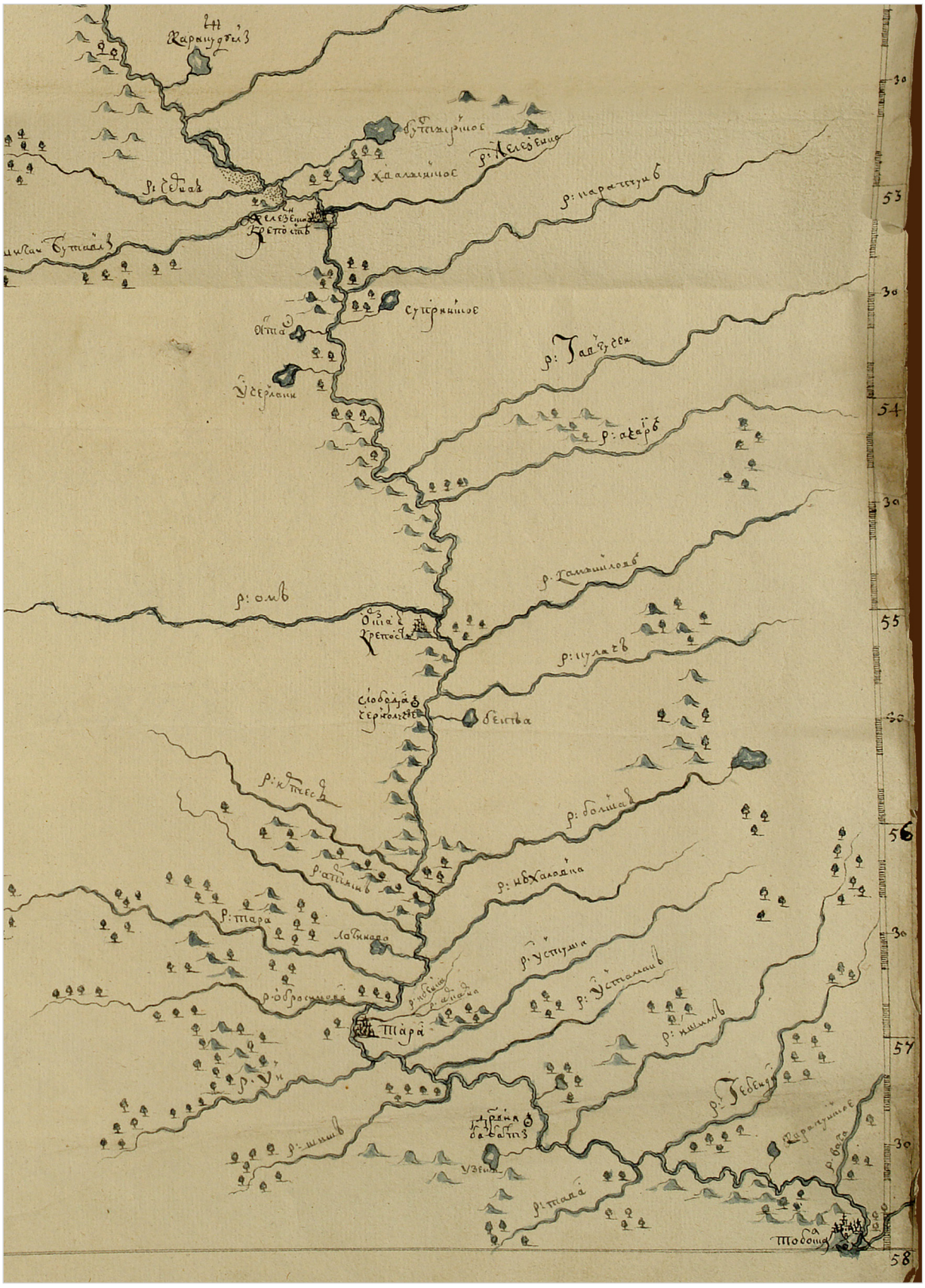
---

[47] Реэстр ландкартам, чертежам и планам Российской империи… СПб., 1748. С. 39; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 184. Л. 44.

[48] РГАДА. Разряд IX — Кабинет Петра I и его продолжение. Отделение 2 — входящие письма. Опись 3. Кн. 47 [Электронный ресурс] // Российский государственный архив древних актов. Аннотированный реестр описей. URL: http://rgada.info/opisi/9-opis_3/0370.jpg (8.01.2014). Одна из копий «Ведения» о поездке Урезова хранится в том же фонде (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 348–356 об.).

[49] ГАВКО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 455. Тетрадь «ЦГАДА: Материалы к истории Усть-Каменогорска. 1720–1970 гг.». Л. 47.

[50] Одновременно копия карты Иртыша Ивана Захарова, выполненная осенью 1719 г. в Тобольске Петром Чичаговым, издана нами в большом формате в календаре «Омское Прииртышье на картах и чертежах XVI — начала XIX века» (Тобольск, 2015. Л. 9, август 2016).


Тобольск
Тара
Железенская крепость
Усть-Ишимская крепость
Омская крепость
Слобода Тюменская
р. Иртышъ
р. Ишимъ
р. Тара
р. Омь
р. Уй
р. Шиш
р. Тебенькъ
р. Тамакъ
р. Ишимъ
р. Уст-Ишимъ
р. Уст-Тарка
р. Ик
р. Ратинъ
р. Ик-Тесь
р. Ик-Халда
р. Ик-Халда
р. Ик-Халда

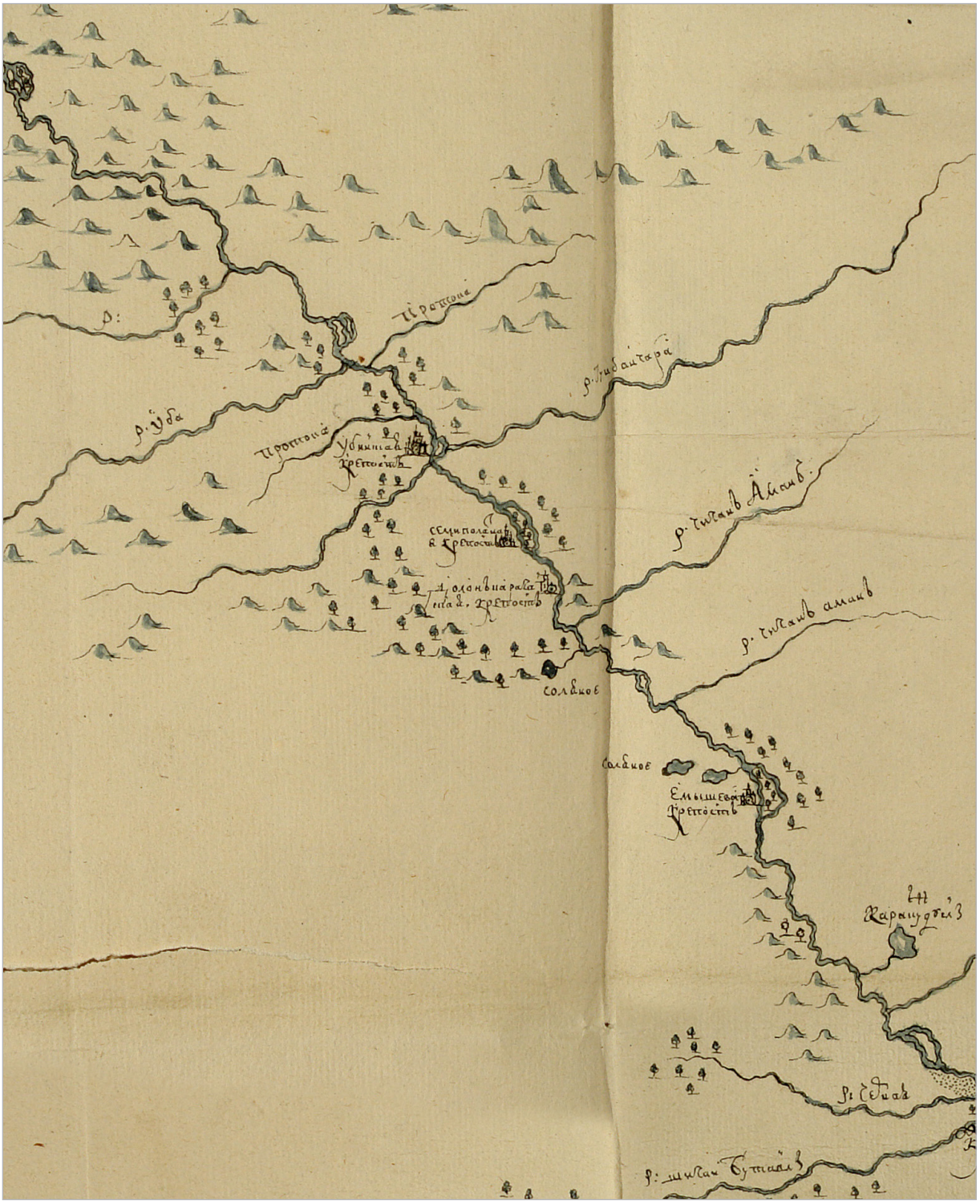


Рис. 52. Фрагмент инструментальной карты 1719 г. с изображением течения Иртыша от островов около устья реки Бухтармы до Железенской крепости

Карта Иртыша, выполненная по инструментальным съёмкам Ивана Захарова, сохранилась в единственном экземпляре только среди бумаг Петра I. Она не имеет ни заголовка с названием и датой, ни подписи составителя (цв. ил. 5). На сегодняшний день карта 1719 г. является наиболее ранним чертежом с географическими координатами, составленным российским геодезистом в Сибири. Карта выполнена в цилиндрической проекции и ориентирована на юг (север внизу). Обозначенный в левом нижнем углу масштаб (рис. 50) показывает, что в соответствии с тем, как обучали в Морской академии, длина одного градуса северной широты принималась равной 60

Рис. 53. Верхний левый угол инструментальной карты течения Иртыша 1719 г. с изображением отрезка от острова на Чёрном Иртыше до реки Бухтармы

морским милям и соответствовала 104,5 российским верстам[51]. Река Иртыш изображена от города Тобольска, расположенного на карте на 58° северной широты (рис. 51). Южная кромка чертежа проведена по 47° с. ш. (рис. 53).

Широтные координаты обозначены вдоль вертикальных сторон рамки чертежа. Каждый градус земного меридиана разбит на шесть отрезков по десять минут. Такое оформление боковых сторон рамки являлось стандартным для выпускников Морской академии. Своеобразие чертежа состоит в том, что на нём нет обозначения долготы: нижняя сторона рамки чистая; верхняя обрезана, но, скорее всего, там тоже не были указаны градусы долготы, поскольку точкой отсчёта явно был город Тобольск, изображённый внизу. Таким образом, для каждого показанного на карте объекта можно определить только широтную координату. Такая особенность отражает начальный этап геодезических работ в Сибири.

Сопоставление широтных координат на карте 1719 г. с действительными значениями несомненно свидетельствует о том, что геодезист проводил инструментальные замеры, причём их точность достаточно велика (см. табл. 7 в главе 21). Погрешность определений широты колеблется от одной до 33 минут. Искажения по долготе более существенны, они очевидны даже при беглом взгляде на

[51] В руководстве, составленном геодезии подмастерьем Акимом Клешниным в первой половине 1720-х гг., говорилось: «В градусе меридиана счислять 104 ½ верст русских» (Иванов П. И. Обозрение геодезических работ в России со времени Петра Великого… 1853. Кн. 9. С. 432). Речь идёт о 500-саженных верстах, равных 1066,8 м. Эту же протяжённость дуги земного меридиана величиной в один градус указывал В. Н. Татищев в примечаниях к своей «Истории Российской» (М., 1768. Кн. 1, ч. 1. С. 130, изъяснение 27 к главе 13).

Таблица 6

Географические названия притоков Иртыша на инструментальной карте 1719 г. (от реки Омь и Омской крепости)

Подписано на карте	Расположение	Современное название
р. Омь	правый приток Иртыша	р. Омь
р. Ачаир	левый приток Иртыша	протока Ачаирка
р. Тавгучей	левый приток Иртыша	протока Тугочайка
оз. Учерлаки	на правом берегу Иртыша	возможно, одно из озёр около пос. Черлак
оз. Аттас	на правом берегу Иртыша	возможно, одно из озёр около пос. Бол. Атмас
оз. Супринское	на левом берегу Иртыша	озеро у протоки Булды (?)
р. Каратунь	левый приток Иртыша	протока Каратунь (почти напротив пос. Железинка)
р. Железенка	левый приток Иртыша	протока Железинка (напротив пос. Жанабет)
оз. Хвалынское	на левом берегу Иртыша	оз. Орловское (?)
р. Шиган Бутавлы	правый приток Иртыша	одна из проток разветвлённого на этом отрезке Иртыша (окрестности пос. Береговое)
оз. Бултырское	на левом берегу Иртыша	оз. Бакланское (?)
р. Черная	правый приток Иртыша	р. Черная (впадает в протоку Старый Иртыш около пос. Байконыс)
р. Алач	левый приток Иртыша	протока Алаш
оз. Каракундуслы	на левом берегу Иртыша	?
оз. Соляное [Ямышевское]	на правом берегу Иртыша	оз. Калатуз
р. Чиган Аман [первая]	левый приток Иртыша	р. Шаган (впадает в Иртыш около пос. Белогорье)
оз. Соляное	на правом берегу Иртыша	?
р. Чиган Аман [вторая]	левый приток Иртыша	р. Шаган (впадает в Иртыш рядом с пос. Чаган)
безымянная река	правый приток Иртыша (напротив устья р. Гунбанчара)	один из мелких притоков
р. Гунбанчара	левый приток Иртыша	р. Чар
Протока [первая]	правый приток Иртыша	р. Шульбинка
Протока [вторая]	левый приток Иртыша	р. Кызылсу
р. Уба	правый приток Иртыша	р. Уба
р. [без имени]	правый приток Иртыша	р. Ульба
р. Бахтурма	правый приток Иртыша	р. Бухтарма
р. Нарым	правый приток Иртыша	р. Нарым
р. Курчюм	правый приток Иртыша	р. Курчум
р. Бекау	левый приток Иртыша	р. Буконь
безымянное озеро	в истоках Иртыша	оз. Зайсан
безымянная река	правый приток р. Чёрный Иртыш	р. Каба

контур русла Иртыша, особенно на отрезке между реками Бухтармой и Курчумом: устье Курчума показано значительно восточнее устья Бухтармы, хотя в действительности оно расположено западнее. В результате характерный изгиб иртышского русла не был отражён на чертеже (рис. 53).

От Тобольска до Ямышевского озера земли вдоль Иртыша были уже хорошо знакомы российским жителям. Ещё в середине XVII в. проехавший вверх по Иртышу посол в Китай Фёдор Байков в своём статейном списке перечислил на отрезке между рекой Камышлов и Ямышевским озером иртышские притоки: Омь, Ачаер, Атмас, Каратунь, Шихай-Буталы, Алач[52]. Эти же реки обозначены на карте 1719 г.

Большинство перечисленных гидронимов (Омь, Ачаер, Атмас, Каратунь, Алач) сохранились до наших дней (табл. 6), однако в действительности это не реки (кроме Оми), а многокилометровые протоки Иртыша. Выше Оми Иртыш течёт по степи и почти лишён рек-притоков, зато имеет широкую пойму, изрезанную многочисленными старицами и протоками. Устья впадающих в Иртыш проток плывущие на судах, по-видимому, воспринимали как устья рек, текущих из степи. В результате параллельные Иртышу протоки на чертеже изображены как реки, берущие начало далеко от иртышского русла. Поскольку сведений о длине таких нарисованных притоков геодезист, очевидно, не имел, все они на карте даны усреднённо, примерно одного размера. Протяжённые притоки, такие как Ишим и Омь, из-за этого, наоборот, показаны значительно короче, чем они есть в действительности (рис. 51).

[52] Статейный список посольства Ф. И. Байкова в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и док. Т. 1. 1608–1683. М., 1969. Док. № 74, с. 171.

Река Шиган Бутавлы, показанная на карте как протяжённый правый приток Иртыша, по длине равный Оми, безусловно, также являлась одной из проток, хотя отождествить её с современными иртышскими гидронимами нам не удалось.

Архаичные особенности изображения иртышских притоков на отрезке от Тобольска до Ямышевского озера позволяют предполагать, что в этой части карты лихаревские геодезисты использовали какой-то более ранний сибирский чертёж, хранившийся в Тобольске.

Начиная от Семипалатной крепости названия притоков и их изображения на чертеже можно сопоставить с записями в журнале плавания Урезова (рис. 52, док. № 73). На карте немного ниже устья реки Гунбанчара показан большой правый приток Иртыша, который не упомянут Урезовым. Наборот, речка Шульба, которая неоднократно называется в дневнике («Шилба»), картографом подписана как безымянная «протока». При этом крайний российский форпост на Иртыше — возведённая в 1719 г. Убинская крепость — на чертеже почему-то помещён напротив устья реки Гунбанчара, хотя укрепление располагалось значительно дальше по течению Иртыша, выше устья реки Шульбы, и этот факт хорошо документирован в путевом журнале.

На отрезке от реки Убы до верховий Иртыша чертёж лучше согласуется с описанием Урезова. Ульба на карте 1719 г. обозначена как река, но не названа, а в дневнике пояснялось: «как зовут, того нихто не знает». Следующие притоки Иртыша (рис. 53) — реки Бухтарма, Нарым, Курчум и Буконь — отмечены на карте и названы в журнале. Любопытно и странно, что картограф не подписал озеро Зайсан — одну из основных целей длительного плавания. Зато на озере нарисован островок, обследованный на обратном пути («И оной остров невелик, длины и ширины сажен на 100»).

Чёрный Иртыш также изображён с характерными деталями. В журнале отмечено, что он впадает «в Нор Зайсан двемя устьями». Эта особенность графически отображена на чертеже. Выше по течению показан один безымянный правый приток, который отождествляется с рекой «Кабан» в дневнике Урезова; именно так подписана эта река на одной из сводных карт 1719 г. (рис. 55). Тщательно вырисован и большой остров на Чёрном Иртыше — тот самый, который стал крайней точкой при движении вверх по реке. «А на оном острову к построению крепости место удобное. А шириною и длиною по версте». Нетрудно убедиться, что на карте размеры острова явно преувеличены. Остров примыкает к рамке чертежа, так же как и начальная точка пути — город Тобольск (в противоположном углу карты).

Анализ карты 1719 г. показывает, что она, несомненно, соотносится с путевым журналом, особенно совпадая на том отрезке, где участники плавания были первопроходцами. Вместе с тем на отрезке от реки Убы до Семипалатной крепости на чертеже обнаруживаются явные ошибки.

Вторая карта 1719 г., сохранившаяся в архивном фонде Кабинета Петра I, так же как и первая, не имеет названия и указания авторства (цв. ил. 6). Кроме того, на рамке чертежа нет обозначений географических координат, на карте отсутствуют линейный масштаб и рисунок компаса с указанием сторон света. Однако сопоставление с первым чертежом показывает, что рамка карты была ориентирована по меридиану (юг вверху).

На чертеже изображено Верхнее Прииртышье и внутренние районы владений хунтайджи. Таким образом, на итоговой карте 1719 г. отражены как результаты, полученные топографом-«навигатором» во время плавания с капитаном Урезовым до Чёрного Иртыша, так и сведения, которые невозможно было собрать в ходе экспедиции. Очевидно, что обширные территории Центральной Азии, расположенные к югу от Иртыша, рисовались исключительно по опросным данным.

Иртыш на обзорном чертеже 1719 г. показан на отрезке от Ямышевской крепости до истоков Чёрного Иртыша. Между Ямышевской и Долонской крепостями картограф ошибочно поместил Железенскую крепость, которая в действительности располагалась гораздо ниже по течению. Изображение реки не совсем соответствует чертежу, выполненному по инструментальным съёмкам: оно менее растянуто по долготе и имеет несколько иные изгибы. Как ни странно, иртышские притоки изображены здесь точнее (рис. 54): во-первых, отсутствует безымянная река, показанная на первом чертеже впадающей в Иртыш справа, напротив р. Гунбанчара, — такой реки действительно нет; во-вторых, подписана река Шульба («Шилба»), не названная на инструментальной карте.

Нижнее течение Чёрного Иртыша, которое обследовала экспедиция Урезова, нарисовано так же, как на инструментальной карте (рис. 53), но без изображения безымянного правого притока. Составители общего чертежа посчитали необходимым показать Чёрный Иртыш от его истоков и пририсовали верхнюю часть реки, очевидно, по расспросным сведениям. В истоке Чёрного Иртыша неизвестно с чьих слов появилась надпись «урочище Карьяк».

В юго-западной половине сводной карты 1719 г. показаны земли от границ Китайского государства до берегов Каспийского моря (цв. ил. 6). На этой обширной территории изображены лишь несколько крупных рек, которые инте-

ресовали составителя, собиравшего сведения об эркецком золоте. Крайними на юго-западе нарисованы город Хива и река «Амун Дарья». Следует напомнить вопрос, поставленный Петром I перед Лихаревым в январе 1719 г.: «Нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану, а впали в Дарью реку или в Аральское море». Составленная к концу года карта ясно давала понять, что между озером Зайсан и Аму-Дарьёй расположено несколько горных цепей. Истоки Аму-Дарьи и золотоносной реки «Ерькень» на чертеже разделены горами под названием «Камень Мустак». На карте видно, как реки Ерькень, Кашкар, Аксут и Хотень (современные Яркенд, Кашгар, Аксу и Хотан), сливаясь, текут на восток и теряются в песках Центральной Азии. Севернее, за горным хребтом «Камень Мусрат[53] леденые горы», изображена река Или с притоком Текес, ниже устья которого расположено «кочевье колмацкое» — ставка ойратского «контайши». Река Или, как и реки Восточного Туркестана, показана теряющейся в степи, составитель не знал, что она впадает в озеро Балхаш. Само озеро на карте не нарисовано.

В целом сводная «хартина» 1719 г. значительно подробнее и точнее, чем изображение той же территории на карте Гагарина 1718 г. Однако если у Гагарина на чертеже была отмечена дорога от озера Зайсан через город Турфан до Эркети, то на карте лихаревских геодезистов такой путь не изображён, показана лишь «дорога х Китаю», начинавшаяся у Ямышевского озера. Судя по сводной карте, для достижения Яркенда надо было уже от Ямышевской крепости уходить от Иртыша на юг, в степь. Движение вверх по реке, к озеру Зайсан, оказывалось бесперспективным.

Как рассказано выше, в Библиотеке Академии наук сохранился ещё один экземпляр такой же сводной карты из комплекта, посланного И. М. Лихаревым в Сенат (цв. ил. 7). Знакомство с нею убеждает, что этот экземпляр делался другим картографом: в иной манере нарисованы холмики и деревья, изображающие горы и леса, иначе выполнены условные знаки городов, крепостей и кочевий (рис. 55, 56). Поскольку оба чертежа были отправлены 16 ноября 1719 г. из Тобольска, а там работали лишь два лихаревских геодезиста, встаёт вопрос — какой из двух сводных чертежей сделал Иван Захаров, а какой — Пётр Чичагов?

Рукописные карты Петра Чичагова и образцы его почерка достаточно известны. В частности, сохранились подписанные самим геодезистом «Карта течения Иртыша» 1720 г. (цв. ил. 8), сводная «хартина» 1720 г. (цв. ил. 9), карта Кузнецкого уезда и ведомства Колывано-Воскресенских заводов 1729 г.[54] Сопоставляя с ними экземпляры сводной карты 1719 г., можно уверенно утверждать, что экземпляр из кабинетского комплекта был выполнен Петром Чичаговым. Об этом свидетельствуют изобразительная манера и почерк, которым сделаны надписи. Следовательно, сенатский экземпляр того же чертежа должен принадлежать Ивану Захарову.

Такой вывод подтверждается сопоставлением начертаний букв в надписях на экземпляре БРАН с почерком Ивана Захарова в известных нам трёх автографах геодезиста (док. № 76–78). Только на этой карте показано раздвоение устья реки Убы, что согласуется с записями в журнале плавания Урезова: «А вышла оная речка в Ыртышь двемя устьями». Также только на карте Захарова правый приток Чёрного Иртыша назван рекой Кабан, о которой упоминается в дневнике Урезова. Любопытно, что детальное изучение надписей на сенатской карте, явно выполненной Захаровым, позволило выделить семь подписей, несомненно сделанных рукой Чичагова (рис. 55). Три из них — подписи дорог в Китай и к далай-ламе; три — названия русских крепостей на Иртыше (Долонской, Семипалатной и Убинской); одна надпись «урочище Корьяк» в истоках Чёрного Иртыша.

Дальнейшее сличение изобразительной манеры и почерка надписей на сохранившемся кабинетском экземпляре карты течения Иртыша, составленной по результатам инструментальных съёмок Ивана Захарова, привело нас к неожиданному выводу. Оказалось, что наиболее ранняя из дошедших до наших дней геодезических карт Сибири (цв. ил. 5) выполнена не автором съёмок, а Петром Чичаговым! Становится ясно, что комплект из двух карт, изготовленных Иваном Захаровым, прибывший в столицу навигатор сам передал в Сенат, сообщив о них «словесно». Такие действия Захарова логичны, поскольку геодезисты были прикомандированы к Лихареву Сенатом и находились в ведении этого ведомства. К Петру I поступил комплект карт, изготовленных Петром Чичаговым.

Таким образом, сейчас известно, что лихаревские геодезисты осенью 1719 г. создали в Тобольске четыре карты.

1. Карта течения Иртыша от Тобольска до острова на Чёрном Иртыше. Нарисована Петром Чичаговым по результатам инструментальных съёмок Ивана Захарова. Хранится в фонде кабинета Петра Великого (цв. ил. 5).

---

[53] На чертеже, выполненном И. Захаровым и переданным в Сенат, горы подписаны точнее: «Камень Мусард ледяныя горы» (рис. 55, цв. ил. 7). Правильное название этих гор на северо-востоке Тянь-Шаня — Мусарт.

[54] Ландкарта Кузнецкого уезда, составленная геодезистом Петром Чичаговым [1729 г.] // БРАН. Отдел рукописей. Собрание рукописных карт. Основная опись. № 473.

Рис. 54. Фрагмент сводной карты («хартины») 1719 г., выполненной Петром Чичаговым. Показаны часть Чёрного Иртыша, озеро Нор-Зайсан и верхнее течение Иртыша до Семипалатной крепости. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 6

Рис. 55. Фрагмент сводной карты («хартины») 1719 г., выполненной Иваном Захаровым. Показаны часть Чёрного Иртыша, озеро Нор-Зайсан и верхнее течение Иртыша до Долонской крепости. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 7

Рис. 56. Фрагмент сводной карты («хартины») 1719 г., выполненной Иваном Захаровым. Юго-западная часть карты с изображением верховий Аму-Дарьи, рек и городов Восточного Туркестана, ойратских кочевий по рекам Или, Текес и близ озера Нор-Зайсан. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 7

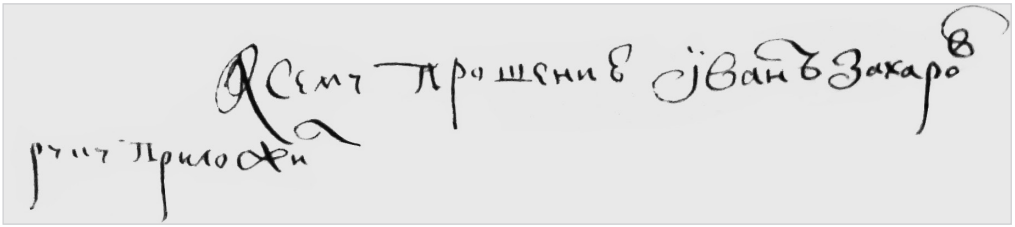
2. Сводный чертёж течения Иртыша (от Ямышевской крепости до истоков) и прилегающих с юга земель Центральной Азии. Также выполнен Петром Чичаговым, хранится в фонде Кабинета (цв. ил. 6).

3. Аналогичный сводный чертёж, созданный Иваном Захаровым (несколько подписей дополнены рукой Петра Чичагова). От составителя поступил в Сенат, вскоре был передан в Петербургскую академию наук, сейчас хранится в отделе рукописей в Библиотеке Академии наук (цв. ил. 7).

4. Карта течения Иртыша, составленная самим автором инструментальной съёмки «навигатором» Иваном Захаровым. Поступила от геодезиста в Сенат, в 1726 г. вместе с другими картами была передана в Петербургскую Академию наук. Последнее известное нам упоминание карты — в рукописном каталоге 1773 г. К сожалению, именно этот чертёж, знаменующий начало инструментальных геодезических работ в Сибири, по всей вероятности, безвозвратно утрачен.

Биографических сведений об Иване Захарове чрезвычайно мало. Начиная с XIX в. в литературе по истории российской картографии повторяется лишь краткое упоминание о том, что в 1719 г. он вместе с Петром Чичаговым был включён в команду гвардии майора Лихарева и послан в Сибирь[55]. О деятельности Ивана Захарова в Сибири до последнего времени не было известно абсолютно ничего. Благодаря тому, что нам удалось выявить три документа, подписанные Захаровым, и созданную им карту, имя этого петровского геодезиста возвращается в летопись российской картографии, где должно встать в ряду первопроходцев отечественной геодезии.

[55] Иванов П. И. Обозрение геодезических работ в России со времени Петра Великого… 1853. Кн. 9. С. 426; Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958. С. 7; Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 22.



Автограф геодезиста Ивана Захарова: «К сему прошению Иван Захаров руку приложил». 1719 г.

Документ № 76

1719 г. февраля 5. **– Прошение геодезистов Ивана Захарова и Петра Чичагова на имя Петра I с просьбой об увеличении месячного жалованья в связи с отправкой в Сибирь**

(л. 285) Державнейший царь, государь милостивейший

В нынешнем, государь, 719-м году по твоему царского величества указу взяты мы, ниже именованныя рабы твои, из науки геодезии и посылаемся из Санкт-Питербурха в Сибирскую губернию для описания хартины лейб гвардии с маэором Иваном Михаиловичем Лихаревым. А твоего, великаго государя, денежного жалованья даетца нам по три рубли человеку на месяц. А которыя наша братия посланы в Сибирскую губернию до Комчатки реки, и им определено великого государя денежного жалованья по девети рублев с полтиною человеку на месяц, а имянно: Ивану Евреинову да Федору Лужину.

Всемилостивейший государь, просим вашего величества: да повелит державство ваше нам, рабом твоим, определить свое, великаго государя, денежное жалованье против выше помянутых нашей братьи, чтоб нам, рабом твоим, во оной далной посылке было чем прокормитца.

Вашего величества нижайши рабы геодезисты Иван Захаров, Петр Чичагов.

Февраля в 5 де[нь] 1719 году.

[*Автографы:*] К сему прошению Иван Захаров руку приложил.

К сему прошению Петр Чичагов руку приложил.

(// л. 285 об.) [*Резолюция:*] Взять у тех челобитчиков ведение, откуду тем школником в Камчадал их отпуск был и такая месячная дача им была. И против того справитца, не мотчав.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 285–285 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 77

1719 г. февраля 5. **– Сообщение геодезистов Ивана Захарова и Петра Чичагова в Сенате о размере жалованье геодезистов, посланных на Камчатку**

(л. 286) И февраля в 5 де[нь] против выше писанной пометы челобитчики Иван Захаров, Пётр Чичагов в Сенате сказали:

Помянутые де школники Иван Евреинов, Федор Лужин в нынешнем 719-м году в генваре месяце по имянному царского величества указу отправлены в Сибирскую губернию до Комчатки реки для описания хартины из Кабинета его царского величества. И для той посылки учинено им его царского величества месечнаго жалованья и велено давать в Сибирской губернии по девети рублев с полтиною человеку на месяц.

[*Автографы:*] Иван Захаров руку приложил.

Петр Чичагов руку приложил.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 286. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 78

1720 г. февраль. **– Прошение геодезиста Ивана Захарова на имя Петра I с просьбой о выдаче жалованья на 1720 год для выплаты долгов**

(л. 69) Державнейший царь, государь милостивейший.

В прошлом, государь, 719-м году был я, нижеименованный раб твой, посылан лейб гвардии Семеновского полку с маеором Лихаревым в Сибирскую губернию и дале для описания картин. А твоего государева денежного жалованья дано мне, нижайшему, на прошлой 719-й

год тритцат шесть рублев. А на нынешней 720-й год мне, нижеименованному, не выдано. И будучи в оной посылке я одолжал великими долгами и оскудал. И ныне меня, нижайшаго, в долговых денгах держат под караулом по челобитью разных чинов должников в концелярии надворного суда. А мне, нижайшему, оных долгов оплатить, кроме твоего государева жалованья, нечем.

Всемилостивейший государь, прошу вашего величества, да повелит державство ваше, свое государево жалованье на нынешней 720-й год на росплату долгов выдать, дабы мне, нижайшему, сидя в концелярии надворнаго суда, вконец не разоритца.

Вашего величества нижайший раб, геодезист (// л. 69 об.) Иван Захаров.

Февраля в ___ де[нь] 720-го году.

Сие прошение писал ратушской подьячей Алексей Юматов.

[*Автограф:*] К сему прошению Иван Захаров руку приложил.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 4. Кн. 58. Л. 69–69 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Глава 20

«Зайсанский поход» Ивана Лихарева (сентябрь 1719 — октябрь 1720 года)

Осень и начало зимы 1719 г. оставшийся в Тобольске Лихарев потратил на подготовку к будущему «зайсанскому походу». 17 сентября в письме Петру I он объяснил, почему не отправился в плавание вверх по Иртышу сразу же по прибытии в Тобольск:

«А к Заисан озеру ис Тоболска сего лета я не пошел для того, что по ведомости ис тоболской канцелярии во отправлении было с подполковником Бухолцом штап и обор и унтер афицеров и драгун и салдат и артилерных служителей и неслужащих три тысячи семнатцать человек. А ныне по ведомости из Семиполатной крепости от подполковника Ступина тои команды всякого чину людей толко тысяча восмьсот сорок восмь человек»[1].

Из недостающих 1169 человек тобольским властям к 17 сентября удалось рекрутировать лишь 241 новобранца[2]. В последующих письмах Лихарев пояснял, что в недостающее число входило «салдат девятьсот шестьдесят три человека, опричь других чинов»[3] (док. № 80). То есть кроме 963 солдат требовалось 206 человек других чинов (офицеров, артиллеристов, мастеровых людей).

Ещё хуже обстояло дело с вооружением. В том же письме Петру I от 17 сентября 1719 г. гвардии майор сообщал царю, что из ружей в Тобольске не имелось ничего, кроме фузей[4] без штыков, и тех было всего 388 стволов. Остальных солдат власти могли снабдить только холодным оружием — в арсенале хранились 474 палаша[5]. Шпаг, патронных сумм и прочей амуниции вовсе не было. Об артиллерии, которую Лихарев мог бы взять в поход, в многочисленных документах нет никаких упоминаний. Сообщалось лишь о том, что пушечного пороха в Тобольске имелось всего 20 пудов, фузейного 21 пуд, ручного[6] 52 пуда[7].

В сентябре 1719 г. Лихарев ещё предполагал, что на озере Зайсан ему удастся построить крепость. Расчёт необходимого для похода провианта он производил с учётом будущего гарнизона. «А ежели от Семиполатной крепости походу быть к Заисану озеру, то надлежит в Семиполатной крепости правианту быть на два года для того, что от Тоболска до Заисана озера за далным путем одним летом правиант довесть невозможно». При этом на один год, по его подсчётам, требовалось 10 439 четвертей[8] «муки ржаной и сухарей». Между тем в 1719 г. из Тобольска в Ямышевскую крепость было отправлено менее годового запаса — всего 7139 четвертей. Съестных припасов для масштабного похода явно не хватало. «В Тоболску и в слободах ржи и муки нет, — сообщали Лихареву из губернской канцелярии. — А до Семиполатной де крепости тот правиант довезут ли или нет, о том не ведомо. Потому что ис Тоболска к Семиполатной крепости до сего 1719-го го-

---

[1] РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 41. Л. 336 об.

[2] В письмах от 3 марта (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 318) и 8 мая (см. док. № 80) 1720 г. Лихарев писал, что к 17 сентября ему было прислано из Тобольской канцелярии 462 рекрута. Вероятно, в этих письмах он по ошибке приводил данные на 16 ноября (см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 365).

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 317 об.

[4] Фузея — длинноствольное кремневое ружье.

[5] Палаш (от венг. pallos) — холодное колюще-рубящее оружие для рукопашного боя с прямым клинком, применялось тяжёлой кавалерией.

[6] В петровскую эпоху порох выделывался трёх сортов: пушечный, мушкетный и ручной. Они различались по размеру крупинок и удельному весу. Удельный вес ружейного (мушкетного) пороха находился в пределах 1,5–1,6, а у артиллерийского 1,7–1,9 (Суханов И., Хабурзания М. Фабрикация и приемка дымного пороха XVIII–XIX вв. // Крепкий заряд [Электрон. ресурс]. 1998. № 5. URL: http://www.gun-magazine.ru/art.php?page=59839). Мелкий мушкетный порох лучшего качества назывался ручным (История Шосткинского казенного завода «Звезда». [Электрон. ресурс]. URL: http://shostka.org/history_zvezda.shtml (21.01.2014).

[7] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 336 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 317 об.

[8] Четверть — мера объёма сыпучих тел, равная 209,92 л = 8 четвериков; четверик = 26,24 л = 8 малых четвериков; малый четверик (гарнец) = 3,28 л = $^1/_{64}$ четверти. В XVIII в. вес четверти ржи составлял 8–9 пудов, в зависимости от качества и влажности зерна (Четверик // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка).

ду правианта не посылали, а брали в Семиполатную крепость правиант из Ямышевой крепости»[9].

9 ноября 1719 г. в Тобольск поступил сенатский указ, ещё более осложнивший подготовку к «зайсанскому походу»[10]. Капитану-поручику А. Г. Шамордину[11], который входил в команду И. М. Лихарева, поручалось «набрать в сибирских городех в рекруты четыре тысячи человек». Указом предписывалось в счёт этого числа взять всех рекрут, ранее набранных для похода на Зайсан. К тому времени из недостающих до комплекта 963 солдат Лихарев уже получил 462 человека. «И оных рекрут своего набору без указу вашего царского величества я отдать не смею», — писал И. М. Лихарев царю (док. № 74). Кабинет-секретарю Алексею Васильевичу Макарову он объяснял: «Ежели оных рекрут ныне мне отдать, то к предбудущему году, к походу моему к Заисан озеру, толикого числа рекрут мне набрать и изучить в такое малое время будет невозможно. А оные набранные рекруты военному артикулу уже и обучены»[12].

Пока в Тобольске Иван Лихарев вёл переписку с губернским начальством, Сенатом и царём, готовясь к будущему плаванию, его письмо к Цэван-Рабдану, отправленное ещё в июне 1719 г., наконец, попало к адресату. 11 октября Ивана Чередова и его спутников под охраной привези к Урге — кочевой ставке ойратского правителя. Более месяца посланцу Лихарева пришлось ожидать приёма у хунтайджи. Встреча с Цэван-Рабданом состоялась 20 ноября. Процедура аудиенции походила на церемонию, которая состоялась при их встрече 21 ноября 1713 г. Как и тогда, хунтайджи письмо «своими руками не принял»[13]. По словам Чередова, послание Лихарева у него в присутствии хунтайджи принял сын зайсана Духара по имени Чагун (док. № 82).

В отличие от 1713 года, на сей раз Цэван-Рабдан не стал соблюдать традиционный дипломатический этикет и не задал Чередову вопрос о здравии русского царя. Наоборот, он язвительно заявил: «У белова де царя два указа, а не один: городы де строят и послов посылают, и моих де людей к себе берут и крестят, знатно де в Русе людей малое число». Такой тон хунтайджи не сулил российскому отряду быстрого возвращения на родину. На следующий день, когда к Чередову «на стан» приехали представители Цэван-Рабдана и стали вместе с ним переводить письмо, выяснилось, что текст Лихарева содержал жёсткие формулировки, о которых не говорилось в наказе Чередову. В частности, тарский казачий голова только теперь узнал, что Лихарев решительно отверг требование хунтайджи «свести» Ямышевскую крепость, восстановленную в 1716–1717 гг. «И то ты пишишь не дельно. Город построен на земле царского величества, а Иртыш с устья и до вершины царского ж величества. А городы строят не ради с тобою ссоры, ради искания золотых, серебреных и медных руд, и ради умножения с тобою торгов», — пересказывал позднее Чередов письмо И. М. Лихарева (док. № 82, ср. с док. № 72).

Упорство в территориальных претензиях России на земли Прииртышья, которые ойраты считали исконно своими, сделало невозможными дальнейшие переговоры. Чередов и его спутники остались под караулом и были вынуждены жить в изоляции вплоть до конца октября 1720 года (док. № 82).

Одной из задач, поставленных Петром I перед Лихаревым, было проведение расследования «о золоте эркецком: подлинно ль оное есть». Кроме того гвардии майору поручалось «проведывать о пути от Зайсана озера к Иркети: сколко далеко и возможно ль дойтить. Также нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану, а впали в Дарью реку»[14]. Уже 17 сентября 1719 г., отправляя свои письма в Санкт-Петербург, Лихарев послал с гвардии солдатом Кирилом Сонцовым выписки из показаний допрошенных в Тобольске «разных чинов людей», которые могли что-то рассказать о бухарском золоте и пути до Эркети. Эти материалы допросов Сонцов должен был доставить «в канцелярию брегадира и от гвардии маэора господина Дмитриева Мамонова». Предполагалось, что о предварительных результатах тобольского расследования царю доложит сам Иван Ильич Дмитриев-Мамонов. Действительно, в фонде Кабинета Петра I среди писем Лихарева хранится экстракт его письма от 17 сентября 1719 г., в котором кратко излагаются итоги следствия об эркетском золоте[15]:

«Маеор Лихарев ис Тоболска сентября от 17-го дня 1719-го году пишет… По прибытии ево в Тоболск, разных чинов люди о помянутом золоте и о пути 86 человек допрашиваны…

---

[9] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 337.

[10] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 7. Док. № 723. Л. 164 об. — 165 об. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 61, с. 262.

[11] Об отправке А. Г. Шамордина в Сибирь рассказано в главе 17.

[12] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 365.

[13] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 86. Л. 195–203. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. Док. № 122-2, с. 521.

[14] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 5: 1713–1719. № 3284, с. 616.

[15] В письме И. М. Лихарева Петру I от 17 сентября 1719 г. о результатах следствия не говорится. «И по тем выпискам, чтоб доложить вашему величеству, к нему, брегадиру, я писал», — сообщал царю гвардии майор (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 336 об.). Можно предположить, что цитируемый ниже экстракт прислан в Кабинет из Канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова.

А о пути сказали, что от Ямышева до кочавья контайшина, а от кочавья до Эркеня ходу верховою ездою, лошадми и верблюдами, 3 месяца и 24 дни. А санми и телегами в том пути ехать невозможно, потому что пески и великие горы каменные и ледяные, и безводных мест, и травы с нуждою.

А про другой путь сказали: от Ямышева ж до Зайсана озера верховою ездою 3 недели и 4 дни. А от Зайсана озера до Эркеня водяного ходу нет, а верховою скорою ездою ходу 8 недель и 2 дни. А в том пути по тому ж санной и тележной езды нет»[16].

16 ноября 1719 г., отправляя очередную корреспонденцию в столицу, Лихарев, по-видимому, дополнил своё письмо к кабинет-секретарю Алексею Макарову специальным «Ведением». Помимо прочего, в нём кратко сообщались результаты расследования об эркетском золоте и вновь повторялось: «А водяного ходу от Заисан озера к Эркеню нет»[17].

Уже в сентябре, после проведённых допросов, Лихарев знал, что на речных судах от Зайсана к Эркети не доплыть, «а санми и телегами ехать невозможно». В октябре, после возвращения экспедиции капитана Урезова, стало ясно, что на берегах озера нет подходящего места для строительства крепости. Таким образом, «зайсанский поход», подготовка которого шла с таким трудом, становился бессмысленным. О том, что от озера Зайсан до города Эркеть никакого водного пути нет, ясно указывала и карта, составленная геодезистами Иваном Захаровым и Петром Чичаговым в Тобольске к середине ноября.

Вероятно, посылая 16 ноября в столицу капитана-поручика Шаховского и участников плавания с картой и путевым журналом Урезова, Иван Михайлович Лихарев надеялся, что после встречи с ними царь внесёт коррективы в первоначальный план военной экспедиции, начертанный в январском указе. Поэтому так настойчиво просил Лихарев кабинет-секретаря Макарова (в письме от того же 16 ноября), «чтоб по вашему, моего государя, милостивому заступлению получить мне о всем его величества указ»[18]. Ту же просьбу гвардии майор повторил и в своём следующем письме Макарову от 27 декабря 1719 г.[19]

Письма И. М. Лихарева достигли адресатов, а участники плавания на Зайсан, по-видимому, встречались с Петром I. Однако царь остался недоволен итогами 1719 года. 26 февраля 1720 г. он продиктовал своё послание к Лихареву: «Господин маеор, писма твои, ис Тоболска писанные, до нас все дошли, в которых согласно пишеш о делах, что следовал ты за бывшим губернатором Гагариным в Тоболску. Но нам нужнее было, чтоб ты ехал сам по данному вам указу к Зайсан озеру для проведыванья о золоте и для осмотру водяного ходу. И хотя ты посылал туды афицера с навигатором, однако они совершенно о том не проведали». Ниже рукой Петра I приписано: «…Также не описывайся более, но чини по данному тебе указу, ибо описки твои в дело не поставят. Дано указ, в котором явно изображено, что то делать, что мочно» (док. № 79). Царь оставил в силе все прежние распоряжения, ещё раз подчеркнув, что плавание самого Лихарева на Зайсан необходимо, никакого нового указа не будет. В заключительной фразе Пётр I напомнил гвардии майору о том, что ему уже январским указом дано право самостоятельно принимать оперативные решения — «всё чинить, сколко возможно, а в газард не входить» (док. № 71).

Указ сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому, о котором сообщал Пётр I Лихареву, был дан царём 9 февраля 1720 г. Монарх требовал, чтобы губернатор поехал из Москвы в Тобольск и там снабдил Лихарева «всем, чего он требует… дабы он ничем не отговаривался»[20].

Через десять дней именной указ был получен в Москве. Вслед за тем в Сибирском приказе составили подробный перечень всего, что уже выдано из Канцелярии Сибирской губернии Лихареву и его спутникам[21]. 25 февраля последовали приказы А. М. Черкасского: недостающих рекрут для «зайсанского похода» набрать из казачьих детей; «провиант, покупая, и другия принадлежащия по требованию его, господина маэора Лихарева, отправлять без задержания, дабы он ничем не отговаривался»; порох отправить из Москвы «в самых скорых числех, чтоб конечно к нынешней наступающей весне к походу его, господина маэора Лихарева, в Тоболск привезено было»[22]. Об отправке в Тобольск ружей и других военных припасов Черкасский распорядился «в Москву, в Канцелярию Сибирской губернии»[23]. В тот же день губернатор отправил письмо Лихареву, со-

16 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 374–374 об.

17 Там же. Л. 363.

18 Там же. Л. 365.

19 Там же. Л. 357 об.

20 СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 141. Л. 269. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-5, с. 193–194.

21 СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 142. Л. 272 об. – 285. Цит. по: Там же. Док. № 53-6, с. 194–200.

22 СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 143. Л. 285–286. Цит. по: Там же. Док. № 53-6, с. 200–201.

23 СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 145. Л. 290 об. – 291 об. Со времён М. П. Гагарина в прежней столице России находилась Московская канцелярия Сибирской губернии. В 1720 г. её возглавлял ландрихтер Иван Лукич Чепелев (Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 193, док. № 145).

общив ему о своих распоряжениях и о том, что вместо князя Алексея Шаховского в Тобольск послан гвардии капитан-поручик Иван Семёнов[24].

Зиму 1719/1720 гг. Иван Михайлович Лихарев потратил на бесплодную переписку с расположенной там же, в Тобольске, Сибирской губернской канцелярией, которой в отсутствие губернатора руководили тобоьский обер-комендант Семён Прокофьевич Карпов и ландрат Викула Греков[25]. 24 февраля 1720 г. они доносили в Москву князю Черкасскому, что из недостающих 963 рекрут Лихареву уже дано 658 человек, а остальных 305 новобранцев решено рекрутировать из Енисейского уезда[26]. Примерно тогда же Лихарев получил указ из Сената, которым ему разрешалось не отдавать А. Г. Шамордину своих солдат[27].

С наступлением весны и приближением даты выступления в поход ситуация с подготовкой плавания на Зайсан стала критической. 3 марта 1720 г. Лихарев написал в Сенат о состоянии дел. Он сообщал, что посланный в Ямышевскую крепость провиант «остановися в заморозе меж Тарою и Омскою крепостью». Теперь его санным путём свозят в Омскую крепость, а в Ямышевскую в 1719 г. не удалось доставить даже годовой запас продуктов. «А мундиру и судовых припасов в готовности ничего нет», — писал Лихарев. Порох и свинец, который «велено отправить с Москвы нынешним зимним путем», в Тобольск так и не привезли, в то время как имевшиеся в городе запасы сократились (осенью было 93 пуда, к марту осталось 27 пудов). В конце письма гвардии майор подводил неутешительный итог годовым сборам в Тобольске к «зайсанскому походу»:

«И за оным неотправлением, как за неприсылкою досталных рекрут, також и пороху, и свинцу, и артилерии, и многой аммуницыи, и мундиру, и судовых припасов в поход итить не с чем. Да и для того, что правианта и на один год по се время отправлено не сполна. А и тот правиант отправлен на 719 год… А как я пойду в поход и мне надлежит взять правианта каманды моей с сего 720 году впредь на два года… для того, чтоб заведши в такую немалую далность, не поморить людей з голоду. И ежели за выше означенным неотправлением походу моему учинитца остановка, чтоб мне от царского величества гневу в том не принять»[28].

Многие трудности, возникшие при подготовке к крупномасштабной военной экспедиции, были связаны с нехваткой людей и имели объективный характер. 10 марта 1720 г. тобольское начальство сообщало князю Черкасскому, что Лихареву дано уже 709 человек, недостающих «послано набирать в Енисейск, и ежели не достанет, досталных салдат набирать не из кого». Кроме того, для доставки провианта на сорока дощаниках вверх по Иртышу в новопостроенные крепости в 1719 г. потребовалось 1370 служивых людей. «А ныне надобно против прежняго дощаников вдвое», и неизвестно, где взять такое количество работников, — писали Карпов и Греков[29].

Осложняла подготовку к походу и значительная удалённость от столиц. Так, письмо Лихарева, датированное 3 марта, поступило в Сенат лишь 26 мая. Письмо Петра I от 26 февраля Лихарев к началу своего плавания на Зайсан, по-видимому, получить не успел. Многие задержки были связаны с весенней распутицей. Например, 6 и 14 марта из Москвы в Тобольск отправили по две тысячи фузей, палашей, портупей, лядуночных ремней; 1052 лядунки (сумки-патронницы)[30]. Однако к началу мая они в столицу Сибири, судя по всему, так и не прибыли.

2 мая 1720 г. в Тобольск наконец привезли тысячу пудов пороха, из которых Лихарев получил 750 пудов. К этому времени для гвардии майора удалось собрать по Сибири 809 рекрутов (из необходимых 963 человек). Хуже обстояло дело с провиантом. В Тобольске и слободах муки имелось чуть больше полугодового запаса, а Лихарев требовал «полного числа на два года: на нынешней 720 и на 721 год… для того, что одним годом правианту к Зайсан озеру ис Тоболска привесть за далностию невозможно» (док. № 80).

Ответов на свои послания, адресованные царю и в Сенат, Лихарев так и не получил. 8 мая в своём последнем письме в Сенат гвардии майор сообщал: «И по тем писмам и выпискам, и по карте от вашего сиятелства и превосходителства требовал я указу. И на оное от вашего сиятелства и превосходителства никакова указу майя по 8 число нынешняго 720 году я не получил. И посланные (в Петербург. — *Авт.*)[31], ко мне в Тоболеск не явились».

---

[24] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 146. Л. 292–293 об. Заголовок документа опубликован: Актовые источники по истории России и Сибири… Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 193, док. № 146.

[25] Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей Земли российским оружием… 1745 году. С. 128–129. [Рукопись, законченная к 8 июня 1745 г.]. Опубл.: American memory / The Library of Congress [Электронный ресурс]. URL: http://memory.loc.gov/service/ndlpcoop/mtfxtx/txg/g349606048.

[26] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 150. Л. 298–299.

[27] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 318.

[28] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 318–318 об.

[29] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 151. Л. 299 об. — 301. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 62, с. 264–265.

[30] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 152. Л. 301–302. Опубл.: Там же. Док. № 64, с. 267–268.

[31] Речь идёт об отправленных в Санкт-Петербург в ноябре 1719 г. гвардии капитане-поручике Алексее Шахов-

Между тем пришло время, удобное для начала плавания. Поэтому Лихарев вынужден был изменить план похода. Отсутствие провианта делало невозможным отправку в далёкий путь большого отряда. Рекруты, которых с таким трудом собирали в течение года, так и не понадобились.

8 мая Лихарев выступил из Тобольска в «зайсанский поход», начав плавание вверх по Иртышу на трёх дощаниках. Отряд насчитывал всего 190 человек, включая самого гвардии майора (док. № 80). Такой состав изначально не предполагал строительство крепости на озере Зайсан. Очевидно, следуя букве царского указа, Лихарев считал необходимым лично посетить далёкие верховья Иртыша и самому убедиться в том, о чём он уже знал по отчёту капитана Урезова и материалам допросов, проведённых в Тобольске.

В день отплытия Иван Михайлович отправил письма в Сенат и Петру I, в которых объяснял причины изменения планов давно готовящегося похода: «Опасаясь того, чтоб не упустить удобнаго времяни к походу, сего майя 8 числа ис Тоболска к Зайсан озеру я пошел на трех легких судах»[32].

Надеясь всё же получить недостающее количество провианта, боеприпасов «и недосланных рекрут», Лихарев оставил в Тобольске на месяц гвардии поручика Якова Сверчкова. «А ежели чего ис Тоболской канцелярии по отбытии моем в скорости не отправят и станут чинить продолжение», то об этом командир велел Сверчкову доложить в Сенат. Спустя месяц, 9 июня 1720 г., поручик послал в Сенат перечень недополученого и выехал из Тобольска[33]. Смог ли он догнать отряд Лихарева, нам не известно.

Обстоятельства плавания Ивана Лихарева на озеро Зайсан и Чёрный Иртыш впервые были детально описаны знаменитым российским историком Герардом Фридрихом Миллером (1705–1783). В 1760 г. в Санкт-Петербурге в научном журнале «Sammlung russischer Geschichte», издававшемся Академией наук на немецком языке, была опубликована его обширная статья «Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey»[34]. Среди прочих сюжетов автор рассказывал о плаваниях к верховьям Иртыша, которые осуществили сибирские военные в 1719 г. под командой капитана Андрея Урасова, а в 1720 г. во главе с гвардии майором Иваном Михайловичем Лихаревым.

Одновременно с публикацией на немецком языке текст статьи Г. Ф. Миллера был переведён и напечатан в 1760 г. по-русски в январском и февральском выпусках журнала «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия»[35]. Спустя четверть века статью переиздал Михаил Дмитриевич Чулков (1743–1792), но эта публикация имела многочисленные мелкие текстуальные несоответствия с оригиналом, иногда существенные[36]. В 2005 г. неудачный вариант Чулкова был издан вторично[37].

В начале статьи Миллер сам сообщил читателям об источниках своих сведений. По словам историка, он использовал материалы тобольского архива, а также устные рассказы участников событий 1715–1720 гг., услышанные им во время путешествия по Иртышу в 1734 г:

«Я нашел в тобольской архиве подлинники о некоторых здесь упоминаемых происхождениях. О сих я, едучи вверх по реке Иртыше в 1734 г., пространнее наведывался, дабы о всем обстоятельнейшее и достовернейшее получить известие. Я нашел таких людей, которые всему тому, что происходило, очевидные были свидетели. И потому на сем моем объявлении можно утвердиться, хотя не всё на письменных доказательствах основано»[38].

Документы столичных архивов автор не использовал. Миллер явно не был знаком ни с письмами-доношениями И. М. Лихарева, которые тот регулярно отправлял из Тобольска в Петербург на имя царя, в Сенат и некоторым вельможам; ни с путевыми журналами плаваний к верховьям Иртыша в 1719–1720 гг. Когда в октябре 1763 г. Коллегия иностранных дел обратилась в Академию наук с просьбой прислать на время журнал путешествия майора Лихарева, академическая

ском, геодезисте Иване Захарове и гвардии сержанте Иване Фролове.

[32] Письмо в Сенат: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 341–342 об. (см. док. № 80). О таком же письме Петру I упоминал кабинет-секретарь А. В. Макаров (Там же. Л. 363).

[33] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 370.

[34] Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg: bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760. S. 183–274. Сборник со статьей выставлен в интернет: American memory [Электронный ресурс]. URL: http://memory.loc.gov/service/ndlpcoop/mtfxtx/txg/g331751194b/ (05.06.2011).

[35] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащия. СПб.: При императорской Академии наук, 1760. Январь. С. 3–55; Февраль. С. 103–142.

[36] Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. Т. 3. Кн. 1. М., 1785. С. 410–478.

[37] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 472–500 (текст), 500–507 (примечания).

[38] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии… СПб., 1760. Январь. С. 7; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 473.

канцелярия переправила этот запрос Миллеру. Тот ответил, что журнала у него не было, историю похода он изложил по документам Тобольской губернской канцелярии и «словесным сказкам бывших при том людей»[39].

Почти сразу русский перевод статьи попал в сибирское летописание — в сокращённом виде он был воспроизведён в Черепановской летописи, законченной в начале 1760-х гг. На это указывал Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959), изучавший рукописный памятник[40]. Однако комментарий известного сибиреведа остался незамеченным. К середине XX в. авторство вставленных в Черепановскую летопись отрывков забылось настолько, что переписанный из статьи Г. Ф. Миллера текст стал восприниматься историками в хронографе тобольского ямщика как самостоятельный архивный источник[41].

Лишь в 2010 г. удалось найти заверенную самим Лихаревым копию его «ведомости о пути» — краткое описание плавания 1720 г. (док. № 81)[42]. Выявленная копия является составной частью итогового отчёта, переданного И. М. Лихаревым в Сенат после возвращения из Сибири. Путевые записи Лихарева оказались включёнными в другой документ, они не имеют выделенного заголовка и начинаются не с отдельного листа, а сразу за предшествующим текстом[43]. Возможно, из-за этих внешних особенностей интересный и давно разыскиваемый архивный источник так долго не попадал в поле зрения исследователей.

Обнаруженный документ о плавании Лихарева во многих деталях отличается от рассказа Г. Ф. Миллера и должен рассматриваться как более достоверный источник. Это не мемуары, а путевой дневник, где события иногда описаны с точностью до часа. Вместе с тем особенностью «ведомости о пути» является лаконизм записей о самом плавании на фоне достаточно подробного рассказа о вооружённом противостоянии на Чёрном Иртыше 1–2 августа 1720 г. Заметки, посвящённые путешествию от Тобольска до верховий Иртыша и обратно, написаны очень скупо, в них отсутствуют точные даты, указаны только дни пути. Возможно, это связано с редактированием путевых записей и их сокращением при составлении «ведомости».

Как сказано выше, из Тобольска вверх по Иртышу отряд Лихарева численностью 190 человек отправился 8 мая 1720 г. «тремя лехкими дощениками». В Тару пришли спустя «полтрети недели», то есть через две с половиной недели (25 мая)[44]. От Тары до Ямышевской крепости плыли семнадцать суток (прибыли 11 июня). Дальнейший путь по Иртышу проходил на лодках, хотя по сведениям Г. Ф. Миллера плавание на лодках-зайсанках началось от Семипалатной крепости[45]. Возможно, смена судов у Ямышева была связана с пополнением отряда. Через восемь дней (19 июня) команда Лихарева достигла Семипалатной крепости. Оттуда пошли флотилией из 29 гребных лодок. «В том походе военных людей было баталион, а в нем 400 человек», — говорилось в ведомости И. М. Лихарева (док. № 81). Г. Ф. Миллер приводил несколько иные, но близкие числа: лодок-зайсанок «было тридцать четыре, на коих находилось четыреста сорок человек и с запасом, на три месяца заготовленным»[46].

Важное уточнение историка о том, что отряд имел провиант только на три месяца, подтверждает наш ранее высказанный тезис: начиная плавание, Лихарев уже не планировал строительство крепости на озере Зайсан. Целью его «зайсанского похода» было личное знакомство с верховьями Иртыша. Отправляясь в июне из Семипалатной крепости, гвардии майор рассчитывал вернуться туда не позднее конца сентября.

Вверх по Иртышу лодки тянули бечевой, идя вдоль берега, по возможности использовали и парус. На Зайсан флотилия прибыла через четыре недели и пять суток (22 июля). «Итого ходу от Тоболска до Нор Заисана 10 недель и 5 сутки», —

---

[39] СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 278. Л. 184, 186. Цит. по: Княжецкая Е. А. Первые русские съемки Западной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1966. Т. 98, вып. 4. С. 335.

[40] Андреев А. И. Черепановская летопись // Исторические записки. 1942. Т. 13. С. 318–319. А. И. Андреев изучал летопись по списку, хранившемуся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (рукописный отдел, № 2214). Позднее И. Я. Златкин стал использовать список, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543.

[41] Златкин И. Я. Введение // Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сборник документов. М., 1959. С. 16. (Сер.: Материалы по истории русско-монгольских отношений; вып. 1); Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 343–347; Из истории Омска (1716–1917 гг.): очерки, документы, материалы. Омск, 1967. Док. № 9, с. 55–56; Черных С. Е. Год рождения 1720-й… : исторический очерк // Рудный Алтай. 1970. 10 сентября; Черных С. Е. С берегов Иртыша. Алма-Ата, 1981. С. 18, прим. 17, 19; Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.). Барнаул, 2008. С. 79–82.

[42] Бородаев В. Б. Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции (24–27 мая 2011 года). Горно-Алтайск, 2011. С. 25–35.

[43] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 453–461 об.

[44] Указанные в скобках даты вычислены авторами по «ведомости о пути» И. М. Лихарева.

[45] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 496.

[46] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… С. 496; Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… St.-Petersburg, 1760. S. 263.

писал Лихарев в отчёте. На Зайсане проплыли вдоль северного берега, чтобы ещё раз убедиться, что удобных мест для крепостного строения нет. Спустя двое суток (24 июля) достигли северного устья Чёрного Иртыша.

Во время плавания на берегах озера были видны «контаишинцы многое число». Одного из кочевников солдаты Лихарева смогли захватить в плен. Он «с розыску сказал, что около Заисана озера и выше кочуют заисанов 5 человек. А под ведением их военных людей 6300 человек». Когда флотилия вошла в Чёрный Иртыш (25 июля), на его берегах были видны группы кочевников. Заметив лодки Лихарева, ойраты сопровождали их по берегу «как перед флотом, так и по флоте по обеим сторонам реки» (док. № 81).

В рассказе Миллера представлена иная картина: «Калмыки приближение россиян, как только в верхней Иртыш вошли, тот час приметили. Они из мест набережных, страха ли ради или для коварства, вдаль отъехали, так что Лихарев на сей езде ни единаго человека не видал. Но калмыцкое войско, состоящее из 20 000 конных, под предводительством контайшина сына и бывшаго при нем калмыцкого владельца Галдан-Черина, находилось тогда в близости, дабы против китайцов и мунгалов, с которыми они в прошедшем году кровопролитное сражение имели, прикрыть землю. Войску подано было известие о прибытии россиян. Всех ужас объял, ибо не инако думали, как что руские с китайцами согласясь, чтоб здесь соединиться, калмыков совокупными силами воевать будут. Но понеже о приближении китайцов не слыхать было, то всё калмыцкое войско обратилось против россиян, которые не чаяли, что вдруг толь великою силою встречены будут»[47].

Как видим, в 1734 г., спустя 14 лет после «зайсанского похода», информаторы Г. Ф. Миллера добавили немало легендарных черт в реальную картину событий. Численность противника за это время возросла в три раза, до двадцати тысяч человек. Во главе ойратской армии солдатский фольклор поставил самого Галдан-Цэрена, который с 1727 г. был правителем западных монголов. Противник показан преувеличенно трусливым (отъезжали от реки, прячась от русских; «всех ужас объял»).

Между тем ойраты устроили на берегу «в крепких местах» засаду и обстреляли флот из ружей. Солдаты Лихарева высадились на берег, отогнали «неприятельских людей», после чего лодки продолжили свой путь вверх по реке. Эта стычка стала началом вооружённого противостояния. Получив подкрепление, кочевники вновь устроили засаду на пути отряда в узком месте русла по обоим берегам реки. Когда лодки Лихарева 1 августа во втором часу после восхода солнца[48] подошли к этому месту, ойраты «учали по ним из ружья палить, чтоб их не пропустить в путь их». Российская флотилия разделилась на две эскадры: авангард и арьергард причалили к южному берегу, а средняя часть флота (кордебаталия) подошла к северному берегу Чёрного Иртыша. Офицеры и солдаты «на берег вышли и пошли по обеим сторонам на неприятелей». Вооруженное противоборство длилось до трёх часов после полудня, то есть более восьми часов. Солдаты «шли на них теми холмистыми местами и песками боем со многою стрелбою». Отряд Лихарева потерял одного человека убитым, девять солдат были ранены. К вечеру произошло ещё одно вооруженное нападение, которое вновь удалось отбить; флот продолжал медленно подниматься по Чёрному Иртышу. С наступлением ночи ойраты стали криками требовать переводчика-толмача, выражая желание начать переговоры (док. № 81).

Но Лихарев, как писал Г. Ф. Миллер, «не почитал за нужно сперва по их желанию сделать. Он имел при себе 13 малых полевых пушек и 6 мортир, которыя против такова народа, у котораго сего совсем нет, сравнены быть могли с нарочитою армиею»[49]. Несмотря на это свидетельство, вопрос о наличии у отряда артиллерии остаётся открытым. Сам И. М. Лихарев в «ведомости о пути» нигде не упоминает об использовании пушек. Судя по всему, в сражениях с ойратами на Чёрном Иртыше не прозвучало ни одного артиллерийского выстрела. Пока не известны документы, подтверждающие оснащение лодок-зайсанок артиллерией.

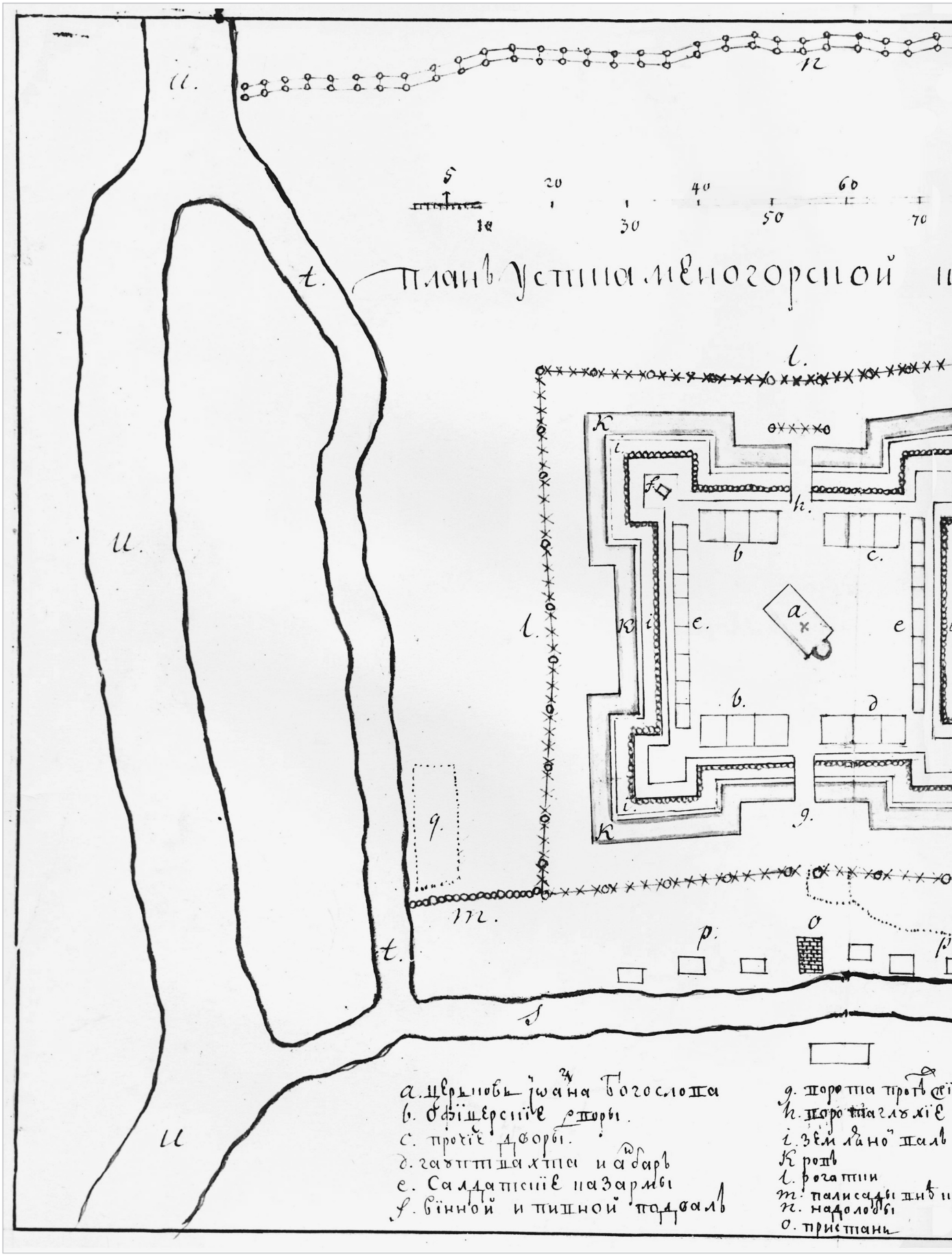
---

47 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 131; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 497.

48 В начале XVIII в. сутки начинались не в полночь. Ночь длилась от конца сумерек до первых признаков зари (Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. С. 48). В это время происходила «отдача ночных часов». С восходом солнца начиналось дневное исчисление времени. Вечером, на закате, происходила «отдача дневных часов» и начиналось ночное время (Отдавать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991). Фраза Лихарева «во 2-м часу дни» означает — на втором часе после восхода солнца, то есть утром.

В оригинальном тексте статьи Миллера, написанном по-немецки, как и в отчёте Лихарева, говорится о первом нападении ойратов через два часа после восхода солнца: «als 2 Stunden nach der Sonnen Aufgang» (Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… St.-Petersburg, 1760. S. 265). В русском переводе написано, что это произошло «в третьем часу дни» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 131; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 497).

49 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 132–133; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 497.


планъ устина меногорской
5
10
20
30
40
50
60
70
a. церьковь Іоана Богослова
b. офіцерскіе дворы.
c. прочіе дворы.
d. гауптвахта и анбаръ
e. Салдатскіе казармы
f. вінной и пивной подвалъ
g. ворота
h. ворота глухіе
i. земляной валъ
k. ровъ
l. рогатки
m. палисады
n. надолобы
o. пристань

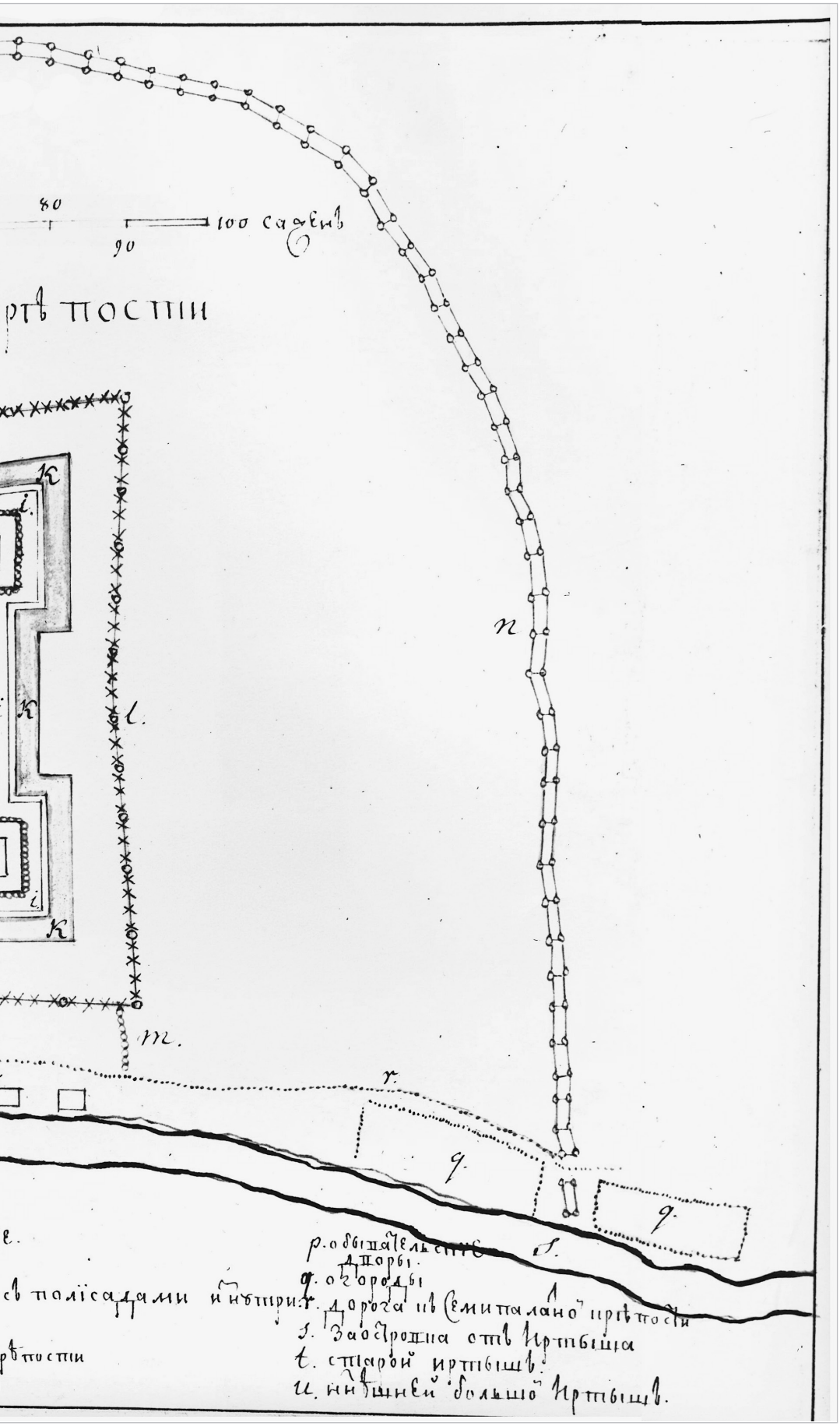


Рис. 57. План Усть-Каменогорской крепости. Чертёж 1734 г.

«*a* — церьковь Иоанна Богослова; *b* — офицерские дворы; *c* — прочие дворы; *d* — гауптвахта и анбар; *e* — салдатские казармы; *f* — винной и пивной подвал; *g* — ворота проежжие; *h* — ворота глухие; *i* — земляной вал с полисадами изнутри; *k* — ров; *l* — рогатки; *m* — палисады вне крепости; n — надолбы; *o* — пристань; *p* — обывательские дворы; *q* — огороды; *r* — дорога к Семипалатной крепости; *s* — заострова от Иртыша; *t* — старой Иртыш; *u* — нынешней большой Иртыш»

2 августа на восходе солнца («в оддачю ночных часов») флотилия Лихарева продолжила движение, но не прошло и часа, как ойраты вновь потребовали начать переговоры, не желая пропускать лодки выше по реке. Отряд вынужден был остановиться. Гвардии майор согласился на переговоры. После полудня состоялась его личная встреча с «главным командиром» монгольского войска. Лихарев заявил, «что они о приходе людей царского величества х контаише с ведомостью послали». Он имел в виду своё письмо к Цэван-Рабдану, посланное с И. Д. Чередовым ещё в июне 1719 г. По-видимому, ойратский военачальник был удовлетворен таким объяснением. Вооруженные столкновения прекратились, более того, Лихарев смог беспрепятственно продолжить «путь свой вперед и шел верст з 10».

Но с какой целью? Плавание от озера Зайсан вверх по Чёрному Иртышу продолжалось девятые сутки. К этом времени отряд должен был приблизиться к месту, где годом раньше повернул назад капитан Урезов, который также поднимался по Чёрному Иртышу девять дней[50]. Дальнейшее продвижение флотилии Лихарева становилось опасным. Немногочисленному отряду противостояло войско в несколько тысяч человек. Надо помнить, что царский указ требовал от гвардии майора не только побывать на озере Зайсан, но и не рисковать без надобности, «чтоб даром людей не потерять и убытку не учинить».

Продолжение плавания к истокам Чёрного Иртыша было бессмысленным, поскольку оно уводило отряд всё далее на восток, «а город Эркень по скаскам разных чинов людей стоит в зюйте», то есть южнее. Опасаясь прибытия новых военных подкреплений от хунтайджи, И. М. Лихарев принял решение повернуть назад, после чего лодки начали обратный путь.

Таким образом, боевые действия на Чёрном Иртыше длились в течение первого августа. На следующий день обошлось без стрельбы — состоялись переговоры, после которых Лихареву позволили идти дальше. Однако вечером 2 августа было принято решение о возвращении, и утром 3 августа лодки уже плыли вниз по реке к озеру Зайсан[51].

В отличие от реального хода событий, Г. Ф. Миллер сообщал читателям о «тридневном сражении», во время которого «с российской стороны убит один гренодер, а капрал и два гренодера ранены». По рассказу историка, лишь 3 августа, «едва паки началось сражение», ойраты вновь стали требовать толмача, выражая желание заключить перемирие. Ход начавшихся переговоров описан Г. Ф. Миллером подробно и красочно, явно по устным преданиям, бытовавшим в 1730-е гг. среди служилых иртышских крепостей. С ойратской стороны на переговоры прибыло «до 100 человек полномочных», а Лихарев «послал от себя прапорщика с 40 человеками гренадеров». Противник явился безоружным, «чему с российской стороны внешно подражали». В действительности у каждого гренадера имелось «за поясом по два заряженные пистолета»; кроме того, если верить рассказчику, «приказал Лихарев гренадерам своим тайно запастися гранатами и зазженными фитилями»[52]. Где прятали российские солдаты гранаты и зажжённые фитили, легенда не уточняла.

В отличие от внешних деталей, суть переговоров в рассказе Миллера передана достаточно точно. Россияне заверили, что пришли на Чёрный Иртыш с мирными намерениями и «никогда бы за оружие не принялись, естьли бы калмыки их к тому не принуждали». Они объяснили, что «только хотели осмотреть, откуда река Иртыш начало свое имеет, и можно ли дойти до ея источников; а прочее их намерение было сыскать рудокопныя места». В заключение они заявили, что не собираются оставаться на Чёрном Иртыше и «намерены в те места, откуда они пришли, возвратиться».

Обратное плавание российской флотилии на Зайсан происходило при сопровождении ойратских всадников. «Многие калмыки, радуяся о возвратном русских пути, русские суда провожали», — сообщал в своей статье Г. Ф. Миллер. Надо полагать, что такой конвой был вызван не столько народной радостью, сколько желанием проконтролировать выполнение договоренностей.

Российская флотилия вернулась на Зайсан «другим устьем», таким путём Лихарев осмотрел южный рукав дельты Чёрного Иртыша. Затем в течение трёх суток он обследовал южное побережье озера и убедился, что никаких крупных рек, кроме Чёрного Иртыша, в Зайсан не впадает. После того как лодки вышли из озера в Иртыш, исследовательская часть «зайсанского похода» бы-

---

50 Г. Ф. Миллер считал, что Лихарев поднимался по Чёрному Иртышу «двенатцать дней без остановки и подлинно далее заехал, нежели где капитан Урезов был» (Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 496). Однако информаторы историка ошибались. В «ведомости о пути» прямо указано, что «ходу было от Заисана озера до тех мест, откуда возвратились, 9 сутки» (док. № 81).

51 В документах нет прямого указания, какого числа отряд повернул назад, однако говорится, что путь от озера до точки возврата занял девять суток. Поскольку день начала плавания по Чёрному Иртышу устанавливается достаточно надёжно (25 июля), удаётся и рассчитать дату возвращения — утро 3 августа.

52 Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 136–138; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 498–499.

ла закончена. Фактически отряд Лихарева полностью повторил маршрут экспедиции капитана Урезова 1719 г. Никаких новых географических открытий или наблюдений, которые изменили бы выводы 1719 г., сделано не было.

Главным результатом плавания И. М. Лихарева стало основание Усть-Каменогорской крепости в августе 1720 г. «Вышед ис того озера, прошед Камень, при устье зделал крепость Устье каменных гор», — сообщал в Сенат сам гвардии майор в январе 1721 г. (док. № 81). О том, что «оное место удобно к строению крепости», отмечал в своём путевом журнале ещё капитан Урезов. Было ясно, что после Убинской крепости следующую надо возводить именно здесь, у отрогов Алтайских гор. По свидетельству Г. Ф. Миллера, ещё по пути на Зайсан Лихарев решил основать на устье реки Ульбы крепость и «место к тому назначил». На обратном пути этот замысел был реализован (рис. 57). Заложив новый российский форпост, гвардии майор поручил его строительство прибывшим из Семипалатной крепости подполковнику Ступину и «от артилерии капитану инженеру Летранже»[53].

В своей работе Миллер называл инженера «der Ingenieur-Hauptmann Letrange»[54]. В составленном 9 февраля 1719 г. списке денежного довольствия специалистов, отправленных с гвардии майором в Сибирь, указывалось: «В Санктпетербурге от артиллерии капитану инженеру Летранже… на месяц по двадцати по пяти рублев»[55]. В других документах комиссии Лихарева французская фамилия капитана-инженера также писалась как «Летранже». Однако на плане Омской крепости 1722 г. имеется подпись: «Capitaine ingenieur Des Granges: fecit 1722» (рис. 28). Есть все основания считать, что Усть-Каменогорскую крепость возводил прибывший с Лихаревым в Сибирь французский инженер Поль де Гранж, другого капитана-инженера в то время в Сибири просто не было.

Как писал сам Лихарев, он оставил Ступину в новой крепости 363 человека солдат и артиллеристов, пушки, амуницию и годовой запас продовольствия (док. № 81). Упоминание в документе годового запаса провианта позволяет считать, что такое количество продовольствия не было остатком от «зайсанского похода», а специально завозилось из Семипалатной крепости. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что упомянутые 363 человека и артиллерия первоначально входили в отряд Лихарева, хотя весьма вероятно, что большинство участников плавания были оставлены на устье Ульбы.

Лихарев отправился в Тобольск, не дожидаясь окончания строительства Усть-Каменогорской крепости. «Причиною его торопливости была болезнь». 13 октября 1720 г. Иван Михайлович прибыл в столицу Сибири, откуда без замедления выехал в Санкт-Петербург[56].

[53] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 129. Л. 255 об. — 257. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-4, с. 192–193. По ведомости И. М. Лихарева, поданной в Сенат в январе 1721 г., «присланной из Санктпитербурха капитан-инженер» значился в Семипалатной крепости (док. № 84). Это позволяет предполагать, что де Гранж не участвовал в «зайсанском походе», а прибыл на устье Ульбы вместе со Ступиным.

[54] РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 1. Д. 1. Л. 42 (рукопись на немецком языке); Müller G. F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey… St.-Petersburg, 1760. S. 273; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 499.

[55] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 129. Л. 255 об. Опубл.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-4, с. 192.

[56] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 140. Л. 268 об. Цит. по: Там же. Док. № 53-10, с. 208–209; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 499.

Автограф капитана-инженера Поля де Гранжа на составленном им плане Омской крепости. 1722 г.

Документ № 79

1720 г. февраля 26. **— Письмо Петра I гвардии майору И. М. Лихареву с оценкой результатов плавания 1719 года на Чёрный Иртыш и требованием личной поездки Лихарева к озеру Зайсан**

(л. 47) [*Канцелярская помета:*] К Лихареву в 1720-м году февраля 26-го дня.

Господин маеор

Писма твои, ис Тоболска писанные, до нас все дошли, в которых согласно пишеш о делах, что следовал ты за бывшим губернатором Гагариным в Тоболску. Но нам нужнее было, чтоб ты ехал сам по данному вам указу к Зайсан озеру для проведыванья о золоте и для осмотру водяного ходу.

И хотя ты посылал туды афицера с навигатором, однако ж они совершенно о том не проведали. И для того по вскрытии льду поезжай туды сам как наискоряе.

А к губернатору сибирскому князю Черкаскому указ от нас дан, чтоб он вас всем снабдил, как рекрутами, так и аммуниciею и протчим, дабы ты ни за чем остановки не имел.

[*Приписано в левом нижнем углу рукой Петра I:*] Также не описывайся более, но чини по данному тебе указу, ибо описки твои в дело не поставят. Дано указ, в котором явно изображено, что то делать, что мочно.

РГАДА. Ф. 9. Отделение 1 — исходящие письма. Оп. 2. Кн. 56. Л. 47.

Ранее опубликовано: Княжецкая Е. А. Первые русские съёмки Западной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1966. Т. 98, вып. 4. С. 339; Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история). Кн. 3. С. 17.

Документ № 80

1720 г. мая 8. **— Письмо гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат о выступлении в поход на озеро Зайсан и о нехватке припасов, провианта и людей для содержания гарнизонов крепости**

(л. 341) [*Канцелярская помета:*] 1720-го сентября в 5 де[нь]. Записав, и писать немедленно.

Сиятелнейшии и превосходителнейшии господа,
господа высокоправителствующаго Сената

По имянному царского величества указу велено мне в Сибирии розыскивать о худых поступках бывшаго губернатора князя Гагарина по данному мне реэстру. А между тем освидетелствовать по скаскам помянутого Гагарина и подполковника Бухолца о золоте эркецком, подлинно ль оное есть. И от кого он сведал, тех людей сыскать, также и других ведомцов, ежели сыщутца. И ехать с ними до тех крепостей, где посажены царского величества люди, и там, розведав, есть ли леса и протчие потребности для жилья, то построить у Зайсана озера крепость и посадить людей. И проведывать о пути от Зайсана озера к Еркетю, сколь далеко и возможно ль доитить. А к тому походу что будет потребно, велено мне требовать из Сибирской губернии.

И по тому, его царского величества, имянному указу в Тоболску я следовал. И о том песошном золоте и о пути к Еркетю разных чинов у людей ведомцов у осмидесят у пяти человек взяты скаски. А для подлинного ведения о пути, и есть ли удобные места у Зайсана озера к строению крепостей, ис Тоболска к Зайсан озеру я послылал (// л. 341 об.) в 719 году прутчика Сомова, да лейб гвардии сержанта и дву человек салдат, да навигатора, да при них же ис Семиполатной крепости капитана с салдаты.

А я к Зайсану озеру в том 719 году ис Тоболска не пошел для того, что в том походе велено быть со мною полкам, которые были с подполковником Бухолцом. А по ведомости из губернской канцелярии в отправлении было с подполковником Бухолцом ис Тоболска штап, обор, ундер афицеров, драгун, салдат, артилерных служителей и других чинов три тысячи семнатцать человек. А из Семиполатной крепости по ведомости подполковника Ступина той каманды всякого чину людей толко тысяча восемьсот сорок восемь человек. И вдобавок надобно салдат девятьсот шестьдесят три человека, опричь других чинов. И в то число ис Тоболской канцелярии в присылке ко мне рекрут сентября по 17 число 719 году было толко четыреста шестьдесят два человека. А недослано было пятисот одного человека. Да и за неотправле-

нием ис той же губернской канцелярии артилерии, пороху, свинцу, мундиру, аммуницыи, правианта и судов с припасы многова числа.

А что и[с]следовано о песошном золоте и о пути к Еркетю, и о помянутом неотправлении, до вашего сиятелства (// л. 342) и превосходителства я писал. И о песошном золоте, и о пути выписки и карту послал: лейб гвардии с салдатом Сонцовым выписки сентября 17 дня, а карту да сержанта Фролова, которой посылан к Зайсану озеру, с капитаном порутчиком князем Шаховским ноября 16 дня 719 году.

И по тем писмам и выпискам, и по карте от вашего сиятелства и превосходителства требовал я указу. И на оное от вашего сиятелства и превосходителства никакова указу майя по 8 число нынешняго 720 году я не получил. И посланные ко мне в Тоболеск не явились.

А ис Тоболской канцелярии по выше помянутое ж число майя не отправлено ко мне досталных рекрут ста пятидесят четырех человек, также артилерии, мундиру, аммуницыи и судов с припасы немалое число. А пороху майя по 2 число сего 720 году в Тоболску ничего не было, а прислано с Москвы майя во 2-м числе толко тысяча пуд. И ис того числа в присылке ко мне толко семьсот пятдесят пуд. А правианту ведением ис Тоболской канцелярии объявили, что в Тоболску и в слободах муки толко пять тысяч восемьсот двенатцать четвертей. А надобно быть полного (//л. 342 об.) числа на два года: на нынешней 720 и на 721 год по десяти тысяч по четыреста по сороку по четыре четверти, для того, что одним годом правианту к Зайсан озеру ис Тоболска привесть за далностию невозможно. И в полное число муки недостало и на один на нынешней 720 год четырех тысяч штисот тритцати дву четвертей.

Однако ж, не дожидаясь оного отправления, опасаясь того, чтоб не упустить удобнаго времяни к походу, сего майя 8 числа ис Тоболска к Зайсан озеру я пошел на трех легких судах. А при мне штап, обор, у[н]дер афицеров, салдат, артилерных служителей и не служащих сто восемдесят девять человек.

А для выше помянутого досталного отправления в Тоболску оставил я лейб гвардии порутчика Сверчкова. А как ис Тоболской канцелярии оное все порутчику Сверчкову отправят, и ему велел итить за собою немедленно. А ежели чего ис Тоболской канцелярии по отбытии моем в скорости не отправят и станут чинить продолжение, и о том до вашего ситятелства и превосходителства ему, Сверчкову, велел я писать.

[*Автограф:*] Вашего сиятелства и превосходителства нижайший слуга лейб гвардии маэор Иван Лихарев.

Маия 8 дня 1720 году.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 341–342 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 81

1721 г. не позднее января 19. **– Ведомость о пути экспедиции лейб-гвардии майора И. М. Лихарева на озеро Зайсан и Чёрный Иртыш в 1720 г.**

(л. 460) Да сверх вышеписанных допросов[57], которые сказали о пути, маия 8 дня 720 году для подлинного следования лейбгвардии маеор Лихарев с камандою своею ис Тоболска отправился к Заисану озеру.

А по ведомости о пути оного походу написано:

Ис Тоболска пошли тремя лехкими дощениками. И шли до Тары днем и ночью полтретьи недели. А от Тары до Ямышевской крепости 2 недели и трои сутки. Из Ямышева пошли на лотках, и шли до Семиполатной крепости неделю и одни сутки.

От Семиполатной крепости до камня утесу, и от камня до Нор Заисана пошли на 29 лотках гребных, и шли 4 недели и 5 сутки. В тех местех на островках и по реке Иртышу займищами лес тополник и ветелник, и то малое число.

Итого ходу от Тоболска до Нор Заисана 10 недель и 5 сутки. А шли вверх рекою Иртышем бечевою и парусом.

А озером пошли по левую сторону до устья верхнего Иртыша, и шли 2 сутки. И в том месте кругом озера и при устье кочуют контаишинцы многое число, о которых взятой калмык с розыску сказал, что около Заисана озера и выше кочуют заисанов 5 человек. А под ведением их военных людей 6300 человек.

---

[57] Протоколы допросов проведенного в Тобольске следствия об эркетском золоте, как и следующая за ними ведомость о пути, приложены к доношению И. М. Лихарева в Сенат (см. док. № 83).

А при нем, маеоре, в том походе военных людей было баталион, а в нем 400 человек.

(// л. 460 об.) А от озера пошли вверх рекою Иртышем и видели по обе стороны реки, что многими улусы кочуют калмыки. И усмотря ево, маеора, как перед флотом, так и по флоте по обеим сторонам реки оные калмыки ехали вверх, как было ему видно.

И оные неприятелские люди, упредя их, засели в лесах и в займище в крепких местах и ударили з берега на флот их из огненного ружья. И они, приплавя к ним судами, вышед на берег, оных неприятелей ис тех мест выбили и пошли в путь свой. А потом неприятелские люди, умножась великим людством и усмотря перед ними в пути вверх по реке уское место, и при том по берегам, в займищех и по многим пещаным горам и заразам изготовя себе крепкие места, августа 1 числа во 2-м часу дни, наждав их на себя, учали по ним из ружья палить, чтоб их не пропустить в путь их.

И они против их с правой стороны реки Иртыша з 2 шквадр как штап, так и обер и ундер офицеры и салдаты, а имянно от авангардии и арьиргардии, а с левой стороны реки от кордебаталии, на берег вышли и пошли по обеим сторонам на неприятелей. И ис тех крепких мест их выбили с немалым с их стороны уроном. И шли на них теми холмистыми местами и песками боем со многою стрелбою со 2 часа дни по полудни 3 часа. /С нашей стороны убит 1, ранено 9 человек салдат./[58] И того ж дни за час до вечира оные неприятели на него, маэора, наступали, чтоб дале не пропустить. И оных неприятелей по тому ж прогнали и пошли в путь свой. А как стали на квартиру ночную, то на 1-м часу ночи от оных неприятелских людей начали требовать толмача, чтоб с ними видетца. И говорили, чтоб им в путь дале не ходить.

И августа 2 числа в оддачю ночных часов со оной квартиры он, маеор, в путь свой пошел. И на 1-м часу дни оные непрятелские люди вторично требовали, чтоб с ними видетца ж, а ево, маеора, пропустить не хотели.

И на оное от него, маеора, сказано им впреди место, где оные неприятели стоят в собрании, что пойдет он к ним (// л. 461) до того места. И пришед на их места, за противностию их, стали.

И того ж числа по половине дни во 2-м часу от них же, неприятелей, втретне требовали, чтоб с ними видетца.

И от него, маеора, сказано им, чтоб от непрителской стороны главной их камандир виделся с ним. И съехався со оными, розговор имели. А по розговорех сказали, что они о приходе людей царского величества х контаише с ведомостью послали. И после тех розговоров от того места пошел он, маеор, в путь свой вперед и шел верст з 10.

И усмотря он, маеор, их неприятелских людей, что из улусов их умножилось и что он от Заисана озера зашел с малыми людми в дальность, от тех мест возвратились, опасаясь от них, чтоб от контаиши не прибыл сикурс. /Ходу было от Заисана озера до тех мест, откуда возвратились, 9 сутки./[59] Да и для того далее не пошел, что река Иртыш течет от оста, от камней Алтая и Канкарагая, которые камни граничат китайского владения с мунгалы.

А город Эркень по скаскам разных чинов людей стоит в зюйте. А от реки Иртыша и от Заисана озера в далном разстоянии сухим путем через камень великой и ледяные горы и через пещаные и безводные места. А санми и телегами ехать невозможно. А верховою ездою от Заисана озера до Эркеня 3 пути: 1. 6 недель и 2 дни; 2. 6 недель и 6 дней; 3. 7 недель и 1 день. А из реки Иртыша и из Заисана озера водяного ходу нету, потому что х контаишину владению никакие реки не вышли. Также и от контаишина владенья и от Еркеня города в Ыртыш реку и в Заисан озеро никаких рек нет.

А в каманде ево умножилось болных и раненых салдат. А досталные при судах на бечевах и на пекетах за умалением (// л. 461 об.) людей были всегда беспеременно. И чтоб людей царского величества напрасно не потерять, понеже контаишина владенья калмык в том пути взят в полон и оной калмык с розыску сказал, что у контаиши мингаты и теленгуты для войны збираютца, а куды хотят иттить, того он не ведает.

А около Заисана озера и вверх по реке Иртышу к строению крепостей удобных мест и лесу нет, потому что по обе стороны реки берега пещаные верст по 10 и болши, а за песком великие каменные горы. А кругом Заисана озера обошед великой камень, и места пещаные, и лесу нет.

А по возвращении от помянутого места шли тою ж рекою к Заисан озеру. И вошли другим устьем, и шли тем озером другою стороною, чтоб ево осмотреть: нет ли в то озеро или из него каких рек. А шол тою другою стороною 3 дни. И по следованию ево рек никаких не явилось. А вышед ис того озера, прошед Камень, при устье зделал крепость Устье каменных гор. И удо-

---

[58] Вставка на поле теми же чернилами.

[59] Вставка на поле теми же чернилами.

волствуя алтилериею и аммуницыею, и правианта на год, оставил подполковника Ступина и при нем салдат и алтилерных служителей 363 человека.

[*Канцелярская помета внизу:*] Слушано генваря 19-го 1721-го.

[*Скрепа по середине листов 453–461 об.:*] Се/кре/та ди/ак/ Ни/ки/то/ Не/ча/ев

[*Скрепа по низу листов 455–461 об.:*] Смотрил / Петр / Ба/ска/ков

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 460–461 об. Скопированный текст, включённый в подлинный отчёт И. М. Лихарева.

Ранее опубликовано: Бородаев В. Б. Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции (24-27 мая 2011 года). Горно-Алтайск, 2011. С. 33–34.

Документ № 82

1721 г. мая 4. **– Из доезда (статейного списка) тарского казачьего головы Ивана Дмитриевича Чередова, посланного в 1719 году с грамотой гвардии майора И. М. Лихарева к Цэван-Рабдану: описание жизни в Урге и переговоров (октябрь 1719 – август 1720)**

<...> (л. 608) 15

А х контайшину Урге привели нас октября 11 числа. И не довели до Урги версты з две. И поставили нас на чистой степе на безводном и на бездровном месте. И приставили к нам караулу пятьдесят человек. И велено быть оному караулу днем дватцать человек, а ночью тритцать человек. А толмача с ведомостью в Ургу х контайше не пустили.

16

А скот у нас калмаки взяли с рук октября 14 числа. А в 20 числе приезжали из Урги от контайши ближные ево два человека котечинары Намышка да Батур, и спрашивали у меня: от царского ли ты величества с Москвы или ис Тоболска.

И я им против тех слов сказал, что посланы мы ис Тоболска указом царского величества лейб-гвардии от господина маэора Ивана Михайловича Лихарева, которой послан ис Питербурха от царского величества. (// л. 608 об.)

17

А корму нам не давали и не продавали с помянутого октября 11 числа да ноября по 15 число. И то время пробавлялись мы пищей с великою нуждою.

18

А на посолства взяли меня ноября 20-го числа и со мною пять человек. И как я ему стал лист подавать, и не допустил меня до контайши ближной ево человек калмык имянем Чагун Духаров зайсанов сын. Лист у меня из рук принял он же, и в то время листа не роспечатывали и не прочитали. И говорил мне, что у белова де царя два указа, а не один: городы де строят и послов посылают, и моих де людей к себе берут и крестят, знатно де в Русе людей малое число.

19

Того ж ноября 21 числа лист привезли ко мне на стан калмык Жинба да с ним бухаретин мулла Кожмаметь и при мне роспечатали и переводили. И в том листу сверх пунктов, которые мне даны ис Тоболска лейб-гвардии от господина маэора Ивана Михайловича Лихарева, написано в прибавок: прислал ты (// л. 610[60]) в Тоболеск писмо с посланцом з дворянином Григорьем Вильяновым, что построен де город у Ямышева озера, и чтоб тот город свести, а буде не сведешь, то украиные городы примут от меня худо. И то ты пишишь недельно. Город построен на земле царского величества, а Иртыш с устья и до вершины царского ж величества. А городы строят не ради с тобою ссоры, [а] ради искания золотых, серебреных и медных руд, и ради умножения с тобою торгов. А буде ты станешь жить в совете и в любве, как и прежние тайши живали и торги водили, и как живет у царского величества и Аюка хан в послушании, и хто на тебя нападет неприятель, милостивой государь призирает и оберегает. А какая произойдет ссора промежду рускими и твоими людми, чтоб о том розводитца посланцами. А буде ты не станешь жить в совете и в любве, и не отдашь взятого полону и казны, не произошла бы у нас о том с тобою ссора. А посланных наших послов у себя не задержи, скоро отпусти.

---

[60] Перед ним в деле пустой лист 609, а на его обороте в нижнем правом углу запись: «1721-го сентября 1-го дня подал порутчик Леонтей Галахов».

И как помянутой лист перевели, и того ж числа корм нам на пять человек пуд круп да по козлу неболшему на месяц человеку, и того корму ставало нам толко на десять дней месяца, а на дватцать дней покупали корм у них на свои денги дорогою ценою.

20

Да в прошлом 720-м году августа в 11 де[нь] на урочище на реке Гегене приезжал из Урги контайшин зайсан Гендужаб в дватцати человеках и спрашивал у меня, что идут руские люди по Иртышу реке к Зайсану озеру в дощаниках для чего, и сколко людей?

И я ему отвечал: в листу о том х контайше писано, что крепости строят по Иртышу реке не ради военного случая, но для прииску золотой, и серебреной, и медных руд. А про людей нам знать невозможно, потому что мы у вас живем многое время и отпуску нам нет. <...>

РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 608–610. Копия, снятая с оригинала в Тобольске 4 июня 1721 г. и отправленная в Сенат. Публикуется впервые.

Вторая, позднейшая, копия, сделанная с этого документа, хранится: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 10 об. — 12 об. Опубликована: Русско-джунгарские пограничные споры 1640–1710-х гг. / сост. Д. А. Ананьев // Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сб. док. Новосибирск, 2010. Док. № 13, с. 43–44.

Краткое изложение статейного списка И. Д. Чередова дано в «Выписке из ведомостей сибирских», сделанной в Коллегии иностранных дел во второй половине 1730-х гг., хранится: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 19–24. Частично опубликовано: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 12, с. 23–24.

Глава 21

Итоги деятельности гвардии майора Лихарева в Сибири (ноябрь 1720 — январь 1721 года)

Плавание вверх по Иртышу российского военного отряда во главе с гвардии майором И. М. Лихаревым не осталось незамеченным ойратами. О продвижении флотилии послали сообщение в Ургу, когда лодки ещё двигались к Зайсану. По сведениям И. Д. Чередова, который с осени 1719 г. содержался под караулом недалеко от ставки Цэван-Рабдана, 11 августа 1720 г. к нему на реку Геген[1] приезжал из Урги зайсан Гендужаб и спрашивал: «Идут руские люди по Иртышу реке к Зайсану озеру в дощаниках для чего, и сколко людей?». Цель похода российских военных Чередов объяснил в соответствии с текстом письма Лихарева к хунтайджи: «Крепости строят по Иртышу реке не ради военного случая, но для прииску золотой, и серебреной, и медных руд» (док. № 82, пункт 20). После такого объяснения на следующий день «он, контайша, послал нас в [с]сылку на Конохой реку[2]». Однако с полпути русских посланцев вернули, остаток лета и осень они кочевали «с ним, контайшею за Илю реку до урочища до Кутуна[3]» (док. № 86, пункт 20).

Как и в прошлые годы, Цэван-Рабдан возобновил встречи с представителем России в двадцатых числах ноября, накануне буддийского праздника Цзулайн-хурал (праздник лампад)[4]. В связи со строительством русских крепостей по Иртышу правитель Ойратского государства заявил: «В прежних де годех, тому годов сто назад будет, были послы и розмежевали землю, и грани поставили по Ом реку, а по Обе реке по Черному мысу». Действительно, как отмечалось выше, на чертежах С. У. Ремезова надпись «край самой степи калмыцкая» расположен на Иртыше рядом с устьем Оми (см. главу 11, с. 167), а на Оби рубеж с телеутами показан по рекам Иня и Бердь (см. главу 4, рис. 7, 9). Чередов вновь заверил Цэван-Рабдана, что иртышские крепости строятся «не ради с тобою ссоры, для прииску золотой, и серебреной, и медных руд». Во время следующих встреч хунтайджи заявил, что поверил обещаниям русского царя и намерен к нему «посла послать, чтоб в совете и в любве жить по-прежнему» (док. № 86).

Перемены отношения к России были обусловлены сложным внешнеполитическим положением западно-монгольского государства. В 1719–1720 гг. китайцы смогли вытеснить ойратов из Тибета и без боя заняли Лхасу[5]. В ходе этой войны для блокировки дорог, ведущих из Ойратского государства в Тибет, цинские отряды были посланы в Баркуль, Урумчи и Турфан. Уже в августе 1720 г. Турфан был захвачен цинами[6]. «Цеван-Раб-

---

[1] Река Кеген — правый исток реки Шарын, левого притока р. Или (юго-восток Республики Казахстан).

[2] Река Хонохай — левый приток р. Или на севро-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. Так и не доехав до реки Хонохай, Чередов ошибался, утверждая, что «помянутая река пала в Текес реку».

[3] Урочище Кутун, вероятно, располагалось на правом берегу Или. Его точное местонахождение определить не удаётся.

[4] Цзулайн-хурал (от монгол. зул — лампада, хурал — собрание, молебен) отмечался на 25-й день первого лунного месяца зимы, то есть в конце ноября (Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Репринт издания 1887 г. Элиста, 1993. С. 370–371). Примечательно, что во время первого посольства в 1713 г. Иван Чередов был принят Цэван-Рабданом 21 ноября, а во время второго — 20 ноября 1719 г.

[5] Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 94–95; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 83; Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005. С. 141.

[6] Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. (Из истории международных отношений в Центральной Азии). Ташкент, 1991. С. 36–38. Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв.: межгосударственные отношения. М., 1991. С. 113, 125. Автор датирует взятие Турфана цинскими отрядами то 1720, то 1721 годом. Однако в феврале 1721 г. в письме из Трибунала иностранных дел российскому посланнику Л. В. Измайлову китайская сторона сообщала: «В прошлом году, по-

тан, окруженный наблюдательными отрядами китайских войск, не мог более думать о походах», — цитировал китайский источник бывший начальник российской духовной миссии в Пекине монах Иакинф (в миру Никита Яковлевич Бичурин)[7].

Теперь уже самим ойратам приходилось думать об обороне. По поступившим к И. Д. Чередову сведениям, в начале августа 1720 г. «из мунгалской силы» (то есть из Халхи — северной области Монголии, входившей в состав Цинской империи) «подбегали лехкие люди в контайшины крайные улусы и взяли де контайшиных людей тысяч с семь душ». Тогда же с запада произошло нападение казахов, которые пленили около трёх тысяч человек (док. № 86).

На этом фоне быстрое примирение на Чёрном Иртыше и возвращение Лихарева давали Цэван-Рабдану надежду на возможность диалога и получение военной помощи от России. Тем более, что и в грамоте Петра I, которую привёз в Ургу Г. Вильянов, и в письме Лихарева подчёркивалось: если хунтайджи не будет препятствовать строительству российских крепостей по Иртышу, государь обещает ему защиту от «посторонних неприятелей» (док. № 34, 72).

24 ноября в беседе с Чередовым Цэван-Рабдан вернулся к этому вопросу. Он сообщил, что поверил в истинность предложений русского царя и намерен направить к Петру I своего посла. «И ныне де на меня востал китайской царь, — продолжал Цэван-Рабдан, излагая просьбу о помощи. — И чтоб государь не дал меня китайскому царю в обиду».

Своё согласие на размещение вдоль всего течения Иртыша российских военных гарнизонов в обмен на военную помощь против Китая Цэван-Рабдан обуславливал выполнением ряда своих требований:

— чтобы его беглых подданных не принимали в сибирских уездах и не крестили, а возвращали во владения хунтайджи;

— «чтобы мне и подданным моим людем под Семи Полатную крепость и вверх по Иртышу кочевать не возбранно»;

— чтобы россияне его людям обид не чинили, «и какие ссоры между собою произойдет, чтоб послами розыскивать»;

– чтобы Пётр I указал сибирской администрации не мешать сбору албана с традиционных данников ойратского правителя.

Получение военной помощи от северного соседа Цэван-Рабдан не связывал с признанием территориальных притязаний России. Он по-прежнему считал, что город у Ямышева озера русские построили «грани и затеси переступя». Правитель объяснил Чередову, что своих кочевых подданных — кыргызов и теленгетов — он «взял к себе», то есть переселил к югу от Иртыша, «не хотя ссоры» с российской администрацией. Оседлые же подданные, оставшиеся на прежних местах в Барабе и в Приобье, традиционно рассматривались как данники хунтайджи. Цэван-Рабдан специально оговаривал своё право взимать с них албан (Чередов в своём рассказе привычно употреблял слово «ясак»). Более того, ойратский правитель надеялся с помощью русского царя покорить халхасцев (мунгалов), которые в то время подчинялись Китаю. Просьба об этом заканчивалась заманчивым обещанием: «И мы де укажем, где золото родитца» (док. № 86).

Ещё более привлекательным было предложение, озвученное зайсанами на собрании знати («зарге») 30 декабря 1720 г. во время представления Ивану Дмитриевичу Чередову ойратских послов, отправлявшихся с ним в Россию. «И объявили мне посланцов к царскому величеству: посланец именем Борокоргон, да в Тоболеск Лозон. И говорили при тех посланцах зайсаны, чтоб построить крепость руским людем выше Нор-Зайсану озера в Ыртышных вершинах в розвилинах». Впервые за вековую историю русско-ойратских отношений сами западные монголы предложили России построить крепость на их территории, причём там, где ещё не бывал ни один российский солдат!

Выражение «в Ыртышных вершинах в розвилинах» географически означает место слияния двух истоков Чёрного Иртыша на восточных склонах хребта Монгольский Алтай. Восточный исток сейчас называется Каирты, западный по-китайски Хара-Эрчис-Хэ (на российских картах — Чёрный Иртыш, как и всё течение реки до Зайсана). По сведениям Лихарева, горы, из которых берёт начало Иртыш, «граничат китайского владения с мунгалы» (док. № 81). Таким образом, будущую российскую крепость предлагалось построить на границе с Халхой, откуда прошлым летом был совершён набег китайских подданных на «крайние улусы» хунтайджи. Поэтому зайсаны просили ускорить реализацию плана возведения российского форпоста в истоках Иртыша, опасаясь, «не захватила бы китайская сила, и крепость бы в том месте не построили» (док. № 86).

Опасения ойратов были не напрасны. У Цинского Китая в то время действительно существовал план военного закрепления на Иртыше. В ноябре 1720 г. в Пекин прибыл российский посланник Лев Васильевич Измайлов. Его путь из

сланными из Пекина войсками их, в Бухарах город Турфан, которым завладел было контайша, паки им отдался» (РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. 1719 г. Д. 2. Л. 163 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. Док. № 151, с. 264).

[7] Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков… С. 95.

Санкт-Петербурга до столицы Китая длился почти семнадцать месяцев. Узнав об этом, китайский министр на встрече с посланником 30 ноября 1720 г. спросил: «Российские поданные для чего не ездят чрез Емышев?». Измайлов отвечал, что мимо Ямышевского солёного озера «ходить нельзя для того, что та дорога опасна от своевольных степных народов, от контайши и Казачьи орды». При этом он добавил: «Ныне богдыханово величество изволил послать на него, кантайшу, свои войска. И ежели та дорога очиститца, то может быть впредь то учинено будет»[8].

Вопрос о возможности проезда из России в Китай вдоль Иртыша вновь был поставлен в письме Трибунала иностранных дел, которое Л. В. Измайлов получил 11 февраля 1721 г. В нём китайская сторона с удовлетворением констатировала, что по её требованию Косогольский «острог разорен и люди выведены, и та земля стала быть их»[9]. В том же пункте письма сообщалось: «Ныне война с контайшею подходит ко окончанию, и для того на Иртыше крепость китайцы построят и войсками своими наполнят. И для подтверждения крепкой дружбы послов своих в Россию пришлют, и свободное тамо купечество будет. И чрез оное место ближе будет ходить послам и караваном российским… А по Иртышу до Пекина чрез Алтай… ездить очень хорошо»[10].

Итак, в то самое время, когда хунтайджи Цэван-Рабдан просил у России помощи в борьбе с Китаем и предлагал построить крепость в верховьях Чёрного Иртыша, цинские власти уведомили российскую сторону о плане строительства китайской крепости на Иртыше и организации нового торгового маршрута. Казалось бы, ситуация требовала быстрых и решительных действий. Однако удалённость Сибири от столицы тормозила реализацию государственных планов.

Ярким примером тому стала подготовка к «зайсанскому походу» Лихарева. Письмо гвардии майора от 8 мая 1720 г. с уведомлении об отправлении в плавание и просьбой о помощи вооружением, амуницией и продовольствием поступило в Сенат лишь 5 сентября, на три дня позже, чем письмо гвардии поручика Якова Сверчкова от 9 июня[11]. Сенаторы рассмотрели этот вопрос 16 сентября и как обычно отправили поручения в Военную коллегию и сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому[12]. Тем временем письмо Сверчкова дошло до Петра I. 18 сентября кабинет-секретарь Алексей Макаров передал сенаторам требование царя: послать указ к Черкасскому, чтоб «по требованию ево, господина маэора Лихарева, все отправили, дабы не учинили б в том походе ему какой остановки»[13]. Такой сенатский указ был отправлен сибирскому губернатору 22 сентября 1720 г., «дабы неотправлением тех достальных недосланных потребностей походу его остановки не учинилось»[14]. В это время гвардии майор Лихарев уже закончил военную экспедицию на Зайсан, основал Усть-Каменогорскую крепость, оставил там свой отряд, а сам плыл вниз по Иртышу к Тобольску. Между тем бюрократическая «подготовка» к его походу на Зайсан продолжалась в Тобольске до октября, а в российских столицах до начала января 1721 г.[15], пока туда не прибыл сам гвардии майор.

Для транспортировки из Тобольска в Санкт-Петербург материалов следствия и других документов, собранных в течение двухлетней командировки в Сибирь, Лихареву понадобилось несколько подвод[16]. После возвращения в столицу он продолжил работу в составе «розыскной канцелярии» гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова. Из-за того, что главным делом этой канцелярии стало следствие о злоупотреблениях сибирского губернатора, в делопроизводстве её нередко именовали «сибирской»[17], а сам розыск из-за большого объёма документации и количества подследственных стали называть «Большим сыском»[18].

---

[8] РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. 1719 г. Д. 2. Л. 88–88 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М., 1978. Док. № 151, с. 228.

[9] В советской литературе с 1960-х гг. утвердилось мнение, что Косогольский острог был разрушен в 1721 году (Потапов Л. П. Глава 7. Тува в составе монгольских государств Алтын-ханов и Джунгарии (XVII — первая половина XVIII вв.) // История Тувы. Т. 1. М., 1964. С. 212; История Тувы. 2-е изд., исправл. и доп. Новосибирск, 2001. С. 187). В дальнейшем эта дата приводилась со ссылкой на указанную работу Л. П. Потапова (Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М., 1978. С. 605, прим. 2 к док. № 138; Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. С. 350, прим. 1 к док. № 91). Как видно из цитируемого документа, к февралю 1721 г. сведения о разрушении острога уже поступили в Пекин.

[10] РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. 1719 г. Д. 2. Л. 164–164 об. Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке… Док. № 151, с. 264.

[11] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 341, 349 об.

[12] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 136–137. Л. 265–267. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-8, с. 204–206, № 53-9, с. 208.

[13] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 363.

[14] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 138. Л. 267–268. Цит. по: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. СПб., 1885. Док. № 53-9, с. 206–207.

[15] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 388 и след.

[16] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 140. Л. 268 об. Цит. по: Там же. Док. № 53-10, с. 209.

[17] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 149.

[18] Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 52, 237.

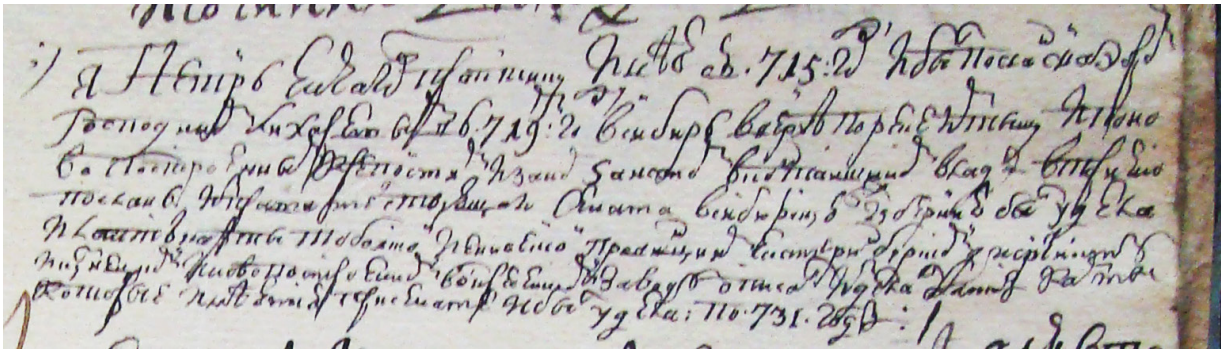


Рис. 58. Собственноручная запись геодезиста Петра Чичагова о своей службе, сделанная в 1731 г. в сенатском «Списке геодезистов»:

«Я, Петр Чичагов, практику имею с 715 году. И был послан с маэором господином Лихаревым в 719-м году в Сибирь, вверх по реке Иртышу и по новопостроенным крепостям и за Нор Зайсаном в контайшином владен[ии]. Вторично послан из Правительствующаго Сената в Сибирскую губернию: был у дела и ланкарты Тоболской и Енисейской правинциям, Екатеринбурскому дистрикту и Кузнецкому, и новопостроенному Воскресенскому заводу описал и зделал ланткарты, которые имеются при Сенате. И был у дела по 731 год»

В декабре 1717 г., когда начиналось следствие по делу М. П. Гагарина, его обвинили по одиннадцати пунктам в различных финансовых и хозяйственных преступлениях против государства и общества[19]. Следствие велось одновременно в Петербурге и Тобольске, откуда Лихарев посылал отчёты и протоколы допросов И. И. Дмитриеву-Мамонову. Когда гвардии майор прибыл в Санкт-Петербург, все материалы были обобщены. В начале 1721 г. бывшего сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина признали виновным в экономических преступлениях. Он обвинялся в казнокрадстве, взяточничестве, «народном разорении», поборах с отправленных в Сибирь шведских пленных, а также в незаконной торговле с Китаем и притеснении купцов[20]. Следственные материалы, подтверждающие эти обвинения, были собраны Лихаревым в Тобольске в течение года, с апреля 1719 по май 1720 г.

Отдельными поручениями Петра I при отправке Лихарева в Сибирь стало проведение следствия «о золоте иркетском, подлино ль оное есть» и сбор сведений «о пути от Зайсана озера к Иркети».

В середине января И. М. Лихарев подал в Сенат доношение, в котором сообщил, что провёл необходимое расследование в Тобольске, побывал на Зайсане и вернулся в Санкт-Петербург. К своему доношению он приложил выписку из протоколов допросов, «ведомость о пути» на Зайсан и карты, «каковы учинены со оных допросов» (док. № 83).

Поскольку из письма Лихарева известно, что к началу его плавания на Зайсан в мае 1720 г. никто из посланных им в столицу ещё не вернулся (док. № 80), единственным геодезистом в Тобольске мог оставаться Пётр Чичагов. Позднее сам Чичагов сообщал, что он «был послан с маэором господином Лихаревым в 719-м году в Сибирь, вверх по реке Иртышу и по новопостроенным крепостям и за Нор Зайсаном в контайшином владении»[21] (рис. 58). Очевидно, речь идёт о плавании 1720 г.

Документы свидетельствуют, что в начале 1721 г. Пётр Чичагов был в Санкт-Петербурге[22], то есть он уехал в столицу вместе с Лихаревым. Рапортуя в Сенат об оставленных в Сибири войсках и специалистах, гвардии майор в январе 1721 г. сообщал, что в Тобольске имеется «геодезии ученик один» (док. № 84). По-видимому, после отъезда Захарова в ноябре 1719 г необходимость работать в паре заставила Чичагова взять ученика. Имя его тобольского помощника нам неизвестно.

Научным результатом «зайсанского похода» стала карта геодезиста Петра Чичагова, составленная по астрономическим наблюдениям на местности и вычерченная в градусной сетке. Оригинал этой карты был опубликован Екатериной Андреевной Княжецкой, которая посвятила чертежу Петра Чичагова специальную статью[23]. Автор ошибочно соотнесла обнаруженную карту с плаванием на Зайсан капитана Урезова в 1719 г. и на этом основании считала, что «геодезистом Петром Чичаговым впервые были произведены инструментальные съемки Западной Сибири»[24].

Исследовательница не учитывала, что карты от Лихарева передавались в Сенат дважды: первый раз — в конце 1719 г. с капитаном-поручи-

[19] Акишин М. О. Полицейское государство… С. 148.

[20] Акишин М. О. Полицейское государство… С. 191–198. Приговор М. П. Гагарину от 14 марта 1721 г. опубликован: Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1873. Док. № 299, с. 422–423.

[21] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1201. Л. 684.

[22] РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 531, 532.

[23] Княжецкая Е. А. Первые русские съемки Западной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1966. Т. 98, вып. 4. С. 333–340, одна карта-вклейка.

[24] Там же. С. 339.

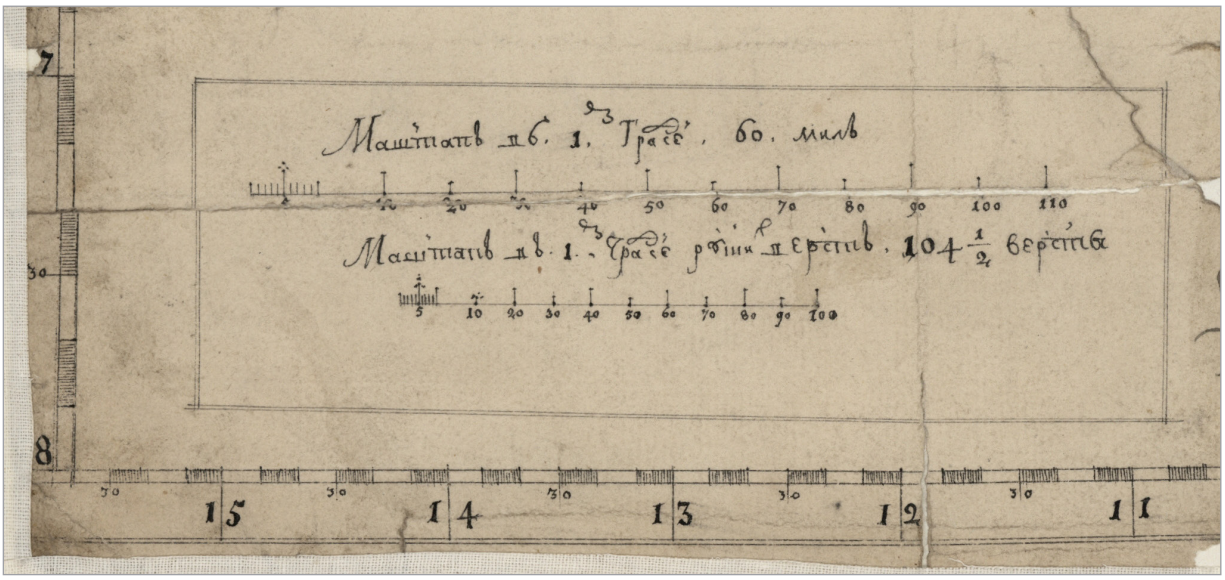


Рис. 59. Фрагмент карты течения Иртыша, вычерченной Петром Чичаговым по результатам собственных инструментальных съёмок, проведённых во время плавания 1720 г. Нижний левый угол чертежа с линейным масштабом. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 8

ком Шаховским и навигатором, плававшим на озеро Зайсан; второй раз — в январе 1721 г. самим И. М. Лихаревым (док. № 83). Такая последовательность нашла отражение в списке «карт, поступивших [в Сенат] от геодезистов», которые были скопированы в 1730-х гг. для Ж.-Н. Делиля, возглавлявшего работы по созданию «Атласа Российского». В перечне Делиля под № 2 значится карта «Часть течения Иртыша от истока до Ямышевской крепости и к юго-западу от озера Норзайсан [от Лихарева, 1719]», а под № 4 «Карта течения Иртыша от Тобольска до озера Норзайсан [Петра Чичагова]»[25], которая, как сейчас понятно, создавалась во время «зайсанского похода» 1720 г.

В списках карт, составленных в XVIII веке в Географическом департаменте Петербургской академии наук, этот чертёж не значится. Первое известное нам упоминание о нём встречается в «Реэстре географическим атласам, картам, планам и феатрам войны» библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел: «Три чертежа одного содержания течения реки Иртыша мимо Тобольска и чрез Норзайсанское озеро, с изображением рек, впадающих в него. Соч. в бытность в Сибири майора Лихарева геодезистом Чичаговым. Рукоп.»[26]. Из этого следует, что подписанная Чичаговым карта не передавалась в Академию наук и отложилась в московском архиве. Сейчас оригинал и две снятые с него копии по-прежнему хранятся в Москве, в фонде Картографического отдела библиотеки Московского главного архива МИДа[27].

В отличие от аналогичного чертежа 1719 г., посланного Петру I, карта 1720 г. подписана автором: «Сию карту делал геодезист Петр Чичагов и руку приложил». Чертёж вновь ориентирован верхом на юг. Так же, как и на карте 1719 г., оформлен линейный масштаб (рис. 50, 59). Основное отличие карты 1720 г. состоит в том, что она имеет полноценную координатную сетку. На рамке градусы проставлены как по широте, так и по долготе. Так же как и карта, выполненная по съёмке Ивана Захарова, инструментальный чертёж Петра Чичагова изображает Иртыш от Тобольска до Зайсана. Точкой отсчёта восточной долготы являлся город Тобольск, расположенный в северо-западном углу карты. Восточный край чертежа отстоит от Тобольска на 15 градусов и примерно 40 минут.

Сравнение широтных координат на картах 1719 и 1720 гг. показывает, что Пётр Чичагов проводил собственные инструментальные замеры. Расположение объектов на его карте 1720 г. всегда несколько отличается от предыдущего чертежа, вычерченного тем же геодезистом. Иногда новые широтные координаты менее достоверны,

[25] Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale // Bulletin de la section de géographie / Comite des Travaux Historiques et Scientifiques. Paris, 1915. T. 30. P. 157. Комментарии в квадратных скобках, вероятно, принадлежат самому Делилю.

[26] Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел реэстр географическим атласам, картам, планам и феатрам войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году и дополненный по 1877 год // Известия императорского Русского географического общества. 1877. СПб., 1878. Т. 13. Приложение. С. 52, № 37.

[27] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 37 (копия), 37-а (копия 1731 г.), 37-б (оригинал 1720 г.).

Таблица 7

Сравнительная таблица значений широтных координат объектов на картах Ивана Захарова, Петра Чичагова и на современных картах (выделены значения, приближающиеся к истинным)

Географический объект	Широтные координаты по съёмке И. Захарова 1719 г.	Широтные координаты по съёмке П. Чичагова 1720 г.	Широтные координаты на современных картах
Устье реки Чёрный Иртыш	47° 38′	**47° 50′**	47° 51′
Исток Иртыша из оз. Зайсан	47° 53′	**48° 09′**	48° 14′*
Устье реки Бухтарма	49° 00′	**49° 12′**	49° 33′**
Устье реки Уба	**50° 10′**	49° 43′	50° 15′
Озеро Пресное около Ямышевской крепости	**51° 47′**	51° 34′	51° 53′
Устье реки Омь	**55° 00′**	54° 48′	54° 59′
Город Тара	56° 57′	**56° 52′**	56° 54′
Город Тобольск	58° 00′	58° 00′	58° 09′

* Венюков М. И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. Вып. 1. Приложение, с. 9. По измерениям профессора астрономии Киевского университета В. Фёдорова, проведённым в 1834 г., исток Иртыша из озера Зайсан находился на 48°13′8» северной широты (РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 558. Л. 34).

** Определено приблизительно — по современной карте, где эта точка оказалась под водами Бухтарминского водохранилища.

однако чаще Чичагову удавалось уточнить данные, полученные Захаровым (табл. 7).

При сопоставлении отрезка Иртыша от Тобольска до Омской крепости ясно видно, что абрис реки на карте 1720 г. значительно ближе к истинному (рис. 51, 60). Чичагов верно отразил характерные изгибы русла в районе Тары и Чернолуцкой слободы. Контур Иртыша показан точнее, чем на всех предшествующих чертежах, и весьма близок к изображению этой реки современными географами.

На отрезке между Железенской и Семипалатной крепостями Чичагов не нарисовал часть притоков, показанных на карте 1719 г., которые в действительности были лишь иртышскими протоками (рис. 52, 61). С его чертежа исчезли несуществующие реки Шиган Бутавлы, Чёрная, Алач и др.

Серьёзные исправления были сделаны Чичаговым при изображении русла Иртыша в районе Алтайских гор (рис. 53, 62). На его карте впервые показан изгиб Иртыша в районе устья реки Нарым, а устье реки Курчум верно расположено немного западнее устья Бухтармы. Озеро Зайсан, ориентированное на карте 1719 г. точно в направлении запад—восток, у Чичагова правильно повёрнуто по оси ВЮВ—ЗСЗ. Его длина составляет немногим более одного градуса долготы, что соответствовало истинным размерам озера до сооружения Бухтарминского водохранилища в XX в. Два рукава в устье Чёрного Иртыша показаны более протяжёнными, чем на чертеже 1719 г., что также ближе к действительности.

На карте Чичагова с градусной сеткой единственный приток Чёрного Иртыша назван «р. Хабок» (рис. 62). По месту на чертеже он соответствует реке Кабан на карте 1719 г. Градусная сетка позволяет рассчитать расстояние от устья р. Хабок до озера Зайсан. Сравнение с современной географической картой показывает, что на таком расстоянии от озера имеется другой правый приток Иртыша — река Кальжир, а современная река Каба («Кабан») впадает в Чёрный Иртыш значительно выше[28]. Скорее всего, экспедиция Лихарева так и не достигла устья р. Каба, поэтому на его карту река «Кабан» не попала. Во всяком случае, карта Чичагова заканчивается менее чем в двух градусах долготы восточнее Зайсана, а река Каба удалена от озера на два градуса. Не показан и остров на Чёрном Иртыше, отмеченный в дневнике капитана Урезова и на карте Ивана Захарова. Таким образом, карта Петра Чичагова, выполненная инструментальным способом в 1720 г., противоречит утверждению Г. Ф. Миллера о том, что Лихарев «подлинно далее заехал, нежели где капитан Урусов был»[29].

Существенным отличием чертежа 1720 г. от карты 1719 г. является то, что на нём впервые подписана река Ульба и обозначена «Уськаненная крепость», которую Иван Михайлович Лихарев заложил в августе 1720 г. при возвращении из «зайсанского похода». Эта деталь надёжно датирует карту Петра Чичагова. Инструментальный

[28] В составленной Е. А. Княжецкой таблице топонимов, упомянутых на карте Петра Чичагова, правый приток Черного Иртыша, в соответствии с путевым журналом Урезова, назван «р. Кабан» (Княжецкая Е. А. Первые русские съемки Западной Сибири… С. 338). Однако, и на оригинале, и на копиях карты Чичагова подписано «р. Хабок».

[29] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 496.

Рис. 60. Фрагмент карты течения Иртыша, вычерченной Петром Чичаговым по результатам собственных инструментальных съёмок, проведённых во время плавания 1720 г. Нижний правый угол чертежа с изображением Иртыша от Железенской крепости до г. Тобольска. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 8

Рис. 61. Фрагмент инструментальной карты Петра Чичагова, вычерченной после плавания 1720 г. Центральная часть чертежа с изображением течения Иртыша от Убинской до Железенской крепости. Общий вид карты см. на цветной иллютрации 8

Рис. 62. Верхний левый угол той же карты 1720 г. с изображением отрезка от Чёрного Иртыша до Долонской крепости. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 8

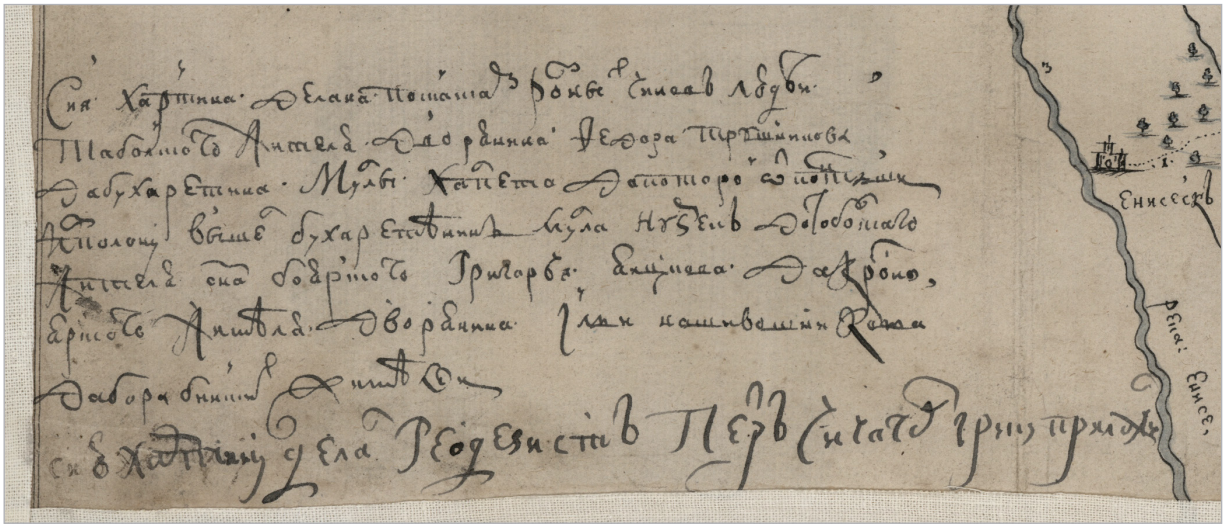


Рис. 63. Фрагмент сводной карты («хартины») 1720 г., выполненной Петром Чичаговым. Нижний левый угол с подписью и автографом геодезиста. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 9

чертёж геодезиста отражает ситуацию, сложившуюся в Прииртышье к осени 1720 г. При всём сходстве с картой И. Захарова карта Чичагова является оригинальным произведением, созданным на основе его собственной инструментальной съёмки.

В январе 1721 г. Лихарев передал в Сенат комплект из двух карт. Как и в 1719 г., он включал, во-первых, описанную выше карту течения Иртыша; во-вторых, общий чертёж южной части Западной Сибири и прилегающих районов Центральной Азии, также подписанный Петром Чичаговым[30]. Автор сопроводил этот чертёж пространным комментарием: «Сия хартина делана по скаскам розных чинов людей: таболского жителя дворянина Федора Трушникова, да бухаретина муллы Халпета, да которой от контайши из полону вышел бухаретенин мулла Нурзек, да тоболскаго жителя сына боярского Григорья Яицкова, да красноярского жителя дворянина Ильи Нашивошникова, да борабинских жителей» (рис. 63).

Большинство главных информаторов Петра Чичагова знакомы историкам. В материалах следствия Лихарева фигурируют Фёдор Трушников, бухарские муллы Халпет и Нурзек. Красноярский дворянин Илья Нашивошников — одна из ключевых фигур в истории строительства Саянского острога на Енисее. Тобольский сын боярский Григорий Яицкий вместе с Трушниковым ездил в 1713–1715 гг. в Китай.

В основу «хартины» положен чертёж, посланный Петру I в ноябре 1719 г. (цв. ил. 6). Однако теперь Чичагов изобразил значительно большую территорию, поскольку восточная кромка карты проведена по истокам Енисея, а северная доведена до места впадения Иртыша в Обь. По охвату территории «хартина» ближе к карте М. П. Гагарина 1718 г. (цв. ил. 4). Контур русла Иртыша, показанного на «хартине» от истока до устья, не соответствует действительности и разительно отличается от результатов инструментальной съемки того же Петра Чичагова, выполненной летом 1720 г. во время «зайсанского похода» (рис. 64). Это означает, что «хартина», составлявшаяся в Тобольске «по скаскам розных чинов людей», в целом была завершена геодезистом до начала плавания Лихарева 8 мая 1720 г., хотя окончательная доводка карты, очевидно, велась уже после возвращения с озера Зайсан. Например, вместо «протоки» подписана река Ульба, в устье которой уже показана «Уськаменная крепость». Вдоль южного берега озера Зайсан добавлена надпись «Теленгуты. Кочевье колматцкое». По-видимому, она сделана не по допросам в Тобольске, а после плавания по озеру вместе с Лихаревым.

Чёрный Иртыш изображён гораздо длиннее, чем на чертеже 1719 г., и со множеством верхних притоков. Если учесть, что Лихарев не доплыл даже до того большого острова, от которого повернул в обратный путь Урезов, то совершенно ясно, что верхние притоки Чёрного Иртыша Чичагов рисовал по рассказам. На чертеже 1720 г. Чёрный Иртыш начинается со слияния рек Альхабека и Хабу. Затем подписаны два левых притока (Ничка и Хардибус) и три правых (Буржин, Хон-Иртыш и Хоре-Иртыш). Большинство из семи перечисленных речек отождествляются. Во-первых, это Хо-Иртыш и Кара-Иртыш, при слиянии которых образуется современный Чёрный Иртыш; во-вторых, реки Алкабек, Каба и Бурчун, которые в действительности расположены не в истоках Чёр-

30 РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 34-3 (подлинник).

ного Иртыша, а в его нижнем и среднем течении. Любопытно, что реку Каба Чичагов, по всей видимости, изобразил дважды: один раз в истоках (р. Хабу), второй раз в нижнем течении (р. Хабок).

Между верховьями Чёрного Иртыша и озером Зайсан показан правый приток — река Кракомерчень. Такое название не находит аналогов среди окрестных гидронимов. Река показана вытекающей из озера, начало названия которого на листе карты оторвано, читается только «…ргаголь». На позднейшей копии озеро названо «Баркасоль»[31]. По-видимому, на карте 1720 г. имелось название «Баргаголь», что позволяет отождествить водоём с озером Маркаколь, из которого вытекает современная река Кальжир. Вероятно, именно она была подписана Чичаговым как «Кракомерчень».

Река Или, вдоль которой кочевал «контайша», на карте, посланной Петру I в 1719 г., никуда не впадала, теряясь в обширной степи. На «хартине» Петра Чичагова 1720 г. Или начинается от слияния рек Каш и Кинчи (совр. Каш и Кюнес), а впадает в озеро Чюи, в котором следует видеть современное озеро Балхаш (рис. 65). «Хартина» Петра Чичагова стала первой российской картой, на которой было изображено озеро Балхаш, пока под названием «Чюи».

К югу от Или схематично показана гидросеть Малой Бухарии (Восточного Туркестана). В целом этот участок схож с картой 1719 г. На территории Большой Бухарии (Западного Туркестана) помимо «Амун-Дарьи» нарисована и «Сырт-Дарья», теряющаяся в землях каракалпаков (рис. 66). Западная кромка карты, как и в 1719 г., проходит по Каспийскому морю, зато Аральское море, о котором пытались собрать сведения в Тобольске, вовсе не показано.

От города Турфана, лежащего на юго-востоке Ойратского государства, изображена дорога, которая соединяла «крайний город контайшина владения» Курля с приграничным китайским городом Даба. Как сказано выше (глава 10), город Курля — это современный город Карла недалеко от Карашара (цв. ил. 10). «Китайского владения город Даба» появился на карте 1719 г. и «хартине» Чичагова 1720 г., очевидно, по рассказам Фёдора Трушникова, который назван в числе важнейших информаторов в подписи к карте 1720 г. (рис. 63). При описании поездки Трушникова уже указывалось, что мы склонны отождествлять город Даба с китайской заставой Цзяюйгуань на западном участке Великой Китайской стены. На позднейших российских чертежах китайский город Даба уже не показан: примерно на том месте, где на «хартине» Петра Чичагова помещён город Даба, на следующей российской карте, составленной во время посольства Ивана Унковского к Цэван-Рабдану в 1722–1724 гг., изображён город «Камыл», то есть китайский Хами (Комул)[32]. Такая замена надписи на карте вовсе не означает, что китайский город Даба, известный по рассказу Трушникова, — это древний Комул. Просто примерно там, где Чичагов по допросным речам нарисовал «китайского владения город Даба», в действительности располагался восточно-туркестанский Комул, родина того самого «эркецкаго боярина» Алим-бека, от которого М. П. Гагарин узнал о добыче под Яркендом «песошного золота».

В Тобольске Лихарев в 1719 г. нашёл и допросил информатора Гагарина — «татарина Алим-бека, которой у бухарского хана был боярином»[33], а также двух переводчиков и обер-коменданта Семёна Карпова, присутствовавших при том разговоре. Всего по розыску об «эркетском золоте» было допрошено 109 человек. Из них только девять смогли дать полезную информацию. В обобщённом виде сведения о золотом промысле в Малой Бухарии сводились к следующему:

Действительно, на реке Эркень, протекающей около города Эркена (совр. г. Яркенда), раньше, «при прежнем эркецком владелце», добывался золотой песок. Тобольский переводчик Сабанак Азбакеев уточнял: «А урочище, где то золото промышляют, Енокла»[34]. Объём добычи золотого песка около Яркенда не известен. Свидетели рассказывали, что до захвата Восточного Туркестана ойратами места добычи отдавались на откуп.

Среди допрошенных Лихаревым в 1719 г. был уроженец Яркенда мулла Халпет, который в 1671–1672 гг. («тому ныне 48-й год») в двадцатилетнем возрасте покинул с торговым караваном Малую Бухарию. Вспоминая годы своей юности, Халпет рассказывал: «А всего того золота в год хану в казну збирают по 60 золотников, а ежели не збирут, и вместо золота платят по цене товарами»[35]. Мулла пояснял, что «того города и других городов с пригороды при нем владетель был бухаретин Измаил хан, да брат ево родной Баба хан»[36].

---

[31] Атлас Российской, состоящей из девятнатцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям. СПб., 1745. Карта 15.

[32] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 11. На экземпляре итоговой карты, опубликованной Н. И. Веселовским, город назван «Камил» (Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1887. (Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии; т. 3, вып. 2). Карта-вклейка).

[33] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 456, 473. Его рассказ на допросе в Тобольске см. док. № 19.

[34] Там же. Л. 456.

[35] Там же. Л. 457, 476 об.

[36] Там же. Л. 476–476 об. О том, что «песошное золото

Рис. 64. Фрагмент сводной «хартины» Петра Чичагова 1720 г. с изображением Иртыша (от истоков в горах Алтая до реки Оми) и Верхней Оби (включая реку Томь). Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 9

Камень
Камень
р: Бепау
р: Нарва
р: Бопырма
р: Уба
р: Турбанчар
р: Долонша
р: Елесенка
Тророта
р: Ульв
Бараба
прихо Косате' ода

Рис. 65. Фрагмент «хартины» Петра Чичагова 1720 г. с изображением реки Или, впадающей в «озеро Чюи» (современное оз. Балхаш). Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 9

Речь шла о чагатайских ханах — правителе Яркенда Исмаил-хане и его брате Султане-Саид-Бабе, отце Акбаш-хана[37], при дворе которого в конце 1680-х гг. жил «эркецкий боярин» Алим-бек. После подчинения Яркендского ханства Цэван-Рабданом золотой промысел прекратился.

«А как начал Эркенем владеть контайша, и того золота в промыслу не было, — сообщал мулла Регимов, — и ныне нет»[38]. Один из допрошенных бухарцев рассказал, что в его бытность в Яркенде «контайша приказал на Эркень реке искать песошное золото эркецкому жителю Курбан-хо[д] же таким же образом, как и у прежних владелцов промышляли. И искали золота одно лето. И он, Курбан, золота ничего не сыскал; и убоявся ево, контайши, оставя все свои пожитки, из Эркеня города бежал»[39].

Зато по сведениям двух других очевидцев, при Цэван-Рабдане золотой песок добывали около города Каря, который расположен в трёх неделях пути «скорою ездою» от Яркенда. Один из них пояснял: «Сказывали ему, что то золото промышляют за Карею городом в речке Чикме». Ежегодно с этих промыслов в пользу хунтайджи собиралось в виде подати по 400 золотников (1706 граммов) благородного металла. Ещё один допрошенный, «эркецкой житель мулла Нурзек», рассказал о третьем месте добычи самородного золота: «Да в еркецком же владенье под городом Хатуню, да пот Карею течет Хотень речка. И ис тех городов в бытность ево в Еркене приезжали торговые люди и продавали золото, видом величиною против руских и кедровых орехов. И сказывали, что то золото промышляют в речке Хотене, а каким промыслом и сколко золота в промыслу бывает, того он не знает»[40].

На итоговой карте, составленной Петром Чичаговым в 1720 г., изображены города и реки, о которых рассказывали допрашиваемые. Чичагов показал реки Аксут, Кашкар, Эркеть, Хотон и Чикман, вытекающие из гор и теряющиеся в песках южнее Турфана (рис. 66). Современные названия этих вытекающих в пустыню Такла-Макан рек — Аксу, Кашгар, Яркенд, Хотан и Керия.

промышляли в Эркень реке от города в 10 верстах при прежнем эркецком владелце Измайле хане» сообщил на допросе и мулла Надырь Регимов (Там же. Л. 479 об.).

[37] Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан [1902 г.] // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 191 (генеалогическая таблица).

[38] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 479 об.

[39] Там же. Л. 457 об., 481 об.

[40] Там же. Л. 456 об. — 457 об.

На них стоят одноименные города (см. рис. 19; цв. ил. 10). Сопоставление этого участка чертежа с современной географической картой показывает, что Пётр Чичагов упрощённо, но достаточно точно отразил схему гидросети западных районов Восточного Туркестана.

Технологию золотодобычи удалось узнать по рассказам очевидцев. Промысел вёлся «на дву перевозах». Он начинался после весеннего паводка «по збыти болшой воды, в год однажды, в июне да в июле месецах». На берегу реки вбивали колья и привязывали к ним «ковры косматые» либо просто раскладывали «ковры и сукна». Затем «берут песок из Еркеня реки и кладут на ковры, и перемывают водою»; «и песок с ковров спущают деревянными ножами, а золото остаетца на коврах самое малое число»[41].

Как выяснилось, видимая стадия золотодобычи очевидцами описывалась примерно одинаково. Однако оставалось непонятным, каким образом извлекают золотые песчинки из ворса ковров. Информатор М. П. Гагарина татарин Алим-бек признавался: «А с ковров и сукон как песок з золотом разделяют, того он ни от кого не слыхал». Примерно так же отвечали и остальные. Только один из 109 допрашиваемых — проживший в Яркенде двадцать лет «бухаретин Чарап Батырев» — объяснил следующие этапы технологического процесса: «А с ковров на блюда и крупной песок смывают, а мелкой остаетца». Из этого описания выясняется, что крупные фракции помещали на блюда (в лотки) и промывали до полной очистки золотого песка. Яркендский житель мулла Нурзек описал внешний вид драгоценного песка из реки Эркень: «У промышлеников он видел видом то золото как пшенишная мякина». Мелкие частицы золота, которые не удавалось смыть с ковров на блюда, извлекали при помощи ртути. «И кладут ртуть, и тот песок отделяетца, а золото обходит вкруг ртути»[42].

Итак, тобольские информаторы подтвердили добычу золотого песка в окрестностях Яркенда. Однако выяснилось, что промысел золота вёлся при чагатайских ханах, а после подчинения Малой Бухарии Цэван-Рабдану в середине 1690-х гг. он прекратился. Предпринятая хунтайджи попытка возобновить добычу драгоценного песка на берегах реки Яркен-Дарьи оказалась неудачной.

Одновременно с выяснением вопроса о яркендском золоте, во время тобольских допросов пытались собрать сведения о путях, ведущих «к Иркети». В общих чертах подтвердилась информация, отражённая на карте М. П. Гагарина 1718 г. От Иртыша к Яркенду вели два основных пути: первый от Ямышевского озера, через кочевья хунтаджи на реке Или; второй — от Зайсана на озеро Алаколь и далее через город Турфан (цв. ил. 10).

О первом маршруте подробно рассказал тарский дворянин Борис Берников, который ездил с торгом в Яркенд и прожил там около шести лет. По его словам, путь от Ямышева до зимней ставки хунтайджи на реке Или занял 44 дня, а дорога из Урги до Яркенда через летнюю ставку на реке Текес и город Аксут — ещё 42 дня[43]. Тобольский житель казачий сотник Семён Трофимов, также ездивший торговать в Ургу, приводил другие цифры: «А от Ямышева сухим путем вверх Иртыша реки по левую сторону до Семиполатной крепости степью, и песками, и лесами 12 дней. И у Семиплатной крепости переправились через Иртыш реку, и шли до Или реки до зимнего контайшина кочевья степью, и каменными, и пещаными, и безводными, и безтравными местами 5 недель». Оттуда до Яркенда через ледяные горы Мусарт и город Аксут, по словам С. Трофимова, он добирался 69 дней[44].

Другие торговцы, бывавшие во владениях хунтайджи, называли только расстояние от Ямышева до Урги. Например, уже знакомый нам Фёдор Трушников проделал этот путь за четыре недели[45], а ярославский посадский человек Пётр Карташов, решивший съездить «к китайскому городу Селиму для торгу», даже утверждал, что от Ямышева до Или доехал за 25 дней[46]. Алимбек, не один год проживший и в Яркенде, и в Урге, указывал, что расстояние от зимнего кочевья хунтаджи на р. Или до Яркенда составляло 35 дней «скорою верховою ездою»[47].

Второй маршрут к Яркенду, начинавшийся от озера Зайсан, шёл сначала на юг к озеру Алаколь, далее через горный проход Джунгарские Ворота к городу Турфану. Об этом пути в Тобольске рассказали только мулла Халпет и его брат мулла Косыров. От Зайсана до Алаколя, по их словам, было 20 дней пути. Точного расстояния до Турфана они не назвали, потому что сами, судя по всему, в Турфане не бывали. Путь от Турфана в Яркенд мулла Халпет описал по рассказам «тамошних жителей». Существовало два маршрута: северный шёл через Челиш (Карашар) и Кучабай (Кучу) на Аксут, далее традиционным путём вверх по Яркенд-Дарье. Длился он 37 дней. Южный маршрут «от Турфана ж до Эркеня степью» занимал 40 дней.

---

[41] Там же. Л. 455 об. — 457.

[42] Там же. Л. 457 об.

[43] Там же. Л. 483–483 об.

[44] Там же. Л. 484 об. Возможно, некоторые промежуточные расстояния были неправильно записаны в протоколе допроса.

[45] Там же. Л. 459 об.

[46] Там же. Л. 486.

[47] Там же. Л. 474 об.

Все информаторы, независимо от описываемого маршрута, подчёркивали сложность пути и невозможность использования гужевого транспорта. Наиболее обобщённо выразился Фёдор Самарцов: «А в тех путях санми и телегами ехать невозможно, потому что пески и безводные, и бестравные места, и великие каменные и ледяные горы»[48]. Фактически это означало, что сухопутный поход российских полков от Ямышевского озера на Яркенд был невозможен. Об отсутствии речных коммуникаций, соединяющих верховья Иртыша с Малой Бухарией, Лихарев докладывал ещё до своего плавания на Зайсан. Его «зайсанский поход» в 1720 г. подтвердил бесперспективность военного продвижения по Иртышу вглубь Алтайских гор. Показательно, что последний российский форпост, заложенный Лихаревым на Иртыше, получил название «Устье каменных гор» (док. № 84) или «Уськаменная крепость» (рис. 62). Укрепление располагалось «при самом

[48] Там же. Л. 459 об. См. также док. № 30.

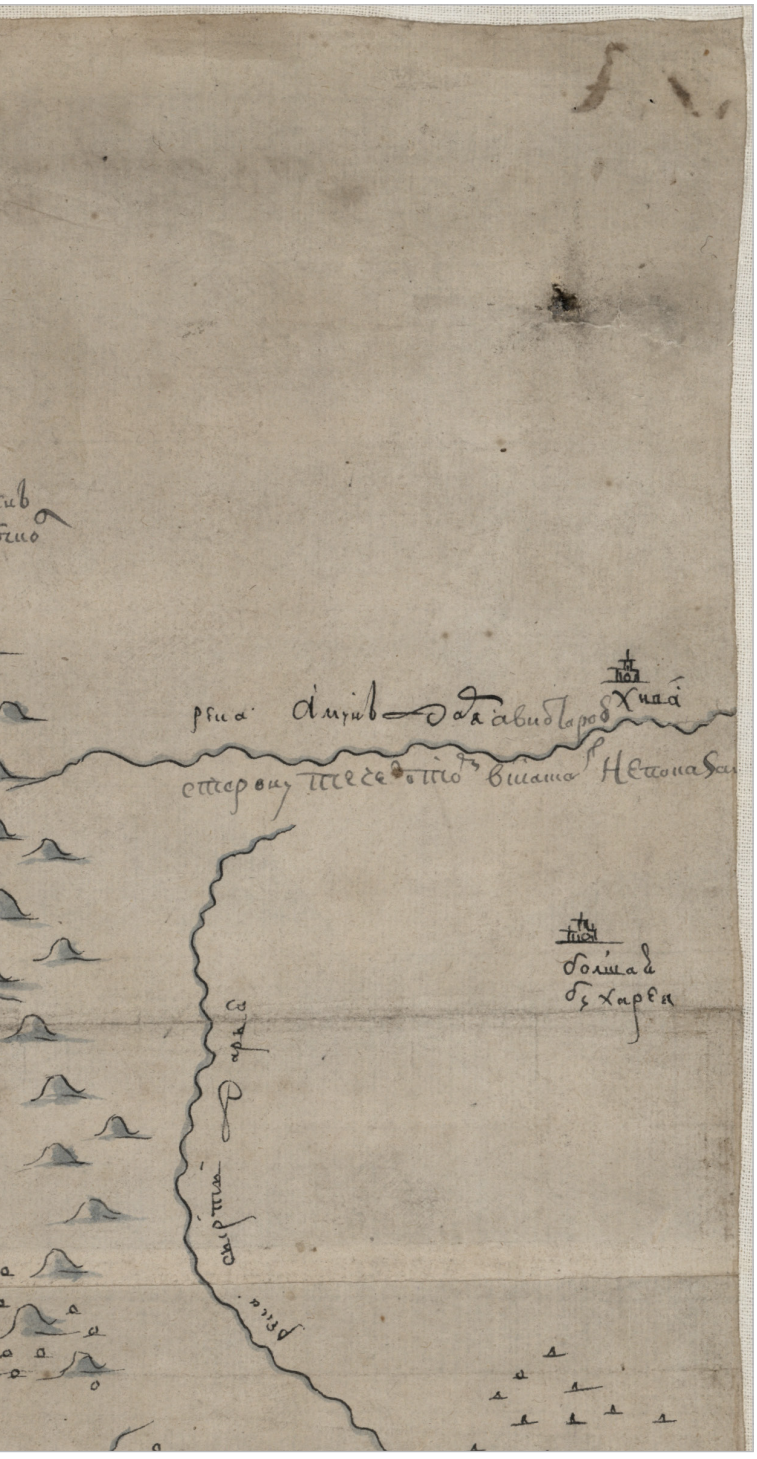


Рис. 66. Фрагмент сводной карты («хартины») Петра Чичагова 1720 г. с изображением Восточного Туркестана и части Большой Бухарии с реками Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 9

том отверстии, где Иртыш из гор вытекает»[49], то есть в том месте, где заканчивалась равнина и начинались Алтайские горы.

Итогом иртышских военных походов 1715–1720 гг. стала линия российских крепостей вдоль правого берега Иртыша. Изначально она создавалась не как пограничная, а лишь для обеспечения передислокации войск на Зайсан и далее к Яркенду. Поэтому численность крепостных гарнизонов была неравномерной и изменялась в разные годы в зависимости от успехов продвижения вверх по Иртышу. Так, в 1716 г., после неудачи под Ямышевым, базовой крепостью стало заложенное Иваном Бухолцем укрепление на устье Оми. Летом следующего года подполковник Прокофий Ступин с основной частью войск и артиллерии перебазировался в Ямышевскую крепость. С лета 1719 г. местом сосредоточения войск и продовольствия для плавания на Зайсан стала возведённая в 1718 г. Семипалатная крепость — в то время передовой рубеж России на Иртыше.

Ситуация на осень 1720 г. описана в рапорте И. М. Лихарева, поданном в Сенат после возвращения в столицу (док. № 84). К тому времени более половины войск, размещённых на Иртыше, находилось в Семипалатной крепости (1909 чел.). Из остальных форпостов сравнительно крупные гарнизоны имели крепости Омская (458 чел.), Ямышевская (370 чел.) и Усть-Каменогорская (363 чел.). График, построенный по данным И. М. Лихарева, показывает, что в трёх крайних иртышских крепостях — Семипалатной, Убинской и Усть-Каменогорской — было сосредоточено основное количество российских войск на Иртыше (табл. 8). Такая концентрация вооружённых сил на передовых рубежах свидетельствовала о подготовке к проникновению в Алтайские горы. Однако этот шаг так и не был сделан.

Таблица 8

Численность российских гарнизонов в иртышских крепостях на осень 1720 г.

Тобольск	113	Долонская	173
Омская	458	Семипалатная	1909
Железенская	46	Убинская	294
Ямышевская	370	Усть-Каменная	363

Составлено по: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 464–465. См. док. № 84.

19 января 1721 г. в Сенате был заслушан доклад гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева об итогах его двухлетней поездки в Сибирь и о выполнении заданий Петра I. Судя по записи в протокольной книге Сената (док. № 85), царь в тот день лично посетил Сенат, беседовал с Лихаревым и там же, в Сенате, собственноручно напи-

[49] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Февраль. С. 140; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 499.

сал краткий указ: «Крепость Ямышевскую укрепить и оселить, а прочие разорить новые, кроме Амской[50]. С контайшею сделать мир и завесть купечество с ним, также к китайским городам Селим и Даба, также и к жилищу далай-ламы. Сие купечество не для прибыли делать, но посылать с купцами искусных людей при купцах, дабы высмотреть о золоте, где родится, и сколько, и каков путь, и мочно ль дойтить, хотя с трудом, и овладеть тем местом»[51].

Рукописный указ был секретным. В дополнение к нему, на словах, Пётр I приказал: «Из оных далных крепостей военных и протчих людей вывесть» (док. № 85). После знакомства с отчётом Лихарева монарх отказался от плана военного похода на Яркенд. Очевидно, на принятие такого решения повлияли дальность и трудность пути, непривычные для российской армии географические условия, но главное — собранные Лихаревым сведения о прекращении добычи золота около Яркенда.

Показательно, что Пётр, оценивая результаты деятельности Лихарева в Сибири, связал их воедино с задачей сбора сведений о местах золотодобычи в Китае, упомянув при этом о городах Селиме и Дабе. После встречи царя с Трушниковым прошлом уже пять лет, но монарх помнил, где российский разведчик покупал золотой песок. В замыслах царя военный поход на озеро Зайсан сопрягался с золотообильными китайскими городами Селимом и Дабой значительно явственнее, чем в реконструкциях историков XVIII–XX вв.

Поскольку выяснилось, что основные источники драгоценного песка находятся в Северном Китае и в Тибете, Пётр I своим указом изменил тактические задачи: вместо военной операции по захвату чужестранных золотых промыслов он приказал провести глубокую разведку и собрать сведения о золотоносных районах «Малой Бухарии» и Китая. Царь вовсе не отказывался от стратегических планов вооружённого «овладения» территориями соседних государств, «где родится» золото. Более того, теперь эти планы распространялись на земли Цинского Китая и Тибета. При этом российского монарха интересовал драгоценный металл, а не новые земли в Азии.

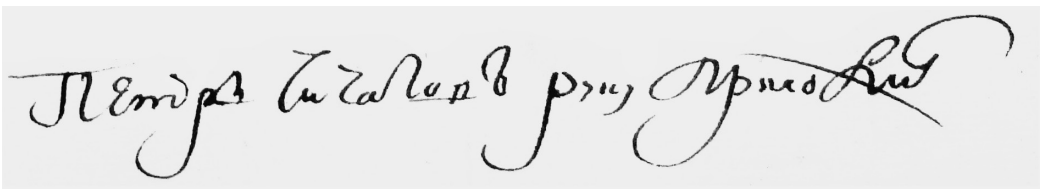
Линия иртышских крепостей, возникшая в 1716–1720 гг. «для складки правианту и для камуникации» (док. № 21), то есть как транспортный коридор, не рассматривалась Петром I как новая граница Российского государства. Прекращение военного похода в Малую Бухарию делало, по мнению царя, бессмысленным дальнейшее содержание растянутых вдоль Иртыша воинских коммуникаций. Он решил, что следовало сохранить только две крепости: Омскую («Амскую») на прежней русско-ойратской границе и Ямышевскую около главных соляных промыслов в Прииртышье. Возможно, на решение «крепость Ямышевскую укрепить и оселить» повлияло первоначальное поражение России в 1716 г. Если бы именной указ монарха был выполнен, Ямышевская крепость стала бы крайним южным форпостом России в Западной Сибири, а граница по правому берегу Иртыша доходила бы лишь до этого укрепления, все остальные приказывалось «разорить».

Между тем, когда Пётр I писал свой указ о разрушении иртышских крепостей, лихаревский посланник Иван Дмитриевич Чередов уже десятый день ехал из Урги в Тобольск[52]. Вместе с ним в Россию направлялись два ойратских посла, которые везли письмо Цэван-Рабдана, адресованное русскому царю. Хунтайджи просил Петра I прислать войска на Чёрный Иртыш и построить там российскую крепость. Хитросплетения исторических обстоятельств уже готовили иной поворот событий.

[50] В публикации напечатано «Ямской», что является явной ошибкой. Исправлено нами по сенатской копии указа (см. док. № 85).

[51] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 6: 1720–1722. № 3716, с. 313.

[52] Чередов выехал из Урги 9 января 1721 г. (док. № 86, пункт 49). В книге В. А. Моисеева это событие ошибочно отнесено к 9 января 1720 г. (Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: очерк внешнеполитических отношений. Барнаул, 1998. С. 36). В дальнейшем такая неверная хронология повторена в публикациях Р. А. Кушнерик (Кушнерик Р. А. Дипломатические миссии И. Д. Чередова в Джунгарию во втором десятилетии XVIII в. и их результаты // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сб. научных тр. Барнаул, 2005. С. 212; Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.). Барнаул, 2008. С. 87).



Автограф геодезиста Петра Чичагова на прошении: «Петр Чичагов руку приложил». 1719 г.

Документ № 83

1721 г. не позднее января 19. **– Доношение лейб-гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат с краткими итогами выполнения именного указа от 18 января 1719 г.**

(л. 453) Сиятелнеишим и превосходителнеишим господам,
господам высокоправителствующаго Сената доношение

Имянным царского величества указом генваря 18 дня 719 году велено мне в Сибири освидетельствовать, по скаскам бывшаго губернатора князя Гагарина и подполковника Бухолца о золоте эркецком, подлинно ль оное есть. И от кого он, Гагарин, сведал, тех людей сыскать. И ехать с ними до тех крепостей, где посажены его царского величества люди. И там розведав, старатца сколко возможно, дабы дойтить до Заисана озера. И ежели туды дойтить возможно, и там берега такие, что есть леса и протчия потребности для жилья, то построить у Заисана крепость и посадить людей. А как построя крепость, проведывать о пути от Заисана к Еркети: сколь далеко и возможно ль (// л. 453 об.) дойтить, также нет ли вершин каких рек, которые подались к Заисану, а впали в Дарью реку или в Аралское море. Оное все чинить сколко возможно, а в газард не входить, чтоб даром людей не потерять и убытку не учинить. А к тем делам, что будет потребно, о том ко управителем Сибирской губернии царского величества указ послан.

И по тому его царского величества имянному указу по прибытии в Тоболеск о песошном золоте и о пути к Еркеню разных чинов людей сто семь человек я допрашивал. Да сверх помянутых допросов для подлинного свидетельства ис Тоболска ходил я до Заисана и за Заисан озеро. А что о вышеписанном разных чинов люди допросами объявили, также и о походе моем по следованию явилось, о том явно по выписке и по картам, каковы учинены со оных допросов.

А по возвращении моем из-за Заисана озера каманды моей Санктпитербурского и Московского (// л. 454) полков штап, обор, ундер офицеров и салдат и алтилерных служителей оставлены в новопостроенных иртышских крепостях. А коликое число в которой крепости порознь при сем доношении значит репорт.

И чтоб сие мое доношение, и помянутую выписку, и карты, и репорт для учинения указу повелено было у меня принять в правителствующий Сенат.

[*Автограф:*] Лейб гварди маэор Иван Лихарев

Генваря ___-го дня[53] 721 году[54].

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 453–454. Подлинник.

Ранее опубликовано: Бородаев В. Б. Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции (24–27 мая 2011 года). Горно-Алтайск, 2011. С. 32.

Документ № 84

1721 г. не позднее января 19. **– Репорт лейб-гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат о войсках, оставленных в новопостроенных иртышских крепостях**

(л. 464) Репорт

Каманды леибгвардии маеора Лихарева Санктпитербурского и Московского полков штап, обор, ундер офицеров и салдат и алтилерных служителей и других чинов оставлено в новопостроенных иртышских крепостях:

В Семиполатной тысяча девятьсот девять человек. В том числе присланной из Санктпитербурха капитан-инженер один, полковой лекарь один, да лекарских учеников два.

В Убинской крепости двести девяносто четыре человека.

В Устье каменных гор триста шездесят три человека.

Да в тех же крепостях мастеровых людей дватцать четыре человека.

---

[53] Число в документе не проставлено.

[54] Далее в деле помещена выписка с материалами допросов и ведомостью о пути экспедиции 1720 г. на Зайсан, фрагмент которой публикуется в этом издании (см. док. № 81).

В Тоболску обор, ундер офицеров и салдат девяносто два человека; (// л. 464 об.) алтилерных служителей, присланных из Санктпитербурха, девять человек, да геодезии ученик один.

Всего во оных крепостях и в Тоболску штап, обор, ундер офицеров и салдат, и алтилерных служителей, и других чинов две тысячи шестьсот девяносто пять человек.

Да в Тоболску ж леибгвардии обор офицеров два, ундер офицер один, салдат восмь, итого одиннатцать человек.

Да по реке ж Иртышу крепости Долонская, Ямышевская, Железенская, Омская. И оные крепости в ведомстве Сибирской губернии. А в гварнизоны для содержания посылаютца казаки и казачьи дети ис Тоболска и из других городов.

А по ведомостям помянутых крепостей камандиров, во оных крепостях служилых:

в Долонской сто семьдесят три человека,

(// л. 465) в Ямышевской триста семьдесят человек,

в Железенской сорок шесть человек,

в Омской двести девяносто два человека, да семейшиков сто шездесят шесть человек.

[*Автограф:*] Лейб гвардии маэор Иван Лихарев

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 464–465. Подлинник.
Ранее опубликовано: Бородаев В. Б. Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции (24–27 мая 2011 года). Горно-Алтайск, 2011. С. 34–35.

Документ № 85

1721 г. после января 19. **– Выписки из документов Сената: копия именного указа Петра I о ликвидации линии иртышских крепостей; содержание записи в протокольной книге об устном распоряжении монарха о выводе войск в Тобольск**

(л. 521) Копия

Крепость Ямышевскую укрепить и оселить, а протчие разорить новые, кроме Амской.

С контайшею зделать мир и завесть купечество с ним, также х китайским городам Селим и Даба, также и к жилищу далай-ламы.

Сие, также и под сим о чем упомянуто[55], писано его царского величества собственною рукою в Сенате генваря 19-го дня 1721-го году. Которое содержитца в Сенате секретно.

[*Автограф:*] Канцелярист Федор Неронов.

(л. 522) Генваря 19 дня 1721-го году в протоколной книге записано, что при писме оного указа его ж царскому величеству от лейб гвардии маеор господин Лихарев доносил словесно:

о военных людех, которыя оставлены в новопостроенных крепостях, и о артилерии, и лейб-гвардии о обор и ундер афицерах, и о деогезах, ис которых один в Тоболску, а другой взят в Санкт Питербурх, как ево величество соизволит.

И его ж величество указал словесно:

Из оных далных крепостей военных и протчих людей вывесть, и артилерии, так же и диогезу, которой оставлен с ынструменты, быть в Тоболску. А которой диодеогиз в Санкт-Питербурхе, и ево послать в Тоболеск же[56]. И довольствовать их жалованьем откуды (// л. 522 об.) прежде им давано. А лейб-гвардии обор и ундер афицеров и рядовых взять в Санкт-Питербурх.

[*Автограф:*] Натариус Петр Елеков.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 521–522 об. Подлинник.
Ранее именной указ без протокольной записи опубликован: ПСЗ РИ-1. Т. 6: 1720–1722. № 3716, с. 313.

---

[55] Последующая часть указа являлась секретной и не копировалась. Она приведена в ПСЗ РИ-1, где текст продолжается: «Сие купечество не для прибыли делать, но посылать с купцами искусных людей при купцах, дабы высмотреть о золоте, где родится, и сколько, и каков путь, и мочно ль дойтить, хотя с трудом, и овладеть тем местом» (Т. 6, с. 313).

[56] По-видимому, речь шла о вернувшемся в Санкт-Петербург Петре Чичагове и оставленном в тобольске «геодезии ученике» (док. № 84). Судьбы Ивана Захарова это распоряжение царя уже не касалось.

Документ № 86

1721 г. мая 4. **— Из доезда (статейного списка) тарского казачьего головы Ивана Дмитриевича Чередова, посланного в 1719 году с грамотой гвардии майора И. М. Лихарева к Цэван-Рабдану: описание переговоров с хунтайджи (август 1720 — январь 1721)**

<...> (л. 610) 20

<...> (л. 610 об.) И того ж августа 12 числа прежних караулщиков, которые приставлены были у нас пятдесят человек, свели, и приказано ведать ономy зайсану Гужужапу. И от себя он, контайша, послал нас в [с]сылку на Конохой реку, где пасут люди оного зайсана скот. А помянутая река пала в Текес реку. И шли мы с ево людми через камень и по ровному месту полтора дни из Урги, [когда] от контайши наскоре прибежал гонец и возвратил нас к нему, контайше. И кочевали мы с ним, контайшею за Илю реку до урочища до Кутуна. И жили мы октября[57] по 20 день. А караулу было у нас оного зайсана пять человек.

21

А ноября в 20 де[нь] призывал он, контайша, меня перед себя.

И говорил он мне: не могу де я в толк взять в листу два слова, к чему де такие слова, что оберегают?

И я против написанного листу говорил: буде станешь жить как и Аюка хан, и взятой полон и казну отдашь, и в совете и в любве жить будешь, и милостивой государь призирает и какие неприятели на тебя нападут и оберегать будет.

22

Того ж ноября в 21 де[нь] призывал он, контайша, в Ургу и говорил нам о строение городов по Иртышу реке: в прежних де годех, тому годов сто назад будет, были послы и розмежевали землю, и грани поставили по Ом реку, а[58] по Обе реке по Черному мысу.

И я им говорил, что городы строят (// л. 611) по Иртышу реке не ради с тобою ссоры, [но] для прииску золотой, и серебреной, и медных руд. А твоим людем никакой обиды чинить не указано.

И он, контайша, говорил, чтобы в том деле не было обману.

23

Того ж ноября 23 дня призвал он, контайша, нас и говорил, что послы ходили китайские к Оюке, чево ради — земли ли присматривать или де меня обще воевать хотят? И про то де вы ведаете, а мне не скажите.

И я ему на то слово ответ давал, что оные послы для чего ходили к Оюке, тово не ведаю.

И после де того посолства те ж послы приходили ко мне, а имена им Ада Гада, а другому Мись. И призывали меня к своему царю. И я им отказал, и ему служить не похотел, для того что, хотя де начальником буде у него слыть, а воли де мне в людях моих не будет. Також де и посланные, когда бывают для каких дел, и у подданных де своих людей жен и дочерей берут к себе на постели указом китайского хана, и то де нам против закону нашего противно.

24

Того ж ноября в 24 де[нь] призывал он, контайша, и говорил, что не нел[59] де я веры, а ныне де я поверил, что милостивой меня государь призирает. А слышал де я, что от Аюки хана бегают плохия люди (// л. 611 об.) на имя государево в руские городы и крестятца. И я де тому опасен же. Надобно де о том и посла послать, чтоб в совете и в любве жить по-прежнему.

И ныне де на меня востал китайской царь. И возноситца китайской царь, что де я над всеми царями царь и над всей землей нет меня болше. И чтоб государь не дал меня китайскому царю в обиду.

И были де от меня послы в Китай в 714 году калмык именем Намышка Идекошвчин[60] сын, и слышел он от китайских началных людей: приезжают де к нам руские люди и спрашивают о здравии китайского царя, и привозят к нам дань. И то де правда ли их такое слово?

И я ему говорил, что те слова их все неправы, ложны, и произносят они такие слова напрасно.

---

[57] Так в тексте. Описка тобольского копииста или самого Чередова в оригинале статейного списка. Из следующих пунктов ясно, что речь идёт о 20 ноября.

[58] Первоначально было написано «и по Обе реке», затем исправлено на «а по Обе реке».

[59] Так в тексте. От глагола нять, имать (емлю) в значении «иметь» (Имать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991).

[60] Так в тексте. В сенатской копии — Идековщин (РГАДА Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 14 об.).

25

Того ж ноября 26 дня призывал он, контайша, и говорил мне, что в совете и в любве жить хорошо, и как живет Аюка хан. Толко слышал я, что аюкиным крайным людем чинят руские люди обиду: коней отгоняют. И худые де люди аюкины бегают в руские городы и их де руские люди крестят. И тому де я опасен.

26

Декабря в 4 де[нь] призывал он, контайша, перед себя и говорил нам: ежели де мои люди станут бегать в руские городы, и чтоб вам наших не принимать, а нам ваших.

И я говорил ему, что о том изволишь к царскому величеству послать послов или писать. (// л. 612)

27

Декабря 12 числа приезжал из Урги от контайши ближной ево человек котечи, а имя ему Батур, и спрашивал у меня, что есть ли де у тебя в письме ведение, что государевой казны взято денег, и людей, и скота.

И я ему говорил, что у денежной казны есть щетчики, и те люди ныне у тебя, а про людей и про скот знают началные ж люди, и те люди у тебя ж. А у нас в письме того не написано.

28

Декабря 21 дня призывал контайша перед себя и объявил лист к царскому величеству к Москве, а другой лист в Тоболеск к губернатору. И спросил у меня: не было ль де вам, живя у меня, какой обиды.

И я ему о своих нуждах жаловался, а имянно: на караулщиков, которые приставлены были у нас дневные караулщики, что брали у нас в долги товары, а денег не платили. И приказал контайша на тех караулщиках доправить за обиду нашу. И то по приказу ево на оных караулщиках доправлено и нам отдано.

Также и за безчестия наше, что нас они били и бранили, и на безводных местах заставливали нас колодизи копать. И за то бесчестие и увечья платить приказал же. И за то я нечего не взял, а сказал ему, что в том как великий государь укажет. И выше помянутой обиды он, контайша, вину свою царскому величеству приносил и со мною прощался не по один день, по десять и болше, и говорил: вина де в помянутой обиде вся моя.

29

Декабря в 30 де[нь] призвали зайсаны на судебную заргу[61], а имена зайсаном Шарап, Данжим, Сандуп, Санчак. И объявили мне (// л. 612 об.) посланцов к царскому величеству: посланец именем Борокоргон, да в Тоболеск Лозон. И говорили при тех посланцах зайсаны, чтоб построить крепость руским людем выше Нор-Зайсану озера в ыртышных вершинах в розвилинах. И такова де угоднова места вверх по Иртышу инде[62] для строения крепости не будет, чтобы ускорить — не захватила бы китайская сила, и крепость бы в том месте не построили. И чтобы мне и подданным моим людем под Семи Полатную крепость и вверх по Иртышу кочевать не возбранно. И сам оной контайша говорил те ж речи пойма[63] по три и по четыре.

30

721 генваря в 4 де[нь] призывал контайша перед себя и говорил об обидах и о прошении у царского величества: ссору делали и послов не пропущали крайных городов каменданты, а послов моих обирали и задерживали, а иных побили. А отговорки от камендантов мне были, что де такое дело чинили прежные каменданты, а не мы. А царского величества указом переменяютца, сидят года по два и по три. А на грацких де жителей, которые живут в тех городах, жалобы у меня нет. А за такую ссору киргизом стало жить невозможно, и я взял к себе, а ту землю оставили пусту.

31

И теленгутам чинили многия обиды. И я посылал под Кузнецкой своих людей для переговору Бойдона да Манхана. И они де не послушались, их убили. Для того ж де ездил Духар заисан, и оне де ево не послушались же, бой поставили. И теленгутом стало жить невозможно, и я, не хотя ссоры, оных теленгутов взял к себе ж. (// л. 613)

---

[61] Зарга (монгол. — жалоба, тяжба) — судебно-совещательный орган при ойратском правителе (Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 397).

[62] В значении «в другом месте», «кое-где» (Инде // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986).

[63] Так в тексте.

32

В 713 году приезжал ко мне ис Тоболска посланцом Иван Чередов и говорил мне, что прибыл в Тоболеск губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, и по указу вся Сибирь ему вручена. И в 714-м году послал я к царскому величеству к Москве и в Тоболеск послов своих Ерке Тосурхая, Гендуна Еркема. И к царскому величеству тех послов не пропустили и ко мне назад отослали.

Грани и затеси переступя, город у Ямышева озера построили. И я послал к Ямышеву Чирин Дундука спросить о городовом строении. И ис той крепости бой учинили, и Чирин Дундук на пути ис Тоболска, не доехав до Ямышева, из руских людей малое число к себе взяли. И подполковник Иван Буколц Чирин Дундуку через толмача говорил, что через грани и затеси переступя город поставили, и то нам велел князь Матвей Петрович, и мы о том станем доносить царскому величеству. И он, Иван Буколц, и поплыл от Ямышева назад по Иртышу. После того стали город строить у Ямышева ж, и я был о том в великом сумнение. И приехал ко мне посланец Григорей Вильянов, и говорил, что городы строят не ради военного случая. И я о том послал лист к царскому величеству с ним, Григорьем.

33

И ныне ко мне приехал Иван Чередов с листом, а в листу написано: буде ты отдашь людей, и казну, и коней, и станешь жить в совете и в любве, и торги иметь наипаче и прежняго, и как живет Аюка хан, и какие люди на тебя нападут, милостивой государь призирает и оберегает. И какие ссоры между собою произойдет, чтоб послами розыскивать.

34

А ныне состоялся указ царского величества, что искать золотой, среберяной и медных руд. И то, что надобно, по указу ищут. А людем моим от меня заказано накрепко, чтобы ссоры никакой не чинили. (// л. 613 об.)

35

А посланец Иван Чередов у меня задержан был за недоверием и за военным случаем китайского хана.

36

И я тому совету желаю, как прежние тайши живали с царским величеством в совете и в любве жить, и торги водить паче и прежняго.

37

И милости прошу у царского величества, чтобы меня оборонил от китайской и от мунгалской силы, и не дал бы меня в обиду.

38

А естли от меня какие будут бегать люди в руские городы, чтоб царское величество таких людей не приказал приимать. Тако же и царского величества какие люди будут бежать ко мне, и я стану назат отсылать.

39

Естли царское величество милостиво меня от такой силы оборонит, и я буду жить так, как живет и Аюка хан.

40

Царского величества людей, и казну, и коней, и хто при той казне были у денег счетчики, а у людей началные люди, и тех людей велел сыскать. И о том послал в Тоболеск посланника Лозана спросить, что чего взято и на сколько числом. И как мой посланник возвратитца ко мне, то не удержу, все то вышлю в крайные городы.(// л. 614)

41

Как царское величество пожаловал Аюку хана мунгатами, так бы и меня пожаловал мунгалами, которые на меня востали. И мы де укажем, где золото родитца.

42

А буде от моих людей к царскому величеству на меня какая клевета произойдет, и чтобы царское величество вскоре веры не понял таким худым людем.

43

А с ясашных людей, с которых я имал ясак, чтобы по-прежнему указал царское величество мне ясак имать.

44

А о подъеме на оборону силы, что царское величество укажет.

45

Генваря в 5 де[нь] призывал контайша перед себя и говорил: хотя и много моей жалобы произошло, а есть и моих людей винность.

46

А как вышеписанные контайшины слова ко мне были о всяком переговоре, как написано выше сего, и в то время были (// л. 614 об.) при нем, контайше, сыновья ево, а имена им: первому Галдан Чирин, второму Шуну, а третьему Шуну ж Дабада, двум меншим сыновьям имена Бараны. Да коюцкие два тайши: одному имя Дармадала, другому Жалбу. Да лутчие ево зайсаны: Шара, да Южин, да Саянчак, да Сандуп. Да ближной ево человек секретарь именем Чагун. Да свойственной ево человек бухаретянин мулла Кожмаметь. И он, бухаретянин, наипаче всех контайшиных началных, которые писаны выше сего, понеже желатель о добрых случаях к царскому величеству и х контайше простотою своею беспрестанно рачитель, и в переговорех великую мне помощь подал.

47

Да он же, контайша, говорил мне: которой де посланец был послан ко мне ис Тоболска сын боярской Алексей Маремьянин з двумя татарами, и тот де посланец ко мне и в крайные мои люди не бывал, и ведомости ко мне об нем ни от кого не бывало. А которые ж под Кузнецким городом взяты моими людми у ясашных татар кони и пожитки, и то все будет собрано и отдано сполна. А которые де салдаты от Семи Полатной крепости восемь человек в полон взяты, да один человек убит, и я де про то, также и мои люди, не видают[64]. И ежели де мои люди оное учинили, и о том де велю розыскать подлинно.

48

А которой лист к поданию х контайше дан мне лейб гвардии от господина маэора Ивана Михайловича Лихарева, и тот лист был запечатан перстнем, а не государевою печатью Сибирской губернской канцелярии. И слышно было мне через людей контайшиных, о той де печате у него, контайши, великое было сумнение для того, что ставил он тот лист не в правость. А как я был за караулом и с посланными со мною людми, и полонеников наших руских, которой ежели идет мимо наших юрт, хотя и в далном разстоянии, и тех людей контайшины калмыки хватали, а схватив, (// л. 615) нагих стегали плетми смертно. И после того, подняв тех людей з земли, и руки свяжут назад, а на шею наложат аркан и поведут за конми пеших мимо наших изб до контайши в Ургу. И я о том контайшиным зайсанам говорил, что люди ваши над нашими рускими людми, которые в полону, делают непорядочно. И оне мне на те слова сказали, что такое дело чинят худые люди без приказу нашего, а ныне у нас о том будет заказано, чтоб руским людем никакой изневаги[65] не чинили.

А в бытность нашу мне и посланным со мною от контайши юрт нам летом и зимою для постою не давали.

49

А из Урги отпущены в Тоболеск генваря в 9 де[нь]. И того ж генваря в 29 де[нь] в пути на урочище Заре достиг нас от контайши человек с писмом. И то писмо приняли посланцы ево. И в писме написано: сыскали де мы в крайних своих улусех денежнаго щетчика Алексея Попова, и он де сказал перед контайшею: моего щету было денег в приеме девять тысяч пятьсот рублев, а иных де началных людей будем сыскивать.

50

А помянутыя барабинцы провожатые, которые наперед едучи х контайше отпущены были из улусу от Сонжюра в Барабу дватцать два человека, и те барабинцы указом контайшиным после нас в том улусе задержаны, и были за караулом з год. И не мого[66] терпеть от контайшиных людей всякие обиды, и они, барабинцы, ис того улуса бежали в Барабу. И на дороге контайшины калмыки оных барабинцов настигли и пожитки их все побрали, и четыре человека схватали и увезли к себе назад. И как я отправлен от контайши, и тех татар четырех человек мне отдали, а пожитков их ничего не отдали, и сказали, что собрать де оные пожитки вскоре невозможно. (// л. 615 об.)

---

[64] В сенатской копии: не ведают (РГАДА Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 20).

[65] Изневага — насилие (Изневага // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991).

[66] В сенатской копии: не могли (РГАДА Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 21 об.).

51

А которое дано было нам ис Тоболска из губернской канцелярии товаром для прокормления, тако же и своего для подъему, ис того товару контайша приказал у нас взять десятую пошлину.

52

Да чрез писания полонеников руских людей тарского жителя дворянского сына Ивана Петрова Багачева, что пленник де швет именем Иван Иванов сын Ренат ныне у контайши зачел делать пушки, и одну де доспел при нашей бытности.

53

Да чрез писания ж вышепомянутого пленника в кузнецких уездах в ясашных волостях контайшины подданные калмыки взяли руских людей Ивана Сорокина, при нем девять человек, за Бойгорока. И ныне те руские люди у него, контайши, в Урге за крепким караулом.

Да чрез пленника тарского казачья сына Алексея Сидорова ведомости к нам были: в прошлом 720 году августа в 1 числех и китайской[67] из мунгалской силы подбегали лехкие люди в контайшины крайные улусы и взяли де контайшиных людей тысяч с семь душ, а з другой стороны подбегали Казачья орда и взяли тысячи с три людей ево ж, контайшиных, того ж году. <...>

РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 610–615 об. Копия, снятая с оригинала в Тобольске 4 июня 1721 г. и отправленная в Сенат.

Вторая, позднейшая копия, сделанная с этого документа, хранится: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 12 об. — 22. Ранее опубликована: Русско-джунгарские пограничные споры 1640–1710-х гг. / сост. Д. А. Ананьев // Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сб. док. Новосибирск, 2010. Док. № 13, с. 44–50.

Краткое изложение статейного списка И. Д. Чередова дано в «Выписке из ведомостей сибирских», сделанной в Коллегии иностранных дел во второй половине 1730-х гг., хранится: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 19–24. Частично опубликовано: Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. Док. № 12, с. 23–24.

[67] В сенатской копии: из китайской (Там же. Л. 22).

Глава 22

Российское открытие месторождений медных руд на Алтае (1717–1720 годы)

В 1715–1720 гг. российские военные и представители сибирской администрации не раз заявляли ойратскому правителю и его подданным, что продвижение армейских полков вверх по Иртышу ведётся «для прииску золотой, и серебреной, и медных руд». Такое объяснение, впервые применённое М. П. Гагариным, самим губернатором, очевидно, воспринималось как дипломатический маневр, необходимый для скрытия истинных целей военных экспедиций.

Пётр I, направивший И. Д. Бухолца в 1714 г. на завоевание Яркенда, предусмотрительно предписывал ему выбрать в Сибири и включить в состав своего отряда пленных шведов, «кои, хотя мало, умеют около манералов» (док. № 18). Однако, находясь в Тобольске, Бухолц не смог выполнить распоряжение царя, поскольку губернатор разрешил платить таким специалистам не более 80 рублей в год, а «за малой трактамент никто не йдет»[1].

Есть упоминание о том, что при отправке из Тобольска в Семипалатную крепость поручика Сомова (в мае 1719 г.), по-видимому, вместе с ним были «посланы для проведывания к Нор-Зайсану озеру» сын боярский Афанасий Скибин и служилый человек Фёдор Корнилов. Следом в списке указано о выдаче «рудному мастеру Фирсу Запутряеву, которой послан для сыску и опознания руд, жалованья 18 рублев»[2].

К тому времени Фирс Запутряев был опытным специалистом. Он упомянут в качестве ученика уже в списках Рудного приказа, основанного в 1700 г. При ликвидации приказа Рудных дел летом 1711 г. указом предписывалось «русских учеников всех… послать в Сибирскую губернию»[3]. В результате из столицы на Урал, на Уктусский завод, для организации выплавки меди выехала большая группа специалистов, в том числе ученик Фирс Запутряев. Впоследствии некоторые из них стали известны как плавильщики медной руды, а Запутярев освоил профессию пробирного мастера[4]. Позднее «пробователь» Запутряев работал на Урале под началом В. Н. Татищева и В. И. Геннина[5]. Вполне возможно, что Фирс Запутряев участвовал в экспедиции капитана Урезова на озеро Зайсан в 1719 г. Но никаких сведений о результатах его деятельности в это время в архивах не найдено.

Первые известия о богатстве недр далёких гор, расположенных в Обь-Иртышском междуречье, поступили в российские столицы необычным путём. В декабре 1719 г. указом Петра I вместо Рудного приказа (восстановленного в 1715 г.) была создана Берг-коллегия. Это учреждение, ведавшее горно-металлургической промышленностью страны, располагалось в Санкт-Петербурге, а его представителям — берг-офицерам — указом предписывалось находиться в Москве, в Сибири и в Казани[6]. Уполномоченными Берг-коллегии в Сибирь весной 1720 г. были назначены капитан артиллерии Василий Никитич Татищев и опытный плавильный мастер Иоганн Фридрих Блюэр.

И. Ф. Блюэр приехал в Россию в 1699 г. вместе с несколькими другими специалистами, нанятыми в Саксонии по распоряжению Петра I. За двадцать лет он стал одним из лучших «пробирных» мастеров в России. Не случайно именно ему доверил царь в 1714 г. опробовать «бухарское» золото, полученное от Гагарина. В начале 1720 г. Блюэр был направлен на Урал и 4 апреля проездом из Санкт-

---

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7.` Кн. 373. Л. 114–114 об.

[2] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Док. № 142. Л. 272 об. – 285. Цит. по.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 53-6, с. 198–199.

[3] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 4: 1700–1712. № 2370, с. 690.

[4] Курлаев Е. У истоков Екатеринбурга // Веси: провинциальный литературно-художественный, историко-краеведческий журнал. 2013. № 6 (92). С. 7.

[5] Архипова Н. В. Н. Татищев — первопроходец уральской географии [Электронный ресурс] // Уральская старина. 2003. Вып. 5. URL: http://urbibl.ru/Knigi/uralskaya-starina/vip-5-5.html (01.10.2015); Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 79.

[6] ПСЗ РИ-1. Т. 5: 1713–1719. № 3464, с. 760.

Петербурга прибыл в Москву, где задержался до июня[7]. Здесь и застал его новый сибирский губернатор Алексей Михайлович Черкасский, передавший опытному металлургу на пробу два куска медной руды. Эти образцы попали к губернатору не от участников иртышских походов, а благодаря удивительной настойчивости двух крестьян-промысловиков Томского уезда — рудознатцев Степана Костылева и Фёдора Комарова.

13 мая 1720 г., когда Лихарев только начинал «зайсанский поход», бергмейстер Блюэр письменно уведомил В. Н. Татищева о результатах своих опытов с двумя кусками руды, «которые объявили сибирские жители». Содержание металла превзошло все ожидания: «Ис той руды вышло меди более трети» (док. № 88). Редкий по тем временам металл составлял более трети от общего веса руды! Такого в России ещё не знали. Богатство собранных крестьянами образцов сразу же привлекло внимание готовящихся к отъезду на Урал специалистов. Поразительные результаты пробной плавки томской руды не могли оставить Татищева равнодушным. «Оные руды суть лутчие и богатейшие во всей Сибири, и подобных оным так постоянных нигде до днесь не сыскано», — писал об алтайских месторождениях Василий Никитич спустя полтора десятилетия[8]. Но понял он это, безусловно, ещё тогда, весной 1720 г.

Татищев направил А. М. Черкасскому доношение о результатах проб и обратился к губернатору с просьбой, «чтоб оных объявителей для показания тех мест взять мне с собою» (док. № 88). Вскоре состоялась встреча Василия Никитича с крестьянами-рудознатцами. В Екатеринбурге, в архивном фонде известного уральского краеведа Наркиза Константиновича Чупина (1824–1882), сохранились выписки, сделанные им из документов XVIII в., которые отложились в местном горном правлении во времена В. Н. Татищева. Среди записей, посвящённых началу горнопромышленного освоения Алтая, имеется текст доношения в Берг-коллегию рудознатцев Томского уезда Степана Костылева и Федора Комарова, датированный 24 мая 1720 г. (док. № 89). Судя по тому, что подпись под документом вместо неграмотных крестьян поставил «Берг-коллегии служитель», писалось это доношение при встрече первооткрывателей алтайских медных руд с В. Н. Татищевым.

Помимо указанного сообщения сохранилось ещё два рассказа, записанных со слов Степана Костылева в 1722 и 1734 годах (док. № 93, 94). Перечисленные документы доносят до нас любопытные подробности истории многолетних поисков крестьянина-рудознатца и его настойчивой борьбы за своё право первооткрывателя.

1717 год. В то время, когда Прокофий Ступин возводил Ямышевскую крепость, Степан Григорьевич Костылев ещё жил в Коркиной слободе (современный город Ишим в Тюменской области). В переписной книге ведомства Коркиной слободы за 1710 г. в деревне Максимовой значится Степан Григорьев сын Костыль 30 лет с сыновьями Яковом и Степаном[9]. Оттуда он в 1717 г. приехал в Тобольск, где подал сибирскому губернатору М. П. Гагарину челобитную. Рудоискатель просил «отпустить из Коркиной слободы и взять мне из той слободы охочих людей искать вверх Ишиму реки… и по иным рекам серебряной, медной, железной и иных руд, и слюды, и в курганах вещей» (док. № 89). Получив такое разрешение, Костылев вернулся в Коркину слободу, но местный приказчик проявил самоуправство, никуда его не отпустил «и руд искать не велел».

К тому же лету 1717 г. относятся первые сведения о проникновении в северные предгорья Алтая другого легендарного приобского промысловика-искателя — казачьего сына Михаила Волкова. 18 августа приказчик недавно построенной Белоярской крепости Степан Серебреников сообщил в уездный город Кузнецк коменданту Борису Синявину: «Приежжали суда в Белоярской Чоуского острогу восемь человек: Михайло Волков с таварищи и просились сдесь в Белоярске жыть. И я их не принял и отослал назад в Чоуской острог[10]. И оные вышепомянутые люди восемь человек, отъехав от Белоярска верст десять или болше и с той дороги отворотя в степь, и покинули от себя одного человека своего таварыша Дорофея Веснина за скорбию. И наехав на того человека белоярские жители, и у того человека коня и запасу ничево с ним не явилось. И привезен в Белоярской. И я того человека допрашывал, и вышепомянутой человек сказал про тех своих таваришев, что ушли де в степь вверх по Обе реке под Чемры» (док. № 87).

Выражение «под Чемры» не совсем понятно. Группа промысловиков во главе с Волковым двигалась до Белоярской крепости по правому бе-

---

[7] Чупин Н. К. Василий Никитич Татищев и первое его управление Уральскими заводами (из Пермских губернских ведомостей 1867 г.) // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь, 1882. Вып. 1. С. 49–50. Биографию И. Ф. Блюэра см.: Биографическое известие о члене Берг-коллегии Блюэре // Горный журнал. СПб., 1828. Кн. 6. С. 97–128.

[8] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 12. Л. 494–494 об.

[9] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1493. Л. 146. Цит. по: Волков В. Г. Алтайские рудознатцы первой трети XVIII в.: происхождение и роль в первоначальном освоении территории Верхнего Приобья и Алтая // Ползуновский альманах. 2004. № 2. С. 80.

[10] Жителям Томского уезда, в который входил и Чусский острог, было запрещено селиться на землях Кузнецкого уезда (см. док. № 53).

регу Оби. Далее, по словам приказчика, она не переправлялась на левый берег Оби, а ушла «в степь» и затем вверх по реке «под Чемры». Сейчас в самом начале Оби в неё справа впадает речка Чемровка. Это обстоятельство даёт основание считать, что маршрут отряда Михаила Волкова в 1717 г. пролегал вдоль Оби к месту слияния Бии и Катуни — туда, где годом позже будет возведена Бийская крепость.

1718 год. По словам самого Степана Костылева, его переезд из Коркиной слободы «в Томский город» (то есть в Томский уезд) произошёл в 1718 году: «В прошлом же 718 году приехал я в Томской город и приискал себе товарища Ивана Горбуна. И с тем товарищем нашли мы медных и серебряных руд по Томским урочищам многое число» (док. № 89).

Формулировка «по Томским урочищам» весьма неопределённа: возможно, речь идёт о месторождениях, расположенных на территории Томского уезда; возможно — о рудах, найденных в бассейне реки Томь или даже в окрестностях самого города Томска. Упоминание в документе серебряных руд, обнаруженных «по Томским урочищам», позволяет точнее локализовать это географическое название. По другим источникам известно, что в 1720–1723 гг. «рудные доносители Иван Шелягин да Степан Костылев» объявляли томскому воеводе о находке ими серебряной руды в пяти верстах от Томска «по реке Ушайке»[11]. Таким образом, есть основание считать, что «Томскими урочищами» Степан Костылев называл места, расположенные сравнительно недалеко от города Томска, либо по реке Томи. В любом случае это были не предгорья Алтая, поскольку в 1718 г. бассейн реки Алей ещё оставался за пределами Российского государства. Позднее при описании именно алтайских месторождений Костылев локализовал их «в Томском уезде… выше Томска по Обе и по Алею рекам в Алейских горах» (док. № 94).

О деятельности Михайлы Волкова в 1718 г. ничего не известно.

1719 год. Степан Костылев и Иван Горбунов объявили томскому коменданту Василию Козлову найденные ранее руды и просили в своей челобитной «об отпуске ис Томска… искать по Томским урочищам руд» (док. № 89). Однако руководитель Томского уезда, как и приказчик Коркиной слободы в 1717 г., крестьян-рудознатцев «не отпустил, и хотел нас бить кнутом». Обстоятельства вынудили законопослушного челобитчика Степана Костылева решиться на никем не санкционированную поисковую экспедицию: без ведома властей он поехал на далёкую и никем не контролируемую приграничную территорию в верховьях реки Алей.

В рассказе, записанном в декабре 1722 г., Костылев сообщал: «В сибирских городех в Томском уезде и в Чеуцком остроге обываним своим четверолетним уведомился я с товарыши своими с Федором Комаровым, да Михаилом Волковым по Алию реке о медных рудах. И взяв тех руд, сказал я при себе его императорского величества дело» (док. № 93). Указав последовательность событий, рудознатец не привязал их к конкретным датам. В значительно более поздних воспоминаниях, продиктованных в октябре 1734 г., Степан Григорьевич ошибочно отнёс свою поездку на Алей к 1720 г.: «В прошлом 1720-м году в Томском уезде обыскал я, нижайший, с товарищи моими Михаилом Волковым, Леонтеем да Макаром Останиными, Федором Комаровым выше Томска по Обе и по Алею рекам в Алейских горах в шести местах медные руды. И видя мы такие руды, что они содержанием к плавлению меди плод хорошей имеют, не да[ва]я о том никому знать, дабы в том приске нам от кого какого препятствия не учинилось, показали мы со оным товарищем моим Комаровым за собою государево дело» (док. № 94).

Если первые образцы руд, обнаруженные «по Томским урочищам», неудачно предъявлялись коменданту Томска, то об алейских рудах решено было заявить, «не давая о том никому знать». Чтобы сообщить о своих находках и при этом не зависеть от самоуправства местных властей, Костылеву и Комарову пришлось сказать государево «слово и дело» — юридическую формулу петровского времени, позволявшую любому человеку объявить о знании им какой-то информации государственной важности. После таких слов обязательно начиналось следственное дело. В результате оба рудоискателя были «высланы… ис Томска в Тоболеск, а ис Тобольска посланы в Москву в Преображенской приказ, где мы про те обысканныя руды объявили имянно» (док. № 94). Уже не томскому коменданту, а московским властям рассказали рудознатцы о своих открытиях.

Из цитированных выше документов достоверно известно, что весной 1720 г. Костылев и Комаров были в Москве. Следовательно, открытие медных месторождений «в Алейских горах» произошло в 1719 г. Спустя пятнадцать лет, вспоминая об этих событиях, Степан Григорьевич Костылев отнёс их к 1720 г., однако это явная ошибка.

Не разрешённая властями экспедиция в верховья реки Алей — первое документально подтверждённое совместное предприятие Степана Костылева и Михайлы Волкова, для которого, по-видимому, такие несанкционированные поездки были делом обычным. Известный нам эпизод 1717 г., когда запрет белоярского приказчика не смог остановить руководителя чаусских промы-

[11] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 153. Л. 16 об. — 17 об.

словиков, рисует Михайлу Волкова человеком решительным, целеустремлённым и далеко не столь законопослушным, как Степан Костылев.

Причастность Михайлы Волкова к открытию алейских руд подтверждается и в «сказке», которую записали осенью 1721 г.: «А в скаске своей означенные доносители Михайло Волков, Степан Костылев, Федор Комаров им, Павлу Бривцыну и Никите Петрову, сказали: которая де руда свидетельствована на Москве — их прииску. А оная руда взята вверх по Обе по речке Алею, до которых растояния от Томскова города ехать две недели конем, а нынешнем осенным временем ехать будет и больше двух недель»[12].

При перечислении Костылевым в 1734 г. своих товарищей по поискам алейских руд первым назван Волков, далее — братья Останины и лишь затем Фёдор Комаров, вместе с которым Степан Григорьевич зимой 1719/1720 гг. заявил «слово и дело» и был отправлен по этапу в столицу (док. № 94). «И, не объявя того дела в Сибири, выслан за то был в Преображенск. И по допросам моим свидетельствовали оную руду в Москве в Рудном приказе, и по пробе истинна явилась» (док. № 93).

Почему при объявлении алтайских медных руд рядом со Степаном Костылевым и Фёдором Комаровым, решившимися в конце 1719 — начале 1720 г. сказать «государево дело», не было Михайлы Волкова или братьев Останиных, мы не знаем. Если Костылев постоянно называл Волкова в числе товарищей по открытию руд, то сам Михайло, перечисляя в январе 1721 г. в своём доношении в Берг-коллегию известные ему рудные места, упомянул о древних горных выработках в верховьях Алея и Чарыша весьма лаконично, как бы между прочим: «Да я ж знаю в Белоярском уезде, которой город ныне построен вновь на реке Обе, и в том уезде вверьх по Чарышу и по Алею рекам в вершинах в каменях садитца нашатырь самородной. И близ тех урочищ значит древных лет заводы, ямы и печины. По тем же рекам есть в каменях краски разные немалое число и самородной хрусталь» (док. № 92). В этом описании даже нет слов «медные руды». Сведения о рудопроявлениях в верховьях Чарыша и Алея Волков не конкретизировал, тогда как заявленные им самим месторождения на реке Томь и в Томском Приобье описаны подробнее. Очевидно, он признавал, что права первооткрывательства алейских руд принадлежат Степану Костылеву и Фёдору Комарову, уже заявившим о них в Москве в начале 1720 г.[13]

1720 год. После произнесения «слова и дела» Костылев и Комаров, «не объявя того дела в Сибири», были отправлены из Томска в Тобольск и далее в Москву, в сыскной Преображенский приказ. Предъявленные ими рудные образцы также были посланы в столицу и поступили в Сибирский приказ. Оттуда, как мы уже знаем, губернатор А. М. Черкасский передал два куска медных руд И. Ф. Блюэру, который опробовал их и обнаружил очень высокое содержание меди (док. № 88). Так была доказана действительная государственная значимость заявленного в Томске «слова и дела».

После отправки Степана Костылева и Фёдора Комарова в распоряжение В. Н. Татищева, крестьяне-рудознатцы получили статус рудоискателей. 26 мая 1720 г. Василий Никитич известил Берг-коллегию, что он берёт Костылева и Комарова с собою в Сибирь, определив им жалованье по три копейки в день (док. № 90)[14]. В тот же день Костылев и Комаров вместе с В. Н. Татищевым и И. Ф. Блюэром выехали из Москвы на Урал, в город Кунгур, который в то время был столицей сибирского горного ведомства. 11 августа они были отпущены из Кунгура «в Томской для прииску вновь рудных мест, и дано им на прокормление в дорогу по два рубли человеку»[15]. Среди бумаг В. Н. Татищева сохранился отпуск следующего содержания:

«По указу царского величества.

Отпущены с Кунгура от горных дел рудные доносители томские жители Федор Комаров, Степан Костылев в домы свои, в Томск. И в надлежащем пути от Кунгура до Томска везде по заставам власть имущим оных пропущать и давать им по ямом ямщиком, а по селам и по деревням каманду, имеющим две подводы с проводники без всякого задержания.

Во свидетельство сего приписую моею рукою и утверж[д]аю печатью.

Кунгур, августа 11 де[нь] 1720-го»[16].

Пока Костылев и Комаров с мая по август 1720 г. находились в команде В. Н. Татищева, тобольские власти тем же летом организовали ра-

---

[12] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 7об.

[13] Показательно, что летом 1721 г. Михайло Волков в одиночку не повёл уральских специалистов на алейские месторождения, и те вынуждены были до осени искать Степана Костылева. В контексте имеющихся архивных материалов абсолютно умозрительным и неверным является утверждение о том, что «честь первооткрывателя рудных месторождений на реке Алее принадлежит в первую очередь Михайле Волкову, а не Степану Костылеву, последний являлся по большей части лишь доносителем о рудах» (Усков И. Ю., Волков В. Г. Михайло Волков: опыт документальной биографии. Кемерово, 2007. С. 14). Такой вывод историков совершенно не соответствует тексту доношения, продиктованного самим Волковым (док. № 92).

[14] Первоначально С. Костылев и Ф. Комаров были поставлены на довольствие «сего маия з 26-го июля по 1-е число… записав в росход с роспискою» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об.).

[15] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

[16] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–42 об.

боту по проверке месторождений, заявленных оставшимся в Сибири промысловиком Михаилом Волковым. Сведения об этом мы находим в его доношении, написанном в январе 1721 г. Вот что сообщал в Берг-коллегию сам Михайло Волков: «В прошлом 720-м году был я, нижеименованный, в Омской крепости для звериного промыслу. И сказал за собою государево дело. И из Омской крепости прислан в Тоболеск. И подал доношение о прииске руд в Томском уезде ниже Томска верст семьдесят на реке Шагарке, да вверьх по Обе на реке Поросе, и во всем Томском уезде по рекам же. И по тому моему доношению посылан был ис Тоболска в Томск со мною, нижеименованным, рудной мастер Федор Инютин с указом великого государя» (док. № 92).

Звериный промысел охотники, как правило, ведут по снегу. Вряд ли мы ошибёмся, считая, что Михайло Волков сказал «слово и дело» не позднее апреля 1720 г., то есть в то время, когда Костылев и Комаров были под следствием.

В подтверждение своего заявления об открытии полезных для государя месторождений Костылев и Комаров имели образцы богатых медных руд. Михайло Волков, сказав вслед за ними своё «слово и дело», похоже, ограничился сообщением различных сведений об известных ему подземных богатствах (рудах, хрустале, сере горючей, самородном нашатыре и проч.), а самих минералов не представил. Не в этом ли причина того, что губернские власти не отправили Волкова вслед за первыми доносителями в столицу? Во всяком случае, документы умалчивают о рудных образцах, которыми промысловик подтверждал бы в Тобольске своё заявление, сделанное в Омской крепости в первой трети 1720 г. В Тобольске решили провести проверку сведений, полученных от Волкова, на месте. Для этого и был послан Фёдор Инютин, рудный мастер казённого Каменского завода на Урале (док. № 94).

Весьма показательна география рудных мест, заявленных Волковым весной 1720 г. после прибытия из Омской крепости в Тобольск. Первым в его доношении названо рудопроявление «ниже Томска верст семдесят» на реке Шегарке, затем — «на реке Поросе», правом притоке Оби; далее — «во всем Томском уезде по рекам же». Мастера Инютина Волков летом 1720 г. повёл (см. рис. 32): сначала на Порос (рядом с Чаусским острогом), откуда «заезжали на Ояш речку»; затем на север, на Шегарку; потом на юг, вверх по Томи до Красной горы (современный город Кемерово). Волков предлагал продолжить путь вверх по Томи к Горелой горе близ речки Мунгат, но Инютин туда ехать отказался. Рудные места, показанные Волковым Фёдору Инютину, во-первых, полностью совпадают с названными в доношении, которое Волков подал в Тобольске после произнесения «слова и дела»; во-вторых, совершенно отличны от заявленных Костылевым и Комаровым.

Таким образом, весной 1720 г. Степан Костылев в Москве и Михайло Волков в Тобольске объявили об открытии руд в двух разных географических регионах на юге Западной Сибири: первый представил образцы богатых медных руд из месторождений Алтая, второй назвал и показал места, расположенные за пределами Алтайских гор, значительно ближе к городу Томску. Приоритет Михайлы Волкова в официальном объявлении Красной горы «рудным прииском» столь же бесспорен, как и первенство заявки Степана Костылева и Фёдора Комарова на алтайские месторождения меди «в Алейских горах».

Спустя месяц после отправки «рудных доносителей» из Кунгура в Томский уезд, В. Н. Татищев и И. Ф. Блюэр вновь вернулись к вопросу о необходимости профессионального обследования заявленных крестьянами месторождений медных руд. «Томских рудоискателей мы отпустили, дав им на проход по два рубли человеку, и велели им тамо приискивать руд и дожидаться нас, — писали уральские начальники в столичное горное ведомство 13 сентября 1720 г. — Однако ж мы просим вашего повеления, дабы от нас одному туда ехать, кого изволите определить, а другому остаться здесь, дабы и здесь дела не остановились, ибо в Томской скоряя года съездить не надеемся. А здесь кому дела вручить, никакого надежного не имеем, ибо берг-шрейбер весма скорбен... А между тем для Томских заводов, где, как слышим, что руд богатых доволно, повелите прислать суда мастеров»[17].

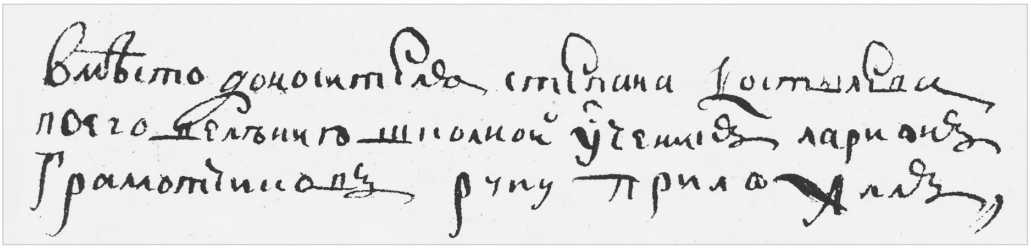
Вопрос о разведке заявленных Костылевым и Комаровым месторождений Берг-коллегия рассмотрела в ноябре 1720 г. Разрешения на поездку для осмотра алейских рудопроявлений ни Татищеву, ни Блюэру не дали. «И ноября 29-го дня по его, великого государя, указу и по приговору в Берг-коллегии велено им туда послать из школников, которые при них обретаютца, кого пристойно, дав ему пункты, чтоб он с теми доносители учинил о том опись, начертил положение месту (или ситуацыю), как о том указ повелевает, и для пробы руд привезли бы с собою по сколку возможно. А как к ним привезены будут, и из оных для проб, и с описи и с чертежа копии, прислать в Берг-коллегию». Указ о помощи в организации такой поездки, адресованный томскому коменданту Василию Елизарьевичу Козлову, был послан в Кунгур для последующей отправки в Томск (док. № 91). Так начиналась подготовка предстоящей экспедиции 1721 г.

Итак, к сокровищам недр Рудного Алтая первыми прикоснулись сибирские крестьяне-промы-

[17] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 60 об., 63.

словики, которые в 1719 г., воспользовавшись откочёвкой теленгетов, проникли в «Алейские горы» – верховья реки Алей. Степан Григорьевич Костылев и его товарищи открыли для России новый горнорудный район с богатейшими залежами полиметаллических руд, которые первоначально определялись как медные. Благодаря настойчивости Степана Костылева и Фёдора Комарова, весть об их открытии дошла до российских столиц, и уже к лету 1720 г. в Берг-коллегии узнали о богатстве «томских» руд. Осенью 1720 г. главное горное ведомство страны утвердило план проведения профессиональной разведки заявленных крестьянами месторождений.

Приближалось начало промышленного освоения Рудного Алтая – новый хронологический период в истории российского приграничья в Верхнем Обь-Иртышье.



Подпись за неграмотного рудознатца Степана Костылева на его доношении: «Вместо доносителя Степана Костылева по его велению школной ученик Ларион Грамотчиков руку приложил»

Документ № 87

1717 г. августа 18. **– Отписка приказчика новопостроенной Белоярской крепости Степана Серебреникова кузнецкому коменданту Борису Синявину о проходе промыслового отряда Михаила Волкова вверх по Оби**

(л. 76 об.) Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца его царскаго пресветлаго величества полковнику Борису Акимовичю Степан Серебреников челом бьет.

Сего 717-го году августа в 18 де[нь] по указу великого государя велено в Берском остроге прикащику Василю Соколову:

Довелось по оговоре берских жителей Тере[н]тя Карякина с тавариши из Берского острогу в Кузнецкой к розыску в калмыцком убивс[т]венном деле Степана Земляных с тавариши. И вышепомянутые оговореные два человека явились в Белоярском – Кузма Удалцев да Кузма ж Черемной. И те два человека из Белоярска выслал в Кузнецкой с нарочными посылшыки.

Да ведамо вашей милосте: приежжали суда в Белоярской Чоуского острогу восемь человек: Михайло Волков с таварищи и просились сдесь в Белоярске жыть. И я их не принял и отослал назад в Чоуской острог. И оные вышепомянутые люди восемь человек, отъехав от Белоярска верст десять или болше и с той дороги отворотя в степь, и покинули от себя одного человека своего таварыша Дорофея Веснина за скорбию. И наехав на того человека белоярские жители, и у того человека коня и запасу ничево с ним не явилось. И привезен в Белоярской. И я того человека допрашывал, и вышепомянутой человек сказал про тех своих таваришев, что ушли де в степь (// л. 77) вверх по Обе реке под Чемры. И я за теми вышепомянутыми людми посылал в погоню двацеть человек служывых. И поститчи их не могли. А вышепомянутой их тавариш Дорофей Веснин в Белоярске умре.

Да сего ж 717-го году приежают Томского уезду и просятца в Белоярску жыть, и я их назад отсылаю.

Да ведомо вашей милосте: августа в 15 де[нь] послал я четырех человек в лотке вверх по Обе реке для проведыванья приходов воинских людей.

Да ведамо вашей милосте: велено мне поставить сена две тысящи, и я то сено управил.

А послал сию отписку из Белоярскаго в нынешнем 717-го году августа в 18 де[нь] с кузнецким служывым человеком с Ываном Колоколцевым с тавариши четыре человека. И велено им явитца в Кузнецку и отписку подать вам, полковнику Борису Акимовичю.

[*Отписка не подписана*]

РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 76 об. – 77. Подлинник.

Ранее опубликовано Ю. С. Булыгиным в адаптированном виде: История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991. Док. № 15, с. 24–25.

Документ № 88

1720 г. мая 17. **– Доношение В. Н. Татищева сибирскому губернатору А. М. Черкасскому о результатах пробной плавки образцов медных руд, полученных от рудознатцев Степана Костылева и Фёдора Комарова**

(л. 9) Его светлости князю Алексею Михайловичю Черкаскому, губернатору сибирскому,
доношение

Сего маия 13-го дня в поданном ведении берг-мейстера Блиера написано, что изволил ваше светлость отдать ему два куска медных руд, которые объявили сибирские жители Семен[18] Костылев, Федор Комаров, что нашли оную в Сибирской губернии в близости Томска. А по пробе оного берг-мейстера ис той руды вышло меди более трети. И чтоб оных объявителей для (// л. 9 об.) показания тех мест взять мне с собою.

Того ради всепокорно прошу вашей светлости, дабы, для показания тех мест, о присылке ко мне оных объявителей повелели указ учинить.

Маия 17 де[нь].

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–9 об. Беловой отпуск. Публикуется впервые.

Документ № 89

1720 г. мая 24. **– Доношение рудознатцев Томского уезда Степана Костылева и Фёдора Комарова в Берг-коллегию об открытии месторождений медных руд в Верхнем Приобье**

(л. 10) В государственную высокоповелительную Берг-коллегию
доношение

В прошлом 717 году бил челом я, Степан Костылев, великому государю, а в Тобольску бывшему сибирскому губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину подал челобитную, чтоб меня отпустить из Коркиной слободы и взять мне из той слободы охочих людей искать вверх Ишиму реки и по Сургукам (в другой копии: и по Бурлукам)[19] и по иным рекам серебряной, медной, железной и иных руд, и слюды, и в курганах вещей. И чтоб на той челобитной указ предложить, и по помете по той челобитной его бывшаго губернатора князя Матвея Петровича меня и протчих людей отпустить.

И оную челобитную за пометою отдали мне. И я с той челобитной пошел в означенную слободу. И прикащик той слободы Константин Васильев сын Захаров взял у меня тие челобитную силою и, дав мне с той челобитной будто список, а подлинную челобитную (// л. 10 об.) у себя удержал, и охочих людей мне не дал, и руд искать не велел.

А в прошлом же 718 году приехал я в Томской город и приискал себе товарища Ивана Горбуна. И с тем товарищем нашли мы медных и серебряных руд по Томским урочищам многое число. И в 719 году тогда же мы [били челом] в том Томском городе коменданту Василию Козлову об отпуске ис Томска меня и товарища моего Горбунова искать по Томским урочищам руд. И при той челобитной и руду объявили ему, коменданту, которую нашли в Томских урочищах. И оный комендант оную челобитную при нас бросил на землю и товарища и меня не отпустил, и хотел нас бить кнутом.

А которая руда из Сибирского приказа с нами прислана[20], и где и в которых урочищах та руда найдена, о том значит при той руде подпись.

Того ради просим, дабы указом царскаго величества повелено было означенного товарища моего Ивана Горбуна взять из Томска и определить к рудоискат[ельскому] делу. А прикащика Захарова допросить, для чего он подлинную челобитную у меня взяв, не отдал, и дал мне с той челобитной будто список, и охочих людей искать со мною руды не пустил, и в том запрещал. Також и коменданта (//л. 11) Козлова во оном допросить же. А нам, нижайшим, определить его великого государя жалованье, чтобы нам в пути и в Сибири, у оного дела будучи, было чем питаться.

О сем доносят томские жители Степан Костылев да Федор Комаров.

1720 года мая в 24 день.

---

[18] Так в тексте.

[19] Пояснение в скобках дано в выписке Н. К. Чупина. Реки Верхний и Нижний Бурлуки являются крупными правыми притоками Ишима.

[20] Рудоискатели весной 1720 г. были доставлены вместе с образцами руд в Москву, см. док. № 93.

К сему доношению Берг-коллегии служитель Прокофий Ст...ов (?) вместо Степана Костылева, Федора Комарова по их велению руку приложил.

ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 153. Л. 10–11. Копия конца XIX в. с копии XVIII в.
Ранее опубликовано: Серебряный венец России: очерки истории Змеиногорска. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2003. Док. № 1, с. 299–300.

Документ № 90

1720 г. мая 26. **– Доношение В. Н. Татищева в Берг-коллегию о сибирских рудознатцах Степане Костылеве и Фёдора Комарове, и о выплате им жалованья**

(л. 10 об.) В Государственную высокоповелительную Берг-каллегию
доношение

Минувшаго апреля 14-го дня сего 720 году в Берг-коллегию писал я, что явился (// л. 11) ко мне с Кунгура пушкарь Никон Федоров сын Саламов с медную рудою, которую он нашел в Кунгурском уезде в лесах, и подал мне о том доношение. И я с тем доношением и с рудою послал ево к берг-мейстеру и велел у него явитца.

А сего майя 24-го дня в писме от него, берг-мейстера, ко мне написано, что оной пушкарь и с рудою к нему явился, которую руду он, берг-мейстер, пробовал и по пробе ево оная де руда прибытачна.

Да сего ж майя в 18[21] де[нь] в писме от него ж, берг-мейстера, ко мне написано, что сибирской господин губернатор князь Алексей Михайлович Черкаской отдал ему руды дву видов, ис которой руды чрез пробывание ево, берг-мейстера, чает он быть меди ис центнора болши третией доли. А ему, князю Алексею Михайловичю, объявили сибирские жители Степан Костылев да Федор Камаров. И чтоб оных объявителей для подлинного о том известия взять с собою.

И я о присылке для взятья их с собою и для показания оных рудных мест подал ему, господину губернатору, доношение. И по тому моему доношению (// л. 11 об.) оные объявители и с показанами руд знаками присланы ко мне. И я оным жалованья определил против Столова и Зуева по алтыну на день до вашего указа. И оных доносителей взял с собою. А знаки руд для опыту и их поданное доношение[22] посылаю при сем. А которые руды берг-мейстер пробовал и тех у них не осталось.

Школьники, которые при нас определены в Сибирь, о прибавке жалованья, а пушкари о провианте просят непрестанно, чтоб им, пушкарям, выдать в Москве для посылки, и в Сибири будучи, давать же провиант. И я без повелителного из Берг-каллегии указу довать им не смею.

Для писма подьячего Юрье Нелединской Мелецкой не дал, и в письме от него ко мне написано, что у него добрых писцов нет. Того ради принел я подьячего с воли и жалованье ему по указу вашему определил. Штейгер с Алонца с учениками в Москву еще не прибыл, и мы ево ожидать более не смели, опасаясь, дабы (// л. 12) не умедлить, отправились сего дня в путь свой. И ежели оной прибудет в Москву, то оного обещал к нам отправить госоподин обер-камисарий Зыбин. Ежели же он весма не будет, кого повелите к тем делам определить? На сие требую вашего повеления и пребываю.

Маия 26 де[нь].

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об.–12. Беловой отпуск. Публикуется впервые.

Документ № 91

1720 г. декабря 14. **– Указ Берг-коллегии томскому воеводе В. Е. Козлову с предписанием оказывать содействие томским рудоискателям**

(л. 381 об.) Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца указ из Берг-коллегии в Томск (// л. 382) воеводе Василю Елизаревичю Козлову.

---

[21] Так в тексте. Правильно: 13 мая. Доношение В. Н. Татищева сибирскому губернатору А. М. Черкасскому с пересказом письма Блюэра датировано 17 мая. В этом доношении Татищев указывает, что «ведение» о томских рудах бергмейстер Блюэр подал 13 мая (док. № 88).

[22] См. док. № 89.

Октября 19-го дня в Берг-коллегию с Кунгура писали от артиллерии капитан Василей Татищев да берг-мейстер Блиэр, которые по его, великого государя, имянному указу посланы в Сибирскую губернию на Кунгур и в протчия места для осмотру рудных мест и строения заводов: что томских рудоискателей Степана Костылева, Федора Макарова[23] послали они в Томск и велели им тамо приискивать руд.

И ноября 29-го дня по его, великого государя, указу и по приговору в Берг-коллегии велено им туда послать из школников, которые при них обретаютца, кого пристойно, дав ему пункты, чтоб он с теми доносители учинил о том опись, начертил положение месту (или ситуацыю), как о том указ повелевает, и для пробы руд привезли бы с собою по сколку возможно. А как к ним привезены (// л. 382 об.) будут, и из оных для проб, и с описи и с чертежа копии, прислать в Берг-коллегию.

И великий государь указал тебе, воеводе, тому школнику и доносителям в сыскании руд чинить всякое вспоможение. И воеводе Василю Елизаревичю Козлову учинить о том по его, великого государя, указу. А ежели тем посланным в сыскании руд учинитца в чем от того какая остановка и помешателство, а ты в том вспоможения не учинишь, и то взыщетца на тебе со взятием великого штрафа. А тем противником учинено будет жестокое наказание и сосланы будут на катаргу.

Подлинной указ за руками Берг-коллегии советника Алексея Кириловича Зыбина и асесоров, за при[пи]сью дьяка Лариона Протасова.

Смотр Афонасья Овошкова.

Декабря 14-го дня 1720-го году.

[*Канцелярская помета на копии:*] Таков указ послан в Тоболеск с тоболским салдатом Самойлою Лукиным к берг-гауру Бривцыну для отвозу в Томск маия в 12 де[нь].

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 381 об. — 382 об. Копия, снятая в мае 1721 года. Публикуется впервые.

Документ № 92

1721 г. января 31. **— Указ сибирского губернатора А. М. Черкасского руководителю сибирских горных заводов В. Н. Татищеву об отправке к нему промысловика Михаила Волкова. Здесь же копия доношения Волкова о поисках руд летом 1720 года совместно с мастером Фёдором Инютиным**

(л. 84) Копия.

Лета 1721 генваря в 31 де[нь].

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, от артилерии капитану Василью Никитичю Татищеву.

Сего 721 генваря ___ дня в доношении тоболского казачья сына Михаила Волкова да отставного салдата Павла Бычкова написано:

В прошлом де 720 году был он, Волков, в Омской крепости для звериного промыслу. И сказал за собою государево дело; и из Омской крепости прислан в Тоболеск; и подал доношение о прииске руд в Томском уезде. И по оному ево доношению посылан был ис Тоболска в Томск с ним, Волковым, рудной мастер Федор Инютин с указом великого государя.

И будучи в Томску, оной Инютин, взяв взятки Томского уезду Чауского острогу з жителей, для прииску руд, где надлежало, не ездил. И по писму твоему оной мастер Инютин послан на Кунгур к розыскному делу сентября 10 дня 720-го году.

И по его, великого государя, указу с вышеписаннаго ево доношения копия и оного доносителя Волкова послал к тебе на Кунгур под караулом. А другой доноситель, Бычков, не послан для того, что (// л. 84 об.) в Тоболской губернской канцелярии касается до него дело. И о приеме оного доносителя Волкова и копии, и об отпуске провожатого до Тоболска учинить по его, великого государя, указу.

Подлинной указ за подписанием рук господина губернатора князя Алексея Михайловича Черкаского, да господина вице-губернатора Петрово-Солового.

Секретарь Козма Баженов.

Справил Матвей Козлов.

Подлиной указ подан на Уктуских заводах февраля в 23 де[нь] 1721-го году.

[23] Так в тексте. Правильно: Комарова.

(л. 85) Копия.

Царского величества в Тоболскую губернскую канцелярию
доношение

В прошлом 720-м году был я, нижеименованный, в Омской крепости для звериного промыслу. И сказал за собою государево дело. И из Омской крепости прислан в Тоболеск. И подал доношение о прииске руд в Томском уезде ниже Томска верст семьдесят на реке Шагарке, да вверьх по Обе на реке Поросе, и во всем Томском уезде по рекам же.

И по тому моему доношению посылан был ис Тоболска в Томск со мною, нижеименованным, рудной мастер Федор Инютин с указом великого государя. По которому указу велено ему, Федору, в Томску у каменданта требовать к тому рудокопному делу инструментов, и работных людей, и других припасов, что понадобитца. И по тому великого государя указу, выдано ему, Федору, в Томску из приказной полаты на вышеписанные инструменты и на припасы денег восемьдесят шесть рублев. И приняв, он, Инютин, те денги, рудокопныя инструменты делал ис покупного железа томскими кузнецами.

И зделав инструменты, ездили ис Томска на вышеписанную речку Поросу. И взяв он, Федор, в Чауском остроге по указу из Томска работных людей семьдесят человек, и приехав (// л. 85 об.) на речку Поросу к горе, и работали оные работники у той горы две недели. И в той горе приискали руду.

А приискав тое руду, он, Федор, с тоболским сыном боярским с Павлом Выходцовым ездили в Чауской острог для питья. И были в Чауском остроге с неделю. И чауские жители просили у него, Федора, чтоб в Чауском чертеже[24] и в Томском уезде руд не искать и им не работать для того, что та работа положена на них на однех. И за то ему посулили четыреста рублев. А как он, Федор, ездил в Чауской острог, и в то время жил я с работными людми у той горы ден с восмь. И приехав, он, Федор, ис Чауской, работных людей отпустил в Чауской.

И от той горы поехали в Томск. И заезжали на Ояш речку для прииску ж руд. И он, Федор, у той речке руды не искал. И от Ояши речки поехали в Томской. И едучи, звал ево для прииску ж на Шагарку речку. И на той речке взял я без него, Федора, руды. И приехали в Томской, и жили недель с восмь без дела.

И ис Томска ездили вверх по Томе до Красной горы. И у той горы руды приискали. И взяв сверху тои горы горелой земли, и говорил: та де земля значит добрую сребряную руду. И я ему, Федору, говорил, чтоб до той свежой руды дойти, и звал ево на речку, которая ис той горы вышла, и при которой речке есть знаки серебряной руды, освидетелствовать. (// л. 86) И он не поехал.

И от той Красной горы поехали в Томск. И едучи, звал его, Федора, на Тайменку речку для прииску ж самородного хрусталю, которой родитца в Кожюхе близ мелницы томского жителя Тимофея Чюкреева. А тот хрусталь родитца болшой, фунтов в десять и в пол пуда. Да ево же звал вверх ниже Мунгату речки к горелой горе для прииску ж руд. И он, Федор, на те речки не поехал же, не ведомо для чего.

А приехав в Томск, и жили шесть недель. И в то время чауские жители прислали ему вышеписанные посульные денги четыреста рублев чауских беломесных казаков с пятидесятником з Григорьем Белоглазым с товарыщи три человека. И взяв он, Федор, оные денги, поехал со мною в Тоболской. А про взятье оных денег ведает томской сын боярской Семен Валгусов. И ево, Федора, теми денгами уличал. Да присылной человек тоболской житель Леонтей Ремезов про те взятые денги ведает же.

А приехав, явились и руду объявили в Тоболской губернской канцелярии. А про тое руду говорил в Тоболской губернской канцелярии, что та руда значит на серебряную руду. С которою рудою он, Федор, послан на Кунгур для свидетелства и опыту.

Да я ж, нижеименованый, знаю в Кузнецком уезде гору, которая ныне горит. А в тои горе (// л. 86 об.) садитца сера горючая многое число.

Да я ж знаю в Белоярском уезде, которой город ныне построен вновь на реке Обе, и в том уезде вверьх по Чарышу и по Алею рекам в вершинах в каменях садитца нашатырь самородной. И близ тех урочищ значит древных лет заводы, ямы и печины. По тем же рекам есть в каменях краски разные немалое число и самородной хрусталь.

И о свидетелстве в вышеписанных уездех руд, нашатырю, и хрусталь, и красок, что царское величество указ.

О сем доносят тоболской казачей сын Михайло Волков да отставной салдат Павел Бычков.

[24] Так в тексте.

У подлинного доношения пишет: вместо доносителей Михайла Волкова да саладата Павла Бычкова тоболской сын боярской Петр Шишкин руку приложил.

Подлинная копия за приписью дьяка Стефана Пупкова.

С подлинной же (// л. 87) копиею чол и справил Матвей Козлов.

С подлинного указу и копии списывал подьячей Трофим Ожиганов.

[*Скрепа по листам:*] Артил/лерии/ капитан/ Василий Татищев.

[*Канцелярская помета:*] 1721-го июля в 6 де[нь]. Записать в протокол.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 621. Л. 84–87. Копии, снятые по распоряжению В. Н. Татищева в июле 1721 г.

Доношение М. Волкова ранее опубликовано: Ковтун И. В. От «Письма горы» до «Огнедышащей горы»: открытие петроглифов и угля в Кузнецкой котловине // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН: сб. статей / Институт экологии человека СО РАН. Кемерово, 2010. С. 44–45.

Документ № 93

1722 г. декабря 12. **– Доношение чаусского рудоискателя Степана Костылева руководителю сибирских горных заводов В. И. Геннину о своих заслугах в открытии месторождений медных руд по рекам Алею и Кожуху**

(л. 5) [*Канцелярская помета:*] Выписать.

Его превосходителству
господину артиллерии генералу маэору Вилиму Ивановичю Геннину
доношение

В сибирских городех в Томском уезде и в Чеуцком остроге обыванием своим четверолетним уведомился я с товарыши своими с Федором Комаровым, да Михаилом Волковым по Алию реке о медных рудах. И взяв тех руд, сказал я при себе его императорского величества дело, и не объявя того дела в Сибири, выслан за то был в Преображенск. И по допросам моим свидетелствовали оную руду в Москве в Рудном приказе, и по пробе истинна явилась. О том известно и здесь. И по отправлению того, послан суда в Горное началство, дабы оное место свидетелствовать, где буду указывать. И в том дан мне на те и на протчие рудные места для взыскания указ, по которому, жалаю себе по привиллегии награждения. И быв в тои же стране, усмотря з другими товарыши своими с Леонтьем Бурдинцовым, да з братом своим с Прокопьем Сидоровым, да с сыном моим Степаном Костылевым (// л. 5 об.) в Кыргынской степе на реке по Кожуху медную руду, от которой здесь по пробе явилось ис центра фунт.

И прошедшаго 721-го году посылан был я в тое страну для свидетелства тех и протчих руд места отсель з берггауром Бривцыным. И, недоежжая до тех мест, возвратились сюда. И с того числа живу денно и ночно в горной работе, и отправления себе никакова не имею, и за охоту в тех рудных делах з домишком своим раззорился без остатку.

Того ради, прошу: да повелено будет, по привиллегии, от работы отсель свободить и отпустить в домишко мое. А о взыскании руд како благоволит горное начальство.

О сем доносит Томского города Чеуского острога житель Степан Костылев.

Декабря дня 12-го 1722-го году.

[*Другим почерком:*] К сему доношению (// л. 6.) вместо доносителя Степана Костылева, по его велению, школной ученик Ларион Грамотчиков руку приложил.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–6. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ № 94

1734 г. октября 23. **– Из доношения чаусского рудоискателя Степана Костылева руководителю Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов Василию Татищеву об обстоятельствах открытия алтайских месторождений медных руд**

(л. 137) Его превосходительсву господину статскому действительному
советнику Василью Никитичю Татищеву доношение.

В прошлом 1720-м году в Томском уезде обыскал я, нижайший, с товарищи моими Михаилом Волковым, Леонтеем да Макаром Останиными, Федором Комаровым выше Томска по Обе и по Алею рекам в Алейских горах в шести местах медные руды. И видя мы такие руды, что

они содержанием к плавлению меди плод хорошей имеют, не да[ва]я о том никому знать, дабы в том прииске нам от кого какого препятствия не учинилось, показали мы со оным товарищем моим Комаровым за собою государево дело. По которому нашему показанию высланы мы были ис Томска в Тоболеск, а ис Тобольска посланы в Москву в Преображенской приказ, где мы про те обысканныя руды объявили имянно. И по тому показанию ис Преображенска отосланы мы были в бывшую государственную Берг-коллегию, а ис той коллегии для показания вышепомянутых обысканных рудных мест, как по вышеобъявленным Обе и Алею, так и по другим рекам, отданы мы были вашему превосходительству со объявлением об нас оного дела.

И по прибытии вашего превосходительства в Сибирь, посылан был во оной Томской уезд от вашего превосходительства рудной мастер Федор Инютин, которому велено было по показанию товарища нашего Михаила Волкова все вышепомянутые рудные места осмотреть и описать, и для пробы несколько руд привесть и объявить вашему превосходительству. И оной Инютин, будучи в Томском уезде, был у осмотру и работал только в одном месте на речке Поросе, и потом того ж уезду Чюужского острогу з жителей взял неколикое число взяток для осмотру по Алею реке в горах рудных мест, [но] не поехал, хотя те приисканныя руды уничтожить, якобы мы об них не прямо доносили, возвратился назат. И недоехав (// л. 137 об.) до Уктуского завода, где ваше превосходительство жили, убоясь на себя в тех взятках доносу, с Каменского завода неведомо куда бежал.

А в 1721-м году в майе месяце для осмотру вышеобъявленных же по показанию нашему рудных мест посыланы были от вашего превосходительства вторично берг-гаур Павел Брифцын да уктуской житель Никита Петров обще с товарищем нашим Михаилом Волковым, которые по прибытии своем в Томске меня и Комарова и других товарищев наших сыскали, и по общему нашему показанию рудные места осматривали и описывали.

<…>

[*Скрепа по абзацам*]: К сему/ доношению/ вместо Степана/ Костылева по его/ прошению/ школьник/ Аввакум Просолупов руку приложил.

(л. 139 об.) [*Канцелярская помета:*] Подано октября 23 дня 1734-го году.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 12. Л. 137–137 об., 139 об. Подлинник.

Полностью документ опубликован: Серебряный венец России: очерки истории Змеиногорска. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2003. Док. № 14, с. 312–316.

Заключение

Российское продвижение к верховьям Иртыша, Оби и Енисея началось в конце XVI — первой трети XVII в. Поскольку вектор присоединения новых территорий был направлен с запада на восток, русские города появились сначала на Иртыше — Тобольск (1585 г.), Тара (1594 г.); потом в бассейне Верхней Оби — Томск (1604 г.), Кузнецк (1618 г.); и только затем на Среднем Енисее — Красноярск (1628 г.). При взгляде на географическую карту (рис. 67) видно, что основные русские приграничные города на трёх перечисленных реках (Тара, Томск, Красноярск) располагались примерно на одной параллели. Самым южным российским форпостом в Западной Сибири являлся Кузнецк, первоначально окружённый со всех сторон волостями двоеданцев, за которые шла борьба с енисейскими кыргызами, ойратами и восточными монголами.

Тогда же, в 1632 г., томскими воеводами была предпринята попытка закрепиться на устье Бии, но доплыть туда по Оби не удалось. Объясачивание тюркского населения в бассейне Бии оказалось легче проводить через Кузнецк. В следующем, 1633 г., отряд служилых во главе с томским сыном боярским Петром Сабанским прошёл на лыжах вверх по реке Кондоме и достиг Телецкого озера. В дальнейшем этот маршрут на Алтай стал традиционным.

Во второй половине XVII в. к югу от Томска были построены Сосновский (1657), Верхотомский (1670) и Уртамский (1684) остроги. Первые два возвели на берегах Томи по пути в Кузнецк. Уртамский острог был заложен на левом берегу Оби «на калмацком и бухарском перевозе» для контроля за местом переправы через Обь[1]. Если Сосновский и Верхотомский остроги располагались в пределах прежних границ Томского уезда, то Уртамский острог возвели на левом берегу Оби, на территории, которая до этого не считалась частью уезда. Как говорилось в документах, «только от того опасенье надобно держать, потому что то место стало на калмыцкой стороне»[2].

Отчасти с этой же целью — для контроля над путём сообщения из Кыргызской землицы в Красноярский уезд — на левом берегу Енисея в 1675 г. был построен Караульный острог. Вплоть до начала XVIII в. это укрепление являлось пограничным. Считалось, что острог стоит «по край Киргизской землицы»[3].

В начале XVIII столетия первой российской крепостью, возведённой в Верхнем Обь-Иртышье, стал Умревинский острог. Так же как укрепления на Томи, этот острог был поставлен в пределах тех границ Томского уезда, которые сформировались в конце XVII в., когда на правобережье Оби рубежом с Телеуцкой землицей были определены реки Иня и Бердь.

Геополитическая ситуация в Обь-Енисейском междуречье изменилась в 1703 г., когда по приказу ойратского хунтайджи Цэван-Рабдана енисейские кыргызы были уведены за Иртыш. Летом 1707 г. на опустевшей территории русским удалось построить Абаканский острог, что позволило включить земли кыргызов в состав Красноярского, Томского и Кузнецкого уездов. Успехи территориального расширения на Енисее стимулировали новую попытку военного закрепления близ истока Оби, на слиянии Бии и Катуни. В 1709 г. на устье Бии, в месте проживания двоеданцев, был возведён Бикатунский острог, на короткое время ставший самым южным российским форпостом в Западной Сибири. Спустя год он был сожжён западными монголами, которые вплоть до 1718 г. продолжали контролировать эту территорию.

Строительство Абаканского и Бикатунского острогов имело целью закрепление на землях двоеданцев и активизацию сбора ясака с прежних данников, а также обясачивание новых групп коренных обитателей Саяно-Алтая. Фактически это должно было привести к расширению уездных границ на юг.

Совсем иные цели преследовались сибирской администрацией при возведении Чаусского и Бердского острогов на Оби, а также Мунгатско-

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 750. Л. 127. Опубл.: Из истории земли Томской. Вып. 1. Томск, 1978. Док. № 28, с. 60.

[2] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 750. Л. 122. См. также: Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. С. 124; Барсуков Е. В. «Перевоз» через реку Обь XVII века: географический и историко-культурный аспекты // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3 (19). С. 148–155.

[3] РГАДА. Ф. 113. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 5 об.

го станца на реке Томь в 1713–1716 гг. Эти укрепления появились в местах, уже освоенных русскими крестьянами-первопоселенцами. Форпосты строились вслед за народной колонизацией как новые административные центры Томского и Кузнецкого уездов. После строительства Бердского острога в 1716 г. земли Кузнецкого уезда достигли правого берега Оби. Российские территории на обском левобережье входили в ведомства Чаусского острога Томского уезда. Граница с Телеуцкой землицей, сформировавшаяся в конце XVIII столетия, в 1716 г. на правобережье Оби оказалась сдвинута на юг, к устью Чумыша. На левобережье, в степях Обь-Иртышья, по-прежнему кочевали теленгеты.

В это же время, в 1715–1716 гг., по именному указу Петра I из Тобольска была организована крупная военная экспедиция вверх по Иртышу. Стратегия военного проникновения в соседние страны и постепенного захвата чужих земель применительно к центральноазиатским соседям России была сформулирована Фёдором Салтыковым в 1713 г., ещё до появления в столице сибирского губернатора с иноземным золотым песком. Сообщение приехавшего из Тобольска Матвея Гагарина о городке Эркети и добыче драгоценного металла во владениях хунтайджи попало на благодатную почву.

В мае 1714 г. Пётр принял решение захватить город Яркенд с окрестными золотыми промыслами. Первым этапом в осуществлении этого плана стало строительство российской крепости около Ямышевского соляного озера в конце 1715 г. Поход оказался неудачным. Понеся большие потери при осаде крепости, подполковник Бухолц весной 1716 г. вынужден был вернуться с остатками войск в пределы Тарского уезда. На обратном пути по приказу М. П. Гагарина он основал на устье Оми крепость, располагавшуюся на признанной ойратами границе. К лету 1716 г. крайние российские форпосты на Иртыше (Омская крепость) и на Оби (Бердский острог) находились на линии российско-ойратского разграничения конца XVII в.

Резкое изменение этнополитической ситуации в Обь-Иртышском междуречье связано с реализацией выработанного царём и сибирским губернатором в январе 1716 г. амбициозного плана по продвижению к китайским золотым промыслам в районе озера Кукунор и верховий реки Хуанхэ. В рамках этого плана по именным указам Петра I были построены в 1717 г. Косогольский острог в бассейне реки Селенга и Саянский острог на Енисее. Тогда же, в 1717–1718 гг., на Оби по приказу М. П. Гагарина возвели Белоярскую и Бикатунскую крепости. Выбор места для первой был обусловлен ходом народной колонизации Верхнего Приобья. Бикатунская крепость, восстановленная в необжитом приграничном районе, сама стала необходимым условием для будущего крестьянского освоения предгорий Алтая.

На Иртыше в 1717 г. была построена новая Ямышевская крепость. После этого район соляного озера окончательно перешёл под контроль России. На полпути между Омской и Ямышевской возвели Железенскую крепость. Усилиями губернатора и сибирских офицеров удалось сделать то, что казалось невозможным гвардейцу Бухолцу. К концу 1717 г. российские войска закрепились в Ямышевской крепости, передовой отряд разведчиков побывал на Зайсане, а команда сибирских казаков уже была отправлена вверх по Иртышу для строительства нового укрепления около Семи Палат.

В этой ситуации Цэван-Рабдан принял историческое решение о выводе своих подданных-теленгетов из степей Обь-Иртышского междуречья на юг, за Иртыш. Возникшая было в 1717 г. российско-ойратская граница по Оби исчезла, хотя ещё вплоть до середины 1720-х гг. обское левобережье не считалось частью Кузнецкого уезда.

К лету 1718 г. на Енисее и Оби российские гарнизоны стояли у подножия Саянского и Алтайского «Камня». Следующим шагом должно было стать крепостное строительство в глубине гор. Красноярский и кузнецкий воеводы с 1716–1717 гг. имели предписания сибирского губернатора с требованиями организовать возведение крепостей на Большом пороге и далее вверх по Енисею, а также на Телецком озере (см. рис. 33 на с. 200–201). Однако эти планы реализовать не удалось. Вековой опыт сибирских служилых людей был связан с крепостным строительством в лесной и степной равнинной местности, где главными путями сообщения являлись реки. В горных районах движение по рекам было серьёзно затруднено, что создавало почти не разрешимые проблемы со снабжением и коммуникацией. О хозяйственном освоении этих районов вопрос даже не вставал. Как выяснилось, Российское государство в то время просто не могло при помощи военных закрепиться в верховьях великих сибирских рек, которые русская дипломатия уже называла исконно российскими.

Единственным районом, где географическая ситуация позволила продолжить движение вверх по реке, оставался Иртыш. В 1718 г. сибирскими военными была возведена Семипалатная крепость, ставшая передовым форпостом российской армии в её продвижении к озеру Зайсан. В том же 1718 году из Семипалатной крепости российский отряд впервые осуществил успешное плавание на это озеро.

Арест М. П. Гагарина в Петербурге в январе 1719 г. окончательно остановил реализацию плана 1716 г., единственным координатором которого в течение трёх лет выступал сибирский гу-

Рис. 67. Российские города, крепости и остроги в Иртышско-Енисейском междуречье к началу 1721 г.

бернатор. С этого времени вопрос о строительстве острогов в Саянах и на Телецком озере, потеряв смысл, отпал сам собою. Судьба Косогольского острога — единственного, возведённого в горах на пути к озеру Кукунор, — также оказалась предрешена: к началу 1721 г. он был снесён.

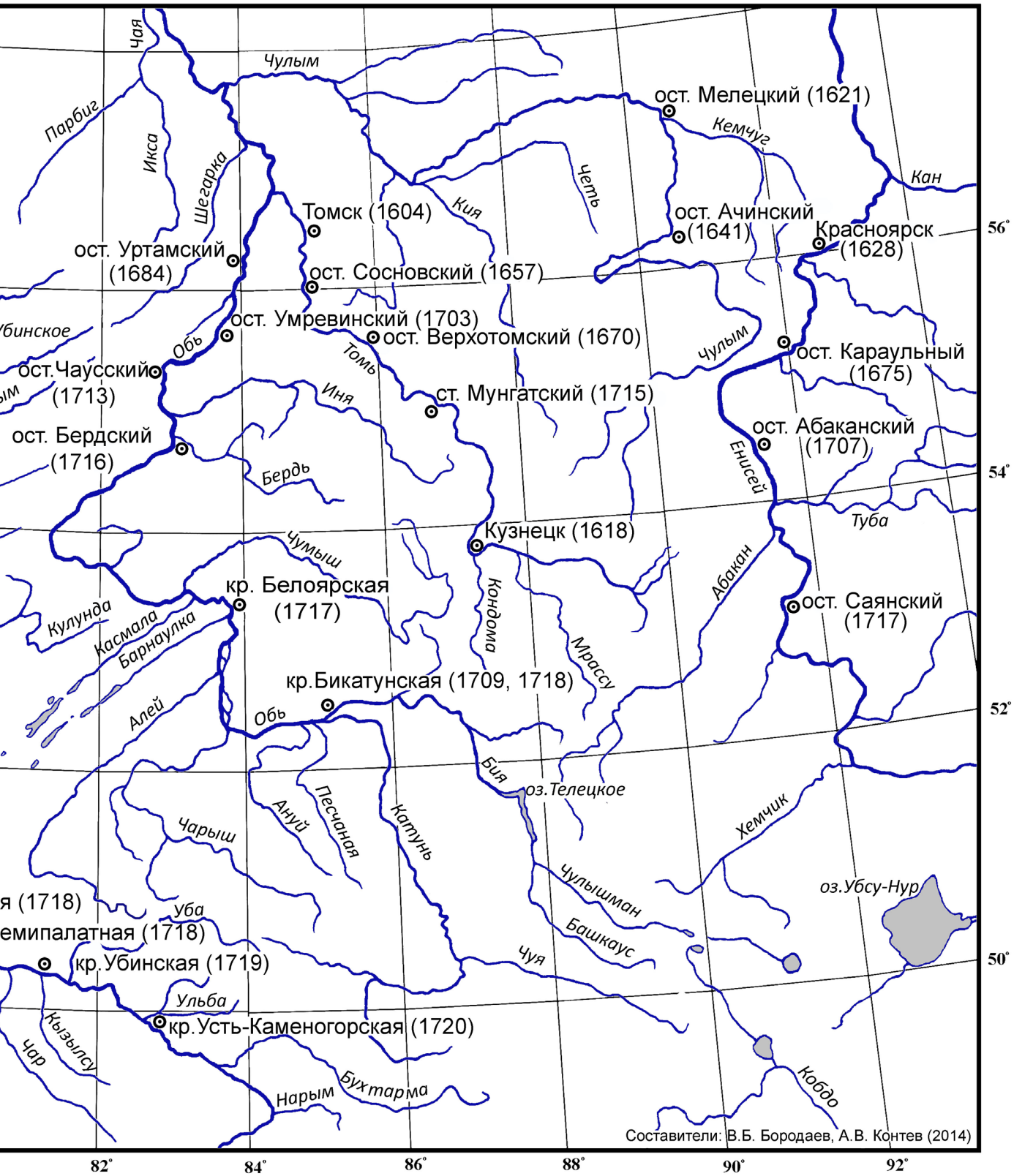
Отказ от плана продвижения в сторону китайских золотых промыслов никак не отразился на действиях российских войск вдоль Иртыша. В начале 1719 г. Пётр именным указом потребовал от гвардии майора И. М. Лихарева попытаться достичь озера Зайсан и построить там крепость. В течение года Лихарев, находясь в Тобольске, собрал подробные сведения о приграничных районах и уже знал, что мест, удобных для строительства крепости, на Зайсане нет. Несмотря на это, в мае 1720 г. он был вынужден, исполняя царский указ, отправиться в плавание вверх по Иртышу. Единственным практическим результатом этого похода стало основание Усть-Каменогорской крепости у подножия Алтайских гор. Российские войска и здесь вновь вынуждены были остановиться на границе равнины с горной страной.

В исторической литературе со времён Г. Ф. Миллера сформировалась устойчивая традиция рассматривать российское крепостное строительство вдоль Иртыша в 1715–1720 гг. как «поход за эркетским песошным золотом». Проведённый нами детальный документально-хронологический анализ показывает, что это не так. Военное проникновение вверх по Иртышу в указанное время делится на три периода, в каждом из которых исходные мотивировки и конечные цели были разными, хотя вектор движения оставался одним и тем же.

В 1715 г. подполковник И. Д. Бухолц стремился дойти до озера Зайсан, чтобы затем повернуть на юг, в Восточный Туркестан. Офицер имел приказ Петра I о захвате города Яркенда и мест добычи золотого песка.

С января 1716 г., когда в столицу поступили сведения о том, что в районе Яркенда промысел драгоценного металла не ведётся, главной целью стало стремление попасть в места китайской добычи золотого песка, располагавшиеся в районе озера Кукунор и в верховьях Хуанхэ. В 1716–1718 гг. продвижение на Зайсан шло в контексте общего плана достижения истоков сибирских рек и выхода «за Камень». О «городке Эркети» и «бухарском песошном золоте» в это время не вспоминали.

Возврат интереса монарха к яркендскому золоту, очевидно, был связан с началом в январе 1719 г. следствия о преступлениях М. П. Гагарина и о сдаче И. Д. Бухолцем Ямышевской крепости. Именно члену «розыскной канцелярии», которая вела эти дела, Пётр поручил разобраться с вопросом о бухарском золоте, «подлинно ль оное есть». Наряду с этим поручением И. М. Лихарев полу-



чил от царя приказ достичь озера Зайсан. Однако никуда далее — ни в Яркенд, ни тем более на Кукунор — войскам идти не полагалось.

Показательно, что в черновом варианте указа об отправке И. М. Лихарева Пётр I допускал возможность вывода войск из новопостроенных крепостей, если от них не будет «никакова плода кроме убытку». Впрочем, в конечном итоге гвардии майор таких полномочий не получил и вместо вывода войск заложил ещё одно укрепление. Царь в январе 1721 г. решил иначе: он приказал снести не только строящуюся Усть-Каменогор-

скую, но и все остальные иртышские крепости, кроме Ямышевской и Омской.

Получив от Лихарева подробные сведения о бухарском песочном золоте и возможных путях до города Яркенда, российский монарх в 1721 г. окончательно отказался от идеи захвата ойратских месторождений драгоценного металла и вернулся к мысли о возможности «овладеть» китайскими золотыми промыслами. Сенату поручалось организовать под видом торговли с Китаем разведку, «дабы высмотреть о золоте» и на основании собранных сведений оценить, «мочно ль дойтить, хотя с трудом, и овладеть тем местом». Приказ этот касался уже не государства ойратов-кочевников, а территории Китайской империи! Формулировки указа 1721 г. ярко показывают изрядный авантюризм Петра I при постановке внешнеполитических задач.

После откочёвки теленгетов сибирские власти в 1718–1720 гг. не рассматривали опустевшие степи Верхнего Обь-Иртышья как подведомственные им территории. Возникшие вдоль Иртыша российские крепости не считались в то время пограничными, эти форпосты требовались для военного продвижения на озеро Зайсан. Фактически государственная граница России в 1718–1720 гг. активно формировалась по Иртышу, однако тогда этот процесс не имел целью присоединение новых территорий. Именно поэтому царь с такой лёгкостью распорядился в январе 1721 г. уничтожить почти всё, что с немалым трудом было построено вдоль Иртыша тысячами мобилизованных сибиряков.

Новый сибирский губернатор князь Алексей Михайлович Черкасский именной указ монарха так и не выполнил. Из пяти крепостей, которые было предписано сломать, он в мае 1721 г. распорядился снести только две второстепенные — Долонскую и Убинскую[4]. Фактически вся линия российских укреплений вдоль Иртыша, от Оми до Алтая, была сохранена, несмотря на январское предписание царя.

На наш взгляд, это говорит о том, что со времён М. П. Гагарина у сибирской администрации изменяется представление о значимости территориальных приобретений. Если в XVII и в начале XVIII в. главным ориентиром в деятельности местных властей являлась «государева прибыль», измерявшаяся в основном объёмом и ценностью собираемого ясака, то во втором десятилетии XVIII в. параллельно с ясачными интересами формируются и формулируются новые геополитические ориентиры. Не народы, а территории становятся желанными.

«Прибыль государева» в 1710-х годах начинает осмысливаться иначе, чем раньше. По-видимому, происходит изменение в психологии руководителей сибирской администрации. Первый сибирский губернатор год за годом отстаивал российские притязания на новые земли в верхнем течении сибирских рек, хотя перспектива получения ясака с этих территорий была невелика. При этом сам Гагарин ясно понимал, что истоки великих сибирских рек, на российской принадлежности которых он настаивал в дипломатической переписке, в действительности находятся в землях соседних государств, за пределами российской Сибири. В письме к Петру I, датированном 20 апреля 1718 г., губернатор, перечисляя свои административные достижения, указывал: «Также трудом своим зделал многие в Сибири без убытка крепости на чюжих землях, где николи Сибирского приказу судьи и посылать не смели, от которых, естли изволит бог, можно быть превеликому государственному интересу. Потому что под Эркетем и в Калмыках всеконечно золото есть, какое от меня явлено вашему величеству»[5].

Характерно, что в переписке с Цэван-Рабданом М. П. Гагарин неоднократно указывал на поиск руд как главную цель военного похода вдоль Иртыша. Безусловно, в 1715 г. это было дипломатическим прикрытием истинных задач экспедиции Бухолца, целью которой являлось золото Яркенда, а не Алтая. Не было речи ни о каких попутных поисках руд и в 1716–1718 гг., когда началось военное продвижение за Саяны, в сторону китайских золотых приисков. Гагарин и Пётр I планировали силовой захват уже известных месторождений драгоценного металла.

Ситуация изменилась после ареста сибирского губернатора. В 1719 г. в команду Лихарева, которому поручалось плавание на Зайсан, был включён уральский горный специалист Фирс Запутряев, способный оценивать качество руд. Очевидно, после похода на Зайсан конного отряда Калмыкова в 1717 г. и плавания капитана Инея в 1718 г. российские власти начали осознавать необходимость изучения новой горной страны, в том числе попутного поиска там рудных месторождений.

О результатах деятельности Фирса Запутряева историкам ничего не известно. Надо полагать, что месторождения Рудного Алтая он так и не обследовал. Российскими первооткрывателями этих природных кладовых стали в 1719 г. крестьяне-промысловики из Томского уезда. Образцы полученных от них алтайских медных руд бы-

[4] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2 Оп. 4. Кн. 57. Л. 367–368 об. Письмо А. М. Черкасского Петру I из Тобольска от 12 мая 1721 г. О том же письмо Черкаского в Сенат от 30 сентября 1721 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 382. Л. 308–309).

[5] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2 Оп. 3. Кн. 39. Л. 196 об..

ли опробованы в столичной Берг-коллегии уже весной 1720 г.

Идея Гагарина о значимости для государства не только мехов, но и «чужих земель» в истоках сибирских рек, стала приносить реальные плоды. Опальный губернатор об этом так и не узнал: после двухлетнего следствия в марте 1721 г. он по приговору Сената был повешен перед зданием Юстиц-коллегии в Санкт-Петербурге.

Казнь Матвея Петровича Гагарина, санкционированная Петром I, в глазах современников превратила бывшего губернатора в государственного преступника. В записках пленного шведа Ф. И. Страленберга, изданных в 1730 г. в Стокгольме, отразилось возникшее среди жителей Тобольска легендарное объяснение, чем же так разгневал царя казнённый правитель Сибири. «Намерен он был сию губернию учинить особливым царством», — так перевёл на русский авторский немецкий текст В. Н. Татищев[6]. По словам Страленберга, Гагарин показал царю бухарское золото и предложил организовать поход за ним через земли «калмык» только для того, чтобы получить «от его величества ружья и амуниции тысяч на десять человек, к тому ж несколко оружейных и пороховых мастеров»[7].

Василий Никитич Татищев, который внимательно изучил книгу Страленберга и составил к ней обширный комментарий, вполне доверял мнению шведского автора, сопоставлявшего тайный замысел Гагарина с изменой гетмана Мазепы[8]. Об этом свидетельствует рукописное наследие российского учёного. В изданном после его смерти «Лексиконе российском» имеется статья «Дарья», в которой упоминается первый сибирский губернатор: «В 1714 году князь Матвей Гагарин о искании того в Бухарии золота весьма иное и подобное Мазепину предприятию намерение имел, чтоб токмо у государя полки и ружье выманить. Но и тому не удалось, ибо вскоре по иследовании виселицею награжден»[9].

Г. Ф. Миллер, значительно лучше знакомый с сибирской действительностью и документами по истории региона в петровское время, решительно возражал Ф. И. Страленбергу. Он убедительно доказал, что поход на Яркенд никак не был вызван желанием М. П. Гагарина получить дополнительные войска и оружие[10]. В дальнейшем историки XIX–XX вв. оценивали приведённую Страленбергом версию как не соответствующую действительности тобольскую легенду[11].

Материалы следствия над М. П. Гагариным в 1990-е гг. глубоко и всеобъемлюще изучил российский историк Михаил Олегович Акишин. Детально проследив по документам, за что был осуждён первый сибирский губернатор, исследователь на основе многих архивных источников пришёл к выводу: «Всё это заставляет относиться к сообщениям Страленберга как к легенде»[12]. Хотя этот вывод до сих пор игнорируется частью сибирских историков и литераторов[13], нам он представляется вполне убедительным.

Князь Матвей Петрович Гагарин попал в немилость к царю за свои экономические преступления. Вместе с тем он проявил себя как незаурядный администратор. Во взаимоотношениях с южными соседями Сибири губернатор удачно сочетал миролюбивую риторику с усилением военной мощи России и планомерным крепостным строительством. Впервые выдвинув тезис о принадлежности Российскому государству всего бассейна сибирских рек, он твёрдо отстаивал это положение. Именно при Матвее Гагарине начала формироваться новая российско-ойратская граница по Иртышу, в результате чего степи Обь-Иртышья, как ранее земли енисейских кыргызов, вошли в состав России.

---

[6] Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: северная и восточная часть Европы и Азии. [Ч. 1]. М.; Л., 1985. С. 142 (гл. VI, § 85).

[7] Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга… М.; Л., 1985. С. 145 (гл. VI, § 88). В переводе Э. П. Зиннера численность войск дана неверно: «для 100 000 человек ружья и амуницию, и еще мастеров по изготовлению ружей и пороха» (Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 134).

[8] Strahlenberg Ph. J. v. Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet. Stockholm, 1730. S. 252–256.

[9] Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 2. СПб., 1793. С. 111.

[10] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… СПб., 1760. Январь. С. 10–11; Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте… М., 2005. Т. 3. С. 474.

[11] Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири; Стихотворения. Проповеди. [3-е изд.]. Новосибирск, 1995. С. 253; Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. С. 202. (Великая Россия); Андриевич В. К. История Сибири. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1889. С. 56; Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист): Сибирь эпохи Петра Великого / сост. Л. И. Огородникова. Тюмень, 2005. Несмотря на подзаголовок, в тексте книги Г. Е. Катанаева ничего не говорится о попытках Гагарина отделить Сибирь от России.

[12] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 203.

[13] Мамсик Т. С. Верхний Иртыш и Среднее Приобье в свете политических конфликтов петровской эпохи // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3, вып. 2. С. 5–9; Родионов А. М. Князь-раб : в 2 т. Новосибирск, 2006.

Последствием военного продвижения к вершинам Иртыша в 1715–1720 гг. стали не колониальные захваты в Восточном Туркестане, а приобретение обезлюдевших равнин Верхнего Обь-Иртышья и выход к горам Рудного Алтая. Весной 1720 г. в Москве выплавили первую медь из алтайских образцов. Быстрое открытие богатых месторождений полиметаллических руд предопределило направление дальнейшего развития этих территориальных приобретений России в XVIII столетии. Начинался новый период в истории Прииртышья и Верхнего Приобья.

Список архивных фондов, указанных в ссылках

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), г. Москва.

Ф. 2. Внутренние коллежские дела.
Ф. 62. Сношения России с Китаем.
Ф. 113. Зюнгорские дела.
Ф. 152. Библиотека Азиатского департамента.

Библиотека Российской академии наук (БРАН), г. Санкт-Петербург.

Отдел рукописей. Собрание рукописных карт.
Отдел рукописей. Собрание иностранных рукописей.

Государственный архив Алтайского края (ГААК), г. Барнаул.

Ф. 1. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства.
Ф. 50. Главная чертежная Алтайского округа.
Ф. Р-1765. Булыгин Юрий Сергеевич (1931–2000).

Государственный архив Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (ГАВКО), г. Усть-Каменогорск.

Ф. 50. Черных Станислав Евгеньевич (1934–1991).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО), г. Екатеринбург.

Ф. 24. Уральское горное правление.
Ф. 59. Чертежная Уральского горного правления.
Ф. 129. Чупин Наркиз Константинович (1824–1882).

Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО), г. Тюмень.

Ф. И47. Тюменская воеводская канцелярия.

Государственный исторический музей (ГИМ), г. Москва.

Картографический отдел.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), г. Санкт-Петербург.

Ф. 146. Воинская морская комиссия.
Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА), г. Москва.

Ф. 9. Кабинет Петра I и его продолжение.
Ф. 62. Сношения России с Китаем.
Ф. 113. Зюнгорские (контайшинские) дела.
Ф. 119. Калмыцкие дела.
Ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела.
Ф. 192 Картографический отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел.
Ф. 196. Собрание Ф. Ф. Мазурина.
Ф. 198. Меншиков Александр Данилович.
Ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера.
Ф. 214. Сибирский приказ.
Ф. 248. Сенат и его учреждения.
Ф. 248. Оп. 160. Графические материалы Сената XVIII – начала XX века.
Ф. 1134. Кузнецкая комендантская канцелярия. Кузнецкая приказная изба.
Ф. 1402. Бийская судная (земская) изба. Бийская крепость.
Ф. 1451. Именные указы Петра I.

Российский государственный исторический архив (РГИА), г. Санкт-Петербург.

Ф. 468. Кабинет его императорского величества.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), г. Москва.

Ф. 20. Воинская (Секретная) экспедиция Военной коллегии.
Ф. 349. Главное инженерное управление (планы и чертежи).
Ф. 420. Карты России водных сообщений.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН), г. Санкт-Петербург.

Ф. 21. Г. Ф. Миллер.

Список документов

1. *1598 г. сентября 4.* — Из отписки тарского воеводы Андрея Воейкова царю Борису Годунову о разгроме сибирского хана Кучума на берегу Оби. 19

2. *1604 г. января 20.* — Из царской грамоты сургутскому воеводе Ф. В. Головину и письменному голове Г. И. Писемскому о строительстве города Томска, с пересказом челобитной князя Тояна. 20

3. *1626 г. мая 8.* — Роспись тобольского казачьего головы Грозы Иванова и тобольского сына боярского Дмитрия Черкасова о результатах осмотра места для строительства острога около Ямышевского озера 29

4. *1628 г. апрель—май.* — Расспросные речи тарских служилых людей в Москве о возможности строительства острога на устье реки Омь 30

5. *1629 г. февраля 20*. — Из челобитной тарских служилых людей царю Михаилу Федоровичу с рассказом об их службах и основании Барабинского острога. 31

6. *1625 г. после 1 сентября.* — Послужной список о сборах дани с тюркского населения Алтая и сопредельных территорий, проводившихся при кузнецком воеводе Евдокиме Баскакове в 7133–7134 гг. (сентябрь 1624 — август 1626) 41

7. *1627 г. мая 18.* — Сообщение кузнецкого воеводы Фёдора Голенищева-Кутузова царю Михаилу Фёдоровичу о сборе дани с тюркского населения в 7135 году (с октября 1626 по май 1627 г.) 42

8. *1645 г. не ранее сентября 1.* — Отписка воеводы Кузнецкого острога Афанасия Сытина в Сибирский приказ на имя царя Алексея Михайловича о вооруженном столкновении на Катуни кузнецких служилых людей с «Баилярко с товарыщи», которые притесняли ясашных кумандинцев 43

9. *1649 г. не позднее сентября 1.* — Из отписки воеводы Кузнецкого острога Афанасия Сытина в Сибирский приказ на имя царя Алексея Михайловича об уменьшении ясачного сбора с расположенных в бассейне Бии волостей в связи с запретом Коки Абакова платить русским ясак более пяти соболей с человека 44

10. *1649 г. августа 30.* — Отписка воеводы Кузнецкого острога Афанасия Сытина в Сибирский приказ на имя царя Алексея Михайловича об отправке к князцам белых калмыков и киргизов кузнецких служилых людей для переговоров, а также о причинах, по которым к телесам на Телецкое озеро служилые люди не посланы. 45

11. *1650 г. не позднее 31 августа.* — Челобитная кузнецких служилых людей на имя царя Алексея Михайловича с изложением плана строительства острога на месте слияния Бии и Катуни 46

12. Ясачные волости Кузнецкого уезда и необъясаченные тюркские народы сопредельных территорий на картах конца XVII века из атласов С. У. Ремезова 60

13. *1624 г. весна—лето.* — Список ясачных волостей Тарского уезда из дозорных ясачных книг, составленных тобольским сыном боярским Михаилом Байкашиным и подьячим Гаврилой Ерофеевым. 73

14. *1708 г. февраля 20.* — Указ из Сибирского приказа стольнику М. А. Овцыну, ранее направленному в Абаканский острог, с предписанием ехать в Кузнецк и принять дела у прежнего воеводы Осипа Качанова 102

15. *1708 г. марта 5.* — Государева грамота из Сибирского приказа кузнецкому воеводе М. Овцыну о строительстве острога на Бии и Катуни 102

16. *1709 г. ноября 8.* — Государева грамота из Сибирского приказа кузнецкому воеводе М. Овцыну о подготовке чертежа Бикатунской крепости, посылке пушек и с одобрением строительства острога 103

17. *1713 г. июня 17.* — Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина к ойратскому правителю Эрдени Зоригту-хунтайджи (Цэван-Рабдану), посланное с тарским казачьим головой Иваном Дмитриевичем Чередовым. 117

18. *1714 г. май* — Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I о ранее предъявленном царю песошном золоте и предложение организовать военный поход вглубь Ойрат-

ского государства. С резолюцией царя от 22 мая 1714 г. об организации похода вверх по Иртышу для захвата города Эркети (Яркенда) 117

19. *1719 г. апрель–сентябрь.* — Жизнеописание бека Алима и его свидетельские показания на допросе в Тобольске о золотом промысле в Яркенде в конце XVII века 119

20. *1713 г. апрель.* — Глава X «О Сибире» из доношения, составленного торговым агентом в Англии Фёдором Салтыковым для Петра I, с изложением проекта постепенного завоевания земель соседних государств Центральной Азии 120

21. *1714 г. мая 22.* — Указ Петра I подполковнику Ивану Дмитриевичу Бухолцу об организации похода вверх по Иртышу и далее для захвата города Эркети (Яркенда) 137

22. *1715 г. февраля 27.* — Грамота сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина, посланная к ойратскому правителю Эрдени Зоригту-хунтайджи (Цэван-Рабдану) с обоснованием территориальных претензий России на верховья сибирских рек 138

23. *1715 г. августа 10*. — Письмо подполковника И. Д. Бухолца из Такмыкской слободы кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о начале похода вверх по Иртышу. 139

24. *1715 г. декабря 29.* — Письмо подполковника И. Д. Бухолца из Ямышевской крепости кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о возведении крепости и просьбой о содействии в увеличении численности войск для похода 140

25. *1760 г.* — Отрывок из «Летописи сибирской» Ивана Леонтьевича Черепанова с рассказом об отправлении экспедиции Бухолца из Тобольска и нападении ойратов на Ямышевскую крепость 141

26. *1712 г. марта 16 — мая 8.* — Указ Петра I Сенату об уточнении сведений о путях в Китай и справка о семи дорогах, ведущих из Сибири в Китайское государство, с приложением чертежа. 158

27. *1719 г. после сентября 3.* — Выписки, посланные И. Лихаревым из Тобольска в Кабинет, с пересказом материалов допроса М. П. Гагарина в Сенате об эркецком золоте и сопроводительного письма из канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова об отправке Фёдора Трушникова в Тобольск, с приложением копии ведомости 1716 г. о поездке Трушникова во владения хунтайджи и в Китай для сбора сведений о золотых промыслах 159

28. *Между 1719 г. сентября 3 и 1720 г. мая 8.* — Рассказ тобольского дворянина Фёдора Трушникова на допросе в канцелярии И. М. Лихарева в Тобольске о поездке в Ойратское государство и в Китай в 1713–1715 гг. 161

29. *1721 г. не позднее января 19.* — Рассказ тобольского сына боярского Фёдора Трушникова о его пути во владения хунтайджи и в Китай. 163

30. *1719 г.* — Рассказ тобольского сына боярского Фёдора Самарца о его поездках по торговым делам к ойратам, в Китай и Тибет, записанный на допросе в Тобольске 163

31. *1716 г. мая 2.* — Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о результатах и перспективах военного похода вверх по Иртыш 178

32. *1716 г. июля 26.* — Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о прибытии Бухолца на устье Оми и отправке нового отряда для восстановления Ямышевской крепости 179

33. *1716 г. сентября 17.* — Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о переговорах с казахскими послами и просьбой к царю написать грамоту хунтайджи с объяснением причин строительства крепостей по Иртышу 180

34. *1716 г. декабря 18.* — Грамота Петра I ойратскому правителю Цэван-Рабдану с обоснованием территориальных претензий России на верховья сибирских рек 181

35. *1717 г. февраля 11.* — Письмо подполковника Ивана Бухолца из Тобольска князю Меншикову о невозможности выполнить указ Петра I о продвижении в верховья Иртыша 182

36. *1710 г. февраль.* — Из составленной в Сибирском приказе справки о снабжении хлебом кузнецких служилых людей. Приведены сведения о пашенных землях по речке Мунгат, записанные в 1701 г. по рассказам кузнецких служилых 195

37. *1714 г. января 11.* — Челобитная томского дворянина Дмитрия Лаврентева о прибавлении жалования, с рассказом о постройке им Чаусского острога 195

38. *1716 г. августа 7.* — Донесение коменданта Бердского острога Ивана Буткеева кузнецкому воеводе Б. А. Синявину о военной разведке в Причумышье и стычке с подданными ойратского правителя 196

39. *1717 г. апреля 6.* — Память кузнецкого коменданта Б. А. Синявина приказчику Бердского острога Ивану Буткееву с изложением указов сибирского губернатора М. П. Гагарина о размежевании Томского и Кузнецкого уездов и о необходимости строительства города на Бие и Катуни, а также острогов в Приобье 197

40. *1717 г. апреля 12.* — Отписка приказчика Бердского острога Ивана Буткеева кузнецкому коменданту Б. А. Синявину с рассказом о приезде в острог отряда томских служилых людей под командованием Фёдора Качанова 198

41. *1716 г. апреля 1.* — Указ сибирского губернатора М. П. Гагарина красноярскому коменданту В. Е. Козлову об отправке отряда для поиска мест под городовое строение на Верхнем Енисее: у Саянского камня, на Большом пороге и в устье реки Кемь 207

42. *1717 г. апреля 5 — 1718 мая 5.* — Статейный список тобольского дворянина Григория Вильянова о поездке к ойратскому хунтайджи Цэван-Рабдану с грамотами Петра I и М. П. Гагарина 208

43. *1717 г. марта 16.* — Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина из Тобольска кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением об отъезде И. Д. Бухолца и планах строительства крепостей в верховьях рек Иртыша, Енисея, Селенги 210

44. *1717 г. мая 15.* — Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I с сообщением о мерах, принятых для российского военного продвижения вверх по Иртышу 211

45. *1717 г. мая 15.* — Письмо сибирского губернатора М. П. Гагарина кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о мерах, принятых для российского военного продвижения вверх по Иртышу 212

46. *1717 г. июнь.* — Доезд красноярских детей боярских Андрея Еремеева и Ивана Нашивошникова о результатах плавания по Верхнему Енисею от Саянского камня до устья реки Кемь для выбора мест под городовое строение 212

47. *1717 г. марта 26.* — Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Бердского острога Ивану Буткееву с приказом отправить служилого человека в Кривощёкову деревню для определения новой дороги от этой деревни до Кузнецка 226

48. *1717 г. мая 26.* — Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Бердского острога Ивану Буткееву с инструкцией об отправке отрядов строителей новой крепости на Оби 227

49. *1717 г. мая 28.* — Отписка приказчика Бердского острога Ивана Буткеева кузнецкому коменданту Борису Синявину с сообщением о разведке по Оби, проведённой Фёдором Кривощёком 227

50. *1717 г. июня 9.* — Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина кузнецкому сыну боярскому Тимофею Безсонову, посланному в Бердский острог, чтобы привести бердских жителей «для строения новой крепости на Кривощекин завод» 228

51. *1717 г. июня 11.* — Из памяти кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Мунгатского острога Василию Соколову. Инструкция об отправке отряда строителей новой крепости на Оби 228

52. *1717 г. июня 15.* — Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина кузнецкому дворянину Ивану Максюкову о строительстве новой крепости на устье Бии и Катуни 229

53. *1717 г. июня 15.* — Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина кузнецкому дворянину Степану Серебреникову о принятии новой крепости от Ивана Максюкова 230

54. *1717 г. июня 16.* — Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина кузнецкому сыну боярскому Тимофею Безсонову об оставлении в новопостроенном городе пятидесяти человек из отряда бердских строителей 232

55. *1717 г. июля 15.* — Доезд кузнецкого дворянина Ивана Максюкова о строительстве новой крепости на Оби, на Белом Яру 232

56. *1717 г. августа 27.* — Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I с сообщением о принятых мерах для российского военного продвижения вверх по Иртышу 245

57. *1717 г. сентября 27.* — Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I с сообщением о результатах экспедиции сына боярского Ивана Калмыкова на озеро Зайсан. 246

58. *1717 г. октября 28.* — Доношение сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I с отчётом о военно-крепостном строительстве на Иртыше. 246

59. *1717 г. октября 28.* — Из письма сибирского губернатора М. П. Гагарина кабинет-секретарю А. В. Макарову с сообщением о возведении новых крепостей на Селенге, Енисее и Верхней Оби 247

60. *1719 г. май–июнь.* — Рассказы тобольского сына боярского Ивана Калмыкова и участников его отряда о походе в 1717 г. на Зайсан, записанные на допросах в Тобольске 247

61. *1717 г. июля 20.* — Память кузнецкого коменданта Бориса Синявина приказчику Белоярской крепости Степану Серебреникову с запретом посылать вооружённые отряды на обское левобережье. 258

62. *1719 г. не ранее марта — 1720 не позднее мая.* — Сообщение тобольского дворянина Григория Вильянова на допросе в Тобольске о пути следования во время его поездки в Ургу в 1717–1718 гг. 259

63. *1720 г. май.* — Указ кузнецкого коменданта Б. А. Синявина приказчику Бикатунской крепости Фёдору Сорокину о поселении в крепости крестьян Тимофея и Григория Фоминских, ранее живших в ведомстве Бердского острога 260

64. *1718 г. января 18.* — Доношение членов розыскной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова царю с сообщением о повинной купцов Евреиновых и приложением сведений о злоупотреблениях князя Гагарина при отправке караванов в Китай 275

65. *1718 г. апреля 22.* — Письмо руководителя розыскной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова кабинет-секретарю А. В. Макарову с просьбой прислать копию поданного царю в 1714 г. доношения сибирского губернатора М. П. Гагарина «о песошном золоте». 276

66. *1718 г. июнь.* — Доезд сотника красноярского пешего полка Фёдора Кольцова с товарищами о поездке за Саянский камень к монгольскому владельцу Гунбеку и о проведывании расстояния до озёр Косогол и Коконер 276

67. *1719 г. не позднее января 18.* — Черновик указа Петра I гвардии майору И. М. Лихареву о направлении его в Сибирь 277

68. *1719 г. января 26–29.* — Вопросы Сената к сибирскому губернатору о ходе военной экспедиции вверх по Иртышу и ответы М. П. Гагарина (извлечения). 278

69. *Между 1719 г. апрель — 1720 г. май.* — Рассказ капрала Московского полка Василия Бебякина на допросе в канцелярии И. М. Лихарева в Тобольске о плавании на озеро Зайсан в 1718 г. 280

70. *1719 г. января 17.* — Доношение гвардии майора И. М. Лихарева Петру I, содержащее вопросы о его будущей поездке в Сибирь, с последующими резолюциями царя и Сената 289

71. *1719 г. января 18.* — Именной указ Петра I гвардии майору И. М. Лихареву об отправке его в Сибирь. 290

72. *1719 г. июня 28.* — Грамота гвардии майора И. М. Лихарева, посланная к ойратскому правителю Эрдени Зоригту-хунтайджи (Цэван-Рабдану) с обоснованием территориальных претензий России на верхнее течение Иртыша и обещанием покровительства от неприятелей, если он не будет мешать строить города. 291

73. *1719 г. июля 24 — октября 15.* — Путевой журнал российской экспедиции на озеро Зайсан и Чёрный Иртыш 293

74. *1719 г. ноября 16.* — Письмо гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева к Петру I с сообщением о возвращении экспедиции, отправленной в мае на озеро Зайсан. 297

75. *1721 г. мая 4.* — Из доезда (статейного списка) тарского казачьего головы Ивана Дмитриевича Чередова, посланного в 1719 году с грамотой гвардии майора И. М. Лихарева к Цэван-Рабдану: описание пути от Тобольска до Урги (июнь—октябрь 1719) 298

76. *1719 г. февраля 5.* — Прошение геодезистов Ивана Захарова и Петра Чичагова на имя Петра I с просьбой об увеличении месячного жалованья в связи с отправкой в Сибирь. 317

77. *1719 г. февраля 5.* — Сообщение геодезистов Ивана Захарова и Петра Чичагова в Сенате о размере жалованье геодезистов, посланных на Камчатку 317

78. *1720 г. февраль.* — Прошение геодезиста Ивана Захарова на имя Петра I с просьбой о выдаче жалованья на 1720 год для выплаты долгов 317

79. *1720 г. февраля 26.* — Письмо Петра I гвардии майору И. М. Лихареву с оценкой результатов плавания 1719 года на Чёрный Иртыш и требованием личной поездки Лихарева к озеру Зайсан 330

80. *1720 г. мая 8.* — Письмо гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат о выступлении в поход на озеро Зайсан и о нехватке припасов, провианта и людей для содержания гарнизонов крепости 330

81. *1721 г. не позднее января 19.* — Ведомость о пути экспедиции лейб-гвардии майора И. М. Лихарева на озеро Зайсан и Чёрный Иртыш в 1720 г. 331

82. *1721 г. мая 4.* — Из доезда (статейного списка) тарского казачьего головы Ивана Дмитриевича Чередова, посланного в 1719 году с грамотой гвардии майора И. М. Лихарева к Цэван-Рабдану: описание жизни в Урге и переговоров (октябрь 1719 — август 1720) 333

83. *1721 г. не позднее января 19.* — Доношение лейб-гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат с краткими итогами выполнения именного указа от 18 января 1719 г. 353

84. *1721 г. не позднее января 19.* — Репорт лейб-гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат о войсках, оставленных в новопостроенных иртышских крепостях 353

85. *1721 г. после января 19.* — Выписки из документов Сената: копия именного указа Петра I о ликвидации линии иртышских крепостей; содержание записи в протокольной книге об устном распоряжении монарха о выводе войск в Тобольск 354

86. *1721 г. мая 4.* — Из доезда (статейного списка) тарского казачьего головы Ивана Дмитриевича Чередова, посланного в 1719 году с грамотой гвардии майора И. М. Лихарева к Цэван-Рабдану: описание переговоров с хунтайджи (август 1720 — январь 1721) 355

87. *1717 г. августа 18.* — Отписка приказчика новопостроенной Белоярской крепости Степана Серебреникова кузнецкому коменданту Борису Синявину о проходе промыслового отряда Михаила Волкова вверх по Оби 365

88. *1720 г. мая 17.* — Доношение В. Н. Татищева сибирскому губернатору А. М. Черкасскому о результатах пробной плавки образцов медных руд, полученных от рудознатцев Степана Костылева и Фёдора Комарова 366

89. *1720 г. мая 24.* — Доношение рудознатцев Томского уезда Степана Костылева и Фёдора Комарова в Берг-коллегию об открытии месторождений медных руд в Верхнем Приобье 366

90. *1720 г. мая 26.* — Доношение В. Н. Татищева в Берг-коллегию о сибирских рудознатцах Степане Костылеве и Фёдора Комарове, и о выплате им жалованья 367

91. *1720 г. декабря 14.* — Указ Берг-коллегии томскому воеводе В. Е. Козлову с предписанием оказывать содействие томским рудоискателям 367

92. *1721 г. января 31.* — Указ сибирского губернатора А. М. Черкасского руководителю сибирских горных заводов В. Н. Татищеву об отправке к нему промысловика Михаила Волкова. Здесь же копия доношения Волкова о поисках руд летом 1720 года совместно с мастером Фёдором Инютиным 368

93. *1722 г. декабря 12.* — Доношение чаусского рудоискателя Степана Костылева руководителю сибирских горных заводов В. И. Геннину о своих заслугах в открытии месторождений медных руд по рекам Алею и Кожуху 370

94. *1734 г. октября 23.* — Из доношения чаусского рудоискателя Степана Костылева руководителю Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов Василию Татищеву об обстоятельствах открытия алтайских месторождений медных руд 370

Список иллюстраций с указанием источников

На авантитуле

Лист из собрания Г. Ф. Миллера с оттиском подлинной печати Сибирского приказа — с. 1.

Источник: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Л. 80. Публикуется впервые.

В тексте

Рис. 1. Фрагмент исторической карты Сибири с изображением владений хана Кучума. Карта составлена профессором Х. А. Шлёцером. Публикация 1809 г. — с. 16–17.

Источник: Christian von Schlözer. Ébauche d'une histoire de la Sibérie. Avec une carte historique. Moscou, 1809.

Рис. 2. Добыча соли российским отрядом на Ямышевском озере. Рисунок С. У. Ремезова из «Хероградской чертежной книги». Конец XVII в. — с. 26.

Источник: Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: Факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 97.

Рис. 3. Западная половина карты Б. О. Долгих «Административное деление Сибири в XVII в.» — с. 36.

Источник: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 18.

Рис. 4. Фрагмент «Карты распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в.» с перенесенными на неё границами уездов (совмещено авторами) — с. 37.

Источник: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. Карта-вклейка между с. 614–615.

Рис. 5. Границы российских уездов и районы расселения народов юга Западной Сибири в конце XVII века (по Б. О. Долгих) на топооснове с подробной гидросетью — с. 38–39.

Реконструкция авторов.

Рис. 6. «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тоболскаго города и всех розных градов, и жилищ, и степи» из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. Фрагмент с верхним течением Оби и Иртыша — с. 52.

Источник: Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1: факсимильное издание. М., 2003. Л. 25.

Рис. 7. «Чертеж грани Кузнецкого города с уездами» из «Хероградской чертежной книги» С. У. Ремезова. Конец XVII в. — с. 54–55.

Источник: Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 168 об.

Рис. 8. Карта расположения ясачных волостей Кузнецкого уезда и необъясаченных тюркских народов на сопредельных территориях, показанных на чертежах конца XVII в. из атласов С. У. Ремезова. Рамкой выделена территория, изображённая на цветной иллюстрации 1 — с. 57.

Карта составлена авторами.

Рис. 9. «Чертеж грани Томскаго города с уездами» из «Хероградской чертежной книги» С. У. Ремезова. Фрагмент с реками Иня («Ния») и Бердь — с. 59.

Источник: Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 168, правая часть.

Рис. 10. «Чертеж грани Тарского города с уездами без степи» из «Хероградской книги» С. У. Ремезова. Фрагмент с течением Иртыша от города Тары до границы с Тобольским уездом — с. 65.

Источник: Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 166 об.

Рис. 11. «Чертеж грани Тарского города с уездами без степи» из «Хероградской книги» С. У. Ремезова. Фрагмент с реками Тара, Омь и озером Чаны — с. 67.

Источник: Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 166 об.

Рис. 12. «Степь Барабинская с урочищи до Оби реки» из «Хероградской книги». Прорисовка гидросети — с. 68.

Источник: Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. В 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск, 2011. Л. 93.

Рис. 13. Карта расселения этнических групп ясачного населения Тарского уезда в конце XVII в. (по чертежам из «Хероградской книги» С. У. Ремезова) — с. 70–71.

Карта составлена авторами.

Рис. 14. Юг Западной Сибири на «Исторической карте Сибири (XVI–XVII)», составленной Г. А. Лучинским — с. 78.

Источник: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. 29А (58): Семь озёр–Симфония. СПб., 1900. Карта-вклейка между с. 804–805.

Рис. 15. Фрагмент «Карты расселения народов Сибири в конце XVII века», составленной Б. О. Долгих — с. 80.

Источник: Долгих Б. О. Карта расселения народов Сибири в конце XVII в. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. Карта-вкладка № 7.

Рис. 16. Фрагмент карты «Этнические группы коренного населения Сибири в XVII веке», составленной Б. О. Долгих — с. 81.

Источник: Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. ; Л., 1956. Карта-вклейка между с. 12–13. (Сер.: Народы мира: этнографические очерки).

Рис. 17. Варианты реконструкции российской границы на юге Западной Сибири в конце XVII в. По историческим картам отечественных авторов XIX–XX вв. — с. 82–83.

Карта составлена авторами.

Рис. 18. Кузнецкий уезд в конце XVII в. Историческая реконструкция границ уезда и расселения этнических групп ясачного населения — с. 86.

Карта составлена авторами.

Рис. 19. Древние города Восточного Туркестана на современной карте Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики — с. 109.

Рис. 20. Западная половина российской карты Сибири, составленной в январе 1716 г. на более ранней топооснове. Копия из коллекции Ж.-Н. Делиля с подписями на французском языке — с. 115.

Источник: Национальная библиотека Франции. Коллекция рукописных карт Ж.-Н. Делиля. Шифр: GeBB-124 (150 Res). Опубликовано: Gallica: Bibliothèque numérique. [Электронный ресурс] URL: http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb424443947

Рис. 21. Последний пункт указа Петра I подполковнику И. Д. Бухолцу, написанный собственноручно царём 22 мая 1714 г. Публикуется впервые — с. 123.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отделение 1 — исходящие документы. Оп. 2. Кн. 56. Л. 9.

Рис. 22. Фрагмент карты части Иртыша и окрестностей Ямышевского озера с обозначением новопостроенной крепости и полевого лагеря войск И. Д. Бухолца. Ноябрь 1715 — январь 1716 г. Полностью чертёж воспроизведён на цветной иллюстрации 2 — с. 130–131.

Источник: БРАН. Рукописный отдел. Собрание иностранных рукописей. F° 266. Т. 3. Л. 43 (чертеж № 169).

Рис. 23. Схематичный чертёж с обозначением путей из сибирских городов в Китай. Весна 1712 г. Прорисовка по архивному подлиннику. Публикуется впервые — с. 147.

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 31 об. – 32.

Рис. 24. Фрагмент «Карты Тартарии» Гийома Делиля 1706 г. с западным участком Великой китайской стены. Показаны озеро Кукунор («Coknor»), и город Синин или Силин («Sinin ou Silin») — с. 150–151.

Источник: Национальная библиотека Франции. Департамент карт и планов. Шифр: CPL GE DD-2987 (7358). Опубликовано: Gallica: Bibliothèque numérique. [Электронный ресурс] URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b59631292/f1.zoom.r

Рис. 25. Фрагмент русского чертежа XVIII в., скопированного с китайской карты, где надписи были сделаны на маньчжурском языке — с. 153.

Источник: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Генеральные карты. Д. 32. Ч. 1.

Рис. 26. Фрагмент карты Сибири, составленной в январе 1716 г. Копия из коллекции Ж.-Н. Делиля с подписями на французском языке — с. 154–155.

Источник: Национальная библиотека Франции. Коллекция рукописных карт Ж.-Н. Делиля. Шифр: GeBB-124 (150 Res). Опубликовано: Gallica: Bibliothèque numérique. [Электронный ресурс] URL: http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb424443947

Рис. 27. Фрагмент чертежа С. У. Ремезова, выполненного в 1697 г. на ткани, с изображением рек Омь и Камышлов — с. 168.

Источник: Карта Сибири. XVII век. Исполнена на холсте С. У. Ремезовым. Из фондов Русского географического общества. Факс. изд. Тобольск, [2008]. Отпечатано в Италии: фирма «График», Верона. 1 л.: цв. 116×97 см (по рамке 110×85 см).

Рис. 28. План Омской крепости 1722 г., составленный капитаном-инженером Полем де Гранжем, с подписями на французском языке. Подлинник — с. 170–171.

Источник: РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1062.

Рис. 29. План-схема укреплений Омской крепости, возведённых в 1716–1721 гг. — с. 173.

Прорисовка по плану 1722 г.

Рис. 30. Фрагмент чертежа с изображением линии границы между Томским и Кузнецким уездами, утверждённой сибирским губернатором М. П. Гагариным в марте 1717 г. Копия 1757 г., выполненная с оригинала в Кузнецкой воеводской канцелярии. Полностью чертёж воспроизведён на цветной иллюстрации 3 — с. 188.

Источник: ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 93 об. — 94.

Рис. 31. Фрагмент «Ландкарты Томского и Кузнецкого уездов», вычерченной в апреле 1736 г. геодезистом Василием Шишковым и учеником Парфёном Сомовым. Показана граница Томского и Кузнецкого уездов в междуречье Оби и Томи — с. 190–191.

Источник: ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1765.

Рис. 32. Реконструкция линии границы между Томским и Кузнецким уездами по чертежам 1700–1736 гг. — с. 193.

Карта составлена авторами.

Рис. 33. План сибирского губернатора М. П. Гагарина по военному продвижению к местам золотодобычи в Центральной Азии — с. 200–201.

Карта составлена авторами.

Рис. 34. Реконструкция маршрутов движения отрядов строителей Белоярской крепости из Бердского острога, Мунгатского станца и Кузнецкой крепости. Июнь 1717 г. — с. 217.

Карта составлена авторами.

Рис. 35. Фрагмент современной топографической карты с изображением Велижановского Елбана — с. 220.

Источник: Топографическая карта ГУГК СССР. Масштаб 1:100000. Лист N 44-096 — Барнаул.

Рис. 36. Велижановский Елбан на снимке из космоса — с. 221.

Источник: https://maps.google.com

Рис. 37. Фрагмент карты 1775 года с обозначением старого и нового места расположения Белоярской слободы. Публикуется впервые — с. 223.

Источник: ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 447.

Рис. 38. Фрагмент карты 1846 г. с обозначением фарватера реки Оби и «места бывшей деревни Белоярской» около горы Силичева — высшей точки Велижановского Елбана. Публикуется впервые — с. 224.

Источник: ГААК. Ф. 50. Оп. 10. Д. 281. Л. 3.

Рис. 39. Фрагмент карты прилегающих к российско-китайской границе земель, вычерченной Дмитрием Баскаковым и Василием Шетиловым в 1728 г. Показаны окрестности озера Косогол и реки Иркут, Джида, Ура, Ига. Публикуется впервые — с. 236–237.

Источник: ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1776.

Рис. 40. Изображение Косогольского острога на генеральных картах Российской империи 1776 и 1786 гг. — с. 239.

Источник: Tabula geographica generalis imperii Russici / Johann Treskot et Jacob Schmidt. [St. Petersburg], 1776. 64×141 см. Библиотека Конгресса США. Шифр: G7000 1776. T7. URL: http://www.loc.gov/item/2002624010; Новая карта Российской империи, разделенная на наместничества сочиненная 1786. СПб., 1786. 86×183 (83×176) см. Российская национальная библиотека. Отдел картографии. Шифр: К 1–Росс 4/104. URL: http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/

Рис. 41. План Ямышевской крепости. Чертёж 1734 г. — с. 242–243.

Источник: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/2.

Рис. 42. Изменение границы России в Верхнем Приобье в 1700–1718 гг. — с. 251.

Карта составлена авторами.

Рис. 43. Фрагмент чертежа размежевания Томского и Кузнецкого уездов, утверждённого М. П. Гагариным 5 марта 1717 г. Копия 1757 г. Полностью чертёж воспроизведён на цветной иллюстрации 3 — с. 263.

Рис. 44. Семипалатная крепость и остатки буддийского монастыря («ветхие полаты») на карте Верхнего Иртыша, составленной в 1734 г. во время путешествия по Сибири Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина. Публикуется впервые — с. 265.

Источник: БРАН. Отдел рукописей. Основное собрание рукописных карт. Д. 185.

Рис. 45. План Семипалатной крепости. Чертёж 1734 г. — с. 266–267.

Источник: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/3.

Рис. 46. Юго-восточная часть карты 1718 года, поданной М. П. Гагариным в Сенат 1 февраля 1719 г. Полностью чертёж воспроизведён на цветной иллюстрации 4 — с. 272–273.

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 16-а.

Рис. 47. Фрагмент карты 1718 г., поданной М. П. Гагариным в Сенат 1 февраля 1719 г. Видны следы исправления русла реки Амун-Дарья и расположения города Эркет — с. 274.

Рис. 48. Маршруты плавания на Чёрный Иртыш капитана Урезова и поездки в Ургу И. Д. Чередова в 1719 г. — с. 285.

Карта составлена авторами. Источники названий рек: БРАН. Отдел рукописей. Основное собрание рукописных карт. Д. 188, 336; РГВИА. Ф. 420. Оп. 1. Д. 4.

Рис. 49. Собственноручная запись геодезиста Фёдора Молчанова о своей службе, сделанная в 1731 г. в сенатском «Списке геодезистов». Публикуется впервые — с. 301.

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1201. Л. 684.

Рис. 50. Фрагмент карты течения Иртыша, вычерченной Петром Чичаговым по результатам инструментальных съёмок геодезиста Ивана Захарова, проведённых во время плавания 1719 г. Нижний левый угол чертежа с линейным масштабом. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 5 — с. 307.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 47. Л. 53.

Рис. 51. Нижний правый угол той же инструментальной карты с изображением Иртыша от Железенской крепости до г. Тобольска — с. 308.

Рис. 52. Фрагмент инструментальной карты 1719 г. с изображением течения Иртыша от островов около устья реки Бухтармы до Железенской крепости — с. 309.

Рис. 53. Верхний левый угол инструментальной карты течения Иртыша 1719 г. с изображением отрезка от острова на Чёрном Иртыше до реки Бухтармы. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 5 — с. 310.

Рис. 54. Фрагмент сводной карты («хартины») 1719 г., выполненной Петром Чичаговым. Показаны часть Чёрного Иртыша, озеро Нор-Зайсан и верхнее течение Иртыша до Семипалатной крепости. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 6 — с. 314.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 47. Л. 52.

Рис. 55. Фрагмент сводной карты («хартины») 1719 г., выполненной Иваном Захаровым. Показаны часть Чёрного Иртыша, озеро Нор-Зайсан и верхнее течение Иртыша до Железенской крепости. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 7 — с. 315.

Рис. 56. Фрагмент сводной карты («хартины») 1719 г., выполненной Иваном Захаровым. Юго-западная часть карты с изображением верховий Аму-Дарьи, рек и городов Восточного Туркестана, ойратских кочевий по рекам Или, Текес и близ озера Нор-Зайсан. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 7 — с. 316.

Рис. 57. План Усть-Каменогорской крепости. Чертёж 1734 г. — с. 326–327.

Источник: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/6.

Рис. 58. Собственноручная запись геодезиста Петра Чичагова о своей службе, сделанная в 1731 г. в сенатском «Списке геодезистов». Публикуется впервые — с. 338.

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1201. Л. 684.

Рис. 59. Фрагмент карты течения Иртыша, вычерченной Петром Чичаговым по результатам собственных инструментальных съёмок, проведённых во время плавания 1720 г. Нижний левый угол чертежа с линейным масштабом. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 8 — с. 339.

Источник: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 37-б (оригинал с автографом П. Чичагова).

Рис. 60. Фрагмент карты течения Иртыша, вычерченной Петром Чичаговым по результатам собственных инструментальных съёмок, проведённых во время плавания 1720 г. Нижний правый угол чертежа с изображением Иртыша от Железенской крепости до г. Тобольска — с. 341.

Рис. 61. Фрагмент инструментальной карты Петра Чичагова, вычерченной после плавания 1720 г. Центральная часть чертежа с изображением течения Иртыша от Убинской до Железенской крепости — с. 342.

Рис. 62. Верхний левый угол той же карты 1720 г. с изображением отрезка от Чёрного Иртыша до Долонской крепости. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 8 — с. 343.

Рис. 63. Фрагмент сводной карты («хартины») 1720 г., выполненной Петром Чичаговым. Нижний левый угол с подписью и автографом геодезиста. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 9 — с. 344.

Источник: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 34-3 (оригинал с автографом П. Чичагова).

Рис. 64. Фрагмент сводной «хартины» Петра Чичагова 1720 г. с изображением Иртыша (от истоков в горах Алтая до реки Оми) и Верхней Оби (включая реку Томь) — с. 346–347.

Рис. 65. Фрагмент «хартины» Петра Чичагова 1720 г. с изображением реки Или, впадающей в озеро «Чюи» (современное оз. Балхаш) — с. 348.

Рис. 66. Фрагмент сводной карты («хартины») Петра Чичагова 1720 г. с изображением Восточного Туркестана и части Большой Бухарии с реками Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Общий вид карты см. на цветной иллюстрации 9 — с. 350–351.

Рис. 67. Российские города, крепости и остроги в Иртышско-Енисейском междуречье к началу 1721 года — с. 374–375.

Карта составлена авторами.

Факсимильные тексты и заставки

Введение

Компасная роза со старейшей сибирской карты с градусной сеткой. 1719 г. — с. 10.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 47. Л. 53.

Глава 1

Тамга абинского служилого татарина Ургояка Онмиякова на обороте челобитной. 1673 г. — с. 13.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 623 Л. 428 об. — 429 об.

Автограф царя Бориса Годунова. 1602 г. — с. 19.

Источник: Щербачев Ю. Н. Подписи царей Бориса Годунова и Алексея Михайловича. М., 1894 .

Глава 2

Автограф Дмитрия Черкасова на склейках оборотов листов доезда об осмотре Ямышевского озера. 1626 г. — с. 29.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 5. Л. 171 об. — 174 об.

Глава 3

Автограф томского сына боярского Федора Пущина. 1645 г. — с. 41.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л 114 об.

Глава 4

Автограф Семена Ульяновича Ремезова. 1710 г. — с. 60.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1317. Л. 755. Опубл.: Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 г. М., 1965. С. 73 .

Глава 5

Заголовок списка ясачных Тарского уезда. 1623/1624 год — с. 41.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 231.

Глава 6

Автограф Бориса Осиповича Долгих на разрешении вынести из читального зала ЦГАДА свои выписки. 1944 г. — с. 60.

Источник: РГАДА. Ф. 1498. Оп. 3. Д. 1563. Л. без номера.

Глава 7

Автограф Якова Максюкова. 1704 г. — с. 101.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 652 об.

Глава 8

Автограф Матвея Гагарина на указе Сибирского приказа 1716 г. — с. 116.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2313. Л. 554.

Глава 9

Автограф Ивана Бухолца на сенатской копии указа Петра I о направлении его в Сибирь. 1719 г. — с. 137.

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 205.

Глава 10

Автограф Жозефа-Николя Делиля на письме из Парижа в Санкт-Петербург. 7 сентября 1743 г. — с. 158.

Источник: Lettre de Joseph-Nicolas Delisle à Pierre Becker, Saint-Pétersbourg, 7 septembre 1743 • (письмо B1/3-91) [Electron resurs] // Correspondance de Joseph-Nicolas Delisle / Bibliothèque de l'Observatoire de Paris. Paris, 2015. Tome VIII (136): Lettres du 23 janvier 1741 au 11 juillet 1744. URL: https://alidade.obspm.fr/img-viewer/mss/delisle/iipviewer.html?name=FR751142302_005_001954_A.jpg.

Глава 11

Автограф полковника Федота Матигорова на отписке 1716 г. — с. 177.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2313. Л. 361.

Глава 12

Подпись за первого приказчика Бердского острога неграмотного Ивана Буткеева. 1717 г. — с. 194.

Источник: РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

Глава 13

Автограф коменданта Красноярска Василия Козлова. 1716 г. — с. 206.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2313. Л. 452 .

Глава 14

Подпись за неграмотного Ивана Максюкова на его отчёте об основании Белоярской крепости. 1717 г. — с. 226.

Источник: РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 42 об.

Глава 15

Автограф будущего красноярского коменданта Дмитрия Зубова. 1710 г. — с. 245.

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1844. Л. 8 об.

Глава 16

Автограф кузнецкого коменданта Бориса Синявина на документе 1721 г. — с. 258.

Источник: РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

Глава 17

Автограф обер-фискала Алексея Яковлевича Нестерова. 1716 г. — с. 288.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 28. Л. 465 .

Глава 18

Автограф Ивана Лихарева на письме Петру I из Тобольска. 1719 г. — с. 288.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 41. Л. 345.

Глава 19

Автограф геодезиста Ивана Захарова. 1719 г. — с. 317.

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 285 об.

Глава 20

Автограф капитана-инженера Поля де Гранжа на составленном им плане Омской крепости. 1722 г. — с. 329.

Источник: РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1062.

Глава 21

Автограф геодезиста Петра Чичагова на прошении. 1719 г. — с. 352.

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 286.

Глава 22

Подпись за неграмотного рудознатца Степана Костылева на его доношении. 1722 г. — с. 365.

Источник: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

Заключение

Двуглавый орёл — с. 378.

Источник: заставка на заглавном листе газеты «Ведомости» за 1703 г.

Цветные иллюстрации на вкладке

Ил. 1. Карта расположения ясачных волостей и основных дорог Кузнецкого уезда, показанных на чертежах из атласов С. У. Ремезова. Детализированный фрагмент рисунка 8. Номера соответствуют списку, приведенному в док. № 12 (глава 4).

Карта составлена авторами.

Ил. 2. Карта части Иртыша и окрестностей Ямышевского озера с обозначением новопостроенной крепости и полевого лагеря войск И. Д. Бухолца. Ноябрь 1715 — февраль 1716 г. (глава 9). Публикуется впервые.

Источник: БРАН. Рукописный отдел. Собрание иностранных рукописей. F° 266. Т. 3. Л. 43 (чертёж № 169).

Ил. 3. Чертёж границы между Томский и Кузнецким уездами, утверждённой сибирским губернатором М. П. Гагариным в марте 1717 г. Копия 1757 г., выполненная с оригинала в Кузнецкой воеводской канцелярии (глава 12). Публикуется впервые.

Источник: ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 93 об. — 94.

Ил. 4. Карта западной части Сибири и прилегающих районов Центральной Азии с обозначением новых Иртышских крепостей и предполагаемого пути в город Эркеть. Составлена в 1718 году, подана М. П. Гагариным в Сенат 1 февраля 1719 г. (глава 17). В цвете публикуется впервые.

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 16-а.

Ил. 5. Карта течения Иртыша. Составлена по результатам инструментальных съёмок геодезиста Ивана Захарова, проведённых во время плавания 1719 г. Вычерчена Петром Чичаговым в октябре—ноябре 1719 г. (глава 19). Публикуется впервые.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 47. Л. 53.

Ил. 6. Сводный чертёж течения Иртыша и прилегающих с юга земель Центральной Азии. Выполнен Петром Чичаговым в октябре—ноябре 1719 г. (глава 19). Публикуется впервые.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 — входящие письма. Оп. 3. Кн. 47. Л. 52.

Ил. 7. Сводный чертёж течения Иртыша и прилегающих с юга земель Центральной Азии. Выполнен Иваном Захаровым в октябре—ноябре 1719 г. (глава 19). Публикуется впервые.

Источник: БРАН. Рукописный отдел. Основное собрание рукописных карт. № 188.

Ил. 8. Карта течения Иртыша. Составлена геодезистом Петром Чичаговым по результатам его инструментальных съёмок, проведённых во время плавания 1720 г. (глава 21). В цвете публикуется впервые.

Источник: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 37-б (оригинал с автографом П. Чичагова).

Ил. 9. Сводный чертёж («хартина») течения рек Енисея, Оби, Иртыша и прилегающих с юга земель Центральной Азии. Выполнен Петром Чичаговым в 1720 г. (глава 21). В цвете публикуется впервые.

Источник: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 34-3 (оригинал с автографом П. Чичагова).

Ил. 10. Российская Сибирь и Ойратское государство к началу 1720-х годов (главы 10, 21).

Карта составлена авторами.

Цветные иллюстрации на форзацах и переплёте

Первый форзац

Левая сторона: тексты столбцов XVII в., опубликованные в монографии.

Источники: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 132 (док. № 4 на с. 30); Стб. 381. Л. 269 (док. № 11 на с. 46–48); Стб. 623. Л. 429 об. (рис. на с. 13).

Правая сторона: материалы начала XVIII в., использованные в оформлении книги.

Источники: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 652 об.; Оп. 5, Д. 1844. Л. 8 об.; заголовок газеты «Ведомости» за 1703 г.

Второй форзац

Левая сторона: письма сибирского губернатора князя Матвея Гагарина к кабинет-секретарю Алексею Макарову. 1716 г.

Источники: РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Кн. 26. Л. 460–461 об. (док. № 31 на с. 178–179); Л. 462–463 об. (док. № 32 на с. 179–180).

Правая сторона: переписка Петра I с гвардии майором Иваном Лихаревым. 1719–1720 гг.

Источники: РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Кн. 56. Л. 47. (док. № 79 на с. 330); Оп. 3. Кн. 41. Л. 345 (письмо Лихарева царю от 27 декабря 1719 г.).

На переплёте

Передняя сторонка: карта сибирского губернатора Матвея Гагарина. 1718 г.

Фрагмент цветной иллюстрации 4.

Задняя сторонка: Ямышевская крепость и лагерь отряда И. Д. Бухолца. 1715 г.

Фрагмент цветной иллюстрации 2.

Указатель личных имён*

Аба, ойратский зайсан 90
Абай, вдова калмыцкого тайши 24
Абак (Обак), теленгетский князь 21, 34, 40, 97
Абдыкалыков Асанбек, историк 41
Абрай, князь Алтысарского улуса 41
Абулгази, хивинский хан, историк 14, 35
Авляев Геннадий Очирович, историк 9
Ада Гада, китайский посол 355
Айдар, князь телесов 45
Айтуган Кутлубахтыев, барабинский татарин 76
Акбаш, хан (Мухаммад-Мумин), правитель Яркенда 110, 111, 119, 348
Акбулат Чемычаков, «лучший человек» Турашской волости 19
Акишин Михаил Олегович, историк 377
Аксаков, майор 169, 172
Албеляк Еманчюрин, барабинский татарин 74
Алей-царевич, сын Кучума 20
Александров Борис Владимирович, сотрудник Библиотеки РАН 306
Александров Черкас, тарский татарский голова 19, 20
Алексеев Иван, капитан 265
Алексей Михайлович, царь 34, 35, 43–46, 49
Алексей Петрович, царевич 270
Алим-бек, житель Яркенда 110–111, 119–120, 345, 349
Алмачи Сайтаев, теленгет 256
Ал-Омари, арабский учёный 14
Алтын-царь (Алтын-хан) 23, 32, 35
Альков Степан, кузнецкий беломестный казак 196
Андреев (Ондриев) Нагайко, кузнецкий толмач 42
Андреев Александр Игнатьевич, историк 134, 324
Андреев Иван Григорьевич, военный топограф 264
Анисимов Борис, пятидесятник кузнецких казаков 90
Анмеяк, есаул кузнецких юртовских татар 42
Антонов Богдан, кузнецкий служилый 46
Анцын Андрей, каптенармус 140, 141
Анышай Елзбалышев, кузнецкий ясачный татарин Азкиштымской волости 292
Апак, белогорский ходжа 109, 110
Апраксин Пётр Матвеевич, казанский губернатор 105
Апраксин Фёдор Матвеевич, генерал-адмирал 114, 302
Арамжаб (Аранжаба), ойратский посланник 90
Аргамак, кайбальский ясачный человек 277
Арлай Улаков, калмыцкий посланец 24
Артемьевых Алексей, красноярский конный казак 277
Архипов Иван, бердский беломестный казак 198
Арык Бекбулатов (Икамаев), барабинский татарин 74
Асманак, царевич, сын Кучума 20
Ахманай Оккулуев, барабинский татарин 76
Ахтамак Ахкиев, барабинский татарин 75
Ашур-бек, хивинский посол 113, 114
Аюка, хан приволжских калмыков 10, 123, 133, 180, 181, 279, 291, 293, 333, 355–357

Баба, хан *см.* Султан-Саид-Баба хан
Бабутай Баймаметев, барабинский татарин 75
Багачев Иван Петрович, тарский дворянин 359
Багров Лев Семёнович, историк картографии 50
Баженов Козьма, секретарь 368
Базарак (Базаяк), абинский князь 21, 32
Байбагас-нойон, хошоутский предводитель 9
Байбахта Девлетбахтыев, барабинский татарин 76
Байгилдеев Бахты Гилдеев, князь барабинских татар 75
Байгорок Табунов, князь теленгетов 99, 185, 216, 359
Байгула Тарагулов, князь барабинских татар 76
Байдуга, князь шорцев 21
Байзары Кулбердыев, барабинский татарин 74
Байкашин Михаил, тобольский сын боярский 65, 66, 73
Байков Фёдор, русский посол в Китай 28, 66, 69, 311
Баилярко, «баидерский вор» 43, 44
Байсеит Баишов, барабинский татарин 74
Байтугу Якшигилдеев, барабинский татарин 76
Бакши, князь барабинских татар 208
Бантыш-Каменский Николай Николаевич, историк-архивист 6
Баран, сын хунтайджи Цэван-Рабдана 358
Барсанда, «кучумов человек» 20
Бартольд Василий Владимирович, востоковед 110, 114, 152, 158
Баскаков Дмитрий, ученик геодезии 234–237
Баскаков Евдоким Иванович, кузнецкий воевода 33, 41, 42,
Баскаков Пётр, канцелярист 163, 293, 296
Батогин Иван, новокрещёный иноземец, 160
Бату, хан, внук Чингисхана 14
Батур (Батуртажи), тайджи китайского владения 164
Батур, ойратский зайсан 167
Батур-хунтайджи *см.* Эрдени Батур-хунтайджи
Батырь (Батур), представитель ойратской знати 209, 333, 356
Баушек Кучеев, барабинский татарин 76
Бахметев Иван, гвардии майор 276
Бахметев, капитан-лейтенант 160
Бахрушин Сергей Владимирович, историк 17
Башковский Игнатий Васильевич, красноярский воевода 94
Бебякин Василий, капрал 280
Безсонов Тимофей, кузнецкий сын боярский 218, 219, 228, 229, 232
Бейкон Мачиков, теленгетский князь 204, 256
Бекенев Михаил, татарин Томского уезда 216, 256
Беклемишев Илья, тарский сын боярский 19, 20
Беклик Акканаков, барабинский татарин 208
Белекозя Ахкулуев, барабинский татарин 76
Белл Джон, лекарь в российском посольстве 301
Белоглазый Григорий, пятидесятник чаусских казаков 369
Беневени Флорио, российский посланник в Бухару 158
Бересkин Иван, тобольский сын боярский 146, 161
Берников Борис, тарский дворянин 349
Бечбердей Кучюков, барабинский татарин 76

* Представители тюркских народов в документах XVII — начала XVIII в. назывались по имени или по имени и отчеству. В указателе они расположены по именам, а не по отчествам.

Бибадш, царевич, сын Кучума 20
Бибиков Иван Фомич, тобольский обер-комендант 105, 124, 125, 175, 178, 179, 268
Бинбель, зайсан *см.* Чинбиль
Биней, арецкий князь 21
Битюков Егор, устюжский купец 148, 149, 163, 164
Бичурин Никита Яковлевич (Иакинф), начальник духовной миссии в Пекине, востоковед 110, 149, 336
Блюэр Иоганн Фридрих, плавильный мастер 112, 360, 361, 363, 364, 366, 368
Бобров Леонид Александрович, историк 10
Богданов, иркутский сын боярский 233
Бойдой (Бойдон) Сакылов, ойратский тайша 204
Бойдон, ойратский посол 256, 356
Бойко Владимир Сергеевич, востоковед 11
Бокай Олешка, кузнецкий служилый 43
Бокой, теленгетский князь 204, 208
Борзок Ахназаров есаул барабинских татар 75
Борокоргон (Борокурган), ойратский посол 336, 356
Боронин Олег Валерьевич, историк 92, 107
Бортников Иван, маркшейдерский ученик 235
Бошокту-хан, *см.* Галдан
Бривцын Павел (Прифцен Пауль), немецкий рудный мастер 363, 368, 370, 371
Бровкин Максим, тобольский драгун 210, 259, 260, 291
Бугаев Илья, пятидесятник красноярских казаков 277
Бугата Иткурюков, барабинский татарин 74
Буйдала Тайганаев, есаул барабинских татар 75
Букула, баидерский татарин 44
Булаткилдей Тарабердеев, барабинский татарин 75
Булыгин Юрий Сергеевич, историк 97, 98, 194, 218, 219, 221, 253, 257, 258
Бума, сын Батура-хунтайджи 134
Бурдинцов Леонтий, рудознатец 370
Бутанаев Виктор Яковлевич, историк 12, 90
Бутин Афанасий, пасынок казака Бутина 254
Бутин Игнатий, кузнецкий пеший казак 254
Буткеев Иван, кузнецкий дворянин 187, 188, 194, 196–198, 214–217, 226–228
Бухолц Иван Дмитриевич, подполковник 11, 26, 122–144, 149, 156–159, 165–183, 185, 202, 205, 209–212, 235, 241, 270–272, 275–282, 284, 289, 290, 292, 297, 300, 302, 319, 330, 351, 353, 357, 360, 373, 374, 376
Буянов Олексей, барабинский татарин 75
Бызов Андрей, казачий капрал 189
Бызов Кондратий, кузнецкий служилый 46
Бызов Фёдор, кузнецкий служилый 46
Быконя Геннадий Фёдорович, историк 238, 264
Бычков Павел, отставной солдат 368–369
Бышкак, койбальский ясачный 277

Вагин Яков, кузнецкий сын боярский 227
Валгусов Семён, томский сын боярский 369
Валиханов Чокан, востоковед 110
Валищевский Степан, кузнецкий сын боярский 186, 195
Валуев Фёдор, геодезист 301
Васильев Василий (Васелка), кузнецкий служилый 41, 42
Васильев Филка, кузнецкий толмач 42, 43
Вебер Фридрих Христиан, ганноверский резидент при русском дворе 106, 113
Вельяминов Мирон Андреевич, тобольский воевода 29
Вельяминов-Зернов Иван, майор 125, 173, 176, 241
Вельяминов-Зернов Яков Львович, дворянин Ржевского уезда 125
Веселовский Николай Иванович, востоковед 6, 114
Веснин Дорофей, крестьянин-промысловик 361, 365
Вильянов Григорий, тобольский дворянин 177, 204, 208–210, 256–259, 264, 268, 284, 291, 292, 333, 336, 357
Виниус Андрей Андреевич, дьяк Сибирского приказа 51, 174
Витсен Николаас, голландский географ 49
Владиславич-Рагузинский Савва Лукич, граф, российский посол в Китай 234, 235
Вобан Себастьен, французский военный инженер 172
Водолеев Дмитрий, житель Белоярской крепости 253
Водолеев Степан, житель Белоярской крепости 253
Воейков Андрей Матвеевич, тарский воевода 18–20, 22
Воинов Иван, атаман тюменских казаков 26
Волк Никон, томский служилый 41
Волков Михаил, казачий сын 269, 361, 362, 363, 364, 365, 368, 369, 370, 371
Волков Михаил Яковлевич, гвардии майор, возглавлял одну из «розыскных майорских канцелярий» 269
Волкова Клара Васильевна, историк 79
Волнин Казарин, тарский атаман 20
Володимеров Кузьма, кузнецкий пятидесятник 44
Воронков Вячеслав Валентинович, архивист 11
Востинский Данила Иванович, кузнецкий комендант 253, 254
Выходцев Павел, тобольский сын боярский 369
Вязигин Василий, кузнецкий сын боярский 186, 195

Гагарин Матвей Петрович, сибирский губернатор 10, 11, 93, 95, 102–108, 110–118, 122–127, 129, 133, 137–139, 141, 142, 146, 148, 150, 154, 157–165, 165–167, 169, 172–182, 185, 188, 189, 192, 194, 197–199, 201–208, 210–215, 220, 225, 229, 230, 233, 238–241, 243–245, 247, 250, 252, 253, 255, 261–264, 268–278, 280–282, 289–292, 297, 303, 313, 321, 329, 330, 338, 344, 345, 349, 353, 357, 360, 361, 366, 368, 373, 376, 377
Гагарин Сила, тарский воевода 23
Газенвинкель Константин Борисович, историк 22
Гакбарк Тимофей, приказчик в китайском караване 117
Галдан Бошокту-хан, ойратский хунтайджи 10, 64, 91, 92, 94, 110, 111, 117, 133, 134, 143
Галдан-Цэрэн (Черин), ойратский хунтайджи 91, 167, 325, 358
Гвинтовкин Иван, кузнецкий сын боярский 215, 219, 229
Гендужаб, ойратский зайсан 333
Гендул Дундуков, ойратский зайсан 107, 123, 142, 292
Гендун Еркем, ойратский посол 357
Геннин Вилим Иванович, начальник сибирских заводов 360, 370
Герасимов Афанасий, «изветчик» 262
Глебов Мосей, тарский сын боярский 20
Гмелин Иоганн Георг, путешественник 265

Годунов Борис, царь 18–20
Годунов Пётр Иванович, тобольский воевода 49, 152
Голенищев-Кутузов Фёдор Иванович, кузнецкий воевода 42
Голицын Дмитрий Михайлович, киевский губернатор 105
Голицын Пётр Михайлович, руководитель следственной комиссии 269
Головин Фёдор Алексеевич, российский посол 141
Головин Фёдор Василевич, сургутский воевода 20
Головкин Гавриил Иванович, канцлер 106
Голубин Поспел, российский посланник к ойратам 24
Гольденберг Леонид Аркадьевич, историк картографии 283, 300
Горбун (Горбунов) Иван, рудознатец 362, 366
Грамотчиков Ларион, школьный ученик 370
Гранж де Поль, французский капитан-инженер 169, 171–173, 329
Греков Викула Петрович, тобольский ландрат 322
Григарев-Мороз Митька, кузнецкий служилый 46
Григорьев Пётр, тобольский толмач 209, 259
Гужужап, ойратский зайсан 355
Гунбек, представитель местной монгольской знати 261, 277
Гурьянова Наталья Сергеевна, историк 6
Гусев Иван, тобольский драгун 259, 260
Гусятников Михаил, купец, торговавший с Китаем 276

Дабада *см.* Шуну Дабада
Далай-тайша, предводитель дербетов 9
Данжим (Южин), ойратский зайсан 356, 358
Данжин Араптан, брат Цэван-Рабдана 92
Данзила (Танжилай), двоюродный брат Галдана Бошокту-хана 92
Даниял, черногорский ходжа 111
Дармадал, ойратский тайша 358
Делиль Гийом, французский картограф 149, 150, 156
Делиль Жозеф-Николя, французский астроном 115, 116, 129, 154–155, 158, 304–306, 339
Деркень Мегреев, бухарский купец 106, 107, 123
Джучи, хан, сын Чингисхана 14
Дмитриев-Мамонов Иван Ильич, гвардии майор, возглавлял одну из «розыскных майорских канцелярий» 159–161, 269, 270, 275, 276, 279, 281, 282, 297, 320, 337, 338
Дмитрий, царевич 94
Добжанский Виктор Николаевич, историк 7
Доголон Пётр, тобольский сын боярский 146, 148, 161, 163
Долгих Борис Осипович, историк 35–38, 40, 41, 53, 72, 80, 81, 84, 87–89, 91–93, 101, 139
Долгорукий Александр Лукич, гвардии капитан 268
Долгорукий Василий Владимирович, князь 140, 268–270
Долгорукий Яков Фёдорович, князь 159, 160
Долгоруков Михаил Владимирович, сибирский губернатор 234
Дорофеев Пётр, кузнецкий атаман 43, 44, 45
Досайка Микитин (Савинка Микитин), кузнецкий толмач и татарский голова 42, 96
Другов Павел Васильевич, пришлый в Томский уезд 192
Дударева Ольга Николаевна, архивист 11
Духар (Зухар), ойратский зайсан 91, 96, 97, 100, 101, 106, 107, 256, 320, 356

Евлубай Татамешов, барабинский татарин 76
Евреинов Алексей, купец, торговавший с Китаем 269, 270, 275, 276
Евреинов Иван, геодезист 300–303, 317
Евсевьев Фёдор, тобольский сын боярский 160
Евсеев Евгений Николаевич, историк 166
Егорова Елена Дмитриевна, архивист 11, 189
Едек, теленгет 210
Едигер, тайбугинский мурза 15
Едомин Фёдор, тобольский конный казак 248
Екатерина I, императрица 306
Екатерина II, императрица 287
Елегай, потомок ишимского хана Саргачика 69
Елеков (Елесов) Пётр, нотариус 290, 354
Елецкий Андрей Васильевич, князь, тарский воевода 17
Елфимов Аркадий Григорьевич, председатель общественного фонда «Возрождение Тобольска» 53
Енаш Девлей Бакин, барабинский татарин 74
Ензер Таболдин (Есер), князь барабинских татар 76
Еремеев Андрей, красноярский сын боярский 203, 205, 212, 262
Еремеев Василий, тобольский драгун 293
Ерке Тосурхай (Тарзакой) *см.* Эрке Торсохой
Ермак Тимофеевич, атаман 16, 17, 27
Ермакова Любовь Ивановна, архивист 11, 189
Ермамет Акшиков (Бернагулов) князь барабинских татар 76
Ерофеев Гаврила, подьячий 65, 66, 73
Есмонт Пётр, кузнецкий служилый 46
Еснигилдей Турундаев, барабинский «лучший человек» 20
Ефремов Степан, кузнецкий служилый 259

Жадовской Назар, голова тарских конных казаков 30
Жалбу, ойратский тайша 358
Жданов Андрей Александрович, партийный деятель 79
Жданова Галина Дмитриевна, архивист 189
Жинба, ойратский правитель отоков-хошунов 299, 333
Жуков Василий, кузнецкий служилый 187, 188

Заболоцкий Ерофей, тарский сын боярский 28
Заборовский Иван, подьячий 277
Залкинд Евгений Михайлович, историк 264
Запруда Иван, беглый 228
Запутряев Фирс, рудный мастер 360, 376
Заровнятной Игнатей, тобольский житель 108
Засецкий Григорий Константинович, кузнецкий воевода 46
Захаров Иван, геодезист 282, 301–304, 306, 307, 309, 313–317, 321, 323, 338–340, 344, 354
Захаров Константин Васильевич, приказчик Коркиной слободы 238, 366
Земляных Степан, бердский житель 365
Зиннер Эрвин Петрович, филолог 377
Златкин Илья Яковлевич, востоковед 84, 91
Злобин Иван, красноярский сын боярский 261
Зост Александр, корреспондент Археографической комиссии 6
Зубов Алексей, гравёр 235, 238
Зубов Афанасий, кузнецкий воевода 43, 44

Зубов Дмитрий Борисович, красноярский комендант 99, 105, 204, 205, 207, 210, 239, 261, 262, 277
Зуев, рудознатец 367
Зухарь, зайсан *см.* Духар
Зыбин Алексей Кириллович, вице-президент Берг-коллегии 367, 368

Ибарим (Обраим) Элметев, тобольский служилый татарин 209, 259
Иболу Кудамышов, барабинский татарин 74
Иван III, князь 13
Иван IV Грозный, царь 15
Иванов Гроза, тобольский казачий голова 27, 29
Иванов Иван, кузнецкий служилый 43, 45
Иванов Пётр Иванович, историк картографии 132
Иванов Поспел, пятидесятник кузнецких конных казаков 34, 46, 48
Иванов Сара, татарин 248
Иванов Сергей, кузнецкий казачий есаул 46
Игнатьев Николай Павлович, дипломат 235
Игнатьев Михаил, геодезист 301
Идес Избрант, голландский купец, ездивший через Сибирь в Китай 199, 201
Изеней, ойратский тайша 24
Изенмамет Саладаев, барабинский татарин 76
Изерек Боккисяков, барабинский татарин 74
Измайлов Андрей, тобольский сын боярский 209, 259
Измайлов Лев Васильевич, дипломат 233, 301, 335–337
Изсек, мелесский князь 21
Илгилдей Мунгулов, князь барабинских татар 75
Илитен-царевич, брат Кучума 20
Ильин Фёдор (Василий), житель деревни Кривощёковой 215
Иней Иван, капитан 280, 283, 286, 376
Инютин Фёдор, рудный мастер 364, 368, 369, 371
Иргин Кирпиков, есаул барабинских татар 74
Исмаил-хан, правитель Яркенда 109, 348
Истопников Фёдор, енисейский дворянин 196
Исупов Сергей Юрьевич, историк 254, 255
Иткурюк, правитель Турашской волости 19
Ишмамет Кутайсалдыев, барабинский татарин 75

Казарачак, кыштым Сагайского улуса 90
Каип, казахский хан 206
Кайсаров Михаил Фёдорович, тарский воевода 28
Каландер Иоган, поручик 132, 133, 142, 169, 172, 241
Калмыков Иван, тобольский дворянин 212, 242, 243, 245, 246, 248, 265, 272, 278, 279, 283, 376
Камбре де, шевалье, автор книги об укреплении городов 172
Каменецкий Иван Павлович, историк 253
Камчюн, теленгет 208
Канай-царевич, сын Кучума 20
Кангулов Тимофей, тобольский конный казак 248
Канси, цинский император 91, 268
Карасай Тайнорко, ойратский князь 256
Каргин Иван, тарский служилый 208, 259
Карл XII, шведский король 132
Кародонов Лев, кузнецкий служилый 46
Кароль Гаврила, кузнецкий беломестный казак 196
Карпов Семён Прокофьевич, обер-комендант Тобольска 105, 108, 206, 210, 212, 240, 278, 322, 345
Карташов Пётр, ярославский посадский 349
Карякин Терентий, бердский житель 365
Катанаев Георгий Ефремович, историк 150, 152
Кауфман Андрей Оттович, историк 96
Качалов Родион Дмитриевич, новгородский помещик 94
Качанов (Качалов) Иван, томский и кузнецкий воевода 94, 192
Качанов Осип Родионович, кузнецкий воевода 94, 95, 102, 103, 192
Качанов Фёдор Родионович, воевода 192–194, 198
Кебогиш Албычеков, ясачный татарин Азкиштымской волости 292
Келба, кайбальский ясачный татарин 277
Келтурал Изычеев (Изырчик), барабинский татарин 75
Кетеш Янкутюков, барабинский татарин 75
Килин, князь в Мутарской земле 42
Киндерманн Христиан, генерал-майор 105
Киреев Семен, дьяк 161
Кирилов Иван Кириллович, обер-секретарь Сената 10, 235, 306
Клементьев Исай, кузнецкий служилый 46
Клешнин Аким, геодезист 310
Клылбай Сабанчеев, барабинский татарин 76
Клюйкова Наталья Анатольевна, архивист 11
Княжецкая Екатерина Андреевна, историк картографии 300, 303, 304, 306, 307, 338, 340
Кожмамет, бухарский мулла 333, 358
Козлов Василий Елизарьевич, томский комендант 202, 203, 207, 213, 238, 362, 364, 366–368
Козлов Матвей, канцелярист 368, 370
Кока Абаков, князь теленгетов 40, 44, 45, 185, 256
Колесников Александр Дмитриевич, историк 175, 205
Колокольцев Иван, кузнецкий служилый 365
Колычев Степан Андреевич, пограничный комиссар 235, 263
Кольцов Фёдор, сотник красноярского пешего полка 261, 276, 277
Кольцов-Мосальский Юрий [правильно: Андрей Михайлович], князь, томский воевода 192
Комаров Фёдор, рудознатец 361–368, 370, 371
Конищев Иван Меркурьевич, кузнецкий воевода 58
Коокен-Матур (Кокон), ойратский тайша 64, 68, 70, 72
Копча Бадоев, ойрат 292
Корнилов Фёдор, тобольский конный казак 248, 360
Корф Иоганн Альбрехт, президент Академии наук 305
Косой Ульян, кузнецкий служилый 46
Костылев Степан Григорьевич, рудознатец 361–371
Костылев Яков Степанович, рудознатец 361
Косыров, мулла, бывший житель Яркенда 120, 349
Котвич Владислав Людвигович, востоковед 10
Кочедамов Виктор Ильич, историк архитектуры 167, 169
Кочетов, иркутский сын боярский 233
Кошеут, ойратский князь 34, 46
Коян, князь тубинцов 42

Кривощёк Фёдор, крестьянин 214–216, 218, 219, 227, 250
Крижанич Юрий, учёный, ссыльный в Сибирь 25
Криницын Фёдор, служилый человек 214
Крих Анна Алексеевна, историк 244
Кругликов Алексей, томский сын боярский 90
Кугонай Тубиев, тайша 23
Кугутей Евлучаков князь, барабинских татар 74
Кудряшов Константин Васильевич, историк 78, 79
Куздемыш Махлеев, «лучший человек» Турашской волости 19
Кузейды Едигеров, барабинский татарин 76
Кула, ойратский тайша 204, 256
Куликов Степан, гулящий человек 254
Кулубаш Атаяков, князь барабинских татар 75
Кулунак, двоюродный брат Когодея 44
Кулучай, кыргызский князь 41
Кулчан Ухтеев, барабинский татарин 208
Кумыш, царевич, сын Кучума 20
Курант Морис, востоковед 110
Курбан, ходжа, житель Яркенда 348
Курбатов Алексей Александрович, архангелогородский вице-губернатор 105
Куртуков Иван, кузнецкий служилый 259
Кутлубахты Кожбахтыев, барабинский татарин 76
Кутлубахты Суюндюков, барабинский татарин 76
Кучум, хан 15–20, 22, 25
Кушнерик Римма Арнольдовна, историк 107, 352

Лаврентьев Дмитрий, томский сын боярский 184–187, 195
Лаврентьев Фёдор, томский сын боярский 186
Лавров Семён, томский сын боярский 90
Ламаши-тайша, правитель (?) на левобережье Катуни 62
Ланг Лоренц, секретарь российского посольства в Китай 233, 301
Лаптев Сергей Николаевич, историк 235
Лебедев, вахмистр 160
Летранже, капитан-инженер *см.* Гранж де
Лихарев Иван Михайлович, гвардии майор 11, 119, 134, 146, 159, 161–164, 174, 259, 269, 272, 276, 277, 280–284, 287–291, 293, 297–307, 313, 316, 317, 319–325, 328–333, 335–340, 344, 345, 350–354, 358, 361, 374, 376
Лозон (Лозан, Лоузан), ойратский посол 106, 336, 356, 357
Лойша Виктор Андреевич, томский журналист 79, 80
Лосев Антон, иркутский губернский землемер 233
Лужин Фёдор, геодезист 300–303, 317
Лукин Самойла, солдат 368
Лучинский Георгий Авксентьевич, историк 77, 78
Любавский Ермолай Прокопьевич, иркутский и илимский комендант 201–202

Магмед Гирей, хан *см.* Менгли Гирей
Мазепа, гетман 377
Майдар Наимбердеев, князь барабинских татар 74
Макаров Алексей Васильевич, кабинет-секретарь Петра I 126, 127, 139, 140, 156, 160, 166, 167, 174–180, 202–205, 210, 212, 238, 247, 268, 276, 282, 288, 320, 321, 323, 337
Максимов Богдан, кузнецкий служилый 46
Максюков Иван, толмач, кузнецкий дворянин 96, 185, 218–222, 224–227, 229–232, 250, 252, 254
Максюков Яков Савинович, толмач, кузнецкий татарский голова 95–97, 101
Мамет Алышаев, тобольский служилый татарин 209, 259
Мамет, князь 15
Мангыт, тайша 28
Мандрак, телесский князь 262
Манжи Тархат, тархан 62
Манзу (Манзур) Бойдоев, теленгетский князь 204, 208, 210, 256–258
Манхан, ойратский посол 93, 256, 356
Маремьянинов Алексей, сын боярский 173, 175, 292, 358
Матвеева (Гефке) Наталья Алексеевна, архивист 11
Матигоров Федот Алексеевич, полковник 166, 174–177, 204, 211, 212, 241, 245, 265
Матюшкин, генерал 160
Мачик, теленгетский князь 34, 46, 256
Менгли-Гирей, крымский хан 13, 14
Мендукей, «лучший человек» Елейской волости 44
Меншиков Александр Данилович, светлейший князь 111, 112, 125, 134, 177, 182
Мессершмидт Даниил Готлиб, путешественник 301
Миддендорф Александр Фёдорович, путешественник 301
Микулин, прапорщик 140, 141
Миллер Герард Фридрих, историк 6, 8, 66, 69, 79, 99, 100, 105, 107, 113, 114, 117, 118, 123, 125, 126, 130–132, 134–137, 139, 142, 165–167, 169, 172–177, 181, 186, 187, 192, 203–207, 213, 221, 225, 226, 238–241, 244, 252, 254–257, 264, 265, 272, 277, 282, 286–288, 290, 321, 323–325, 328–340, 374, 377
Милюков Павел Николаевич, историк 112
Мин, китайская династия 152
Миненко Нина Адамовна, историк 188, 215, 218
Минорский Владимир Фёдорович, востоковед 12
Мись, китайский посол 355
Михаил Фёдорович, царь 27, 29, 42–44, 73
Мияваки-Окада Джунко, историк 10
Моисеев Владимир Анисимович, востоковед 7, 91, 107, 127, 352
Молла, царевич, сын Кучума 20
Молчанов Фёдор, геодезист 132, 300, 301
Мосальский Иван Владимирович, тарский воевода 22, 23
Мумрак Нитичаков (Укустин), барабинский татарин 74
Муратов Андрей (ошибочно Алексей), кузнецкий дворянин 97–99, 101, 186
Мухаммад-Мумин, *см.* Акбаш

Намышка Идекошвчин, ойратский посол в Китай 355
Намышка, представитель ойратской знати 209, 298, 333
Нарбутов Пётр, кузнецкий служилый 46
Насекин Кузьма, тобольский конный казак 248
Нашивошников Иван, красноярский сын боярский 203, 205, 212, 213
Нашивошников Илья, красноярский дворянин 238, 239, 262, 344
Некрасов Андрей Фёдорович, белоярский житель 250
Нелединский-Мелецкой Юрий, подьячий 367

Неронов Фёдор, канцелярист 354
Нестеров Алексей Яковлевич, обер-фискал 268, 269, 275
Нефес, туркменский ходжа 114
Нечаев Никита, дьяк 163, 296
Нищев Иван, кузнецкий священниик 48
Никитин Елистрат, тарский атаман 19
Новосёлов Мирон, тобольский сын боярский 160
Номчи, киргизский князь 21
Нурзек, мулла, бывший житель Яркенда 344, 348, 349

Обак, князь *см.* Абак
Обыша, ойрат 209
Оверкиев Владимир, кузнецкий служилый 42
Оверкиев Трешка, кузнецкий служилый 42
Овошков Афанасий, канцелярист 368
Овцын Михаил Алексеевич, кузнецкий воевода 94–96, 99, 102, 103
Огурцов Андрей Юрьевич, историк 253, 287
Ожиганов Трофим, подьячий 370
Онучин (Анучин) Дмитрий Гаврилович, генерал-губернатор Восточной Сибири 235
Останин Леонтий, рудознатец 362, 363, 370
Останин Макар, рудознатец 362, 363, 370
Останкин Худени, барабинский татарин 208

Павел I, император 305
Панкратьев Никита, устюжский житель 158
Панов Тимофей Петрович, ландрихтер 93
Паренов Кондрат, сотник кузнецких казаков 96
Парфентьев Леонтий, полковник 141
Пашков Егор, гвардии майор 276
Перевощиков Дмитрий Матвеевич, академик 306
Першин Пётр Михайлович, солдат 136, 145
Петлин Иван, кузнецкий служилый 46, 48
Пётр I, царь 6, 8, 50, 102–105, 106, 111–114, 116, 117, 120, 122, 126, 127, 129, 137, 138, 142, 146, 154, 156–158, 165, 166, 172, 174, 176, 177, 181, 182, 189, 199, 201, 202, 205, 208, 243–245, 268, 269, 272, 277, 281, 282, 288, 290, 300–304, 307, 310, 313, 317, 319–323, 329, 330, 336–339, 344, 345, 351, 352, 354, 360, 365, 367, 373, 374, 375, 376
Петров Никита, школьник Уктусского завода 363, 371
Петров Павел Иванович, томский сын боярский 90
Петрово-Соловово Александр Кузьмич, сибирский вице-губернатор 368
Петрово-Соловово Григорий Михайлович, томский воевода 94, 103
Писемский Гаврила Иванович, томский воевода 18, 20
Подковырова Вера Григорьевна, сотрудник Библиотеки РАН 11
Поленов Алексей, тарский татарский голова 22–25
Понамарев Борис, кузнецкий служилый 259
Попов Андрей, кузнецкий сын боярский 97–99
Попов Михаил, кузнецкий десятник 98
Поппа Матвей, купец 117
Посников Прокофий, тобольский сын боярский 146, 161
Поспелов Пётр, сержант 293
Постников Алексей Владимирович, исследователь картографии 235, 283, 300
Потанин Григорий Николаевич, учёный и путешественник 6
Потапов Леонид Павлович, этнограф 12, 32, 37, 40, 264
Прибылков Степан, подьячий 228
Прозорова Алла Петровна, архивист 11
Прокофьев Ефим, беломестный казак 227
Просолупов Аввакум, школьник 371
Протасов Ларион, дьяк 368
Протопопов Григорий, дьяк 43, 45
Протопопов Денис, дьяк 161
Пупков Стефан, дьяк 370
Путимец Иван, кузнецкий казак 41
Пущин Фёдор, томский сын боярский 34, 41, 94

Ракитин Иван, ландрат, управлял Якутским уездом в 1716–1720 гг. 160
Ракитин Лаврентий Родионович, иркутский комендант 202
Рашид-ад-Дин, персидский учёный 12, 13
Регимов Надырь, мулла 348
Резун Дмитрий Яковлевич, историк 6
Ремезов Леонтий, тобольский житель 369
Ремезов Семён Ульянович, картограф 26, 50–60, 64, 68, 69, 70, 72, 73, 77, 87, 89, 93, 113, 167, 168, 174, 184, 186, 216, 335
Ренат Иоган Густав, пленный шведский артиллерист 132, 359
Романов Максим, дьяк 117
Ромодановский Фёдор Юрьевич, глава Сибирского приказа 94, 174

Сабанак Азбакеев, тобольский татарский голова 108, 119, 278, 345
Сабанак Маметкулов, переводчик 119
Сабанский Пётр, томский сын боярский 262, 372
Сабула Баитомышов, барабинский татарин 74
Савин Родион, кузнецкий подьячий 42
Савинка Микитин *см.* Досайка Микитин
Саид, хан *см.* Султан-Саид-Баба хан
Сайтай, теленгет 256
Сакыл Кулин, ойратский тайша 204, 256
Саламов Никон Фёдорович, пушкарь 367
Салтангул Куземышов, барабинский татарин 74
Салтыков Пётр Самойлович, смоленский губернатор 105
Салтыков Семён Андреевич, гвардии майор, возглавлял одну из «розыскных майорских канцелярий» 269
Салтыков Степан Иванович, тобольский воевода 111
Салтыков Фёдор Степанович, торговый агент 111–116, 373
Самарган Ирги, тархан 35
Самарец Фёдор, тобольский сын боярский 120, 148, 149, 154–156, 160, 163, 164, 199, 201, 274, 350
Самсонов Конон, красноярский сын боярский 90
Сандуп, ойратский зайсан 356, 358
Сандык (Салдык), ойратский зайсан 91
Санжил, монгольский посланник 277
Сантагул Кушконаков (Бирбичаков), барабинский татарин 73
Санчак (Саянчак), ойратский зайсан 356, 358
Санчиров Владимир Петрович, историк 9
Сапожников Александр Георгиевич, архивист 11

Саргачик, ишимский хан 69
Сарчка Кормышов, барабинский татарин 74
Сарыбай Кожбахтыев, барабинский татарин 75
Сверчков Яков, гвардии поручик 323, 331, 337
Свидерский (Свиерский) Павел, тарский сын боярский 240
Свистунов Иван, ученик геодезии 234, 235
Сеиткул Белекатимов, барабинский татарин 74
Сеиткул Сулбаев, есаул барабинских татар 74
Семелдяк Калтаев, барабинский татарин 74
Семёнов Иван, гвардии капитан-поручик 303, 322
Сенге, ойратский хунтайджи 110, 134, 143
Сербина Ксения Николаевна, историк 79
Сергеев Алексей Геннадьевич, сотрудник Библиотеки РАН 11
Сергеев Алексей Дмитриевич, историк 218
Серебреников Степан, кузнецкий дворянин 220, 225, 226, 230, 231, 250, 251, 258, 361, 365
Середонин Сергей Михайлович, историк 77, 78
Сидоров Алексей, тарский казачий сын 359
Сидоров Прокопий, рудознатец 370
Синявин Борис Акимович, кузнецкий воевода 97, 99, 101, 185–189, 192, 194, 196–198, 206, 214–216, 218–220, 225, 227, 228, 230–232, 250, 251–254, 258–260, 262, 361, 365
Скибин Афанасий, тобольский сын боярский 360
Скипин Афанасий, тобольский гренадёр 248
Скобельцын Пётр, геодезист 234, 235
Соболевский Юрий, томский сын боярский 192
Соколов Василий, приказчик 186, 216, 219, 228, 252, 365
Соколовский Иван Ростиславович, историк 11, 85
Солон, хошоутский тайша 148, 149, 160, 162, 163
Сомов Парфён, ученик геодезии 190
Сомов Степан, поручик 284, 297, 360
Сонжур, сын ойратского тайши 298, 358
Сонцов Кирил, гвардии солдат 303, 304
Сорокин Иван, пленный русский 359
Сорокин Фёдор, приказчик 254, 260
Соцкий Иван, подьячий 227
Спафарий Николай, российский посол 184
Стабач, кыргызский князь 41
Старцов Иван, кузнецкий служилый 46
Старченков Григорий, надзиратель заставы 252
Степнов Андрей, томский дворянин 187
Степнов Иван Андреевич, томский житель 214, 215
Столов, рудознатец 367
Страленберг (Табберт) Филипп Иоган, пленный шведский офицер 149, 303, 377
Строганов Григорий, солепромышленник 15
Строганов Яков, солепромышленник 15
Ступин Прокофий Степанович, подполковник 11, 205, 210–212, 240, 241, 244–246, 264, 265, 271, 280, 283, 284, 286, 288, 297, 319, 329, 330, 332, 351, 361
Сулешев Юрий Яншеевич, князь, тобольский воевода 26, 27, 31
Султан-Саид-Баба, хан 109, 348
Сыромятников Григорий, тобольский сын боярский 108
Сытин Афанасий, кузнецкий воевода 34, 43–45

Табун, кыргызский князь 42
Табун, теленгетский князь 56, 58, 72, 256
Тайбугиды, сибирская княжеская династия 15
Талай, кыргызский князь 41
Танбы-Батырь-Дайтжи, хан 91
Таптисяк Янгуев, барабинский татарин 76
Татищев Василий Никитич, начальник сибирских заводов, историк 10, 310, 360, 361, 363, 364, 368, 370, 377
Тегелбахты Исенбахтыев, барабинский татарин 76
Темирбулат Туголяков, барабинский татарин 75
Темиркутлу Сююндюков, барабинский татарин 75
Темшеняк Чичкилдеев, барабинский татарин 75
Тенизбай Аксеитов, барабинский татарин 76
Тимофеев Андрей, кузнецкий служилый 46
Тиханов Павел Никитич, филолог-коллекционер 112
Тихонов Прокопий, десятник 228
Тишкин Алексей Алексеевич, археолог 222
Торгоус, князь 34, 46
Тохтамыш (Тактамыш), хан 14
Тоян, еуштинский князь 18–21
Траханиотов Роман Александрович, томский комендант 184, 195
Третьяков Степан, тобольский житель 108
Трофимов Семён, казачий сотник 349
Трош, князь барабинских татар 208
Трубников Маркел, поручик 126, 127, 175, 279
Трунов Григорий, тюменский житель 241
Трускотт Иван (Джон), картограф 305
Трушников Фёдор, тобольский дворянин 111, 139, 146–156, 160–164, 178, 199, 201–203, 205, 247, 272–274, 344, 345, 349, 352
Тугагилдей Тохтамышов, князь барабинских татар 76
Тузиков Семён, кузнецкий служилый 226
Тузовский Григорий, кузнецкий служилый 42
Тузояк Шуштемирев, барабинский татарин 75
Тулишэнь, китайский посол 205
Туренин Иван, тобольский сын боярский 111, 160
Турна Филька, томский толмач 41
Тюльпин Андрей Геннадьевич, архивист 11

Уваров Иван, тюменский житель 241
Угоцкий Степан, тобольский дьяк 29
Угримов Леонтий Дмитриевич, российский посол к хунтайджи 132, 167
Удалцев Кузьма, житель Кузнецкого уезда 365
У-ди, китайский император 152
Узбек-хан, султан 14
Улай Тоулбаев, барабинский татарин 74
Улемжа Дмитрий, кузнецкий казак 198
Уленши, ойрат 209
Уманский Алексей Павлович, историк 35, 40, 58, 72, 90, 95, 97–99, 101, 218, 219, 253, 256, 257
Унковский Иван, российский посол к хунтайджи 244, 345
Уразачко, служилый кузнецкий татарин 41
Ургояк Онмияков, абинский служилый татарин 13
Урдубай Кордубаев, барабинский татарин 76
Урезов (Урасов) Андрей, капитан 166, 285–288, 293, 296, 300, 303, 304, 307, 314–316, 321, 323, 328, 329, 338, 340, 344, 360
Урусов Григорий, князь 286
Урушпай, князь Елейской волости 44
Ус Иван, кузнецкий служилый 42

Усов Иван, кузнецкий служилый 259
Устюжанин Терентий, пятидесятник 219, 228
Утарги Терегулов, барабинский татарин 76
Учюжников Безсонко, тарский казак 30
Учюрту, ойратский тайша 72

Фарварсон Генри, преподаватель Морской академии 302
Фёдоров Афанасий, кузнецкий казак 41, 46
Фёдоров Иван, тобольский дьяк 29
Фёдоров Сидор, кузнецкий казак 41
Фель Сергей Ефимович, историк картографии 132, 300
Фефилов Стефан, тобольский дьяк 122, 141
Фирсов Василий, тарский казак 93
Фишер Иоганн Эбергард, историк 262
Фоминских Григорий, крестьянин 254, 260
Фоминских Тимофей, крестьянин 254, 260
Французанин Савва, тобольский сын боярский 26
Фролов Иван, гвардии сержант 297, 304, 330
Фролов Ярослав Владимирович, историк 11, 223, 224
Фэ дю, аббат, автор книги об укреплении городов 172

Хаджи-Мухаммед-Бегадур, хан 113
Халпет, мулла, бывший житель Яркенда 120, 272, 344, 345, 349
Хара-Хула (Каракула), ойратский тайша 9, 26
Хилков Григорий Дмитриевич, князь, издатель 6
Хмылев Афанасий Иванович, кузнецкий казак 231
Хованский Андрей Андреевич, тобольский воевода 29
Хо-Урлюк, торгоутский тайша 9
Худяков Юлий Сергеевич, археолог 85

Цеттер Самуил-Карл, гравёр 17
Цэван-Рабдан (Араптан, Эрдени Зоригту), ойратский хунтайджи 64, 90, 91, 106, 107, 110, 111, 117, 124, 127, 133, 134, 137–139, 142, 148, 167, 176, 181, 204, 208, 209, 255–258, 268, 284, 291, 293, 298, 320, 328, 333, 335–337, 345, 348, 349, 352, 355, 372, 373, 376
Цэрэн-Дондоб-младший, ойратский полководец 134
Цэрэн-Дондоб-старший (Черен-Дондук), ойратский полководец 134–137, 143, 144, 165, 173, 185, 267, 292, 357

Чабаш, ясачный татарин 216, 227
Чагун, секретарь хунтайджи Цэван-Рабдана 358
Чагун Духаров, сын ойратского зайсана 333
Чадышай Саул, предводитель Кирпицкой волости 19
Чайлыш, ханский сын 91
Чап Шалов, теленгетский князь 97
Чарап Батырев, бухарец 349
Чепелев Иван Лукич, дьяк Сибирского приказа 99, 102–104, 321
Чередов Борис Александрович, тарский татарский голова 211, 212, 243, 244, 247, 264, 278
Чередов Василий Борисович, тарский сотник 133, 137, 175, 244
Чередов Иван Дмитриевич, тарский дворянин 93, 97, 100, 106, 107, 117, 123, 137, 138, 146, 161, 167, 184, 185, 244, 245, 247, 256–258, 284, 285, 293, 298, 299, 320, 328, 333, 335, 336, 352, 355, 357
Черемной Кузьма, житель Кузнецкого уезда 365
Черепанов Иван Леонтьевич, тобольский ямщик, автор летописи 134, 135, 141, 142
Черкасов Герасим, брат кузнецкого казака 254
Черкасов Дмитрий, тобольский сын боярский 27, 29
Черкасов Иван, кузнецкий казак 254
Черкасский Александр Бекович, князь, гвардии капитан 114, 157, 158, 302
Черкасский Алексей Михайлович, князь, губернатор Сибири 104, 185, 270, 271, 283, 321, 322, 330, 337, 361, 363, 366, 367, 368, 376
Черкасский Михаил Яковлевич, князь, тобольский воевода 104
Чернов Аника, тарский казак 24
Чернцов Фёдор, тобольский сын боярский 248
Черных Станислав Евгеньевич, историк-архивист 283, 307
Четь, «уматский» князь 21
Чечей Бедей, мундус 47
Чилгилы Байбохтин, барабинский татарин 74
Чинбиль (Бинбель), ойратский зайсан 91
Чингисхан, основатель единого монгольского государства 12, 14, 15, 109
Чичагов Пётр, геодезист 87, 152, 188, 258, 282, 283, 301–304, 307, 309, 313, 314, 316–318, 321, 338–342, 344–346, 348, 354
Чокур Убаши, калмыцкий тайша 35
Чулков Михаил Дмитриевич, издатель 125, 286, 288, 323
Чупин Наркиз Константинович, уральский историк 361, 366
Чюкреев Тимофей, томский житель 369

Шабалин Степан, кузнецкий служилый 226
Шадай (Шаадай), теленгетский князь 56, 58, 256
Шадибек (Женибек), хан 14
Шаим, царевич, сын Кучума 20
Шал Табунов, теленгетский князь 97, 256
Шаля Александр Сергеевич, краевед 11
Шамордин Аврам Григорьевич, гвардии поручик 270, 297, 322
Шангин Кондратий, кузнецкий канцелярист 260
Шара (Шарап), ойратский зайсан 356, 358
Шаров Дмитрий, красноярский казак, толмач 213
Шафрановский Константин Илларионович, сотрудник Библиотеки РАН 306
Шаховской Алексей, гвардии капитан-поручик 288, 289, 297, 304, 321, 322, 330, 339
Шашков Анатолий Тимофеевич, историк 94
Шеккула Ахматов, барабинский татарин 74
Шелегин (Шелягин) Иван, рудознатец 362
Шестаков Андрей Васильевич, историк 79
Шетилов (Шатилов) Василий, ученик геодезии 234–237
Шеховской Юрий Иванович, тарский воевода 28
Шибан, хан, внук Чингисхана 14
Шибаниды, ветвь чингизидов 14, 15
Шишкин Пётр, тобольский сын боярский 370
Шишков Василий Михайлович, геодезист 94, 190, 194, 264
Шишков Иван Иванович, геодезист 194
Шлёцер Христиан Август, профессор 17
Шуджаэддин Абдеррахман Эль-Харезми, толмач 14
Шуйский Василий Иванович, царь 23

Шулжевской Павел, тобольский конный казак 248
Шуну, сын хунтайджи Цэван-Рабдана 358
Шуну Дабада, сын хунтайджи Цэван-Рабдана 358

Щахама, сын тайши Манзу 210
Щербатов Иван Иванович, томский обер-комендант 194, 197, 198, 219
Щукин Анисим Яковлевич, обер-секретарь Сената 158

Элерт Александр Христианович, историк 6
Эрдени Батур-хунтайджи, ойратский правитель 64, 134
Эрдени Зоригту (Журыкты) *см.* Цэван-Рабдан
Эрке Торсохой (Тарсахой), ойратский посол 107, 123, 142, 292, 357
Этигер Тимофей Иванович, тобольский сын боярский 133, 175

Юматов Алексей, подьячий ратуши 318
Юрлев Третьяк, атаман 26
Юрьев Иван, кузнецкий служилый 43
Юсупов Григорий Дмитриевичё, гвардии майор, возглавлял одну из «розыскных майорских канцелярий» 269

Ягулда Сарчкамов, барабинский татарин 74
Языков Савва, кузнецкий воевода 44
Языков, унтер-лейтенант 160
Яицкий Григорий, тобольский сын боярский 48, 146, 161, 344
Яковлев Григорий, кузнецкий служилый 42
Яковлев Макар, кузнецкий подьячий 44
Якши Гулубулантеев, барабинский татарин 76
Якшуран Сугочаков (Ебалаков), барабинский татарин 75
Янби Елбаев, барабинский татарин 74
Янзукуй, «лучший человек» верхних мундусцев 34, 47
Янурас Аматов, барабинский татарин 75

Указатель географических названий

Абакан, река 33, 58, 78, 84, 88, 89, 92–94, 234, 238
Абаканский острог 93, 94, 102, 202, 203, 207, 277, 372
Аба-томак, деревня барабинских татар 75
Абери, землица *см.* Ибери
Абигон-гол, река 257
Абинская волость 32, 38, 40, 86
Абинские юрты 60
Абраев (Обраев), улус 41, 42,
Азия, регион 14, 184, 301, 302, 352
Азия Северная, регион 156
Азия Средняя, регион 114, 153, 158
Азия Центральная, регион 6, 11, 108, 114, 120, 150, 152, 156, 166, 201, 204, 271–273, 275, 304, 313, 316, 344
Азкиштымская (Ашкыштымцы), волость 33, 40, 42, 61, 292
Аир, река 62
Аксипова, деревня барабинских татар 76
Аксу (Аксут), город 108, 111, 119, 148, 313, 348, 349
Алак Тугун, озеро 272
Алаколь, озеро 272, 349
Аламбай, река 216
Алач (Алаш), протока Иртыша 311, 340
Алей (Ануй), река 61, 185, 216, 227, 250, 256, 257, 362, 363, 365, 369, 370, 371
Алейская степь 258
Алейские горы 362, 364, 365, 370
Алеметевы юрты 68
Алеус (Илеус), река 53
Алкабек, река 344
Алтай (Алтайские горы), горная страна 5, 12, 32–34, 41, 53, 56, 58, 87, 124, 127, 199, 204, 208, 233, 241, 257–259, 261–266, 284, 286–288, 302, 337, 340, 346, 351, 360–362, 364, 372–374, 376
Алтай Горный, регион 34
Алтай Монгольский, часть горной страны 336
Алтай Рудный, регион 241, 364, 365, 376, 378
Алтай Северный, регион 5, 12
Алтайский край 5, 8, 11, 189
Алтан-Гол (Голм), река 148, 149, 160, 164, 272, 274, 275
Алтын, озеро *см.* Телецкое озеро
Алтырское царство (Алтырцы), территория проживания 38, 56, 62, 86
Алтысарский улус 38, 41, 86, 89, 90
Альхабека, река 344
Америка, континент 301, 302
Амон, река *см.* Аму-Дарья
Амстердам, город 111, 154, 176, 181, 291
Аму-Дарья (Амон, Дарья), река 113, 114, 116, 119, 138, 157, 159, 161–164, 248, 249, 260, 273, 274, 278, 279, 286, 304, 314, 313, 345, 351, 353
Амур, река 234, 235
Англия, страна 111, 112, 120,
Анисимова, деревня 184, 185, 195, 196
Антроп, приток р. Кондома 60
Аральское море 114, 120, 159, 161, 163, 164, 220, 249, 260, 277, 281, 290, 313, 345, 353
Артон, река 60, 61
Архангельск, город 281
Астрахань, город 107, 114
Атаманова, деревня 188
Атмас (Большой Атмас), река 311
Ахматовская (Шоккулина), деревня барабинских татар 74
Ачаирка (Ачаир), протока Иртыша 18, 311
Ачимовская, деревня барабинских татар 74
Ачинская волость 38
Ашит (Ашитова), деревня барабинских татар 75
Ашкыштымцы, волость 61
Аялымская (Ялымская, Аялынская), волость 20, 66, 67, 69, 70, 75

Баадаева волость 60
Баган, река 67, 72, 298
Багор, правый приток р. Бия 62
Байбохтена, деревня барабинских татар 74
Байгилдеева (Байгина), деревня барабинских татар 76
Байгилдеева, деревня барабинских татар 75
Байкал, озеро 116, 147, 156, 199
Байконыс, посёлок 311
Байкотовцы, территория проживания 38
Бакисяковы юрты 68
Баккышины юрты 68
Бакланское озеро 311
Баклы-тура, укрепление *см.* Барабинский острог
Баланская волость 33, 34
Балхаш, озеро 313, 345, 348
Балыкс, левый приток р. Томь 60
Барабинская волость (Барабинские волости) 20, 24, 25, 28, 31, 38, 56, 65, 66–70, 73, 74, 106, 107, 117, 208, 298
Барабинская низменность 69
Барабинская степь (Бараба) 17, 18, 22, 24, 25, 27, 66, 68, 69, 71, 72, 184, 196, 204, 259, 284, 298, 336, 358
Барабинский острог 25, 27, 28, 30, 31, 66, 68, 70
Барабинское озеро 184
Барабинской волок 184
Барбарийский берег 302
Баркуль, город 335
Барнаул, город 5, 8, 34, 215, 223, 224
Барнаулка (Борноул, Бороноур), река 61, 256
Барнаульский, бор 265
Барсаяки, волость 60
Басагарская волость 38
Бачат, река 216, 219
Бачектаев, улус 41
Баянская, волость 38, 40, 86
Баян-Хара-Ула (Баин-хара-олы), хребет 149
Бегаз, река *см.* Бича
Бекбулатова, деревня барабинских татар 73
Белогорье, посёлок 311
Белоярск, посёлок 216
Белоярская, деревня 224
Белоярская крепость 214–226, 233, 250–253, 255, 257–259, 261, 264, 272, 275, 361, 363, 365, 373
Белоярская слобода 223
Белоярский «уезд», ведомство Белоярской крепости 369
Белые Воды, протока Иртыша 129, 130
Белый Июс, река 78, 85, 88, 89, 91, 94,
Белый Яр, местность 218, 221–223, 225, 232, 250

Бельтирская волость 38, 40, 86, 92
Бергамак, село 66
Бергамакская слобода 68–70
Бергомак, деревня барабинских татар 75
Бердский острог 187, 188, 192, 196–198, 215–220, 225–229, 232, 250, 252–254, 256, 260, 373
Бердь, река 37, 58, 61, 77, 184–189, 192, 194, 197, 198, 215, 225, 228, 265, 335, 336, 366, 372, 373, 378
Береговое, посёлок 311
Берёзов, город 64
Берёзовка, река 194
Бехтемир (Битемир), приток р. Бия 61, 62, 87, 218
Бечат, река 61
Бешка (Бека), река 248
Бикатунский острог, второй (Бийская крепость, 1718) 97, 98, 100, 218, 221, 252–255, 258, 260, 261, 372, 373
Бикатунский острог, первый (1709–1710) 96–101, 103, 105–107, 184, 185, 252, 372
Бирюзяахай, река 63
Бича, река 64, 65
Бия, река 5, 33–35, 37, 40, 44, 46, 51, 53, 56, 58, 61, 62, 77–79, 87, 89, 91, 94–104, 116, 117, 124, 139, 184, 185, 192, 197, 214–216, 218–221, 225, 228–232, 252–255, 260–262, 272, 275, 362, 372
Боланская земля 43
Болшой Енисейский (Саянский), речной порог 201, 205, 207, 213, 238, 261, 262, 264, 373
Большая Тебендя, село 64
Большая Тунгуска, река 69
Большая Черемшанка, река 220, 222, 223
Большая, деревня барабинских татар 75
Большереченский район Омской области 66
Большой Бачат, река 40
Бороздина, деревня 188
Борон-Норгун, камень 204, 208, 248, 259
Бороноур, река *см.* Барнаулка
Боротал, река 110, 111, 299
Боротальский камень, горы 210, 259
Бошубуксунова (Темшенякова), деревня барабинских татар 75
Будари, деревня 68
Бузас, река 61
Буйдалина, деревня барабинских татар 75
Буим, река 256
Буконь (Бекау), река 295, 311, 314
Булда, протока 311
Буржин, река 344
Бурла, река 72, 84, 298
Бурчун, река 286, 344
Бухара, город 113
Бухария Большая (Западный Туркестан), регион 108, 112, 119–121, 158, 345, 351
Бухария Малая (Восточный Туркестан), регион 11, 108–112, 116, 119, 120, 133, 134, 146, 148, 157, 268, 313, 316, 336, 345, 349, 350, 352, 374, 377, 378
Бухарское ханство 113
Бухтарма, река 218, 243, 249, 286, 287, 294, 296, 309, 310, 311, 314, 340
Бухтарминская крепость 287
Бухтарминское водохранилище 340
Бучкаковы, юрты 68
Буянова, деревня барабинских татар 75
Бызовка, река 66

Вагай, река 66
Варяжское, море *см.* Аральское
Васюган, река 50
Васюганские (Васюганье), болота 69, 72
Вах, река 50
Велижановский Елбан, мыс 220, 222–224
Великая Китайская стена (Калган) 149–153, 156, 160, 199, 345,
Верхний Тунус, деревня барабинских татар 75
Верхний Бурлук, река 366
Верхные Таганцы (Тагапцы), волость 61
Верхотомская волость 38, 40, 60, 86
Верхотомский острог 189, 372
Верхотурье, город 64
Волга, река 10, 49, 142
Восточно-Казахстанская область 265
Вузюково (Изюцкое), озеро 18
Вятская, провинция 301

Ганьчжоу, округ 153
Гималайские горы 108
Гоби, пустыня 110
Голландия, страна 49, 52, 111, 176, 204
Гурбанчар, река 248, 249, 293, 296, 311, 314, 313
Гуселетова, деревня 188

Даба (Доба), город 148, 150–152, 160, 162, 345, 352, 354
Дания, страна 127
Данциг, город 154
Датун, город 152
Даурия, регион 141
Демьянка, река 69
Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь), местность 14
Джарин-Нур (Цзярын-нор), озеро 149
Джида, река 234
Джунгарские Ворота, горный проход 257, 272, 349
Долон Катай, улус 63
Долонка, протока Иртыша 265
Долон-Карагай, местность 265
Долонская (Долон-Карагайская) крепость 265, 296, 313, 315, 343, 354, 376
Дон, река 10
Дуньхуан, округ 153
Дэлгэр-Мурен, река 233
Дюля, приток р. Обь 61
Евразия, континент 14
Евразия Северная, регион 199
Европа, часть света 120
Езерский (Езерцы), улус 38, 86, 89
Екатеринбург, город 8, 235, 361
Екатеринбурский дистрикт 338
Елбаева, деревня барабинских татар 74

Елейская волость 44, 60, 61
Елызакова, деревня барабинских татар 74
Ельцовская, деревня 188
Енисей, река 5, 19, 33, 35, 50, 53, 77, 78, 79, 84, 85, 88, 89, 91–94, 101, 106, 112, 139, 157, 193, 199, 201–203, 205–207, 210, 212, 213, 233, 234, 238, 247, 255, 261, 264, 272, 275, 344, 372, 373
– Верхний 203, 207, 212, 238, 271
– Средний 101, 372
Енисейск, город 322
Енисейская провинция 338
Енисейский острог 19
Енисейский уезд 322
Енокла, урочище 345
Ерба, река 89
Еремина, деревня 68
Еркеть (Иркеть), город *см.* Яркенд
Есаулка, приток р. Томь 60
Етиберская (Итиберская), волость 60, 79
Етиберцов, юрт 60
Еуштинцы, территория проживания 38

Железенская крепость 210, 240, 255, 270, 272, 275, 296, 308, 309, 312, 340, 341, 342, 351, 354, 373
Железенский Яр, урочище 240, 247
Железинка (Железенка), протока 240, 311
Железинка, посёлок 240, 311
Забайкалье, регион 193

Забийские, волости 86, 185
Зазыбаев улус 42
Зайсан (Зайсан-Нор), озеро 119, 133, 134, 143, 148, 156, 157, 161, 163, 164, 166, 175–182, 199, 204, 206, 210–212, 241–243, 245–249, 257–259, 265, 271, 272, 277, 278, 280–290, 293, 295, 297, 302, 303, 305, 307, 312–316, 319–325, 328–333, 335–340, 344, 345, 349–351, 353, 356, 360, 373, 374, 376
Заринск, город 216
Змеиногорск, город 5

Ибери (Абери), землица 43
Ибирь, область 14
Ига, река *см.* Эгийн-Гол
Идэр, река 233
Изерекова, деревня *см.* Саргулова
Изнерчева, волость 60
Изюцкое озеро 18
Ик, озеро 20
Ик-ир, деревня барабинских татар 76
Илек, река 14
Или, река 110, 111, 119, 127, 147, 164, 209, 259, 272, 314, 316, 335, 345, 348, 349, 355
Илимск, город 192, 202
Илимский уезд 235
Ильинское, село 252
Иман камень, горы 24
Имил, река *см.* Эмель
Индия, страна 112, 114, 120, 142, 157, 158, 302
Инцыские, юрты 68
Иня (Уень), река 37, 40, 56, 58, 59, 78, 80, 81, 85, 87, 89, 184, 185, 189, 192, 194, 197, 214, 335, 372
Иргеева, деревня барабинских татар 74
Иргиз-сувук, река 14
Иркут, река 201, 234, 235
Иркутск, город 157, 160, 199, 201, 202, 205, 210, 233, 234, 238, 247
Иркутская провинция 234, 235
Иркутский острог 201
Иркутский уезд 235, 261
Ирмень (Ормень), река 18, 20, 22
Иртыш, река 5, 8, 12, 15–19, 22, 23, 26–30, 64, 73, 81, 84, 105, 106, 124–127, 129–137, 139, 142–144, 146, 148, 154, 157–160, 165–169, 172, 173, 176–178, 180–182, 184, 185, 199, 204–206, 208–212, 233, 239–249, 255–259, 264, 266, 272, 278–280, 282–284, 286–288, 291–298, 300, 302–310, 314–317, 319, 320, 322–325, 331–333, 335–342, 344, 349–352, 354–357, 360, 372–374, 376–378
– Верхний, речной бассейн 243, 265, 287
Иртышско-Енисейское междуречье 11, 374
Исарский улус 89
Исеть, река 174
Искер (Кашлык, Сибирь), поселение 15–17
Искерское княжество 15
Иткурюковская, деревня барабинских татар 74
Их-Хоро-Гол, река 238
Ича, река 70
Ичав (чаинцы), волость 68, 70
Ичениская волость 67
Иша, река 40, 61, 62, 87
Ишим, город 361
Ишим, река 17, 64–66, 215, 311, 314, 361, 366
Ишимская степь 16
Ишимский уезд 184
Ишимской острог 65, 66, 69, 70, 296
Июс, река 93, 94
Каба (Кабан), река 286, 287, 295, 311–313, 340, 344, 345

Кавинская волость 61
Казанское ханство 13, 14, 15
Казань, город 13, 15, 181, 360
Казахстан, страна 7, 257, 265
Казачья Орда, государство казахов 50, 66, 94, 112, 113, 119, 121, 126, 127, 140, 148, 163, 174, 176, 180, 181, 206, 212, 245–248, 272, 279, 280, 337, 359
Казыр Тереня, правый приток р. Томь 60
Кайдамачь, река 60
Каинлу, волость 68, 70
Каинцы, волость 68, 70
Каирты, река 336
Какан, река 60
Калатуз, озеро *см.* Ямышево
Калбасунская Заостровка, протока Иртыша 244
Калбасунская крепость (зимовьё) 210, 244, 255, 259, 264, 271, 272, 275
Калбасунская мечеть (башня) 244
Калмаковы, юрты 68
Калманка (Кылмал), река 256

Калмыцкая землица 250, 251, 254, 261, 277
Калмыцкая степь 167, 199, 216, 227, 335
Калтаева, деревня барабинских татар 74
Кальжир, река 340, 345
Кама, река 142
Камга, река 87
Камгинский залив 262
Каменская, деревня 188
Каменский, завод 364, 371
Камешек, село 194
Камларская волость 38
Камчатка, полуостров 301
Камчатка, река 317
Камышлов, река 23–25, 67, 73, 167, 168, 311
Камышловский, город 168
Канава, речка 266
Канарийские острова 302
Кандарь, река 207, 213
Кан-Карагай, местность 163, 332
Канчи, река 298
Капчак-Дарья, река 149
Карабатцы, территория проживания 63
Карагай, местность 72
Карагалинцы, волость 68, 70
Караган, озеро *см.* Карган
Карагас (Каргас, Сосновый), остров на Енисее 93
Карагат, река *см.* Каргат
Кара-Иртыш (Хоре-Иртыш), река 344
Караканская, деревня 188
Каракундуслы, озеро 311
Карасук, река 64, 67, 72, 73, 298
Карасы, урочище 72
Караташ, река в бассейне Телецкого озера 62
Каратунь, протока 311
Караульный (Бельский) острог 91, 93–95, 372
Кара-Чумыш, река 61
Карашар (Чалыш), город 108, 148, 345, 349
Каргай, урочище 62
Карган, озеро 66, 67,
Каргат (Карагат), река 69–71, 73, 298
Каргинская волость 61, 79
Каргинская горная волость 61
Карла (Курля), город 148, 156, 273, 345
Карсагалы, приток р. Бия 61, 62
Карсагалы (Карсапалы), волость 6
Картан, река в бассейне Телецкого озера 62
Карчуган, река 194
Каря (Карея), город *см.* Керия
Касмала (Касмели), река 61
Каспийское море 51, 113, 114, 116, 156–158, 272, 304, 312, 345
Катунская волость 60
Катунь, река 5, 33–35, 40, 43–46, 50, 51, 53, 56, 58, 60–63, 79, 84, 85, 87, 92, 94–96, 99, 100, 104, 117, 124, 139, 184, 185, 192, 197, 214–216, 218–221, 225, 228–232, 252, 255, 262, 272, 275, 362, 372
Кау (Кауева), деревня барабинских татар 75
Каурдакский острог 64, 65, 69, 70, 72,
Каурдацкая волость (Каурдакские деревни) 20, 65, 66, 75, 76
Качинцы, территория проживания 38
Каш, река 345
Кашгар, город 108–110, 119, 313, 348
Кашлык, город *см.* Искер
Кеген (Геген), река 333, 335
Кембридж, город в США 56
Кемерово, город 364
Кемеровская область 194
Кенгир, река 209
Кергенев, улус 34
Кергешская (Тиргешская, Киргеши) волость 33, 34, 40, 41, 58, 62
Керетская волость 33, 40,
Керия, город 108, 119, 348, 349
Керсагальская волость 40, 79, 86
Кетешова, деревня барабинских татар 75
Кетский, острог 18, 19
Кеть, река 18, 50
Кизинская волость 61
Кизылская волость 38
Кийская волость 38
Кипчакская степь *см.* Дешт-и-Кипчак
Киргизская землица 41, 42, 89–94, 372
Киргизская степь 370
Кирпицкая волость 19
Китай Северный, регион 352
Китай, страна *см.* Цинская империя
Китайская Народная Республика (КНР), страна 109, 257, 335
Киченская земля 42
Кия, река 33, 89, 194
Клык, приток р. Бия 61
Кобда (Кобдо), река 53, 110
Когодеев улус 44
Кожбахтина, деревня барабинских татар 75
Кожух, река 369, 370
Коконур, озеро *см.* Кукунор
Колывано-Воскресенские заводы, горное ведомство 316
Колывано-Воскресенский завод 266
Колывань, посёлок 5
Комляшская волость 40, 45, 58, 62, 87
Комул, город *см.* Хами
Кондома, река 32–34, 43, 44, 56, 60, 77–81, 87, 89, 90, 372
Кондомские волости 34, 44
Копенгаген, город 111
Коргос, река *см.* Хоргос
Корейское море 199
Коркина слобода 215, 361, 362, 366
Корьяк, урочище 316
Коряков, яр (урочище) 165, 174
Косогол, озеро *см.* Хубсугул
Косогольский острог 11, 201, 233, 235, 238–240, 263, 264, 272, 275, 339, 373, 374
Коурчаки, волость 68, 70, 71
Кочеук, деревня барабинских татар 76
Коштак (Коштат), река 58
Кракомерчень, река 345
Красная, гора 364, 369
Красный Яр, деревня барабинских татар 74

Красноярск (Красный Яр), город (острог) 5, 19, 85, 89–94, 97, 102, 124, 139, 178, 202–207, 209, 210, 213, 235, 238, 247, 261, 277, 372
Красноярский край 203
Красноярский уезд 38, 90, 94, 235, 261, 372
Красный камень, урочище 298
Красный, яр в устье р. Преснухи 27, 29
Кривощёкова Большая, деревня 214, 215
Кривощёков завод *см.* Кривощёкова, деревня под Белоярском
Кривощёкова Малая, деревня 214
Кривощёкова, деревня под Белоярском 214–216, 218, 225, 226, 227, 228, 250
Кроншлот, форт 114
Кронштадт, порт 113, 114
Кроцея, река 149
Крым, полуостров 14
Кугутеева, деревня барабинских татар 74
Кузедеева волость 60
Кузедеева, река 60, 61
Кузенская волость 33, 40, 45
Кузнетеева волость 60
Кузнецк (Кузнецкий острог), город 19, 32–35, 37, 40–48, 56, 58, 60, 64, 72, 77–80, 84, 85, 87, 89, 92–104, 117, 124, 139, 178, 185–189, 192, 194–198, 203, 209, 214–220, 225–232, 247, 250, 252–254, 256, 258–260, 262, 356, 358, 361, 365, 372
Кузнецкий уезд 5, 33, 34, 36–38, 40, 41, 47, 49–51, 53–58, 60, 78–81, 84–90, 94–95, 100, 103, 106, 184–190, 192, 193–198, 204, 206, 214–216, 219, 225, 250–256, 260–263, 292, 293, 316, 338, 369, 372, 373
Кукунор (Коконур), озеро 9, 148–152, 156, 157, 160, 199, 201, 202, 205, 261, 271–276, 277, 373, 374
Кулебинская волость (Кулеба) 38, 67, 68, 69, 74
Култуцкий (Култукский) острог 159
Кулунда, река 258, 298
Кулундинская степь 18, 22, 72, 134, 258, 284
Куманда Нижняя, волость 44, 62, 86
Кумандинская (Верхняя) волость 33, 34, 38, 40, 44, 45, 58, 62, 79, 86
Кумнаши, волость 33, 41
Кунгуль, река 249
Кунгур, город 363, 364, 367–369
Кунь-Лунь, горная страна 108
Курля, город *см.* Карла
Курчак, озеро 69, 71
Курчум, река 242, 243, 246, 248, 295, 296, 311, 314, 340
Кутлубахтыева, деревня барабинских татар 76
Кутун, урочище 335, 355
Куча, город 108, 119, 349
Кызыл Карга, волость 61
Кызылсу, река 311
Кыит, река 91
Кыргыз белых и черных земля 56
Кыргызский, каганат 12
Кырмыр (Кырмыс), река в бассейне р. Мрассу 61
Кыштымская земля 56
Кюнес (Кинчи), река 345
Кяхтинский форпост 264

Лаилахан, река 53, 58
Латвия, страна 157
Лебедь, река 62, 262
Лена, река 139
Либава (совр. Лиепая), город 157
Лобнор, озеро 108, 156
Лондон, город 111, 112, 116
Лугуй, волость 38
Лхаса, город 134, 268, 335
Любай (Люба, Луба, Любарская), волость 19, 38, 65, 68, 74
Людимак (Ахманаева), деревня барабинских татар 76
Лянчжоу (Ленжа), округ (город) 152–154, 156, 161, 162
Ляпка Большая, река 194

Майдарова, деревня барабинских татар 74
Майма (Найма), река 62, 87
Максимова, деревня 361
Малая Азия, полуочтров 121
Малая Тунгуска, река 69
Малая Черемшанка, река 220–222
Малый Бачат, река 40
Мангазея, город 64
Маркаколь, озеро 345
Мереть, приток р. Иня 40, 80, 81, 215
Мереть, приток р. Обь 40
Мильтюшская, деревня 188
Монголия, страна 109, 153, 154, 201, 264, 336
Монгол-шибет, город 233
Морин, река 149, 164
Москва, город 13–15, 17–19, 21–25, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 43, 49–51, 93, 96, 104, 105, 122–125, 133, 139, 141, 142, 146, 149, 158, 161, 167, 174, 186, 192, 240, 260, 276, 283, 300, 303, 304, 321, 322, 331, 333, 339, 356, 357, 360–364, 366, 367, 370, 371, 378
Москва, река 142
Московско-Сибирский тракт 184
Моторы, территория проживания 38
Мочиха, река 224
Мрасские волости 45
Мрассу (Мраса), река 32, 33, 42, 56, 60, 61, 77–79, 81, 89, 91
Мумракова, деревня барабинских татар 74
Мунгальская земля 162
Мунгат, река 57, 58, 85, 88, 186, 194, 195, 198, 228, 364, 369
Мунгатский стан (острог) 186, 189, 214–217, 219, 220, 225, 228, 253, 373
Муромцевский район Омской области 66
Муромцова, деревня 68
Мусарт, горы 209, 259, 313, 349
Мутарская земля 42

Найма, река *см.* Майма
Наньшань, горный хребет 156
Нарва, город 111, 154,
Нарым (Нарын), река 242, 248, 249, 294–296, 311, 314, 340
Нарымский, острог 18, 19, 31
Нарымский, уезд 38
Неня (Нея), правый приток р. Бия 61, 62
Нерчинск, город 146, 159, 192, 234, 300, 301

Нижний Коурдак, деревня барабинских татар 76
Нижнетомские волости 40
Нижние Таганцы, волость 61
Нижний Аю, деревня барабинских татар 76
Нижний Бурлук, река 366
Нижняя Терсь, приток р. Томь 60
Нил, река 14
Ничка, река 344
Новгород, город 117, 303
Новоалтайск, город 220, 222
Новосибирск, город 18, 184, 214

Обраев, улус *см.* Абраев
Обросимова, деревня 68
Обско-Томское междуречье 79
Обь, река 9, 12, 15, 17, 19, 20, 34, 35, 40, 50, 56–58, 61, 78, 89, 101, 155, 157, 167, 184, 186, 188, 194, 199, 214, 216, 218–221, 225–228, 231, 232, 247, 250–252, 255–259, 261, 305, 344, 355, 361–365, 369–373
– Верхняя, бассейн реки 250, 346, 372
Обь-Енисейское междуречье 372
Обь-Иртышское междуречье (степь) 18, 22, 204, 255–258, 360, 372, 373, 377
– Верхнее 272, 365, 372, 376, 378
Огур, река 93
Одонь-тала, река 149
Ойратское (Джунгария, Зюнгария), государство 4, 9, 10, 22, 64, 72, 77, 81, 84, 91, 94, 110, 117, 122, 133, 137, 161, 167, 185, 189, 199, 206, 258, 267, 271, 335, 345
Ока, река 142
Олонецкие (Алонец), заводы 367
Омская крепость (город) 5, 133, 172, 174, 204, 206, 210, 240, 241, 246, 255, 270, 272, 275, 296, 322, 329, 340, 351, 352, 354, 364, 368, 369, 373, 376
Омская область 18
Омь, река 17, 18, 20, 23–25, 28, 30, 56, 66–70, 73, 77, 78, 84, 166–169, 171, 173, 174, 178, 182, 212, 241, 311, 314, 335, 340, 346, 351, 354, 355, 373, 376
Орин-Нур (Нгоринг-Ца), озеро 149
Орловское, озеро 311
Орь, река 14
Оша, река 65
Ошь-томак, деревня барабинских татар 76
Ошь-томак (второй), деревня барабинских татар 76
Ояш, река 72, 364, 369

Памир, горная страна 113
Париж, город 116, 155, 158,
Пекарский, остров 100
Пекин, город 336, 337
Пелым, город 64
Первый Аю, деревня барабинских татар 76
Поволжье, регион 13, 107
Подкаменный острог *см.* Саянский
Полтава, город 132
Поморье, регион 51
Порос, река 364, 369
Пресное, озеро 129, 142, 130, 340
Преснуха (Пресная), река 26, 130, 131, 142, 144, 241
Прибайкалье, регион 11, 233
Приенисейский край, регион 203
Прииртышье, регион 5, 9, 22, 320, 344, 352, 378
– Верхнее 5, 284, 312
– Нижнее, регион 14
– Среднее 5, 24, 25,
Приобье Верхнее, регион 5, 8, 9, 18, 24, 26, 51, 72, 81, 101, 184, 189, 215, 225, 251, 366, 373, 378
Приобье Томское, регион 363
Приобье, регион 72, 197, 265, 336
Притомье, регион 33, 186
Приуралье, регион 51,
Промышленная, река 53

Резина, деревня 68
Рига, город 154
Рождественский, монастырь 89
Россия (Московская Русь, Московское, Русское, Российское), государство 5, 6, 9–11, 13–15, 17, 18, 24, 27, 32, 33, 41, 49, 50, 52, 56, 77–81, 84, 85, 88, 91, 93, 94, 101, 105–108, 112, 116, 124, 133, 137, 138, 143, 153, 157, 158, 175, 181, 185, 199, 206, 208, 221, 222, 234, 235, 240, 251, 255, 258, 268, 269, 276, 291, 300–306, 320, 321, 335–337, 351, 352, 360–362, 365, 373, 376, 377
Рухлерь, деревня барабинских татар 75

Сабанчеевы юрты 68
Саболина, деревня барабинских татар 74
Сагайская волость 38, 40, 41, 86, 88, 92
Саинская волость 61
Саксония, страна 360
Салаир, горы 218
Самара, город 107
Санкт-Петербург, город 8, 51, 56, 105–107, 113, 119, 124, 129, 134, 135, 146, 148, 155, 158, 160–163, 174, 199, 205, 234, 240, 259, 268–270, 281, 284, 288, 290, 298, 300–304, 317, 320, 322, 323, 329, 333, 336–338, 353, 354, 360, 373, 377
Сарай, город 14
Саргатская волость (Саргач) 65, 69
Саргулова (Изерекова), деревня барабинских татар 74
Сартаул, деревня барабинских татар 76
Сартлан, озеро 66, 67, 69, 70, 73
Саручкамова, деревня барабинских татар 74
Сары Бекбулатова, деревня барабинских татар 73
Сары-Кокша, река 87
Сары-Чумыш, река 61
Саян Западный, часть горной страны 199
Саяно-Алтай, горная страна 5, 9, 12, 263, 264, 272, 275, 372
Саяногорск, город 238
Саянск, посёлок 238
Саянский (Подкаменный) острог 201, 238, 261, 262, 264, 271, 272, 275, 344, 373
Саянцы, волость 62
Саяны, горная страна 5, 34, 56, 92, 94, 199, 202–205, 207, 210, 212, 213, 234, 238, 261–264, 275, 276, 373, 374, 376
Свердловская область 11
Северный Ледовитый океан (Северное море) 14, 50–51, 116, 120, 24, 156, 271, 272

Сеиткулова, деревня барабинских татар 75
Селезневка, река 287
Селенга, река 157, 162, 164, 199, 201, 204, 206, 210, 233, 234, 247, 275, 373
Селенгинск, город 122, 146, 152, 154, 156, 159, 161, 162, 234
Селенгинский уезд 234, 235
Селим, город 108, 139, 148–152, 154, 156, 160–164, 349, 352, 354
Семей (Семипалатинск), город 5, 265
Семипалатная крепость 210, 244, 255, 259, 264, 265, 266, 271, 275, 283–289, 292, 293, 296, 297, 312–316, 319, 320, 324, 327, 329–331, 336, 340, 349, 351, 353, 356, 360, 373
Семь Палат, остатки ламаистского монастыря 244, 249, 264, 265, 293, 373
Сибирская земля *см.* Искерское княжество
Сибирское ханство (Сибирское царство) 13–15, 17, 18, 181, 288, 291
Сибирь, город *см.* Искер
Сибирь (Сибирская украина, Сибирская губерния) 14, 17, 19, 20, 22, 24, 25, 31, 35–37, 49, 84, 89, 93–95, 99, 102–106, 108, 116–118, 120, 124, 126, 132, 133, 137, 140, 142, 152, 158, 166, 172, 176, 174, 180, 182, 203, 206, 215, 222, 234, 255, 261, 268, 270–272, 275, 277, 278, 281–282, 289–305, 310, 311, 317, 320, 321, 324, 329, 335, 337, 338, 351, 353, 354, 357, 360, 361, 363, 364, 366–368, 370, 371, 376, 377
– Восточная 69, 192
– Западная 5, 6, 8, 10–13, 18, 32, 38, 50, 72, 77–81, 83, 94, 105, 116, 152, 166, 222, 255, 287, 288, 300, 302, 304, 338, 344, 352, 364, 372
– Южная 14, 91, 222
Силичева гора 224
Сингашевы юрты 68
Синин, город 149–152, 156
Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР 108, 335
Соли-Камская провинция 270
Соляное озеро 311
Сосновский острог 372
Сосьва, река 50
Стамбул, город 14
Старая Крепость, посёлок 265
Старая Обь, протока 220
Старый Иртыш, протока 266, 311, 327
Степные волости 38, 40, 86
Стокгольм, город 149, 377
Суенга, река 194
Сулбаева, деревня барабинских татар 74
Супринское озеро 311
Сургут, город 18, 19, 20, 64
Сучжоу (Цзюцюань), округ (город) 108, 152–154
Сыр-Дарья, река 14, 142, 157, 158, 345, 351
Сычкаковы юрты 68

Табуновы Белые калмыки, территория проживания 61
Тава, волость 65, 66, 70, 76
Таваотузская (Отуз), волость 65, 66, 70, 76
Тавгучей, река 311
Таволган (Чернолесье), местность 58
Тагапская волость 33, 40, 58, 61
Таз, река 14
Тазаши, волость 61
Тайдон (Тоидан), приток р. Томь 60
Тайменка, река 369
Такитологой, горы 210, 258, 259
Такла-Макан, пустыня 108
Такмык, посёлок 18, 66, 68, 178
Такмыкская слобода 66, 68–70, 73, 126, 139, 141, 165, 178
Талкинский камень, горы 209, 257
Танаево озеро 194
Тангутская земля 149
Тандов, озеро 70
Тара, город 17–28, 30, 31, 64–67, 69, 72, 93, 107, 117, 125, 128, 138–140, 146, 159, 162, 165, 168, 169, 172, 178, 184, 208, 210, 240, 244, 247, 249, 259, 272, 275, 280, 284, 292, 296, 298, 322, 324, 331, 340, 372
Тара, река 17, 20, 24, 25, 28, 31, 66, 125, 165
Тарбагатай, горный хребет 257, 258
Таржа, левый приток р. Катунь 62
Тарим (Тарым), река 108, 148, 156, 164, 273, 274
Тарский уезд 24, 25, 27, 31, 38, 64–66, 69–73, 81, 84, 126, 165, 167, 169, 172, 178, 179, 184, 206, 212, 240, 244, 373
Тарсьма (Тарсма, Тарспа), река 87, 189, 192, 194, 197
Тартас, река 53, 66, 67, 70, 73, 77
Тар-томак, деревня барабинских татар 75
Татмыцкая слобода *см.* Такмыкская
Тау-телеуты, территория проживания 62, 86
Ташь-еткел (Ташьеткова), деревня барабинских татар 76
Ташкичаков юрт 68
Тебендинский острог 64–66, 69, 70
Тебендя, волость 66, 69, 70
Тебендя, деревня барабинских татар 76
Текес, река 119, 313, 316, 335, 349, 355
Телбес, река 60
Теленгеты (белые калмыки), территория проживания 38, 56
Телень орда, территория проживания 62
Телеская (Тележская) земля, волость 33, 41, 62, 86
Телеутская землица 58, 61, 89, 101, 185, 186, 215, 372, 373
Телеуты подгородные ясашные, территория проживания 60
Телеуты ускатские (белые калмыки), территория проживания 38, 40, 86
Телецкое (Алтын), озеро 33, 34, 35, 40, 45, 46, 56, 58, 61, 62, 79, 81, 84, 87, 88, 192, 197, 201, 206, 220, 225, 229, 252, 262, 263, 272, 275, 372–374
Темерчинцы, территория проживания 38
Тепкешова, деревня барабинских татар 76
Теренинская волость (Тереня) 24, 38, 56, 65, 66–68, 70, 73
Тересун, правый приток р. Томь 60
Тешь, река 60
Тибет, регион 9, 11, 134, 267, 335, 352
Тиргешская волость (Тирхеши) *см.* Кергешская
Тиханова, деревня 68
Тихий океан 49
Тобол, река 15–20
Тобольск, город 17, 19, 23, 27, 28, 31, 33, 47, 49–53, 56, 64–66, 69, 96, 97, 101, 104–108, 110–114, 116–120, 122–127, 133–137, 139–142, 146, 148, 149, 154–156, 159–166, 172–177,

179, 182, 183, 185, 189, 193, 195, 202–212, 215, 218, 225, 232, 234, 239–243, 245–248, 250, 252, 253, 257, 259, 261, 265, 268, 269, 272, 278, 280, 282–284, 287, 289, 292, 293, 296–301, 303, 304, 306–310, 311–314, 319–325, 329–334, 337–341, 344, 345, 349, 351–354, 356–364, 366, 368, 369, 371–376
Тобольская провинция (губерния) 338, 369
Тобольский уезд 64–66, 72
Тогашевы, юрты 68
Тогул, река 61, 87,
Тогульская волость 33, 40, 42, 58, 61, 87
Тогуская волость 33, 43,
Тола, река 235
Толоконные горы 29
Толубаевская, деревня барабинских татар
Томск, город 18, 19, 20, 25, 31, 32, 35, 41, 47, 51, 56, 59, 64, 72, 87, 89, 90, 93–95, 97, 102, 103, 110, 121, 124, 139, 157–160, 165, 178, 184, 186, 187, 189, 192, 193, 195–199, 204, 209, 214, 215, 362–364, 366–372
Томские заводы, горно-металлургические предприятия 364
Томские урочища, места в Томском уезде 362, 366
Томский, уезд 38, 51, 53, 56–59, 70, 72, 85, 87–90, 93, 94, 184–190, 193, 194, 197, 206, 214, 215, 225, 262, 263, 361–366, 368, 369, 370–373, 376
Томь, река 5, 18–20, 32, 33, 40, 50, 53, 56, 60, 79, 81, 88, 89, 185, 186, 189, 190, 192, 194, 195, 197, 219, 220, 346, 362, 363, 372, 373
Томь Верхняя (Верхнее Притомье), речной бассейн 19, 21, 32, 33
Тохмесна, река 233, 235
Тубалары, территория проживания 38, 40, 86
Тубинская земля (тубинцы), территория проживания 38, 42
Тува, республика 12, 34
Туй, река 64, 65
Тукулеская волость 66
Тулинская, деревня 188
Тунка, река 233, 264
Тункинский, острог 201, 233, 235
Тунусская волость 65, 68, 69, 70, 75
Туранская (Турасийская), волость 61, 67
Туранское царство, страна 14
Турашская волость 19, 38, 65–70, 74
Туринск, город 64
Туркестан, регион 108
– Восточный *см.* Малая Бухария
– Западный *см.* Большая Бухария
Турфан, город 108, 110, 112, 116, 119, 148, 152–154, 156, 162–164, 248, 249, 260, 271, 272, 274, 313, 335, 336, 345, 348, 349
Тутуяс, приток р. Мрассу 60
Тюлюберская волость 38, 40, 60, 86
Тюменская область 8, 361
Тюменское ханство 15, 16
Тюмень, город 8, 14, 15, 16, 47, 64, 241
Тюсмень, озеро 70
Тянь-Шань, горная страна 108, 113

Уба (Убинское, Уб), озеро 19, 20, 25, 27, 66, 67, 70, 196
Уба, река 287, 288, 294, 296, 297, 304, 311, 314–316, 340
Убинская крепость 271, 284, 286–288, 294, 296, 298, 299, 314, 316, 329, 342, 351, 353, 376
Убсу-Нур, озеро 81, 84
Увэй, округ 153, 154
Углич, город 94
Угуй, волость 68, 70
Угуй, озеро 67, 69
Уень, река *см.* Иня
Узбеково царство, страна 14
Уй, река 64, 66, 69
Уй-томак, деревня барабинских татар 75
Уктусский, завод 360, 368
Улубуренева, деревня барабинских татар 76
Ульба, река 209, 287, 304, 311, 314, 329, 340, 344
Умрева, река 192
Умревинская слобода 192
Умревинский острог 192, 372
Унга, река 189, 192, 197
Унга Северная, река 194
Ура, река *см.* Ур-Гол
Уральские (Урал), горы 10, 13–17, 116, 199, 272, 300, 301, 360, 361, 364
Урга, ставка ойратского жунтайджи 11, 91, 106, 107, 111, 117, 119, 123, 126, 133, 138, 146–149, 154, 156, 160–164, 181, 201, 204, 208, 209, 248, 256–259, 264, 271–274, 284, 285, 298, 299, 333, 335, 336, 349, 352, 355, 356, 358, 359
Ур-Гол (Ура, Ума), река 233, 235, 237
Урлоковский камень, горы 194
Уртам, река 192
Уртамская слобода 68
Уртамский острог 53, 78, 184, 192, 372
Урумчи, город 335
Урюп, река 89, 93
Уса, приток р. Мрассу 60
Ускат, река 37, 40
Усмар, курья 222
Усольская провинция 301
Усть-Бухтарминский редут 287
Усть-Ишимский район Омской области 64
Усть-Каменогорск, город 8
Усть-Каменогорская (Устькаменная), крепость 91, 175, 240, 266, 287, 304, 309, 327, 329, 332, 337, 340, 344, 350, 351, 353, 374, 375
Усть-Тарский юрт 68
Учерлаки, озеро 311
Ушайка, река 362

Франция, страна 129, 155, 305, 386

Хабар-Асу, перевал *см.* Хамардабан
Хабок, река 345
Хайдык-Гол (Хайду), река 156, 273
Хакасия, республика 101
Халха, регион 77, 91, 110, 152, 235, 336
Хамардабан (Хабар-Асу), перевал 209, 210, 257, 259, 284, 298
Хами (Комул), город 108, 110, 119, 134, 148,153, 267, 268, 345
Ханх-Гол (Ханга), река 235, 238
Хара-Эрчис-Хэ, река 336

Хардибу, река 344
Харкира, река 209
Хатайские земли (Хатай), регион 14
Хатунь, город 348
Хатунь-Гол, река 149
Хвалынское озеро 311
Хемчик, река 35, 77, 201, 203, 205, 264
Хива, город 113, 114, 157, 158, 313
Хождари, юрт 68
Хо-Иртыш (Хон-Иртыш), река 344
Хонохай (Конохой), река 335, 355
Хоргос (Коргос), река 209, 257
Хорезм, город 14
Хотан, город 108, 119, 313, 348, 349
Хотан (Хотень), река 348, 349
Хуанхэ, река 149, 153, 201, 272, 275, 373, 374
Хубсугул (Косогол), озеро 11, 199, 201, 202, 204, 210, 233–235, 238, 247, 261, 264, 275–277

Царицын, город 107
Цзюцюань (Сучжоу), округ (город) 108, 152–154
Цзяюйгуан, застава 152, 153, 345
Цинская (Цинский Китай), империя 10, 14, 28, 51, 66, 91, 108, 112, 116, 120, 146–149, 152–159, 161, 163, 184, 199, 206, 234–238, 264, 268, 270, 275, 276, 301, 311, 313, 332, 336, 337, 344, 345, 352, 355, 376
Цинхай, провинция КНР 149

Чаган, посёлок 311
Чаны, озеро 17, 18, 23, 25, 27, 28, 56, 66, 67, 69, 70, 72, 73,
Чар, река 258, 311
Чарас, река в бассейне р. Катунь 63
Чарыш (Чарас), река 61–63, 185, 208, 256–258, 363, 369
Чатский городок, поселение 79, 84, 85
Чаты, территория проживания 38
Чаус, река 184, 195
Чаусский острог 79, 84, 184, 186, 187, 189, 195, 214, 225, 226, 361, 362, 364, 365, 368–373
Челиш, город *см.* Карашар
Челканцы, территория проживания 38, 40, 86
Чемровка, река 362
Чемры, местность 361, 365
Чеплерева, деревня барабинских татар 75
Чепляковы, юрты 68
Черемшанка, река 216, 222
Черлак, посёлок 311
Чёрная, правый приток р. Томь 60
Чёрная, река бассейна Иртыша 60, 311, 340
Чёрная, река в бассейне Телецкого озера 62
Чернолуцкая слобода 210, 340
Чёрные воды, протока Иртыша 19–20
Чёрный Иртыш, река 281, 284–287, 293, 303, 304, 306, 310–316, 323, 325, 328, 329, 331, 336, 337, 340, 343, 344, 352
Чёрный Июс, река 81, 85, 88, 89, 93, 94, 194
Чёрный, мыс 167, 355
Чёрный, остров на Иртыше 18
Чертанлы, волость 68–70
Чесноковка, правый приток р. Томь 60
Чесноковка, правый приток р. Обь 216, 221, 222
Четь, река 21
Чжанъе, округ 153
Чиган Аман, река 311
Чигатцы, территория проживания 43
Чик, река 72
Чикма, река 161, 162, 164, 248, 249, 260, 348
Чимги-Тура (Чингиден), город 15, 16
Чингашевы юрты, поселение 68
Чиркасовы юрты, поселение 68
Чичакова, деревня барабинских татар 75
Чой, волость 38, 65, 68, 69, 70, 74
Чок, деревня барабинских татар 75
Чулым, река в Барабинской степи 67, 69, 72, 298
Чулым, река в бассейне Оби 18, 33, 50, 78, 79, 88, 89, 93, 94,
Чулышман, река 33, 62, 87, 89, 262
Чумыш, река 33, 34, 37, 40, 56, 58, 77–80, 84, 85, 87, 184, 185, 187, 188, 192, 194, 196–199, 216, 218, 220, 224, 227, 241, 256–259, 261–265, 286, 288, 292, 329, 337, 340, 350, 351, 364, 372–374
Чумышские волости 292
Чурабарская волость 38
Чусовая, река 142
Чуя (Чюя), река 62, 63
Чюи, озеро 345, 348

Шаган Бутавлы (Шагай Бутаюлы, Шихай-Буталы), река 240, 311, 312, 340
Шаган, река 311
Шадаевы Белые калмыки, территория проживания 61
Шалкалы (Шелкальская, Щелкалы), волость 33, 40, 41, 45, 58, 62, 79
Шанахай, застава на Великой Китайской стене 153
Шаражматулы, территория проживания 62
Шарын, река 335
Шегарка (Шагар), река 364, 369
Шегарская волость 38
Шипицына слобода 210
Шиш, река 64–66
Шолмон, река *см.* Чулым в Барабинской степи
Шорская волость (Шоры) 38, 40, 60, 61, 86
Шульба (Шилба), река 249, 288, 294, 296, 311, 312
Шусская волость 38

Эби-Нур, озеро 272
Эгийн-Гол (Ига), река 201, 233, 237
Эмба, река 10
Эмель (Эмиль, Имил), река 111, 134, 143, 210, 257, 259, 299
Эркень (Эркет), город *см.* Яркенд
Эркень, река *см.* Яркен-Дарья

Югорские земли, регион 14
Югорский Шар, пролив 14
Юдина, деревня 222
Южская волость 40
Юс-сагайская волость (Юссагаи) 40, 60

Яик (совр. Урал), река 10, 14, 158
Яйлю, посёлок 87

Яиртыш, волость 65, 69, 70, 76
Якутск, город 124, 192, 234, 300, 301
Ялымская (Ялынская) волость *см.* Аялымская
Ямышевская крепость 26, 124–127, 132–137, 141, 143, 157, 165–167, 176, 178, 179, 181, 182, 202, 204, 205, 208, 210–212, 240–246, 248, 249, 255, 259, 265, 278, 279, 281, 284, 286, 290, 292, 293, 296, 304–306, 312, 316, 319, 322, 324, 331, 339, 351, 352, 354, 361, 373, 374
Ямышевское (Ямыш, Ямышево), озеро 17, 18, 22–29, 31, 66, 67, 116–119, 122–124, 126–128, 130, 131, 133–135, 138, 139, 140, 141, 142, 162, 164–166, 173–177, 180, 182, 203, 204, 205, 208, 210–212, 220, 225, 231, 240, 241, 243, 246, 248, 249, 280, 284, 286, 288, 292, 293, 311–313, 321, 324, 333, 336, 337, 349, 350, 356, 357
Ян-Иртыш, озеро 69
Яринцы, территория проживания 38
Яркенд (Еркеть, Иркет, Эркет, совр. Шачэ), город 108–119, 122, 124, 126, 127, 133, 136, 137, 146, 148, 154, 157–159, 180–182, 199, 248, 271–274, 277–279, 281, 290, 302, 304, 313, 320, 321, 328, 330, 332, 338, 345, 348, 349, 351–353, 360, 373–377
Яркен-Дарья (Эркен-Дарья), река 113, 117, 119, 133, 137, 157, 164, 274, 277, 290, 313, 349
Яркендское ханство 109–111, 348
Ячинская волость 38
Яя, река 89

Summary

One of the main research purposes of this book, is to acquaint scholars with an significant array of previously unreleased archival records. This book contains in all about 150 text and graphic documents — it's this why the co-authors considered fair to give it a subtitle "documentary monograph".

When referring to unreleased data, the co-authors tried to identify modern archival details of every document and if possible, to get acquainted with the manuscript version of text by checking its publication if any. Such research technique is very complicated for periphery researchers, but allows to adhere strictly to the text of source and avoid archaeographic errors of precursors.

This research is based on manuscripts of XVII — the first quarter of XVIII, never published before, which are storage now in the main capital archives. The bulk of them was found in Russian state archive of ancient documents (Moscow). This collection is complemented by personal data of G. F. Miller from St Petersburg branch of the Russian academy of sciences archive, where are storage "copied books" with records from Siberian archives, copied by this historian during his journey 1733–1743.

Certain themes have been clarified by references to Russian state historical archive and Russian state archive of the Navy (St Petersburg), State archive of Sverdlovsk province (Ekaterinburg), State archive of Tyumen province (Tyumen), State archive of Altai province (Barnaul) and State archive of East-Kazakhstan province, Republic of Kazakhstan (Ust-Kamenogorsk).

Declared topic assumed the maximum use of cartographic data of time frame under investigation. Special work was held for the study of cartographic collections and search of handwritten maps of the first quarter of XVIII. As a result several drawings of Peter the Great times, unknown for scholars, were identified, including those on 1719, associated with earliest geodetic survey in Western Siberia.

The next distinctive feature of the book is publication of maps, drawn by the authors themselves specifically for this publication. Drawn on modern topographic basis, these maps are presenting spatially-geographic dimension of historical events covered in the book.

When outlining the events, authors tried strictly follow chronology, which reflected in composition of the monograph. Documentary appendixes are listed at the end of each chapter in chronological order.

Conquest and colonization of Ob and Irtysh upper approaches was featured by multi-dimensional complexities, still posing problems for scholars. One of them is a question about geography of settlement of taxable nations in Upper Ob basin. Mountaineers of Sayan-Altai, inhabiting border areas, as a rule, paid tribute to several rulers, each of them considered them as his subjects. This very fact is constraining spatial localization of influence of the Siberian administration in this region and makes impossible reconstruction of boundary as a single line on the map. This book is seeking to highlight a complicate picture of delineating spheres of influence between two bordering states — Russia and Oyratia.

At the passage of relationship of two above-mentioned states uncertainty of their common border unavoidably lead to disputes with regard of their subjects and sovereignty of inhabitants. Territorial disputes seriously deteriorated in the first quarter of XVIII, when Siberian administration led by governor Matvei Gagarin, activated the construction of Russian fortresses on the lands, which Oyrats considered as their own. As a consequence, Russian-Oyrat diplomatic contacts were intensified in second decade of XVIII. This book pays considerable attention to ambassadorial ties of two states in 1713–1721.

Russia's relations with her southern neighbor in Western Siberia are discussed in context of changes of the whole foreign policy alignment in Central Asia. Decisions taken in Urga, were heavily determined by the state of Oyrat-Chinese relations, the events in Tibet and Eastern Turkistan, course of confrontation with the Kazakhs. Russia also took into account attitudes of countries, bordering possession of Oyrat Khong Tayiji.

The investigation of geopolitical scheme of the first Siberian governor M. P. Gagarin, approved by Tsar in early 1716, demanded bringing and study of data about formation of state border in Baikal approaches. Among all, here is summarized fragmentary information about Kosoghol burg on Khövsgöl lake — one of less explored in this segment of border.

In more detail is reconstructed the history of Russian military expeditions to the Irtysh approaches in 1714–1720, which led to significant change of ethno-political situation in south of Western Siberia. On the basis of large array of different sourc-

es it's proven for the first time that the campaigns for "sand gold" actually reflected strategic designs of Russian kingdom.

Detailed documentary-chronological analysis, undertaken here, suggests that military penetration up on the Irtysh in time under consideration may be divided into three periods, each with different incoming motives and final goals, although the main vector of movement was the same. The direction of move by I. D. Buholts in 1714–1716, P. S. Stupin in 1717–1718 and I. M. Likharev in 1719–1720 was similar, but final goals of their military advances on Irtysh left significantly different.

In 1715 lt.-col. Ivan Buholts planned to reach lake Zaisan, then to turn southwards, to Eastern Turkistan. He was ordered by Peter the First to take Yarkand and places of production of golden sand.

In Jan 1716 Peter the First had got information, that in Yarkand area there is no gold production. Since this time the main goal of Russian politics was to come to places of the Chinese golden sand in lake Kokonor area and on upper reaches of Yellow River. In 1716–1718 the advancement to Zaisan went in context of general scheme of reaching the origins of Siberian rivers and "out of the Stone". Then not remembered about "town Erketi" and "Bokharan golden sand".

The return of Russian monarch to Yarkand gold, was probably connected with the start of trial about Gagarin's crimes in Jan 1719 and surrender of Jamyshev fortress by Buholts. It was member of "searching cancery" Ivan Likharev, assigned by Tsar to investigate the issue of Bokharan gold: "whether it's of genuine value". Together with this Likharev was ordered to reach Zaisan lake, but troops should not move neither to Yarkand, nor Kokonor.

In 1721, after receipt of the detailed information from Likharev about Bokharan golden sand and possible ways to Yarkand, Russian Tsar finally rejected an idea of conquering Oyrat gold fields. Peter the First returned to the idea about "conquest" of the Chinese gold trades. He assigned the Senate by his decree to organize intelligence under guise of trade with China, "for learning about gold" and on the basis of collected data, "whether it's possible reach these places and conquer them, even though with difficulties". This order already related to the Chinese empire, and not the state of nomadic Oyrats. This decree of 1721 is illuminating brightly adventuress of Peter the First in setting foreign policy goals.

New Siberian governor prince Alexei Cherkasskiy also failed to comply with this decree – from suggested five he ordered to demolish only two fortresses of secondary meaning – Dolonskaya and Ubinskaya. In fact all fortification line across Irtysh, from Om rive to Altai, was maintained.

For our point of view, this means that from M. P. Gagarin term Siberian administration changed its mind about role of territorial conquest. If in XVII and early XVIII the chief landmark for local authorities was "ruler's profit", counted primarily by amount and value of collected tribute, so in second decade of XVIII in parallel with tribute interest new geopolitical landmark is coming into existence. No people, but territories are being on demand.

"Ruler's profit" in 1710m mwas considered in different way – possibly, changes were taken place in psychology of Siberian administration. The first Siberian governor Matvei Gagarin year after year defended new territorial claims in the upper reaches of the Siberian rivers, although the prospects of collecting tribute from these territories were not substantial.

In correspondence with Oyrat ruler there was repeatedly pointed out, that the main goal of military campaign across Irtysh is a search of ores. Certainly, in 1715 such interpretation diplomatically covered real aims of Buholts expedition, but persistent movement to upper reaches of Irtysh led Russian military expeditions to mountains of Ores Altai. This created prerequisites for the rapid discovery of rich deposits of polymetallic ores. In spring 1720 Moscow first smelted copper from the Altai samples that determined the direction of further development of the region in XVIII.

Reviews and feedbacks, as well orders for this book should be sent on the following address:
borodaev@uni-altai.ru

Contents

Introduction 5

Chapter 1
The emergence of the Russian administration in the basin of the Middle Irtysh and Upper Ob (late XVI – early XVII) 12

Chapter 2
Projects of construction Russian forts at the mouth Om, Barabinsk steppe, and Yamyshevsk lake (the first third of XVII) 22

Chapter 3
Foundation of the Kuznetsk burg and the beginning of the inclusion of the Altai people in the Russian state (1618–1690s) 32

Chapter 4
Turkic population of Kuznetsk district on the maps from atlases of S. U. Remezov (late XVII) 49

Chapter 5
Turkic population of Tara district on the maps from atlases of S. U. Remezov (late XVII) 64

Chapter 6
Southern frontiers of Russia in XVII and Irtysh-Yenisei interfluve on historical maps of XX–XXI 77

Chapter 7
The start of construction of burgs on the lands of tributaries of Khong Tayiji (first decade of XVIII) 89

Chapter 8
The first Siberian governor and change of Russian policy on southern frontiers of Western Siberia (1711 – spring 1714) 105

Chapter 9
Military campaign on the Yamyshevsk lake (May 1714 – February 1716) 122

Chapter 10
Under the guise of "marketeer": a trip of Fedor Trushnikov for eastern gold (1713 – early 1716) 146

Chapter 11
Buholts and the Siberians: surrender and restoration of Yamyshevsk fortress (February 1716 – March 1717) 165

Chapter 12
Demarcation of the Ob river area lands in Tomsk and Kuznetsk districts (1711 – April 1717) 184

Chapter 13
To the southern mountains, where gold digging (January 1716 – June 1717) 199

Chapter 14
The construction of Beloyarsk fortress (March – July 1717) 214

Chapter 15
Up on Selenga, Yenisei, Irtysh (June – December 1717) 233

Chapter 16
The formation of the Russian border on Upper Ob (July 1717 – Summer 1718) 250

Chapter 17
The southern mountains and Tsar's wrath: collapse of Matvei Gagarin's plan (1718 – January 1719) 261

Chapter 18
Expedition to the Black Irtysh (January – November 1719) 281

Chapter 19
The start of Russian geodesic surveyors in Western Siberia
(February 1719 – February 1720) 300

Chapter 20
"Zaisan campaign" of Ivan Likharev (September 1719 – October 1720) 319

Chapter 21
The results of guards major Likharev's activities in Siberia
(November 1720 – January 1721) 335

Chapter 22
Russian discovery of copper ores deposits in Altai (1717–1720) 360

Conclusion 372

List of archival holdings mentioned in the references 379

List of documents 380

List of illustrations indicating their sources 385

Index of personal names 391

Index of geographical names 400

Summary 410

Оглавление

Введение 5

Глава 1
Появление русской администрации в бассейне Среднего Иртыша и Верхней Оби (конец XVI – начало XVII века) 12

Глава 2
Проекты сооружения русских крепостей на устье Оми, в Барабинской степи и на Ямышевском озере (первая треть XVII века) 22

Глава 3
Основание Кузнецкого острога и начало включения народов Алтая в состав Российского государства (1618–1690-е годы) 32

Глава 4
Тюркское население Кузнецкого уезда на картах из атласов С. У. Ремезова (конец XVII века) 49

Глава 5
Тюркское население Тарского уезда на картах из атласов С. У. Ремезова (конец XVII века) 64

Глава 6
Южные рубежи России XVII века в Иртышско-Енисейском междуречье на исторических картах XX–XXI вв.. 77

Глава 7
Начало строительства российских острогов на землях данников ойратского хунтайджи (первое десятилетие XVIII века) 89

Глава 8
Первый сибирский губернатор и изменение политики России на южных рубежах Западной Сибири (1711 – весна 1714 года) 105

Глава 9
Военный поход на Ямышевское озеро (май 1714 – февраль 1716 года). 122

Глава 10
Под видом «купчины»: поездка Фёдора Трушникова за восточным золотом (1713 – начало 1716 года) 146

Глава 11
Бухолц и сибиряки: сдача и восстановление Ямышевской крепости (февраль 1716 – март 1717 года) 165

Глава 12
Размежевание приобских земель Томского и Кузнецкого уездов (1711 – апрель 1717 года) 184

Глава 13
К южным горам, где золото копают (январь 1716 – июнь 1717) 199

Глава 14
Возведение Белоярской крепости (март – июль 1717 года). 214

Глава 15
Вверх по Селенге, Енисею, Иртышу (июнь – декабрь 1717 года) 233

Глава 16
Формирование российской границы по Верхней Оби (июль 1717 – лето 1718 года) 250

Глава 17
Южные горы и царский гнев: крушение плана Матвея Гагарина (1718 – январь 1719 года) 261

Глава 18
Экспедиция на Чёрный Иртыш (январь – ноябрь 1719 года) 281

Глава 19
Начало российских геодезических съёмок в Западной Сибири
(февраль 1719 – февраль 1720 года) 300

Глава 20
«Зайсанский поход» Ивана Лихарева (сентябрь 1719 – октябрь 1720 года) 319

Глава 21
Итоги деятельности гвардии майора Лихарева в Сибири
(ноябрь 1720 – январь 1721 года). 335

Глава 22
Российское открытие месторождений медных руд на Алтае (1717–1720 годы) 360

Заключение. 372

Список архивных фондов, указанных в ссылках 379

Список документов. 380

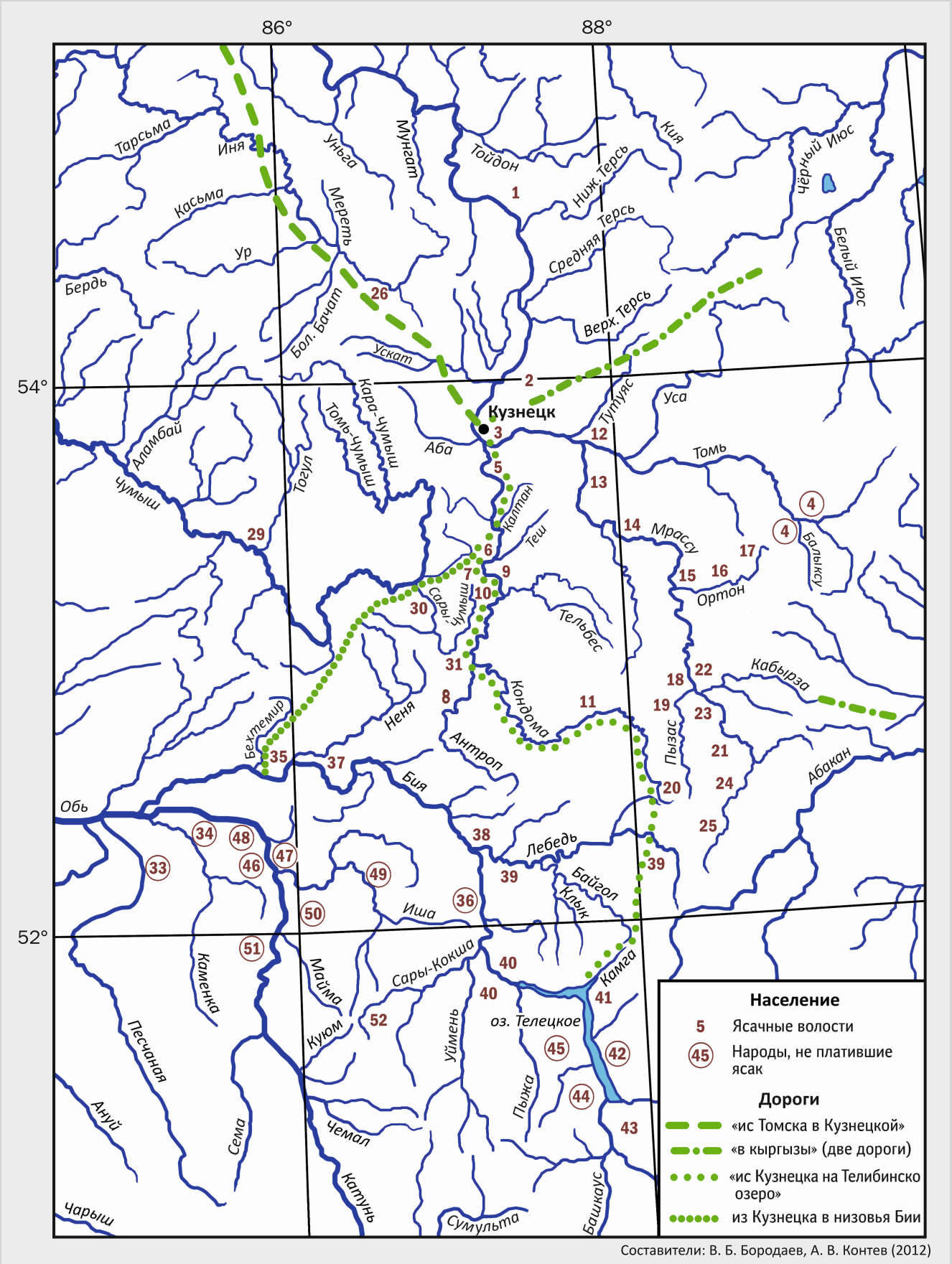
Список иллюстраций с указанием источников 385

Указатель личных имён 391

Указатель географических названий. 400

Summary 410

Contents. 412



Составители: В. Б. Бородаев, А. В. Контев (2012)

Ил. 1. Карта расположения ясачных волостей и основных дорог Кузнецкого уезда, показанных на чертежах из атласов С. У. Ремезова. Детализированный фрагмент рисунка 8. Номера соответствуют списку, приведенному в документе № 12 (глава 4).

Ил. 2. Карта части Иртыша и окрестностей Ямышевского озера с обозначением новопостроенной крепости и полевого лагеря войск И. Д. Бухолца. Ноябрь 1715 – февраль 1716 г. (глава 9). Публикуется впервые.

Источник: БРАН. Рукописный отдел. Собрание иностранных рукописей. F° 266. Т. 3. Л. 43 (чертёж № 169).

Ил. 3. Чертёж границы между Томский и Кузнецким уездами, утверждённой сибирским губернатором М. П. Гагариным в марте 1717 г. Копия 1757 г., выполненная с оригинала в Кузнецкой воеводской канцелярии (глава 12). Публикуется впервые.

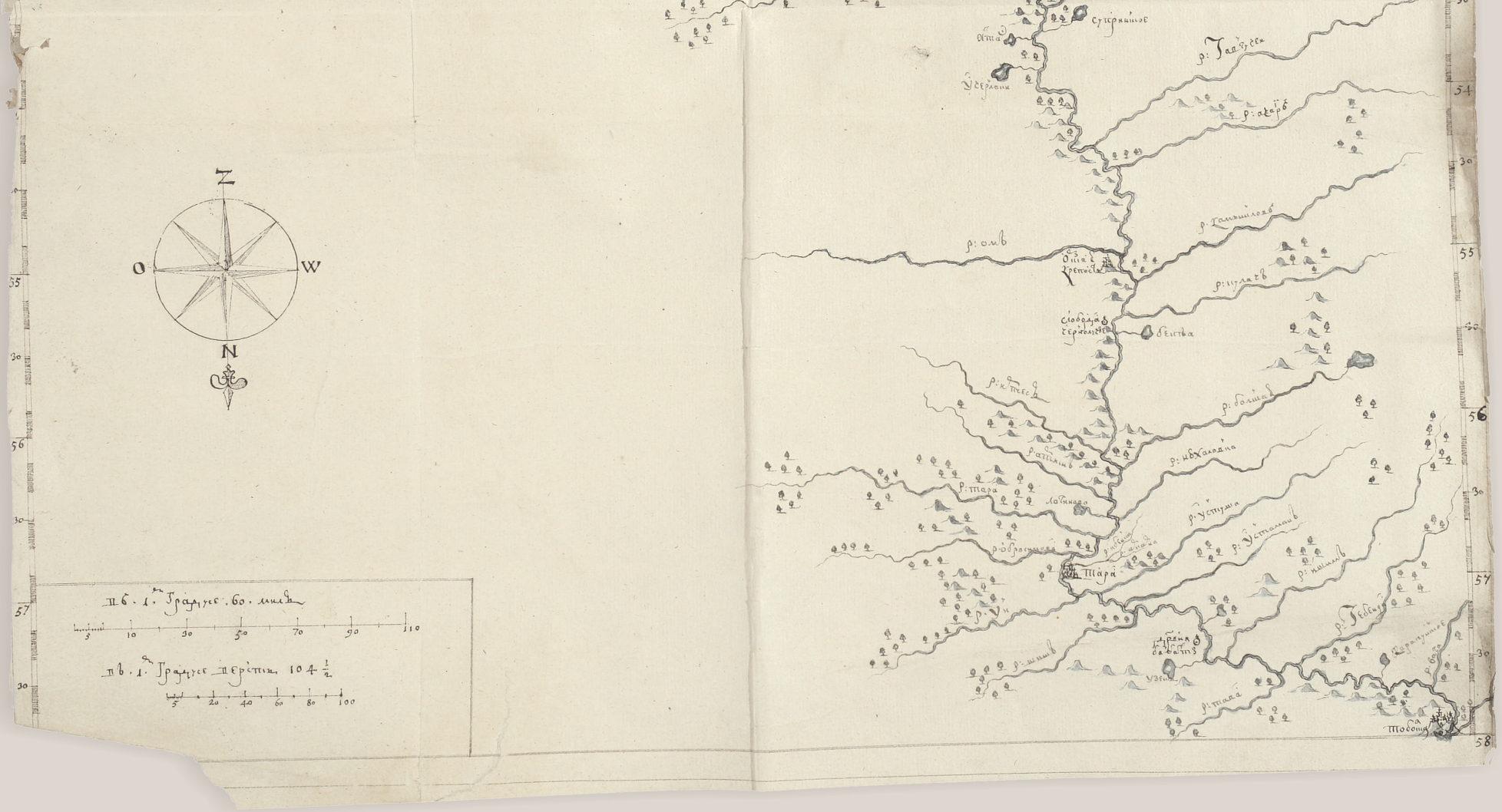
Источник: ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 93 об. – 94.

Ил. 4. Карта западной части Сибири и прилегающих районов Центральной Азии с обозначением новых Иртышских крепостей и предполагаемого пути в город Эркеть. Составлена в 1718 г., подана М. П. Гагариным в Сенат 1 февраля 1719 г. (глава 17).

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 16-а.

р. Сухая.
Тарим
р. Хандыт
Курлы
Турфань
Ирт. Дершина
Зайсан
Тара
Зимовье
р. Ишим
Тюмень
Сургут
Самаровской ям
Тобольск
Тара.
Нарым
Барабинские
Ведоти
Ямышевской
Ямышевской
Ямышевской

53
Камень
Косеев
Косеев
р. Ушма
р. Тавда
р. Тавда
Тобольск
Тюмень
Тюмень
Тобольск
Тобольск
Тобольск



Ил. 5. Карта течения Иртыша. Составлена по результатам инструментальных съёмок геодезиста Ивана Захарова, проведённых во время плавания 1719 года. Вычерчена Петром Чичаговым в октябре–ноябре 1719 г. (глава 19). Публикуется впервые.

Источник: РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 – входящие письма. Оп. 3. Кн. 47. Л. 53.

52
Каменъ Мустакъ
Дорога
Хотенъ
Хива
Бо́лшая бухарея
Кирѣ Пизы
Кайташа
Кочевье Ногмаунное
Озеро Норъ Ганса
Каменъ Мустакъ Ледензе Горы
Турфанъ

Ил. 6. Сводный чертёж течения Иртыша и прилегающих с юга земель Центральной Азии. Выполнен Петром Чичаговым в октябре—ноябре 1719 г. (глава 19). Публикуется впервые.

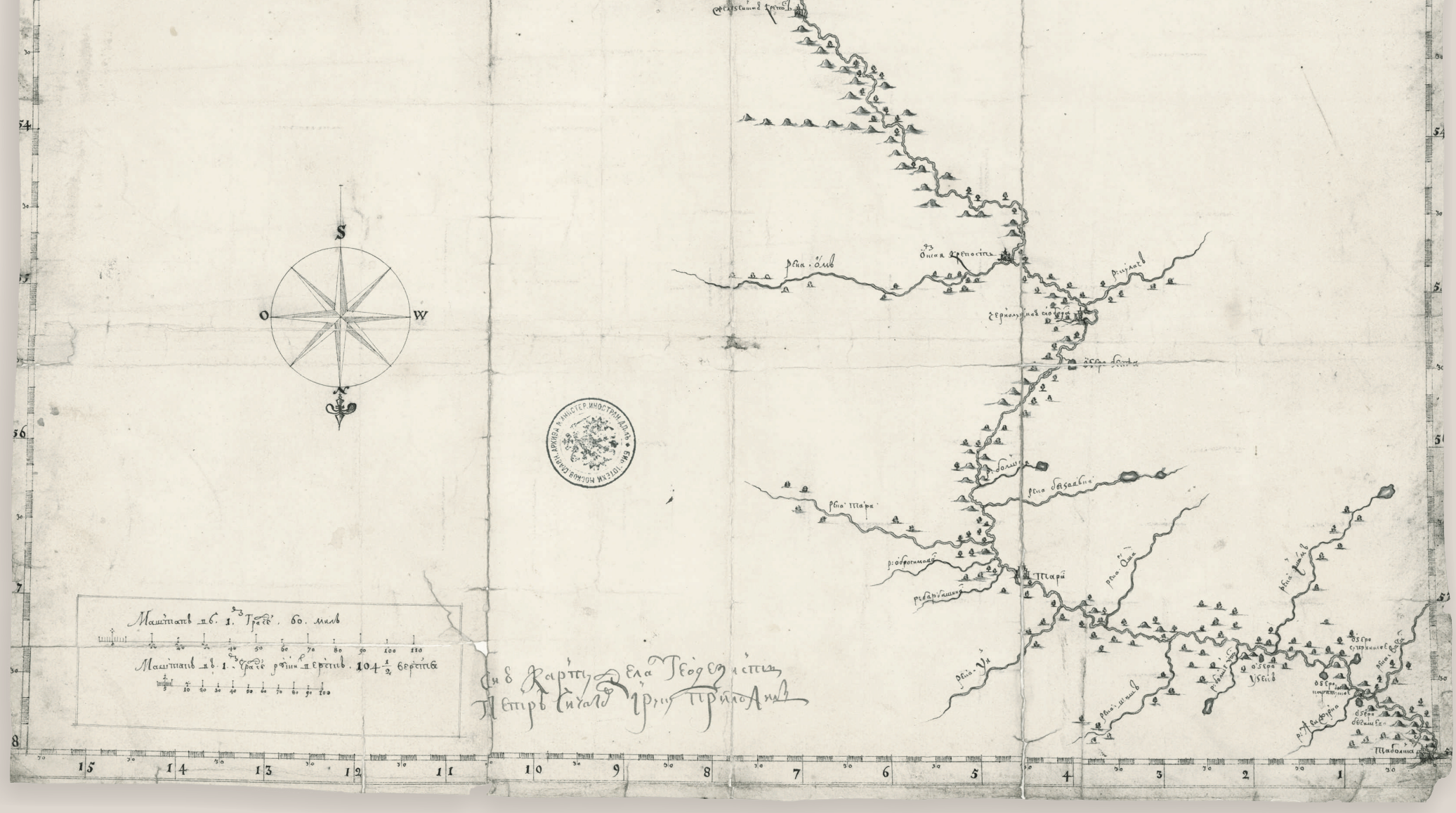
Источник: РГАДА. Ф. 9. Отделение 2 – входящие письма. Оп. 3. Кн. 47. Л. 52.

№ 3025
Каменъ Мустакъ
Дала Илама
Р. Чикма
Дорога
Р. Хотонъ
Р. Ерькенъ
Р. Кашка
Р. Амунъ дая
Бошая Бухарея
Киргизы
Каменъ Мусаудъ Ледяныя Горы
Каменъ Бело Етегунабанъ
Каменъ Тарбагатъ
Р. Кабанъ
Р. Бекау
Р. Кирьчу
Р. Илия
Р. Шека
Котпаиша
Казачья Ода
Море Папиное
Карапо Папи

Ил. 7. Сводный чертёж течения Иртыша и прилегающих с юга земель Центральной Азии. Выполнен Иваном Захаровым в октябре—ноябре 1719 г. (глава 19). Публикуется впервые.

Источник: БРАН. Рукописный отдел. Основное собрание рукописных карт. № 188.

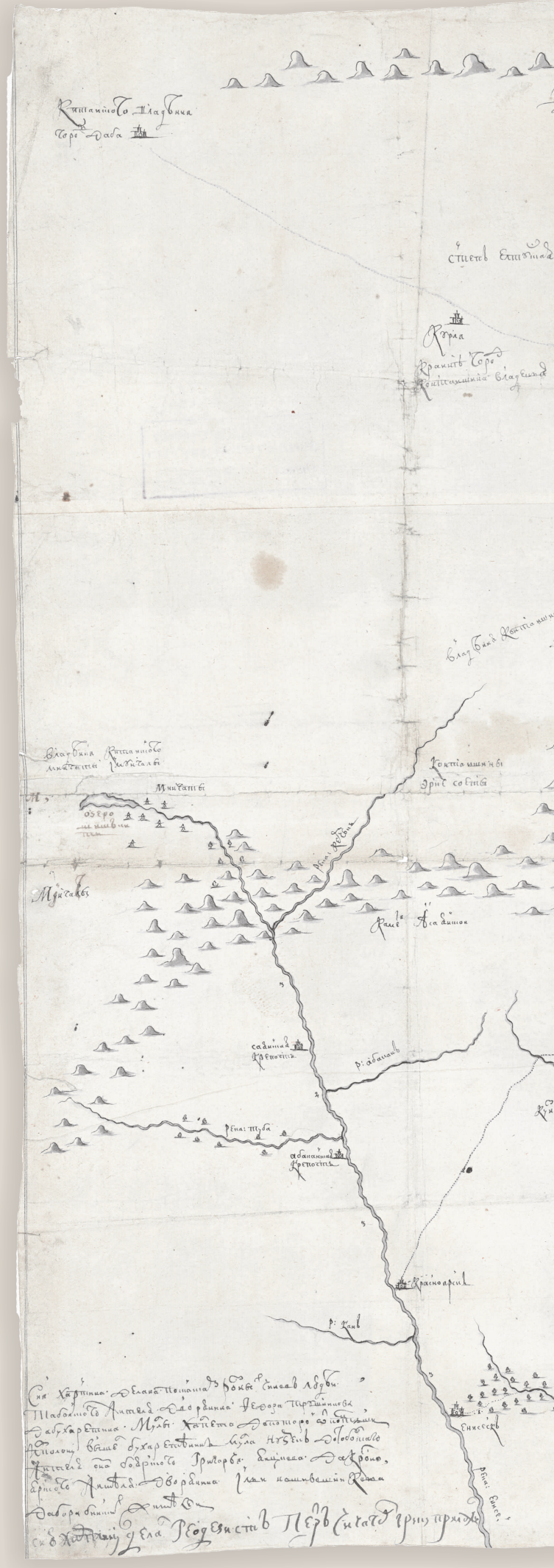
Каменъ
Усвятская крепость
Долонная крепость
Кременъ



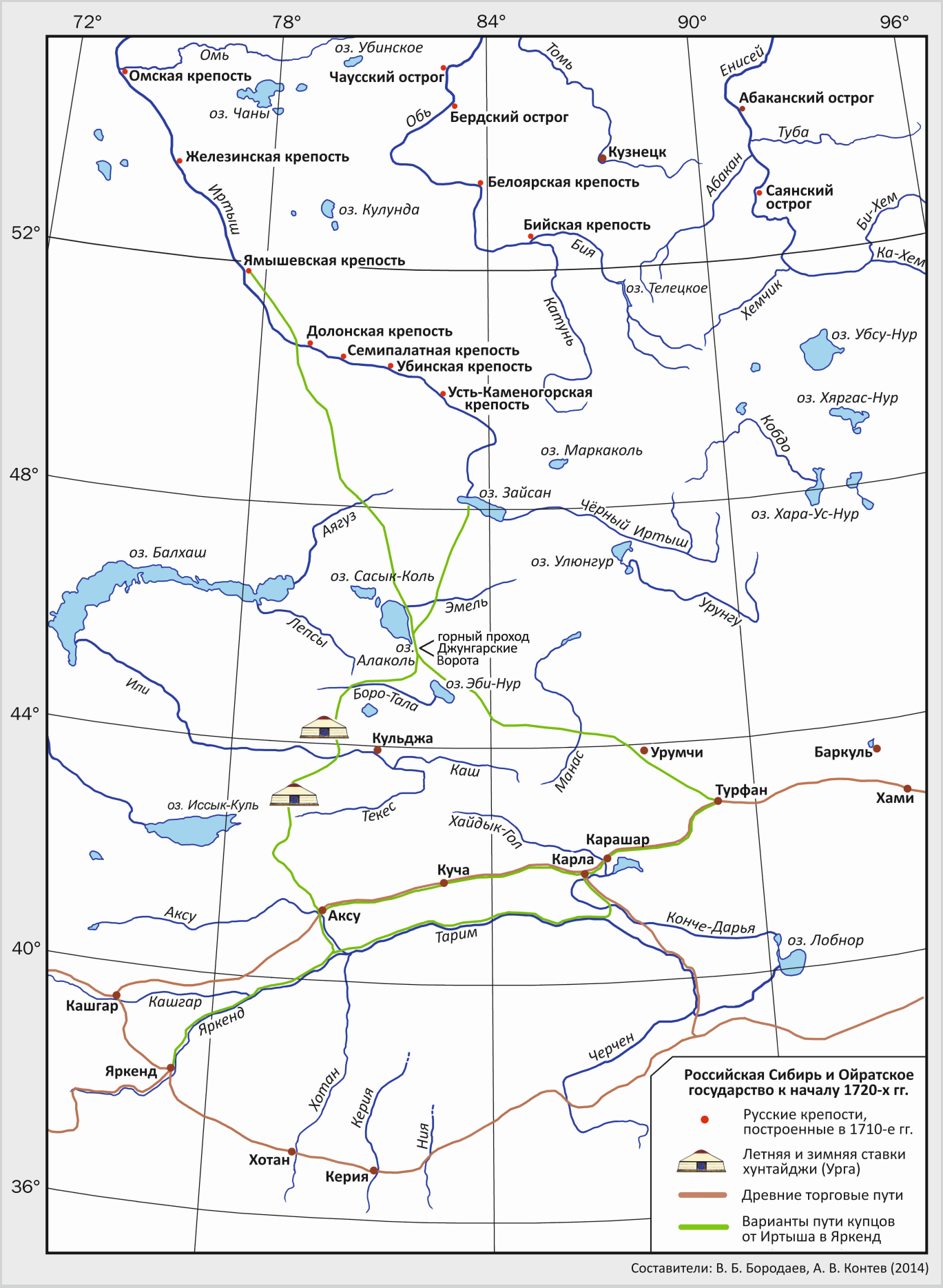
Ил. 8. Карта течения Иртыша. Составлена геодезистом Петром Чичаговым по результатам его инструментальных съёмок, проведённых во время плавания 1720 г. (глава 21).
Источник: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 37-б (оригинал с автографом П. Чичагова).

Ил. 9. Сводный чертёж («хартина») течения рек Енисея, Оби, Иртыша и прилегающих с юга земель Центральной Азии. Выполнен Петром Чичаговым в 1720 г. (глава 21).

Источник: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 34-3 (оригинал с автографом П. Чичагова).



Тюмень
Тара
Нарым
Сургут
Тобольск
Березов
Обь
Иртыш
Ишим
Тура
Пелым
Тавда
Сосьва
Лозьва
Конда
Демьянка
Вагай
Ик
Тобол
Ницинское
Ницинской
Ницинская
Ницинскую
Ницинскому
Ницинскими
Ницинскаго
Ницинскую
Ницинскою
Ницинскими
Ницинскаго
Ницинскую
Ницинскою
Ницинскими
Ницинскаго
Ницинскую
Ницинскою



Составители: В. Б. Бородаев, А. В. Контев (2014)

Ил. 10. Российская Сибирь и Ойратское государство к началу 1720-х гг. (главы 10, 21).

Научное издание

Бородаев Вадим Борисович
Контев Аркадий Васильевич

Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.

Документальная монография

Компьютерная вёрстка
Н. Л. Васильевой

Издательство АлтГПУ:
656031, Барнаул-31, ул. Молодёжная, 55

Подписано к печати 19.11.2015. Формат 60×90/8. Печать офсетная. Усл-печ. л. 50.
Гарнитура Selina. Заказ 595. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
Барнаул, пр. Красноармейский, 98а / ул. Мерзликина, 10
Тел. (3852) 62-77-25 E-mail: azbuka@dsmail.ru

Отзывы на книгу можно посылать по адресу: borodaev@uni-altai.ru

Уточнение к электронной версии книги

В печатной версии нашей книги приводятся разные даты основания Верхотомского острога: как 1657 г. (по Д.Я. Резуну) – рис. 32 на с. 193, рис. 42 на с. 251, так и 1665 г. (по И.Ю. Ускову) – с. 189, 372, рис. 67 на с. 375.

Уже после издания книги в поле зрения авторов попал документ, из которого следует, что Верхотомский острог был построен в 1670 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 716. Л. 1001 об. – 1002. Опубл.: Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири. Омск, 2005. С. 286–287).

Речь идет о «сказке», которую подал «Кузнетцкого острога иноземского списку Степан Круглик» в 1681 г. Рассказывая о своей службе в Томске, он сообщал: «И в прошлом же во РОИ-м году марта в КА де[нь] [21 марта 1670 г. – *Авт.*] по указу великого государя и по наказу столника и воеводы Микиты Андреевича Вельяминова да дьяка Василия Шпилкина велено мне, Стенке, из Томского ехат вверх по Томи реке великого государя служба служит[ь], и внов острог ставит[ь], и новоприсылных пашенных крестьян слободою строит[ь]. И я, Стенка, против указу великого государя и наказной памяти во всем великому государю служил и работал верою и правдою (// л. 1002) острог поставил, и слободу построил, пашенных крестьян хлебом и скотом заводил. А в остроге двор и караульню, и хлебные онбары поставил».

С учетом этого в текст электронной версии книги и в исторические карты внесены исправления.

В.Б. Бородаев
А.В. Контев

пости Посланое Апрѣля 12 дня.

Второмъ Пишетъ помнѣ Сто лошадей Унего пѣмбіни Отогнали Мало Невѣхъ тотъ Кураго побрали вполонъ Подошли пѣмцы Многолюдство Стоятъ вблизости Бирвностяхъ Абыли Мивъ Мо Гдрь вѣдомостѣ Сто Онъ Сте велѣ зимовѣ Ихать Кгетманъ Старо Пѣстоміна Іповха Сталъ Секретаръ Новѣдавъ Мо Гдрь Сто Сихъ пятемъ нипо Нипоѣли Прохать Немогно Сабѣ Сто Іть Побить Іли по Бранѣ;

Вѣхъ Млтѣ Исполнивъ Напамятова Мое Слово Сто я то звѣ вобранья Сто помнѣ лѣдѣ Прине быть Ненадобно Онамбіность Вто Стиля Наихо пяти. Немогно то нѣ Пялось.

И Сто Мо Гдрь Подошли Онъ Вмясто Лѣтомъ Опасенья бы Имѣть Недля его памятѣ Ниноѣли Хвлосѣй Онасъ Имѣлыхъ Невѣрѣ Нипрималыѣ лѣдехъ Попасенья Имѣть Онѣ Нетого Сто Подошли Пимцы Дрбнъ посимъ то гдъ Нисть Авидѣтвѣ было ему Іхъ.

Нодѣлное Мой Гдрь Напсонъ Мивъ Мивние тво Своимъ Писмомъ Пише вто пиѣмъ Сто Первое Сѣло Сего Майя хоѣ разорѣрвство Сто Амбышеѣть Іпять Свойни Наза вторіе Удѣ прекъ Оми или вталъ Щинъ Словодъ которая Отаръ вдѣ дня Сто Новоѣ выразумѣвъ Него помнѣ Писма Прило Сенной Присе Стого потне.

Онъ се Пише Стодца Писма Пола Одно вѣерахъ

Кна Сѣми ренѣ здѣла првностѣ для Полоѣсения Прихожанту Нѣсіанѣ Приказовъ

Нойсамъ а видѣтца Синмъ бѣдѣ велика Мо Гдрь Мивъ есть Нѣсѣда Месѣдъ праснова Арь Кнѣ знѣного здѣлать три города пѣтвмъ Мѣсто Сто доносивъ а его Цртому Велиѣсѣтву гдѣ три Шинностъ пупивъ Упромышленниновъ золотоназдво которое Прише Цртому Велиѣсѣтву здѣла Кнѣгуна Отоѣ послали Насмъ Отомъ бѣдѣ Старацца нивъ вомостно Проса Помощи Овца.

Ливамшевѣю првностѣ Послалъ Мо Гдрь Кн Сибряноѣ. хотя онъ гоступивъ вне Ливѣ Ливѣ Почина Онъ Нидѣтвѣ вне Проса Помо Овца дно Стамъ Слѣномъ.

Крѣпко Сте Мой Гдрь памѣти Бра Ина Пол Бѣни Немогѣть. Ниноѣли Ни Прилалыѣхъ лѣдехъ.

Сто Мой Гдрь Полномца впре Отоѣ Пишатъ бѣдѣ.

Отъ Мо Црь Еще Немала доноси я Ер Цртого Величества Кнѣ Показало Самое дѣло.

Войстинно Мо Гдрь Спѣшу твдѣло пѣво лосно Ноне здѣлавъ првностѣ Уялшева Пнеѣтава вне лѣдѣ водиль посла Ко Гдрь не Мосно. того ради Послѣ кнѣ втое прволѣ лѣдѣ Прияніту Впредѣдущее Лѣту Онѣлѣки водани Путе Удѣсать немогѣ.

Ер Цртое Величество Тако непотрѣвилъ Писмомъ отпрада несѣвъ

Посла Мо Гдрь тѣ Ровна донести Ово Ер Црто Величеству.

Ноября 26 дня

Господинъ в Маеѣрѣ

Пи'сма твой Стоболс
пи'санные донасъ в
дошли, в пото'рыхъ Со
Пи'шешъ ѡ дѣлахъ С
Сѣдопа ты забыш
Губернаторо Гага'ри
в тоболскѣ, нона нын
былъ Сто ты Пѣхал
Самъ Подданно ва'м
Ука Кзайса ѡзерт
для проптѣдыханья
ѡзолоте для о'смотр
подяного ходу, Іхоти
ты посылалъ тудо
Аѳицера Спиридатторо
онаго ѡни Совершенно
ото непроптѣдали, Ідля
того Повспрбтіи лѣт
Попѣса, тѣдыі Самъ
Ка'къ нанспоряе. АКТ
бернато, Сибирскомъ
Кнзъ Гернатомъ Упаз
дна'ѣ, да'лъ, Сто ѡнъ
ва'ѣ вѣдѣмъ Спадни'
Кашъ рѣпртами, та
а вѣлоряно
ѣмѣнницѣ Іпрочи, забы
тѣ низатъ ѡстонепи
нонемтвлъ; +

Ноѣбря 27 дня

Ваше Го Величества
Нижайшіе раслѣдадні
Надѣюрѣдва Іхаравъ

В. Б. Бородаев
А. В. Контев

Формирование российской границы

в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.

